

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская государственность: ОПЫТ 1150-летней истории

Материалы
Международной научной конференции
(Москва, 4–5 декабря 2012 г.)

Москва
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Р76

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Ю.А. Петров (отв. редактор),
д-р ист. наук С.В. Журавлев (зам. отв. редактора),
канд. ист. наук А.В. Юрасов (зам. отв. редактора),
д-р ист. наук А.П. Корелин, д-р ист. наук В.А. Кучкин,
д-р ист. наук Р.Г. Пихоя, д-р ист. наук Н.М. Рогожин,
д-р ист. наук В.В. Шелохаев

Научные редакторы:

д-р ист. наук И.А. Христофоров,
канд. ист. наук Е.В. Добычина

Рецензенты:

д-р ист. наук А.И. Аксенов,
д-р ист. наук М.Ю. Лукин

Р76 **Российская государственность: опыт 1150-летней истории:** Материалы Международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). — М., 2013. — 591, [1] с.

ISBN 978-5-8055-0255-3

В сборник включены статьи, подготовленные на основе докладов, прочитанных участниками Международной научной конференции «Российская государственность: опыт 1150-летней истории» (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). Представлены итоги многолетних научных исследований и последние достижения отечественной и зарубежной историографии в области изучения российской государственности со времени ее зарождения до начала XXI столетия. В центре внимания авторов — система государственного управления и институтов государственной власти, влияние государства на экономическое развитие, власть и общество, идеология власти, регулирование межэтнических и конфессиональных отношений в имперский и советский периоды, а также в современной России.

Для специалистов и всех интересующихся российской историей.

ISBN 978-5-8055-0255-3

© Институт российской истории РАН, 2013
© Российская академия народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Содержание

<i>Ю.А. Петров</i> Предисловие	6

Раздел I. Средневековая Русь IX—XVII века

<i>А.А. Горский</i> «Древнерусское государство» IX—XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии.....	11
<i>Н.В. Сеницына</i> Опыт прочтения летописной статьи 862 г.	15
<i>П.С. Стефанович</i> Элита Древнерусского государства (конец X — первая половина XIII вв.)	39
<i>В.А. Кучкин</i> Русские княжества второй половины XI—XV вв.	50
<i>П.В. Лукин</i> Новгородское вече в XIV—XV вв.: политический институт или неорганизованная толпа?	59
<i>Н.М. Рогожин</i> Государственность России XVI—XVII веков: власть и общество	72
<i>Н.А. Соболева</i> Политика русского правительства в отношении Казанского края в XVI—XVII вв. (по материалам казанской эмблематики).....	80
<i>В.И. Иванов</i> Закрепощение крестьян в России: подходы современной историографии	88
<i>И.О. Тюменцев</i> Вольное казачество в смутное время в России начала XVII в.	99
<i>Д.В. Лисейцев</i> Приказная система Московского царства: административная практика XVI—XVII вв.	115
<i>О.В. Новохатко</i> Эффективность государственного управления во второй половине XVII в.	120
<i>Е.Н. Швейковская</i> Самоуправление в России XVI—XVII вв.....	130

Раздел II. Российская империя. XVIII — начало XX века

<i>Е.В. Анисимов</i> Государственность Петра Великого	145
<i>Л.Ф. Писарькова</i> Государственное управление России в конце XVIII — первой четверти XIX в.: исторические вехи.	149
<i>В.Я. Гросул</i> Власть и общество в России XIX века	162

<i>И.В. Ружицкая</i>	
«Просвещенные» бюрократы первой половины XIX в. — новый тип российского чиновника: опыт характеристики.....	168
<i>Н.Г. Королёва</i>	
Власть и земство: проблемы взаимоотношений.....	173
<i>Г.Н. Бибииков</i>	
III отделение собственной его императорского величества канцелярии: этапы изучения	182
<i>А.С. Минаков</i>	
Институт губернаторства в системе государственного управления пореформенной России.....	192
<i>Г.Н. Ульянова</i>	
Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в.	199
<i>А.П. Корелин</i>	
Закат Российской империи	211
<i>В.В. Шелохаев</i>	
Эволюция государственного строя России в условиях системного кризиса начала XX века (некоторые замечания к постановке проблемы)	221
<i>С.В. Тютюкин</i>	
Начало Первой мировой войны и российская государственность.....	227
<i>И.М. Пушкарева</i>	
Власть, оппозиция и общество накануне падения самодержавия в России в новейшей историографии.....	236
<i>Л.С. Гатагова</i>	
Имперская политика на окраинах: опыт управления Кавказом (XIX — начало XX вв.).....	248
<i>В.Ф. Солдатенко</i>	
Украинские интеллектуалы и поиск модели рационального национально-государственного устройства России: исторический дискурс.....	256
<i>А.Ю. Бахтурина</i>	
Государственная власть и общественно-политическая элита на Западных окраинах Российской империи (1905—1907 гг.)	272

Раздел III. Государственность советского и постсоветского периода

<i>В.П. Булдаков</i>	
Разрыв и преемственность в исторической судьбе советской государственности	287
<i>Н.И. Никитин</i>	
Российская государственность и некоторые особенности российского менталитета	300
<i>А.К. Сорокин</i>	
Советский Союз: еще раз к вопросу о национальном ответе	316
<i>В.Т. Третьяков</i>	
Советский Союз: генезис и феноменология (тезисы выступления)	322
<i>Т.С. Кондратьева</i>	
Представления о власти и формирование элит в СССР и дореволюционной России	326
<i>А.К. Соколов</i>	
Советы как форма государственной власти в СССР.....	333
<i>А.В. Голубев</i>	
Власть и общество в контексте советской модернизации	343

<i>В.С. Христофоров</i> Спецслужбы в советской системе власти	356
<i>М.К. Шацлло</i> Российские крупные предпринимательские организации и власть в период Гражданской войны	381
<i>И.Б. Орлов</i> Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения	387
<i>Т.М. Смирнова</i> «Бывшие люди» — социальная категория или элементидеологической риторики: к вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России	396
<i>О. Великанова</i> Российское крестьянство и modernity. Новые элементы политического поведения и идентичности в начале XX века.....	407
<i>О.М. Вербицкая</i> Преимственность и новации в российских аграрных реформах XX века.....	418
<i>Г.А. Куманев</i> О мобилизации экономики Советского государства и ее военной перестройке в первый год Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — июнь 1942 г.)....	433
<i>О.В. Будницкий</i> К истории и типологии коллаборационизма в период Великой Отечественной войны.....	458
<i>В.А. Невежин</i> Представители советской элиты на больших кремлевских приемах И.В. Сталина (вторая половина 1930-х — 1940-е гг.).....	470
<i>Д.В. Веденеев</i> Вооруженный конфликт на Западной Украине в контексте геополитического межблокового противостояния в послевоенном мире (1940—1950-е гг.).....	482
<i>Г.В. Костырченко</i> «Еврейский вопрос» в национальной политике СССР.....	491
<i>И.В. Быстрова</i> СССР и холодная война: итоги и перспективы изучения.....	497
<i>В.Б. Жиромская</i> История российского населения XX века в зеркале демографии	513
<i>Р.Г. Пихоя</i> Власть. Номенклатура. Собственность. Об одной из причин распада СССР.....	523
<i>В.Э. Бойков</i> Реформы 1990-х — 2000-х гг. в исторической памяти российского общества (социологический анализ).....	535
<i>Н.Ф. Бугай</i> Трансформации государственного обустройства России: XX—XXI вв.	545
<i>И.Б. Дидигова</i> Некоторые тенденции обустройства народов Северного Кавказа в новых условиях развития федерализма.....	561
<i>Ф.В. Малхозова</i> Верховный Совет Российской Федерации (1990—1993 гг.) и его место в возрождении российского парламентаризма.....	569
<i>В.С. Шилов</i> Европа и Россия в постсоветский период	576
Сведения об авторах	588

Предисловие

Для исторического сообщества России 2012 г., объявленный Президентом Российской Федерации Годом российской истории, прошел под знаком важнейших юбилеев: 1150-летия российской государственности, 400-летия окончания Смутного времени, 200-летия Отечественной войны 1812 г.

В рамках обширной программы юбилейных мероприятий одним из наиболее значимых событий стала Международная научная конференция «Российская государственность: опыт 1150-летней истории», которая прошла в Москве 4–5 декабря 2012 г. Конференция подвела своеобразный итог целой серии общественных и научных форумов, на которых обсуждались вопросы зарождения и эволюции российского государства. Организаторами конференции выступили Институт российской истории Российской академии наук и Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Конференция собрала ученых разных поколений и научных школ из России, а также представителей научных сообществ Украины, Франции, Италии, Великобритании и США — всего более 80 участников. В их числе не только историки, но также экономисты, юристы, политологи. В центре внимания докладчиков оказался многовековой опыт российской государственности, проблема исторической преемственности различных форм отечественной государственности — со времени ее зарождения до начала XXI столетия.

Государство занимало и занимает особое место в истории России. Государственность — это исторически сложившаяся система представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления. Идеи государственности появились одновременно с возникновением Древнерусского государства; они отражали реальный политический процесс складывания единого Российского государства, обосновывали необходимость борьбы с иноземными захватчиками, восстанавливали государство после войн и смут.

Российское государство являлось закономерным, логическим этапом развития и исторической нормой сложноорганизованной социальной и этнотерриториальной системы. С момента своего возникновения оно было полиэтничным, получило уникальный и во многом позитивный опыт управления страной, населенной множеством различных по языку и культуре народов. Занимая внутреннее пространство Центральной Евразии, Россия являлась и остается «осевым» районом мировой политики. Российское государство традиционно осуществляет миссию «держателя равновесия» между Востоком и Западом.

Процесс превращения маленького княжества на восточной окраине Европы в могущественную евразийскую державу, раскинувшуюся от Балтики до Тихого океана, занял несколько столетий. Он сопровождался присоединением к России множества новых территорий, населенных различными этносами, и последовательным политико-административным освоением новых земель. За рубежом, в том числе в бывших союзных республиках, существует стремление представлять Россию как до, так и по-

сле 1917 г. в роли «оккупанта» и «колонизатора», якобы эксплуатировавшего в своих имперских интересах ресурсы национальных регионов Российской империи и СССР и всячески препятствовавшего развитию государственности и культуры этих народов.

Большинство российских историков не приемлет такую трактовку и, соответственно, не считает время их пребывания в составе Российской державы «колониальным периодом»¹. История России показывает, как постепенно происходила адаптация множества народов на колоссальном евразийском пространстве. В отличие от классических «морских» империй Запада, здесь отношения между центром и регионами строились на принципиально иной основе, нежели отношения между метрополией и колониями, как в дореволюционный, так и в советский период нашей истории.

Важнейшей особенностью российского государства на всем протяжении его истории, включая и советский период, являлось положение имперообразующего этноса (русские не имели каких-либо преимущественных прав перед другими народами страны) и атмосфера национальной и религиозной терпимости, сложившаяся благодаря не только политике правительства, но и облегчающему эту политику менталитету русского народа. «Россия, — справедливо подчеркивал Президент Российской Федерации В.В. Путин, — возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»².

Сегодня перед современной Россией стоят задачи не отрицания и преодоления наследия имперского или советского прошлого, на чем настаивают некоторые круги общественности, а осознания неразрывности и преемственности развития страны, сколь круты бы ни были повороты ее истории. Многовековая история совместного жительство в рамках единой страны многих народов и наций, цивилизаторская функция русских в этом процессе служат основой для развития национального достоинства и формирования гражданской нации — российского народа³.

Конференция внесла заметный вклад в осмысление многовекового исторического пути отечественной государственности. Основная часть докладов касалась таких тем, как система государственного управления и институтов государственной власти, государство и экономическое развитие, власть и общество, идеология власти, регулирование межэтнических и конфессиональных отношений в имперский и советский периоды, а также в современной России.

В рамках конференции состоялись пленарное заседание и четыре секции: «Средневековая Русь (IX—XVII века)», «Российская империя (XVIII — начало XX века)», «Государственность советского периода» и «Государственность постсоветской России». В соответствии с этими хронологическими блоками выстроена и структура настоящего сборника, включающего статьи, подготовленные участниками конференции на основе прочитанных докладов.

Большая часть статей носит обобщающий характер, их авторы подводят итоги многолетних научных исследований. Основная цель настоящего сборника — пока-

¹ См.: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012.

² Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

³ См.: Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

зять последние достижения отечественной и зарубежной историографии в области изучения российской государственности. Авторы еще раз обращаются к летописной статье 862 г. из «Повести временных лет» (Н.В. Синецкая), рассматривают периодизацию истории Древнерусского государства (А.А. Горский), древнерусские княжества XI—XV вв. (В.А. Кучкин), феномен Новгородского веча (П.В. Лукин), элиту Древнерусского государства (П.С. Стефанович), государственность России XVI—XVII вв. (Н.М. Рогожин), становление империи при Петре I (Е.В. Анисимов), развитие системы институтов государственной власти с конца XVII до начала XIX в. (Л.Ф. Писарькова), власть и общество в Российской империи XIX в. (В.Я. Гросул), эволюцию государственного строя России в начале XX в. (В.В. Шелохаев), разрыв и преемственность государственности в советский период (В.П. Буддаков), советы как форму государственной власти (А.К. Соколов), становление федерализма в современной России (Н.Ф. Бугай).

Важное место в сборнике занимают статьи о роли государственных институтов в условиях революций и системного кризиса (С.В. Тютюкин, А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, М.К. Шацлло, А.Ю. Бахтурина, Ф.В. Малхозова). Отдельные авторы остановились на проблематике международных отношений (И.В. Быстрова, В.С. Шилов), военной истории (Г.А. Куманев, О.В. Будницкий). Политике имперской власти в отношении национальных окраин в дореформенной России и национальной политике Советского Союза посвящены статьи Н.А. Соболевой, Л.С. Гатаговой, Г.В. Костырченко, А.К. Сорокина, Д.В. Веденева. В разных аспектах авторы статей рассматривают такие магистральные сюжеты отечественной истории как история политической элиты (Т.С. Кондратьева, В.А. Невежин), местного самоуправления (Е.Н. Швейковская, Н.Г. Королева), а также органов обеспечения государственной безопасности (Г.Н. Бибииков, В.С. Христофоров). Вопросам государственной политики в социальной сфере посвящены статьи В.И. Иванова, Г.Н. Ульяновой, Т.М. Смирновой.

22 мая 2013 г. скончался один из участников конференции, выдающийся историк, археограф и краевед С.О. Шмидт. Прозвучавший на декабрьском форуме доклад Сигурда Оттовича был посвящен проблеме власти государя в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и стал одним из последних публичных выступлений ученого. По словам Шмидта, Карамзин обеспечил истории, как науке и сфере общественной мысли, долготелее общественное признание. Ту же высокую оценку можно отнести и к творчеству самого Сигурда Оттовича.

Надеюсь, предлагаемый вниманию читателя сборник будет интересен не только профессиональным историкам, но и всем гражданам России, интересующимся более чем тысячелетней историей нашей страны.

*Ю.А. Петров,
д-р ист. наук,
директор Института российской истории РАН*

Раздел I
Средневековая Русь
IX—XVII века

А.А. Горский

«Древнерусское государство» IX—XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии

В отечественной истории IX—XI века традиционно рассматриваются как эпоха «Древнерусского государства». В учебной литературе и на исторических картах можно встретить указания на точные до года хронологические рамки его существования вроде «882—1132». Между тем это были столетия динамичного политического развития, в котором можно выделить три этапа и увидеть наметки четвертого. Эти этапы таковы: 1) существование восточнославянских догосударственных общностей, 2) формирование государства Русь, 3) единое государство и 4) начало перехода к политической раздробленности.

При описании политического развития Руси указанного периода в исторической литературе традиционно используются такие понятия, как *племена* и *княжества*. Восточнославянские общности, о расселении которых рассказано во вводной части «Повести временных лет» (поляне, древляне, вятичи, кривичи и другие) определяются как *племена* (вариант — *союзы племен*). На их месте в IX—X вв. формируется *государство Киевская Русь*. В его составе существуют *княжества*. В XII в. *Киевская Русь* распадается, и политические образования, сложившиеся на ее территории, также принято называть *княжествами*.

Слова *племя* и *княжество* производят впечатление древних, из-за чего у читателей-неспециалистов может возникнуть иллюзия, что они бытовали в тех же значениях, в которых ныне используются наукой, и в изучаемую эпоху. Но это далеко не так. Слово *племя* известно в раннее Средневековье, но оно никогда не применялось к догосударственным славянским общностям. В «Повести временных лет» это слово встречается в значении «потомки» — при изложении библейских сюжетов («племя Афетово», «племя Хамово»), по отношению к аварам («их же несть племени, ни наслѣдка»)¹. Восточнославянские группировки, о расселении которых по Восточной Европе в летописи подробно рассказано, как «племена» не обозначаются ни разу².

Слово *княжество* впервые встречается только в конце XIV века. Причем вначале оно употребляется лишь на юго-западе древнерусской территории, на галицко-волынских землях, принадлежавших литовским и польским князьям³. Первый

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 4—5, 7, 12, 20, 93, 96—97, 183, 234.

² Историографическая традиция применения к славянским общностям раннего Средневековья этого термина столь устойчива, что порой сбивает с толку даже специалистов: см. работу, в которой всерьез утверждается, будто автор «Повести временных лет» из всех терминов, обозначавших в древнерусском языке этнические общности, выбрал слово *племя*, и «последовательно» (!) применял его к общностям восточных славян (*Tolochko O.P. The Primary Chronicle's "Ethnography" Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols, 2008. P. 170—172, 179*).

³ В форме *князьтво*: Грамоти XIV ст. Київ, 1974. № 24. С. 50 (1375 г.); № 28. С. 59 (1378 г.); № 29. С. 61 (1378 г.). Ранее существовало слово *княжение*, но оно в домонгольский период не применялось в значении «подвластная князю область», основным его значением

известный случай употребления термина «княжество» по отношению к Московской Руси относится к 1494 г.: в договоре Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем в тексте грамоте, направленной от литовского князя московскому (т.е. отображающей литовско-русскую терминологию), «великими княжествами» названы принадлежащие Ивану Новгород, Псков и Тверь⁴. Речь идет о частях уже единого Московского государства, т.е. о территориальных единицах, которые в историографии «княжествами» как раз не именуются. Налицо парадокс: источники начинают употреблять термин *княжество* тогда, когда, согласно историографии, «княжества» перестают существовать...

Понятия *государство* и *Киевская Русь* в раннее Средневековье также не существовали: слово *государство* в значении, близком современному, начинает употребляться лишь в XV столетии⁵, а эпитет *Киевская* по отношению к Руси появился только в историографии XIX столетия (а популярность приобрел лишь в веке двадцатом)⁶. Таким образом, для описания этапов политического развития Руси IX—XI вв. применяются термины, либо являющиеся анахронизмами (*княжество*, *государство*, *Киевская*), либо имевшие в Средневековье иное значение (*племя*). При этом слово *княжество* употребляется мало того, что по отношению к эпохе, когда его еще не существовало, но и не в том значении, которое ему придавалось.

Необходимость вводить термины, не бытовавшие в изучаемую эпоху, возникает в науке тогда, когда то или иное явление не получило специального определения у современников. К нашему случаю это, между тем, не относится: для этапов политического развития Руси IX—XI вв. обозначения в источниках имеются. Правда, славянские догосударственные общности у самих славян особого *terminus technicus* не получили⁷. Но такой термин был изобретен в наиболее развитом государстве раннего Средневековья — Византийской империи. Здесь славянские группировки раннего Средневековья называли «славиниями» (*Σκλαβηνία*, *Σκλαβνία*) — словом, образованным путем прибавления окончания к общеславянскому самоназванию (ст.-слав. *словъне*, греч. *Σκλαβηνοί*)⁸. Чаще всего так именуется в византийских источниках политические образования ближайших соседей Империи — южных славян, но аналогичный термин прилагался и к славянам западным и восточным. Так, император Константин VII Багрянородный в середине X в. в своем трактате «Об управлении империей», рассказывая о восточнославянских общностях,

---

было «княжеская власть, правление» (см.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 1397—1398; в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (Т. 4. М., 1991. С. 360—361) приведены четыре примера из домонгольского периода употребления слова *княжение* в территориальном значении, но безосновательно — во всех случаях под *княжением* имеется в виду княжеский стол).

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 83. С. 329, 332.

⁵ См.: *Золтан А.* К предистории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 578—579, 587—588.

⁶ См.: *Толочко А.П.* Химера «Киевской Руси» // Родина. 1999. № 8.

⁷ Территории тех или иных славянских группировок обозначались словами, образованными от этнонимов их населения: например, *вятичи* было и названием народа, и территории, которую он занимал; территория древлян называлась *дерева* или *деревы* (см.: *Горский А.А.* Земли и волости // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 12—13).

⁸ См. об этом термине: *Литаврин Г.Г.* Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

зависимых от киевских князей, определял их как «славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев»⁹ (т.е. древлян, дреговичей, кривичей и северян).

Сформировавшееся в течение IX—X вв. государство именовалось *Русь*¹⁰ или *Русская земля*. Обе эти формы присутствуют уже в договоре Олега с Византией 911 г. — древнейшем отечественном письменном источнике («в Рускую землю», «пришедшимъ в Русь», «приходящим в Русь», «и да поимуть в Русь», «възратиться в Русь», «възвращен будет не хотя в Русь»)¹¹. Именно словом *земля* с тем или иным территориальным определением в Средневековье обозначали то, что ныне подразумевается под понятием «суверенное государство». В древнерусских источниках, помимо *Русской земли*, встречаем словосочетания «Греческая земля» (Византия), «Лядская земля» (Польша), «Угорская земля» (Венгрия), «Болгарская земля» и другие¹².

Составные части «Русской земли», управлявшиеся наместниками ее верховного правителя — киевского князя, именовались *волостями*. Этот термин дожил до XX столетия, при этом с XIV в. им обозначались небольшие административные округа, объединявшие несколько сельских поселений и города на своей территории не имевшие. В историографии такое значение понятия *волость* часто распространяется и на домонгольский период, но для этого нет оснований. В источниках XI — начала XII в. *волость* выступает как крупная территориальная единица, имеющая центром город, причем город стольный (с княжеским столом). При этом понятие *волость* (восходящее к глаголу «владеть») в данный период связано с владетельными правами исключительно князя, волости определяются по князьям, а не городам-центрам. Общее количество волостей, на которые делилась *Русская земля*, в XI — начале XII в. колебалось от одного до двух десятков¹³.

В XII столетии крупные волости начинают называться в источниках *землями* — т.е. так, как было принято обозначать суверенные государства. Появление в источниках нескольких *земель* (Полоцкой, Новгородской, Черниговской, Суздальской, Галицкой, Волынской, Смоленской, несколько позже — Рязанской, Пинской, Муромской, Псковской; отметим, что *земли*, в отличие от *волостей*, определялись по главным городам) вместо одной *Русской земли* связано с обретением этими политическими образованиями фактической самостоятельности (при сохранении формального главенства киевского князя): они получили право именоваться *землями*, поскольку начали оцениваться современниками как независимые. Таким образом, с XII в. на Руси складывается система более чем десятка государств, определявшихся как *зем-*

⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 50—51. Заметим, что использование по отношению к этим группировкам термина *племя* неверно и в случае, если под «племенем» подразумевать только условный научный термин. В современной политической антропологии признается, что между племенной стадией развития и государством существовал переходный этап — т.н. «вождеств» (англ. *chiefdom*); славянские раннесредневековые догосударственные общности по всем признакам относятся именно к «вождествам», а не к племенам (см.: Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 32—48).

¹⁰ Словом *Русь* в раннее Средневековье называли как страну, так и народ, причем *русью* именовались и отдельные группы людей, к нему принадлежащих (часто встречающейся в литературе формы множественного числа — «руссы» — не существовало, формой же единственного числа от *русь* было *русин*).

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 35—37. Аналогичная картина — в договоре с Византией Игоря 944 г. (Там же. Стб. 47—48, 51, 53).

¹² См.: Горский А.А. Земли и волости. С. 12.

¹³ См.: там же. С. 13—18.

ли. Термин *волость* по-прежнему продолжает использоваться, но преимущественно для обозначения владений того или иного князя в пределах *земли*. На новом, региональном уровне воспроизводилась структура прежнего единого государства: *земля*, в ее составе — *волости*¹⁴.

Итак, для описания эволюции территориально-политической структуры Средневековой Руси нет необходимости использовать искусственные термины и термины-анахронизмы (что создает путаницу¹⁵ и неизбежно вводит в заблуждение читателей). Разумеется, понятия «государство» и «государственность» в современном научном смысле будут продолжать применяться. Но для обозначения этапов развития государственности вполне достаточно терминов, употреблявшихся современниками. Место мифических «племен» и «княжеств» должны по праву занять реально существовавшие *славинии* (с оговоркой, что это византийский термин), *земли* и *волости*.

---

¹⁴ См.: там же. С. 19—30.

¹⁵ Особенно это относится к термину *княжество*, которым именуют без разбора три принципиально разных по характеру типа политических образований: 1) *волости* — территориальные единицы в составе *Русской земли* XI — начала XII в.; 2) *земли*, на которые *Русская земля* распадается в XII столетии; 3) *волости* — княжеские владения в составе *земель* XII—XIII вв.

Н.В. Синецкина

Опыт прочтения летописной статьи 862 г. (был ли норманистом составитель «Повести временных лет»)

...Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила да мера намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых.
Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до царьградских святынь не дошла...

А. Блок

Статья 862 г. в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) описывает факты, входящие в ряд других событий 60-х гг. IX в., которыми был ознаменован этот период в истории Восточной Европы: начало просветительской миссии Кирилла и Мефодия (863 г.), описанной в ПВЛ под 898 г., крещение болгар, упомянутое в летописи под 858 г. и 869 г., первое («Фотиево») крещение Руси (между 860—867 гг., вошедшее в русское летописание и хронографию в первой четверти XVI в.), поход Руси на Константинополь 860 г. (упомянутый в летописи в статье 852 г. и более подробно описанный под 866 г.). Не менее важный смысл имеют и события на Руси в статье 862 г. и примыкающих к ней статьях 852 г., 882 г. Содержание и смысл этих событий предстоит определить, выяснив их место в исторической концепции летописца. Эти статьи посвящены началам русской государственности.

В статье 862 г., кроме того, имеется несколько высказываний, использовавшихся как источник для доказательства так называемой «норманнской теории» о происхождении имени «Русь», княжеской династии и о роли скандинавского элемента в ранней истории Древнерусского государства. «Норманистом» называли составителя ПВЛ М.Д. Приселков, Д.С. Лихачев, следуя за А.А. Шахматовым¹, несколько суждений летописца, лаконичных и амбивалентных, сделались острием конструкции, которая более двухсот лет вызывает острую полемику, центр которой находится в статье 862 г. и отчасти 882 г. При этом отдельные положения летописца часто цитируются и толкуются разрозненно, в отрыве от контекста. Не вызывает сомнений смысл некоторых высказываний в указанной статье, таких, например, слов, часто цитируемых представителями противоположных направлений:

И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля.

Казалось бы, что может быть убедительнее? Однако более внимательный анализ показывает, во-первых, что фраза Лаврентьевской летописи искусственно оборвана, отсечено ее окончание; подлинный же ее состав таков (подробно далее):

И от тѣхъ *варягъ* прозвася Руская земля новгородцы².

Фразу следует переводить так: «И от тех варягов прозвались Русской землей новгородцы» («Новгородье», по другим вариантам текста).

¹ Приселков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 76—77. Л., 1940. С. 39; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 158.

² ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Стб. 20.

Тем самым высказывание приобретает совершенно иной смысл, говоря не о получении имени всей Русской землей от варягов, а о новгородской идентичности (см. тезис третий). Требуют уточнения и другие лаконичные утверждения в статье 862 г., допускающие разные трактовки, в особенности когда они рассматриваются вне контекста. Во-вторых, слова «прозвася Руская земля» (или «русь») повторены в статьях, датированных IX в., еще три раза, но во всех четырех случаях с разными смыслами. Анализ четырех высказываний будет основным содержанием предлагаемых заметок. Наконец, в-третьих, статья 862 г. имеет разные редакции в списках «Повести временных лет» и в Новгородской первой летописи младшего извода (далее НПЛ), отразившей предшествующий ПВЛ Начальный свод 90-х гг. IX в.

ПВЛ была создана в пределах второго десятилетия XII в., но вопрос о количестве, последовательности, соотношении редакций остается объектом дискуссий³. Последовательный анализ содержания статьи в разных ее вариантах ведется с преимущественным вниманием к терминам, поскольку ключевые (такие как «русь», «варяги», «Русская земля» и др.) имеют разный смысл и в пространстве статьи, и в неразрывно связанных с ней статьях за IX в., и во вступительной статье, которые также будут привлечены к исследованию. Выявляется историческая концепция летописца, особенно в той ее части, которая посвящена началам государственности, начальной истории Руси.

После краткой информации о дани варягам (статья 859 г.) и об их изгнании сообщается, что совокупность племен, осознав несовершенство своего социального и политического бытия, обращается к варягам с приглашением «княжить и володѣти».

1. **Тезис первый.** Отсутствие в ПВЛ полного, абсолютного отождествления «варягов» и «руси».

Идоша за море къ варягомъ, к руси.

Сице бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зъвутся свие,
друзии же урмане, ангыляне, друзии гъте,
такo и си... и избрашася 3 братья с роды
своими, пояша по собѣ всю русь и придоша⁴.

Во второй фразе («ся зваху **тыи** варязи русь») ключевое значение имеет указательное местоимение «тыи», т.е. «те», означающее, что «русью» назывались не все варяги, но лишь те, к которым обратились посланцы племен. Это наблюдение было сделано еще В.О. Ключевским, писавшим про «партию **других** (выделено мною. — *Н.С.*) варягов, которых звали Русью» и которых «наняли для обороны от дальнейших нападений»⁵.

«Русь» и «варяги» соотносятся в статье 862 г. не как тождество, но как часть и целое. «Русь» — дополнение, ограничивающее объем понятия «варяги». Но когда, где и почему «варяги» получили второе имя «русь», остается за пределами знаний (или интересов) летописца.

³ О трех редакциях ПВЛ см.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечание. Пг., 1916. С. II—XI; *Творогов О.В.* Повесть временных лет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I. С. 337—343; *Клосс Б.М.* Повесть временных лет // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Под ред. Я.Н. Шапова. СПб., 2003. С. 21—22.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 20.

⁵ *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 142—144.

Третье чтение, в котором сопряжены русь и варяги («пояша по собѣ всю русь»), казалось А.А. Шахматову «неправдоподобным»⁶. Но оно становится ясным, если «русь» и «варягов» понимать не как тождество, а как часть и целое. Всю русь, но не всех варягов!

По смыслу статьи, отнюдь не все варяги были русью. Другими словами, имя русь не является органической принадлежностью всех варягов, их исконным именем, имманентной характеристикой всех варягов. Часть варягов названа русью, но распространение этого имени на всех варягов и тем самым их отождествление является логической ошибкой, неадекватным прочтением текста.

Следует подчеркнуть, что сопряжение варягов и руси происходит на очень ограниченном пространстве летописного текста — только в статье 862 г. и всего 4 случая (о четвертом см. тезис третий). Оно отсутствовало во вступительной статье. В статье 859 г. говорится о дани варягам — без руси. Даже еще в начале статьи 862 г. об изгнании варягов они тоже имеют единственное имя. Далее, в рассказе о приглашении и приходе находится процитированный пучок упоминаний варягов-руси. Но уже в конце статьи он исчезает, варяги снова возвращаются с единственным именем: Аскольд и Дир, придя в Киев, «многи варяги съвокуписта». Следовательно, у Аскольда и Диры были какие-то другие варяги — не русь. И в дальнейшем изложении ПВЛ варяги и русь больше не стоят рядом, они разведены. Летописец осознает необходимость как-то объяснить второе имя, но может сообщить лишь, что это — этнос, рядоположенный другим, не может сказать о нем ничего иного, соотношение между ними никак не обозначено, какая-либо иерархия отсутствует. В перечне в одном ряду с русью названы варяги, свеи, урмане, англяне, готы; варяги и свеи рядоположены; русь — этнос, такой же как свеи, урмане и др. Следовательно, по логике от противоположного, русь — это не свеи, не урмане и т.д.

Представляет интерес тот вариант понимания и трактовки двойного имени варягов, который изложен в Летописце Переславля Суздальского:

И идоша за море к руси, к варягам,
сице бо зваху варягъ русью, яко се друзии зовутся свеи⁷.

Конец фразы трансформирован по сравнению с ПВЛ, перечень «других» народов укорочен, названы лишь «свеи». Но ограничился ли редактор простым сокращением? Не хотел ли он различить две группы: варягов-русь и других (варягов?)-свеев? Во всяком случае, в исходном тексте (в ПВЛ) варяги и свеи разделены.

Перечень этносов в статье 862 г. близок аналогичному перечню во вступительной статье; здесь он длиннее, но принципиальной разницы нет:

Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане,
гоме, русь, агняне, галичане, волххва, римляне,
нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии⁸.

Этот фрагмент часто трактуется в духе норманизма. Либо русь толкуется как вставка, либо (наиболее часто) из факта помещения руси в ряду германских и скан-

⁶ Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 75 (отд. оттиск).

⁷ ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 8.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 4.

динавских народов делается вывод о ее собственной скандинавской природе⁹. Но такое суждение правомерно лишь в рамках презумпции о тождестве варягов и руси. Вне этой презумпции, если соотношение варягов и руси остается пока искомой величиной, то нет оснований делать вывод об природе руси. При непредвзятом подходе данное словоупотребление следует характеризовать как нейтральное: варяги и русь — самостоятельные, независимые смысловые единицы. В перечне (как и в статье 862 г.) нет никаких данных, которые указывали бы на родственность свеев и руси, на их связь по происхождению. То, что они названы в одном ряду, вовсе не свидетельствует об их родстве; это — логическая ошибка.

Статья 862 г. в НПЛ (без даты) имеет другую редакцию:

И идоша за море къ варягомъ и рѣша:
земля наша велика и обильна, а наряда у насъ нету.
Да поидѣте къ намъ княжить и владѣть нами.
И избърашася 3 братия съ роды своими,
и пояша съ собою дружину многу, и придоша Новгороду¹⁰.

Нарращения «русь» к имени варягов, как видим, здесь нет в двух случаях («к варягом» вместо «к варягом к руси», «дружину многу» вместо «всю русь»), а третий (в перечне племен) отсутствует вместе с перечнем. Согласно разысканиям А.А. Шахматова, в НПЛ отражен Начальный свод 90-х гг. XI в. Применительно к анализируемому фрагменту это означало, что нарращение «русь» было сделано лишь во второй редакции ПВЛ (Сильвестра, 1116 г.)¹¹ Следовательно, на более ранних этапах истории летописного текста отсутствовало второе имя варягов — русь. Впрочем, суждения Шахматова об их соотношении отличались противоречивостью.

Что же касается нарращений-дополнений, сделанных Сильвестром, то сам Шахматов признавал, что они представляют собой не единицу фактической информации, не констатацию факта, но гипотезу летописца; «...весь рассказ о призвании руси показывает, что летописцу приходилось не столько сообщать об известном и бесспорном, сколько строить гипотезу, объясняющую, каким образом призванные на княжение варяги принесли с собой имя руси и дали его основанному ими государству»¹². Еще более категорично формулировал аналогичную мысль В.О. Ключевский: «Сказание о призвании князей, как оно изложено в Повести, совсем не народное предание... это — схематичная притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста», а Д.С. Лихачев характеризовал мнение летописца как «домысел», «вымысел», «ошибку»¹³.

Но при этом оставался без ответа вопрос: что заставило летописца в статье 862 г. (и только в ней!) назвать русь как второе имя варягов, в чем состоял смысл этой конструкции. Предположительный ответ будет дан в следующих тезисах.

⁹ Шахматов А.А. Сказание. С. 3, 15.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Л., 1950. С. 106.

¹¹ Шахматов А.А. Сказание. С. 10, 23, 47, 75, 81 и др.

¹² Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

¹³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. С. 144; Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 403, 404.

2. Тезис второй. Русская земля и новгородская идентичность.

Следующий фрагмент является одним из самых цитируемых в связи с норманнской проблемой: он передается обычно так:

И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля.

Как уже кратко сказано в начале предлагаемых заметок, отсечен конец первой части высказывания, которое в Лаврентьевской летописи имеет следующий состав и конструкцию (непосредственное продолжение процитированных в первом тезисе слов):

От тѣхъ *варягъ*¹⁴ прозвася Руская земля новгородьци,
те суть людье ноугородьци от рода варяжьска,
преже бо бѣша словѣне¹⁵.

Фразу следует переводить: «И от тех варягов прозвались новгородцы Русской землей», это люди новгородцы варяжского рода, а прежде были словене». Здесь представлен грамматический оборот «второй именительный», в котором именная часть сказуемого («Руская земля») выражена существительным в именительном падеже, а первым является именительный падеж подлежащего («новгородьци»). Он часто использовался при глаголах «называния» («нареци», «нарицати», «прозвати»). Он также определяется как «именительный предикативный»; в учебниках часто документируется примерами из ПВЛ¹⁶, например, уже встречался и в статье 862 г. («ся зваху тѣи варязи русь», т.е. «те варяги называли себя русью»), переводится он обычно творительным падежом.

Следовательно, в статье 862 г. летописец говорит не о получении имени всей Русской землей от варягов (ключевой тезис норманизма), но излагает свое суждение о Новгороде как составной части Русской земли, о том, что новгородцы осознали свою к ней принадлежность, т.е. о новгородской идентичности. Возможно, впрочем, что здесь отражен более тонкий замысел летописца: не констатация реального факта, но пожелание, проектируемая ситуация. Сужается объем пространства высказывания, оно ограничено Новгородом, который стал прозываться Русской землей.

Этот смысл толкования подтверждается летописцем Переславля Суздальского:

И от тех варягъ прозвашася Русская земля Новгородье,
тии и суть новгородци от рода варяжска, преже бо бѣша словене¹⁷.

Формулировка не оставляет сомнений в том, что «Русская земля» бесспорно соотносена с новгородской территорией; форма «Новгородье» аналогична таким встречающимся в ПВЛ топонимам как «Белобережье», «Заволочье», «заморье». Расширительное значение придает высказыванию та редакция текста, которая представлена, в частности, в публикации в серии «Литературные памятники», где допущено археографическая ошибка, некорректное членение текста рукописи.

¹⁴ Доб. из РАТ, в Лавр. нет.

¹⁵ См. прим. 2.

¹⁶ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974. С. 370—371; Овчинникова В.С., Дибров А.А. Очерки древнерусского языка. Ростов, 1959. С. 102—103.

¹⁷ ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 8.

Текст Лаврентьевской летописи, положенной в основу издания ПВЛ, передан так: «И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новгородци, ти суть людье ноугородци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣне». Слово «новгородци», искусственно отсеченное занятой от предшествующей части фразы, в которой оно выступает как подлежащее, теперь «повисает», никак не связано с другими членами предложения и выглядит как вставка. В переводе разделение фразы еще более определено: «И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне»¹⁸. Такое усеченное чтение повторяется во многих исследованиях, притом даже в тех случаях, когда цитируются другие издания¹⁹.

Следует отметить, что в реконструкции — издании А.А. Шахматова 1916 г. дано вполне корректное членение текста:

«И отъ тѣхъ варягъ прозвася Руская земля Новгородъ,
ти суть людие новгородстии отъ рода варяжска,
преже бо бѣша словѣне»²⁰.

Таким образом, ошибка в передаче текста источника приводит к искажению, расширительной трактовке одного из ключевых фрагментов в летописных статьях IX века.

Предложенное толкование текста подтверждается и подкрепляется второй частью фразы: слова о прозывании Новгорода Русской землей продолжены словами о «новгородских людях варяжского рода, иже прежде были словене». Впрочем, смысл этих слов также не вполне ясен. Д.С. Лихачев предлагал толковать их в том смысле, что речь идет не о варяжском происхождении новгородцев (что противоречило бы утверждению об их изначальной словенской природе), а об их принадлежности к политической организации варягов²¹. Х. Ловмянский также находил это утверждение «загадочным». Из предложенных им вариантов толкований наиболее приемлемым выглядит тот, в котором усматривается констатация летописцем факта ассимиляции, «след случайных ссылок новгородцев на их связь с варягами. Эти связи органически вытекали из инфильтрации скандинавского элемента, в особенности в результате женитьбы варяжских пришельцев на славянках. Тогда не один новгородец мог бы сослаться на родство с семьями варяжского происхождения»²². Это толкование стыкуется с пониманием первой части фразы как указания на «прозывание» Новгорода Русской землей. Составитель ПВЛ подкрепляет факт усвоения новгородцами имени Русской земли через варягов-русь другим фактом, а именно фактом их причастности варяжскому роду посредством ассимиляции.

Контекст статьи 862 г. в версии Лаврентьевской летописи ограничивает пространство «прозывания» Русской земли северо-западным регионом: Новгород, Белоозеро, Изборск, куда приходят Рюрик с братьями. Рюрик, таким образом, оказывается деятелем, правителем не общерусского, а северо-западного масштаба. На следующем

¹⁸ ПВЛ. С. 13, 149.

¹⁹ Именно так воспроизводят текст Д.С. Лихачев, А.Г. Кузьмин, Е.А. Мельникова и др. *Лихачев Д.С.* Комментарии // ПВЛ. С. 400 и др.; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 297; *Е. А. М. [Мельникова Е.А.]* Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. С. 55.

²⁰ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 20.

²¹ *Лихачев Д.С.* Комментарии / ПВЛ. С. 405.

²² *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 134—135.

этапе пределы его власти расширяются, но по-прежнему остаются в этом же регионе (присоединяются Полоцк, Ростов, Муром, которыми владеет уже один Рюрик).

Другая версия фрагмента о приходе Рюрика и о прозывании представлена в Ипатьевской летописи.

И придоша къ словѣномъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу,
и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрик, а другии Синеусь
на Бѣлѣозерѣ, а третѣи Труворъ въ Изборьскѣ.
И от тѣх варягъ прозвася Руская земля.
По дѣвою же лѣту умре Синеусь и братъ его
Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришедь къ Ильмерю,
и сруби город надъ Волховом и прозваша и Новѣгород,
и сѣде ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и
города рубити, овому Польтескъ, овому Ростовъ,
другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ
варязи, пѣрвии наслѣдници в Новѣгороде словенѣ
и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозѣре весь,
Муроме мурома²³.

Отличие Ипатьевской версии от Лаврентьевской состоит, во-первых, в том, что Рюрик приходит не в Новгород, а на Ладогу, во-вторых, здесь представлена другая редакция фрагмента о «прозвании». В ней текст о «прозвании» Русской земли от варягов не сопровождается словами «новгородцы» и «новгородские люди варяжского рода, которые прежде были словене». Их отсутствие объясняется изменением места и роли Новгорода, он и хронологически, и по значению отодвинут на второй план.

А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев и ряд других исследователей отдавали предпочтение Лаврентьевской версии. Шахматов считал, что в Ипатьевской (и в ряде других летописей — Радзивилловской, Московско-Академической) отразился второй вид Сказания, вошедший в редакцию 1118 г.: «Второй вид мог явиться из первого под влиянием местных преданий, а именно ладожских преданий, выставивших старшинство Ладоги перед Новгородом»²⁴. Но постепенно в историографии и особенно в археологической литературе все более утверждалась точка зрения о приходе Рюрика первоначально на Ладогу. Она основана на признании важности стратегического положения Ладоги на пути из Прибалтики в северо-западные русские земли и на археологических данных. Одновременно признавалась первичность Ипатьевской версии рассматриваемого фрагмента²⁵. Однако А.А. Гиппиусом было предложено иное решение проблемы. Но контекст высказывания «и от тех варяг прозвася Руская земля» остается тот же, что и в Лаврентьевской — северо-западный регион, «Русская земля» ограничена теми же пределами.

Третий вариант текста о «прозвании» Русской земли представлен в НПЛ:

и сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ,
а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусь, а третей въ Изборьскѣ,

²³ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 14.

²⁴ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. VII.

²⁵ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 53—54. (Славяно-русские древности. Вып. 1).

имя ему Труворь. И от тѣх варягъ, находникъ
тѣхъ, прозвашася русь, и от тѣх словет Руская земля,
и суть новгородьстии людие до днешняго дни
от рода варяжьска²⁶.

Тезис о «прозывании» здесь, как видим, удвоен (названы и русь, и Русская земля). Несмотря на это нарочитое усиление смысла, утверждение появляется неожиданно, «прозывание» не мотивировано, не находит соответствия в контексте: в предшествующей части НПЛ не только не было сопряжения варягов и руси, но русь вообще отсутствовала в известии о приглашении и приходе варягов (русь упомянута в НПЛ лишь в рассказе о походе на Царьград при Михаиле царе).

Шахматов считал этот текст поздней вставкой-заменой, а не принадлежностью Начального свода: при анализе этого фрагмента чтение после «прозвашася» обозначал как «х» («икс»), т.е. неизвестное. В реконструкции «Древнейшего киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г.» он представлен в следующем виде:

В си же времена словѣне и кривичи и меря дань даяху
варягомъ ... а иже бяху у нихъ, то ти насилие
деяху словѣномъ и кривичем и мери;
и отъ тѣхъ варягъ прозвашася новъгородьци
варяги, прежде бо бѣша словѣне²⁷.

Далее сразу следует рассказ о князе Олеге, захвате Киева, убийстве Аскольда и Дира, княжении Олега в Киеве. Сообщение о приглашении и приходе Рюрика с варягами отсутствует, т.к. Шахматов исходил из его новгородского происхождения.

Реконструкция крайне субъективна и произвольна, не обоснована чтениями других списков. Ни в одном из них нет аналогичной структуры текста и последовательности событий: о «прозывании» в них говорится после прихода Рюрика и лишь в связи с ним, а в реконструкции «прозывание» отнесено к периоду взимания дани, т.е. к первому упоминанию о варяжском присутствии, до Рюрика. Утверждение о «прозывании новгородцев варягами» является свободной перефразировкой слов о «новгородских людях варяжского рода» (без «прозывания»). Слова «прежде бо бѣша словѣне» отсутствуют в НПЛ, в Ипатьевской версии и появляются лишь в Лаврентьевской.

Несмотря на неприемлемость реконструкции, следует согласиться с главной интенцией Шахматова, который рассматривал текст о прозывании в НПЛ как вставку, сделанную под влиянием свода 1167 г., в который проникли многие чтения ПВЛ. В статье 1904 г. чтение возводилось к Новгородской 4-й летописи, т.е. так называемому своду 1448 г.²⁸

Мнение Шахматова о вставке было воспринято Х. Ловмянским²⁹, его приводит А.А. Гиппиус, кажется, как пример «свободы в обращении с текстом». Подводя историографические итоги обсуждения проблемы «Начальный свод в его отношении к НЛ и к ПВЛ», Гиппиус пишет: «Мы считаем естественным, принимая общий тезис об отражении в НЛ мл. свода, предшествовавшего ПВЛ, исходить из презумпции относительной точно-

²⁶ Новгородская первая летопись. С. 106.

²⁷ Шахматов А.А. Разыскания. С. 301, 541.

²⁸ Там же. С. 396, 211; *Его же*. Сказание. С. 36—37.

²⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 168.

сти этого отражения»³⁰. Оговорка «относительной» допускает, по-видимому, некоторые исключения, к каковым относится рассматриваемый казус. Признавая «произвольное значение», приписанное тексту в реконструкции Шахматова, необходимо, тем не менее, не умножая значений, остановиться на выводе, что текст о «прозвании» в составе Начального свода остается неизвестным, а в НПЛ в составе вставки испытал влияние ПВЛ.

Из трех вариантов высказывания о «прозвании» (в Лаврентьевской, Ипатьевской и совпадающих с ней, в НПЛ) подлежат анализу два — краткий и пространный. Первый — в Ипатьевской:

и от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля.

В Лаврентьевской представлен более полный вариант:

От тѣхъ прозвася Руская земля новгородьци,
ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска,
преже бо бѣша словени.

Отсутствие новгородцев в кратком варианте объясняется тем, что в нем варяги приходят сначала к словенам, на Ладогу (и после этого сразу сказано о прозвании), а в пространном варианте — в Новгород.

Каково было направление движения текста? Ответ связан с указанием места, куда приходит Рюрик. Заметим кстати еще одну археографическую неточность в публикации ПВЛ в серии «Лит. памятники». Сделана конъектура: Рюрик «седе Новгороде», и не приведено различие по Ипатьевскому, Радзивиловскому и Академическому спискам, где Рюрик приходит на Ладогу, и не указано, что в Лаврентьевской в этом месте пропуск, как и в Троицкой. Искажена подлинная картина ПВЛ, из пяти списков которой три имеет чтение «Ладога», в двух название места пропущено и лишь в одном из них имеется надстрочная помета неизвестного происхождения «новг.». Полноценное чтение «сѣде старейшии Новѣгородѣ Рюрик» имеется, таким образом, только в НПЛ (а также в Софийской I и Новгородской IV). Какой из них более ранний?

Гиппиус обратил внимание на имеющийся здесь парадокс в отношениях между «текстологической первичностью и исторической достоверностью». Из двух вариантов рассказа о Рюрике «первоначален в плане истории текста “новгородский вариант”, тогда как более адекватной исторической реальности является “ладожская версия”... “Новгородский” же вариант восходит к Древнейшему сказанию, излагавшему историю призвания варяжских князей в эпически-обобщенном виде, абстрагированном от неактуальных для Киева географических подробностей»³¹. Если поставить вопрос, что сделало эти подробности «актуальными» позже, при замене Новгорода на Ладогу, то заманчиво предположить, что это были интересы исторической достоверности. Ведь полемизировал же составитель ПВЛ с версией НПЛ о Кие-«перевознике» и выдвигал аргументы.

Возвращаясь к двум вариантам известия о прозвании, следует признать краткое (Ипатьевского списка и сходных) сокращением пространного (Лаврентьевского). Но

³⁰ Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. Москва-Вологда, 2012. С. 47.

³¹ Там же. С. 62.

оба сохраняют свое идеологическое предназначение (более категорично изложенное в пространном) о северо-западном центре формирующейся государственности, названном «Русской землей» и включающем Новгород, Ладогу, Изборск, Белоозеро, а позже Полоцк, Ростов, Муром (в Ипатьевской Муром отсутствует).

Фрагмент о приходе Рюрика и о «прозывании» Русской земли в составе НПЛ имеет, таким образом, сложную текстологическую структуру, отличается неоднородностью. Если начальная часть (о приходе Рюрика в Новгород) отражает текстологически более ранний слой, то вторая (о «прозывании») является более поздней вставкой, испытавшей влияние ПВЛ. Наличие разных вариантов рассказа о прозывании свидетельствует об актуальности этого тезиса в раннем летописании.

Необходимо отметить и то, что уже в статье 862 г. появляется тезис, который будет подробно развит в статье 898 г. Тезис о русско-варяжском «прозывании новгородцев уравнивается и скорректирован тезисом об их исконной словенской природе и о неваряжской этничности других племен, которым Рюрик раздавал «волости и городы»:

И по тѣмъ городомъ суть находници варязи,
а перьвии насельници в Новѣгородѣ
словѣне, въ Полотьски кривичи,
в Ростовѣ мера, на Бѣле-озерѣ весь, в Муромѣ мурома.

Это тоже составная часть исторической концепции летописца с ее специфическим интересом к истории этносов.

Тезис о «прозывании» Русской земли появился в статье 862 г. не впервые. Им открывается датированная часть ПВЛ (статья 852 г.). Именно здесь он имеет широкое, общерусское значение, но связан уже с другими событиями. Здесь был продолжен ответ на вопрос, поставленный в заглавии ПВЛ: «откуда есть пошла Руская земля».

Слова о «прозывании Русской земли» в статье 852 г. летописец употребил в значении «государство, страна»³², притом вне какой-либо связи с варягами и с Рюриком (ни варяги, ни Рюрик в статье 852 г. не упоминаются). А самый факт «прозывания» производится от другого события, от контакта с Византийской империей при императоре Михаиле III (842—867) — военного похода Руси на Царьград 860 г.:

В лѣто 6360 (852) индикта 15³³ наченшу Михаилу царствовати,
нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увидѣхомъ,
яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ,
яко пишется в лѣтописаньи гречьстѣм.
Тѣм же отселе почнем и числа положимъ³⁴.

Последние слова показывают, что событие осознается летописцем как начало письменной, датированной истории, сменившей ее древний, архаический этап, описанный во вступительной статье.

Патриарх Константинопольский Фотий посвятил две гомилии нападению на столицу «народа ϥhos». Со словами русского летописца удивительным образом совпадает

³² Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 181—182; Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.

³³ В Лавр. ошибочно доб. день, испр. по Ип.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1.

сказанное патриархом о нападавших: «Народ... незаметный... безвестный, — но получивший имя от похода на нас, неприметный, но ставший значительным». Патриарх констатировал обретение имени «народом рос» и тем самым факт выхода Руси на историческую сцену, вербально зафиксированное включение ее в историю Восточного Средиземноморья и византийской ойкумены.

П.В. Кузенков, комментируя гомилии Фотия, писал, что «слова “получил имя от похода на нас” едва ли следует понимать в буквальном смысле, как свидетельство того, что имя русь до этого не было известно в Византии», и ссылаясь на «Бертинские анналы», где упоминалось под 839 г. имя «рос» (Rhros). Но эти слова принадлежат одному из самых образованных и авторитетных авторов IX в., к тому же они являются единственным прямым свидетельством источников об этимологии слова русь (греческой, византийской). Сам П.В. Кузенков обратил внимание и на другие слова патриарха (в «Окружном послании») о территориальных завоеваниях руси и победах, которые она одержала еще до нападения в Константинополь в 860 г.³⁵. Поэтому патриарх мог обобщить нападение 860 г. и появлявшиеся ранее сообщения (напр. нашествие варваров-росов на Амастриду, 842 г.). Послы из «Бертинских анналов», как выяснилось в ходе «расследования» при франкском дворе, имели аутентичное имя «свеоны», а «рос» было их вторым именем. которое могло послать статью известным при константинопольском дворе. Имя народа «рос» у Фотия не могло означать «норманнов» (такое предположение высказываюсь в литературе): характеристика нападавших у Фотия не применима к норманнам середины IX в. Имя «рос» у Фотия (как и в Житии Георгия Амастридского) могло быть заимствовано из Септуагинты, где оно присутствовало в книге пророка Иезекииля, означая то ли народ, то ли его главу, князя-архонта «рос» («рош»), которые вместе с Гогом и Магогом будут осаждать, по Откровению, «священный град» (Иез. 38:2—3; 39:1; Откр. 20:7—8). Эти тексты традиционно толковались в эсхатологическом смысле, что присутствует и у патриарха Фотия (сходство ситуаций осажденного города). Имя «рос» в гомилии — не этноним, но обозначение некоего неопределенного множества неясной этнической принадлежности, возможно, полиэтнического (с эсхатологическим подтекстом). Путь греческого имени «рос» к «руси» ПВЛ требует специального исследования. Лингвистические аспекты проблемы обсуждались в византиноведческой литературе³⁶.

В характеристике «народа рос», данной патриархом Фотием, представляют интерес и слова «о грозе гиперборейской», с которой сопоставлено нападение. Представление о далекой северной стране гипербореев восходит к античности; патриарх, соотнеся этот термин с «народом рос», не показал ли тем самым свое восприятие его как архаического. Традиция представлений о России как «стране гипербореев» сохранялась на константинопольской кафедре еще в конце XVI в. Россия названа «Гипербореей» в Акте Константинопольского собора 1593 г., утвердившего решения Московского собора 1589 г., об учреждении патриаршества в России³⁷.

³⁵ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 31, 40, 57, 66, 78. На совпадение мнений патриарха и автора летописного текста обратил внимание П.В. Кузенков.

³⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 295, 301.

³⁷ Фонкич Б.Л. Греческие грамоты советских хранилищ // Cyrillomethodianum. XI, 1987. Thessalonique. P. 20.

Формула «прозвания», получения имени, изложенная и на греческом, и на русском языках, указывающая на начала и истоки государственности, вполне уместна, т.к. подготовка и проведение масштабного военного похода, осада столицы империи, едва не закончившаяся ее взятием, предполагают наличие организации, объединения не только военного, но и политического. Формула «нача ся прозвати Руска земля» в связи с походом Руси на Константинополь является указанием на достаточно высокий уровень развития, достигнутый языческим сообществом. Тем более об этом же свидетельствует и факт «первого крещения» Руси, последовавшего за походом (между 860—867 гг.). Патриарх Фотий в «Окружном послании» сообщает, что после похода «народ росов» решил «приобщиться к крещению» и принял у себя епископа и пастыря, т.е. прибывшего из Константинополя архиерея. Это свидетельствует о появлении церковного института, кафедры, что происходило параллельно оформлению начал государственности³⁸.

Сообщение о событии из жизни Руси, феномен контакта с христианской империей (военно-политического) вмонтирован в мировую и христианскую историю, конкретно — в период византийского императора Михаила III (842—867). Начало русской истории описано по модели греческой хронографии, использованы греческие источники.

Вслед за процитированным фрагментом о начале прозвания Русской земли сразу после слов «отселе почнем и числа положим» следуют расчеты лет между важнейшими событиями священной и мировой истории: «от Адама до потопа лет 2242, от потопа до Авраама лет 1082, затем следуют аналогичные расчеты лет между другими лицами и событиями: до Александра Македонского, до Рождества Христова, до Константина Великого, «от Константина же до Михаила сего лѣт 542». А продолжены расчеты уже русскими князьями: «А от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя, лѣт 29, а от перваго лѣта Олгова, поне сѣде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31», затем упомянуты Святослав, Ярополк, Владимир, Ярослав, Святополк (1093—1113). Так впервые в историографии история Руси вмонтирована в мировую. Русская земля здесь названа в широком смысле, но с ориентацией на ее киевскую часть.

Статья 852 г. — пример не абсолютной, но относительной датировки, присущей и византийским хроникам, в которых события, описанные вслед за датой, часто происходят после данного года, но отнюдь не в указанный год³⁹. Статья 852 г. выполняет роль преамбулы, конспективно назвавшей последовательность киевских княжений, история которых далее будет излагаться подробно. В преамбуле содержится прямой и недвусмысленный ответ на вопрос, поставленной в начале ПВЛ: «...откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити». Ответ предопределен вопросом и дан вполне определенно. Не упомянуты варяги, не названы ни Рюрик, ни Аскольд и Дир, не сказано даже о варяжском происхождении Олега, он — «русский князь», который сидел в Киеве 31 год, после него 33 года длилось княжение Игоря. Первым князем оказывается Кий (а не Рюрик).

Статьи 852 г. и 862 г., вкладывающие разный смысл в понятие «прозвашася Руская земля», не противоречат одна другой, но указывают на такую особенность исторической концепции летописца, как мысль о единстве южного (по статье 852 г.) и северного (по статье 862 г.) центров, утверждение равноправного участия Киева и

³⁸ Кузенков П.В. Поход 860 г. С. 75, 80—81.

³⁹ Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДР. XXX. Л., 1976. С. 19.

Новгорода в генезисе русской государственности. Эти две статьи выглядят как створки диптиха, показывающие две стороны, две составляющие этого процесса. Целью летописца было преодоление соперничества между центрами, не только политического, но и идеологического. Это соперничество отчетливо проявилось в заглавиях ПВЛ и НПЛ.

В ПВЛ вопросом предопределен ответ. Уже во вступительной статье ПВЛ дан ответ на вопрос «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити». Первым, кто княжил в Киеве, назван Кий, а первой подробно описанной землей была земля полян, через которую проходил путь из варяг в греки, связывавший северное и южное моря. В заглавии НПЛ утверждается старшинство «Новгородской волости», хотя рядом с ней упомянут Киев:

...како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время,
и грады почаша бывати по мѣстом,
преже Новгородчкая волость и потом Киевская⁴⁰.

Слова о приоритете Новгородской «волости» («власти») в заглавии НПЛ имеют аналогию в терминологии известной записи писца Остромирова Евангелия Григория диякона 1056—1057 гг., в которой новгородская власть трактуется как притязательная на равноправие с Киевом, в чем Б.А. Рыбаков видел «политическую программу», которая была характерна «для новгородского боярства с его стремлением к сепаратизму и соперничеству с Киевом»⁴¹.

Остромира поставил в посадники киевский князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, после смерти отца в 1054 г. До этого посадником был сам Изяслав, после смерти в 1052 г. посадника князя Владимира, еще одного сына Ярослава. Посадничество Остромира в Новгороде автор приписки, отражая мнение заказчика, оценивал очень высоко, почти как соправительство, а власть Изяслава характеризовал следующим образом:

Изяславу же князю тогда прѣдрѣжашу обѣ власти,
и отьца своего Ярослава (*т.е. Киевскую*), и брата своего
Володимира (*т.е. Новгородскую*), самъ же Изяславъ
князь, правляаше столь отьца своего Ярослава
Киевѣ, а брата своего столь поручи правити
близоку (*родственнику*) своему Остромиру Новѣгородѣ⁴².

Возвращаясь к фрагменту о «прозывании» Русской земли, следует попытаться ответить на вопрос, почему летописец выводит новгородскую идентичность столь парадоксальным способом, через факт наличия у части варягов, принятых новгородцами, второго имени «русь». Для этого надо рассмотреть и проанализировать пятый случай использования термина «русь», на этот раз в другом смысле, чем в четырех, рассмотренных выше.

⁴⁰ Новгородская первая летопись. С. 104.

⁴¹ Рыбаков Б.А. «Остромирова летопись» // Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 71—72.

⁴² Остромирово Евангелие. СПб., 1889; публикацию приписки как памятника древнерусского языка см.: Овчинникова В.С., Дибров А.А. Очерки древнерусского языка. С. 113—114.

3. **Тезис третий.** Два значения имени «русь» в статье 862 г.; имя русь во вступительной статье.

Русь упомянута, притом на первом месте, в перечне племен, приглашающих варягов:

Рѣша русь, чюдь, словени и кривичи...

В статье оказываются представленными две «руси» — русь приглашаемая и русь приглашающая. Русь приглашает русь! Впрочем, здесь имеется текстологическая сложность. В двух списках ПВЛ (Радзивиловском и Московско-Академическом) имеется чтение «руси» (дат. пад. ед. ч.), т.е. приглашаемым варягам, что как будто соответствует содержанию предыдущих слов. А.А. Шахматов в реконструкции 1916 г. выбрал чтение «руси», исходя из презумпции о тождестве варягов и руси⁴³. Но большинство авторитетных списков (Лаврентьевский, Ипатьевский, Хлебниковский, Троицкий, Летописец вскоре патриарха Никифора, на который обращал особое внимание М.Н. Тихомиров)⁴⁴, позволяет отдать предпочтение варианту «рѣша русь». Благодаря этому чтению придается более широкое, общерусское значение событию, происходившему в северной части. Этот смысл усилен в Летописце Переславля Суздальского, где перечень дополнен словами «и вся земля»:

Тако рѣша русь, чюдь, словене,
кривичи и вся земля, рѣша:
земля наша велика...

Приведенное высказывание («рѣша русь») не было случайной обмолвкой составителя ПВЛ или ошибкой переписчика; в аналогичном смысле термин «русь» несколько раз употреблен во вступительной статье ПВЛ, которая остается объектом дискуссий. Эта статья с этногеографическим содержанием в рамках данных заметок рассматривается как отражение исторической памяти летописца об архаической истории Руси доварягова и дорюрикова периода, времени полулегендарного Кия с братьями. Статья открывается библейским рассказом о разделении земли между сыновьями Ноя и о рассеянии народов после сокрушения вавилонского столпа. Описывая восточнославянские племена, летописец с особым вниманием относится к их именам, «называниям», «наречениям», что восходит, по-видимому, через византийскую хронографическую литературу, к библейскому рассказу из начальных глав книги Бытия о наделении именами всего сотворенного: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью... И назвал Бог твердь небом»... (Быт 1:5, 8, 10)... «И нарек человек имена всем скотом и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт 2:20).

Во вступительной статье глаголы «нарицати», «прозвати» использованы 21 раз (словене «прозвашася имены своими», «прозвашася морава», «прозвашася ляхове», «прозвашася поляне» и т.д.). А в датированной части четыре раза употреблено выражение «прозвася Руская земля» (или Русь), но каждый раз с новым смыслом (статьи 852, 862, 882, 898 гг.)

Обратим внимание на то, что во многих случаях использован уже упоминавшийся оборот «именительный предикативный» («словѣни прешедше и сѣдоша по

⁴³ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 19.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. С. 19; Тихомиров М.Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234—239.

Днѣпру и нарекошася поляне», т.е. «нареклись полянами»). Это излюбленный стилистический прием летописца

При описании Афетовой части первой названа «русь», это и в целом первый этнос, упомянутый в ПВЛ. Тем самым летописец обозначает главную тему своих «повестей»: история «руси» и ее неславянских соседей, т.е. ее полиэтничный характер:

русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва,
заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва,
земѣгола, корсь, лѣтьгола, любь⁴⁵.

Завершается перечень многозначительной фразой: «И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская». Словами о «словенской грамоте» лаконично вводится тема этноязыкового единства.

Большой рассказ о полянах состоит из трех фрагментов. Каждый из них начинается словами «Поляном же жившим особѣ», что указывает, вопреки мнениям о вставном характере некоторых из них, на структурное единство и на единство по происхождению и смыслу: все три фрагмента, посвященные полянам, описывают разные стороны их бытия. Первый из них является естественным продолжением предшествующей части о природно-географических характеристиках славянских племен. Он известен как рассказ о хождении апостола Андрея, но в подтексте имеет скрытый смысл, сообщая о такой особенности земель, где проживают поляне, как наличие естественно-природного выхода к двум морям: «в море Варяжское» и в «Понтъ море» («еже море словет Руское»). Говоря современным языком и допуская некоторую модернизацию, следует отметить, что начальная летопись осознает такую геополитическую ситуацию описываемых земель как наличие выхода к двум морям — северному и южному. Более того, сообщается, что из Руси по системе водных путей и по Волге можно прийти «в море Хвалисьское» (Каспийское). «Русь» здесь — географическое пространство (в широких пределах), но с уклоном в сторону севера и востока.

Рассказ об апостоле играет особую роль в исторической концепции летописца: описывая языческую «русь», он вместе с тем утверждает predeterminedность ее христианского будущего и приводит сказанное апостолом: «на сих горах восияеть благодать Божия». Кстати можно отметить, что широко известный пассаж о новгородских банях не имеет иронического, насмешливого смысла. Слова «то творять омовене собѣ, а не мученье» указывает на «омовение» как аналог христианского очищения, как деяние аскетического характера. Это было убедительно показано П. Мюллером⁴⁶. «Варяги» в этом фрагменте упомянуты четыре раза, и снова без соприкосновения с «русью».

Во втором фрагменте «Полѣм же жившимъ особѣ» термин «русь» имеет особое значение, важное для воссоздания исторической концепции летописца. Фрагмент посвящен, как сказано, их истории, рассказывает о древнейшем, дописьменном, недатированном периоде истории полян. Это — самый древний пласт архаической

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 4.

⁴⁶ Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. М., 1971. С. 48—63.

истории, куда проникает историческая память летописца конца XI — начала XII в. Здесь описано состояние племен первой половины IX в., до прихода варягов и Рюрика⁴⁷. Он ни разу не упомянут во вступительной статье, как и пришедшие с ним варяги.

В изложении того, что происходило после смерти Кия с братьями («И по сих братьи»), т.е. все той же древнейшей истории даны перечени восточнославянских племен, из них два весьма близки один другому, но построены по двум разным признакам, или основаниям. Именно здесь находится то интересующее нас упоминание Руси, о котором говорилось в связи со статьей 862 г.

Сначала дан перечень племен, имевших свои «княженья», т.е. начала политической организации, а затем еще один перечень, где объем и содержание понятия «русь» описаны по признаку языка. Перечень племен, объединяемых по признаку наличия у них «княжений», завершается перечислением остальных (неславянских) племен, при этом специально внимание обращается на их язык:

И по сихъ братьи (*т.е. после Кия Щека и Хорива*) держати
почаша родъ их княженье в поляхъ (*т.е. поляне*),
а в деревляхъ свое (*т.е. княженъе*),
а дреговичи свое (*княженъе*),
а словѣни свое в Новѣгородѣ (*княженъе*),
а другое (*княженъе*) на Полотѣ, иже полочане,
от нихъ же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги
и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть
Смоленскъ, ту де бо сѣдять кривичи, та же сѣверъ от нихъ.
На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря,
а на Клещинѣ озерѣ меря же.
А по Оцѣ рѣцѣ, иже втечь в Волгу, мурома языкъ свои,
а черемиси свои языкъ, морьдва свои языкъ.

Отметим, что в этом перечне, как и в самом начале вступительной статьи, где упоминание руси сопровождалось перечнем ее неславянских соседей, в процитированном фрагменте за перечнем славянских племен находится перечисление их соседей. Другими словами, подчеркивается полиэтничный характер описываемых земель.

Обратим внимание и на то, что автор в этом перечне обращает внимание на проблему языка, отмечая наличие «своего языка» у племен, располагавшихся по Оке: у муромы, черемисы и мордвы. В следующем перечне языковой признак становится ведущим; выделение, объединение племен выполнено по признаку языка:

Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне,
ноугородци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане,
зане сѣдоша по Бугу, послѣ же вельняне.
А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря,

⁴⁷ При анализе перечней племен во вступительной статье ПВЛ А.А. Горский относит описываемое в них состояние племен также к первой половине IX в.: *Горский А.А.* Кривичи и полочане в IX—X вв. Вопросы политической истории // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993. М., 1995. С. 56.

весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь; си суть свои языкъ имуще⁴⁸.

Термин русь, использованный в перечне дважды, наполнен новым содержанием, обозначая этноязыковую общность восточнославянских племен, объединенных по признаку языка общения⁴⁹, подробно эта тема будет развита в статье 898 г. (см. тезис пятый). Языковое единство предшествует политическому объединению.

Структура обоих фрагментов сходная. В одном сначала говорится о словенских племенах, имевших свои княжения, затем об их неславянских соседях, в другом — тоже сначала о словенских племенах, составляющих «Русь» и объединенных по признаку «словенского языка» (поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, волынские), а сразу после них о неславянских, имеющих каждое свой язык и дающих Руси дань. Если, учитывая это обстоятельство, вернуться к перечню «Афетовой части» (см. выше) в начале вступительной статьи, т.е. к самому первому перечню этносов в составе ПВЛ, то обнаруживаем ту же структуру: первой названа «русь», а следом за ней ее полиэтнические соседи. Следовательно, и здесь «русь» имеет тот же смысл, что и в фрагменте с перечнем племен, а именно этноязыковую общность. Значение фактора языка проявляется в том, что летописец, говоря о дани неславянских племен словенам — Руси, особо отмечает «свой язык» и у неславянских племен; в одном перечне: «мурома язык свои, а черемиси свои язык, мордва свои язык»; в другом перечне обобщено: «эти суть свои язык имуще».

Итак, при первом появлении в ПВЛ (три случая во вступительной статье) имя «русь» имеет значение этноязыковой общности словенских племен, включающей как южных полян, так и северных (новгородских) словен, а также обозначает территорию, занимаемую этой общностью (четвертое словоупотребление). Она имеет выход к морю Хвалисскому, через нее пролегает путь к северному и южному морям.

Е.А. Рыдзевская обратила внимание на несовпадение этой общности с традиционным пониманием Русской земли (в узком смысле) как совокупности южных, киевских земель (Киев, Чернигов, Переяславль). Но при этом тонко подмечено, что речь идет не о территориально-политической общности, но об общности по языку⁵⁰. К тому же необходимо учитывать, что во вступительной статье присутствует лишь русь, а Русская земля как страна еще не называется. В перечне племен, дающих руси дань, русь получает дань не как государственную обязанность, т.е. она выплачивается не государству; по-видимому, летописец намеревался показать, что отдельные неславянские племена давали дань отдельным славянским племенам; во всяком случае, это не была дань, аналогичная той, которую позже будут устанавливать князья (Олег, Игорь, Святослав, Владимир).

Пятый случай имеет более нейтральный характер, обозначая Русь в широком смысле, но тоже с языковым уклоном: цитируются распространенная «притьча в Руси и до сего дни ... погибоша аки обрѣ».

Шестой случай был уже назван — русь как этнос, рядоположенный другим европейским этносам, самостоятельная, независимая смысловая единица среди «Афетова колена». Русь как обозначение этноязыковой общности словенских племен со-

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 10—11.

⁴⁹ Подробнее см.: *Седов В.В.* Восточнославянская языковая общность // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 3—16.

⁵⁰ *Рыдзевская Е.Д.* О роли варягов в древней Руси // *Рыдзевская Е.Д.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978. С. 141.

относится с доваряжским, дорюриковым периодом. Термин отражает историческую память об архаической, дописьменной истории, о времени Кия и его преемников. И сам термин «русь» оказывается архаическим; во всяком случае, он старше варяжской терминологии, но относится к другому кругу явлений.

Изложенные наблюдения свидетельствует, что русь в статье 862 г., возглавляющая перечень племен, обратившихся к варягам, появилась не по ошибке, является не случайным вкраплением в текст, но имеет терминологическое соответствие во вступительной статье.

Парадокс статьи 862 г. состоит в том, что термин «русь» присутствует в двух смыслах: как второе имя варягов и как обозначение феномена местной среды, местного субстрата. Но летописец не испытывает от этого никакого неудобства, не ощущает противоречия. Анализ этой парадоксальной ситуации будет предложен при изложении тезиса четвертого.

Анализируя вступительную статью и статью 862 г., необходимо обратить внимание на точку зрения летописца более позднего времени, XVI в. Размышляя о природе и происхождении имени русь, он предложил славянскую этимологию. Составитель ПВЛ, как мы помним, впервые упомянув имя русь в сопряжении с варягами, нашел необходимым объяснить его, но сказал лишь, что это этнос, рядоположенный другим известным ему (в основном европейским), но о соотношении с ними, о связи по происхождению не сообщил ничего. Но составитель Воскресенской летописи уже имеет вполне определенное мнение. В 1-й главе воспроизведена вступительная статья ПВЛ, но с весьма выразительной вставкой в один из перечней шести восточнославянских племен (всего три перечня). Вместо лаконичного упоминания новгородских словен помещен достаточно обширный фрагмент с названием «О великомъ Новѣградѣ и о Руси»:

О великомъ Новѣградѣ и о Руси. И пришѣдше словѣне съ Дуная и сѣдше у озера Ладожскаго, и оттолѣ прииде и сѣдоша около озера Илменя, и прозвашася инымъ именемъ, и нарекошася Русь рѣкы ради Руссы, иже впадоша во озеро Илмень; и умножився имь, и содѣ лаша градъ, и нарѣкоша Новградъ, и посадиша старѣишину Гостомысла⁵¹.

Текст основан на ПВЛ (по Ипатьевской версии), но совершенно переработан. Приходят на север не варяги, а словене, и не в Новгород, а на Ладогу, а затем переходят к озеру Ильмень, получают другое имя («прозвашася иным именем») и нарекаются русью по имени реки Руссы, впадающей в Ильмень. Этноним производится от местного гидронима. Далее русь (а не варяги, как в ПВЛ) основывает Новгород, появляется властная структура, ее возглавляет «старейшина» Гостомысл.

Мысль о славянской этимологии имени русь появилась в русской исторической мысли задолго до бурных дебатов XVIII—XIX вв. Воскресенская летопись традиционно датируется 1541 г., но подготовительные материалы к ней известны уже в 20 — начале 30-х гг. XVI в.⁵² В них излагается и другая новинка исторической мысли той эпохи, а именно углубление генеалогии Рюрика и рода русских князей в эпоху императора Августа. Это «Летописец вкратце Русская земля повесть временных лет, откуда нача прозыватися Русская земля»⁵³. «Летописец Михаила Медоварцева» открывается сообщением о том, что в 852 г. «при Михаиле цари гречестем нача прозыватися Русская земля и нача владети ею пръвый князь в Руси Рюрик, а от рода ему суца Ав-

⁵¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 262.

⁵² ПСРЛ. Т. 7. Предисловие Б.М. Клосса (без нумерации).

⁵³ Идея Рима в Москве. XV—XVII века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1993. С. 49.

густа кесаря»; Рюрика, находящегося в Прусской земле, приглашают в Новгород по совету «старейшины» Гостомысла новгородским «владельцем», этот текст войдет в 4-ю главу Воскресенской летописи.

4. **Тезис четвертый.** «...прозвашася русью» в статье 882 г.; социальный смысл термина.

Статья содержит третий (в ПВЛ) случай «прозывания» — на этот раз не «Русской земли» (как в статьях 852 г. и 862 г.), но «Руси». Рассказывается о походе Олега (или Игоря, по НПЛ) на Киев, убийстве Аскольда и Дира, взятии города, провозглашении его столицей. Непосредственно после этих слов утверждается: у Олега

бѣша у него варязи и словѣни, и прочи прозвашася русью⁵⁴.

Лаконичная фраза легла в основу далеко идущих концепций. В НПЛ она имеет несколько иную редакцию:

и бѣша у него (*Игоря*) варязи мужи словенѣ,
и оттолѣ прочии⁵⁵ прозвашася⁵⁶ русью⁵⁷.

Д.С. Лихачев писал, что смысл фразы «не совсем ясен», предлагал разные варианты его трактовки («прозвались русью только “и прочии” или также и варяги со словенами, с каких пор и почему они так прозвались»), отдавая предпочтение, кажется, второму⁵⁸. Это в целом близко реконструкции А.А. Шахматова, в ней текст Древнейшего киевского свода, перешедший в Начальный свод, представлен так: «И съде Ольгъ княжа Киевѣ; и бѣша у него мужи варязи, и отътолѣ прозвашася Русию»⁵⁹.

Реконструкция произвольна: «словене» исключены без всякого основания, среди имеющихся списков нет ни одного, где «словене» отсутствуют; слово «прочии» исключено как лишнее, на том лишь основании, что оно в Комиссионном списке НПЛ было вписано на поле. Но это само по себе недостаточное текстологическое основание. Предложено такое толкование текста: варяги Олега (или Игоря, по НПЛ) приняли название русь, когда сели в Киеве, при этом высказана презумпция, что имя русь воспринято от существовавшей на юге скандинавской руси: «Русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Эти вторые выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже не под именем руси, а варягов». Но остается пока по-прежнему неизвестным, на основе каких источников построен тезис о южной скандинавской Руси, он был изложен и в статье 1904 г.: наряду с новгородской легендой о призвании князей существовало «южное предание о варяжском происхождении русских князей, их дружины и самого имени русь». На юге о нем помнили⁶⁰.

Но на основании каких источников постулируется эта «память» о южной, скандинавской руси, не указано. В летописании данных об этом нет. Впрочем, в ПВЛ име-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 23.

⁵⁵ В Комиссионном списке вписано на поле основным почерком.

⁵⁶ В Академическом списке назвашася.

⁵⁷ Новгородская первая летопись. С. 107.

⁵⁸ Лихачев А.А. Комментарии. С. 409.

⁵⁹ Шахматов А.А. Разыскания. С. 542.

⁶⁰ Там же; *Его же*. Сказание о призвании варягов. С. 74.

ется глухое указание на то, что Аскольд и Дир, овладев Киевом, «многи варяги съвокуписта»; но это варяги, не русь, они упомянуты с единственным именем. В НПЛ об Аскольде и Дире рассказано по-другому: сообщение об их вокняжении в Киеве предшествует информации о Рюрике, и они названы снова лишь варягами, без руси.

Реконструкция Шахматова основана на произвольной перестановке и исключении слов. Отсутствие словен не зафиксировано ни в одном списке. В данном случае следует согласиться с выводом А.А. Гиппиуса об «относительной точности» передачи в НПЛ текста Начального свода; при понимании известия 882 г. следует исходить из версии текста, представленной в НПЛ (отсутствие в ПВЛ слова «мужи» можно объяснить случайной утратой писца). Текст не может быть понят лишь на основе текстологических наблюдений и предположений, необходимо учитывать его контекст.

Высказыванию предшествует многозначительное заявление Олега, провозглашение Киева столицей: «Се буди мати градом руским»; а сразу после него рассказывается о государственной деятельности («нача города ставити, устави дани словеном, кривичем и мери»). Поэтому и в следующей части фразы можно ожидать смысл, тоже относящийся к государственной деятельности. Действительно, в первой части фразы («бѣша у него мужи варяги словене») слово «мужи» (утраченное в ПВЛ) позволяет видеть в ней совет при князе, знать, правящую верхушку с военно-административными функциями. А вторая часть сообщения говорит о расширении состава этого совета после возрастания объема власти Олега, к нему примкнули «прочие», которые тоже стали именоваться русью. Летописец вносит в термин новое, социальное содержание, обозначение правящей верхушки общества, имеющей полиэтничный характер. Т.е. начиная со статьи 882 г. термин имеет тенденцию к социальному и полиэтническому наполнению, которое проявится и в статьях начала X в. Такое толкование все более утверждается в исследованиях последнего времени (В.Л. Янин, Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин⁶¹ и др.): «В.Л. Янин склонен видеть в этой «руси» (в статье 882 г. — *Н.С.*) дружину, представлявшую прежде всего административный аппарат великого (киевского) князя. По его мнению, как и по мнению Д.С. Лихачева, противопоставление княжеской дружины (руси) рядовому войску (словенам) отражено и в рассказе о походе на Царьград 907 г.»

Близкие суждения высказывались и ранее. Х. Ловмянский обратил внимание на гипотезу, выдвинутую Л.В. Падалкой, развитую С.В. Юшковым и Л.С. Тивериадским⁶². Л.С. Тивериадский писал, что «русь» — «это термин не этнографического, а социального значения... Мы думаем, что “славяне-русь” были преданием, жившим в массе народа, а “варяги-русь” — преданием, сложившимся в верхних слоях киевского общества, в правящих и близких к ним кругах, в которых наряду с местной киевской знатью находился и довольно значительный варяжский слой».

Выходя за хронологические рамки настоящей статьи, можно предположить, что среди участников переговоров о заключении договора с греками 911 г. могли быть и некоторые из тех «варягов, словен и прочих», которые упомянуты в статье 882 г. и которые в 911 г. могли сказать о себе: «мы от рода русского». А в рассказе о возвращении из похода русь присутствует с отчетливым социальным смыслом. Олег приказал изготовить для руси паруса из паволоки, «а словѣномъ кропиньныя». «Паволока» и

⁶¹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) // Вопросы истории, 1989, № 8. С. 30.

⁶² Ловмянский К. Русь и норманны. С. 202—203; Тивериадский Л.С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян / Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 44—46.

«кропина» (правильно «коприна») — два сорта ткани, но первый — более дорогой (он часто упоминается в составе даров или трофеев; Олег принес в Киев из похода «злато и паволоки» и т.д.). После того как ветер порвал все паруса, практичные словене решили довольствоваться «своими толстинами»⁶³. Русь в этом рассказе, несомненно, привилегированная часть войска; но в этом известии слово используется для обозначения и всего войска («много зла творяху русь грекомъ»), при этом в начале известия состав войска описан как полиэтничный. Следовательно, термин «русь» в статье начала X в. — многозначный, что будет ярко проявляться в дальнейших статьях.

Если в статьях 852 г. и 862 г. можно было увидеть две створки своеобразного диптиха, представляющие две стороны формирующейся русской государственности, то по статье 882 г. он превращается в триптих, показывающий новый, социальный смысл термина и появление новых значений, которые возобладают в статьях X—XII вв.

Если статью 882 г. понимать как свидетельство о появлении в термине русь социального содержания, то она может служить аргументом в ответе на поставленный ранее вопрос, с какой целью летописец добавил в статье 862 г. второе имя варягов-русь и почему он столь парадоксальным способом вывел тезис о русской идентичности новгородцев через наличие у приглашенных варягов второго имени — русь. Летописец, делая это нарушение в статье 862 г., мог уже учитывать социальный аспект термина из статьи 882 г. и реализовал в рассказе о приглашении и приходе варягов свой специальный идейный замысел: выделить русь из массы варягов, повысив тем самым ее авторитет с момента прихода, поскольку ей предстояло положить начало династии русских князей, будущих Рюриковичей. Он руководствовался, возможно, генеалогическими соображениями. К моменту создания ПВЛ в начале XII в. они составили уже славную плеяду. Олег, Игорь, Святослав, Ярополк, Владимир, Ярослав, Святополк — это выборка имен русских князей появилась в статье-преамбуле 852 г., дающей конспективный обзор будущей истории. Как бы ни решать вопрос о времени включения в перечень князей имени Святополка (и даже перечня в целом), остается очевидным, что редактор, делая дополнение русь, знал ход будущих событий. Как бы предвидя их, а на самом деле опираясь на свои представления о них и их оценку, летописец начала XII в. сообщил второе имя варягов в статье 862 г. и задним числом учитывал их будущий элитарный характер.

Летописец в статье 862 г. не отождествил русь и варягов, но напротив, разделил их, точнее, выделил русь в массе варягов, тем самым на терминологическом уровне сближая ее с местной средой, с обозначением общности словенских племен, включившей южных полян и новгородских словен и тоже носившей имя русь, зафиксированное вступительной статьей в исторической памяти летописца для эпохи полулегендарного Кия и его братьев. Термин русь имел архаический характер. Называя отдельно варягов и русь в статье 862 г., но рассматривая русь как часть варягов, летописец отделил ее от тех будущих варягов-кондотьеров, которые будут приходить с Владимиром, с Ярославом, но не будут при этом называться русью.

Вступительная статья к ПВЛ, ее происхождение остается объектом дискуссий. Если вспомнить спорное чтение статьи 862 г. («рѣша русь» — «рѣша руси»), то первый вариант оказывается связующим звеном между этой статьей и вступительной этногеографической статьей с ее историческим содержанием. И совпадение имени русь, зафиксированного для обозначения местного субстрата дорюрикова и доваряжского периода, со вторым именем варягов не только не противоречило «генеалогии»

⁶³ Имеются расхождения в передаче текста ПВЛ и НПЛ.

ческому» замыслу летописца, отделившего русь от варягов, но, напротив, придавало ему дополнительный смысл, вместе с тем внося элемент энигматичности. Совпадение этих имен, может быть, свидетельствует об их архаичности.

Гипотеза Шахматова, толкующая смысл статьи 882 г., допускала теоретическую возможность того, что варяги могли принять имя русь от местной среды, выделяя в ней и акцентируя скандинавское начало. Не менее значительным было славянское начало, это признавал и сам Шахматов, излагая свою гипотезу еще в 1904 г. Поэтому вполне теоретически допустимо и другое предположение; варяги могли принять второе имя от другой части этой местной среды — с целью сблизиться с ней, либо выделиться в своей собственной, либо по каким-то иным причинам в каком-то неопределенном прошлом, что остается для нас неизвестным. В этой связи уместно вспомнить и двойное имя «свеонов»-«рос» в сообщении Бертинских анналов 839 г., тоже, впрочем, весьма дискуссионном.

В заключение следует сказать о том значении, которое имеет статья 882 г. при ответе на поставленный вопрос: «был ли норманистом составитель ПВЛ». Ее реконструкция и толкование Шахматовым представляет собой текстологический шов в его концепции, переход от одной группы источников (русского летописания) к другой — к зарубежным, арабским и латинским. Шов был скрыт, т.к. вторая группа источников не была названа ни в статье 1904 г., ни в книге 1908 г. Лишь в «Судьбах русского племени» (1919 г.)⁶⁴ эти источники были названы — Бертинские анналы, Ибн Русте, Ибн Хордадбех и др. Концепция оказалась гибридной, гетерогенной, двухсоставной. Первая ее часть, основанная на анализе русских летописей, привела к выводу о достаточно позднем появлении в них термина русь. Норманист А. Куник несколько иронически признавал (в связи с рассмотрением труда М.П. Погодина): «было бы благоразумнее Киевскую летопись совершенно устранить и воспроизвести историю Русского государства в течение первого столетия его существования исключительно на основании одних иностранных источников»⁶⁵.

В работе 1919 г. появилось построение, в свободной и достаточно произвольной форме (сегодня ее назвали бы «научно-популярной») излагавшее историю существовавших на северо-западе и в Поднепровье государств скандинавской руси, которые были унаследованы Олегом вместе с именем. Но в летописании данных об этом нет, Аскольд и Дир названы варягами, но не русью. За эту часть норманнской концепции летописец, повторим, ответственности не несет. Его «вина» состояла не в том, что он отождествил варягов и русь, — такого тождества в ПВЛ нет. Его «вина» ограничена тем, что он сообщил в статье 862 г. о наличии у части варягов второго имени — русь, возможно из генеалогических соображений, либо чтобы отделить ее от тех варягов-кондотьеров, которые будут приходиться с Владимиром, с Ярославом. Но русью они не будут названы ни разу.

Тезис пятый. Словенское единство в статье 898 г.

В статье 898 г. в четвертый раз повторяется формула «прозвания» руси-Русской земли, близкая статье 862 г. Однако новый контекст, в который она включена, придает ей новый смысл, по существу противопоставительный: «варяжское» прозвание уравнивается «словенским» началом, частью которого названа русь; более подробно развита и аргументирована тема, едва намеченная в Лаврентьевской летописи, где о новгородцах сказано: «прежде бо бѣша словене». Статья 898 г. содержит «Ска-

⁶⁴ Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 50—60.

⁶⁵ Куник А.А., Розен В.П. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 032—033.

знание о преложении книг», впрочем, без самостоятельного названия. Оно создано в 80 — нач. 90-х гг. XI в. и основано, как принято считать, на памятнике западно-славянского происхождения⁶⁶, но в составе исторической концепции летописца Сказание приобретает дополнительный смысл. «Сказание» посвящено началу просветительской миссии у славян солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия. Рассказывается, как братья прибыли к словенам по приглашению князей Ростислава, Святополка и Коцела, начали «съставлявати писмена азбуковъныа словѣньски и преложиста Апостоль и Еуагелие». Мефодий был поставлен епископом в Паннонии на престоле апостола Андроника, одного из 70-ти, ученика апостола Павла. И далее:

Тѣм же словѣньску языку учитель есть Анѣдроникъ
апостоль... Тѣм же и словѣньску языку учитель есть
Павель, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам
Руси учитель есть Павель, понеже учил есть языкъ
словѣнеск... А словенъскыи языкъ и рускыи одно есть,
от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене;
аще и поляне звахуся, но словенъскаа рѣчь бѣ⁶⁷.

Противоречат ли одно другому два близких по структуре высказывания в рамках одной статьи:

— от словенска языка и мы есмо русь,

— от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене.

Противопоставительное содержание усиливает значение словенского начала, отдавая ему предпочтение перед варяжским. Примечательна лексика: связь руси с варягами обозначена глаголом «прозывания», а со словенами — «бытия» («бѣша», «есмо» — формы глагола «быти»). Существование противопоставлено прозыванию.

Термин «русь» встречается и в начальной части статьи 898 г., в словах, которые неоднократно и по-разному обсуждались и толковались: «поляне, яже нынѣ зовомая русь». Но при этом очень часто не учитывался контекст, и все толкования ориентированы так или иначе на «варяжскую» тему, в то время как эти слова вводят тему славянского единства, следуют за перечнем западнославянских племен, что с «варяжской» проблемой никак не связано:

Бѣ единъ языкъ словѣнеснь:
словѣни же сѣдяху по
Дунаеви, их же прияша угри,
и морава, чеси, и ляхове, и
поляне, яже нынѣ зовомая русь.
Сим же первое преложены книги
моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская,
яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунаиских⁶⁸.

⁶⁶ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. IV. Глава VII. С. 86—87; Флоря Б.Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. 1985. Т. XLVI, f. 1. P. 121—130.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 28.

⁶⁸ Там же. Стб. 25.

Упоминанию руси предшествует перечень западнославянских этносов. Поэтому и русь может означать, как и во вступительной статье, восточнославянскую этноязыковую общность, а в ней поляне названы как главная ее составляющая. Во вступительной статье (см. тезис третий) русь также означала этноязыковую общность, единство которой было обеспечено наличием «словенского языка»; в ее составе на первом месте были названы поляне; то же и в статье 898 г. А термин русь в заключительной части процитированного фрагмента (о наличии в Руси словенской грамоты) имеет тот же смысл, что в статье 852 г. — «страна, земля». Все сказанное свидетельствует, что собирательное значение имени русь было достаточно закреплено и укоренено в языке в том значении, в каком оно употреблено во вступительной статье, при описании архаического состояния.

Во вступительной статье имеется еще один лаконичный фрагмент, затрагивающий тему словенского языка: рассказ о разделении народов после разрушения вавилонского столпа и о «словѣнах» как одном из «72-х язык» имеет заключение: «И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньскаа».

Нельзя ли понимать эти слова в том смысле, что «словенская грамота» после разделения «словенского языка» становится, в историософии летописца, силой, обеспечивающей славянское единство. В историографии неоднократно отмечалась связь между процитированными словами вступительной статьи и статьей 898 г. А.А. Шахматов характеризовал основную идею этой статьи как идею славянского религиозного единства, хотя и изложил эту мысль достаточно лаконично; но она была воспринята в дальнейшей историографии. Это была своеобразная «славянофильская» идеология, относимая к периоду 1030—1090-х гг., что связывается с разрастанием кирилло-мефодиевской традиции⁶⁹. Шахматов считал, что Сказание является вставкой в ПВЛ, сделанной Сильвестром в 1116 г. Если это так, то вставка относится к тому же «текстологическому этажу» в стратификации текста ПВЛ (формулировки А.А. Гиппиуса), что и наращение «русь» к имени варягов в статье 862 г. Этим подтверждается вывод, что Летописцу термин русь был известен в двух смыслах — как второе имя варягов и как собирательное обозначение восточнославянской этноязыковой общности.

«Сказание о преложении книг» является частью исторической концепции летописца, вводя социокультурную составляющую в процесс формирования государственности. Настойчивая акцентировка принадлежности руси «словенскому» единству снимает тезис о «норманизме» летописца. Составитель ПВЛ не был «норманистом», он был славянофилом.

---

⁶⁹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 86—87; *Его же*. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagič-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 172—188; Живов В.М. Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Русская духовная культура. Trento, 1992. С. 81—82, 91—92.

П.С. Стефанович

Элита Древнерусского государства (конец X — первая половина XIII вв.)

Понятие *элита* в последние годы всё шире и активнее используется в медиэвистике. Тому есть разные причины. С одной стороны, в исторической науке в целом на общества древности стали смотреть как на достаточно сложно стратифицированные и иерархизированные. Как показывают специальные исследования, даже в обществах, где государственные институты и структуры только начали формироваться, «общинные» отношения если и сохраняются, то на локальном уровне, и играют более или менее второстепенную роль. Реальная власть принадлежит сравнительно узкой и немногочисленной верхушке. В разных исторических условиях эта верхушка может по-разному выглядеть, но присутствует она практически во всех обществах. Эгалитарные общества, жившие или живущие в некоем «первобытном коммунизме», исторической науке вообще не известны, да и у этнологов идут споры, применимо ли это понятие и в какой мере к современным «примитивным» обществам¹. Общества, которые можно назвать (хотя всё равно условно) эгалитарными, фиксируются лишь в весьма специфических природных условиях в отдельных областях Африки и Азии².

С другой стороны, те понятия, которые ранее употреблялись в медиэвистике для обозначения социальной верхушки, как выясняется, не всегда удачно эту верхушку характеризуют. Одно из наиболее употребительных понятий в этом ряду, взятое на вооружение, в частности, в марксистской науке — *господствующий класс*, — подразумевает слишком жёсткие разграничительные линии (или даже антагонизм) между неким слоем, захватившим господство в обществе, и остальным населением. В действительности в Средние века каналы и механизмы социальной мобильности, которые пронизывали общество сверху донизу, всегда активно функционировали. В то же время отношения господства и подчинения были слишком разнообразны и связывали людей слишком разных, чтобы можно было, ориентируясь на эти отношения, чётко разделить население на классы, различающиеся по социально-экономическим, политическим или правовым критериям.

Особенно размыта и аморфна была социальная структура в раннее Средневековье. Юридические и институциональные градации, зафиксированные в документах, происходящих из разных регионов Европы, носили более или менее случайный и каждый раз особенный характер, были неустойчивы и непоследовательны. Историки всегда испытывают трудности в применении к этим обществам сословных или классовых определений, сложившихся в более позднее время. Вплоть до позднего Средневековья общественная иерархия строилась и определялась под воздействием

¹ Например, известный этнолог А. Бетейль заключает очерк развития идей и дискуссий об «эгалитарных/неэгалитарных» обществах в XIX—XX вв. следующим выводом: «большинство антропологов сегодня скептически настроены относительно существования всеобщей стадии примитивного коммунизма» (*Béteille A. Inequality and equality // Companion Encyclopedia of Anthropology/ ed. by T. Ingold. L., 1994, p. 1012*).

² Ср.: *Крадин Н.Н. Политическая антропология. Изд. 2-е. М., 2004, с. 149 и след.*

не столько письменно зафиксированных юридических норм, сколько общепринятых «обычно-правовых» представлений и практик и фактического соотношения сил.

Совсем недавно завершился масштабный международный исследовательский проект, инициированный французскими медиевистами в Париже и поддержанный на уровне Европейского Союза, который был посвящён разностороннему изучению элит в раннее и зрелое Средневековье (V—XI вв.). Результатом работы по проекту, озаглавленному «Элиты в эпоху зрелого средневековья. Формирование, идентичность, воспроизводство», стали шесть томов, каждый из которых посвящён тому или иному аспекту темы³. Руководитель проекта известный историк Режин Ле Жан определяет объект исследования, отталкиваясь от ставших уже классическими определений В. Парето и Г. Моска: элита — это «меньшинство, которое управляет, концентрирует богатства и престиж... Элиты состоят из всех тех, кто имеет социально возвышенное положение, кто выделяется не только обладанием имущества, властью и специальным знанием, но также признанием со стороны других людей»⁴.

К этому определению присоединились Л. Фелле, Ф. Депре и К. Уикхэм, в чём-то уточнив его, но согласившись в принципе, что основными являются три критерия — власть, богатство и престиж (авторитет)⁵. Применительно к раннесредневековому обществу совокупность всех вместе этих признаков, особенно если идёт речь об обладании не просто властью, но властью политической (публичной), указывает на элиту. Но к элите можно причислить и те группы и слои, которые обладают всеми тремя указанными признаками не в равной степени, а в разной — например, преимущественно двумя и только в незначительной степени одним. Важно иметь в виду, что элита — это научно-абстрактная категория. Люди, которых можно зачислить в эту категорию, совсем необязательно должны сами осознавать свою принадлежность к ней как некий маркирующий признак. Определяющей для их социального самосознания (самоидентификации) является принадлежность к более малочисленным и конкретным группам, которые могут быть очень разными в тех или иных условиях — знати (причём разного рода — например, придворных чиновников или землевладельцев), городским кругам (например, финансисты-ростовщики или торговцы), сельским богатым, церковным прелатам и т.д. и т.п. Если пользоваться социологическими терминами, об элите надо говорить как о социальной категории, но не социальной группе. Отчасти по этой причине, отчасти в силу истории и специфики употребления самого термина *элита*⁶ можно

³ Les élites au haut moyen âge. Crises et renouvellements/ Ed. par F. Bougard, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2006; Les élites et leurs espaces. Mobilité, rayonnement, domination (du VIe au XIe siècle)/ Ed. par P. Depreux, F. Bougard, R. Le Jan. Turnhout, 2007; Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100)/ Ed. par F. Bougard, D. Iogna-Prat, R. Le Jan. Turnhout, 2009; Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge. Ed. par J.-P. Devroey, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2011; La culture du haut moyen âge, une question d'élites? / Ed. par F. Bougard, R. Le Jan, R. McKitterick. Turnhout, 2009; Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Conception, perception et réalisation sociale. Theorie und Praxis frühmittelalterlicher Eliten. Konzepte, Wahrnehmung und soziale Umsetzung / Ed. par F. Bougard, H.-W. Goetz, R. Le Jan. Turnhout, 2011.

⁴ Le Jan R. Introduction // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge, 2003. P. 1 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/introduction.pdf>, дата обращения: 15.03.2013).

⁵ Depreux Ph. L'historiographie des élites politiques // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge, 2003, p. 6 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/depreux.pdf>, дата обращения: 15.03.2013); Feller L. Introduction. Crises et renouvellements des élites au haut Moyen Âge: mutations ou ajustements des structures? // Les Élités au haut Moyen Âge. Crises et renouvellements... P. 6; Wickham Ch. The Changing Composition of Early Élités // Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge... P. 8.

⁶ См. об этом: Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. № 1 (62). М., 2009. С. 136—153.

использовать его довольно гибко, уточняя, о какой именно элите идёт речь — экономической и политической, городской и деревенской, интеллектуальной и церковной и т. д.

Имея в виду определение элиты, принятое в указанном проекте «Элиты в раннее Средневековье в Западной Европе», можно задаться вопросом, выделяется ли некая светская элита в обществе средневековой Руси⁷. В некоторых работах последнего времени, посвящённых истории Древней Руси, уже использовалось само это понятие, однако авторы не дают ему чёткого определения, либо используют его с дополнительными пояснениями, сужающими его смысл, но не всегда адекватными в применении к реалиям древнерусского общества. Характерным примером могут служить разделы, посвящённые истории Руси IX—XV вв., в коллективной монографии историков Санкт-Петербургского Института истории «Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.». Авторы этих разделов М.Б. Свердлов и Л.И. Ивина хотя вроде бы и упоминают об *элите* или *элитных слоях*, но фактически оперируют ставшими традиционными для отечественной историографии терминами *дружина*, *двор*, *служилые люди*, *знать*, *сословие*, а Ивина не отказывается и от понятия *господствующий класс*, никак не поясняя при этом, как оно соотносится с *элитой*. «Правящую элиту» (то есть людей, занимающих «командные высоты» в государственном управлении, согласно определению, данному в предисловии к книге⁸), как она сложилась к середине XII в., эти авторы фактически приравнивают к боярству как «(служилой) знати» (М.Б. Свердлов), или как «аристократии» (Л.И. Ивина)⁹. Такой подход едва ли можно признать удачным, и он только запутывает дело. Если говорится о «правлящей элите», то встаёт вопрос (который в книге нигде и никем не ставится), что представляла собой элита не-правлящая. С другой стороны, применительно к средневековой Руси выделение некой «правлящей элиты» и фактическое отождествление её с боярством мало что даёт для объяснения социальной структуры и механизмов управления и выглядит надуманным и неубедительным. Даже если не считать княжеских и боярских слуг и холопов, причастных к управлению государством (хотя иногда эти люди фактически располагали немалой властью), Свердлов и Ивина не учитывают, что в Древней Руси, как известно, важнейшие государственные вопросы могло решать вече — собрание свободных граждан. Если не ясно, по каким признакам выделяется элита, а определение «правлящий» может быть применено по отношению к разным слоям и группам, естественно усомниться в том, надо ли было вообще вводить новое (для исследований по древнерусской истории) понятие *правлящая элита*.

На мой взгляд, как в этой коллективной монографии, так и вообще в историографии Древней Руси недостаточно внимания обращалось на те свидетельства историков, в которых отразился взгляд самих современников на общественную иерархию — по выражению Ж. Дюби, «представления общества о самом себе». В данной статье анализируются два летописных известия, в которых точно указаны те социальные группы, которые сами авторы известий воспринимали как особо выдающиеся, как социальную верхушку. Нельзя ли считать как раз совокупность этих групп эли-

⁷ О церковной элите, конечно, тоже вполне правомерно говорить, но в данном случае речь пойдёт только о светской части общества.

⁸ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 5.

⁹ Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI—XIV вв. // Правящая элита Русского государства... С. 61, 64 и след.; Ивина Л.И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XVI вв. // Там же. С. 109—110.

той? Одно из известий относится к концу X в., другое — к началу XIII в. Несмотря на двухсотлетнюю разницу в возрасте между ними, в перечислениях социальных групп, предложенными двумя летописцами, обнаруживаются явные соответствия.

Придерживаясь ретроспективного подхода, рассмотрим вначале более позднее известие. Оно яснее и понятнее, и результаты его анализа позволят правильно оценить данные древнего летописного свидетельства, более сложные для понимания. Это — известие Московского летописного свода конца XV в. в статье 6719 (1211) г. Как показал А.Н. Насонов, текст восходит к владимирскому своду 1220-х гг.¹⁰ В этой летописной статье рассказывается о конфликте Всеволода Юрьевича «Большое Гнездо», владимирского князя, со своим сыном Константином. Чтобы определить новый порядок престолонаследия в пользу другого своего сына (Юрия), престарелый Всеволод устроил представительное собрание. На это собрание — по сути, вече (хотя само это слово в летописи не используется) — он «созва всѣх бояръ своихъ с городовъ и съ волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны, и вси люди»¹¹. Если оставить в стороне представителей духовенства (епископа, игумена и священников), то социальная иерархия выстраивается здесь следующим образом (сверху вниз): бояре—купцы—дворяне—«все люди».

«Все люди» — это, очевидно, полноправные свободные жители, преимущественно или даже исключительно горожане, которые имели право участвовать в вече¹². В этом случае за остальными группами — боярами, купцами и дворянами, — следуя логике летописного сообщения, надо признать социально повышенный статус. Естественно появление в этом списке на первом месте бояр, поскольку этим термином — *бояре* — в Древней Руси обозначалась знать как социальная группа (до XV в., позднее это слово стало употребляться как придворное звание)¹³.

О точном значении в то время термина *купец* среди учёных нет единства. Одни видят в нём просто указание на профессиональных торговцев (как в более позднее время)¹⁴, другие считают, что этот термин мог обозначать не только торговцев, но и более широкие круги свободного населения, — хотя населения именно городского¹⁵. Так или иначе, в данном контексте, учитывая упоминание «всех людей» — свободного городского населения, — в «купцах» надо видеть верхушку свободного населения, жившую преимущественно или даже исключительно в городах и обладавшую более значительными финансовыми средствами (то есть выдающуюся экономически).

Благодаря специальным исследованиям В.Д. Назарова и Ю.А. Лимонова ясно, кто имелся в то время под дворянами. Дворяне XII—XV вв. — это слуги, занятые в основном в суде, хозяйстве и управлении, как княжеские, так и боярские. В ряде известий XIII—XIV вв. слово *дворянин* выступает просто синонимом слова *слуга*. В.Д. Назаров

¹⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 210 и след.

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949. С. 108.

¹² См. обоснование тезиса, что в вечевых собраниях в Древней Руси участвовали исключительно горожане: Лукин П.В. Вече: социальный состав // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33—147; специально об этом известии — С. 127—129.

¹³ См. подробнее: Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 359—558.

¹⁴ Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 378—382.

¹⁵ Флоря Б.Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 66—69; Лукин П.В. Указ. соч. С. 124.

считает, что дворяне того времени были близки западноевропейским министрам¹⁶. Действительно, это были люди зависимые от своих господ, но нет никаких данных об их несвободном статусе (какой имели министры). Во всяком случае, в известии 1211 г. явно имеются в виду свободные люди, потому что в вечевом собрании, посвящённом важнейшему вопросу о передаче государственной власти, участие холопов нельзя предполагать. Дворяне, упомянутые здесь, скорее представляют собой низшую «служилую» знать¹⁷. Это были люди на княжеской (в данном случае) службе, не принадлежавшие родовой знати (боярству) и, вероятно, не располагавшие значительной собственностью, но возвышенные благодаря княжеской протекции. Таким образом, в известии владимирского летописания начала XIII в. мы имеем дело с тремя социальными группами, которые, как подразумевается самим автором известия, обладали статусом повышенным («элитарным») по сравнению со «всеми людьми»: боярами — знатью, купцами — верхушкой свободного населения, и дворянами — княжескими слугами.

Обратимся теперь к тексту XI в. Это — известный летописный рассказ о пирах князя Владимира Святославича в статье 6504 (996) г. Текст читается практически одинаково в Новгородской 1-й летописи младшего извода (далее — Н1Лм) и списках «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). Это значит, согласно теории А. А. Шахматова об истории раннего летописания Руси, что рассказ восходит к киевскому своду середины 1090-х гг., который он условно назвал «Начальным» (и который отразился в Н1Лм). Но сам же Шахматов датировал этот текст ещё более ранним временем, считая, что он содержался уже в древнейшем пласте летописания — своде, который он назвал «Древнейшим Киевским 1039 г.» и который вошёл составной частью в «Начальный свод» и ПВЛ¹⁸. Современные исследования подтверждают основные положения теории Шахматова, и в частности, не было высказано никаких доводов против древности рассказа о пирах Владимира¹⁹, и его, таким образом, можно возводить к летописанию первой половины XI в.

Приведу полностью рассказ, как Владимир «творил» пиры, по древнейшей Лаврентьевской летописи: «Се же паки творяше людем своимъ, по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пирь творити и приходити боляром и гридем и съьскимъ и десяцьским и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясь, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подыпяхуться, начыняхуть роптати на князь, г(лаго)люще: зло есть нашим головамъ, да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными. Се слышавъ, Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ серебряны ясти дружинѣ. Рече сице, яко серебромъ и златом не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и о(те)ць мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строении земленѣм и о ратехъ и уставѣ земленѣм»²⁰.

¹⁶ Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978. С. 119, 122—123.

¹⁷ Так считает Ю.А. Лимонов: Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 153, 157, 161, 169.

¹⁸ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908 г.). С. 121—123, 387—389.

¹⁹ См., например, в одной из недавних работ, где представлена соответствующая литература: Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 111.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. Л., 1926. Стб. 126. Ср.: Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 110—111; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 167.

Пир, о котором идёт речь в летописи, — это трапеза для близких к князю людей (их круг ограничен), регулярная (каждую «неделю», то есть воскресенье), в определённом месте (гридница на княжеском дворе). Как специально подчёркивает летописец, пир происходил вне зависимости от присутствия князя («при князи и без князя»), — то есть в этом мероприятии важным было не только общение лично с князем, но и общение всех приходящих людей между собой, которые поддерживали связь друг с другом и в то же время, имея регулярный доступ к княжескому «изобилию», подтверждали свой привилегированный статус по сравнению с остальным населением.

Обратим внимание, прежде всего, на то, что люди, допущенные на пиры, все вместе в начале сообщения обозначены как «люди свои» для князя, а в конце — как «дружина». Из сопоставления этих обозначений следует со всей ясностью, что «дружина» — это доверенные лица князя, его окружение, однако не только ближайшее, но и находящееся в опосредованных отношениях с ним. Поскольку тут же перечисляются разные категории этих людей, так же ясно становится, что смысл слова именно в том, чтобы дать обобщающее обозначение для всех них. «Дружина» здесь — это все вместе княжеские люди, вне зависимости от различий в их статусе и занятиях²¹.

В данном случае для меня наиболее важен список лиц в составе «людей своих»/«дружины» в первой фразе: «и приходит бояром и гридем и съцьскимъ и десяцьским и нарочитымъ мужем». Порядок их перечисления явно иерархизирован и не заканчивается каким-то неопределённым указанием (типа «и прочим», «и инем многим» и т. п.). Перечисление точно и исчерпывающе — именно и только указанные группы и составляли «дружину» князя в смысле людей, связанных с ним и друг с другом теми или иными служебно-договорными отношениями. Всё это склоняет нас к тому, чтобы в этих воскресных пирах видеть собрание выдающихся в обществе людей — лучших и связанных с центральной властью. Летописец обозначает их словом *дружина*, а мы, похоже, можем назвать их элитой.

В начале перечня мы видим бояр. В XI в. это слово уже достаточно широко употреблялось в древнерусских источниках для обозначения знати, и в этом тексте оно ясно указывает на наиболее важных и могущественных людей, ближайших советников и соратников князя. Этих людей мы видим на первом месте и в сообщении 1211 г. Следующими упоминаются гридь. В литературе их обычно считают «младшими дружинниками». Специальный анализ всех упоминаний гриди/гридьбы/гридинов в древнерусских источниках приводит к выводу, что этим термином обозначались профессиональные военные, которые служили князю, получая за эту службу денежное жалованье²². Имея в виду сообщение 1211 г., гридь можно сопоставить с дворянами — и те, и другие были слугами князя. Правда, эти слуги выполняли несколько разные функции и имели разное обеспечение, и об этом ещё будет сказано ниже. Сотские и десятские — должностные лица так называемой децимальной организации. Как показало исследование В.А. Кучкина, организация эта имела, в первую очередь, не военное назначение (как иногда предполагается в литературе), а административное и хозяйственное²³. Последними в перечне идут «нарочитые мужи». Прямой смысл выражения указывает на людей, лучших в каком-то отношении по сравнению с остальными. В летописных ста-

²¹ Такое значение слова «дружина» как раз характерно для древнерусских источников. Ср. специальное исследование о значениях этого слова: *Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 129—262.

²² Там же. С. 304—358.

²³ *Кучкин В.А.* Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 328, 423—425.

тях, которые, вслед Шахматову, можно возводить к древнейшим слоям летописания, это выражение встречается ещё пару раз. Например, в статье 6453 (945) г. им были обозначены древляне, выбранные для вторичного посольства к Ольге в Киев, и тут же эти же лица названы «лучшими мужами», «иже держаша Деревскую землю»²⁴. В статье 6496 (988) г. в рассказе о крещении Руси сочетание «нарочитая чадь» использовано для обозначения более выдающихся среди всех «людей», признававших власть киевского князя, вне зависимости от их происхождения и местожительства²⁵.

Можно связать сотских и десятских с нарочитыми мужами и думать, что эти лица представляли верхушку свободного населения, облечённую некоторыми властными полномочиями со стороны князя. В классической книге «Древнерусские города» М.Н. Тихомиров именно в таком духе оценивал перечень лиц, которых Владимир приглашал на пиры²⁶. Не совсем ясно, по каким причинам летописец особо выделил в составе «нарочитых мужей» именно сотских и десятских, а не упомянул, например, старост (известных и древнейшему летописанию, и «Русской Правде»). Может быть, дело в том, что децимальная организация, по-видимому, охватывала, главным образом, городское население, а старосты действовали в сельской местности²⁷, и летописец, таким образом, имел в виду, что к княжеской «дружине»/«своим людям» принадлежала, в первую очередь или в основном, верхушка именно городского населения.

В известии 1211 г. тоже присутствует верхушка свободных людей — купцы. Это были тоже преимущественно городские жители. Важно ещё отметить, что купцы на Руси с древнейших времён и вплоть до XVII в. (да и позднейшего времени) часто выступали доверенными лицами правителя, особенно во внешних сношениях, и на них возлагались различные «государственные» функции (разумеется, в обмен на те или иные вознаграждения или привилегии) — об этом свидетельствуют самые разные документы, от договоров руси и греков 911 и 944 гг. до Уложения 1649 г. Указывая в этом контексте также и на «Русскую Правду», Тихомиров писал о купцах: «В городском населении именно купцы или гости... составляли наиболее почитаемую группу, находившуюся под непосредственной княжеской защитой... Упоминание купчины в первой статье Краткой Правды показывает, что в эпоху появления этой статьи купцы состояли под непосредственным покровительством князя наряду с дружинниками (мечником, гридем и ябедником)»²⁸. С другой стороны, купцы имели непосредственное отношение к децимальной организации. По крайней мере, так было, вне сомнения, в Новгороде в XII—XIII вв.²⁹ Кроме того, известно, что новгородские сотни были фискально и административно связаны с князем³⁰ и что в Новгороде были купеческие торговые организации, которые находились под патронатом князя (купеческое объединение при церкви Ивана на Опоках).

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 57. Ср.: Новгородская первая летопись... С. 112.

²⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 118. Ср.: Новгородская первая летопись... С. 157.

²⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М., 1956. С. 160—161.

²⁷ Во всяком случае, в одном из древнейших летописных известий старосты упоминаются вместе со смердами (точнее, во главе их), а в «Правде Ярославичей», выделяемой в составе «Краткой редакции» «Русской Правды», упоминаются не просто старосты, а «сельский староста княжий и ратайный» (ст. 24). См.: Новгородская первая летопись... С. 15, 175; Правда Русская. Под ред. Б.Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.; Л., 1940. С. 71—72, 80.

²⁸ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 154.

²⁹ См. об этом в недавней работе: Флоря Б.Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. // Средневековая Русь. Вып. 6. 2006. С. 66—79. Ср. также сотнях в Новгороде: Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 83—96, 103—105, 114 и след.

³⁰ Это признаёт и Б.Н. Флоря, соглашаясь с В.Л. Яниним: Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 79.

Из всего этого следует, что сотские, десятские и нарочитые мужи в известии о пирах Владимира — это представители верхушки свободного населения, прежде всего и преимущественно горожане, и что та же, в сущности, социальная группа фигурирует под именем «купцов» в известии владимирского летописания 1211 г. Эту группу выделяло, главным образом, имущественное благосостояние, но она также выполняла некоторые функции публичных власти и управления. Присутствие представителей городской (торговой) среды на пирах Владимира и на вече, созванном Всеволодом, объясняется не только их связью с князем, но и их связью с боярством. Эти два слоя имели много общего и, прежде всего, местожительство — они жили главным образом внутри городских стен. Купцы практически всегда в домонгольское время упоминаются в связи с городом. Но неоднократно в источниках XI—XII вв. упоминаются и городские усадьбы («дворы») бояр³¹. Как хорошо известно, в Новгороде удаётся археологически проследить преемственность боярских усадеб на протяжении нескольких веков с самого древнейшего времени, то есть с рубежа X—XI вв.³² По другим городам археологические материалы не так показательны, но данные письменных источников не позволяют предполагать какую-то специфику Новгорода в этом отношении. П. Бушкович, сопоставляя свидетельства письменных источников с данными археологии по трём землям Руси (Киевской, Смоленской и Новгородской), приходит к выводу о преимущественно городском образе жизни боярства в XI—XII вв.³³ «Городскую оседлость» как традиционную черту русской знати справедливо подчёркивает Х. Рюсс, указывая на её отличие в этом смысле от знати западноевропейской³⁴.

Каждому из двух слоёв совсем не были чужды занятия другого — бояре занимались торговыми и финансовыми операциями, а купцы готовы были взяться за оружие. О боярах М.Н. Тихомиров, опираясь на летописные и актовые источники, писал, что они «играли видную роль как в экономической, так и в политической жизни города» и что «участие в торговле и ростовщичестве тесно связывало бояр с широкими кругами городского населения, в особенности с купеческой верхушкой»³⁵. Учёный ещё не располагал новгородскими берестяными грамотами, первые из которых были только-только открыты на момент публикации его книги вторым изданием. Между тем, они служат одним из наиболее ярких свидетельств коммерческих занятий боярства; в них мы находим рядом с упоминанием лиц высшей новгородской знати списки должников и отданных в рост сумм, перечни товаров и продуктов ремесленного производства, отчёты о торговых операциях и т. д. Данные такого рода бросаются в глаза, хотя иногда интерпретируются как специфически новгородское явление³⁶. С этим трудно согласиться. Коммерческие занятия боярства, пусть и слабо, но всё же прослеживаются и в других землях Древней Руси, и о них именно как об общерусском явлении говорил, например, тот же Тихомиров, который ссылался,

³¹ См., например: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 161—168, 254.

³² *Янин В.Л.* Раскопки в Новгороде // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 63.

³³ *Bushkovitch P.* Towns and Castles in Kievan Rus': Boiar Residence and Landownership in the 11th and 12th Centuries // *Russian History*. Vol. 7. № 1—2. 1980. P. 251—264.

³⁴ *Rieß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9—17 Jh., Köln, Weimar, Wien 1994. S. 76—389. Ср.: *Рюсс Х.* Городская оседлость русской знати // *Сословия и государственная власть в России. XV—XIX вв.* Международная конференция — Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I—II. М., 1994. С. 253—262.

³⁵ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 165.

³⁶ Ср.: *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 61—67.

например, на свидетельства «Русской Правды» и внешнеторговых договоров Смоленска XIII в. Исключительность Новгорода состоит лишь в том, что данные, происходящие из него, несравненно более показательны и обильны по сравнению с отрывочными упоминаниями из других регионов.

Те же новгородские данные прямо говорят о военных занятиях купцов. В летописи, в частности, упоминается, что купцы воюют вместе с гридьёю³⁷. К этим известиям XII—XIII вв. можно присовокупить те, которые говорят о том, как в случае военных действий и отсутствия князя в городе новгородцы собирали средства «крутиться на воину» именно купцам³⁸. Конечно, не случайно, что между знатью и виднейшими представителями городской среды часто возникают политические союзы, особенно тогда, когда их объединяло противостояние княжеской власти. Некоторые историки считают, что боярство либо с самого начала доминировало в этом союзе, либо со временем перехватывает политическую инициативу у горожан и совершенно подавляет их голос на вече³⁹. По всей видимости, такие оценки страдают некоторым преувеличением — в действительности демократическое начало в «вечевой стихии» жило всегда вплоть до её затухания в XIV—XV вв.⁴⁰ Но в данном случае главное зафиксировать не перевес на вече той или иной социальной группы в тот или иной момент и в том или ином месте, а сам факт совместного участия боярства и горожан или, по крайней мере, городской верхушки в политической жизни. Задавшись вопросом о том, как в известиях XII в. летописцы оценивают общественную роль и действия знати, Б.Н. Флоря в недавней статье пришёл к убедительному выводу, что «в общественном сознании» существовала «тесная связь между “боярством” и населением главного центра “земли”. Они выступают совместно, в некоторых случаях “бояре” выступают как люди, организующие и направляющие действия городской общины, в других случаях в изображении летописца знать с этой общиной сливается и растворяется в этом общем понятии»⁴¹.

Важным показателем общих интересов и совместной деятельности знати и горожан является возникновение в XI в. должности тысяцкого, которая, конечно, была связана с децимальной организацией. Первые упоминания этой должности, как известно, относятся к концу XI — началу XII в. В статье ПВЛ под 6597 (1089) г. сообщается, что Успенский собор в Печерском монастыре был освящён «при бл(а) городьнѣмъ князи Всеволодѣ», «воеводство держащю кыевьскыя тысяща Яневи»⁴². Упомянутый здесь Янь — по всей видимости, известный киевский боярин Янь Вышатич, неоднократно упомянутый в летописи. А в рассказе о смерти киевского князя Святополка Изяславича в 1113 г. и волнениях в Киеве, возникших после неё, тысяцким в городе указан Путята, который, вероятно, был братом Яня⁴³. Анализ существующих данных о тысяцких в Древней Руси приводит исследователей к выводу, что

³⁷ Новгородская первая летопись... С. 42, 234; 73, 283.

³⁸ Там же. С. 25 (статья 6645 (1137) г.).

³⁹ См., например: *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 197 и след.; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 2003. С. 8—9; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 224 и след.

⁴⁰ Ср.: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 217 и след.; *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 44 и след., 145.

⁴¹ *Флоря Б.Н.* Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // *Средневековая Русь*. Вып. 8. 2009. С. 80.

⁴² Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 208.

⁴³ Там же. Т. 2. Стб. 275—276. О Яне и Путяте и их мнимых и реальных родственных связях см. подробнее: *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 220—233.

эту должность занимали виднейшие бояре и в их компетенцию входили военная организация городского населения, а также вопросы городского управления и фиска, особенно в сфере торговли⁴⁴. Тихомиров делал вывод, что тысяцкие «утверждаются как начальники над городским населением» и «хотя и назначаются князем, но становятся представителями городского населения»⁴⁵. Он подчёркивал их роль именно как своего рода связующего звена между княжеской администрацией и городской средой. В создании специального должностного лица, которое координировало деятельность этих двух сфер, практическое и в то же время своего рода символическое воплощение получила экономическая и отчасти политическая общность боярства и городской верхушки. Децимальная организация — городская (или выросшая из города), а во главе неё — боярин.

Таким образом, в летописном известии о пирах Владимира мы видим три группы населения — бояре, гриди и городская верхушка — которые, судя по всему, и составляли элиту Руси. Летописец, вероятно, и хотел выразить мысль, что князь объединяет все лучшие и важнейшие общественные элементы, которые вообще заслуживали приглашения «по вся неделя» на его «двор в гридьницу», и заботится об этой «дружине». Каждая из этих групп была связана с князем как главой государства и важна для него, но по-разному. Бояре служат князю, и от этой службы происходят их политическое влияние и какая-то часть (вероятно, даже важнейшая) доходов. Но высокое положение в обществе, достаток и наличие собственных зависимых людей сообщают боярам известную независимость, заставляют всех, в том числе и самого князя, уважать их и с ними считаться. Гриди — воины на княжеском содержании — основная ударная сила и военная опора князя. Хотя по статусу это были люди, принадлежащие «дому» или «двору» князя, но они, судя по порядку перечисления в летописном известии, рассматривались летописцем как более важные персоны, чем представители городского населения. Наконец, купцы и прочие городские жители связаны с князем меньше остальных — главным образом, фискальными отношениями и частными заказами и поручениями. Но они важны также как люди, которых можно задействовать на разовые военные мероприятия. С боярами тесно связаны и гриди, и городская верхушка. Первые — в силу постоянного взаимодействия внутри военной организации и при княжеском дворе, вторые — торговыми и финансовыми делами.

В известии начала XIII в. мы видим примерно те же элементы, лишь с некоторой перегруппировкой: знать—верхушка свободного (городского) населения—княжеские слуги. Бояре остаются на своём месте, купцы соответствуют сотским, десятским и нарочитым мужам, а дворяне заменили гридь. Перегруппировка состоит в том, что представители города в 1211 г. потеснили со второго места «иерархической лестницы» княжеских слуг. Это — важное изменение, которое надо объяснять трансформацией корпуса княжеских слуг с X в. к началу XIII в. вследствие общих изменений в социально-экономическом строе Древнерусского государства.

Государство X — первой половины XI в. можно определить как военно-трибутарное, крепящим элементом которого являются завоевания, ведущие к данническому подчинению населения. В такой системе власти и эксплуатации «услуги» профессиональных военных имели большое, иногда решающее, значение. Гридь и была таки-

⁴⁴ Ср. недавний пересмотр сведений о тысяцких до середины XIII в.: *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X—XIII века. СПб., 2011. С. 111—123.

⁴⁵ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 228.

ми воинами, которые занимали виднейшее место среди прочих людей на княжеской службе, и их положение в летописном списке сразу после бояр не случайно. Но с развитием производящей экономики, ростом новых центров перераспределения ресурсов, повышением роли договорных механизмов в управлении государством, усложнением системы налогообложения и другими факторами роль военных слуг падает, и им на смену приходят слуги другого рода — хозяйственные, судебные и административные. Последние упоминания гриди в источниках относятся к началу XIII в. — как раз тому времени, когда в широкое употребление входят термины *дворяне* и *слуги*. Разными были не только функции, но и формы обеспечения княжеских слуг XI и XIII вв.: если гридь содержались на денежное жалованье, то дворяне получали доли от поборов с населения и какие-то земельные «держания» от князя. В условиях активного роста городов и подъёма городской экономики в XII — первой половине XIII в. повышается и значение городских «олигархов», которые сближаются с боярством в экономическом и политическом смысле. Их положение оказывается выше того, которое в социальной иерархии занимают княжеские слуги, занятые в хозяйстве и администрации.

Однако, в целом с начала XI в. до конца домонгольского периода состав той верхушки общества, которая выделяется относительно простых «людей» и которую в древнейший период называли «дружиной», обнаруживает преемственность. Соответствия в двух совершенно разных по смыслу и происхождению летописных свидетельствах не могут быть случайны и должны объясняться, очевидно, устойчивостью социальной структуры, которую отражали эти тексты. Отталкиваясь от признаков элиты, которые выделяются в современной медиевистике и которые были обозначены в начале статьи — власть, богатство, авторитет (престиж), — можно обозначить эту верхушку древнерусского общества элитой. Все три группы, составлявшие её — знать, богатейшие горожане и княжеские слуги — были в той или иной мере причастны публичной власти, которую олицетворял князь; в большей мере — бояре, в меньшей — горожане. Бояре и городские «олигархи» отличались имущественным достатком. Но княжеские слуги тоже не были людьми бедными; просто их материальное благосостояние в большей степени зависело от «милости» князя. О том, что принадлежность к этим трём группам расценивалась как престижная, свидетельствует сам факт, что летописцы рассматривали их как лучшую («нарочитую») часть общества, стоящую выше в социальной иерархии «всех людей». Таким образом, в разных степени и мере все три признака были присущи знати (боярам), городской верхушке (купцам) и княжеским слугам (гриди, дворянам и др.), и эти три группы составляли элиту древнерусского общества в конце X — первой половине XIII вв.

Русские княжества второй половины XI—XV вв.

Образование в Восточной Европе первых княжеств во главе с князьями-Рюриковичами относится к X столетию. Как сообщают летописи, в 970 г.¹ киевский князь Святослав Игоревич, отправляясь на вторую войну с болгарами, разделил свои владения между тремя сыновьями. Старший Ярополк получил Киев, средний Олег — Древлянскую землю, младший Владимир — Новгород². После гибели отца в 972 г.³ три Святославича начали править в своих владениях самостоятельно. Правления эти длились недолго. Уже в 977 г. между Ярополком и Олегом вспыхнула война, в результате которой Олег погиб, а Древлянская земля была присоединена к владениям киевского князя⁴. Поняв, что ему может грозить участь Олега, Владимир покинул Новгород и укрылся в Скандинавии. Ярополк прислал в Новгород своих посадников⁵. К 978 г. Русь вновь стала единым государством во главе с Ярополком. Это единство сохранилось и после победы в 980 г. Владимира над старшим братом⁶. Удержалось оно и при сыне Владимира Ярославе Мудром, хотя ему пришлось вести упорную борьбу с братьями за верховную власть в стране и оставить за своим племянником Брячиславом Полоцкое княжество. Последнее было образовано еще Владимиром и находилось в вассальной зависимости от Киева⁷. И только после кончины в 1054 г. Ярослава, разделившего свои владения между 5 сыновьями, можно говорить о распаде прежде относительно единого Древнерусского государства и появлении вместо него нескольких самостоятельно действующих княжеств. Своему старшему сыну Изяславу Ярослав завещал Киев (ему же достался и Новгород), Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир Волынский, Вячеславу — Смоленск⁸. Об этом периоде русской истории первый русский официальный историограф Н.М. Карамзин писал, что «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие» и что вместо одного страна стала иметь «шесть юных государей»⁹.

Новые черты в политическом развитии древней Руси обнаруживаются сразу же после смерти Ярослава Мудрого. Описывая события 1055 г., летописец отметил, что «в семь же лѣтъ, приходи Болушь с половци, и створи Всеволодь миръ с ними»¹⁰. Записей

¹ Здесь и далее приводимые и почерпнутые из летописей даты событий русской истории X в. условны. Они появились в русском летописании в середине 90-х гг. XI в., когда составитель т. н. Начального свода вставил в свой рассказ о прошлом Руси хронологическую сетку. См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий Археографической комиссии за 1907 год. Вып. XX. СПб., 1908. С. 97—98.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 69.

³ Там же. Стб. 74.

⁴ Там же. Стб. 74—75.

⁵ Там же. Стб. 75.

⁶ Там же. Стб. 78—79.

⁷ Там же. Стб. 121; ПСРЛ. Т. IV. Часть I. Вып. I. Пг., 1915. С. 110—111.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 161.

⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 44, 45. Шестым «государем» Н. М. Карамзин считал полоцкого князя Всеслава Брячиславича.

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.

подобного рода в русском летописании второй половины XI — начала XIII вв. — многие десятки, и, видимо, потому исследователи не всегда всесторонне оценивают их содержание. Между тем это совсем небесполезное занятие. Стоит обратить внимание на то, что мир с внешними врагами — половцами — в 1055 г. заключил не старший киевский князь Изяслав, а правитель скромного по своим экономическим, людским и военным ресурсам Переяславского княжества. Следовательно, одна из важнейших государственных функций — внешняя политика — начинает осуществляться княжествами самостоятельно, причем мир с половцами, установленный переяславским князем Всеволодом, вовсе не означал мира половцев с остальными русскими князьями. Старший из Ярославичей, киевский князь Изяслав, в свою очередь, в 1058 г. ходил походом на галиндов (голядь)¹¹, а в 1060 г. — на эстонское племя саккала (сосол)¹², но воевал с ними один, без поддержки братьев и полоцкого князя. Эти факты свидетельствуют о самостоятельной внешней политике еще одного из княжеств, образовавшихся после смерти Ярослава.

Изменения происходят и во внутреннем строе этих княжеств. Владения «шести юных государей», о которых писал Н.М. Карамзин, сохраняются как самостоятельные политические образования вплоть до последней четверти XI в. и более того — до татаро-монгольского завоевания. Но правители в них уже в ранний период меняются. С одной стороны, это прямые потомки тех князей, которые правили в своих княжествах после Ярослава Мудрого, с другой — их боковые родственники, когда угасала или проигрывала борьбу за власть местная княжеская династия. В 1057 г. в Смоленске умер князь Вячеслав Ярославич. Три его старших брата перевели в Смоленск княжившего во Владимире Волынского Игоря¹³. Княжество же Игоря взял себе киевский князь Изяслав¹⁴. Этим, кстати говоря, объясняется его поход 1058 г. на галиндов, живших близ северо-западных границ Владимиро-Волынского княжества. Своим братьям Изяслав из нового территориального приобретения ничего не выделил. Зато когда после поражения Ярославичей от половцев на р. Альте в 1068 г. ставший в результате восстания киевлян киевским князем Всеслав Полоцкий отдал братьям Изяслава Святославу и Всеволоду северные и юго-западные владения их старшего брата, те, до той поры враждовавшие с Всеславом, без колебаний приняли их, послав туда своих сыновей-наместников¹⁵. В свою очередь Изяслав, изгнанный из Руси в 1073 г. братьями Святославом и Всеволодом и после смерти Святослава вернувшийся на киевский стол летом 1077 г.¹⁶, лишил на Руси владений своих племянников-Святославичей, а Черниговское княжество на 17 лет перешло в руки ставшего

¹¹ Там же.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/ Под редакцией и с предисловием А.Н. Насонова (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 183.

¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.

¹⁴ Сын Изяслава киевский князь Святополк в 1098 г. заявлял, что Перемышль и Теребовль — «волость отца моего [и] брата». См.: Там же. Стб. 269. Волость Святополкова брата Ярополка хорошо известна. Это Владимир Волынский, который Ярополк получил в 1078 г. от Всеволода Ярославича. Следовательно, в 70-ые гг. XI в. Перемышль и Теребовль считались территорией Владимиро-Волынского княжества. Если оба города входили во времена правления в Киеве Всеволода Ярославича в состав этого княжества, то слова Святополка Изяславича, сказанные в 1098 г., указывают на то, что после перевода Игоря Ярославича из Владимира Волынского в Смоленск во Владимире распорядился один Изяслав Ярославич.

¹⁵ Подробнее см.: Кучкин В.А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории, 1985, № 11.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 199.

союзником Изяслава Всеволода Ярославича Переяславского и его сына Владимира Мономаха.

При Ярославичах окончательно обособилось Полоцкое княжество. Его правитель князь Всеслав Брючиславич первоначально помогал Ярославичам в их борьбе с кочевниками¹⁷, но когда в южных степях активизировались половцы, отказался от такой помощи. Мало того, в 1065 г. Всеслав начал борьбу против Изяслава Киевского, опустошив окрестности Пскова, а в 1066 г. захватил и ограбил Новгород¹⁸. Это вызвало поход против него трех Ярославичей. На р. Немиге близ Минска 3 марта 1066 г. произошло кровопролитное сражение, в котором Всеслав потерпел поражение¹⁹. Спустя 4 месяца Ярославичи пригласили его на переговоры в Оршу, где вероломно арестовали вместе с двумя сыновьями и отправили в заточение в Киев²⁰. Восставшие в сентябре 1068 г. киевляне освободили Всеслава и даже сделали своим князем, но в мае 1069 г. Всеслав бежал в родной Полоцк²¹. Возвратившийся тогда с польской помощью на киевский стол Изяслав не оставил Всеслава в покое. На Полоцк были направлены войска, и Всеслав скрылся у скандинавов. Полоцким князем стал сын Изяслава Мстислав. Однако в 1071 г. Всеслав сумел отвоевать Полоцк²². Любопытный эпизод произошел в 1181 г. в Новгороде. Новгородцы вдруг вспомнили, что некогда Всеслав Полоцкий захватил в Новгороде дорогие богослужебные сосуды и «погость единь завель за Полтескъ»²³. Поэтому был организован поход на его правнука, тоже Всеслава, но на сей раз Васильковича. Поход удалось прервать, однако воспоминание о междоусобицах послеярославовой эпохи воспламеняло новгородцев и спустя более сотни лет после нападений Всеслава Брючиславича.

Постоянная борьба потомков Ярослава Мудрого за собственное обогащение, расширение своих земель, захват чужих владений привели в конце концов к необходимости установления общих норм обладания княжествами. В 1097 г. в пограничном черниговском городе Любече состоялся съезд Ярославичей: киевского князя Святополка Изяславича (внук Ярослава Мудрого), переяславского Владимира Мономаха (внук Ярослава Мудрого), владимири-волынского Давыда Игоревича (внук Ярослава Мудрого), теребовльского Василька Ростиславича (правнук Ярослава Мудрого), черниговских династов Олега и Давыда Святославичей (внуки Ярослава Мудрого), на котором было решено, что «каждо да держит отчину свою». Определялось, что владение каждого — это владение его отца или прежнее пожалование старшего киевского князя²⁴. Тем самым устанавливались пределы княжеств, подчеркивалась их территориальная незыблемость, а также суверенность в своих владениях каждого князя. Следует заметить, что съезд в Любече не был съездом всех правивших на Руси князей-Рюриковичей. Полоцкий князь в нем не участвовал. Участниками были только потомки Ярослава Мудрого. Их решения касались лишь их владений и их политики. Хотя сразу же за любечскими договоренностями последовало грубейшее их нарушение (по проiscaм владимири-волынского князя Давыда Игоревича был ослеплен

¹⁷ В 1060 г. Всеслав принял участие в большом походе Ярославичей на торков. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 163.

¹⁸ НПЛ. С. 17.

¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 166—167.

²⁰ Там же. Стб. 167.

²¹ Там же. Стб. 173—174.

²² Там же. Стб. 174.

²³ Там же. Т. IV. Часть I. Вып. I. С. 171.

²⁴ Там же. Т. I. Стб. 256—257.

Василько Теробовльский, заподозренный в союзе с Мономахом и в желании отнять у Давыда Владимир, а у Святополка — Киев), через 3 года обстановка стабилизировалась, и решения 1097 г. стали превращаться в принципы, положенные Ярославичами в основу междукняжеских отношений.

После смерти Владимира Мономаха (†19 мая 1125 г.), его сыновей Мстислава (†15 апреля 1132 г.) и Ярополка (†18 февраля 1139 г.), правивших в Киеве, дробление Руси на отдельные княжества усилилось. В 1125 г. стало самостоятельным Суздальское княжество во главе со старшим сыном Владимира Мономаха от второго брака Юрием Долгоруким²⁵. В 1127 г. из Черниговского княжества в результате междоусобной борьбы потомков Святослава Ярославича было выделено Муромское княжество. Туда на правление, а по сути дела, в ссылку, был насильственно отправлен своим племянником Всеволодом Ольговичем черниговский князь Ярослав Святославич²⁶, положивший начало новой муромской княжеской династии. В 1136 г. после выступления новгородцев против правившего у них князя Всеволода Мстиславича, старшего внука Владимира Мономаха, его ареста и изгнания образовалась Новгородская республика²⁷. В 1139 г. в Полоцкое княжество из Византии вернулась часть полоцких князей, сосланных туда еще киевским князем Мстиславом Владимировичем, которые восстановили свою власть в городах, с 1129 г. управлявшихся киевскими наместниками²⁸. В 1141 г. в Галиче умер сын Василька Теробовльского Иван. Его княжество перешло в руки сына Володаря Перемышльского Владимира. Объединив свой Перемышль с владениями двоюродного брата, Владимир (Владимирко) Володаревич основал довольно крупное Галицкое княжество²⁹. В 40-е гг. XII в. происходит отделение от Муромского Рязанского княжества³⁰. Таким образом, к середине XII в. к 6 княжествам, образовавшимся после смерти Ярослава Мудрого, прибавляются еще 4 независимых княжества и 1 республика, в более полном объеме восстанавливается Полоцкое княжество. Новые государственные образования располагаются по периметру Русской земли в широком значении этого определения: Муромское княжество на востоке, Рязанское княжество на юго-востоке, Галицкое княжество на юго-западе, Новгородская республика на северо-западе, Суздальское княжество на северо-востоке.

Казалось бы, рост числа самостоятельных государственных образований на протяжении второй четверти XII в. должен был отрицательно сказаться на общем развитии Руси. Возрастала, в частности, опасность усиления конфликтов и военных столкновений между существовавшими и вновь возникшими княжествами и республикой. Однако археологи отмечают начавшийся с середины XII в. подъем древнерусских городов. «Третий период — развитых городов, — пишет известный исследователь археологии древнерусских городов А.В. Куза, — начинается в середине XII в. Это время подлинного расцвета городов на Руси. С повсеместным распространением феодальных отношений вглубь и вширь происходит стремительный территориальный и численный рост городов. Ремесленное производство определяет развитие их экономики. Древнерусские города обретают характер и облик, свойственные городам развитого феодализма. Все в большей мере они выполняют роль внутриэкономиче-

²⁵ Там же. Т. II. СПб., 1908. Стб. 289.

²⁶ Там же. Стб. 290.

²⁷ НПЛ. С. 24.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303—304; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 31.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

³⁰ Там же. Стб. 318—319, 332, 338—339, 361, 455.

ских рынков своих округ»³¹. Расширение во второй половине XII в. территорий старых городов, существовавших в IX — первой половине XII в., укрепление их более мощными и протяженными крепостными стенами наглядно продемонстрировано археологическими исследованиями последних 50 лет. Что касается стремительного роста численности городов во второй половине XII в., то здесь дело обстоит иначе. Судя по подсчетам количества городов, произведенным в свое время по письменным источникам М.Н. Тихомировым, в первой половине XII в. впервые упоминаются в летописях и актовом материале 72 города, а во второй половине XII в. меньше — 62³². Процессы государственно-политического строительства и социально-экономического развития несомненно связаны между собой и влияют друг на друга, но для средневековья подчас трудно установить, какой из указанных процессов является причиной, а какой — следствием. Однако в любом случае можно констатировать, что увеличение к середине XII в. числа древнерусских княжеств привело к дальнейшему их развитию, а не к стагнации или упадку.

Во второй половине XII в. процесс формирования новых суверенных княжеств на Руси явно замедлился. Можно указать на единственный случай появления в это время нового независимого древнерусского политического образования. Речь идет о Туровском княжестве. Туров с относившимися к нему более поздними Пинском, Дубровицей и Неблем долгое время считался частью Киевского княжества³³. Князья, занимавшие киевский стол, сажали в Турове своих сыновей или других близких родственников, но отдавали им Туров лишь во временное управление, а не в наследственное владение. Положение меняется после смерти Юрия Долгорукого, когда князь Чернигова, Смоленска, Владимира Волынского, Переяславля Южного начинают вести ожесточенную борьбу за освободившийся киевский стол, занимают его на короткое время, но оказываются не в состоянии удерживать за собой периферийные киевские города. В 1157 г. из Турова был изгнан сын Юрия Долгорукого Борис, посаженный туда отцом еще в 1155 г.³⁴ Этим воспользовался князь Юрий Ярославич, внук киевского князя Святополка Изяславича. Попытка вокняжившегося в Киеве черниговского князя Изяслава Давыдовича вместе со своими союзниками в 1158 г. изгнать из Турова Юрия Ярославича оказалось безуспешной. Ни Турова, ни Пинска киевскому князю взять не удалось³⁵. Юрий утвердился в Туровском княжестве. После Юрия там правил его старший сын Святополк, а после его смерти в 1189 г.³⁶ другой сын Юрия — Глеб. Глеб скончался в 1196 г.³⁷ Оба брата были похоронены в Киеве, в Михайловской Златоверхой церкви, которую основал их прадед Святополк Изяславич³⁸. Туровское княжество продолжало существовать и в первой половине XIII в., превратившись в наследственное достояние потомков киевского князя Святополка Изяславича.

Примерно через треть века после начала XIII столетия, в канун Батыева нашествия число древнерусских княжеств увеличилось еще более. Их стало насчитываться 19, а если считать и удельные образования внутри некоторых из них, то общее чис-

³¹ Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 58.

³² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956. С. 36—39.

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 310.

³⁴ Там же. Стб. 478—479; 489.

³⁵ Там же. Стб. 491—492.

³⁶ Там же. Стб. 665—666. О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М. 1963. С. 205.

³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 694. О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 207.

³⁸ Там же. Т. I. Стб. 283.

ло достигнет 25. Самым крупным из княжеств было Киевское, в котором по письменным источникам насчитывалось 78 городов. Затем шли Черниговское княжество (60 городов), Владимиро-Волынское (55), Галичское (32), Смоленское (20), Переяславля Южного (19), Полоцкое (17), Рязанское (14), Новгородская республика (14), Владимирское (12), Переяславля Залесского (8), Ростовское (3), Ярославское (2), Туровское (2), Пинское (2), Муромское (1), Юрьевское (1), Угличское (1), Витебское (1).

Приведенный перечень показывает, что к 30-м гг. XIII в. на Руси появилось еще 7 новых суверенных княжеств в дополнение к тем 12 княжествам, которые существовали к концу XII в. Из Туровского княжества выделилось Пинское. Оно управлялось сыновьями Святополка Юрьевича³⁹. Но действовали эти сыновья отдельно от своих туровских родственников. В 1227 г. Ростислав Святополкович захватил Черторийск⁴⁰. Летопись приводит оценку этой акции, данную будущим королем Даниилом Галицким: «Не подобаеъ пиняномъ держати Черторыиска»⁴¹. Оценка свидетельствует о том, что распространение власти Пинска на Черторийск было действием самостоятельного княжества.

По летописным данным начала XIII в. особым княжеством становится Витебское. Витебск, в 1164 г. захваченный смоленским князем Давыдом Ростиславичем⁴², долгие годы пребывал в его руках, хотя на Витебск претендовали и его отчичи — полоцкие князья, и черниговский князь Ярослав Всеволодович, и даже рязанский князь Глеб Владимирович⁴³. Но в 1209 г. упоминается витебский князь Василько, на дочери которого женился владимирский (Владимира на Клязьме) князь Всеволод Большое Гнездо⁴⁴. Речь идет о потомке Всеслава Полоцкого князе Васильке Брючиславиче, отец которого одно время занимал витебский стол, но не был самостоятельным князем⁴⁵, а внучка Василька Александра Брючиславна позднее стала женой Александра Невского. Первенец последних Василий уже при монголах некоторое время княжил в Витебске. Таким образом, выясняется, что Витебск в начале XIII в. был столичным городом, где правила одна из ветвей полоцкого дома Рюриковичей, ведшая самостоятельную политику и роднившаяся с потомством суздальского князя Юрия Долгорукого. Приведенные факты должны расцениваться как признаки существования еще до татаро-монгольского нашествия суверенного Витебского княжества.

Наибольшее же число новых самостоятельных древнерусских княжеств в первой трети XIII в. появилось в результате распада Владимирского княжества (прежней Ростовской земли, Суздальского княжества). После смерти Всеволода Большое Гнездо (†15 апреля 1212 г.) и его старшего сына Константина (†2 февраля 1218 г.) появились княжества Ростовское (из состава которого позднее были выделены княжества Ярославское и Угличское), Переяславское (Переяславля Залесского) и Юрьевское, сохранившиеся вплоть до Батыева завоевания.

Начавшееся в конце 1237 г. нашествие на русские земли монголов, продолжавшееся до весны 1241 г., привело к захвату и опустошению подавляющего большинства древнерусских княжеств. Не завоеванными остались только Смоленское, Витебское, Полоцкое, Туровское, Пинское княжества и Новгород со Псковом. Военное разорение и последую-

³⁹ Там же. Т. II. Стб. 720, 753.

⁴⁰ Там же. Стб. 750.

⁴¹ Там же. Стб. 752.

⁴² Там же. Стб. 525. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 176—177.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 690—693.

⁴⁴ Там же. Т. XXV. С. 108.

⁴⁵ Там же. Т. II. Стб. 620.

шее установление монгольского господства привели к изменениям в развитии княжеств Древней Руси. Киевское и Переяславское (Переяславля Южного) княжества перестали существовать, Черниговское хирело и дробилось. После казни в Орде в 1246 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича столица княжества в начале 60-х гг. XIII в. перемещается в Брянск, менее доступный для татарских набегов⁴⁶. От Чернигова, видимо, отделяется Курск⁴⁷. Владимиро-Волыньское княжество утратило роль форпоста Руси на западе, уступив ее Галичу. Столицей Рязанского княжества стал Переяславль Рязанский.

В Северо-Восточной Руси в течении нескольких десятилетий не могли восстановить хозяйства и недоедали⁴⁸. Каменное строительство в городах этого региона достигло домонгольского уровня только через 100 лет после нашествия Батыея⁴⁹. Иноземное господство приводило к росту числа княжеств и их измельчанию. К 70-м гг. XIII в. на Северо-Востоке насчитывалось 14 княжеств вместо 6, существовавших к концу 30-х гг. XIII в. Появляются такие новые княжества, как Тверское (1247), Дмитровско-Галичское (1247), Костромское (1247), Белозерское (1251), Городецкое (1263), Московское (1263—1271), возобновляются Суздальское (1238) и Стародубское княжества (1238, 1257)⁵⁰. Главным же по традиции оставалось княжество Владимирское, в борьбу за которое после смерти Александра Невского включаются его братья и сыновья.

В начале XIV столетия выяснилось, что эту борьбу способны вести лишь два княжества: Тверское и Московское. До 1327 г. в этом соперничестве лидировала Тверь, но после подавления зимой 1327/1328 г. ханом Узбеком антиордынского восстания в Твери правление во Владимирском княжестве на долгие годы переходит в руки московских князей. В начале 1363 г. московские князья, пользуясь междоусобными войнами ордынских ханов, присоединяют Владимирское княжество с включенными в него в разное время княжествами Переяславским, Юрьевским и частью Ростовского княжества к своим владениям⁵¹. К концу XIV в. в их руках оказываются также княжества Дмитровское, Угличское, Галичское (Галича Мерского), Белозерское, Моложское, Нижегородское (вместе с Суздальским), Муромское, ржевские волости Смоленского княжества, части верховских княжеств, выделившихся из Черниговского, пограничные волости Рязанского княжества, некоторые земли, принадлежавшие Орде⁵². В итоге подвластная московским князьям территория стала превос-

⁴⁶ В 1259 г. в Чернигове правил князь Андрей Всеволодович, правнук черниговского князя Ярослава Всеволодовича. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 848; *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. XLI. Львів, 1901. С. 41—42. Представитель старшей линии черниговских князей князь Роман Михайлович правил в 1263 г. в Брянске. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 860.

⁴⁷ *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах хана Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. С. 39—49.

⁴⁸ [Второе] поучение Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. XIII век. Т. V. СПб., 1997. С. 374.

⁴⁹ *Miller D.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138—1462 // *The American Historical Review*. Vol. 94. № 2. 1989. P. 368, 384.

⁵⁰ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 110, 115, 116, 118—120.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 73.

⁵² *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 231, 244, 247, 283, 304, 306; *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 126—132, 138—143, 153—154, 156, 165, 168, 178, 180—181.

ходить по своим размерам земли еще сохранявших суверенитет остальных княжеств Северо-Восточной Руси: Тверского, Ростовского, Ярославского и Стародубского, вместе взятых. В первой половине XV в. к Москве присоединяется Стародубское княжество, в 1463 г. Ярославское, в 1474 г. остаток Ростовского, в 1477/1478 г. Новгородская республика, в 1485 г. Тверское княжество⁵³. Московский князь Иван III становится великим князем «вся Руси», заставляя писать свой титул во всех официальных документах.

Борьба за владимирский стол и присоединение к Москве княжеств других Рюриковичей меняли отношения и среди их московских родичей. Сохранившиеся завещания московских князей свидетельствуют, что уже с раннего времени московские Рюриковичи наделяют своих старших сыновей-наследников большими владениями, большими налоговыми отчислениями и более значительными правами, чем младших. Так, согласно завещаниям Ивана Калиты 1336 и 1339 гг., его преемник на московском столе Симеон Гордый получал 2 города и 34 волости и села, второй сын Иван — 23 волости и села, третий сын — Андрей 21 волость и село, а вторая жена Калиты Ульяна с 2 дочерьми — 26 волостей и сел⁵⁴. Старший получал все существовавшие кроме Москвы города Московского княжества и в полтора раза больше сел и волостей, чем каждый из младших братьев. В 40—50-е гг. XIV в. старшие сыновья продолжали получать больше земель, чем младшие, а доходы делились по принципам: при 2-х наследниках старший получал две части, младший — одну; при 3-х и более наследниках старший получал половину, все остальные его братья — другую половину⁵⁵. После присоединения к Москве Владимирского княжества Дмитрий Донской ввел новый принцип в распределение земель между своими сыновьями. Владимирское княжество безраздельно наследовал только старший из них⁵⁶. Такой порядок делал будущего великого князя заведомо могущественнее любого из его братьев, что служило гарантией от попыток младших князей бороться за передел владений. По завещанию Василия II его старший сын Иван получил 14 городов, а 4 его родных брата — 13 на всех. При этом будущему Ивану III отдавались такие города, как Владимир, Переяславль, Кострома, Галич с Солигаличем, Устюг, Вятская земля (видимо, с г. Вяткой), Суздаль, Новгород Нижний, Муром, Юрьев с Великою Солью, Боровск, Калуга, Алексин⁵⁷. Его братьям завещались города Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов, Хотунь (Юрию); Углич, Устюжна, Бежецкий Верх (видимо, с г. Городецком-Бежецком), Звенигород (Андрею Большому); Ржева, Волоколамск, Руза (Борису); Вологда (Андрею Меньшому)⁵⁸. Ни один город из числа завещавшихся младшим братьям Ивана не мог равняться с Владимиром, Нижним Новгородом, Переяславлем или Костромой, которые получил старший сын Василия II. Очевидно, преемнику Василия на великокняжеском столе предназначались не только более многочисленные, но и самые крупные города.

⁵³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 248 (сепаратные действия в 1429 г. стародубского князя Федора Пестрого), 260 (гибель в Белевском бою служилого стародубского князя Андрея Лобана), 311—323, 330; ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 157—158, 162; ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 180.

⁵⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 1. С. 7, 9. В подсчет волостей и сел Симеона включено примерное число можайских волостей.

⁵⁵ Там же. № 4. С. 15, 17—18; № 2. С. 11; № 7. С. 23.

⁵⁶ Там же. № 12. С. 34, 35.

⁵⁷ Там же. № 61. С. 194.

⁵⁸ Там же. С. 194—195.

В свою очередь, великий князь Иван III Васильевич завещал в 1503 г. своему старшему сыну Василию Москву и основную территорию Русского государства, включавшую 66 городов, в том числе Новгород Великий и Новгород Нижний, Тверь, Псков, Ростов, Ярославль и другие города, бывшие крупными административными и экономическими центрами⁵⁹. Остальным своим 4 сыновьям Иван III передавал всего 30 городов. На этот факт обращал особое внимание в своем «Курсе лекций» по русской истории В.О. Ключевский, делая вывод о небывалом усилении к началу XVI в. старшего князя-наследника⁶⁰. Маститый историк указывал и на другие предписания того же завещания 1503 г., которые представляются еще более показательными. Речь идет о предусмотренных душевной грамотой Ивана III возможных выплатах Орде. С уделов 4-х младших сыновей Ивана надо было собрать около 246 рублей. А будущий великий князь Василий III должен был внести на ордынские расходы 717.5 рублей, т.е. почти в три раза больше. Неравномерное распределение наследства Иваном III между своими сыновьями еще не избавляло Русское государство от удельной системы, но вносило коренные изменения в отношения великого князя с удельными родственниками, создавая территориальные, экономические и военные преимущества для развития нового политического института в большой растущей стране — самодержавной монархической власти.

---

⁵⁹ Там же. № 89. С. 354—358.

⁶⁰ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 40.

П.В. Лукин

Новгородское вече в XIV—XV вв.: политический институт или неорганизованная толпа?*

В последнее время в историографии наметилась тенденция к пересмотру традиционного, утвердившегося ещё в историографии XIX — начала XX вв., представления о том, что вече было политическим институтом, высшим органом власти средневекового Новгорода. Шведский историк Ю. Гранберг в своей — во многих отношениях полезной — монографии о вече приходит к выводу о том, что вече на всех этапах его истории было обычной сходкой, толпой, а не политическим институтом¹. Ещё более решительно высказывается американский историк Э. Кинан. Он считает, что вече даже в позднее время — это неорганизованная толпа («disorderly rabble»), «спонтанное и опасное... событие или нерегулярное случавшееся происшествие» («spontaneous and dangerous... event or irregularly occurring happening»)².

Вопрос о том, что можно называть «институтом», а что нельзя, применительно к эпохе Средневековья может стать лишь предметом бесплодных схоластических обсуждений. Важнее то, что лежащие в основе этих заключений интерпретации не представляются верными с фактической точки зрения. Но ещё важнее оценки тех или иных историографических мнений — ответ на вопрос, чем было новгородское вече, названием собиравшейся толпы или наименованием легитимного органа власти, элемента новгородской политико-правовой системы? Как представляется, есть все основания утверждать, что истине соответствует вторая интерпретация, существенные дополнительные аргументы в пользу которой можно получить в результате сопоставления русских источников с документами, связанными с деятельностью в Новгороде немецких купцов³.

Так, имеются ганзейские документы, в которых *ding* (вече) совершенно ясно отделяется от его участников, причём это наиболее «официальные» документы, с тенденцией к юридически чёткому языку. В качестве примера можно привести документ 1406 г. (Ю. Гранберг знает его, но подробно не анализирует⁴). В нём рассказывается, как по поводу ареста в Новгороде товара немецких купцов последние обратились к тысяцкому. Тот же заявил, что, прежде чем дать ответ, «он посоветуется с Великим Новгородом на общем вече» («he wolde syk bespreken myt Groten Naugarden in deme ghemeynen dinge»), и добавил, что только «когда они (новгородцы. — П.Л.) придут по

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-01-00099а.

¹ Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004 (Dissertations from the Department of History 39); сокращённый и видоизменённый русский вариант: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. Политические институты Древней Руси. М., 2006.

² Keenan E.L. Вече // Russian History/Histoire Russe. 2007. Vol. 34. № 1—4. P. 83—99.

³ См. подробнее о них: Лукин П.В. Новгородское вече в XIII—XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.). СПб., 2012; С. 10—60; *Ego же*. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вѣстникъ. 2012. Т. I [148]. Начало русской государственности. С. 98—119.

⁴ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 207—208, footnote.

этому поводу к решению, после этого он даст им (немцам. — П.Л.) ответ» (wu se des dan ens worden, darna wolde he en antword geben)⁵. Собравшееся население здесь обозначено не термином *ding*, а термином *Grote Naugarden* — «Великий Новгород», что в точности соответствует и русскому словоупотреблению (ср., например, в новгородских грамотах: «от всего Великого Новагорода на вечѣ на Ярославлѣ дворѣ»; «и всему господину государю Великому Новугороду... на вецѣ на Ярославлѣ дворѣ»⁶). «Великий Новгород» (*Grote Naugarden*) — бесспорно, наименование политического субъекта, с которым собирается советоваться и решению которого должен подчиниться тысяцкий, а «общее вече» (*ghemeyne dinc*) — название политического собрания.

В том же документе 1406 г. говорится, среди прочего, что «новгородцы приняли решение на общем вече о том, что они пошлют великих послов к... магистру» Ливонского ордена (*de Naugarders ens worden in deme ghemeunen dinghe, dat se grote boden wolden senden an ... den mester*) (дело происходило в феврале, когда войска великого князя Литовского Витовта вторглись в Псковскую землю).⁷ Решение по столь серьёзному дипломатическому вопросу могло быть принято только официальным политическим органом, а не собравшейся по случаю толпой новгородцев. В то же время в документе прямо сказано, что новгородцы на вече «договорились» (*ens worden* буквально означает «стали едиными»), т.е. они не просто собрались, чтобы «быть свидетелями важной формальной церемонии»⁸, а действовали вполне активно и самостоятельно (по крайней мере, именно это следует из текста).

В документе 1407 г. читаем, что «послание из Любека было зачтено Новгороду на его общем вече» (*de breff wart gelesen to Nowerden in eme gemeunen dinghe*)⁹. Выясняется, что слово (*gemeune*) *ding* — не просто обозначение «людей, действующих коллективно в конфликтной ситуации»¹⁰, а название собрания этих людей, причём вне зависимости от того, была ли ситуация конфликтной. Не менее ясно это становится и из другого ганзейского документа — письма немецких купцов из Новгорода в Ревель 9 июня 1407 г., в котором они пишут, что новгородцы в качестве меры давления в отношении немецких партнёров «публично повелели на своём общем вече, что каждый должен своих вызвать домой» (*hebben hir openbare gehaet in ereme gemeune dinghe, dat malk den sinen sal to hus forboden*)¹¹. Вече здесь — не «собравшееся население», а *собрание населения*, о чём свидетельствует притяжательное местоимение *ereme* («их»). Участники веча на этом собрании принимают общеобязательное для всех горожан решение: каждый новгородец, у кого есть близкие в ганзейских городах, должен отозвать их назад, в Новгород (это был момент обострения отношений между Ганзой и Новгородом из-за разногласий по торговым вопросам¹²).

⁵ Hansisches Urkundenbuch (далее — HUB). Bd. V. 1392 bis 1414 / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1899. S. 364.

⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее: ГВНП). С. 38, 152.

⁷ HUB. Bd. V. S. 413.

⁸ *Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 209.

⁹ HUB. Bd. V. S. 413.

¹⁰ *Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 209.

¹¹ HUB. Bd. V. S. 413.

¹² См. об этом: *Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübeck, 1922 (*Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge*. Bd. V). S. 101—102; *Казаква Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 89; *Клейнберг И.Э.* Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках // *История СССР*. 1978. № 6. С. 175.

Довод Ю. Гранберга о том, что *ding* никогда не выступает активной действующей силой», несостоятелен: на этом основании можно отказать в статусе политического института даже афинскому народному собранию — классическому демократическому институту мировой истории. В формуле постановлений афинского народного собрания само слово ἐκκλησία не упоминалось: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ («совет и народ решили»), т.е. «действует» не собрание, а народ; точно так же, как в новгородских документах, «действует» не вече, а «Великий Новгород» (и синонимы). Современный исследователь в связи с этим пишет даже о «беспорядочной, неформальной природе афинской демократии», отмечая, например, что в постановлениях, зафиксированных в надписях из дема Рамнос в Аттике, субъект принятия решений может быть назван по-разному: «граждане, живущие в Рамносе», «*koinon* (общность. — П.Л.) тех, кто размещается в Рамносе», «все, живущие в Рамносе»¹³. Такое же терминологическое разнообразие мы видим и в Новгороде.

В другом документе за 1407 г. люди, собравшиеся на вече, называются просто — «русские» (de Russen). Немецкие купцы сообщали в Ревель, что по интересующему их делу «они [русские] ... составили грамоту на вече и скрепили печатями совместно...» (se hebben enen breff gemaket in deme dinge unde besegelt under sik...)¹⁴. Свидетельство этого документа прямо противоречит утверждению Ю. Гранберга, что слово *ding* применительно к Новгороду в ганзейских документах показывало, что «нечто было совершено в присутствии народа: это могло быть публичное оповещение или ратификация договора»¹⁵. Грамота была не просто зачтена на вече, а его участники не просто «присутствовали». Грамоту составили, «совершили», скрепив печатями, именно русские (участники вече) и именно на вече. Собрание, на котором составляют официальные документы и скрепляют их печатями, не может считаться лишь сходкой «активно действовавшего населения». В черновом документе предположительно 1411 г. об этом же решении, принятом четырьмя годами ранее, говорится так: «...в 1407 г. так произошло в день св. Иакова [25 июля], что русские в Новгороде согласились в том, что они (немцы. — П.Л.) не будут торговать солью, которая взвешена не в Новгороде» (...1407 jar do gegendet umme sunte Jacobes dage ut, dat de Russen to Nouwerden eyns worden, dat se nyn solt kopen en wolden to Nowerden, et en wer to Nowerden gewegen)¹⁶. Это свидетельство не оставляет никаких сомнений в том, как понимали дело ганзейцы: вечевое решение — это решение, принятое «русскими в Новгороде» (de Russen to Nouwerden), которые являются не объектом, а субъектом действия. Этому, между прочим, полностью соответствуют и данные русских источников. В летописном известии о конфликте в Новгороде вокруг литовского князя Патрикия в 1384/5 г. говорится: «И по усобной тои рати поидоша вся 5 концевъ во одиначество: отняша тыи городи у князя, а даша ему Русу да Ладогу, а Наровьский берегъ, и грамоту списаша съ княземъ и запечаташа на вечи на Ярославли дворѣ»¹⁷. Здесь, как и в немецком документе, активными субъектами являются разделённые на

¹³ Stanton G.R. The Shape and Size of the Athenian Assembly Place in its Second Phase // The Pnyx in the History of Athens. Proceedings of an International Colloquium Organised by the Finnish Institute in Athens, 7–9 October, 1994 / ed. by B. Forsén, G. Stanton. Helsinki, 1996 (Papers and Monographs of the Finnish Institute in Athens. Vol. II). P. 21.

¹⁴ HUB. Bd. V. S. 415.

¹⁵ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 208. Ср. лаконичную, но верную по сути интерпретацию И.Э. Клейнберга: Клейнберг И.Э. Известия... С. 175.

¹⁶ HUB. Bd. V. S. 513.

¹⁷ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. IV. Ч. 1. С. 341.

концы новгородцы («рать» была именно между концами), а вече — отнюдь не место для оглашения документов (в роли места выступает Ярославль двор), а собрание, на котором официальный документ, договор с князем, составляется и утверждается¹⁸.

В феврале 1442 г. приказчик Петрова двора Ханс Мунстедте сообщал в Дерпт об очередных неприятностях немецких купцов в Новгороде: «Знайте, господин, что мы снова здесь заключены. Как только они получили новости от послов, они велели объявить на торгу, что ни один немец не выйдет [из двора] живой и с имуществом. И посылали они два раза с веча на двор Артемийка Баклана и Зиновия, и велели мне, чтобы я не разрешал никому из немцев выходить и чтобы я сам никуда не выходил» (Wetet, here, dat wii hir aver besat sin. So vro alse se tidinge hadden van den boden, do leten se int market ropen, nene Dutzsche uttovoren by live unde by gude. Ok santen se to twen male ut dem dinge up den hoff Artemyken Baklan unde Synoven unde enboden my, dat ik neyne Dutzsche lete uthvaren unde dat ik ok sulven nergen en vore)¹⁹. На этом вечевом собрании было, следовательно, принято решение блокировать немцев на их дворе и объявить об этом во всеуслышание на торгу. С веча дважды отправлялись люди, объявлявшие о вечевом постановлении немцам. Ю. Гранберг полагает, что в этих документах «слово *ding* призвано показать, что люди собрались и находятся вместе, однако *ding* никогда не выступает активной действующей силой. Действуют “русские” (новгородцы), а не некий правовой институт²⁰. Уже говорилось, что называть вече «правовым институтом» или не называть, — это вопрос весьма неоднозначный, но собрание, где принимаются обязательные к исполнению решения, которые фиксируются в письменной форме, скрепляются печатями, провозглашаются публично и т.д., имеет самое непосредственное отношение к политико-правовой системе данного общества и управлению им. В Новгороде «действовали» в самом деле «новгородцы», «русские» или даже просто «они», но действовали на вече.

В контексте институционализации веча следует, вероятно, интерпретировать и появление в русских источниках XV в. «вечных», т.е. вечевых дьяков. Таковые упоминаются как в летописании, так и в акте. В известном эпизоде МЛС с новгородским посольством, якобы признавшим московских великих князей своими «государями», это посольство состоит из «Назара подвоиского и Захара дьяка вѣчного»²¹. В новгородской грамоте 1456 г. Василию Тёмному говорится, что «заплатиша от Великого Новагорода подвоиские нугородские Степань Илиинь, Степань Григориевъ и вечны дьякъ Яковъ тысячу рублевъ да сто рублевъ послѣднего платежа»²². Кем бы ни считать вечных дья-

¹⁸ Известие, по-видимому, восходит к «частному» летописцу Матфея Кусова, который предположительно датируется временем около 1421 г. (см.: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 177—181). Поскольку мы не знаем, что в точности представлял собой этот летописец, трудно сказать, когда именно были сделаны добавления, отсутствующие в параллельной статье Новгородской I летописи (далее: НПЛ): по горячим следам (что вероятнее, поскольку в известии имеются очевидные достоверные конкретные детали, вроде упоминания двух человек «в дому» у князя Патрикия, названных по именам, причём про одного из них — Мишку Щекоткова — сказано, что он был поповичем с Подола (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 340—341) или *a posteriori*, уже в XV в.

¹⁹ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (далее: LECUB) / begr. von F.G. v. Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1889. Bd. IX. 1436—1443. S. 559. Также опубликовано: Hanserecesse (далее: HR) von 1431—1476 / bearb. von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1878. Bd. II. S. 469.

²⁰ Granberg J. Veche in the Chronicles... P. 207—208.

²¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 315. См. также: Т. XXXVII. С. 94.

²² ГВНП. С. 43.

ков, ясно, что это были какие-то должностные лица, связанные с вечем²³. Не исключено, что именно вечевым дьяком был *scriver* («писарь»), который упоминается в ганзейском документе 1441 г. В мае того года немецкие купцы писали из Новгорода в Ревель, что у них возникли проблемы: «...посадник и тысяцкий и весь Новгород послали к приказчику двора с веча Зиновия Scherretna²⁴ и своего писаря и жаловались на Госсшалка Копмана и ревельский совет...» (...borgermester und herteghe und ghemeyne Nowerden sanden to des hoves knechte ut dem dinghe Synnove Scherretna und eren scriver und clageden over Gosschalck Kopman und over den rath van Revel...)»²⁵. (Зиновию была причинена некая обида в Ревеле, и новгородцы требовали восстановления справедливости).

Этот документ показывает и искусственность идеи Ю. Гранберга о том, что, если посадник, тысяцкий, княжеский наместник — это «официальные власти Новгорода», то «ding» в ганзейских документах принципиально от них отличается, это, по его мнению, как уже отмечалось выше, просто собрание людей, «совместно действующих в конфликтной ситуации»²⁶. Если принять логику шведского историка, тогда окажется, что на неофициальное собрание, возникшее в конфликтной ситуации, явились официальные власти в лице посадника и тысяцкого, и новгородцы («весь Новгород»), причём на этом неофициальном собрании присутствовал зачем-то писарь (вечевой дьяк?). Реальная картина событий выглядела, как кажется, иначе. Вече, собравшееся под руководством посадника и тысяцкого, было вполне официальным собранием, полномочным принимать решения по важным вопросам. В документе прямо сказано, что жалобщик и сопровождавший его новгородский чиновник, названный в тексте писарем (*scriver*), отправились на немецкий двор с веча, т.е., очевидно, именно по его постановлению, а не по решению только посадника и тысяцкого. Между вече, с одной стороны, и посадником и тысяцким — с другой, действительно было «существенное различие», но совсем не в том смысле, который имеет в виду Ю. Гранберг. Новгородское вече было собранием, в котором участвовал «политический народ» средневековой республики во главе со своими высшими магистратами.

²³ Ю. Гранберг предлагает совершенно невразумительную интерпретацию обоих упоминаний. По поводу первого из них он пишет: «Кажется маловероятным, если размышлять над тем, кто обычно участвовал в важных новгородских дипломатических миссиях, чтобы “вечный дьяк” и “подвойский” были бы посланы Новгородом, чтобы признать Ивана III правителем Новгорода» (*Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 174); по поводу второго: «Люди, передающие деньги, не представляют определённых социальных групп, как это обычно свойственно для новгородских посольств. Они также не появляются среди тех, кто заключает мирное соглашение путём крестоцелования, что также указывает на то, что они не имели большого политического значения» (*Ibidem*. P. 206). Прежде всего, одно утверждение противоречит другому: оказывается, что подвойские и «вечный дьяк», о которых мы сначала узнаём, что они вряд ли могли выполнять дипломатические функции, всё-таки могут их выполнять, но не имеют при этом большого политического значения. Что посольство в Москву было отправлено для признания Ивана III государем — это московская версия, сами новгородцы отрицали его правомочность. Что именно оно обсуждало, мы не знаем; вполне вероятно некие условия соглашения с Москвой, как это было и в 1456 г. Почему вечный дьяк должен иметь «большое политическое значение», и почему его малое политическое значение позволяет игнорировать факт существования вечевых чиновников, непонятно. Ср. здравые критические замечания О.В. Севастьяновой: *Севастьянова О.В. Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 343—344.*

²⁴ И.Э. Клейнберг передаёт это прозвище как «Скоратник» (*Клейнберг И.Э. «Частные войны» отдельных новгородских купцов с Ганзой и Ливонией в XV в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13). С. 69.*

²⁵ *LECUB. Bd. IX. S. 511.*

²⁶ *Granberg J. Veche in the Chronicles...* P. 209.

Свидетельством институционализации веча как политического органа является и стабилизация *места проведения* вечевых собраний, наметившаяся, впрочем, уже в домонгольское время. Если первое упоминание новгородского веча в источниках связано, с собранием на поле, а в XII—XIII вв. новгородцы могли собираться на вечевые собрания во время военных походов²⁷, то в XIV—XV вв. в источниках сообщения о вече на поле или во время военного похода не встречаются. Можно, конечно, считать, что это случайность, и дело просто в том, что источники о таких собраниях молчат, но есть данные, согласно которым место проведения веча в этот поздний период уже имело значение. В 1272/3 г.²⁸ во время похода новгородцев вместе с князем Дмитрием Александровичем на Тверь новгородские воины на вече сместили одного посадника и избрали другого, изгнали одного князя и решили пригласить другого — Василия Ярославича, двоюродного брата Дмитрия: «И яко быша новгородци на Торжку, и възмятошася люди, и восхотѣша Василья; и съступиша Дмитрии стола волею и поиде прочь с любовью. Тогда же отьяша посадничество у Павши, и бѣжа с Романомъ к Дмитрѣю [Александровичу], и отголь идоша к Василью [Ярославичу] и поклонишася; и даша посадничество Михаилѣ Мишиничю, и послаша по Василья, и цѣловаша на Торжку образъ господень, яко всѣм одинакымъ быти с посадникомъ Михаилом...».²⁹ Несколькими десятилетиями позже, в 1345 г.³⁰ летопись отмечает необычное природное явление и в связи с этим рассказывает: «Того же лѣта въста угь вѣтръ съ снѣгомъ и внесе лед въ Волхово, и выдра 7 городень, на память святого архистратига Михаила, о обѣднѣи, толко успѣлъ посадникъ переити со всѣмъ вѣдемъ на Торговую сторону. Тогда отьяша посадничество от Остафѣя Дворянина и даша посадничество Матфѣю Вальфромѣвичю...».³¹ Здесь мы видим, что даже сильный ветер не удержал новгородцев от перехода с Софийской стороны на Торговую, чтобы оказаться на Ярославовом дворе. Это выглядит странным, поскольку на площади у Софийского собора регулярно проводились вечевые собрания, в т.ч. и в позднее время. Однако к 40-м гг. XIV в. закрепилась, очевидно, традиция на Софийской площади решать вопросы, связанные с занятием архиерейской кафедры, а вот вечевые собрания, посвящённые «светской» тематике, проводить на Ярославовом дворе.

Вернёмся к ганзейским документам. Встречающееся в них определение *gemeine* применительно к *ding* ясно свидетельствует о том, что речь идёт именно о собрании, совещании, а не об абстрактной «всей общине». Это словосочетание — такого же типа, что и пример из наиболее подробного современного словаря средненижнемецкого

²⁷ См. об этом: Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4; *Его же*. Существовало ли в древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 89—90.

²⁸ О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 286, 288.

²⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 322.

³⁰ О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология... С. 297. С датировкой этого известия есть определённая проблема. В НПЛ точной даты нет, указывается церковный праздник — память святого архистратига Михаила. В параллельном известии С1 говорится, что эти события имели место «месяца семтября въ 6 день», а в Софийской I и Новгородской IV летописях (далее соответственно: С1 и НIV) — что «на Чудо святого Михаила» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 418—419; Т. IV. Ч. 1. С. 275), т.е. в праздник Воспоминания чуда Архистратига Михаила в Хонех. Однако в сентябре вряд ли возможны такие явления, как снежный ветер и тем более лёд на Волхове. Скорее всего, память св. Михаила — это празднующийся 8 ноября (по ст. ст.) Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, составитель общего источника, к которому восходят С1 и НIV, «передатировал» известие, а составитель С1 добавил «точную» дату.

³¹ ПСРЛ. Т. III. С. 358.

языка — *de gemeine rat*: «совокупность членов совета», «полный состав совета»³². *Gemeine dinc* — это общее, полное вече, т.е. вече всего Великого Новгорода, называемое так, вероятно, в противопоставление кончанским/уличанским вечевым собраниям (последние были известны немецким купцам³³) или/и совещаниям более узкого состава, таким, в которых участвовала только элитарная группа. В уже упоминавшемся документе 1407 г. сказано, в частности, что «сюда (т.е. в Новгород. — П.Л.) весной пришла грамота от Любека всему Новгороду» (*hir en breff quam in dat vojaren van Lubeke an gemeyne Nowerden*), а ниже, что эта грамота «была зачтена новгородцам на их общем вече»³⁴. Эпитет «gemeyne» (общий, весь) используется в этом документе по отношению и к новгородцам, и к вече в одном и том же значении — для того, чтобы подчеркнуть, что дело должно рассматриваться всеми политически полноправными новгородцами на их общем собрании. То же самое — в несколько более раннем документе (1402 г.): на послание немцев «отвечает весь Новгород на вече» (*den bref antwert gemene Novgorod int dink*)³⁵. Эта формула, между прочим, полностью соответствует той, которую можно встретить в летописях. Например, в «Летописи Авраамки» (далее — ЛА) в рассказе об избрании нового архиепископа в 1458 г. после смерти Евфимия II читаем: «...знаменаша жребия: жребий Ионинь, игумена святого Николы; вторый жребий Леонтъовъ, игумена святого Спаса Хутынського; третий жребий мужа честна Варлама Коневьского. И положиша на прѣстолѣ въ святѣи Софѣи; и концавше литургию, а посаднику, и тысячкому и всему Великому Новгороду внѣ церкви стоящу, на вѣчѣ, много народу сущу»³⁶. Субъект принятия решения — «Великий Новгород», который принимает решение, так сказать, «через» вече, «посредством» веча.

Очень ясно это видно из ещё одного летописного известия об избрании новгородского архиепископа. В 1421 г.³⁷ «сдумавше новгородци на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ и ставѣ вѣщемъ у святѣи Софѣи, написавъ: игумена Феодосиа святѣи Троицѣ съ Клопъска, игумена Захарью от Благовѣщения святѣи богородици, Арсиния ключника владычня съ Лисиции горкѣ, по отпѣтии святыя службы Труфанъ попъ вынесе Арсениевъ жеребии, потомъ Захарьинъ, а на престолѣ остася Феодосьевъ жеребии; посадникъ Тимофѣи Васильевич и тысячкыи Кузма Терентѣвич с новгородци възведоша игумена Феодосиа честно в домъ святѣи Софѣи на сѣни...»³⁸. В данном случае дискуссия о том,

³² *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Neumünster, 2004. Bd. II. T. I. Sp. 63.

³³ См.: *Лукин П.В.* Новгородское вече в XIII—XV вв. С. 24—26.

³⁴ *HUB*. Bd. V. S. 413.

³⁵ *LECUB*. Reval, 1859 / hrsg. von F.G. von Bunge. Bd. IV. Sp. 407.

³⁶ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 197.

³⁷ О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 301.

³⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 414. Ю. Гранберг считает, что упоминание веча в этой летописной в статье — дело рук составителя НПЛ мл., а в изначальном тексте оно отсутствовало. Историк исходит из того, что вече не упоминается в «четырёх других летописях»: НIV, Новгородской Карамзинской (далее: НК) 2-й выборки, Московского летописного свода (далее: МЛС) и ЛА. По мнению Ю. Гранберга, составитель НПЛ мл. решил добавить вече, поскольку в исходном тексте речь шла о том, что обсуждение вопроса имело место на Ярославлем дворе, а там как раз обычно и собиралось вече (*Granberg J. Vechе... P. 134*). Однако чтение НПЛ мл. здесь, несомненно, первично. Во всех четырёх летописях — в отличие от НПЛ мл. — читается приблизительно одинаковое краткое сообщение: «...возведенъ бысть по жребию в домъ святыя Софѣя Феодосеи игумень святыя Троица съ Клопъска» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 431. См. также: ПСРЛ. Т. XLII. С. 177; Т. XVI. Стб. 176; XXV. С. 245). Мы имеем дело не с распространением текста в НПЛ мл., а с сокращением в других летописях (кроме веча, в кратком сообщении отсутствуют и все остальные информативные детали, такие, как упоминания должностных лиц, других кандидатов, помимо выигравшего, и т.д.). Известие

что именно являлось «политическим институтом» или «органом власти» — вече или сама общность новгородцев — может носить только схоластический характер. И тем, и другим был коллектив полноправных новгородцев, выразителем воли которого становились политические собрания, чаще всего называемые в источниках вечем. В позднесредневековый период намечается тенденция превращения лексемы «вѣче» в более или менее чёткий термин для обозначения таких собраний. Но это была только тенденция.

Иногда в немецких документах указание на вече опускается и говорится только о «всём Новгороде». Так, например, в документе 28 июля 1431 г. говорится о том, что новгородский купец Климент Подвойский, на имущество которого был наложен арест в Нарве, «был перед Великим Новгородом и жаловался» в связи с этим (*ys gewezen vor gemeunen Nouwerden und hefft sich beklaget*).³⁹ Синонимом «всего Новгорода» могут выступать и «все новгородцы», как в послании ганзейских купцов, предположительно датированном 6 июня 1412 г. Немцы сообщают в нём, что они жаловались на самоуправство новгородца Бориса Кузина, посадившего в погреб одного из них, «сначала перед тысяцким, потом перед епископом, перед посадником и перед всеми новгородцами» (*erst vor deme hertoge, darna vor deme bisschope, vor deme borchghreven unde vor alle Nougardere*)⁴⁰. Здесь «все новгородцы» упоминаются в ряду других новгородских «институтов» (порядок их перечисления, кстати, вовсе не случаен: немцы апеллируют сначала к тысяцкому, который занимался такого рода делами, и только потом, не получив желаемого, — к епископу, посаднику и вечу). О том, что под «всеми новгородцами» надо понимать именно вече, говорит упоминавшийся выше документ 1406 г., в котором общность, принимающая решение на «общем вече» (*in deme ghemeunen dinghe*), названа сначала «Великим Новгородом» (*Groten Naugarden*), а потом — «новгородцами» (*de Naugarders*).⁴¹

И всё-таки сомнения Ю. Гранберга, несмотря на то, что с его крайне упрощёнными выводами согласиться нельзя, возникли не на пустом месте. Он верно отмечает, что в немецком документе 1331 г., «в той части, где описываются финальные события», вече (*ding*) не упоминается. Действительно, обращение к этому документу показывает, что вече, которое, естественно, не могло функционировать постоянно, заменяет посадник. Это, в частности, очень ярко проявилось в том, что послы веча (кроме первого, самого «стихийного»: в ходе этих событий вече собиралось несколько раз) и посадника, которые вели переговоры с немцами, оказываются одними и теми же людьми. Посадник имеет те же полномочия, что и вече, и решение, принятое им — если оно не противоречило воле новгородцев — очевидно, не требует обязательного утверждения вечем⁴².

НПЛ мл. восходит, скорее всего, к летописанию архиепископа Феодосия, а в источнике НІV и НК оно было сокращено (*Бобров А.Г. Новгородские летописи... С. 85–86; 179–180; см. также: Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 93–94*). ЛА и МЛС вторичны, в свою очередь, по отношению к НІV (ЛА, в частности, на пространстве, к которому принадлежит данная летописная статья основывается даже не непосредственно на НІV, а на Новгородской V летописи (*Бобров А.Г. Новгородские летописи... С. 231*)).

³⁹ HUB / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905. Bd. VI. 1415 bis 1433. S. 530.

⁴⁰ HUB. Bd. V. S. 550; также: LECUB. Bd. IV. Sp. 815.

⁴¹ HUB. Bd. V. S. 364. Ср. то же самое в послании Ревельского совета, вероятно, магистру Ливонского ордена конца февраля 1406 г.: «...пришли псковичи и послали туда послов и просили новгородцев о помощи. Тогда решили они (новгородцы. — П.Л.) на вече... (...quemen de Pleschauvere und sanden dar boden und beden de Nauwereders umme hulpe. Des worden se ens in deme dinghe...)» (HUB. Bd. V. S. 365).

⁴² См. об этом: *Лукин П.В. «300 золотых поясов» и вече. Немецкий документ 1331 года о политическом строе Великого Новгорода // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. Вып. 71 (3–4). С. 286.*

В общем, то же самое мы видим в документе 1407 г., который обсуждался выше. Согласно ему, послание из Любека, адресованное «всему Новгороду», «было зачтено в Новгороде на общем вече», однако, ответ на это послание был дан не на вече, а посадником и тысяцким «перед [церковью] святого Иоанна» (unde des gaf uns de borchgreve unde de hertoghe en antworde vor sunte Johans). Однако, когда дело касается конкретных интересов горожан, в дело вновь вступает вече. Именно оно принимает решение о вызове в Новгород купцов, находящихся на тот момент в ганзейских городах: «они публично повелели на своём общем вече, что каждый должен своих вызвать домой»⁴³.

На основании изучения ганзейских документов складывается впечатление, что собрания новгородцев нередко вызывали у их немецких партнёров определённые опасения. Вероятно, замечая такие особенности новгородских вечевых собраний, как стихийность, непредсказуемость, немцы по возможности старались с вечем дела не иметь и в прямой контакт с ним не входить. В 1436 г. немцы жаловались тысяцкому на псковичей, которые захватили их на обратном пути из Новгорода вместе с их товаром. Посадник заявил, что новгородские власти готовы поставить «об этом в известность Новгород, чтобы Новгород об этом бы посовещался» (se wolden id Naugarden to kennende geven, dat zik Naugarden darup bespreke). Немцам такая перспектива не очень понравилась. Они предпочитали, чтобы новгородцы выделили четырёх представителей, которые вместе с немцами уладили бы дело: «...чтобы Новгород определил отсюда 4 людей, которые совместно с нами подтвердили бы это, так как перед общиной это всё же нельзя уладить» (unde dat Naugarden denne 4 ordinerde, de id samtliken myt uns overghinghen, wente vor der meynheit steit id nicht wol to vligende)⁴⁴. Как известно из свидетельств источников, особенно из документа 1331 г. — основания для опасений у немцев были.

И здесь нужно коснуться вопроса о *функциях веча*. Вопрос о «функциях» новгородского веча, как и древнерусского веча вообще, в целом удовлетворительно разрешён ещё русской наукой второй половиной XIX — начала XX вв. Точнее, учёными того времени на основании источников, прежде всего, летописей определены вопросы, которыми вече могло заниматься. В Новгороде, однако, не было конституции или какого-то специального «закона о вече». Во всяком случае, подобные документы не сохранились. В силу специфики источников учёные XIX — начала XX вв. склонны были относить к сфере полномочий веча «высши[e] государственны[e] дел[a]».⁴⁵

С.М. Соловьёв среди вопросов, которыми занималось вече, отмечал смену князей, должностных лиц, суд и наказания⁴⁶. В.И. Сергеевич, отмечая, что в домосковской Руси «народ» мог «привлечь к своему рассмотрению всевозможные вопросы общественной жизни», функции веча сводил к избранию князя, ряду (заключению договора) с князем, объявлению войны и заключению мира, осуществлению суда (с оговорками).⁴⁷ М.Ф. Владимирский-Буданов подчёркивал, что «права веча... простираются на всю сферу высших государственных дел управления и суда», относя к ней законодательство (особенно в Новгороде и Пскове позднего времени), вопросы внешней политики, войны и мира, участие в призвании и смещении князей, участие в суде, участие в назначении и смене чиновников, участие в военном и финансовом

⁴³ HUB. Bd. V. S. 413.

⁴⁴ HR von 1431—1476 / bearb. von G. Frhrr. von der Ropp. Leipzig, 1876. Bd. I. S. 512.

⁴⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор... С. 81.

⁴⁶ Соловьёв С.М. Об отношениях Новгорода к Великим Князьям. М., 1846. С. 2.

⁴⁷ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. II. С. 56—75.

управлении.⁴⁸ М.А. Дьяконов весьма тонко, как мы увидим, заметил, что «по идее, любой вопрос может стать предметом рассмотрения на вече, так как полномочия народного собрания ничем не ограничены», но в то же время оговаривался, что так было лишь в теории, а «практика вечевой деятельности показывает, что такое сложное учреждение не могло функционировать повседневно, по текущим вопросам государственной жизни». К числу таких вопросов учёный относил призвание князей, ряд с князем, изгнание князей, вопросы войны и мира, законодательство и вмешательство в суд и управление.⁴⁹ В.О. Ключевский примерно в том же духе высказывался конкретно о новгородском вече: «Вече ведало всю область законодательства, все вопросы внешней политики и внутреннего устройства, а также суд по политическим и другим важнейшим преступлениям... Вече постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главных городских сановников, разбирало их споры с князем, решало вопрос о войне и мире и т.п.»⁵⁰ Как видно, разными словами выражалось примерно одно и то же: вече, в т.ч. новгородское, «на практике» занималось важнейшими государственными делами. Однако эту практику учёные знали почти исключительно по летописным данным, а соотношение явно пересекающихся полномочий веча и княжеской власти, а также других политических институтов вызывало у них определённые затруднения.

Нельзя сказать, что советская историография внесла что-то существенно новое в этот вопрос. Те историки, которые писали о вече, в основном так или иначе повторяли написанное сторонниками «земско-вечевого теории», а новации появлялись, главным образом, при обсуждении вопроса о социальном составе веча, поскольку он был непосредственно связан с важнейшей в рамках марксистского дискурса проблемой «классовой сущности» веча. Так, Б.Д. Греков определял вече как «народное собрание «для обсуждения и решения общих дел», но дел важных, поскольку «по пустякам народное собрание не собирается». В детали историк не вдавался, а за подробностями отсылал к В.И. Сергеевичу⁵¹. И.Я. Фроянов в основном также повторял своих предшественников, относя к вечевым прерогативам вопросы войны и мира, санкционирование сбора средств для военных предприятий, смену князей, «присмотр» за заключением международных соглашений, обсуждение законодательства. Можно отметить только одну новацию: историк полагает, что вече — соответствующий пример он приводит как раз по новгородскому вече — выступало в качестве «распорядителя государственных финансов и земельных фондов».⁵² Фроянов имел в виду жалованную грамоту Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (предположительно 1134 г.⁵³), в которой князь говорит, что он испросил «у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославлицы и смерды и поля Ушково и до прости»⁵⁴. Впрочем, роль веча

⁴⁸ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор... С. 81—83.

⁴⁹ *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. М.; Л., 1926. С. 104—110.

⁵⁰ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. II // *Он же.* Сочинения в 9-ти томах. М., 1988. С. 64—65.

⁵¹ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 354, 359—360.

⁵² *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 166, 184.

⁵³ О датировке см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 137.

⁵⁴ *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // *Исторический архив.* 1955. № 5. С. 204. Ср.: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С.Н. Валк. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 141.

можно только предполагать: в отличие от подобных актов позднейшего времени, в которых понятие «Новгород» («Великий Новгород») конкретизируется (например, в жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г.: «...Се пожаловаше посадникъ Великого Новагорода Дмитри Васильевичъ, и вси старьи посадники, и тысяцьскои Великого Новагорода ... и вси старьи тысяцьскии, и бояре, и житьи люди, и купци, и весь господинъ Великыи Новъгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, и дахомъ сию грамоту жаловалную...»⁵⁵), здесь понятие «Новгород» не раскрывается; нельзя однозначно утверждать, что упоминание «Новгорода» подразумевало именно решение, принятое на вече. Для уверенной интерпретации необходимо знать контекст, а его-то у нас в данном случае нет. И в позднейшее время такого рода понятия, хотя, как мы видели, и обозначали новгородский политический коллектив в целом, необязательно подразумевали решение именно вече. Например, в упоминавшемся выше немецком документе 1331 г. рассказывается о том, что новгородцы хотели заставить немцев целовать крест на предложенном им проекте грамоты. Немцы отказались и предложили свой проект. В ответ на это представители Новгорода заявили: «Великий Новгород разгневан на вас» (*groten Nogatden is up iu ere*).⁵⁶ Из предшествующего изложения выясняется, однако, что для изучения проекта немецкой грамоты вече не собиралось, с её содержанием тысяцкий ознакомил посадника и новгородских «господ» (*de heren*). Следовательно, «Великий Новгород» в данном случае был представлен не вечем, а правительственной верхушкой, и узурпацией полномочий вечников такое историческое преувеличение не считалось.

Современный историк права О.В. Мартышин, опираясь в основном на историографию и некоторые данные источников, дал достаточно точный и исчерпывающий перечень тех вопросов, которыми занималось вече: «заключение и расторжение договора с князем; избрание и смещение посадников, тысяцких, владык; назначение новгородских воевод, посадников и воевод в провинции; контроль за деятельностью князя, посадников, тысяцких владыки и других должностных лиц; законодательство, примером которого служит Новгородская судная грамота; внешние сношения, решение вопросов войны и мира, торговые соглашения с Западом; распоряжение земельной собственностью Новгорода в хозяйственном и юридическом отношении, пожалование земель; установление торговых правил и льгот; установление повинностей населения, контроль за их отбыванием; контроль за судебными сроками и исполнением решений; в случаях, волновавших весь город, непосредственное разбирательство дел; предоставление судебных льгот»⁵⁷. Правильнее, однако, было бы сказать, что это вопросы, которыми вече *могло* заниматься. Могло оно заниматься *и другими вопросами*, с нашей точки зрения, совершенно малозначимыми, не соответствовавшими компетенции «высшего органа власти Новгородской республики», как обычно понимается вече. А могло *не заниматься и этими*, что делает столь естественную для классической историко-юридической науки постановку о его функциях практически иррелевантной.

Историки второй половины XIX — начала XX вв. правильно охарактеризовали сферы жизни, в которые вмешивалось вече, согласно источникам, которыми они располагали (в основном — нарративным, летописям). Но, если мы обратимся к ган-

⁵⁵ Там же. С. 150—151. О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 323—324.

⁵⁶ *Napiersky K.E.* Russisch-livländische Urkunden (=Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским). СПб., 1868. S. 61.

⁵⁷ *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 175—176.

зейским документам, источникам совсем другого рода, картина окажется иной. В немецких документах, правда, тоже иногда встречаются упоминания о том, как вече занималось «большой политикой». Достаточно вспомнить уже несколько раз упоминавшееся послание из Ревеля, вероятнее всего, в Дерпт, которое предположительно датируется концом февраля 1406 г. Оно убедительно свидетельствует о том, что новгородское вече могло рассматривать и решать внешнеполитические дела, которые в монархических государствах безусловно считались важнейшей прерогативой высшего лица. В Ревеле получили послание от немецких купцов в Новгороде, из которого выяснилось, что туда 10 февраля «примчались послы из Пскова ... и пожаловались Новгороду на общем вече, что князь Витовт находится с большим войском в их земле и опустошает [её], и предаёт огню, и отвоевал у них (псковичей. — *П.Л.*) две крепости и третью осаждает» (boeden injageden van Pleschau ... und clageden [to] Naugarden in deme gemeynen dinghe, dat konink Vittaute myt groter macht were in erme lande und herde und brende und hedde en twe slote affghewunnen und lege vor deme derden)⁵⁸. Здесь новгородцы-вечники выглядят высшим властным органом, компетентным в важнейших военных и внешнеполитических вопросах, принадлежащим к сфере «большой политики».

Картину «портят», однако, свидетельства об участии веча в решении более повседневных вопросов, так или иначе затрагивавших, естественно, отношения с немецкими купцами. Ярче всего об этом свидетельствует послание немецких купцов из Новгорода в Дерпт 10 апреля 1431 г., в котором, в частности, рассказывается о переговорах приказчика двора св. Петра Л. Хофе со старостами улицы, на которой находился Немецкий двор, по вопросу строительства дренажной трубы: «Вот так Лаврентий Хофе, приказчик двора говорил с уличанскими старостами о том, чтобы провести трубу через территорию двора, и нам так кажется, что уличанские старосты думают просить Новгород, чтобы можно было сделать так, чтобы они могли провести трубу от церкви, которая стоит здесь перед Немецким двором» (Aldus hevet Laurencius Hove, des hoves knecht, gesproken mid den oldesten van der straten umme ene trumme to leggende over de word, unde also uns duncket, so menen de oldesten van der straten, dat ze id an Nougarden willen werven, dat id wol bescheen moge, up dat ze ene trumme darin mogen leyden van der kerken, de hir vor der Dudesschen hove steit)⁵⁹. Для решения проблемы, которая не выходила за рамки, выражаясь современными понятиями, жилищно-коммунального хозяйства, потребовалось апелляция к высшей инстанции — «Новгороду», т.е. коллективу полноправных новгородцев, принимавших решения на вече.

Более того, даже в том же документе февраля 1406 г., в котором идёт речь о выступлении на новгородском вече псковских послов, сообщавших о вторжении в Псковскую землю войск литовского великого князя Витовта, говорится о мерах, принятых вечем в отношении немецких купцов: «Тогда они (новгородцы. — *П.Л.*) постановили на вече запретить вывоз любого немецкого товара, и [постановили,] чтобы они (немцы. — *П.Л.*) сгрузили товар с повозок» (Des worden se ens in deme dinghe, dat se den forboden, dat se neyner Dutschen gud utvoren mosten, und worpen dat gut weder van den sleden).⁶⁰ В другом послании (из Ревеля, скорее всего, магистру Ливонского ордена), написанным в связи с этими же событиями, уточняется, что новгородцы «постановили на вече, что они запрещают извозчикам вывозить товар

⁵⁸ HUB. Bd. V. S. 364.

⁵⁹ HR von 1431-1476. Bd. I. S. 146—147. Ср.: Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 102.

⁶⁰ HUB. Bd. V. S. 364.

немцев» (Des worden se ens in deme dinghe, dat se vorboden [den] vorlueden, dat se der Dutschen gud nycht utvoren en solden)⁶¹. Если исходить из современных представлений о функционировании органов власти, было бы логичнее, если бы вече приняло общее решение (о прекращении обычных отношений с Ганзой), а конкретные, частные меры (вроде распоряжения о выгрузке товара с повозок или запрете извозчикам перевозить немецкий товар) принимались бы соответствующими должностными лицами во исполнение этого решения. Но не так обстояло дело в средневековом Новгороде: какие бы то ни было следы представлений о функциях вече и о том, какими вопросами могло заниматься оно, а какими — выборные должностные лица, в новгородской политической культуре отсутствуют.

В то же время, хотя в ряде случаев в этот период, видимо, требовалась формальная санкция вече (как это было, вероятно, при выдаче жалованных грамот от имени «всего Великого Новгорода»), при решении конкретных вопросов оно, в принципе, могло быть функционально заменено. В этом смысле прав был А.Е. Пресняков, который применительно к более ранней исторической эпохе писал, что вече «властно вмешивается» в управление, но «не берёт в руки»⁶². Вече *могло* решать любые вопросы, вплоть до строительства дренажа, но это не означает, что этими вопросами ведало *только* оно. Таким образом, вече оказывается вполне легитимным политическим органом Новгородской республики, но не наделённым исключительными, эксклюзивными полномочиями. Никакого «разделения властей» в средневековом Новгороде не существовало, споры же о функциях вече явно или имплицитно исходят из этого принципа, пришедшего в политическую идеологию, а потом и практику, только с эпохой Просвещения. Именно поэтому, по-видимому, и попытки чёткого разграничения функций различных новгородских политических институтов вряд ли продуктивны даже применительно к позднему времени. Можно только очень условно характеризовать сферы компетенции того или иного «института» и вече в частности, помня постоянно об известной условности подобных характеристик. Вече рассматривало те вопросы, которые интересовали широкие круги полноправных новгородцев, или решение которых без их участия было невозможно. «Институциональная» специфика новгородского вече может быть осмыслена только в контексте средневековых политико-правовых представлений, существенно отличавшихся от тех представлений о республиканских институтах, которые складываются в Европе в Новое время и господствуют и сейчас.

---

⁶¹ НУВ. Bd. V. S. 365.

⁶² Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 404.

Н.М. Рогожин

Государственность России XVI—XVII веков: власть и общество

Государство занимало и занимает особое место в истории России. В поисках национальной идеи, объединяющей российских граждан в связи с празднованием — в *Год российской истории* — 1150-летия зарождения российской государственности, следует обратиться к самому понятию государственности. Её можно определить как исторически сложившуюся систему представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления.

В обществе эти представления существуют в различных формах:

- в поведении и исторической памяти людей,
- в комплексе социально-психологических представлений о власти,
- в научных исследованиях по истории, праву и экономике государства.

Важнейшим фактором формирования национального менталитета и самосознания, также отражающимся на государственности, была и остаётся религиозная вера: «каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями...» (Г.П. Федотов).

Россия на протяжении столетий вырабатывала свои собственные компенсационные и адаптирующие механизмы, призванные обеспечивать устойчивое развитие общества. Следует сразу отметить, что взаимоотношения власти и «народа» или общества отличаются спецификой для каждого исторического периода. Отличительная черта России в том, что её государственность выросла на основе расширения и перераспределения земельной собственности, а не товарно-денежных отношений. Природно-географический фактор во многом определил важную особенность — «государственный феодализм» в России, где был только один сеньор — государство и один вассал — народ¹.

Земля — наше основное богатство, и расширение территории России — это прежде всего заслуга и результат формирования и развития государственности. Бескрайняя равнина и открытость границ; опасность вторжений с Запада и Востока; необходимость отвоевывать выходы к морям приводили к традиционной милитаризованности общества. Только сильная централизованная власть и управление могли преодолеть эти трудности.

Киевская Русь, феодальная раздробленность, период Ордынского нашествия — это самостоятельные цивилизационные пласты истории нашего Отечества, из которых выросла государственность России XVI—XVII веков и формировались взаимоотношения власти и общества. По меткому определению Бориса Андреевича Успенского, великий князь «территориально... оказывается преемником татарского хана, а семиотически — греческого императора»². Борьба за национальное и религи-

¹ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

² Успенский Б.А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. М., 2002. С. 184—185.

озное выживание объясняет форсированную централизацию Русского государства, при которой в обществе уже не было места независимости и свободе.

В XIII веке стольный город Владимир успел побывать под властью 10-ти князей, в XIV столетии великое княжение доставалось 11-ти князьям, а весь XV век укладывается в княжения трех великих князей: Василия I Дмитриевича (1389—1425), Василия II Васильевича Тёмного (1425—1462) и Ивана III Васильевича (1462—1505). Росло также значение великокняжеской канцелярии: за годы феодальной войны 1430—1453 годов в архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось 39 грамот Василия Тёмного, из них боярские подписи имели место лишь на пяти. Прочие, по предположению Ю.Г. Алексеева, писались княжескими дьяками. Когда Иван III начинал княжить, его земли почти полностью были окружены самостоятельными русскими владениями. В конце княжения он имел лишь иноплеменных и иноверных соседей. И если в середине XV в. его политика была удельной, то в конце столетия она становится национальной.

Принципиально новая, централизаторская политика великокняжеской власти идеологически облекалась в форму борьбы не за новое, а за «хорошо забытое старое». Стремлением подчеркнуть взаимосвязь и преемственность власти московских князей и государей домонгольского периода было продиктовано не только возвращение исконных земель, но и строительство в 1472 году нового Успенского собора в Москве. За образец был взят собор Успения Богородицы во Владимире, возведённый при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо³. В 1478 году, после включения Новгорода в состав Московского государства, к присяге было приведено всё население Новгородской земли — «от мала и до велика»⁴. Без разницы между боярином и холопом: с высоты царского положения все категории населения были в равной степени его холопами.

В ответ на предложение германского императора Фридриха III пожаловать Ивану III королевский титул, великий князь поведал «...а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим»⁵. В том же духе рассуждал о своей власти государь в 1502 году, лишив прав на престол своего внука Дмитрия и заменив его сыном Василием: «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение!» Идеалом верховной власти становился правитель, наводящий в стране порядок, пусть даже и жестокими средствами.

Как известно, развитие государства проявляется и в развитии правотворчества. На Москве первыми попытками кодификации общегосударственного права можно считать царские судебники и конечно Соборное уложение 1649 г. Источниками Первого царского судебника 1497 г. были обычное право, уставные грамоты и практика государственного делопроизводства московских приказов. Документ содержал постановления о суде центральном и местном, статьи по гражданскому праву и процессу. Существенно, что судебник 1497 года отразил один из ведущих процессов формирования государства — оформление крепостного права. Документ ограничил права перехода крестьян от одного помещика к другому на недели до Юрьева дня осеннего и недель после него.

³ Назаров В.Д. «Любосоветный самодержец»... // Подвижники России / Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н. М., 1999. С. 155. См. также: Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 178.

⁴ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 248.

⁵ Цит. по: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 214.

Время правления Ивана III Васильевича стало переломным в отечественной истории. При нем начал складываться новый государственный порядок, окончательно оформившийся при его внуке Иване IV Васильевиче (Грозном). Более того, Иван III заложил сохранявшиеся вплоть до Петра I главные параметры имперской государственности: сословных структур, устройства центральных и местных органов власти (в частности, приказов), поземельного строя и организации армии, административного деления и судебных инстанций⁶. Подчеркну, что именно имперской, поскольку российская империя — это крупное централизованное государство, отличающееся полиэтничностью, поликонфессиональностью, неравномерностью социально-экономического развития отдельных частей своей территории, включающее в свой состав ранее независимые государственные образования и стремящееся проводить имперскую политику.

Отметим, что идея централизации, объединение территории страны под сильной властью одного государя не была в XV столетии исключительно русской проблемой. Аналогичные процессы протекали тогда практически во всей Европе (Франции, Испании, Англии, среди германских императоров)⁷. Ордынское нашествие никоим образом не задержало Русь на этом пути. Можно утверждать, что централизаторские идеи на Руси развивались в контексте общеевропейского развития. Незадолго до своей смерти Иван III составил духовную грамоту, согласно которой его владения были распределены между пятью сыновьями. Львиная доля наследства вместе с верховной властью, однако, достались старшему — Василию Ивановичу, территории и права удельных князей оказались небольшими⁸.

Идеи централизации нашли своё отражение и в русской православной церкви. Во второй половине XV века нарушается её единство, и появляются ереси. В рамках ортодоксального православия выделилось два течения — «нестяжатели» и «иосифляне». «Ничего не имея против вмешательства князя в дела церкви, открывая даже этому вмешательству широкий простор, Иосиф Волоцкий получил покровительство власти в самом насущном для церкви его времени вопросе: в вопросе о монастырских имуществях»⁹. Церковный собор 1503 года разрешил спор между «нестяжателями» и «иосифлянами» в пользу последних¹⁰. Этим, по сути, была predetermined дальнейшая судьба русской православной церкви.

Повышению авторитета власти московского государя способствовал заключённый при посредничестве римского папы, брак Ивана III (1472) с византийской

⁶ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 55—57, 202—203; Назаров В.Д. Указ. соч. С. 166.

⁷ Например, во Франции начала XV в. разворачивались ожесточенные бои двух феодальных группировок — Бургиньонов и Арманьяков (и всё это на фоне поражений в войне с Англией). «Собирание земель» во Франции в общих чертах завершилось лишь при современнике Ивана III короле Людовике XI (1461—1483) в результате его ожесточенной борьбы с герцогом Бургундии Карлом Смелым. Англия после поражения в Столетней войне (1337—1453) оказалась ввергнута в феодальную войну Алой и Белой Розы (1455—1485). Вооружённая борьба аристократических кланов Англии (Ланкастеров и Йорков) по накалу страстей не уступала аналогичной феодальной войне в Московском княжестве (1430—1453). Испания объединилась в единое государство (1479) только в результате династического брака короля Фердинанда Арагонского и королевы Изабеллы Кастильской; полное же освобождение Пиренейского полуострова от мавров последовало лишь в 1492 году. Объединительные усилия германских императоров потерпели крах уже в конце XIV века.

⁸ Назаров В.Д. Указ. соч. С. 161, 163, 164, 168.

⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 37.

¹⁰ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. 1. С. 452—454.

принцессой Зоей (Софьей) Палеолог¹¹. Этот брак позволял воспринимать Ивана Васильевича в качестве наследника павшей (в 1453 г.) Византийской империи, давал дополнительные основания к принятию царского титула и способствовал дальнейшему оформлению теории «Москва — третий Рим», которой суждено было стать стержнем идейной жизни в Московском государстве вплоть до завершения XVII века. Кроме того, брак способствовал налаживанию контактов с Европой. Начиная с 70—80-х годов XV столетия, московский великий князь при осуществлении дипломатических и торговых контактов с Ливонским орденом и городами Нарвой, Ревелем и Любеком — добавляет слово «царь» в свой титул¹².

В отличие от ситуации в Европе, в России централизация совмещалась с борьбой за национальную независимость, которую надо было вести «на три фронта» (Орда, немцы, Литва). Важнейшим этапом в становлении российской государственности следует признать эпоху Ивана Грозного — в связи с первым в истории России венчанием самого Ивана Васильевича на царство, присоединением ранее независимых татарских ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского). Форсированная централизация опиралась на военную силу и военные методы управления и, естественно, сопровождалась насилием. Отсюда проистекали деспотические черты во власти московских государей, жесткость, волюнтаризм, всё отчетливее проявлявшиеся по мере возвышения Москвы. В наибольшей степени от злоупотреблений страдали народные массы, и в стране нарастало недовольство. Массовый характер приобретает уход крестьян и горожан на окраины, в места большей независимости или полной свободы от феодального и государственного гнета; в лесах возле городов и больших дорог собираются разбойничьи ватаги, которые грабят и убивают феодалов. Высшим проявлением борьбы того времени было восстание московских горожан (1547), события которого потрясли Ивана Грозного. Позднее он вспоминал: «От сего убо вниде страх в душу мою, и трепет в кости моа, и смирися дух мой»¹³.

В 1550 году был принят основной законодательный акт периода формирования в России сословно-представительной монархии — новый Судебник. Созданный в обстановке обострения классовой борьбы и внутриклассовых противоречий, он был призван укрепить феодальный правопорядок и способствовать сплочению сил господствующего класса. Документ усилил роль центральных органов и приказной бюрократии в системе управления, повысил их авторитет в глазах населения. Суровые меры наказания вводились за преступления против феодального государства, за убийство господ, за покушение на феодальную собственность и т.п. Постановлениями, относящимися к организации местных органов власти, подготавливалось введение земского управления. Заботясь о правах феодалов на землю, Судебник укреплял их права на крестьян и холопов¹⁴. Предусматривались меры по защите интересов дворянства, признавалась монополия посадских людей на занятия торговлей и ремеслом, упорядочивалось налоговое обложение.

Вопрос о возможных путях развития Русского государства был в основном решён к середине XVI столетия. Борьба Стоглавого собора со всеми проявлениями свобо-

¹¹ Племянницей двух последних византийских императоров — Иоанна и Константина, дочерью Аморийского деспота Фомы.

¹² Милоков П.Н. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 34. См. также: Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 190, 230.

¹³ Цит. по: Альшиц Д.А. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 39.

¹⁴ См., например: Исаев М.А. История российского государства и права: Учебник. М., 2012.

домыслия, укрепление дворянской администрации в годы «Избранной рады», — всё это показывало, что развитие Московской Руси уже двинулось к опричной диктатуре. Думается, что опричнина — это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок, когда свою реальную слабость власть пытается компенсировать террором, заменить им длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата. Объективно опричнина на самом деле способствовала централизации, что было необходимо, учитывая сложные отношения с некоторыми соседями. Уместно при этом вспомнить, что когда войско Петра I после победы в Северной войне торжественно вступало в столицу, на триумфальной арке были изображены Иван Грозный и Пётр Великий, а также символические надписи: «Он начал, я завершил».

Но не будем забывать, что разворот монаршей власти к неприкрытой воинственности поставил Русь в очень тяжёлое положение. Державность утверждалась массовым внутренним террором, агрессивными внешними войнами, разорением и обнищанием народа, а последовали за этим тяжелейший экономический кризис и распад власти. В 1581 г. отменен Юрьев день и введены «заповедные» 1581 г. и «урочные» 1597 г. лета. Показателен в этом отношении конфликт между церковью и государством, который нашел своё драматическое выражение в противостоянии царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа Колычева. Самодержавные идеи Ивана Грозного утверждали богоустановленность и безграничность царской власти. Своим подвигом Филипп показал, что государство в лице царя Ивана IV Грозного должно подчиняться высшему началу.

Следует отметить, что Годунов — первый выборный царь на Руси. Для русского общества это был один из начальных опытов демократии. Вопрос об ограничении царской власти рассматривался в договоре от 4 февраля 1610 года об избрании на русский престол польского королевича Владислава, — договоре, фактически ставшем первым в истории России конституционным проектом.

«Бунташный» XVII век начинался тяжелейшим кризисом. Смута и последовавшие за ней события показали, что государство никогда не смогло бы выстоять без поддержки народа. С другой стороны, народ также постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонифицировалось для него в фигуре государя. Менялись цари, разные части страны и даже соседние города одновременно признавали власть разных государей, происходили крестьянские волнения и восстания. Самый тяжёлый момент Смуты, в частности, по отзывам современников — это период «междоусобия», когда московский престол оставался свободным. Этот период в документах начала XVII столетия именовался «безгосударным временем». По наблюдениям В.О. Ключевского, из Смуты «народ вышел гораздо впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нем иноземные наблюдатели XVI в., был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства»¹⁵. Под влиянием Смутного времени возникли вопросы о легитимности выбора царя, об объёме и пределах царской власти, о преобразовании государственного строя. Именно в семнадцатом столетии впервые появилась цельная оппозиция государственной идеологии — старообрядчество. Престиж Церкви особенно вырос в эпоху Смуты. Время лихолетья неразрывно связано с именем патриарха Гермогена (1605—1612). Святитель

¹⁵ Ключевский В.О. Русская история. М., 1995. Кн. 2. С. 204.

способствовал сохранению национальной независимости, православной веры и общинных традиций русского народа.

Но и Лжедмитрий I не выполнил ничего из обещанного полякам: не дал им ни земель, ни золота. Он искал поддержку в России: разрешил свободный выезд торговых людей за границу, объявил о свободе конфессий, пытался смягчить положение крепостных крестьян и холопов, намеревался собрать выборных представителей от дворянства. Сам ставленник боярской верхушки, он высмеивал чванливую Боярскую Думу. Более того, готовил армию для войны за русские территории с Крымом. Но внешнеполитические претензии Речи Посполитой и Швеции, интересы боярских, дворянских и дьяческих кругов, православного духовенства были выше попыток демократизации власти. Важно, что именно гражданская, зажиточная Россия сделала ставку на патриотическое возрождение государственности. Не из бунтующих лихих людей, а из крепкой середины, из нижегородских ремесленных и торговых слоёв вышли основные силы, выступившие за порядок и возрождение. Практически весь XVII век ушёл на ликвидацию последствий Смуты.

Романовым в XVII столетии не приходилось прибегать к таким исключительным формам террора, какие избирал Иван IV, но память о Грозном царе была жива, что облегчало его преемникам задачу укрепления самодержавной власти. Власть прекрасно понимала, что только в своём самодержавном выражении она способна сохранить территориальное единство России. XVII век — это не утраченные возможности, это время нового исторического выбора дальнейших путей развития государства. Именно тогда решался вопрос о том, какой будет будущая Россия. Русские люди оказались перед проблемой выбора государя. Столь важный вопрос, по представлениям русских людей, не мог решаться иначе, чем *всей землёй*, то есть Земским собором. Для российского общества это был один из первых опытов демократии. Другой проблемой стала альтернатива: самодержавная или ограниченная власть государя. В условиях Смуты оформилось два варианта: соправление царя с Боярской думой (аристократический вариант) или с Земским собором (демократический вариант). В настоящее время наиболее обоснованным является мнение Л.В. Черепнина, который в своем труде перечислил в хронологическом порядке 57 соборов, из них 11 в XVI в. и 46 — в XVII¹⁶. Следует отметить, что правовой статус Земского собора нигде не был оговорен, отсутствовали и четко оговоренные нормы представительства на соборе. Земские соборы не ограничивали монархическую власть, а, напротив, укрепляли ее, придавая решениям царя и царского правительства видимость всенародного одобрения. Следует обратить внимание и на то, что Земской собор выражал не столько мнение отдельных социальных групп, сколько мнение отдельных областей и регионов (земель). Это нашло отражение в его названии — он именно поэтому и именовался «земским».

Была ещё одна серьёзная проблема — возможность или невозможность проведения реформ, *модернизации* и европеизации российского общества. Одновременно в сословной борьбе всё большее место занимает идеологическое обоснование абсолютистской тенденции. Поворотным событием стало принятие Соборного уложения — первого печатного кодекса русского права. На земский собор 1648—1649 годов

¹⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. Однако и Л.В. Черепнин, а также М.Н. Тихомиров, Н.И. Павленко и С.О. Шмидт полагают, что их могло быть и больше.

съехались выборные от 116 городов; около 350 участников представляли столичных и провинциальных дворян, приказных чиновников, высшее боярство и духовенство, московский и городские посады, столичные стрелецкие полки. Напечатанные тысяча двести экземпляров быстро разошлись, и в том же году возникла потребность в переиздании. Российское общество неуклонно развивалось, а правовые документы становились все более востребованными.

Свод государственных законов отразил возросшую власть самодержавного монарха — охране жизни, чести, здоровья царя были посвящены специальные статьи. Закреплялось понятие «государственного преступления», причем не делалось никакого различия между преступлением против государства и против личности государя¹⁷. Уложение охраняло права землевладельцев от посягательств *подлого люда* (предумано 60 вариантов применения смертной казни). Вводились законоположения об отмене “урочных лет” и о бессрочном сыске беглых крестьян; о наследственности крепостного состояния; о праве помещика на имущество крестьянина.

Монопольное право владения крестьянами закреплялось за всеми категориями служилых людей *по отечеству*, т. е. кадровыми госслужащими (номенклатурой)¹⁸. Узаконено прикрепление посадского населения к посадам и государеву тяглу; санкционирована конфискация частновладельческих слобод на посадах. Это укрепляло позиции торгово-ремесленного населения городов и лишало феодалов возможности оказывать на него давление; преобладающее положение на посаде закреплялось за верхушкой торгового и промышленного населения¹⁹. Но главное, что Соборное уложение по сути завершило создание государственной системы крепостного права.

В 1661 году патриарх Никон писал: «Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы — все обложены данями тяжкими...»²⁰ Закономерно, что середина века ознаменовалась целой серией городских восстаний — Соляной бунт 1648 года, проявившийся в 8 городах; Медный бунт 1662 года в Москве; Псковско-Новгородское восстание 1650 года; восстание Степана Разина 1670—1671 годов; наконец, «Хованщина» 1682 года и стрелецкие выступления за два года до наступления нового века. К этому следует добавить смятение в умах, вызванное расколом русской православной церкви и многочисленными войнами. Подчеркнем: в ходе всех восстаний XVII века народ никогда не выступал против царя. Исключением стал период Смуты, когда широкие народные массы поднимались против царя под знамёнами самозванцев. Однако и в этом случае для восставших самозванец был законным царем, а московский государь — узурпатором. Характерно, что в кризисных ситуациях народ напрямую обращался со своими просьбами к царю. Практику личного приёма челобитных установил в 1605 году Лжедмитрий I (1605—1606); в 1648 и 1662 годах восставшие москвичи приходили со своими требованиями к царю Алексею Михайловичу (1645—1676). Во время Медного бунта они даже скрепляли рукопожатием достигнутое договоренность с царем²¹. Но сам факт «удара по рукам» царя и простолюдина демонстрирует наличие в народном сознании определенного представления о неразрывной связи власти и народа. Важнейшим происшествием в жиз-

¹⁷ Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. С. 304—305; Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Право и суд // Там же. С. 331—332.

¹⁸ Леонтьев А.К. Указ. соч. С. 304—305.

¹⁹ См.: Исаев М.А. Указ. соч.

²⁰ Цит. по: Ключевский В.О. Русская история. Кн. 2. С. 343.

²¹ Правда, вскоре после этого царь отдал приказ о жестоком подавлении восстания.

ни страны власти пытались придать видимость общего, всенародного дела²². Примечательно, что народ начал ощущать ответственность за судьбу государства. Так, Авраамий Палицын главной причиной трагедии начала столетия считал «премногие и тьмочисленные грехи», «безумное молчание всего мира», спокойно взиравшего на преступления властей²³.

XVII век также стал временем последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного *симфонии, совместного делания* государства и церкви. События начала века показали, что единственный залог выживания православия — защита со стороны государства, в свою очередь, государство не сможет устоять перед внешним натиском без поддержки церкви. Результатом осознания неразрывности связей церкви и государства стало складывание идеи *православного царства* на пути «Москва — Новый Иерусалим». Однако расхождение в вопросе о главенстве между светской и духовной властями породило противоборство двух тенденций, что привело к торжеству третьего направления — абсолютизма. Это направление полностью отразилось в империи Петра I, где церковь и все сословия были поставлены в полную зависимость от государства.

Первопреемство верховной власти России в виде самодержавия, абсолютизма и империи — это три ипостаси того явления, которое мы обозначаем русской монархией, составляющей суть нашей имперской государственности. В то же время история показывает, что взаимоотношения власти и общества в процессе эволюции должны совершенствоваться от бунтов к созданию органов народовластия и парламентских форм правления.

***

Россия — страна с более чем тысячелетней историей. Эта история, как и история любой великой страны, содержит в себе и времена подъёмов, и периоды кризисов. Войны, иностранные нашествия, внутренние смуты не один раз сотрясали жизнь нашего государства. Не просты были отношения власти и общества. Но верность России, её культуре, её духовным основаниям, способность объединять вокруг себя другие народы, не подавляя их достоинства, из века в век позволяли преодолевать эти кризисы. Идеи государственности жили в народе российском, были тем компасом, который указывал дорогу вперёд. Изучение эволюции идей российской государственности в общественной мысли России свидетельствует, что необходимо сохранить *связь времён*, мы должны знать свою подлинную историю, извлекать из неё уроки, помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим.

---

²² Например, свержение и убийство Лжедмитрия дипломатия Василия Шуйского объяснила следующим образом: узнав о еретичестве и самозванстве расстриги, его, «осудя истинным судом, всенародное множество Московского государства убили» (РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 26. Л. 89—89 об).

²³ Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 105.

Н.А. Соболева

Политика русского правительства в отношении Казанского края в XVI—XVII вв. (по материалам казанской эмблематики)

Для современной отечественной историографии актуальной является проблема восприятия россиян как единого народа, гражданской нации. Ученые разных специальностей, прежде всего этнологи, теоретически обосновывают квалификацию современного Российского государства как национального государства, признавая, разумеется, многоэтничный состав его населения. Академик В.А. Тишков, утверждая, что сегодняшняя Российская Федерация является нацией-государством, принципиально не отличаясь от остальных больших государств мира со сложным составом населения, пишет: «Это утверждение основано на понимании национального государства как государства с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны»¹.

Давая научное определение таким понятиям, как «народ», «национальность», «нация», «национальное (гражданское) государство», В.А. Тишков не отрицает, что в сегодняшней России распространены иные взгляды на современное российское общество, в частности, — убеждение, что гражданская нация в современной России невозможна, что разговоры о ней — пустое фразерство, что нужно, как в советское время, укреплять дружбу народов и интернационализм, тем более, что в ныне действующей Конституции закреплён многонациональный характер российского государства.

Однако в новейших научных трудах все заметнее озвучиваются аргументы в поддержку взглядов В.А. Тишкова. Например, известный историк и политолог В.А. Никонов согласен, что связь понятий «нация» и «государство» отражена в сложной категории «нация-государство»: «Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединённых наций и считающих себя государствами-нациями. При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства»². Аналогичные взгляды высказывает целый ряд других историков (В.М. Михайлов, В.В. Трепавлов и др.).

В.А. Тишков считает, что затруднительно говорить о точном времени рождения национального государства из «донационального», однако придерживается той точки зрения, что «нашу страну можно было называть национальным (или национализирующимся) государством еще при империи Романовых»³. Время «национализации» Российской империи относят то к концу XIX в., то к более раннему периоду (Карамзин говорил о «россиянах» в начале XIX в.), однако ход этого процесса детально пока еще не проанализирован. Соответственно, вопросы о соотношении импе-

¹ Тишков В.А. Российский народ. М., 2010. С. 7.

² Никонов В.А. Империя, государство и нация в России накануне Революции 1917 года (по мотивам идей В.А. Тишкова) // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 95.

³ Тишков В.А. Указ. соч. С. 7.

рии, национального или многонационального государства, империи и гражданского государства, гражданской нации решаются учеными пока далеко не однозначно.

Многие отечественные историки, рассматривая историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и с этих позиций проводя исследования национальной истории народов, населяющих Российскую Федерацию, сталкиваются и с проблемами внеучного, политического характера. Просчеты политиков, заявлявших в начале 1990-х гг. «берите суверенитета столько, сколько хотите», привели к тому, что, как пишет В.А. Тишков, «национальная история Российского государства оказалась нещадно обворованной»⁴. И прежде всего за счет педалирования этнонационалистических версий истории. Например, один из современных татарских авторов пишет: «История татар и Татарстана является относительно самостоятельной, не вмещающейся в «Историю России», поскольку существующая российская история не может ее заменить или исчерпать»⁵. Возможно, это и так, но думаю, мало кто из отечественных и зарубежных историков согласится с другим высказыванием: «История Золотой Орды была частью мировой истории, а поздний период истории раздробленных русских княжеств — частью татарской... Русские благодаря Золотой Орде оказались вовлеченными в мировые процессы, а впоследствии сумели создать грандиозное государство под названием Россия»⁶. «Перекосы» в воссоздании исторической действительности тут, как говорится, налицо.

Наиболее четко эти противоречия обнаруживаются при рассмотрении и оценке такого исторического факта, как «завоевание» (присоединение) Казанского, а затем Астраханского ханства к России в середине XVI в. В огромном количестве русской и западноевропейской, а в последнее 20-летие — и татарской литературы содержатся исключительно противоречивые оценки этого грандиозного события. Можно выделить несколько комплексов основополагающих вопросов, на которые в современной историографии даются самые разноречивые ответы. Один из них: какими именно факторами определялась государственная политика Ивана IV в отношении Поволжских государств? Американский исследователь Дж. Пеленски считал, что наиболее важным являлся ее «национальный» контекст⁷. Царь исходил из сформировавшейся еще при Иване III идеи, что завоевываемые земли — вотчина великого московского князя. Притязания на «всю Русь» основывались на мифических предположениях, что эти территории, в частности, территория Казанского ханства, были владениями Рюриковичей «с древних времен», являясь составными частями Киевского государства. Это историческое оправдание, по предположению Пеленского, обосновано либо митрополитом Макарием, идеологом завоеваний Ивана IV, либо кем-то из его окружения. Подобные аргументы нашли отражение в таких русских источниках, как «История о великом князе Московском» и «Казанская история»⁸.

Многие авторы считают, что со времени женитьбы Ивана III на Софье Палеолог перед русскими правителями встала проблема борьбы за византийское наследство. Однако известный санкт-петербургский историк и источниковед Ю.Г. Алексеев, посвя-

⁴ Там же. С. 52.

⁵ *Хаким Р.* История татар и Татарстана. Казань, 1999. С. 23, 42.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560). Hague; Paris, 1974. P. 288—289.

⁸ *Андрей Курбский.* История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1988. С. 228—229; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 44; См. также: *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188—189.

тивший одно из своих исследований детальному анализу деяний «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, полагает, что в официальной политической доктрине объединения Русской земли, которую тот воплощал в своей деятельности, не было места «мифическим теориям» вроде зарождавшейся в это время в церковных кругах теории «Москва — Третий Рим». Как пишет Алексеев, Иван III не проявлял к ней никакого интереса и «не обращал внимания на так называемое византийское наследство»⁹. Австрийский ученый А. Каппелер полагает, что ко времени венчания Ивана IV на царство (1547 г.) идея о византийском наследстве для русского царя вообще выглядела анахронизмом и он не считал себя наследником византийских императоров¹⁰. Каппелер полагает, что для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследие Золотой Орды явилась гораздо более важной. Современные историки, в частности, казахские подчеркивают, что «именно золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности»¹¹. К близким заключениям приходят и некоторые российские исследователи, например, В.В. Трепавлов¹². Каждый из авторов приводит убедительные аргументы в пользу той или иной позиции. В результате русская государственность предстает перед нами как симбиоз трех компонентов: наследия Киевской Руси, византийской преемственности и наследия огромной Восточной империи, выразившееся в золотоордынской преемственности. Но каким же в этом контексте был основной вектор государственной политики Ивана Грозного?

Ответ на тот вопрос во многом зависит от интерпретации причин военных походов Ивана IV в Поволжье, результатом которых явилось присоединение к России Казанского и Астраханского царств. На протяжении двух последних веков историки сформулировали и аргументировали несколько различных версий тех мотивов, которыми руководствовались Иван IV и его окружение. В целом их можно свести к трем позициям:

1) месть татарам за постоянные набеги и опустошение русских земель, которые не прекращались даже после освобождения от «татарского ига» в 1480 г.;

2) опасения объединения мусульманских регионов Поволжья и Крымского ханства против Руси; религиозные соображения, основанные на провиденциальной интерпретации истории;

3) экономические интересы феодалов и русского купечества, рассчитывавших на новые земли и перехват торговых путей, в частности, по Волге.

Эти причины завоевания татарских царств в разной интерпретации формулировались на протяжении столетий, но в последнее время стали объектом комплексной детализации, которую предпринял на страницах журнала «Вопросы истории» А.Г. Бахтин¹³. Автор на основании вновь открытых, а также переосмысления уже известных источников приходит к выводу, что при Иване IV «угроза образования антирусского мусульманского союза была очевидной. Центральной задачей восточной политики России на протяжении всего XVI в. оставался поэтому вопрос о государ-

⁹ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 227.

¹⁰ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII вв.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96; *Его же*. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 20.

¹¹ Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // www.ca-c.org/datarus/kadirbaew.shtml.

¹² Трепавлов В.В. «Белый царь». М., 2007. С. 77—78.

¹³ Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории, 2001. № 5. С. 52—72.

ственной безопасности». На первое место, таким образом, выдвигается оборонительный характер присоединения земель Поволжья. Крымский хан неоднократно заговаривал с русским царем о передаче ему Астрахани и Казани. В 1574 г. через гонца Иван IV ответил ему следующее: против России «ныне одна сабля — Крым», а если отдать завоеванные в Поволжье и Приуралье земли, «тогда другая сабля будет Казанская земля, третья сабля астороханская, четвертая нагаи, а только Литва не помиритца, ино пятая сабля будет»¹⁴. По мысли Бахтина, завоеывая Казань и Астрахань, русское правительство не преследовало каких-либо экономических целей. Бахтин полагает, что у населения России интерес к вновь завоеванным землям на Востоке отсутствовал, а представление о массовом потоке переселенцев на завоеванные земли с их богатыми природными ресурсами — не более, чем миф.

Все эти доводы вызывают отторжение у современных казанских историков. Выводы Бахтина оспаривает, в частности, И.Л. Измайлов, который называет доводы, приводимые российскими и советскими историками в пользу необходимости завоевания русскими Казани, «архетипами русского исторического сознания»¹⁵ (хотя такие аргументы высказывали и западные исследователи). «Татарский же народ..., — продолжает он, — был поставлен на грань этноцида... И если он сумел сохраниться, то не благодаря российским властям, а вопреки их постоянному давлению». Однако этот автор по крайней мере допускает, что исторический взгляд на Казанскую историю «требует постоянной научной и историковедческой разработки, дополнения и внесения определенных корректив»¹⁶. Как умный человек и проницательный историк, И.Л. Измайлов не мог не «подстраховаться» себя, заявив, что несмотря на факт завоевания Иваном IV Среднего Поволжья, «для нас важен не объективистский и прогрессистский взгляд на эту проблему, а... постмодернистская точка зрения. Она отказывается видеть какую-либо единственную отправную точку для рассуждений, а настаивает на множественности, многовариантности взглядов на прошлое, в конфликте и отражении которых возникает целостный образ многомерной истории»¹⁷.

В контексте данной проблемы особую роль приобретает история русско-казанских отношений до 1552 г. и после завоевания Казани. В настоящее время действия великих московских князей в отношении Казанского царства в историографии рассматриваются в значительной степени по-новому. Иван III еще до стояния на Угре в 1480 гг., примерно в 1476 г. перестал платить «выход» (дань) казанским ханам, тогда же произошло и «потопание басмы» (русский князь наступил ногой на ханскую грамоту с лицевой печатью)¹⁸. Однако едва ли правомерно считать, что именно в конце XV в. был установлен московский протекторат над Казанью и хан стал вассалом московского великого князя поскольку тот поставил его на ханство (Мухаммед-Эмина в 1487 г.), а также включил в свой титул «царь болгарский»¹⁹. Пеленский считает, что несмотря на существование протектората над Казанью в отдельные годы, ханство было практически независимым государством и Казань никогда не теряла этого

¹⁴ Цит. по: *Бахтин А.Г.* Указ. соч. С. 67.

¹⁵ *Измайлов И.Л.* Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского государства. 2-я пол. XV в. М., 2001. С. 108—109.

¹⁹ *Трепавлов В.В.* «Белый царь». С. 70 (со ссылкой на: *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Очерки. М., 2004. С. 183).

статуса вплоть до своего окончательного подчинения. Лучше всего об этом свидетельствует тот факт, что до 1552 г. Казанское ханство не было включено в титул московских правителей. Не упоминалось оно также в качестве московского владения в завещании великих московских князей Ивана III Васильевича (1504 г.) и Василия III Ивановича (1523 г.). Лишь в завещании Ивана IV (1572 г.) отмечается, что он благословил сына Ивана не только «царством Русским», но и «всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил...», а также «царством Казанским» и «царством Астраханским», которые «взял»²⁰.

Особо выделяется в этом завещании позиция «чин царский, что аз промыслил» (добыл). Понятие «чин царский» — это своеобразная идея фикс, которая является существенным моментом в жизни и деятельности Ивана IV начиная с 1547 г. — времени его венчания на царство. Поскольку в глазах европейцев это венчание могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства «от греческих царей» предками Ивана IV зарубежное сообщество не особенно верило²¹, «приобщаться к царственной силе» русскому царю предстояло другим путем. Этот путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных (переведенных на Руси) произведений. Воплощался он в «завоевании царства», которое давало завоевателю право называться «царем»²². В дипломатической документации Иван IV подчеркивал значение Казани и Астрахани, где «изстари цари велись»²³. А послу, отправлявшемуся в Литву и Польшу, надо было передать королю: «Царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем»²⁴.

Интересно, что подобная интерпретация встречается не только в официальных (прежде всего в дипломатических) источниках, но и в фольклоре, где поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства. В сохранившихся русских народных преданиях царская порфира представляется вывезенной из Казани, от потомков золотоордынских чингизидов. Якобы Иван IV «снял с казанского хана Едигера «порфиру царскую», привез «бусурманскую порфиру» в «каменну Москву», совершил ее церковное освящение православным обрядом, потом освященную «порфиру на себя наложил» и только после всех этих ритуальных действий «стал Грозный царь»²⁵.

Итак, подчинение татарских ханств Поволжья трактовалось на Руси как «начало обретения Иваном IV царского достоинства»²⁶. Любопытно, что когда Иван IV обратился к константинопольскому патриарху с просьбой утвердить его царский титул,

²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 426—444.

²¹ Например, неоднократно возражал тезиса о против происхождения Ивана IV от Августа кесаря польский король Стефан Баторий, послы которого в 1577 г. не хотели называть русского государя царем, передавая грамоту от польского короля с замечаниями, что в версии о его происхождении от Августа ничего не заключалось «крунтового и правдивого»: «Чтеши правяй, чего в речи не было николи, яко еси замыслил о Прусе, брате Августовом», то у Августа никогда не было брата Пруса, от которого якобы ведут свой род русские цари. См.: *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 313.

²² *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля русская...» М., 2001. С. 147, 158; *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 26.

²³ *Савва В.И.* Указ. соч. С. 285, 304.

²⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 499. См. также: *Плюханова М.Б.* Указ. соч. С. 188—189.

²⁵ *Ерофеева И.В.* Русская имперская идея в истории // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. I. С. 272 (со ссылкой на: *Жданов И.М.* Русский былевой эпос (Исследования и материалы). СПб., 1895. С. 12—16.

²⁶ *Трепалов В.В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток, 1994. № 2. С. 57—60.

тот удовлетворил эту просьбу, но с иным обоснованием. Патриарх, который осуществлял свою власть под владычеством османского султана, обосновал признание за Иваном IV царского титула его дальним родством с византийскими императорами²⁷.

Значимость для Ивана IV царского титула в период его отчаянной борьбы за прибалтийские земли с могущественными европейскими государями характеризует завоевательные походы на Казань и Астрахань прежде всего как политические действия. Этот факт неоднократно подчеркивался такими исследователями, как А. Каппелер, Дж. Пеленский²⁸, немецкими учеными Э. Доннертом, Л. Рюлем²⁹. Не исключая других мотивов победного похода на Казань в 1552 г. (национального, религиозного, экономического, оборонительного), эти историки подчеркивали приоритетность становления имперскости и установления равенства России с европейскими государствами. Пеленский наиболее четко высказывает эту мысль: «Присоединение двух татарских ханств и последующее принятие титулов «царь Казанский» и «царь Астраханский» русским правителем были использованы для возвышения в глазах других суверенов. Они применялись в дипломатических переговорах, имевших целью добиться признания императорского титула царя другими державами»³⁰.

Завоевание Казани в 1552 г. не свидетельствовало о полном исчезновении понятия «Казанское царство». Оно продолжало существовать как территориально-административная единица под юрисдикцией Приказа Казанского дворца еще более века и таким образом было активно вовлечено в административное и политическое устройство Русского государства. Некоторые татарские историки подчеркивают, что сам процесс инкорпорации Казанского ханства и других татарских государств в состав России не имел аналогов по своим историческим последствиям. Достаточно обратиться внимание на герб Российского государства, три короны которого над двуглавым орлом символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское царства.

Значимость завоеванных татарских ханств для развития российской государственности выражается, по мнению ряда историков, и в заимствовании некоторых восточных и государственных традиций, в частности, соуправления, примером чего может служить возведение бывшего касимовского хана Саин-Булата (в крещении Симеона Бекбулатовича) в 1575 г. в ранг «великого князя всея Руси». Обращает на себя внимание мнение ряда историков, в частности, Пеленского, о предположительном заимствовании некоторых российских государственных структур и форм управления у татар³¹.

На этом фоне привлекает внимание использование Иваном IV казанской символики. На большой государственной печати 1577 г., скреплявшей документы, отсылаемые в зарубежные страны, помещена «печать казанская» — изображение дракона в короне (царской). По-видимому, данный образ впервые появился в Казанском ле-

²⁷ *Pelenski J.* Op. cit. P. 300.

²⁸ *Ibid.* P. 298—300. Пеленский, в частности, пишет: «Непосредственным политическим, так же как и идеологическим следствием завоевания Казани было, конечно, принятие московским правителем титула «Казанского царя», так же, как несколько позже он принял титул «Царь Астраханский». Это решение не было простой формальностью». Добавления к титулу русского правителя отражали изменения в характере государства московитов... Русь стала рассматриваться как империя (государство государств)».

²⁹ Об этом см.: *Гатин М.* Завоевание Казанского ханства в трактовках немецких историков // Татарский народ после 1552 г. С. 291—298.

³⁰ *Pelenski J.* Op. cit. P. 300.

³¹ *Тренавлов В.В.* Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. С. 46—51; *Pelenski J.* Op. cit. P. 55—59.

тописце, историко-публицистическом сочинении 1564—1565 гг. Здесь рассказывается о том, что на месте будущей Казани «преже место быти издавна гнездо змиево». «Змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки, и скоты, и звери, другою главою траву ядыше». Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань»³². Созданный в соответствии с этой легендой графический образ Казани, затем превратившийся в ее герб, помещен в Титулярнике 1672 г. Именно последний лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Показательно, что в числе десятка городов, приславших по запросу Герольдмейстерской конторы сведения о гербе города, была и Казань. В донесении из Казанской губернской канцелярии от 9 января 1725 г. четко сказано: «А герб в городе имеетца татарских званей, на котором изображен змей, а около змея слова «печатъ великого государя»³³ (в петровское время так стала называться «печатъ царства Казанского»).

Нет ничего удивительного в том, что казанцы быстро и четко ответили на вопрос центрального учреждения о гербе города, ибо с печатями, скреплявшими документы, выходящие из канцелярии воеводского правления, они постоянно сталкивались. Казанские воеводы использовали «печатъ царства казанского» с 1591 по 1707 гг.³⁴ Она прикладывалась к подорожным, проезжим грамотам и к наказам. Только в одном фонде «Грамоты Коллегии экономии», хранящемся в Российском государственном архиве древних актов, выявлено 29 оттисков черной восковой печати с изображением коронованного дракона, что подтверждает публикация казанских печатей в Сборнике снимков, изданном в XIX в.³⁵ Опубликованные здесь казанские печати однотипны по композиции и деталям эмблемы, хотя заметно, что рисунки, по которым изготовлялись матрицы печати, в разное время делала не одна рука.

Стабильность эмблемы «печати царства Казанского» соответствует упорядочению правил ее использования. Ее прикладывали к соответствующим документам исключительно казанские воеводы, хотя у них существовали и личные печати. Значимость этой печати, как следует из документов, связанных с ее хранением и функционированием, несомненно выходит за рамки стандартного делопроизводственного компонента. Предписывалось хранить печать в Казанской разрядной избе (иначе — Съезжей палате) в особом ящике, запечатанном личными печатями двух воевод. Соответствующие документы должны быть оформлены от имени только первого воеводы, чьей привилегией являлось пользование печатью Казанского царства. Подобные меры предосторожности и охраны казанской печати были предприняты после того, как она в период Смутного времени сыграла определенную роль в борьбе за власть различных политических группировок. В 1612 г. после смерти и бегства из Казани воевод власть в городе перешла к казанским дьякам, один из которых, Н.М. Шульгин, не без ее помощи насаждал в Казанском крае свою власть, раздавая

³² Казанская история. С. 47—48.

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 26.

³⁴ Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. М., 1993. С. 237.

³⁵ Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. Иванов. М., 1858. Табл. VIII, № 148; XIII, № 135; XIX, № 301.

земли, жалованье и прочие льготы своим сторонникам³⁶. Поэтому не случайно сразу же после выборов царя и немедленного ареста дьяка прежний порядок функционирования печати как символа стабильности региона был восстановлен.

Значение «печати царства Казанского» даже во второй половине XVII в. неоднократно подчеркивалось исследователями. Она как символ местной власти передавалась в первую очередь при смене воеводского правления одновременно с ключами от «каменного» и «деревянного города»³⁷. Система пользования печатью оставалась неизменной. Казанская эмблема — дракон в короне — с 1577 г. и до сегодняшнего дня является официальным символом — гербом Казани³⁸.

Столь бросающаяся в глаза регламентация «печати царства Казанского», особая значимость ее в делопроизводстве Казанского региона, неизменность символики вряд ли являлись случайностью. Устойчивость казанской символики в эмблематическом поле Российского государства, кажущаяся на первый взгляд малозначимой, на самом деле является дополнительным показателем особой заинтересованности и важности этого региона как «источника русского царения». Подобные детали, вплетаясь в контекст взаимоотношений «центра и региона», расширяют рамки этого контекста до проблемы политики русского правительства по отношению к Казанскому краю.

---

³⁶ Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 239.

³⁷ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 109—110.

³⁸ Подробно история герба Казани рассмотрена в: *Соболева Н.А. Феномен Казанского герба: история, семантика, реальность // Очерки феодальной России. Вып. 15. М., СПб., 2012. С. 128—172.*

Закрепощение крестьян в России: подходы современной историографии

Одним из важнейших событий отечественной истории, определивших специфику развития русского общества на несколько столетий, явилось закрепощение крестьян, т.е. процесс утверждения и развития крепостного права. Само крепостное право определяют как «совокупность юридических норм, закреплявших наиболее полную и суровую форму крестьянской зависимости при феодализме»¹. В литературе термин «крепостное право» часто используется в более широком смысле — не только как совокупность юридических норм, но и как целый спектр социальных отношений, что практически отождествляет его с понятием «крепостничество». Закрепощение крестьян в России — процесс длительный (истоки его уходят во времена Киевской Руси), сложный и противоречивый. Он прошел в своем развитии несколько этапов, качественно отличающихся друг от друга. Совершенно справедливым представляется мнение о том, что нельзя идентифицировать крепостничество второй половины XVII в. и особенно XVIII в. (добавим: а также XIX в.), с запрещением крестьянских переходов в конце XVI — начале XVII в.²

В отечественной исторической науке выделяют две основные концепции закрепощения, исходя из того, признается ли инициативная роль государства этом процессе или считается, что закрепощение вызревало внутри вотчин и поместий, без решающего правительственного вмешательства. Первая, «указная», берет свое начало от В.Н. Татищева³, вторая, «безуказная», впервые была высказана М.П. Погодиным⁴. Последняя получила широкое распространение после исследования В.О. Ключевского, считавшего важнейшим фактором закрепощения экономическую задолженность крестьян⁵, и разработки вотчинной теории, по которой крепостное право трансформировалось из отношений подданства или личной зависимости⁶. Компромиссная точка зрения была высказана М.А. Дьяконовым, который на примере «старожильства» показал, что экономическая задолженность и законодательство, связанное с государственными финансовыми интересами, могли действовать одновременно⁷. После открытия источников о «заповедных летах» он подтвердил свой

¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 110 (автор статьи — С.М. Каштанов).

² Аграрная история северо-запада России XVI века. Север. Псков, 1978. Т. 3. С. 198.

³ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 320 и др.

⁴ Погодин М.П. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // Русская беседа. М., 1858. Кн. 4. С. 120.

⁵ Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // *Его же*. Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. 8. С. 120—193 (впервые изд. в журнале «Русская мысль». 1885. № 8, 10).

⁶ Беляев Н.И. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение // ЖМЮ. 1916. № 8. С. 139—179; № 9. С. 129—166; Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1936. С. 23.

⁷ Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). М., 1898. С. 74. (Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 13).

взгляд на отмену свободного выхода крестьян как на процесс постепенный, в котором правительственное законодательство использовалось лишь в частных случаях для отдельных лиц и местностей⁸. К такому же примерно выводу, опираясь на развитие поместного права, пришел И.И. Полосин⁹.

Думается, что концепция закрепощения на разных уровнях (государственном и поместно-вотчинном) наиболее плодотворна¹⁰. После серьезных исследований разных сторон этого процесса трудно игнорировать влияние какой-либо из двух его составляющих. Наличие нескольких добротных историографических работ, обобщающих результаты исследований XVIII—XX вв. о закрепощении крестьян в России, освобождает нас от необходимости подробно освещать историю изучения этой проблемы¹¹.

Коренными вопросами данной темы являются вопросы о том, почему и каким образом в России сложилась система крепостничества. В обобщающих трудах 1980—1990-х гг. по истории крестьянства подведен итог изысканиям в этой области. Обычно называют в разной последовательности примерно одинаковый набор разноуровневых факторов, которые могли влиять на принятие закрепостительных законов. В их числе стремление государства обеспечить барское (или барщинное) хозяйство рабочими руками, а государственную казну — исправным поступлением податей; переход к произвольным нормам владельческой ренты, распространение барщины в XVI в. и рост размеров и доли государственно-централизованной формы ренты, в основе чего лежали развитие товарно-денежных отношений и рост потребностей феодалов класса и государства; изматывающая Ливонская война, опричнина, мор, неурожаи, массовая гибель людей и резкое сокращение крестьянских земельных наделов; бегство крестьян как форма классовой борьбы. Выдвигаются и более отдаленные причинные связи — централизация государственной власти, распространение холопства, многовековое иноземное иго¹².

Л.В. Милов, признавая влияние таких хорошо изученных факторов, как развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации; стремительный рост налогов; хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки, считал тем не менее, что они «лишь форсировали процесс закрепощения», тогда как глубинной причиной этого процесса была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю, выразившаяся «в стремлении раз-

⁸ Дьяконов М.А. Заповедные и выходные лета. Пг., 1915. С. 10—19.

⁹ Полосин И.И. Поместное право и крестьянская крепость // Социально-политическая история России XVI—XVII вв. М., 1963. С. 56 (впервые изд. в 1929 г.).

¹⁰ Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. Т. 4. С. 183.

¹¹ Подробный разбор историографии по проблеме закрепощения крестьян см.: Пресняков А.Е. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1. С. 33—44; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Спорные и не выясненные вопросы русской истории. СПб., 1999. С. 170—179 (впервые изд. в 1934 г.); Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 806—825; 842—860; 883—884; Волков Л.В. Проблема закрепощения в советской исторической науке (1917 — сер. 30-х гг.) // Труды МГИАИ. 1967. Вып. 23. С. 5—21; Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 194—248.

¹² Аграрная история северо-запада России. Т. 3. С. 198—199; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма. М., 1980. С. 50; История крестьянства в Европе (Эпоха феодализма). М., 1986. Т. 2. С. 446—448 (автор В.Д. Назаров); История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1989. Т. 2. С. 376—381 (авторы В.И. Корецкий и А.Г. Маньков).

рушить общинный строй крестьянства». XVI век со стремительным развитием помещичьей системы, резким сокращением числа вотчин, трансформацией самой вотчины в вотчину служилую и, наконец, системой заповедных лет и указом царя Федора об отмене крестьянских переходов и крестьянской «крепости земле» создал условия для «резкого изменения характера и силы внеэкономического принуждения в целях окончательного укрепления собственности феодалов на землю и на труд непосредственного производителя»¹³.

Позднее Л.В. Милов не раз подчеркивал мысль о том, что закрепощение основывалось на суровых природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины, необходимости постоянного сведения лесов и выполнения других трудоемких хозяйственных функций, что делало существование общины жизненно необходимым условием. Индивидуальное парцеллярное хозяйство русского крестьянина в таких условиях не могло порвать с общиной, которая становилась средством защиты и органом сопротивления крестьянства. Феодалам необходимо было нейтрализовать общину, что и было произведено введением крепостного права. Иного способа заставить крестьянина «при крайне сжатом в России рабочем периоде увеличить земледельческое производство до уровня, необходимого для более или менее оптимального развития социума, не было». В свою очередь, режим крепостничества стал возможным только при развитии наиболее деспотической формы государственной власти¹⁴. Истоки режима крепостного права в России, «суровость которого не имела аналогий в мире», заключались, по мнению Милова, в необычайно низкой урожайности, ограниченности размеров крестьянской запашки, слабой базе скотоводства, которые не могли обеспечить достаточно высокого объема совокупного прибавочного продукта, «вынуждая господствующий класс создавать жесткие рычаги государственного механизма, направленного на изъятие той доли совокупного продукта, которая шла на потребности развития самого государства, господствующего класса, общества в целом»¹⁵.

Гипотезу Милова об определяющем значении природно-климатических условий на утверждение крепостного права в России трудно полностью признать, несмотря на многочисленные количественные показатели тяжелого положения в русском сельском хозяйстве (особенно полеводстве и животноводстве) XVI—XVIII вв. Выводы исследователя, на наш взгляд, строятся на несколько упрощенном представлении о чисто зерновом, полеводческом характере хозяйства русского крестьянина. Стоит заметить, что на хозяйственную деятельность крестьян в России XVI—XVII вв. в историографии в целом утвердился несколько примитивный взгляд. Основная причина этого, судя по всему, кроется в характере источников, которыми располагают исследователи. Используются прежде всего писцовые книги и другие виды государственных описаний, которые являются часто единственным массовым источником, дающим однородную, сопоставимую, сравнительно легко обрабатываемую информацию о русской деревне.

¹³ *Милов Л.В.* О причинах возникновения крепостничества в России. С. 531—532. Рассмотрение взглядов Л.В. Милова в данном обзоре представляется уместным в связи с тем, что многие его труды были переизданы в 2006 г. и таким образом могут считаться фактом историографии XXI в.

¹⁴ *Милов Л.В.* Особенности исторического процесса в России // *Милов Л.В.* По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 707, 710.

¹⁵ *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // *Вопросы истории.* 1992. № 4—5. С. 47.

В русском государстве в течение полутора веков, по крайней мере, с конца XV до первой четверти XVII в. правительство упорно держалось поземельных в своей основе форм обложения, что можно объяснить удобством учета объектов обложения и потребностями государства в продовольственных и кормовых запасах. «Стрелецкий» хлеб до конца XVII в. оставался основной формой государственных податей. Характер содержания источников «заставляет» и исследователей смотреть на русского крестьянина фактически только как на хлебопашца-земледелца. Однако зерновое полеводство в XVI—XVII вв. было основной и преобладающей отраслью скорее всего только у небольшой части крестьян в районах плодородных ополей, вблизи крупных торгово-промышленных центров. Историки-аграрники пишут о животноводстве и промыслах, но считают их, как правило, подсобными занятиями.

В одном из «хлебных центров» Поморья, в Каргополье на рубеже XVI—XVII вв. крестьяне, жившие одной пашней, бедствовали. Расспросы черносошных крестьян Каргопольского уезда, зафиксированные старцем Капитоном, показали, что, по их мнению, люди, которые «одною деревенскою пашнею промышляют, а иного никоторого у них промыслу нет, и они потому ж что и половники людям должны живут... что хлеба упашет, и то у него в дань да в оброк изойдет, а с ыных деревень и столко не сходитца хлеба, чем и дань заплатити... А недород хлебу почасту живет да и морозом побивает и одною пашнею деревенскою без промыслу прожити не о чем»¹⁶. Правительство, безусловно, знало о разнообразных источниках дохода крестьян и не случайно в тяжелые годы Смуты перешло на сбор пятинных денег, т.е. облагало все имущество и доходы, а не только пашню¹⁷.

Даже в условиях широкого развития товарно-денежного отношений и промышленного производства земледелие во всем объеме хозяйственной деятельности крестьян редко преобладало над занятиями неземледельческими. Обследования и описания крестьянских хозяйств, произведенные во второй половине XIX — начале XX в., показали, что крестьянская семья осуществляла десятки различных производственных операций, многие из которых были направлены не только на самообеспечение семьи, поддержание домашнего хозяйства, но и на рынок. Это являлось спецификой не только северных или других неблагоприятных для земледелия промышленных зон, но и для хозяйств Центрально-Черноземного района России, Украины¹⁸. В Вологодском уезде в конце XIX в. на земледелие тратилось в среднем всего 25% рабочего времени и лишь в самых многоземельных хозяйствах оно занимало около 40%, в беспосевных же хозяйствах столько же времени (40%) уходило на промыслы (у них земледелие забирало только 10% времени)¹⁹. Примерно такое же соотношение доходов от земледелия и промыслов зафиксировано Ф.А. Щербиной в черноземной Воронежской губернии²⁰. Обследования крестьянских хозяйств в

¹⁶ Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дюктябрьский период). Вологда, 1985. С. 147.

¹⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.

¹⁸ *Щербина Ф.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900; *Пешехонов А.В.* Статистическое описание Калужской губернии. Калуга, 1898; Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.

¹⁹ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 265.

²⁰ *Щербина Ф.А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 381.

1923/1924 г., например, показали, что производство зерна в большинстве районов страны в стоимости валовой сельскохозяйственной продукции крестьян составляло только 30—45% (лишь на Северном Кавказе и Южной Украине чуть превышало 50%)²¹. В условиях современной России во многих районах после распада колхозов и совхозов приходит в упадок и земледелие, и животноводство. На первое место выдвигаются такие ранее подсобные занятия, как собирательство (грибов и ягод), рыболовство, лесной промысел²². Сопоставление данных XIX—XX вв. и XVI—XVII вв. очень уязвимо для критики, однако традиционная устойчивость крестьянского строя позволяют проводить определенные аналогии. Учитывая приведенные соображения, а также то обстоятельство, что природно-климатические условия в России гораздо более стабильны²³, чем социально-экономические и политические процессы, нам представляется не совсем убедительным мнение Л.В. Милова об определяющем влиянии природных факторов на закрепощение крестьян.

Механизмы закрепощения крестьян можно условно разделить на две группы: внутривотчинные и государственные. Исследователи внутривотчинных процессов вызревания крепостничества выдвигали, помимо крестьянской задолженности, и ряд других факторов — распространение барщины под влиянием развития рыночных отношений, сближение холопства с крепостным крестьянством; чрезвычайный рост эксплуатации крестьян, у которых изымали не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого²⁴. В этом контексте интересно мнение Л.В. Милова, что одним из средств такого укрепления было превращение исконного общинного крестьянского населения в «новоприходцев», сажившихся на чужую землю, на землю феодала. Для этого использовали первоначально массовое насаждение льготных поселений. Феодалы стремились изменить сущность старожильства (в случае перехода они теряли свой статус и право наследственной собственности на участки). Сами по себе переходы крестьян, полагал Милов, нельзя расценивать как непреходящий атрибут крестьянской свободы. Часто они зависели от инициативы землевладельцев, превращались в «перезывы» и «отказы», являясь орудием борьбы феодалов за уничтожение крестьянского общинного наследственного права и сужение сферы действия общинного трудового права «до уровня одних лишь межкрестьянских отношений»²⁵. Средством борьбы с общинным крестьянством было также внедрение полевой барщины, которая возникала из «издельного» серебра, являясь следствием долговой кабалы и соотносясь обычно с процентной ставкой по займам как 1:5. Однако для подавления активизации и сопротивления общинного кре-

²¹ *Литошенко Л.* Основные элементы крестьянского бюджета 1923/24 г. // Бюллетень ЦСУ СССР. 1926. № 115. С. 11—12. Несмотря на все различия между XVI—XVII вв. и XX в., эти данные представляются весьма показательными.

²² *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М., 2006. С. 69—74, 124—129.

²³ Исследователи отмечают рост экстремальных природных явлений, пик которых приходится на XV—XVII вв. (в XVI в. — 80 неурожайных, 48 голодных лет, 30 эпидемий), хотя и данные по XVIII в. — 68 голодных года, 50 эпидемий и эпизоотий, не назовешь благоприятными (см.: *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 194, 202—203; *Бараин С.И.* История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Л., 1989. С. 224).

²⁴ *Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением. Л., 1987. Подробный разбор мнений см.: *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 195—233.

²⁵ Там же. С. 508—513.

стьянства нужна была «сильная, реальная власть господствующего класса в целом». В России консолидация господствующего класса была осуществлена «путем усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала»²⁶.

Несмотря на то, что основное внимание Л.В. Милов уделял процессам, происходившим внутри феодального хозяйства, он категорически отнес себя к сторонникам государственной «указной» теории закрепощения («акт прикрепления крестьян к земле мог быть только актом юридическим»), признавая «ключевым моментом в становлении крепостничества» реконструированный В.И. Корецким указ 1592—1593 гг.²⁷ В монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» концепция Милова представлена в наиболее полном виде. В этой работе при сохранении в целом общей идеи о природно-климатической обусловленности закрепощения крестьян в России автор представил более сложную модель процесса, перенеся акцент на социально-хозяйственные последствия этого влияния. Глубинной основой закрепостительных тенденций Милов называет здесь «неизбежность существования, в силу природно-климатических условий, сильной общинной организации крестьянства с ее землеустроением и землепользованием»²⁸. Хотя развитие феодальной земельной собственности и рентных отношений уже в конце XV в. подготовили почву для принятия закрепостительных мер, но потребовались длительные усилия государства по укреплению своего могущества и консолидации господствующего класса, пока наконец системой заповедных лет и указом царя Федора не удалось прикрепить крестьян к земле²⁹.

Можно согласиться с мнением Л.В. Милова о том, что главным содержанием закрепощения являлась борьба за утверждение феодальной собственности на землю. Формы и способы этой борьбы были многообразны. Автор данных строк внимательно исследовал процесс становления крепостного права в некоторых монастырских владениях Северной Руси в XVI—XVII вв.³⁰ Сопоставляя происходящие там изменения в положении крестьян, было обнаружено много сходных явлений, известных исследователям по материалам центра и других регионов страны. Это позволило выделить несколько специфических механизмов, которые использовались в процессе утверждения крепостного права³¹. По моему мнению, процесс закрепощения можно представить следующим образом. Начальный этап закрепощения русских крестьян можно назвать «внешней» феодализацией. В центре страны борьба за землю черных крестьян ведется уже в первой половине XV в., а наивысший размах и интенсивность получает в третьей четверти³², конце XV в. — начале XVI в.³³ Хотя уничтожение чер-

²⁶ Там же. С. 516—530.

²⁷ Там же. С. 532.

²⁸ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 481.

²⁹ Там же. С. 481—482.

³⁰ *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.

³¹ *Иванов В.И.* Судебники XV-XVI вв. и процесс закрепощения крестьян в России // Русь, Россия: средневековые и новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Москва, 19—20 сентября 2009 г. Материалы конференции. М., 2009. С. 52—53; *Его же.* Основные этапы и механизмы закрепощения крестьян в России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 51.

³² *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 228.

³³ *Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974. С. 100, 191.

ной волости, вытеснение ее феодальным владением происходит здесь только на рубеже XVII в., а остатки сохраняются и после Смуты³⁴.

Второй этап характеризуется вмешательством феодальных владельцев в земельные отношения крестьян, ограничением их прав на землю, стремлением отделить их от земли. Одним из широкораспространенных средств «внутренней» феодализации было создание оброчного фонда земли. Монастырские оброчные земли, например, появляются на рубеже XVI—XVII вв. Одновременность этого процесса в нескольких монастырях, вероятно, связана с указом об обелении монастырской пашни, как это было в Троице-Сергиевом монастыре³⁵. Так же как ранее государство установило особый статус оброчных угодий в черносошных районах, так и частный феодальный землевладелец в рамках своих владений стал рассматривать всю вновь освоенную (после государственного описания) и ещё не освоенную крестьянами землю как свою непосредственную собственность и утверждать своё право свободного распоряжения ею. Сначала феодальные владельцы стремятся установить точные границы крестьянской собственности (вместо традиционной формулы — «куда соха и плуг, и коса, и серп, и топор ходили»). Землевладельцы проводят обмеры крестьянских земель, а новые припаши и росчисти, освоенные после составления писцовых книг, изымают в свою пользу, превращая в свою реальную земельную собственность. Выделенные в результате этой операции земли в одном случае шли на создание собственного господского хозяйства, в другом — составляли фонд оброчных земель, которые могли предоставляться тем же крестьянам, но уже во временное держание и за дополнительную плату³⁶.

В Кемской волости, например, власти Соловецкого монастыря в 1600 г. разделили все население на «тяглых» крестьян, живших на своих собственных землях, и «оброчных», основная часть которых получила землю от монастыря. В состав последних были включены и «традиционные» бобыли, которые до этого владельцами земли не являлись³⁷. Именно для подобных «оброчных» и других безземельных крестьян (в центре страны они, очевидно, уже в середине XVI в. представляли массовое явление) и предназначались, по моему мнению, нормы Судебников 1497 г. (ст. 57) и 1550 г. (ст. 88) «о христианском отказе». Основная же часть крестьян в монастырских владениях, вотчинах и поместьях была собственником своей земли.

Другой способ «размывания» крестьянской собственности — ситуация, когда новые росчисти и припаши не изымались в особый оброчный фонд, а наоборот включались в общие крестьянские угодья, однако тяглое число (в вытях или других единицах) в этих хозяйствах оставалось прежним. Получалось, что реальные размеры угодий растут, а количество вытей при этом остается прежним. При этом все большая часть крестьянских земельных угодий (те, которые добавлялись сверх тягла) юридически им не принадлежали. Они оставались владельцами только той земли, которая соответствовала их вытному числу, т.е. была описана когда-то государством. В жало-

³⁴ Алексеев Ю.Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 103; *Его же*. Аграрная и социальная история Северо-восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 184, 225; Готье Ю.Г. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 223—230.

³⁵ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 189—191.

³⁶ Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне... С. 248—260.

³⁷ Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. С. 282—319.

ванной грамоте Алексея Михайловича Крестному Онежскому монастырю, выданной 1 июля 1657 г., данные о земельных владениях крестьян основаны на писцовой книге 1621—1622 гг. Эти же данные фигурируют и в описании монастыря 1682 г. По обоим источникам, в Нокольской волости Каргопольского уезда значится 104.5 четв. «пашни паханной», 88.25 четв. перелога, 224 копны сена «к живущим» и 184 копны «в пусте»³⁸. При этом количество дворов и особенно население волости заметно увеличилось. Получается, что за 60 лет со времени проведения общегосударственного описания угодья крестьян не изменились. Однако за год до составления отдельных переписных книг в мае 1681 г., в 4-х деревнях волости по челобитью крестьян была проведена роспись всех припашей, росчистей, починков этих деревень. Оказалось, что реальные владения крестьян в полтора раза превышают установленную писцами норму. Было выявлено 50.25 дес. лишней пашни и 43.3 дес. сенокосов. Интерес представляют дальнейшие действия монастырской администрации. Все эти вновь освоенные земли были положены в тягло, однако распределялись они «против тягла и данного алтына на выть»³⁹. Монастырь перераспределял (по просьбе крестьян одной из деревень) припашу и сенокосные росчисти пропорционально имеющимся у них тяглым угодьям, которые были зафиксированы в писцовых книгах и в соответствии с которыми распределялись государственные платежи и повинности. Самое же интересное заключается в том, что после разверстки этих вновь освоенных земель и значительного увеличения размеров тяглых угодий — само тяглое число (доли вытей) в этих селениях не изменилось⁴⁰.

В конце XVI — первой половине XVII в. крестьянин все чаще оказывался на «чужой» земле, в силу чего требовались дополнительные экономические (закабаление)⁴¹, юридические (поручные и порядные записи) и политические (введение заповедных и урочных лет) средства для прикрепления его к ней. Этот процесс следует рассматривать как третий завершающий этап в закреплении крестьянства, законодательно оформленный Соборным Уложением 1649 г., установившим бессрочный сыск крестьян. Мне кажется преждевременным утверждение Н.А. Горской о том, что «споры в отечественной науке об указной и безуказной теориях отошли в прошлое. Роль государства очевидна. Историки лишь допытываются, был ли верховной властью сделан главный шаг в этом направлении — издан закрепостительный указ 90-х годов XVI в. (В.И. Корецкий) или дело обошлось без такого указа (Р.Г. Скрынников)»⁴².

Хотя сам текст указа, объявляющего поземельную крепость крестьян, найти до сих пор не удалось, многие исследователи исходят из признания общегосударственного прикрепления крестьян к земле в конце XVI в.⁴³ Между тем, сомнения, в том что

³⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1883. Т. 6. С. CLXV—CLXVI; РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 327. Л. 246 об.—253.

³⁹ РГАДА. Ф. 1195. Оп. 9. Д. 38. Л. 1.

⁴⁰ *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне... С. 382.

⁴¹ Одним из самых ранних свидетельств этого является «долговая книга» Иосифо-Волоколамского монастыря 1532 г. (см.: Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.; Л., 1948. С. 117—160). В Поморье задолженность крестьян приобретает массовый характер только во второй трети XVII в., т.е. сто лет спустя (см.: *Иванов В.И.* Бухгалтерский учет в России XVI—XVII вв. СПб., 2005. С. 49—51).

⁴² *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 229.

⁴³ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.; Л., 1946. С. 549—943; *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; *Его же.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война. М., 1975; *Флоря Б.Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5 и др.

указ от 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке сыска бежавших крестьян, связан с установлением общего запрета на крестьянские переходы высказывались давно⁴⁴. Новым шагом в этом направлении является исследование В.А. Аракчеева, который подверг сомнению устоявшуюся трактовку «заповедных лет» как времени когда были запрещены переходы крестьян и посадских людей⁴⁵. Он считает, что термин «заповедать» часто использовался при обозначении объявления о розыске и самого розыска, а не какого-либо запрещения под страхом штрафа или штрафа. Отсюда упоминаемые в документах 1581—1592 гг. «заповедные лета» — это годы розыскные, а не запрещенные для перехода. Сам режим «заповедных лет», по словам исследователя, представлял собой крайне громоздкий порядок сыска и возвращения по суду тяглых крестьян по челобитьям частных землевладельцев, прежде всего помещиков. Одновременно на посадах и в черносошных волостях использовался порядок сыска тягловцев силами писцов и местных общин без суда. Такой порядок утвердился не позднее 1584/85 г. и использовался вплоть до 1620-х гг., отразившись в писцовых наказах этого времени. Во-вторых, исчезновение термина «заповедные», по мнению Аракчеева, не связано с предполагаемым указом Федора Ивановича 1592—1593 гг. о полном запрещении переходов. А сама система заповедных лет предполагала возврат беглых частновладельческих крестьян вне зависимости от сроков их бегства и времени пребывания на новом месте. Переход же с 1594 г. к ограничению сроков подачи исков пятью годами привел постепенно и к исчезновению термина «заповедные годы» (спорадически встречается в официальной документации вплоть до 1608 г.). В-третьих, «для того чтобы объяснить изменения в положении тяглых людей, вполне достаточно известных нам упоминаний о заповедных летах и указов о сыскных годах 1594 и 1597 годов, а сам «гипотетически реконструируемый указ 1592—1593 гг. в такой модели закрепощения является избыточным». Содержание указа было сконструировано из известных явлений закрепостительной практики 1580-х и 1590-х годов. В-четвертых, понятие «урочные годы» применительно к беглым крестьянам впервые было употреблено только в 1637 г., а само ограничение сроков сыска сначала вывезенных частновладельческих крестьян пятью годами, введенное не позднее 5 мая 1594 г., и беглых — 24 ноября 1597 г., ничего не меняло в порядке разрешения конфликтов о крестьянах. «Как и прежде, вотчинники и помещики должны были подавать иски, добиваться организации «обыскных людей» и возвращения беглых по суду, причем крестьяне, бежавшие до 24 ноября 1592 г., сыску не подлежали»⁴⁶. При этом сыск дворцовых, черносошных крестьян и посадских тягловцев оставался бессрочным.

По мнению этого историка, первые закрепостительные мероприятия в середине — второй половине XVI в. осуществлялись в рамках земской реформы, в первую очередь, в интересах не землевладельцев, а государства, стремившегося законодательно поддержать попытки перешедших на откуп волостей и посадов добиться возвращения ушедших тягловцев. Исследователь пришел к выводу, что практи-

⁴⁴ *Скрынников Р.Г.* Россия после oprичнины. Л., 1975. С. 192, 206—212; *Зимин А.А.* К вопросу о закрепощении крестьянства в 80—90-е годы XVI в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 275—277.

⁴⁵ *Аракчеев В.А.* Закрепощение крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. // Вопросы истории. 2009. №1. С. 106—117; *Его же.* Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Псков. 2010.

⁴⁶ *Аракчеев В.А.* Закрепощение крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. С. 115.

ка «заповедных лет», введенная в начале 1580-х гг. и на частновладельческих землях по меньшей мере до начала 1590-х гг., функционировала на большей части территории страны, включая все пятины Новгородской земли и южные уезды (Елец, Тула).

Выводы и наблюдения автора в целом вызывают доверие. Тем не менее хотелось бы отметить, что изыскания по семантике слов «заповедь», «заповедный» не очень убедительны. Приведенные в статье примеры: статья 6-я Двинской уставной грамоты 1397 г.; Уставная Московская запись об уголовном суде или Запись о душегубстве — около 1456—1461 гг.; фрагмент Псковской 2-й летописи; судный список боярина С.Б. Морозова Спасо-Евфимьеву монастырю от 30 июня 1503 г. и «заповедные грамоты» нижегородскому воеводе и земским старостам Углича февраля 1658 г., — не подтверждают, на мой взгляд, в полной мере выводы автора. Нельзя с полной уверенностью принять предлагаемое значение слова заповедь — «дознание», «розыск», «сыск»; а заповедные годы — «розыскные годы». Словари содержат такие значения слова «заповедати», как «объявить/объявлять вне закона», «повелеть/повелевать», «приказать/приказывать», «предписать/предписывать к исполнению»⁴⁷ и производные от них существительные. В Записи о душегубстве («А оу заповеди, то оу торгу кличить, наместнику болшему с двема третники по третьем же, а тивуну великого князя нет ничего оу заповеди»⁴⁸) слово «заповедь» скорее обозначает просто объявление о преступлении, которое официально прокричали на торгу, а не объявление именно о розыске преступника, хотя смыслы очень близкие. Заповедь в этом контексте можно обозначить как «объявление» *о нарушении закона или о совершенном преступлении*, что будет вполне соответствовать смыслу документа.

В Двинской уставной грамоте более сложный случай: «А самосуда четыре рубли; а самосуд то: кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет»⁴⁹. Здесь гораздо труднее определить смысл слова «заповедь». Напрашиваются варианты, предположенные В.А. Аракчеевым — «дознание», «розыск», «сыск», но опять возможен и нейтральный — «объявление». В другом случае явно имелось ввиду «объявление вне закона»: «а иных заповедали, тако же хотячи смертию казнить...» (Псковская 2 летопись)⁵⁰. Ни один из приведенных примеров не дает однозначного толкования слова «заповедь» как «розыск». Так что переименовывать заповедные годы в розыскные вряд ли правомерно. Определение сущности самих заповедных лет как времени интенсивного сыска беглых крестьян не противоречит их названию, так как проверка законности проживания крестьянина в том или ином месте невозможна без временного запрещения любых перемещений.

Важным представляется наблюдение В.А. Аракчеева о том, что и на юге (Елец), и на севере (Деревская и Обонежская пятины) в 80—90-е годы XVI в. запреты пере-

⁴⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5.

⁴⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 12. С. 28. В Русской Правде (пространной) есть близкая по смыслу фраза: «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть въ своем городе, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны». «Заповесть», скорее всего обозначает «объявление» о пропаже (Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 66).

⁴⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ) Т. 3. М., 1964. №7. С. 21.

⁵⁰ Псковские летописи. М.; Л., 1955. С. 209.

ходов касались только тяглых крестьян. Но и они могли уйти, например, на службу (Елецкие акты), оставив вместо себя другого тяглеца. А на людей нетяглых («от отцов дети, от дядь — племянники, и от братии — братию») режим заповедных лет вообще не распространялся, они могли переходить свободно⁵¹.

На современном уровне исследования проблемы закрепощения русского крестьянства две основные концепции сохраняют свою актуальность, однако их точнее будет определять как «государственная» и «вотчинная». Процесс закрепощения происходил одновременно и внутри феодальных владений и на уровне государственной политики и законодательства. Приоритет тех или иных факторов (особенно внутривотчинных), очевидно, менялся и зависел от своеобразия местных условий, статуса и особенностей формирования земельных владений, вотчинного режима. В рамках государственной концепции можно сделать традиционное разделение на сторонников «указной» и «безуказной» теорий, а в вотчинной — выделить земельно-правовую и кабально-экономическую концепции. Процесс закрепощения, без всякого сомнения, имеет ещё и ментальную составляющую. Первый отечественный историк крестьянства И.Д. Беляев отмечал, что прикреплением крестьян к земле были недовольны и крестьяне, и землевладельцы, однако, утратив свободу перехода, крестьяне навсегда получали участок земли, для них даже ослабла тяжесть податей⁵². Несмотря на приоритетность в XX в. изучения истории классовой борьбы, отношение самих крестьян и общества к крепостному праву в XVI—XVII вв. исследовано явно недостаточно. В целом, разработка такой важной проблемы требует выявления новых источников и новых подходов.

---

⁵¹ Аракчеев В.А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. С. 109.

⁵² Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903. С. 95—123. В литературе отмечались такие психологические предпосылки закрепощения, как «неразвитость личности, недостаток у нее самосознания и неспособность в силу этого противостоять грубой силе»; людям XVII в. не казалось противостественным существование принудительного труда, внеэкономического принуждения и жестокой эксплуатации (см.: Миронов Б.Н. История и социология принудительного труда России и США: сравнительный анализ // История СССР. 1988. № 6. С. 181).

Вольное казачество в смутное время в России начала XVII в.

В начале XVII в. Россия пережила первую в своей истории гражданскую войну или Смуту, как ее метко называли современники. Один за другим в стране появлялись самозванцы, которые «смутили» русский мир, ввергли его в «междоусобную брань» и поставили страну на грань национальной катастрофы. Авторы поздних повестей, сказаний, летописей и хронографов нарисовали яркую картину казачьего разгула в Смутное время и создали у историков впечатление о широком участии вольного казачества в повстанческом движении на всех этапах его развития. Русским авторам вторили иноземцы, которые много писали о действиях казачьих отрядов и часто не видели разницы между вольными и служилыми казаками. Выводы и оценки современников Российской Смуты перекочевали из их сочинений в историографию. М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Д. Бутурлин, С.М. Соловьев считали казаков «разрушителями государственного порядка», «противообщественной силой», ввергшей страну в Смуту¹. Лишь Н.И. Костомаров видел в казачестве не только разрушительную, но и созидательную силу, сыгравшую исключительно важную роль в расширении и обороне границ России². В дореволюционной литературе были опубликованы только две работы, в которых утверждалось, что вольные казаки в большинстве своем участвовали в событиях начала XVII в. не принимали, защищая интересы страны в Диком поле, и затем спасли страну в 1613 г., добившись избрания Михаила Романова³. В советской историографии постепенно утвердилась положительная оценка казачества как главной организующей и ведущей силы Крестьянских войн XVII—XVIII вв.⁴ Однако в 1980-е гг. теория Крестьянских войн была подвергнута критике в работах Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского. Первый выдвинул гипотезу, что главным источником формирования казачества были

¹ *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен: В 7 т. СПб., 1791. Т. 7; *Карамзин Н.М.* История государства Российского В 4 кн. и 12 тт. М., 1988—1989. Кн. 3. Т. 12; *Бутурлин Д.* История смутного времени в начале XVII в.: В 3 ч. СПб., 1839—1846; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. В 18 кн. М., 1989. Кн. IV, т. 7/8.

² *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII ст. // Собр. соч.: В 8 кн. СПб., 1904. Кн. II.

³ *Бояринов С.* Смутное время и донские казаки. 1603—1613 гг. Новочеркасск, 1612; *Елкин М.В.* Смутное время на Руси и донские казаки. Новочеркасск, 1913.

⁴ *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939; *Бернадский В.Н.* Конец Заруцкого // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Л., 1939. Т. 19; *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова 1606—1607 гг. М.; Л., 1951; *Долинин Н.П.* Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958; *Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве начала XVII в. Пятигорск, 1957; *Его же.* Классовая борьба в Русском государстве и ее особенности в период польско-литовской интервенции // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 5—48; *Его же.* Место и характер движения И.М. Заруцкого в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1605—1614 гг.) // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 49—105; *Его же.* Национально-освободительная борьба в русском государстве в 1611 г. (первое земское ополчение) // Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968. С. 3—237; *Корецкий В.И.* Из истории крестьянской войны в России начала XVII в. // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 118—137; *Его же.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5.

разоряющиеся служилые люди и боевые холопы, а отнюдь не крестьяне⁵, второй пришел к выводу, что многочисленное вольное казачество образовалось на территории России в Смуту из-за показачивания служилого и земского населения страны⁶. Гипотезы исследователей нуждаются в проверке на материалах Смуты в целом, а не отдельных ее периодов.

Оценивая военный потенциал России капитан царских мушкетеров француз Ж. Маржерет отметил, что на южном пограничье у царя имеется 5—6 тыс. служилых казаков, а по рекам Дону, Волге, Днепру, Тереку и Яику он может набрать еще 8—10 тыс. вольных казаков и 3—4 тыс. запорожцев — черкасов⁷. К началу XVII в. как видно из этих данных, казачество превратилось в значительную силу, которую московские власти обычно использовали для обороны границ России, в качестве иррегулярной пехоты в полевых сражениях и первопроходцев в Диком Поле и в Сибири.

Лжедмитрий I и украинское казачество. Очевидцы первых шагов самозванца на Украине — монах Венедикт и иконник Стефан — свидетельствуют, что, появившись на Украине летом 1602 г., Лжедмитрий I сразу установил связи с запорожцами⁸ и сохранял их во время походов в Речи Посполитой⁹. Перспектива появления крупных казачьих отрядов в формирующемся на Украине войске Лжедмитрия I сильно напугала местных магнатов, как православных, так и других вероисповеданий. Они слишком хорошо помнили о восстаниях Косицкого, Наливайки и Лободы.¹⁰ Под их давлением король Речи Посполитой Сигизмунд III был вынужден отказаться от поддержки самозванца и издать 12 декабря 1603 г. универсал, запрещающий продавать казакам оружие и боеприпасы. Лишь магнат-католик Ю. Мнишек с братом, сыновьями и зятями, имения которых были заложены и обременены непомерными долгами, решились рискнуть и приняли деятельное участие в судьбе «царевича»¹¹.

К 17 (27) октября 1604 г. войско Лжедмитрия I пересекло российскую границу. Общая численность казачьих отрядов в нем составляла около трех тысяч человек. Казаки были уряжены на три полка: Белешко, Кучко и Швейковского¹². В.И. Ульяновский посчитал всех их запорожцами¹³. Однако С. Борша, на которого ссылается исследователь, говорит о «казацких полках», а не о запорожцах¹⁴. Участники похода прямо говорят, что казаками становились в основном жители «тех сел и деревень, через которые мы проходили»¹⁵. В действительности 4 тыс. запорожцев прибыли к Лжедмитрию I только в конце декабря 1604 г., уже после сражения у Новгорода-Се-

⁵ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 129—142.

⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

⁷ *Мажерет Ж.* Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета / Пер. с франц. И.П. Шаскольского и Н.В. Ревуненковой; Сост. Ю.А. Лимонов. М., 1982. С. 178, 180—181.

⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее, — ААЭ): В 5 т. СПб., 1841. Т. 2. С. 79.

⁹ Там же.

¹⁰ *Жолкевский С.* Записки о Московской войне. СПб., 1871. Прил. 44. С. 21—23.

¹¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 151—165.

¹² *Доманицкий В.* Указ. соч. С. 11—12; *Борша С.* Указ. соч. Стб. 367—369; [*Посевино А.*] Повествование о достопамятном завоевании отцовской империи Дмитрием, великим князем Московским в 1605 г. // ЧОИДР. 1847/48. Год. 3. № 5. Отд. 3. С. 15.

¹³ *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты С. 86.

¹⁴ *Болтин Б.* Записки // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 324; *Доманицкий В.* Указ. соч. С. 12.

¹⁵ *Доманицкий В.* Указ. соч. С. 11.

верского, когда его покинула большая часть польско-литовского наемного войска¹⁶. Появление опытных бойцов настолько вдохновило Лжедмитрия I и его гетмана А. Дворжецкого, что они решились дать генеральное сражение правительственной армии у Добрыничей 20 января 1605 г. и были разгромлены. «Царевич» позорно бежал с поля боя в Рьльск¹⁷. Понесшие значительные потери запорожцы сначала хотели отомстить самозванцу за гибель товарищей, а затем ушли из России¹⁸. В Путивле осталось около 500 «запорожцев», которые не играли существенной роли в новом повстанческом войске¹⁹. В походе Лжедмитрия I на Москву Запорожское войско не участвовало.

Лжедмитрий I и донцы. Войско Донское и Запорожское поддерживали между собой тесные связи, поэтому донцы о появлении самозванца могли узнать в скором времени после его дружеских попок с запорожцами. Посланец Лжедмитрия I старец Леонид Крипецкий прибыл на Дон осенью 1603 г.²⁰ Сохранился ответ самозванцу донского атамана С. Чертенскому²¹, в котором, по меткому наблюдению Р.Г. Скрынникова, явно звучат издевательские нотки²². Тон послания не оставляет сомнений, что руководство Войска Донского, так же как Запорожского, предпочитало иметь дело с официальными московскими властями, которые достаточно регулярно присылали на Дон жалование, а не с «чудом спасшимся царевичем». Войсковому атаману С.С. Чертенскому и казачьей верхушке, судя по всему, удалось убедить их выждать. Из авторитетных донских атаманов только Андрей Корела сыграл исключительно важную роль в боевых действиях на стороне самозванца²³. Предположение, что в стане самозванца собралась едва ли не половина Войска Донского²⁴, на мой взгляд, не выдерживает критики. Территория, охваченная восстанием в пользу Лжедмитрия I, полностью совпадает с территорией размещения служилого казачества. Именно оно, также как реестровое казачество на Украине, составило основу «донского» войска самозванца, численно выросшего, благодаря массовому показачению служилого люда и крестьян южных украин²⁵.

Наиболее авторитетные атаманы во главе с С.С. Чертенским прибыли «с Дону» к Лжедмитрию I в Тулу лишь летом 1605 г., когда исход борьбы за Москву уже был решен²⁶. Чтобы унижить московских бояр, Лжедмитрий I принял донских и волжских атаманов в первую очередь. Затем они участвовали в походе войска самозванца на Москву, где были обласканы самозванцем²⁷. По окончании Московского похода

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее, — СГГ и Д): В 4 ч. СПб., 1819. Ч. 2. № 80. С. 171.

¹⁷ *Маржарет Ж.* Указ. соч. С. 192; *Борша С.* Указ. соч. С. 387—388; *Паэрле Г.* Записки о путешествии из Кракова в Москву и обратно, с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г. / Пер. с нем., предисл., прим. Н.Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 1. С. 165.

¹⁸ *Белокуров С.* Разрядные записи за Смутное время начала XVII в. М., 1907. С. 2, 238.

¹⁹ *Паэрле Г.* Указ. соч. С. 166; Сказание о Гришке Отрепьеве // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стб. 726.

²⁰ *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 гг. / Пер. с нем. Е.И. Бобровой; ред. С.А. Акуляниц. М.; Л., 1961. С. 94.

²¹ Письмо донских казаков. С. 413.

²² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 153—154.

²³ Новый летописец. С. 61, 63.

²⁴ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 214—216, 229; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 20—21.

²⁵ *Паэрле Г.* Указ. соч. С. 166; *Борша С.* Указ. соч. Стб. 383, 393; *Буссов К.* Указ. соч. С. 102, 104.

²⁶ Новый летописец. С. 65.

²⁷ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 109.

Лжедмитрий I, по свидетельству находившегося в то время в Москве И. Массы, щедро награждал донцов и отпустил их на Дон²⁸.

Лжедмитрий I и волжские, терские, яицкие казаки. Анализируя взаимоотношения Лжедмитрия I и казаков, Р.Г. Скрынников отметил, что грамоты с призывом прийти к нему служить на Волгу, Яик и Терек были отправлены в середине марта 1605 г.²⁹ Небольшая группа волжских казаков появилась в стане самозванца лишь в Орле во время триумфального похода на Москву, в котором они приняли участие³⁰. Яицкие казаки и терцы вообще не принимали участия в движении самозванца и опоздали к раздаче государева жалования³¹. Движение терцев, выдвинувших из своей среды нового самозванца Лжепетра и двинувшихся вверх по Волге «сопровождать царевича» в Москву, началось уже тогда, когда Лжедмитрий I был венчан шапкой Мономаха.

Казаки в восстаниях Лжепетра, И. Пашкова, И.И. Болотникова. Гибель Лжедмитрия I заставила терцев и Лжепетра изменить первоначальные планы. Они ушли с Волги на Дон, совершили дерзкий набег на Воронеж и посеяли смуту в Польских и «Украинных» городах, а затем, узнав о приближении правительственных войск, бежали в низовья Дона³². Повстанческое войско И. Пашкова, собранное в Полевых и «Украинных» городах и воевавшее за «чудом спасшегося царя Дмитрия», состояло, главным образом, из служилых людей Польских и «Украинных» городов. В основном это были служилые казаки или дети боярские и прочие служилые люди по прибору из казаков. Именно поэтому современники называли их казаками и считали само восстание казацким.

На нижнем Дону Лжепетр и его товарищи встретили гонца от кн. Г. Шаховского с просьбой идти в Путивль «наспех» для встречи с «царем Дмитрием», который якобы вот-вот должен появиться на Северщине из Литвы³³. Вступив в Путивль, Лжепетр приказал привести к нему на суд всех пленных, содержащихся в Путивльском застенке. Те, кто принес присягу «царю Дмитрию и его племяннику» получили у самозванца воеводские чины, те же, кто отказался им служить — были казнены. В декабре 1606 — январе 1607 гг. Лжепетр совершил поездку в Речь Посполитую, где был подготовлен спектакль с появлением «чудом спасшегося царя Дмитрия». Однако в решающий момент будущий Лжедмитрий II сбежал и его объявление не состоялось. Переход на сторону правительства П. Ляпунова и И. Пашкова, разгром И.И. Болотникова под Москвой и осада повстанческого войска в деревянной Калуге, вынудили Лжепетра вернуться в Россию и поспешить со всеми имеющимися у него силами на помощь И.И. Болотникову. Костяк его войска составлял приведенный им отряд вольных казаков. Его усилили последние воинские резервы, которые могла дать Северщина.

В конце февраля — начале марта 1607 г. Лжепетр занял Тулу и смог выручить из осады в Калуге войско И.И. Болотникова. Объединенное повстанческое войско было вскоре осаждено в Туле основными силами правительственных войск во главе

²⁸ Массы К. Указ. соч. С. 114.

²⁹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 237.

³⁰ Счетное дело В.Н. Пушкина с А.О. Плещеевым // Временник Московского общества истории и древностей Российских (далее — ВОИДР). М., 1851. Т. 14. С. 64—65, 140—141.

³¹ Карпов А.Б. Уральцы. Уральск, 1911. С. 90—92.

³² Расспросные речи Лжепетра; Болтин Б. Указ. соч. С. 330—331; Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 83, 139.

³³ Расспросные речи Лжепетра; Болтин Б. Указ. соч. С. 330—331; Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. М., 1988. С. 158.

с царем Василием Шуйским. После нескольких месяцев кровопролитных боев повстанцы исчерпали все силы к сопротивлению и были вынуждены сдаться. Лжепетр, И.И. Болотников и многие другие участники восстания, бывшие холопы и казаки, были казнены.

Исследователям удалось установить имена 18 атаманов и 31 казака, участвовавших в событиях 1606—1607 гг. в России. Атаманы И. Деревня, С. Карево, Панкрат, В. Петров, М.А. Шлык (Шляк, Шлях), «тульских черкас подручник» Р. Ключковский, казаки Б. Сидоров, В. Горбунов, К. Кобяков, Л. Кузьмин, Я. Кузьмин, Я. Кумянский, Ф. Пиминов, И. Фомин, «непровский казак» И. Хворов были служилыми казаками из Польских и «Украинных» городов и, видимо, участвовали в восстании И. Пашкова. Атаманы Аничкин, И. Гремькин, Солома, В. Шестак казаки В. Данилов, А. Иванов, Б. Топинин, Ф. Третьяков служили в войске И.И. Болотникова. Причем вольными были только атаман И. Гремькин и казак Ф. Третьяков, тогда как остальные, видимо, являлись показавшимися холопами или служилыми казаками. Головы, впоследствии атаманы Л. Хомутов, Т. Шаров, казак Е. Хлебник служили Василию Шуйскому. Вольными казаками являлись терские атаманы Ф. Бодырин, Ф. Болдырь, Г. Пан, Б. Семенов, П. Уваров, И. Чика, казаки Василий, Гребенкин, Дмитрий, Ф. Нагиба, Наметка, Неустройко, И. Анисимов, Осипко, И. Симанов, М. Шаблыкин, Я. Юрьев. Все они так или иначе были связаны с движением Лжепетра³⁴. Сделанные наблюдения дают основание предположить, что, вопреки сложившимся в литературе представлениям, участие вольных казаков терцев, волжан, донцов, запорожцев в восстаниях И. Пашкова (июль — декабрь 1606 гг.), И.И. Болотникова (август 1606 г. — весна 1607 г.) было эпизодическим и не играло заметной роли в этих движениях.

Казаки и Лжедмитрий II. А.Л. Станиславский, анализируя события 1606—1610 гг., установил, что зарождающееся Войско Донское официально осталось нейтральным в противоборстве царя В. Шуйского и приверженцев Лжедмитрия II. На позицию войскового круга, по мнению исследователя, повлияла выдача жалования и припасов казакам вскоре после переворота 17 (27) мая 1606 г. В движении Лжедмитрия II, полагал Станиславский, вольные казаки с Дона, Волги, Днепра и Терека уже не играли заметной роли, уступив место вольному казачеству, образовавшемуся в центральной России в результате «показачения» местного населения³⁵. Выводы историка нуждаются в уточнениях.

Источники свидетельствуют, что пример Лжепетра оказался заразительным. Уже летом 1606 г., как установила М. Перри, казаки привели в Астрахань «царевичей» Ивана-Августа, Лавра и Осиновика³⁶. К весне 1607 г. появление лжецаревичей в станицах донских, волжских, терских и запорожских казаков стало массовым явлением³⁷. Они звались «царевичами» Федором, Клементием, Саввелием, Семионом, Василием, Ерешкой, Гавриилом, Мартыном — «детьми» или «внуками» Ивана Гроз-

³⁴ *Масса И.* Краткое известие. С. 163—164; Восстание И.И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1969. С. 139, 224—225, 230, 232—233, 273, 278—281, 287—288, 292, 301; *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова. С. 125, 221, 238—240, 284, 366, 368, 508, 554; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 22, 23, 25—27, 51, 65; Российская крепость на южных рубежах. Елец, 2001. С. 9, 41, 115—116, 124—126, 173; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII ст. М., 2003. С. 81, 94—95, 97—98, 102, 103, 106, 110, 112, 113, 175—176, 187, 353, 376.

³⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. М., 1990. С. 29.

³⁶ *Perrie M.* Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 132—133.

³⁷ Отправление в Крым гонца Степана Ушакова... С. 241.

ного³⁸. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники, по словам авторов Нового летописца, прекрасно знали кто они: «иной боярский человек (т.е. холоп — И.Т.), а иной мужик пашенной» (т.е. крестьянин — И.Т.)³⁹. Примечательно, что, по словам Н. Мархоцкого, как раз в это время И.М. Заруцкий — один из режиссёров спектакля с объявлением Лжедмитрия I, ездил из лагеря самозванца в Орле на Дон и вернулся с большим числом казаков⁴⁰. Вольные донские казаки так же, как в свое время терцы, препровождая «царевичей», преодолели войсковой запрет помогать «царику». Самозванец поначалу приласкал братию, но затем Р. Ружинский, захвативший власть в лагере «царика», приказал их казнить. Станичники были зачислены в полки И.М. Заруцкого и А. Лисовского⁴¹.

Летом 1608 г., благодаря освобождению из царских застенков многих ветеранов повстанческого движения⁴² и «показачению» низов населения Замосковья, Поморья, Новгородской земли, число казаков под знаменами Лжедмитрия II значительно выросло. По данным Росписи, войско самозванца в начале осени 1608 г. имело полки: запорожцев Грица (700 казаков), Ростенецкого (500 казаков), Повидзавского (700 казаков), Лиса (100 казаков, 50 пятигорцев конных), донцов А. Лисовского (5000 казаков), И.М. Заруцкого (4000 казаков)⁴³. А.Л. Станиславский полагал, что влияние казаков на дела в Тушине было невелико, так как они не составляли единой организованной силы⁴⁴. Наблюдения исследователя нуждаются в уточнениях. Действительно, пятигорцы и погребинские казаки входили в состав наемных полков самозванца. Полки запорожцев подчинялись непосредственно гетману Р. Ружинскому, а полк А. Лисовского — гетману Я. Сапеге. Не было в Тушине и традиционного высшего органа самоуправления вольных казаков — войскового круга⁴⁵. Но его и не могло быть, так как официально всеми казачьими делами ведал глава специально созданного в Тушине Казачьего приказа — «боярин» И.М. Заруцкий⁴⁶. Казачество, таким образом, имело в Тушинском лагере свою организацию, но это были структуры служилого, а не вольного казачьего войска, которое быстро росло благодаря массовому добровольному и принудительному показачиванию, населения Замосковья и Поморья.

Новые руководители движения самозванца во главе с Р. Ружинским и Я. Сапегой не желали делить свои лагеря с казаками, ставили их отдельными таборами. Их использовали в качестве «пушечного мяса» в полевых сражениях и при осаде городов. А. Лисовский с большей частью казаков был отправлен из Орла в глубокий рейд вдоль русского южного пограничья. В июле 1608 г. он пытался пробиться с обозами продовольствия к Москве через Коломну, но был разбит в сражении на Медвежьем

³⁸ Скрынников Р.Г. Смута в России... С. 74—162.

³⁹ Грамота Лжедмитрия II смолянам // Бутурлин Д. История Смутного времени. СПб., 1841. Т. 2. Прил. 7; Новый летописец С. 78; Болтин Б. Указ. соч. С. 339.

⁴⁰ Marchocki M. Op. cit. S. 19.

⁴¹ Ibid.

⁴² Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 217; Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. Т. 1. S. 197.

⁴³ Отдел рукописей Научной библиотеки Украинской академии наук во Львове. Ф. 5. N5998/III Уа. Л. 323—324.

⁴⁴ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 26, 30.

⁴⁵ Rejestr wojska polskiego, ktуре jest przy Caru na Moskwie // Отдел рукописей Львовской национальной библиотеки НАН Украины. Ф. 5. № 5998/III Уа. Л. 323—324.; Sapieha J. Op. cit. S. 188.

⁴⁶ Грамота Лжедмитрия II Я. Сапеге 6 (16) декабря 1609 г. с приказом «беречь» донских казаков // СХ. № 12.70. С. 76—77.

Броду. Уйдя в муромские и владимирские места, вновь собрался с силами, видимо, включив в свой отряд небольшое войско Лжеивана-Августа, пробился к Москве по Владимирской дороге мимо Троице-Сергиева монастыря. Однако в Тушине «лисовчики» пробыли недолго. В начале осени 1608 г. они вместе с Я. Сапегой отправились осаждать Троице-Сергиев монастырь. «Запорожские» полки под командованием полковника Кернозицкого были направлены в Новгородскую землю и находились там вплоть до появления в России шведского экспедиционного корпуса. Лишь И.М. Заруцкий со своим полком постоянно находился в Тушине. Снабжение казачьих полков, как и наемников, с осени 1608 г. осуществлялось не столько через традиционное государево жалование, сколько через систему приставств. Полк И.М. Заруцкого имел приставства в Тотьме и Чаронде⁴⁷, полк А. Лисовского — во Владимирском уезде⁴⁸, запорожцы, вероятно, — в Новгородской земле.

После начала земского движения против тушинцев в Замосковье и Поморье характер использования казаков изменился. Их сделали карателями. Убивая и грабя посадских, крестьян, детей боярских и служилых людей, забирая их детей в казаки, а их жен — «на блуд», тушинские казаки верили, что вершат правое дело во имя «царя Дмитрия». Первую волну земского движения им удалось сбить, но весной 1609 г. поднялась новая волна, в результате которой власть тушинцев пала в Поморье и на значительной части Замосковья. Третья волна земского движения совпала с походом правительственных армий кн. М.В. Скопина-Шуйского и Ф.И. Шереметева к Москве. Постепенно казаки начали осознавать, что их используют в корыстных интересах. Полетели жалобы Лжедмитрию II, что офицеры наемных отрядов «казаков не берегут»⁴⁹. «Выговоры» царика наемникам никакого результата не дали. Казаки волей-неволей осознали, кто ими руководит от имени «царя Дмитрия». А. Палицын прямо говорит, что в это время многие вольные станицы, участвовавшие в Российской Смуте, вернулись на Дон⁵⁰. Вольное казачество с этого момента окончательно уходит в тень, оставив арену Смуты для служилых казаков и показавшихся служилых людей, посадских и крестьян.

Широкое развитие земского движения в Замосковье и Поморье в 1610 г. привело к формированию теперь уже в правительственном войске новых отрядов служилых казаков из «охочих людей», посадских и крестьян, которых обеспечивали деньгами и продуктами «нанявшие» их посадские и деревенские миры. Со временем эти отряды влились в состав правительственных войск кн. М.В. Скопина-Шуйского, Ф.И. Шереметева в качестве пехоты, но до образования отдельных казачьих полков со своими головами, создания самостоятельного Казачьего приказа во главе с атаманом-боярином здесь пока дело не дошло.

Во время распада Тушинского лагеря в начале 1610 г. между наемниками и казаками произошел окончательный разрыв. Дело дошло до открытых военных столкновений. «Боярин» И.М. Заруцкий, узнав, что казаки его полка намерены уйти вместе с кн. Д.М. Трубецким, М. Плещеевым и другими тушинскими дворянами к Вору, убедил кн. Р. Ружинского и наемников атаковать недавних соратников «на походе» и пролил

⁴⁷ ААЭ. Т. 2. № 88. С. 181.

⁴⁸ РИБ. Т. 2. № 171.5. Стб. 697.

⁴⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 т. СПб., 1841. Т. 2. № 239. С. 282; Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее, — АСПбИИ РАН). К. 124. Ед. хр. 472.

⁵⁰ Палицын А. Сказание. С. 148—149.

немало русской, в том числе и казачьей крови. В ответ Ю. Беззубцев устроил кровавую баню пану А. Млоцкому и наемникам в Серпухове. Только А. Лисовскому с наемниками и А. Просовецкому с казаками удалось разойтись полюбовно у Великих Лук.

Казаки в Калужском лагере самозванца. Летом 1610 г. Лжедмитрию II удалось собрать в Калуге небольшое войско, в котором имелись два полка запорожцев Костенецкого и Дуршлака⁵¹. Учитывая, что средняя численность запорожских конных полков составляла примерно 600 человек⁵², можно предположить, что в наемном войске самозванца служило около 1–1,2 тыс. запорожцев. С. Маскевич, характеризуя войско, собравшееся на реке Угре, отметил: «все сброд: шляхты мало... зато казаков было без числа»⁵³. Примечательно, что в Калуге отдельные полки донцов не выделяются из общего числа русских приверженцев самозванца, а бывший глава Казачьего приказа самозванца — «боярин» И.М. Заруцкий в то время был на службе у короля. Не встречаются в источниках и упоминания Казачьего круга. Во время второго похода на Москву, предпринятого Лжедмитрием II летом 1610 г., русское и наемное войско самозванца двигались отдельно друг от друга и стали у столицы отдельными лагерями⁵⁴. Царик и его бояре, как видно, не желали повторять ошибок прошлого и становиться заложниками иноземных солдат. Калужский режим отличался от Тушинского тем, что созданные здесь институты государственной власти пока не были подконтрольны иноземным солдатам.

Гибель Лжедмитрия II 11 (21) декабря 1610 г. создала новую ситуацию в Калуге. И.М. Заруцкий и «донские» казаки настаивали на присяге М. Мнишек, которая вот-вот должна была родить⁵⁵. Появление на свет «царевича Ивана Дмитриевича», вошедшего в русскую историю с прозвищем «Воренок», на какой-то момент повысило шансы Заруцкого и его друзей⁵⁶. В Калуге были устроены пышные похороны самозванца⁵⁷. Тем не менее, верх одержали сторонники присяги королевичу Владиславу⁵⁸. Заруцкого на всякий случай удалили из Калуги, направив на воеводство в Тулу. Марина и «Воренок» остались у воевод кн. Д.Т. и Ю.Н. Трубецких.

Казаки и первое земское ополчение. В конце 1610 — начале 1611 гг. польский король Сигизмунд III и его окружение окончательно похоронили Московский договор об избрании на царство королевича Владислава, арестовав членов «великого посольства» и потребовав от семибоярщины прислать новых послов для присяги самому королю. Бесчинства и насилия, чинимые польскими солдатами и наемниками в Москве и в провинции за полгода до предела накалили обстановку в стране⁵⁹. Патриарх Гермоген резко осудил действия короля, проклял Лжедмитрия II и в своих окружающих посланиях освободил русских людей от присяги королевичу Владиславу. Вождь первого земского ополчения думный дворянин П.П. Ляпунов обратился к вольным

⁵¹ Sapieha J. Op. cit. S. 258—259, 261.

⁵² Rejestr wojska polskiego...

⁵³ Жолкевский С. Записки. С. 37, 40; Маскевич С. Дневник 1594—1621 гг. /Пер. с польск., предисл. и прим. Н.Г. Устрялова // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 2. С. 32.

⁵⁴ Sapieha J. Op. cit. S. 258—261.

⁵⁵ Marchocki M. Op. cit. S. 108.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Буссов К. Указ. соч. С. 178; Zabicie Dmitra Fałszywego...

⁵⁸ Отписка кн. Ю.Н. Трубецкого Я.П. Сапеге около 6 (16) января 1611 г. о приведении к присяге на верность королевичу Владиславу // АИ. Т. 2. № 313. С. 371—372; Sapieha J. Op. cit. S. 294.

⁵⁹ Отписки Я. Сапег и Ф.К. Плещеева одоевским воеводам в феврале 1611 г. с требованием выпустить захваченных донскими казаками фуражиров // АИ. Т. 2. № 144.

казакам с просьбой прийти на помощь земщине, пообещав им «жалование и порох и свинец»⁶⁰. Войско Донское во главе с атаманом С. Чертенским, как и в прошлые годы, предпочло выждать, чем закончится противоборство марионеточных властей и ополченцев. Их примеру, судя по всему, последовала основная масса терских, яицких и волжских казаков. Запорожцы же воевали в России на стороне короля. Участие вольных казаков в земском движении, как в прошлом, не вышло за рамки отдельных станиц. Источники не содержат данных о появлении в России сколько-нибудь новых крупных отрядов вольных казаков во главе с авторитетными атаманами или «казацкими царевичами».

Гораздо больший эффект, как установил А.Л. Станиславский, дал призыв Ляпунова к «боярским людям крепостным и старинным» идти под Москву «безо всякого сомнения и боязни», поскольку за участие в земском деле они получат отпускные грамоты «по всей земле приговору». Бывшие кабальные холопы и другие деклассированные элементы приняли широкое участие в ополчениях и в короткий срок превратили казачество во влиятельную силу земского движения⁶¹.

Буквально за несколько месяцев весны 1611 г. организационные структуры казачества в земском движении претерпели серьезные изменения. В феврале — марте 1611 гг. в источниках можно встретить упоминания о казачьих полках И.М. Заруцкого, А.З. и И.З. Просовецких и казачьих сотниках. Летом 1611 г. полки распались на многочисленные станицы. «Казачьи головы и сотники» превратились в атаманов и есаулов. Станицы стали складываться в Войско, высшим органом которого стал Казачий круг, значение которого по мере развития кризиса в стране возрастало. Для полного оформления Вольного казачьего войска, по меткому наблюдению А.Л. Станиславского, не хватало только войскового атамана. Именно поэтому в таборах, в отличие от предшествующего времени, не было Казачьего приказа, и казаками ведал Разрядный приказ⁶². «Боярин» И.М. Заруцкий, запятнавший себя сотрудничеством с «изменниками боярами» и службой королю, на роль абсолютного лидера казачьего движения претендовать уже не мог. В условиях назревающей национальной катастрофы в таборах под Москвой в результате массового показачивания населения России начало формироваться Всероссийское вольное казачье войско.

После убийства 30 июля 1611 г. главного руководителя ополчения П.П. Ляпунова Казачий круг не был распущен, более того, никто за это не был наказан. Казачий круг оказался способным диктовать условия Совету всея Земли и тандему кн. Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого. В таборах под Москвой фактически возникло двоевластие, которое в перспективе грозило расколом движения земских ополчений, новым витком гражданской войны и национальной катастрофой. Главная проблема казачьего движения, как совершенно справедливо заметил А.Л. Станиславский, заключалась в том, что среди казаков не было единства⁶³. «Старые казаки» были готовы идти на союз с земщиной во главе с Ляпуновым, а затем кн. Д.М. Пожарским и К. Мининым и выбрать царя «всею Землею», другие — поддержать Заруцкого, М. Мнишек и возвести на русский престол «Воренка», третьи — вместе с оставшимися не у дел бывшими тушинцами ввязаться в новую авантюру обосновавшегося в Ивангороде Лжедмитрия III.

⁶⁰ ААЭ. Т. 2. С. 326—327.

⁶¹ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 34—35.

⁶² Там же. С. 36.

⁶³ Там же. С. 35.

Гибель Ляпунова сделала Заруцкого реальным руководителем ополчения при родо-вом, но лишенном качеств лидера кн. Д.Т. Трубецком. Патриарх Гермоген тут же отреагировал на это окружным посланием, в котором призвал земцев воспротивиться «казацкому войску», если оно будет выбирать на царство «Маринкина сына»⁶⁴. Обладавший выдающимися личными качествами, Заруцкий несмотря на все усилия, не смог стать общенациональным лидером и добиться избрания на царство своего кандидата. Все, чего ему удалось — это, продолжая в общих чертах курс Ляпунова, сохранить земское движение.

Между тем обстановка в стране резко ухудшалась. Вопреки военным и дипломатическим усилиям руководства ополчения, сапежинцы пробились в Москву и оказали помощь московскому гарнизону. Затем они совершили рейд за продовольствием и фуражом в район Переславля Залесского и Юрьева Польского и доставили продукты и фураж в осажденную столицу. Осенью в столицу стали поступать сведения о готовящемся походе на Москву литовского гетмана Я.К. Ходкевича с польско-литовским войском. Сапежинские рейды показали, что без решительных совместных действий земщины во главе с дворянством и казаков ополчение неминуемо будет разгромлено. В сложившихся условиях роль национального духовного центра взяли на себя власти Троице-Сергиева монастыря, архимандрит Дионисий Зобниковский и келарь Авраамий Палицын. Окружные грамоты троицких старцев, призывавшие русских людей к единению и совместной борьбе против иноземцев, подвигли К. Минина и кн. Д.М. Пожарского собрать новое ополчение в Нижнем Новгороде. К концу 1611 г. нижегородское ополчение, усиленное дворянскими ополчениями Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, готово было выступить на помощь подмосковным таборам по кратчайшему пути по Владимирской дороге, но всем этим планам не суждено было сбыться.

В августе-сентябре 1611 г. остро нуждавшийся в средствах Заруцкий пошел на беспрецедентную меру — начал назначать бояр и дворян на воеводства за плату⁶⁵. Этим воспользовались оказавшиеся на периферии земского движения бывшие тушинцы кн. Г.П. Шаховский, братья И.П. и П.П. Шереметевы и др. Они добились назначения воеводой в Псков однородца Бориса Годунова бывшего тушинского боярина Н.В. Вельяминова-Обинякова. Вскоре после прибытия нового воеводы в Псков туда из осажденного Ивангорода пришел отряд Н. Хвостова и дьяка И. Милославского, после чего 3 (13) декабря 1611 г. самозванец собственной персоной явился в город, и местные жители, более полугода отказывавшиеся его признавать, приняли его, как «чудом спасшегося царя Дмитрия»⁶⁶. В таборы под Москвой Лжедмитрий III и псковичи отправили атамана Герасима Попова с известием об его утверждении в Пскове⁶⁷.

Судя по данным январской грамоты московских бояр, в подмосковных таборах начались волнения, вследствие которых в Псков было отправлено посольство московского дворянина К.Д. Бегичев и «думного» дьяка Лжедмитрия II Ф.В. Лопухина⁶⁸. Послы публично признали в Лжедмитрии III калужского государя и отправили под Москву известие о том, что Псковский вор — «чудом спасшийся

⁶⁴ ААЭ. Т. 2. № 197; АИ. Т. 2. № 333.

⁶⁵ Болтин. Б. Указ. Соч. С. 352.

⁶⁶ Псковская третья летопись. С. 277.

⁶⁷ Грамота кн. Ф.И. Мстиславского с товарищами костромичам 26 января 1612 г. с обличениями руководителей земского ополчения // СГГ и Д. Ч. 2. № 277. С.585.

⁶⁸ Там же.

царь Дмитрий»⁶⁹. Происшедшее в подмосковных таборах и в Пскове вынудило кн. Д.М. Пожарского и К. Минина круто изменить свои первоначальные планы. Собирая по дороге отряды земцев из других городов, Нижегородское ополчение двинулось вверх по Волге в Ярославль, который вскоре превратился в столицу Второго земского ополчения.

Добывавшийся избрания на российский престол Воренка, Заруцкий попытался созвать в январе — феврале 1611 г. Совет всея Земли, чтобы устранить конкурентов и не позволить Пожарскому и Минину создать Второе земское ополчение⁷⁰. Но известия о присяге послов Лжедмитрию III вызвали новые волнения в подмосковных таборах. Приверженцы Псковского Вора смогли одержать победу на Казачьем круге и организовали 2 (12) марта 1612 г. присягу самозванцу. Руководители Первого ополчения кн. Трубецкой и Заруцкий были приведены к кресту силой.

Присяга таборов Псковскому вору привела к размежеванию находящихся под Москвой политических сил и резко обострила кризис земского освободительного движения. Значительная часть служилых людей отъехала в Ярославль. Здесь вскоре был созван новый Совет всей земли, возложивший на кн. Д.М. Пожарского и К. Минина руководство Новым Земским ополчением. Более того многие «старые» весьма авторитетные атаманы и казаки, отколовшись от «Казачьего войска», также явились в Ярославль и поступили на земскую службу. Лишившиеся поддержки земщины кн. Трубецкой и Заруцкий, оказавшись один на один с Казачьим кругом, предприняли экстренные меры для разоблачения самозванца и восстановления своей власти. Заруцкий добился, чтобы главой посольства к Лжедмитрию III был назначен близкий к М. Мнишек бывший калужский «боярин» И.В. Плещеев-Глазун. Прибыв в Псков 11 (21) апреля 1612 г., он подобно К. Бегичеву и Ф.В. Лопухину целовал крест самозванцу, но сделал это лишь для того, чтобы подготовить почву для его разоблачения⁷¹.

Разоблачение Псковского вора не примирило Подмосковное и Ярославское правительства. Осознав, что власть ускользает из его рук, а избрание Воренка на царство становится призрачным, Заруцкий организовал покушение на кн. Д.М. Пожарского, но потерпел неудачу. Разоблачение привело к новому, еще более масштабному расколу «Казачьего войска». Заруцкий попытался диктовать свои условия земщине, уведя от Москвы «едва ли не половину казаков» и сильно ослабив осаждавшие Москву силы накануне решающего сражения с войском Я.К. Ходкевича. Волей-неволей кн. Д.Т. Трубецкой и кн. Д.М. Пожарский при посредничестве властей Троице-Сергиева монастыря были вынуждены договариваться о совместных действиях. Договор о создании Объединенного ополчения был заключен уже после победы над Ходкевичем в Московском сражении 22—24 августа 1612 г., в котором подмосковные казаки сыграли важную роль.

В соответствии с соглашением, Совет всей Земли избрал трех руководителей Объединенного ополчения: «боярина» кн. Д.Т. Трубецкого, кн. Д.М. Пожарского и К. Минина, на которых была возложена вся полнота исполнительной власти в стране. Казачий круг ушел в тень, но его позиции после присоединения казаков Второго земского ополчения к Подмосковному казачьему войску явно укрепились. В полной мере это проявилось во время капитуляции московского гарнизона. Во время выхо-

⁶⁹ Болтин Б. Указ. соч. С. 354; Новый летописец. С. 115.

⁷⁰ Курмышские акты // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862. № 13.

⁷¹ Псковская третья летопись. С. 277; Болтин Б. Указ. соч. С. 354; Новый летописец. С. 115.

да из Москвы бояр 26 октября 1612 г. казаки вопреки достигнутым договоренностям готовы были расправиться с изменниками. Бояр спасли кн. Д.М. Пожарский, К. Минин и их сторонники — «старые» казаки, которые после московских побед задавали тон на Казачьем круге.

Казаки и избрание на царство М.Ф. Романова. Избирательный земский собор начал свою работу 6 января 1613 г. в Крещение Господне. Первые три дня представители «всей Земли» посвятили посту и молитве. На четвертый день они аннулировали решение предыдущего собора об избрании на русский престол королевича Владислава и постановили: «иноземных принцев и татарских царевичей на русский престол не приглашать»⁷². Вслед за этим был оглашен список восьми московских бояр, из которых предстояло избрать царя. Список включал 4-х деятелей семибоярщины: кн. Ф.И. Мстиславского, кн. И.М. Воротынского, И.Н. Романова, Ф.И. Шереметьева и 4-х руководителей земского ополчения: кн. Д.Т. Трубецкого, кн. Д.М. Пожарского, И.Б. Черкасского, П.И. Пронского. Ополченцы надеялись, что собор отклонит кандидатуры бояр-предателей и поддержит самого родовитого из руководителей земщины — кн. Д.Т. Трубецкого, однако ни одна из предложенных собором кандидатур не набрала необходимого большинства голосов, и продуманный, казалось, до мелочей план царского избрания провалился⁷³. Тотчас на соборе начали появляться и отвергаться новые претенденты на престол: М.Ф. Романов, кн. Д.М. Черкасский, кн. И.А. Голицын, кн. И.И. Шуйский-Пуговка. Ход работы явно вышел из-под контроля его организаторов. Согласно сложившейся в России практике в этих условиях решение вопроса о царском избрании неминуемо должно было быть вынесено на улицы Москвы, где сильно было влияние Казачьего круга. В расчете на поддержку казаков кн. Д.Т. Трубецкой не жалел средств на пиры москвичам и казакам. От него не отставали и другие претенденты на царский трон, но это испытанное в прошлом средство не помогло. Казаки надеялись после избрания нового царя получить от него жалование. Расточительство бояр, по меткому замечанию Р.Г. Скрынникова, вызвало у них возмущение⁷⁴.

Неожиданно для властей на первый план начала выдвигаться кандидатура стольника Михаила Романова. Данные «Докладной выписи о вотчинах и поместьях 1613 г.», в которой зафиксированы земельные пожалования, сделанные сразу же после избрания царя, позволяют установить наиболее активных членов романовского кружка: Ф.И., В.П., Б.П. и И.П. Шереметевы, С.В., Д.В., И.В., И.Н. и А.И. Головины, М.М. и Б.М. Салтыковы, кн. А.В. Лобанов-Ростовский, кн. И.А. Голицын, кн. И.Ф. Троекур, кн. П.И. Пронский, кн. Б.А. Хилков, кн. Н.И. Егупов-Черкасский, кн. И.И. Львов-Салтыков, кн. Н.М. Мезецкий, Ю.И. и В.И. Татищев, И.Н. Траханиотов, Ф.К. Плещеев, С.М. Волынский,

⁷² Зимин А.А. Акты земского собора 1612—1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки В.И. Ленина. М., 1957. Вып. 19. С. 190; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Под ред. С.А. Белокурова. М., 1906. С. 43, 46—47; Псковские летописи. Вып.1. М.; Л., 1941. С. 130; Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 18, 21—22.

⁷³ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. С. 94; Забелин И.Е. Минин и Пожарский. М., 1896. С. 278—283.

⁷⁴ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о земском соборе 1613 г. С. 90, 94; Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. С. 18, 21—22; Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. 3. С. 71.

А.М. и А.А. Нагие, кн. П.А. Репнин, Л.Г. Сумин, кн. А.Р. и В.А. Тюменские, кн. В.А. и Ф.А. Звенигородские, кн. Л.О. Щербатый, М.С. Дмитриев, А.Д. Селунский, кн. М.М. Шаховский, К.Д. Бегичев⁷⁵. Многие из них в прошлом играли далеко не первые роли в различных боярских группировках, потерпевших поражение в ходе борьбы за власть в Смуту. Большинство же были ничем не примечательными молодыми людьми⁷⁶. Кандидатуру Михаила Романова в 1613 г., как видно из приведенных данных, поддерживал стихийно сложившийся в ходе работы земского собора кружок. Победа кандидата ополчения лишала их последних надежд на карьеру при дворе. Избрание же Михаила вселяло уверенность в завтрашнем дне. Но не обладавшие должным авторитетом люди явно не могли убедить членов земского собора избрать Михаила⁷⁷. Решающую роль в избрании царя сыграли казаки. Кандидатура нового царя сначала была утверждена на Казачьем круге. Затем станичники ворвались на заседание Земского собора и буквально заставили его членов проголосовать за их кандидата. В современных событиям источниках имена выступивших в поддержку М.Ф. Романова атаманов не указаны. У казаков сохранилось предание, что «писание» об избрании М.Ф. Романова от имени казаков подал Д.М. Пожарскому, положив сверху саблю, известный атаман Филат Межаков⁷⁸. Земельные пожалования в Вологодском и Галицком уездах в первые месяцы царствования Михаила Романова подтверждают казачье предание. Именно атаман Филат Васильев сын Межаков с сыном Степаном получил самые большие пожалования⁷⁹. Помимо них были пожалованы атаманы Кручина Внуков⁸⁰ с сыном Воином⁸¹, Ларион Федоров сын Долгово⁸², Василий Буйносов, Михаил Юдин⁸³, бывший посланник Лжедмитрия III в подмосковные таборы Герасим Попов⁸⁴, Василий Сергеев сын Тонково с сыном Шайдуром⁸⁵, Иев Беляев⁸⁶, Федор Суворцев⁸⁷, Дивей Иванов сын Горемыкин⁸⁸, Федор Сухого сын Малыгин с братом Богданом, есаулы Федор Васильев сын Патрикеев⁸⁹, Степан Иванов сын

⁷⁵ Докладная выписка о вотчинах и поместьях. М., 1895. С. 2—19.

⁷⁶ Любомиров П. Г. Очерк истории... С. 277—278, 281.

⁷⁷ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о земском соборе 1613 г. С. 95.

⁷⁸ Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, 1968. Т. 2. С. 169—170.

⁷⁹ Участник Первого ополчения, 21 августа 1612 г. пришел на помощь кн. Д.М. Пожарскому в сражении с Я.К. Ходкевичем. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 83, 98.

⁸⁰ Участник движения земских ополчений, в 1613 г. направлен в Путивль. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 96.

⁸¹ В 1619 г. получил поместье в Ливенском у., но тут же потерял за воровство. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 211—212.

⁸² Известны несколько атаманов с аналогичным прозвищем. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 138, 219.

⁸³ Упоминается в 1615 г. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 99.

⁸⁴ В декабре 1611 г. гонец Лжедмитрия III под Москву. В 1614 г. это поместье отошло атаману М. Маркову. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 99, 162.

⁸⁵ Упоминается в 1614 г. В начале 1620-х годов его оклад 500 четей. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 99.

⁸⁶ См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 99.

⁸⁷ См.: Там же.

⁸⁸ Упоминается Гремькин Иван, атаман вольных казаков, перешедший в конце 1606 — нач. 1607 г. на сторону В. Шуйского и сдавший ему Можайск. 20 февраля 1607 г. получил за это у царя жалование. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 25.

⁸⁹ В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М.Ф. Романову. С 1614 г. атаман. В мае 1613 г. писал, что служит «на Поле и на Руси и под Москвой третий год без съезда. В начале 1620-х годов его оклад 400 четей. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война. С. 99.

Беляев⁹⁰, Степан Кузьмин⁹¹, Ждан Дешков, Улан, Кипреян, Третьяк Утины⁹², Осип Кокорев⁹³, казаки Володя Беляев⁹⁴, Иван Боршов, Дементий Мартемьянов, Иван Кашников, Агей Недьяков⁹⁵, Филипп Хомяков, Пинай (Пимин) Хлуденев, Трофимко Иванов сын Хлуденев, Федор Саввинов сын Ларионов, Влас Максимов, Микита Медведев⁹⁶, Микита Шестаков⁹⁷, Иван Головков⁹⁸, Ларя Антонов⁹⁹, Григорий Милогодский, Григорий Петров сын Глуховский, Иван Михайлов сын Рязанова, Михаил Юрьев сын Попайлов, Даниил Тимофеев сын Губина, Даниил Юрьев сын Мартюхин, Обаим Володимиров сын Зиновьев Сергей Лонской, Федор Холопов — всего 33 человека¹⁰⁰. По всей видимости, именно эти люди повели за собой Казачье войско и добились избрания М.Ф. Романова на царство. К 25 февраля 1613 г. сопротивление бывших членов семибоярщины и руководства земского ополчения было окончательно сломлено. В города и уезды России были отправлены грамоты с известием об избрании царя и проведении присяги на верность новой династии. В последних числах февраля посольство земского собора, возглавляемое архиепископом Рязанским Феодоритом и боярином Ф.И. Шереметевым, выехало в Костромской Ипатьевский монастырь и 14 марта 1613 г. «умолило» М.Ф. Романова принять Московское царство. По возвращении в Москву он был венчан шапкой Мономаха¹⁰¹.

Казачество в первые годы царствования М.Ф. Романова. С избранием на царство М.Ф. Романова руководители объединенного земского ополчения были отстранены от руководства страной. Реальная власть в стране оказалась в руках матери царя и ее родни. В боярской думе вновь стали распоряжаться кн. Ф.И. Мстиславский и И.Н. Романов. Первое, что сделали бояре — постарались удалить из Москвы казаков и дворян-ополченцев. Большая часть казачьего войска была отправлена с

⁹⁰ В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М.Ф. Романову. В 1616 г. получил оклад из Галицкой чети 10 руб. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99.

⁹¹ В апреле 1613 г. входил в ярославское посольство к М.Ф. Романову. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99.

⁹² Утин Кипреян — двоюродный брат Т. Юдина. В 1615—1617 гг. есаул. В 1618 г. поместный атаман; Утин Третьяк — в 1615—1617 гг. есаул. В 1618 г. поместный атаман. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99, 102.

⁹³ См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99.

⁹⁴ В 1616 г. казак. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99.

⁹⁵ В источниках упоминается Недьяков Сергей, казак в войске М.И. Баловни. После разгрома в августе 1615 г. из тюрьмы пошел в кабалу. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 146.

⁹⁶ В источниках упоминается *Медведь (Григорьев) Василий*, атаман полка Трубецкого в конце марта 1613 г. послан от земского собора к И.М. Заруцкому с грамотами. Был посажен И.М. Заруцким в тюрьму. Затем, ограбленный, отправлен в Москву с грамотами И.М. Заруцкого. В 1615 г. вместе со станицей из 42 казаков владел починком Левинским и 12 пустошами в Одоевском у. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 67.

⁹⁷ В источниках упоминается *Шестаков (Шестов) Василий*, атаман, бывший холоп А. Клешина. Осенью 1606 г. вместе с атаманом Соломой послан И.И. Болотниковым захватить Можайск, Вязьму и Волок. 22 сентября 1606 г. получил в Иосифо-Волоколамском монастыре 10 руб. Восстание Болотникова. М., 1961. С. 133, 302, 368.

⁹⁸ В 1616 г. казак. См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 99.

⁹⁹ В 1608 — 1610 гг. казак. См.: Поименная роспись казаков и их пленных // *Stokholm Riksrarkivet Skuklostersamlingen Ryska brev. E. 8610 (1).* Старый: № 344. № 33.

¹⁰⁰ *Сторожев В.Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. 9. № 1. С. 13—37.

¹⁰¹ *Палицын А.* Сказание. С. 230—239; Утвержденная грамота. С. 43—44; *Морозов Б.Н., Станиславский А.Л.* Повесть о земском соборе 1613 г. С. 95; Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. С. 30—31.

кн. Д.М. Черкасским — отвоевывать у поляков Смоленск, другая часть — во главе с кн. С.В. Прозоровским и Л.А. Вельяминовым — оборонять от шведов Псков. Для управления казаками в апреле 1613 г. был создан Казачий приказ во главе с И.А. Колтовским и дьяком М. Сомовым¹⁰². Новое московское руководство явно поставило перед собой цель трансформировать вольное казачье войско в служилые полки. В июле 1613 г. на Дон было отправлено 45 казачьих атаманов, а следом царские посланники в Турцию С. Протасьев и М. Данилов повезли вольным казакам государево жалование: сукна, селитру, свинец и продовольствие¹⁰³.

Московское руководство направило против мятежного атамана И.М. Заруцкого войско во главе с боярином И.Н. Одоевским, которое помогло воеводе Переяславля Рязанского М.А. Вельяминову вытеснить Заруцкого с Рязанщины. Атаман попытался закрепиться в Воронеже и запросил помощи у Войска Донского. Войсковые атаманы С. Чертенский и Е. Радилов, получившие жалование от царя Михаила, ответили решительным отказом. В противостоянии московских властей и мятежного атамана они придерживались нейтралитета¹⁰⁴. Большая часть казаков покинула Заруцкого, который с М. Мнишек и «Воренком» бежал в Астрахань. К городу вскоре подошло правительственное войско. Астраханцы не захотели садиться в осаду, и Заруцкий, М. Мнишек, «Воренок» с несколькими сотнями казаков бежали на Яик, где 24 июня 1614 г. были схвачены на Медвежьем острове и выданы царю Михаилу. Заруцкий и «Воренок» были казнены, М. Мнишек умерла в тюрьме.

Весной-летом 1614 г. казачьи станицы в правительственных войсках, направленных к Новгороду Великому и Смоленску, стали одна за другой выходить из-под контроля властей и силой захватывать села и деревни. Начались столкновения с царскими воеводами и местными землевладельцами, которые рассматривали действия казаков как открытый грабеж. Осознав свою ошибку, московские власти стали требовать от воевод «разбора» казачьих станиц, обещая затем выплатить жалование, но тем самым только подлили масла в огонь¹⁰⁵. Казаки, считавшие М.Ф. Романова «своим» царем, избрали иной путь решения своих проблем. На войсковом круге в Торжке, где войсковым атаманом был избран М.И. Баловня, было решено идти к Москве искать у царя справедливости. Под Москву прибыло не менее 30 станиц — примерно 4—5 тыс. казаков¹⁰⁶. В воскресенье 23 июля 1615 г. царь пригласил атамана Баловню и наиболее авторитетных атаманов в Москву, якобы для получения жалования. Здесь ничего не подозревавших вождей казачьего движения арестовали, обвинив в государственной измене, и вскоре казнили. Казачье войско было разгромлено. Немногие вырвавшиеся из окружения казачьи станицы двинулись на юг¹⁰⁷. Анализ социального происхождения пленных казаков М.И. Баловни, проведенный А.Л. Станиславским, показывает, что костяк этого войска составляло «показавшееся» население России и вольное казачество не имело к нему никакого отношения¹⁰⁸.

Разгром И.М. Заруцкого и М.И. Баловни освободил М.Ф. Романова от необходимости считаться с мнением Казачьего круга и позволил начать верстание вольных

¹⁰² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие. С. 483.

¹⁰³ *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 73.

¹⁰⁴ Там же. С. 72—77.

¹⁰⁵ Записки о России XVII—XVIII вв. по донесениям голландских резидентов // *Вестник Европы*. 1868. Т. 1. С. 235.

¹⁰⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 139.

¹⁰⁷ Там же. С. 136—149.

¹⁰⁸ Там же. С. 147.

казаков в служилые в 1614—1615 гг. Вскоре выяснилось, что царь и бояре одержали «пиррову победу», так как московские власти лишились реального союзника в борьбе с поляками и шведами. В 1615 г. вернувшийся на королевскую службу полковник А.И. Лисовский совершил глубокий рейд и разграбил многие уезды России. Он открыто предлагал казакам идти под его знамена, претендуя на роль казачьего лидера типа И.М. Заруцкого и М.И. Баловни. Но казаки предпочли создать новые вольные казачьи войска — Заугорское в 1617 г. и Вязниковское 1618 г.¹⁰⁹. Значительные перемены произошли на Дону. Пришедшие из России после разгрома М.И. Баловни и И.М. Заруцкого казачьи станицы в 1617 г. добились низложения атамана С. Чертенского, в течение всей Смуты «прявившего» официальным московским властям. Московские власти явно лишились поддержки казачества, что грозило им катастрофой.

В 1618 г. в Россию вторглось войско королевича Владислава и осадило Москву. В стане королевича полным ходом шло формирование русского казачьего войска. Россию спасла начавшаяся в Европе Тридцатилетняя война, в которую на стороне католиков оказалась втянута Речь Посполитая. 20 октября 1618 г. начались мирные переговоры, завершившиеся подписанием 1 декабря 1618 г. Деулинского перемирия. В начале 1619 г. московским властям ценой значительных уступок удалось вернуть на государеву службу Вязниковских казаков. Именно они помогли царским воеводам вытеснить с территории страны запорожцев и русских казаков, служивших Владиславу. В начале 1619 г. Смутное время в России завершилось.

Анализ участия вольного казачества в событиях Смутного времени в России в 1604—1619 гг. свидетельствует, что одной из основных движущих сил народных движений в России явилось не оно, а служилое казачество, которое численно выросло за счет показачивания служилого и тяглого населения страны и в 1611—1615 гг. превратилось в Российское вольное казачье войско. Участие отдельных станиц вольных казаков с Дона, Днепра, Волги, Терека и Яика в событиях Русской Смуты, вопреки сложившимся в литературе представлениям, на ранних этапах Смуты было эпизодическим. Войско Донское в целом на протяжении всей Смуты сохраняло лояльность официальным властям и в братоубийственной войне не участвовало. Вольные казаки отнюдь не были «направляющей» и «организующей» силой в повстанческих движениях. У складывающихся на южном пограничье России казачьих войск, видимо, уже были свои, отличные от России интересы.

---

¹⁰⁹ Там же. С. 167—170, 184—192.

Д.В. Лисейцев

Приказная система Московского царства: административная практика XVI—XVII вв.

На протяжении всей истории российской цивилизации одним из основных факторов ее развития неизменно выступала и выступает государственность в целом и система государственных органов в частности. В силу этого и изучение исторических корней российской государственности неизменно привлекает пристальный интерес ученых, политиков и образованной части российского общества. Особый интерес вызывает рассмотрение истории отечественной государственности XVI—XVII вв. Именно в этот период Русь, освободившаяся от власти татарских ханств и авторитета павшей Византийской империи, но не подпавшая еще под влияние продиктованных Петром I западноевропейских рационалистических образцов, имела возможность следовать в вопросах государственного строительства своим собственным, самобытным путем. В ходе такого развития в Московском царстве XVI—XVII вв. сложилась специфическая система органов центрального управления — указы. С.М. Соловьев относил приказную систему к числу наиболее любопытных феноменов государственной жизни допетровской Руси: «Указ есть одно из самых выпуклых, самых характеристических явлений древней России, Московского государства»¹. Эти правительственные учреждения, около 200 лет обеспечивавшие нормальное функционирование Российской державы, тем не менее, стали объектом суровой критики со стороны господствовавшего с середины XIX в. в отечественной историографии западнического направления исторической науки. Редкое исследование по истории государственности допетровской России обходилось без едких замечаний в адрес запутанной, погрязшей в злоупотреблениях и бюрократизме беспорядочной системы указов XVI—XVII вв. По замечанию одного из авторов конца XIX столетия, «Петр Великий застал государственный организм в виде весьма сложной машины с грубо, неумело сработанными многочисленными частями, беспорядочно цеплявшимися друг друга, мешавшими друг другу и потому едва-едва вырабатывавшими из сырого материала крайне грубое, почти бесформенное, кое-как удовлетворявшее насущным потребностям изделие». Этот же взгляд оказался перенесен и в историографию XX столетия. Вполне стандартны и типичны для нее были тезисы вроде следующего: «указная система с ее централизацией и бюрократизмом, бумажным делопроизводством и бесконтрольностью породила волокиту, злоупотребления и взяточничество»².

Оценим справедливость упреков, адресованных приказному строю Московского царства, и в первую очередь, коснемся вопроса о «запутанности» московских указов. Причиной таковой обыкновенно полагают неразделенность территориального и отраслевого начал в системе управления Московского царства. Это смешение двух

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1991. С. 272.

² Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. I—II; Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. Тифлис, 1897. С. 154—156; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 35, 38, 61.

административных принципов, как часто постулируется в литературе, приводило к конфликтным ситуациям, когда неясно было, какому из приказов должно подчиняться то или иное лицо. Однако подобного рода пересечение функций территориальных и отраслевых приказов даже теоретически не могло быть частым явлением ввиду того, что приказов с территориальной компетенцией в административной системе Московского царства было немного: с момента ликвидации системы т.н. областных дворцов (середина XVI в.) и вплоть до 1637 г. в Москве функционировал лишь один приказ, имевший территориальную компетенцию — приказ Казанского дворца. В 1637 г. из этого приказа, имевшего огромную подведомственную территорию, был выделен Сибирский приказ. Случаи, когда в системе приказов возникала путаница в вопросах ведомственной подчиненности, были редкими, а попытки злоупотреблять этой путаницей незамедлительно пресекались. Попытка шацких воевод проигнорировать присланное из Посольского приказа распоряжение о выдаче ногайскому посольству денег из доходов шацкого кабака на том основании, что кабаки находятся в подчинении приказа Казанского дворца, вызвала строгую отповедь из Москвы: «И мимо наш указ о указе к нам писать нечево, все вам указано подлинно, то дело вам и делать, а приказов наших не розделять и не розсужать: изо всех приказов указ посылают по нашему указу»³.

Едва ли не самый распространенный упрек в адрес московских приказов — их медлительность, «московская волокита»⁴. Мы имеем, между тем, массу доказательств оперативности работы приказных служащих, в частности, подьячих Посольского и Разрядного приказов⁵. Сохранившееся делопроизводство Казенного приказа, относящееся ко второму десятилетию XVII в., доказывает, что нормой в приказной практике было именно оперативное решение дел. В расходных книгах Казенного приказа четко фиксировалось время выдачи государева жалования за различные заслуги; часто эти записи сопровождалась и указанием на время поступления в приказ распоряжения о выдаче жалования. Сопоставление этих данных дает довольно интересные результаты: в подавляющем большинстве случаев награждаемое лицо получало свое жалованье либо в день поступления в Казенный приказ распоряжения о выдаче жалования, либо на другой день. Крайне редко просителю приходилось ждать получения жалования дольше, но, как правило, время ожидания не превышало двух недель⁶.

Но выдача жалования была лишь заключительной частью дела, которой предшествовали подача заинтересованным лицом прошения («челобитной») о вознаграждении (с указанием оснований для этого). Затем следовало рассмотрение челобитной в том или ином приказе, доклад царю и боярам сути прошения и, наконец, выносилось решение о выдаче жалования. Продолжительность этих процедур в подавляющем большинстве случаев определить не удастся, потому что формуляр составления челобитной не предусматривал указания даты ее составления. Но в некоторых случаях все же можно вычислить продолжительность рассмотрения всего дела, от подачи

³ РГАДА. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 101—102.

⁴ Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 356; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 84.

⁵ Об этом см., например: Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 588—592.

⁶ Лисейцев Д.В. «Московская волокита». О темпах работы российских приказов начала XVII века // Роль государства в историческом развитии России. Материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 17—18 мая 2010 г. Будапешт, 2011. С. 121—132.

челобитной до выдачи вознаграждения. И сроки эти оказываются совсем не такими значительными, чтобы можно было говорить о «приказной волоките».

28 июля 1617 г. в Казенный приказ поступило распоряжение выплатить жалованье дворцовому повару Ивану Хохлову, присутствовавшему на царском пиру. Жалованье выдали уже на другой день: «по государеву.. указу.. дано государева жалованья повару Ивану Хохлову четыре аршина сукна настрафилю... А пожаловал государь его за то, что держал к посольскому столу лосиной кострец»⁷. Мы знаем точную дату этого царского пира: он состоялся в тот же день, 28 июля 1617 г., когда у Михаила Федоровича обедал английский посол Джон Меррик: «И июля в 28 день государь... велел аглинскому послу.. быти у себя, государя, на дворе на отпуске, и у своево государева стола государь указал ему того дни быти. И того ж дни аглинской посол князь Иван у государя на дворе у стола был»⁸. Следовательно, дворцовый повар Иван Хохлов, державший на царском пиру 28 июля «лосиный кострец», в тот же день подал челобитную в приказ Большого дворца. Руководство приказа сразу отослало память о выплате Хохлову жалованья в Казенный приказ, где уже на другой день повар получил причитавшиеся ему четыре аршина сукна.

Быстро происходила и выдача жалования лицам, не имевшим отношения к придворным службам. 3 августа 1620 г. в Москву были доставлены из Архангельска шесть русских, вернувшихся на родину из турецкого плена. Все они были лицами довольно низкого социального положения (стрелец, казаки и крестьяне), и родом были из провинциальных южных городов (Рязани и Болхова). В Посольском приказе, куда явились выходцы из плена, выяснились подробности жизненного пути этих гребцов с турецкой галеры, проследовавших через Испанию, Францию и Брабант в Амстердам, где их приняли на борт голландского корабля, следовавшего в Архангельск. Уже на другой день, 4 августа, царь и бояре слушали доклад посольского дьяка и распорядились: «Выписать на пример к выходу, а ныне дать на неделю кормец невеликой». Вслед за этим «полоняники» подали на имя царя челобитную с просьбой о жалованье, чтобы «скитаясь по Москве, вконец не погибнуть». В Посольском приказе тем временем была составлена новая докладная запись, к которой приложили и копию отписки архангельского воеводы, удостоверявшую правдивость сведений, сообщенных челобитчиками в Москве. Попутно подьячие Посольского приказа подобрали примеры аналогичных случаев за несколько предшествовавших лет, когда выходцам из турецкого плена выдавалось государево жалование.

Решение царя по доложенному ему вопросу последовало 7 августа 1620 г. Шестеро «выходцев» получили по «сукну добром», каждому было выдано также по 2,5—3 рубля. В тот же день жалованье было выдано. Вся процедура, таким образом, завершилась на пятый день по прибытии выходцев из плена в Москву. Подобные примеры не единичны. Так, переводчик Посольского приказа Иван Фомин, направляемый в составе дипломатической миссии за границу, подал челобитную с просьбой в его отсутствие выдавать причитающееся ему жалование супруге. Помета с распоряжением послать соответствующую память в главное финансовое ведомство Московского царства, приказ Большого прихода, датирована 3 января 1621 г.; уже 7 января память была в Большой приход отправлена⁹.

⁷ РГАДА. Ф. 396. «Архив Оружейной палаты». Оп. 2. Д. 279. Л. 430—430 об.

⁸ Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. М., 2006. С. 242.

⁹ РГАДА. Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Д. 5 (1619 г.). Л. 105—113, 260 об., 261.

Несколько больше времени могла занять переписка между двумя приказами, если требовался обмен справочными материалами. Иногда (если поиск нужной информации был сопряжен со сложностями) ответ на запрос приходил почти через месяц. Так, 21 декабря 1619 г. из Разрядного приказа в Посольский была доставлена память с просьбой о предоставлении информации о вышедшем из плена болховском сыне боярском; ответная память в Разрядном приказе была получена лишь 15 января 1620 г. Примерно столько же времени заняла переписка между этими приказами и летом 1618 г. Как правило, однако, обмен информацией между разными ведомствами происходил намного быстрее: переписка между Посольским приказом и приказом Большого дворца в декабре 1620 г. заняла 10 дней (потребовался поиск информации пятилетней давности); обмен памятями между Разрядным и Панским приказом в марте 1624 г. уложился в 9 дней; 4 дня ушло у разрядных дьяков на получение сведений из приказа Казанского дворца в декабре 1617 г.¹⁰

Довольно оперативно поддерживалась и связь между столицей и провинцией. Грамоты, адресованные из приказа Новгородской четверти в самые отдаленные города, отправлялись с ближайшей оказией; между составлением грамоты и ее отправлением редко лежит промежуток времени более трех дней. Ответные грамоты в Москву также прибывали довольно оперативно: отписки архангельских воевод доставлялись в Москву в летнее время за две недели¹¹. На решение вопросов, связанных с неоднократным обменом корреспонденцией между столицей и отдаленным провинциальным городом (например, Ельцом или Нижним Новгородом), уходило около трех месяцев¹². Утверждения о медлительности и неповоротливости административной системы Московского царства, таким образом, опровергаются при внимательном анализе исторических источников.

Как обстояли дела с бесконтрольностью деятельности приказных служащих, которые, согласно утверждениям ряда исследователей, постоянно злоупотребляли своим служебным положением? Безусловно, лица, состоявшие на административной службе, имели возможности использовать служебное положение в личных целях и не всегда могли устоять перед таким соблазном. Однако утверждать, что подобные проступки оставались бесконтрольными и безнаказанными, не приходится. Периодически по распоряжению правительства производилась ревизия казенных средств в различных приказах. Впечатляют результаты одной из таких ревизий, произведенной около 1620 г. в приказе Новгородской четверти: «И по нашему... счету... взотчено... зачетных и складных денег, что... зачили, сложили без... государева указу..., тринадцать тысяч рублей. Да... поминочных и кормовых денег с семдесят тысяч рублей». Следовательно, в Новгородской четверти руководством было расхищено до 80 тыс. рублей. Для сравнения: в 1617 г. Россия уплатила по Столбовскому миру Швеции контрибуцию в 20 тыс. рублей; летом 1618 г., во время наступления на Москву польских войск, в городах Поволжья удалось экстренно собрать немногим более 21 тыс. рублей. Утенная от казны сумма составляла примерно 5% государственного бюджета Москов-

¹⁰ Там же. Л. 230, 231; Д. 4 (1618 г.). Л. 47, 48; Д. 5 (1619 г.). Л. 254, 257; Ф. 210. «Разрядный приказ». Столбцы Московского стола. Д. 7. Л. 45, 46; Д. 8. Л. 128, 129.

¹¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4 (1621 г.). Л. 100, 102, 119, 135, 135 об.

¹² Лисейцев Д. В. Дело по челобитной боярина князя И. Б. Черкасского (к вопросу о темпах работы приказной и воеводской администраций в начале XVII в.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 142—151.

ского царства и приблизительно равнялась официальному годовому доходу четвертого ведомства в начале XVII в.¹³

Итак, бесспорно, в приказах имели место хищения и махинации, и при том в довольно крупных размерах. Впрочем, денежные махинации не являются специфической чертой московских приказов, как не являются они болезнью исключительно российских властных структур. Но, вместе с тем, нельзя утверждать, что казнокрадство и злоупотребления властью со стороны приказных служащих были бесконтрольны и оставались безнаказанными. Один из руководителей Новгородской чети, дьяк П. Матюшкин, имевший прямое отношение к расхищению казенных денег, вскоре после ревизии оставил службу и постригся в монахи. Вообще же на исходе Смутного времени царское правительство прилагало немалые усилия для борьбы со взяточничеством и коррупцией. В августе 1618 г. «по челобитью розных городов дворян и детей боярских, и мурз, и татар указали во всяких обидных делах на... бояр и окольных, и на дворян, и на приказных людей управу давать и сыскивать без суда... безо всякие волокиты тотчас»¹⁴.

Подводя итог вышеизложенному, приходится констатировать, что упреки в медлительности и неповоротливости, традиционно адресуемые приказам XVI—XVII вв., нельзя признать полностью справедливыми. Обращение к документам позволяет констатировать высокий уровень оперативности решения приказными служащими как дел государственной важности, так и вопросов, связанных с обращениями частных лиц. Безусловно, в приказах присутствовали мздоимство, коррупция, хищения казенных средств. Однако мы не имеем оснований утверждать, что в этом отношении приказы Московского царства отличались от государственных учреждений более позднего времени. Не более обоснованными оказываются и утверждения о запутанности и неупорядоченности приказной системы. Неспособность современного человека, привыкшего к рациональному разделению власти на «ветви» (а в рамках этих «ветвей» — на управленческие отрасли), разобраться в основах функционирования приказного строя вовсе не означает того, что приказная система была также непонятна своему современнику и не удовлетворяла потребностям породившего ее общества и государства.

---

¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 104, 182, 189, 232; *Козловский И.П.* Значение XVII века в русской истории и характеристика предшественников Петровских реформ // Университетские известия. Киев, 1908. № 2. С. 9; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 139.

¹⁴ *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 75.

Эффективность государственного управления во второй половине XVII в.

На каждом историческом этапе российская государственность характеризовалась своими особенностями, имела свои сильные и слабые стороны, и интересно посмотреть, что же может нам дать опыт отечественного государственного строительства во второй половине XVII в., в эпоху расцвета самобытной русской государственности, которая, как мне представляется, по большому недоразумению признана временем глубокого кризиса приказной системы. В качестве примера я бы хотела остановиться на деятельности одного из приказов — Разрядного. Дело в том, что Разряд был информационным и координирующим центром всей системы центрального государственного управления и таким образом как бы концентрировал в себе весь центральный административный аппарат, становился своего рода его моделью в миниатюре. А потому, поняв принципы функционирования этой части, можно понять и целое.

Первое, на что обычно обращают внимание при оценке эффективности или неэффективности работы учреждения или организации — это то, как быстро она работает. Исследования показали, что широко известное выражение «приказная волокита» отражало только опыт взаимодействия частных лиц с приказами как судебными инстанциями. Приоритеты же органов центрального управления и особенно Разрядного приказа как главного военного ведомства, определялись в первую очередь вопросами национальной безопасности. Поэтому скорость решения дела в приказе зависела от места дела в иерархии государственных ценностей, а, значит, от того, в какой степени оно касалось вопросов обороны. Кроме того, по словам С.Б. Веселовского, «московская приказная волокита пользуется заслуженной, но сильно преувеличенной славой»¹. Источники показывают, что оперативность работы приказа была весьма высокой и темпы работы разрядных служащих, особенно в делах, связанных с вопросами обороны, никак нельзя назвать волокитой: за 10 дней менее 40 человек подъячих Московского стола проанализировали данные обо всем личном составе Белгородского полка — 47 267 служилых людях, как находящихся в походе, так и оставленных «для береженья» Белгорода и Курска; меньше чем за месяц в Московском же столе был составлен сводный документ, содержащий подробные сведения о двадцати восьми с половиной тысячах человек (точнее, 28 571 чел.) и о гарнизонах и материальной части шестидесяти трех городов Белгородской черты².

Еще одним из основных критериев эффективности органа управления является то, насколько его деятельность соответствует его назначению. Исходя из этого положения, деятельность, например, Разрядного приказа можно признать вполне успешной. Усилиями около пяти десятков сотрудников только Московского стола

¹ *Веселовский С.Б.* Приказный строй управления Московского государства в XVII в. // *Веселовский С.Б.* Из истории Московского государства в XVII в. М., 2005. С. 68.

² *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007. С. 589—590.

приказа осуществлялось и военное, и административное управление территорией, которая охватывает нынешние Калужскую, Тульскую, Брянскую, Орловскую, Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Тамбовскую, часть Липецкой области России, а также Сумскую и Харьковскую области Украины, с более чем 70 городами (на вторую половину XVII в.). Около полутора сотен служащих Разряда ежедневно координировали службу нескольких десятков тысяч представителей служилого сословия по отечеству — столичных и городских. Более конкретно степень интенсивности и эффективности деятельности Разряда можно продемонстрировать на примере двух повытий его Московского стола (боярского и жилецкого списков): не более четырех десятков подьячих постоянно держали в поле зрения практически весь центральный и местный аппарат управления Русского государства³. Можно пойти несколько дальше в обобщениях и привести такие цифры: по подсчетам Н.Ф. Демидовой, в 1698 г. служащих центральных учреждений было 2 648 человек, местных — 1 918 человек; всего 4 680 человек⁴; население же России к концу века составляло 15—16 млн человек⁵, то есть на одного чиновника — чуть меньше 3,5 тыс. человек. Сейчас, при обнаруженной численности чиновников в 1,5 млн человек, на одного чиновника приходится 93 человека.

Если придерживаться военной тематики, которая определяется специализацией Разрядного приказа, то можно коснуться и вопроса об очевидном, как кажется, превосходстве в этой сфере России XVIII века над Россией века XVII-го. Однако вопрос этот не так прост, как кажется. В начале XVII столетия при остатках приказной системы и начале ее возрождения была остановлена Смута, остановлен, ни много ни мало, распад всего государства. Ни у кого не вызывает сомнений, что Россия после Смутного времени оказалась в тяжелейшем положении. В несколько раз сократилось население и площадь обрабатываемых земель, почти полностью было разрушено все государственное хозяйство. В некоторых районах и к 1640-м гг. численность населения была все еще ниже уровня XVI в., а так называемая «живущая», то есть обрабатываемая пашня в Замосковном крае (центральном, наиболее заселенном и экономически развитом в государстве) составляла не более половины всех земель, учтенных писцовыми книгами⁶.

И не смотря на все это России удалось в ходе войны с Речью Посполитой 1654—1667 гг. отвоевать не только утраченный в Смуту Смоленск, но и земли в Литве (северную Белоруссию — Витебщину, Полоцк) и Ливонии (Динабург и др.), хотя литовские и ливонские приобретения удержать не удалось. Война сильно истощила силы обеих сторон, и Речь Посполитая, не в состоянии отобрать утраченное, вернула себе некоторые земли, а Россия, хотя и не имея возможности удержать все завоеванное, значительно расширила свою территорию. По Андрусовскому перемирию 1667 г. Россия возвращала Смоленск и земли, отошедшие в результате Смуты к Речи Посполитой — Дорогобуж, Белую, Невель, Красный, Велиж, Северскую землю с Черниговом и Стародубом. Произошло также присоединение Левобережной Украины; на

³ Там же. С. 582.

⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23, 31, 37; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 47.

⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000.

⁶ См. подробнее: История России с древнейших времен до конца XVII века/ Под ред. Л.В. Милова. М., 2007. С. 512—514.

два года Киев также переходил к России (дочь Алексея Михайловича, царевна Софья Алексеевна, смогла оставить Киев за Россией по Вечному миру 1686 года, уплатив Польше 146 тыс. рублей компенсации — и они нашлись в казне). Запорожская сечь переходила в совместное управление России и Речи Посполитой. 13-летнее Андрусовское перемирие было продлено еще на 13 лет при царе Федоре Алексеевиче в 1678 г., а в 1686 г. был заключен мирный договор («Вечный мир»), по которому Речь Посполитая отказывалась и от протектората над Запорожьем. Стоит отметить значение этого договора для XVIII века: он стал основой русско-польского союза против Швеции во время Северной войны 1700—1721 годов и против Османской империи (в составе Священной лиги). Таким образом, и здесь реальные достижения петровского правления были возможны только благодаря фундаменту, заложенному в XVII веке.

Война России с Османской империей 1672—1681 годов, которую Россия вела без союзников, завершилась Бахчисарайским мирным договором 1681 г. Стоит отметить, что в 1678 г. под Чигирином 120-тысячное русско-украинское войско противостояло 200-тысячной османско-крымской армии, и, хотя Чигирин был сдан, османские войска были отброшены за Днепр и прекратили наступление на Правобережную Украину. По Бахчисарайскому договору было заключено перемирие на 20 лет (то есть до начала Северной войны), за Россией сохранялась Левобережная Украина, Запорожье и Киев с городами выше и ниже по Днепру. Договор укрепил положение России на юге и, в свою очередь, сделал возможным заключение Вечного мира с Речью Посполитой в 1686 году.

Выше шла речь о войнах как об ограниченных во времени несколькими годами военных кампаниях. Но в течение всего XVII в. Россия вела еще одну в буквальном смысле слова ежедневную войну с татарами на засечных чертах протяженностью более двух тысяч километров. От XVI века государству досталась линия укреплений длиной в 1 тыс. км — Большая засечная черта (возводилась с начала 1520-х по начало 1570-х годов). Она тянулась к югу от Оки по линии Козельск — Лихвин — Тула — Венев — Рязань с ответвлениями на западе по линии Одоев — Белев и Одоев — Мценск. С юго-востока подходы к столице прикрывала линия укреплений Ряжск — Шацк — Темников — Алатырь.

С 1635 г. (всего через 17 лет после Смуты) началось строительство грандиозной Белгородской засечной черты. Через 11 лет Белгородская черта протянулась на 800 км по линии Ахтырка — Белгород — Оскол — Воронеж — Козлов — Тамбов. Поэтому уже с 1640-х годов татары и ногаи, за исключением редких прорывов, не доходили до Оки. Сразу по завершении первой линии Белгородской черты, в 1647 г. началось строительство ее продолжения на восток для защиты от набегов ногаев. Была возведена линия укреплений, получившая название Симбирской. Она протянулась на 200 км по линии Тамбов — Саранск — Карсун — Симбирск. В 1652—1656 гг. дальше, в Заволжье, была построена Закамская засечная черта протяженностью 300 км по линии Белый Яр — Билярск — Кичуй — Мензелинск; черта защищала русские земли от набегов башкир, калмыков, казахов и каракалпаков. В 1679—1680 гг. в дополнение к Белгородской засечной черте в юго-западном направлении как ответ на вторжения Турции и Крыма в украинные земли была построена Изюмская засечная черта длиной в 400 км, протянувшаяся от Днепра вдоль реки Орель к Северскому Донцу. В 1683—1684 и в 1685 гг. для защиты от вновь активизировавшихся ногайцев, калмыков, сибирских татар и казахов были возведены, соответственно, 250-километровая Сызранская (Пенза — Сызрань) и 200-километровая Исетская (Шадринский острог — слияние Тобола и Исети) засечные черты. Таким образом, за XVII век была

создана глубоко эшелонированная оборона юго-запада, юга и юго-востока России, что позволило своевременно и успешно отражать набеги кочевников и полностью обезопасить центральные регионы страны. Выстроенная система оборонительных сооружений послужила форпостом для продвижения на юг и юго-восток, что подготовило присоединение к России Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Засечные черты были настолько мощными инженерными сооружениями, что даже сегодня, спустя более 400 лет, на спутниковых снимках видны остатки защитных валов.

Строительство укреплений и каждодневная война на границах требовали огромных сил. Численность, например, Белгородского полка — армии, постоянно находящейся в южном приграничном регионе — составляла около 50 000 человек, сменявшихся по полугодиям, и гарнизон более 60 городов. Эту армию необходимо было организовать, вооружить, снабжать продовольствием и транспортом, и все это не без погрешностей, но в полном объеме и в заданные сроки делалось Разрядным приказом.

Что касается XVIII в., то стоит помнить, что большая по времени и самая тяжелая часть Северной войны, включая «Полтавскую викторию», была выиграна со старой приказной системой (коллегии учреждены в 1718 году, Генеральный регламент — в 1720 г.), с ее старыми кадрами и на «старые» же, приказные деньги⁷. О чудовищной цене этих побед написано много, но, как показали новейшие исследования, далеко не всё⁸.

Чем же обеспечивалась работа приказов и какую картину показывает изучение устойчивых характеристик приказной системы во второй половине XVII века? Исследования выявили несколько основных факторов. Во-первых, государственное управление в России XVII в. регулировалось законодательством, основанным на прецеденте и определявшим лишь узловые моменты, без которых государственная машина не могла полноценно функционировать. Во всех остальных случаях, в том числе связанных с общими принципами устройства и функционирования органов исполнительной власти, то есть приказной системы, деятельность этих органов основывалась на традиции и богатом опыте приказных служащих. Таким образом, указы не были парализованы жесткими организационными схемами и должностными инструкциями, а потому обладали большими адаптивными возможностями. Во многом это было обусловлено тем качеством, которое многие исследователи считали и считают недостатком приказной системы — отсутствием строго прописанной регламентации в разделении полномочий приказов. Но суть в том, что дела распределялись по приказам зачастую не по внешним, формальным признакам, а исходя из внутренней логики приказной системы и требований практики.

Во-вторых, можно говорить о подвижности, гибкости центральных органов управления, которая основывалась на структурных особенностях приказной системы. Это была система, так сказать, модульная, причем составлявшие ее «модули» могли быть разного размера — подъячий, дьяк, даже судья приказа, стол (отделение приказа), мог быть и сам приказ. Все эти модули легко перемещались в системе, составляя разные комбинации. Каждый такой модуль нес в себе все характерные черты системы как целого, сохраняя при этом присущее ему своеобразие. Приказ, как и вся система, был не монолитной организационной формой, а свободно связанной структурой. Перемещение модулей

⁷ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

⁸ См., например, об убыли населения в районах Русского Севера в результате военной и строительной деятельности Петра I работу: Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

было частным случаем еще одной характерной особенности приказной системы — переклечения ресурсов внутри системы, то есть свободного перехода сотрудников, дел и финансов из одного отделения в другое, взаимозаменяемости людей и должностей, что, в свою очередь, опиралось на многофункциональность и высокий профессиональный уровень приказных служащих (что отмечается как отечественными, так и зарубежными исследователями). Приказы, таким образом, представляли собой, так сказать, «децентрализованно-централизованную» систему, которая действовала как единый организм, не разделенный жесткими установлениями на отдельные составные части.

Следующей базовой характеристикой приказной системы было небольшое число звеньев управления (всего четыре) и их преимущественно горизонтальные связи: мы видим, что хотя число дьяков и подьячих за XVII в. выросло, но количество вертикальных уровней сохранилось прежним (подьячие трех статей и дьяки); новые отделения системы — поветья, столы, приказы (временные и постоянные) также вписывались в горизонтальные уровни, а не создавали новых вертикальных, которые замедляют передачу информации и искажают ее. В данном случае имеются в виду управленческие уровни непосредственно приказных служащих, а не входят судьи приказов из первых трех думных чинов — бояр, окольничих и думных дворян. Обычно главы приказов столь высоких чинов, особенно в ведущих приказах, были скорее политическими фигурами, чем непосредственными администраторами. Они были заняты прежде всего в придворных церемониях, которые нередко требовали отлучек из Москвы во время государевых «походов» в подмосковные села и монастыри. На этих лиц возлагались дипломатические поручения — быть послами или принимать иностранные посольства. Они же, естественно, практически ежедневно заседали в Думе, а также входили в состав боярских «комиссий», остававшихся в Москве на время отлучек государя. Из этих же чинов назначались полковые воеводы, выступавшие для охранения границ и участвовавшие в военных кампаниях. Так что главные думные чины не имели возможности и времени входить в ежедневную работу приказов, вникать во множество конкретных дел. Все нити управления оставались в руках приказных дьяков. Исключение составляли три ключевых приказа — Разрядный, Поместный и Посольский, выросшие из княжеской и царской канцелярии и во многом сохранившие ее качества и в более поздний период. В частности, на протяжении почти всего своего существования эти приказы (в меньшей степени Посольский) возглавлялись думными дьяками, непосредственно подчиненными царю и Думе.

Рассматривая практику работы приказов, а не их формальную структуру, можно выделить именно четыре уровня управления — дьяков (думных дьяков) и подьячих трех статей (старых, «средней руки» и молодых). Исполнительный аппарат приказа, как мы видим, представлял собой простую, стройную и логичную систему. При этом категории подьячих плавно перетекали одна в другую, снизу вверх, не будучи жестко разделены, как в коллегиях, на управленческую и канцелярскую части. При такой системе бумаги были всего лишь инструментом управления, не имели самостоятельного значения, высшие приказные администраторы не теряли функций делопроизводителей, а приказные служащие низшего звена, молодые подьячие, исполняя различные поручения, постепенно овладевали и навыками управления. В петровской же (и последующих) административной системе бумаги заменили собой реальное управление, и случилось это потому, что управление в лице присутствия было отделено от делопроизводства в лице канцелярии. Канцелярский служащий не мог научиться управлять, так как его не допускали до управления, а чиновник не знал инструмента управления — делопроизводства. В результате труд служащих каждой

категории во многом терял смысл. (За конкретными примерами отсылаю читателей к работе Л.Ф. Писарьковой о государственном управлении в России в XVIII в.).

Из-за специфики развития российских товарно-денежных отношений, казна не располагала средствами для содержания многих государственных структур, в том числе, армии и чиновничьего аппарата. Именно поэтому государственная военная система была основана на поместном окладе с добавлением денежного — редкого и недостаточного для реального содержания военнослужащего (служилых людей как по отечеству, так и по прибору). Точно также строился и государственный аппарат. Приказная система изначально предполагала для приказных служащих побочные источники дохода — «кормление от дел». Финансовая нагрузка по содержанию государственного аппарата была возложена на общество, причем не путем перераспределения средств через налоги, а напрямую. Таким образом устанавливалась зависимость не только общества от чиновников (о чем написано более чем достаточно), но и чиновников от общества. Доходы приказных были абсолютно прозрачны — «пользователи» приказной системой точно знали, кому, за что и сколько они платят. Когда возмущение «пользователей» жадностью подьячих достигало «точки кипения», челобитные практически всегда помогали решить вопрос.

Одной из самых страшных «язв» приказной системы считается взяточничество, причем как-то само собой разумеется, что именно в приказах (в отличие от коллегий или министерств) это зло воплотилось с наибольшей силой. Взятки в приказах, конечно, были. Но следует понимать, что выплаты приказным служащим воспринимались тогда совершенно иначе, чем не только сейчас, но и в начале XVIII века. Приказные люди обслуживали население, наводя и выдавая по его запросам различного рода справки (выписки), внося их имена или другие данные в своего рода «информационные базы» (записные книги и списки) соответствующих приказов, фиксируя земельные и прочие сделки, ведя судебные тяжбы и т.п. За эту работу подьячим, естественно, полагалась оплата, в чем не сомневались как чиновники, так и население. Подношения подьячим четко делились на «почести», «поминки» и «посулы». Первые выдавались в начале работ, в качестве аванса, вторые — по завершении дела, а вот посулы считались противозаконными⁹. Разумеется, граница эта, как и многое другое в приказной практике, не была строго регламентирована, но и у общества, и у приказных была выработанная жизнью и пониманием текущей экономической ситуации четкая картина того, что положено, а что — «сверх меры».

После коллежской реформы Петра I, а также специальных указов 1714 и 1720 гг. о снабжении администрации, которыми провозглашалось денежное содержание приказным служащим, все выплаты подьячим от населения, понятно, были поставлены вне закона, кормление приравнивалось к взятке. Все было бы прекрасно, если бы при этом денежные выплаты не только прописывались, но и выдавались. В действительности же подьячие вообще не получали от правительства никаких денег (отчего многие самовольно покинули службу, некоторые пожелали перейти в крестьянское и посадское тягло)¹⁰. Работы с петровскими преобразованиями прибавилось, но атмосфера общей неустойчивости и зыбкости, всеобщего недоверия и страха в государстве вкупе с разрушением сложившихся работоспособных систем привели к тому, что оплата работы приказных, поставленная вне закона, а потому и более рискован-

⁹ Уложение. Гл. VII. Ст. 10—12; Гл. X. Ст. 144, 146, 170; Гл. XII. Ст. 2; Гл. XXI. Ст. 83; непосредственно к приказным дьякам и подьячим относятся статьи 5, 7—9, 12, 16 главы X.

¹⁰ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 230—232.

ная для обеих сторон, выросла неизмеримо, общество утратило критерии «нормы» в этих делах, и взяточничество расцвело так, как XVII веку и не снилось.

К несравнимому с предшествующим периодом росту взяточничества и казнокрадства привела и проведенная Петром I децентрализация управления — увеличение общего числа и суммы взяток произошло уже от роста числа чиновников. Так в сравнении с 1698 годом в 1726 году число учреждений увеличилось в 2,5 раза, число служащих возросло на 1 000 человек¹¹. К этому надо прибавить стремительный рост числа низших служителей, прежде всего, отставных военных (младших офицеров и солдат), которых широко привлекали к финансовым, надзорным, пенитенциарным и прочим делам (они находились на содержании казны), а также фискалов, бурмистров, писцов крепостных контор. Все эти многочисленные коронные и выборные чиновники в условиях постоянной преобразовательной деятельности и военного времени не ограничивали себя в обирании населения, что и подтверждается многочисленными источниками, как русскими, так и иностранными¹².

Кроме того, как справедливо отмечалось многими исследователями, переломные периоды истории с резким изменением всего жизненного строя «поднимают» людей с определенным набором личностных характеристик — работоспособных и умных, с умением приспосабливаться, выживать в любых условиях, хватких, целеустремленных, честолюбивых и при этом — с низкой нравственностью, жадностью, отсутствием чувства собственного достоинства. В качестве примера можно привести карательную акцию сенатора графа А.А. Матвеева. В 1726 г. он собственной властью, без всякого суда (несмотря на все проведенные судебные реформы) повелел повесить двух переславских городовых подьячих за хищение из казны 1101 рубля 54 копеек. В этом эпизоде поражает как сумма похищенного, так и реакция на нее сподвижника Петра I. Родившийся в 1666 году, он прекрасно помнил прежние времена, когда помыслить было невозможно, чтобы городской подьячий с годовым окладом от 1 до 20 рублей мог столько украсть!¹³

Существовала еще одна особенность организации государственного управления XVII века, начисто утраченная в XVIII веке, без которой дальнейшее существование государства стало ощутимо сложнее и тяжелее. Я имею в виду то, что обычно считается слабостью и недостатком приказной системы — отсутствие специальных органов контроля за деятельностью управленцев. Но контрольные функции были заложены в самом устройстве системы управления XVII века. Прежде всего, контроль обеспечивался тесной спаянностью звеньев государственного управления по вертикали, которая достигалась не путем канцелярской переписки или эпизодическими разовыми проверками, а непосредственным участием администраторов вышестоящих органов в делах подчиненных им учреждений. По замечанию В.О. Ключевского, «такой порядок надзора должен был иметь значительную степень энергии»¹⁴.

Еще одним фактором контроля за деятельностью управленцев — фактором в историографии явно недооцененным — была система (именно система!) подачи челобитных, адресованных царю. Прошение, обращенное непосредственно к верхов-

¹¹ Там же. С. 221, 224.

¹² См., например: *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С. 288—289, 291.

¹³ Подробнее см.: *Серов О.Д.* Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Боярская Дума древней Руси. М., 1902. С. 502.

ной власти, неизмеримо поднимало его статус в сравнении с обращением к любому более низкому уровню государственной администрации (что, собственно остается неизменным и поныне). С другой стороны, это накладывало обязательства и на саму верховную власть, ибо она была и единственной, и высшей, конечной инстанцией. Челобитные, при всех очевидных или кажущихся недостатках, давали возможность центральной власти учитывать и защищать (в том числе в судебном порядке, передавая, с соответствующими указаниями, дела в приказы) интересы всех слоев населения. В то же время — и это имеет не менее важное значение — челобитные, адресованные высшей власти, давали народу надежду, пусть нередко иллюзорную, на защиту и справедливость, создавали представление о разумном порядке жизни, поддерживаемом властью, без чего невозможно нормальное существование государства. Челобитные были той формой постоянной, прочной и короткой обратной связи между руководством государства и населением, которая при всех минусах государственного устройства обеспечивала известную степень эффективности в управлении.

Недаром, кстати, одним из ранних указов Петра I как самостоятельного правителя был указ 1700 года, запрещающий населению подавать челобитные на имя царя, за исключением дел особой государственной важности (государственная измена, покушение на жизнь царя и казнокрадство). Впоследствии это распоряжение неоднократно подтверждалось (в 1715, 1718, 1719, 1720, 1722 и др.). То есть на государственном уровне утверждалось полное игнорирование жалоб населения на чиновников, самоотторжение власти от народа, отказ власти выполнять, пусть даже формально, одну из главных задач — утверждение социальной справедливости. Однако сформировавшееся за столетия представление о роли высшей власти и о ее взаимоотношениях с народом было трудно разрушить в короткий срок. Челобитные царю продолжали подавать, несмотря на угрозу жестоких наказаний (каторга и битье кнутом) и на создание, в виде уступки населению, особой службы, вроде прежнего Челобитного приказа, — Рекет-мейстерской конторы (1720). Последняя, правда, не только не пользовалась авторитетом у органов верховной власти, которые, по идее, должны были ее поддерживать, но и встречала неприкрытое противодействие и самого царя, и Сената, и коллегий¹⁵.

Однако очевидно, что такой способ контроля, как челобитные, невозможен без определенного уровня доверия между верховной властью и обществом, и, соответственно, между этой властью и ее административным аппаратом как частью общества. (А.Д. Градовский отмечал, что приказное управление XVII в. представляло собой систему «полного доверия к служащему сословию в совокупности и отдельному чиновнику в частности»¹⁶, а современные исследования показали, что благодаря приказной организации огромное Московское государство управлялось меньшим числом чиновников, чем европейские страны того же периода).

Такое положение дел вовсе не означает, что между властью и обществом не было никаких противоречий — они, разумеется, были, и немалые, но не была утрачена возможность диалога, понимания как сверху, так и снизу. В отличие от петровской, это все-таки была «администрация доверия».

Эта черта самобытного русского строя управления находит подтверждение и в характере приказного делопроизводства. Его отличительной особенностью, в отличие от позднейшего, была неформализованность, отсутствие мелочного контроля за ра-

¹⁵ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 154—156.

¹⁶ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 34.

ботой администраторов. Многие моменты управленческой деятельности не фиксировались письменно или фиксировались крайне лаконично: приказный служащий любого уровня обладал высокой компетентностью в рамках своих обязанностей и был самостоятелен в их исполнении. Отсутствовали также многочисленные копии — был только один исходящий документ и «отпуск» — черновик, остававшийся в приказе. Корреспонденция между приказами нередко носила такой же неформальный характер, ставя на первое место быстроту передачи сведений.

И, наконец, о территориально-отраслевом принципе строения приказной системы, который также считается признаком ее отсталости. Именно этот принцип позволял государственным структурам легко адаптироваться к переменам, а значит способствовал их устойчивости. Он был единственно возможным способом по мере расширения государства вовлечь в административную систему страны новые области, не ломая их внутренних структур, а как бы обволакивая собой. Применительно к Разряду, например, это выражалось в различной степени подчиненности приказу разных областей государства.

В заключение выскажу несколько самых общих соображений относительно того, зачем же Петр I заменил приказную систему новой, коллегиальной — этот вопрос возникает с фатальной неизбежностью. Представляется, что большая часть причин или, скорее, импульсов к переменам всё же носила субъективный характер. В силу сложившихся в царской семье обстоятельств (наличия у Петра Алексеевича взрослого брата-правителя Федора Алексеевича, а также еще одного старшего брата — Ивана Алексеевича, смерти отца, когда Петру было всего 5 лет, опалы Нарышкиных), не предполагалось, что Петр когда-нибудь или по крайней мере в ближайшем будущем будет царствовать. Поэтому воспитывался царевич Петр не так, как его старшие братья и сестры, не как будущий правитель, а потому рычаги управления в виде приказной системы, техника приказного управления были ему малознакомы. Поэтому, став полноправным государем, Петр не умел воспользоваться имевшейся в его руках управленческой машиной, не знал, как она работает, не понимал ее возможностей. В то же время, выросший при Немецкой слободе царь видел выход из всех обрушившихся на него трудностей в управлении (особенно с теми военными задачами, которые он перед Россией поставил) единственно в превращении этой страны в слепок с западноевропейских образцов, включая и систему управления. Поэтому, как обычно, «долго думать не стерпел» (слова Петра I из «Морского устава»), он разрушил совершенно дееспособную приказную систему, движение со времени царствования Федора Алексеевича успешно реформировавшуюся, и заменил ее выписанной из Швеции.

Следующей причиной разрушения исправно работавшей приказной системы была введенная Петром тотальная, дотоле не виданная милитаризация политики и экономики, которая пожирала страну изнутри и с которой приказы как ведомства неэкстремального характера, справиться, естественно, не могли. Военные расходы в бюджете составляли в 1701 году — 81.6%, в 1702 — 76.5%, в 1703 — 76.9%, в 1704 — 82.9%, в 1705 — 95.9%, в 1706 — 80.6%, в 1707 — 81.7%, в 1708 — 82%¹⁷; тогда как в конце XVII в. эта цифра составляла 50—60% (в 1680 году, например, от 47 до 62 %¹⁸).

Страна перешла на «ручное» управление Петра и его ближайших сотрудников, которые и перестроили под себя и новые способы добывания денег прежнюю си-

¹⁷ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 176.

¹⁸ Там же. С. 75—77.

стему управления. «Пока... дохода было достаточно, пока не было отказов в беспрепятственных требованиях Петра выдать нужную сумму “из приказов”, — до тех пор то, что происходило на этом противоположном полюсе, его нисколько не интересовало. Но когда оказалось, что этим ассигновкам есть пределы, когда с самым ничтожным новым расходом приходилось придумывать и новый источник для его покрытия, — естественно, что у Петра явилась потребность иметь суммы, независимые от текущего окладного расхода действующей системы»¹⁹.

Подытоживая изложенное, можно сказать, что структура, приемы и способы управленческой деятельности как центральной административной системы в целом, так и отдельного приказа были закономерными, обладали неоспоримой внутренней логикой, присущей только системам, выросшим на исторической почве, и соответствовали специфике русского государства второй половины XVII в. с его огромной территорией, разреженным населением, скудостью наличных денежных средств и постоянной угрозой вторжений с южных границ. Работу приказного аппарата управления по выполнению задач, поставленных перед ним правительством во второй половине XVII в., можно признать хотя и не безупречной, но вполне эффективной, а саму центральную административную систему — далекой от состояния кризиса.

---

¹⁹ Там же. С. 166—167.

Е.Н. Швейковская

Самоуправление в России XVI—XVII вв.

Формирование единого Русского государства из самостоятельных княжеств и земель в основном завершилось к началу 1490-х гг., а с 1485 г. Иван III стал именоваться государем «всех Руси». Задачи созидания государства обусловили реорганизацию политических и социальных отношений. Они стали базироваться на новом, государственно-служилом принципе, заменившем собой покоившиеся на «старине» и «пошлине» княжеско-договорные взаимоотношения периода раздробленности. На протяжении длительного времени происходило структурирование правящих групп, выделение из их среды элитарной аристократической прослойки и многочисленной, внутренне градуированной категории служилых людей. Поступательный процесс кристаллизации властных институтов сопровождался организационным переустройством центрального, а также местного управления.

Местные органы управления в XV — первой половине XVI вв. были представлены, как известно, аппаратом наместников и волостелей, который основывался на системе кормлений. Хотя отдельные аспекты местного управления названного периода находились в поле зрения историков со второй половины XIX в., говорить о всесторонней изученности данной проблемы, впрочем, как и любой другой, невозможно. В отечественной историографии второй половины XX в. она также не находилась среди интенсивно разрабатываемых. Специальная монография, посвященная местному управлению первой половины XVI вв. и вышедшая из печати в 1957 г. принадлежит перу Н.Е. Носова¹. Учитывая, как неспешно издавались книги по истории России периода феодализма, не считавшегося приоритетным направлением, исследование Носова складывалось и было написано в первой половине 1950-х гг. Естественно, в нем отразился уровень развития историографии и источниковедения своего времени. Уместно отметить, что наиболее важные публикации законодательных и актовых источников, в подготовке текстов и комментировании которых участвовали выдающиеся историки Л.В. Черепнин, Б.А. Романов, И.А. Голубцов, А.И. Копанев, Р.Б. Мюллер и др. увидели свет в самом начале 1950-х гг.² Н.Е. Носов в своей книге при характеристике местного управления исходил из его органичной взаимосвязи с политическим, экономическим и социальным строем, состоянием центрального аппарата и общества в целом на этапе преобразования государства из раздробленного в централизованное. Он проследил условия, которые при возрастании роли городов как местных центров способствовали возникновению новых управленческих

¹ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л. 1957.

² Из таких публикаций назову: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1958; Т. III. М.-Л., 1964; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. I. М., 1951; Ч. 2. 1956; Ч. 3. 1961.

институций в лице городчиков, городских приказчиков и формированию «служилого города». В центре внимания Носова были компетенция и функции наместников, изменения, происходившие в отраслях их деятельности, социальная трансформация внутри корпуса местных управителей, т.е. государственные мероприятия, обусловленные задачами централизации. Ученый разделял преобладавшую в отечественной историографии того периода точку зрения о реформировании государственности, в том числе и на местном уровне, в интересах новой страты господствующего класса — возвышающегося дворянства вопреки княжеско-боярской аристократии. Исследование историка долгое время оставалось единственным в своем роде, хотя к изучению отдельных аспектов этого важного вопроса ученые обращались. Ситуация стала изменяться с рубежа 1960—1970-х гг., когда появились работы по истории государева двора и служилого города³. Монография Носова о местном управлении первой половины XVI в., по моему мнению, в главных своих положениях не утратила своего значения до сих пор.

В другой своей книге о становлении сословно-представительных учреждений XVI в. Н.Е. Носов в авторском предуведомлении написал о реальной возможности взглянуть на эпоху Ивана IV, когда возникали местные земские органы, «иными глазами, глазами без шор». Ученый обратился к мало изученной на тот момент проблеме земской реформы для познания происходивших коренных изменений в экономической и социальной сферах тогдашнего общества. Его главное внимание было направлено на выяснение связи между проводившимися в 1550-е гг. реформами, а также «на анализ эволюции государственных и правовых форм в развитии учреждаемой реформой земского самоуправления и его связей с новыми явлениями в социально-экономической жизни России XVI в.». Касаюсь вопроса о характере власти централизованного государства, Носов заострил внимание на взаимоотношениях боярства и дворянства, которые отнюдь не были противоположными: «На самом деле позиция боярства была сложнее и далеко не так отлична от позиций дворянства, с которым его связывало общее стремление к обеспечению своего классового господства над широкими слоями крестьянства и посадских людей». Историк полагал, что боярство боролось «за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам в новом государственном порядке, и главным условием этого ставило ограничение с самодержавия боярской думой — палатой лордов, казалась бы зарождавшегося в XVI в. русского парламента»⁴.

Местное управление первой половины XVI в. через большой промежуток времени изучила Т.И. Пашкова, подробно рассмотрев компетенцию, функции, социальный состав, статус наместников, и впервые волостелей, распределение обязанностей тех и других, а также полномочия наместников в сопоставлении с подобными же городских приказчиков, губных старост⁵. Она убедилась в том, что наместники и волостели рекрутировались из разных слоев привилегированных землевладельцев. Интерес представляют составленные на основе разных источников списки наместников и волостелей, имеющие большое научно-справочное значение. Автор весьма критично оценивает существующие в отечественной историографии второй половины XX в.

³ См.: *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М. 2004. Здесь собраны статьи автора разных лет и его ранее не публиковавшаяся кандидатская диссертация.

⁴ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 3, 5, 9—11.

⁵ *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: наместники и волостели. М., 2000.

результаты изучения местного управления, особенно в монографии Н.Е. Носова. При этом наиболее значимые вопросы, которым Т.И. Пашкова уделяет внимание, тематически соответствуют ранее поставленным этим историком. Много раз по ходу своей работы она незаслуженно упрекает своего основного предшественника за приверженность точке зрения о том, что учреждение в дополнение к наместникам новых местных управителей — городских приказчиков имело конечной целью замену, вытеснение первых из местного управления, чтобы тем самым подорвать питающую их систему кормлений и могущество прежней княжеско-боярской аристократии. Исследовательница констатирует, что новые органы управления как таковые не подрывали и автоматически не ликвидировали старые, а включались в «знакомую систему параллельных отношений различных должностных лиц и тем самым не конкурировали друг с другом». Подытоживая свое исследование, пронизанное гиперкритикой, она приходит к достаточно тривиальному выводу, что «на протяжении первой половины XVI в., несомненно, имела место *тенденция* к централизации местного правления и к определенному *сужению* компетенции наместников и волостелей»⁶ (курсив мой — Е.Ш.).

Известно, что административное деление на местном уровне с конца XV в. составляли разновеликие территориальные части — уезды и волости (и/или станы), они сложились при освоении естественным путем в соответствии с природно-географическими особенностями. Ю.Г. Алексеев по княжеским жалованным грамотам XIV — первой четверти XV в. убедился, что в разных княжествах перед их объединением — «Москве и Рязани, Ярославле и Нижнем Новгороде» (также и в уделах великокняжеских родственников) «существовала одна и та же система управления. Всюду фигурируют наместники, волостели и их люди, а также таможенники, мытники и т.д.»⁷. Из приведенного наблюдения историка следует, что бытовавший способ местной организации свидетельствовал о сходных социально-политических процессах, протекавших в отдельных княжествах, и в определенной степени способствовал их вхождению в единое государство.

Первостепенное значение для представления об управленческих отраслях и функциях Московского государства, несомненно, имеют Судебники 1497 и 1550 годов, а также предшествующие им Уставные грамоты — Двинская 1397 г. и Белозерская 1488 г. В первой из них великий князь объявляет, что жалует «бояр своих двинских», сотского и всех черных людей уставом-грамотой, и она определяет судебные и административные полномочия великокняжеских наместников, в соответствии с которыми они и действуют — «ходят по сей по моей грамоте». При этом великий князь «жалует» в наместники либо «своих бояр», либо может «кого» пожаловать «наместничеством из двинских бояр», однако выбор остается за князем-государем⁸. Грамота предоставляет наместникам полноту управления: «А приставам моим, великого князя, в Двинскую землю не въездити, всему оуправу чинят мои наместници»⁹. Она посвящена преимущественно судебным функциям наместников и их людей-«дворян» по конкретным делам и устанавливает получаемые за это доходы в виде разных пошлин. Грамота наряду с двинскими боярами адресуется также к сотскому

⁶ Там же. С. 129—130.

⁷ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 50; *Его же*. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 20, 23.

⁸ Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 181.

⁹ Там же. С. 182.

и черным людям. Именно они — посадские и крестьяне — составляли основное население края. В примененной фразе сотский и черные люди названы совокупно, эта целостность понимает полномочия, получаемые сотскими от «всех» черных людей, по соблюдению и поддержанию местных порядков, уже бытовавших и вновь вводимых. Характерно обращение грамоты к сотскому как лицу, представлявшему черных людей. Фиксация грамотой сотского как такового, а в этом понятии слиты воедино субъект и отправляемая им должность, есть показатель его сопричастности к деятельности аппарата наместника: во-первых, в судебных разбирательствах, упоминаемых грамотой (и не только в них), во-вторых, в управленческих акциях, о чем, в частности, говорит «пошлинка», получаемая наряду с подвойским с проходящих торговых судов: «с лодьи по пузу ржи у гостя» (ст. 10). Сущность данного сбора из-за лапидарности памятника квалифицировать затруднительно. Скорее, он был пошлиной¹⁰ таможенного типа, нежели постоянным вознаграждением, как полагал в свое время М.Ф. Владимирский-Буданов¹¹. В пользу такого толкования говорят ст. 14 и 16, если их рассмотреть со ст. 10 во взаимосвязи. Ст. 14 регулирует размеры торговых пошлин, взимаемых с двинян наместниками и их «пошлинниками» в Устюге и Вологде, а в ст. 16 речь идет о торгующих «во всей моей отчине в великом княжении» двинянах, которые не должны платить «тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторых пошлины»¹². Эти три статьи Двинской грамоты под «пошлиной» имеют в виду не что иное, как сборы, обеспечивающие таможенно-торговые операции¹³.

Вторая грамота — Белозерская 1488 г., отстоящая от Двинской более чем на 90 лет, возникла на ином этапе развития государственности и управленческого аппарата, что, естественно, сказалось на ее содержании и значительном объеме регламентируемых норм. Последний по времени фундированный анализ Белозерской грамоты принадлежит Ю.Г. Алексееву в монографии, посвященной Судебнику 1497 г., важнейшему политико-правовому кодексу государственного устройства Ивана III¹⁴. Прежде всего, отмечу, что историк в специальной главе развернуто характеризует двухвековое исследование Судебника в отечественной историографии, оценивает итог его изучения как содержательный «феномен, отражающий основные этапы развития русской исторической мысли от времени М.М. Щербатова до наших дней»¹⁵. Обращение Алексеева к Белозерской грамоте в сопоставлении с Двинской и их обеих (а также жалованных, указных, правых грамот и т.п.) со статьями Судебника вызвано необходимостью выяснить вопрос о правовой базе, существовавшей к моменту его составления и ставшей наряду с обычным правом фундаментом для создания новой системы местного управления. Ученый, разбирая Белозерскую грамоту 1488 г.

¹⁰ Характерна уменьшительная форма, в которой употреблено существительное «пошлина», косвенно подразумевающая ее небольшой размер.

¹¹ См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 186. В.А. Кучкин считает «пошлинку» кормом, сбором, который получал сотский как представитель княжеской администрации. См.: Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 349, 403.

¹² Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 182.

¹³ См. также: Белозерскую Таможенную грамоту 1497 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 201—203.

¹⁴ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Гл. III.

¹⁵ Там же. С. 75—76. Обстоятельное рассмотрение Ю.Г. Алексеевым историографии Судебника 1497 г. позволяет мне специально не останавливаться на этом вопросе.

по статьям в порядке их расположения, определяет кодифицирующее значение санкционируемых и вводимых норм в местном судебном-административном управлении: об обязанностях наместников и их правах со строгой фиксацией размеров кормов и поборов. Эта грамота «не декларирует установление наместничьего управления, но стремится точно и ясно регламентировать его состав и деятельность, в частности права по отношению к местному населению»¹⁶. Алексеев убедительно и всесторонне характеризует грамоту с точки зрения этапного развития государственности, законодательно синтезирующего обычное право «старину» и нововведения, поэтому правомерно сосредоточиться на отдельных ее положениях, наиболее важных для цели данной статьи.

В Уставной грамоте Иван III пожаловал «своих людей», именно «белозерцов—горожан, и станowych людей, и волостных, и всех белозерцов», подтвердив данным актом отныне и впредь управление наместников, которые обязаны «ходить по сей по нашей грамоте»¹⁷. Через обращение в преамбуле к «людям» Белозерья грамота зафиксировала составные части края — город, станы, волости — и специально выделила подгородные станы в особой ст. 15: «А станов к городу: Городецки стан, да Надпорожски стан, да Заозерски стан»¹⁸. Вместе оба факта свидетельствуют, во-первых, об устоявшемся делении, уходящем корнями в пору Белозерского княжества, и теперь подтвержденном законодательным установлением; во-вторых, о прерогативах наместников на социально-значимые и хозяйственно-экономические объекты, в первую очередь, земельные не только в околгородных станах, но и в каждом из административных подразделений. Грамота точно определяет размеры рождественского и петровского кормов, полагающихся наместникам и их слугам. Тем самым она обосновывает обязательность самих сборов, получаемых «со всех сох»¹⁹, без различия их социальной принадлежности — «со княжих, и з боярьских, и с монастырьских, и з черных, и з грамотников, и со всех без оменки». Распространение взиманий на содержание наместников и их аппарата с поземельных объектов без всякого исключения, в том числе и с «грамотников»-иммунистов, возводит эти платежи в ранг общегосударственных.

Устанавливая численность аппарата наместника в лице тиунов и доводчиков²⁰ и порядки, которым они обязаны следовать в разъездах по выделенным территориям, Белозерская грамота запрещает им в этих поездках взимать какие-либо поборы. Она вводит новое правило — доводчики отныне должны получать «свой побор у соцкого в городе». Обращение Двинской грамоты непосредственно к сотским, о чем говорилось выше, не исчерпывалось значением лишь информирования, оно как раз несло в себе смысл допустимого в определенных рамках их соучастия и содействия наместничьему аппарату. Судя же по Белозерской грамоте, сотский стал активным должностным лицом, причем в финансовой сфере. Именно у сотских концентрируются кормы и «поборы», собранные для наместников, тиунов и доводчиков в каждом из станов, и сотские платят им натурально-денежное содержание «в городе» на два срока Рождество и Петров день. Отсюда следует, что сотский должен иметь постоянную

¹⁶ Там же. С.113

¹⁷ Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 192.

¹⁸ Там же. С.194.

¹⁹ О сохе как окладной единице см.: *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. С. 7—9.

²⁰ Наместники держат «в городе и во станех два тиуна да десять доводчиков», из которых 8 находятся в станах, а 2 в городе. См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. С. 192—193.

базу в городе как центре местной администрации, ему для самих сборов — продуктовых (мяса, хлебов, овса, сена) и / или эквивалентных им денежных, также их доставки из станов и волостей необходимо иметь вспомогательный аппарат. Такой аппарат назван в ст. 19 Белозерской грамоты, трактующей условия суда: наместники и их тиуны обязываются «без сотцково и без добрых людей и не судити суд»²¹. «Добрые люди» — термин собирательный, и среди добрых людей, соучаствующих наряду с сотскими, в наместничьем суде могли быть пятидесятские, десятские или старосты и целовальники, т.е. лица, представлявшие социальную организацию — мир. Из рассмотренных статей Белозерской грамоты с очевидностью вытекает привлечение к судебным и финансовым делам на местном уровне сотского с добрыми /лучшими/ людьми в качестве уже существовавшего звена, готового к управленческой деятельности. Целесообразно подчеркнуть, что централизаторские мероприятия власти по созиданию государственного управления в наиболее важных сферах — финансовой и судебной — проводились во взаимной увязке. Л.В. Данилова прямо говорит об узаконении Белозерской грамотой участия мирских выборных в суде и считает его показателем «наличия у городской и сельской общины развитого самоуправления, способного осуществлять публично-правовые функции»²².

Ю.Г. Алексеев, отмечая значимость ст. 19 и большое внимание исследователей к ее трактовке, увязывает ее содержательную преемственность с «институтом судных мужей», который представляет «собой остаток древнего общинного суда» (известного «всей Европе»), и «теперь превращается из обычая в закон». Резюмируя же свои изыскания о Белозерской Уставной грамоте 1488 г., в которой воплотился опыт законодательной деятельности Ивана III, ученый оценивает ее как «симбиоз старой пошлины и новых княжих установлений», когда старинный порядок в зависимости от велений времени корректируется и утвержденный с изменениями превращается в закон. Главное, «старые институты и категории не упраздняются, а модернизируются и приспособляются к новым условиям. “Новое” органически соединяется со “старым”, выступает не как отрицание, а как продолжение этого “старого”»²³. Зафиксированная Белозерской грамотой активная роль сотского и добрых людей в наместничьем суде, как хорошо известно из историографии, получила развитие в Судебниках 1497 и 1550 гг. Первый из них, великокняжеский, в ст. 38 прежде всего постановляет: «А бояром и детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимъ людем. А без дворьского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»²⁴. В конце XV в. наместник, получивший судебные права, обязан отправлять правосудие уже не единолично, а в присутствии дворского, старост и лучших людей. Естественно, Ю.Г. Алексеев в своей монографии о Судебнике 1497 г. подробно разбирает ст. 38²⁵, отмечая большое внимание ученых, уделяемое оценке ее аспекта о привлечении лучших людей к суду наместников. Он заключает, что «суд на местах с участи-

²¹ Там же. С.195.

²² Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 236. См. Также: Там же. С. 250—252.

²³ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 120, 123.

²⁴ Судебники XV—XVI веков. М.; Л. 1952. С. 24 (текст), 78—80 (комментарий).

²⁵ Ю.Г. Алексеев для Судебника 1497 г. так же как ранее для Псковской Судной грамоты предлагает свое деление памятников на статьи, отличное от принятого в известных публикациях. См.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Гл. V. Судебник. Структура текста; *он же*. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 6—11.

ем “добрых людей” — живая реальность русской жизни как до, так и после реформ 80—90-х гг., отразившихся в Белозерской Уставной грамоте и в Судебнике»²⁶. Рассматривая мнения исследователей о факте обязательного участия «лучших людей» в суде наместника, традиционно оцениваемое в историографии как элемент его ограничения, приведший впоследствии к отмене кормлений, Ю.Г. Алексеев привлечение добрых людей связывает, и вполне правомерно, не с новеллой Судебника 1497 г., а с «подтверждением старого обычая, уходящего корнями в седую древность Русской Правды...»²⁷.

Во втором царском Судебнике 1550 г. о местном суде говорит ст. 62, в основе которой лежит ст. 38 великокняжеского, существенно дополненная нововведениями: «А боаром и детем боарьским судити, за которыми кормления з боарьским судом; а на суде у них и у тиунов быти, где дворской — и дворскому, старосте, и лутчим людем и целовалником. А судные дела у наместников и у их тиунов писати земьским дяком, а дворскому да старосте и целовалником к тем судным делом руки свои прикладывати»²⁸. В середине XVI в. состав участников наместничьего суда дополняется, как явствует из статьи, целовальниками. Они в перечислении судебных «заседателей» занимают последнее место и после лучших людей, и чего вытекает, что они — уже не эпизодические участники, разово приносившие присягу-крестоцелование. Данная констатация ст. 62 содержит установку на тесную связь целовальников с лучшими людьми, выходцами из которых они, несомненно, являются. Судебник 1550 г. вводит также обязательное протоколирование судебного процесса, возлагая процедуру письма на «земьских дяков», и последующее удостоверение документа своими подписями дворским, старостой и целовальником. Наряду с ними участниками судопроизводства с пассивной ролью стали земские дяки, связь которых с лучшими людьми очевидна, а их принадлежность к таковым состоит уже в том, что они грамотны. Явная принадлежность старост, целовальников, земских дяков (дячков) к мирской организации и конкретно к мирским должностным лицам обеспечивала их соучастие в местном управлении.

Итак, на протяжении более полувека государственная власть целенаправленно действовала в области создания центрального и местного аппарата единого государства, используя имевшиеся управленческие структуры, конструктивно совершенствуя их звенья и вводя новые элементы.

Местное управление в лице наместников и волостелей, как уже установлено в историографии, совмещало в себе службу князю-сюзерену и возложенное на население материальное обеспечение за нее в виде получаемого «корма», судебных и других сборов, что регулировалось специальными «кормлеными» грамотами. Управление городами, военно-административное по своему характеру, наместники осуществляли своими силами: во-первых, персональными в лице слуг-министериалов: тиунов, доводчиков и др., во-вторых, военными отрядами. Наместническо-кормленческая система была упразднена Иваном Грозным в 1555/1556 г., и вместо нее на местах вводилось земское самоуправление. Однако до этой реформы, ознаменовавшей важную веху в развитии государственности, наместническое управление претерпело несколько трансформаций, которые в итоге подготовили его устранение. Во-первых, в горо-

²⁶ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 300—302.

²⁷ Там же. С.66.

²⁸ Там же. С. 160—161 (текст), 251—253 (комментарий).

дах с середины XV в. наряду с наместниками появились еще постоянные должностные лица — «городчики», ведавшие город как военную крепость и ответственные за отбывание местным тяглым населением определенных повинностей — городского и ямского дел, посошной службы. К этому времени городское дело для составивших единое государство княжеств стало главной повинностью, на которую не распространялось иммунитетное освобождение. К началу XVI в. городчики уже были встроены в систему местного управления. Они вместе со старостами участвовали в наместничьем суде и должны были «правду стеречь», контролируя в определенной мере действия наместников. Городчики сделались непременным звеном местного аппарата, предшествуя городским приказчикам. Последние к 1520-м гг. как военные коменданты занимались делами, принадлежащими к военно-административной, финансовой (сбор прямых налогов) сферам, также следили за землями города и уезда и др.²⁹ Во-вторых, к рубежу XV—XVI вв. с усилением централизации государства выросла роль городов не только как средоточий административной, экономической власти, но и формирующейся военно-служилой организации привилегированных владельцев, помещенных на местных уездных землях — дворян и детей боярских. На них возлагалась обязанность по защите города и несения (с ним) по нему государственной службы, как военной, так и дворовой.

В изучение источников и проблемы «государева двора» внес значительный вклад, высоко оцененный в историографии, А.Л. Станиславский. В начале 1970-х гг. он, прослеживая привлечение представителей городских корпораций к дворовой службе в столице, установил, что в источниках — боярских списках они обозначались в рубрике: «Из городов выбор» или «Дворяне выборные из городов», а иногда «вообще без заголовка, но с обязательным указанием городов, по которым они служат», и располагались в конце списка чинов государева двора. На основе десятен, сохранившихся от самого начала XVII в., он выяснил, что «в крупный поход городские дворяне и дети боярские выступали едва ли не в полном составе»³⁰. Ученый убедился, что «вопросы происхождения и эволюции выборного дворянства» не принадлежат к числу ясных, и в этой связи он писал: «Можно привести много фактов "дворовой" службы выборных дворян в XVI в. Труднее показать, что выборные дворяне и в XVI — начале XVII в. могли служить "с городом", так как источников об организации службы провинциальных феодалов за изучаемое время почти не сохранилось»³¹. Важно, что после Смуты выборные дворяне перестают привлекаться на столичную службу и оседают на местах. Ученый считал, что «многократное увеличение численности столичного дворянства привело к тому, что роль выбора как резервной части двора потеряла смысл»³². Во всяком случае, в первой половине XVI в. крепнущая городская корпорация — служилый «город» занимала прочное место в государственной системе.

²⁹ Т.И. Пашкова, не соглашаясь с доводом Н.Е. Носова о сосредоточении у городских приказчиков значительной части военно-административных функций, присущих наместникам, считает, что первые занимались «интендантскими» обязанностями, хорошо показанными историком, по обеспечению города-крепости: сбором посохи, ямских денег и примета, мостовым, ямским, ямчужным, городским делом, но они не руководили обороной города и не участвовали в ней. См.: Пашкова Т.И. Указ. соч. С. 98—99.

³⁰ Станиславский А.Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора в последней четверти XVI—начале XVII века // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 115 (первая публикация данной статьи относится к 1973 г.).

³¹ Там же. С. 130—131.

³² Там же. С. 35, 77, 97.

Параллельно с повышением значения городов шел другой поступательный процесс, он состоял в обособлении великокняжеских дворцовых земель и в постепенном распространении государственных прерогатив, в том числе налогово-повинностных, включая «городовое дело» и ямское, посошную службу, практически на все категории земель — черные, оброчные, поместные, вотчинные, монастырские. Происходившее социально-экономическое переустройство вело к трансформации аппарата городчиков в институт городских приказчиков. Он стал одним из звеньев военно-служилой организации привилегированных землевладельцев и инструментом постепенного сосредоточения местного управления в руках провинциального дворянства³³. Ко второму десятилетию XVI в. институт городских приказчиков обрел повсеместность, они исполняли вверенные им дела из численно увеличивавшихся и усложнявшихся функций, входивших в ведущие сферы управления и общие с наместниками — военно-административную, судебную. Введение в существовавший местный управленческий аппарат новых элементов, в большей мере соответствовавших централизаторским задачам, нивелировало полномочия наместников. К тому же вело проведение губной реформы рубежа 1530—1540-х гг., по которой в судебные органы вводились выборные представители местного населения: выборные «головы» из детей боярских с их аппаратом, а также из крестьян и посадских. Характерно, что губные грамоты самого начала 1540-х гг. адресовались земским властям и конкретным категориям населения — крестьянам, посадским людям. Соответствующие статьи Судебника 1550 г. свидетельствуют, что судебная деятельность наместников подпадает под контроль уездных властей — городских приказчиков в областях поместно-вотчинного землевладения, а также дворских, старост, целовальников, представляющих посадских людей и крестьян в районах с черносошным населением. Н.Е. Носов считал, что служилый город как местная институция получил в лице городских приказчиков свой первый выборный сословный орган управления³⁴.

Принятие Уложения о службе в 1555/1556 г., введившего точные нормы службы с земли независимо от ее владельческой — поместной или вотчинной — принадлежности, В.Б. Кобрин оценил как укрепление «территориальных корпораций, в руках которых оказалось и наблюдение за служебной годностью детей боярских, и распределение выморочного земельного фонда». Он выделил важную роль, которую стали играть в местном самоуправлении и в земельных делах «выборные из местного дворянства администраторы — губные старосты и городские приказчики». Ученый уловил суть нововведений, проводившихся при выстраивании системы государственного аппарата, когда от кормленщиков, не заинтересованных в должном исполнении своих обязанностей, местное управление как раз было «передано не чиновникам — агентам центральной власти, а выборным из местного населения (дворянства, посадских людей и черных крестьян)»³⁵.

Становление и упрочение в первой половине XVI в. в уездных городах Замосковья названных управленческих звеньев — городских приказчиков и губных старост — подготовило окончательную отмену в 1550-х гг. системы кормлений и проведение в 1556 г. земской реформы, которая знаменовала собой очередной этап в строительстве аппарата местного управления единого Русского государства.

³³ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления. С. 53—55.

³⁴ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления... С. 58—59; *Его же*. Становление сословно-представительных учреждений... С. 60.

³⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.) М., 1985. С. 140, 160.

Обширный регион Русского Севера, простиравшийся на поморских просторах от Заонежья до Предуралья, как известно, был в XV—XVII вв. средоточием черных земель с минимальным вкраплением монастырских владений. Светское привилегированное землевладение в нем отсутствовало, и поэтому городовые приказчики как элемент местной организации служилого слоя, естественно, не сложились. Однако на Севере существовала крепкая земская организация с устоявшимися порядками самоуправления, и наибольшая активность в их действии пришлось на вторую половину XVI в. Проблеме земского самоуправления было уделено достаточно внимания в историографии, а наиболее значимые работы принадлежат М.М. Богословскому, С.Ф. Платонову, А.И. Копаневу, Н.Е. Носову, а в отношении Сибири — В.А. Александрову, Н.Н. Покровскому и др.³⁶

Земское самоуправление, просуществовав в общей сложности около полувека, было подорвано сначала опричниной, а затем Смутой, хотя в годы последней мирское самоуправление в городах Севера (Вологда, Устюг) действовало весьма инициативно, оказывая военную (ратными людьми) и финансовую помощь правительству Василия Шуйского. Не говорю о самоуправленческой инициативе земских миров Нижнего Новгорода, она хорошо известна. Восстановление местного управления стало одной из первоочередных задач нового правительства М.Ф. Романова. В обстановке экономической разрухи, пустой казны, демографического спада, бродячих вооруженных отрядов правительство пошло на введение на местах власти, военно-административной по своей сути. С 1613 г. были «в городах учинены воеводы и приказные люди», в том числе и поморских, где «наперед сего в тех городах воевод не бывало»³⁷.

Воеводы и приданный им аппарат, сосредоточенный в приказных избах городов, обладали административными, судебными, полицейскими, финансовыми полномочиями в уездах. Тем не менее в течение XVII в. действенное самоуправление на Поморском Севере сохранялось. Местному управлению этого периода в регионе была присуща значительная особенность, она состояла в сочетании государственно-административного и земско-мирского начал. Необходимо специально подчеркнуть, во-первых, генетическую связь мирского звена с публичным представительством и самоуправлением черных волостных миров XVI в., что ярко показал в своих трудах А.И. Копанев. Во-вторых, приспособление и использование государственной властью на протяжении трехвекового периода форм мирской организации в местном административном управлении.

Миры на Севере имели ступенчатую, соподчиненную организацию. На нижней ступени находились разноразмерные общины-волости, состоявшие из гнезд малодворных деревень, объединенных в границах волостей, которые естественно сло-

³⁶ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., Т. I. 1909. Т. II. М., 1912; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1969; Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XVI — начала XVI в. Новосибирск, 1973; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *Его же*. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997; *Ее же*. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012.

³⁷ Временник ОИДР. М. 1849. Кн. 3. Смесь. С. 6—8. Напомню, что законодательный акт об учреждении воеводского управления не известен.

жились при их освоении. Миры волостей вместе с посадскими соединялись в более крупные образования, которые составляли следующую ступень земской организации — всеуездный мир. Замечу попутно, что посадские миры были устроены в соответствии с территориально-сотенным делением городов, совмещенным с церковно-приходским³⁸. Всеуездный мир слагался из волостных общин и посадской, как это было в Великом Устюге, Тотьме, Сольвычегодске, Каргополе, в Подвинье. В Поморье существовали также сообщества, состоявшие только из волостных миров, как Устьянские волости и Заонежские погосты, ибо в этих административных территориях не было посадов. В отношении объединенных миров и возглавлявших их старост документы как раз употребляли идентичные по смыслу понятия: земский мир / всеземский совет, всеземский староста / всеуездный староста (или земский целовальник денежного сбора или просто сборщик). Для ведения судебно-полицейских расследований и других дел существовали земские судьи (судейки), «судецкие» старосты и целовальники, а также сотские.

Земские миры, несмотря на происходившее с течением времени усиление государственного начала, обладали самоуправлением, причем на всех уровнях. Его высшим проявлением было действие сходов. На них собирались представители общин: на волостные — от групп соседних деревень, на всеуездные — от волостей, их выборные должностные лица или специально уполномоченные «посыльщики», либо как первые, так и вторые. Право на участие в сходе имели крестьяне, владевшие земельным участком в данной волости уезда и несущие по нему тяглые обязательства «с волостью в ряд». Члены общины делегировали участвовавшим в сходах представителям свои права, и они выступали от имени всех крестьян — «во всех крестьян место». Инициатива созыва выборного схода, как и любого другого, принадлежала старостам — всеуездным или волостным в зависимости от уровня земской организации. По их распоряжению оповещались волости и деревни в соответствии с порядком, отраженном в выборе Куростровской волости 1591 г.: «А пятидесятькому на земские дела десятцких свещати. Десятцким нас крестьян свещати, а которому ж ведати свой десяток»³⁹. Собравшиеся на сход представители миров принимали решение по насущному на тот момент вопросу, которое фиксировалось в постановлениях сходов, так называемых «приговорах». Их исполнение было обязательным для всех общинников. В конце календарного года по истечении полномочий мирской староста и другие должностные лица отчитывались перед сходом.

Миры также обладали и достаточно объемными публично-правовыми функциями. Они наряду с созывом сходов для решения насущных задач реализовались в: 1) ежегодном выборе земского аппарата, 2) обложении, раскладке и сборе налогов; 2) соблюдении порядков землепользования с распоряжением запустевшими землями; 3) поддержании общественного порядка и ведении судопроизводства по разнородным конфликтам; 4) финансовой подотчетности земских должностных лиц миру

³⁸ Швейковская Е.Н. К сотенной организации города на севере России в XVII веке // От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 243—241. Н.В. Соколова установила, что в дворцовой Заузолской вол. Балахнинского у. в 1530—1550-х гг. община-волость и церковный приход совпадали в своих границах, и «приход рассматривался как общинный, а не только церковный институт». См. Соколова Н.В. Община и мирское самоуправление в Заузолской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения. Вып. 3. По материалам Всероссийской научно-практической конференции. Городец, 2000. С. 107—108.

³⁹ Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып 1. Вологда, 1970. С. 418.

как целостному сообществу; 5) поддержании полицейского порядка и отправлении правосудия (ведение исковых и следственных дел).

Самоуправление базировалось на двух фундаментальных началах, во-первых, функционировании сходов и, во-вторых, выборах мирских должностных лиц. При этом выборы были лишь одним из направлений активно действующих сходов, и проходили они, что следует подчеркнуть, без контроля со стороны местной воеводской администрации.

Выбор должностных лиц мирского самоуправления — старост, разного рода целовальников (по финансовым делам), посыльщиков был одной из важнейших функций схода. Само избрание закреплялось в специальном акте, который принимал сход и так и назывался «выбор». Документ фиксировал процедуру выборов, и ее возможно охарактеризовать. Исследователи русского Севера и в первую очередь М.М. Богословский, а также А.И. Копанев опубликовали ряд подобных документов XVI—XVII вв., всего их около 50⁴⁰.

По издавна утвердившемуся мирской аппарат разных уровней в XVI—XVII в. обычно выбирался ежегодно, и, как правило, сроком на календарный год. Избранному аппарату общинники вверяли ведение всех своих дел — землеустроительных, тягло-финансовых, заемных и др. Выборный акт можно уподобить избирательному протоколу. Прежде всего, он фиксировал сам факт выбора того или иного должностного лица, определял его обязанности и одновременно служил основанием полномочий. Важнейшим признаком выборов было принятие на себя взаимных обязательств избранного земского аппарата с одной стороны и самих мирских людей (избирателей) — с другой. Избиратели по акту-«выбору» принимали на себя ответственность за избранных лиц не только перед общинниками, но и государственной властью в лице местного воеводы, что гарантировало от какого-либо «дурна». В выборном документе вычленяются несколько содержательных статей, это: 1) поименная фиксация участников схода с завершающей фразой «и все крестьяне» или «во всех крестьян место», означавшей, что представители схода действуют от лица всех крестьян, живших в той или иной мирской общине; 2) констатация самого избирательного действия в устоявшейся формуле — все крестьяне «выбрали есми и излюбили в...» имярек с обозначением конкретной мирской должности и обоснования его добропорядочности; 3) обозначение обязанностей лица, избранного на ту или иную должность; 4) предоставление должностному лицу определенной свободы действий в соответствии с «мирским советом» и выделение старостам, целовальникам в случае необходимости людей (посыльщиков, сборщиков) для исполнения кратковременных, разовых поручений.

Так как одной из главных функций мирского самоуправления была финансово-податная, то совокупность разных обязанностей и действий мирских властей в этой области (обложение долей тягла, раскладка платежей, их сбор, своевременная доставка собранных сумм, финансовая подотчетность мирскому сообществу) наиболее обстоятельно представлена в выборных документах. По констатации всех предъявляемых к избраннику требований и обязательств, принимаемых на себя членами общины — мира, следует статья, которая подводит итог всей выборной процедуре и выражает ее главную суть в выражении: «и в том ему (им) выбор дали», что означает

⁴⁰ Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. Приложения. V. С. 82—105; Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. С. 398—431.

свершение акта избрания, его общего признания и документальной фиксации. Выборы не завершались самой их процедурой. Непременным актом по введению старосты или другого лица в должность было принесение присяги. Через публичный акт приведения к крестоцелованию вновь избранное лицо утверждалось на своем посту.

Избираемые должностные лица составляли мирской аппарат земского самоуправления. Местом его пребывания были Земская изба в уездном городе, изба, а чаще трапезная главной волостной церкви. Именно в этих центрах локализации земской власти велись текущие дела, разбирались судебные конфликты, хранился архив, держалась мирская касса-«столец», в которую поступали мирские деньги, специально собираемые на текущие финансовые нужды.

Земский аппарат в местном управлении выполнял определенные функции в финансово-податной, поземельной и судебно-полицейской сферах, т.е. в тех же областях, на которые распространялись полномочия воевод. Существовал симбиоз двух управленческих звеньев, как бы функциональный параллелизм, но при разном качественном характере, и главное, объеме властных полномочий. Мирской аппарат играл органичную и необходимую роль в механизме местного управления при ведущей значимости государственного звена.

Таким образом, в государственности XVI—XVII в. на местном уровне существовали устойчивые явные выборные институции, действовавшие с разной степенью активности на разных стадиях формирования аппарата государственного управления и в разных сословных группах русского общества.

Раздел II
Российская империя
XVIII — начало XX века

Государственность Петра Великого

В годы правления Петра Великого Россия менее чем за четверть века превратилась из окраинного государства европейской ойкумены в империю, мощного международного игрока. Высвобождение этой гигантской имперской энергии стало следствием грандиозных реформ Петра, охвативших все важнейшие сферы жизни страны. Прежде всего кардинальным образом было преобразовано само государство — важнейший и единственный рычаг движения страны. В результате административных реформ его структура усложнилась: возникла разветвленная иерархия местных, центральных и высших учреждений, был разработан огромный корпус законодательных актов, регулирующих деятельность правительственного аппарата, как, впрочем, и подвластного ему общества, в три раза увеличилось число чиновников. Но все-таки самыми важными в этом процессе государственного строительства были два момента.

Первый — разрушение в ходе реформ Петра сути и институциональной оболочки русской традиционной государственности XVII века, которую в историографии справедливо называли «самодержавием с Боярской думой». Замечу сразу, что при оценке этого процесса необходимо избежать влияния петровской пропаганды, породившей устойчивый впоследствии стереотип о допетровской системе власти как примитивной, «архаичной», неэффективной (так впоследствии вообще представлялась вся допетровская Россия). То, что в учебниках называется ее упадком, было на самом деле ее удушением и уничтожением властной волей Петра. Между тем, при ближайшем рассмотрении административная и политическая конструкция, ставшая результатом развития русской государственности на протяжении всего XVII в., была достаточно эффективной, гибкой, способной реагировать на изменения обстановки, в состоянии была совершать то, что социологи называют «политическим творчеством», способна была принимать и усваивать наваянные временем и опытом других народов новации. Не впадая в упрощенное славянофильство, отметим главные черты этой системы. Первые Романовы не правили Россией самовластно как впоследствии правил Петр и его преемники. На протяжении XVII в. постепенно сложилась довольно гибкая система взаимодействия и функционирования политического строя. За практикой управления государством царем совместно с Земскими соборами и Боярской думой стояли устойчивые правовые, хотя и не зафиксированные формально отношения государя, элиты, сословий и земли. Они были весьма сбалансированы и учитывали весь спектр личностных, родственных, имущественных, традиционных, а также религиозных факторов. Важные решения проходили апробацию общества. Земские соборы как чрезвычайные съезды выборных от всей земли, постоянно действующая Боярская дума, ее палаты и комиссии, дворянские и городские корпорации были действенными институтами, гармонизирующими властную вертикаль. Через целую систему каналов: выборы и согласованные мнения сословий на Земских соборах, боярские совещания с царем и без него, коллективные челобитные дворян и посадских и в крайних случаях даже через требования участников бунтов — верховная власть

постоянно получала сигналы от элиты и общества, считалась с ними, корректируя свою политику в соответствии с общепринятым и одобренным всеми балансом государственных и сословных интересов.

Петр же полностью разрушил этот баланс, уничтожил каналы связи и тем самым ликвидировал всю систему сдержек и противовесов, препятствовавших воцарению в России режима самовластия и тирании. А именно такой стала власть Петра, наиболее ярким проявлением которой были «Правда воли монаршей» и «Устав о престолонаследии» 1722 г. Этими актами самодержавие утверждало свое право править в согласии только с собственным капризом и не считаясь с обществом. Невозможно представить себе, чтобы в XVII в., веке выбиравшихся землей царей был принят фантастический указ о престолонаследии, который огласила в 1731 г. императрица Анна Иоанновна: по ее воле престол переходил к еще неродившемуся сыну ее малолетней племянницы, которая будет выдана в будущем за еще неизвестного никому иностранного принца.

Было несколько причин, способствовавших гибели сословной государственности XVII в. Во-первых, противостояние Милославских и Нарышкиных, расшатавшее единство правящей верхушки, чего не было со времен Смуты. Во-вторых, для будущего России не прошла даром печальная история детства и юношества Петра, времени, проведенного им в страхе за свое существование. Петр вырос в ненависти к традиционной России, к тому, что он презрительно называл «стариной». Ненависть к олицетворявшим эту «старину» людям, к самому их виду, стала главным, хотя порой и бессознательным двигателем петровских реформ, решающим мотивом разрушения старой системы, которая, тем не менее даже при Петре продолжала функционировать. Общеизвестно, что победа под Полтавой, решившая судьбу страны, была достигнута во многом старыми армией и административным аппаратом, еще не претерпевшими кардинальных перемен. В-третьих, в решающий момент проявилась политическая немощь элиты, обессиленной борьбой двух кланов и «хованщиной». Среди политиков того времени не оказалось сильных, неангажированных фигур, которые могли бы защитить общепринятые нормы взаимоотношений самодержца и общества. Да в тех условиях сама такая попытка могла быть расценена как выступление лично против Петра. Заметим, что неудачей закончилась и попытка дворянства вернуть самодержавие в правовое поле уже после смерти Петра, в 1730 г. В-четвертых, нужно признать, что допетровская система отношений не отлилась в устойчивые правовые нормы. Процесс юридического становления властных институций к моменту прихода к власти Петра затянулся, к концу XVII в. Боярской думе так и не удалось преодолеть свою аморфность и приобрести устойчивые юридические, структурные формы, которые превратили бы ее в государственное учреждение сословного типа, подобное палате лордов. Одновременно при явном усилении значения неродовитой служилой бюрократии Боярская дума не превратилась и в чисто бюрократическое учреждение, хотя появление Расправной палаты как постоянного «судебного департамента» Думы свидетельствовало о том, что движение в этом направлении до Петра все-таки происходило.

Петр же, начав Северную войну, фактически осуществил государственный переворот, провел резкое изменение государственного строя. В чрезвычайных условиях войны он резко сузил круг людей, причастных к выработке стратегических решений и фактически стал управлять страной самовластно, не считаясь с мнением ни элиты, ни служилого сословия, ни «земли». При этом питавшая властную элиту система чинов как бы повисла в воздухе — царь почти прекратил пожалования в думные чины

и ближние стольники. В итоге Дума через десять лет попросту вымерла, а петровские гвардейцы-эmissары, как новые опричники, начали повсеместно осуществлять власть и надзор, не глядя на прежние нормы и традиции.

Петр, опасавшийся оппозиционности своему самовластию со стороны элиты и общества, решительно встал на путь использования в системе власти исключительно бюрократического элемента в ущерб сословному и общественному. Как известно, реформа государственного аппарата была осуществлена на основе западноевропейского административного опыта с привлечением информации об институциях ряда стран Европы, с широким использованием модных в то время идей камерализма — учения о бюрократии. Материалы работы Петра с западными источниками показывают, что он последовательно удалял из текстов основополагающих документов любые положения, прямо или косвенно связанные с идеями сословного представительства. Тоже можно сказать и о низшем уровне власти. Известна знаменитая резолюция на предложение ввести в России систему шведского кирхшпиля, при которой общинные дела решались советом крестьян во главе со священником. Она гласила: «В уездех ис крестьян умных людей нет»¹. Кстати, тут нужно заметить, что для российской власти — и не только при Петре — весьма характерно пренебрежение народом, некое имманентное недовольство своими якобы неразумными, жуликоватыми, пьянствующими подданными, которые будто бы изначально в чем-то виноваты перед властью. Правда, когда сама власть оказывается не в состоянии защитить себя и страну, она всякий раз вспоминает про Минина и Пожарского, называет прежде презираемых подданных «нацией» (как было в 1812 г.), «братьями и сестрами» (как было в 1941 г.) и быстро прячется за широкую спину народа.

Именно во внедрении «правильной» бюрократии Петр видел панацею от всех российских бед. В итоге государственная реформа оказалась исключительно бюрократической, исключавшей всякий намек на парламентаризм и самоуправление. Образцом может служить бюрократическое учреждение, называемое «Правительствующий Сенат», а также губернская система власти, в которой до эпохи Екатерины не было даже намека на участие в управлении дворянских сообществ. По глубокому убеждению Петра, бюрократический механизм, созданный по рецептам камерализма, с его «правильным» движением бумаг — панацея от всех недостатков, столь характерных для работы государственного аппарата. Поистине Петр был государственным романтиком, мечтателем, убежденным в сокрушающей силе регламента и подвешенной к нему дубинки — примечательно, что, переноса в Россию порой в неизменности нормы шведского права, он лишь дописывал к ним то, чего не было у шведов — пункты о суровом наказании за неисполнение той или иной нормы. В результате эффективность бюрократической модели управления, подкрепленной насилием и репрессиями, была достигнута, государственность усилена, а дубинка ускорила обороты государственной машины. Но, с другой стороны, в перспективе, перенесенная на русскую почву западноевропейская бюрократическая система оказалась оторванной от присущих европейским странам общественных институтов, от системы сословного представительства и общественного контроля и из действительно удобного инструмента управления постепенно превратилась в могучего и страшного бюрократического монстра, до сих пор работающего по собственным законам, отдельно от общества и его интересов. Иноземное растение как могучий сорняк заполнило все русское поле.

¹ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 32.

Параллельно с этим процессом трансформации в сторону господства бюрократии шел процесс социальных перемен, суть которых сводилась к сужению прав и возможностей подданных. Если в начале XVIII в. в Уложенной комиссии прозвучало символичное «вольных, опричь церковников, никого нет»², то позже, с проведением церковной реформы, свободных людей не стало в принципе, а само слово «вольный» было устранено из правовых документов. В законодательстве состояние «вольности» приравнивалось к бегству, опасному для государства девиантному поведению. Между тем, социальная картина предпетровской эпохи была совершенно иной. Структура общества была довольно рыхлой, имела множество промежуточных социальных состояний. Но главное — со временем в стране разрастался, утолщался слой людей, свободных от трех главных видов зависимости: тяглою, служилою и владельческой. Право обеспечивало социальную и территориальную мобильность, в результате чего в городах и на главных транспортных артериях возник и разросся рынок свободной рабочей силы — необходимейший материал для развития капитализма.

Реформы Петра резко изменили социальную обстановку в стране. Ликвидация и слияние сословных групп, образование категории «государственных крестьян», введение подушной подати, обязательной — в отличие от прежней подворной — для большинства мужского населения, рекрутские наборы, городская и церковная реформы, введение паспортной системы, массовое и жестокое преследование беглых, установление жесткой полицейской системы, усиленной размещением армии в деревнях — все это резко сузило возможности социальной стратификации, фактически ликвидировало ресурсы свободной рабочей силы. В этой обстановке оставался только один путь — расширение зоны крепостного права, возникновение крепостнической промышленности. Именно на нее и сделал ставку Петр, широко раздавая промышленникам в собственность или приписывая к заводам земли с крестьянами. Как и реформы в области государственного устройства, эти социальные преобразования дали несомненный эффект — страна была обеспечена металлом и повезла его на запад. Но это была дорога без будущего, дорога к Крымской катастрофе.

Словом, в ходе преобразований Петра реактор единоличной, самовластной власти начал разгоняться, в осуществлении властных функций самодержавие уже не сдерживалось системой общественных институтов и традиций, оно вообще выводилось за пределы правового поля, сформулировав для себя вечное право править без права, без ограничений. Лишь во времена Елизаветы Петровны было решено все-таки публично объявить об одном ограничении — самодержец должен быть православленным, в остальном он может поступать даже вопреки принятым же им самим законам. Конечно, это делало самодержавие необыкновенно мощным, но одновременно и весьма уязвимым инструментом власти, ибо не защищенное общественными институтами самодержавие не раз становилось добычей ночного нахальства пьяных гвардейцев. Но это было уже после Петра. Он же сам, формализуя изменившуюся в системе власти и в обществе ситуацию, в 1721 г. провозгласил себя императором. Точка бифуркации была пройдена, иного, кроме самодержавного, бюрократического и крепостнического варианта развития у России с тех пор уже не было.

---

² Валк С.Н. «Суд о крестьянх» в Палате об Уложении 1700 г. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

Л.Ф. Писарькова

Государственное управление России в конце XVII — первой четверти XIX в.: исторические вехи

Данная статья посвящена одному из сложнейших периодов в истории государственного управления России. В течение сравнительно небольшого отрезка времени его организация подвергалась серьезным изменениям, пройдя сложный путь от приказной системы к коллежской и, наконец, к министерской. Историки давно заметили, что переход от одной административной системы к другой носил далеко не эволюционный характер. «Если бы мы теперь захотели связать исторической нитью Приказы, Коллегии и Министерства, — писал в конце 1850-х гг. Н.В. Варадинов, — то найдем эту соединительную нить разве в одном времени, т.е., что место Приказов заняли в высшем государственном устройстве Коллегии, а место их — Министерства; другой связи между ними нет. Как были новы и чужды Приказам Коллегии, так почти новы и чужды сим последним Министерства»¹. Изучение организации управления, действовавшей в условиях существования приказной, коллежской и министерской систем, подтверждает правоту этих слов².

Действительно, смена управленческих систем в России происходила резко, по волевому решению верховной власти, но процесс вживления готовых европейских структур в ткань российской государственной жизни был продолжительным и болезненным, а главное, далеко не всегда приводил к желаемым результатам. Рассмотрим основные вехи сложного и противоречивого пути становления государственного управления России в исследуемый период.

Известный историк П.М. Милюков определил приказное управление, как «единособранное»³. Такое определение не случайно. В приказной системе все уровни власти (высший, центральный и местный) были прочно связаны друг с другом. Причем эта связь достигалась не делопроизводственной перепиской, а непосредственным участием вышестоящих органов власти в деятельности подчиненных им структур. Важная для Московского государства задача централизации страны решалась путем концентрации основных нитей государственного управления в высших органах власти — царе и Боярской думе, — управлявших страной при помощи мобильного центрального аппарата.

Разветвленная сеть приказов, образованных по ведомственному и территориальному принципу, была приспособлена к функционированию в слабо населенной

¹ Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. 1. СПб., 1858. С. 36.

² По этой теме автором статьи написаны две монографии: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII — до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Ее же. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 306.

стране, огромные пространства которой не были связаны дорогами и прочными торгово-промышленными отношениями. Управление уездами осуществлялось из соответствующих приказов в Москве, откуда направлялись и высшие должностные лица местного управления. В отличие от подьячих, составлявших постоянное исполнительское звено местных служащих, воеводы и дьяки приказных изб были в прямом смысле представителями центральной власти, откомандированными в уезды на сравнительно небольшой срок от 1 до 3-х лет (в Сибирь). Можно сказать, что управление местными учреждениями осуществлялось вахтовым методом. Главной особенностью приказного управления, действовавшего малыми силами на огромной территории, была его централизующая роль.

В XVII в. не существовало специальных органов надзора за деятельностью администрации, так как функции контроля были заложены в самой организации управления, и в этом заключалась другая не менее важная его особенность. Частая смена местных правителей обеспечивала контроль над их деятельностью: в роли ревизора по отношению к действовавшей администрации выступал новый воевода, сообщавший в Москву обо всех недостатках и упущениях, замеченных при приеме дел. Кроме того, воеводам и дьякам запрещалось приобретать земли и крестьян в управляемых уездах; существовали и другие ограничения, сокращавшие возможности для обогащения недобросовестных правителей. В надзоре за деятельностью уездной администрации участвовало и население, которое избирало служащих низшего звена управления (не исключая подьячих приказных изб) и активно пользовалось правом подачи челобитных на имя царя. Эти челобитные обеспечивали непосредственную связь с населением и служили для верховной власти информационным каналом, позволявшим судить о деятельности местной администрации.

Итак, главными составляющими, обеспечивавшими жизнеспособность приказной системы и единство государства, были: концентрация всех нитей управления в центральных учреждениях; срочность службы местных администраторов; выборность низшего управленческого звена и челобитные с мест. В этом заключалась специфика управления России, какой не знали страны Европы. Приказная система, при кажущейся на первый взгляд неупорядоченности ее организации и рыхлости структуры, обладала внутренней логикой, присущей только системам, выросшим на исторической почве, а не привнесенным извне. Формировавшаяся на протяжении более чем 200-летнего периода, она позволяла управлять огромной страной, не разделяя ее на обширные губернии или наместничества и, в конечном итоге, сохранять политическое и территориальное единство Российского государства. Создание в тех условиях отдельных административно-территориальных образований неизбежно привело бы к ослаблению центра и развитию сепаратистских тенденций.

Первая попытка нарушить эту систему была предпринята в 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче. В числе намеченных тогда преобразований предусматривалось переустройство местного управления на принципиально новых началах. Суть предложений сводилась к разделению страны на 12 наместничеств под управлением несменяемых наместников из знатных фамилий, которые получали титулы: князь царства Казанского, князь царства Сибирского и т.д. При отсутствии органов надзора отмена срочности службы местных администраторов и создание самостоятельных центров управления лишали центральное правительство возможности контролировать их деятельность. Проект был одобрен царем, но вызвал резкий протест патриарха Иоакима, увидевшего в предлагаемой реформе политическую опасность. По мне-

нию патриарха, великородные «вечные наместники», разбогатеи и возгордившись, разрушат единовластие «многими годами» установленное, поделят между собой верховную власть и поколеблют государство, и тогда снова начнутся войны, нестроения, гибель людей, все те неслыханные беды, какие были во время раздробленности Руси. В результате, «проект аристократической децентрализации государства», как определил его В.О. Ключевский, не состоялся⁴.

Идеи, заложенные в проекте 1681 г., были реализованы Петром I в губернской реформе 1708 г., уничтожившей «единообразное правление» России. Территория государства была разделена на 8 губерний (к концу царствования Петра их стало 11) во главе с бессрочными и всеильными губернаторами. К этому времени прекратили свое существование Боярская дума и большинство приказов; была отменена срочность службы и под страхом суровых наказаний запрещена подача челобитных непосредственно царю. Значительная часть функций центральных учреждений перешла к губернаторам и состоящим при них канцеляриям. Новые правители получили огромные полномочия и подчинились только царю. По оценке историков, эта реформа, направленная на решение военных и фискальных задач, привела к созданию 8 сатрапий во главе с бесконтрольными сатрапами, к которым перешли многие функции центрального управления⁵.

Ослабление связей между центром и территориями сделало необходимым восстановление центрального управления и создание специальных органов надзора, которых не знало приказное управление. Первым шагом в этом направлении стало учреждение в 1711 г. Сената с губернскими комиссарами, выполнявшими функцию связующего звена между центром и губернаторами, и реформирование старых учреждений (Расправной палаты, Поместного приказа и др.). Одновременно принимались меры, направленные на ограничение власти губернаторов. Этой задаче отвечало введение в местном управлении новых должностных лиц: коронных ландрихтеров — помощников губернатора по судебной части, и выборных ландратов — советников от дворянского сословия. Но этих новшеств было явно недостаточно для наведения порядка в стране и прекращения злоупотреблений. При царе-реформаторе казнокрадство достигло невиданных масштабов и поразило все этажи власти, включая высший. Петру доносили о том, что губернаторы вывозят из губерний «деньги не мешками, но уже возами»; «вельможи кладут деньги в чужестранные банки, Меншиков, Куракин, князь Львов», а иностранные купцы, пользуясь безнаказанностью, «высылают серебро и золото из России, что запрещено в чужих землях»⁶.

Децентрализация власти потребовала создания специальных контролирующих и надзирающих органов, осуществлявших надзор за деятельностью администрации, включая и тайный надзор посредством фискалов. Петр I пытался навести порядок в управлении путем чрезвычайных мер, к которым, наряду с разветвленной сетью фискалов и многочисленными указами устрашающего характера, следует отнести и

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 243—244; Ключевский В.О. Боярская Дума древней Руси. Изд. 5-е. СПб., 1919. С. 491—492.

⁵ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: в 2-х кн. Кн. 2. М., 2000. С. 459; Анисимов Е.В. Империя. Возникновение и рост. Поворот к Европе // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 126.

⁶ Подметное письмо одного русского из Голландии // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 8. М., 1993. Дополнения. С. 575; Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. М., 2000. С. 168 (приведена дата этого документа).

розыскные канцелярии. Однако чрезвычайные меры не восполняли недостаток центрального управления. Осознание необходимости его восстановления заставили Петра I вновь заняться государственным переустройством. Результатом нового этапа законотворческой деятельности стало введение коллегий, многочисленных местных учреждений и прокуратуры. Образцом для реформирования административной системы стало государственное управление Швеции, признанное тогда лучшим в Европе.

Далеко не все историки считали и считают, что приказная система управления к началу XVIII в. исчерпала свои возможности⁷. По мнению А.Д. Градовского, она требовала реформирования, а не уничтожения; «крутая реформа Петра I... была излишней мерой строгости в нашем отечестве». Градовский считал, что наметившееся к концу XVII столетия «движение в администрации», могло привести к самым благоприятным результатам. Но достижение этого требовало «упорного, продолжительного труда, глубокого уважения народных начал, откровенного содействия служащего земства. Готовые шведские учреждения требовали меньше забот — стоило только расписать служилое сословие по многочисленным коллегиям и канцеляриям»⁸.

Коллежская и областная реформы 1718—1719 гг. представляют уникальное явление в российском законодательстве. Начертанные рукой смелого реформатора с помощью иностранных советников, они открыли собой череду последующих реформ XVIII и XIX вв., заимствованных из европейской практики. Кроме того, они представляют единственный пример в отечественной истории, когда преобразования центрального и местного управления проводились одновременно.

Первый проект введения коллегий был составлен еще в 1698 г. во время пребывания Петра в Англии, но практические действия по устройству коллегий начались только в 1712 г. К 1720 г. в России насчитывалось 9 коллегий, к концу царствования — 12. Преимущества новых учреждений заключались в их коллегиальности, систематическом распределении дел между ведомствами и стройном порядке делопроизводства. Однако в условиях России сильные стороны нового управления проявились далеко не в полной мере. Русские коллегии не восприняли главные черты в организации шведских, которые обеспечивали на их родине взаимосвязь всех частей государственного управления и строгую исполнительскую дисциплину.

По оценке историков, принцип коллегиальности в русских условиях «оказался нежизнеспособным», так как он не уничтожал личный произвол, а лишь «маскировал» его должностью президента⁹. Не получила полного воплощения и другая отличительная черта коллежского устройства: ведомственный принцип распределения дел между учреждениями. Судебные и финансовые дела оставались раздробленными между несколькими ведомствами. Так, почти все коллегии не только управляли, но и были судебными инстанциями. Финансовую самостоятельность сохраняли дворцовое, монастырское и малороссийское ведомства; взимание податей находилось в

⁷ *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899; *Тихомиров М.Н.* Приказное делопроизводство в XVII веке // Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007, и др.

⁸ *Градовский А.Д.* Указ. соч. С. 101.

⁹ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 421; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 137.

ведении разных структур. Не был налажен и стройный бюрократический порядок, обеспечивавший в Швеции четкую работу государственной машины. Для его организации требовались огромные средства и знающие, хорошо оплачиваемые чиновники. Ни того, ни другого в России тогда не было.

Многочисленные регламенты и инструкции унифицировали структуру и состав коллегий, предусматривали сложную процедуру принятия решений, вводили новые формуляры документов. В результате, как писал М.Н. Тихомиров, делопроизводство начала XVIII в. приняло «известную ученую видимость»: вместо «памяти» и «отписки» XVII в. появились «промемотии», «репорты» и др. Но «многое из того, что сделано при Петре I по типу голландских, французских, немецких учреждений, собственно, могло бы и не делаться, необходимости такой в этом не было»¹⁰. Формализм шведского канцелярского устройства в России принял характер бумаготворчества. С введением коллежского управления переписка становится основной формой взаимодействия центральных и местных учреждений. Однако при больших расстояниях, плохих дорогах и постоянном недостатке служащих сложная система делопроизводства и бесконечная служебная переписка были причиной волокиты и низкой эффективности управления.

В 1719 г. по шведским образцам началось преобразование и местного административного управления. Губернии подразделялись на 49 провинций, а те, в свою очередь, — на дистрикты. Однако в ходе подготовки областной реформы Сенат сделал отступление от шведского образца и отказался от введения приходов — низших единиц, из которых в Швеции состояли дистрикты. Свое решение сенаторы объяснили тем, что управлять приходами будет некому, так как «из крестьян в уездах умных людей нет»¹¹. Низшей областной единицей в России стал дистрикт, который по числу населения в 1,5—2 раза превосходил шведский, состоявший не более чем из 1000 дворов.

В провинциях создавались многочисленные канцелярии, подчиненные соответствующим коллегиям, т.е. создавались «дочерние ведомства» центральных и местных учреждений. Главным провинциальным начальником стал воевода. Одновременно с административной проводилась судебная реформа, в основание которой был положен принцип разделения властей. Судебная система получила сложную 4-х ступенчатую структуру. Не вдаваясь в суть преобразований, отметим, что четко действовавшая в Швеции система администрации и суда на российской почве оказалась нежизнеспособной. В огромной по территории России времен Петра I не было необходимых средств для устройства шведских учреждений должным образом, не было ясных законов, профессиональных судей и опытных чиновников. Ситуация, сложившаяся в управлении, свидетельствовала о том, что в отличие от юридических норм, условия реальной жизни не изменяются росчерком пера законодателя.

Отступления от новой системы управления и суда начались еще при жизни Петра I. В 1722 г. была упрощена судебная система и во многих провинциях восстановлен старый суд. В 1722 г. в губерниях открылись переписные канцелярии по проверке результатов I-й ревизии и для подготовки введения подушной подати. Эти канцелярии получили широкие полномочия и в значительной степени подменяли собой местную администрацию. Появление в 1724 г. полковых дворов еще более сузило сферу деятельности гражданских властей, превратив их в лишнее звено.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 363.

¹¹ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 461.

Таким образом, в области государственного управления Петр I оставил преемникам центральные коллегии и многочисленные местные канцелярии, снабженные инструкциями, наказами и разного рода предписаниями. Но их создателю не удалось вдохнуть жизнь в новые учреждения и сформировать из них отлаженную административную систему, приспособленную к условиям жизни России.

Выход из кризисной ситуации, в какой оказалась Россия после смерти Петра I, его преемники видели в сокращении государственных расходов, прежде всего за счет расходов на управление. Вместе с тем им предстояло наладить расстроенный механизм административной машины и обеспечить ее работу, не прибегая к чрезвычайным мерам. Новые законодатели сохранили в прежнем виде устройство коллегий с характерной для этих учреждений канцелярской формой управления, но в организацию местного управления внесли начала, выработанные административной практикой Московского государства. Многочисленные местные канцелярии были заменены воеводскими канцеляриями во главе с воеводами. Как и в XVII в., в этой должности соединялись все ветви власти и функции управления.

В ходе преобразований 1726—1727 г. сформировалась четкая, иерархически выдержанная структура как в административно-территориальном устройстве (губерния — провинция — уезд), так и в управлении (губернатор — воевода провинции — воевода уезда — воевода пригородка). Однако местные правители существенно отличались от воевод XVII в.: они в большей степени зависели от центральных учреждений. Как и при Петре I, надзор за деятельностью местной администрации осуществлялся посредством движения многочисленных бумаг, создания временных комиссий и посылки гвардейцев с чрезвычайными полномочиями, ставших в XVIII в. необходимой составляющей государственного управления. Следующим шагом в использовании опыта приказной организации стало введение в 1730 г. срочного характера службы воевод и дьяков (секретарей), а также требование неукоснительно соблюдать статьи Соборного уложения 1649 г., запрещавшие местным правителям владеть землей и участвовать в финансово-экономической жизни подвластных уездов. Но одновременно с восстановлением этих, характерных для XVII в. форм надзора, при местных канцеляриях были учреждены прокуроры, впервые введенные Петром I.

Таким образом, созданная в 1726—1730 гг. организация управления включала элементы приказной системы, которые были вписаны в коллежскую, подчинены и в значительной степени усвоены ею. Эта особенность новой организации дает основание говорить не об отмене, а о приспособлении государственного управления, созданного Петром I, к условиям жизни России. Его преемники вышли из кризиса государственного управления, создав некий симбиоз двух разных административных систем, и восстановив преемственность в управлении XVII и XVIII в., нарушенную реформами первой четверти XVIII в. Именно в этом заключалась причина долголетия организации управления, созданной в 1726—1730 гг., которая с некоторыми изменениями действовала до губернской реформы 1775 г. Главный недостаток этого порядка заключался в дисбалансе между центральными и местными учреждениями. Деятельность коллегий и многочисленных контор направлялась в одну общую точку: местную канцелярию — губернскую, провинциальную или уездную, что порождало медленность в решении дел, упущения по службе и волокиту. С увеличением численности населения и усложнением управления задача реформирования местного управления приобрела первостепенное значение.

Вопрос о направлении реформ 1770—1780-х гг. был решен во многом благодаря работе Уложенной комиссии, уделившей большое внимание местному управлению. Для введения лучшего порядка и исправления очевидных недостатков в организации местного управления признавалось необходимым: 1) увеличить число учреждений и их штаты; 2) разделить управление по ведомствам; 3) привлечь к делам управления выборных от трех сословий: дворян, городских жителей и крестьян (за исключением крепостных). Учитывая пожелания депутатов Уложенной комиссии и опираясь на европейское законодательство, Екатерина II в 1775 г. разработала «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Этот законодательный акт, введенный к концу правления императрицы на большей части территории России, внес кардинальные изменения в организацию государственного управления. Суть изменений сводились к следующему: 1) вводилось новое территориальное деление на губернии; 2) коллегии перемещались в губернии (кроме Военной, Адмиралтейской, Иностранных дел), а их дела распределялись в 3-х установлениях: губернском правлении, губернском суде и казенной палате; 3) учреждались новые суды, отдельные от администрации, которые, как и полиция, формировались на выборной основе из представителей трех сословий; 4) надзор за движением дел в нижних местах поручался губернатору, действующему в губернском правлении; 5) надзор за ходом дел в губернских местах и в самом губернском правлении поручался особой местной власти в лице генерал-губернатора или наместника верховной власти. В столицах продолжали действовать три вышеперечисленные коллегии с их конторами и Сенат, в котором сосредоточилось все государственное управление¹². В результате губернской реформы на местах сложилась система административного управления, основанная на принципе разделения властей и децентрализации властных полномочий. Екатерина II предполагала назначить наместников в каждую губернию (по этой причине под «наместничеством» подразумевали «губернию»), но в связи с недостатком средств и числа необходимых для этой должности доверенных лиц, ей пришлось отказаться от первоначального замысла. Под властью наместника объединялось от двух до пяти губерний-наместничеств. В результате образовалось не 50, а 20 генерал-губернаторств, представлявших собой самодостаточные образования, слабо связанные с центром.

Между губернскими реформами Екатерины II и Петра I прослеживается определенное сходство. Оба реформатора стремились ввести в управление принцип разделения властей; одновременно с административными преобразованиями вводили новое территориальное деление страны, упраздняли центральные учреждения и наделяли огромными полномочиями правителей новых административно-территориальных образований. Вместе с тем, по своим задачам и результатам эти реформы в корне отличались друг от друга. В ходе преобразований 1775 г. на местах сложилась сеть многочисленных государственных учреждений, и функции центрального управления передавались уже не отдельным лицам, как это было в 1708 г., а учреждениям. Можно сказать, что губернская реформа Екатерины II завершила государственное «освоение» территории России, и что в отличие от Петра I ей удалось создать жизнеспособную систему местного управления. Но за успешную реформу Россия заплатила высокую цену: она лишилась центрального управления. «Учреждение о губер-

¹² Калачов Н. Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах». СПб., 1867. С. 106.

ниях, — писал Н.Д. Чечулин, — вызывает у многих исследователей самую высокую оценку, как замечательный акт, полный государственной мудрости и практического значения. В общем, эта оценка верна; большого и плодотворного влияния губернской реформы на всю внутреннюю историю России отрицать нельзя; но в Учреждении было несколько пробелов, которые создали последствия, совершенно непредвиденные императрицей»¹³. По мнению историков, главный недостаток реформы Екатерины II заключался в уничтожении центральных учреждений вместо их реформирования¹⁴.

Отсутствие центрального управления затрудняло правильное течение государственных дел, делало невозможным обсуждение и решение общих вопросов, а разделение страны на генерал-губернаторства во главе с всесильными наместниками вело к децентрализации управления. В должности генерал-губернаторов, наделенных обширными полномочиями, пересекались все нити управления (административные, финансовые, судебные, надзорные), восходившие затем непосредственно к верховной власти. Роль общегосударственного централизующего начала выполнял генерал-прокурор кн. А.А. Вяземский. Его влияние на государственное управление было настолько велико, что Правительствующий Сенат оказался в тени должности генерал-прокурора, и значение этого верховного органа заметно сократилось. Деятельность и генерал-прокурора, и наместников направлялась и контролировалась самой императрицей.

Таким образом, в последней четверти XVIII в. сложилась система управления, в которой верховная власть осуществляла свои функции посредством узкого круга доверенных лиц, а не высших учреждений. Обеспечить в таких условиях четкую работу государственной машины и утвердить повсюду законность и правду, как обещала Екатерина II своим подданным в начале правления, было невозможно. В этом отношении императрица оставила своему преемнику непростое наследство. Если после реформ Петра I необходимо было восстанавливать местное управление, то после реформ Екатерины II — центральное.

Павел I вступил на престол с заранее подготовленной программой, направленной на централизацию управления и торжество законности. По плану, составленному императором, центральное управление получало четкую структуру. Предполагалось объединить близкие по характеру деятельности коллегии в семь главных департаментов (министерств): юстиции, финансов, военном, иностранных дел, морском, коммерции и казны. Департаменты возглавляли бы министры, объединявшие и направлявшие деятельность коллегий и являлись бы не столько правителями, сколько связующим звеном между верховной властью и подведомственными коллегиями. Павел не успел реализовать этот план, но заметные шаги в этом направлении были сделаны. В короткий срок восстановлены коллегии, но в отличие от коллегий середины XVIII в. в них заметно усилилось единоличное начало, что проявлялось в возросшей роли глав этих учреждений. Возрожденные коллегии возглавляли президенты и вице-президенты или вновь учрежденные главные директора и министры. Независимо от должности, главы всех коллегий получили право личного доклада императору. Идее централизации отвечала и постепенная концен-

¹³ История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 2. СПб., 1911. С. 371.

¹⁴ Там же. С. 371, 381; *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 276—277.

трация в коллегиях тех дел, которые с 1775 г. решались на губернском уровне. Начатое Павлом I восстановление центрального управления завершилось при Александре I министерской реформой 1802 г., сочетавшей коллегиальное и единоличное начала.

Переустройство системы государственного управления на принципах централизации потребовало кардинальных изменений в организации местного управления. В 1796—1797 гг. была проведена новая губернская реформа. В целях упрощения системы местного управления и экономии денежных средств были закрыты средние установления, прежде всего, судебные; сокращено число губерний (с 50 до 41), упразднена должность наместника; роль главного правителя перешла к губернатору, подчиненному Сенату и коллегиям. Одновременно с централизацией усилилась тенденция к бюрократизации управления: чиновниками вытесняются сословные представители, прежде всего, выборные от дворянства, заполнявшие местные учреждения при Екатерине II. Многие изменения, внесенные Павлом I в губернную реформу 1775 г., были сохранены Александром I и получили дальнейшее развитие в годы правления Николая I. Можно сказать, что как в центральном, так и в местном управлении Павел I положил основание тому государственному порядку, который сохранялся на протяжении всей первой половины XIX в.

С начала царствования Александра I вопросы переустройства государственного управления оказались в центре внимания не только верховной власти, но и общества. И это не случайно. Французская просветительская литература, а также бурные события европейской истории конца XVIII — начала XIX в., отмеченные революциями, государственными переворотами и крушением казалось бы незыблемых империй, оказали сильное влияние на русское общество. Они воспитали поколение критически мыслящих людей, не видевших ценности в старых государственных и общественных институтах и убежденных в необходимости их полной замены. К этому поколению принадлежал и император Александр Павлович.

Реформаторы первой четверти XIX в. предполагали переустройство всей системы государственного управления, законодательной, административной и судебной властей; разработку принципиально новой законодательной базы и введение конституции, наделявшей население гражданскими правами. Государственное управление России должно было строиться на началах, действовавших тогда в европейских странах, прежде всего во Франции. К ним относили: разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, главенство закона во всех областях жизни государства и установление контроля, прежде всего, общественного, над деятельностью администрации. Вершиной нового государственного здания должна была стать конституция, дарованная народу верховной властью. В европейских странах столь глубокие преобразования совершались в результате революций; в России их проведение путем реформ инициировала верховная власть, обеспечивая тем самым мирный ход событий.

В царствование Александра I трижды с интервалом в десять лет разрабатывались широкомасштабные проекты государственных преобразований. Это: 1) проекты Негласного комитета 1801—1802 гг., не получившие четкого оформления в общем документе; 2) план 1809 г., нашедший талантливого исполнителя в лице М.М. Сперанского, и 3) Государственная уставная грамота 1820 г., которая, как и предыдущие проекты, разрабатывалась по воле и непосредственному участию Александра I. Эти три приступа к преобразованию всей государственной системы, способные при

их реализации в корне изменить государственную жизнь России, не укладывались в рамки понятия «реформы». На это несоответствие формы и содержания российских реформ впервые обратил внимание А.Д. Градовский. «Употребляя выражение “реформы”, — писал он о более поздних реформах 1860—1870-х гг., — мы не имеем в виду сказать, что *прежние* установления были *преобразованы* согласно новым условиям и потребностям. Напротив, не только *прежние* установления, но вся *система* *прежнего* управления была устранена в главных своих частях и заменена другой системой»¹⁵. Такая специфика российских реформ в полной мере проявилась и в преобразованиях первой четверти XIX в., которые с большим основанием можно определить, как «планы всеобщего государственного преобразования». Разработанные по европейским образцам, без учета особенностей развития России, эти планы внесли большую сумятицу в умы русского общества, хотя в значительной степени остались лишь памятниками законодательной и общественно-политической мысли.

Наиболее полное воплощение замысел преобразователей получил в учреждении министерств. В их создании выделяются два этапа, которым соответствовали 2 министерские реформы: 1802 и 1810—1811 гг. В 1802 г. учреждались должности министров и при них канцелярии, но сохранялись коллегии, их устройство и порядок делопроизводства. Министр только наблюдал за правильностью течения дел в коллегиях и в особых случаях принимал непосредственное участие в управлении. Сущность реформы заключалась в распределении между министрами отдельных отраслей управления и наделении их правом единоличного докладчика императору по всем вопросам своего ведомства. Начало такой реорганизации центрального управления, как отмечалось выше, было положено Павлом I.

В 1810—1811 гг. коллегии были введены в состав министерств, что привело к уничтожению коллежского «обряда» и замене его единоличным правлением. Эта реформа, подготовленная М.М. Сперанским и гр. В.П. Кочубеем по французским образцам, завершила переустройство центрального управления на принципах единоначалия и последовательной подчиненности младших старшим, образующей четко выстроенную вертикаль власти. Ее венчала должность министра, наделенного огромными полномочиями. В отличие от французского аналога российская министерская система изначально страдала серьезными недостатками. Прежде всего, кардинальное переустройство центрального управления предполагало проведение на тех же началах и местной реформы, но этого не произошло. В результате возникло несоответствие между центральным и местным управлением, формально сохранявшим остатки коллегиального начала, введенного Екатериной II законом 1775 г. Единство управления в губерниях было нарушено, так как губернаторы подчинялись министру внутренних дел, губернские правления — Сенату, остальные учреждения — соответствующим министрам по ведомственной принадлежности. В губерниях не оказалось должностных лиц и учреждений, ответственных за все управление в целом. Центр тяжести административного управления переместился в столицу. Структура реформированных министерств разрослась и усложнилась, что привело к усилению роли канцелярий и дальнейшей бюрократизации управления. Бумаги заменили реальное управление. Для населения усложнение управления обернулось увеличением числа инстанций, что не способствовало скорому решению дел.

¹⁵ Градовский А.Д. Системы местного управления на западе Европы и в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 9. СПб, 1908. С. 508.

Однако главный просчет реформаторов заключался в том, что российская министерская система не получила необходимых «противовесов» в лице высших административных или выборных учреждений, способных контролировать и держать исполнительную власть в рамках законности. Необходимость такого контроля осознавалась еще на стадии подготовки проекта реформы. «Вверить управление десяти или двенадцати лицам без надзора за ними, — писал гр. С.Р. Воронцов гр. В.П. Кочубею, — значило бы поставить десять или двенадцать деспотов, которые по свойству человеческой природы, вольно или невольно станут злоупотреблять своей властью...»¹⁶. По оценке В.О. Ключевского, административные реформы первой четверти XIX в. оказались «безуспешными», так как они «не внесли ожидаемого обновления в русскую жизнь, зато усилили очень заметно нескладичу в русском административном механизме». Причина неудачи, постигшей законодателей, заключалась в преждевременности и несогласованности их начинаний с укладом жизни России¹⁷.

Последние десять лет царствования Александра I, получившие в историографии название «периода реакции», прошли под знаком поиска путей исправления системы управления, созданной в ходе реформ 1810—1811 гг. В отличие от предшествовавшего периода, законодатели видели свою задачу не в замене, а в постепенном реформировании нововведенной организации управления и дополнении ее структурами, способными, с одной стороны, установить законность и обеспечить порядок на местах, с другой, — выступить в роли противовеса министерствам, наделенным слишком большой властью. К концу царствования наметились общие контуры новой модели управления. Ее отличало, прежде всего, усиление надзора за деятельностью государственной машины со стороны самого императора, сосредоточившего в Собственной Е.И.В. Канцелярии все нити управления. В результате Канцелярия получила значение высшего органа, возглавлявшего властную вертикаль. Не менее важной составляющей проектируемой модели управления стал институт наместников или генерал-губернаторов, вписанных в министерскую систему в качестве региональных министров. Этот замысел был реализован Александром I посредством областной реформы, практически завершившейся к концу его царствования. К 1824 г. в центре и на окраинах России было образовано 11 округов во главе с генерал-губернаторами и действовавшими при них советами; предполагалось довести число округов до 15. Однако по мере углубления и расширения новой организации местного управления, областная реформа встречала все более сильное противодействие со стороны столичной бюрократии. Вполне закономерно, что после смерти Александра преобразования, направленные на ограничение министерской власти, должны были прекратиться.

Судьбу областной реформы решил Комитет 6 декабря 1826 г., где главными работниками были гр. В.П. Кочубей и М.М. Сперанский¹⁸, создатели министерской системы. Члены Комитета, признав идею деления территории России на округа бесполезной и даже вредной в политическом отношении, а проведенные преобразования поверхностными, сочли необходимым сохранить генерал-губернаторов только в столицах и отдаленных губерниях. К таким губерниям были отнесены: Сибирские, Орен-

¹⁶ Цит. по: История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911. Т. 3. СПб., 1911. С. 435—436.

¹⁷ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 2000. С. 980—981.

¹⁸ В состав Комитета, помимо его председателя гр. В.П. Кочубея, входили кн. А.Н. Голицын, М.М. Сперанский и три боевых генерала гр. П.А. Толстой, И.В. Васильчиков, бар. И.И. Дибич, по роду занятий далекие от дел местного управления.

бургская, Кавказская, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия¹⁹. А.Д. Градовский, оценивая деятельность Комитета 6 декабря 1826 г., заметил, что «к сожалению, он признал слишком обильные исключения из этого правила в пользу разных пограничных губерний»²⁰. Как показали дальнейшие события, сожаление Градовского по поводу принятия Комитетом такого решения было обоснованным.

Еще одна характерная черта, отличавшая послевоенное десятилетие царствования Александра I — активизация деятельности по кодификации российского законодательства. Но если в предшествовавший период законодатели видели свою задачу в составлении сводов на основе французских кодексов, то с 1820-х гг. начали проводиться масштабные работы по выявлению и систематизации отечественных законодательных материалов. Эти работы стали важным этапом в подготовке Полного собрания законов и Свода законов Российской империи и ускорили их издание. На фоне бурных событий, потрясавших послевоенную Европу, деятельность правительства, направленная на решение конкретных задач, в решении которых особенно нуждалась страна, современникам представлялась ничтожной. Русское общество ожидало от Александра I реализации обещанных им широкомасштабных преобразований и обвиняло его в отказе от реформ. Однако реформы продолжались до конца жизни Александра I и многие начинания первой четверти XIX в. получили свое продолжение и развитие в царствование Николая I.

* * *

Для государственного управления России XVIII в. стал переломным. В начале XVIII столетия реформами Петра I было нарушено его естественное развитие. Приказная система, формировавшаяся на протяжении более чем 200-летнего периода и приспособленная к историко-географическим условиям и национальным особенностям страны, была заменена шведской системой управления. В дальнейшем каждое новое царствование в России начиналось с реформ государственного управления, в ходе которых заимствовались готовые административные системы, действовавшие в развитых европейских странах. При этом выбор образца для подражания зависел от личных пристрастий императоров. За очередной попыткой верховной власти реализовать смелые замыслы, следовал длительный и далеко не всегда успешный период приспособления чуждой системы к условиям жизни огромной по территории, малонаселенной и бедной России. Непосильную задачу для реформаторов представляло создание эффективного механизма взаимодействия центральных и местных учреждений, имеющего ключевое значения для управления Россией. Состыковать и заставить работать в одном режиме эти звенья правительственной машины, разновременные и организованные на противоположных началах, не удалось ни одному реформатору. После великих преобразований XVIII в. в России не оказывалось то местного, то центрального управления.

Чем более глобальный характер носили реформы, тем более длительный период требовался для их адаптации (а порой и заметной корректировки) и наведения порядка в управлении. Решать эти задачи и восстанавливать жизнеспособность административной системы пришлось как преемникам Петра I и Екатерины II, так и

¹⁹ Журналы Комитета, учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. Журнал 4 мая 1827 г. // Сб. РИО. Т. 74. СПб., 1891. С. 145—146.

²⁰ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 321.

самому Александру I после преобразований первой половины его царствования. Нередко историки определяют эти периоды, как периоды реакции или контрреформ, и делают вывод о цикличном характере развития государственного управления, проявлявшемся в чередовании «реформ» и «контрреформ». Если согласиться с существованием определенных циклов, то, исходя из результатов исследования государственных преобразований, было бы справедливым признать, что такие колебания происходили в иной плоскости — «централизация» и «децентрализация».

Частая смена административных систем, не приводившая к долговременным результатам, требовала постоянных дополнений, уточнений и даже отмены принятых ранее узаконений. Законодательные акты 1688—1825 гг., вошедшие в 1-е Полное собрание законов, составили 38 из 40 томов этого собрания, не считая указателей и штатов (т. 41—45). Обратной стороной обильного законотворчества властей стало неуважение общества к закону. Как заметил Н.Д. Чечулин, неустойчивость законодательных норм внушала человеку идею «непрочности и как бы необязательности существующих установлений и даже законов»²¹. В XVIII — первой четверти XIX в. Российская империя значительно расширила свою территорию, одержала победы во всех войнах, достигла заметных успехов в области экономики, науки, культуры, образования. Неустроенность государственного управления была «ахиллесовой пятой» России. Сбои в управленческом механизме тормозили развитие страны, требовали огромного напряжения материальных и духовных сил народа.

---

²¹ История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 2. С. 569—570.

Власть и общество в России XIX века

Российская государственность прошла в своем развитии ряд существенных этапов, которые сопровождались неоднократными заметными изменениями не только политико-административного устройства страны, но и смежной социальных структур. Эти перемены могут интерпретироваться в рамках разных исследовательских подходов. Один из них, наметившийся еще в XIX в., основывается на их анализе с позиций социальной триады — власть, общество, народ.

Слово «общество» в допетровское время применялось крайне редко и испытало влияние греческих и латинских текстов. Поначалу оно означало общность, всеобщность, а затем даже соответствовало понятию государства. Как отмечается в специальных исследовательских трудах, термин «гражданское общество» впервые встречается в «Арифметике» Л.Ф. Магницкого 1703 г.¹ Именно к петровскому времени восходит зарождение общества в новом его понимании как светского начала, отличного от начала церковного. К петровской эпохе относили зарождение общества как социальной структуры И.С. Аксаков и А.Н. Пыпин², причем первый даже создал оригинальное учение об обществе, обосновывавшееся им в его статьях 1860-х гг. и получившее отражение в современных исследованиях³. Аксаков прямо писал, что общества до Петра I не было⁴. По словам Пыпина, «со времен Петра начало создаваться новое общество, которое носило в себе зародыши будущего: развитие общественной самодеятельности и самостоятельности...»⁵.

Русское общество в этом смысле было прямым порождением петровских преобразований, хотя нельзя отрицать существования некоторых его элементов и в более раннее время. Но только в эпоху Петра можно говорить о зарождении общества как социального организма, занявшего место между управляющими структурами и непосредственными производителями. На зарождение русского общества повлияли не только внутренние процессы развития страны, но и внешние факторы, связанные с эпохой Просвещения и философией рационализма. Хорошо известна роль Петра в создании полицейского государства. Совсем недавно об этом писала В.Г. Чернуха, подчеркнувшая, что «заложенное Петром I полицейское государство обрело свою классическую завершенность к середине XIX в.»⁶. Вместе с тем, российскую госу-

¹ Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 313—315.

² Цимбаев Н.И. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 170—215; Пыпин А.Н. Общественное движение в эпоху Александра I. СПб., 1908. С. 5—7.

³ Цимбаев Н.И. Указ. соч.; Гросул В.Я. Русское общество XVIII—XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 294—305; Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 167—171.

⁴ Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1887. С. 229—230.

⁵ Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 5.

⁶ Чернуха В.Г. Эпоха «великих реформ» — шаг на пути от полицейского к правовому государству // Гражданогенез в России. Кн. 1. Брянск, 2009. С. 64.

дарственность нельзя сводить к полицейскому началу. В России были и элементы выборного начала: дворянские и городские выборы, сельские и волостные сходы, впоследствии появилось земство, по преимуществу, все-таки общественный орган. И Петр насаждал не только полицейщину.

Экономической основой общества петровской эпохи было помещичье хозяйство, продуктивность которого все возрастала (естественно, за счет использования крестьянского труда), а социальной — консолидировавшееся дворянство, все более чувствовавшее свою силу. Настойчивая вестернизация повлияла на усиление светского характера общества: расширение образования, светской науки, гражданской литературы, создание русской периодики. Появились и новые формы общения. В общественную жизнь вовлекаются женщины, прежде всего из высшего света. Появляется новая одежда, новые моды, в обиход входят балы, ассамблеи, маскарады, вводятся светские праздники. Стремительная вестернизация влекла за собой все возраставшие материальные издержки и, как результат, — усиление эксплуатации крестьянства.

При всем том, что в России шло укрепление абсолютизма, складывание общества как некоего коллективного начала было связано с усилением роли личности, со стремлением к индивидуальной свободе, с идеями естественного права и правового государства. В российских реалиях XVIII в. светское общество изначально было и высшим обществом, имея своими важнейшими компонентами, с одной стороны, сельскую дворянскую усадьбу, с другой — городские дворянские объединения. Русское общество в этом смысле с самого своего зарождения носило по преимуществу дворянский характер и ратовало за дворянскую свободу, получившую признание в Указе о вольности дворянства 1762 г. и Жалованной грамоты дворянству в 1785 г.

Таким образом, изначально развитию общества в России была свойственна глубокая противоречивость. Будучи во многом созданием власти, ибо без поддержки Петра I оно не так скоро бы себя проявило, общество вместе с тем чем дальше, тем больше выступало за ослабление зависимости дворянства от государства. Постепенно избавляясь от раболепия перед властью⁷, присущего ему в начале своего формирования, общество само устанавливает подобие диктата. Мемуарист А.В. Никитенко в этой связи вспоминал в первой половине XIX в.: «Дух нетерпимости и страсть к умственному и нравственному деспотизму составляет язву нашего так называемого передового общества»⁸.

По Р.В. Иванову-Разумнику, автору известной «Истории общественной мысли», история русской общественности — это история русской интеллигенции. Иначе говоря, этот маститый автор очень сужал рамки общества, поскольку в действительности в общественной жизни могли принимать и непосредственно принимали участие выходцы из разных сословий, отнюдь не занимавшиеся интеллектуальным трудом. Некоторые исследователи, наоборот, чрезвычайно расширяют состав общества. По Б.Н. Миронову, в состав общества входило все дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения⁹. Кто же тогда входил в систему власти? Дворянство, как известно, составляло значительную часть государственного аппарата, а духовенство было вписано в систему государственного управления в еще большей степени. В том-то и дело, что состав общества был более сложным и не всегда лег-

⁷ *Лютти А.* Русский абсолютизм XVIII века // Итоги XVIII века в России. М., 1910. С. 36.

⁸ *Никитенко А.В.* Дневник в 3 т. Т. 2. М., 1955. С. 232.

⁹ *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 211.

ко анализируемому. В его основе, конечно, лежало дворянство, причем та его часть, которая активно занималась общественной деятельностью. Интересно, что когда началась подготовка Крестьянской реформы 1861 г., власти отметили сильное недовольство дворянских кругов. Сообщая их мнение в этой связи, генерал-лейтенант Перфильев подчеркивал, как бы говоря от имени московских дворян: «Хотя с прискорбием, а должно сознаться, что почти каждый из нас, сделавшись чиновником, перестает быть членом общества, а становится слепым орудием правительства, безусловным исполнителем не только положительных приказаний, но даже мыслей и желаний, нередко угадываемых невпопад...»¹⁰.

Дворян-затворников, совершенно не участвовавших в общественной деятельности, становилось все меньше даже среди тех, кто не находился на государственной службе. Неслужилое дворянство действительно было основой русского общества, и вместе с тем его как бы движущей силой. Именно к этой основе постепенно присоединялись выходцы из других сословий: купцы, крестьяне и даже рабочие. Возникнув как некий социальный организм, как новое социальное качество, как более или менее единое целое, российское общество уже в XVIII в. таило в себе зародыши будущего расщепления. Уже тогда в нем можно было усмотреть элементы консерватизма, либерализма и революционности. Подход к обществу и к общественному движению в России с позиций трех упомянутых общественно-политических течений, довольно долго господствовал в нашей литературе. На каком-то этапе его попытались оспорить, но он получил аргументированное обоснование в ряде новых работ, в том числе и в основательной статье академика И.Д. Ковальченко¹¹. Интересно, что этот подход нашел отражение не только в историографии, но и в понимании самих верхов, например в отчетах III Отделения императорской канцелярии. В одном из таких отчетов за 1863 г. прямо говорилось о трех главных направлениях в русской журналистике: землевладельческо-охранительном, конституционно-демократическом и (удивительная для такой организации терминология!) революционно-демократическом¹². Деление общества на три основных общественно-политических направления получило широкое отражение в художественной литературе в сочинениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и многих других русских писателей. Так, Тургенев в своем последнем романе «Новь» (1876), показал и революционную молодежь, и представителей консервативного и либерального лагерей — Калломейцева и Сипягина¹³. Соотношение между тремя направлениями менялось, особенно заметна явная борьба между консерватизмом и либерализмом, охватывавшая не только само общество, но и правительственные верхи. Вместе с тем, во второй половине XIX — начале XX в. все более заметна и тенденция усиления радикального направления.

Русское общество никогда не было полностью единым, и беспрекословное сплочение его сил являлось скорее исключением, чем правилом. Таким исключением была Отечественная война 1812 г., хотя и в это время можно найти примеры отхода

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109, 4-ая эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 20. Л. 2.

¹¹ Ковальченко И.Д. Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки Крестьянской реформы 1861 г. // Отечественная история. 1994. № 2.

¹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 402 об.; Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827—1869. М., 2006. С. 644.

¹³ Будагова Н.Ф. Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983. С. 111—119.

от единого патриотического порыва¹⁴. Сталкиваясь между собой, три основных общественных направления создавали собственные организованные ячейки, чрезвычайно многообразные и в целом трудно охватываемые даже в процессе специального исследования. Салоны и усадьбы, литературные кружки, балы и рауты, научные, благотворительные, производственные общества, тайные политические организации, масонские ложи¹⁵ и, вместе с тем, карточная игра, трактирная жизнь, бани — все это было различными проявлениями существования общества.

Возникнув в эпоху Просвещения, испытав влияние рационализма, взятого на вооружение третьим сословием, русское общество в большей или меньшей степени было связано с общемировыми процессами. И для него важной вехой стали события Великой французской революции, когда так называемый просвещенный абсолютизм при наиболее крупном его представителе в России — Екатерине II постепенно сменяется реакцией и новыми идейными установками. При Павле I запрещается использование самого слова «общество». Правда, сменивший его Александр I, призывая учитывать «дух времени», на первом этапе своего царствования выступил с позиций умеренного либерализма, заявив даже о необходимости крепостного права и введения в России ограниченной конституции. В то время власть проявляла большую преобразовательную инициативу, чем общество. Однако этот политический зигзаг был кратковременным и лишь на короткий период сдержавшим дальнейший накал реакции.

Разгром наполеоновской Франции, избавивший страны Европы от покорения, привел вместе с тем к торжеству традиционных монархий и к смене идейных установок. Идеология свободного человека сменяется мистицизмом и консервативным романтизмом. Идет процесс дискредитации человеческого разума, отрицается принцип человеческого равенства, по-новому подается и такая категория как «народ». Как отмечается в литературе, «игнорировать народ уже было невозможно; само употребление понятий «общество», «народ» и «нация» уже было своего рода компромиссом, уступкой духу времени...»¹⁶. Однако народ стал подаваться не как хозяин положения, а как послушное орудие своего господина. В условиях явного поворота вправо, ставшего особенно заметным в России после 1820 г., формируется теория «официальной народности», в создание которой внесли свой заметный вклад не только Н.М. Карамзин и С.С. Уваров, но и императоры Александр I и Николай I. Формула «Православие, самодержавие, народность» подразумевала народность прежде всего как благоговейное отношение крестьянина к своему господину. Сам народ был весьма далек от этих идейных установок, хотя и подвергался соответствующей идеологической обработке, но такая идеология встретила противодействие именно в самом обществе.

Не все общество могло выражать свои взгляды открыто. Не будучи единым, не все оно вступило на тропу противодействия. Но именно в обществе возникают декабристское движение, славянофильство, западничество. Заметно ослабев в годы ни-

¹⁴ См., например: *Искюль С.Н.* К характеристике русского общества в 1812 году // *Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение.* СПб., 2009. С. 7—26.

¹⁵ См. подробнее: *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011.*

¹⁶ *Рейснер М.А.* Идеология реакции // *Отечественная война и русское общество 1812—1912.* Т. VII. М., 1912. С. 51.

колаевского царствования, общество было востребовано в середине 1850-х гг., когда власть была вынуждена пойти по пути преобразований, прежде всего упразднить крепостное право. Вообще на протяжении XIX в. можно привести несколько примеров сотрудничества власти и общества. Это эпоха 1812 г., начало Крымской войны, период, предшествовавший реформам 1860—1870-х гг., период Восточного кризиса 1870-х гг., и др.

После крестьянской реформы более заметно стал меняться сам состав общества. В нем замечается больше выходцев из других сословий, происходит определенное стирание межсословных различий, чего почти невозможно заметить на «полусах» социальной ситемы. В XX век российское общество входит преимущественно буржуазным, все более и более противостоя власти. Основа его — уже не неслужилое дворянство, а интеллигенция. Если в 1700 г. известно 23 тыс. сельских дворянских усадеб, то в 1895 г. их было 61 тыс. Уменьшение их числа началось только после 1905 г.¹⁷ Но по данным всероссийской переписи населения 1897 г., одних только частных преподавателей было 68.2 тыс. человек, а лица интеллигентных профессий, состоящих на службе у предпринимателей и помещиков, составляли цифру более чем в три раза превосходившую количество владельцев сельских дворянских усадеб (ок. 205 тыс. человек)¹⁸.

Противостояние общества и власти достаточно хорошо видели многие современники, в том числе Л.Н. Толстой, Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский. Ключевский в своем дневнике от 4 января 1902 г. прямо писал: «В настоящую минуту правительство и общество в России находятся между собою в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть... Такое напряженное отношение между обеими сторонами длится уже несколько десятков лет. Прежде его не было заметно. И прежде правительство и общество редко были довольны друг другом; но прежде источником этого обоюдного недовольства не была борьба за власть»¹⁹. Это противостояние было противоборством разных путей развития страны. Власть вынуждена была сохранить многие пережитки прошлого. Общество в большинстве своем стремилось к экономической инициативе без искусственных препятствий, к политической свободе и, в конечном итоге — к получению в свои руки власти.

Не только XIX, но и XVIII век русской истории свидетельствует о нарастании общественной инициативы, и хотя здесь были и взлеты, и падения, в целом эта тенденция была бесспорной. Точно также, при всех поворотах и отступлениях все более реальной силой становится общественное мнение. Еще Екатерина II пыталась использовать его в своих целях и вообще руководить обществом. Однако ее столкновение с Н.И. Новиковым фактически было одним из столкновений власти и общества. Екатерина, как известно, пошла по пути репрессий. Павел I, пренебрегавший интересами общества, все-таки фактически поддерживал с ним связь через свою супругу императрицу Марию Федоровну. Внимательно следил за общественным мнением, особенно в начале своего царствования, Александр I. В начале правления Николая I также хорошо заметен интерес власти к состоянию общественного мнения и настроениям общества.

¹⁷ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. Исторические очерки. М., 2001. С. 49.

¹⁸ Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 37.

¹⁹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 471.

Значительная эволюция была проделана и различными общественными организациями. В начале XVIII в. их практически не существовало, а в конце XIX в. их количество было столь значительным, что они представляли собой заметную силу, в той или иной степени независимую от власти и даже ей противостоящую. В эпоху, когда в стране не было легальных политических партий, власть и общество стали как бы двумя противостоящими партиями, борьба между которыми все усиливалась.

Так получилось, что в XIX в. Россия пришла с тремя важнейшими вопросами: крестьянским, дворянским, а также «конституционным». На исходе века к ним добавились другие: рабочий, студенческий, национальный. Власть, которая раньше часто шла впереди общества, проявив, например, инициативу при проведении реформ 1860—1870-х гг., к началу XX в. утратила преобразовательную инициативу, уступив ее обществу. Последующие события показали, к чему привела эта смена лидера модернизации страны. Не надо забывать, что вынужденные реформы того времени стали результатом революции 1905 г., то есть итогом активных действий общества и подключавшегося к нему народа. Народ явно пошел за обществом, а не за властью, что особенно ясно стало во время событий 1917 г.

Ружицкая И.В.

«Просвещенные» бюрократы первой половины XIX в. —
новый тип российского чиновника:
опыт характеристики

Вопрос, которому посвящена данная статья, непосредственно связан с проблемами изучения российской государственности, поскольку «просвещенная бюрократия» — это конкретно-историческое явление, появившееся на определенном этапе развития отечественной государственности. По мнению Б.Н. Миронова, становление этой категории чиновничества является необходимым условием превращения государства в правовое, независимо от того, является ли оно монархией или республикой¹. Ключевым этапом процесса модернизации стали реформы 1860-х гг. Первую половину столетия можно рассматривать как создание условий и предпосылок для этих кардинальных преобразований, явившихся редким в отечественной истории примером успешного реформирования всех сторон жизни страны. В середине XIX в. Российская империя смогла сделать важный шаг вперед, избежав при этом социальных катаклизмов и обеспечив преемственность в развитии основных общественных институтов². Важной предпосылкой успешности Великих реформ стало наличие людей, готовых взять на себя грандиозный труд по преобразованию России.

Это признано большинством историков. Однако тот факт, что генезис поколения реформаторов 1860—1870-х гг. имеет многолетнюю историю, долгое время игнорировался отечественными исследователями. Только в последнее время среди историков наметилась тенденция отрешиться от старых стереотипов (в том числе созданных в художественной литературе) и посмотреть на российскую бюрократию непредубежденным взглядом. Они обнаружили, что среди министров, губернаторов, прокуроров и других представителей правительственного аппарата было немало честных и компетентных людей и что в первой половине XIX в. зародилось новое поколение российских чиновников, которые смогли провести реформы 1860-х гг., а затем вплоть до 1917 г. сменялись новыми поколениями профессиональных и прогрессивно настроенных чиновников. Конечно, не все русские чиновники отличались просвещенностью и государственным умом, но такие были всегда³. До реформ 1860-х гг. государственная служба в России была если не единственным, то главным поприщем, где способные и образованные люди могли не только найти применение своим силам, сделать карьеру, служить общественным интересам, да и заработать себе на жизнь. Поэтому в бюрократии до середины 1860-х гг. сосредотачивались лучшие, по тогдашним понятиям, силы, так как «помимо государственной службы не было для интеллигентного человека никакого пути, чтобы жить своим трудом»⁴.

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 162.

² См.: там же.

³ Там же. С. 174—175.

⁴ *Флеровский Н.* Три политические системы. Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. Berlin, 1897. С. 21.

Я коснулась генезиса просвещенной бюрократии и ее места в истории России. Пришло время дать определение этому явлению. В литературе просвещенных бюрократов называют также либеральными бюрократами. Существует несколько определений «просвещенной» или «либеральной» бюрократии, наиболее приемлемым мне представляется сформулированное Л.Г. Захаровой: слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединенных общностью взглядов на задачи предстоящих преобразований и методы их исполнения, которые не были отгорожены от общественных сил страны, формируясь в содружестве с либеральными общественными деятелями, литераторами, учеными⁵.

Термин «либеральная бюрократия» получил распространение в советской исторической литературе 1960—1970-х гг. В современной западной историографии бытует понятие *enlightened bureaucrats* — «просвещенные бюрократы», подчеркивающее отличие российских чиновников-реформаторов от европейских либералов XIX в.⁶ Оба термина достаточно условны и обозначают одно и то же явление — представителей правительственного реформизма первой половины XIX в.⁷ Существует точка зрения, которая «разводит» понятия «просвещенная» и «либеральная» бюрократия: к представителям последней ее сторонники относят непосредственных участников реформ из окружения великого князя Константина Николаевича (Н.А. и Д.А. Милютиных, А.В. Головнина и др.); «просвещенными» же бюрократами называют их предшественников в правительственном аппарате первой половины XIX в.⁸, и, прежде всего крупных сановников николаевского царствования, немало сделавших, чтобы реформы состоялись. Это министры П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, Д.Г. Бибииков, С.С. Уваров, Л.А. Перовский, ряд губернаторов⁹. Я полагаю, что и тех, и других можно называть как «просвещенными», так и «либеральными» бюрократами.

Становление этого типа чиновников началось с начала XIX в., что было обусловлено усложнением системы управления, прежде всего образованием министерств, и связанной с этим деятельностью власти по подготовке новой, более образованной генерации чиновников (введение «экзамена на чин» указом 1809 г.; учреждение Царскосельского лицея, имевшее целью «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»). У истоков этого явления стоял М.М. Сперанский, наиболее яркий представитель нового типа чиновников.

⁵ Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 4.

⁶ См.: *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861. Illinois, 1982; *Wortman R.S.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984.

⁷ На мой взгляд, «просвещенная» бюрократия, термин, более удачный, чем бюрократия «либеральная», поскольку основу мировоззрения этой группы чиновничества составили идеи французского Просвещения, его постулаты определили особенности их поведения и деятельности.

⁸ Акулишин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний). Автореферат диссер. на соиск. степ. доктора ист. наук. М., 2004. С. 24. Ряд исследователей относит к «просвещенным» бюрократам членов Негласного комитета Александра I. На мой взгляд, хотя члены Негласного комитета — В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев П.А. Строганов и А. Чарторыйский были людьми, исповедовавшими идеи Просвещения, им не хватало административной «школы», масштабности в делах управления. Только В.П. Кочубей времени правления Николая I может рассматриваться как один из представителей нового типа чиновников.

⁹ Сюда можно отнести и товарища министра внутренних дел при Александре II, инициатора непосредственного приступа к подготовке крестьянской реформы А.И. Лёвшина, и виленского губернатора Н.А. Долгорукова и др.

В мировой историографии последнего десятилетия обрели «вторую жизнь» идеи немецкого социолога первой половины XX в. Норберта Элиаса, введшего понятие придворного общества, которым он определял преобладающий в XVI—XVIII вв. в европейских государствах тип управления¹⁰. Исходя из его концепции и учения М. Вебера о трех типах власти — традиционного, харизматического и рационального, историки приходят к заключению, что в России первой половины XIX в. традиционный тип власти постепенно трансформируется в рациональный. На смену власти, освященной традицией и религиозными нормами, приходит власть, опирающаяся на систему общих правил и норм, установленных с известной «разумной» целью. Носителем этой «разумности» (т.е. рациональных начал) и являлась просвещенная бюрократия, представители которой как «профессионалы обладают знаниями, приобретенными через формальное обучение..., твердо придерживаются стандартов поведения, закрепленных процессом социализации с опорой на службу»¹¹. Именно в «просвещенной» бюрократии исследователи видят носителя *принципов рационального управления*, которые ее представители «старались внедрить в отечественную действительность, отказываясь от традиций “придворного общества”»¹². Это одна из особенностей правительственных либералов России первой половины XIX в.

Другая отличительная черта чиновников нового типа заключается в том, что основу их мировоззрения составили идеи французского Просвещения: высшая цель государственной жизни — народное благосостояние, основу которого составляет гражданская свобода, она — неотъемлемое прирожденное право человеческой личности; сущность гражданской свободы заключается в хозяйственной и правовой независимости, обеспеченной государственными законами. На основе этих положений делались следующие выводы: на Западе гражданская свобода установлена и охраняется законом, в России ее еще предстоит установить, прежде всего, наделив гражданскими правами крепостных крестьян. Французская революция показала, насколько страшны могут быть последствия непредусмотрительности власти, которая не сообразуется с «духом времени». Поэтому вернуть крестьянам их прирожденные или естественные права может только правительство. Таким образом, чиновникам-реформаторам была присуща рационалистическая концепция, заключающая в себе особенности просветительской идеологии: отрицание действующего порядка с точки зрения человеческого разума, учение о неотчуждаемых правах личности, понятие о законе как гарантии гражданской свободы¹³.

Из того же идейного источника — и другие мировоззренческие и поведенческие установки: осознание необходимости строго придерживаться, особенно в служебной деятельности, законных форм, то есть действовать в пределах полномочий, определенных законом и ведомственными инструкциями, ради государственных интересов, стремиться к «общей пользе». Представители сановного либерализма руководствовались искренней любовью к отечеству, поэтому свою служебную деятельность рассма-

¹⁰ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 10.

¹¹ Балзер Харли Д. Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003. С. 202.

¹² Акульшин П.В. Указ. соч. С. 13—14. Некоторые требования рационального управления, по мнению этого автора, впервые были сформулированы В.П. Кочубеем в период его пребывания на посту министра внутренних дел в 1802—1807 гг.

¹³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1946. С. 264.

тривали не только в свете личной карьеры, но и как возможность содействовать общественному благу, причем карьерный рост представлялся им средством расширить «общепольное» поле деятельности¹⁴. И в этом — их отличие от большинства современных отечественных чиновников, для которых личные, своекорыстные интересы зачастую заслоняют государственные потребности.

Позднейшие идеологические воздействия попадали на «удобренную» просветительскими учениями почву, как случилось с учением французских либералов времен Реставрации¹⁵, которое своеобразно синтезировалось у российских дворян с взглядами, сложившимися в детские и юношеские годы: «Восприятие произведений Б. Констана и мадам де Сталь накладывалось на прочный культурный фундамент, заложенный детским чтением произведений Руссо, Монтескье, Вольтера»¹⁶. Однако практическое воплощение либеральных идей было актуально для Франции, где многие постулаты Просвещения были «апробированы» на практике, и были уже провозглашены «свобода, равенство и братство», но не в России, где было рано говорить об индивидуальной свободе, пока большая часть населения оставалась в «рабстве диком».

Источником общественного блага и личного благосостояния, с точки зрения «прогрессистов» первой половины XIX в., как их тогда называли, являлся император — только он мог стать инициатором каких бы то ни было перемен. В необходимости усовершенствования существующей системы такие чиновники были уверены, сознавая, что если ничего не предпринимать, то Россия все больше будет отставать от процесса модернизации, охватившего Европу. Поэтому от монарха ждали санкции на преобразование российской жизни¹⁷.

В данном случае речь идет о гуверменталистской составляющей мировоззрения той группы высших администраторов первой половины XIX в., которых называют «просвещенными бюрократами». Под нею понимается признание самодержавного государства главным субъектом и инструментом преобразования страны. С другой стороны, реформаторские планы и усилия правящей элиты Российской империи необходимо рассматривать как отечественную разновидность европейского легитимизма, под которым понимается общественно-политическое течение, которое стремилось сочетать постепенное реформирование общества с сохранением абсолютной монархии и социального господства дворянства¹⁸.

Многие представители нового для России типа сановника выделялись литературным талантом. Это связано с той ролью, которую играла литература в жизни рус-

¹⁴ Д.В. Давыдов писал П.Д. Киселеву в связи с назначением последнего начальником штаба Второй армии: «Дай Бог после и мне быть чиновнее тебя, т.е. полезнее для России, ибо первое у меня ценится последним» (*Ланда С.С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политических организации декабристов. 1816—1825. М., 1975. С. 158*); Корф, получив повышение по службе, сообщал своему лицейскому товарищу в 1835 г.: «Делать добро частное в этой должности менее случая, нежели в моей прежней, но поприще добра общественного обширно и необъятно» (*ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1624. Л. 20*).

¹⁵ П.А. Вяземский отмечал, что многие его сверстники «были либералами той политической школы, которая возникла во Франции с падением Наполеона» (*Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 949*).

¹⁶ *Парсамов В.С. Декабризм и французский либерализм. М., 2001. С. 25.*

¹⁷ См.: *Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 234*; *Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925.*

¹⁸ *Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5.*

ского общества на протяжении всего XIX в. По выражению Е.Л. Рудницкой, «литература, журналистика оказывались и лабораторией, и трибуной, генерирующими идеи и внедряющими их в общественное сознание»¹⁹. Не случайно «наиболее крупными представителями нового типа дворянина — гражданского чиновника» в начале правления императора Николая I стали «молодые бюрократы, члены литературного общества “Арзамас”». Они явились «носителями новой бюрократической ментальности», с годами все больше определявшей лицо столичного чиновничества²⁰.

Характерной чертой, присущей «просвещенным бюрократам», была и потребность в интеллектуальной деятельности. Словосочетание «чиновник-интеллектуал» или «бюрократ-интеллигент» зачастую вызывает протест: это связано с господствующим в российском обществе уже более столетия стереотипом «интеллигентного человека», определяемого не только по уровню полученного им образования, но и по нравственным установкам и даже манере поведения. Между тем, если интеллигенция — это «социальная группа, состоящая из людей, профессионально занятых умственным трудом» (к которым принадлежит и большая часть служащих), то чиновников, о которых идет речь, следует отнести к ней. Они были теми, кого позже Г.Г. Шпет назовет «правительственной интеллигенцией».

Для большинства чиновников нового типа было характерно уважительное и внимательное отношение к подчиненным, отсутствие формализма. Они умели работать с людьми, не подавляя их своим авторитетом, для пользы дела зачастую жертвовали личными амбициями, были начальниками, которые, по словам современника, «позволяли своим подчиненным думать и даже высказывать то, что они думали», что для того времени было «редким исключением». Их отличала, как отмечали другие очевидцы, «большая способность привязывать к себе людей и особенно подчиненных», к которым они «были взыскательны, но очень вежливы в обращении»²¹. Отдельные представители реформаторского крыла в правительственном лагере действовали на ниве отечественной администрации и раньше (М.М. Сперанский, В.П. Кочубей, Е.Ф. Канкрин), но именно в 1830—1840-е гг. сформировался целый слой подобных чиновников, как на министерском уровне, так и ниже. Именно они и их молодые единомышленники стали активными деятелями реформ 1860-х гг.²², ускорившими процесс модернизации Российской империи и эволюцию отечественной государственности.

¹⁹ Рудницкая Е.Л. Поиск пути: русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 96.

²⁰ Уртман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 63.

²¹ Басаргин Н.В. Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 53—54.

²² Так, в министерстве государственных имуществ у П.Д. Киселева служили будущие деятели крестьянской реформы: А.П. Заблоцкий-Десятовский, А.Я. Соловьев, А.И. Лёвшин. Со Вторым отделением СЕИВК долгие годы сотрудничал были «автор» судебной реформы С.И. Зарудный, служил там К.Г. Репинский и др.

Н.Г. Королёва

Власть и земство: проблемы взаимоотношений.

Два важнейших фактора цивилизационного становления общества — человеческий и управленческий — оказывают решающее воздействие на эволюцию государственности. Первый являет собой основу и резерв развития общества. Роль второго состоит в создании норм и условий для максимально полного раскрытия положительного потенциала человека как субъекта природы и социума. Взаимодействие этих двух факторов у разных народов определялось традициями, мировоззрением, культурой, историческими условиями. Под их влиянием в разных странах формировалось самоуправление — естественная социально-правовая норма человеческого бытия.

В России возникновение института самоуправления, как и в других государствах, было связано с национальными особенностями. На определённом историческом этапе усиление бюрократической централизации явилось следствием объективных факторов, связанных с развитием государственности и становлением российского государства. Но исторический процесс не стоял на месте. Во второй половине XIX века всевластие бюрократии, несовершенство управления, бесправие народа стали объектом критики представителями общественных кругов разного политического толка. Отмена крепостного права, усложнение хозяйственно-экономических отношений, социокультурные изменения, происходившие в крестьянском мире, — все это потребовало создания более гибких и эффективных структур управления, включая местный уровень, поскольку бюрократическая вертикаль уже не справлялась со своими функциями. В привлечении общественных сил к решению усложнившихся задач были заинтересованы и власть, и общество, особенно поместное дворянство. Кроме того, крайняя отсталость системы образования и здравоохранения в сельской глубинке, доставшаяся в наследство от крепостного строя, диктовала необходимость участия общественных сил и на этом поприще.

После долгих дискуссий в Российской империи 1 января 1864 г. были введены выборные, всеобщие органы местного самоуправления — земства. Новый территориальный институт, на что указывало само его название, был связан с землёй, сельским населением. Возникновение общественных органов самоуправления в условиях господства в России самодержавной бюрократической политической системы создало основу сложных взаимоотношений власти и земства, в силу чего первые сорок лет существования земств изобиловали противоречиями, конфликтами с бюрократическими ведомствами всех уровней. Но повседневные неотложные задачи заставляли обе стороны искать пути сосуществования и на практике осуществлять деловое партнёрство.

Несмотря на жёсткие рамки, в котором действовало новое общественное учреждение, земства стали необходимым элементом государственного строя Российской империи и показателем зарождавшегося в стране гражданского общества. Российская бюрократия не сразу оценила положительное влияние посреднической миссии

самоуправления в решении внутривластных проблем. В первые десятилетия своей работы земства на практике столкнулись с попытками ведомств переложить на их плечи все мелкие административные функции. Казённые повинности выкачивали из земской кассы до двух третей средств (лишь к концу XIX в. доля так называемых обязательных расходов упала до 50%). Поэтому главные социальные и хозяйственно-экономические направления земской деятельности финансировались недостаточно, что вызывало неудовлетворённость самих земцев и общества. Узкие рамки компетенции земских учреждений, жёсткий административный контроль не только за законностью, но и за целесообразностью их деятельности не способствовали укреплению доверия между земствами и бюрократическими ведомствами. Известный русский теоретик и практик земского дела А.И. Васильчиков писал: «Центральная администрация любой страны всегда стремилась перенести на местный уровень затраты по тем предметам, которые могли бы обременить её чрезмерными расходами и заботами, и одновременно ограничить самостоятельность общественного самоуправления»¹. Российское земство в XIX в. испытало на себе этот отрицательный опыт мировой практики.

Несмотря на незаконченность, противоречивость реформ второй половины XIX в, земства заняли своё место в системе местного управления, и административная вертикаль не могла с этим не считаться. Время от времени она шла на уступки, расширяя земские полномочия, ослабляя пресс административного давления. Но частичные меры никого не удовлетворяли. Непоследовательность политики правительства в аграрном вопросе, несостоявшиеся надежды на результативность работы «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», нарастающая волна общественного недовольства заставили общественных деятелей предпринять более решительные меры организационного плана. Одновременно с открытием «Особого совещания» было образовано Бюро земских съездов с целью выработки единых земских требований по неотложным проблемам внутренней жизни страны. Общественные деятели, многие из которых представляли именно земскую общественность, предъявили, хотя и в осторожной форме, претензии на свое участие грядущих преобразованиях государственного строя империи. Осенью 1904 г. собрался наполовину разрешённый министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским ноябрьский съезд земских деятелей. Его делегаты приняли решение о желательности учреждения в империи представительного органа с законодательными функциями (юридический статус которого чётко не определялся); об уравнивании прав всех граждан; о предоставлении некоторых политических и гражданских свобод населению России. Неожиданно решения съезда одобрили большинство членов земских собраний, что объяснялось отнюдь не поголовным увлечением земцев либеральными идеями, а их антибюрократической позицией, выкристаллизовавшейся в течение десятилетия практики земской работы.

Власть не проявила политической прозорливости, не оценила степени углублявшегося в стране системного кризиса. Политика неуступчивости обернулась для неё нежелательными последствиями. В стенах дворянских по социальному составу собраний, где ещё недавно подавляющее большинство гласных считали земства опорой существовавшего государственного устройства, наиболее популярны стали

¹ *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб., 1869. С. X.

ораторы либерально-реформаторского толка, лидеры и члены будущих либеральных буржуазных партий, такие, как гр. П.А. Гейден, Ф.А. Головин, Н. Вольский, В.И. Вернадский, П.Д. Дервиз, Ю.А. Новосильцев, И.И. Петрункевич, В. Пржевальский, Н.Ф. Рихтер, Е.В. де Роберти, Ф.И. Родичев, М.Ф. Родзянко, М.А. Стахович, Д.И. Шаховской, Д.Н. Шипов, и другие.

Новый этап взаимоотношений власти и земства складывался под воздействием начавшейся в России революции 1905—1907 годов. Либералы «освобожденческого» толка считали революцию теоретически возможной и видели в ней даже определённый положительный фактор, поскольку её конечным результатом должна была стать модернизация государственно-правовой системы. Конституционно-монархическая форма правления, по их мнению, могла бы обеспечить гражданские и политические свободы в стране. В то же время левое крыло земских либералов, как и большинство оппозиционно настроенных гласных, возлагали надежду на конструктивный диалог с правительством. Поэтому они продолжали уговаривать власть прислушаться к мнению земства при решении проблем внутренней жизни

Расстрел безоружных рабочих в Петербурге в январе 1905 г. вызвал в земствах шок. Неадекватная реакция власти на мирное шествие народа в столице расценивалась земцами как акт административного произвола, последствием которого стало общественное возмущение российской глубинки. К земству потянулась публика, представители прессы. Органы самоуправления превратились в легальную политическую трибуну. К этой роли в условиях революции гласные, принадлежавшие к разным политическим течениям, отнеслись неоднозначно, хотя все отчётливо понимали, что тактика петиционного давления на императора и правительство себя исчерпала. Опасаясь последствий углубления революционных процессов, земские лидеры, включая умеренное крыло, тем не менее, не могли встать на сторону власти. Это грозило бы им потерей своего общественного авторитета. Неслучайно земские деятели постоянно говорили о том, что земство является единственным учреждением, имевшим право говорить от имени всех слоёв населения². Вместе с тем большинство гласных собраний, отражая интересы стоявших за ними социальных групп, стремилось не допустить углубления пропасти между властью и обществом, пытаясь воспользоваться революционными выступлениями народа для продвижения своей стратегической задачи: ускорить процесс реформ посредством консолидированного давления общественных сил на власть.

Бурное половодье революции в той или иной степени захватило все слои общества, усилив сомнения земцев в способности царских чиновников найти выход из кризиса. На этом фоне значительно вырос авторитет действовавшее при московской губернской управе Бюро съезда, превратившееся в руководящий центр земской оппозиции. Последняя приобретала под воздействием революции характер общеземской фронды. По количеству земских съездов 1905 год был рекордным. С февраля по ноябрь состоялось 5 общеземских форумов. Первый из них собрался в феврале, через неделю после опубликования правительственных актов 18 февраля 1905 г. Учреждение особого совещания для выработки проекта государственных преобразований под председательством министра внутренних дел А.Г. Булыгина было расценено либеральной частью съезда всего лишь как «глоток воздуха». Умеренно-консерватив-

² Земство и политические свободы. Журнал комиссии собрания Саратовского губернского земства в 1905 г. Париж, 1905. С. 2.

ные участники съезда видели в правительственных актах повод для поиска компромисса, столь необходимого в преддверии возможных аграрных выступлений. Земцы, находясь ближе к крестьянскому миру, ощущали всю степень опасности массового крестьянского движения для дворян-землевладельцев. Поэтому в повестку дня февральского совещания были включены 3 главных вопроса: об организации народного представительства, аграрная реформа и отношение к комиссии Булыгина. Проекты преобразований, выработанные февральским совещанием, предлагалось обсудить в земских собраниях, после чего и должен был состояться следующий апрельский земский съезд. Запрещение властями съезда, в повестке которого значилось «участие в работе комиссии Булыгина представителей земств и городов, в связи с выработкой улучшения государственного устройства» подчёркивало политическую недалекость правительства и привело к обострению конфронтации с земствами, постоянно демонстрировавшими свою готовность вести совместно с правительством поиски путей выхода из кризиса. Съезд прошел в формате нелегальной встречи на частной квартире. Апрельская встреча подтвердила настойчивые требования земцев о равноправном участии в правительственной комиссии выборных представителей земств и городов при широкой гласности работы «Особого совещания», в котором земцы склонны были видеть своеобразный предпарламент.

Развитие революции по восходящей линии примирило земцев либерально-освободительского толка (большинство) и более умеренного крыла либералов (меньшинство) и отсрочило организационное размежевание. Пришлось проявить солидарность и единство, дабы «общими усилиями внести умиротворение в нашу государственную жизнь и предупредить возможность дальнейших потрясающих её событий»³. Убеждённый оппозиционер, председатель Оргбюро съездов, глава московской губернской земской управы Ф.А. Головин писал в записке к Д.Н. Шипову: «Оргбюро проникнуто желанием доброжелательного соглашения и сознаёт необходимость при угрожающей России внутренней опасности поддержать авторитет государственной власти»⁴. Понимая двусмысленность подобного акта в период подъёма революции земские лидеры тем не менее выбрали путь компромисса с властью, оказывая ей поддержку, но не забывая при этом о своей главной цели — заставить царское правительство пойти на существенные уступки. Поэтому майский коалиционный съезд принял решение о направлении депутации общественных деятелей к царю с традиционным адресом-петицией. 6 июня на личной встрече они просили царя во имя внутреннего мира не медлить с созывом народных представителей. В ответной речи император ограничился лишь обещаниями общего характера. Общественные деятели поняли, что не добились поставленной цели. Тактика выпрашивания реформ вновь не дала желаемых результатов. Несмотря на общее разочарование итогами депутации к царю, общественные деятели склонны были видеть в ней «луч надежды, начало сотрудничества в деле государственного благоустройства». Исходя из этой формулы, они настаивали на безотлагательном учреждении носителем Высочайшей власти законодательной палаты, но при этом сомневались в способности правительства удержать контроль над страной. Дабы исключить социальную революцию, земцы стремились сплотить оппозиционные силы реформаторского толка преимущественно вокруг политических требований. Тем не менее на июньских сес-

³ ОР РГБ Ф. 440. К. 2. Д. 22. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

сиях губернских собраний, особенно Чернозёмного и Южного регионов, прозвучала тревога «о зловещих проявлениях грозного аграрно-социального кризиса», «о благоприятной почве для пропаганды враждебных настроений к правительству и состоятельным классам в крестьянской и рабочей среде»⁵. Необходимость и неизбежность серьёзных социальных уступок признавалась почти всеми собраниями.

Преобразования политического строя империи и аграрная реформа к середине 1905 г. выдвинулись на первый план. Власть и общественные деятели осознавали степень влияния двух главных вопросов революции на дальнейшую судьбу российской государственности, поэтому правительство пыталось ограничиться лишь минимальными уступками, не нарушавшими существовавшие государственные устои. Представители правого крыла земских собраний поддерживали реформаторский курс власти и подводили под него идейную базу. Они доказывали, что «Россия не в состоянии воспринять конституционный строй, а в сознании народа нет идей представительства»⁶. Летом 1905 года обстановка в стране ещё больше осложнилась. Массовые выступления рабочих, восстание матросов на броненосце «Потёмкин» усилили влияние в собраниях «освобожденческого» оппозиционного крыла, что сказалось на характере работы июльского 1905 года съезда земских и городских деятелей. Почти единодушно отвергнув правительственный вариант реформы (законосовещательную думу), участники съезда предложили власти свой альтернативный проект демократизации российского общества (Основные законы). В них предусматривалось создание двухпалатного законодательного органа, избранного на основе всеобщего, равного, тайного, прямого голосования (нижняя палата) и установление норм представительства от органов самоуправления (земская палата). Монарх, как субъект высшей власти имел бы право назначать главу правительства и министров, утверждать законопроекты, принятые палатами. Члены правительства несли ответственность за ход управления перед представительным учреждением. Законом гарантировались гражданские и политические права населения. Намечались контуры реформы самоуправления: минимальный ценз оседлости, всеобщие, равные, открытые, прямые выборы, основанные на налоговом цензе. Признавалась правомочность создания низших и высших союзов самоуправления с целью совместного ведения дел⁷. При этом особо подчёркивалось, что земские городские деятели не отказываются от идеи самодержавия, а как близкие к запросам и нуждам народа люди стремятся к устранению существующего произвола бюрократии⁸. Правящие верхи и консервативная часть земских собраний несмотря на углубление революционного кризиса в стране отнеслись отрицательно к подобным нововведениям. Земским либералам пришлось прибегнуть к несвойственной для них тактике. На съезде был принят документ под названием «Обращение к народу», что свидетельствовало об изменении характера земской оппозиции. Общественные деятели, большинство из которых были руководителями и членами органов самоуправления, превращались в профессиональных политиков, претендовавших на лидерство в либерально-реформаторских политических партиях, вступивших во время революции в активную фазу формирования.

⁵ Журнал чрезвычайной 1905 г. сессии Екатеринославского губернского земского собрания. Екатеринослав, 1905. С. 58.

⁶ Журнал чрезвычайной 1905 г. сессии Орловского губернского земского собрания. Орел, 1905. С. 10.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 2 Отделение. Д. 1000. С. 131.

⁸ Там же. С. 122.

В результате длительных дебатов большинство участников июльского форума одобрили план действий и проект постановлений, разработанных Оргбюро съезда. Земства тем самым вовлекались в борьбу за власть в качестве своеобразных общественно-политических структур в предпартийный период, что впоследствии привело в собраниях к резким конфликтам.

Активная пропаганда документов июльского съезда в глубинке, которую проводили гласные-либералы и особенно земские служащие, в известной мере способствовала политизации настроений в среде интеллигенции, учащихся, мещан. Министерство внутренних дел, Департамент полиции предприняли меры воздействия на членов Оргбюро и некоторых наиболее активных участников съезда. Однако полицейские репрессии коснулись в основном земских служащих. Преследовать земских лидеров власть не решалась перед лицом возбуждённого общественного мнения, тем более что в донесениях местной администрации, касающейся пропаганды идей съезда, содержались и успокоительные нотки, а именно: слабое её влияние на уровень стачечной борьбы рабочих, агитация земцев среди крестьян с призывами против насильственных методов решения аграрного вопроса.

Августовский маневр с учреждением законосовещательной думы, по замыслу правящих верхов, должен был привести к спаду массовых революционных выступлений, к охлаждению оппозиционного пыла в общественных кругах, включая земских и городских деятелей. Закон 6 августа вызвал неоднозначную реакцию Оргбюро. Его руководителям не удалось заручиться мнением собраний по поводу бойкота булыгинской думы. Не дал внятного ответа на этот вопрос и июльский съезд. Земские лидеры предвидели вероятность «сильного революционного толчка» и надеялись, что он расчистит путь к законодательной палате, но вместе с тем начали обсуждать варианты подготовки к избирательной кампании в законосовещательную думу, считая, что их участие в ней ускорит процесс изменения её юридического статуса. Власть почувствовала появившуюся в среде земских лидеров тенденцию к компромиссу, подтверждением чему стал сентябрьский съезд представителей земской и городской оппозиции. Московские полицейские аналитики с удовлетворением сообщали в Петербург: «Среди земских и городских деятелей в настоящее время не замечается более резких проявлений их либеральных стремлений... Они, безусловно, отрешились от действий, могущих скомпрометировать их перед правительством»⁹. Сентябрьская встреча венчала беспартийный период земского либерализма. Съезд принял «Воззвание к избирателям» с мотивировкой причин отказа от бойкота булыгинской думы.

Начавшаяся в стране Всероссийская политическая стачка вырвала у царской власти Манифест 17 октября 1905 года и свела на нет планы правящих верхов ограничиться небольшим косметическим ремонтом государственного строя. Перед земскими деятелями встала сложная проблема: как найти выигрышную промежуточную позицию между властью и революционным народом. С одной стороны, земским либералам необходима была поддержка масс, поскольку до полного удовлетворения их требований было далеко, но с другой — непредсказуемость результатов дальнейшего развития революции заставляла их поддерживать правительство. В этой связи они приняли решение организовать депутацию к премьеру С.Ю. Витте, дабы оказать правительству помощь в наведении порядка в стране и осуществлении преобразований, провозглашённых манифестом. Премьер, со своей стороны, также проявил готов-

---

⁹ Там же. С. 18.

ность к диалогу, приглашая представителей органов самоуправления «к содействию правительству по некоторым подлежащим ведению Совета министров вопросам». Но такой вариант сотрудничества земцев не устраивал. Двусмысленность, неопределённость политического курса правительства отпугивала как сторонников, так и противников Витте. Не было у земцев полной уверенности в скором прекращении революции и в искренности желания власти созвать законодательную думу. Под влиянием этих соображений они ответили отказом на приглашение премьера.

Преобразования политического и социально-экономического строя империи, явившиеся результатом революции, привели к принципиально новой расстановке сил, действовавших на политической арене. Образование политических партий в России вызвало серьёзные изменения в земских собраниях, стены которых покинули известные либеральные деятели, сменившие полномочия земских гласных на мандаты депутатов Государственной думы. Выборы в земские собрания 1906—1907 годов обеспечили преимущество в них представителям умеренно-либерального и правого толка. Земства утратили свою роль политической трибуны. Однако значение органов самоуправления как необходимого элемента имперской системы в условиях реформы политического строя лишь укрепилось. Учитывая уроки революции и приступая к масштабным преобразованиям, власть вынуждена была пересмотреть своё отношение к земству. Без сотрудничества с земством правительство не могло рассчитывать на успешное осуществление проводимых им реформ. Оба премьера, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, приглашали общественных деятелей войти в состав кабинета. Попытка эта была неудачной, но сам факт такого приглашения говорил о том, что власть начала считаться с мнением земских деятелей.

Назначение на пост председателя Совета министров П.А. Столыпина земцы встретили благосклонно. Либералы видели в нём сторонника реформ, а правые одобряли его решительность в подавлении революции, роспуск Государственной думы 1-го и 2-го созыва, изменение избирательного закона 11 декабря 1905 г. Новый премьер понимал, что земства не будут простым исполнителем правительственных начертаний, но он был заинтересован в союзнических отношениях с ними. Давало Столыпину надежду на сотрудничество численное увеличение в собраниях и управах представителей партии октябристов. Он считал, что октябристы могут нейтрализовать деятелей правого толка, критически относившихся к проектам реформ местного управления, чем объяснялось намерение Столыпина заручиться поддержкой его проекта октябристской частью собраний. С этой целью он предложил земским деятелям обсудить и одобрить реформу земского самоуправления, поскольку её концепция соответствовала ранее заявленным требованиям земцев. В проекте предусматривалось расширение полномочий земств, введение мелкой земской единицы, смягчение порядка административного надзора над самоуправлением. Октябристам, вопреки противодействию правых, удалось продемонстрировать премьеру свою готовность к сотрудничеству, но при условии определённых гарантий сохранения привилегий помещиков-землевладельцев и крупных собственников из других сословий в органах самоуправления. Проект закона о всероссийских земских съездах 1907 года полного одобрения. Участники форума дали согласие лишь на постепенное введение мелкой земской единицы и только по ходатайствам губернских собраний. Показательно, что этим правом не воспользовалось ни одно собрание вплоть до февральской революции 1917 г.

Осенью 1906 г. правительство дало старт аграрной реформе. Перспективность реформаторского курса в значительной степени зависела от взаимопонимания и де-

лового партнёрства трёх субъектов аграрной политики: правительства, земства и за-
явившей о себе кооперации. Преобразования требовали поиска новых подходов к
решению первостепенных проблем. Необходимо было разработать программу ме-
роприятий и способы их внедрения в культурно-хозяйственный быт деревни. Под
влиянием объективных обстоятельств отношения власти и земства начали меняться,
приобретая форму постоянного делового сотрудничества. Но при этом земцы отдава-
ли приоритет экономической составляющей реформы, а правительственные методы
её реализации, особенно на первом этапе, вызывали критику с их стороны. Сам факт
принятия указа 9 ноября 1906 года по чрезвычайной 87 статье Основного закона в
канун созыва II Государственной думы насторожил большинство земских собраний,
усомнившихся в правомерности подобного шага. Беспокойство вызывал порядок
формирования и особенности работы землеустроительных комиссий, поспешность
ломки общинного землепользования и искусственность насаждения класса мелких
земельных собственников, что являлось главной целью правительственного курса.

Отношения правительства и земства серьёзно осложнились в 1908—1910 годах. Пре-
мьер предложил им перестроить свою социальную и хозяйственную работу на началах
приоритета интересов и потребностей выделившихся из общины земельных собствен-
ников. На эти цели правительство готово было выделить специальные средства, но и
земцам, в свою очередь, вменялось в обязанность увеличить ассигнования на помощь
отрубникам и хуторянам. Финансовый аргумент, используемый как административный
ресурс, должен был, по замыслу правительства, привлечь внимание управ, поскольку
земские бюджеты 1908—1910 годов были дефицитны. Однако несмотря на денежную
нужду абсолютное большинство собраний отвергли противоестественное разделение
крестьянских хозяйств по принципу принадлежности их к той или иной форме земле-
пользования, тем более, что налогоплательщиком являлось крестьянство в целом.

Позицию земств поддержали съезды сельских хозяев, специалистов, кооперато-
ров, Московское общество сельского хозяйства. Они настаивали на использовании
государственных и общественных средств в интересах всего крестьянского населе-
ния. При этом в качестве первостепенной выдвигалась задача улучшения культурно-
хозяйственной инфраструктуры в российской глубинке, на базе которой и должны
были комплексно реализовываться программы преобразований в деревне. Земский
вариант проведения реформы был в отличие от правительственного более социально
справедливым, гуманным и экономически перспективным. Объединёнными усили-
ями органов самоуправления, кооперации и специалистов удалось добиться неко-
торой корректировки реформ, смягчения административного давления на земство.
Этот факт говорил о том, что в стране появились элементы гражданского общества.

С 1911 года обозначился рост местных бюджетов, что явилось следствием попол-
нения в них доходов, полученных от промышленного сектора. Одновременно увели-
чились казённые дотации и субвенции на хозяйственные мероприятия земств, такие,
как создание опытных полей, пункта проката сельскохозяйственных орудий, мели-
оративных, гидрологических и метеорологических станций. Дополнительные сред-
ства выдавались из казны на обустройство местных дорог, строительство простейших
элеваторов. Эти меры оказывали положительное влияние на повышение урожайно-
сти на крестьянских полях. Власть, земство и кооперация вступили в благоприятную,
хотя и кратковременную фазу делового сотрудничества.

Объективно модернизационные процессы требуют усиления государственного
регулирования финансово-экономической области. На эту закономерность земства

постоянно обращали внимание, поскольку они не абсолютизировали значение механизма свободного рынка как стабилизирующего фактора экономики. Земства ходатайствовали перед правительством об изменении кредитно-финансовой политики, о законодательном упорядочении торговли сельскохозяйственной продукцией, особенно хлебом, в силу того, что в этой отрасли господствовали спекулятивно-посреднические операции, наносившие ущерб отечественному производителю и государственным интересам. Не менее принципиальными были вопросы соотношения цен и ценообразования на сельхозтовары, промышленные товары, нефтепродукты, минеральные удобрения, услуги элеваторов, и т.д. Нерешённость этих проблем приводила к конфликтам органов самоуправления с коммерческими структурами, хозяева которых считали, что владение собственностью освобождает их от необходимости учитывать интересы и возможности других участников, действовавших в аграрном секторе экономики. Земцы, в первую очередь земские служащие и специалисты, ближе стоявшие к крестьянской массе, понимали необходимость государственного регулирования в хозяйственной области. Они выступали за справедливую, взвешенную и национально ориентированную политику в аграрном секторе экономики. Но правительство, особенно в предвоенный период, слабо реагировало на общественные инициативы. Решение неотложных вопросов откладывалось, что, привело в годы Первой мировой войны к кризису социально-экономической системы империи.

III отделение собственной его императорского величества канцелярии: этапы изучения

III отделение собственной его императорского величества канцелярии (далее — III отделение) относится к государственным учреждениям Российской империи, научное изучение которых имеет долгую и богатую историю¹. Особая его роль как в структуре государственного аппарата, так и в политической и общественной жизни страны привлекала к нему внимание историков разных исследовательских интересов и научных направлений. В настоящей статье рассмотрены основные этапы и новые тенденции в историографии III отделения, дополненные указанием на перспективы дальнейших исследований. Главный акцент сделан на подходах историков к выяснению места III отделения в системе самодержавной государственности. В статье не затронута проблема ликвидации III отделения в 1880 г. и передачи его полномочий Департаменту полиции, которая имеет собственную историографическую традицию. III отделение мною трактуется широко, включая исследования о Корпусе жандармов — военизированной полиции, выполнявшей в координации с III отделением в том числе и функции политической полиции.

В течение длительного времени изучение истории III отделения было ограничено отсутствием доступа в его архив, а в советский период также общей непопулярностью тематики. Тем не менее первые научные публикации появились уже в конце XIX в. В статье «Исторический очерк политической полиции в России», помещенной в еженедельнике «Отголоски», утверждалось, что «при существовании крепостного права III отделение было главным, хотя и негласным защитником крестьян от злоупотреблений помещичьей властью»². Автор статей в «Юридическом вестнике» полагал, что идея «о всевидящем и всезнающем надзоре, который, никого не стесняясь и ни от кого не завися, проникает во все части и сферы управления и везде имеет целью обнаружить и искоренить злоупотребления» принадлежала членам Союза благоденствия, а правительство Николая I подхватило эту мысль³. Из дореволюционных изданий наиболее полная информация о III отделении содержится в юбилейном труде, выпущенном к столетию Министерства внутренних дел⁴. В нем были даны отдельные факты из истории создания этого учреждения, показана его внутренняя структура и штаты.

Лучше других в дореволюционной историографии были изучены цензурные функции тайной полиции, взаимодействие с литературным миром⁵. М.К. Лемке⁶ и

¹ См. специальное диссертационное исследование: *Иванцов М.Н.* Отечественная историография политической полиции России XIX — начала XX вв. Дисс... к.и.н. М., 2009.

² См. подробнее: *Отголоски*. 1880. № 34. С. 533—536; № 35. С. 548—552.

³ См. подробнее: *Н. (Зибер)*. К истории жандармской полиции в России // *Юридический вестник*. 1882. № 11. С. 423—426; *Н. (Зибер)*. Суд и государственные преступления // *Юридический вестник*. 1880. № 11. С. 323—357.

⁴ *Андрианов С.* Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1902.

⁵ *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892; *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб., 1904.

⁶ *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 годов. СПб., 1908; *Его же.* Политические процессы в России 1860-х гг. Пг., 1923.

П.Е. Щеголев⁷ в годы революции 1905—1907 гг. получили временную возможность работать над этими сюжетами в архиве III отделения. Лемке пришел к заключению, что III отделение стремилось занять доминирующее место в цензурной политике правительства, одновременно в той или иной форме координируя деятельность литераторов и поощряя публикации проправительственных статей. В 1920-е гг. исследование III отделения получило новый импульс за счет доступа ученых к ряду архивных фондов, но сильно не продвинулось. В 1930 г. был опубликован научно-популярный очерк И.М. Троицкого — первое обобщающее исследование тайной полиции эпохи Николая I. Научную базу работы составили труды дореволюционных историков, мемуары и крайне ограниченный круг архивных документов. По мнению Троицкого, III отделение не было тайной полицией в том понимании, которое закрепилось за Департаментом полиции, т.к. никакой «внутренней агентуры» не существовало, а «систему политического сыска организовать... не удалось»⁸. Кроме того, III отделение вплотную занималось крестьянским вопросом, придя к выводу о необходимости реформы, а также обращало внимание на рабочий вопрос⁹.

В дальнейшем научное изучение III отделения прекратилось до 1960-х гг., когда к этой проблематике обратился Н.П. Ерошкин¹⁰. В 1973 г. диссертацию по истории III отделения при Николае I защитила ученица П.А. Зайончковского Т.Г. Деревнина. Существенный вывод исследования сводился к тому, что власть политической полиции при Николае I трактовалась чрезвычайно широко, и «это позволило III отделению не только возглавить организацию политического сыска в стране с его всесторонним надзором и контролем, но и сконцентрировать в своих руках ряд отраслей государственного управления, подменив, по существу, некоторые министерства»¹¹. В книге «Крепостническое самодержавие и его политические институты», опубликованной в 1981 г., Н.П. Ерошкин посвятил отдельный раздел политическому сыску первой половины XIX в. Историк пришел к заключению, что неопределенность и расплывчатость формулировок жандармской инструкции давала чинам Корпуса жандармов широкий административный простор, а обязательство активно влиять на течение губернской жизни делало их важным ведомственным звеном местного управления. Ерошкин утверждал, что «III отделение позволяло себе делать общие нападки на бюрократию, корыстолюбие и лихоимство чиновников суда и полиции, но при этом не предлагалось никаких мер по борьбе с этими пороками государственности России»¹².

Обобщила накопленный материал монография И.В. Оржеховского — первый исторический труд, раскрывающий на основе архивных источников историю III отделения с 1826 г. до его ликвидации в 1880 г.¹³ Диссертация Т.Г. Деревниной и монография И.В. Оржеховского обозначили качественно новый уровень изучения этой темы и в концептуальном плане не устарели до сих пор. Основанные на анализе архивных материалов, эти исследования позволили систематизировать данные о структурных изменениях, штатах, основных законодательных актах и внутренних прика-

⁷ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1916.

⁸ Троицкий И.М. Третье отделение при Николае I. Л., 1990. С. 16—17.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

¹¹ Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дисс... к.и.н. М., 1973. С. 63.

¹² Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006. С. 197.

¹³ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. 1826—1880. М., 1982.

зах и распоряжениях по III отделению и Корпусу жандармов. В работе Оржеховского показан механизм взаимодействия центрального органа политической полиции с жандармскими командами. Анализ архивных источников свидетельствует «об использовании основной массы жандармов в качестве исполнительного органа “высшей” полиции и в то же время показывает тесное переплетение повседневных обязанностей жандармских “нижних чинов” с обязанностями так называемой земской полиции, находившейся в ведении Министерства внутренних дел»¹⁴.

Советские историки обращались к материалам III отделения преимущественно для освещения истории общественной мысли и революционного движения. В работах Я.И. Линкова¹⁵, Н.М. Дружинина¹⁶, В.А. Федорова¹⁷, М.А. Рахматуллина¹⁸ было подробно рассмотрено участие жандармских команд в подавлении крестьянских выступлений. В трудах И.А. Федосова¹⁹, М.Г. Седова²⁰, В.А. Дьякова²¹, Н.А. Троицкого²², А.Ф. Возного²³ была изучена деятельность III отделения по выявлению тайных обществ и кружков, по борьбе с народническим движением в 1870-х гг. и в целом по противодействию оппозиционному и революционному движению. Кроме того, серия работ С.В. Кодана²⁴ осветила историю сибирской политической ссылки, в том числе роль жандармерии в заведывании ссылкой декабристов. Многоотомное исследование М.Н. Гернета²⁵ о дореволюционной тюрьме (ряд тюрем для осужденных по политическим преступлениям находился в ведении III отделения) отличается фундаментальностью источниковой базы и комплексным подходом — историк изучил не только систему уголовно-исправительных учреждений, но и уголовно-процессуальное право.

Зарубежные историки обратились к исследованию III отделения также в 1960-е гг., когда были опубликованы две монографии о тайной полиции России в царствование Николая I²⁶. Книга С. Монаса концентрирует внимание читателя, в первую очередь, на роли III отделения в цензурной политике правительства. Эта тематика была подробно исследована в трудах отечественных дореволюционных историков. Работа профессора Оксфордского университета П.С. Сквайра, напротив, ориентирована исключительно на воссоздание истории возникновения и функционирования III отделения и приданного ему Корпуса жандармов. Для своего времени она явилась наиболее полным и законченным исследованием по теме. Выводы Сквайра звучат парадоксально: он считает создание Корпуса жандармов большим политическим

¹⁴ Там же. С. 44.

¹⁵ Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952.

¹⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1—2. М.; Л., 1946; 1958.

¹⁷ Федоров В.А. Крестьянское движение в Центральной России (1800—1860). По материалам центрально-промышленных губерний. М., 1980.

¹⁸ Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в Великорусских губерниях. 1826—1857 гг. М., 1990.

¹⁹ Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958.

²⁰ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

²¹ Дьяков В.А. Освободительное движение в России в 1825—1861 гг. М., 1978.

²² Троицкий Н.А. Безумство храбрых (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866—1882 гг.). М., 1978; *Его же*. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866—1895. М., 1979.

²³ Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985.

²⁴ См., напр.: Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия в первой половине XIX в. Иркутск, 1980.

²⁵ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3-е. Т. 1—5. М., 1960—1963.

²⁶ Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961; Squire P.S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

просчетом правительства Николая I, поскольку жандармы по своим обязанностям были неэффективным сплавом секретных агентов и обычных офицеров полиции²⁷. В этом плане российская жандармерия не имела ничего общего с французской. Последняя функционально являлась аналогом российского Корпуса внутренней стражи. О жандармских губернских штаб-офицерах Сквайр писал: «Выдающиеся карьеры и безупречное поведение этих офицеров, видимо, считались достаточной компенсацией полному отсутствию опыта полицейской работы»²⁸.

В 1973 г. была опубликована монография американского историка Дж. Яни, посвященная эволюции государственных институтов Российской империи XVIII — начала XX вв. Яни предложил свою интерпретацию реформы 1826 г. Он рассматривает учреждение Корпуса жандармов в рамках общей концепции «царских агентов» — доверенных лиц монарха, которые действовали вне рамок формальной министерской системы. По мнению Яни, «жандармские офицеры были личными агентами царя, которые должны были руководствоваться не формальным законодательством, а действовать по совести», и в их задачи входил, в первую очередь, контроль за центральной и местной администрацией. Однако с постепенным становлением и укреплением министерской власти эти задачи III отделения отходили на второй план, а жандармы стали органической частью самой бюрократической системы — на них были возложены сугубо полицейские функции. Таким образом, заключает Яни, создание III отделения в его первоначальном виде было временной и экстренной мерой в процессе формализации и укрепления традиционных бюрократических институтов²⁹. Более глубокое изучение этих сюжетов зарубежными авторами ограничивалось недоступностью архивных материалов. В Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете хранятся уникальные материалы по истории зарубежной агентуры политического сыска, но они относятся к деятельности Департамента полиции.

В целом, на этом историографическом этапе был сформулирован и закреплён ряд важных положений. В 1826—1827 гг. политическая полиция Российской империи была серьёзно реорганизована. Николай I перевел ее в состав своей канцелярии и тем самым поставил под личный контроль. Штат тайной полиции не был увеличен, его составили чиновники бывшей Особенной канцелярии Министерства внутренних дел. Нет оснований говорить о том, что была заметно расширена агентурная сеть. Однако дела политической полиции были сосредоточены в одном ведомстве. Николай I рассматривал расширение сферы деятельности политической полиции как возможность оперативно реагировать на различные внутривластные вызовы, а также контролировать министерства. Наиболее существенной частью реформы «секретного» ведомства стало подчинение главному начальнику III отделения военизированной полиции в лице созданного в 1826—1827 гг. Корпуса жандармов. Агентами III отделения в губерниях выступали жандармские штаб-офицеры, которым были подчинены жандармские команды. Компетенция жандармских команд была очерчена довольно четко и в целом сводилась к поддержанию и восстановлению общественного порядка тогда как функции губернских штаб-офицеров не были законодательно обозначены — главным образом, они наблюдали за местным обществом и

²⁷ *Squire P.S.* Op. cit. P. 236—237.

²⁸ *Ibid.* P. 228.

²⁹ *Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. University of Illinois Press, 1973. P. 224—228.

администрацией. В царствование Александра II политическая полиция подверглась косметическим административным реформам, в 1870-е гг. заметно увеличилось финансирование на чрезвычайные нужды, однако действительно модернизировать систему политического сыска, в том числе надзор и агентуру, не удалось. Историки революционного движения делали акцент на репрессивной функции III отделения и пришли к заключению, что если во второй четверти XIX в. тайная полиция выявляла оппозиционные кружки, то с начала 1860-х гг. она потеряла инициативу и оказалась слабо подготовлена к выявлению как строго законспирированных революционных групп, так и к противодействию распространению оппозиционных настроений в обществе. Схожие выводы содержатся и в новейших монографиях по истории народо-вольческого терроризма³⁰.

Бум исследовательского интереса к истории III отделения пришелся на начало 1990-х гг. и в значительной степени продолжается по сегодняшний день. Он связан с возможностью работы в архивах и целенаправленного изучения истории политической полиции, а также с тем, что данная тематика оказалась слабо освещенной в научной литературе и, соответственно, вполне актуальной. В 1990-е и начале 2000-х гг. исследователи ввели в научный оборот отдельные архивные материалы, были опубликованы обобщающие исследования по истории тайной полиции самодержавия³¹. Но эти работы не обозначили качественно нового шага в понимании темы.

В совместной монографии Ч.А. Рууда и С.А. Степанова³² жандармские штаб-офицеры представлены доверенными лицами императора, призванными собирать информацию об общественных настроениях и проявлениях общественного недовольства правительственной политикой. Авторы полагают, что по замыслу Николая I включение тайной полиции в состав императорской канцелярии обязывало всех министров сотрудничать с новым ведомством, хотя законодательно этот порядок зафиксирован никогда не был.

В 2003 г. была опубликована объемная монография А.Г. Чукарева³³, которая объединила все известные в историографии факты по истории III отделения при Николае I, включая историографию проблемы, предысторию создания, организационную структуру и ее изменения, противодействие крестьянским выступлениям, выявление тайных обществ, цензурные функции и взаимоотношения с литературным миром, биографии руководителей III отделения. Однако Чукареву не удалось существенно расширить источниковую базу исследования, книга почти полностью написана на введенных в научный оборот материалах. Автор считает, что появление III отделения знаменовало собой качественное изменение в системе секретной государственной полиции и было закономерным в условиях вступления страны в буржуазную фазу развития.

Новые подходы нашли отражение в сборнике статей «Политический сыск в России. История и современность»³⁴, где были даны определения таким ключевым для

³⁰ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000; Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60—80-е годы XIX века). М., 2008.

³¹ Головкин Г.З., Бурин С.Н. Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. М., 1998; Жандармы России. СПб., 2002.

³² Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

³³ Чукарев А.Г. Тайная полиция Николая I (1826—1855). Т. 1—2. Ярославль, 2003.

³⁴ Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997.

темы понятиям как «политическая полиция», «политический сыск», «политический розыск». Значимым историографическим явлением стала диссертация саратовского историка О.Ю. Абакумова³⁵. В ней подробно рассмотрены внутренняя организация (административные преобразования, штаты) и направления деятельности III отделения в 1856-1866 гг. По мнению историка, «при отсутствии свободы слова, в обстановке жестких цензурных ограничений, именно тайная полиция выполняла функции посредника между императором и обществом, являясь доверенным толкователем явлений общественной жизни, структурой, осведомленной относительно сокровенных замыслов верноподданных (почерпнутых из перлюстрации, доносов, слежки), хранителем общественного спокойствия»³⁶. Одновременно Абакумов показывает постепенную переориентацию деятельности III отделения на розыск в 1860-х гг. Кроме того, в диссертации и других работах Абакумова была впервые прослежена роль III отделения и его руководителей (В.А. Долгорукова, П.А. Шувалова, А.Е. Тимашева) в ходе подготовки и реализации реформ 1860-х гг. В частности, автор отмечает участие III отделения в информировании Александра II о настроениях и слухах в связи с подготовкой отмены крепостного права и лично Долгорукова в корректировке «Положений о преобразовании судебной части» 1862 г.³⁷ Вопрос о влиянии руководства политической полиции на формирование политического курса правительства в той или иной степени присутствует в статьях и монографических исследованиях биографического характера³⁸.

Изучение проблем, поставленных в диссертации Абакумова, было продолжено в монографии Н.В. Логачевой³⁹. Основная цель книги — рассмотреть деятельность политической полиции после введения Судебных уставов 1864 г. Автор приходит к выводу, что новое судебное законодательство сильно осложнило расследование государственных преступлений. Любое нарушение материальных и процессуальных норм, утвержденных Судебными уставами, ставило под сомнение законность действий чинов жандармского корпуса, затрудняло доведение дела до суда и вынесение приговора. До конца 1860-х гг. жандармерия стремилась согласовывать свои действия с новой судебной системой. Однако в начале 1870-х гг. с целью повышения раскрываемости государственных преступлений, доведения дел до суда власть пошла на корректировку принятого ранее законодательства и заметное расширение полномочий жандармских офицеров в области ведения следствия и дознания.

Выяснению места III отделения в системе государственных институтов Российской империи способствуют работы по истории собственной его императорского величества канцелярии. Традиционно усиление значения этого органа в начале правления Николая I историки связывают со стремлением императора лично контролировать принятие наиболее важных решений, его недоверием к государствен-

³⁵ Абакумов О.Ю. III Отделение в период общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. Дисс... к.и.н. Саратов, 1994.

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Абакумов О.Ю. Реформаторы из III отделения: политическая полиция в борьбе за реформы // Александр II. Трагедия реформатора. СПб., 2012.

³⁸ Зиза Е.Н. Алексей Федорович Орлов (1786—1861) — государственный деятель России первой половины XIX в. Дисс... к.и.н. Калининград, 2001; Филиппова Т.А. Петр Андреевич Шувалов // Российские консерваторы. М., 1997; Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2009. См. также нашу монографию: Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

³⁹ Логачева Н.В. Политический сыск в российской провинции в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. Пенза, 2010.

ным институтам и бюрократии. Еще И.В. Оржеховский писал о том, что «управление через канцелярию помимо установленных государственных учреждений было характерно для николаевской монархии»⁴⁰.

В этом плане интерес представляет специальное исследование финского историка П. Мустонена. Он полагает, что отделения канцелярии «создавались под конкретного государственного деятеля»⁴¹. Со своей стороны, А.А. Смирнова в работе о II отделении императорской канцелярии, также учрежденном в 1826 г., отмечает, что статус этого института в рамках самодержавного правительства не был законодательно определен. Такой неформальный статус давал руководителю II отделения больше гибкости в определении приоритетов деятельности в сравнении с министрами, но одновременно делал само учреждение менее устойчивым в качестве постоянно действующего органа власти⁴². Этот вывод исследователя, возможно, следует распространить и на III отделение. Отметим здесь соображение Ф.Л. Севастьянова: «Учреждая II и III Отделения своей Собственной канцелярии, Николай I руководствовался, скорее, некоторыми общими представлениями о том, что прямым монаршим долгом является следить как за процессом подготовки новых законов, так и контролировать их исполнение»⁴³.

Лучше других изучено такое направление деятельности III отделения какграничная агентура и надзор за иностранцами в России. В одной из своих работ О.Ю. Абакумов показал усложнение задач заграничного сыска в условиях либерализации общественно-политической жизни на рубеже 1850—1860-х гг.⁴⁴ Продолжая традиции дореволюционной историографии в изучении взаимодействия политической полиции с литературным миром, современный исследователь А.И. Рейтблат привел данные о сотрудничестве некоторых литераторов с тайной полицией. По его заключению, «связь ряда журналистов с III отделением — не досадное исключение, обусловленное низкими моральными качествами этих людей, а закономерное явление, демонстрирующее специфические черты российской литературной системы того времени»⁴⁵.

В последние годы наиболее значимым шагом в изучении истории III отделения и Корпуса жандармов стала серия диссертационных исследований, посвященных функционированию губернских жандармских управлений (ГЖУ) второй половины XIX в., выполнявших функции политической полиции в губерниях⁴⁶. Общее количе-

⁴⁰ Оржеховский И.В. Указ. соч. С. 81.

⁴¹ Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812—1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998. С. 296.

⁴² Смирнова А.А. Второе Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии: 1826—1882. Автореф. дисс... к.и.н. СПб., 2009.

⁴³ Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: От тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008. С. 274.

⁴⁴ Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. См. также: Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791—1867 гг.). М., 2008.

⁴⁵ Рейтблат А.И. Русские писатели и III Отделение. (1826—1855) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 178.

⁴⁶ Горянов В.М. Исторические аспекты деятельности корпуса жандармов Российской империи в XIX — начале XX вв. Дисс... к.и.н. Курск, 2001; Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX вв. На материалах Ставрополя и Кубани. Дисс... к.и.н. Пятигорск, 2005; Лаврик Т.М. Организационно-правовые

ство таких диссертаций превысило два десятка, что не в последнюю очередь связано как с историографической новизной тематики, так и с удобством формулировки темы диссертации. При этом возможность научного изучения отдельных ГЖУ напрямую зависит от сохранности областных архивных фондов⁴⁷. В этих работах, написанных преимущественно в юридической плоскости, были освещены такие вопросы как участие жандармов в ведении дознания, организация высылки и полицейского надзора, кадровый состав Корпуса жандармов, взаимодействие жандармерии с судебными властями, губернаторами и местной полицией.

О Корпусе жандармов эпохи Николая I аналогичных исследований меньше, но значимым исключением являются монографии ульяновского историка В.В. Романова⁴⁸. Работая как в московских, так и в региональных архивах, он восстановил историю организационного становления штаба Корпуса жандармов и его местных подразделений во второй четверти XIX в. Среди прочего, историк рассмотрел механизмы взаимодействия губернских штаб-офицеров с генерал-губернаторами, военными губернаторами и местной полицией, а также самого III отделения с жандармскими штаб-офицерами. Романов впервые подробно описал участие жандармов в борьбе с эпидемиями, в контроле за проведением рекрутских наборов, в наблюдении на ярмарках. Монографии Романова также написаны в историко-юридической плоскости, в них меньше внимания уделено практической деятельности губернских штаб-офицеров, в частности, не были специально рассмотрены такие их функции штаб-офицеров, как сбор информации об общественных настроениях, контроль за местными властями. Тем не менее это первое столь масштабное исследование института жандармских губернских штаб-офицеров в николаевскую эпоху.

Развивает данную тематику книга А.Н. Бикташевой⁴⁹, в одном из разделов которой на примере Казанской губернии детально рассмотрен механизм жандармского контроля над губернской администрацией в дореформенное время. Своим образом концептуального подхода отличается исследование А.В. Седунова⁵⁰. Историк объединил изучение общей и политической полиции в рамках единой проблематики обеспечения общественной и государственной безопасности. Но этот подход оказался реализован лишь в незначительной степени, поскольку жандармерия и полиция рассмотрены отдельно и без обобщающих выводов.

основы деятельности жандармских управлений Российской империи. 1867—1917. Дисс... к.ю.н. Тамбов, 2006; *Алексеева М.А.* Новгородское губернское жандармское управление (1867—1917 гг.). Дисс... к.и.н. Великий Новгород, 2007; *Белова А.В.* Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры. 1867—1917 гг. Дисс... к.и.н. Тамбов, 2008; *Бродникова М.Н.* Формирование и деятельность органов политической полиции России во второй четверти XIX — начале XX вв.: на материалах Ставрополя и Терека. Дисс... к.и.н. Ставрополь, 2008. Изучены также жандармские полицейские управления железных дорог, появившиеся в 1840-х гг.: *Гончарова Ю.В.* Жандармские полицейские управления железных дорог. 1867—1917. Дисс... к.ю.н. М., 2000.

⁴⁷ Так, если в фонде новгородского ГЖУ отложилось около 1500 дел, то в соседнем псковском — два десятка (см. об этом: *Седунов А.В.* Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века: на материалах Северо-Запада России. Дисс... д.и.н. Санкт-Петербург, 2006).

⁴⁸ *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826—1860 гг.: основные тенденции. Ульяновск, 2007; *Его же.* Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826—1860 гг.: формы и основные направления деятельности. Ульяновск, 2008.

⁴⁹ *Бикташева А.Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012.

⁵⁰ *Седунов А.В.* Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века: на материалах Северо-Запада России. Дисс... д.и.н. Санкт-Петербург, 2006.

Из поля зрения зарубежных историков III отделение как специальный объект научного анализа в последние годы выпало. В значимой монографии профессора Иллинойского университета в Чикаго Дж. Дэйли⁵¹, хотя ее нижняя хронологическая граница обозначена как 1866 г., все внимание уделено Департаменту полиции. В то же время книга содержит ряд интересных наблюдений. Дэйли полагает, что централизацию ведомства политической полиции в 1826 г. нельзя априори называть прогрессивным шагом. Множественность структур политического сыска была характерна, к примеру, для наполеоновской Франции. По мнению Дэйли, неверно рассматривать III отделение и Корпус жандармов как монолитный бюрократический механизм с определенными задачами — необходимо вникать в разногласия внутри бюрократической системы, поскольку правительство, особенно при Александре II, не проводило единой политической линии, а в среде высшей бюрократии наблюдалась острая конкуренция. Дэйли предполагает, что до 1870-х гг. жандармские офицеры в определенном плане заменяли такие демократические институты как парламент и свободная пресса.

Определенный интерес для темы представляют труды зарубежных авторов, посвященные истории политической полиции и жандармерии европейских государств XIX в. Во Франции, на родине жандармерии, она изучается в рамках таких направлений как институциональная, социальная и культурная история. Пониманию истории российского Корпуса жандармов могут способствовать выводы историков о том, что жандармерия сыграла важную роль в создании единого правового поля, укреплении институтов государственной власти в провинции⁵². Жандармские команды становятся объектом анализа в рамках микроистории и просопографии, изучения социальной мобильности⁵³.

Комплексы работ по истории III отделения, созданных в 1990—2000-х гг., дополнил историографию новыми подходами, некоторые из которых сегодня признаны большинством исследователей. Так, историки пришли к выводу, что по замыслу Николая I и первого шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа штаб-офицеры Корпуса жандармов были независимы от местной администрации и информировали шефа жандармов, а через него и императора, обо всех заслуживающих внимания происшествиях, и в целом о царящих в среде губернского дворянства настроениях. Наблюдение было увязано с функциями контроля: жандармы отслеживали случаи злоупотреблений губернской администрации, в том числе в рекрутских присутствиях и на ярмарках. Этот контроль был организован не в рамках законодательных норм и формальных процедур. Штаб-офицерам вменялось в обязанность неофициальное разрешение конфликтов между подданными. Жандармская и, в меньшей степени, агентурная сеть позволяла правительству быть в курсе общественного мнения и корректировать вектор внутренней политики, а лично императору — контролировать деятельность государственного аппарата. Такой порядок использования жандармских офицеров в качестве чинов политической полиции был новым не только для России, но не имел прямых аналогов и в европейских державах первой половины XIX в.

Диссертационные исследования, посвященные губернской жандармерии после 1867 г. (год образования губернских жандармских управлений), указывают на посте-

⁵¹ *Daly J.W.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866—1905. DeKalb, 1998.

⁵² См.: *Gendarmerie, État et société au XIXe siècle. Actes du colloque.* Sous la direction de Jean-Noël Luc. P., 2002; *Emsley C.* Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford, 1999.

⁵³ *Houte A.-D.* Le métier de gendarme au XIXe siècle. Rennes, 2010.

пенную переориентацию ее деятельности с контроля за местной администрацией на полицейские задачи. В 1860—1870-е гг. круг «поднадзорных» существенно расширился за счет студентов и выпускников университетов, появления гласного судопроизводства и земской реформы, но методы работы политической полиции почти не менялись. Жандармы не справлялись с возросшими обязанностями, в итоге роль III отделения по информированию императора о настроениях в обществе и состоянии отдельных отраслей управления значительно снизилась. Жандарм вынужден был на формальной основе регулярно взаимодействовать с чинами полиции и судебными инстанциями, а Корпус жандармов постепенно утратил характер негласно-контрольного учреждения, получив значение следственной власти по делам о государственных преступлениях. Однако и в 1870-е гг. основная сфера деятельности жандармов тесно переплеталась с задачами общей полиции.

В то же время степень исследованности политической полиции Российской империи 1826—1880 гг. неравномерна как по отдельным направлениям ее деятельности, так и по структурным подразделениям. Не до конца прояснена роль III отделения в годы так называемого «мрачного семилетия» (1848—1855), когда политика жесткого ужесточения цензуры способствовала отчуждению значительной части образованного общества от власти. Историки отмечают постепенное изменение характера функционирования политического сыска в 1850—1860-х гг., однако внутренний механизм этой перестройки, в первую очередь, на губернском уровне, изучен слабо. В целом губернская жандармерия в период 1856—1867 гг. по разным причинам почти выпала из поля зрения историков. Обойденной вниманием остается и такая значимая тема как деятельность жандармских офицеров на окраинных территориях Российской империи. Наименее исследована история III отделения в последние 15 лет его существования. На этом временном отрезке политическая полиция изучается в связи с противостоянием революционному движению, реформированием ее организационной структуры, однако другие стороны деятельности III отделения специально не изучены.

Несомненный шаг вперед в изучении III отделения и Корпуса жандармов, который произошел в последнее двадцатилетие, открывает возможности для перехода на новые уровни исследования. С одной стороны, это проблематика формирования единого правового поля, механизмов административного контроля — такие исследования реализуемы в том числе в формате микроистории и так называемой истории повседневности. С другой, — актуальными становятся обобщающие исследования истории III отделения и Корпуса жандармов. На базе накопленного эмпирического материала можно вписать деятельность этих учреждений как в рамки всей системы самодержавной администрации (изучив их роль в формировании политического курса правительства), так и в проблематику трансформации государственных институтов при переходе от аграрного общества к индустриальному, охранения общественной и государственной безопасности, взаимодействия власти и общества.

А.С. Минаков

Институт губернаторства в системе государственного управления пореформенной России

Всем известно насколько велика роль государства, его административно-политических институтов в истории нашей страны с ее громадной территорией, большим, но крайне неравномерно распределенным по ней населением, разнообразным по этноконфессиональному составу. С XVIII в. эти факторы уже заявляли о себе самым серьезным образом и актуализировали необходимость жестко централизованной административной системы, которая давала возможность контролировать неравнозначные части империи. Вместе с тем, существенное значение для развития страны имела действенная реализация на местах решений, принятых в правительственном центре. В этой связи на региональном уровне властной вертикали большую роль играли губернаторы, ставшие в процессе масштабных преобразований Петра I центральным звеном провинциальной администрации.

Необходимо отметить, что проблема формирования губернаторского корпуса, наделения его необходимым объемом полномочий и, наконец, контроля над деятельностью первых администраторов регионов не только была одной из ключевых в повестке дня имперского правительства, но и сохранила свою актуальность до наших дней. Современных реформаторов волнуют все те же проблемы, по-прежнему идет поиск наиболее оптимальных управленческих моделей, а также форм взаимодействия власти и общества. К середине XIX в. институт губернаторства самодержавной России приобрел в целом институционально завершенные черты. С этого времени он столкнулся с серьезнейшими вызовами и испытаниями перед лицом радикализации общества и стремительных социально-экономических изменений в стране. Поэтому пореформенный период, на мой взгляд, дает возможность наиболее объективно проанализировать состояние и перспективы института губернаторства. Принимая во внимание масштабность проблематики данной темы, мне хотелось бы обратить внимание на наиболее принципиальные и в какой-то степени дискуссионные, сюжеты этой проблемы.

В первую очередь следует остановиться на составе губернаторского корпуса. По этому сюжету в историографии накоплен и обобщен значительный фактический материал¹. Средний возраст губернаторов колебался в промежутке от 40 до 55 лет.

¹ Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы). Дисс. Л., 1977. С. 66—67; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978. С. 214—215. Учитывались данные по 56 губернаторам (кроме губерний Царства Польского и Великого княжества Финляндского, а также 4 вакансий на 1903 г.); Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 284—285; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007. С. 164—165; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е — начало 80-х гг. XIX века. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1992. С. 331—349 и др.

Большинство из них находилось в чине IV класса (действительный статский советник). По имущественному положению от 50 до 70 % губернаторов имели земельную собственность, причем около 40 % — крупную. Наиболее распространенным было поместье размером 1—5 тыс. десятин. За пореформенное время возрос образовательный уровень губернаторов, а число лиц, получивших домашнее образование сократилось до минимума. Заметным фактом являлось сокращение к началу XX в. числа губернаторов, в прошлом состоявших на военной службе.

Приведенные данные представляют нам формальную сторону социально-культурного облика первых лиц губернской администрации. Однако они не могут отразить сложный процесс ротации губернаторского корпуса. Между тем, в пореформенное время именно ротация стала таким рычагом воздействия на ситуацию в регионах, которым правительство предпочитало решать многие вопросы внутренней политики. На начало 1860-х гг., когда правительство испытывало острую потребность в ответственных и энергичных проводниках реформ, приходится целая волна кадровых перемещений. Так, в течение только 1861 г. почти в половине регионов Европейской части России, где вводились Положения 19 февраля, были назначены новые губернаторы. Именно в них самодержавие видело администраторов, которые могли наладить конструктивное взаимодействие с местной дворянской элитой. Одновременно с этим они представлялись фигурами независимыми от местного окружения. Далее, серия губернаторских отставок последовала вскоре после восстания в Царстве Польском. В 1863 г. весь губернаторский корпус этой западной окраины был замещен этнически русскими чиновниками. Следующее массовое обновление губернаторского корпуса произошло в 1866 г., после покушения Д.В. Каракозова на императора Александра II. Далее, более половины губернаторов сменилось в 1879—1881 гг., когда наблюдался всплеск активности (в том числе террористической) антиправительственных элементов. Волна смещений губернаторов приходится и на годы Первой русской революции. Только в 1905 г. в более чем половине регионов требовалось заменить руководителей, которые обнаружили неспособность к решительному противодействию революционной опасности. Центральные власти требовали от губернаторов «энергично подавлять всякие бесчинства, не останавливаясь перед самыми решительными мерами, и уже несколько нерешительных губернаторов были смещены», — описывал атмосферу тех лет современник².

Конечно, не все увольнения губернаторов были связаны с сомнениями верховного руководства в их готовности противостоять революционной опасности. Однако самодержавие активно использовало формальные поводы для укрепления своего присутствия на местах. Поэтому необходимость смены губернаторов диктовалась как общественно-политическими событиями, так и переменами социально-экономического развития. В целом, самодержавие было заинтересовано в эффективном бюрократическом персонале, старалось подбирать перспективных чиновников, давало возможность проявить свои административные способности талантливым и молодым кадрам. Нередко именно им намеренно оказывалось покровительство.

В пореформенное время областью повышенного внимания правительства оставались законодательные основы института губернаторства. Хотелось бы отметить, что на протяжении всего пореформенного времени правительство вело целенаправленный поиск наиболее действенной модели местного управления и, в частности,

² Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. (1905—1914 г.). Новгород-Самара-Пенза. Пг., 1916. С. 16.

институционального структурирования в ней губернатора. Достаточно вспомнить о наработках эпохи «Великих реформ», проектах А.Е. Тимашева, трудах Кахановской комиссии и, наконец, реформаторских планах В.К. Плеве³. Напомню, что все они, так или иначе, остались не реализованными.

Обратим отдельное внимание на проект П.А. Столыпина, который основывался на наработках его предшественников и был фактически последний инициативой правительства в данной области. Его проект отличался от других наибольшим пониманием необходимости не привнесения чего-то институционально нового, а ослабления противоречий, которые имели место в губернаторском статусе и системе управления в целом. Столыпин стремился устранить расплывчатость функционального статуса губернатора, чем, как известно, отличалось пореформенное законодательство. Он хотел придать управлению регионами внутреннее единство, консолидировав деятельность губернской администрации и органов общественного управления. Было понятно, что его проект в случае реализации усиливал централизацию власти, укрепляя подчиненность губернатора единому руководству в лице МВД. Одновременно возрастало влияние губернатора на губернские структуры в целом. «Не настаивая на необходимости чрезмерной централизации управления, нельзя, вместе с тем, не отметить, что исключительно огромное протяжение империи, все различие ее этнографического состава, а сверх того, сравнительно слабое развитие во многих местностях общественной самостоятельности, настоятельно требуют сосредоточения общего надзора и руководства за ходом дел в губерниях в руках одного ведомства, каким, естественно, может быть только Министерство внутренних дел», — подчеркивалось в проекте⁴.

От предыдущих законодательных инициатив столыпинский вариант отличало смещение акцента с понимания губернатора как монаршего представителя на местах. Теперь он именовался лишь «главным в губернии представителем высшего правительства»⁵. Все кадровые решения по составу губернаторского корпуса по-прежнему определялись монаршей волей, но, вместе с тем, напоминалось, что «губернаторы состоят в ведомстве Министерства внутренних дел»⁶. Скорее всего, составители проекта «не хотели вносить в него такую ясность, которая могла бы вызвать неудовольствие императора, привыкшего считать, что губернаторы находятся в его непосредственном подчинении»⁷. Губернатор по-прежнему наделялся в проекте обширными правами, среди которых был усиленный надзор за всеми находящимися в губернии учреждениями гражданского ведомства и общественного управления. Он имел право присутствовать и в удобное для него время делать заявления на всех заседаниях земских собраний и городских дум, мог лично или через своего помощника по административной части, а также при участии представителя МВД, производить ревизию всех этих структур. Вне губернаторской юрисдикции были лишь суды, учреждения Государственного контроля, Государственного банка и высшие учебные заведения.

³ Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850—1870-е гг.); *Его же*. «Камень преткновения»: проблема административных реформ последней четверти XIX — начала XX вв. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 184—203, 222—258.

⁴ Программа реформ П.А.Столыпина. Документы и материалы. М., 2003. Т. 1. С. 266—267.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же. С. 330.

⁷ Зырянов П.Н. В ответ на революционные потрясения: административные реформы начала XX в. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 297.

Одной из новаций было учреждение должностей помощников губернатора, непосредственно подчиненных ему: по административной части со званием вице-губернатора и по полицейской части с обязанностями начальника губернской полиции. Как и прежде, губернатор по должности руководил разного рода комитетами, комиссиями и прочими присутственными местами. Кроме того, он занимал пост председателя губернского совета — нового органа власти, которому в проекте отводилось важное место. Губернский совет — «высшее в губернии место», мог созываться в составе четырех присутствий: общего, распорядительного, административно-судного или дисциплинарного.

Общее присутствие губернского совета ведало расходом казенных средств и другими финансовыми вопросами. В ведение распорядительного присутствия планировалось передать дела, ранее возлагавшиеся на органы, упразднявшиеся данным проектом: губернское правление, губернские присутствия по земским и городским делам, по воинской повинности, по фабричным и горнозаводским делам, по делам об обществах, по промысловому налогу; губернские комитеты: распорядительный, лесоохранительный и по делам мелкого кредита. Административно-судное присутствие разбирало жалобы на решения административных органов. Наконец, к компетенции дисциплинарного присутствия губернского совета относились «дела о наложении дисциплинарных взысканий за служебные проступки тех служащих в земских, городских и сословных учреждениях, как по выборам, так и по вольному найму, утверждение коих или допущение коих к отправлению должности принадлежит губернатору»⁸. Он мог вносить дела на рассмотрение всех присутствий губернского совета. В соответствии с проектом, у губернаторов оставалось право издавать в пределах своего региона обязательные для исполнения всем населением постановления. Однако данная компетенция ограничивалась необходимостью утверждения постановлений общим присутствием губернского совета, а также их согласования с руководителями губернских отраслевых органов, если они затрагивали интересы каких-либо ведомств⁹.

В целом, рассуждать о потенциальном облике губернаторов и метаморфозах их статуса в нереализованных проектах мы можем лишь гипотетически. Действовавшее законодательство, каким бы несовершенным оно не являлось, определяло многовекторность статуса начальника губернии. Прежде всего, он был представителем высочайшей власти. Во-вторых, он являлся представителем МВД, был его первым чиновником на местах. Наконец, губернатор осуществлял надзор за деятельностью губернской администрации, отвечал в целом за ее работу. Каждая из этих сторон губернаторского статуса выражалась через соответствующие полномочия. Первый фактор имел не только надинституциональное, но и символическое значение. Например, анализ системы годовой губернаторской отчетности позволяет с уверенностью говорить о том, что, несмотря на утрату своего значения оперативного статистического канала, всеподданнейшие отчеты представляли собой важный бюрократический ритуал, подчеркивавший роль самодержца в работе вертикали власти. И губернаторы дорожили этим правом¹⁰.

Две другие стороны губернаторского статуса в значительной степени определяли его могущество. Так, одним из важнейших атрибутов его власти было право производства

⁸ Там же. С. 347.

⁹ Там же. С. 333.

¹⁰ См.: *Минаков А.С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.). Орел., 2011. С. 297—301.

общих и внезапных ревизий всех присутственных мест, которое они получили в 1866 г.¹¹ С этого времени губернаторы могли проводить проверки во всех губернских органах власти, независимо от их ведомственной принадлежности (исключая контрольные палаты). Кроме того, они имели возможность обсуждать кандидатуры на должности в тех же учреждениях, а в 1876 г. получили право издавать упоминавшиеся выше обязательные постановления¹². Последние стали к началу XX в. действенным рычагом административного воздействия на ситуацию в регионах. Наряду с вопросами, требовавшими полицейско-репрессивного вмешательства, посредством обязательных постановлений разрешался широкий круг вопросов повседневного, социально-экономического характера.

По «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. губернаторам предоставлялись еще более широкие полномочия¹³. В губерниях, объявленных на положении «усиленной охраны», они могли закрывать собрания, торговые и промышленные заведения, запрещать органы печати, арестовывать, штрафовать и высылать в административном порядке политически неблагонадежных и вообще «подозрительных» лиц. Если же в регионе вводилось положение «чрезвычайной охраны», вся полнота власти передавалась генерал-губернатору или специально назначенному главноначальствующему. К нему в подчинение переходил весь административный аппарат губернии. По его распоряжению могли формироваться особые военно-полицейские команды, осуществляться военно-полевое судопроизводство, производиться кадровые перестановки (в том числе в органах самоуправления), а также разрешалось подвергать конфискации и ограничивать пользование недвижимым и движимым имуществом.

Таким образом, губернатор, оставаясь чиновником МВД, подчинял себе деятельность органов других ведомств. Вместе с тем, с середины XIX в. уменьшается значение губернского правления, которое первоначально создавалось как коллегиальное учреждение, но фактически за первую половину XIX столетия попало под полное дискреционное влияние губернатора. Во многом это было связано с утратой губернскими правлениями многих прежних функций, отданных в пореформенное время новым органам власти (земским учреждениям, акцизным управлениям и др.)¹⁴. Очевидно, коллегиальный принцип принятия решений меньше импонировал губернатору, полномочия которого росли. На этом фоне возросло значение канцелярии губернатора, которая и стала в конечном итоге его основным распорядительным и делопроизводственным подспорьем. Ситуация, при которой губернатор мог вмешиваться в дела как других ведомств, так и коллегиальных органов прождала неизбежный конфликт интересов и принципов.

Наконец, очень важно обратить внимание на роль губернаторов в проблеме взаимоотношений власти и общества. Пореформенный период — это время первого

¹¹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О пространстве и пределах власти губернаторов». 22 июля 1866 г. // ПСЗ-II. Т. XLI. Отд. 1. СПб., 1868. № 43501.

¹² Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления». 13 июля 1876 г. // ПСЗ-II. Т. LI. Отд. 2. 1876. СПб., 1878. № 56203.

¹³ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗ-III. Т. I. СПб., 1885. № 350.

¹⁴ См.: Шумилов М.М. Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50—80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX века. СПб., 1999. С. 192; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Научно-педагогические труды]. М., 2008. С. 246—247.

реального опыта таких отношений. В первую очередь, он связан с появлением учреждений общественного управления. Учреждение земских и городских органов самоуправления изменило структуру местной администрации, хотя в целом не повлияло на ее принципы и характер. Эти органы постепенно интегрировались в единое административное пространство, хотя и были организованы на формально общественных началах. Правительство намеренно поставило их под плотный губернаторский контроль. Лишенные административного опыта гласные получали тем самым действенную помощь в работе, где ошибки слишком дорого обходились государству. Десятилетия взаимной работы губернаторов и земств показали, что правительство находилось в интенсивном поиске оптимальной модели их взаимоотношений. И отношения их в целом следует признать конструктивными. Земства разрабатывали комплекс хозяйственных мероприятий, коронная администрация исполняла их решения, обращала внимания земств на наиболее «проблемные» участки их компетенции. Земства пользовались информационной и консультативной поддержкой администрации.

Вместе с тем, споры, непонимание, открытая конфронтация губернаторов и органов самоуправления представлены далеко не единичными примерами. В числе причин конфликтов были попытки земств заняться вопросами, выходящими за рамки их компетенции, которые решительно пресекались губернаторами. С другой стороны, губернатор выступал как арбитр законности и целесообразности принимавшихся самоуправлением постановлений. В дискуссиях по этому поводу успех мог сопутствовать как той, так и другой стороне¹⁵. Другим аспектом данного вопроса были неоднозначные взаимоотношения губернаторов с местными дворянскими корпорациями. Конечно, у губернаторов был опыт общения с ними еще с XVIII в. Однако в пореформенное время данная проблема приобрела новое звучание. Правительство учитывало настроение дворянства, но губернаторы могли рассчитывать на поддержку центра в случае возникновения каких-либо конфликтных ситуаций. Не всем им удавалось выстроить хорошие отношения с представителями благородного сословия. Зачастую такие конфликты могли стоить губернаторам их постов.

Таким образом, трансформация статуса губернаторов в имперский период в сторону расширения и укрепления полномочий превратила их в ключевых носителей властных полномочий на местах и исполнителей высочайшей воли. Нормативная база губернаторской власти являлась объектом пристального внимания правительства. Хотя нового, масштабного законодательного акта после «Наказа» 1837 г. так и не было принято, состав, деятельность губернаторов, а также контроль над ними регулировались многочисленными законами более частного характера. В русле общего внутривластного курса, направленного на укрепление самодержавной системы, они наделяли губернаторов новыми полномочиями как контролирующего, так и репрессивно-полицейского характера. Именно вторая половина XIX в. была отмечена чередой мероприятий, направленных на укрепление губернаторской власти. В это время шел постоянный поиск кадровых резервов, в регионы передавались дополнительные административные ресурсы. Правительство стремилось наладить взаимодействие коронной администрации и с органами общественного самоуправления.

Позволяла ли такая политика в отношении губернаторского корпуса, при всей ее противоречивости, реализовывать реформы, поддерживать жизнеспособность госу-

¹⁵ См.: Минаков А.С. Указ. соч. С. 319—345.

дарственных механизмов? Думается, да. В целом губернаторские кадры состояли из перспективных и грамотных администраторов. Но эффективность и действенность их работы зависела от наличия необходимого для решения актуальных политических и экономических проблем инструментария. Вместе с тем, важно было не то, кто персонально занимал губернаторский пост, не его политические симпатии или степень близости к тем или иным группам влияния. Эффективность системы управления зависела от способности губернатора обеспечить преемственность политического курса. Без помощи центра это было сделать невозможно.

Почему же общая реформа местного управления так и не была реализована? Видимо, самодержавие продолжало сохранять безграничную, и, порой, утопическую веру в возможность управлять всеми процессами в стране только методами административного регулирования. Поэтому правительство пошло по другому пути, подвергнув частичной модернизации отдельные звенья управленческого аппарата.

Г.Н. Ульянова

Государство и женщины-предприниматели в Российской империи в XIX в.

Вопрос об отношении российского государства к предпринимательству приобрел важнейшее значение в XIX веке, в эпоху промышленной революции в России. Укрепление экономической и оборонной мощи требовало развития национальной промышленности. В этой связи представляет интерес феномен женского предпринимательства, имевший существенное влияние на развитие экономики. Парадокс правового положения женщины в России XIX—XX вв. заключался в том, что, играя в социальной жизни традиционную роль жены, матери, хозяйки дома, она одновременно могла иметь самостоятельный статус собственника и руководителя в предпринимательстве. Почему, несмотря на патриархальную семейную модель, в России существовало право женщин на независимое владение имуществом? Не являлось ли такое положение свидетельством стремления государства иметь дополнительный ресурс социальной и демографической стабильности?

Уже на заре индустриального развития, в середине XVIII в., женщинам принадлежал ряд крупных предприятий, например, в Москве в 1748 г. владелицей Кадашевской полотняной мануфактуры была «купецкая вдова» Наталья Бабкина, еще две суконные мануфактуры (основанные в 1763 и 1769 гг.) принадлежали дворянкам — адмиральше Мятлевой и княгине Юсуповой¹. В XIX в. русские женщины воспитывались в атмосфере, предполагавшей, что персона женского пола должна уметь наравне с мужчиной разбираться в финансах, заключении сделок по торговле и недвижимости. Причем это относилось к женщинам всех экономически активных сословий: дворянкам, купчихам, мещанкам, а отчасти и крестьянкам, переселившимся в город.

Историографический экскурс

Различные аспекты истории женщин в России были освещены в трудах Г.А. Тишкина, Л. Эдмондсон, Д. Рэнсела, Р. Стайтса, Б. Энгель, Б. Клементс, Н.Л. Пушкаревой, Б. Пиетров-Эннкер². Интерес к проблеме предпринимательства женщин нарастает

¹ См.: Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999. С. 95—96, 100.

² См.: Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50—60 гг. XIX в. Л., 1984; Edmondson L.H. Feminism in Russia, 1900—1917. London, 1984; Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia, Princeton 1988; *idem*. Village Mothers: Three Generations of Change in Russian and Tataria, 2000; Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860—1930. Princeton, 1978; Engel B. Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia. Cambridge, 1983; *eadem*. Between the Fields and the City: Women. Work and Family in Russia, 1861—1914. Cambridge, 1994; Clements B. Bolshevik Women. Cambridge, 1997; Pushkareva N. Women in Russian History From the Tenth to the Twentieth Century. N.Y.; London, 1997; Pietrow-Ennker B. Russlands «neue Menschen»: Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt; N.Y., 1999. См. также сборники: Atkinson D., Dallin A., Lapidus G. (Eds.) Women in Russia. Hassocs, 1978; Clements B., Engel B., Worobec Ch. (Eds.) Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991; и документальную публикацию: Russian Women, 1698—1917: Experience & Expression, An Anthology of Sources / Compiled by William G. Wagner et al. Bloomington, 2002. См. также: Иоффе М., Лунденмайер А. Дочери, жены и партнеры: женщины московской

ныне в западной историографии³. Значимый вклад в разработку исследовательского направления в России внесла профессор МГУ Н.В. Козлова, опубликовавшая серию статей о социально-экономическом статусе и предпринимательской деятельности московских купчих в XVIII в.⁴ Последовательницей Н.В. Козловой выступила ее ученица О.В. Фомина, в кандидатской диссертации рассмотрев вопросы имущественного статуса женщин⁵. Что же касается периода XIX — начала XX в., то среди ведущих исследователей следует назвать И.В. Поткину, М.Н. Тихомирову⁶. Из работ западных историков следует выделить монографии У. Вагнера об имущественном статусе женщин в России и М. Маррезе о собственности женщин-дворянок⁷. В 2009 году вышла моя монография «Женщины-предпринимательницы в России XIX в.»⁸.

Американская исследовательница Мишель Маррезе, в своем глубоком исследовании «Царство женщин: дворянки и контроль над собственностью. 1700—1861», оценивая экономическую активность женщин, отметила, что «к началу XIX в. дворянки были участниками примерно 40% имущественных сделок в России в качестве продавцов и инвесторов — эта цифра... намного превосходит показатели владения женщинами собственностью в других европейских странах⁹. Статистический анализ, проведенный Маррезе, свидетельствует, что дворянкам принадлежало не менее одной трети всех частных землевладений в десятилетия накануне отмены крепостного права в 1861 г.

Другой американский историк Адель Линденмайер в рецензии на книгу Маррезе назвала «одним из наиболее интригующих парадоксов русской истории» дихотомию,

---

деловой элиты // Москва купеческая: Образы исчезнувшей российской буржуазии. М., 2007. С. 147—164. Это перевод на русский язык соответствующего раздела американского издания: *Joffe M., Lindenmeyr A. Daughters, wives, and partners: women of the Moscow Merchant Elite* // *JMerchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie* / Ed. By J. West, Iu. Petrov Princeton, 1997. P. 95—108.

³ См., например: *Brownlee E.W., Brownlee M.M. Women in the American economy: a documentary history, 1675 to 1929*. New Haven, 1976; *Kwolek-Folland A. Incorporating women: a history of women and business in the United States*. N.Y., 1998; *Salmon M. Women and the law of property in early America*. Chapel Hill, 1986; *Owens A. Property, Gender and the Life Course: Inheritance and Family Welfare Provision in Early Nineteenth-Century England* // *Social History*. 26 (2001). P. 297—315; *Green D.R., Owens A. Gentlewomanly Capitalism? Spinsters, Widows and Wealth Holding in England and Wales, 1800—1860* // *Economic History Review*. 56 (2003). P. 510—536; *Beachy R., Craig B., Owens A. (Eds.) Women, Business, and Finance in Nineteenth-century Europe. Rethinking Separate Spheres*. Oxford; N.Y., 2005; *Kay A. The Foundations of Female Entrepreneurship: Enterprise Home and Household in London, 1800—1870*. New York, 2009.

⁴ *Козлова Н.В. Хозяйственная активность и предпринимательство купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в.* // *Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI—XVIII веков*. СПб., 2001. С. 139—144; *Ее же. Семейно-имущественные отношения в среде московского купечества XVIII в.* // *Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время*. М., 2001. С. 148—159; *Ее же. Имущественное право и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в.* // *Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время*. М., 2003. С. 259—275.

⁵ *Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века. Автореф...* канд. ист. наук. М., 2003.

⁶ *Тихомирова М.Н. Предпринимательская деятельность тверских женщин в начале XX столетия* // *Женщины в социальной истории России*. Тверь, 1997. С. 58—69; *Ее же. Участие женщин в промышленном производстве России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века (на материалах Тверской губернии)* // *Женщины. История. Общество*. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 34—46; *Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1979—1917*. М., 2004 (особенно раздел «Период коллегиального руководства», освещающий роль М.Ф. Морозовой в развитии семейного бизнеса, С. 129—139).

⁷ *Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford 1994; *Marrese M.L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861*. Ithaca; London, 2002.

⁸ *Ulianova G. Female Entrepreneurs in Nineteenth-Century Russia*. London, 2009.

⁹ *Marrese M.L. Op. cit.* P. 117.

между «российским патриархальным семейным законодательством, налагавшим строгие ограничения на автономию женщины, и законами о собственности и наследовании, защищавшими права женщин»¹⁰.

Уильям Вагнер первым в новейшей историографии осветил проблему раздельного права собственности на российском материале. Используя сравнительный подход, он пришел к выводу о том, что «наиболее важным юридическим преимуществом, которым обладали замужние женщины в имперской России по сравнению с замужними женщинами в Западной Европе и Америке, было их право контроля над собственностью, включая приданое... Такая власть собственника становилась для женщин противовесом в их личной зависимости от мужей. За малым исключением замужние женщины в большинстве западноевропейских стран и в Американских Штатах не могли обрести сравнимое право независимой собственности до середины XIX в. и даже позже»¹¹. Именно имущественная независимость сыграла ключевую роль в развитии женского предпринимательства, ведь, по словам классиков истории женщин, британских историков Л. Дэвидофф и К. Холл, «паттерны собственности были прочно связаны с паттернами контроля»¹². По мнению русского правоведа конца XIX века А.С. Невзорова, «раздельность имущества супругов, ничуть не соответствующая существу и идее брака, сослужила свою историческую службу русской женщине гораздо лучше и целесообразнее, чем существующие поныне системы германской общности имущества и римского приданого»¹³.

Однако исследователям не следует абсолютизировать принцип имущественной независимости женщин и игнорировать парадоксальность ситуации, в которой он причудливо сосуществовал с юридически зафиксированной зависимостью жен от мужей и дочерей от отцов в личных правоотношениях.

Раздельное право собственности и права женщин на занятие предпринимательством в законодательстве

Главным отличием между российским и западноевропейским законодательством было то, что согласно российским законам женщина пользовалась такими же имущественными правами, как и мужчина. Каждый из супругов мог иметь и вновь приобретать свою отдельную собственность (через куплю, дар, наследство или иным законным способом). Так, 14 июня 1753 г. был принят закон, гласивший, что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей»¹⁴. Более того, супруги могли вступать друг с другом в отношения передачи имущества по дарственной, купле-продаже, как совершенно посторонние лица. В 1825 г. это было подтверждено специальным законоположением «Пояснение, что продажа имения от одного супруга другому не противоречит закону»¹⁵. В «Своде законов Российской империи» (1832) принцип раздельной собственности в браке был окончательно закреплен в формуле:

¹⁰ *Lindenmeyr A.* Review on Marrese, A Woman's Kingdom // *Journal of Social History*. Vol. 38. 2004. № 2. P. 553.

¹¹ *Wagner W.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. P. 66.

¹² *Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850, 2nd edn. Chicago, 1991. P. 277.

¹³ *Невзоров А.С.* Русская женщина в действующем законодательстве и в действительной жизни. Ревель, 1892. С. 39.

¹⁴ ПСЗ I. Т. XIII (1749—1753). № 10111.

¹⁵ Там же. Т. XL (1825). № 30472.

«Имущество жены не только не становится собственностью мужа, но, независимо от способа и времени его приобретения (во время ли замужества или до него), муж браком не приобретает даже права пользования имуществом жены»¹⁶

Право личного владения собственностью, прописанное в русском брачном законодательстве, сыграло ключевую роль в возникновении значительного слоя женщин-предпринимателей.

Одновременно, согласно законодательству Российской империи, женщины имели равные с мужчинами права на занятия коммерцией. В изданном в царствование Екатерины II сенатском указе от 25 мая 1775 г. «О сборе с купцов, вместо подушных [податей], по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» говорилось: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние по праву состояния, принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы по праву, приобретенному ими супружеством»¹⁷. Еще раз эта мысль была выражена в том же акте другими словами: «О вдовах, кои купеческий промысел умерших купцов, мужей своих, продолжают или особо собственным своим капиталом купечество производят, разуметь должно то же, что о купцах постановлено». Статья 92 «Жалованной грамоты городам» (1785) гласила, что «дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей и до 50 000 рублей, записаться в гильдии»¹⁸. Таким образом, в законодательстве была отражена реально существовавшая ситуация, в которой в области женского предпринимательства в России (как, впрочем, и в других странах) осуществляли свою деятельность три основных группы лиц женского пола (конститулируемые по брачному статусу). Это были купеческие вдовы (самая многочисленная группа была в России и в европейских странах), замужние купчихи, незамужние купеческие дочери.

Право ведения коммерческой деятельности женщинами обосновывалось также в законах о лицах купеческого звания: «По смерти начальника семейства может заступить место его вдова, взяв на свое имя купеческое свидетельство, со внесением в оное сыновей, незамужних дочерей... и внуков»¹⁹. И очень часто даже при активной деятельности взрослых, умудренных коммерческим опытом сыновей, вдовы вели дела. Другим, менее распространенным вариантом была передача отцом дел фирмы в отсутствие наследников мужского пола дочерям, причем (что оговаривалось в законе) незамужним. Однако, и после выхода замуж, предпринимательница могла продолжать вести самостоятельное дело. В пореформенный период наблюдается развитие и третьего варианта, когда женщина, преодолев бюрократические сложности, могла самостоятельно взять купеческое свидетельство.

О том, что женское предпринимательство приобрело широкие размеры, свидетельствовал тот факт, что в изданном в период правления императора Александра I в 1814 г. Комиссией составления законов проекте Торгового уложения Российской империи содержалась отдельная краткая глава под названием «О купечествующих ли-

¹⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т. X: Свод законов гражданских. Ч. 1. Ст. 80—81. См. также: Рейнке Н. Движение законодательства об имущественных правах замужней женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 3. С. 69—70.

¹⁷ ПСЗ I. Т. XX (1775). № 14327.

¹⁸ Там же. Т. XXII (1784—1788). № 16188.

¹⁹ Свод законов Российской Империи. СПб., 1899. Т. IX: Законы о состояниях. Ст. 541.

цах женского пола». Там были записаны два важных положения. Первое гласило, что «женщина, достигшая совершеннолетия, получает право производить торговлю», второе — что, «получив дозволение от надлежащего присутственного места производить торговлю, она <женщина> вступает во все права купеческие, по роду производимой ей торговли»²⁰. Хотя, как известно, Торговое уложение не было принято, важно в историческом дискурсе само включение в проект такой специальной главы — это свидетельствовало о проявлении феномена женского предпринимательства уже в начале XIX в.

Стремление женщин-предпринимательниц к обретению независимой экономической позиции получило правовое подтверждение, когда 10 июня 1857 г. был издан закон «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужа их торговли»²¹. Случаи получения замужними купчихами отдельных гильдейских свидетельств наблюдались уже с начала XIX в., но в каждом случае разрешение выдавалось в виде исключения. Количество случаев, когда у каждого из супругов имелся собственный бизнес, с течением времени возрастала. Известно, что министр финансов П.Ф. Брок вошел с соответствующим представлением в Государственный совет, в связи с делом купчихи Белкиной. Та подала просьбу на имя императора Александра II разрешить ей отдельную от мужа торговлю. Дело было передано в Государственный совет и там решено положительно. Закон дополнялся пояснением, что «купеческие жены могут производить торговлю от своего лица», но при этом предъявлять в уездные казначейства при оплате пошлин «письменные удостоверения о согласии на то их мужей».

Статистические данные о предпринимательстве женщин

Анализ статистических данных о промышленности с 1814 по 1897 гг. показал, что принадлежащих женщинам предприятий насчитывалось в 1814 г. 165 (из общего количества 3731), в 1832 — 484 (из 5349), в 1879 — 1045 (из 26 067), в 1884 — 1354 (из 27 235), в 1897 — 1684 (из 34 723)²². Доля «женских» предприятий по объему производства (в денежном выражении) составила 4% в 1879, 4,8% в 1884, 6% в 1897 гг. При этом на всем протяжении XIX в. неизменной оставалась существенная роль женщин в текстильной и пищевой отраслях. Так, в 1897 г. в текстильной и табачной отраслях принадлежащие женщинам фабрики давали по 10,6% объема производства, в производстве спичек — 13%.

Рассмотрим статистику подробнее. Подсчеты, сделанные мною по опубликованной Министерством финансов «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», показали, что в 1814 году, деловые женщины владели 165 фабриками и заводами. Это составляло 4,4% из общего количества, насчитывавшего 3731 промышленное предприятие. При этом, в ряде отраслей доля «женского» бизнеса была весьма высокой: в писчебумажной — 12,7% (10 фабрик из 79), в суконной (шерстоткацкой) — 12,3% (29 предприятий из 235), в металлообработке (железо и сталь) — 12%. (9

²⁰ См.: Проект Торгового уложения Российской империи. СПб., 1814. С. 9—11.

²¹ ПСЗ II. Т. XXXII (1857). № 31974.

²² Подсчеты сделаны по изд.: Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы СПб., 1816; Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. В 2-х тт. СПб., 1833; Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб., 1881; Его же. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887; Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897.

предприятий из 75). По количеству предприятий, принадлежащих женщинам, лидировала кожевенная отрасль (31 предприятие или 2% от общего числа). В полотняной отрасли женщины владели 22 предприятиями из 215 (10,2%), в мыловаренной, салотопенной и свечной — 19 из 379 (5%), в стекольной и хрустальной — 15 из 155 (9,7%).

«Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» демонстрирует значительное увеличение предприятий, принадлежавших женщинам, — их абсолютное количество выросло в 2,9 раз (со 165 до 484). Значимым является также увеличение доли женщин-владельцев среди фабрикантов — количество принадлежавших им предприятий выросло до 9% (1814 — 4,4%). Для изучения истории женского предпринимательства в эпоху 1850—1860-х гг., к сожалению, не имеется общероссийского статистического свода о промышленных предприятиях с указанием имен владельцев. Однако получить представление о разных сторонах и параметрах процесса развития женского предпринимательства мы можем, используя ряд источников, прежде всего, списки промышленных предприятий Москвы (1853, 1869) и Петербурга (1862)²³. Начавшаяся в середине XIX в. эпоха промышленной революции показала значительное отставание России от Европы в объеме промышленного производства, его отраслевым разнообразии, механизации предприятий²⁴. Это ситуация хорошо осознавалась правительственными кругами, образованной частью общества, обсуждалась в газетах и журналах. Профессор-статистик Академии Генерального штаба А. Макшеев писал: «Заводская промышленность в России развита весьма слабо, так что мы отпускаем за границу самое ничтожное количество изделий (средним числом около 6% всего отпуска) и то преимущественно в Азию, тогда как из-за границы получаем обработанных товаров довольно много (около 20% всего привоза). Между тем развитие заводской промышленности есть одно из существенных условий благосостояния, следовательно, и силы государства»²⁵. Это признаваемое современниками слабое развитие промышленности привело к тому, что правительство не чинило ограничений предпринимателям по гендерному или этническому признаку. Женщины могли реализовать провозглашенное в законодательстве Российской империи право на занятия коммерцией наравне с мужчинами и тем самым включиться в экономически активное население.

Две столичные губернии — Московская и Санкт-Петербургская — лидировали по количеству промышленных предприятий и стоимости произведенной на них продукции. В 1856 г. стоимость промышленной продукции в них совокупно составила 76,7 млн руб. или 34,2% от всего объема промышленного производства в стране (224,3 млн руб.)²⁶. За 8 лет, с 1856 по 1864 г., роль двух губерний в объеме производства повысилась до 45,2%²⁷. Неравномерное региональное развитие промышленности повлияло на то, что женское предпринимательство наиболее ак-

²³ Подробные результаты см.: *Ulianova G.* Op. cit. P. 76—94.

²⁴ Хронология промышленной революции в России была предметом многочисленных дискуссий 1920-х, и затем 1960—1980-х гг. Она запаздывала на несколько десятилетий по сравнению с Западной Европой. В обобщающих работах приняты даты 1850—1890-е гг. См.: *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России: 1850—1880 годы. М., 1978. С. 21—48; *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX веке. М., 1990.

²⁵ *Макшеев А.* Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1867. С.189.

²⁶ Там же. С. 275.

²⁷ В 1864 г. в Московской губ. было 1036 предприятий с 73 480 рабочими, продукции произведено на 65,3 млн руб., в Петербургской губ. соответственно — 536; 39 355; 60,6 млн руб. Посчитано по данным, опубликованным Министерством финансов: Сведения о фабриках и заводах, действовавших в 1864 году. СПб., 1866. С. 20, 25—26, 29—30.

тивно развивалось именно в столичных губерниях. В 1863 г. из 15 крупнейших российских фабриканток, которым принадлежали предприятия с годовым объемом производства свыше 100 тыс. руб., шесть вели дело в Московской губернии, две — в Петербурге. В Москве и губернии среди предприятий, принадлежавших женщинам, были суконные фабрики Котовой (объем производства — 284 тыс. руб. в год), Черепahiной (122 112 руб.), Тюляевой (108 815 руб.) и бумагопрядильная фабрика Поповой (105 420 руб.) в Москве; две ситцевых фабрики Третьяковой в Серпухове (1 387 920 руб.), стеариновый завод Мошниной в Серпуховском уезде (122 500 руб.). В Петербурге и губернии: химический завод Растеряевой в Петербурге (140 тыс. руб.) и писчебумажная фабрика Кайдановой в Петербургском уезде (110 тыс. руб.).

Что касается обобщенных данных, то московская статистика 1853 года содержит следующие данные: женщины-предприниматели владели 11,8% московских промышленных предприятий (99 из общего количества 839), на которых производилось 9,7% общего годового объема продукции московской промышленности (что в денежном выражении составило почти 3 млн руб. серебром) и трудилось 10,6% рабочих (более 5 тыс. чел.)²⁸. Доля «женского бизнеса» была довольно высокой в следующих отраслях: кожевенной (45,3% общего годового объема продукции в регионе и 47,7% по количеству рабочих), писчебумажной, гончарной и кирпичной. Поскольку большая часть владелиц предприятий являлась вдовами, то, оценивая степень влияния женщин в той или иной отрасли промышленности, конечно, можно, в известной степени говорить об элементе случайности во всех отраслях, кроме текстильной.

В 1870-е гг. ситуация в женском промышленном предпринимательстве была сложной и дуалистической. С одной стороны, начавшаяся массовая механизация промышленных предприятий требовала значительных инвестиций в покупку оборудования — потому не имевшие свободных капиталов владелицы предприятий были вынуждены прекратить свой бизнес (в Москве количество женских промышленных предприятий уменьшилось с 79 в 1871 г. до 56 в 1879 г.). С другой стороны, различные источники свидетельствуют о сильном расширении спектра активности женщин в промышленности. Подсчеты об участии женщин-предпринимателей в промышленном производстве, сделанные по «Указателю фабрик и заводов», содержащему статистические сведения за 1879 г., показали, что 991 женщина владела в общей сложности 1045 предприятиями (из общего количества 26 067) с числом рабочих 45,9 тыс. чел. На этих предприятиях было выработано продукции на 43,7 млн руб., что составило 4% объема общероссийского промышленного производства²⁹.

Статистика 1879 г., в отличие от раннего периода, дает возможность подсчета доли «женских» предприятий в объеме производства в отдельных отраслях промышленности. Наивысшие показатели имелись в отрасли, включавшей известковое, кирпичное, гончарное и стеклянное производство, производство стройматериалов — 7,1% (87 предприятий с 3 824 рабочими и объемом производства 1,7 млн руб.).

²⁸ Посчитано по изд.: *Тарасов С.* Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856.

²⁹ Подсчеты сделаны по изд.: *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб., 1881. Они не всегда совпадают с цифрами, приводимыми в других источниках, например, в труде Д.А. Тимирязева «Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности в России с 1850 по 1879 год (СПб., 1881). Итоговые цифры о числе фабрик, объеме производства и количестве рабочих по Российской империи (без Польши и Финляндии) взяты из «Указателя» (С. 695).

Близко по цифрам стояла пищевая промышленность, где предприятия женщин-владельцев вырабатывали 7% общероссийского объема продукции (551 предприятие с 8 017 рабочими и объемом производства 15,4 млн руб.)³⁰. В текстильной отрасли фабриканткам принадлежало 114 предприятий с 27 737 рабочими и объемом производства 20 млн руб., что составляло 5,7% общероссийского объема производства. В 1880-е гг. количество и влияние женщин в предпринимательстве мало изменилось в сравнении с предыдущим десятилетием: среди гильдейского купечества женщины составляли 11% в Москве и 14% в Петербурге. В 1884 г. количество женщин-собственниц промышленных предприятий увеличилось на 15% по сравнению с 1879 г. (с 1045 до 1309 чел., которым принадлежало 1 354 предприятия), однако относительная доля оставалась на уровне 5%.

К сожалению, в историографии до сих пор нет четкой академической интерпретации социально-экономического развития страны в 1880-х гг. Это десятилетие продолжает оставаться предметом дискуссий, существенным пунктом которых является вопрос о периодизации промышленной революции в России³¹. Видный российский историк В.И. Бовыкин писал: «1880-е гг. в экономической истории России — во многом еще неясный, загадочный период. Внешне — это почти застой, так как динамика экономической жизни ощущается слабо. Но в глубине явно происходят серьезные качественные сдвиги»³².

С одной стороны, при сопоставлении цифр крайних дат периода (1881 и 1890 гг.) ряд абсолютных показателей демонстрировал положительную динамику. Количество рабочих выросло с 668 до 720 тыс. чел., привоз иностранного и среднеазиатского хлопка возрос с 9,1 млн пуд. до 11,5 млн пуд., выплавка чугуна увеличилась с 28,7 млн пуд. до 56,6 млн пуд. С другой стороны, цифры показывают наличие депрессии в период 1882—1885 гг.: в 1884—1885 гг. привоз хлопка упал до 7,4—7,6 млн пуд., количество рабочих в 1885 снизилось до 616 тыс. чел. (лишь выплавка чугуна неуклонно повышалась)³³. По данным Д.И. Менделеева, подготовленным к всемирной выставке в Чикаго (1893), годовая производительность русской промышленности в денежном выражении выросла с 1881 по 1890 г. с 1287 до 1656 млрд. руб. (понижение 1883—1886 гг. было незначительным, minimum в 1884 г. составил 1304 млрд. руб.). Неоспоримым свидетельством развития рынка был рост количества взятых гильдейских свидетельств — в 1880 г. их было взято 3 300 по 1 гильдии и 70 700 по 2 гильдии, десять лет спустя (1890) соответственно 4 900 и 113 800³⁴. Историки и экономисты дают различные объяснения подъемам и спадам российской экономики в этот период, однако признают наиболее важными два фактора. Первый — влияние на экономику России колебаний мирового рынка — в России, как повсюду в Европе и в Северо-Американских Штатах 1882—1886 гг. были отмечены промышленным застоєм. Второй — попытки правительства начать регулирование экономических процессов. При

³⁰ Без стоимости продукции винокуренных и пивоваренных предприятий, о которых данных нет.

³¹ См., например: *Henderson W.O.* The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia, 1800-1914. London, 1967. P. 202—205, 211—221; *Шенелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 134—190; *Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 208—248.

³² *Бовыкин В.И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России: 1816—1900 // Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 24.

³³ Данные приведены из изд.: *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. СПб., 1900. С. 313.

³⁴ *Менделеев Д.И.* Введение. Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 8, 44—45.

этом вопрос о степени влияния государства на экономику остается предметом академических дискуссий³⁵. Оптимальным здесь представляется мнение, высказанное британским историком Роджером Мантингом: «В целом, государство играло скорее косвенную, чем прямую роль в промышленном развитии в царской России, однако роль эта была существенной»³⁶.

В 1880-е гг. позиции женщин в промышленности укрепились, несмотря на кризис 1882—1885 гг. Подсчеты, основанные на официальных данных за 1884 г. из «Указателя фабрик и заводов», опубликованного в 1887 г., демонстрируют значительный рост женского промышленного предпринимательства за относительно короткий пятилетний период, прошедший со времени издания Департаментом торговли и мануфактур Министерства финансов Указателя с данными 1879 г. Подсчеты показывают, что 1354 предприятия (с 57,6 тыс. рабочих), находившихся в собственности фабриканток, произвело продукции на сумму 63,6 млн руб., что составило 4,8% от общенационального промышленного производства³⁷. Роль женщин-предпринимателей оставалась существенной в пищевой и в текстильной отраслях. В пищевой промышленности им принадлежало 769 предприятий (из общего количества 12 397 по империи) с числом рабочих 21,7 тыс. чел. Они производили продукции на сумму почти 31 млн руб. (9,2% общероссийского производства). В текстильной промышленности действовало 136 предприятий, принадлежавших фабриканткам, с числом рабочих 24,2 тыс. чел. и объемом производства 23 млн руб. (6,7% общероссийского производства).

В 1890-е гг. роль женщин-предпринимателей продолжала усиливаться. Первая всеобщая перепись населения, проведенная 28 января 1897 г. (определившая население империи в 125,7 млн чел. и долю городского населения в 13,4%), показала, что среди лиц, имевших самостоятельные занятия торговлей, женщины составляли 13,3% (35 694 чел. из 267 989 чел.). При этом 166 женщин возглавляли крупнейшие фирмы (2,9% от их общего количества 5695)³⁸.

Для подсчетов мною также были использованы официальные издания Министерства финансов: «Перечень фабрик и заводов», содержащий сведения о 39 тыс. предприятий, и «Материалы для торгово-промышленной статистики» за 1897 г.³⁹. Исключив более 4 тыс. польских предприятий, я работала со списком, включившим 34 723 предприятия. Количество промышленных предприятий, находившихся во владении женщин, за 13 лет (с 1884 г.) увеличилось на 29% — с 1309 до 1684. Относительная доля женщин-собственниц среди фабрикантов составила 6%.

1890-е гг. были периодом мощного рывка российской промышленности. При этом, по данным В.И. Бовыкина, увеличение объема промышленного производ-

³⁵ См.: Бовыкин В.И. Экономическая политика...; McKay J.P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885—1913. Chicago, 1970; Kahan A. Russian Economic History: the Nineteenth Century. Chicago and London, 1989; и др.

³⁶ Munting R. Industrial Revolution in Russia // The Industrial Revolution in national context: Europe and the USA/ Ed. by M. Teich, R. Porter. Cambridge, 1996. P. 336.

³⁷ Подсчеты сделаны по изд.: Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. Цифры Орлова не всегда совпадают с данными из других источников.

³⁸ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи, произведенной 28 января 1897 г. В 2-х тт. СПб., 1905. Т. 2. С. 288.

³⁹ Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897; Материалы для торгово-промышленной статистики. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. СПб., 1900. С. I—XXIII. Источник, датированный 1897 г., избран в связи с тем, что «Список фабрик и заводов» (СПб., 1903), содержащий промышленную статистику 1900 г., не включает полных сведений.

ства с 1890 г. по 1900 г. почти вдвое (с 1582 млн руб. до 3086 млн руб.) происходило параллельно с концентрацией производства на крупных и средних предприятиях — количество предприятий уменьшилось на 26,5%, с 31 979 до 23 488⁴⁰. Наивысшее увеличение производства отмечалось в добывающих отраслях — нефтяной (в 6,6 раза, доля в общем производстве выросла с 1,9% до 6,4%) и угольной (в 1,7 раза, доля в общем производстве выросла с 1,5% до 2,7%). Однако наибольшее значение в реструктуризации российской промышленности имело повышение доли производства металлообрабатывающего и машиностроительного сектора. Если в 1890 г. лидировал текстильный сектор (31,4%), далее шел пищевой (31,3%) и на третьем месте металлообработка и машиностроение (16,5%), то к 1900 г. роль машиностроения и металлообработки повысилась до 22,1%, при 26,1% текстильного сектора и 24,9% пищевого в общем объеме производства⁴¹. По подсчетам Л.Б. Кафенгауз, ежегодный прирост объема валовой продукции составлял в 1891—1900 гг. от 7,3% (1894) до 13,9% (1899). По результирующему анализу всех показателей, Кафенгауз отметил «упадок 1890—1891 гг. и длительный подъем, непрерывно тянущийся с 1892 г. по 1900 г.»⁴².

По «Перечню фабрик и заводов» (1897) было выявлено 1684 предприятия. Они принадлежали 1711 владельцам (разница в количестве предприятий и владельцев объясняется тем, что некоторые владельцы имели по несколько предприятий, и напротив, одно предприятие могло принадлежать нескольким владельцам из одной семьи). Подсчеты показывают, что на этих предприятиях трудилось 106 тыс. рабочих, и стоимость годовой продукции исчислялась в 150,4 млн руб. Сравнение данных 1884 и 1897 гг. демонстрирует возрастание объема производства (в денежном выражении) на предприятиях, находившихся в собственности женщин, в 2,4 раза — с 63,6 млн руб. до 150 444 млн руб. Для сравнения — за то же время совокупный объем производства российской промышленности вырос в 1,9 раза. Количество рабочих на принадлежавших предпринимательницам заводах и фабриках увеличилось в 1,8 раза — с 57,6 тыс. чел. до 105,8 тыс. чел. (при общем возрастании количества рабочих в России в 2,2 раза).

Как и ранее, в последнее десятилетие XIX в. в женском промышленном предпринимательстве доминировали текстильная и пищевая отрасль, составляя совокупно 84%. В текстильной промышленности на принадлежавшем женщинам 201 предприятии вырабатывалось 10,6% общероссийского объема производства. Стоимость продукции составила 85,7 млн руб., количество рабочих исчислялось в 52 452 чел. или 9,9% всех занятых в отрасли. В пищевой промышленности женщинам принадлежало 927 предприятий с 26 377 рабочими. Годовой объем производства составил 41 млн руб. (6,9% общероссийского показателя).

Среди текстильных предприятий львиную долю продукции производили семейные компании, реорганизованные в конце 1870-х — начале 1890-х гг. в паевые товарищества. Именно эти фирмы наиболее процветали в 1890-е гг., когда объем их производства достиг апогея. Типичным явлением в 1890-е гг. стало участие женщин в руководстве предприятиями в роли директоров правлений и пайщиков и их значительное влияние на принятие решений, в том числе, финансового характера. Об этом

⁴⁰ Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1987. С. 72.

⁴¹ Подсчеты базируются на данных: Бовыкин В.И. Экономическая политика. С. 27.

⁴² Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 60.

свидетельствуют протоколы заседаний правлений, где зафиксировано присутствие женщин на заседаниях и их личные подписи под принятыми решениями. В состав директората из трех (изредка четырех или пяти) человек входили на полных правах директоров — вдовы, жены, сестры и дочери владельцев-мужчин. По «Перечню фабрик и заводов» (1897), в текстильной отрасли было выявлено 25 товариществ, в состав директората которых входили женщины.

Приведем примеры. Осенью 1889 г. Мария Федоровна Морозова заменила умершего мужа Тимофея Савича на посту директора-распорядителя «Товарищества Никольской мануфактуры “Саввы Морозова сын и Ко”». ⁴³ Современники единодушно признавали, что с этого момента Мария Федоровна стала главой семьи и фамильного дела Морозовых. Автор воспоминаний «Москва купеческая» П.А. Бурьшкин писал: «Это была женщина очень властная, с ясным умом, большим житейским тактом и самостоятельными взглядами. Подлинная глава семьи» ⁴⁴. По данным Министерства финансов в 1890 г., Никольская мануфактура занимала по объему производства второе место среди российских промышленных предприятий, произведя товаров на сумму 13,3 млн руб. (число рабочих составляло 17 252 чел.) ⁴⁵. Как установила И.В. Поткина, с приходом к руководству фирмой Марии Федоровны была преобразована система менеджмента: принцип единоличного управления заменен на коллегиальный с четким распределением обязанностей между четырьмя директорами компании ⁴⁶. Должность директора-распорядителя Товарищества Тверской мануфактуры после смерти мужа А.И. Морозова в 1883—1892 гг. занимала Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова (1848—1917) ⁴⁷. Тремя директорами в этот период были два ее старших сына (из трех, родившихся у Абрама и Варвары Морозовых) — Иван и Михаил, и родственник, видный коммерсант Н.П. Алексеев. В 1893—1916 гг. Варвара уступила главенство сыну Ивану, оставаясь одним из четырех директоров. Тверская мануфактура относилась к крупнейшим предприятиям России (1897 — годовое производство 6,7 млн руб., 5772 рабочих).

Завершая анализ роли женщин-предпринимателей в индустриальном развитии в конце XIX в., следует отметить еще два момента, не проявлявшиеся в промышленной статистике до 1890-х гг. Во-первых, значительное развитие получает полиграфическое производство — «Перечень фабрик и заводов» (1897) дает информацию о 43 типографиях (из общего количества 352), которыми владели женщины (1897 — годовое производство 766 тыс. руб. при 1086 рабочих). Во-вторых, новым направлением женского бизнеса становится производство готовой одежды (13 предприятий).

Выводы

В XIX столетии наблюдалось интенсивное развитие российского предпринимательства и расширение купеческого слоя. Организация предпринимательской деятельности в дореформенный период носила преимущественно династический

⁴³ См.: Поткина И.В. На Олимпе делового успеха... С. 117.

⁴⁴ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 126.

⁴⁵ Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 41.

⁴⁶ См.: Поткина И.В. Указ. соч. С. 129.

⁴⁷ Подробно о ней см.: Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. М., 1899. С. 406—408.

(наследственный) характер. Рассмотрение сотен случаев приобщения женщин к предпринимательской деятельности показывает, что вначале в порядке исключения, а затем уже и привычно, начинают возникать ситуации, когда женщина была вынуждена фактически встать во главе семейного бизнеса. Начиная с середины XIX в. возрастает количество женщин, которые вели бизнес, будучи не вдовами, вставшими у руля семейного предприятия, а замужними или незамужними персонами, начавшими свое дело с нуля.

К концу XIX в. женское предпринимательство стало играть важную роль в экономике. Результатом было появление слоя женщин, обладавших значительным личным богатством. Владение огромными капиталами влияло на трансформацию гендерных ролей женщин-предпринимателей, как в семейном, так и в общественном дискурсах. В последней трети столетия в рядах предпринимательской элиты имелась когорта женщин, стоявших во главе фирм и осуществлявших успешный менеджмент. Участие женщин-предпринимателей в экономической сфере достигло к рубежу XIX—XX вв. уровня от 10% до 20% и играло важную роль в модернизации России.

По оценке Пола Грегори, «Россия накануне Первой мировой войны являлась одной из мировых экономических держав. В основных трудах [по экономике] России, обычно ставят на четвертое или пятое место среди крупнейших промышленно развитых стран, вслед за Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Германией, и вероятно, Австро-Венгрией»⁴⁸. Промышленная революция в России запаздывала на 50—60 лет по сравнению с Великобританией, и на 25—30 лет по сравнению с Германией. Однако Россия сумела использовать преимущества «отсталости», заключавшиеся в перцепции новейших технологий, что обеспечило высокие темпы индустриализации, особенно в конце 1880-х — 1890-х гг. и вывело в начале XX в. Россию в число ведущих экономических держав. В этом продвижении России по пути модернизации женщины-предприниматели сыграли заметную роль. Государство законодательно способствовало развитию предпринимательства женщин, находя в этом явлении важный ресурс укрепления экономики, поддержания социальной и демографической стабильности.

---

⁴⁸ *Gregory P. Russian National Income 1885—1913. London, 1982. P. 154.*

А.П.Корелин
Закат Российской империи

Февральская революция 1917 г. ознаменовалась драматическим падением имперско-монархического режима, а вслед за тем и распадом Российской империи, что явилось существеннейшим рубежом в истории российской государственности. Причины, приведшие к столь стремительному краху огромного евразийского колосса, расцениваются исследователями весьма неоднозначно. Сходясь во мнении об их комплексном характере, одни исследователи склонны считать превалировавшим секуляризацию общественного сознания и утрату веры в сакральный характер верховной власти. Другие главную причину видят разрушительной для самодержавия и империи деятельностью леворадикальных и либеральных сил. Третьи убеждены в решающей роли нараставших противоречий между традиционным и новейшим капиталистическим укладами в экономическом, социокультурном и политическом развитии страны¹. Как бы то ни было, очевидно, что события 1917 г. — итог достаточно длительного исторического развития.

Проблема весьма обширна, во многих своих аспектах недостаточно исследована и дискуссионна, и потому представляется целесообразным, оттолкнувшись от дефиниции империи и составляющих ее компонентов, постараться в сжатом виде проследить эволюцию этого особого типа государственного образования. При всем многообразии определений, главными составляющими империи большинство исследователей считают следующие черты: прежде всего, это «сверхдержава», с сильной, централизованной, чаще всего монархической властью, с ярко выраженными экспансионистскими устремлениями, с мультиэтническим составом населения, находящимся на разных стадиях и уровнях развития, с достаточно четко выраженным комплексом имперских идейных концепций и имперским сознанием, присущим прежде всего правящим «верхам».

Формирование этих признаков в истории российской государственности прослеживается задолго до официального провозглашения России империей Петром I. И даже став с середины XIX в. на путь капиталистической модернизации, она еще вполне удовлетворяла приведенным признакам. Самодержавно-монархический режим вплоть до начала XX в. представлялся непоколебимым. Территориальная экспансия продолжалась вплоть до конца 1870-х годов (Средняя Азия), сохранялись и геополитические устремления (черноморские проливы, покровительство балканским славянам, проникновение в Корею, Манчжурию, участие в военно-политических союзах и т.п.). Численность населения продолжала быстро расти (с 74.5 млн в 1858 г. до 178.4 млн в 1914 г.), но теперь уже в основном за счет внутренних ресурсов.

¹ Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; Каспэ С.И. Империя и модернизация: общая модель и Российская специфика. М., 2001; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 109—357; Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005; Канпельер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997, и др.

Статус великой державы поддерживался достаточно заметными, хотя и относительными успехами в экономической сфере. С 1880-х гг. по темпам роста промышленности и объемам валовых сборов сельскохозяйственных культур Россия стояла на уровне передовых стран Запада². Особенно высокими темпами экономического роста отличались вторая половина 1890-х гг. и предвоенное пятилетие, что внушало оптимистические прогнозы. В целом модернизационные процессы в России шли в том же направлении, что и на Западе. Шло формирование рыночной экономики, набирала темпы индустриализация, наблюдался постепенный переход к буржуазной социальной структуре общества, налицо был некоторый рост образовательного и культурного уровня населения, зарождались институты гражданского общества и т.д.

Однако внутреннее состояние империи становилось все более противоречивым и неустойчивым. За агрегированными статистическими показателями скрывались существенные региональные различия в уровне, темпах и качестве экономического развития. По показателям выпуска промышленной продукции на душу населения Россия заметно отставала от стран-лидеров. В аграрном секторе экономики, остававшемся ведущей отраслью народного хозяйства, преобладал экстенсивный, по преимуществу общинный тип крестьянского хозяйства. Торгово-промышленная политика правительства, особенно в отношении усиленно насаждавшейся тяжелой промышленности, в значительной мере носила покровительственно-мобилизационный характер. Формировавшиеся новые социальные страты, присущие уже буржуазному обществу, накладывались на старые социокультурные уклады (сословия, крестьянская община, ремесленные цехи и т.п.), сохранявшие жизнеспособность в условиях как сравнительно низкого уровня развития большинства регионов, так и в результате поддержки их самодержавным режимом. Модернизационные реформы сами по себе не являлись для самодержавия целью качественного преобразования общества и формы власти, а их последствия далеко не всегда предвиделись их инициаторами.

Самодержавие, как форма государственного правления, занимало особое место в судьбах России. Оно сыграло важную роль не только в становлении и укреплении российской государственности, определении и защите границ огромного государства, но и в формировании особой формы национально-государственного самосознания, особого типа правовой культуры (традиционное обычное право), существовавшего параллельно с западноевропейским типом, базировавшимся на формулах римского права. Вместе с тем исследователи отмечают, что на протяжении едва ли не всей истории имперской России главное содержание внутренней правительственной политики составляла борьба двух тенденций, обусловленная необходимостью задач, встававших перед страной. С одной стороны, самодержавие, являвшееся по сути своей институтом феодальной эпохи, стремясь укрепить, по возможности в неизменном виде, свои позиции, пыталось, обычно под флагом отстаивания национальной самобытности страны, сохранить старый режим и его социально-экономическую базу (огромное государственное хозяйство, сословность, общинную организацию деревни и т.п.). И для этого была почва в виде традиционных социально-экономических укладов и общественной ментальности. С другой стороны, власть предпринимала

² *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (Конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003; *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. (Последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). С. 22—233.

неоднократные попытки преодолеть связанные с этим стагнационные явления, грозившие отбросить страну назад, снять или, по крайней мере, смягчить неуклонно обострявшееся социальное напряжение, грозившее социальным взрывом. Со времен Петра I Россия стала частью мирового сообщества, и российский абсолютизм вынужден был так или иначе приспособляться к процессам, протекавшим в странах Запада. Это было важно, чтобы не допустить катастрофического отставания страны и потерю ею статуса великой державы. Проблемы решались путем дозированных реформ, которые позволяли несколько модернизировать экономику, властные и общественные структуры. Но для имперской элиты они были прежде всего средством сохранения и укрепления империи, ее международного статуса. Перенимая технические и культурные достижения Запада, правительство невольно вынуждено было заимствовать и политико-юридические новации и институты, а это открывало определенные возможности для буржуазной эволюции общества и государства.

На неизбежность этих последствий еще в начале XIX в. указывал М.М. Сперанский. Перечисляя меры правительства по упорядочению государственного управления, сближению сословий, по распространению просвещения и т.д., он отмечал, что стремление ограничить преобразования и сдерживать последствия этих мер бессмысленно: «Какое... противоречие — желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях..., чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободой. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться»³.

Фактически весь XIX и начало XX в. в истории империи были переходной эпохой от аграрно-традиционного к индустриальному обществу. Прослеживается определенная эволюция правовых устоев власти, государственных структур (от средневекового деспотизма к «просвещенной», «закономерной», «народной» монархии, к осознанию необходимости введения принципа институционального разделения функций власти), а также эволюция политической ментальности, прежде всего в правящих верхах и «образованных классах», свидетельством чего являлись, в частности, постоянное появление конституционных проектов, идей представительного правления и т.п. Создавая новые государственные институты, самодержавие так или иначе теряло часть своей монополии на власть. Процесс этот был противоречивым, волнообразным. За умеренно-либеральными реформами «просвещенного» абсолютизма Александра I следовало правление Николая I с его устремлениями к построению «правомерного», действующего в рамках закона самодержавия, бюрократически регулируемого государства. Системные преобразования Александра II, отменившего крепостное право, модернизировавшего местное самоуправление, введшего современную судебную систему и т.д., сменил курс Александра III с его корректировкой реформаторского наследия отца, «контрреформами», укреплением сословности. Наконец, царствование последнего российского императора ознаменовалось новыми попытками вывести страну из кризисной ситуации начала XX в. на путь эволюционного развития, в том числе и путем введения «народного представительства». Причем изменения курса правительственной политики обуславливалась не только и даже не столько личностными особенностями монархов, их пристрастиями и особыми представлениями о путях развития страны, на что обычно в первую очередь обращается

³ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.: Л., 1961. С. 156.

внимание, но также последствиями и результатами тех или иных преобразований, проведенных их предшественниками, борьбой традиционалистских ценностей с последствиями модернизационных реформ. При всех колебаниях внутренней политики самодержавия основной стратегической целью оставалось сохранение в возможно более полном виде старого политического режима, что, в конце концов, вело к утрате преобразовательного потенциала власти.

Формально вплоть до начала XX в. полнота царской власти никакими юридическими нормами и общественными институтами не ущемлялась. «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный, — гласила первая статья Свода законов Российской империи. — Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Правда, как уже отмечалось, в самой системе абсолютизма еще с XVIII в. достаточно отчетливо прослеживаются определенные «подвижки» от средневекового деспотизма к «правовой монархии». Возникает система учреждений (Сенат, Государственный совет, Комитет министров и т.д.), так или иначе принимавших участие в обсуждении вопросов государственного управления. Создана была нормативная база (Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи, регламентировавшая структуру и компетенцию всех органов государственного и общественного управления, определявшая сословно-социальную иерархию общества, личные права и обязанности подданных. Сформировался и продолжал численно расти бюрократический аппарат, который, оставаясь в целом орудием верховной власти, приобретал относительную самостоятельность. В среде российской бюрократии под влиянием знакомства с западными интеллектуальными течениями и внутренними потребностями страны формируется тип гражданского чиновника, признающего верховенство закона как нормативный принцип устройства государства и общества. Не случайно именно в этой среде уже в начале XIX в. прежде всего и возникают так называемые «конституционные проекты», имевшие целью введение представительного правления. И в самом обществе едва ли не с момента утверждения самодержавия возникает идея ограничения верховной власти путем введения того или иного вида представительных учреждений. Однако слабость и неразвитость общественных сил были причиной того, что все попытки ее ограничения вплоть до начала XX в. не имели последствий.

Тем не менее, все эти подвижки вели к эрозии традиционалистских духовных ценностей. Базовые принципы самодержавной идеологии также были сформулированы ее адептами задолго до официального провозглашения России империей. Эта тема постоянно привлекала внимание целого ряда мыслителей, публицистов, писателей, государственных и общественных деятелей. В первой половине XIX в. сакральная идея происхождения самодержавия, исторической обусловленности такого типа верховной власти в России были возведены в ранг национальной идеологической доктрины, нашедшей воплощение в сжатой, но емкой уваровской «триаде» — «православие, самодержавие, народность». Во второй половине XIX — начале XX в., в годы особой актуализации этой проблемы, ей отдали дань такие известные публицисты, ученые, религиозные деятели, как М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Иоанн Кронштадский, Л.А. Тихомиров и др. Но, как отмечают исследователи, никаких дополнений к этой доктрине, ставшей государственной, представители консервативной мысли внести не смогли⁴. В общественно-политической жизни страны

⁴ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 154—158.

тон задавали уже не они. По мере появления и вызревания новых общественных сил росло недовольство существующим режимом, которое постепенно перерастало в политическую оппозицию власти, что особенно заметно стало в пореформенные десятилетия. Известный либерально-консервативный деятель Б.Н. Чичерин, оставаясь приверженцем монархии, в конце 1870-х гг. отмечал, что самодержавная неограниченная власть, имевшая огромные заслуги перед Россией, больше не отвечает требованиям времени: «Самодержавие, которое везде играет роль воспитателя юных народов, не соответствует уже эпохе их зрелости. По существу своему оно не в состоянии поднять народ выше известного уровня. Оно может дать все, что совершается действиями власти, но оно не в силах дать того, что приобретает свободу»⁵.

К середине XIX в. в западноевропейских странах фактически завершился процесс утверждения конституционно-монархических форм правления. Российское же самодержавие, вынужденное под давлением внешних и внутренних обстоятельств приступить к некоторой модернизации социально-экономических и отчасти надстроечных структур, пойти на некоторое расширение местного самоуправления, категорически отвергало любые попытки введения общественного представительства в высших государственных органах. Такова была судьба довольно многочисленных либерально-консервативных проектов от «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского (1809) до «конституции» М.Т. Лорис-Меликова (1880), от «Кондиций» верховников (1730) до дворянских и земских адресов и ходатайств 1860-х гг. Постепенно, с формированием новых социальных страт, с ростом общественного движения и гражданского самосознания давление общественности на власть усиливается. С конца XIX в. набирает силу процесс складывания и организационного оформления многочисленных общественных объединений и движений. В начале XX в. насчитывалось уже более 150 всероссийских, региональных и национальных политических партий и организаций самых различных политических направлений — от леворадикальных и либеральных до консервативных и охранительных. Правда, численность их членов вплоть до 1917 г. не превышала 0.5% населения⁶. Их сила и влияние во многом зависели от того, насколько они могли опереться на поддержку народных масс. Массовое же протестное движение, в том числе и в национальных районах, во многом имело экономический и лишь отчасти политический и национально-освободительный характер. Все чаще власти для его подавления применяли военную силу, что не могло не сказаться на падении престижа монархии. Тем не менее, законодательство по-прежнему представляло императора как «помазанника Божьего», правая пресса пыталась внедрить этот тезис в массы. Известный идеолог самодержавия М.Н. Катков писал в 1882 г.: «Русскому царю дано особое отличие от других властителей мира. Он не только государь своей страны и вождь своего народа. Он Богом поставлен блюстителем и охранителем православной Церкви. Русский царь не только наследник своих предков, он преемник кесарей»⁷. При обсуждении проекта указа 12 декабря 1904 г., в котором был и пункт о введении представительства, К.П. Победоносцев убеждал Николая II, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе

⁵ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 54—55.

⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 20; Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 5, 9.

⁷ Московские ведомости. 1882. № 249. 8 сентября.

ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом». И все же уровень десакрализации верховной власти неуклонно нарастал. Среди интеллигенции и даже в промонархических кругах царь все более воспринимался лишь как политическая фигура, носитель верховной власти, наделенный огромными полномочиями, которые следовало бы существенно урезать.

Как известно, под давлением первой российской революции император 17 октября 1905 г. издал манифест, обещавший введение политических и гражданских свобод, и вынужден был согласиться на принятие новой редакции Основных законов Российской империи, которая формально ограничивала его абсолютную власть двухпалатным представительством. Последнее усилие власти вывести империю на путь мирного эволюционного развития было связано с именем премьера П.А. Столыпина (1906—1911). Его план реформ интересен как весьма энергичная, но запоздавшая попытка сочетать стратегический консерватизм с тактическим радикализмом либеральных мер (признание «народного представительства», но при сохранении важнейших прерогатив монарха, ликвидация сословности в системе местного управления, но при обеспечении руководящих позиций за «короной» и дворянством, завершение аграрной реформы и создание из крестьян-собственников «среднего класса», но в качестве новой опоры монархического режима, расширение компетенции местного самоуправления, но при усилении контроля со стороны властных структур и т.д.). Создание сильного правового государства национального согласия — так можно сформулировать главную задачу проекта — фактически имело целью примирение самодержавных начал с законностью и правопорядком.

При всех спорах о характере сложившейся после 1905 г. властной системы («лжеконституционализм», конституционная монархия, дуалистическая монархия и т.п.) все же следует признать, что новые Основные законы Российской империи, утвержденные 23 апреля 1906 г., по существу были российской конституцией, что они могли стать переходной моделью будущего политического и социально-экономического устройства государства. Однако в условиях переходного времени, в силу крайней политической и социальной нестабильности страны, неустойчивости государственной системы, засилья традиционалистских пережитков в сознании и быте огромного большинства жителей страны (крестьянство, являвшееся главным их носителем, составляло около трех четвертей населения), в силу незрелости трансформирующегося правового и политического сознания общества, они так и не стали новой основой легитимности власти. Представляется, что Россия «проскочила» весьма важный, возможно судьбоносный поворот, когда на рубеже 1870—1880-х гг. власть могла пойти навстречу общественным требованиям, узаконив создание выборных совещательных комиссий при Государственном совете — некоем прототипе представительства, а также приступить (с ликвидацией временнообязанного состояния крестьян) к решению аграрно-крестьянского вопроса. Потеряны были те самые 20 лет, которых, по признанию самого Столыпина, не хватило для постепенного решения решающих проблем. Созданная же новая политическая система была крайне противоречива, все ее основные институциональные компоненты (верховная власть, правительство, законодательные палаты) находились в состоянии постоянного противоборства, что было важным фактором сохранения социально-политического напряжения в стране и после 1906 г.

Точка необратимости преобразований не была пройдена. Российское общество оказалось в политическом и социально-экономическом отношениях крайне поляри-

зованным и вместе с тем раздробленным, свидетельством чего и являлось обилие политических партий и организаций, отсутствие единства в действиях как оппозиции, так и правительственного лагеря. Сословный эгоизм и консерватизм дворянства, социально-политическая недалекость российской буржуазии, недостаточно высокий уровень политического и культурного развития основной массы населения — все это являлось мощными депрессивными факторами, тормозившими буржуазную модернизацию страны и вносившими растерянность в правящие круги. В условиях нестабильной ситуации, находясь под прессом жесткой критики и справа, и слева, потеряв поддержку монарха, Столыпин был вынужден фактически свернуть политическую часть своей программы, что лишь загоняло «болезнь» внутрь.

Патриотический подъем, наблюдавшийся в первый год разразившейся мировой войны, на время умерил противоречия между различными силами. Но вскоре на фоне военных неудач и обострившихся хозяйственных и продовольственных трудностей антиправительственные настроения и разлад в самих правящих кругах достигли такого уровня, что император лишился поддержки даже промонархических кругов. Последний съезд уполномоченных губернских дворянских обществ, состоявшийся в декабре 1916 г., в своей резолюции фактически выразил недоверие верховной власти: «XII Съезд Объединенных дворянских обществ, искони преданных своим Самодержцам, с великой скорбью усматривает, что в переживаемый Россией грозный исторический час, когда для крепости и единства государства является особо важным монархическое начало, эта вековая основа государства претерпевает колебания в своих устоях». И далее шло перечисление «грехов» власти в сфере православной церкви, в гражданском управлении, в экономике страны, которые породили разруху во всех областях народной жизни⁸. Некоторые уполномоченные выразили даже несогласие с употреблением в резолюции самого термина «самодержец», несогласного, по их мнению, с самим существом новой редакции Основных законов. «К 1917 г., в атмосфере неудачной войны, все созрело для революции, — писал известный русский историко-соф Н.А. Бердяев. — Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция. В народе ослабли и подверглись разложению те религиозные верования, которые поддерживали самодержавную монархию»⁹. Ему вторил Н.Е. Марков, один из ревностнейших монархистов: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники. Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли»¹⁰.

С падением самодержавия Российская империя лишилась своего стрежня. На рубеже XIX—XX в. империя представляла собой уникальную для Европы картину структурной неоднородности и этнического многообразия. По данным переписи 1897 г., в ней насчитывалось более 140 различных этносов, сохранивших свой язык и культуру, исповедовавших едва ли не все основные мировые религии и находившихся на самых разных уровнях экономического, социокультурного и политического развития. Сохранение такого этнического и цивилизационного многообразия свидетельствовало о том, что власти не удалось в сколько-нибудь значительной мере ассимилировать

⁸ Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 3 (1910—1916 гг.). М., 2002. С. 713.

⁹ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьбы России. М., 1997. С. 214.

¹⁰ Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 360.

население присоединенных территорий. Русские, государствообразующий этнос, составляли всего лишь 44.3% населения и фактически ни по правовым, ни по материально-бытовым и культурным параметрам не являлись господствующей нацией. Более того, отдельные нерусские этносы пользовались даже некоторыми преимуществами по сравнению с русскими, особенно в сфере налогообложения и отправления воинской повинности. В сущности, Россия и не была типичной колониальной державой. Ее внешняя экспансия, определявшаяся прежде всего имперскими устремлениями верховной власти, не имела целью получения каких-либо экономических выгод и диктовалась военными, геостратегическими соображениями. Империя имела ядро, но оно также не было типичной метрополией. Взаимоотношения центра и присоединенных территорий в значительной степени обуславливалось временем, способом присоединения, уровнем развития входивших в состав империи народов. При этом расширение пределов империи укрепляло убеждение самих самодержцев и их идеологов в необходимости исключительных прерогатив верховной власти как гаранте ее целостности и неделимости.

Централизаторские тенденции в организации управления регионами просматриваются на всем протяжении имперской истории. Но если еще в первой половине XIX в. эта тенденция умерялась необходимостью сотрудничества с местными элитами, вплоть до предоставления автономии некоторым регионам (Польша, Финляндия, Бессарабия, Прибалтика), толерантностью в конфессиональных и культурно-языковых вопросах и т.п., то со второй половины века все более отчетливо берет верх стремление к полной интеграции присоединенных территорий. После восстаний 1830 и 1863 гг. теряет политическую автономию Польша. Постепенно утрачивают административные и сословно-корпоративные особенности прибалтийские губернии (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия). Начинается наступление на автономию Финляндии. Усиливается тенденция к русификации всей деловой и культурной жизни страны: на русский язык переводится административное делопроизводство, в школьном образовании, в литературе, печати, культурной жизни вводятся ограничения на пользование национальными языками, в конфессиональной сфере усиливаются преследования сектантов, возобновляются попытки насильственной христианизации поволжских этносов (чувашей, марийцев, мордвы, татар), ужесточается дискриминация евреев и т.д.

Обуславливался этот поворот в имперской политике целым рядом факторов: с одной стороны — объективными интеграционными процессами в экономике, усиливавшейся миграцией населения, урбанизацией, требовавшими единого правового и культурного пространства; с другой стороны — традиционными субъективными устремлениями власти, а также возраставшим сопротивлением нарождавшейся национальной интеллигенции и ростом национального самосознания широких масс. Последнее обстоятельство, в свою очередь, в значительной мере было следствием более быстрого экономического и культурного развития окраин, в основном западных регионов, что обостряло проблему нарастания национальных движений.

В целом же вплоть до начала XX в. самодержавию удавалось, за немногими исключениями, сдерживать открытые протестные выступления на этнической почве. Центростремительные и центробежные тенденции, относительное равновесие которых составляет объективную основу самого существования империй, уравнивали друг друга. К тому же формирование наций в России, как считают исследователи,

тормозилось донациональным характером самой империи, низким материальным и культурным уровнем основной массы населения, длительное время лишенного политических и гражданских прав¹¹. Фактически эти же факторы, а также неподвижность масс (к началу XX в. более 90% населения с рождения не меняло места жительства), приверженность монархически-династическим принципам власти, сословной организации общества и т.п. обусловили как определенную прочность базы имперско-самодержавного режима, так и неудачи политики ассимиляции. Не удалось добиться существенной унификации даже в административно-управленческой сфере: из 89 губерний и областей лишь 50 управлялись на основании общего законодательства, а остальные — на основании «особых положений»¹². Этнические и религиозные факторы играли подчиненную роль во внутренней политике правительства — культурная русификация и форсированная цивилизующая миссия не являлись ее первичными целями. К тому же недостаточная привлекательность ассимиляции объяснялась и самим материальным, культурным и политическим положением русского народа, не обремененным какими-либо особыми привилегиями.

Лишь революция 1905—1907 гг. и ее завоевания привели к социальной и политической мобилизации всех слоев населения. Обычно исследователи сосредоточивали свое внимание на событиях в столицах и центральных губерниях империи. Но, как показывает более детальный анализ, наиболее массовым характером революционных выступлений выделялись именно периферийные, национальные регионы (Польша, Прибалтика, Кавказ, Украина). Причем пока социальные факторы в большинстве окраин играли более важную роль, чем национальные. Более того, в ряде регионов социальные «низы» выступали против местных элит (например, эстонские и латышские крестьяне — против прибалтийского немецкого дворянства, украинские, литовские и белорусские крестьяне — против польских помещиков и т.д.). Это обстоятельство облегчало задачу правительства, которое, используя политику *divide et impera*, смогло удержать империю от распада. Тем не менее, первая российская революция стала важным шагом в становлении и развитии национальных движений.

В годы мировой войны вплоть до Февраля 1917 г., выступления на национальной почве не играли существенной роли, тем более, что наиболее активные в этом плане регионы (Польша, Прибалтика, Украина, Белоруссия) оказались частично или полностью оккупированы неприятелем. В Февральской революции отразился сложный сплав социальных и национальных противоречий. Оппозиционные силы ожидали, что свержение самодержавия автоматически приведет к решению национального вопроса. Однако последующие события показали, что революция, наоборот, подтолкнула и усилила национальные движения. Временное правительство, продолжая имперские традиции, видело свою задачу в сохранении России «единой и неделимой». Правда, законодательство, дискриминировавшее национально-этнические группы населения, было отменено. В полной мере была восстановлена автономия Финляндии и Польши. 10 июня 1917 г. Украинская Рада провозгласила автономию Украины, и Временное правительство признало ее. Но окончательное решение национального вопроса было отложено до Учредительного собрания. Эта тактика сдерживания и вы-

¹¹ *Каптелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 399.

¹² *Административные реформы в России: история и современность.* М., 2006; *Корелин А.П.* Проблемы местного управления в России на рубеже XIX—XX вв. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI—XX вв. М., 2007. С. 175—197.

жидания в конце концов привела к нарастанию масштабов и радикализации национальных движений. В сентябре 1917 г. в Киеве состоялся Конгресс народов России: 93 делегата представляли все более или менее крупные этносы (за исключением поляков и финнов). Временное правительство пошло на уступки и объявило о предоставлении народам права на самоопределение. Но было уже поздно. Пришедшие на смену монархии ранее оппозиционные ей силы в условиях продолжавших военных действий не располагали необходимыми возможностями даже для поддержания status quo. До лета 1918 г. от России отделились Польша, Литва, Латвия, Эстония, большая часть Белоруссии, оказавшиеся под протекторатом Германии, затем — Финляндия, Бессарабия, Грузия, Армения, Азербайджан. Неопределенная ситуация в ходе начавшейся гражданской войны сложилась в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе. Центробежные тенденции, фактически при отсутствии какой-либо сдерживающей силы и при потере контроля над оккупированными территориями, привели к окончательному развалу двухсотлетней Российской империи.

Итак, Россия под неотвратимым воздействием модернизационных процессов не смогла мирным, эволюционным путем трансформироваться в государственное образование нового типа. Постепенно утрачивая свои имперские черты, сложившиеся еще в феодальную эпоху (неограниченное самодержавие с его мощным военным и административным аппаратом, сакральное обоснование легитимности верховной власти, иерархически-сословную организацию общества, полновластное господство в системе управления присоединенными территориями и т.п.), Российская империя так и смогла завершить начатые в этом направлении преобразования. В чрезвычайных же обстоятельствах военного времени она оказалась не в состоянии преодолеть разрушительные процессы в экономике, обнажившие все ее слабости, противостоять центробежным устремлениям социально-политических и этно-национальных сил. Тем не менее Россия сохранила ядро своей государственности, дававшее перспективу возрождения ее как великой державы, что позднее и произошло, но уже в совершенно иных условиях и в новом качестве.

Эволюция государственного строя России в условиях системного кризиса начала XX века (некоторые замечания к постановке проблемы)

Данная проблема с момента своего возникновения и до настоящего момента является дискуссионной. Суть дискуссии состоит в разных, порой диаметрально противоположных оценках той политической системы, которая была сконструирована правящей элитой в 1905—1906 гг. Речь идет о совокупности законодательных актов: Рескрипте 18 февраля 1905 г. Манифесте 6 августа 1905 г., Манифесте 17 октября 1905 г., Манифесте 20 февраля 1906 г., новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г., а также целом комплексе нормативных законодательных актов, создавших правовое поле для проведения избирательных компаний в разные типы представительных учреждений. Эти базовые законодательные документы сразу же оказались в центре внимания среди как ученых, так и политических деятелей. Предметом дискуссий стала оценка характера и степени изменений, которые были внесены в имперскую политическую систему в условиях общенационального кризиса. Характерно, что эти споры из сферы общественно-политической мысли и практики были перенесены в историографию и до сих пор среди исследователей нет единства мнений относительно оценки характера политической системы начала XX века. Одни еще считают ее «лжеконституционной» или «мнимоконституционной», другие — «бонапартистской», а третьи — конституционной и даже парламентской.

Представители правящего режима, включая императора, придворные круги, а также правоконсервативная часть общественно-политического спектра отрицали конституционный характер политической системы, сконструированной усилиями представителей бюрократического аппарата, которым в экстремальном режиме пришлось внимательно изучать конституции ведущих западноевропейских и азиатских стран, накопленный к этому опыт применения разных избирательных систем. В отличие от западноевропейских стран, в которых на формирование конституционных и парламентских политических систем ушли многие десятилетия, в экстремальных условиях Первой российской революции у правящего режима не было времени и новая модель политической системы была разработана и введена в практику за один год и два месяца. Вполне понятно, что введение такой модели, как говорится, «с колес», предполагало, что она в ходе политической практики будет дорабатываться и «обкатываться», что в нее будут вноситься изменения и корректировки. По сути, так и произошло: реформированную политическую систему не раз дорабатывали, приспособляли к иным ситуациям, иной расстановки политических сил. Ничего необычного в этом по сути не было, это была нормальная практика западноевропейских стран, где шли аналогичные процессы, парламенты неоднократно распускались, а избирательные системы менялись.

Задача, поставленная перед создателями упомянутых законов, была весьма сложна. Они должны были «умело» соединить традиции многовекового неограниченного самодержавия с западноевропейскими и азиатскими новациями в области реформирования политических систем, чтобы в итоге создать приемлемую для правящей элиты конструкцию, обеспечивающую политическую стабильность и придающую опре-

деленный динамизм ее дальнейшему развитию. Для них не были тайной за семью печатями мировоззренческие представления императора Николая II, который еще в январе 1895 г. произнес речь о «бессмысленных мечтаниях», имея в виду робкие намерения либеральных земских кругов на возможность введения в России конституции и трансформации ее политической системы в русле западноевропейских парламентских режимов. Ни к началу революции 1905 г., ни позднее Николай II своих представлений о конституционализме и парламентаризме не менял. Он как был, так и остался решительным противником введения в России конституционных порядков и тем более институтов парламентаризма. Не случайно, во всех принятых в 1905—1906 гг. законодательных актах вообще отсутствовали даже сами термины «конституция» и «парламентаризм». В данных нормативных актах, а также выступлениях государственных чиновников высокого ранга использовались описательные, расплывчатые понятия типа «правовой строй», «представительный строй», «народное представительство», «законодательное представительство» и т.п. Иными словами, ни император, ни придворные круги, ни правые консервативные партии не признавали за изданными в 1905—1906 гг. актами конституционного и парламентского характера. Этими исходными оценками они и руководствовались при определении собственного политического курса. Правящая элита, за сравнительно редким исключением, вынужденно шла на перемены, не воспринимая их как объективно назревшие.

Не считали эти акты конституционными и леворадикальные общественно-политические круги, подчеркивая их сугубо вынужденный, лицемерный и лживый характер. По мнению идеологов и политиков леворадикального направления, эти акты были насильственно вырваны у самодержавия под мощным давлением революционного движения в стране. Тем не менее, они считали, что этими уступками следует максимально воспользоваться, но не для налаживания конструктивной работы с властью, а для окончательного свержения ненавистного им самодержавного режима. Леворадикальные общественные круги принимали активное участие в работе Государственной думы, используя ее трибуну для разоблачения «язв» самодержавия и для создания благоприятной среды для его уничтожения.

Иная оценка законодательных актов переходного периода давалась либеральными общественно-политическими кругами, которые, несмотря на довольно резкую критику данных актов, считали их конституционными, а законодательные учреждения, созданные на их основе — парламентскими. В принципе, с небольшими оговорками, эти оценки утвердились в либеральной отечественной и зарубежной историографии.

В советской исторической литературе вплоть до середины 1960-х годов господствовала негативная ленинская оценка законодательных актов переходного времени. Однако в последующие годы, наряду с сохранившим старые позиции направлением, постепенно стало заявлять о себе новое, признающее, нередко с оговорками, конституционный характер политического режима типа 1905—1906 гг. По сути, это был возврат к оценкам юристов, политиков и историографов либерального направления. В историографии постсоветского периода данное направление окончательно получило право гражданства и стало доминирующим с добавлением характеристики Государственной думы как института парламентского типа. Правда, и среди современных историков и юристов нет консенсуса по вопросу оценки характера Государственной думы. Тем не менее, значительная часть историков характеризует политическую систему типа 1905—1906 годов как «думскую монархию».

Задачу данного доклада, автор которого относит себя именно к либеральному историографическому направлению, состоит в том, чтобы попытаться несколько расширить рамки дискуссии по данной проблеме. Во-первых, хочу подчеркнуть, что в условиях системных кризисов и преобразований правящие режимы не только ведущих западноевропейских, но и азиатских стран вынуждены были реформировать политические системы в соответствии с вызовами времени. Так было еще в средние века в Англии, в новое время — во Франции, США, Испании, Германии, Австро-Венгрии, Турции, Японии, в начале XX века — в Иране и Китае. Конституционные идеи и практики в странах европейского, американского и азиатского континентов формировались и реализовывались на протяжении довольно длительного исторического времени. В России эти объективные процессы стали протекать позднее, но по своему смыслу они были во многом адекватны западноевропейским и азиатским. Поэтому конституции и основанные на них политические режимы не были, вопреки утверждению К.П. Победоносцева, «ложью нашего времени», а реально отражали потребности стран в модернизации политических систем. Не случайно и в России идеи конституционализма начали распространяться и в бюрократических, и общественных кругах еще в XVIII веке, а в XIX и особенно в начале XX века уже стали системообразующими элементами соответствующих направлений общественной мысли и политической практики. Однако правящие круги и прежде всего сам неограниченный самодержец сопротивлялись «конституционным экспериментам», считая и конституцию, и тем более парламентаризм не соответствующими ни «особому» историческому пути развития России, ни ментальности большинства русского народа. Сохраняя конституции в присоединенных к России провинциях (Польша, Финляндия), даруя конституции освобожденной Болгарии, самодержцы не хотели давать конституцию коренным народностям, населяющим страну, считая их не только «несозревшими» для конституции и парламентаризму, но якобы и не желающими нести «властное бремя». Эти архаичные представления о менталитете большинства народа, идеологически оформленные в официальную политическую доктрину, подпитываемые и модифицируемые идеологами консерватизма, тормозили развитие и общественной мысли, и государственной практики в России.

Из литературы хорошо известны метания и сомнения Александра I и Александра II по поводу целесообразности введения конституции в России, категорическое ее неприятие Александром III и Николаем II. Несмотря на то, что конституционные идеи в пореформенной России получили «прописку» в либеральных земских и интеллигентских кругах, неограниченный самодержавный режим при помощи цензурных ограничений и административных мер воздействия «изгонял» идеи конституционализма и парламентаризма из периодической печати, лекционных университетских курсов, формирующегося общественного мнения. Однако «перекрывать» доступ конституционных и парламентских идей в мире еще никому не удавалось, не удалось это сделать и самодержавному режиму. Переводились на русский язык конституции западноевропейских стран, читались лекции в высших учебных заведениях по конституционному праву европейских стран, распространялась европейская печать с изложением текстов конституций и деятельности парламентов. Тем не менее, все попытки требований конституции для России продолжали пресекаться, а органы печати, где публиковались статьи с намеком на введение в России конституции и парламентаризма, подвергались цензурным и административным преследованиям.

Лишь под непосредственным давлением революции 1905 года правящий самодержавный режим вынужден был пойти на уступки и пообещать созвать законосове-

шатательное народное представительство. Вслед за «кровавым воскресением» 18 февраля 1905 года последовал рескрипт Николая II на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о необходимости приступа к разработке нормативных актов для Учреждения законосовещательной думы и Положения порядке проведения выборов в нее. В историографии процесс работы над этими законодательными актами изучен досконально и я не вижу смысла на этом специально останавливаться. Обращу внимание лишь на три момента. Во-первых, уже на стадии разработки т.н. «булыгинской конституции» разные команды правительственных и общественных экспертов внимательно изучали не только западноевропейские, но и азиатские конституции, опыт парламентской деятельности разных стран, вели поиск приемлемых моделей, статей, формулировок. Во-вторых, внимательно изучался опыт «доморощенных» конституционных идей, получивших хождение как в бюрократических (проекты М.М. Сперанского, М.Т. Лорис-Меликова) и общественных, прежде всего, земских и профессорских кругах (проекты «освобожденческой» конституции, общеземских съездов, С.А. Муромцева). В-третьих, в подготовленных в комиссиях и совещаниях, включая Петергофское совещание, законодательных документах, в разработке которых принимали видные российские юристы и общественные деятели, речь шла о законосовещательном народном представительстве, избираемом на основе ограниченного избирательного права. Если бы революционный натиск на самодержавный режим не продолжился, то на этом реформирование политической системы правящий режим предпочел бы завершить. Ни о какой-либо даже «октроированной» конституции, а тем более парламентаризме на июльском совещании в Петергофе речь не шла. Более того, К.П. Победоносцев использовал все свои таланты для блокировки любых попыток трансформировать политическую систему в либеральном духе, и его позиция по поводу «исторических корней» неограниченного самодержавия получила полную поддержку Николая II.

Только под давлением октябрьско-декабрьских событий 1905 года, когда зашатались основы режима, система управления и контроля в стране оказалась в глубоком кризисе, а капитал стремительно стал «утекать» за границу, правящий режим решил пойти на дальнейшие уступки требованиям общественного мнения. Гипотетически у режима была альтернатива: либо установить в стране диктатуру, за что ратовала сравнительно небольшая группа сторонников неограниченного самодержавия и насильственных методов расправы с революцией; либо дать «октроированную» конституцию. В исторической литературе обстоятельно, «пошагово» описаны несколько октябрьских дней, с 9 по 19 октября, когда в правящих кругах шла острая и жесткая полемика о введении диктатуры или принятии конституции. Эти дни были для Николая II драматическим периодом, когда проходила «проверка» многих придворных бюрократов и министерских чиновников на «верность» самодержавию, когда его в буквальном смысле слова раздирали сомнения и одолевали раздумья о судьбе России, монархии, августейшей фамилии. Император уже в октябрьские дни 1905 года, т.е. за 12 лет до своего отречения от престола прекрасно осознавал, чего стоят не только многие испуганные сановники, но и некоторые члены августейшей семьи, на коленях умоляющие его наконец-то «решиться» и пойти на уступки общественному мнению. Он не хотел подписывать Всеподданнейший доклад, подготовленный командой С.Ю. Витте, ибо это означало сделать недавнего обладателя графского титула «героем дня», «конституционным премьером», передав в его руки фактическое управление империей. Вместо доклада нескольким группам высших сановников в сроч-

ном порядке было поручено подготовить текст Манифеста, который был подписан императором 17 октября и на следующий день опубликован в «Правительственном Вестнике». По сути, Манифест 17 октября и стал «октроированным» конституционным актом, в котором провозглашались гражданские и политические права и свободы, был обещан созыв законодательного народного представительства. Этот акт стал юридическим основанием, определившим «границы» и «пределы» реформирования старой политической системы. В заданном им «правовом поле» шла затем разработка пакета законодательных нормативных актов о принципах формирования и функционирования двухпалатного народного представительства и избирательной системы, значительно расширяющей права граждан. 19 октября был утвержден состав реформированного Совета министров под председательством С. Ю. Витте. Фактически в политическом пространстве стала функционировать новая модель исполнительной и представительной ветвей власти, которые должны были найти разумный компромисс друг с другом. Разумеется, что «запуск» новой модели не гарантировал ее эффективности. Предполагалось, что реальная практика будет вносить коррективы в эту модель, совершенствовать «правила игры» между властью и обществом.

Отметим, что сам Манифест вызвал в общественном мнении неоднозначную оценку. С одной стороны, он несколько снял напряжение в обществе, привел его к расколу и дифференциации по политическим направлениям. Манифест заложил правовые основы для формирования политических партий, общественных организаций, которые способствовали росту общественного сознания в России, вовлечению в общественно-политические процессы значительных масс населения, которые ранее были исключены из общественно-политической жизни. Активным субъектом данного процесса стал российский избиратель, который впервые в новой истории начал участвовать в решение судеб собственной страны.

С другой стороны, общественность понимала, что со стороны Николая II издание Манифеста есть уступка, явно противоречащая его мироощущению. Не случайно император критически относился к деятельности Государственной думы на всем протяжении ее существования. Известно, что у него не раз и не два возникало желание превратить законодательную думу в законосовещательную. В духе установок царя был составлен и Манифест 20 февраля 1906 года, уравнивавший права Государственной думы и реформированного Государственного совета, в котором император видел реальный противовес нижней палате народного представительства. Государственный совет должен был стать своеобразным «фильтром», не пропускающего «неудобные» законопроекты, принятые нижней палатой под напором «незрелого» общественного мнения. Неоднократной корректировке подвергался избирательный закон 11 декабря 1905 года. В многочисленных «Правилах» о применении Положения о выборах в Государственную думу, принятых уже после 11 декабря, содержалось немало разного рода ограничений регионального, сословного, национального, конфессионального, образовательного характера.

Изменения, происшедшие в политической системе в 1905 г., получили юридическое закрепление в новой редакции Основных законов, принятых 23 апреля 1906 года после длительных обсуждений прежде всего на Царскосельских, совещаниях. По сути, новая редакция Основных законов и стала реальным юридическим оформлением новой политической системы в России, просуществовавшей до февраля 1917 года. По своим исходным основаниям эта система была построена на конституционных принципах и, с этой точки зрения, вполне сопоставима конституцион-

ными и парламентскими системами ряда западноевропейских и азиатских стран. Сравнительный анализ политических систем, существовавших и функционирующих в этот исторический период, показывает, что в России в результате системных реформ в политической сфере была сформирована конституционная модель, имеющая, как и в любой другой стране, свои исторические особенности и обусловленные ими модификации, которые, однако, не противоречили основному тренду эволюции политических систем в направлении конституционализма и парламентаризма. Что касается разного рода «ограничений», то они введены были в новую редакцию Основных законов по примеру, например, японской и австро-венгерской конституций. Это, в частности, касалось статей, связанных с сохранением за императором широкого круга полномочий, уравнением прав нижней и верхней палат, избирательных прав граждан, а так же права чрезвычайного указного законодательства. Тем не менее, несмотря на двухкратный роспуск Государственной думы 8 июня 1906 года и 3 июня 1907 года, последовавшее изменение избирательного закона, на применение чрезвычайного указного законодательства в перерывах между роспусками Государственной думы, в своих базовых основаниях политическая система, юридически закреплённая в новой редакции Основных законов, на протяжении 12 лет своего существования оставалась неизменной, т.е. конституционной. Что же касается парламентаризма, то в российских реалиях Государственная дума не являлась парламентским институтом в западноевропейском понимании, тем не менее, стремление части думского избирательного корпуса им стать было налицо. Подобного рода тенденция нашла свое отражение не только в структуре либеральной общественно-политической мысли, но и в конкретных практических требованиях и в поведении либерально ориентированных депутатов начиная с первых шагов деятельности Государственной думы. В условиях системного кризиса периода Первой мировой войны эта тенденция получила практическое закрепление в конкретных требованиях Прогрессивного блока и широких кругов общественности.

Амбивалентные формулировки новой редакции Основных законов о месте и роли законодательного народного представительства в реформированной политической системе и привели к спорам среди ученых и политиков о характере данного института. По своей природе и функциональному характеру она более соответствовала представительным учреждениям в австро-венгерской и германской монархии. Тем не менее, логика развития подобного рода представительных учреждений объективно вела к их трансформации в институты парламентского типа. Российское законодательное представительство в этом смысле не было исключением.

Таким образом, по своему характеру законодательное народное представительство в России начала XX в. представляло собой переходный тип, обусловленный всей совокупностью процессов формирования гражданского общества и правового государства. Вместе с тем, политическая система России развивалась в русле постепенной трансформации в конституционную и парламентскую систему западноевропейского типа. Однако для завершения этой трансформации требовался гораздо больший лимит исторического времени, чем его имелось в распоряжении правящей элиты, которая с большим опозданием осознала необходимость трансформации к гражданскому обществу и правовому государству, что и стало причиной драматических и трагических событий 1917 года.

С.В. Тютюкин

Начало Первой мировой войны и российская государственность

Первая мировая война 1914—1918 гг. стала важнейшей переломной вехой во всемирной истории первой половины XX века, а в истории нашей страны занимает совершенно особое место. С ней связаны целых два коренных, судьбоносных для России изменения, произошедшие в 1917 г. в ее общественно-политическом и государственном строе. Сначала в результате Февральской революции рухнул царизм и был установлен (фактически уже в марте, а с 1 сентября и юридически) республиканский буржуазно-демократический строй. Но уже через восемь месяцев, когда 25—26 октября к власти пришли большевики, его сменила рабоче-крестьянская Советская республика, столкнувшаяся вскоре с Гражданской войной и иностранной военной интервенцией¹.

Россия участвовала в Первой мировой войне с 19 июля 1914 по 3 февраля 1918 г., когда ею был заключен сепаратный Брестский мир. Но парадокс заключается в том, что хотя война шла в одном и том же регионе мира с участием как будто одной и той же воюющей российской армии, фактически это были во многом три разных войны трех российских государств и трех российских армий с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, внутри которых тоже происходили тогда значительные подвижки. И это обстоятельство нужно обязательно принимать во внимание для правильного понимания хода и исхода данного грандиозного по своим масштабам военного столкновения с участием нашей страны.

Параллельно со всеми этими переменами менялся и характер боевых действий, которые в общей сложности два с половиной года терзали Россию и россиян на фронтах Первой мировой войны. К началу 1917 г. наша страна, как и ее противники, в значительной мере уже исчерпала свои экономические и военные ресурсы. Поэтому обе стороны явно не горели более желанием перейти от затяжной и в основном позиционной, войны на Восточном фронте к возобновлению наступательных действий. Лишь в июне-июле 1917 г. такая попытка была предпринята сначала Россией, а затем ее противниками, но она оказалась им уже не под силу, и фактически установившееся той весной длительное неофициальное перемирие между ними было продлено. Когда же к власти в конце октября 1917 г. пришли большевики, они вынуждены были открыто предложить Германии и ее союзникам унизительный для России,

¹ Нечто подобное происходило в годы Великой французской революции 1789—1799 гг., растянувшейся на целое десятилетие. Внутри них были периоды власти Учредительного собрания, Конвента (с ультралиберальной якобинской диктатурой 1793—1794 гг.) и Директории, уступившей наконец место диктатуре, а затем империи Наполеона Бонапарта. Одновременно для завершения сходства с периодом, когда Россия участвовала в Первой мировой войне, напомним о ряде войн, которые революционная Франция вела тогда для защиты своей национальной независимости. Недаром пример Великой французской революции был так популярен среди членов революционных партий России.

но, увы, неизбежный сепаратный мир. Он и был заключен в Брест-Литовске в марте 1918 г., т.к. русские войска воевать дальше просто уже не могли².

В XX в. Россия впервые в своей истории столкнулась еще с новой для нее проблемой — «Война и революция», проблемой, которую Западная Европа к тому времени пережила уже дважды — в конце XVIII в. и в 1870 г. — на примере революционной Франции³. В 1905 г., когда началась Первая российская революция, тоже шла война между Россией и Японией, причем обе воюющие страны уже стремились ее поскорее закончить. В итоге уже в августе 1905 г. между Россией и Японией был заключен Портсмутский мир⁴. Однако антиисторично было бы изображать дело так, будто, не будь революции, Россия обязательно смогла бы довести эту незадачливую для нее войну до победы над Японией. Ведь независимо от революции последствия для России сдачи ею крепости Порт-Артур японцам в декабре 1904 г., полного разгрома российского флота в морском Цусимском сражении в мае 1905 г., а также огромных потерь, понесенных в большом сухопутном сражении с японской армией под Мукденом в феврале 1905 г., были столь велики, что дальнейшее продолжение кровопролитных боевых действий на Дальнем Востоке становилось для царизма бесперспективным. К тому же реальные причины войны с Японией так и остались для миллионов россиян совершенно непонятными и даже прямо абсурдными, что делало заключение мира просто неизбежным.

Вот почему крупнейший отечественный реформатор начала XX в. П.А. Столыпин всего за пару месяцев до своей гибели, летом 1911 г. прямо предупреждал: «Война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но, кроме того, и главное — это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, общественное мнение». При этом Столыпин был убежден, что россияне встретят будущего врага сознательно и смогут одержать победу только в том случае, если поймут, во имя чего они пойдут на фронт умирать⁵. Когда Балканы в начале второго десятилетия XX в. опасно залихорадило и в России, как это ни странно, стали раздаваться голоса в пользу военного вооруженного выступления в поддержку малых славянских народов, в Государственной думе даже ультраправый депутат В.М. Пуришкевич стал уже в 1912 г. предрекать в этом случае новую российскую революцию. А в феврале 1914 г. и бывший министр внутренних дел России П.Н. Дурново, представлявший в Госсовете правые круги, в личной записке на имя Николая II предупреждал, что война с Германией становится неизбежной, но приведет к новой революции. Одновременно Дурново, откровенно придерживавшийся германской

² На таких тяжелых условиях Россия прежде не подписывала ни одного мирного договора. Советские войска должны были покинуть Украину, Финляндию, Аландские о-ва и 3 округа в Закавказье — всего около 1 млн. кв. км, а затем уплатить в разных формах Германии еще и контрибуцию в размере 6 млрд. марок. Договор был аннулирован Россией уже в ноябре 1918 г. в связи с революцией в Германии.

³ Имеются в виду войны революционной Франции с Австрией, Пруссией, Англией, Россией в 1790-е гг. и разгром Пруссией революционной Парижской коммуны в 1870 г. Во время франко-прусской войны.

⁴ Япония получила права на арендованный ранее Россией у Китая Порт-Артур и на южную половину острова Сахалин. Условия мира с Россией могли бы быть для нее еще менее благоприятны, если бы Японии не поддерживали США, Англия и Германия, но тем не менее явно не удовлетворяли всех японских притязаний к России.

⁵ См. *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 425—426.

ориентации, убеждал монарха в том, что России выгоднее не воевать, а пользоваться притоком германских капиталов и тем, что немцы чувствуют себя у нас гораздо лучше, чем другие иностранцы. Автор записки мог бы напомнить своему высокому адресату и о памятных им обоим событиях лета 1905 г., когда в российских «верхах» стало ясно, что выносить на своих плечах сразу два бедствия — войну с Японией и революцию — самодержавие долго не сможет. Но Дурново хорошо понимал, как болезненно может воспринять император подобные воспоминания, и, естественно, не проронил об этом ни слова⁶.

В 1914 г. кадеты тоже взяли на себя роль активных «сигнализаторов» о вероятных трагических последствиях разного рода внешнеполитических авантюр, способных привести Россию к войне, что было бы, по их мнению, преступлением перед страной. 10 июня они голосовали против новых военных кредитов правительству, а в июле занимали уже откровенно пацифистскую позицию, и П.Н. Милюков прямо призывал проявлять сдержанность в отношении Германии, чтобы не доводить дело до войны. 19—21 июля кадетская газета «Речь» даже была за это на три дня закрыта властями, и лишь когда стало ясно, что либералы пойдут во время войны вместе с властью, они были «прощены»⁷.

И в наши дни часто можно слышать сожаления по поводу того, что Россия вообще опрометчиво втянулась в 1914 г. в схватку европейских хищников. Однако никто еще не предложил такого варианта поведения российского правительства, которое могло бы обеспечить ему сохранение мира и нейтралитета. России действительно не нужны были тогда новые крупные территориальные приобретения, но у нее, естественно, были собственные геополитические интересы и твердое намерение сохранить свой статус великой мировой державы. Царизм был связан военными обязательствами перед Францией (союз 1891—1893 гг.) и Англией (соглашение 1907 г.), а также стремился сохранить свою традиционную роль покровителя и защитника малых славянских европейских народов и их государств. Россия претендовала и на принадлежавшие с XV в. Турции «ключи от Черного моря» — проливы Босфор и Дарданеллы и на Константинополь, обещанные ей в 1915 г. Антантой в случае ее победы. Но нашу страну нельзя было даже сравнивать тогда в этом отношении с другими воюющими мировыми хищниками, хотя и остаться в стороне от назревавшей войны она, естественно, уже не могла⁸.

К вечеру 19 июля 1914 г. Германия через своего посла в Петербурге Ф. Пурталеса объявила войну России. На следующий день Николай II подписал обращенный к россиянам манифест по этому поводу, а затем вместе с женой вышел на балкон Зимнего дворца, на Дворцовой площади перед которым собралась многотысячная толпа петербуржцев всех сословий (скоро Петербург на русский лад будет переименован в Петроград). Царская чета приветственно кланялась ей, а люди, опустившись на колени, пели «Боже, царя храни». Это случилось в последний раз в истории романовской

⁶ См.: Красная новь. 1922, № 6. С. 182—189.

⁷ См.: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. М., 1991. С. 187—188; Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 348—350.

⁸ Характерно, что известный современный биограф Николая II А.Н. Боханов пишет: «Отклониться» от вооруженного столкновения летом 1914 г. России, «всегда верной принятым на себя обязательствам», было невозможно. «Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло» // Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 300.

династии, но зрелище было действительно величественным и настраивало на торжественный лад, как будто обещающая монарху полное единение со своим народом.

В России, как и в других воюющих странах (но в гораздо меньшей степени) начало войны сопровождалось открытым проявлением патриотических и даже откровенно шовинистических настроений, охвативших в первую очередь менее образованный, но преисполненный собственнических настроений городской «средний» класс, а также деклассированные и хулиганствующие элементы населения. 4 августа в столице было даже разгромлено германское посольство на Исаакиевской площади после выезда его сотрудников на родину. Но характерно, что единственный крупный антинемецкий и антиавстрийский погром произошел в Москве лишь почти через год, 27—29 мая 1915 г., во время самого крупного и длительного отступления российской армии из западных районов страны на восток⁹.

Очень важным, хотя и в значительной мере формальным государственным мероприятием стала летом 1914 г. однодневная сессия IV Государственной думы 26 июля, т.к. вступать в войну без одобрения такого судьбоносного для страны шага уже было тогда в России невозможно. Заседание в Таврическом дворце при этом власти тщательно отрежиссировали: были зачитаны два царских документа — указ о созыве Думы и манифест о начале войны от 20 июля с призывом забыть все внутренние распри, а также тщательно расписаны все запланированные «нужные» выступления — председателей Думы и правительства М.В. Родзянко и И.Л. Горемыкина, министров иностранных дел и финансов С.Д. Сазонова и П.Л. Барка, представителей думских фракций трудовиков (А.Ф. Керенский), социал-демократов (меньшевик В.И. Хаустов), кадетов (П.Н. Милюков), октябристов (А.Д. Протопопов) и правых депутатов (Н.Е. Марков 2-ой). Слово получили и представители некоторых национальных меньшинств России — поляков, литовцев, русских немцев, евреев и др.¹⁰, в благонадёжности которых власти могли бы усомниться.

Первым из представителей крайне левых кругов выступил трудовик-полуэсер А.Ф. Керенский, который произнес патриотическую речь, хотя и не обещал власти внутреннего мира в стране и даже прозрачно намекнул на то, что война может кончиться революцией. Гораздо бледнее выглядел на трибуне В.И. Хаустов, говоривший от имени обеих фракций — меньшевистской и большевистской — и соответственно двух думских депутатских групп РСДРП. Над стенограммой его речи хорошо «поработал» Родзянко, вымарав из нее, в частности, ремарку оратора о фальшивом характере официального российского патриотизма, захватнической политике всех развязавших войну держав и о том, что в России не может быть единения народа и царской власти¹¹. О патриотизме в выступлении Хаустова свидетельствовало только

⁹ См.: Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008. С. 131—132 (даты там приведены уже по новому стилю). В ходе погрома пострадали более 700 человек, в том числе и русские, а также свыше 200 квартир иностранных подданных и более 450 московских предприятий и торговых заведений. При этом революционные партии к погрому никакого отношения не имели.

¹⁰ См.: Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 13—20.

¹¹ Ср. официальную стенограмму выступления Хаустова с полным его текстом, приведенным в воспоминаниях депутата-большевика А.Е. Бадаева «Большевики в Государственной думе» (изд. 8. М., 1954. С. 346—347), хотя, правда, без указания, из какого источника автор его получил. Совместное выступление меньшевиков и большевиков объяснялось во многом тем, что Международное социалистическое бюро партий II Интернационала по инициативе Г.В. Плеханова и других лидеров РСДРП прямо накануне войны настаивало на их объединении, против чего, однако, возражал В.И. Ленин (см.: Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 68 и др.).

его заявление о том, что пролетариат «во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили (рукоплескание)», ибо пролетариат, по твердому убеждению социал-демократов, — это «постоянный защитник свободы и интересов народа»¹².

В итоге можно сказать, что в общем и целом думские социалисты балансировали 26 июля между марксистским интернационализмом и российским патриотизмом и прозрачно намекали на предстоящую в стране революцию. При этом и трудовики, и социал-демократы отказались в тот день вотировать «военные кредиты» (дополнительные бюджетные ассигнования Военному министерству в связи с началом войны), чего, кстати говоря, предпочли «не заметить» ни власти, ни Ленин, которому не нравился сам факт совместного выступления обеих фракций РСДРП 26 июля. В дальнейшем и трудовики, и меньшевики придерживались в Думе той же тактики по данному вопросу, особенно после того, как депутатов-большевиков в феврале 1915 г. отправили в сибирскую ссылку и они могли «забыть» о событиях 26 июля 1914 г.

Что касается лидера кадетов П.Н. Милюкова, то он заявил, что Россия ведет справедливую борьбу за освобождение родины от внешнего врага, т.е. за «правое дело», но борется также за свободу всей Европы и славянства от притязаний германизма. Наш первый долг, по словам Милюкова, — это сохранение России «единой и нераздельной» и победа над врагом¹³. Естественно, аплодисменты почти всей Думы были ему обеспечены.

При этом царские власти могли только радоваться тому, что самый опасный революционер Ленин, находившийся в те годы в эмиграции, в июле 1914 г. неожиданно «застрял» в Австрийской Галиции и 25 июля, т.е. как раз накануне заседания Думы, был арестован австрийцами по смехотворному обвинению в шпионаже в пользу России (статистические таблицы в его рукописи полицейские приняли за особый шифр). Однако уже 6 августа лидер большевиков был освобожден под поручительство известных австрийских социалистов и через Вену проследовал вместе с женой сначала в Вену, а оттуда — в тихий швейцарский Берн. В итоге до начала сентября он был полностью отрезан от родины и от выполнения своих обязанностей по руководству большевистской партией, что больше чем на месяц задержало выработку его сторонниками-большевиками четкой линии поведения во время начавшейся войны.

Но вскоре Ленин быстро наверстал упущенное, объявив, что является сторонником превращения несправедливой с обеих сторон, империалистической, по его терминологии, войны в войну гражданскую, т.е. в революцию. Он прямо назвал себя еще и «пораженцем», для которого военная неудача «своего» правительства (а фактически — своей страны и ее армии) — это наименьшее зло по сравнению с их победой. Пораженчество можно было понимать при этом в очень широком диапазоне от чисто академических научных споров вплоть до подпольно-подрывной анархистской агитации, караемой по законам военного времени в любой воюющей стране тюремным заключением и даже смертной казнью (если, конечно, агитирующий за поражение своей страны в войне не находился в эмиграции, как Ленин).

Вождь большевиков впервые столкнулся со всеми этими немаловажными нюансами, когда узнал, что депутаты-большевики IV Думы в начале ноября 1917 г. были арестованы на тайном партийном совещании под Петроградом во время обсуждения

¹² См.: Государственная дума... Т. IV. С. 22.

¹³ Там же. С. 24.

его тезисов о войне. Выяснилось однако, что депутаты солидаризировались с позицией Л.Б. Каменева — уполномоченного ЦК РСДРП, курировавшего работу большевиков в России. Тот (кстати, тоже арестованный на этом совещании) старался, насколько возможно, смягчить жесткую «пораженческую» формулировку Ленина, придав ей более приемлемую, с чисто юридической точки зрения, форму: «Особенно опасно усиление победоносной царской монархии»¹⁴. Казалось бы, разница между ленинской и каменевской формулировками была не слишком велика, но именно она позволила А.Ф. Керенскому, выступавшему на организованном властями в феврале 1915 г. показательном процессе в Петрограде в качестве одного из адвокатов, добиться перекалфикации обвинения подсудимых с государственной измены на «простую» антиправительственную пропаганду. В результате депутаты и Каменев были не расстреляны, как предполагалось сначала, а «только» сосланы на поселение, где и оставались до Февральской революции 1917 г.

Ленину все же пришлось официально разъяснить, что «пораженческой» тактики в отношении «своих» правительств должны придерживаться социалисты *всех* воюющих стран¹⁵. Однако популярным среди российских революционеров «пораженчество» от этого не стало и никогда не фигурировало, например, в выступлениях таких видных политических соперников Ленина в РСДРП, как меньшевик-интернационалист Ю.О. Мартов или Л.Д. Троцкий. Нужно при этом учитывать, что «отец русского марксизма», как называла стоявшего уже в 1914 г. вне как большевизма, так и меньшевизма Г.В. Плеханова, стал в годы мировой войны ярым «оборонцем», и его примеру последовали и такие известные в лагере социалистов фигуры, как кн. П.А. Кропоткин или Б.В. Савинков. В конце 1914 г. последний прямо публично заявил: «После войны настанет время социальной и революционной борьбы. Во время войны мы не вправе бороться»¹⁶.

Во второй половине 1914 г. общая обстановка в России не позволяла социалистическим партиям открыто и активно выступать против войны, объявлять забастовки или проводить митинги, ограничиваясь в лучшем случае лишь выпуском небольшим тиражом антивоенных агитационных листовок антиправительственного и антимилитаристского содержания с призывами к будущей революции и решительным осуждением национализма и шовинизма. При этом наиболее последовательны здесь были большевики, не искавшие никакого соглашения с властью и буржуазией, а наиболее подвержена патриотическому угару оказалась эсеровская интеллигенция. Однако для всех социалистических партий война оказалась временем тяжелых испытаний и больших потерь, компенсировали которые вплоть до Февральской революции 1917 г. они с большим трудом.

Радовали на первых порах российские власти не только революционеры-«патриоты» (хотя патриотами в своем специфическом, революционном духе считали себя и большевики), но и многочисленные журналисты и писатели, изображавшие в прессе и в своих литературных произведениях начавшуюся войну следующим образом: 1) Россия не хотела войны, но вынуждена защищаться от германской агрессии; 2) перед лицом врага вся Россия едина; 3) Россия — защитница славян и других малых стран и народов, носитель идеалов свободы и прогресса. Войну официально трактовали как справедливую, национальную и вторую Отечественную, продолжающую лучшие традиции 1812 г.

¹⁴ Тютюкин С.В. Война, мир, революция. М., 1972. С. 46.

¹⁵ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 166.

¹⁶ Мысль. 1914. 8 декабря.

В печати усиленно муссировались версии, согласно которым начавшаяся война — это столкновение всего европейского славянства с агрессивным германизмом и носит даже «расовый» характер. При этом известный публицист суворинского «Нового времени» М.О. Меньшиков 7 августа прямо заявил, что «славянская раса» должна стать самостоятельной ветвью «арийской семьи» со всеми радостями «державного существования». А небызвестный кадетский идеолог и бывший почти марксист П.Б. Струве считал, например, что в пределах «Великой России» должна безраздельно господствовать только «единственная общерусская культура единого русского народа», имея, в частности, в виду и Украину¹⁷. Очень актуален был в глазах правительства и призыв сочетавших правый кадетизм с элементами славянофильства «Русских ведомостей», обращенный к «инородцам» (не исключая поляков, финляндцев и евреев), видеть в России «свою великую общую родину»¹⁸.

Интеллигенция и даже представители и представительницы высшего общества, включая членов императорской фамилии и лично царицу и ее дочерей, активно включились в движение за активную помощь больным и раненым воинам. Были срочно созданы занимавшиеся этим благородным и истинно патриотическим делом Всероссийские земский и городской союзы во главе с кн. Г.Е. Львовым и кадетом М.В. Челноковым. В поддержку армии выступала и часть артистов и музыкантов. Так, сбором средств для этого занимались, например, оперные певцы в костюмах героев оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя».

Однако война шла вовсе не так удачно для России, как предполагали в 1914 г. отечественные военные круги, включая военного министра В.А. Сухомлинова, планировавшие закончить ее с победой уже самое большее за один год. Реальность неумолимо опровергала эти прогнозы. Правда, первая из 19 мобилизаций в российскую армию за военный период прошла в целом достаточно успешно, несмотря на несколько сотен убитых и раненых в ходе столкновений призывников с полицией и многочисленные пьяные эксцессы, которые привели к полному запрету продажи спиртного на время войны (так. наз. «сухой закон»). Но уже в августе-сентябре 1914 г. вторжение войск генералов П.К. Ренненкампа и А.В. Самсонова в Восточную Пруссию с целью продвигаться дальше в Германию закончилось после первых успехов окружением армии Самсонова, покончившего жизнь самоубийством. В результате русские из Пруссии были вытеснены, понеся при этом большие потери.

Одновременно на Юго-Западном фронте русские войска под командованием ген. Н.И. Иванова успешно продвинулись примерно на 300 км, захватив всю Галицию с ее столицей Львовом и городом Галич. Здесь отличились части генералов А.А. Брусинова и Н.В. Рузского, причем эта грандиозная битва продолжалась более месяца с 5 августа по 8 сентября и значительно подорвала военную мощь Австро-Венгрии. На помощь ей пришли, однако, германские войска, успешно развернувшие с 28 сентября по 8 ноября Варшавско-Ивангородскую, а вслед за этим — Лодзинскую операции. Всего же австро-германские войска потеряли в кампанию 1914 г. на Восточном фронте около миллиона солдат и офицеров — больше, чем за то же время одна Германия на Западном.

Действия России на Восточном фронте облегчали положение французских и английских войск на Западном. При этом стало очевидно, что германские дивизии

¹⁷ См.: Биржевые ведомости. 1914. 29 сентября.

¹⁸ См.: Русские ведомости. 1914. 2 августа.

дерутся лучше, чем австро-венгерские, не говоря уже о турецких на Кавказском театре военных действий, где в октябре-декабре 1914 г. тоже шли упорные бои. Тем не менее, исчерпав свой первый наступательный порыв, русская армия, как и ее противники, перешли к началу 1915 г. к вялотекущей позиционной войне. При этом выяснилось, что России уже остро не хватает оружия и боеприпасов, а ликвидировать этот кризис удалось только к концу 1915 г.

В целом в начальные месяцы Первой мировой войны на волне общенациональной патриотической эйфории царизм сумел заработать неплохой первоначальный политический капитал, но правильно распорядиться им не сумел. В самом деле, власти не грозило продолжение того мощного стачечного движения, которое очень ее беспокоило даже буквально накануне германской агрессии; на время примолкли по разным причинам революционные партии, а либералы открыто заключили на патриотической основе временное перемирие с властью; церковь и официальная печать, а также многие деятели литературы и искусства тоже стали ее помощниками в деле перевода всей страны на военные рельсы и создания хотя бы иллюзии полного гражданского мира. Однако радоваться этому «верхам» было рано: война только набирала свои обороты, ее тяготы еще не коснулись в полной мере глубин растревоженного народного сознания, а давно уже обнаружившийся в России социальный раскол общества какое-то время еще мог маскироваться вспыхнувшим летом и осенью 1914 г. достаточно сильным патриотическим порывом.

Однако рука, протянутая власти образованными и имущими классами общества, скоро повисла в воздухе, молчания трудовых «низов» хватило ненадолго, а ситуация на фронте никак не создавала в тылу победного настроения. Царизм не пошел хотя бы на минимальные уступки общественному мнению, продолжая закручивать цензурные гайки, отказываясь от регулярного созыва Государственной думы, смягчения унижительных правовых ограничений в отношении национальных меньшинств, в первую очередь евреев. На своих местах оставались и 75-летний премьер И.Л. Горемыкин, и составлявшие его опору в правительственном кабинете министр внутренних дел Н.А. Маклаков и министр юстиции И.Г. Щегловитов. Явно раздражал общественность и незадачливый военный министр В.А. Сухомлинов. «Технократов», говоря современным языком, в правительстве было совсем немного: главной надеждой либеральной думской оппозиции был 56-летний главноуправляющий землеустройством и земледелием известный «столыпинец» А.В. Кривошеин, 45-летний министр финансов П.Л. Барк и 61-летний министр путей сообщения С.В. Рухлов. При этом многие министры не могли найти общий язык с Государственной думой, стремясь лишь угодить лично императору, а более или менее единой «командой» кабинет министров так и не стал.

Главой государства оставался 46-летний император Николай II, остававшийся для многих даже из своего ближайшего окружения некой «загадочной» фигурой¹⁹. Мученическая смерть царской семьи сделала его образ более привлекательным и человечным и для современников, и для потомков²⁰. Однако нельзя не признать, то как государственный деятель он был вполне средним человеком, не обладавшим яр-

¹⁹ «Загадкой» называл последнего царя Столыпин. См.: П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 151.

²⁰ Одним из первых испытал на себе в 1917 г. разительную метаморфозу (еще до убийства Николая II) А.Ф. Керенский, отвечавший во Временном правительстве за содержание арестованной царской семьи под стражей до ее перевода в Тобольск, а затем в Екатеринбург. См.: *Тютюкин С.В.*

кими индивидуальными чертами, большим умом, дальновидностью, разносторонним образованием и твердым мужским характером. Отсюда вытекали его крайняя скрытность, непредсказуемость многих поступков и быстрые перемены во взаимоотношениях с людьми. Несомненно, наложила огромный отпечаток на характер и все поведение последнего российского императора и огромная трагедия романовской царствующей семьи, связанная с неизлечимой болезнью наследника престола Алексея. Истерики императрицы, которую в России очень не любили, ее безграничная вера в особые экстрасенсорные способности Григория Распутина, облегчавшего страдания царского сына, попытки Александры Федоровны властно вмешиваться в управление империей и т.д. не раз наносили Николаю II настоящие психические травмы, которые он тщательно стремился скрыть за своим кажущимся равнодушием и хладнокровием.

Благоприятная в целом для Николая II внутриполитическая обстановка в России в первые месяцы войны использована им, его окружением и правительством не была. Они упустили это уникальное для проведения важных государственных преобразований время, что могло хотя бы отсрочить новую революцию. У императора не было ни конструктивных идей, ни хотя бы частичного сознания необходимости проведения серьезной модернизации всей системы управления страной. Их заменяли стремление полагаться во всем на волю Провидения и сохранить в неприкосновенности основы существующего строя. А этого было уже явно недостаточно. В момент Февральской революции 1917 г. от Николая II фактически отреклись и не хотели больше его поддерживать не только высший генералитет, во многом склонивший его к отречению от престола, но и верхи царской бюрократии, Государственная дума и Церковь. Многозначительным фактом явилось и убийство Григория Распутина, и разговор с целью произвести хотя бы видимость государственного переворота под руководством А.И. Гучкова с целью убрать наконец Николая Романова из Зимнего дворца. Поэтому последний император, подписав 2 марта 1917 г. акт своего отречения от престола, имел все основания записать в личном дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман!»²¹. Защищать его было уже некому.

Таким образом, ситуация в России после 1914 г. оставалась чреватой большими осложнениями, не говоря уже о таком становившемся все более непосильным для России с экономической и чисто военной точек зрения бремени, как мировая война. Все наиболее сложное и тяжелое было еще впереди. При этом российское имперское государство с его законами, кадрами, ресурсами и системой нравственных ценностей оказывалось самым слабым звеном в знаменитом треугольнике «власть, народ, война».

Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905—1917 гг.). М., 2012. С. 136—137, 158—159.

²¹ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 625.

И.М. Пушкарева

Власть, оппозиция и общество накануне падения самодержавия в России в новейшей историографии

За двадцать лет после распада СССР в отечественной и зарубежной историографии появилось огромное число работ, в которых отражено внутреннее положение России в годы Первой мировой войны, когда решался вопрос о Российской государственности и когда проблема отношений власти и общества стала одной из главных. Не берусь утверждать, но кажется, что по темам, связанным с историей именно последних лет Российской государственности, введено в научный оборот такое количество источников (особенно мемуарных и эпистолярного жанра), как ни по какому другому периоду истории дореволюционной России. Это не могло не оказать влияния на новейшую историографию. Ранее многие источники личного происхождения слабо использовались или были неизвестны советским историкам. Хотя о существовании некоторых из них знали, но находились они в заграничных или закрытых фондах отечественных архивов.

Составленный десять лет назад аналитический обзор литературы по периоду 1914—1917 гг. касается деятельности Земгора и военно-промышленных комитетов, но практически обходит проблему взаимоотношений власти и оппозиции в те же годы¹. Но именно вопросы взаимодействия сторонников и противников действующей государственной власти, связанные со свержением самодержавия в феврале 1917 г., стали самыми обсуждаемыми во всех средствах массовой информации за минувшие два десятилетия. К этой проблеме обращались и историки, сформировавшиеся как исследователи еще при советской власти, и представители более молодого поколения, а также политологи, публицисты, писатели, зарубежные ученые. Все они пытались раскрыть явление, обусловившее одномоментное крушение крепко скованной веками романовской монархии, рухнувшей в течение одной недели морозного февраля 1917 г. В новых работах немало ранее неизвестного внесено в углубленное и многостороннее изучение внутренней жизни России, испытавшей на себе разрушение традиционных форм огромной государственной системы. Новые концепции идут на смену старым идеологическим схемам, вырисовывается и значение конфронтации власти и оппозиции на фоне прогрессивного развития общества в начале XX века.

Представленные в историографии труды различны как по форме, так и по постановке проблем, целям и задачам исследования. В некоторых работах отношение власти и оппозиции прослеживается на протяжении большого хронологического периода истории России — с XVIII в. и до самого начала XX в.². В то же время, эпические советские манускрипты вытесняются обобщением научных достижений минувших лет. При этом в этих генерализирующих трудах оценки историков неред-

¹ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914—1917). Аналитический обзор. М., 2003.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—XX вв.). Генезис личности, семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1—2. СПб., 1999; Гросул В.Я. Русское общество XVIII — начала XX вв. Традиции и новации. М., 2003.

ко объединяются с политологическим анализом, опровергая прежние взгляды и положения³. В третьих, тема «власть и оппозиция» является сквозной в при изучении истории российского либерализма и борьбы сторонников этой идеологии за власть⁴. Появились книги, в которых в контексте данной проблемы изучается бюрократическая элита в годы Первой мировой войны⁵.

Теме обострившихся отношений власти и оппозиции в той или иной степени уделяется внимание во всех трудах, рассматривающих функционирование государственной системы и различные общественно-политические процессы, где даны характеристики российского социума, становление и развитие различных общественных сил. В качестве примера работ такого рода можно привести несколько книг, к которым в последние годы было приковано особое внимание профессионального исторического сообщества. Это исследования общественных движений, работы о революционном насилии⁶, о либерализме как модели переустройства общества и существовавших в нём идейных направлениях⁷, о механизме функционирования государственных органов власти в России⁸, об организациях, созданных буржуазной общественностью⁹, о протестном массовом движении¹⁰ и т.д. Состояние общества и власти, власти и оппозиции в Первую мировую войну часто освещалось на страницах журналов, в тематических сборниках¹¹, представлено в жанре политических биографий¹², в диссертационных исследованиях¹³.

В настоящей статье анализируются ключевые обобщающие труды по теме, наиболее характерные для новейшего периода развития исторической мысли в нашей стране. Так, в упомянутой выше книге Ф.А. Гайды подробно представлена динамика отношений власти и либеральной общественности (главным образом — кадетов) с первых месяцев войны. Автор стремится ответить на давно стоящий дискуссионный вопрос: боролись ли на са-

³ Никонов В.А. Крушение России. 1917. Минск, 2010.

⁴ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — февраль 1917г.). М., 2003.

⁵ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004.

⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Его же*. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. М., 2010.

⁷ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме М., 1996. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX в. СПб., 1996; Соерин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы. М., 1997.

⁸ Демин В.А. Государственная дума России (1906—1917). Механизм функционирования. М., 1996; Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999.

⁹ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.

¹⁰ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). М., 2005.

¹¹ Реформы или революция. Россия. 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1992; Анатомия революции 1917 г. в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Россия и Первая мировая война. Материалы международного коллоквиума. СПб., 1999.

¹² Думова Н.Г. Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993; Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999 № 2. С. 12—25; № 3. С. 64—81; Шелохаев В.В. Тыркова // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 80—95, и др.

¹³ Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период I мировой войны 1914—1918 гг. (ВЗС, ВСГ, ЦВПК). Дисс... д.и.н. М., 1994; Астахов А.Б. Всероссийский союз городов. 1914—1917 гг. Дисс... к.и.н. М., 1994; Мичурин А.Н. Деятельность «прогрессивных» групп в Государственном совете в 1915—1917 гг. Дисс... к.и.н. СПб., 1997; Дедков Н.И. Общественно-политические взгляды В.А. Маклакова. Дисс... к.и.н. М., 1998.

мом деле либералы с царским правительством, с государственной системой? В чем эта борьба выражалась, как и в чем выражалось их стремление к власти? В объемной работе В.А. Никонова характеризуются все классы и основные сословия российского общества. Автор стремится найти ключ к пониманию того состояния российского общества, которое привело к крушению традиционных форм государственной власти. В книге уделяется внимание нарастанию кризиса в верхах, который после Февральской революции положил начало «лавинообразной общественной дезинтеграции». Оппозиция и власть в книге представлена в разделе об общественных силах фрагментарно, но с использованием эффективных определений — «политические игроки», «пантеон охранителей и революционеров» и т. п. В целом книга интересна и тем, что в ней заострено внимание на целом ряде важных и актуальных и для сегодняшней общественно-политической жизни проблемах. Можно выделить и книгу С.В. Куликова, которая представляет неоднородное состояние высшей царской бюрократии в «военный» период, ее связи с элитами — придворной, военной, а самое главное — описывает влияние либеральной оппозиции и контактов с представителями общественности на взгляды государственных чиновников.

Характеризовать комплекс наработанного историографического материала можно по-разному. Следует отдать должное многим авторам, которые во введениях к своим работам суммировали взгляды российских и зарубежных историков, начиная с конца 1920-х гг. и кончая первым десятилетием XXI в. Это облегчает задачи данной статьи — во-первых, уточнить принципы употребления понятийного аппарата; во-вторых, выявить в исследуемых работах новые идеи, существенно меняющие представления о «власти» и «обществе», о диалоге власти с «общественностью»¹⁴ в годы войны; в-третьих, подвести итоги слову прежних идеологических концепций.

Прежде историки не задерживались на подробностях единения царя с народом с первых дней объявления войны в 1914 г. Теперь же патриотический порыв, охвативший всю Россию, в том числе и левую оппозицию кроме «небольшой партии Ленина»¹⁵, расцветается яркими красками. Говорится о затухающей революционной активности общества, о том, что рабочие «с жаром берутся за выпуск военной продукции». В то же время, революционные партии уходят глубоко в тень.

В советское время литература по истории России начала XX в. была откровенно идеологизирована. С конца 1990-х г. ситуация сильно изменилась: историки сознательно сторонятся марксистского нарратива при анализе классовый борьбы, революционных партий. Отечественная историография находится в поисках новой исследовательской парадигмы. При этом усиливается роль либерализма в общественном процессе, который долгие годы был в загоне вслед за ленинской концепцией революции.

Ф.А. Гайда анализирует выступления лидеров общественного движения, разбирает оценки и многочисленные высказывания современников, представителей верхов и приближенным к ним лиц из царской бюрократии, окружения монарха, иностран-

¹⁴ Понятия «общество» и «общественность» в литературе нередко используются как тождественные. Но если под «обществом» следует понимать людей живущих на определенной территории и имеющих общую культуру, то «общественность» является только частью общества, претендуя на выражение мнения всего общества и составляя нередко оппозицию существовавшей власти (см.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 10. М., 1973. С. 400). По подсчетам Б.Н. Миронова, к российской «общественности» начала XX века относились лица разного происхождения (дворяне, представители духовенства, верхи торгово-промышленного населения). После учреждения Государственной думы она составляла до 16% от всего населения. (См.: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1999. С. 211).

¹⁵ *Никонов В.А.* Указ. соч. С. 124.

ных послов и журналистов. Эмоциональная форма подачи материала автором свидетельствует об отходе от схематизма советской историографии. В других современных исследованиях проступает досада и разочарование по поводу отсутствия у царского правительства и лично у Николая II понимания смысла наступательных действий оппозиции, сути ее претензий к власти. Тактику российского либерализма также изучают, исследуя конфронтацию оппозиции и власти в 1915 — начале 1917 г. В этом противостоянии было немало компромиссов, стремления исключить риски, в первую очередь — из-за неоднозначного отношения к возможной революции.

Авторы работ, формирующих новейшую историографию, рассуждают о вероятности «альтернативного» пути развития событий в России. У оппозиции, помимо ее неоднородности, не было единого, чёткого понимания форм и механизмов устройства нового демократического государства, которое должно было прийти на смену самодержавному строю. Цели движения оппозиции к власти были расплывчатыми, неясными; относительно небольшой круг ее участников находился в состоянии вечных дискуссий по поводу политики правительства и методов борьбы с ним. Отчасти поэтому Е.Д. Черменский, А.Я. Аврех, Н.Г. Думова¹⁶ и другие авторы работ советского периода сходились во мнении, что оппозиция в России в годы войны (кадеты, октябристы, прогрессисты) могла лишь «симулировать» противостояние власти, в то же время органически тяготея к соглашению с царским правительством. Объяснялось это страхом либералов перед революцией. Эта точка зрения подвергалось сомнению в трудах и зарубежных ученых и в советской историографии В.И. Старцевым еще в 1970—1980-х гг. Отмечалось, что кадеты хотели государственных перемен, но ждали, когда «мавр сделает свое дело»¹⁷, т.е. народ начнет революцию. Ф.А. Гайда в книге продолжает эту линию, полагая, что, например, у кадетов существовали теоретические разработки, связанные с политическим переустройством России, и это заставляло их «учитывать революционную перспективу» как один из возможных путей развития России, но не быть «авторами революции». Ко всему прочему, кадеты были уверены в своем приходе к власти после окончания войны, но февраль 1917 г. был для них, как и для всех остальных, неожиданным¹⁸.

В новых работах отмечаются попытки историков разобраться с разногласиями в оппозиции, в тех играх, которые навязывала власть оппозиции. Характерная черта современной историографии — стремление подчеркнуть социальную и политическую неоднородность как самой оппозиции, так и бюрократической сферы, различных групп социума. Это позволяет дать более глубокие определения и уточнить и такие устоявшиеся понятия, как «кадеты», «прогрессисты», «власть», «оппозиция», «буржуазия», «рабочие» и т.д.

В новых работах уделяется значительное место кадетам, хотя и не роль этой партии в политическом спектре и не преувеличивается, как это было в 1990-е годы, когда отечественные исследователи завоевали возможность заниматься историей либерального движения. В актуальных исследованиях подчеркивается относительная малочисленность активных членов партии. Не опасаясь упреков в «арифметическом» подходе к анализу фактического материала, Ф.А. Гайда подсчитал, что во фракции кадетов в

¹⁶ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России М., 1976; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы М., 1985; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

¹⁷ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 201—364.

¹⁸ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 375—376.

Думе фактически только 37 её членов, т.е. немногим больше половины, проявляли себя в острые моменты политической борьбы. В его книге подробно освещены длительные периоды конфронтации оппозиции и власти в годы войны. Вплоть до ноябрьской сессии Думы 1916 г. оппозиционеры из числа кадетов не позволяли себе резкостей в отношении правительства, довольствуясь обтекаемыми призывами «участвовать в работе общественности» и т.п. Раскол в партии кадетов отмечен Ф.А. Гайдой с первых дней войны, что само по себе уже может характеризовать оппозицию. В обстановке «патриотического угара» не все они поддались «крикливому патриотизму» (как назвал состояние общества в первые недели войны кадет Ф.Ф. Кокошкин). Через год, летом 1915 г. Охранное отделение МВД констатировало слабость кадетов и объясняло это отсутствием у них единства; разные мнения лидеров партии, которые были услышаны агентами полиции, были названы «течениями» внутри партии. В.А. Никонов приводит справку из канцелярии МВД с их оценкой. В ней названы «правые, настроенные на соглашения», и «левые», «самые большие по численности в партии», выступавшие за «полный разрыв и властью и с правыми в Думе». Особо отмечены члены партии кадетов, настроенные на «широкую работу в массах на почве кооперативного движения» и не отказывавшиеся от нелегальных формы борьбы, от участия в демонстрациях и стачках рабочих¹⁹. Никонов особо выделяет мнения отдельных оппозиционеров, предлагавших «отложить счета с властью до окончания войны», в частности, П.Н. Милукова.

Ф.А. Гайда, характеризуя партию конституционных демократов, отмечает расхождение в тактике внутри кадетской оппозиции. Эти разногласия стали своеобразным маятником настроений российской общественности, амплитудой отклонения которого менялась в зависимости от политической атмосферы в стране и настроений правительства. Подчеркнуто, что в кадетской партии существовал «глубокий разрыв между теоретическими, программными положениями и заявлениями, с одной стороны, и непосредственными политическими поступками, с другой»²⁰. В ЦК партии постоянно обсуждались предложения, как вести себя с властью; при этом все, кто входил в оппозицию, вплоть последних месяцев 1916 г. опасались сделать неверный шаг в отношении правительства. В вопросах тактики члены партии чаще всего сходились на предложении «открыть глаза правительству на безумие разъединения власти и общества во время войны». После разгона Думы в начале сентября 1915 г. довольно популярны стали призывы «бросить политику и заняться конкретными делами», «участвовать в работе «общественных организаций» (имелись в виду Земгор и военно-промышленные комитеты)²¹.

Тем не менее, по сравнению с настроениями октябристов и прогрессистов, оппозиционность кадетов была более заметна. Они ревностно следили за эволюцией общественной сферы, за поведением других оппозиционных группировок, хотя к политическому объединению не стремились (Прогрессивный блок использовался больше для интриг). Временные победы кадетов определялись не их столько их усилиями, сколько сложившейся в стране ситуацией, положением на фронте, затруднениями, возникавшими в самом кадровом составе правительства.

Летом 1915 г. власть, срочно needing в том, чтобы разделить с общественностью тяготы войны и ответственность за состояние тыла, приняла предложение земцев-октябристов о создании Особых совещаний по обороне, топливу, перевозкам, про-

¹⁹ Никонов В.А. Указ соч. С. 229—231.

²⁰ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 59, 371—376, и др.

²¹ Там же. С. 53—54.

довольствию. Кадеты не были в числе активных сторонников этого проекта и даже отказались от создания ранее обсуждаемого «министерства снабжения», которое могло бы немало дать тылу²². Однако как только прогрессисты выдвинули лозунг «ответственного министерства», П.Н. Милюков в многословной речи в Думе 20 июля 1915 г. обратился к правительству с призывом «дать дорогу общественным организациям», предложив сформировать «министерства доверия». Для кадетов это был «свой» лозунг, смягчающий претензии к власти.

В исторической литературе давно обсуждается влияние оппозиции, и прежде всего кадетов, на падение государственной власти в феврале 1917 г. Объяснение, предложенное Ф.А. Гайдой, заключается в том, что кадеты, если и предполагали получить власть, то не через захват, а после «социальной катастрофы при старом порядке» (т.е. революции)²³. В позиции кадетов, как подчеркивается, проступал идейный дуализм: с одной стороны, были оппозиционные речи, направленные на противоборство с властью с критикой «порочных пережитков абсолютизма»; с другой — явственная боязнь разрушить существующую систему правления. Такая позиция заставляет задуматься о том, что многие либералы, как и консерваторы, в сложное время могли быть «государственниками», выступавшими за примат имперской системы. В науке бытует мнение, что для эпохи Нового времени, продолжавшейся в России до 1917 г., характерно было диалектическое взаимодействие прогрессивных и консервативных сил²⁴. Но синтез либерализма и консерватизма в идеологии кадетов вряд ли мог ужиться. Консервативные верхи оставались жесткими противниками либералов, а за «либеральными компонентами царского габитуса в июле 1914 г.»²⁵ скрывалась все та же «компромиссная форма правления» с временными уступками и т.п.

Место оппозиции кадетов в общественном движении России связано и с определением их отношения к предпринимательской буржуазии. Ф.А. Гаيدا прямо заявляет: «Кадеты не были партией буржуазии»²⁶. Тем самым он включается в дискуссию, начатую в советское время И.Ф. Гиндиным, а продолженную К.Ф. Шацилло, решительно отделявшим кадетов от буржуазии и подчеркивавшим интеллигентский характер кадетской партии²⁷. Ситуацию пробует прояснить и В.А. Никонов, ссылаясь на ставшего в 1917 г. кадетом историка С.Ф. Ольденбурга, который указывал на сложность российского общества, которое с сомнением воспринимало капитализм. Представители либеральной интеллигенции нередко находились под влиянием марксистских идей и считали хозяев производств эксплуататорами, презируя предпринимательскую деятельность²⁸. Русскую интеллигенцию пугал российский предприниматель эпохи первоначального накопления, его склонность к подкупу и прочим действиям в обход закона. На конференции, посвященной 90-летию Февральской революции, В.А. Никонов высказал свое мнение и о ее характере, отмечая,

²² Там же. С. 103—105.

²³ Там же. С. 372, 378.

²⁴ Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996. С. 96.

²⁵ Куликов С.В. Указ. соч. С. 213.

²⁶ Гаيدا Ф.А. Указ. соч. С. 372.

²⁷ К.Ф. Шацилло включился в дискуссию в связи о свойствах либерализма с обнаружением им огромного материала о левом фланге русского либерализма, об ориентации либералов на социалистические учения в начале XX в. (Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программа. Тактика. М., 1985.

²⁸ Никонов В.А. Указ. соч. С. 165—166.

что «буржуазия как класс ее не осуществляла», а ее «ведущей социальной группой... явилась интеллигенция»²⁹.

Однако не следует забывать, что ядро кадетской интеллигенции составляли люди, которые вели вполне буржуазный образ жизни. Капитализм был для них абсолютно приемлемым социальным порядком. Кроме того, нарастало влияние новой буржуазии в обществе, она также вступала в противостояние с властью. В.Я. Лаврычев в 1967 г. в книге о предпринимательской буржуазии писал об «объединении буржуазно-оппозиционных сил», о «буржуазно-либеральном лагере», имея в виду лидеров московских промышленных кругов³⁰. Аргументированное заключение в этом споре предложено Ю.А. Петровым. Он подошел к проблеме с другой стороны, показав, что кадеты не могли пройти мимо группы московской либеральной предпринимательской буржуазии — значительной, прогрессивной, знакомой с западными теориями. Эта группа стала играть заметную роль в политике и была примером для представителей делового мира, стремившихся к власти³¹. В свою очередь, и представители новой буржуазии П.Н. Рябушинский, А.И. Коновалов не прошли мимо кадетов, допуская возможность участия конституционных демократов в будущем буржуазно-демократическом правительстве.

В постсоветских работах четко определен тот рубеж, после которого оппозиция стала терять надежду на какие-либо сдвиги власти в сторону парламентаризма. Обычно царь не оставлял без внимания оппозицию в Думе и готов был в случае возникновения напряженности идти на компромиссы. Но, прочитав стенографические отчеты последних заседаний Госдумы в августе 1915 г., он признался окружению, что «ожидал больших резкостей»³². Вскоре поставил подпись на документе о приостановлении ее работы, не желая слушать стенаний и сомнений на этот счет ни от Земгора в лице кн. Г.Е. Львова, ни от некоторых министров. Взятая на себя царем роль Верховного главнокомандующего отразилась и на отношении к Думе в целом. Не желая видеть внутри страны враждебную ему оппозицию, Николай II показал себя авторитарным правителем. С сентября 1915 г. его политика в отношении законодательного учреждения в стране свелась к маневрированию разрешениями на созыв сессий Думы и определению их продолжительности. Оппозиция стала бороться за регулярность работы Думы, а власть стала катализатором протестных выступлений общественности.

Роспуск Думы 3 сентября 1915 г. углубил раскол в бюрократической элите, часть которой еще до войны начала ориентироваться на народное представительство. Оставив на профессиональной совести С.В. Куликова рожденную им «сенсацию» о начале второй революции в России «сверху» в августе 1915 г.³³, нельзя не согласиться с его оценкой роста оппозиционности в среде высшей царской бюрократии. Противостояние среди высших государственных чинов в связи с изменениями в Ставке усилились. Активизировались связанные с вел. кн. Николаем Николаевичем «парламентаристы» — сторонники ограничения власти монарха (А.В. Кривошеин и др.).

²⁹ Февральская революция 1917 года: Уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007. М., 2007. С. 16.

³⁰ Лаврычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 126—127.

³¹ Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 13, 276—280, 309—316; Династия Рябушинских. М., 1997. С. 94. Автор аргументировано отверг концепцию американской историографии о нелиберальной политической ориентации московских деловых кругов.

³² Цит. по: Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 178.

³³ Куликов С.В. Указ. соч. С. 395.

Р.Ш. Ганелин и М.Ф. Флоринский досконально исследовали усиление оппозиции в Совете министров в сентябре 1915 — январе 1916 г. Ее представители еще раньше предлагали царю «продвинуться на пути к демократии». Теперь, после разгона Думы, Николай II отказался от какого-либо диалога по этому поводу в Совете министров. Он был убежден, что любая поблжка оппозиции в Думе «неблагоприятно отразится в обществе, а вслед за этим и на военных операциях». Царю казалось, что ничего особенного не произойдет, поскольку он «поступил так, как всегда»³⁴. Но ситуация изменилась после смещения вел. кн. Николая Николаевича. Николай II встал во главе армии и неудачи на фронте стали наносить удар по его авторитету монарха: представления о персональной божественной силе царя и его всемогуществе подвергались все большему сомнению.

На фоне этих процессов и роста антигерманских настроений в обществе оппозиция в Думе и «парламентаристы» в Совете министров стали получать все большую поддержку. Главноуправляющий канцелярией по принятию прошений В.И. Мамантов попытался намекнуть императору на антиправительственные настроения не только в столице, но и в провинции. Николай сначала слушал «с изумлением и недоверчивой улыбкой», а потом воскликнул: «Да вы с ума сошли, вам все это приснилось и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И чего вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы?»³⁵. Раздражение царя вылилось на «парламентаристов», что не только усугубило конфликт между ним и Советом министров, но и привело к переходу в оппозицию Земского и Городского союзов.

Октябрь — декабрь 1916 г. в советской историографии считались месяцами формирования «непосредственной революционной ситуации» и на первом месте стоял анализ революционного рабочего движения. Сегодня сам этот термин отсутствует. Хотя в названиях разделов в некоторых книгах сохранился во многом прежние исторические характеристики этого периода российской истории («Навстречу революции», «Симптомы приближающейся революции»³⁶), их содержание ограничено «кризисом верхов», кадровой чехардой в правительстве³⁷, разбором неудавшихся попыток компромисса власти и оппозиции. Введено в научный оборот много новых источников, но в центре внимания — отношения власти с Государственной думой и фракцией кадетов с «взрывоопасным» выступлением 1 ноября 1916 г. П.Н. Милюкова. Кадетов, как и всю думскую оппозицию в России, не оставляла мысль о возможности революции в стране³⁸. В речи Милюкова «Глупость или измена?» оппозиция открыто потребовала убрать премьер-министра Б.В. Штюрмера, который обвинялся в государственной измене. Это был верх публичной дискредитации царского режима. Резкому оппозиционному выступлению Милюкова в Думе сопутствовала возросшая к этому

³⁴ В подтверждение этого имеются воспоминания лиц близко стоявших к царю (*Дубенский Н.Д.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 348—349. Эти важные детали кризиса верхов, связанные с отношением власти к оппозиции, проанализированы в статье: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л. Горемыкина к Б.В. Штюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 — январь 1916) // Россия и Первая мировая война. Материалы международного colloквиума. СПб., 1999. С. 34—48.

³⁵ *Мамантов А.А.* На государственной службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 236—237.

³⁶ *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 220; *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 331.

³⁷ За один 1916 г. в России были смещены 3 председателя Совета министров, 13 министров, 17 товарищей министров, 25 начальников управлений и директоров парламентов.

³⁸ «Готовиться к грядущей революции», предложил в марте 1916 г. А.И. Чхенкели П.Н. Милюкову, ссылаясь на решения ВПК (*Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 199). В том же году А.И. Коновалов предупреждал «собратьев» о зреющей «кровавой революции» (*Петров Ю.А.* Указ. соч. С. 314).

времени в обществе дискредитация личности царя и его семейства³⁹. Выступление Милюкова подстегнуло оппозиционные настроения в других сферах общества.

Штюрмер был уволен, но царь дал понять, что не намерен допустить дальнейшего «уклонения» в сторону оппозиции. Однако многие члены Прогрессивного блока, депутаты Думы не переставали сходить в мнении, что страна «сползает в пропасть революции» и нужно решительно вырвать руководство государством из рук правительства. Усилилась оппозиционность начальника Штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева⁴⁰; среди членов императорской фамилии ползли разговоры, что царь не прав, «отказываясь от введения парламентаризма». Оживились сторонники левой идеи в среде предпринимательской буржуазии. Фабрикант А.И. Коновалов, составив записку «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию»⁴¹, рисовал «братьям по классу» мрачную картину грядущей революции и предлагал заняться подготовкой Всероссийского рабочего съезда на базе «рабочих групп» военно-промышленных комитетов. Несмотря на опасения революции, либералы были готовы апеллировать к народу, готовому подняться в любой момент в ответ на притеснение власти. «Если невозможно потревожить богов, то можно подвинуть Ахеронт», — писал Милюков⁴².

Состояние общества в целом и рабочего движения в частности мало отражено в новейшей историографии при изучении проблемы взаимоотношений власти и общества периода Первой мировой войны. В то же время, несколько лет назад в работе Ю.И. Кирьянова были уточнены масштабы стачек рабочих в годы войны⁴³, которые оказались более значительными по сравнению со сведениями ослабившей работу фабричной инспекции. Если с 19 июля по декабрь 1914 г. в России произошло лишь 170 стачек, в которых участвовало более 86 тыс. забастовщиков, то уже в 1915 г. в стране насчитывалось почти 2 тыс. стачек рабочих и почти 900 тыс. стачечников. В 1915 г., смело и открыто обратившись к властям, рабочие вспомнили даты столкновений с властью в прошлом: 9 января 1905 г. в Петербурге, расстрел рабочих на золотых приисках в 1912 г. Волну стачек в Петрограде и отдельные выступления на юге России вызвал роспуск Государственной думы. Кадеты сразу заняли выжидательную позицию, на заседании их фракции был только «поставлен вопрос» о связях с рабочими⁴⁴. Первые два года войны стачки носили в основном экономический характер и не привлекали к себе достойного внимания думской оппозиции. Ноябрьская сессия Думы открылась после того, как в октябре 1916 г. в стачках фабрично-заводских рабочих столицы экономические требования стали выдвигаться вместе с политиче-

³⁹ Колоницкий Б.И. Высшая государственная власть в общественном сознании: репрезентации членов императорской семьи и антидинастические слухи кануна революции 1917 года // Революционный процесс и общественное сознание. СПб., 2009. С. 111—131; Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти. 1931—1917. СПб., 2007. С. 9, 216—217.

⁴⁰ Куликов С.В. Указ. соч. С. 291, 304, 318, 372. Автор ссылается на воспоминания служившего в Ставке капитана 1-го ранга А.Д. Бубнова и дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова.

⁴¹ Петров Ю.А. Указ. соч. С. 314—315.

⁴² Ахеронт — чудовище, здесь — народные массы. Цит. по: Розенберг У. Представление либералов о рабочих России и их интересах (начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 356.

⁴³ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). М., 2005. С. 39—47. В его книге были использованы материалы хроники рабочего движения в годы Первой мировой войны, над которой работал Г.Г. Касаров, дополнивший в архивах данные фабричной и горной инспекций.

⁴⁴ Гайда Ф.А. Указ соч. С.157

скими, с лозунгом окончания войны. В ходе демонстраций политические требования были вынесены и на улицы города.

Историки Первой мировой войны уже подвергались критике за то, что они «глухо» и мало говорят о рабочем и революционном движении в стране, влиявшем на степень оппозиционности российских либералов⁴⁵. Это не случайно: В.А. Никонов, оценивший тенденцию историописания периода войны в России, замечает: «Пролетариат порой был действительно активен. Но в революции (Февральской — *И.П.*) он выполнял роль массовки, причем не на основной сцене»⁴⁶. К сожалению, употребляя термин «массовка», автор не сказал, какое значение он в него вкладывает. В дореволюционной России «массовка» означала митинг, революционную сходку, широкую демонстрацию. Усталость общества от вялотекущей «окопной» войны, которая уже с апреля 1915 г. велась на территории России, раздражение народных масс растущим обогащением торгово-промышленных кругов буржуазии при обострении их собственных проблем — важные составляющие исследования проблемы взаимоотношений власти и оппозиции, которые выпали из новейшей историографии.

Исключение этих сюжетов из историографии связано с релятивизацией результатов, достигнутых общественной и научной мыслью в СССР. Но тем самым из понятия «общества» фактически исключается народ⁴⁷. Недооценка степени революционности общества — существенный пробел новейшей историографии, искажающий не только предпосылки растущего социального взрыва в России в 1917 г., но и влияющий на содержание вновь создаваемых трудов, тормозящий оформление новых концепций в исторической науке. Нельзя не отметить, что в мировой науке рабочее, женское, национальные и другие движения рассматриваются как важнейшая часть единого общественного движения.

Рабочее движение с 1895 г. до Февральской революции 1917 г. имело исключительные показатели по сравнению с другими странами. Подсчитано, что каждый наемный рабочий в России, включая все отрасли производства, участвовал в стачках в среднем примерно 2 раза⁴⁸. Миллионы рабочих протестующих против власти в стачках и в других формах рабочего движения, были вовлечены в собрания, шествия, митинги, демонстрации. На эти действия их подталкивали и революционные социалистические партии и выступления либеральной оппозиции. При этом рабочие идентифицировали себя с обществом, формировали в нем представление о себе и о своем отношении к власти. В свою очередь, они вдохновляли интеллигенцию и придали уверенность в борьбе с властью общественным организациям.

С начала войны и до 22 февраля 1917 г. включительно в более чем 5 тыс. стачках участвовало в более 3 миллионов рабочих. К концу 1916 г. из общего числа забастовок 52% было политических, в них принимало участие более 56% от общего числа рабочих, участвующих в протестном движении. С 23 по 27 февраля 1917 г. фабричная инспекция только в Петрограде насчитала более полмиллиона стачечников (676,3 тыс.)⁴⁹. Именно на таком фоне разворачивалась борьба думской оппозиции с властью.

⁴⁵ См.: рецензию С.В.Тютюкина: Отечественная история. 2004. № 4. С. 165.

⁴⁶ Никонов В.А. Указ. соч. С. 182.

⁴⁷ Вспоминая классиков и перефразируя их, скажем так: отношение к рабочим в истории напоминает поведение булгаковского Воланда, испуганно обводившего глазами дома на Патриарших прудах, опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту. Особенно удивляют работы историков, получивших образование до 1990-х гг., когда исторические факультеты готовили только марксистов.

⁴⁸ Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX—XX вв. СПб., 2011. С. 59.

⁴⁹ Граев Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. (июль 1914 — февраль 1917 г. М.; Л., 1926. С. 69; Кирьянов Ю.И. Указ соч. С. 11—30.

Порой слом прежних теоретических схем и концепций, образа мышления, с которыми прежде историки подходили к анализу исторических процессов, не только сужает историографическое поле, но и приводит к искажению понимания процессов модернизации российского общества. Продолжающееся и сегодня в историографии «умолчание» рабочей истории, революционного движения не дает возможности полнее представить место и роль либеральной оппозиции в противостоянии с властью. С.В. Куликов заключает свою монографию другим парадоксальным выводом, утверждая, что «главной причиной» (выделено мною — *И.П.*) падения монархии были противоречия не внутри общества и не между ним и властью, а внутри ее самой⁵⁰. «Штурм власти» автор связывает только с бюрократической элитой.

В современных исторических трудах вообще заметно стремление объяснить причину крушения многовековых форм государственности интригами и «заговорами» в верхах. В.А. Никонов, например, предлагает свою особую интегративную модель, сужая понятия «общественные силы» до объединенных автором в одно целое оппозиционных группировок в Государственной думе, Ставке, императорской семье. Развитие социальной революции подменяется «заговорами» — анализом частных отношений представителей элиты⁵¹. Между тем, термин «заговор» в канун Февраля 1917 г. использовал и В.И. Ленин, указывая на связь англо-французского финансового капитала с российской буржуазией во имя продолжения войны против всех общественных сил. Скрупулезно в середине 1960-х гг. проработавшие эту тему В.С. Дякин и Э.Н. Бурджалов пришли к выводу, что заговоры в России находились в канун 1917 г в «эмбриональном состоянии». Предположения о заговорах нередко основываются на источниках личного происхождения, созданных уже *после* революции и в основном авторами-эмигрантами⁵², но об этом современные авторы предпочитают умалчивать.

Другое дело, что сами слухи о заговорах с их направленностью против Николая II и его семьи, особенно императрицы-немки, конечно же, имели и место, и значение для возбуждения общества. Но, попытки объяснить «заговором» масштабный процесс «revolution of rising expectations» (резкого повышения уровня социальных ожиданий и требований), вряд ли удачны. Преувеличение значения конфронтации оппозиции и власти принижает значимость не только экономической, но и социокультурной сферы жизни общества, затушевывает и иные процессы всеобъемлющего кризиса в России второй половины XIX в. — начала XX в.

В заключение отмечу, что труды, в которых одной из основной тем было соотношение власти и оппозиции в годы Первой мировой войны, несомненно, внесли свой вклад в историописание. Они не только углубили тему в историографии, но и представили историческую науку как своеобразный инструмент осмысления происходящего сегодня. Положительным является и стремление авторов охарактеризовать

⁵⁰ Куликов С.В. Указ. соч. С. 277—392, 400.

⁵¹ Утверждается, что России «пала жертвой» объединившихся против «заговора императрицы» в единое целое ряда заговоров: «Заговора Думы и Земгора», «Заговора семьи», «Заговора Гучкова и Ставки», «Заговора социалистов»; каждый из них составил параграф в одной из глав книги «Штурм власти» (Никонов В.А. Указ. соч. С. 472—551). Напомню, что ранее под таким заголовком в работах о Февральской революции освещались демонстрации рабочих и солдат в Петрограде 23—28 февраля 1917 г.

⁵² См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1966; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция и восстание в Петрограде. М., 1967. С. 77—80. Например, упоминая о самом крупном сборище заговорщиков, один из мемуаристов называет 15 его участников, другой — 5 человек и т.д.

историографический процесс и с позиций преемственности, и одновременно в плоскости критики прежних концепций. Авторы новых работы стремятся персонифицировать историю взаимоотношений власти и общества. Но не ведет ли это к снижению теоретического уровня исследований? Ведь историки часто на деле фактически ограничиваются переходом от работ с идеологической оценкой классов и партий к представлению читателям отдельных личностей, к характеристике их публичной деятельности? При этом остается в стороне та значительная часть общества, которая была включена в массовое, в том числе рабочее движение. Именно оно и в войну оставалось «барометром» политического кризиса и революционной ситуации. Такой подход ослабляет позиции отечественной историографии, особенно в сравнении с трудами западных ученых, свободных от комплексов «раскаяния».

Император Николай II умело играл на слабостях либералов, благодаря чему в критических ситуациях их оппозиция становилась податливой и склонной к уступкам власти. Благодаря этому до последней недели февраля 1917 г. власть в России всегда находила возможность контакта с общественностью, сохраняя тем самым необходимое соотношение сил оппозиции и власти, что обеспечивало устойчивость авторитарной системы. Приходится признать, что при всех слабостях Николая II, на которые обычно указывают как и современники, так и историки, он обладал умением управлять системой сдержек, противовесов и довольно успешно находил баланс, необходимый для сохранения своей собственной власти. Но, будучи весьма самонадеянным, Николай II, неверно оценив ситуацию, возникшую с принятием им личной ответственности за положение на фронте, упустил за полтора года столицу. Она же с конца 1916 г. требовала его присутствия. В феврале 1917 г. в условиях перебоев в поступлении продовольствия и топлива для промышленности, роста недовольства в рабочих районах, изменения настроений придворной и военной элиты имперская столица заявила о себе восстанием промышленных рабочих и соединившихся с ними на демонстрациях солдат Петроградского гарнизона.

Подкрепляя свои выступления демократическим и антивоенными лозунгами, толпы рабочих в конце февраля 1917 г. устремились в Таврический дворец, где в эти дни бурлила революция. Он стал местом решения обществом вопроса о российской государственности. Кадеты, не сделавшие никаких самостоятельных организационных шагов, поняв, что Дума не становится властью, решили примкнуть к революционерам. «Как азартные игроки бросились к министерским креслам», — писал В.И. Старцев. Как показала история, смыслом деятельности либеральной оппозиции было определение того предельного рубежа, до которого можно было позволить низам продвинуться в решении назревших в обществе задач.

Новые и новые поколения историков в России, с какими бы целями и в каких бы условиях они ни создавали свои труды, не прекращают сокрушаться о масштабах разрушительной силы революций 1917 г., уничтожении огромного пласта русской культуры. Причиной революционных событий 1917 г. считают отсутствие диалога власти и общества, нерешительность либеральной оппозиции, то, что на троне в решающий момент российской истории была «не та» личность. Но законы истории едва ли зависят от особенностей характера отдельных личностей, какими бы важными они ни были. В начале XX в. бесспорной общемировой тенденцией было движение к демократии как форме государственно-политического устройства общества, основанной на признании народа в качестве источника власти, на принципах равенства и свободы.

Л.С. Гагазова

Имперская политика на окраинах: опыт управления Кавказом (XIX — начало XX вв.)

Проблема Северного Кавказа для России по окончании Кавказской войны заключалась не только в том, чтобы последовательно интегрировать разноплеменной и разноязыкий регион в государственный организм, но также и в том, чтобы убедить населявшие его народы в выгодах российского подданства и в итоге склонить их к лояльности (впрочем, последнее касалось только «замиранных» горцев, поскольку т.н. мирные обитатели Кавказа более или менее активно взаимодействовали с имперскими институтами на протяжении всего XIX столетия). Смысл этой установки регулярно муссировался в выступлениях одного из наиболее ярких государственников и апологетов имперского этатизма М.Н. Каткова на страницах «Московских ведомостей». Он сквозил и в словах Каткова, произнесенных в адрес жителей балтийских губерний, однако вполне применимых к Кавказу: «Призыв быть членами *единой русской семьи* не обязывает их ни к какому насилию над собой. Их вера, их обычаи, даже их предрассудки, их хорошее и дурное — все может остаться при них. Никто не требует, чтобы они переродились и перестали походить на себя. Государственное требование, которому они призываются соответствовать, нестеснительно, просто и ясно. Край, в котором они живут, есть часть Русского государства, и правительство, которому он подчинен, не может иметь иного характера, кроме русского»¹. Подобные установки, по замечанию Д. Хоскинга, означали сохранение местных языков и традиций в особо отведенной для них нише в качестве этнических пережитков².

Военный министр Д.А. Милютин, безусловно, разделял общую суть катковских установок относительно будущности имперских окраин. Однако как человек опытный, много лет прослуживший на Кавказе и близко соприкоснувшийся с укладом жизни местных народов, он прекрасно понимал, сколь масштабной и трудноразрешимой является задача консолидации империи при наличии таких разнородных периферийных зон, как Кавказ или, к примеру, Средняя Азия. Поэтому он предостерегал от иллюзий тех, кто рассчитывал на немедленные результаты. «Можно ли было ожидать, что полудикие племена, искони гнездившиеся в недоступных горах, — писал Милютин, — а еще более легкомысленные, шаткие чеченцы перейдут вдруг, как бы по мановению волшебного жезла, из-под сурового гнета главы юридика под кроткое, но часто неумелое правление какого-нибудь неопытного русского офицера? Что, привыкнув в течение многих десятков лет к тревогам войны, смутам и насилиям, они сразу обратятся к спокойной, мирной деятельности, земледельческой и промышленной, чтобы оправиться от полного разорения?»³.

¹ Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С. 235.

² Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск, 2000. С. 389.

³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1856—1860. М., 2004. С. 445—446.

Вот каким увидел Кавказ офицер российской армии Г.И. Филипсон, служивший там в 1830–1840-х гг.: «Весь этот хаос разноплеменности, чрепослосности и подчиненности разным лицам и ведомствам порождает бесчисленные злоупотребления и беспорядки в крае, где единство власти распоряжений делается особенно необходимым в виду постоянной опасности от воинственных соседей, доведших разбой и хищничество до крайней степени отваги и ловкости»⁴. Спустя три десятилетия мало что изменилось — как в методах управления, так и в восприятии региона и его обитателей государственными бюрократами. Фактор «постоянной опасности» по-прежнему сохранял актуальность. Что до реализации мысли о «единстве власти распоряжений», то на это требовалось время.

Идея подчеркнутого уважения к местным культурным особенностям, прежде всего, к этноконфессиональной специфике периферийных народов представлялась многим государственным деятелям залогом стабильности окраин в составе империи. К их числу, несомненно, относился князь М.С. Воронцов, возглавлявший Кавказское наместничество в 1844—1854 г. Он придерживался политики, основанной на признании особых, зачастую реликтовых форм социального устройства кавказских народов и учитывавшей этот фактор при выборе методов управления и в процессе создания институтов власти. Управляя Кавказом и Закавказьем, Воронцов пользовался неограниченными полномочиями, дарованными ему императором Николаем I. Ни один из правителей Кавказа ни до, ни после него ни не располагал такой свободой действий. Вместе с тем, и другие наместники также постоянно стремились к независимости от Петербурга и, по мнению участника Кавказской войны К.К. Бенкендорфа, «были совершенно правы, ибо все петербургские указания и планы совершенно не отвечали свойствам Кавказа и его обитателей...»⁵.

Один из основополагающих принципов региональной политики состоял в привлечении на службу «кавказских туземцев». Воронцов был глубоко убежден в том, что только при их активном участии возможно претворение в жизнь идеи культурной экспансии. Много позднее, оценивая достижения кавказского наместника, его биограф писал: «Есть конечно, немало представителей иного взгляда на этот предмет: многим удобнее кажется посылать в покоренные страны щедринских “ташкентцев”, нежели поручать работу людям из местного общества, знающим обычаи и нравы своей страны; и конечно люди, державшиеся такого взгляда, осуждали Воронцова. “Затирает русских!”»⁶.

Местные уроженцы, состоявшие на службе у российского императора, играли важную роль в преодолении взаимного недоверия и непонимания. Они способствовали налаживанию диалога между российской властью и кавказским населением. В числе представителей последнего были и те, кто пытался заниматься «перевоспитанием» своих народов, выступая в качестве проводников имперской идеи. К примеру, офицер российской армии полковник М. Кундухов, едва вступив в должность начальника Военно-Осетинского округа, составил «приговор осетинского народа», который начинался следующими словами: «Будучи одноземец ваш и зная хорошо все ваши народные обычаи, я нахожу их несоответствующими духу настоящего времени, очевидно для вас же самих обременительными и разоряющими домашнее благосо-

⁴ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837—1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 191.

⁵ Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 229.

⁶ Огарков В.В. Воронцовы, их жизнь и деятельность. СПб., 1892. С. 90.

стояние, также поддерживающими вражду вместо доброго и Богом любимого согласия, как самого основного начала благоденствия народов...»⁷. Начальник Терской области гр. Н.И. Евдокимов высоко отзывался о деятельности Кундухова. По мнению Евдокимова, тот «сумел не только удержать в повиновении чеченцев, но много содействовал успокоению других округов и, пользуясь доверием к нему туземцев, успел внушить им ту преданность и доверие, на которых основано нынешнее и будущее спокойствие края»⁸.

Те из кавказцев, кто принял российскую власть, охотно шли на государственную службу, пополняя ряды служащих администрации. Кому-то из них удавалось достичь и карьерных высот. Офицеры-кавказцы появились в рядах российской армии еще в начале столетия, и с годами их численность только возрастала. Многие из них занимали командные позиции в войсках. Особенно отмечена «кавказским» присутствием история императорского конвоя. Еще в 1828 г. был сформирован взвод из знатнейших кавказских горцев в качестве царского конвоя. Заслуга в его создании принадлежит генералу Г.А. Эммануэлю: «Сближение азиатских народов с Россией было всегдашней заботой и попечением Эммануэля: употребив для сего все зависящие от него средства, он исходатайствовал, чтобы из черкесских горских народов был сформирован лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон»⁹. В знак высочайшего доверия, он формировался из «незамирных» черкесов. Функции конвоя заключались в строевой подготовке и охране императора, цесаревича и великих князей (позднее к этому прибавилась миссия почетного караула в Зимнем дворце и у царской опочивальни). С 1830 г. члены конвоя облачались в традиционную черкесскую одежду. В 1838 г. к конвою была добавлена «команда лезгинов», а в 1839 г. — «команда мусульман». В 1856 г. кавказский полуэскадрон стал именоваться «лейб-гвардии Кавказский эскадрон собственного его величества конвоя». В разное время в конвое служили кумыки и чеченцы, кабардинцы и осетины, татары и абазинцы, ногайцы, лезгины и другие¹⁰.

Кавказская этническая прослойка органично вписалась в управленческую иерархию, постепенно став ее привычной частью. Много позже С.Ю. Витте напишет в своих мемуарах: «Кавказ был завоеван как оружием русских, то есть лиц, пришедших из России, так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы... Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных самых высших чинов и знаков отличия»¹¹. По завершении Кавказской войны регион оставался в ведении военного ведомства, основной задачей которого было обеспечение условий для плавного перехода к гражданским формам управления. С декабря 1862 г. должность кавказского наместника занимал родной брат Александра II вел. кн. Михаил Николаевич. Передавая ему бразды управления наместничеством, А.И. Барятинский напутствовал великого князя: «Главная ошибка, даже иногда и правительственных лиц заключается в бессознательной неприязни к чужой народности и в невольной склонности к насильственному порабощению ее собственным привычкам и обы-

⁷ Цит. по: *Дзагурова Г.Т.* Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995. С. 108, 109.

⁸ Цит. по: *Дегоев В.В.* Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. Т. 7 (155). М., 2003. С. 154.

⁹ Жизнеописание генерала от кавалерии Георгия Арсеньевича Эммануэля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным. М., 2004. С. 254.

¹⁰ *Дзагурова Г.Т.* Указ. соч. С. 27.

¹¹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 107.

чаям... Спрашивается, может ли такой нравственный гнет породить привязанность и любовь народа к правительству?»¹². Михаил Николаевич, несомненно, учел советы опытного и искушенного предшественника. Во всяком случае, именно при нем, прослужившем в должности наместника более семнадцати лет, на Северном Кавказе сохранялась относительная стабильность и была создана целостная политико-административная система. Наместник стремился привести ее в соответствие с остальными регионами империи, при этом тщательно контролируя меру вторжения государства в устоявшийся порядок жизни традиционных обществ. С первых месяцев своей деятельности великий князь добивался «слияния всех смежно живущих элементов населения обеих областей, Терской и Кубанской, под общей для всех гражданской администрацией». Такое слияние, по его разумению, позволило бы обеспечить постоянные контакты и наладить общение горцев с русскими людьми¹³. И, надо заметить, на этом пути ему удалось немало добиться. В годы его правления процесс интеграции Кавказа вступил в качественно иную стадию — и в политическом, и в социальном отношении.

Сразу после замирения Кавказа еще не получила развития линия на этническую избирательность при осуществлении текущих задач правительственной политики. В ту пору водораздел пролегал в основном по критериям лояльности и нелояльности, вне зависимости от этнических корней подданных. Однако некоторые факторы все же играли существенную роль. Взятый на вооружение при М.С. Воронцове принцип кооптации местной знати в систему управления позволял верховной власти ангажировать в свой состав представителей практически всех этнических групп. Тем не менее, при внимательном ознакомлении с биографическими данными высокородных кавказцев становится очевидным тот факт, что определенная этноконфессиональная избирательность здесь все же присутствовала. Уроженцы Кавказа христианского вероисповедания имели преимущества перед мусульманами, среди которых лишь ничтожному числу удавалось пробиваться в состав местной и тем более центральной правящей элиты. Селективность отчасти проявлялась и в выборе местных начальников, но она опять-таки носила скорее сословный характер.

Цементирующим началом для прочного слияния периферийных регионов с ядром империи могла стать продуманная и сбалансированная политика аккультурации. Но процессу социокультурной адаптации Кавказа вряд ли была гарантирована успешность при условии его протекания в одностороннем режиме. Требовалось и встречное движение. Между тем, по мнению философа М. Батунского, в России никак не удавалось создать «динамичную процессуальную модель духовной жизни» империи, в которой ударение делалось бы на необходимости поиска форм взаимодействия образующих ее этноконфессиональных компонентов, а не на описании в «традиционно-негативных тонах инохристианских и инорусских культур, религий и других социальных организмов»¹⁴. Возможно, именно по этой причине во взаимоотношениях государства с Кавказом постоянно возникали трудноразрешимые проблемы: даже при самых благоприятных перспективах адаптации кавказских туземцев они априорно рассматривались государственными функционерами, как не вполне «свои» или скорее, как вполне не «свои».

¹² Цит. по: *Итенберг Б.С.* Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. 2004. № 1. С. 45—46.

¹³ РГИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 878. Д. 2. Л. 23.

¹⁴ *Батунский М.* Россия и ислам. Т. II. М., 2003. С. 77.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в первое десятилетие после окончания Кавказской войны этнический фактор, точнее, племенные различия, играл весьма незначительную роль в правительственной политике. В ней скорее прослеживалась линия на максимальное разбавление и смешение разных этнических групп, в том числе, и при подборе кадров. На укрепление имперской формы государственного устройства подобная практика прекрасно работала. Но, очевидно, Петербург все же не устраивали темпы интеграции Кавказа в имперский организм. Политика регионального управления, ярким воплощением которой стала деятельность на Кавказе наместника М.С. Воронцова (и принципы которой в значительной степени разделяли А.И. Бяратинский и великий князь Михаил Николаевич), не приносила (да и не могла принести) быстрых результатов, хотя достижения в деле административного освоения региона доказали ее действенность и плодотворность.

Тем не менее, после убийства в 1881 г. Александра II в правительственной политике получила развитие тенденция к всемерной централизации и унификации управления периферийными районами. В повседневной практике она сказалась преимущественно в ужесточении репрессивных функций государственной машины. Правительство стремилось усилить контроль над всеми без исключения территориями государства и в особенности над инородческой периферией. Тогда же заметно укрепилась установка на планомерное государственное покровительство над русскими переселенцами на окраинах: именно им верховная власть прочила исполнение цивилизаторской миссии с последующей ассимиляцией инородцев и поглощением их славянским этническим компонентом. Главной особенностью административной политики правительства в этот период стало ограничение притока инородцев и иноверцев на государственную службу. С точки зрения части правительственных кругов, эффективность курса на унификацию и русификацию напрямую зависела от этнического и вероисповедного состава центральной и местных администраций. Утвердившаяся в 1880-х гг. система запретов и процентных ограничений должна была отстранить от государственной службы подавляющее большинство лиц нерусского происхождения¹⁵. Это свидетельствовало об окончательном отказе от принципов политики регионализма, одной из составляющих которой была опора на местные силы.

Нараставшая в политике верховной власти унификаторская тенденция применительно к Кавказу выразилась в упразднении наместничества, как института, не вписывавшегося в изменившиеся реалии. В 1882 г. была учреждена должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, по совместительству исполняемая командующим войсками округа. Государственный совет расширил права главноначальствующего, губернаторов и начальников областей. Кавказской администрации отныне дозволялось без получения санкции со стороны центральных ведомств решать лишь вопросы локального масштаба. В конце 1880 — начале 1890-х гг. последовал очередной виток ужесточения кавказской политики правительства. Руководствуясь установкой об ограничении притока инородцев и иноверцев на государственную службу, главноначальствующий А.М. Дондуков-Корсаков предложил Александру III распространить негласный запрет, действовавший в отношении армян, «и к служащим из других национальностей края», мотивируя свое предложение тем, что «убедился лично в дурных последствиях об исправлении служебных обязан-

¹⁵ Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2003. С. 14.

ностей лицами туземного происхождения на местах их родственных и имущественных интересов»¹⁶. И хотя это предложение не получило правового оформления, оно существенно повлияло на административную политику правительства.

По прошествии полутора десятков лет после упразднения наместничества не только местная администрация, но и петербургские бюрократы признали неудачным сложившийся порядок управления Кавказом. Он функционировал крайне неэффективно. Каждый из сменявших друг друга главноначальствующих — А.М. Дондуков-Корсаков, С.А. Шереметев и Г.С. Голицын — на собственном опыте убеждался в несовершенстве управленческой системы, ограничивавшей сферу их личной компетенции и препятствовавшей разрешению насущных проблем. Высшие чиновники кавказской администрации добивались от правительства согласия на предоставление им более широких полномочий по управлению краем, сопоставимых с полномочиями прежних наместников. В далеком от Кавказа Петербурге многочисленные проблемы Кавказа решать не торопились — не потому, что не хотели, а потому, что не всегда знали, каким образом их решать. В результате проблемы только накапливались, связи с центром ослабевали, и регион все больше отдалялся от империи.

В кавказской среде бытовали свои взгляды на причины неудач в управлении краем. Так, осетинский поэт и общественный деятель К. Хетагуров писал: «Новые властители Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности завоеванных племен и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей»¹⁷. Особенно неудачными в плане управления Кавказом оказались годы правления Г.С. Голицына. С.Ю. Витте весьма критически отзывался о его деятельности: «Голицын по собственной инициативе или следуя общему модному пароллю явился на Кавказ с программой его русифицировать, причем и эту программу проводил со страстностью и свойственной ему сумбурностью»¹⁸. Копируя стиль и методы ужесточившейся после убийства Александра II этнонациональной политики, он не смог вникнуть в особенности сложившейся на Кавказе политической и правовой культуры и в своих действиях все чаще сталкивался с глухим сопротивлением снизу, которое пытался сломить законодательным нажимом или репрессиями. Это приводило лишь к обратным результатам, в частности, к массовому неисполнению законов. На любые формы сопротивления главноначальствующий отвечал карательными действиями. Как заметил Витте, Голицын пошел против «всех национальностей, обитающих на Кавказе»¹⁹. Возник порочный круг, из которого удалось вырваться только с его отставкой.

В конце XIX — начале XX в. приоритетные направления этнонациональной политики российского правительства сводились к нескольким ключевым пунктам: административно-правовая унификация окраин; покровительство православию; русификация школьного образования; социально-экономические меры, нацеленные на усиление «русского элемента» на национальных окраинах. Среди высших сановников было немало людей, которые, разделяя конечные цели этой политики — укрепление целостности и единства Российской империи — тем не менее, выступали против жестких методов управления. Будучи сторонниками гибкой и прагматичной

¹⁶ Цит. по: *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 64–65.

¹⁷ *Хетагуров К.Л.* Собр. соч. М., 1960. Т. 4. С. 189.

¹⁸ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. М., 1991. С. 396.

¹⁹ Там же.

этнонациональной политики, они считали, что слишком грубый, прямолинейный курс на русификацию приведет скорее не к консолидации империи, а к нарастанию напряженности на окраинах²⁰. К их числу относился и Витте. Анализируя ситуацию на Кавказе в начале столетия, он сравнил ее с эпохой наместничества: «Вообще при тех наместниках был недопустим тот принцип узкого национализма, который ныне так ярко проповедуется и проводится; тот принцип узкого национализма, при котором все нерусские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя. По моему убеждению, принцип этот весьма ложен и, конечно, он России ничего, кроме вреда, принести не может, если только от этого принципа постепенно не отстанут»²¹. Среди сторонников более взвешенного подхода был также И.И. Воронцов-Дашков, которому вскоре предстояло встать во главе возрожденного Кавказского наместничества.

В своей позднекавказской политике российское правительство руководствовалось т.н. «системой этнографического воздействия», о которой писал правовед Ф.М. Уманец в своей книге «Колонизация свободных земель России»²². Суть этой системы заключалась в планомерной колонизации периферийных регионов. Обустраивая быт многочисленных русских переселенцев на Кавказе, правительство, безусловно, рассчитывало, в первую очередь, на их цементирующую роль в поддержании и укреплении государственного единства. Какими-либо иными инструментами массового воздействия на такой сложный регион, каковым оставался Северный Кавказ, верховная власть не располагала. Однако практиковать подобную политику в столь компактном и перенаселенном регионе, каким являлся Кавказ, да еще и в условиях хронической нестабильности, становилось все более безрассудным.

Жесткий русификаторский курс правительства конца XIX в. привел к обострению политической и социальной обстановки в периферийных регионах империи. Кавказ не стал здесь исключением. Перед угрозой наступающего политического кризиса правящая бюрократия пошла на смену курса. Новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский приступил к реализации программы умеренных реформ. В основу этнонациональной политики правительства предлагалось положить два принципа: веротерпимость и равноправие всех подданных империи без различия национальностей²³. Кризис управления обернулся серьезным нагнетанием напряженности на Северном Кавказе. Правительство, обеспокоенное эскалацией насилия, было вынуждено восстановить институт наместничества. Тогда же Николай II учредил новую должность — заведующего полицией на Кавказе, ответственного за обеспечение порядка и общественной безопасности в регионе. Возглавивший наместничество в мае 1905 г. гр. И.И. Воронцов-Дашков представил императору обширную программу мер по стабилизации обстановки. Успокоение Кавказа, по мнению В.С. Дякина, базировалось у Воронцова-Дашкова на принципе одинаковой близости правительству всех народностей Кавказа, свободе вероисповеданий и покровительстве духовной иерархии. «Туземное происхождение, — утверждал он, — само по себе ни в коем случае не может служить препятствием к прохождению государственной и общественной службы»²⁴.

²⁰ Волхонский М.А. Указ. соч. С. 13.

²¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 30.

²² Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 231.

²³ Волхонский М.А. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Цит. по: Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? С. 78.

Несмотря на то, что сменивший Витте П.А. Столыпин поначалу пытался продолжить линию прежнего кабинета в этнонациональной политике (подготовка законопроектов о свободе совести, пересмотр законодательства в отношении евреев), он все же тяготел к более националистически окрашенному внутривластному курсу. И все же правительству пришлось отказаться от идеи продолжения жесткой русификаторской политики на окраинах. Коалиция с русским национализмом также была неприемлемой для самодержавия, политическая легитимность которого испокон веков основывалась исключительно на династическо-монархическом, а не этническом принципе.

Уступки либеральным силам со стороны верховной власти вызывали недовольство русских националистов. Анализируя итоги выборов в Государственную думу, один из их идеологов М.О. Меньшиков заявлял: «Мечта объединить различные племена страны путем участия в общем законодательстве самая фантастическая из всех возможных. Общий парламент действительно объединяет инородцев — только не с господствующим народом. Они объединяются между собою... Россия дает им вновь политическое бытие. Она как бы отказывается от старых завоеваний, она признает национальную силу поляков, евреев, кавказцев, финляндцев, латышей и проч. — силой, влияющей на решения России»²⁵. По-иному расценивали сложившуюся ситуацию общественные деятели более либерального толка. Депутат Государственной думы М.М. Ковалевский, крупнейший ученый-кавказовед, в июне 1906 г. утверждал, что главной причиной насилия на Кавказе является политика русификации и шовинизма, разделения, натравливания народов друг на друга, бесправие горцев, а также произвол и полное пренебрежение к закону со стороны местной власти²⁶.

Революционные потрясения 1905—1907 гг. и массовая радикализация общественных сил всерьез напугали верховную власть. Разгон II Государственной думы в июне 1907 г. стал новой линией водораздела в этнонациональной политике верховной власти. Стремясь оградить страну от очередных потрясений, правительство пошло по пути ужесточения режима. В 1909 г. премьер-министр П.А. Столыпин объявил об изменении правительственного курса в отношении национальных окраин²⁷. На Кавказе, где в отдельных районах (прежде всего, в Закавказье) революционные события приобрели непомерный размах и их опасные искры продолжали тлеть, требовалась весьма осторожная тактика. Это хорошо понимал наместник И.И. Воронцов-Дашков. Как опытный и проницательный политик, он осознал, что идея культурной экспансии империи в отношении кавказских народов не сработала. Поэтому он предпочел умерить амбиции и добиваться от жителей региона прежде всего политической лояльности, а вовсе не принятия имперских ценностей. Задачи культурной экспансии отошли на второй план, выдвинув более реалистичные установки политического и экономического характера.

²⁵ Меньшиков М.О. Великорусская партия // *Нация и империя в русской мысли XX века*. М., 2004. С. 22.

²⁶ История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 45.

²⁷ Подробнее см.: Asher A. *The Revolution of 1905: Authority Restored*. Stanford, 1992.

Украинские интеллектуалы и поиск модели рационального национально-государственного устройства России: исторический дискурс

Согласно историческим меркам, еще совсем недавно одна шестая часть планеты под названием Союз Советских Социалистических Республик была единым государством, народ которого имел синтетическое наименование — советский, а за пределами своей страны попросту именовался русским. В мире привыкли считать и говорить: «Русские (синоним — «Советы») совершили революцию», «Русские победили в войне», «Русские вышли в космос»... И причастными к этим деяниям в равной мере считали себя жители всех уголков необъятного многонационального государства. Никаких недоуменных вопросов ни у кого по этому поводу не возникало, хотя при более строгом, так сказать, детализированном подходе неизменно отмечалось, что «единый народ» — это «сборный монолит», который состоит из множества наций: русской, украинской, белорусской, казахской, узбекской, грузинской и других.

Сегодня же практически никто не говорит о едином государстве, едином народе, вместо этого многие усиленно апеллируют к национальному фактору, к независимости каждого из постсоветских образований, что отнюдь не означает, будто бы и в прошлом феномена единства вовсе не было, а если он и существовал, то как нечто преимущественно виртуальное, или же искусственно насажденное сверху и удерживаемое силой.

Естественно, ни в коей мере не оправданными, напротив, предвзятыми выглядят бы любые попытки отрицания или замалчивания имевших место несовпадений общих и специфически-групповых интересов, ограничения возможностей для национальной самореализации, усилий по искоренению природных национальных начал (особенно зримо и возмутительно, а потому эмоционально это сказывалось в языково-культурной сфере), а также проявления на этой почве различных по масштабам и глубине противоречий. Однако непреложным остается факт, что антагонистических значений они, как правило, не достигали, а конфликты не перерастали в катастрофы.

Научные критерии объективности позволяют судить об упомянутом феномене вполне определенно, доказательно. В этом смысле представляется целесообразным взглянуть на исторический опыт теоретических исканий, эволюцию творческой мысли украинских интеллектуалов, пытавшихся на протяжении веков найти такой вариант взаимоотношений с Россией, который позволял бы упрочивать единство и, соответственно, могущество последней, осуществлять в него свой вклад, и, одновременно, иметь возможность для собственной национальной реализации, как можно более полного учета украинского интереса.

Предлагаемый ракурс видения проблемы, безусловно, важен и принципиален. Он подвергает серьезным, обоснованным сомнениям, а то и содержательному опровержению весьма распространенные в историографии определенного направления тезисы о «генетической склонности» политического украинства к сепаратизму, патологическому ментальному «мазепинизму», иные вздорные вымыслы. К этому следует добавить: сознательно погружая себя в конъюнктурные умозрительные схемы, отдельные авторы

заходят в своем рвении так далеко, что начинают тщательно муссировать положения, согласно которым даже к началу XX века «наций в европейском смысле этого слова», «т. е. народов, способных к относительно независимому существованию» в Российской империи попросту не было, а «российский национальный вопрос» «в том виде в каком пытались его разрешить, — одна из химер воображения интеллигенции»¹. Конечно же, подобного рода эпатажные высказывания находятся в вопиющем противоречии с научной оценкой реальных процессов формирования наций на Европейском континенте, в который были вовлечены и российская, и украинская, и белорусская, и иные этнические общности. И совсем не на абстрактном уровне, а в жизненном опыте проявились тенденции как к единению не всегда однородных этнических массивов, так и к охране их самобытности, специфики. При этом взаимосвязь, взаимодополняемость и взаимовыгодность обоих векторов представлялись уже тогда самоочевидными.

Собственно, в подобном ключе проблема объективно вырисовалась еще в годы Украинской национальной революции середины XVII века. Стремясь найти существенную поддержку, защиту в борьбе с поляками, Богдан Хмельницкий просился под высокую руку православного московского царя и в своих известных Мартовских статьях 1654 г. пытался добиться для Войска Запорожского (гетманской Украины) благоприятных условий для функционирования украинского этноса, достигшего стадий, характерных для процессов национальной консолидации. Можно считать, что здесь уже отдаленно просматриваются очертания модели национально-государственного объединения, характерной для федераций².

Чем больше в данном случае руководствовался гетман (ностальгической апелляцией к общему прошлому, или прозорливым расчетом обеспечить желаемые гарантии защиты от неизбежных посягательств на национальный суверенитет, а возможно, в равной мере обоими факторами), сказать сложно. Но по мере инкорпорирования Украины в государственное пространство набиравшей могущество Российской империи представления о том, что необходимо искать рычаги для защиты украинского интереса, для сохранения и упрочения самобытности формирующейся нации, неуклонно нарастали.

В XIX веке, который именуют временем национально-культурного возрождения, общественная мысль вращалась в основном вокруг двух возможных вариантов разрешения проблемы: воссоздания утраченной государственности в той существенной форме, которая позволяла бы иметь самостоятельное влияние на свою судьбу (определенный «заразительный» пример тут подавали бескомпромиссной борьбой за отделение от России соседи-поляки) и превращения централизованной великодержавной, полицейской России в федерацию свободных народов. Конечно, речь идет о весьма нешироком круге национальной элиты — просвещенных кругах интеллигенции, увлеченных гуманистическими освободительными идеалами.

После декабристов, тайные общества которых, как известно, активно работали в украинских губерниях и которые, возможно, поэтому уделяли проблеме славянского единения повышенное внимание, особое значение поиску модели межнациональных государственных отношений придавали участники Кирилло-Мефодиевского братства: Т. Шевченко, Н. Костомаров, П. Кулиш, А. Гулак, В. Белозерский и др.

¹ См., напр.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 6—13 и др.

² См.: *Солдатенко В. Ф.* Историческое наследие Переяслава и поиск путей разрешения украинско-российских противоречий в XX веке // История русско-украинских отношений в XVII—XVIII веках (К 250-летию Переяславской Рады. Бюллетень. Выпуск 2. М., 2006. С. 37.

Квалифицируя царизм как оплот и социального, и национального гнета, братчики считали его низвержение исторически назревшей задачей, разрешение которой позволяло совершенно по-новому, на принципах справедливости перестроить и социальную жизнь, и национальные отношения. Лучшие умы нации считали, что республиканский строй открывает путь к демократическому объединению русского, украинского и белорусского народов как ядра общеславянской семьи, а затем — в перспективе — создания европейской и даже всемирной федерации.

В этом пункте, очевидно, уместно вести речь о совпадении исторической национальной традиции, восходящей к демократическим принципам организации и функционирования Запорожской Сечи и Гетманщины, и прогнозирования неотвратимости торжества прогрессивных политических начал будущей полиэтнической государственности. Взгляды кирилло-мефодиевцев были подхвачены М. Драгомановым, стали основоположными в документах, созданных повсеместно под его влиянием «Громад».

Когда в конце XIX — начале XX веков рельефнее обозначилась более радикальная тенденция — «самостийническая» («Братство тарасовцев», М. Михновский, программа Революционной украинской партии «Самостийна Украина»), она недолго смогла конкурировать с имевшей более глубокие идейные корни, ставшей по существу уже традиционной и представлявшейся более реалистичной концепцией автономистско-федералистского переустройства России. Она нашла свое воплощение в программах большинства (почти всех) политических партий украинства начала XX века (Украинская социал-демократическая партия, Украинский социал-демократический союз «Спилка», Украинская радикально-демократическая партия, Товарищество украинских постепенцев и др.), конкретизировалась и пропагандировалась украинской политической элитой (М. Грушевский, В. Винниченко, Н. Порш, С. Ефремов, Б. Гринченко, Е. Чикаленко и др.). Фактический отказ от лозунга «самостийной Украины» объясняется отсутствием сколько-нибудь широкой его поддержки, желанием преодолеть опасения раскола лагеря антимонархических сил по национальному признаку. Ставшее программным требование «широкой территориальной автономии в федеративной демократической республике Россия», напротив, приближалось к доминирующим призывам «Прочь царя!», весьма органично дополняя и умножая его социальное содержание национальным компонентом³.

Начавшаяся в 1917 г. Украинская революция (она явилась составной частью демократических процессов, порожденных Февралем) за короткое время снова обнаружила доминирование в настроениях и стремлениях федералистской платформы (приверженцев Украинской партии самостийников-социалистов оказалось просто несравненное меньшинство). Официальным курсом Центральной Рады стала автономистско-федералистская концепция, единодушно утвержденная Украинским национальным конгрессом 6—8 апреля 1917 г. Даже сторонники лозунга самостоятельности Украины в первые месяцы национально-освободительной революции сочли необходимым несколько приглушить прежний радикализм.

Кстати, вряд ли оправданной является позиция тех исследователей и идущих вслед за ними публицистов, которые не просто высказывают сомнения относительно квалификации событий в Украине как национально-демократической революции, иронично берут само понятие в кавычки, но и подыскивают для них как можно более хлесткие пренебрежительно-унизительные эпитеты, национальных лидеров

³ Головченко В. І., Солдатенко В. Ф. Українське питання в роки першої світової війни. К., 2009. 448 с.

считают психически неуравновешенными, «жуликами», а выработанные документы «смесью вранья и несуразиц» и т. п.⁴

Конечно, все содержание общественных процессов и потрясений в Украине 1917—1920 гг. отнюдь не исчерпывалось борьбой за достижение задач национального освобождения и возрождения в той или иной форме украинской государственности. Однако глубина, содержание, масштабность возникшего движения, наличие собственной платформы, функционирование политических центров, партий, оформление государственных образований, их выход на международную арену, самостоятельное участие в коалициях и многое другое свидетельствуют в пользу правомерности преобладающих в последние годы представлений о непростом феномене именно как о специфическом явлении, которое, будучи связано с другими революционными сдвигами, тем не менее — не «адекватно» ранее употреблявшимся для них характеристикам. Логично и вполне оправданно вести речь об эпохе революций, одной из которых была Украинская.

Главный теоретик и вдохновитель автономистско-федералистского курса Украинской революции М. Грушевский исходил из неотвратимости торжества в России демократии. Потому он предлагал не отделяться от России, наоборот, — принять максимально активное участие в ее превращении в «народоправную» республику, добровольный союз (федерацию) национально-государственных образований и, тем самым, добиться обеспечения достаточных прав угнетенным ранее народам, соответственно собственным интересам и целям, налаживать жизнь через систему своих национально-территориальных государственных органов. В Украине их олицетворением должно было стать Украинское Учредительное собрание. В самых общих чертах стратегию Украинской национально-демократической революции и государственного созидания Грушевский очень четко сформулировал в одной из первых статей 1917 г. — «Свободная Украина» («Вільна Україна»). «Требование народоправия и подлинно демократического строя на Украине в отделенной, несмешанной автономной Украине, связанной только федеративными узами то ли с иными племенами славянскими, то ли с другими народами и областями Российского государства, — это старый наш лозунг, — отмечал глава Центральной Рады. — Поднятый еще в 1840-х годах наилучшими сынами Украины Шевченко, Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Белозерским и иными, он с того времени не переставал быть руководящим мотивом украинской политической мысли, организационной работы, культурной и общественной деятельности... Несомненно, он останется той сердцевинной политической платформой, на которой будет идти объединение жителей Украины без различия слоев и народностей. Средней между программой простого культурно-национального самоопределения народностей и требованием полной политической независимости»⁵.

Следует иметь в виду, что предложенный вариант достижения нового качества украинско-российских отношений был научно обоснован, серьезно просчитан в целом ряде работ Грушевского той поры. Среди них: «Кто такие украинцы и чего они хотят», «Откуда

⁴ См., напр.: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 142, 149; *Его же.* Семнадцатый век и семнадцатый год // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. Россия и Украина: веки истории. М., 1999. № 8. С. 107; *Его же.* Феномен революционного национализма в России // России в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 214; *Дикий А.* Красная свитка: неизвращенная история Украины-Руси от запорожцев до коммунистов. М., 2007. С. 71, 73, 86, 99; *Широкорад А.* Россия и Украина. Когда заговорят пушки... М., 2007. С. 266—269; 277—279, и др.

⁵ Вільна Україна // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського. Київ, 1997. С. 99—100.

пошло украинство и к чему оно идет», «Какой автономии и федерации хочет Украина», «Центральная Рада и ее универсалы: первый и второй», «На пороге Новой Украины» и др. Глава Центральной Рады убеждал всех честных людей, тех, кто был способен логично мыслить и действовать (и украинцев, и русских), в целесообразности и взаимовыгодности отстаиваемого варианта достижения гармоничных отношений двух соседних народов.

Украинцы рассчитывали получить возможность распоряжаться своей судьбой сообразно национальному интересу. Ведь обретением нацией таких демократических гарантий, исключением возможности вмешательства в украинское возрождение (в его основе — осуществление «украинизации Украины»), несомненно (во всяком случае — с достаточно высокой степенью вероятности — прогнозируемо), было развитие такой масштабной воли и энергии, что украинству стали бы вовсе не нужны искусственные отмежевания от чужих влияний или конкуренций. А принадлежность к великой и могучей державе позволяла бы эффективно воспользоваться ее очевидными преимуществами на международной арене, особенно важными в условиях продолжения мировой войны⁶.

Предоставление автономии Украине, по мнению Грушевского, не только не привело бы к ослаблению общероссийского государства, к его распаду, чего панически боялась и чем всех так грозно пугала русская элита, а, наоборот, — усилило бы тягу автономных национально-государственных образований к сплочению вокруг исторически сложившегося центра, к осознанному объединению (а в результате, понятно, — умножению) усилий для совместного решения назревших проблем, продвижения по пути прогресса. Подчас такая стратегия оценивается, с одной стороны, как слишком ограниченная, умеренная, а с другой — как нереалистичная, заранее обреченная на несбыточность. Однако следует подчеркнуть, что отличительной чертой Грушевского-политика был категорический императив — научно обосновывать каждый политический шаг. В основе предлагавшегося ученым курса лежит глубокий, очень предметный анализ социально-политических альтернатив, внимательное рассмотрение всех факторов, которые воздействовали на ситуацию, а выбор наиболее приемлемого варианта деятельности выполнялся практически с безупречной убедительностью.

Думается, отсутствие радикализма, элементов экстремизма, сецессионизма в обосновании концепций украинского национального движения и федералистской трансформации России — отнюдь не проявление недостаточного уровня развитости национального организма и его самосознания на фоне более «продвинутых» этносов, как это нередко пытаются представить⁷, а свидетельство совсем иного свойства. Лидеры Украинской революции исходили в своих логических построениях из учета конкретно-исторических условий развития своей нации и предлагали взаимоприемлемые, весьма конструктивные и перспективные варианты национально-государственного строительства.

Автономистско-федералистский курс Центральной Рады не оставался пустой кабинетной абстракцией, а очень оперативно превратился в устойчивые убеждения миллионов украинцев и материализовался в тысячах и тысячах резолюций самых различных форумов: от общенациональных и общепартийных до уездных и сельских, узкокорпоративных. Происходило уникальное органическое единение порождения научного интеллекта со стремлениями широких масс. Попутно следует заметить, что

⁶ Концепция Украинской революции подробно исследована в монографиях: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. С. 107—183; *Его же.* Українська революція. Історичний нарис. Київ, 1999. С. 156—201.

⁷ См., напр.: *Булдаков В.П.* Природа революционного национализма в России. С. 209; *Гатагова Л.С.* Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. С. 141—142, и др.

попытки некоторых современных историков и публицистов представить дело так, что массовая поддержка идейно-политической платформы Украинской революции была лишь результатом инспирирования ее националистическими лидерами⁸, находясь в очевидном противоречии с многочисленными документами, собранными в объемных томах, вышедших в последние годы⁹.

Центральная Рада преобразовывала массовые порывы в стержень быстро растущего движения. В трехтомнике В. Винниченко «Возрождение нации» есть характерный подраздел с ироничным названием «І хведеративна!». (И федеративная!). Настоящий мыслитель, тонкий знаток национальной души и талантливый художник блистательно воспроизвел процесс вызревания массового политического и национального сознания, особенно в крестьянской среде. «На Украине, — пишет он, — все крестьянство верило Центральной Раде, ибо она была «своя», она хорошо знала потребности «простых людей» и хотела реализовать эти потребности. Эти потребности назывались «автономия Украины» и «федеративная Россия». В этих словах вмещались и пробужденная нежность крестьянства, и реабилитированная простота, и уважение к «простому» языку, и узаконение его отличия от «русского», «кацапа», и ликвидация оскорбительного вечного презрения этого «кацапа» к «хохлу», и, наконец, в этих словах было решение вопроса войны и земли. Реалистичный, монистический разум крестьянина эти две категории — национальное и социальное — сразу же сливал в одну, нераздельную, органично связанную между собой целостность. Кто за землю, тот и за Автономию. Кто против Автономии, тот и против земли...Крестьян окружали со всех сторон, засыпали доказательствами, хитрыми вопросами, ругательствами и враньем по адресу проводников украинства, провокационными слухами, призывали к себе, сманивали обещаниями, — крестьяне на это только вертели головами и говорили: «І хведеративна!»¹⁰.

Без большой опасности ошибиться можно утверждать, что любая другая идеологически-политическая конструкция, кроме лозунга «широкая национально-территориальная автономия в федеративной, демократической республике Россия», не могла так всколыхнуть украинские массы, объединить их, направить к общей цели. И если правилен тезис, что политика — искусство возможного, то стоит признать — к оптимально возможному приближался именно разработанный Центральной Радой курс. Если не упрощать и не примитивизировать тогдашнюю ситуацию, то следует вполне обоснованно считать, что именно живой, заинтересованный отклик на выдвинутые лозунги не мог не служить для руководителей украинского движения дополнительным стимулом для приумножения усилий в реализации избранного курса. В значительной мере становится понятной та настойчивость, с которой Центральная Рада, получив от народа своеобразный мандат, стремилась претворить в жизнь автономистско-федералистскую программу в своих трех первых универсалах, принципиально ее отстаивала во взаимоотношениях с Временным правительством, а затем и ленинским Совнаркомом. Конечно, в данном случае речь идет о различных этапах революционной и государственно-созидательной поступи и, естественно, привели они к различным результатам.

После определенных трений и неуклюжих попыток противодействия неконтролируемым процессам, Временное правительство все же вынуждено было согласить-

⁸ См.: Булдаков В. Красная смута. С. 147.

⁹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали у двох томах. Т. 1. К., 1996. Т. 2. 1997; Український національно-визвольний рух. Березень-листопад 1917 року: Документи і матеріали. К., 2003.

¹⁰ Винниченко В. Відродження нації. Ч. I. Київ—Відень, 1920. С. 175—179.

ся со введенной явочным порядком автономией Украины, легитимизировало Центральную Раду договоренностью о ее превращении в краевой орган (через включение в нее представителей национальных меньшинств), утвердило, хотя и с серьезным ограничением прерогатив, Генеральный секретариат как исполнительную краевую, то есть автономную власть, вело с Центральной Радой и Генеральным секретариатом переговоры как с полноправными и полновесными государственными институтами, делало это по существу на межгосударственном уровне, даже конфликтовало как с вполне реальной серьезной национально-государственной силой (речь, в частности, и о Временной инструкции Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г., и о распоряжении открытия уголовного дела за попытку начать подготовку к созыву Украинского Учредительного собрания и т. д.). К сожалению, снова приходится обращать внимание на односторонность подходов к проблеме некоторых историков, склонных доказывать, что «культура межнациональных отношений (имеются ввиду, конечно, деятели национальных регионов. — В. С.) спускалась на племенной уровень», тогда как «великодержавная реакция» «носила вялый характер»¹¹.

Таким образом, невзирая на вполне понятные стремления многих тогдашних украинских политиков достичь большего, осуществлялась реальная, в основе своей демократичная трансформация украинско-российских отношений, снимавшая существовавшие острые противоречия и закладывавшая неплохую основу для их предупреждения в будущем. Одновременно шаг за шагом как бы «нарабатывалась» модель функционирования полиэтнического государства в условиях торжества демократии, о стремлении к чему неустанно твердили практически все тогдашние политические силы.

Приход к власти большевиков внес существенные коррективы в этот процесс. Воспользовавшись исчезновением Временного правительства — до того главного тормоза процесса автономизации Украины, а также «Декларацией прав народов России», провозгласившей государственным принцип права наций на самоопределение, Центральная Рада 7 (20) ноября 1917 г. обнародовала свой III универсал. Идея федеративного переустройства России в этом документе является сквозной, доминирующей, самой рельефной. «Народ украинский и все народы Украины! — провозглашала Рада. — Тяжелое и трудное время выпало на землю *республики Российской* (тут и далее выделено мною. — В. С.). На севере, в столицах идет междуусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, расстройство и руина. Наш край точно также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина также может скатиться в бездну, ушибы, резни, упадка. Народ украинский! Ты вместе с братьскими народами Украины поставил нас охранять права, добытые в борьбе, творить порядок и налаживать жизнь на нашей земле. И мы, украинская Центральная Рада, во имя восстановления порядка в нашем государстве, во имя спасения *всей России*, сообщаем:

Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. *Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее*, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими *помочь всей России, чтобы вся республика стала федерацией равных и вольных народов...* Имея силу и власть на родной земле, мы этой силой и властью станем на страже прав и революции не только нашей земли, *но и всей России*»¹².

В полном согласии со всей Россией предполагалось решение конкретных неотложных задач текущего момента: прекращение войны и достижение мира, решение

¹¹ Булдаков В. Красная смута. С. 154.

¹² Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 398—399.

земельного, продовольственного вопросов, упорядочение производства и распределение продукции, организации труда и т. д. Оканчивался универсал таким призывом: «Граждане! Именем Народной Украинской Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружественному великому строительству *новых государственных форм*, которые дадут великой и изможденной *республике России* здоровье, силу и новую будущность. Выработка таких форм должна быть осуществлена украинским и *всероссийским учредительными собраниями...*»¹³.

Беспокойства за судьбу всей России здесь, кажется, больше, нежели за собственную, украинскую. За универсалом последовали обращения, ноты к руководству национально-территориальных и территориально-административных образований с предложениями присылать своих представителей в Киев для решения вопроса о судьбе России, т. е. о ее федеративном переустройстве. Нет оснований подозревать лидеров Украинской Народной Республики в неискренности, попытках вести какую-то сложную политическую игру со скрытыми целями. Украинские газеты взахлеб патетически вещали, что подобно тому, как когда-то «свет христианской веры пошел по всей великой земле русской именно из Киева, так и ныне порядка, спасения народы России ждут из все того же златоглавого Киева»¹⁴.

В ноябре-декабре 1917 г. Центральная Рада предприняла ряд шагов по налаживанию контактов с национально-государственными образованиями, возникшими в основном на восточных границах Украинской народной республики: посылались дипломатические делегации на Дон, Кубань, к правительству «Юго-Восточного Союза»¹⁵. Основная цель переговоров — формирование федерации на принципе одно-одно-социалистической власти. На определенном этапе с подобными предложениями Генеральный секретариат обратился и к Совнаркому Советской России. Конечно, подобный поворот событий вряд ли ранее мог быть спрогнозирован. Редактор шовинистической газеты «Русская жизнь» А. Погодин с изумлением замечал: «История сыграла с нами странную шутку. Украина, которая отделялась от России, теперь оказалась призванной начать новое собирание земли русской»¹⁶. Однако поведение лидеров украинского национального движения было отнюдь не спонтанным, имело четкую логику.

За украинскими политическими деятелями уже на протяжении достаточно продолжительного времени начало закрепляться лидерство в национально-освободительном движении в целом в России. Еще до начала Первой мировой войны вокруг Товарищества украинских постепенцев (ТУП) стал оформляться союз автономистов-федералистов во всероссийском масштабе. Не следует сбрасывать со счетов и того психологического эффекта, которое оказал на М. Грушевского и его коллег Съезд Народов, проведенный в Киеве в середине сентября 1917 года. Он стал яркой демонстрацией поддержки во всероссийском масштабе автономистско-федералистских стремле-

¹³ Там же. С. 401.

¹⁴ См.: Робітничя газета (Київ). 1917. 5, 7 ноября; 5, 8 декабря; Селянська думка (Тараша). 1917. 16 ноября; Известия Армейского комитета VII армии. (Проскуров). 1917. 20 ноября; Народна воля. (Київ). 1917. 10 декабря, и др.

¹⁵ См.: *Матвієнко В.* Українська дипломатія 1917—1921 років на теренах постімперської Росії. К., 2002. С. 62—69; 95—97; *Веденєєв Д.В., Будков Д.В.* Юність української дипломатії. Становлення зовнішньополітичної служби Української держави. 1917—1923 рр. К., 2006. С. 81; *Кудлай О.* Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 — квітень 1918 рр.). К., 2008. С. 50—57.

¹⁶ Русская жизнь (Харьков). 1917. 8 декабря.

ний лидеров украинского движения, признания их несомненной авангардной роли в выработке планов демократического переустройства многонационального государства.

Очевидно, не лишним будет упомянуть и о том, что логика расчетов Центральной Рады, пусть и с серьезными оговорками, во многом совпадала с генеральным направлением политических поисков путей создания советской федерации. Вспомним хотя бы ленинский лозунг «Пусть Россия будет союзом свободных республик!», родившийся в полемике именно вокруг вопроса об отношениях Украины с другими национально-государственными образованиями, возникновение которых считалось не просто вероятным, но, в сущности, неизбежным и желательным¹⁷. А одно из ключевых положений «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) — областная (территориальная) автономия для тех национально-административных единиц, которые не пожелают довести дело до национально-государственного отделения, — четкое декларирование прерогатив и принципов взаимоотношений субъектов будущей федерации.

Интересно, что дипломаты, политики западных стран в последние месяцы 1917 года приходили к заключениям о желательности некоей федерации (или конфедерации) антисоветских правительств (в отдельных случаях высказывалась надежда и на участие в предполагаемой коалиции СНК как «правительства Петрограда, Москвы и окрестностей») для того, чтобы сорвать возможность заключения Советской властью сепаратного мира с немцами и, конечно же, изменить начавший осуществляться большевиками курс. Центральная Рада при этом фигурировала в планах как один из неперменных субъектов развития намечавшегося сценария¹⁸, ради реализации которого предпринимались серьезные усилия представителей Франции и Англии в Киеве¹⁹. Конечно, не повлиять, хотя бы в определенной мере, на позицию и поведение лидеров Украины это не могло.

Впрочем, логично допустить и то, что в апеллировании Центральной Рады к правительствам краев и областей бывшей России о необходимости консолидации усилий с целью федеративного переустройства распадающегося государства прослеживается не только уверенность в правильности избранного пути, но и очевидный страх перед перспективой остаться один на один с правительством большевиков, неверие в собственные потенции, неготовность только своими силами решать наболевшие проблемы даже внутриукраинского развития.

Все сказанное, естественно, с вышеупомянутыми предостережениями, может служить предметом для размышлений о тогдашних общих тенденциях, если не закономерностях российского развития. Поэтому и с данной точки зрения лидеры Центральной Рады искали и находили пути совершенствования российского многонационального государственного организма и определения своего созидательного места в нем на обусловленном объективными обстоятельствами направлении. Из всех возможных вариантов они принципиально избирали исходный, перспективный и неуклонно преодолевали самый трудный начальный отрезок пути. Однако именно он привел к эффекту,

¹⁷ См.: Ленин В.И. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 3—24 июня (10 июня — 7 июля 1917 г.). Речь о войне 9(22) июня // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 286.

¹⁸ См.: Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 259; Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Осендовского. 3-е изд. СПб., 2006. С. 73—74.

¹⁹ См.: Нариси з історії дипломатії України. К., 2001. С. 322; Солдатенко В.Ф. Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Вип. III. К., 2003. С. 377.

обратному ожидавшемуся. Вопреки оптимистическим надеждам, никто из «негосударственных» прежде наций и народов не спешил приступить к строительству новой федерации. Ближайшие соседи, на которых рассчитывали как на непременных, заинтересованных партнеров, судя по всему, просто не дозрели до того, чтобы быть активными субъектами этого сложного процесса. Свою роль, очевидно, играло и то, что сторонники более радикального решения вопросов национальной государственности — финны, поляки, отчасти прибалтийцы — не участвовали в этом процессе по иным, известным причинам: они в это время форсировано добивались независимости.

Единственная же позитивная реакция на инициативы Центральной Рады от главного тогдашнего врага большевистской власти генерала А. Каледина была равносильна вызову «огня на себя» как со стороны местных советов, так и из петроградского центра, объективно и автоматически поставила Центральную Раду в трагически самоубийственное положение воюющей с большевиками стороны. Один из активных участников событий того времени, талантливый историк Д. Дорошенко вынужден был честно признать: «Это была явно непосильная и ненужная для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельным и независимым государством; она должна была признать правительство Народных комиссаров, как правительство России, на основе обоюдного признания (большевики сами тогда постоянно подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения) и дать всероссийским делам покой. Украина имела перед собой такие колоссальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя враждебности уже существующего фактически нового российского правительства — это была неосуществимая в тогдашних условиях задача»²⁰. Мысли и планы, подобные высказываниям Дорошенко, оформились в систему общепризнанных подходов несколько позднее. А в ноябре—декабре 1917 г. в результате реализации выработанного Центральной Радой курса вместо достижения нового, демократически-федеративного уровня отношений разразился острейший конфликт с военным финалом. Последнее, в сочетании со стремлением лидеров УНР принять участие в Брест-Литовской мирной конференции убедило Центральную Раду в необходимости пересмотра государственного статуса Украины²¹.

Впрочем, провозглашенные 9 (22) января 1918 года IV универсалом независимость и суверенитет Украины вовсе не означали ее немедленного отказа от выкристаллизовавшихся планов трансформации России в демократическую, федеративную республику. Однако желанная федерация должна была объединить уже не автономные, а суверенные образования, что, собственно говоря, больше соответствует общепринятым представлениям о конфедеративной модели государственного устройства. Как бы там ни было, федеративному принципу (как способу объединения национально-государственных, территориальных образований в одном государстве) М. Грушевский, В. Винниченко и большинство их единомышленников не изменили и после эмоциональной реакции на сокрушительное поражение от советских войск в январе 1918 г., снова и снова возвращались к нему на новых витках революции. Основная причина такого последовательного, в чем-то даже упрямого поведения заключалась, очевидно, в неустранимой вере в неоспоримые преимущества федералистской модели украин-

²⁰ *Дорошенко Д.* Історія України 1917—1923 рр. Т. I. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932. С. 185.

²¹ См. подробнее: *Солдатенко В.Ф.* Третій Універсал Центральної Ради і плани федеративного перебудування Росії // Український історичний журнал, 2003. № 4. С. 3—10.

ско-российских отношений, взаимодействия всех наций полиэтнической страны, несомненное ее торжество в ближней, или более отдаленной перспективе.

Особого разговора заслуживает стремление гетмана П. Скоропадского принять участие в возрождении осенью 1918 г. федеративной России на несветской основе («небольшевистской России»). Конечно, нельзя упускать из виду, что инициатива приходится на момент поражения Четверного союза в империалистической войне, а это сразу ставило под большой вопрос дальнейшую судьбу гетманского режима, державшегося в решающей степени на силе немецко-австрийских штыков. Впрочем, нельзя пренебрегать и тем, что генерал российской армии, дававший присягу на верность царю, убежденный монархист и одновременно украинец по происхождению, он искренне желал бы оздоровления отношений юридически самостоятельной Украины, к руководству которой он пришел в экстремальных обстоятельствах, со столь же горячо любимой им великой Россией.

Весьма симптоматичными выглядят размышления Скоропадского, высказанные в его мемуарах. «Великороссы, — писал он, — должны понять, что старого не вернуть, и что как бы ни была ошибочна политика украинцев, Украина не погибнет, а снова и снова будет добиваться того, чего ей не дают... Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать, только будучи равноправным членом федеративного государства». Скоропадский считал подобные перемены единственным путем достижения украинско-российского компромисса и принципиально предостерегал приверженцев «великой России» от соблазна воспользоваться лозунгом федерации в тактических целях. Он подчеркивал: «Все окраины думают: окрепнет Великороссия и снова примется за старый гнет всякой национальности, входящей в состав Российского государства. Я видел много украинцев, которые высказывали подобные опасения, да нечего далеко искать, тот же самый Винниченко, сидя у меня в кабинете, говорил при мне одному украинцу-федералисту, что он и сам ничего не имеет против федерации, но когда теперь говорить о федерации, то тогда русские ничего не дадут впоследствии, поэтому нужно стоять за «самостийность» до конца, которая и приведет к федерации»²². Попутно следует отметить, что сказанное диссонансирует с логикой рассуждений тех авторов, которые считают гетманат попыткой осуществления тактических по замыслу планов «малороссийской Украины»²³.

Щекотливость ситуации заключалась в том, что лишенный поддержки австро-немецких оккупантов, не имея сколько-нибудь надежной гарантии (немцы серьезно побеспокоились о том, чтобы помешать созданию украинских вооруженных сил), гетман не мог «стоять за «самостийность» до конца», вынужден был пасовать перед партнерами (генерал Краснов, нарождавшееся и упрочивавшееся белое движение), идеологической платформой которых являлась концепция «единой и неделимой России». Принимая чужие правила игры, Скоропадский, видимо, осознавал (хотя это и не помешало ему провозгласить 14 ноября 1918 г. Грамоту о федерации с несветской Россией — однако, это уже другой разговор: о тактике выживания), что реализация договоренностей с Красновым не оставляла места не только для самостоятельной, но и для автономной Украины, просто ликвидировала бы ее субъектность, возвращала бы украинско-российские отношения к их исходному дореволюционному состоянию.

Вспоминая о пророчествах Винниченко, Скоропадский с горечью должен был констатировать: «Как только я объявил федерацию с Россией, я сразу понял, что Вин-

²² *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 307—308.

²³ См.: *Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Українські проекти в Російській імперії. К., 2004. С. 448—464.

ниченко был прав. Через несколько дней появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали»²⁴. При определенных обстоятельствах перспективными могли оказаться планы самого Винниченко, оформившиеся в альтернативной плоскости, — разрядить напряжение в отношениях возрожденной в ходе антигетманского восстания Украинской Народной Республики и Российской социалистической федеративной советской республики (конец 1918 г. — начало 1919 г.).

Критически проанализировав причины поражения УНР времен Центральной Рады, предвосхищая неизбежное после жестокого гетманско-оккупационного террора тяготение народа Украины к советской власти (нетрудно было предположить, что на стороне последней тенденции, как и в декабре 1917 года — январе 1918 года, окажется несравненно превосходящий военно-политический потенциал РСФСР), глава Директории считал единственным способом преодоления умножившейся на протяжении последнего года взаимной национальной вражды, предотвращения надвигавшейся войны введение в Украине «системы советской власти»²⁵. Доводы и соображения в этом плане были сразу же отвергнуты большинством Директории и руководством основных украинских политических партий, после чего Винниченко весьма оперативно предложил «усовершенствованный» паллиативный вариант — идею формирования в Украине республики трудового народа, политическим и государственным фундаментом которой явились бы трудовые советы («рады»), а венчал бы конструкцию политической системы Трудовой Конгресс Украины²⁶.

Трудовые советы, сформированные не по классовому принципу, — в их выборах имели бы право принимать участие все, не эксплуатирующие чужого труда, по расчету Винниченко, больше бы отвечали социальной структуре украинской нации, ее крестьянскому характеру, и одновременно были достаточно близкими к российским, точнее — большевистским советам. Глава Директории говорил даже о родстве двух «диктатур» — диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в РСФСР и диктатуры трудового народа в УНР²⁷.

Однако в данном случае, очевидно, не столь важно выяснение степени тождества или различия между советами рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и трудовых советов (рад). Важно понять, что таким образом глава Директории, соображения и предложения которого были официально поддержаны руководящими органами украинских партий и правительством, оформлены соответствующими решениями в качестве государственного курса, стремился доказать, что реализацией его плана противоречия между Украиной и Россией снимаются, по крайней мере, утрачивают если не принципиальный характер, то, уж, во всяком случае, антагонистическую остроту, что при доброй воле можно не только надеяться на мирную разрядку конфликтной ситуации, но и достичь заключения межгосударственного союза (федерации) для осуществления общих целей.

Нужно учитывать, что к такому варианту развития отношений проявляло интерес и большевистское руководство Советской России, вокруг которой в 1919 году затягивалось кольцо фронтов, и разорвать их прочную цепь хотя бы в одном звене — означало облегчить общее положение республики. Поэтому, в частности, было

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Винниченко В. Відродження нації: (Історія української революції [марець 1917 р. — грудень 1919 р.]). Ч. III. Київ—Відень, 1920. С. 133—140.

²⁶ Подробнее см.: Солдатенко В. «Вінницькі шаблі» державного проводу УНР // Україна: минуле, сьогодення, майбутнє: Зб. наукових праць. К., 1999. С. 3—15.

²⁷ Винниченко В. Указ. соч. С. 141.

уделено подчеркнутое внимание чрезвычайной дипломатической миссии С. Мазуренко, направленного в Москву главой Директории В. Винниченко и председателем правительства УНР В. Чеховским²⁸. Однако наметившийся на этом направлении явный прогресс был блокирован С. Петлюрой и его окружением, которые избрали ориентацию на Антанту, начали активно добиваться у командования интервентов в Одессе и Бирзуле благосклонности и поддержки, саботировав при этом принятые решения о трудовых советах и введя явочным порядком режим, получивший название атаманщины. С отставкой в ходе разразившегося правительственного кризиса с высших государственных постов Винниченко и Чеховского, приходом на первые роли в УНР Петлюры возможности украинско-российского диалога практически исчезли.

Вместе с тем, не меньшую ответственность за срыв перспективы украинско-российского компромисса, имевшего не только временную тактическую ценность, но и шансы приобрести долговременное, стратегическое значение, Винниченко возлагал и на местных большевиков, Компартию Украины, в частности, на Г. Пятакова, возглавлявшего с 20 ноября 1918 года Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Именно последнее руководило борьбой за восстановление в регионе советской власти (значит — и против Директории), чем подталкивало правые круги УНР к разрыву нормализовавшихся отношений с РСФСР, объявлению последней войны²⁹. И даже после этого Винниченко не изменил убеждению, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе — наиболее приемлемый, если вообще не единственный вариант развития украинско-российских отношений. Потому, пребывая в эмиграции, он с провозглашением Венгерской советской республики весной 1919 года направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания «советского пояса» — Россия — Украина — Венгрия и, возможно, далее — Бавария³⁰. Логической основой взаимодействия в рамках такого пояса, как нетрудно предположить, лежали бы все те же федералистские принципы.

Да и в 1920 г. Винниченко провел четыре месяца в напряженных переговорах с партийно-советским руководством РСФСР и УССР о своем предполагаемом возвращении в Советскую Украину, добиваясь при этом больше всего гарантий «украинскости» для Украины как важнейшей предпосылки противодействия наслоениям на неразрешенные пока вновь нарождавшихся противоречий, что, несомненно, пошло бы на пользу обоим народам³¹. В данном случае важно иметь в виду, что речь идет не просто о позиции и поведении пусть выдающейся и влиятельной, но все же отдельной личности. Винниченко олицетворял довольно мощное течение формировавшегося в 1918—1920 годах украинского национал-коммунизма. В результате раскола в наиболее многочисленных и авторитетных партиях Украинской революции — Украинской партии социалистов-революционеров и Украинской социал-демократической рабочей партии (они неизменно доминировали и попеременно руководили правительственными кабинетами УНР) — организационно оформились Украинская коммунистическая партия (боротьбистов) (май 1919 г.) и Украинская коммунистическая партия (январь 1920 г.).

²⁸ См.: *Симоненко Р.Г., Реснит О.П.* Українсько-російські переговори в Москві (січень—лютий 1919 р.); 3б. документів. К., 1996.

²⁹ См.: *Винниченко В.* Указ. соч. С. 222—230.

³⁰ См.: *Винниченко В.* Щоденник. Київ. 1990. № 10. С. 105—107.

³¹ См.: *Солдатенко В. Ф.* Епізод політичної біографії В. Винниченка: спроба повернення в Україну // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С. 205—250; *Его же.* Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниченка. К., 2005. С. 126—202; 296—337.

Обе они, консолидировав в своих рядах большую часть членов функционировавших к тому времени бывших единых партийных организмов, приняли советскую платформу, вместе с КП(б)У делегировали своих представителей в составы правительств УССР, что, безусловно, расширяло базу возможного сотрудничества и на международном (внутри многонациональной Украины), и на межгосударственном (Украина — Россия) уровнях, способствовало поиску координированных решений вставших задач.

Что касается подходов большевиков к проблеме украинско-российских отношений, то они выкристаллизовывались постепенно. При этом очевидной доминантой практически неизменно оставалась федералистская ориентация. Надо сказать, что РСДРП(б) первой среди общероссийских партий заменила в политическом лексиконе термины «малоросс» и «Малороссия» на получившие «права гражданства» в 1917 году определения «украинец» и «Украина». Достаточно вспомнить даже названия ленинских статей лета 1917 года — «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», а также «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде»³² и др. В официальных документах СНК, протоколах его заседаний (а он в последние два месяца 1917 г. 15 раз слушал вопросы, связанные с развитием событий в Украине, взаимоотношениях к ней) неизменно фигурируют термины «Украина», «украинский народ», «Украинская Рада»³³. Однако куда важнее было то, что РСДРП(б) принципиально поддержала требования украинства относительно своего автономного статуса, решительно осуждала великодержавничество Временного правительства, а руководители киевских большевиков в знак солидарности с национально-освободительным движением в критические для Центральной Рады моменты даже направляли в ее состав своих представителей, принимали соответствующие, пусть с оговорками и предостережениями, резолюции, чем усиливали ее авторитет, умножали политический вес.

Преодолев проявления нигилистического отношения к украинскому вопросу, национально-освободительному движению первых месяцев революции, местные организации РСДРП(б) к концу 1917 года были практически едины в вопросе об образовании Украинского советского государства, о принципах его взаимоотношений с советской Россией. Провозгласив 12 (25) декабря 1917 года Украину советской республикой (с официальным названием Украинская Народная Республика), I Всеукраинский съезд советов заявил о том, что она становится федеративной частью Российской советской социалистической республики. Был преодолен сепаратизм части руководства большевистских организаций Донецко-Криворожского бассейна, приведший к образованию в регионах отдельной советской республики с ее прямым вхождением в РСФСР³⁴.

II Всеукраинский съезд Советов (Екатеринослав, 17—19 марта 1918 г.), реагируя на условия подписанного Советской Россией Брестского мира, провозгласил Украину самостоятельной республикой. Национальная государственность стала для местных большевиков одним из важнейших, определяющих мотивов всей политической жизни. Хорошо известно, с какой серьезностью первый официальный глава Народного Секретариата (правительства) Украины Н. Скрыпник относился к самому факту существования УССР, как принципиально защищал ее в острой полемике-конфликте со

³² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341—342, 350—352; Т. 35. С. 143—145, и др.

³³ См.: Солдатенко В.Ф. До конфлікту Раднаркому Росії з Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. К., 2003. С. 75—76.

³⁴ См.: Курас І., Солдатенко В. Ілюзії й практика національного нігілізму: погляд із сьогодення на Донецько-Криворізьку республіку // Пам'ять століть (Київ). 2000. № 6. С. 60—77; Они же. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917—1920 рр.). К., 2001. С. 37—64.

И. Сталиным в апреле 1918 года, когда нарком РСФСР по делам национальностей потребовал от большевиков Украины «прекратить игры» в правительство и республику³⁵.

В последующем под влиянием известных факторов, порожденных общими потребностями отстаивания советского строя в гражданской войне, отпора интервенции, необходимостью координации и консолидации усилий в реализации планов революционного, социалистического созидания нарастали объединительные настроения и тенденции. Важными вехами последних стали Военно-политический союз советских республик (июнь 1919 г.), инициатором которого стала УССР, и экономический договор с РСФСР (декабрь 1920 г.). Время от времени звучали и довольно громкие призывы к слиянию двух республик. Однако подавляющее большинство коммунистов на местах выступали за сохранение украинской национальной государственности и дальнейший поиск оптимальных вариантов союзного, федеративного единения с Советской Россией. Надо сказать, что такая позиция находила не только понимание, но и поддержку руководства РКП(б), хотя сегодня она иногда встречает резкое осуждение, воспринимается как «плод большой фантазии кабинетных теоретиков»³⁶. Однако именно терпеливость, взвешенность, расчетливость, национальный такт приводили в конце концов к тому, что, казалось бы, неизбежные центробежные тенденции неизменно и в общем надежно трансформировались в центростремительные.

Очевидно, уместно вспомнить о том, что именно с Украины в Москву поступали достаточно мощные импульсы, касающиеся как формирования единого дипломатического фронта на Генуэзской конференции, так и выхода на выработку общих параметров, принципов функционирования советских республик, их консолидации в некую новую общность. Так, 6 февраля 1922 года пленум ЦК КП(б)У обсудил, а 11 марта Политбюро ЦК КП(б)У приняло специальное постановление о взаимоотношениях между РСФСР и УССР. В документе речь шла о необходимости конкретизации взаимодействия центральных и местных органов управления, уточнения их прав и обязанностей. Д. Мануильскому (первому секретарю ЦК КП(б)У) и М. Фрунзе (командующему вооруженными силами Украины и Крыма) поручилось добиться в Москве создания специальной комиссии из членов ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, которой надлежало выработать предложения относительно регулирования взаимоотношений между республиками³⁷. 11 мая Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев проявленную инициативу, согласилось с необходимостью создания специальной комиссии, в которую должны были также войти представители Беларуси и Закавказской Федерации. Такую комиссию для выработки предложений очередному Пленуму ЦК возглавил Сталин, предложивший известный план «автономизации»³⁸.

Проект вызвал решительное неприятие со стороны включенного в состав упомянутой комиссии Председателя СНК Украины Х. Раковского, квалифицировавшего документ как покушение на национальный суверенитет Украины, нарушение достигнутого, пусть несовершенно, неабсолютного, в чем-то даже ассиметричного равновесия в украинско-российских отношениях. Отстаивая украинские интересы, Раковский с демократических позиций выступал за торжество подлинного равноправия в создаваемом государственном объединении, принципа добровольности при вхождении в него. В процессе конституирования СССР он последовательно отстаивал необ-

³⁵ См.: *Солдатенко В.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002. С. 62—65.

³⁶ См.: *Широкоград А.* Указ. соч. С. 288—289.

³⁷ Сила інтернаціоналістського гарту (Діяльність партійних організацій України по інтернаціональному вихованню трудящих). К., 1983. С. 100.

³⁸ См.: Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191—193.

ходимость гарантий суверенитета национальных советских республик, хотя добиться успеха не смог, потерпел поражение³⁹. Тем не менее, в образованном в 1922 году Союзе Советских Социалистических Республик, в его основополагающих документах в определенной мере воплотились настроения и стремления значительной части украинства, его политической элиты, предлагавшей свои планы трансформации бывшей единой и неделимой России в федеративную демократическую республику.

Конечно, достигнутый результат значительно отличался от теоретических концепций, зарождавшихся и обосновывавшихся в недрах национально-демократического лагеря, хотя бы потому, что социальное устройство страны не предполагалось настолько радикально «продвинутым», подвергшимся кардинальным революционным преобразованиям. Однако, без сомнения, пропагандируемые украинскими лидерами автономистско-федералистские идеи оказали свое влияние на унастроения широкого слоя их соотечественников. Они также непреложно должны были учитываться и при выработке общей, «итоговой» модели общежития двух народов, распространявшейся как принцип на взаимоотношения всех иных наций и государственных образований, возникших на просторах бывшей России, и, очевидно, проделывавших тогда в чем-то сходную поисковую творческую работу. Уже одно это предполагает пристальное внимание к накопленному опыту, его непреходящим урокам.

При этом несомненно одно: при всей традиционной и принципиальной приверженности федералистской модели, вариант национально-государственного устройства, воплощенный в Союзе ССР (естественно, не статичный, а переживший почти за семь десятилетий известные трансформации и деформации), к рубежу 1980—1990-х гг. прошлого века породил в среде украинского населения довольно распространенные настроения сомнения в перспективности дальнейшего пребывания в составе союзного государства. Безусловно и то, что этими настроениями весьма прагматично, даже ловко и по историческим меркам оперативно воспользовались радикальные противники союзного объединения вообще, активные сторонники идеи независимой украинской государственности.

Однако в данном случае гораздо важнее не констатация последнего обстоятельства, а постижение и осознание причин массового охлаждения к веками вызревавшему и упрочивавшемуся в общественном сознании принципам, фундаментальным представлениям в очень важной и притом деликатной области. Из многих возможных соображений, очевидно, на первое место стоит выдвинуть представляющееся главным: украинцы, интеллектуальная элита нации веками стремились к такому положению в полиэтническом государстве, которое позволяло бы ему иметь возможность для наиболее полной национальной самореализации. Достижение такой цели непосредственно и определяющим образом зависело от степени демократичности общественного государственного устройства вообще, т. е. соответствия того или иного политического режима передовым стандартам в том числе в отношении максимального распространения общедемократических подходов и порядков на сферу национальных отношений. Чрезвычайно важно уяснить, что принципы республиканского демократизма и федерализма, как показывает опыт российско-украинских отношений, должны были реализовываться в органичном, неразрывном единстве. Не только забвение, но даже ограничение одного из двух обозначенных слагаемых оказывалось по большому счету неприемлемым для политически активной части украинского народа.

³⁹ См.: Там же. С. 194—217; Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Київ, 1992. С. 42—77.

Бахтурина А.Ю.

Государственная власть и общественно-политическая элита на Западных окраинах Российской империи (1905—1907 гг.)

С начала 1990-х гг. внимание исследователей все больше привлекают вопросы истории национальных окраин империи. При этом историки начинают обращать внимание на влияние местных общественно-политических кругов, этнических групп на формирование и реализацию политического курса самодержавия в отношении окраин. Огромную роль в начале XX в. играли личные связи между представителями окраинных элит, с одной стороны, и российских правящих верхов — с другой¹. В исследованиях последних лет все более пристальное внимание уделяется роли элиты в принятии политических решений².

Следует отметить, что понятие «элита» в современной политологии подразумевает преимущественно управленческую элиту. Говоря же об элите национальных окраин Российской империи, целесообразно выделять и общественно-политическую элиту. В этой связи можно также говорить о формах организации национальной элиты окраин в форме как самоуправления (органы дворянского самоуправления в Прибалтике, административные структуры Великого княжества Финляндского), так и политических партий (Польша, Прибалтика, Финляндия) и общественных организаций. Какова была степень влияния элит российских окраин на правительственную политику? Какие методы использовались для принятия удовлетворяющих элиту решений имперского уровня? Какие цели преследовали представители местных элит и насколько они соответствовали целям имперской политики? В контексте обозначенных проблем в предлагаемой статье представляется целесообразным рассмотреть участие представителей окраинных элит в принятии или разработке политических решений, касающихся Великого княжества Финляндского, Прибалтийских и Привислинских губерний.

Попытки унификации управления империей, предпринимавшиеся с конца XIX в., оказывали существенное влияние на положение общественно-политической элиты Прибалтийских губерний и Великого княжества Финляндского. Активное вмешательство имперских властей в управление Финляндией, попытки изменения статуса органов местного самоуправления в Прибалтике служили умалению роли местной элиты и вызывали недовольство политикой самодержавия. К концу XIX — началу XX в. было нарушено лояльное отношение элиты западных окраин к самодержавию. Оппозиционные настроения периферийной элиты особенно ярко проявились в годы первой русской революции.

В начале XX в. обострились отношения российских правящих верхов с элитой Финляндии. Следует отметить, что финляндская общественно-политическая элита была неоднородна. В ее размежевании существенную роль играл национальный ком-

¹ *Большакова О.В.* Российская империя: система управления (современная зарубежная историография). Аналитический обзор. М., 2003. С. 4—5.

² *Губогло М.Н.* Опыт и уроки суверенизации (На материалах Башкортостана и Татарстана) // Отечественная история. 1995. № 2. С. 50—51; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 635.

понент. К началу XX в. в Финляндии действовали три партии: шведоманская (или шведская), в которую входили наиболее крупные землевладельцы, промышленники и финансисты, преимущественно шведы по национальности. Представители этой партии занимали в княжестве ряд важных государственных постов. Вторая крупная партия — старофинская — объединяла финляндскую буржуазию, крестьянство, интеллигенцию. В 1880-х гг. выделилось третье направление — младофинская партия, которая была образована либеральным крылом старофинской партии. Существенное влияние на тактику партий в Великом Княжестве Финляндском оказывали традиционные противоречия между шведами и финнами. Шведская и младофинская партии заняли враждебную позицию в отношении к российскому политическому курсу и образовали партию конституционалистов. В 1904 г. из нее выделилась партия «активного сопротивления» (активисты) во главе с Конни Циллиакусом. Партия состояла из крайних националистов, которые ставили своей задачей отделение Финляндии от России.

Старофинская партия придерживалась тактики компромисса и соглашений с российским правительством. Эта позиция была результатом политики самодержавия второй половины XIX в., направленной на поддержку развития финского языка, предоставление ему равных прав со шведским, что оказало существенное влияние на ориентацию старофинской партии. Попытки российского самодержавия найти себе прочную политическую опору с лице старофиннов в сочетании с политическим курсом генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, направленным на сокращение финляндской автономии, вызвали недовольство как среди населения, так и со стороны шведской элиты, которая оказалась под угрозой утраты своего политического влияния в Великом княжестве.

По мере нарастания революционного движения в России в конце сентября — начале октября 1905 г. представители партии конституционалистов попытались восстановить административно-правовые особенности Великого княжества, утраченные в годы генерал-губернаторства Бобрикова. Для этого использовались личные связи. М. Витухновская отмечает, что губернатор Вааса Ф. Бьёнберг был лично знаком с С.Ю. Витте и 23 октября он и А. Тёнгрэн встретились с будущим премьер-министром в Петербурге. Они настаивали на отмене большинства постановлений, принятых при Бобрикове, и назначении на административные посты финнов. Витте настаивал на взаимных гарантиях: расширение самостоятельности в обмен на политическую стабильность в Финляндии, но получил весьма уклончивые ответы. Его собеседники заявляли о лояльности конституционной партии, подчеркивая одновременно, что в Финляндии есть и другие политические силы³. Параллельно Витте вел переговоры с лидером финляндских конституционалистов Л. Мехелином. Сложно сказать, когда именно между ними установились тесные контакты. Витухновская отмечает, что наиболее ранний документ в переписке Витте и Мехелина, хранящейся в Национальном архиве Финляндии, датируется 15 октября 1905 г.⁴ Витте обращался в нем с просьбой использовать «власть и влияние» для прекращения забастовки на железных дорогах Финляндии. В ответ Мехелин отмечал, что авторитет и влияние одного человека не могут ничего изменить, пока «существует настоящее положение вещей»⁵. После этого в конце октября Витте пригласил Мехелина в Петербург, где произошла

³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. СПб., Т. 2. 2003. С. 514.

⁴ Там же. С. 539.

⁵ Там же.

их встреча. О ней Витте упомянул в «Воспоминаниях». Он писал, что политические деятели Финляндии во главе с Мехелином дали ему слово, что «Финляндия успокоится, будет вести себя совершенно корректно, забудет все сделанное в последние годы, если русское правительство вернется к прежней политике и будет добросовестно исполнять льготы, ей дарованные императорами»⁶. Витте поддержал конституционалистов перед императором, указав на необходимость вернуться к прежней политике, поскольку «опасно создать вторую Польшу под Петербургом»⁷. Таким образом, в октябре 1905 г. были налицо активные неофициальные переговоры между Витте и финляндскими конституционалистами. К конкретному результату они не привели и, несмотря на попытки Витте урегулировать ситуацию, (16) 29 октября началась в Финляндии всеобщая забастовка⁸.

Генерал-губернатор И.М. Оболенский 18 (31) октября провел два совещания с представителями конституционалистов и старофиннов, где просил их «указать на те меры, которые, по их мнению, могли бы послужить к успокоению страны»⁹. В ответ на это предложение 19 октября (1 ноября) Мехелин разработал программу требований конституционалистов. Она включала в себя пункты об отмене цензуры, подготовке проекта закона о свободе печати, а также о замене чиновников русского происхождения финнами. Текст был представлен финляндским генерал-губернатором Николаю II. В своем рапорте императору Оболенский отметил, что удовлетворение требований конституционалистов могло бы привлечь влиятельную партию на сторону самодержавия. Николай II согласился с его аргументами. На основании программы Мехелина статс-секретарем по финляндским делам К. Линдером был составлен проект императорского манифеста¹⁰. Его содержание полностью отражало требования представителей партии конституционалистов, а текст был составлен при их непосредственном участии. Фактически лидерам конституционалистов удалось оказать давление на императора, действуя через Витте и Оболенского и используя начавшуюся в Финляндии забастовку. Манифест был подписан 22 октября (4 ноября) 1905 г.

Важную роль сыграли представители конституционалистов и в обсуждении формулировки статьи о статусе Финляндии в «Основных государственных законах» весной 1906 г. Мехелин составил записку, где была предложена следующая формулировка: «Великое княжество Финляндское нераздельно соединено с Российской империей, но управляется по своим особым законам». Однако Совет министров с ней не согласился, усмотрев «существенный ущерб для России»¹¹. Последующее уточнение формулировки шло с учетом того, чтобы не вызвать недовольства финнов. Так, было предложено снять пункт о «державном обладании» Россией Финляндии, поскольку «при всей исторической своей верности упоминание сие, могущее показаться финляндцам несколько обидным, едва ли здесь необходимо в качестве юридического определения»¹². В итоге в «Основных государственных законах» 1906 г. была включена новая ст. 2, где говорилось, что «Великое княжество Финляндское, состав-

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же.

⁸ *Власова М.Н.* Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905—1907). Петрозаводск, 1961. С. 80.

⁹ Революция 1905 г. и самодержавие: Сборник документов. М.; Л., 1928. С. 144.

¹⁰ Из архива С.Ю. Витте. С. 388.

¹¹ *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905—1907 гг. М., 1982. С. 77.

¹² Из архива С.Ю. Витте. С. 364.

ляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». По сути, это был отредактированный вариант формулировки Мехелина.

После ухода Оболенского в отставку 13 (26) ноября 1905 г. Витте предложил на его место кандидатуру члена Государственного совета Н.Н. Герарда. Упомянув об этом в своих воспоминаниях, Витте настойчиво подчеркивал, что не имел с Герардом никаких личных отношений, встречался с ним только на заседаниях Государственного Совета и остановился на его кандидатуре лишь потому, что тот хорошо зарекомендовал себя во время службы в Царстве Польском¹³. Далее Витте указал на то, что Герард первоначально отказывался от должности «из скромности»¹⁴. Стоит заметить, что в Царстве Польском Герард служил за 30 лет до того, в 1875 г., причем его деятельность продолжалась там всего год и не оставила заметных следов, поэтому аргументация Витте вызывает некоторые сомнения.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится переписка Герарда с Мехелином. Первое письмо датируется 9 января 1904 г. и подтверждает наличие тесных контактов будущего финляндского генерал-губернатора с местными политиками и членами Сената¹⁵. И не случайно одна из финляндских газет в связи с этим писала, что «Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ»¹⁶. Зимой 1906 г. финляндский Сейм рекомендовал генерал-майора А.Ф. Лангофа на должность министра статс-секретаря по финляндским делам и получил поддержку генерал-губернатора Герарда, которая была обусловлена в том числе и личными связями: в 1904 г. будущий генерал-губернатор и Лангоф переписывались по вопросам, связанным с Финляндией¹⁷. Безусловно, тесные личные связи Герарда с лидерами партии конституционалистов имели в то время важное политическое значение.

На посту генерал-губернатора Великого княжества Герард провел полную замену чиновников русского и частично финского происхождения. Смена последних мотивировалась их принадлежностью к старофинской партии, представители которой в 1898—1904 гг. занимали пророссийскую позицию¹⁸. Назначение новых губернаторов в ноябре 1905 г. Герард провел, согласуя кандидатуры с Сенатом и лично с Мехелином¹⁹. Таким образом, в годы первой русской революции финляндским конституционалистам удалось взять под контроль кадровую политику самодержавия в княжестве. Действия Герарда в интересах лидеров партии конституционалистов по-разному оценивались современниками. Витте считал, что «такой лояльной политикой он внушил к себе уважение финляндцев»²⁰. В российской и финской периодической печати обращалось внимание на отрицательные стороны его деятельности. В «Новом времени» говорилось о том, что «при Герарде состоялось окончательное отделение Финляндии от России» (русский язык перестал употребляться в Сенате, сам генерал-губернатор при общении с сенаторами перешел на французский и т.д.)²¹. Его обви-

¹³ Там же. С. 389.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 305.

¹⁶ Цит. по: Из архива С.Ю. Витте. С. 539.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 306.

¹⁸ Там же. Д. 27. Л. 18—19.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Из архива С.Ю. Витте. С. 392.

²¹ Новое время. 1908. 5 февраля.

няли в пристрастии к шведам, в том, что после окончания всеобщей забастовки он передал местное управление в руки лиц, «рабски подчиненных шведской партии»²². Факт тесного сотрудничества Герарда с Мехелином отмечался членами союза «Войма», в одной из прокламаций которого говорилось, что «наш дипломат Лео Мехелин, помыкая Герардом, может сделать что угодно»²³.

Важные законодательные акты под влиянием крупных представителей остзейского дворянства в годы первой русской революции были приняты также в отношении Прибалтийских губерний. 18 (31) июня 1905 г. было утверждено Положение о порядке выполнения п. 7 указа 12 (25) декабря 1904 г. в отношении «иноплеменных народностей». Применительно к Прибалтийским губерниям разрешалось преподавание Закона Божия, церковного пения и ряда других дисциплин на «природном языке учащихся»²⁴. При обучении арифметике в одноклассных училищах и в первых классах училищ Рижского учебного округа также допускалось использование «природных языков». Положение 18 (31) июня затрагивало систему начального образования, но прибалтийское дворянство оставалось неудовлетворенным.

В ноябре 1905 г. предводители дворянства Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний лично прибыли в Петербург, чтобы добиться разрешения в Министерстве народного просвещения на открытие дворянских гимназий с преподаванием на немецком языке. В ходатайствах отмечалось, что в гимназию будут принимать учащихся всех сословий, но непосредственное управление ими должно находиться в ведении местного дворянства. Таким образом, была очевидна попытка создать законодательную базу для вывода частной немецкой школы из-под контроля местной российской администрации.

Министр народного просвещения И.И. Толстой вспоминал, что он «откровенно симпатизировал стремлениям балтийских немцев и по мере сил поддерживал их домогательства»²⁵, исходя из того, что «онемечивание» латышей и эстонцев в Прибалтике под влиянием немецкой школы гораздо менее опасно, чем «возникновение автономных латышской и эстонской народностей». Однако другие чины министерства, включая товарища министра О.П. Герасимова, думали иначе. По их мнению, преподавание на местных языках следовало поощрять только в начальной школе, но отнюдь не в средней. Эта точка зрения победила при обсуждении вопроса о немецких гимназиях в Государственном Совете в марте 1906 г. В итоге 19 апреля (2 мая) 1906 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета «О введении в частных учебных заведениях Прибалтийского края преподавания на местных языках»²⁶. Согласно этому решению, реформа касалась только тех учебных заведений, которые не финансировались из государственного бюджета. Специально оговаривалось, что русский язык, русская литература, а также история и география России должны преподаваться на русском языке. Выпускники таких учебных заведений не получали прав, равных правам выпускников правительственных учебных заведений. Для этого им необходимо было сдавать экзамены на русском языке комиссии, в состав которой вхо-

²² Цит. по: Новое время. 1908. 9 февраля.

²³ Акты по «Делу «Войма»» с пояснениями. Гельсингфорс, 1908. С. 5.

²⁴ Мнением Государственного Совета, утвержденным 23 мая 1889 г. и 2 февраля 1893 г., на частные учебные заведения Прибалтики были распространены правила, действующие в империи, и введено обучение на русском языке.

²⁵ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 160.

²⁶ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX в.: Сборник документов. Тарту, 2000. С. 67.

дили представители управления Рижского учебного округа²⁷. Этот акт, несмотря на его неполноту по сравнению с первоначальным проектом, можно было рассматривать как определенный успех инициативы прибалтийского дворянства, поскольку с весны 1906 г. началось открытие дворянскими обществами частных школ с немецким языком преподавания²⁸.

В условиях активных крестьянских выступлений в Прибалтийском крае в 1905—1907 гг. и недостаточной, по мнению местного дворянства, активности правительственной администрации по их подавлению остзейская элита считала необходимым изменение системы управления краем в целом. Ее представители стремились к восстановлению генерал-губернаторства. Расширение в этом случае полномочий местной администрации должно было, по их расчетам, стабилизировать обстановку.

30 октября (12 ноября) 1905 г. барон Ф.Ф. Мейендорф отправился в Петербург, чтобы ускорить решение вопроса о создании в Прибалтике генерал-губернаторства. Этот проект поддерживали генерал-адъютант О.Б. Рихтер и главноуправляющий Канцелярией е. и. в. по принятию прошений на высочайшее имя приносимых А.А. Будберг, к мнению которых, по свидетельству С.Ю. Витте, при дворе прислушивались²⁹. Помимо предложений о создании генерал-губернаторства Мейендорф от имени прибалтийского дворянства ходатайствовал о восстановлении Остзейского комитета, упраздненного в 1875 г. Во время его деятельности законодательство о Прибалтике фактически рассматривалось ландтагами, а затем в Остзейском комитете, минуя Государственный Совет. Ходатайство Мейендорфа отражало стремление прибалтийского дворянства к большей самостоятельности в административно-правовых вопросах. Позднее представители немецкого дворянства в Прибалтике подчеркивали, что революционные выступления в Прибалтике — прямое следствие российской политики унификации управления в крае. Мейендорф в письме Николаю II от 24 апреля (7 мая) 1906 г. отмечал, что стремление российских властей к единству в управлении всеми частями государства, направленное на достижение более «тесного единения окраин с коренной Россией», было ошибкой. Он подчеркивал, что языковые и конфессиональные ограничения, а также намерение российских властей изменить систему местного управления в Прибалтике способствовали возникновению и развитию революционных движений. Он писал, что, «наступившая в Прибалтийском крае катастрофа с несомненностью вновь подтвердила, что сохранение самобытности некоторых частей государства и предоставление этим частям органически развивать исторически сложившуюся своеобразность наиболее отвечает общегосударственным интересам»³⁰.

Но вопрос о создании генерал-губернаторства в Прибалтике был решен не сразу. В течение ноября 1905 г. в уездах Прибалтийских губерний прекратили действовать практически все волостные правления. В ряде из них прошли перевыборы, часть добровольно или вынужденно сложила свои полномочия. Вместо волостных правлений началось формирование «комитетов действия», к которым перешли функции управления на местах. Таким образом, к концу осени 1905 г. в прибалтийских губерниях были сформированы и начали действовать независимые от государственной администрации органы местного самоуправления. Это обстоятельство оказало существенное влияние на позицию официального Петербурга. На территорию Прибал-

²⁷ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. С. 215.

²⁸ Краины России. 1906. № 14. С. 247.

²⁹ Из архива С.Ю. Витте. С. 199.

³⁰ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX в. С. 68—69.

тийских губерний были введены войска и 28 ноября (11 декабря) 1905 г. был издан указ императора Николая II об учреждении должности временного прибалтийского генерал-губернатора³¹. Под его властью предполагалось объединить управление в Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниях. Генерал-губернатору были предоставлены права командующего военным округом и подчинены все находившиеся на территории Прибалтийских губерний войска. Таким образом, под влиянием антиправительственных и антинемецких выступлений в Прибалтике в 1905—1906 гг. местное дворянство стало рассматривать вопрос об усилении позиций органов самоуправления и допущении к участию в их работе представителей латышских и эстонских общественно-политических кругов.

Начало первой русской революции в Царстве Польском и последующее ее развитие были теснейшим образом связаны с требованиями польской автономии. Рост либерального движения в России, особенно после съезда представителей земств в Петербурге, повлиял на настроения польских общественно-политических кругов. В конце 1904 г. в Варшаве и других городах прошли многочисленные собрания представителей польской общественности. Итогом этих собраний стал ряд обращений к правительству от имени умеренных представителей польской общественности. 10 ноября 1904 г. представители консервативного крыла (В.Д. Спасович, ксендз Хэлмицкий, князь В.К. Святополк-Четвертинский, князь А. Радзивилл, маркиз С.И. Велепольский и др.) вручили Святополк-Мирскому «докладную записку 23-х», где ходатайствовали об отмене исключительных законов в отношении поляков. Представители умеренных кругов составили записку, получившую название «записка графа Владислава Тышкевича» и вручили ее Святополк-Мирскому 23 декабря 1904 г. В записке указывалось на необходимость восстановления польского языка как языка преподавания во всех учебных заведениях, в судопроизводстве и делопроизводстве учреждений Царства Польского, предоставления полякам права занимать все правительственные и общественные должности, создания на основе гмины всесословного самоуправления, а также снятия ограничений в отношении римско-католической церкви³². В течение 1904—1905 гг. лозунг польской автономии был включен в большинство программ польских политических партий. Степень автономии представлялась различной, но именно на основе этого требования в Польше происходило объединение всего польского населения в противостоянии российскому самодержавию.

Под влиянием событий 9-го января 1905 г. в Царстве Польском началась политическая забастовка. Среди требований бастующих были пункты об избрании в Варшаве всенародного Сейма. 28 октября 1905 г. в губерниях Привислинского края вводилось военное положение. Это стимулировало обращения представителей польской аристократии к российским правящим верхам. Член Национально-демократической партии гр. В.И. Тышкевич, в начале ноября встретился Витте чтобы убедить последнего снять военное положение³³. Ранее с подобной просьбой в нему обращался граф Чапский³⁴. Но в целом попытки общественно-политической элиты Царства Польского влиять на правительственную политику были связаны с деятельностью законосовещательных учреждений Российской империи.

³¹ Законодательные акты переходного времени 1904—1906 гг. СПб. 1906. С. 269—271.

³² Василевский Л. Современная Польша и ее политические стремления. СПб., 1906. С. 198—199.

³³ Из архива С.Ю. Витте... С. 368.

³⁴ Там же.

В январе 1906 г. началась избирательная кампания в Государственную думу. Из избранных от Царства Польского 37 депутатов 34 принадлежали к национал-демократической партии. Это позволило национал-демократам создать в Думе фракцию — польское коло. 30 апреля 1906 г. в форме дополнительного материала для думской комиссии по составлению всеподданнейшего адреса 27 польских членов Государственной думы сделали заявление о восстановлении польской автономии³⁵. Во II Государственной думе 10 апреля 1907 г. польское коло внесло в Думу проект основных положений автономного устройства Царства Польского, состоявший из 24 частей и предусматривавший образование польской автономии в границах 1815 г.³⁶ Избранная депутатами специальная комиссия 27 апреля 1907 г. передала заявление о проекте основных положений автономного устройства Царства Польского председателю Совета министров и министру внутренних дел³⁷.

Важной составляющей борьбы за польскую автономию и восстановление в национальной государственности стало движение за преподавание на польском языке. В Царстве Польском после восстания 1863 г. проводилась довольно последовательная и успешная политика распространения русского языка в образовании и делопроизводстве. С 1864 по 1904 г. во всех учебных заведениях Царства Польского преподавание велось на русском языке. Согласно действовавшему в Российской империи законодательству предусматривалось только преподавание польского языка в Варшавском университете, в средних и высших учебных заведениях Варшавского округа и 9 западных губерний. На польском языке шло преподавание Закона Божия для католиков. Делопроизводство административных и судебных учреждений в «русской» Польше велось на русском языке. Сфера применения польского языка была ограничена целым рядом правительственных распоряжений. Но, казалось бы, очевидные успехи распространения русского языка в Польше не смогли подавить стремление к национальной независимости. Зимой 1905 г. в Царстве Польском развернулось движение учащихся средних учебных заведений, так называемая школьная забастовка, которая к началу февраля 1905 г. приняла общепольский характер. Население призывали сохранить польскую школу и продолжать бойкот русских учебных заведений³⁸. Требование национальной школы зимой 1905 г. превратилось в один из лозунгов, популярных в различных слоях населения.

14 марта 1905 г. был дан высочайших рескрипт на имя варшавского генерал-губенатора, генерал-адъютанта К.К. Максимовича. В нем говорилось, что «некоторые круги польского общества... обнаруживают чрезмерные притязания относительно пределов применения государственного языка, коему во всех частях разноплеменной Российской империи должно быть всегда обеспечено подобающее высокое значение, без излишнего однако и несправедливого стеснения языков местных». В документе также говорилось о необходимости преобразований в «местном строе», но подчеркивалось, что Царство Польское должно находиться «в неразрывном единении» с «остальными частями Российской державы»³⁹. 6 июня 1905 г. было опубликовано Положение Комитета министров «О порядке выполнения пункта 7 Именного

³⁵ Государственная дума. Созыв 1. Сессия 1. Т. 1. СПб., 1906. С. 51.

³⁶ История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 357, 536.

³⁷ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. М., 1999. С. 102—104.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 72. Л. 5.

³⁹ Правительственный вестник. 16 марта 1905 г.

высочайшего указа 12 декабря 1904 года в отношении губерний Царства Польского». Оно затрагивало вопросы употребления польского языка в преподавании и делопроизводстве. В нем говорилось, что на польском языке возможно преподавание римско-католического Закона Божия и польского языка. В гминном делопроизводстве и католических приходах на русском языке должны были составляться документы, подлежащие ревизии должностных лиц и переписка с российскими учреждениями, но допускалось употребление местного языка. Исключение составляли местности со сплошным русским или литовским населением в восточных частях Люблинской, Седлецкой, Ломжинской и Сувалкской губерний, где все делопроизводство велось только на русском языке⁴⁰.

Генерал-губернатору Максимовичу не удалось стабилизировать ситуацию в Царстве Польском. В августе 1905 г. он был смещен со своего поста, а не его место назначен помощник командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Г.А. Скалон. В письме на имя министра народного просвещения от 31 августа 1905 г. Скалон высказался за предоставление частным учебным заведениям права преподавания на польском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии. При этом он ссылаясь на мнение императора. Также генерал-губернатор признавал необходимым, чтобы министерство народного просвещения не препятствовало открытию частных учебных заведений с польским языком преподавания и предлагал ввести в младших классах казенных средних учебных заведений преподавание всех предметов, кроме русского языка и географии на польском языке. При этом в средних классах на русском языке могла бы преподаваться половина предметов, в старших — все предметы. Для обеспечения потребностей русского населения Скалон предлагал оставить несколько средних учебных заведений с преподаванием только на русском языке. Министр народного просвещения отверг предложения варшавского генерал-губернатора⁴¹. Но в итоге 1 октября 1905 г. высочайшим указом Сенату в частных учебных заведениях Царства Польского было разрешено преподавание ряда предметов на польском и литовском языках. Министры народного просвещения и финансов могли разрешать преподавание на польском и литовском в частных школах фактически всех предметов, кроме русского языка, истории и географии России. Последние включались в число обязательных предметов и могли преподаваться исключительно на русском языке⁴². При этом отмечалось, что указ является временной мерой, и будет действовать до появления законодательства, обеспечивающего выполнение Положения Комитета министров от 6 июня 1905 г.

Публикация манифеста 17 октября 1905 г. активизировала антиправительственное движение в польских губерниях. Выдвигались требования политической автономии с законодательным Сеймом в Варшаве, немедленного перехода школ к обучению на польском языке и создания самостоятельной польской армии. На митингах различных партий в Варшаве были приняты соответствующие резолюции. На митинге национал-демократов, социал-демократов и польских социалистов 24 октября 1905 г. было заявлено об необходимости предоставления Польше автономии, а в перспективе — государственной самостоятельности. Было отмечено, что участие польских представителей в Государственной думе допустимо лишь для создания ав-

⁴⁰ ПСЗ-3. Т. 25. Отд. 1. № 26368.

⁴¹ Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17-го октября 1905 г. Варшава. 1905. С. 30.

⁴² ПСЗ-3. Т. 25. Отд. 1. № 26756.

тономии Польши. На митинге, организованном лидерами народно-демократической партии, ораторы призывали критически отнестись к событиям, происходящим в России, отмечая, что русский народ, воспитанный в духе бесправия, не может дать полякам свободы. Резолюция собрания содержала следующие требования: полная автономия Польши, конституция, создание Сейма, польской администрации, польских судов и школ. Политические митинги в польских городах носили национальный или социалистический характер. На всех митингах развевались польские национальные флаги⁴³. 28 октября 1905 г. В десяти губерниях Привислинского края по ходатайству Скалона было введено военное положение, однако эта мера не принесла желаемого успокоения края и в итоге 16 ноября 1905 г. военное положение было отменено⁴⁴.

Под влиянием движения польской интеллигенции за преподавание на польском языке 27 октября 1905 г. Николай II утвердил доклад председателя Совета министров Витте о языке преподавания арифметики в начальных училищах Варшавского учебного округа. Допускалось использование в одноклассных и первых классах начальных училищ, где большинство составляют поляки и литовцы, польского и литовского языков. Стремясь урегулировать ситуацию, министерство народного просвещения пошло по пути расширения преподавания на польском языке. Вслед за решением 27 октября 1905 г. был издан циркуляр министерства народного просвещения, где говорилось, что «Все предметы начального обучения... могут быть преподаваемы на природном языке учащихся»⁴⁵. На основании решения министерства 19 февраля 1906 г. был издан циркуляр Варшавского учебного округа о начальных и городских училищах, которым разрешалось преподавание арифметики в первых классах начальных училищ на русском, польском и литовском языках, если большинство учащихся принадлежат к польской или литовской национальности⁴⁶.

Министр народного просвещения И.И. Толстой 24 декабря 1905 г. обратился к Витте с предложениями о необходимых, по его мнению, изменениях в преподавании в учебных заведениях Царства Польского. В неправильной постановке там школьного дела Толстой видел одну из главных причин волнений в Польше. Он отмечал, что «здешняя школа, начиная с 60-х годов, преследует побочные цели — политические, выражающиеся в стремлении обрусить польское юношество. Не достигнув и этой цели, она лишь озлобила польское население, которое в 1905 г. в порыве сильного негодования перестало посылать своих детей в школу»⁴⁷. Он предлагал ввести в высших учебных заведениях параллельное преподавание на русском и польском (по выбору студентов), преобразовать достаточное количество средних учебных заведений, сохранив их как правительственные, но ввести преподавание на польском или литовском (кроме русского языка и словесности, географии и истории России), оставить средние учебные заведения с русским языком преподавания в достаточном количестве, но преподавать в них польский язык и католический закон Божий по-польски, а также ввести польский язык в большинстве низших учебных заведений, сохранив русский или введя литовский и зависимости от состава населения конкрет-

⁴³ Факты, характеризующие политическое движение... С. 1—2.

⁴⁴ Совет министров Российской империи в 1905—1906 гг. Л., 1990. С. 65—67.

⁴⁵ Окраины России. 1906. № 4. С. 70.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (материалы к исследованию). СПб., 1998. С. 368.

ных местностей⁴⁸. В области высшего образования Толстой предлагал преобразование Варшавского университета в двойной — русский и польский с двойным рядом кафедр или перенос его в Вильно. В последнем случае он не исключал возможности создания частного польского университета с субсидией из Государственного казначейства⁴⁹. Министр считал, что такая реформа образования удовлетворила бы умеренно настроенные политические партии. В основе текста проекта лежала записка о реформе польской школы, составленная профессором Петербургского университета Л.И. Петражицким. Витте одобрил проект, но считал, что немедленно начать реформу нельзя, а также потребовал заключения на проект Варшавского генерал-губернатора⁵⁰.

Деятельность Министерства народного просвещения и Варшавского генерал-губернатора по введению польского языка в преподавание была направлена на сохранение правительственной школы, бойкотировавшейся населением. Эта задача выполнена не была. Как отмечал позднее И.И. Толстой, уступки, сделанные правительством, в других условиях были бы признаны довольно значительными, поскольку реально представляли собой первые шаги к восстановлению польского языка в школе. Но, «меры правительства запоздали, по крайней мере года на три-четыре, а нервозность эпохи сделала то, что они не только не принесли никакой пользы, но стали источником новых бед...»⁵¹.

Доступные на данный момент источники показывают, что польская общественно-политическая элита в решении вопросов о статусе Царства Польского, образовании на польском языке, организации городского управления, введении земских учреждений практически не взаимодействовала с представителями российских правящих верхов. Основные мероприятия по Царству Польскому в годы первой русской революции разрабатывались в российских министерствах и в канцелярии Варшавского генерал-губернатора. Крайне важным проявлением стремления элиты западных окраин Российской империи к политической самостоятельности стало негативное отношение ее представителей к созданию в России законосовещательных учреждений и участию в их деятельности.

Так, финские общественно-политические деятели с конца XIX в. постоянно подчеркивали, что административно-правовая связь Великого княжества с империей заключается в личности российского монарха, который один обладает правом законодательной инициативы в отношении Финляндии, и только к монарху обращаются Сейм и министр-статс-секретарь. Создание Государственной думы и реформа Государственного совета автоматически должны были изменить законодательный механизм не только в Российской империи, но и в Финляндии, распространив компетенцию общероссийских представительных органов также и на Великое княжество. После издания манифеста 6 (19) августа 1905 г. о созыве Государственной думы встал вопрос о том, каким образом будет формироваться в ней представительство от Великого княжества Финляндского, поскольку в вышеупомянутом манифесте ничего об этом не говорилось.

Попытка разработать порядок участия финляндских граждан в работе Государственной думы и Государственного совета была предпринята зимой 1906 г. на засе-

⁴⁸ Там же. С. 371.

⁴⁹ Окраины России. 1906. № 7. С. 303.

⁵⁰ Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 165.

⁵¹ Там же. С. 162.

даниях Особого совещания для разработки необходимых изменений в учреждении Государственного совета под председательством гр. Д.М. Сольского. 12 (25) февраля 1906 г. тот обратился с письмом к министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с просьбой направить предложения по данному вопросу⁵². С аналогичной просьбой Сольский обратился и к финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду. Лангоф в своем ответе от 7 (20) марта 1906 г. подчеркнул, что, «едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для Империи и Великого княжества Финляндского вопросов», так как «неоспоримыми актами Финляндии предоставлена самостоятельность в области местного законодательства»⁵³. Он допускал возможность создания особого органа (совещания) для обсуждения вопросов, имеющих общее значение для империи и ее части. Эта структура должна была подчиняться только императору, состоять из русских и финнов. Председателя проектируемого Лангофом совещания назначал император. Разработанные и одобренные этим совещанием законопроекты передавались бы на обсуждение в той части, которая касается империи, — Государственной думе, а в том, что касается Финляндии — Сейму, которым следовало принимать по ним отдельные решения. Рассмотренные в этих учреждениях законопроекты утверждались императором и становились законом⁵⁴. При этом Лангоф отмечал, что «Сейм, как и раньше, должен совмещать в себе законодательную власть и в своей деятельности не должен быть подчиненным иному русскому учреждению, а быть независимым»⁵⁵.

Герард в записке от 24 февраля (9 марта) 1906 г. отмечал, что порядок разрешения общегосударственных вопросов должен одинаково ограждать интересы всех частей государства: «Нельзя допустить, чтобы законодательные учреждения империи были устранены от разрешения законодательных вопросов, имеющих общегосударственное значение». Он также подчеркивал, что широкие права автономии Финляндии исключают возможность подчинения Сейма Государственной думе и Государственному совету. Генерал-губернатор предлагал наделить правом законодательной инициативы в общегосударственных вопросах финляндский Сенат и Совет министров. Для предварительного обсуждения таких законопроектов перед внесением их в представительные учреждения он предлагал создать Совет, председатель которого должен был назначаться императором. В состав Совета Герард предлагал включить министра статс-секретаря и четырех членов (двух от финляндского Сената, двух от имперского). Совет должен был давать заключения по законопроектам общегосударственного значения перед внесением их на высочайшее рассмотрение⁵⁶. Это предложение было принято Особым совещанием, но с дополнением о включении в состав нового органа председателя Совета министров, министров, министра статс-секретаря и финляндского генерал-губернатора⁵⁷. Лангоф представил особое мнение членам Совещания, где говорилось, что, во-первых, планируются слишком широкие задачи будущего Совета, затрагивающие административные дела, которые находятся в ис-

⁵² Материалы Высочайше учрежденного под председательством гр. Д.М. Сольского совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного Совета изменений. СПб., 1906. С. 5—6.

⁵³ Там же. С. 15.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Там же. С. 76.

ключительной компетенции финнов, во-вторых, русских членов Совета больше, чем финнов, и, в-третьих, если создать Совет помимо Сейма, то это вызовет возмущение населения⁵⁸. Следует отметить, что особо Лангоф акцентировал внимание именно на последнем обстоятельстве. Память о забастовках в Финляндии была еще свежа и к предупреждению члены Совещания отнеслись внимательно. В итоге они так и не смогли прийти к окончательному решению по поводу того, каким должен быть порядок издания законов, общих для империи и Финляндии.

Отношение прибалтийского дворянства к участию в деятельности Государственной думы было более сдержанным, но по сути столь же негативным. Так, в начале 1906 г. на открытии заседания губернского ландтага предводитель дворянства Курляндской губернии барон Мейендорф отметил, что с созданием Государственной Думы немцы утратят политическое влияние, поэтому необходимо сохранить позиции сословных органов самоуправления и путем соглашения с эстонцами и латышами попытаться реализовать идею самоуправления в крае⁵⁹.

Подводя итог, следует отметить, что для достижения своих целей представители дворянской и общественно-политической элиты на западных окраинах Российской империи использовали самые разнообразные средства. Этому служили их связи в Петербурге, позволявшие вести непосредственные переговоры с Витте и другими видными государственными деятелями. Те тоже стремились к переговорам, видя в них возможность влиять на политическую ситуацию на западных окраинах. Важное значение для понимания роли местной элиты в формировании правительственного курса в отношении западных окраин имеет то обстоятельство, что в годы первой русской революции антиправительственные выступления также были способом давления на царское правительство именно со стороны элиты. Обещание успокоения отдельных территорий в обмен на выполнение определенных требований было довольно характерным приемом в действиях представителей общественно-политической элиты. В ряде случаев эти обещания выполнялись, несмотря на сопротивление левых общественно-политических кругов.

Итогом различных переговоров с представителями Финляндии, Польши и Прибалтийских губерний в годы первой русской революции стали значительные уступки самодержавия требованиям локальных элит. Следует отметить, что они оказали серьезное воздействие на характер и содержание правительственных распоряжений, министерских циркуляров и императорских манифестов, а в ряде случаев представители местных элит выступали в качестве составителей важнейших правительственных документов общегосударственного значения.

---

⁵⁸ Там же. С. 77.

⁵⁹ Окраины России. 1906. № 3. С. 55.

Раздел III
Государственность
советского и постсоветского периода

Разрыв и преемственность в исторической судьбе советской государственности

На фоне празднования 1150-летия российской государственности вспомнить о ее периодических коллапсах как-то неловко, хотя не приходится сомневаться, что системные кризисы отчетливо прописаны в отечественной истории. Как результат в этом году мы вспоминаем о 400-летию окончания Смутного времени (в действительности оно закончилось позднее) не иначе, как под знаком *восстановления* государственности. Нам хочется убедить себя в надежности патерналистского жизнеустройства. В такой ностальгической атмосфере воспоминание о 95-летию революции 1917 г. кажется мало уместным, несмотря на то, что многие ее современники ставили ее в один ряд со Смутой — как по характеру протекания, так и по последствиям¹.

В 1990-е гг. мы слышали о том, что 75 лет существования советской власти можно считать выброшенными из российской истории. Были и такие авторы, которые требовали провозгласить советскую власть «нелегитимной». Им возражали: революция по определению означает прерывание прежней законности. В действительности, за этим кажущимся курьезным спором стоит целая проблема, актуальная до сих пор.

Сегодня не приходится доказывать, что особенность кризисного ритма российской истории состоит в том, что периоды застоя (многими принимаемые за стабильность) довольно неожиданно сменяются смутами (революциями), причем последние провоцируются реформами, непременно дающими деструктивный результат. Последний раз развал системы был ускорен горбачевской перестройкой, которая вовсе не смотрится чем-то исторически необычным. Запоздалые российские реформы издавна провоцировали революцию. Но что понимать под революцией применительно к России?

* * *

Со времен революционных событий в американской и французской истории само понятие «революция» существенно изменилось: раньше, по аналогии с ходом небесных светил, ею считался переворот, или даже круговорот на 360°, но к началу XX в. это понятие стали толковать как поворот или даже разворот в каком-то новом направлении. Если в прошлом с революцией связывали возвращение к минувшей справедливости, попранной тираном, и «естественным правам», то в XX в. — невозвратный отказ от всего старого миропорядка. И это отнюдь не чисто русское явление — возобладал рационалистически-прогрессистский тип восприятия исторических событий, социализм стал мировым поветрием. Вместе с тем, именно Россия оказалась наиболее основательно подготовлена к разрыву с былой легитимностью.

Итак, что преобладало или возобладало в советской системе: разрыв со старым или, напротив, сила традиции (пусть и перелицованной)? Поставив этот вопрос, не

¹ См.: Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 32—33; Локоть Т.В. Смутное время и революция (Политические параллели 1613—1917 гг.). Берлин, 1923; Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С. 17, 20, 23.

следует забывать, что русская революция была реакцией на мировой кризис, причем в отличие от развалившихся Австро-Венгерской и Турецкой (частично Германской) империй Россия со временем восстановилась в прежних границах. И это при том, что постреволюционной России в любом случае пришлось прореагировать на те, или иные тренды мирового развития, активно воздействовавшие на традицию.

В 1917 г. совершенно по-новому встала проблема легитимности революции, точнее, она вообще оказалась снята с повестки дня. Парадоксально, но русская революция, кажется, впервые в истории, не озаботилась этим вопросом. Слова вознесенного к власти П.Н. Милюкова «нас выдвинула революция» шли вразрез с опытом американской и французской революций, апеллирующих к старой, порушенной монархом, справедливости. В России к власти пришли не прежние, выросшие в лоне авторитарной системы, культурные элиты, а революционные субэлиты, намеренные всерьез «отряхнуть прах старого мира со своих ног». При этом они вообще думали не о русской, а о мировой революции — так мыслили не только большевики, а практически все русские социалисты. Именно по этой причине В.И. Ленин, нацелившись на захват власти, хладнокровно проигнорировал отсутствие кворума на II Всероссийском съезде Советов (2/3 численного состава предыдущего съезда). Как ни смешно, но на моей памяти один юный «историк» на этом основании предлагал даже «отменить» сам факт исторического существования советской власти.

Можно сказать, что основой «легитимизации» русской революции стал ценностный, даже сверхценностный фактор — нравственное неприятие всего старого («империалистического») мира, вогнавшего человечество в мировую войну. В связи с этим можно назвать советский строй идеократией, вдохновленной новейшей хилиастической утопией. Однако вряд ли удастся доказать, что большевистский коммунизм превратился в своего рода ортопраксическую веру, сумевшую полностью вытеснить традицию. Представляется, что все же имелись и глубинные социокультурные основания, позволившие большевикам не утруждать себя формальной легитимизацией.

Споры о том, относить Россию к Западу или к Востоку, стары и непродуктивны. На Востоке роль правителя ограничивали, главным образом, традиция и ритуал. Так, китайский император, вроде бы обладавший абсолютной властью, был ограничен даже в интимной сфере. Несмотря на громадный гарем, призванный удовлетворять любые фантазии, властителю предписывалось заниматься сексом в определенной очередности. Ритуал обычно связан с магическим, а магическое — это способ стабилизации системы на обыденном уровне.

На Западе власть абсолютных монархов ограничивалась правом: последние два года своей жизни Людовик XIV (тот самый, которому приписывают фразу «государство — это я») страдал от того, что регентом при наследнике по закону мог стать только ненавидимый им Филипп Орлеанский. В России такая ситуация представлялась немислимой: Иван IV готов был передать престол кому угодно, Екатерина II собиралась возвести на трон внука вместо сына. Символично, что Павла I, который вздумал четко определить порядок престолонаследия, удавили. Система российского самодержавия считала единственным источником «закона» волю правителя. Это и было зафиксировано Петром I (почитаемым носителем западного начала) в 1722 г. И вовсе не случайно большевики считали этого властителя «своим». Самодержавная власть может быть не только консервативной и реакционной, но революционной. Н.С. Хрущева после его падения называли волонтаристом. Припоминаю, что для на-

рода термин был непонятен — «советские люди» привыкли считать своеволие непременным (и даже иногда полезным) атрибутом российской власти.

Характерно, что этот правитель — самодур, раздаривавший территории и задним числом менявший законы, был устранен совершенно нелегитимно, но зато при всеобщем одобрении. Одна из причин случившегося в том, что вместо таинства власти, народ стал очевидцем персональных «нелепостей», что оказалось для него совершенно неприемлемо — скорее эстетически, нежели политически. «Сакральная» власть словно материализовалась самым абсурдным образом. Последовал вполне симметричный ответ.

В то же время российская власть все время старалась не отставать от Запада, являя миру известного рода квазиполитические симулякры. Законы писались, реформы проводились. Правда, никто не посчитал, какие надо сочинять законы, чтобы они выполнялись, и когда и как проводить реформы, дабы они не казались очередной «кукурузной эпопеей». И такое положение сохранилось до наших дней.

Возникает вопрос: насколько корректны те понятия, которые мы по привычкам XIX в. применяем к российско-советской истории? Ведь известно, что используемые нами, с позволения сказать, концепты были производными от совершенно конкретной реальности. На Западе власть и собственность были достаточно давно обособлены, что позволило довольно четко оперировать политическими, социальными и экономическими категориями, в основах которых лежат изолированные понятия государства, общества, экономики. Что касается России, где соотношение власти и собственности оставалось размытым, то здесь реформы, почитаемые чисто экономическими, были чреватые дестабилизацией власти.

Впрочем, возможно дело не только в этом. Характер использования тех или иных понятий отражает особенности той или иной ментальности. Впрочем, применимо ли к российской истории понятие «менталитет», которое не без оснований было названо Ф. Фюре «галльской модификацией марксизма и психоанализа»?² Сам я всегда предпочитал понятие «психоментальность», связанное с синкретизмом русского традиционалистского мировосприятия³, что и сегодня кажется мне оправданным. Как бы то ни было, пересмотр наших представлений о сущности советской истории уместно начать с критики понятий, которыми мы оперировали.

Известно, что было время, когда в нашем обыденно-политическом сознании *революция* (Февральская) упорно противопоставлялась *перевороту* (Октябрьскому), совершенному большевиками. Эмоциональная оценка вырастала до «концептуальной» величины. И эта тенденция затронула и сообщество профессиональных историков. Так, В.А. Никонов выступил с объемистой книгой о «крушении России» в феврале 1917 г. Ссылки на серьезные работы предшественников понадобились ему лишь для того, чтобы подпереть ряд чисто политических заявлений: самодержавная власть была благом для России; никаких предпосылок для ее падения не существовало; революцию подготовили безответственные «заговорщики» — начиная с членов великокняжеской семьи, кончая зловредными социалистами⁴. Автору невдомек, что авторитарная власть всякий раз доводит общество до такой степени гражданского бессилия, что ему не остается ничего иного, как тешить себя пересудами о всевозможных заговорах. С другой стороны, в глазах власти, приватизировавшей целую страну, всякий недо-

² Furet F. The Workshop of History. Chicago, 1984. P. 18.

³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 20, 338—342.

⁴ Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011 С. 474—550.

вольный выглядит заговорщиком, а любой намек на ненадежность нынешней стабильности воспринимается в контексте грядущего «крушения России».

Но чем объяснить, что задолго до революции искренние приверженцы самодержавия констатировали растущее отставание России от передовых держав, связывая это с взяточничеством, административной волокитой, и призывали «очистить Авгиевы конюшни бюрократизма»⁵. Почему почти за два года до крушения самодержавия его охранники отмечали растущую в обществе убежденность в неизбежности революции? Отчего искренний сторонник самодержавия из числа раскаявшихся революционеров в марте 1915 г. писал, что «сам Вильгельм не мог бы лучше дезорганизовать, замучить и обессилить врага» (Россию), чем это сделали за него отечественные бюрократы⁶? Наконец, почему провинциальные обыватели в марте 1917 г. поздравляли друг друга с началом «новой жизни» и с легкостью поверили, что «Николай II был окружен преступниками»⁷?

Если особенностью российской психоментальности является нерасчлененность реального, воображаемого и символического, то возникает вопрос: стоит ли говорить о революции там, где в очередной раз случилась традиционная Смута — системный кризис сложноорганизованной системы?

Конечно, нет никакого смысла считать революции «локомотивами истории». Гены обновления зарождаются изнутри традиции, незаметно, но плодотворно взаимодействуя со структурами повседневности. С другой стороны, почему не допустить, что мир действительно вращается не вокруг великого шума, а вокруг великих идей, и вращается *бесшумно* (Ф. Ницше). Представления о всякой революции формируются вокруг «фальшивого рапорта победителей». Но кто доказал, что это когнитивно неязвимая точка отсчета?

* * *

Революцию 1917 г. большинство социалистов предпочитало оценивать в прогрессивистской парадигме. После того, как мировая революция не удалась, большевики утешали себя тем, что решают задачи «буржуазно-демократической» революции. Но не более ли корректно сравнивать события 1917—1920 гг. со Смутой XVII в. и соответственно объяснять ее итог⁸? Чрезвычайно остро отразила этот момент художественная литература первой половины 1920-х гг. — ее списанные с натуры образы невозможно уложить в марксистские постулаты. «Красная смута» развивалась по своим собственным законам, а не доктринерским предписаниям. При этом основная «заслуга» в восстановлении старой парадигмы российской власти вновь принадлежала скорее низам, нежели большевистскому руководству.

После Гражданской войны обнаружилось, что «партия победителей» переполнена карьеристами, пробравшимися в верхи областного уровня⁹. Среди них было множество пьяниц, дебоширов, карьеристов, бабников. Повсюду процветали кумовство,

⁵ Карцов Ю. Революция сверху. СПб., 1907. С. 2—3.

⁶ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 48.

⁷ Письма вятского обывателя. Вятка (Киров), 2009. С. 209, 231.

⁸ Характерно, что даже выдающийся медиевист «западник» П. Виноградов со временем стал сравнивать события 1917—1918 гг. не с Французской революцией, а со Смутой XVII в. См.: Павел Гаврилович Виноградов. Избранные труды. М., 2010. С. 479, 484.

⁹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 2. Д. 9. Л. 1—3; Д. 10, Л. 2, 5, 18; Д. 11. Л. 6; Д. 12. Л. 33, 36, 43, 52, 53, 56, 58, 61, 62, 64; Д. 13. Л. 117; Д. 14. Л. 1—2, 21, 30, 36, 55, 84, 146, 150, 152, 192, 198; и др.

«семейственность» и «групповщина»¹⁰. На Северном Кавказе партийные работники гнали самогон¹¹. Иные «старые большевики» выдавали за революционные подвиги свои уголовные преступления¹². Всеобщий характер приобрели «хозобрастание» и «самоснабжение»¹³. В партийных рядах встречались «коммунисты-баптисты»¹⁴. Среди партийных активистов на востоке страны обнаруживались представители старых мусульманских элит¹⁵. Везде царил «бытовой разврат». В материалах партийных чисток встречаются женатые прокуроры — члены партии с 1917 г., ухитрившиеся вступать в половую связь с посетительницами в своих кабинетах¹⁶, не говоря уже о менее заметных коммунистических эротоманах¹⁷. Один начальник окружной милиции «изнасиловал более двух десятков милиционеров, используя их в рот»¹⁸. Некоторые чекисты успели послужить у белых¹⁹, а на новой службе отличились по части пьянства и стрельбы²⁰. Кое-кому из них инкриминировалась служба у атамана Семенова и Колчака (в том числе добровольная), причем даже в карательных отрядах. Отдельные из них ухитрились до этого побывать в большевиках²¹. В Чечне и Ингушетии процветало «прямое взяточничество» — сельский сход решал, «сколько дать тому или иному работнику». Во время «чистки» 1929 г. взяточники, растратчики, торговцы, бывшие белогвардейцы обнаруживались среди коммунистов-ингушей²². В Адыгее сын эфенди, ухитрился закончить Коммунистический университет трудящихся Востока и побывать в роли инструктора обкома²³. В Азербайджане возникали кровавые распри между враждующими кланами²⁴. Некоторые дагестанские коммунисты устраивали в своем доме мечети, женились по шариату (при этом устраивали джигитовку на бульваре «в пьяном виде и стрельбой из нагана в домашних животных»)²⁵. Среди узбекских «коммунистов» оказывались даже сторонники суфизма²⁶. Встречались также выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока, занимавшие начальные должности, но «женившиеся по адату»²⁷.

Примеры подобной персональной мимикрии можно приводить до бесконечности. Даже среди чекистов встречались люди, в 1918 г. громившие сельсоветы, в следующем году вступавшие в партию, а в 1931 г. вновь участвовавшие в антисоветском выступлении. В 1930-е гг. они также практиковали «дебоши в пьяном виде со стрельбой»²⁸. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что больше-

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 1, 15, 21, 34, 62; Д. 14. 21; Д. 44. 213, 215 об.; Д. 45. Л. 49, 50, 84, 116.

¹¹ Там же. Д. 14. Л. 111.

¹² Там же. Д. 40. Л. 84.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 58; Д. 14. 37; Д. 43. Л. 26; Д. 44. Л. 158.

¹⁴ Там же. Д. 14. Л. 35.

¹⁵ Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 13. Л. 115.

¹⁶ Там же. Д. 40. Л. 90.

¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 44, 65, 70, 87, 126, 131, 132, 137; Д. 41. Л. 194; Д. 43. Л. 4.

¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 491. Л. 91.

¹⁹ Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 14. Л. 171 к., 134, 137, 138.

²⁰ Там же. Д. 43. Л. 128, 131.

²¹ Там же. Д. 14. Л. 23, 34, 35, 37, 41, 42, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 59, 61, 74.

²² Там же. Д. 42. Л. 82, 85, 128, 131.

²³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 2.

²⁴ *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 755.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 47. Л. 21 об.

²⁶ Там же. Д. 48. Л. 80.

²⁷ Там же. Д. 44. Л. 193.

²⁸ *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области в 1937—1938 гг. М., 2004. С. 22—24.

вистский правящий слой особенно интенсивно пополнялся последышами старого режима или всевозможными оборотнями.

На этом фоне создание номенклатуры в 1923—1925 гг. смотрится логичным шагом деспотичной власти, стремящейся упрочить свое положение созданием особого служилого сословия, четко выполняющего указания сверху. По сути дела возродилась старая служебная структура применительно к распределению обязанностей²⁹. «Государевы служилые люди» и «податное население» Российской империи сменились «государственными служащими» и «рабочими и крестьянами», составлявшими основу податного населения предыдущих эпох³⁰. Что касается репрессивных органов, то их готовность выполнить любой приказ сравнима с действиями баскаков. Но при этом власть, совершив очередной репрессивный «перегиб», тут же принималась не впопад «миловать». Едва завершилась коллективизация, как власть стала усердно восстанавливать в гражданских правах не только псаломщиков, но и «публично отрекшихся» священников, а также мулл, муэдзинов, канторов, резников³¹. Правда, с такой же непоследовательностью были отклонены прошения священников, псаломщиков, монахов и монахинь, баптистов, раввинов, мулл и даже «марийского языческого жреца»³². Похоже, что решения принимались согласно ходатайствам местных властей, но установить закономерности поведения последних невозможно. Зачастую восстанавливались в правах бывшие торговцы (самая массовая категория), полицейские, офицеры-белогвардейцы. Вероятно, решающим фактором были социальное происхождение и «неформальные» симпатии.

Итак, поменяло ли утверждение номенклатуры ситуацию? Вскоре после большевистской революции Н. Бердяев отмечал: «Нет уже старого самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре... По-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам... Взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией»³³. Эти слова можно с успехом отнести и к ситуации 1920-х гг., и к нашей современности. Но почему? Взятка, как и воровство государственной собственности, более чем традиционна для России. Так называемые почести ведут свое начало еще с Киевской Руси, но сегодня трудно представить, что ритуальная «хлеб-соль» несет в себе традицию неформального задабривания начальства. Система «почестей» и «посулов» в России складывалась веками, причем при непосредственном участии власти, которой вечно не хватало денег на оплату чиновников. Без подношений нельзя было подойти ни к подьячему (который, как известно, «любит калач горячий»), ни к сельскому попаку, жившему, в основном, на требы. Даже земские врачи не брезговали экологически чистыми продуктами крестьянского труда.

В России государство всегда само осуществляло сословную стратификацию социального пространства. Это происходило даже во времена последнего десятилетия: появились назначенные олигархи и правительственные банкиры. Так называемые

²⁹ См.: *Богословская М.В.* Образ идеального представителя советской государственной элиты: начальный этап формирования // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2008. Vol. 35. № 2. P. 141—162.

³⁰ *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. М., 2006. С. 18.

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 45а. Д. 3. Л. 123 об.—124, 131, 162, 172 об.—173.

³² Там же. Л. 100—109 об., 144, 179—180.

³³ *Бердяев Н.* Духи русской революции // *Из глубины. Сборник статей о русской революции*. М., 1990. С. 60.

общественные организации в прошлом носили откровенно сословный характер и допускались то ли в порядке усиления контроля над подданными, то ли в социально-мобилизационных целях. «Общества» были по своей сути антигражданским феноменом. Не случайно большевики охотнее всего заигрывали с «добровольными» организациями до утверждения сталинской деспотии.

Но дело не только в идеократии. Будем справедливы: идеологическая изворотливость государства — ничто в сравнении с легковерием русского человека. У последнего имеется своя оборотная сторона.

Письма простых граждан И.В. Сталину поражают духом надежды на высшую власть. 12 февраля 1924 г. ему было направлено письмо народной учительницы из Ташкентского уезда Серафимы Николаевны Воронежской из села Богородицкого, находившегося в 40 верстах от Ташкента. Она сообщила Сталину, что по решению жителей (очевидно, православных переселенцев) село переименовано «в вашу честь». Объяснение было своеобразным: «Чеканно звучит эта фамилия в противоположность отмененному.. [названию села], от которого так и отдаст поповщиной...». Скупно упомянув о материальных трудностях (писалось без расчета на материальную поддержку), она сообщила, что «начала с детьми новую работу» и «применила комплексный метод к дорогому “Ильичу”». Если верить этому посланию, «в уголке Ленина» его «любимцы — крестьянские дети» делали некие «арифметические вычисления» по «датам его событий в жизни». «Пусть отдыхает дорогой Владимир Ильич, буду и я вместе со всеми на страже учения, — писала *молодая* учительница. — Да почит его дух над нами»³⁴. И таких квазирелигиозных молений было предостаточно.

Уже в середине 1920-х гг. авторы писем называли Сталина «отцом родным», «высокопочтимым» и т.п.³⁵ Это было похоже на массовую истерию. Особенно неистовствовали комсомолки, порой именовавшие его «многоповелительным, многозаступительным» вождем³⁶. Люди в полном смысле слова готовы были распластаться перед властью. При этом невероятное развитие получил донос — своего рода модифицированная практика традиционных слезниц³⁷. Сталинская власть гипертрофировала старый как мир соблазн решения личных проблем путем апелляции к высшей власти. Как результат, атмосфера Большого террора оказалась пропитана всевозможными клепами — не только на соседей, но и на «дурных» родственников (особенно на тещ)³⁸.

У нас известный афоризм «всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» воспринимают однозначно — «развращенной» оказывается исключительно власть. Но в какой степени это касается ее подданных? И до какой меры их эмоции, периодически перерастающие в психозы, провоцируют беснование власти?

* * *

Но что олицетворяло эту власть, просуществовавшую 74 с лишним года? Большевицкая партия? Ее генеральный секретарь? Но формально он не обладал исполнительной властью. Единственная «партия» (еще один многозначительный парадокс) была лишена государственно-правового статуса, хотя она упоминалась в Конституции СССР 1936 г., а в «брежневской» Конституции 1977 г. объявлялась руководя-

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 5—8 об.

³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 496. Л. 311; Д. 484. Л. 227; Оп. 84. Д. 1027. Л. 34.

³⁶ Там же. Оп. 85. Д. 494. Л. 9.

³⁷ См.: Королев С.А. Донос в России. Социально-философские очерки. М., 1996.

³⁸ См.: Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 120—126, 129—130, 166.

шей и направляющей силой советского общества. Однако в том и другом случае мы имеем дело не с юридическими формулировками, а скорее с метафорами, не имеющими правового подкрепления. Более того, ст. 6 Основного закона противоречила Гражданскому кодексу СССР, согласно которому любая организация имеет право на существование только с санкции государственной власти. Получалось, что советское государство разрешило все организации, кроме одной — КПСС, которая ставилась над законом. Именно большевистская партия учредила «свою» государственность, а затем регулировала всю «правовую» систему с помощью надзаконных решений.

В свое время некоторые преподаватели-обществоведы любили задавать студентам вопрос: кто является главой Советского государства? Ответы, как правило, было однообразно неправильными — упорно называли генерального секретаря, а не председателя Президиума Верховного совета или премьер-министра. «Надзаконность» высшей власти считалась *нормой*. Эта «норма» не была следствием «богопомзания» или династического престолонаследия. Выдающийся социолог Э. Геллнер как-то заметил, что коммунистические правители сделали официальной государственной доктриной и основой социального порядка «не что иное, как саму *теорию истории*»³⁹. Конечно, формально и по существу марксизм был органически чуждой *традиционной* России *прогрессивной* доктриной. Но для новой власти он стал рычагом, используя который новая *служилая интеллигенция* могла навязать народу утопию великих свершений, осуществляемых государством.

Разумеется, обоснование «надзаконной легитимности» эволюционировало. Поначалу коммунистические лидеры настаивали, что «диктатура пролетариата» не ограничена никакими законами, поскольку опирается на «праведное» революционное насилие. Партия, осуществляющая руководство этим насилием, стоит над Конституцией, разрабатываемой по ее указаниям. Некоторое время большевистская надзаконность подкреплялась квазирелигиозной идеей мировой революции, но очень скоро трансформировалась в механизм самосохранения власти. Это соответствовало основной исторической особенности российской государственности. Каким бы иллюзиям не предавались ее верховные представители, она всегда была по-настоящему озабочена только одним — *самосохранением и самообслуживанием*. В сталинские времена не случайно возникла государственно-террористическая ситуация: для того, чтобы закон в лице новой Конституции, гарантирующей всеобщее избирательное право, заработал в нужном для власти режиме, понадобилось подзаконное истребление «врагов народа».

Характерно, что сталинскими «нарушениями социалистической законности» дело не ограничилось. В 1960 г., т. е. во времена так называемой оттепели, когда Хрущев узнал, что находящимся под судом «валютчикам» грозит не более шести лет тюрьмы, он потребовал для них расстрела, мотивируя это размером «оборотных средств», бывших в их распоряжении. И главный коммунист добился своего, несмотря на возражения генерального прокурора. Говорят, в ответ Хрущев заорал: «*Закон над нами, над коммунистической партией или мы над законом?!*». Как результат за время суда законы менялись трижды ради того, чтобы подвести валютчиков под требуемую партийным лидером статью.

В общем, получалось, что «реформатор» Хрущев повел себя как настоящий деспот. И в этом нашла свое отражение характерная черта российской исторической власти: она постоянно пытается «модернизировать» самое себя в видах удобств при-

³⁹ Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L., N.Y., 1992. P. VIII.

казного управления. Но удивительно не это. Поразительно, что российский прогресс всегда ассоциировался с тем или иным правителем.

По существу, советская система функционировала по законам *внешнего* управления. Но это было не новацией, а продолжением старой традиции. При этом в своих «суверенных» действиях российский правитель часто оказывается заложником управленцев. В известном смысле власть лишь *владела* Россией, *правили* же варяги, баскаки, опричники, думные дьяки, бюрократы-масоны, номенклатурщики... Характерно, что со времен «призвания варягов» управленцы представлялись этнически чуждым элементом — бироновщина и последующие волны «немецкого засилья» не были случайностью, как неслучайны были периодические бунты против «чужаков». Кстати сказать, в предреволюционной России взаимоотношения между крупным бизнесом и государством носили знакомый по нашим дням «порученческий» характер. «Единая» государственность распалась на *власть—театр* и *власть—аппарат*⁴⁰.

Перерождение «революционной» власти во власть традиционную великолепно отразила ситуация в сфере культуры. Еще в 1924 г. Д. Бедный предлагал Сталину расшевелить народ веселыми стишатами — для него балаган и оптимизм располагались где-то рядом⁴¹ — так он понимал народную традицию. Но времена менялись быстрее, чем изворотливый поэт. В сентябре 1930 г. «Правда» опубликовала стихотворение Бедного с вызывающим названием «Слезай с печки». Оно адресовалось русскому народу, которому неумный «революционер» инкриминировал «сладкий храп», «лень с нищетой, нищету с мотовством», «похабство» и «рабство» и даже «грабительское дармоедство»⁴². Это был недопустимый перебор — сопровождать коллективизацию должна была совсем иная музыка. Однако Бедный не учел особенности момента, объявив в другом стихотворении К. Минина и Д. Пожарского «казнокрадами», которым не место на Красной площади⁴³. 12 декабря 1930 г. Сталин разъяснил поэту — «интернационалисту» его «троцкистские» заблуждения. Теперь была признана недопустимость «клеветы на русский народ», ибо это бросает тень на «русский пролетариат». Поскольку, по мысли «вождя», «центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию», следовало развивать чувство «революционной национальной гордости»⁴⁴. В общем, по отношению к народу власть вела себя как умный барин, умело использовавший принцип кнута и пряника.

Весьма показательна история с кинофильмом «Веселые ребята» Г. Александрова. Символично не то, что в нем главную роль домработницы, выбившейся в «звезды», сыграла Л. Орлова — женщина отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения. Куда более впечатляет то, что руководящие работники Наркомпроса назвали фильм «контрреволюционным», а также «дрянной, хулиганской, насквозь фальшивой лентой». Причем это было сказано после того, как фильм уже одобрил К.Е. Ворошилов — негласный советник Сталина в области эстетики⁴⁵. В конечном счете, судьбу ленты решил сам «вождь», постоянно «подправлявший» сторонников буквального толкования

⁴⁰ Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 56—58.

⁴¹ Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 87.

⁴² Правда. 1930. 6 сентября.

⁴³ Бедный Д. Без пошады // Правда. 1930. 5 декабря.

⁴⁴ Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 91.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 293. Л. 18.

марксистского «священного писания». В данном случае он, вероятно, посчитал, что после коллективизации народу надо «повеселиться», а заодно в очередной раз увериться в «чуде власти». Со своей стороны Г. Александров хорошо понял, на какой «фабрике грез» он работает: в довоенное время он «идейно рос» от фильма к фильму. С помощью кино коммунистическая символика помогала стиранию граней между реальностью и утопическим будущим⁴⁶. В общем, используя голливудские практики, система смогла вдохнуть жизнь в традиционные приемы российского властвования.

Российская система власти-подчинения имела свои, освященные многовековым опытом, «правила игры». Правитель, который не умел правильно выстраивать «потемкинские деревни», был обречен. Как только Хрущев «заигрался», его сверг аппарат. Нечто подобное попытались сделать с Горбачевым «аппаратчики» ГКЧП. Советская история, если отбросить ее хамелеонскую оболочку, выглядит как карикатурное воспроизведение традиционной системы господства.

* * *

Удивительно, но многие современные авторы готовы идеализировать старый строй, свергнутый в феврале 1917 г. При этом к голосу современников тех событий никто не прислушивается. Между тем, они заявляли, что в России «личность была придавлена огромными размерами государства», «бюрократия развилась до размеров чудовищных», а государственность «превратилась в самодовлеющее и отвлеченное начало», которое «живет своей собственной жизнью, по своему закону...». Об этом писал Н. Бердяев еще до революции, в 1915 г.⁴⁷

Что же качественно нового привнесли большевики в российскую государственность? Изменились характер и масштабы репрессивности. Это произошло далеко не сразу. На 1 января 1918 г. в России было 606 тюрем, к октябрю 1918 г. (разгар «красного террора») — 304, в 1919 г. — 217⁴⁸. Зато к началу 1920 г. существовало 34 концлагеря с 8 660 заключенными, к концу 1920 г. — 84 (25 336 человек), к 1922 г. — 120 лагерей с 40 тыс. сидельцев. При этом поменялся «классовый» состав последних — место «буржуев» заняли крестьяне (39%) и рабочие (34%)⁴⁹. Постепенно численность заключенных приблизилась к дореволюционному уровню. Но при этом в репрессивности системы, запечатленной в Уголовном кодексе 1921 г., обозначились подразделения преступлений на классово-антигосударственные и личностные; связь уголовного деяния с имущественным фактором (материальная нужда как мотив преступления). Государственная репрессивность выступала под видом «классовой», хотя удельный вес приговоренных к высшей мере наказания был особенно высоким среди представителей «враждебных национальностей»⁵⁰ и священников⁵¹. Обращает на себя внимание

⁴⁶ Салис Р. «Нам уже не до смеха»: Музыкальные кинокомедии Григория Александрова. М., 2012. С. 282.

⁴⁷ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 14.

⁴⁸ Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997. С. 147.

⁴⁹ Legget G. The Cheka. Lenin's Political Police: The All-Russian Extraordinary Commissions for Combatting Counter-Revolution and Sabotage. December 1917 to February 1922. Oxford, 1981. P. 178.

⁵⁰ См.: Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы. / Сост. С. У. Алиева. Т. 1—3. М., 1993; Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997; Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999; и др.

⁵¹ См.: Леонтьева Т. Г. Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937—1938 гг.; Нечаев М. Г., Уткин С. В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937—1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 216—275.

и то, что значительное число вымышленных признаний репрессированных было получено путем уговоров, а не применения мер физического воздействия⁵². Очевидно, что многие жертвы системы исходили из представления, что государство в лице его репрессивных органов есть воплощение «высших», недоступных обыденному пониманию, «целесообразности» и «справедливости».

Другая особенность советской системы — массовые депортации населения и широкое использование подневольного труда. К этой форме «социалистической» эксплуатации, в первую очередь, относится колхозная система — крепостническая по своей сути. В XVIII — XIX вв. перемещения крепостных в России были обычным делом — их трудом создавался промышленный Урал. Однако позднее депортации допускались только в экстремальных ситуациях: последнее их использование относится ко времени Первой мировой войны.

В широком историческом контексте ГУЛАГ не следует рассматривать однозначно, тем более демонизировать его. «Порядки» ГУЛАГа порой оказывались предпочтительнее колхозной «воли». Случалось, что в начале 1930-х гг. «украинский мужик» слал из лагеря на волю хлебные сухари⁵³. В 1950-е гг. лагерницы-крестьянки сожалели, что не могут отправить хлеб, который в зоне «каждый день дают», своим голодающим, но «свободным» (по-колхозному) детям⁵⁴.

Проблема ГУЛАГа не ограничивалась преступниками или людьми репрессированными. Советская система не могла существовать без своего рода «элитного ГУЛАГа» в виде закрытых административно-территориальных образований, «которые отличались тщательно отобранным населением, высоким уровнем производственной и социальной инфраструктуры, привилегированным снабжением, повышенными стандартами материально-бытового обслуживания»⁵⁵. Его обитатели ощущали себя привилегированным, а вовсе не ущемленным социальным слоем. Пространство несвободы, таким образом, не просто расширилось сравнительно с до-революционным временем, оно стало восприниматься как норма. Такова была социокультурная сторона модернизации по-советски.

Экстенсивный тип развития за счет повышения управляемости людьми подневольными был типичен для России. Строго говоря, большевики не просто восстановили крепостничество, они возродили архаичнейшую форму государственности — «государство-склад»: все добытое и произведенное общиной сносится в одно место для последующего централизованного «справедливого» распределения. Но советская система имела характерную особенность — веру в образование и науку. Это позволило многим «буржуазным» ученым и специалистам добиться того, чего им не удалось в «царской» России. Девиз «знание — сила» мощно стимулировал молодое поколение, и именно преемственность в области образования и науки обеспечила «советский» прогресс. Но это же образованное поколение в значительной степени обеспечило последующий крах советской системы, ибо произошло своего рода возрождение русской интеллигенции с ее имманентными антиавторитаристскими установками.

Молодежный энтузиазм 1920—1950 гг. рано или поздно должен был истощиться. В условиях отсутствия рыночных отношений, господства уравниловки и надежных

⁵² Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 50.

⁵³ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М., 1999. С. 60.

⁵⁴ Эпльбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006. С. 215.

⁵⁵ Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009. С. 49.

стимулов к труду у «свободных» работников развивалось пренебрежительное отношение к своим профессиональным обязанностям. Как результат, к концу советского периода «произошла атрофия практически всех установок в отношении к труду на производстве»⁵⁶. Но была разрушена не только трудовая этика. Идеологическая «трескотня» окончательно подавила то, что принято называть «коммуникативным разумом», без которого немислимо гражданское общество. Люди могли верить или не верить в социализм и коммунизм, искренне или лукаво принимать навязываемые им государством правила игры, но они неуклонно превращались в пассивную, социально безответственную массу. Возникает вопрос: многим ли их психология отличалась от психологии крепостных?

* * *

Что же преобладало в советской истории: разрыв с прошлым или преемственность? Представляется, что большевистская власть, пытаясь порвать с исторической традицией российского властвования, на деле воспроизвела в гипертрофированном виде худшие его черты. В свое время Петр I насильственно обрядил «естественную» Россию в европейский костюм, отнюдь не преобразовав ее духовно. Нечто подобное проделали большевики, попытавшись навязать российской психоментальности марксистско-ленинскую логику. Так надо ли удивляться стремлению русского человека периодически сбрасывать с себя чуждые одежды?

Советскую систему пытаются описать по-разному: начиная от чудовищного эксперимента, поставленного какой-то нечистой силой над русским народом, до идеальной модели государственного устройства России. Советский строй сравнивали также с восточным деспотизмом, обусловленным «азиатским способом производства». Но не являются ли все известные аналогии поверхностными?

То, что единственным системообразующим элементом российской истории является власть, придворными историографами говорилось со времен легендарного призвания варягов. И дело не в простой этатизации истории — беда в том, что она переросла в «профессиональную» привычку, поощряемую научными степенями, академическими званиями и — в последнее время — «исследовательскими» грантами. Отсюда же бесконечная череда навязывания русскому прошлому неадекватных категорий, понятий, аналогий, охотнее всего используемых политологическими шарлатанами и политическими оборотнями, скрывающимися под маской «патриотов».

Несомненно, большевики вольно или невольно оказались проводниками грандиозного и дорогостоящего социально-политического эксперимента, поставленного самой историей. XX в. не только в России, но и во всем мире был отмечен двояким феноменом: «восстанием масс» и «бегством от свободы». Вероятно, особого внимания заслуживает теория тоталитаризма, хотя большинство исследователей считает ее политически удобной абстракцией.

По моим представлениям, назвать советскую систему тоталитарной — значит сделать ей незаслуженный комплимент. Тоталитаризм означает всеохватность, целостность, а ее как раз и не удалось достичь, ибо она не достижима в принципе. Историческая государственность — это так называемая устойчиво неравновесная система, стабильная ровно настолько, насколько внутренние конфликты способны естественным образом поглощать друг друга. Власть, культивирующая «покорность

---

⁵⁶ Там же. С. 125.

культурных классов»⁵⁷ и, соответственно, стремящаяся самостоятельно элиминировать всякие внутренние микроконфликты, поневоле принимает агрегированный удар на себя со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сравнение советской системы с гитлеровским нацизмом также сильно хромает. И дело не только в сохранении частной собственности в одной системе и ее полном отрицании — другой, в противоположности интернационализма и расизма. Феномен партии-государства был возможен только в России. И все же главное отличие состоит не в этом. Советский строй при всех его нелепостях и пороках можно представить как перверсию или даже агонию эпохи Просвещения. Что касается нацизма, как и фашизма в широком смысле слова, то он был принципиальным ее отрицанием.

До конца своего существования коммунистическая власть носила надзаконный характер, и в этом смысле ее можно считать преемницей самодержавия и крепостничества. Чем это обернулось? В советское время люди перестали работать, поскольку были в невиданной ранее степени отлучены от собственности. Они вели себя как нерадивые жертвы дурного помещика-крепостника. Социокультурные последствия этого поистине катастрофичны. Нынешнему россиянину по-прежнему не дают поверить в себя, в свои индивидуальные творческие силы. Окружающая действительность подсказывает ему: трудиться бесполезно, надо постараться «урвать». Постсоветский россиянин перестал верить в справедливость, отождествляемую с «настоящей» властью. Совсем не удивительно, что крушение СССР произошло по тем же внутренним законам самодеструкции, что и развал императорской России⁵⁸. Но советский период нельзя считать «потерянным» — так в истории не бывает. Вопрос в том, кто активнее воспользуется ее уроками: власть с ее грузом дурных исторических традиций или ее подданные?

Итак, в советский период российская парадигма властвования (сильное государство — слабое общество) осталась неизменной, хотя механизм ее восстановления все еще не описан эмпирически и не отрефлексирован теоретически. Будучи доведенной до абсурда в советское время, российская система обнаружила свой генетический изъян, связанный с избыточной ригидностью государственной машины и перманентной вялостью социальной среды. Ни государство, ни разобщенные социумы оказались не способны противостоять экстремальным нагрузкам. Государство такого типа настроено на самосохранение, потому заведомо неэффективно и не способно возглавить модернизационные процессы.

Советский опыт убеждает, что всякие попытки возродить вертикаль власти вопреки и/или в противовес общественной самоорганизации не дадут инновационного успеха, т.е. являются бесперспективными.

---

⁵⁷ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 238.

⁵⁸ См.: Булдаков В.П. *Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления.* М., 2007.

Н.И. Никитин

Российская государственность и некоторые особенности российского менталитета

Последние 20 лет в отечественной публицистике постоянно проводятся аналогии между «Смутой» начала XVII в. и событиями, происходившими в нашей стране на рубеже XX и XXI вв., однако такие сравнения не приветствуются научным сообществом, считаются некорректными. И в самом деле, кажется, что тут общего. В России конца XX в. не было ни массового голода, ни династического кризиса, ни самозванцев, ни интервентов. Тем не менее, рискуя навлечь на себя гнев серьезных ученых, я все же осмелюсь заявить, что исторические параллели в данном случае проводить не только можно, но порой и должно. И не только с событиями начала XVII в., но и с теми, что получили название «Второй Русской Смуты» и были связаны с революциями 1917 г. Многие свидетели тех «дней, которые потрясли мир», тоже напрямую сравнивали их и последовавшую затем Гражданскую войну со «Смутой» начала XVII в., причем в их числе были и профессиональные историки уровня С.В. Бахрушина, впоследствии члена-корреспондента АН СССР. Они, естественно, понимали, что причины той и другой «смут» разные, но видели в них и много общего, и прежде всего — их прямую связь с резким ослаблением государства, с неэффективностью, а порой и полным параличом государственной власти.

А разве не то же самое мы с вами имели несчастье наблюдать в нашей стране с конца 1980-х гг.? Разве мало общего в поведении, скажем, членов Временного правительства в 1917 г. и Политбюро ЦК КПСС в последние годы существования Советского Союза? А разве разгул криминала в «лихие 90-е» (да и «нулевые») годы не напоминает разгул бандитизма в России после 1917 г., а действия «зеленых» в годы Гражданской войны не аналогичны рейдам «воровских казаков» по территории Московского государства в ходе «Первой Русской Смуты», когда, например, в Новгородчине казачьи отряды, как сообщалось в документах той поры, «чинили насилие и беды такие, чего и бесермены не чинят»¹.

Полных совпадений между событиями и явлениями, разделенными столь значительными промежутками времени, конечно же, быть не может. Да их и не надо искать, достаточно понять, что они имеют под собой одну основу — ослабление государства в целом и в первую очередь такой его функции, как поддержание элементарного правопорядка в стране.

Вся история России доказывает, что ослабление государственного начала в жизни общества и неэффективность (не говоря уже о параличе) государственной власти губельно для нашей страны. Об этом писал еще Н.М. Карамзин — писал, естественно, в свойственной ему манере, отражавшей реалии его времени. Помните: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась му-

¹ См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 116.

дрым самодержавием»². Заменяем тут «самодержавие» на «сильное государство», и все встанет на свои места.

Заслуживает быть отмеченным как относящееся уже к последнему этапу имперской истории России мнение М.О. Меньшикова — русского мыслителя, публициста и общественного деятеля, одного из идеологов русского национализма. Он полагал, что государство в России — это форма существования народа, не всегда справедливая по отношению к народу, но обеспечивающая его безопасность, возможность независимого существования и культурного развития³.

С тех пор в русской общественной мысли о месте и значении государства в нашей истории высказывались самые различные, часто диаметрально противоположные мнения, и почти все они «воскресли» в литературе и публицистике в последнее двадцатилетие, когда у нас вновь появилась возможность свободно обсуждать проблемы российской государственности. С современными трудами идеологов анархизма, подобных П.А. Кропоткину, мне, правда, знакомиться не приходилось, а вот сочинения тех противников укрепления российской государственности, кто позиционирует себя в качестве либералов, читал неоднократно. Среди их авторов встречаются и наши коллеги, например известный (ныне, к сожалению, покойный) новосибирский историк Д.Я. Резун. Изданная им в 1997 г. небольшая работа (препринт) о возможностях построения в России «открытого общества» стала своеобразным «манифестом» историка-либерала по целому комплексу проблем российской истории и современности. В этой работе красной нитью проходит мысль об извечном противостоянии общества и государства в России и о пагубности для нее «вседовлеющей силы государства».

Как считает Д.Я. Резун, «деспотическое самодержавие» в нашей стране «продержалось вплоть до 1917 г., а если говорить о режиме, то до августа 1991 г.». И если в истории Западной Европы тоже бывало «не мало кровавых и жестоких властителей», то после их тирании «у нации всегда бывала возможность... вернуться к нормам цивилизованной жизни гражданского общества, а у нас такой возможности не было». Обнаружил Д.Я. Резун и «страшную закономерность» в нашей истории: «военно-политические поражения России ведут к реформам, а ее великие победы, наоборот, укрепляют все реакционное и отжившее» (здесь, правда, он не оригинален: примерно так же рассуждал А.И. Солженицын, полагавший, в частности, что «Полтавская победа была несчастьем для России»⁴). Поэтому Резун выражает надежду, что «может быть, военное поражение России в чеченской войне заставит страну более быстро и последовательно пойти по пути реформ»⁵.

За минувшие с тех пор 15 лет таким надеждам не суждено было сбыться, и «либералы-антигосударственники» несколько сдали свои позиции, но, тем не менее, по-прежнему широко представлены не только в СМИ, но и во властных структурах. Так, заместитель руководителя аппарата правительства РФ А.К. Волин в 2003 г. после своей отставки заявил, что его никак нельзя причислить к государственным и что «главная задача, которая стоит перед нашей страной, — это ослабление позиций

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 22.

³ См.: Литературная газета. 2009. № 41. С. 1.

⁴ Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. Ч. I—II. С. 196.

⁵ Резун Д.Я. Может ли Россия построить открытое общество? (историко-культурный аспект). М., 1997. С. 16, 18.

государства»⁶. А генеральный директор журнала «Знание — сила» И. Харичев, посетовав, что «россияне исстари привыкли полагаться на государство», пришел к такому заключению: «Высокая степень этатизма в российском обществе, конечно же, признак остатков традиционного общества», но «от этого менталитета можно избавиться» и стать европейцами⁷.

У оппонентов подобных взглядов в последнее время позиции, напротив, укрепились, им всё чаще стали давать возможность высказаться в СМИ, и доводы «государственников» (так условно их назовем) выглядят, как мне кажется, исторически более обоснованными. Так, в своем интервью «Литературной газете» историк и писатель В.Т. Чумаков, в частности, сказал: «Что же касается отрицания государства, мы часто слышим и видим, как люди красуются этой позицией... Думаю, здесь больше лицемерия и бравады, чем трезвых раздумий. Многовековая история показывает, что государство — это основа стабильности нашей жизни»⁸. А публицист Арсений Замостьянов в той же связи заметил: «У нас любят приходить в отчаяние от железной руки государства. Сегодня тьма-тьмушая героев, готовых повторять на разные лады: “Государство и страна — это разные вещи”. А ведь государство — это не политическая система мимолетного сегодняшнего дня, это почва, это основа цивилизации»⁹.

С раздумьями на ту же тему выступил философ Евгений Пашинцев, и итог их таков: «История западных народов и история России имеет разную цивилизационную основу. Если западная цивилизация развивалась на основе института собственности, то российская цивилизация, начиная с Ивана Калиты, складывалась на основе института государства. Неслучайно все правители России, укреплявшие государство, вошли в разряд исторических личностей. Все, кто ослаблял или разрушал российскую государственность, ушли в небытие в качестве временщиков и авантюристов»¹⁰.

«В настоящее время, — пишет этнолог А.В. Сопов, — руководство страны и значительная часть ее населения постепенно пришли к пониманию того, что в такой огромной по территории стране, которую населяют более 160 национальностей, пользующихся различной степенью суверенитета, необходимо иметь сильное и эффективное государство. Это является необходимым условием для сохранения единства России, ее возрождения в качестве великой державы, обеспечения надежной защиты страны от угроз внутреннего и внешнего характера. Без сильного государства не может быть сильной армии, надежной правоохранительной системы, эффективной внешней политики, обеспечивающей защиту интересов России на международной арене, мощной экономики и науки. В условиях ослабления роли государства, явившегося следствием издержек преобразований, произошедших в стране в последние десятилетия, необходимо использовать все имеющиеся ресурсы для укрепления его основных устоев»¹¹.

Член-корреспондент РАН А.А. Громыко на вопрос «сколько демократии нужно России» дал такой ответ: «Ровно столько, сколько необходимо для утверждения дееспособного Российского государства. Только такая держава обеспечит россиянам гражданский мир, победит опасности как внешние, так и внутренние. Специфика

⁶ Независимая газета. 2003.18 июля. С. 2.

⁷ Харичев И. Надо ли нам становиться европейцами? // Литературная газета. 2012. № 22. С. 3.

⁸ Литературная газета. 2012. № 4. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Пашинцев Е. Либералы и бюрократы // Литературная газета. 2011. № 46—47. С. 3.

¹¹ Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2012. С. 5.

России (громадная территория, пестрый этносостав, протяженность границ) говорит о том, что демократия в ней не может развиваться без сильного государства»¹².

Как видим, в последних высказываниях содержатся и объяснения необходимости сильного государства в России: огромная территория и полиэтничность. Некоторые исследователи добавляют к этому сильное различие в уровне социально-экономического и культурного развития отдельных регионов, а также наличие в прошлом постоянной внешней угрозы и с запада, и с юга, и с востока.

Все правильно, все верно, но факторы эти все же преходящи, а необходимость России в сильном государстве, я уверен, вечна. В самом деле. Серьезной военной угрозы извне для нас вроде бы уже не существует. Территория нашей страны с 1991 г. уже сократилась почти в два раза, а если дела пойдут и дальше так, как они шли последние 25 лет, то в реальной перспективе у нас произойдет «скукоживание» России вообще до размеров Московской области. Но даже в урезанной до минимальных размеров России, как и в других ее осколках (если они, конечно, сохранятся в качестве более-менее суверенных территориально-политических образований и не сменят население) необходимость в сильной государственной власти вряд ли отомрет, ибо ее предопределяет то, что не может меняться так же быстро, как политическая карта мира. Я имею в виду менталитет русского народа, а он (менталитет) никуда не исчезнет и не изменится автоматически одновременно с распадом населенной русскими территории на множество мелких государств.

Исторический опыт показывает, что русские (как, впрочем, и большинство других народов России) в массе своей не терпят «киселеобразной» власти, просто не могут при ней нормально существовать. Корни этого явления, возможно, уходят в очень далекое прошлое. Может быть, в генетической памяти народа, где-то на уровне подсознания отложились воспоминания о лихолетьях феодальной анархии во время раздробленности Руси или того же «Смутного времени». Может быть, тому есть и другие, более глубокие причины, и в числе факторов, выковывавших национальный характер, надо учитывать сравнительно позднее изживание в русском обществе элементов первобытно-общинного строя и военной демократии — слишком мы, короче говоря, молодая нация. Как бы то ни было, но многие исследователи давно уже сошлись на мнении, что в России лишь сильная власть отвечает представлениям народа о наиболее подходящей для страны системе государственного устройства. Дореволюционный философ и историк Л.А. Тихомиров писал о склонности русских людей либо к монархии, либо к анархии, что, по его словам, и вынуждало власть постоянно балансировать между охранительным «сдерживанием» и либеральными реформами¹³.

Другой дореволюционный философ (впоследствии эмигрант) Н.О. Лосский считал, что русский народ всегда «инстинктивно искал противоядие от анархического безудержа, который ощущал в своей душе». До сих пор, — писал Лосский, — спросите людей из народа, — что необходимо для государства? Тут же ответят: порядок, твердая рука...» и приводил яркие примеры «из жизни» в подтверждение своего тезиса¹⁴.

События последних двух десятилетий часто заставляют и современных наблюдателей за «народной жизнью» делать те же выводы, убеждаться, что «национальный характер — это не миф, не выдумка кабинетных философов», а «реальность...

¹² Литературная газета. 2012. № 6. С. 2.

¹³ См.: Историография истории России до 1917 года. В двух томах. М., 2003. Т. 2. С. 75—89.

¹⁴ См.: Казинцев А. Россия: попытки самопознания. Статья 1. Русские и власть (Утраченная пластичность) // Наш современник. 1992. № 7. С. 177.

проявляющая себя самым неожиданным образом»¹⁵. Например, известный политолог Г.О. Павловский под впечатлением погромов в Сумгаите в 1988 г. и в связи с широким распространением в те годы тезиса «наш человек добр — портит его государство», констатировал: в Сумгаите «зверем был сосед, переставший бояться государства»¹⁶.

Эту мысль, перейдя на собственно русскую почву, развивает публицист Михаил Антонов: «Русский человек может нормально жить только при строгой (не обязательно жестокой) власти. “Строг, но справедлив” — вот его представление об идеальном правителе. Собственно русский народ — великороссы — сложился как народ подчеркнуто государственный, “имперский”. У русских исторически выработалась “служилая” система ценностей, тот комплекс, который отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Как только власть становится либеральной, у наших людей, в первую очередь у элиты, “едет крыша”, и начинается тот маразм, который мы наблюдаем (и жертвами которого становимся) сегодня»¹⁷.

Вспоминаются в этой связи и слова известного нашего кинорежиссера Никиты Михалкова, сказанные на одном из телешоу: «Любая власть в России лучше отсутствия любой власти»¹⁸. По мнению Арсения Замостьянова, «главный смысл государственности — укрощение агрессивного эгоизма, укрощение частного интереса. Зачастую, как мы знаем, борьба за права человека приводит к одичанию сорвавшихся с цепи индивидуалистов»¹⁹. И с этим тоже трудно не согласиться.

Характерно, что жесткие формы государственного правления далеко не всегда находили понимание среди русской элиты, завидовавшей вольготной жизни своих соседей — польских и литовских магнатов, но обычно получали полную поддержку в простом народе. Как заметила российский социолог С.В. Лурье, «даже в своих крайних антигосударственных проявлениях русские оставались по своей сути государственниками»²⁰. Философ и публицист И.Л. Солоневич (на которого и ссылается С.В. Лурье) доминанту русского национального характера вообще определил как государственную и говорил о «глубочайшем государственном инстинкте», присущем русскому народу.

***

Итак, исторический опыт вроде бы однозначно свидетельствует, что нашему народу в принципе противопоказано ослабление государственной власти, что он просто обречен жить в сильном государстве, если, конечно хочет сохранить себя и физически, и в качестве самобытной этнокультурной общности. Но в современной России мы уже много лет наблюдаем резкое ослабление государственной власти и ее самоустранение от решения ряда жизненно важных проблем, что имеет, если судить по сообщениям СМИ самой различной политической ориентации, крайне негативные последствия и проявления и в налоговой политике, и в политике миграционной, и в положении дел с

¹⁵ *Столяров А.* Комплекс духовности // Литературная газета. 2010. № 20. С. 13.

¹⁶ *Павловский Г.* Ельцин. Свобода. Стальная дверь. К психиатрии демократического процесса в России // Независимая газета. 2000. 2 февраля. С. 3.

¹⁷ *Антонов М.* Нужен ли Путину третий срок? // Литературная газета. 2006. № 47. С. 3.

¹⁸ Передача Владимира Соловьева «Поединок» на телеканале «Россия 1» 2010. 30 сент.

¹⁹ См.: Литературная газета. 2012. № 4.

²⁰ *Лурье С.В.* Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. Научный альманах. М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток. С. 153.

освоением и сохранением за Россией восточных регионов (где власти, похоже, всё еще надеются, что «рынок всё отрегулирует»), и в положении дел с образованием, наукой, культурой, здравоохранением, и в национальной политике (вернее, в ее отсутствии) и т.д. Но самым негативным из этих последствий и наиболее болезненно переживаемым населением является тот разгул преступности, который происходит последние 25 лет на фоне все большей «либерализации» нашего уголовного законодательства, все большей его ориентации на защиту прав, прежде всего, преступника, а не его жертвы.

Она выражается не только в моратории на смертную казнь, но и в общей тенденции к смягчению наказаний за уголовные преступления, которая обозначилась у нас с конца 1980-х гг., хотя и не была чем-то принципиально новым для нашей истории. «Гуманное» отношение к уголовникам (при жесточайших репрессиях против политических противников и «чуждых классов») поначалу всю демонстрировали большевики. Подоплека такого «гуманизма» даже не скрывалась: уголовные элементы, в отличие от представителей «эксплуататорских классов», были объявлены «социально близкими» к трудящимся и вставшими на преступный путь лишь вследствие невыносимых условий жизни, созданных эксплуататорами²¹. Стоит-де, рассуждали большевики, эти условия изменить и избавиться от пережитков проклятого прошлого, как уголовная преступность исчезнет.

«Либералы», пришедшие к власти в нашей стране в 1990-е гг., с поисками оптимальных путей переустройства общества, похоже, долго не мучились, ибо по сути дела просто слепо копировали «западные» образцы, причем практически во всем — от экономической политики до уголовного законодательства. Ошибки в подходе наших «реформаторов» к модернизации российской экономики (в том числе игнорирование ими менталитета русского общества) уже не раз анализировались в исторической литературе²². Что же касается «либерального» реформирования нашего уголовного законодательства, то тщательный анализ его последствий еще впереди.

Пока же можно предположить, что рассуждали наши реформаторы примерно так: на благополучном и благословенном Западе (в «цивилизованных странах») система наказаний за уголовные преступления намного гуманнее нашей, а уровень преступности ниже. Значит, и нам надо «гуманизировать — либерализировать» систему наказаний. Вот вам и решение проблемы с преступностью. И, похоже, никому из сторонников такого подхода в голову не приходило, что здесь могут быть перепутаны причины и следствие. Что, может быть, система наказаний «в Европах» потому и мягче, что общий уровень преступности там ниже, а не наоборот.

Насколько мне известно, на Западе смягчение уголовного законодательства произошло по историческим меркам сравнительно недавно — после того, как именно системой жесточайших наказаний там было привито уважение к закону, и непримиримость к его нарушениям вошла в кровь и плоть западноевропейского обывате-

²¹ А.И. Солженицын главу своего «Архипелага...», специально посвященную уголовникам, так и назвал — «Социально-близкие» (См.: *Солженицын А.И. Указ. соч. Т. 6. С. 265*).

²² Как, в частности, заметил Ю.П. Бокарев, «у наших реформаторов с начала перестройки не было конкретной национальной концепции модернизации. Они стали на путь подражания западной цивилизации как образца, без учета социо-культурных традиций российского общества. Не было учтено, что западная экономика — результат особых условий развития, не совпадающих с условиями развития России, и поэтому использование ее элементов нуждается в корректировке и адаптации, в том числе и в адаптации к менталитету российского общества» (*Бокарев Ю.П. Исторические традиции в хозяйственном менталитете современной российской деревни // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 133*).

ля. И наказания за те или иные виды преступлений в Европе смягчались *после* снижения их уровня, а не до него. Например, в Германии даже в «тоталитарной» ГДР в 1980-х гг. смертная казнь была отменена просто за ненадобностью — много лет там не совершались преступления, попадавшие под «расстрельную» статью. Но, будучи чрезвычайно озабоченными проблемами экологии, немцы по сей день гораздо более сурово, чем в бывшем СССР и в современной России, карают тех, кто наносит ущерб «окружающей среде», даже если он, с нашей, российской точки зрения, крайне незначительный — в виде выброшенного окурка или пакета.

Вот как, например, выглядит ситуация с борьбой за чистоту и порядок в современной Германии в изложении воронежского журналиста Александра Ягодкина. Он стал вместе со своим немецким коллегой свидетелем обычного на российских трассах хамства: «...Из спорткара впереди водитель выбросил смятую пачку от сигарет. Немец пылко объяснил мне, что дома немедленно сообщил бы на этого типа в дорожную полицию, и на ближайшем посту того взяли бы в такой оборот, что ему небо показалось бы в овчинку. У них там, в Баварии, очень жесткие экологические законы». И привел такой случай: полиция «обнаружила свалку в лесу возле деревушки под Мюнхеном. Недельку полицейские дежурили в спецфургоне, снимали всё на видео, рылись в мусоре в поисках доказательств... и таки нашли виноватых, после чего состоялся громкий процесс, и пощады нарушителям не было». Как пишет А. Ягодкин, «экологические штрафы в Германии сродни публичной казни»²³.

Надо ли доказывать немыслимость подобного в России, где законопослушность никогда не воспринималась массами как безусловная добродетель? Ведь у нас, в отличие от немцев, народ еще в конце XIX в. предпочитал, чтобы его судили «не по закону, а по совести». У нас по сей день бытует поговорка: «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло» (или — более современный вариант — «закон что столб: его нельзя перепрыгнуть, но можно обойти»). «Я с завистью смотрю на железные законы цивилизованных стран Запада», — говорил незадолго до своей кончины наш знаменитый актер М.А. Ульянов. Он сожалел, что «мы не приучены к закону» и привел такую «байку»: «При каких условиях немец, француз и русский прыгнут с моста? Француз — за женщиной, немец — за колбасой, русский — если написано “запрещено”»²⁴.

Продолжая сравнения с Германией, нельзя пройти мимо одного из любимых нашими журналистами сюжетов, касающихся поведения немцев на регулируемых перекрестках. Запрещающий сигнал светофора надолго останавливает на абсолютно пустынной улице толпы добропорядочных бургеров, и если бы только их... Петербургского писателя Андрея Столярова в ночном Любеке преследовали три агрессивно настроенных скинхеда, а далее события приняли неожиданный для него оборот. «Я вышел на перекресток, — рассказывает Столяров, — и зашагал прямо на запрещающий светофор. И что же, вы думаете, произошло дальше? Эти трое парней, увидев тот же красный сигнал, остановились как вкопанные. С точки зрения нормального человека полный абсурд: на километр вправо, на километр влево — ни одной движущейся машины... Полиции... тоже нет. Чего, спрашивается, стоять? И вот три здоровенных лба, вероятно, ощущающие себя крутыми, покорно, как идиоты, ждут, когда им разрешит двинуться дальше тупая электрическая железка. Вот когда я понял, какие мы разные»²⁵.

²³ Ягодкин А. Визит неандертальца // Литературная газета. 2013. № 35. С. 9.

²⁴ Мир новостей. 2012. № 48. С. 23.

²⁵ Столяров А. Указ. соч. С. 13.

Но, пожалуй, полнее всего различия между немецким и русским менталитетом смогли ощутить наши фронтовики. Помню, как поведение немецких и русских солдат во время фронтовых затиший сравнивал сотрудник нашего Института (уже давно, к сожалению, умерший), кавалер Ордена Славы А.И. Юхт. По его словам, если немецкие окопы демонстрировали дисциплинированность и педантичность их обитателей, то наши — разгильдяйство и беспечность. Немцы без особой необходимости и головы не высовывали из-за бруствера, а русские, чтобы не петлять по извилистым ходам, то и дело перебегали из одной траншеи в другую поверху. И только когда убьют кого-нибудь, рассказывал А.И. Юхт, эта беготня на какое-то время прекращалась.

Если же за примерами проявлений тех же свойств русского национального характера идти и далее «в глубь веков», то стоит остановиться на весьма показательном случае, очевидцем которого был упоминавшийся выше дореволюционный философ Н.О. Лосский: «В Петербурге весной таял лед на Неве, и переходить реку по льду стало опасным. Градоначальник распорядился поставить полицейского на берегу Невы и запретить переход по льду. Какой-то крестьянин, несмотря на крики городского, пошел по льду, провалился и стал тонуть. Городовой спас его от гибели, а крестьянин вместо благодарности стал упрекать его: “Чего смотрите?”. Городовой говорит ему: “Я же тебе кричал”. — “Кричал! Надо было в морду дать!”». Современный публицист и литературный критик А.И. Казинцев, комментируя описанную Лосским сцену, пишет: «Иностранцы предпочитают не рисковать без нужды. И вразумление кулаком для них дико. Да только у русского мужика масштаб не тот, он не только на невском льду своевольничает. Так-то, рискуя, прошел он от океана до океана — территорию, на которой уместится вся Европа с Северной Америкой в придачу. При таком размахе необходимо, чтобы его что-нибудь сдерживало. Либо Тихий океан... либо, на худой конец, — тот же городской»²⁶.

Думаю, приведенных примеров достаточно, чтобы понять, как велики различия между «западным» и российским менталитетом и сколь контрпродуктивен механический перенос на русскую почву либеральных подходов к борьбе с преступностью.

Нельзя в той же связи не отметить еще одно обстоятельство: в нашей стране преступный мир никогда не чувствовал, что на его шее пусть медленно, но верно и неуклонно затягивается петля. В борьбе с преступностью российская власть всегда отличалась крайней непоследовательностью. Ужесточения наказаний сменялись послаблениями, преступникам регулярно объявлялись помилования (например, по случаю очередного рождения ребенка в царской семье), в СССР после массовых репрессий проводились массовые амнистии, в дореволюционной России смертная казнь часто заменялась ссылкой в Сибирь и несколько раз отменялась совсем (при Елизавете Петровне, Екатерине II, при Керенском). По этой причине кому-то из уголовников не везло, кому-то «фартило», но такая обстановка всегда позволяла им надеяться на «авось». И если уж анализировать исторический опыт — тот самый, на который любят ссылаться российские «либералы», утверждая, что он якобы подтверждает их тезис о невозможности сократить преступность посредством ужесточения наказаний, то он, исторический опыт, свидетельствует как раз об обратном.

По-моему, первое, что надо было сделать, приступая к реформе нашей правоохранительной системы, так это разобраться с преподаванием истории нашим будущим юристам, ибо они, судя по всему, выходят из стен своих вузов с крайне слабым ее знанием.

²⁶ Казинцев А. Указ. соч. С. 177.

Подтверждением тому, в частности, служат частые ссылки российских юристов на один и тот же «исторический пример». Где-то там «в Европах» публично казнили вора (по одной версии, вешали, по другой — отрубали голову, по третьей — руку), а в это время другие воры чистили карманы зевак, собравшихся к месту казни. Вот, дескать, вам и доказательство того, что жестоким наказанием преступников не запугаешь. Характерно, что при этом ни времени сего действия, ни страны, где оно происходило, не называется.

В ответ на этот, если и не выдуманный, то уж совершенно нетипичный случай (возможно, обусловленный ситуацией, когда доведенным до отчаяния людям уже абсолютно нечего терять), можно привести немало других, ему противоположных и вполне типичных, причем не из «мрачного» средневековья, а из совсем недалекого прошлого. В том числе связанных с наказаниями воров. Так, хорошо известно, что на оккупированной немцами в годы Великой Отечественной войны советской территории практически не было бытового воровства. Поскольку за кражу там расстреливали на месте даже детей, воры вели себя в оккупации тише воды ниже травы²⁷.

А как удалось покончить с бандитизмом после Гражданской войны? Тоже посредством жесточайших мер — главным образом расстрелов. Вот, например, как еще 45 лет назад вспоминал о том времени один из наших ветеранов, читатель «Литературной газеты» М. Грицаенко: «После окончания гражданской войны... на территории... Кировоградской области образовалась банда грабителей. Забирали хлеб, одежду, скот, птицу, были случаи и убийства... Крестьяне в это время были обозлены голодом... и потому бандитов судили быстро и беспощадно... После такого скорого и справедливого суда в тех местах длительное время... не то что грабежей и убийств, а и мелкого воровства не наблюдалось». Жизненный опыт привел ветерана к однозначному выводу: «Хулиганы и воры потому только и распоясываются, что заранее уверены в безнаказанности или малом наказании»²⁸.

Или пример из совсем близких нам времен, но — уже из заграницы. В Сингапуре, совсем было погрязшем в коррупции, теперь ее практически нет. Искоренил ее президент Ли Кван Ю. Каким образом? По сообщениям СМИ, «в Сингапуре была введена презумпция виновности — каждый чиновник, который жил не по доходам и не мог доказать их честное происхождение, отправлялся в тюрьму, его имущество конфисковывалось, а все члены семьи объявлялись персонами нон грата, их не брали в Сингапуре ни на одну работу! Зато благодаря этому возник феномен “сингапурского экономического чуда”»²⁹.

У нас же, при всех разговорах на высшем уровне о коррупции как главной угрозе национальной безопасности, даже на конфискацию имущества разоблаченного коррупционера власти не идут. В декабре 2003 г. статья о конфискации имущества вообще исчезла из уголовного законодательства РФ, а с 2008 г. конфисковать позволено лишь то, что было нажито «преступным путем», а поскольку на практике следственные органы, как правило, провести такую грань не могут, то наворованные миллионы спокойно остаются в семьях коррупционеров, обеспечивая им безбедное существование до конца их дней³⁰.

Некоторые обвиняют нашу власть чуть ли не в покровительстве коррупционерам, но уж это вряд ли: в «имущественных вопросах» (как, впрочем, и в других) она «либе-

²⁷ Об этом, в частности, можно прочесть у А.И. Солженицына (*Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 6. С. 283).

²⁸ Литературная газета. 1968. 18 сент.

²⁹ Мир новостей. 2012. № 18. С. 6; № 21. С. 3.

³⁰ См.: Литературная газета. 2013. № 4. С. 12.

рально» не только к ним. Вот пример из правоприменительной практики, приведенный доктором юридических наук (из числа «консерваторов»), генерал-лейтенантом милиции А.И. Гуровым: «...Возьмите наркобарона: у него особняк за 10 миллионов долларов, построенный “на костях” наркоманов, больных людей. Ты можешь конфисковать у него лишь то, что докажешь, лишь те несколько тысяч, с которыми его взяли с поличным при продаже каких-то граммов наркотиков. А как быть с остальным имуществом, заработанным “непосильным трудом”? Этот вопрос я задал шведскому судье... Он мне ответил просто: мы бы конфисковали всю недвижимость»³¹.

И еще одно сравнение. Во вполне демократической Италии у разоблаченных коррупционеров в последнее время тоже арестовывается все имущество, при этом часть роскошных вилл отдается под больницы, часть продается с молотка, а деньги от продажи направляются на развитие медицины и другую социальную сферу. Туда же идут и арестованные у коррупционеров денежные средства. Результат — большие успехи в борьбе с коррупцией³².

Об эффективных, но совсем не «либеральных» методах борьбы с уголовщиной можно немало почерпнуть и у столь авторитетного автора, как А.И. Солженицын, который неплохо изучил «блатной контингент» за годы пребывания в ГУЛАГе. Вот несколько цитат из самого известного его произведения: «В старой России к рецидивистам-уголовникам была одна формула: “Согните им голову под железное ярмо закона”... Так к 1917 году воры не хозяйничали ни в стране, ни в русских тюрьмах». «От поблажки воры плодятся». «Вора миловать — доброго погубить», — пишет А.И. Солженицын и дает такое объяснение снижению уровня преступности вскоре после Великой Отечественной войны: «Нет, не “перевоспитание” стало ломать хребет блатному миру (“перевоспитание” только помогало им поскорей вернуться к новым грабёжам), когда в 50-х годах, махнув рукой на классовую теорию и социальную близость, Сталин велел совать блатных в изоляторы, в одиночные отсидочные камеры и даже строить для них новые тюрьмы (крытки — называли их воры). В этих крытках или закрытках воры быстро никли, хирели и доходили. Потому что паразит не может жить в одиночестве. Он должен жить на ком-нибудь, обвиваясь»³³.

Поборники «либерализации» («гуманизации») уголовного законодательства традиционно обвиняют своих «консервативных» оппонентов в «сталинизме» («сталинизмом», по их логике, надо, видимо, считать и А.И. Солженицына?), а в качестве доказательств пагубности курса на ужесточение мер по борьбе с преступностью обычно приводят примеры беззакония, грубости и произвола со стороны представителей правоохранительных органов, действительно, нередкие в нашей стране³⁴. Только, какое отношение все это имеет к участвовавшим в последнее время призывам ужесточить уголовное законодательство? Разве в них идет речь об одобрении полицейского произвола и внесудебных расправ?

Доводы «либералов» в этой «дискуссии» не меняются вот уже 30 лет. Во-первых, это ссылки на «гуманность» уголовного законодательства «цивилизованных» стран Запада, о чем у нас уже шла речь. Во-вторых, усиленно распространяемые с конца 1980-х гг. «демократическими» изданиями утверждения, что жестокость по отношению к преступникам вредна обществу, поскольку лишь порождает ответную жесто-

³¹ Там же.

³² Мир новостей. 2012. № 18. С. 6.

³³ Солженицын А.И. Указ. соч. Т. 6. С. 266—276.

³⁴ См., например: Известия. 1988. № 364; Литературная газета. 1989. 1 фев.

кость. В-третьих, давным-давно утвердившийся в нашей юриспруденции постулат, согласно которому высокая эффективность в борьбе с преступностью достигается не суровостью наказания, а его неотвратимостью. И.М. Гальперин, один из разработчиков «либерального» проекта основ уголовного законодательства (того, что, в конце-концов, и был принят в нашей стране), вообще утверждал, что, в отличие от политики жестокого закручивания гаек, «гуманизм уголовного права... практичен»³⁵.

Теперь, по прошествии двух десятилетий, у нас есть возможность оценить эту «практичность» и выяснить, уменьшилась ли жестокость в нашем обществе после «гуманизации» нашего уголовного законодательства. Не будем останавливаться на отдельных примерах типа кровавых событий в станице Куцевской в 2010 г. (они ведь могут быть «нетипичными»), обратимся к криминальной статистике — особенно касающейся той части преступлений, которые труднее всего скрыть от учета³⁶.

В 1988 г., когда в наших СМИ уже всюду развернулась кампания за «смягчение» уголовного законодательства, включая отмену смертной казни, в СССР было совершено 16 710 умышленных убийств, что на 14% превысило уровень 1987 г. (т.е. тенденция обозначилась). А через 10 лет, в 1997 г., в одной лишь РФ было совершено 29 406 умышленных убийств³⁷. Это — в целом по стране, а если взять отдельные регионы. Вот как, например, охарактеризовал заместитель прокурора Московской области Вячеслав Шульга криминальную обстановку на подведомственной территории в начале 1990-х гг.: «Впервые в 1991 году в Московской области был перейден рубеж пятидесяти тысяч преступлений. В нынешнем (1992. — *Н.Н.*) году за одиннадцать месяцев уже зарегистрировано более семидесяти двух тысяч преступлений. Примерно такие же показатели и по России в среднем... Жизнь человека стала слишком дешево цениться. В прежние годы число убийств было где-то рядом с цифрой 300. А в этом году мы уже имеем более 800 умышленных убийств. Если взять десятилетие, то увеличение стало троекратным»³⁸.

А в 2012 г., по словам советника министра внутренних дел В. Овчинского, наша страна стала «по количеству убийств... впереди планеты всей и даже опередила США, причем в пять раз»³⁹. «Что толку гнаться за Европой? — пишут журналисты Игорь Минаев и Андрей Князев. — Там в целом на 100 тыс. человек совершается 1,3 убийства. В России этот показатель на порядок выше (11,2 на 100 тыс. населения). По абсолютному числу таких преступлений Россия даже обогнала США, несмотря на то,

³⁵ Известия. 1989. № 38.

³⁶ Корни такого явления, как сокрытие преступлений от учета, уходят в советское прошлое, в «период застоя», ибо тогда работа правоохранительных органов оценивалась «от обратного»: считалось, что чем меньше на подведомственной данному отделению милиции территории совершено преступлений, тем, значит, лучше оно работает. Несмотря на многочисленные официальные осуждения такой практики, она существует и по сей день. Советник министра внутренних дел, ветеран милиции Владимир Овчинский летом 2012 г. в одном из интервью сказал, что за 20 последних лет МВД «потонуло в вилке вранья»: «Нам все время вали с трибун, говорили, что преступность падает. А на самом деле она выросла за 12 лет на 80%». Как сообщил В. Овчинский, в 2011 г. «граждане написали в милицию 24,5 млн заявлений, а уголовных дел завели всего лишь 2 млн!» (*Сигида А.* 129 россиянин на одного полицейского. У кого больше? // Мир новостей. 2012. № 28. С. 6); см. также: *Ларин А.М.* Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. 1999. № 4. С. 83—89.

³⁷ *Стешенко Л.А.* Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X—XXI вв. М., 2002. С. 315.

³⁸ Подмосковье. 1993. № 1.

³⁹ Мир новостей. 2012. № 28. С. 6.

что вдвое уступает им по численности населения. В США на 100 тыс. населения приходится 5 убийств»⁴⁰.

И это, замечу, при том, что данные о количестве убийств в России явно занижены: некоторые проходят по графе «пропали без вести», некоторые нашим «органам» удается (для «улучшения статистики») представить как несчастные случаи, суицид или же подвести под издевательскую над «потерпевшей стороной» и самым здравым смыслом статью, по которой преступники, забившие человека до смерти бейсбольными битами или ногами, обвиняются не в убийстве с особой жестокостью, а лишь в «умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности (! — *Н.Н.*) смерть». Это ли не наглядный пример того, как гуманизм по отношению к преступникам оборачивается жестокостью по отношению к их жертвам.

Инициаторы и поборники осуществленной «либерализации» уголовного законодательства, похоже, не чувствуют своей ответственности за разгул криминала в нашей стране и за тысячи загубленных в его результате жизней, а рост преступности обычно объясняют изменением социально-экономического положения в РФ («переходный период!»). «Рыночные отношения и демократический режим упразднили те репрессивные плотины, которые сдерживали потенциал преступности, — полагает доктор юридических наук Л.А. Стешенко. — Все, что теплилось в зачаточном состоянии, вырвалось как джин из бутылки. Государство, проводя экономические реформы, легализуя предпринимательство и свободную торговлю, оказалось неготовым к разгулу преступности. Правонарушения и преступность в России становятся национальным бедствием и проблемой национальной безопасности»⁴¹.

Пусть так. Почему же ответом на резкий всплеск преступности стало не адекватное ужесточение мер по борьбе с ней, а, напротив, их «либерализация»? Корни преступности, действительно, всегда социальны — спора нет. Но разве не от состояния правоохранительной системы, не от уголовного законодательства и правоприменительной практики зависит, достигнет ли преступность своего максимума или будет сведена к минимуму?

Отдельный разговор о *неотвратимости* наказания как наилучшей гарантии успешной борьбы с преступностью. Этот тезис постоянно противопоставляется призывам к ужесточению наказаний. Помнится, в СССР он считался «ленинским» (и, видимо, поэтому не допускалось ни малейших сомнений в его верности и универсальности), но, судя по недавним высказываниям представителей нашей верховной власти, находится на ее вооружении до сих пор. Правда, в последнее время ей пришлось кое в чем отступить от него — *ужесточить* наказания за педофилию, за пьяное вождение и т.п. Не пора ли, однако, открыто признать утопичность, практическую нереализуемость этого «теоретически верного» постулата? Уже потому хотя бы, что он предполагает 100%-ю раскрываемость преступлений, чего никогда нигде не достигалось и в обозримой перспективе быть достигнуто не может (сейчас в нашей стране нераскрытыми остаются почти половина всех преступлений⁴²). Старая истина: «удлинится меч — укрепляется щит». Преступный мир отвечает на успехи кри-

⁴⁰ Минаев И., Князев А. Убийцы в наших тюрьмах почитывают книги и смотрят ТВ // Мир новостей. 2013. № 5. С. 2.

⁴¹ Стешенко Л.А. Указ. соч. С. 315.

⁴² Об этом заявил президент РФ В.В. Путин, выступая 8 февраля 2013 г. на ежегодной коллегии МВД (Коммерсантъ. 2013.9 февр. С. 2) Ранее те же данные о раскрываемости преступлений привел Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка (<http://politrebout.ru.spor/945>)

миналистики своими, все более изощренными и более «профессиональными» приемами. Л.А. Стешенко, в частности, отмечает такие «качественные характеристики» современной преступности, как «высокая степень организованности, криминальный профессионализм, вооруженность, укрепление межрегиональных и международных связей»⁴³. Так не разумнее, не продуктивнее ли пойти в борьбе с обнаглевшим от безнаказанности криминалом другим, давно испытанным путем: усилить ответственность за преступления настолько, что сделать для абсолютного большинства совершающих их абсолютно неприемлемым риск возможного наказания?

Прямая связь между послаблением криминалу и ростом преступности в нашей стране уже давно проводится в литературе. Так, еще А.И. Солженицын писал, что «ворошиловская амнистия 27 марта 1953 года в поисках популярности у народа затопила всю страну волной убийц, бандитов и воров, которых с трудом переловили после войны»⁴⁴. Это событие, озаглавленное освобождением 1,2 млн преступников, хорошо проиллюстрировал фильм Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего», вышедший на экраны в 1987 г., имевший успех, но так и не повлиявший на решимость нашего руководства продолжать практику массовых амнистий. Очередной «акт высшей государственной милости» состоялся в том же 1987 г., и о последствиях его недавно с болью вспоминал писатель и журналист Валерий Рокотов: «Уличные убийства, грабежи и разборки стали тогда привычны. Это были плоды амнистии 1987 года, когда на свободу выпустили более 700 тысяч преступников»⁴⁵.

Непонятный «широким массам» гуманизм проявляется даже по отношению к «чуме нашего времени» — терроризму. На Северном Кавказе борьба с ним ведется вот уже два десятилетия, и конца-края ей не видно. Более того, в сообщениях о терактах стали фигурировать и другие регионы, в частности недавно еще относительно мирный Татарстан. Хотя официально не раз говорилось, что «международный терроризм объявил нам войну», ответные действия наших властей далеки от веками выработанных представлений о том, как должно действовать государство в условиях войны. На территориях, где хозяйничают террористы, никогда (даже в ходе обеих чеченских кампаний) не вводилось военное положение, не создавались военно-полевые суды, а пособникам боевиков у нас грозит наказание максимум два года лишения свободы (именно такой «срок» предусмотрен нашим законодательством за укрытие лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления).

Несмотря на то, что терроризм в РФ искореняется с постоянной оглядкой на «либеральную общественность», она все равно недовольна, все равно считает, что в этой борьбе используются «неадекватные меры» и, в частности, вопреки мораторию, фактически применяется смертная казнь — когда в ходе спецопераций боевики уничтожаются «без суда и следствия»⁴⁶. Видимо, наши правозащитники считают, что отстреливающихся бандитов надо, не считаясь ни с какими потерями, брать только живьем. Мы вновь, таким образом, вынуждены вернуться к вопросу: чья жизнь для поборников «либерализации» уголовного законодательства дороже — преступника или его жертвы?

Такая их позиция порой выводит из себя даже близких к либеральным кругам интеллектуалов. Так, известный литературный критик и культуролог Лев Аннинский

⁴³ Там же. С. 316.

⁴⁴ Солженицын А.И. Указ. соч. Т. 6. С. 268.

⁴⁵ Литературная газета. 2012. № 50. С. 10.

⁴⁶ Мнение В. Рыжкова и К. Москаленко, «озвученное» на радио «Эхо Москвы». 2011. 20 мая.

по поводу стенаний «правозащитников» о «нарушениях прав человека» на Северном Кавказе заявил: «Засолите их (права человека. — *Н.Н.*) до очередной мирной передышки. А то будет так: “права” есть, а человека уже нет»⁴⁷.

Возражая сторонникам ужесточения уголовного законодательства, наши «либералы» обычно говорят: «Наказание должно быть не жестоким, а справедливым». Кто бы спорил! Только где они видят критерий этой самой справедливости? Кому, по их мнению, дано определять, какое наказание для преступника справедливо (т.е. соразмерно содеянному), а какое нет?

Прекрасно сознавая, что абсолютное большинство наших сограждан ратует за ужесточение наказаний для уголовников (результаты соцопросов давно не оставляют в этом никакого сомнения), поборники «гуманизации» (такие, например, как профессор А.М. Яковлев) заявляют, что при совершенствовании уголовного законодательства надо учитывать мнение не «арифметического большинства» населения, а лишь его «духовных лидеров»⁴⁸. Такая вот получается демократия! Однако дело здесь в отношении не столько к принципам демократии, сколько к историческим реалиям, о которых шла речь выше. И если, например, большинство народа считает самой соразмерной мерой наказания за умышленное убийство «с отягчающими обстоятельствами» расстрел, то на данном этапе исторического развития данного общества это и будет высшая для него мера справедливости. Пусть «арифметическое большинство» выслушает все мнения о смертной казни, но окончательное решение должно оставаться за ним, ибо именно ему, «арифметическому большинству» народа, а не его «духовным лидерам» приходится расплачиваться за принятое решение, прежде всего и самым непосредственным образом.

Наши СМИ вот уже 25 лет убеждают народ, что между ужесточением наказаний и снижением преступности нет и быть не может никакой связи, но убедить все никак не могут, ибо житейский опыт народа свидетельствует как раз об обратном. Почему с недавних пор на переходах «зебра» водители стали пропускать пешеходов? Потому что за нарушение ПДД резко увеличили штрафы. Почему терроризирующая весь микрорайон банда подростков затихла? Потому что ее главаря после долгих «воспитательных бесед» и бюрократических проволочек, наконец-то, надолго отправили в колонию. Типичная ситуация, опровергающая «либеральные» разглагольствования о «практичности» уголовного «гуманизма».

Испокон веков лишь разделяемое большинством народа мнение о справедливости кары гарантировало ее эффективность в борьбе с преступностью. Современному человеку, конечно, кажутся дикими древние кодексы законов, предусматривавшие буквальное соблюдение принципа «око за око» и «зуб за зуб». Однако эти законы были единственно приемлемыми для своего времени и принявшего их общества, рассматривались им как естественные и в высшей степени справедливые. В противном случае они не выполнили бы главного своего предназначения: не навели бы в раннеклассовом обществе элементарного правопорядка, пришедшего на смену «войне всех против всех», не вытеснили бы, в частности, обычая кровной мести (само-суда, по современной кодификации).

Нас ужасают средневековые казни, но какими иными способами в ту «мрачную эпоху» было можно сдерживать преступность и дать хоть какие-то гарантии личной

⁴⁷ Независимая газета. 2004. 3 окт. С. 2.

⁴⁸ Литературная газета. 1989. 1 февр.

безопасности населению? Ведь обычные в современной уголовной практике «меры пресечения» не воспринимались бы нашими неизбалованными комфортом предками как «жестокое наказание», необходимое для того, «чтоб на то глядя, иным неподводно было так воровать». Может быть, в будущем, когда жизненные стандарты еще более возрастут, а нравы людей еще более смягчатся, самым страшным и единственным мыслимым наказанием за любой проступок останется «общественное порицание». Может быть. Но сейчас нам до этого очень далеко. Вспомним реакцию наших сограждан на приговор суда «норвежскому стрелку» Брейвику, хладнокровно убившему более 70 человек (21 год пребывания в отдельной 3-х комнатной камере «гостиничного типа» с телевизором, компьютером и прочими благами цивилизации).

Как заметил популярный теле- и радиоведущий Владимир Соловьёв, лишь тогда наш народ будет считать справедливым содержание преступников в условиях трехзвездочного отеля, когда сам будет жить в условиях отеля пятизвездочного⁴⁹. А вот, например, какими аргументами оперируют у нас сторонники отмены моратория на смертную казнь: «...Пожизненно заключенные не работают. Они пользуются не парашей, а унитазом, вкушают трижды в день полноценную пищу, слушают радио, читают газеты, иногда даже смотрят телевизор. Все это им обеспечивает государство, в том числе те, кто осиротел по вине этих нелюдей. Матери и отцы оплачивают пребывание в тюрьме убийц своих детей... Америка не спешит отменять смертную казнь — она присутствует в законодательстве 33 штатов из 50... А мы стесняемся, предпочитаем за счет налогоплательщиков содержать убийц за решеткой. Получается, их права защищены лучше, чем права их жертв. Справедливо ли это?»⁵⁰. Ну, а если ознакомиться с аналогичными мнениями, выложенными в Интернете⁵¹, то не приходится удивляться случаям (чаще, впрочем, попыткам) самосуда, нет-нет да появляющимся в сообщениях СМИ.

Правовой нигилизм народа — притча во языцех у наших социологов и юристов. Но как этому нигилизму не быть, если множество ныне действующих законов не находит понимания и поддержки у народа? Кроме того, может ли народ уважать власть, если она проявляет беспомощность в борьбе даже с мелкими правонарушениями? Так, хорошо известно, что большинство трудовых мигрантов пребывает на территории РФ незаконно, но наши власти не только с этим смирились, но уже готовы и далее смягчать миграционное законодательство. Фальшивые дипломы о высшем образовании открыто продаются в метро, их можно легко заказать через Интернет, правоохранительные органы об этом прекрасно знают, но ничего сделать то ли не хотят, то ли не могут.

Или вот еще пример. Отказ от перехода с плоской шкалы подоходного налога на прогрессивную (обычную для развитых, «цивилизованных» стран), наши власти объясняют неизбежным в таком случае утаиванием богатыми людьми своих доходов. Это ли не показатель слабости нашего государства, его бессилия в борьбе с преступлением, считающимся во всем мире одним из самых опасных и потому весьма сурово наказываемым?

Заместитель прокурора Московской области Вячеслав Шульга так оценил последствия «либерализации» нашего уголовного законодательства в 1990-х гг.: «По-

⁴⁹ Радио «Вести — FM. 2012 г.», декабрь.

⁵⁰ Минаев И., Князев А. Указ. соч. С. 2.

⁵¹ <http://mosadvokat.org/moratorij->; www.rg.ru/sujet/1338/index.html.

правки, внесенные в Уголовный кодекс России, и то, как их трактуют в судах, позволяет говорить о насилии над здравым смыслом. Дав дополнительные права для защиты обвиняемого, что было скорее данью моде, чем логическим завершением каких-то внутригосударственных процессов, мы сделали потерпевшего самой бесправной и беззащитной фигурой в процессе. Если не принять экстраординарных мер государственного масштаба, то рост преступности будет продолжаться такими же темпами. В какой-то момент «критическая масса» преступности перейдет в иное качество, как в цепной реакции, и начнет серьезно влиять уже не на отдельных людей, а на государство и политику в целом. Задет будет почти каждый человек, и результатом станет социальный взрыв. И тогда уже, как мы знаем из истории, общество вынуждено будет применять чрезвычайные меры. И там о законности и правах личности можно будет говорить очень относительно»⁵².

Что ж, сценарий вполне вероятный, но далеко не самый пессимистичный из возможных. В любом случае, непринятие жестких, соответствующих представлениям народа о справедливом возмездии мер к лицам, совершающим тяжкие уголовные преступления, чревато для нашей страны большими бедами. Ведь если наши сограждане видят, что преступники всё больше наглеют, что даже получивший «срок» уголовник не несет того наказания, которое, по их мнению, заслуживает, то начинают тосковать по «твердой руке», способной навести в стране порядок. Разве не симптоматично, что в России на губернаторских выборах любой отставной генерал практически всегда набирает больше голосов, чем его соперник из числа штатских. Избиратели надеются (пусть и напрасно), что уж генерал-то приструнит преступников.

Что делать. Массовому сознанию россиян свойственны ригоризм, этатизм и патернализм. Многим «духовным лидерам нации» это может не нравиться, но, как говаривали прежние государи, «других подданных нам не дадено». Именно с таким «человеческим материалом» придется иметь дело нашим правителям и в обозримом будущем, так что и далее игнорировать его ментальность было бы недальновидно и даже преступно.

Ведь если, используя возмущение народа уголовным беспределом, кто-то в нашей стране попытается установить диктатуру, то наверняка получит массовую поддержку. И тогда мало не покажется никому — ни «либералам», ни «консерваторам». У нас же всегда так: если уж «либерализация», то послабления делают прежде всего для уголовников (вспомним хрущевскую «оттепель»), а если «наводится порядок», то «гайки закручивают» — по отношению к «инакомыслящим». Хотелось бы надеяться, что этот заколдованный круг пока еще можно разорвать, с тем чтобы блага «гуманизации» раздавались нам более дифференцированно — в соответствии с представлениями большинства о справедливости.

---

⁵² Подмосковье. 1993. № 1.

Советский Союз: еще раз к вопросу о национальном ответе

Объявленный годом российской истории 2012 г., оказался богат на юбилеи и похожие на них даты, которые явно не были в поле зрения тех администраторов, в чьи головы пришла, в общем-то, разумная идея привлечь внимание российской общества к теме исторического наследия. Заканчивающийся год вместил в себя и 1150-летие российской государственности и 200-летие Отечественной войны 1812 г., и «400-летие освобождения Москвы от поляков» (*а на самом деле завершения одного из этапов гражданской войны в России эпохи Смутного времени*).

Забытыми оказались события не такого далекого прошлого: 95-летие Октябрьской революции, и 90-летие высылки российской интеллигенции на «философском пароходе», годы Великого голода начала 1920-х гг. и 1922-й — год разгрома Русской православной церкви, 75-летие Большого террора и других дат советского периода отечественной истории. Подобная избирательность — свидетельство глубокого кризиса исторического, а значит, и общественного сознания в целом.

Забыли и про 90-летие создания СССР. Тем не менее, обратиться к этой теме сегодня необходимо не только из-за юбилейного характера даты, но и по причине происходящего и в мире, и в России мощного всплеска национализма, актуализирующего любой исторический опыт в сфере регулирования национальных отношений. Как правило, современные исследователи связывают рост национализма с процессом глобализации, на который большинство не только традиционных обществ, но и тех, кто в наших представлениях устойчиво находится в эпохе модерна или даже постмодерна, отвечают националистическим выплеском.

Нельзя не обратить внимание, что и столетие назад ситуация складывалась похожим образом. Многие европейские страны в начале XX в. столкнулись с подъемом национализма и вызовом со стороны его приверженцев. Некоторые ученые полагают, что именно срыв начальной стадии процессов глобализации на заре XX в. привел к националистической реакции¹. Во всяком случае, произошедшие в результате Великой войны и революционных катаклизмов развал многонациональных империй и образование многочисленных новых национальных государств во многом напоминают нам процессы последних двух — трех десятилетий.

И именно правительство одного из таких вновь созданных государств (РСФСР, а затем СССР) ответило на вызов националистов целостной политикой, последовательно развивавшей национальное самосознание этнических меньшинств и создававшей множество форм, институционализирующих новые национальные идентичности, целенаправленно создаваемые сверху. Эта политика в некоторых современных западных работах емко и вызывающе названа «положительной деятельностью».

В этом определении, конечно, содержится антитеза традиционному подходу, квалифицирующему Советский Союз как традиционную (или не вполне традици-

¹ Рогов С.М. Нация — государство в XXI веке // НГ-сценарии. 2012. 25 сентября.

онную — не важно) империю, ставшую в основных чертах продолжением империи досоветской. Однако сегодня далеко не все авторы готовы повесить на СССР ярлык империи, даже и не традиционной. Еще в конце 1960-х гг. впервые было обращено внимание на то, что отношения между центром страны и ее окраинами в смысле экономической эксплуатации трудно назвать «колониальными» (Ноув и Ньют).

Итак, процесс деколонизации в мировом масштабе представлялся новому революционному истеблишменту необратимым. Кроме того, специалисты уже обратили внимание на то, что право наций на самоопределение провозгласили не только большевики. В. Вильсон, например, придерживался сходной позиции, что не было тайной для советского руководства. Большевикам этот лозунг представлялся лишь промежуточным этапом на пути к всемирной республике Советов. Не допустить реального отделения, провозглашенного формально, было возможно лишь на пути интенсивной поддержки всех форм самоопределения. К выработке такой политики и приступили большевистские лидеры вскоре после окончания Гражданской войны.

Но до этого момента молодое Советское государство использовало вполне традиционные методы. Не случайно, политика большевиков на национальных окраинах бывшей Российской империи в этот период нередко квалифицируется именно как колониальная, не позволяющая усмотреть никакой особой разницы ни в обоснованиях, ни в практике, ни в методах реализации по сравнению с современными им практиками третируемых колониальных империй². *Правда*, это был довольно короткий период силового подавления национальных движений, но не по национальному, а по социальному признаку — противостояния новому порядку. Нам важно структурировать исторический процесс, не распространяя на весь советский период характерные особенности каждого из хронологических отрезков. Вообще, для всего советского периода на первом плане всегда стояло именно социальное конструирование, в том числе и по национальному вопросу. Причем, оно могло принимать позитивную форму положительной деятельности или форму негативного вмешательства (*казаки Дона и Терека 1919—1920 гг., устранение бандитов из Чечни в 1925 г., депортация народов в годы Великой отечественной войны*).

Столкнувшись в период революции и Гражданской войны с повсеместными проявлениями национализма, Советское государство, персонифицированное фигурами В.И. Ленина и И.В. Сталина, совпавшими в своем понимании национальной проблематики, реагирует на него, во внутрипартийных дискуссиях подтверждая целесообразность следования курсу на ограниченное право национального самоопределения, приняв политику, предназначенную для его (национализма) поощрения и создавая не только десяток крупных национальных республик, но и десятки тысяч национальных территорий, разбросанных по всему СССР, многие из которых состояли из нескольких деревень (Шейфер, Мартин). Поняв реальность националистической угрозы, Ленин и Сталин по выходе из Гражданской войны сознательно стараются создать антиимперское государство.

Форсированными темпами выращиваются национальные элиты, национальные языки становятся официальными языками власти, создаются многочисленные письменности, не существовавшие ранее. Всячески поощряется развитие культуры

² См., напр.: Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 165—166.

на национальных языках. С 1923 г. проводится коренизация кадров — насаждение новых национальных элит на руководящие посты в правительствах, на предприятиях, в школах и т.д. Теоретически большевики полагали, что национальное сознание и национальные формы организации социальной жизни — это та необходимая фаза развития, которую должны пройти «отсталые» народы на своем пути к пролетарскому интернационализму. Становление новых наций стало ассоциироваться с историческим движением вперед.

Исследователи Ю. Слезкин, Р. Суни и другие показывают, что власть большевиков, несмотря на «интернационалистские претензии, помогла не только предотвратить вымирание наций, но даже создать их там, где их никогда не существовало». Ничего похожего нигде в таких видах и масштабах не предпринималось. Специалисты говорят, что лишь в Индии подобная деятельность достигла такого же размаха, но существенно позднее — в 1950-х гг., да отчасти справедливой представляется аналогия с усилиями Франции переделать Алжир.

Сопряжение национальной и внешней политики было еще одним фактором становления новой утвердительной деятельности большевиков. Позитивная национальная политика — положительный пример нациям, «угнетаемым мировым капиталом», который должен был служить оружием советской экспансии. Особенное значение придавалось нациям, разделенным советской границей. Очень скоро, однако, эти же нации, а вместе с ними и большевистские лидеры оказались перед вызовом победившего в Центральной и Восточной Европе национализма, приведшего к созданию национальных государств. Ответом на этот вызов стала репрессивная политика Советского государства по отношению к ряду национальных меньшинств, выразившаяся в ряде национальных операций конца 1930-х гг. и первых послевоенных лет.

В конечном итоге формируется государство, названное в работах Т. Мартина «империей положительной деятельности». Происхождение этого понятия известно — для этого используется один из современных американских терминов для политики, отдающей предпочтение членам этнических групп, страдающих от прежней дискриминации. Почему все-таки империя? Р. Суни настаивает, что проекты помощи «отсталым» колониальным культурам в «развитии» — это типичный ход отживающей империи.

Однако, масштаб реализуемой в СССР положительной деятельности, описанной в работах ряда исследователей, на самом деле таков, что ставит под вопрос оправданность безоглядного применения к Союзу ССР того периода самого термина «империя». При том, что большинство ученых настаивает именно на такого рода словоупотреблении, а сам автор этого термина, например, в одной из своих работ называет Советский Союз «высшей формой империализма». Автор концепта всячески подчеркивает отличие своего подхода от традиционного, отрицая принадлежность СССР к ряду традиционных империй.

Именно положительная деятельность и структурировала СССР как многоэтническое государство, или, если хотите — «государство наций». Такого рода политика советской власти до сих пор вызывает недоумение у некоторых зарубежных коллег (*например, Даглас Нортрон, констатируя тот факт, что самая прямая ответственность за формирование «наций» в СССР в современном смысле лежит на большевистских вождах первых лет существования Советского государства, называет этот факт «странным»*).

Главным автором процесса национального строительства после смерти Ленина становится Сталин, многократно настаивавший на проведении политики максимального развития национальных культур. Осуществлялась эта политика формирования современных наций, в том числе, через целенаправленное административно-территориальное размежевание. Так, например, разделение советского Туркестана в 1924—1925 гг. привело к созданию полудюжины новых наций. А ведь узбеки и туркмены никогда не жили в отдельных государствах, между киргизами и казахами никогда не было существенных различий. Чувство национальной идентичности каждой из этих новых наций — это то, что оставила советская власть в наследство бывшим колониальным народам Российской империи.

При размышлении о советском опыте национального строительства неизбежно возникает тема «непреднамеренных последствий» реализации тех методов и принципов, которые были выбраны Коммунистической партией для того, чтобы принести «прогресс» на национальные окраины. Так, насаждение частной национальной идентичности и ее осознание субъектами этой идентичности очень быстро привели ее носителей к культивированию последней и ее противопоставлению — общесоветской. Что, разумеется, не входило в планы большевистского руководства. Кстати сказать, к числу таких последствий следует отнести и результаты в целом успешного национально-территориального размежевания, во многом обеспечившего почти безболезненный распад Союза в начале 1990-х гг.

Важнейшими из числа таких непреднамеренных последствий стали и результаты политики по «русскому вопросу». Первоначально, русские оказались под ударом так называемой позитивной дискриминации (как это называет, например, Мартин). Русская культура была заклеена как культура угнетателей, борьба с великодержавным шовинизмом надолго определила поведение высших органов партии большевиков. Коренизация во многих случаях привела к вытеснению русских из сфер управления в местах традиционного их проживания, не была создана собственная коммунистическая партия. Русским не была предоставлена собственная территория в виде национально-территориального образования, более того, в ряде случаев они ее лишились территории. Яркими примерами тому служат переселение в 1920—1921 гг. казаков на Северном Кавказе из мест традиционного проживания (и замена их горцами) и аналогичный процесс в Туркестане. Не случайно, положительная деятельность большевистского руководства с самого начала наталкивалась и на неприятие со стороны того самого пролетариата, в который должны были вливаться новые национальные отряды рабочего класса, целенаправленно формируемого сверху. Известен инцидент 31 декабря 1928 г. на строительстве Турксиба (в Сергиево-Половском), когда 400 русских рабочих устроили погром в отношении казахских, который власти жестко подавили, расстреляв вожаков. Подобная акция по отношению к защите прав ранее угнетенного меньшинства, конечно, придает респектабельный вид национальной политике режима, но и выявляет системные противоречия, которые последний так и не сумел разрешить.

В начале 1930-х гг. Сталин совершает поворот в национальной политике: сокращено количество самостоятельных национальных территорий, дезавуирована актуальность «принципа главной опасности», имея в виду русскую великодержавность (точкой отсчета становится постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1932 г. с осуждением ошибок украинизации), пресечены насильственными методами крайности коренизации.

Русские становятся «первыми среди равных» в семье советских народов, а русский язык настойчиво внедряется наряду с местными языками. Но этот поворот не был поворотом к русификации. Вплоть до смерти Сталина продолжалась политика обязательного национального языка и обязательного посещения школы на родном языке.

Апелляция к «русскому», реабилитация традиционной русской культуры и восхваление русских как ведущей национальности становится доминантой в период Великой отечественной войны.

Судя по всему, согласно представлениям большевистского руководства (прежде всего Сталина), изначальная стратегия по созданию государства наций с расхолаживанием русского национального самосознания не справилась с задачей государственного строительства или, быть может, перестала отвечать задачам дня. Напомним, что именно со Сталиным связан курс 1930-х гг. на построение социализма в отдельно взятой стране, сменивший курс начала 1920-х гг. — на мировую революцию и построение всемирной республики Советов.

После победы над нацистской Германией руководство СССР утвердилось в мысли, что основная задача — строительство великой державы, призванной играть ведущую роль в мире. Идея мировой революции была похоронена окончательно и бесповоротно. Приобретение и сохранение статуса великой державы становятся едва ли не главенствующей задачей, на реализацию которой направлены и внешняя, и внутренняя политика. Представляется, что именно в этот короткий отрезок времени — от окончания Второй мировой войны до смерти Сталина — и нарождается новая идентичность СССР с явными элементами имперского.

Насажение Сталиным великорусского державного шовинизма, призванного выполнять функцию одного из инструментов этой имперской политики, становится едва не доминантой политики внутренней. Восстановление русских во второй половине 1930-х гг. не только как восхваляемой нации, но и нации структурообразующей привело к тому, что централизованное (а отнюдь не федеративное формально) государство стало восприниматься на субъективном уровне как реинкарнация русской великодержавной империи (вспомним, хотя бы, о более поздней практике преимущественного назначения вторыми секретарями органов управления ВКП(б)-КПСС в национальных образованиях именно русских). Репрессии, направленные на народы СССР, затронули небольшой процент нерусских, но стали восприниматься как проявление имперского императива.

Хрущев и Брежнев покончили со сталинскими эксцессами негативного вмешательства в области социального конструирования национальных отношений. Хотя и здесь советские лидеры не пошли до конца, отказав крымским татарам, немцам и туркам-месхетинцам в возвращении на родину. Русские остались старшими братьями, все активнее культивировалась великорусская державность, а русификаторское давление при этом возросло. С другой стороны, продолжалась политика стимулирования развития нерусских идентичностей и громадной по своим размерам дотационной поддержки большинства национальных республик.

Режиму не хватило интеллектуальных ресурсов вовремя осознать вызовы со стороны национализма, в 1960—1970-е гг. уже отчетливо выразившегося, в том числе, в коренизации снизу. Советское государство все больше воспринималось на субъективном уровне как государство имперское.

В еще большей степени имидж империи Союзу придавала его внешняя экспансионистская политика послевоенного периода. Но устремления партийно-го-

сударственной верхушки, конечно, не сводились к вульгарному территориальному экспансионизму. Имперские устремления, если их и можно так назвать, были по-прежнему замешаны на мессианской идее осчастливить социализмом народы, территориально, экономически или политически зависимые.

В одной из недавних работ дано определение этой политики как революционно-имперской³. Но, даже определяя такую политику как имперскую, исследователи продолжают говорить о ее двойственности, сопрягавшей милитаризм и империализм не только с марксистскими догматами, но и с реальными шагами по оказанию «братской помощи», призванной способствовать приближению конечной цели — торжеству коммунизма.

Эта внутренняя двойственность, противоречивость, наличие сильного идеалистического компонента — социализма/коммунизма как земли обетованной для всех народов и практики достижения этого идеала и на внутренней, и на внешней арене — стали сильнейшим дестабилизатором устойчивости СССР.

«Самая необычная империя в современной истории» (В. Зубок) действительно «совершила самоубийство» (Л. Тер-Петросян), покончила с собой руками, в равной степени и Горбачева, и членов ГКЧП, так и не решившихся в целях достижения тех или иных моделей развития на применение силы — главного имперского инструмента и атрибута.

Царская Россия не смогла выработать национальную идентичность, независимую, или точнее покрывающую религиозные, династические или государственные идентификации, наличие которых во многом и привело к краху империи в годы Первой мировой войны.

Похожим образом дело обстояло и в конце XX в., когда Союз ССР рухнул под напором возвращенных центральным правительством национализмов, полностью или частично вызревших в недрах государства наций, поскольку идеологический конструкт «советский народ» так и не стал покрывающей их идентичностью.

---

³ См.: В. Зубок. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 487.

В.Т. Третьяков

Советский Союз: генезис и феноменология (тезисы выступления)

Благодарю организаторов конференции за приглашение принять участие в ее работе, и особенно за возможность выступить с отдельным докладом в собрании профессиональных историков. Я понимаю, что очень рискую, представляя свои идеи перед специалистами, всю свою жизнь посвятившими изучению и осмыслению истории. Рискую быть не понятым, не услышанным и даже проигнорированным. Думаю, что так и случится. Ко всему этому я готов.

Тезис первый. Тем не менее, я утверждаю, что исторический материал советской эпохи нуждается не столько в изучении (в том числе и через раскрытие архивов), сколько в переосмыслении. Уже известного достаточно для такого переосмысления. Услышанные мною на этой конференции доклады подтверждают это — и уже известное историкам дает достаточно материала для того, чтобы сделать «новые выводы из старых фактов».

Тезис второй. Мои личные попытки неканонического (а чей тут канон, задам попутный вопрос, на который потом попутно же отвечу) осмысления советского периода **великой русской истории** связаны, прежде всего, с двумя причинами. Первая: мне категорически надоело выслушивать псевдонаучные, но даже в науке распространенные мифы о том, что 74 года нашей истории в XX в. были какой-то черной дырой в истории или историческим тупиком. Вторая: еще больше мне надоело восприятие нашей истории в рамках все и всех, особенно молодые поколения, побеждающей теории «догоняющего развития», а проще и честнее говоря — теории «постоянной отсталости» России. Никакой научной ценности эта теория не представляет. Разве что для психиатров, специализирующихся на изучении комплекса неполноценности и методов его наведения на потенциально здоровых молодых людей.

Тезис третий. Перечислив, только перечислив, несколько, на мой взгляд, актуальнейших и содержательных тематических направлений изучения феноменологии Советского Союза, я более или менее подробно коснусь двух из них, над которыми, да простятся мне такие слова в этом собрании, я давно думаю и давно, хоть и фрагментарно, работаю. И это уже есть переосмысление, а не просто изучение. Это осмысление СССР как Европейского союза № 1 и новая периодизация русской «послемонархической» истории.

Тезис четвертый. Начну с беглого перечисления упомянутых направлений изучения (в формате переосмысления, естественно). Несмотря на распространенное заблуждение, что в истории нет сослагательного наклонения, нам нужно понять, могли ли сохраниться Советский Союз. Зачем? Например, для того, чтобы предвидеть главные опасности для целостного и независимого существования нынешней Российской Федерации. Ведь довольно убедительно выглядит гипотеза, согласно которой СССР рухнул примерно по тем же причинам (и распался по тем же «национальным» границам), что и Российская империя. Третьего раза не будет?

Но не только о нас, о России, речь. Ранее это почти всем казалось абсурдным (или даже провокацией), теперь стало почти трюизмом: нынешний Евросоюз очень

сильно напоминает СССР времен застоя. Если похожее есть и отражение совпадения сущностей, то каковы реальные перспективы укрепления нашего стратегического партнерства с «Европой» как целым? Между прочим, только что приведенные некоторыми докладчиками факты даже из ранней советской истории подтверждают, что СССР есть Евросоюз № 1, а нынешние болезни современного Евросоюза мы пережили еще в 20-х гг. прошлого века, т.е. и в этом опередили европейцев, а не отстали от них.

Тезис пятый. Желая того или нет, мы живем сегодня за счет советского наследия — в экономике, науке, образовании, обороне, международных отношениях (постоянное членство в Совете безопасности ООН, например) и т.п. И нечего этого стыдиться. Во-первых, потому что иного наследия у нас нет, во-вторых, потому что и хронологически, и исторически советизм не исчерпывается сталинизмом (а последний — только политической диктатурой), не начинался им, не им завершился. Большую часть своей истории советизм не был и тоталитаризмом — несмотря на то, что этот миф даже некоторые из нас сами пытаются внушить себе и привить молодежи.

Тезис шестой. Более того, СССР, как минимум, трижды занимал лидерские позиции в мире — и вообще, и в глазах и умах большей части человечества: 20-е гг. и до середины 30-х; от Сталинграда и до 1945 г. включительно; после смерти Сталина и до 1968 г. по меньшей мере. С определенной осторожностью можно указать и на четвертый исторический момент — на горбачевскую перестройку.

Тезис седьмой. Еще несколько социально-исторических теорем.

Социальное государство было создано в СССР раньше, чем на Западе.

Общество массового потребления (кстати, окончательно подорвавшее связь с реальной жизнью утопической догматики коммунизма) возникло практически одновременно и у нас, и в Западной Европе. И лишь чуть позже, чем в США.

Общество, сделавшее образование и знания главной ценностью, впервые в истории современного человечества возникло именно в СССР. Весь мир, включая Запад, подошел к этому только к концу XX в. и не без влияния достижений Советского Союза.

Тезис восьмой. И вот еще — одна за другой — несколько важнейших тем, взятых, естественно, в их историческом (и пока не пресекшемся, что очень важно) развитии.

Россия как цивилизация. Россия как православная цивилизация. СССР как реинкарнация православной цивилизации.

Россия как один из геополитических полюсов мира.

Россия (Российская империя, СССР, Российская Федерация) как империя (континентальная империя).

Российское государство как константа (в царские, советские и постсоветские времена). Русская политическая система как отличная от западной (европейской) политической системы.

Советский коммунистический проект как порождение и часть западного политического проекта.

Советский коммунистический проект как утопия в парадигме европейского Просвещения.

Советский проект как реализация теории прогресса.

Сталинизм как антизападный антиколониализм.

Советский Союз как «родильный дом и инкубатор» новых наций и новых независимых государств (большинство государств СНГ).

(Феномен Государства-Партии).

Идеализм, альтруизм и утопизм советской культуры.

Советский человек: идеальное, общечеловеческое, реальное.

Советская национальная политика.

И так далее, и так далее...)

Наконец, две, более развернутые, позиции.

Тезис девятый. Советский Союз (в ленинском варианте и во многом в реальности) стал Европейским (Восточноевропейским) союзом № 1, возникшим на 25—30 лет раньше (но в более жестких, что естественно, формах), чем нынешний Евросоюз (от герба СССР до герба Евросоюза; Соединенные штаты Европы — на востоке континента и на западе; СССР автономий и Евросоюз регионов; союзные органы; и т.д.)

Тезис десятый. Конечно, если смотреть на советский период отечественной истории **только** через призму антисталинизма (что исторически неправильно, научно некорректно, психологически ущербно) или либерализма, то увидеть можно лишь то, что давно и обнаружено, и осуждено, и никого, кроме самых обездоленных, сегодня не притягивает. Но ведь этот вульгарный анализ априори не состоятелен.

Нынешние вульгарные антисталинисты по сути единственно сталинским взглядом на историю СССР — России и руководствуются.

Тезис одиннадцатый. А почему бы не взглянуть на историю 1917—1991 гг., например, так:

1917 г. от Февраля до Октябрьской революции (Октябрьского переворота) — Первая Российская республика;

1918—1922 гг. — Вторая Российская республика (с ужасным эксцессом Гражданской войны);

1922—1934 гг. — Третья Российская республика (и одновременно начинает жить учрежденный ею Европейский Советский Союз);

1934—1953 гг. — Четвертая Российская республика, власть в которой узурпировал Сталин;

1953—1964 гг. — Пятая Российская республика;

1964—1985 гг. — Шестая Российская республика;

1985—1990 гг. — Седьмая Российская республика (в недрах и во главе СССР);

1990—1993 гг. — Седьмая с половиной Российская республика;

Октябрь 1993 г. и до сего дня — Восьмая Российская республика.

Тезис двенадцатый. Конституционная история России (после падения монархии) полностью подтверждает историческую и политическую основательность этой схемы — каждой Республике соответствовал свой документ под названием Конституция (принятый или задуманный).

Неслучайно, что сейчас вышли из-под спуда ранее табуированные дискуссии о необходимости разработки новой Конституции России. Это, в частности, почти прямое доказательство того, что на горизонте маячит Девятая Российская республика.

Тезис тринадцатый. Но если принять за основу эту политическую логику нашей истории в XX в., на чем я, например, настаиваю, но с чем пока еще очень многие не готовы согласиться — потому что она непривычна (такому в школе не учили) и выходит из удобной для многих у нас (и практически всех на Западе) вульгарной **сталинско-антисталинской парадигмы**, то окажется, что весь прошлый век Россия последовательно восходила ко все более и более высокому уровню демократии. И даже Сталин не отменил это движение формально (СССР и при Сталине был республи-

кой, причем парламентской, а не президентской!), хотя, безусловно, власть им была узурпирована, а диктатура установлена.

В такой логике сталинизм есть не суть советской части отечественной истории, а эксцесс, отклонение от нормы (некий, как во Франции, постепенно изживающий себя бонапартизм), а сам советский период — естественное (пусть и в идеократически-утопических формах) развитие Российского государства и российской демократии, до сих пор живущей известными «климатическими» циклами: от оттепели до заморозков и вновь к оттепели. Чрезмерная оттепель — распад страны, крушение государства, анархия, бандитизм, коллаборационизм элит, обнищание населения, призраки гражданской войны. Естественная реакция на это — те самые заморозки.

Эта схема не «приятней» лично для меня или для России в целом. Она логичней, историчней и уж точно не строится на «Кратком курсе истории ВКП (б)» — основном теоретическом и вероисповедальном труде как твердокаменных сталинистов, так и вульгарных антисталинистов.

Представления о власти и формирование элит в СССР и дореволюционной России

Я, как автор исследования «Кормить и править. О власти в России XVI—XX вв.», переведенного с французского издательством РОССПЭН для коллекции «История сталинизма», тоже призвана осветить вопрос о разрыве и преемственности отечественной государственности в советский период.

Начну с того, что высказываться о преемственности весьма проблематично, так как явление, о котором я веду речь в книге и буду говорить здесь, т.е. «кормление от дел», стало неприемлемым с точки зрения законодательной уже со времен Судебника 1497 г. Последующая централизация царской власти, если не сразу после отмены кормлений в середине XVI в., то со времени Соборного Уложения, сопровождалась мерами по борьбе с тем же злом. И далее, в соответствие со многими указами Петра I, манифестами Екатерины Великой, учреждениями госконтроля над взяточничеством и злоупотреблениями по службе при всех императорах до 1917 г. и особенно при Рабоче-крестьянской инспекции и других формах контроля при советской власти, государство настаивало на наказании за то же зло. Однако, судя по программе борьбы с коррупцией, решительно намеченной в самое последнее время, и по откликам общественности в СМИ, **неприемлемое**, с точки зрения государства и его законов, процветает на практике и ужасает своим беспределом.

Какой вывод сделать? Разрыв уже в XVI в. или преемственность неприемлемого до сегодняшнего дня? Ответ на этот вопрос для историка напрямую связан с тем понятием исторического времени, которым он руководствуется.

До начала XXI в. господствовало представление об историческом времени как о совпадающем с космическим, которое можно измерить в секундах, годах, столетиях. Исторический процесс представлялся линейным, поступательным, развивающимся от примитивного к более совершенному, протекающим, как и время, объективно. Историк выступал наблюдателем процесса, который так или иначе (географически, экономически, исторически) определял бытие людей.

В рамках такой парадигмы, государство — это этап развития в однонаправленном процессе. Оно постепенно или наоборот быстро совершенствуется, неуклонно проводит политику модернизации общества, ведет за собой по пути прогресса или коммунизма. Внимание историка сосредоточено на одном действующем лице, государстве, а интересующее нас «кормление от дел», представляется как явление архаичное, традиционное, как пережиток «старины» по терминологии XIX в. или как пережиток «феодализма», говоря доктринальным языком XX в.

Если же, как это делается в последние десятилетия, подходить к вопросу с той точки зрения, которая **отличает** историческое время от того, которое у нас на часах, то речь не может идти о пережитках. Иначе говоря, если под историческим временем понимать продукт жизнедеятельности людей, то в любой данной современности уживаются разные темпоральности, т.е. разные практики и опыт прошлого, а также планы на будущее. Тяжба между представлениями о прошлом и о будущем разреша-

ется в действиях людей, наполняя содержанием их настоящее, т.е. производя то, что историки сегодня называют *историческим временем*. В рамках такой парадигмы концептуальная пара *разрыв-преемственность* теряет свою аналитическую силу. Вместо разрывов — фрагменты прошлого, преобразованные их новым применением, а преемственность не сводится к воспроизведению, потому что в исторических явлениях всегда есть доля преобразования. Признание хронологических разрывов, т.е. неповторимости, единичности исторических **фактов**, не мешает историкам думать, что исторические **явления** содержат в себе воспроизведение, преобразование и семантическое обновление, так как опыт бытия и личные или коллективные практики людей зависят от их представлений о том, **как** им следует **действовать**. В плане парадигмы действия¹ перспективным для исследователя кажется анализ **той** понятийной сферы, в какой люди находят стимулы и оправдания для своих действий. Анализ поведения людей, которое раньше считалось обусловленным объективностью (географической или социальной средой, экономикой), теперь в центре внимания исследователей в качестве самостоятельного предмета изучения, особенно интересного, потому что поведение людей не укладывается в рамки только индивидуального или только коллективного, а действия людей — одновременно и частного характера, и общественного, и местного, и глобального.

Это краткое эпистемологическое объяснение по проблеме разрыва и преемственности перемещает вопрос о «кормлении от дел» в другую плоскость — приспособления людей на микроуровне к существующему «бюрократическому монстру», как выразился коллега Е.В. Анисимов, к бесправию, сказала бы я.

Сформулирую тезис своего выступления: чиновники в дореволюционной России и номенклатурные работники в СССР, хотя и служили в составе далеко неоднородных государственных структур и политических систем, формировались под действием некоторых общих представлений о государстве и власти, которые с ними разделяла и значительная часть общества.

Рассмотрим эту общность представлений как идущую по трем каналам: посредством образования; практик властвования и государственного управления; посредством общей для многокультурной империи политической культуры, восходящей к русской культуре.

На образовательном уровне общим было то, что ученикам в гимназии или советской школе прививались только положительные представления о власти: устами духовников, наставников, партийных инструкторов и учителей власть представлялась благодетельной для народа (патриманиальной, скажет исследователь), находящейся в сильных руках, будь-то царь-государь-батюшка, его сиятельство государь-император или партия и правительство, которые «неустанно заботятся» о всем и о всяк. Всем подданным Российской империи и гражданам СССР, а служителям государства в особенности, надлежало быть честными, добросовестными, ответственными за свои поступки, верными государству и закону. Чиновники при старом порядке, как и государственные служащие при советском строе должны были ставить интересы государства выше своих личных, повышать свою квалификацию, служить верой и правдой на вверенном им посту во имя «общего блага» или «светлого будущего». Министерство народного просвещения, равно как и церковь, Наркомпрос или Министерство обра-

¹ См.: Thévenot L. L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris, éd. La Découverte, 2006.

зования, равно как и компартия, ставили своей задачей воспитание подрастающих поколений: первые — в духе веры в царя и служения Отечеству, вторые — в духе веры в партию и ее вождя, и те, и другие — в духе уважения к власти и государству. В официальном дискурсе ни мздоимствовать, ни злоупотреблять властью не учили.

На уровне практики властвования и государственного управления, официально прививаемые представления подвергались жестокому испытанию. Нравственные идеалы православной добродетели или коммунистической морали и возвышенные мысли о государственном благоустройстве наталкивались на имплицитные коды поведения и совсем другие понятия. Прежде всего, практика не поддавалась или с трудом поддавалась внедрению моделей рациональной организации, которые заимствовались извне, поскольку она основывалась не на теориях, а на отношениях личной преданности и покровительства, на близости к Хозяину, будь им царь, генсек или любой начальник. «Харизматическая власть» и патримониальная модель, по Макс Веберу, также, как все виды клиентелизма, проявляли устойчивость в противостоянии учреждениям по западному образцу. В результате, эти последние наполнялись другим содержанием. Вместо современного государства (*Etatmoderne*), т.е. политической самоорганизации, которую общество на Западе постепенно вводило для защиты и представительства своих интересов на правовой основе Нового времени, в практической жизни россиян до 1917 г., как и в жизни советских людей, бытовало очень ясное представление о том, что государство стоит над обществом, им правит. Государство не воспринималось как эманация общества, а безоговорочно считалось бюрократической структурой на службе того или тех, у кого власть: до 1917 г. — у царя, а после революции — у партии. Аксаковское определение общества, о забвении которого говорил коллега В.Я. Гросул, не соответствовало условиям для своей реализации. Что касается крестьянства, то у него до коллективизации были свои особые представления, обособлявшие его мир от чуждого для него государства.

Проблематика патримониальной модели с преобладанием родственных, дружеских, земляческих, клановых, а в последние десятилетия мафиозных связей в сфере государственной службы получила достаточную разработанность в западной, а теперь и в российской историографии. Добавлю к тем примерам, которые каждый из присутствующих мог бы привести в подтверждение высокого уровня клиентелизма как в досоветской, так и в советской государственной службе, еще один — из совсем недавней практики.

На совещании у Президента РФ по кадровому вопросу Д. Медведев возмущался: «Решения о назначении на ведущие должности порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности... и — это наиболее отвратительная ситуация — просто за деньги, то есть должности продаются». В общественно-политическом журнале «Итоги», напечатавшем отчет об этом совещании, было добавлено: «И его можно понять. Ведь, по сути, речь идет о “кормлении”. А проще говоря, такая система подборки кадров провоцирует коррупцию и серьезно снижает качество работы госаппарата». Эти слова подводит меня к **третьему** пункту моего тезиса — **о культуре как факторе, формирующем правящую элиту**.

В книге «Кормить и править», состоящей из двух частей — «Кормленческая функция царской власти» и «Кормленческая функция советской власти», я фокусирую внимание на факте расхождения между становлением государственных институтов, в которых такая функция не предусмотрена, и каждодневной практикой исполнения власти, которая подтверждает ее значимость. Несмотря на разницу между

самодержавным и советским государствами в политическом, идеологическом и экономическом планах, культурная история политической сферы открывает возможности их сопоставления. Однако, это при условии: что понимать под культурой? Уточню свою позицию и по этому вопросу.

Культура не смешивается с обычаями и традициями, она — не сумма искусств, верований, морали, права и всего прочего, что приобретает человек в качестве существа общественного. В семиотической перспективе культура ассимилируется со структурами понимания, через которые люди придают форму своему опыту. Политическая система является ареной, на которой эти структуры разворачиваются в действии самым ярким образом². Культура предполагает код, т.е. знаковую систему, с помощью которой люди общаются между собой, увековечивают и развивают свои знания о жизни и отношение к ней. При этом следует обратить внимание на сочетание эксплицитных или имплицитных моделей жизни, которые складывались по ходу истории и разделяются всеми членами социума или его частью. Культура влияет на предрасположенность того или иного социума к переменам в экономической и политической областях, так что культура и политика взаимосвязаны. Политическая культура правящей элиты не автономна, она — производное от общей культуры, а в случае многонационального российского пространства — от русской культуры.

Привлеченный мною исторический материал позволяет констатировать, что индивиды или группы из правящей элиты вырабатывали свои личные стратегии продвижения по службе, вели коллективные интриги и развивали сети влияния при активном участии представлений о власти, от которой можно и даже должно кормиться. Именно это отличает российскую государственность в течение веков: как кормиться от дел подсказывали или диктовали перемены, происходившие в экономике³, в пространстве государства и на государственной службе. Важно подчеркнуть, что при всем отличии дворянской культуры (а затем доктринерской коммунистической) от народной, приобретенные в любой среде представления о власти и государстве на поприще государственной службы претерпевали изменения, задававшие тон политической культуре.

Как это делалось на практике еще не так давно, вы имеете представление. Акцентирую внимание лишь на некоторых семантических знаках из понятийной сферы.

Кусок пирога, понимаемый как привилегия, всегда восходит к кормленческой функции власти, название спецмагазина «распределитель» подразумевает кого-то, кто делит, чтобы раздать. На заседаниях Секретариата ЦК часто вставал вопрос о дотациях для ответственных лиц партии и государства. И хотя речь шла о деньгах, в документах фигурирует старинное выражение «денежное довольствие», подразумевающее питание, предлагаемое хозяином в обмен на услуги, так как синонимами слова «довольствие» являются «продовольствие» и «харчи».

Если хотят сказать, что место у власти выгодное, то его называют «хлебным», а партийный билет — «хлебной книжечкой». Никого не удивляет, что синонимом гла-

² См.: Geertz C. The interpretation of Culture. N.Y., 1973. На рус. языке см: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / Сост. Л. А. Мостова. СПб., 1997. Ссылаясь на знаменитую метафору М. Вебера «человек — это животное, запутавшееся в сети символов (значений), которую он сам соткал», Гирц предлагает признать, что «культура и есть эта сеть, и что ее анализ проходит не через экспериментальную науку в поисках законов, а через интерпретативную науку в поисках значений».

³ См.: Бессонова О. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006.

гола «служить» является глагол «кормиться». Существует хорошо известное клише из советской повседневности — в магазине «дают», а не продают. Наконец, вся система привилегий окрещена советскими людьми грубым термином «кормушка». Это же слово — всем понятный синоним власти: «все они к кормушке тянутся» — не нуждается в объяснении.

Подобные выражения можно найти и в других языках. Например, во французском языке есть словосочетание «aller à lasoupe» («идти за супом») в смысле «служить власти». Но следует подчеркнуть, что значение выражений такого типа зависит от условий их использования. Для французской риторической фигуры мы не найдем ни такой понятийной сферы, ни столь солидного исторического фундамента, как для русского аналога. Для сравнительного суждения по этому вопросу важно, что действительно существует и какова степень воздействия реальных вещей на язык. В русском случае речь идет о практиках правления/кормления, влияние которых на язык трудно переоценить.

В частности, при сравнении структур понимания производит впечатление употребление слов и метафор, семантически обозначающих политическое воображаемое. Возьмем, к примеру, универсальное понятие «глава государства». Глава государства имеется или имелся и во Франции, и в России, и в Советском Союзе. Если сравнивать по такому критерию, то, пожалуй, речь идет об одной разделяемой там и тут политической культуре. Однако глава государства царь Николай II в анкете при переписи 1897 г. указал свою профессию в соответствии с той структурой понимания, которую разделял со своими соотечественниками: «хозяин земли русской». Другой глава государства в советский период был больше чтим как хозяин Кремля, а не как глава партии и государства. Хозяин, сам, главный — далеко не невинный лексикон, а набор политически значимых понятий, бывших и остающихся в употреблении. Если в России применяется выражение «государственная служба», то в других странах семантика иная: *servicepublic*, *civilservice*, *publicservice* — выражения, напоминающие о том, что служба государству — это эквивалент службы обществу.

Других примеров, иллюстрирующих политическое воображаемое такого же плана, много, но, уважая регламент, ограничусь еще двумя. Так, во время забастовки в Новочеркасске в июне 1962 г. один из лозунгов призывал свергнуть Хрущева. Но политический смысл призыва был выражен весьма далекими от политики словами: «Хрущева на колбасу». В районе Перми шахтеры раздавали листовку с таким предписанием: «Ешь суп с опилками, закусывай углем». Конечно, тогда речи такого рода выражали гнев рабочих, вызванный повышением цен на продукты питания по инициативе Хрущева. Однако и после этой волны забастовок можно было видеть на заборах вдоль железнодорожных путей загадочную надпись «на мясо». Советские люди знали, как это расшифровать, и читали: «Долой власть!».

В феврале 1990 г. новообразованная Социалистическая партия (ВКСП), выдвинув лозунг «Социализм без демократии — все равно, что колбаса без мяса», искала доверия толпы. Для этого она использовала образ, неудобоваримый с точки зрения универсальных политических понятий, но вполне подходящий и ясный для тех, к кому этот лозунг был обращен.

Заключительное замечание

Языковое содержание воспринимается не как самодостаточное, а только как часть общей когнитивной системы, оно — часть сферы понимания, а именно эта последняя лежит в основе действий человека по отношению к окружающему. Вычле-

нить представление о власти-кормушке из сети, сотканной из знаков, символов, и изгнать из языка эту навязчивую, но, увы, концептуально значимую в политической культуре метафору, возможно только в связи с массой других элементов когнитивной системы, в том числе предрассудков, бытовых суждений и верований⁴. В этой перспективе реформы институтов, особенно такие, как введение разного рода ограничений, принуждений и контроля, вызывают недоверие: их было много в истории, но они оказывались неэффективными.

Закончу все-таки на оптимистической ноте.

Она прежде всего связана с состоянием социальных и гуманитарных наук. В отличие от недавнего прошлого на Западе, и особенно в России, эти науки ставят своей целью вернуть истории, слишком долго занятой безликими структурами, «человеческое измерение». Иначе говоря, легитимировать действия и слова человека, придать ему уверенности относительно его способности быть активным действующим лицом, быть *актором*, как сейчас говорится, а не субъектом, лишь подчиняющимся неумолимому и предопределенному ходу Истории. Надо отдать должное Герцену: «У истории нет либретто», как нет ни конца, ни цели.

Все меняется, но не со временем, как принято думать, а с осознанием того, что надо изменить. Сегодня обсуждение проблем власти уже происходит не на понятийном уровне начала или конца XX в. Исследовательская деятельность в области социальных наук призвана двигаться в том же направлении и обещает внести значительный вклад в структуры понимания политики. Нетерпимость общественности к «кормлению от дел», конечно, может принести положительные результаты, т.е. ввести явление, которое невозможно свести к нулю, в регулируемые законом рамки. Ведь под названием «коррупция» оно повсеместно сопровождает власть, однако в 132 странах законодательное обуздание коррупции удается лучше, чем в Российской Федерации⁵.

Если реформирование институтов государственной службы не внушает особой надежды, то меры, предпринимаемые в сфере этики, нравственности и морали, мне представляются более обнадеживающими, поскольку затрагивают понятийную сферу. Особенно, если эти меры не только предписываются сверху, а осознанно вырабатываются и соблюдаются членами социума. Ведь взятки не только берут чиновники, но их дают и просители. Пока рано судить об эффективности федеральной программы «Реформирования и развития системы государственной службы на 2009—2013 гг.», или Указа Президента РФ от 12 августа 2002 г. «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», или других мер этического порядка, намеченных в законодательных актах. Но по ходу моего рассуждения важно отметить, что декларативно эти законодательные тексты направлены на замену бюрократического преклонения перед инструкцией культурой обслуживания граждан, и что от государственного служащего требуются лояльность, неподкупность и профессионализм. Такая ориентация на формирование кадров госаппарата указывает на отход от прежнего взгляда на злоупотребления властью. Ведь еще недавно вся ответственность за коррупцию и произвол госслужащих ложилась на коммунистическую систему с ее характеристиками, благоприятствующими злоупотреблениям (симбиоз власти партии и государства, социалистическая собственность без хозяина,

⁴ См.: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

⁵ См.: Corruption perceptions index 2012; Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт? Сб. очерков / Под ред. П.С. Филиппова. СПб., 2010.

хронический дефицит, теневая экономика). Системный подход применялся и политическими деятелями, и исследователями для анализа политических, социальных и экономических явлений, имевших место в СССР. Как правило, эти явления представлялись в качестве продуктов системы и подвергались многофакторному рассмотрению в рамках и концептах все той же системы. Сегодня ясно, по крайней мере, для исследователей, что системный подход не дает ответа на жгучие вопросы о возрастании коррупции в среде государственной элиты после развала советской системы. Ясно, что не только система формирует правящую элиту.

Что касается конкретной политики, то оппозиция, будь она в разброде и не особо сильной, влияет на ценностные и поведенческие ориентиры масс, которые отдают предпочтение инициативам государства. «Кормление от дел» — это порок, от которого государство само себя не исправит. Для этого ему нужен тандем с обществом.

Советы как форма государственной власти в СССР

Литература, прямо или косвенно посвященная Советам, велика примерно настолько, насколько литература по истории КПСС. Особенно много трудов, относящихся к периоду становления советской власти. Общая черта этой литературы — апология Советов как органов подлинно народного представительства. Однако это было характерно только до начала «перестройки и гласности» и радикальных реформ в России, в течение которых советская система была упразднена. Естественно, что обращение к советской теме стало особенно непопулярным, поскольку не укладывалось в рамки складывающейся анти-советской историографии. Автору пришлось испытать это на себе. Монографию, посвященную Советам, публиковать отказались, хотя частично её материалы появлялись в виде отдельных статей и материалов¹. Но, поскольку Советы лежали в основе государственного и конституционного устройства страны, автору доклада, да и не только ему приходилось в дальнейшем затрагивать советскую тему².

Переход власти к Советам, ставшим до 1993 г. основой государственного устройства страны, произошел в результате Октябрьского переворота 1917 г. под руководством большевиков. Советы в России возникали еще до Октября, были многопартийными организациями, но служили скорее способами самоорганизации и содействия в делах государственного и общественного управления, правда, постоянно стремясь расширить в них свои функции и степень участия. Естественно, встает вопрос, откуда взялась идея превращения Советов в органы государственной власти, а страны — в «Совдепию»?

Но само по себе этимологически слово «совет» весьма благоразумное и общепринятое, широко употребляемое и сегодня. От него так просто не избавиться, как бы ни хотелось противникам советского строя. Собраться, «посоветоваться», чтобы принять решение, издавна было формой какого-либо представительства и вряд ли может быть

¹ Соколов А.К., Бородкин Л.И. Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // История СССР. 1984. № 2; Соколов А.К., Суницова Е.Г. Делегаты рабочие на I съезде Советов СССР (Анализ жизненных путей и их влияние на формирование состава съезда) // Рабочий класс и современный мир. 1984. № 4; Соколов А.К. Методика обработки анкет делегатов съездов Советов как источника для изучения высших представительных органов власти // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Ленинград, 1985; Дробижев В.З., Малышева Е.В., Соколов А.К. Делегаты III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (Анализ анкетных данных) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986; Соколов А.К. От имени народа (О делегатах съездов Советов) // Человеческое измерение. Сб. статей. Депонировано ИНИОН РАН. 1989; *Его же*. Советы: От власти иллюзий к иллюзии власти. В сб. статей: Формирование административно-командной системы 20—30-е годы. М., 1992; *Его же*. Левые эсеры и большевики на Пятом Всероссийском съезде Советов // Гусевские чтения. М., 2005.

² Соколов А.К. Государственность в советский период // Государственность в России. М., 1995; *Его же*. Сталинская конституция // Социальная история. Ежегодник. 2008. М., 2008; *Его же*. Конституционные основы и проблемы историко-культурного наследия в сознании современного российского общества / «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Под ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010; и др.

вычеркнуто наряду с другими формами коллективной презентации. Еще в 1612 г. в Ярославле собрался «Совет всея земли», сыгравший важную роль в сборе народного ополчения. Были в отечественной истории и другие «советы». В 1905 г. рабочие Иваново-Вознесенска и других городов на период стачек создали свои Советы. С этого времени возникла традиция закреплять за Советами форму представительства только трудящихся (рабочих, крестьян) и рядовых солдат. По всей видимости, сказались традиции общинной сходки, характерные для низовых форм общественной жизни.

Если обратиться к работе В.И. Ленина «Государство и революция», то можно констатировать, что он увидел прямую аналогию между Парижской коммуной и Советами, заметив, что последние являются скорее не государственным, а общественным институтом и могут послужить способом привлечения широких народных масс к делам управления без отрыва от основного занятия. Не только Ленин, но и другие революционеры в России не были склонны различать слова «совет» и «коммуна». Так, на V съезде Советов раздавались голоса вообще заменить слово «совет» «коммуной», однако традиция взяла свое и «трудовые коммуны» постепенно были заменены Советами.

В теории массовое приобщение трудящихся к делам управления рассматривалось большевиками в качестве главного преимущества Советов как органов прямой демократии (вроде афинской экклесии или римских комиций) перед парламентской демократией, где власть осуществляется постоянными избранными народом представителями, работающими на профессиональной основе. Безусловно, верен старый тезис о том, что «кухарка не может управлять государством», но и верна также идея, чтобы через Советы, как, впрочем, и другие организации, «население училось управлять и начинало управлять».

В трудах Ленина и его соратников немало страниц, посвященных доказательству преимуществ советской демократии перед буржуазной, парламентской. Доказывалось, что буржуазная демократия только провозглашает свободы, а также гражданские, политические, социальные права, тогда как проблема состоит в том, чтобы их обеспечить на практике. Под это подводились принципы всеобщей подотчетности и контроля, выборности, отзыва и сменяемости народных депутатов и т.д.

Но гладко было только на бумаге. В качестве первоочередной задачи нужно было решить вопрос о том, как превратить Советы в реальные учреждения власти и управления, закрепить это в конституционном устройстве новой России. Конечно, до Октября 1917 г. Советы накопили некоторый опыт управления. В этой связи нельзя не обратить внимания на различные аспекты советского государственного строительства, которые в первое время широко обсуждались в печати, на митингах, съездах и конференциях, отражались в принятых резолюциях и проводились в жизнь в форме деклараций и декретов (т.е. актов, не столько закрепляющих установившийся порядок, сколько заявляющих о намерениях и диктующих дальнейшую направленность преобразований).

В существовавшем тогда разброде мнений, шатаний из стороны в сторону, следует выделить несколько моментов, присущих политике большевиков, которые отразились на советском строительстве и деформировали государственное устройство страны. В революционной обстановке трудно различать, что в проводимых преобразованиях шло «снизу», а что «сверху». Сегодня активно насаждается идея о том, что с октября 1917 г. установился тоталитарный большевистский режим, который был озабочен только укреплением своей власти и подавлением противников, политических и гражданских прав населения. Факты свидетельствуют, что это было далеко не так: большевики во главе с Лениным просто не знали, что и как нужно делать, во многом

полагаясь на «революционное творчество масс», и, в силу этого, поначалу выступали горячими поборниками самоуправления трудящихся. Рабочим предоставлялось право самим налаживать производство, крестьянам — на свое усмотрение проводить аграрные преобразования. Многие авторы в России и на Западе полагают, что революции вообще открывают период революционного правотворчества, которое нельзя оценить однозначно.

Первое, что деформировало советское государственное устройство, это открыто классовый характер представительных органов и исключение из общественной жизни «эксплуататоров» и их пособников, объявляемых врагами народа. При этом отмена частной собственности стала краеугольной идеей нового общественного строя, повлекшая за собой немало драматических последствий. Новые российские «санкюлоты» действовали согласно своему разумению об основных началах жизнеустройства и не столько творили новый порядок, сколько разрушали прежний. Как писал Т. Карлейль о Французской революции, «в результате открытого восстания и насильственной победы над разложившейся и исчерпавшей себя властью на свободу вырывается многоголосая толпа, изрыгающая пламя»³.

Введение рабочего самоуправления вело к дальнейшему распаду производства, поскольку рабочие просто не имели представления о том, что оно, в сущности, представляет, и старались претворить на практике только то, что было в их интересах. Широко развернулась стихийная национализация — изгнание с предприятий их владельцев, управляющих и служащих, передача заводов и фабрик трудовым коллективам. «Шесть месяцев крестьянского самоуправления в деревне» после Октября свелись к разгрому помещичьих имений, постоянным разделам и переделам земельного фонда, натурализации хозяйства и распаду аграрного рынка. Саботаж чиновников и служащих, выступивших против новой власти, вел к развалу финансовых и административных рычагов государства. Страна продолжала погружаться в состояние хаоса, голода, беспредела и анархии, творившей свой суд и расправу, которые сопровождались вспышками ничем не сдерживаемого кровавого насилия. Стихия, вырвавшаяся на свободу в результате революции, широко пользовалась лозунгом «грабь награбленное», ставшим причиной многих эксцессов революционного времени.

И в дальнейшем органы власти в своей политике делали упор на подавление «частнособственнических инстинктов» граждан. Только трудящиеся в результате революции должны были стать полноправными гражданами Советской республики. Само по себе революционное расширение прав гражданства имело огромное значение, но введение ограничений на практике неминуемо вело к большим, прослеживаемым вплоть до конца коммунистического строя, нарушениям элементарных политических и гражданских прав.

Допускалось право на существование у граждан небольшой личной собственности, не используемой в целях наживы и обогащения. Но где поставить грань и как определить, что размеры личной собственности превосходят масштабы разумного и не получены незаконным путем? Эти вопросы, несмотря на обилие правовых актов, оставались до конца не разрешенными в политике советской власти и представляли собой не очень успешную борьбу с приобретательством, спекуляцией, разрастающейся теневой экономикой, криминалом и другими действиями, выходящими за рамки советских законов и считавшимися наследием старого строя. Длительное по-

³ Карлейль Т. Французская революция. М., 1991. С. 146.

давление частной собственности при коммунистическом режиме привело к тому, что вырвавшиеся на свободу после его падения представления о частной собственности в современной России обернулись своей прямо противоположной стороной, приведшей к беззастенчивому обогащению небольших групп населения за счет трудящихся, к безудержному разрастанию коррупции и криминала, формы которых уже сложились в недрах советского строя.

Революцией 1917 г. Советы декларировались главным и единственным источником власти. Утверждение советской власти рассматривалось как слом старой государственной машины и строительство новой. Большевики, испытывая поначалу определенные иллюзии по поводу Советов, считали, что в них можно соединить в некоем абстрактно-аморфном виде законодательную, исполнительную и судебную власти, выступая против «буржуазной теории» их разделения. Однако жизнь заставила пойти по пути кристаллизации отдельных функций управления и создания специальных органов, отвечающих за каждый участок государственной деятельности. В работе советских органов на первых порах могли участвовать не только избранные делегаты с правом решающего голоса, но и представители практически всех общественных организаций. Советы должны были формировать все органы государственного управления: ВЦИК, СНК, ВСНХ, руководство наркоматов и местных исполкомов.

Советскую систему, которая насаждалась в стране после революции, отличала запутанность устройства, поэтому одной из задач было придание ей некоторого единства. Однако в течение длительного времени (до принятия Конституции 1936 г.) сохранялось наследие революции: исключение из политической жизни так называемых «нетрудящихся»; неравенство гражданских, политических и социальных прав для отдельных категорий населения, в частности, городского и сельского, рабочих и крестьян, непропорциональное представительство, многоступенчатый характер выборов, отсутствие в советской избирательной системе всеобщего, прямого и тайного голосования, проведение самих выборов по принципу устаревшей системы открытого голоса (*vivos voce*). История свидетельствует, что эта форма нередко сопровождалась острейшими столкновениями вплоть до кулачного боя, как на Новгородском вече. Но большевики искусно использовали все недостатки советского устройства, которое было провозглашено способом осуществления диктатуры пролетариата.

Степень признания Советов как новой формы власти, по свидетельству новейших исследований, кажется значительно преувеличенной, особенно в деревне, где влияние большевиков было не так уж и велико. Эпизод, связанный с созывом и роспуском Учредительного собрания, является тому доказательством. Сама легитимность новой власти базировалась на решениях II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, созванного в момент Октябрьского переворота, и собравшегося несколько позже II съезда Советов крестьянских депутатов. Их представительность в обоих случаях вызывает сильное сомнение, о чем не раз говорили противники большевиков. Но важнейшей вехой государственного строительства стали III и V съезды Советов, объединившие в государственном устройстве различные типы советских органов и определившие конституционное устройство страны. Впрочем, Советы как форма государственной власти были признаны большинством партий левого толка в стране.

Первый этап строительства Советского государства, так сказать, «снизу», основанный на широком участии «низов» и так называемой «митинговой демократии», оказался кратковременным и в целом неудачным. Причин этому было достаточно

много. Главная из них коренится в состоянии самого общества, раздираемого противоречиями, отсталого и несовершенного, к тому же пришедшему в состояние упадка и анархии. Более всего сказывался недостаток кадров, необходимых для различных отраслей управления, низкий образовательный и культурный уровень народных представителей.

Взамен уже к весне — лету 1918 г. стали заметны все более усиливающиеся элементы вмешательства «сверху» в процесс государственного строительства. В результате попыток распространения советской системы на всю территорию России «вширь и вглубь», стремления придать ей, насколько возможно, единство и стройность, достижения всеми правдами и неправдами большинства в Советах за «пролетариями», вернее выступавшими от их имени коммунистами, власть быстро стала приобретать черты однопартийной диктатуры. Это стало очевидным уже летом 1918 г., когда из Советов были изгнаны представители крупных советских партий (меньшевики, эсеры, в том числе и левые, до определенного времени входившие в коалицию с большевиками). Остатки других партий были поглощены РКП(б). Недовольство действиями большевиков нередко облекалось в те годы в лозунг «Советы без коммунистов!»

Если сравнить возникший в результате революции государственный аппарат со старым, то, отвлекаясь от громогласных новых названий учреждений, нужно отметить еще значительно больший удельный вес органов управления экономикой и культурой в соответствии со взглядами большевиков на задачи государства в создании нового общества и заметный элемент политизации государственного устройства, особенно в военной сфере и карательных органах.

И все же, если суммировать итоги первого этапа становления советской государственности, нельзя не прийти к выводу о том, что масштабы «слома старой государственной машины» сильно преувеличены. В основание нового государственного здания было заложено гораздо больше «кубиков» прежнего устройства, чем принято считать. Ряд учреждений с царского времени остались почти без изменений. От многих абстрактных идей вообще пришлось отказаться. Все привычные институты власти и управления (в том числе госаппарат), армию, суд, полицию (милицию), тюрьмы и пр., которые, что бы о них ни говорили большевики, пришлось восстанавливать. Более того, несмотря на видимость широкого народного участия, они в своей деятельности стали быстро походить на старые учреждения.

Второй этап можно назвать временем «чрезвычайной модификации советской власти» в годы Гражданской войны и военного коммунизма. Они отмечены усилением централизма, милитаризацией всей жизни страны, быстрым увеличением различного рода чрезвычайных органов, ростом бюрократизма в государственном аппарате. Происходившие в тот период процессы наложили свой отпечаток на дальнейшее государственное устройство, по крайней мере, в двух аспектах: одни возникшие институты почти без изменений сохранялись в течение продолжительного периода (СТО, РВС, ВРК), другие — под иными названиями быстро восстанавливались в случае чрезвычайных и затруднительных ситуаций, которыми была отмечена советская история.

Самой существенной чертой 1920-х гг. стало возникновение партийно-советского государства, т.е. сращивание партийного и советского аппаратов, орудием которых стала номенклатура. Внимательное изучение состава советских органов различного типа показало, что в них господствовала именно номенклатура, которая через Советы и законодательно закрепляла принятые партийным руководством решения. Пар-

тийный съезд и съезд Советов, особенно на первых порах, состояли из одних и тех же людей. Привлечение в расширяющихся размерах рядовых рабочих, крестьян и других граждан служило чаще всего демократической декорацией режима.

Одним из наиболее значительных актов государственного строительства в 1920-е гг. стало образование союзного государства — СССР, восстановившее страну почти в границах Российской империи, но не повлиявшее решительным образом на суть советской государственности. Другим важным мероприятием времени было проведение административно-территориальной реформы. В основу задуманных изменений было решено положить принцип экономической целесообразности с учетом проведенных национально-государственных преобразований. Наблюдалась также попытка определенной децентрализации, перенесения на места ряда функций центрального аппарата. С учетом этих факторов на всей территории России были созданы крупные края и области, ликвидированы губернии, уезды и волости. Края и области делились на округа и районы во главе с советской администрацией. Но в обстановке тенденции к централизации реформа превратилась в череду бесконечных административных пертурбаций и привела на время к дезорганизации местного советского управления. Поэтому в 1930-е гг. произошел своеобразный «кульбит»: страна вернулась фактически к прежнему административному устройству, но под новыми наименованиями. В таком виде административно-территориальное деление России существует и поныне.

С конца 1920-х гг. вместе с форсированием индустриализации и началом сплошной коллективизации партийно-советское государство (о том, что оно сложилось, можно говорить уже вполне определенно), внешне претерпевая незначительные изменения, быстро эволюционирует в сторону планово-распределительной системы. При этом постоянно возрастает роль центральных учреждений. Переход к директивному планированию по пятилеткам резко повышает роль планирующих органов и, прежде всего, Госплана СССР. Возникает борьба за ведомственные приоритеты, в которой побеждают отрасли тяжелой промышленности. Органы государственного управления начинают дробиться по отраслям. К концу 1930-х гг. общее число наркоматов составило несколько десятков. К тому времени, в связи с модернизацией вооруженных сил страны, возросла роль оборонных ведомств, обозначились контуры военно-промышленного комплекса.

В обстановке нагнетания истерии по поводу очередного обострения классовый борьбы, приведшей к развязыванию массовых репрессий, в 1936 г. состоялось принятие нового Основного закона. Формально Конституция устраняла все ограничения, свойственные прежней, были введены всеобщие, тайные и прямые выборы, несколько изменилась конструкция государственной власти. Высшим органом власти в стране формально становился Верховный Совет СССР, избираемый на основе прямого тайного голосования.

В конце 30-х гг. XX в. в основном завершился процесс становления советского государства со всеми присущими ему особенностями и противоречиями. Кардинальных изменений в нем вплоть до горбачевской перестройки не было. С одной стороны, вроде бы произошло оформление нового типа государственности, в котором причудливо сочетались плоды большевистских экспериментов и черты, унаследованные из прошлого России, причем последние с конца 1930-х гг. становились все более заметными. СНК, например, из «революционного штаба» превратился в подобие «кабинета министров», наркоматы — в министерства и т.п. Переименование их стало

теперь делом техники, и было осуществлено после Великой Отечественной войны и прошло практически незамеченным. Все мероприятия шли в одном и том же направлении — укрепления традиционных государственных институтов.

В годы Великой Отечественной на время произошло фактическое восстановление военно-мобилизационной системы, свойственной периоду Гражданской войны, что, надо признать, себя оправдало. Годы войны способствовали усилению централизма в государственном аппарате. Победа была одержана в значительной мере под государственно-патриотическими лозунгами и культом верховной власти, олицетворяемой личностью Сталина. Произошла определенная консолидация власти и общества, состоялось частичное примирение с церковью, отдельными кругами эмиграции. Обнаружилось стремление к «державности», оформлению ее в государственных атрибутах, символах и идеологии. Революционная фразеология почти исчезла из лексикона партийно-государственных деятелей.

Весь послевоенный период отмечался «отверждением» той государственной системы, которая была создана в предшествующий период. Она уже полностью обрела свою логику развития. Все преобразования «приживались» только тогда, когда они соответствовали этой логике, и, напротив, отвергались в случае их деструктивного характера. Выявились общее направление развития — дальнейшая централизация, возрастание роли партийных органов, вплоть до полного их слияния и идентификации с государственными структурами, усиление ведомственности и борьбы за приоритеты в партийно-государственной политике.

Определенное время существовал некоторый баланс сил, который закончился выдвижением в 1950—1960-е гг. на первую роль в государстве Хрущева, выражавшего интересы тех представителей партийно-советской номенклатуры, которые сделали карьеру на волне 1920 — начала 1930-х гг. Отсюда направление и смысл хрущевских преобразований. Отражая потребность партийно-советской бюрократии в самосохранении и стабильности, Хрущев пошел на осуждение культа личности Сталина и его злоупотреблений властью, не затрагивая основ самой системы. Многие действия Хрущева носили характер свойственных этому времени импровизаций и попыток извлечь из прошлого отдельные элементы государственной политики. Так, осознавая вред чрезмерной централизации управления, Хрущев ввел, как в первые годы советской власти, систему экономико-административных районов — Советов народного хозяйства и упразднил большую часть министерств. Он пытался также внедрить отдельные экономические стимулы в управление, но безуспешно. Противоречивые и разнонаправленные действия Хрущева имели для системы деструктивный характер, и он был отстранен от руководства. Пришедшая к власти партийно-бюрократическая олигархия, олицетворявшая собой новых выдвиженцев уже второй половины 1930-х гг., фактически восстановила существовавшее до Хрущева *status quo*.

После этого количество министерств и ведомств росло с невероятной быстротой. К середине 1970-х гг. их было уже более 150. Стремительно рос и аппарат управления, становившийся все более громоздким и малоэффективным. Директивное планирование по пятилеткам стало давать регулярные сбои. В принципах руководства преобладали косность и консерватизм. Реальные функции управления сконцентрировались в руках Политбюро ЦК КПСС, которое в сущности представляло собой правительство СССР, в то время как Совет Министров — его громадный исполнительный аппарат. Установилась своеобразная иерархия ведомств, в которой главная роль принадлежала ВПК.

Если ВПК в какой-то мере «вытягивал» машиностроительные и топливно-энергетические отрасли, то агропромышленный комплекс, легкая промышленность, сферы образования, здравоохранения и культуры все более отставали в своем развитии. Положение усугублялось наступлением в мире научно-технической и потребительской революции, которые требовали совершенно иной организации управления обществом и государством, их демократизации, развития рыночных начал.

Между тем никаких особых изменений в государственное устройство СССР и принципы осуществляемой политики вплоть до конца 1980-х гг. не вносилось. Если и наблюдались какие-то попытки реформирования, то все они сводились к «косметическому ремонту» и формальным лозунгам «оживления Советов». В этом духе была составлена Конституция СССР 1977 г. По-прежнему главную роль играл партийный аппарат и Политбюро. КПСС как общественный институт служила социальной и политической опорой власти партийного аппарата. В Конституцию была записана статья (ст. 6), закреплявшая руководящую и направляющую роль КПСС в системе советского общества, а правительство и Советы как представительные органы служили ее исполнительными органами, занимаясь практическими делами управления: жилищным и коммунальным хозяйством, вопросами образования и культуры, торговли и питания, транспортными проблемами и многими другими. Как раз в силу этого депутаты советских органов имели значительную силу и влияние, хотя многое здесь зависело от личных качеств руководителя.

С конца 1970-х гг. все более очевидными становились признаки кризиса той государственной системы, которая сложилась в СССР. Она уже явно не соответствовала требованиям времени. В недрах партийного аппарата, который и концентрировал в руках реальную власть, зрели настроения в пользу необходимости перемен. Вопрос заключался в том, какие направления реформирования избрать, насколько глубокими должны быть осуществляемые перемены. Но вряд ли кто задавался вопросом, какие последствия в созданной партийно-государственной системе вызовут ее преобразования.

Следует особо отметить попытки реформирования советского государственного устройства, которые проводились в 1989—1993 гг., чтобы повысить роль представительной системы в лице Советов. Для этого была изменена система выборов в советские органы, оказавшаяся крайне сложной и запутанной. Часть партийного руководства, с одной стороны, вроде бы стремилось к демократизации государственного устройства, а с другой — всяческими путями хотело сохранить власть партийно-хозяйственной номенклатуры. Отражением этих противоречий оказалось устройство власти. Оно, в конечном счете, оказалось малоэффективным и медленно работающим. Со времени Хрущева стала распространяться странная практика заимствования из прошлого готовых государственных форм в дополнение к уже имевшимся. Наверное, это свидетельствует о низком уровне исторического сознания наших руководителей, ибо, в лучшем случае, это может обернуться фарсом, в худшем — трагедией. В годы «перестройки» к этому еще добавилась ориентация на западную парламентскую демократию. Была сделано также несколько шагов в сторону разделения властей за счет передачи отдельных функций управления партийного аппарата государственным органам. Был также введен совершенно новый институт Президента СССР с весьма неопределенными функциями и полномочиями, который неизбежно вел к конфликту с другими властными органами.

Все эти разнонаправленные и плохо продуманные реформы вели лишь к ослаблению власти и не соответствовали требованиям времени. Они способствовали раз-

валу партийно-государственного механизма, не создавая взамен эффективных рычагов государственного управления. Закономерности, свойственные центру, во многом повторялись в республиках Советского Союза. Шла борьба за власть между различными группировками, как в Москве, так и в республиканских столицах.

Политика российского руководства в тот период была направлена на децентрализацию — передачу в республики, края и области части полномочий, что, по его мнению, должно было улучшить управление. На самом деле эта политика вела к разрушению экономических, правовых, социальных и культурных связей между регионами и распаду единой государственности. Тем временем российское руководство развернуло активное наступление на все прежние институты государственной власти, хотя поначалу выступало под лозунгом «*Вся власть Советам, а не КПСС!*». Началась череда почти перманентных реорганизаций, упразднения старых и создания новых органов власти и управления. Советы в тот период снова стали многопартийными, как после революции, но теперь из них «изгонялись» рядовые рабочие, колхозники, женщины как мало смыслящие в делах государства и подвергавшиеся постоянным насмешкам. Верховный Совет России превратился, по сути, в парламент, как его часто и стали называть.

После 1991 г. возникла новая расстановка политических сил. Под предлогом более эффективного реформирования экономики парламент временно передал часть своих законодательных полномочий президенту, в результате чего произошло усиление исполнительной власти и некоторое ослабление законодательной. Но в 1992 г. тот же Верховный Совет, состоящий из тех же самых депутатов, вследствие неудачного хода реформ начал проявлять оппозиционность президенту России. Очевидно, что если бы Верховный Совет и местные Советы были тогда лояльными Кремлю, вопрос об их ликвидации не стоял бы столь остро, если стоял бы вообще, как например, в бывших республиках Советского Союза.

В литературе можно встретить утверждение о том, что система Советов не подходила для новой России, поскольку являлась рудиментом старой коммунистической системы, противоречащей принципу разделения властей. Поэтому советскую систему необходимо было разрушить вслед за СССР и КПСС. Эта точка зрения активно использовалась окружением президента Б.Н. Ельцина в качестве пропагандистского прикрытия в 1992—1993 гг., однако, истинная подоплека заключалась в сугубо практических соображениях, а именно: в борьбе за власть. При этом все, кто противился радикальным реформаторам, включая и демократические, и центристские силы, нередко причислялись к «консерваторам», «красно-коричневым» и т.д. Но вождя деленного разделения властей что-то не получалось, несмотря на учреждение ряда новых институтов.

Противостояние между президентом и Верховным Советом разрешилось в октябре 1993 г. так называемым «расстрелом парламента» или «Белого дома», где он в то время размещался. Принятая вслед за этим в декабре 1993 г. без широкого обсуждения новая Конституция покончила с советской властью⁴.

Почти сразу же обозначились неоднозначные следствия переворота 1993 г. Гипертрофированные функции по новой Конституции получил институт Президента, не

⁴ Подробное описание эволюции советской государственности и ее конец содержатся в кн.: *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России. Т. 1. Кризис коммунистической власти и рождение новой России. Конец 1970-х—1991 гг. М., 2008; *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России. Т. 2. Десятилетие либеральных реформ. 1991—2000 гг. М., 2011.

имеющий соответствующих сдержек и противовесов. Государственную думу, учрежденную вместо Верховного Совета, вряд ли можно назвать полновесным парламентом. Но главное: вместо стройной организации системы Советов, к которой граждане, в общем-то, привыкли, на местах в органах власти и управления воцарились разброд и хаос. Вплоть до настоящего времени эта система в стране не упорядочена. Если не забывать, что революция 1917 г. осуществлялась под лозунгом «Вся власть Советам!», наверное, это помогло бы как-то примирить значительную часть общества с юбилеем 7 ноября, учитывая его отмену и довольно безуспешные попытки найти весомую замену этой дате. Пока же восстановление советской власти прописано в программе КПРФ, политика которой, сколь разумной она бы ни была, саботируется.

Итак, о чем же свидетельствует советский опыт государственного строительства?

Во-первых, о том, что никакие государственные конструкции по заранее предначертанным схемам создать невозможно. Историческое наследие, свойственные той или иной стране формы государственности неизбежно скажутся на государственном устройстве. Государство выступает не только орудием классового господства, как утверждали большевики, но обязательно должно выполнять некие общественные и властные функции, независимо от того, чьи социальные интересы оно представляет. Конечно, идеологические установки заметно влияют на характер государственности, но, смешиваясь с традиционными функциями государства, они приводят к тому, что возникают государственные образования нового, неизвестного в истории, типа, каким явился Советский Союз.

Во-вторых, как говорит житейская поговорка «ломать — не строить». Советский опыт показывает, что, как и прежде в истории России, сломать сложившееся государственное устройство намного легче, чем заново создать, особенно если при этом отсутствует понимание исторических особенностей, присущих данной стране, и объективных условий, которые определяют развитие общества. Никакие государственные формы не приживутся, если они находятся в противоречии с действительными его интересами. При решении вопроса о том, что положить в основание государственного строительства, какие формы избрать, необходимо опираться на эти соображения. С этой точки зрения желательно посмотреть, насколько, например, оправдано введение в России таких учреждений, как Государственная дума, или превознесение некоторыми «государственными строителями» до небес «земского устройства» или иных форм, коренящихся в прошлом. И можно с большой степенью уверенности утверждать, что будут отторгнуты заимствования чуждых отечественной государственности установлений.

В-третьих, анализ становления и развития советской государственности подтверждает, как трудно и болезненно складываются или восстанавливаются в России государственные устои, какие деформации при этом возникают и чем это чревато для развития общества. Почти наверняка можно сказать о том, что более чем 70-летний советский опыт бесследно не пройдет, и, так или иначе, скажется на судьбе России.

Власть и общество в контексте советской модернизации¹

В конце XIX — начале XX в. российская власть довольно последовательно и энергично осуществляла модернизацию «сверху». Можно привести множество примеров, свидетельствующих о том, что процесс модернизации шел все возрастающими темпами, охватывая новые и новые слои российского общества. Однако он был еще далек от завершения, причем не только в деревне, которую он лишь чуть затронул, но и в городах.

Вследствие различных причин, в том числе репрессивной политики монархии и отсутствия правовой базы, к началу XX в. далек был от завершения процесс формирования гражданского общества. Монархия упорно отталкивала от себя именно те слои, которые были естественными сторонниками капиталистической модернизации, не допуская их к реальной законодательной (по крайней мере — до первой русской революции) и тем более исполнительной власти. Это была исторически ограниченная, но принципиальная позиция: малейшая уступка конституционным настроениям означала бы отход от полноты самодержавной власти. В глазах последнего императора и его ближайшего окружения не только кадеты, но даже октябристы представляли «врагами престола». Подобная политика препятствовала проведению необходимых реформ «сверху». И не случайно наиболее последовательные «модернизаторы сверху», С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, неизбежно оказывались в политической изоляции.

Процесс модернизации осложнялся полиэтничным характером российского общества. Одни этносы были уже подготовлены к вступлению в индустриальное общество, другие заметно отставали, третьи же оставались глубинно архаичными, и это не только тормозило процесс модернизации, но и порождало дополнительные противоречия.

Тем не менее, модернизация в России осуществлялась достаточно высокими темпами. Это в свою очередь вело к росту социальной мобильности (вертикальной и горизонтальной) и связанной с ней маргинализации значительной части населения. Конечно, здесь можно отдельно говорить о положительных и отрицательных результатах социальной модернизации, но в любом случае процесс был весьма болезненным и вызывал сопротивление крупных социальных групп. Издержки первого этапа модернизации, в частности, чувствовали на себе представители нарождающегося, но уже достаточно многочисленного рабочего класса, что вело к росту рабочего движения, причем первые его проявления весьма напоминали средневековые бунты.

Эти особенности российской модернизации давно уже были отмечены и проанализированы и в российской, и в зарубежной историографии. Но был и другой аспект этой проблемы, который пока еще в должной мере исследователями не учитывается.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Модернизация и эволюция инокультурных представлений российского/советского общества в контексте модернизации (конец XIX — первая половина XX в.)».

Одновременно с революционным (шире — общественным) движением, порожденным противоречиями индустриальной эпохи, нарастало пассивное сопротивление процессу реформ со стороны традиционного общества, которое так и не оформилось политически. Действительно, в России не было партий, течений и групп **традиционалистского** толка, выступавших против модернизации в целом, в том числе, в экономической и культурной областях (серьезное противодействие вызывали лишь попытки политических реформ). «Союз русского народа» и близкие к нему черносотенные организации (за редкими исключениями) выступали с проправительственных позиций и, следовательно, поддерживали политику модернизации постольку, поскольку ее проводило самодержавие. Православное духовенство воздерживалось от участия в политической борьбе, да и по своему социальному статусу (и соответственно общеполитическим взглядам) мало чем отличалось от чиновничества. Единственно, в чем оно было несогласно с властью, — это ее политика в отношении церкви. Не случайно в кругах церковной иерархии на рубеже XIX—XX вв. все чаще ставился вопрос об изменении системы комплектования Синода, повышении его роли, и даже — в качестве наиболее радикальной меры — о восстановлении патриаршества (последнее, впрочем, поддерживала меньшая часть церковных иерархов).

Практически все либеральные и левые партии, в том числе большевики, выступали не **против** модернизации, а **за ее более высокие темпы и эффективность**, за распространение ее на политическую и социальную области. Короче говоря, никакого осознанного и, главное, политически оформленного «русского фундаментализма» (по аналогии с современным исламским) не существовало. И все же русская революция 1917 г. (и Февраль, и Октябрь) в значительной степени представляла собой **реакцию традиционного общества на форсированную модернизацию**. Другими словами, здесь существуют исторические аналогии не только с французской революцией 1789 г., но и с исламской революцией 1979 г. в Иране.

Важно понимать, что степень успеха модернизации нельзя измерять только цифрами экономического развития, степенью урбанизации или количеством грамотных, хотя все это очень важно. Модернизация предполагает, что культура данного общества сумеет как бы «подстроиться» ее под себя, соотнести со своими глубинными особенностями и ценностями, и одновременно — сама «подстроиться» под требования модернизации. В России подобная трансформация культуры оказалась недостаточной и незавершенной, что и привело к кризису российского варианта модернизации, кризису, который в значительной мере предопределил 1917 г.

Революция 1917 г., как известно, началась стихийно, и развитие ее лишь частично определялось политикой тех, кто оказался у власти или стремился к ней. Непосредственными причинами революции послужили прогрессирующее разложение монархического режима, тяжелейшая война, снижение жизненного уровня населения, и, может быть, главное — неразрешенность важнейшей проблемы, без которой невозможна никакая модернизация, — аграрной.

Но если бы дело было только в этом, у власти, скорее всего, закрепились бы правоцентристские партии, выступавшие за более эффективную модернизацию в условиях парламентской демократии, возможно, конституционной монархии. Они пользовались поддержкой наиболее культурных слоев общества, обладали определенным опытом политической, хозяйственной, в некоторой степени, управленческой деятельности. Их работа по организации тыла в годы войны, критика царского режима способствовали популярности и самих партий, и их лидеров. В условиях неразвитой

политической культуры, как известно, образ партии и лидера играет гораздо большую роль, чем конкретные программные установки.

Однако либеральные партии проиграли, причем не только в результате переворота в октябре 1917 г. В течение года проводились выборы на различных уровнях, и в ходе их либералы набирали, как правило, от 1/3 (в лучшем случае) до 1/4 голосов. Наиболее ярко их поражение проявилось во время выборов в Учредительное собрание.

В октябре 1917 г. процесс капиталистической модернизации, несмотря на несомненные успехи в экономике и — в меньшей степени — в социально-политической области, оказался насильственно прерванным. Но, если судить по итогам выборов в Учредительное собрание, значительная часть общества уже до этого отказалась поддерживать модернизацию в ее дореволюционном варианте. Основным итогом выборов — безоговорочная победа партий социалистической ориентации (эсеров, большевиков, меньшевиков и др.), получивших в целом свыше 80% голосов. Это не означало, впрочем, что Россия «проголосовала за социализм». Социалисты, в том числе большевики, не выступали в тот момент за немедленное построение социализма, о котором и сами имели смутное представление. Избирателей привлек радикализм левых партий, их конкретные требования (в аграрном вопросе, отношении к войне), и, хотя и очень туманная, альтернатива существующему порядку вещей.

Однако в результате «красной смуты» в стране утвердился политический режим, который реализовал еще более форсированный вариант модернизации, не считаясь при этом ни с какими жертвами. Что же обеспечило поддержку, молчаливое согласие или хотя бы покорность общества? Важную, но все же не определяющую роль играло прямое или косвенное насилие. Но наряду с этим, новый режим, в отличие от монархии в ее последние десятилетия или Временного правительства, сумел найти опору в массовом сознании.

Н.А. Бердяев одним из первых отметил, что либеральные идеи оказались в России утопическими, «большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием»². Продолжая мысль философа, можно прийти к внешне парадоксальному выводу, что большевизм оказался «наиболее реалистическим» именно в силу своей утопичности.

Одно из серьезнейших противоречий советской истории, кажется, недооцененное исследователями, заключалось в том, что в глубоко архаичном, в большинстве своем крестьянском, обществе установилась власть с гипермодернизационными установками. Причем эта власть возникла на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему; более того, если выйти за пределы идеологии и устремлений высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама была — по составу, методам, восприятию мира — глубоко архаичной³.

Одновременно большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на особенности российского массового сознания так же, как позднее в Германии нацизм — на особенности массового сознания немецкого народа. Глубинные национально-

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.

³ Подробнее см.: Голубев А.В. Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80—92; Булдаков В.П. Революция как миф и проблема российской истории // Труды по русистике. 2009. № 1. С. 68—113.

культурные ценности, за неимением другого языка, выражали себя в формулах и стереотипах, предлагаемых марксистской идеологией, тем самым невольно придавая ей особую силу и легитимность. При этом они не сводились к этой идеологии и далеко не исчерпывались ею. Как подчеркивает видный советолог У. Лакер, коммунизм, в отличие от нацизма, «находится в главном русле европейской цивилизации, возможно как ересь или утопия, но он соответствует неким глубоко укорененным традиционным устремлениям»⁴. В силу разных причин именно в России эти традиционные устремления оказались наиболее устойчивыми.

В ходе российской революции марксизм слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии — в учение, возвещающее конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле.

Если мифологическое сознание как таковое выступало источником всех массовых движений и порожденных ими диктатур XX в., сами мифы могли различаться достаточно радикально. В частности, сталинский режим, в отличие от большинства подобных ему, не сделал своей опорой национализм. В Германии одними из основных причин прихода к власти нацистов были поражение в Первой мировой войне, непонимание обществом причин этого поражения (ни одно крупное сражение немцы не проиграли, и немецкие войска до конца войны находились на чужой территории), а также карательная политика держав Антанты в отношении побежденной Германии, закрепленная Версальским миром. Российским же массовым сознанием неудачная «империалистическая» война была практически забыта; гораздо более важной и для официальной мифологии, и для общественной исторической памяти стала Гражданская война.

Интернационализм являлся важной составляющей идеологии, которую режим пытался, и не без успеха, навязать обществу. Но, с другой стороны, эта идеология не могла быть полностью проигнорирована и при формулировании концепции реальной политики. В пропаганде второй половины 1930-х гг. революционные и интернационалистические мотивы в какой-то степени уступили место имперским, но продолжали сохранять определенное влияние — хотя бы вследствие инерции. Конечно, одновременно с этим идеология интернационализма сознательно использовалась и для маскировки имперских устремлений.

Однако имперские настроения нельзя путать с национализмом или шовинизмом: характерной чертой имперского сознания как раз является объединение всех подданных на основе общей идеологии независимо от их национальности. Значительная часть советского общества, в том числе многие представители старой интеллигенции, позитивно оценила подобное изменение приоритетов официальной идеологии. В годы Второй мировой войны и первое послевоенное десятилетие этот переход к имперской идеологии продолжался; при этом, по крайней мере, до середины 1980-х гг. русский национализм почти не проявлял себя в общественной, и тем более в политической жизни. Что касается национальных окраин, тут ситуация оказалась сложнее, но анализ ее выходит за рамки данной работы; в любом случае, тот или иной местный национализм никогда не был признан в качестве официально существующей советской идеологии и не мог определять общественную ситуацию за пределами отдельного региона.

---

⁴ Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 391.

Пытаясь достичь утопической цели, режим предпринимал мощные усилия по созданию в СССР индустриального общества. Речь опять-таки идет не только (и не столько) о создании тяжелой промышленности, что обычно ассоциируется со «сталинской модернизацией», но об изменении всех сторон жизни общества, самых основ его культуры, мировосприятия, типа человека. По сути, речь шла о решении задач модернизации, которые оказались не под силу предыдущему, царскому режиму. Причем в этот раз модернизация захватывала все социальные слои и группы русского общества.

Одним из ближайших последствий установления советского режима явилось разрушение гражданского общества. В послереволюционной России это разрушение прошло ряд этапов, которые в перспективе явились своеобразными «ступенями» на пути к тоталитаризму. На первых порах были ликвидированы свободная пресса, многопартийная система и крупная частная собственность. Однако в 1920-е гг. гражданское общество, хотя и в сильно «урезанном» виде, еще существовало. Действовали общественные организации, лояльные по отношению к режиму, но независимые от него; сохранялось многообразие форм собственности.

Все это было уничтожено в ходе пресловутого «великого перелома» на рубеже 1920-х — 1930-х гг. и в ближайшие последующие годы. Необходимо отметить, что в ликвидации нэпа было заинтересовано не только политическое руководство режима, но и часть общества. В городах в нее вошли рабочие, недовольные ухудшением снабжения, массовой безработицей, возвращением социального расслоения, и одновременно придерживающиеся социалистической идеологии, декларированных целей революции; молодежь, стремившаяся к повышению социального статуса и также находившаяся под влиянием утопических идей; вновь возникающий и достаточно уже многочисленный аппарат, постепенно становившийся главной социальной опорой режима. В деревне это были беднота, батрачество, низовой слой «активистов» и функционеров, опять-таки молодежь; не случайно политика правительства в 1920-е гг. была нацелена на разрушение традиционного деревенского социума, сознательное провоцирование классовой борьбы и создание поддержки среди наименее удовлетворенных своим положением социальных групп⁵.

В течение первой половины 1930-х гг. исчезают независимые экономические субъекты. Ограничиваются, а то и прямо запрещаются все виды общественной деятельности, не санкционированные «сверху». Практически все социальные институты и организации оказались огосударствленными в явной или скрытой форме. Многочисленные и разветвленные горизонтальные связи, характерные для гражданского общества, сменились связями чисто вертикальными, построенными по принципу иерархии.

Сталинский «великий перелом», помимо прочего, означал огромный рост **социальной мобильности**, как вертикальной, так и горизонтальной. Были возможны самые разнообразные варианты; например, у крестьян, переезжающих в город (а тем более бегущих в город от опасностей коллективизации), на первых порах, как правило, понижался и социальный статус, и уровень жизни. С другой стороны, в перспективе их дети оказывались в заведомо выигрышном положении по сравнению со своими

⁵ Кудюкина М.М. Общее и особенное в настроениях крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994. С. 268—273.

сверстниками, оставшимися в деревне. Существовал расширенный, по сравнению с дореволюционным временем, доступ к образованию для выходцев из низов. Наконец, большую роль играло «выдвиженчество», в результате которого выигрывали весьма значительные слои населения. Таким образом, постоянно укреплялась социальная база режима.

В 1920-е гг. нередко проводились социологические обследования разного рода, хотя их материалы сейчас остаются малодоступными и редко используются современными исследователями⁶. Так, в 1927 г. в связи с 10-летием Октября Институт методов школьной работы провел обследование идеологии современного школьника. Опросом были охвачены 120 тыс. человек, всего проанализировано более полутора миллионов высказываний. Другими словами, мы имеем достаточно репрезентативную картину настроений **нового поколения**, которое в скором времени стало определять историю страны.

Высказывания, оценки и пожелания зависели от социальной принадлежности школьников: так, дети рабочих (очевидно, вслед за взрослыми) требовали проведения индустриализации и упразднения нэпа, дети крестьян и кустарей — ликвидации выборных привилегий рабочих, дети служащих и интеллигенции — права свободного поступления в вузы.

При оценке результатов революции, как правило, преувеличивались экономические или социальные завоевания других социальных групп, в то время как применительно к своей среде эти достижения оценивались гораздо более скептически. И, несмотря на это, 34,2% респондентов безоговорочно поддержали советский строй, 46,6% ответов содержали высказывания о необходимости тех или иных изменений, но с позиций общего одобрения результатов революции, и только 2,6% респондентов требовали возврата к старому и выражали неприятие новой власти⁷.

Не менее любопытны материалы «Гарвардского проекта». В данном случае речь идет об опросах, которые в 1950—1951 гг. проводили сотрудники Гарвардского университета среди «перемещенных лиц» — советских граждан, по тем или иным причинам оставшихся на Западе после Второй мировой войны. Опросы охватывали несколько тысяч человек и касались, помимо прочего, отношения опрошенных к различным сторонам жизни в СССР. Для данной статьи материалы этого проекта представляют собой особый интерес, ибо позволяют статистически проследить, какие именно мероприятия власти вызвали максимальную поддержку населения, в том числе и критически настроенного.

Прежде всего — и это явилось главным неприятным открытием для американцев — оказалось, что молодежь в гораздо большей степени, чем старшее поколение, склонна поддерживать режим; лишь террор и отсутствие правдивой информации о жизни на Западе вызывали у нее резко критические оценки. Основным предметом недовольства являлось коммунистическое руководство в лице его вождей, а не советская власть, социалистическая система или даже сталинский режим как таковой; одновременно многие марксистские положения и догмы были прочно усвоены даже

⁶ Материалы этого и ряда подобных ему опросов были тогда же опубликованы. См.: *Гельмонт А.И.* Дети и политика // Педология. 1929. № 4; Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1929.

⁷ Результаты опросов здесь приводятся по: *Козлов В.А., Семенова Е.А.* Социология детства (обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 47—48.

теми людьми, которые на словах отрицали марксизм. И, наконец, даже среди этого специфического контингента, число людей, принципиально враждебных советскому режиму, составляло, по оценкам самих американцев, от 3 до 6%, в зависимости от социальной принадлежности (любопытно, что наиболее негативно к советскому режиму относились квалифицированные рабочие; очевидно, в этой социальной группе сильнее всего сработал синдром неоправдавшихся ожиданий). Остальные же считали, что жить при сталинском режиме было вполне приемлемо.

Вместе с тем многие черты советской действительности вызывали у опрошенных негативную реакцию. Здесь на первом месте оказались колхозы, ликвидации которых желали от 50 до 60% опрошенных в зависимости от их социальной принадлежности; затем следовали «абсолютистская» организация государства (25% колхозников; 47% интеллигенции); террор и беззаконие (26% рабочих; 67% интеллигенции); отсутствие личной инициативы (11;28%); плохие условия труда (9;25%). Зато коммунистическую идеологию как таковую отрицали лишь 12% рабочих и 33% колхозников.

Сложнее ответить на вопрос, какова была степень реальной поддержки сталинского режима. Анализируя материалы «Гарвардского проекта», американские советологи пришли к выводу, что число преданных режиму людей составляло также около 5% — это были представители высшего партийного эшелона, НКВД, бюрократической и частично военной элиты. Остальная масса населения, по мнению американцев, в той или иной степени недовольная советской действительностью, оказалась, тем не менее, одновременно пассивна и лояльна. Российские исследователи, однако, считают, что сталинизм, особенно в 30—50-е гг., пользовался гораздо большей поддержкой, и число людей, преданных режиму, намного превышает количество представителей элиты. По некоторым оценкам, речь может идти о 20—30% населения (не только представители так называемой «номенклатуры», но и члены партии и комсомола, значительная часть молодежи и т.д.)

Одной из важных составляющих советской модернизации стало создание своеобразного варианта «государства благосостояния». Сейчас можно говорить о всеобщей закономерности возникновения подобных структур в процессе модернизации. Эту задачу с разным успехом решали и демократические режимы, и все массовые диктатуры XX ст. Однако в СССР возникновение «государства благосостояния» было связано, помимо общих закономерностей модернизации, во-первых, с господствующей марксистской идеологией, и, во-вторых, с особенностями происхождения советского режима. Он возник в результате революции, получил массовую поддержку (что продемонстрировали ход и исход Гражданской войны) и теперь должен был реализовать провозглашенные им цели.

Именно социальная политика в значительной мере обусловила поддержку режима. Свидетельств тому более чем достаточно, в том числе в материалах «Гарвардского проекта». Большинство «перемещенных лиц» признали, что при советской власти произошли существенные улучшения в следующих сферах: медицинская помощь (об этом говорили представители различных социальных групп, от 68% колхозников до 90% представителей интеллигенции), ликвидация неграмотности (от 83% колхозников до 97% представителей интеллигенции), механизация сельского хозяйства (от 78% рабочих и 80% колхозников до 96% представителей интеллигенции). Подавляющее большинство опрошенных (от 76 до 93% в разных социальных группах) выступили за существование государственной гарантии права на труд. И, наконец, отвечая на вопрос, что из составляющих советской системы следовало бы сохранить даже в

случае смены большевистского режима, 50—60% опрошенных во всех социальных группах называли системы образования и здравоохранения. Более того, сравнивая советскую и американскую системы здравоохранения, эмигранты предпочитали советскую — в соотношении 2:1⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что создание «государства благосостояния» уже в 1930-е гг. оказалось одним из реальных достижений советской власти и, более того, существенно повлияло на укрепление социально-политической базы режима. В реальности советский вариант «государства благосостояния» мог функционировать как угодно плохо. Важнее, что само его возникновение и существование в сознании людей прочно связывались именно с советской властью.

Сталинизм стремился к максимальному упрощению общественного бытия и общественного сознания, к их однородности и монолитности. Это, собственно, и означало ликвидацию гражданского общества, которая сопровождалась более масштабным процессом, затронувшим все стороны российской жизни: шла своеобразная «атомизация» общества в целом, разрушение традиционных связей, социальных, культурных, этнических, в какой-то степени даже родственных. В значительной мере это было вызвано объективными причинами. Как в предреволюционные, так и в послереволюционные годы развитие промышленности, политические потрясения, индустриализация, коллективизация, наконец, урбанизация — все это способствовало разрушению складывавшейся веками традиционной социальной структуры. Но и политика режима действовала в том же направлении.

Массы, вырванные из привычного социального контекста, зачастую овладевшие лишь элементарной грамотностью, представляли собой благоприятную почву для восприятия официальной идеологии через централизованную пропагандистскую систему.

Но важно отметить, что и в этих условиях достигли лишь частичного и временного эффекта. «Атомизация» общества не стала абсолютной. Влияние режима на повседневную жизнь и настроения деревни было меньшим, чем в городах; на окраинах меньше, чем в центре; процессы общероссийского масштаба по-разному происходили в столице, в промышленных центрах, сельской «глубинке» или в национальных районах; впрочем, тут необходимы дальнейшие исследования. Можно лишь отметить, например, что в российской провинции, с одной стороны, традиционные связи оказывались более устойчивыми, чем в крупных центрах, а с другой — местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные. Вообще «перегибы на местах» стали постоянной составной частью советской политической культуры и как реальность, и как своеобразное «алиби» для политического руководства. К тому же в центре некоторые социальные группы (например, академическая или художественная элита), сохраняли остатки собственной автономии, несмотря на репрессии, которым они подвергались. В провинции подобных исключений практически не было.

Впрочем, этот процесс имел и обратную сторону: вместо разрушенных социальных связей постоянно возникали новые — семейные, профессиональные, территориальные, клановые и т.д. Короче говоря, вышеописанная «атомизация» была скорее тенденцией, чем состоянием общества.

Оставались, по выражению авторов классического труда о тоталитаризме К. Фридриха и З. Бжезинского, «острова сепаратизма», т.е. семья, церковь, в меньшей степе-

⁸ Подсчитано по: *Кодин Е.* Гарвардский проект. М., 2003. С. 109—144.

ни академические круги, сфера культуры и искусства⁹. Это давало порой некоторую возможность сохранить привычную систему ценностей, внутреннюю свободу личности, не приводя к открытой конфронтации с существующим строем. В то же время террористическая политика режима исключала их развитие до уровня составных элементов гражданского общества.

Особое место занимали постоянно находившиеся в неприязненных отношениях с режимом (большой частью не по своей воле) различные конфессии. В отличие от других социальных структур, помимо организации, они предлагали и альтернативное, при этом целостное и глубоко укорененное, существующее в течение столетий и вошедшее в самую ткань культуры мировоззрение. Одно это делало их потенциальным, но подлинным конкурентом режима.

Изучение процессов, происходящих в обществе, и его взаимоотношений с властью позволяет по-новому взглянуть и на историю Большого террора. Сторонники классической «тоталитарной школы» считали постоянный террор неотъемлемой составляющей сталинского режима, вытекающей из его природы и, следовательно, не требующей дополнительных объяснений. Однако многие историки, изучающие советское общество тех лет во всех его проявлениях, не удовлетворяются этим объяснением и пытаются найти конкретные причины того, что произошло в 1937—1938 гг.

Обычно среди таких причин называют следующие: борьба за власть в политическом руководстве; необходимость замены руководящих кадров новыми, более компетентными и одновременно менее политически амбициозными; подготовка к надвигающейся войне с учетом уроков гражданской войны в Испании (так называемая «пятая колонна»); наконец, накапливающееся раздражение и усталость в обществе, связанные с очевидными просчетами в «строительстве нового общества». Все это, конечно, было и играло определенную роль в подготовке и проведении Большого террора¹⁰. Однако, на мой взгляд, незамеченным остается еще, быть может, один из самых главных факторов — пик репрессий пришелся именно на 1937 г. (по сравнению с 1936 г. число арестованных за «контрреволюционные преступления» в 1937 г. выросло более чем в 7 раз).

В 1936 г. приняли новую Конституцию СССР, весьма демократичную по своему содержанию. На 1937 г. были назначены выборы в Верховный Совет СССР, которые занимают особое место в советской истории.

Во-первых, выборы стали равными, прямыми, тайными и всеобщими — такое было лишь однажды в российской истории, в 1917 г. Причем, что характерно, формально все вышеупомянутые демократические условия были старательно соблюдены. Конечно, на самом деле никакого выбора не имелось: на одно место баллотировался один кандидат, заранее тщательно подобранный и одобренный свыше, но это оставалось за скобками.

Во-вторых, выборы рассматривались политическим руководством не только как чисто пропагандистский шаг, но и как самая эффективная легитимация советского

⁹ Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1965. P. 289.

¹⁰ Вопрос о количестве жертв Большого террора, который еще недавно вызывал столько споров, сейчас представляется в основном решенным. Открытые в последние годы документы НКВД позволяют сделать вывод, что в 1937—1938 гг. по политическим обвинениям были арестованы чуть более полутора миллионов человек. Эта цифра чудовищна сама по себе, и нет никакой необходимости искусственно увеличивать ее до нескольких миллионов или даже десятков миллионов жертв.

режима в глазах и всего мира, и собственного народа. Ничего не решающие последующие выборы породили у нескольких поколений историков скептическое отношение и к Конституции 1936 г., и к советской выборной системе в целом. Однако в 1937 г. эта система испытывалась впервые, и власти боялись всяческих неожиданностей.

Выступая на VIII Чрезвычайном съезде Советов в ноябре 1936 г. В.М. Молотов отмечал: «При новом порядке выборов не исключается возможность выбора кого-либо из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация. Но и эта опасность, в конце концов, должна послужить на пользу дела»¹¹.

В узком кругу, впрочем, партийные руководители не были столь оптимистичны. Так, на пленуме Ленинградского обкома в марте 1937 г., когда речь зашла о подготовке к выборам, первый секретарь обкома, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов заявил: «А попы будут создавать легальную клерикальную религиозную партию против нас». Делавший доклад второй секретарь обкома А.С. Щербаков тут же прокомментировал: «Совершенно верно... Враги есть, двурушники есть, бороться против нас будут, имеем вот такую готовую организацию — какой является поповская организация, стало быть, избирательная борьба будет»¹².

Подобные предположения высказывали и идейные противники большевиков. «В газетах стали появляться статьи и речи о новой Сталинской конституции, самой демократической конституции в мире. Опороченная ранее большевиками на выборах в Учредительное собрание “четырёххвостка” (прямое, всеобщее, тайное, равное голосование) поднималась на щит. Мы не верили, мы недоумевали — в чем тайна очередного трюка? Мы знали, что допустить свободное волеизъявление большинства коммунисты не могут. В нем — их гибель. Не подготовкой ли к новым выборам по новой конституции являются бесчисленные аресты, бешеная травля троцкистов?» — вспоминала позднее Е.Л. Олицкая, находившаяся в тот момент в заключении¹³.

Догадка Олицкой представляется более чем вероятной: сейчас имеется достаточно свидетельств, позволяющих утверждать, что массовые «чистки» 1937—1938 гг. (например, печально известная «кулацкая операция») были ничем иным, как своеобразной формой предвыборной кампании. Власти заранее «обезвреживали» потенциальных политических противников, стараясь запугать оставшихся и не допустить не то что организованной политической оппозиции, но и вообще никакой антисоветской агитации, никакого протестного голосования.

Массовая операция НКВД по изъятию всех неблагонадежных элементов охватила не только партийную, государственную, военную и прочие элиты, но и огромное количество рядовых граждан, по каким-то причинам попавшим в «черные списки» НКВД (например, участие в Гражданской войне на стороне «белых», членство в «контрреволюционных партиях», т.е. всех политических партиях кроме ВКП(б), принадлежность к зажиточным слоям населения, неосторожные высказывания, и т.д., и т.п.).

Опасения за исход **всеобщих и тайных выборов** подтолкнули всплеск репрессий, в ходе которых была уничтожена потенциально враждебная режиму и при этом социально активная часть общества. Одновременно репрессии, которым подвергалась

¹¹ Правда. 1936. 30 ноября.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1044. Л. 19—20.

¹³ Олицкая Е. Мои воспоминания. Франкфурт н/М., 1971. Т. 2. С. 154. Е.Л. Олицкая (1899—1974), член партии эсеров с 1917 г., в 1934—1937 гг. отбывала срок в Суздальском, затем Ярославском политизоляторе.

советская номенклатура, позволяли укрепить единомыслие в партии и стране, упрочить власть вождя, а заодно — продемонстрировать многочисленным избирателям виновников всех бедствий и неудач предшествовавшего периода, в том числе провалов в выполнении второй пятилетки, и снять, таким образом, ответственность с остальной части правящей верхушки.

В историографии, особенно публицистике последних лет, стало общим местом упоминание о митингах, участники которых требовали немедленной расправы с «врагами народа». Однако в реальности дело обстояло сложнее. Были люди, понимавшие необоснованность, а часто абсурдность большинства выдвигаемых обвинений, как политического, так и уголовного характера. Были равнодушные. В целом, однако, общество скорее примирилось с террором, чем поддержало его. Одним из первых вопрос об отношении советского общества к Большому террору поставил американский исследователь Р. Тэрстон. По его мнению, основанному на изучении материалов «Гарвардского проекта», значительная часть советских граждан не чувствовала угрозы лично для себя и склонна была верить в существование «врагов народа». Он подчеркивает: «Утверждать, что все [советские граждане. — А.Г.], или даже большинство, были запуганы террором, столь же неприемлемо в случае с СССР 30-х годов, как и с Германией в те же годы»¹⁴.

Высказывавшиеся требования относительно казни «врагов народа» являлись не только результатом пропаганды, опиравшейся на «инстинкт толпы», но и показателем реально существовавших в обществе усталости, напряжения, раздражения. Например, среди откликов на процесс 1936 г., когда были осуждены Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, встречались и такие: «Никогда не поверю, что расстреляют Зиновьева и Каменева, вы думаете, что Сталин за нас, и нашим рабочим духом напитан, он тоже образованный. Рамзина не расстрелял, также не расстреляет и Зиновьева»¹⁵. Другими словами, осуждение среди части населения вызывали не столько сами репрессии против партийной, бюрократической, военной элиты, сколько их недостаточный масштаб или недостаточная решимость верховной власти в их проведении. И негативное отношение к «образованным» (независимо от их политического или социального статуса) также достаточно характерно.

Конечно, надо отметить и то, что масштабный террор, раз начавшись, приобретал собственную инерцию (в российской публицистике, а частично и в историографии давно утвердилась идиома «раскрутился маховик репрессий»).

Вместе с тем нет оснований считать выборы 1937 г. всего лишь «бутафорией», «мистификацией», как это делают некоторые исследователи¹⁶. Конечно, на них не решался вопрос о власти в стране; избранный в ходе выборов Верховный Совет на деле таковым не являлся. Но зато в 1937 г. одновременно решались две важнейшие задачи: репрессии повышали уровень контроля власти над населением, одновременно обеспечивая желаемый исход выборов, а введение весьма демократической

¹⁴ См.: *Thurston R. Fear & Belief in the USSR's "Great Terror": Response to Arrest, 1935—1939 // Slavic Review. Summer 1986. Vol. 45. N 2. P. 230.* Любопытно, что в подтверждение своей точки зрения автор ссылается на монографию, посвященную гитлеровской Германии, с более чем характерным названием: *Mayer M. They Thought They Were Free: The Germans 1933—1945. Chicago, 1955* («Они думали, что были свободными: немцы в 1933—1945 гг.»).

¹⁵ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 114.

¹⁶ См., например: *Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19—37.*

конституции, всеобщие выборы (равно как и снятие различных ограничений с отдельных категорий граждан — казаков, т.н. «лишенцев» и пр.¹⁷) создавали не только иллюзию единства, но и реально способствовали сплочению общества, пусть и не в такой степени, как об этом заявляла советская пропаганда.

Прекращение политики открытого массового террора, даже не сопровождавшееся серьезными преобразованиями в политической системе, подтолкнуло процесс возникновения и закрепления новых социальных связей. Стремление к переменам ощущалось в обществе уже в первые послевоенные годы и явилось одним из социально-психологических последствий войны, породившей повышенные ожидания. Эти ожидания не сбылись, но, по крайней мере, заметно повлияли на изменение общественной атмосферы. Еще более резким толчком оказался XX съезд КПСС и робкое начало десталинизации.

Сознательное политическое или идеологическое сопротивление было уделом узкого круга людей. Но гораздо шире распространились неосознанные или полусознанные формы недовольства. Чрезвычайно большую роль играли культурные и бытовые традиции. Само наследие русской и мировой культуры рождало духовное противостояние если не с режимом в его полноте, то, по крайней мере, с наиболее негативными его проявлениями.

Именно это противостояние способствовало тому, что в 1950—1960-е гг. смогли оформиться первые ячейки гражданского общества, хотя и не осознававшие себя в этом качестве.

К возрождению гражданского общества и постепенному разложению тоталитарного режима вела сама логика модернизации, которую этот режим осуществлял. После социальных потрясений первой половины XX в. наступила эпоха относительной стабильности и условного благополучия. Постепенно возникала официально игнорируемая, но, тем не менее, весьма сложная социальная структура, сходная с такой же структурой других развитых стран. Радикально изменился уровень образования: к середине 1980-х гг. каждый четвертый работник, по данным официальной статистики, был связан, в основном, с умственным трудом. Завершался процесс урбанизации: уже к началу 1960-х гг. городское население превышало по численности сельское, причем изменение этого соотношения в пользу города происходило достаточно высокими темпами.

При этом необходимо понимать, что реальная сила (устойчивость, легитимность) государства часто обратно пропорциональна применяемому им насилию, и в этом смысле хрущевский, тем более брежневский режим, при всей своей внешней «мягкости», был по сути сильнее сталинского. Выборы уже не обещали никаких сюрпризов, и воспринимались и обществом, и властями как пустая формальность. Общество и власть заключили взаимовыгодный компромисс, который сохранялся до конца 1980-х гг.

Но одновременно происходило незаметное, но принципиальное, историческое «расхождение» общества и политического режима. В годы «застоя» режим постепенно стагнировал, а общество менялось, развивалось, хотя и не всегда «по восходящей». Правящая номенклатура все больше утрачивала представление о реальности и контроль над складывавшейся в стране ситуацией, а в обществе происходила частичная демифологизация массового сознания. Точнее на смену единой, господствовав-

¹⁷ См. об этом: Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3—26.

шей ранее мифологии, явились новые (принятые отдельными, иногда весьма узкими, социальными группами), соперничавшие между собой.

Если на первых порах советский режим оказался эффективным орудием ускоренной модернизации, то уже в конце 1950-х проявилась его неспособность приспособиться к новым, изменившимся экономическим и социальным условиям. В 1930-е гг. главным аргументом в пользу сталинского «социализма» были быстрые темпы развития. В 60-е гг. наметились сначала отставание в развитии, а затем и медленно нарастающий кризис. Это сопровождалось заметным смягчением режима, начавшимся после смерти его создателя, И.В. Сталина, и постепенным «отмиранием» всеильной когда-то идеологии. К середине 1980-х гг. режим, давно уже переставший быть тоталитарным в точном смысле этого слова, окончательно пережил себя и скончался после недолгой агонии «перестройки».

Отношения между сталинизмом и обществом строились одновременно на условиях и принуждения/покорности, и поддержки. Если нет данных, позволяющих статистически оценить роль каждого из этих факторов, то можно, по крайней мере, утверждать, что все они были достаточно значимыми. Роль принуждения и поддержки постепенно снижалась, а покорность заменялась привычкой, и все это придавало советскому режиму (и сталинскому, и постсталинскому) достаточную устойчивость и стабильность вплоть до эпохи перестройки.

Подводя итог, можно утверждать, что советское общество представляло собой динамическую модель, которая постоянно менялась и уже потому не может быть охарактеризована одним термином. Не являясь «тоталитарным», общество вместе с тем не только воспринимало, но и воспроизводило отдельные тоталитарные качества. С другой стороны, исследования последних лет наглядно показывают, что за фасадом официального псевдогражданского общества постоянно, даже в 1930—1940-е гг., возникали ячейки подлинного гражданского общества: далеко не все из них носили политический характер (хотя и политическое сопротивление в той или иной форме характерно для всех периодов советской истории), это были и литературные, философские, творческие кружки, и общества по интересам, и религиозные общины, и проч. И если советская власть всячески препятствовала формированию гражданского общества, то советская модернизация порождала и активизировала этот процесс.

Спецслужбы в советской системе власти

В общепринятом понимании понятие «государственность» включает в себя четыре основных компонента: государственный строй (политический режим), государственная «машина» (аппарат власти, управления, правосудия), кадры (государственные служащие, чиновничество) и государственная идеология.

Государственное образование Союз Советских Социалистических Республик имеет точные хронологические рамки: 30 декабря 1922 г.—8 декабря 1991 г. Однако очень важно рассмотреть, как шло формирование спецслужб в Советской России: после Октябрьской революции, во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917—1922 гг.). Именно в этот период происходило зарождение советских органов государственной безопасности, которые практически сразу же были наделены чрезвычайными полномочиями.

Об органах госбезопасности в различные периоды их деятельности написаны десятки монографий и диссертаций, сотни книг и брошюр, тысячи статей. Число изданий постоянно растет, но среди них мало научных публикаций открытого характера. Это связано со спецификой деятельности разведки и контрразведки, форм и методов их работы, засекреченностью структуры и кадрового состава. По этой причине до 1990-х гг. исследования проводились в основном специалистами, работавшими в отечественных спецслужбах, их публикации носили научно-прикладной характер и были засекречены.

В историографии советских органов государственной безопасности обычно выделяют три периода: 1918 г. — середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. — настоящее время¹.

Первый из названных периодов характеризовался общим идеологизированным состоянием советской историографии, ограниченностью доступа к материалам, хранящимся в государственных и ведомственных архивах, в том числе документам о работе советской разведки и контрразведки. Исследования проводились в рамках единой официальной концепции и государственной коммунистической идеологии. Исключением стали книги по данной теме, написанные за пределами СССР. Так, в 1948 г. во Франкфурте-на-Майне М. Мондич² под псевдонимом Н. Свирский в специальном выпуске «Граней» опубликовал книгу «Смерш»³. В ней он излагает свое критическое отношение к деятельности органов контрразведки «Смерш» на завершающем этапе Великой Отечественной войны, приводит некоторые негативные примеры.

¹ Свиридов Г.А. Становление и деятельность территориальных органов государственной безопасности: 1918—1941 гг. (на примере Курского региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 4.

² Мондич Михаил Дмитриевич (1923—1969), учился в гимназии в Праге, закончил машиностроительный факультет Пражского университета. Член НТС. После занятия Красной армией Закарпатской Руси призван в Красную армию, затем переведен в органы контрразведки «Смерш» НКО в качестве переводчика (чешского, венгерского, румынского, немецкого языков). По окончании войны бежал на Запад. В 1949 г. эмигрировал в США. В 1952 г. вернулся в Европу и с 1952 по 1968 гг. был сотрудником исследовательского отдела радио «Свобода».

³ Мондич М. Смерш (год в стане врага). Франкфурт н/М, 1948.

Во второй период развития историографии рассматриваемой проблемы, возможности исследователей несколько расширились. Этому способствовали различные факторы, возникшие в связи со смертью И.В. Сталина и последовавшей критикой культа его личности. 7 февраля 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», положившее начало массовому рассекречиванию архивных документов.

Решающую роль в изменении общей политической обстановки и развитии историографии сыграл XX съезд КПСС, состоявшийся 14—25 февраля 1956 г. Съезд провозгласил политику мирного сосуществования государств с различными политическими системами, утвердил директиву по 6-му пятилетнему плану, поддержал массовую реабилитацию жертв политических репрессий. 25 февраля на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н.С. Хрущев. Этот доклад был настолько прогрессивен, что его материалы долгое время находились на закрытом хранении.

В этот период существенно возросло количество изданных книг, статей и мемуаров. С марта 1956 г. стал выходить журнал «История СССР» (в дальнейшем он стал называться «Отечественная история», ныне — «Российская история»), значительно расширивший возможности исследователей.

Третий период историографии советских органов безопасности характеризуется активным изданием мемуаров и научно-популярных работ, снятием ограничительных грифов с большого количества документов⁴, рассекречиванием документов НКВД/НКГБ СССР, органов контрразведки «Смерш», передачей части из них на государственное хранение и расширением источниковой базы исторических изысканий. Этот период часто называют временем, когда произошла «архивная революция», и исследователи, получив доступ к закрытым материалам, начали изучать ранее закрытые темы.

Исследуя роль и место советских спецслужб, целесообразно рассматривать их деятельность в привязке к основным этапам истории развития Советского государства. Процесс формирования, реорганизации советских органов государственной безопасности, наделения их полномочиями и определения основных направлений их деятельности можно условно разделить на четыре этапа. На первом из них (декабрь 1917 г. — январь 1922 г.) была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией и саботажем, на втором (февраль 1922 г. — июль 1934 г.) — органы государственной безопасности функционировали в период формирования административно-командной системы управления в СССР. Третий этап (июль 1934 г. — март 1954 г.) начался с проведения реформы административно-политических органов и образования единого общесоюзного Наркомата внутренних дел и завершился очередной реорганизацией органов государственной безопасности СССР, проведенной после смерти Сталина. Четвертый этап (март 1954 г. — декабрь 1991 г.) — период формирования, деятельности и упразднения Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР.

Кратко рассмотрим причины образования (реформирования) органов государственной безопасности, их задачи, полномочия, основные направления деятельности и место в структуре Советского государства в каждый из названных периодов.

⁴ Указ Президента РФ от 23.06.1992 № 658 «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». См.: Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ № 26. 1992. Ст. 1510.

1-й этап (декабрь 1917 г. — январь 1922 г.)

7 (20) декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК) утвердил создание Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем⁵, к которому как способу сопротивления прибегала буржуазия.

Новый чрезвычайный орган в народе стали называть кратко «Чрезвычайкой» или «ЧК», а ее сотрудников — «чекистами». Это наименование сотрудников госбезопасности настолько прочно закрепилось в лексиконе спецслужб, что даже нынешние сотрудники ФСБ России часто называют себя «чекистами».

Совнарком определил задачи и полномочия комиссии: пресечение и ликвидация всех контрреволюционных и саботажных действий по всей России; предание суду Ревтрибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; предварительное расследования дел. Основными направлениями деятельности ВЧК были признаны «печать, саботаж, кадеты, правые эсеры».

Немного позднее «саботаж» в названии комиссии будет заменен на «преступления по должности», но от этого ничего в деятельности ВЧК не изменится.

После образования и в первые месяцы деятельности ВЧК в ее штате насчитывалось менее сотни человек. Кандидатов на работу направляли райсоветы и райкомы партии большевиков. Многие, кто пришел на работу в ВЧК, прошли большевистское подполье, преследовались царской охранкой, подвергались судебному преследованию. Они хорошо знали основы сыскной работы политической полиции, преследовавшей революционеров. На работу категорически запрещалось брать бывших сотрудников политической полиции, а также разведывательных и контрразведывательных служб царской России.

Во второй половине декабря 1917 г. ВЧК начала свою деятельность с проведения мероприятий по ликвидации Учредительного собрания в Петербурге и Союза защиты Учредительного собрания.

В связи с резким обострением ситуации на фронте и наступлением германских войск 21 февраля 1918 г. Совнарком издал декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Он обязывал Советы, другие организации направлять все силы на дело «революционной обороны», уничтожать при отступлении советских войск пути сообщения, продовольствие, имущество, провести мобилизацию и т.д. 8-й пункт декрета гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». На основании названного декрета чекисты получили чрезвычайные полномочия и право применять высшую меру наказания (вплоть до расстрела). Об этом ВЧК известило общественность, опубликовав 23 февраля 1918 г. сообщение, что «все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний, продавцы и скупщики оружия, будут беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте преступления»⁶.

С конца февраля 1918 г. началось формирование чрезвычайных комиссий в регионах. Одной из первых была образована Московская ЧК. В августе 1918 г. насчитывалось уже 75 уездных чрезвычайных комиссий, а к концу года их было 365.

В условиях жестокого противостояния, развернувшегося в ходе Гражданской войны, 5 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов потребовал применения массового террора против врагов советской власти, введения заложничества, изоляции

⁵ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991. М., 2003. С. 302.

⁶ Дорошенко И.А. История органов и войск государственной безопасности СССР. М., 1959. С. 77.

«контрреволюционных элементов» в концентрационные лагеря. ВЧК и ее местным органам было предоставлено право брать заложников.

Переход к решительным методам борьбы с противниками большевиков был закреплен постановлением Совнаркома «О красном терроре», принятым 5 сентября 1918 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского. В постановлении говорилось: «Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; ...необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁷.

20 июня 1919 г. ВЦИК наделил чекистские органы в местностях, объявленных на военном положении, правом на непосредственную расправу (вплоть до расстрела). Ею карались за принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против советской власти; государственную измену и шпионаж; укрывательство изменников и шпионов; сокрытие в контрреволюционных целях оружия; подделку денежных знаков; подлог в контрреволюционных целях; организацию поджогов и взрывов; умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного сообщения, воинских и продовольственных складов; бандитизм (участие в шайке, созданной для убийств, разбоя и грабежей), разбой и вооруженный грабеж; торговлю кокаином⁸.

Первоначально аппарат ВЧК состоял из 3 отделов: Информационного (сбор информации); Организационного (организация борьбы с контрреволюцией по всей стране (18 марта 1918 г. преобразован в Иногородний отдел с задачами руководства местными чрезвычайными комиссиями) и по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 11(24) декабря 1917 г. было поручено организовать Отдел по борьбе со спекуляцией и фальшивомонетчиками. В январе 1918 г. при Отделе по борьбе с контрреволюцией и саботажем был образован банковский подотдел для борьбы с преступлениями по должности банковских чиновников. В марте 1918 г. создан Отдел по борьбе с преступлениями по должности.

После переезда в Москву (12 марта 1918 г.) ВЧК имела следующие основные отделы: борьбы с контрреволюцией; со спекуляцией; с преступлениями по должности; иногородний отдел и информационное бюро.

По решению I Всероссийской конференции ЧК в губерниях и уездах, расположенных вдоль демаркационной линии, были созданы пограничные чрезвычайные комиссии, которые находились в подчинении пограничного подотдела ВЧК и местных Советов. На них возлагались задачи по борьбе с иностранными шпионами, контрреволюционерами, контрабандистами и спекулянтами. Пограничные ЧК вели разведку за границей, оказывали содействие служащим таможенного ведомства в досмотре пассажиров. К сентябрю 1918 г. на западной границе были образованы 34 пограничные ЧК.

В связи с образованием Красной армии и привлечением на военную службу достаточно большого количества бывших офицеров царской армии (военных специалистов), необходимо было организовать контроль за их настроениями и благонадежностью. Эта задача была возложена на образованный в декабре 1918 г. Особый отдел ВЧК, ставший в 1919—1921 гг. основным подразделением, которое вело контрразведывательную работу в Красной армии, пограничных войсках, а также разведку.

⁷ С конца сентября 1918 г. стал издаваться «Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», в котором «разрабатывались и вскрывались все виды и планы наших врагов». См.: ВЧК уполномочен сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 53.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 132—133. Типографский экземпляр.

Принципиально важной сферой для экономики Советской России были железные дороги, на которых нужно было организовать регулярное движение поездов, а также пресекать хищения и злоупотребления. Решением СНК от 7 августа 1918 г. был создан Железнодорожный отдел ВЧК, в ведение которого перешла борьба с преступлениями на железных дорогах⁹. В ноябре 1918 г. II Всероссийская конференция ЧК (26—30 ноября 1918 г.) постановила образовать при ВЧК Транспортный отдел, сферой деятельности которого стала борьба с преступностью на всех видах путей сообщения (железные дороги, водные и шоссейные пути), а также в почтово-телеграфных учреждениях¹⁰.

Для противоборства с контрреволюционерами и преступниками во время проведения обысков, арестов и облав, а также для охраны важнейших государственных учреждений 13 декабря в распоряжение ВЧК была направлена команда солдат Свеаборгского полка. 14 января 1918 г. Совнарком поручил Дзержинскому организовать специальные отряды, законодательно оформив их существование при ВЧК.

На 1 января 1920 г. структура центрального аппарата ВЧК имела следующий вид: Президиум ВЧК; отделы: особый; секретно-оперативный; транспортный; инструкторский; регистрационный (создан 1 сентября 1918 г.)¹¹; административно-организационный; хозяйственный и следственная часть (так именовался Следственный отдел); штаб войск внутренней охраны.

Весной 1920 г., после разгрома основных сил белых армий, сотни тысяч офицеров, казаков, солдат, сражавшихся с большевиками, бежали за границу. Советскую Россию покинула также значительная часть политических деятелей, буржуазии, чиновничества и интеллигенции. Эмиграция все более увеличивалась, достигнув, по разным оценкам, 1,5—2 млн человек. За границей создавались многочисленные антисоветские центры, регулярные воинские формирования белых, которые вынашивали планы свержения власти большевиков. Перед ВЧК была поставлена задача ведения разведки в эмигрантских кругах, а также в политических и разведывательных органах европейских стран, поддерживавших белую эмиграцию.

Отдельные попытки ведения разведывательной работы за кордоном предпринимались уже с первых месяцев существования ВЧК. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о радикальной реорганизации советской разведки. 12 декабря 1920 г. Дзержинский отдал распоряжение о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять своих уполномоченных за границу без его согласия. Он предложил создать Иностраный отдел ВЧК с тем, чтобы «все агенты за границу от ВЧК могли посылаться только этим отделом». 20 декабря 1920 г. был создан Иностраный отдел ВЧК, наделенный полномочиями ведения разведывательной работы за границей.

В 1920 г. на органы ВЧК официально возложили задачу по охране правительственных объектов, обеспечению безопасности руководителей Коммунистической партии и советского правительства. Для этого 26 ноября 1920 г. вместо оперативного отделения при Президиуме ВЧК было создано Специальное отделение, которое возглавил А.Я. Беленький.

25 января 1921 г. было организовано Экономическое управление (ЭКУ) ВЧК, которое выполняло следующие задачи: «руководить борьбой с преступлениями, способствующими разрухе в хозяйственной жизни Республики (экономическим шпио-

⁹ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 16.

¹⁰ Там же С. 322—323.

¹¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 231—233.

нажем, саботажем, спекуляцией и др.), и оказывать содействие всем хозяйственным наркоматам и учреждениям».

28 января 1921 г. при ВЧК был создан Специальный отдел, занимавшийся организацией шифровальной связи, секретного и мобилизационного делопроизводства во всех государственных органах СССР¹², 28 марта — Информационный отдел, в задачу которого входила систематизация и обработка материалов о политическом, экономическом положении во всероссийском масштабе, а также военная цензура.

На 1 января 1922 г. в центральный аппарат ВЧК входили 5 управлений: Секретно-оперативное (Секретный, Особый, Оперативный, Информационный и Иностранный отделы), Экономическое, Административно-организационное, Управление делами и Управление войск ВЧК; отделы: Транспортный, Специальный (шифры), Снабжения. Кроме того, в аппарат входили Следственная часть и Специальное отделение (охрана).

К началу 1921 г. были сформированы 74 губернских, 22 транспортных ЧК и 29 особых отделов, в которых насчитывалось около 40 тыс. человек. Войска ВЧК (к концу 1921 г.) выросли до порядка 70 тыс. человек. Общее число сотрудников ЧК превышало 110 тыс. человек.

При приеме на службу в ЧК и в особые отделы, в основе комплектования которых лежал принцип партийности, предпочтение отдавалось выходцам из «трудящихся классов», особенно рабочим и беднейшим крестьянам.

Основные направления деятельности ВЧК

В первые месяцы после своего создания ВЧК уделяла большое внимание борьбе с саботажниками в Петрограде. В январе—феврале 1918 г. она нанесла первые удары по организациям, занимавшимся вербовкой офицеров в белогвардейскую армию.

В конце августа 1918 г. ВЧК раскрыла антисоветский заговор дипломатов и сотрудников разведывательных служб Англии, Франции, США и других государств, которым руководил Р. Локкарт.

В 1918 г. ВЧК и местные ЧК на основании постановлений ВЦИК и Совнаркома принимали участие в массовом «красном терроре». Репрессиям подвергались участники антисоветских организаций, заговоров и мятежей, а также некоторые заложники, главным образом, из числа бывшей знати и сотрудников карательных органов царской России. 17 июля 1918 г. по постановлению Уральского областного Совета в Екатеринбурге был расстрелян император Николай II и вся его семья. В начале сентября по приговору ВЧК расстреляли несколько членов «Союза защиты родины и свободы» (под руководством Б.В. Савинкова) и других белогвардейских организаций. Петроградская ЧК привела в исполнение приговор о высшей мере наказания убийце М.С. Урицкого Л.А. Канегисеру, участникам контрреволюционной террористической организации «Камора народной расправы», членам военной комиссии ЦК партии эсеров. Списки расстрелянных с указанием причин применения к ним высшей меры наказания публиковались в газетах.

К осени 1918 г. в условиях Гражданской войны активизировали свою деятельность различного рода подпольные организации. Летом и осенью 1919 г. ВЧК ликвидировала организацию «Национальный центр», образованную в июне 1918 г., выступавшую за продолжение войны с Германией. Центр поддерживал постоянную связь с Деникиным и Колчаком, дипломатическими представителями стран Антанты. «Национальный центр» возглавляли кадеты (с начала 1919 г. — Николай Щепкин, до этого — зе-

¹² Там же. Оп. 1а. Д. 3. Л. 55 об.

мец Дмитрий Шипов). Участники «Национального центра» занимали крупные посты в советских учреждениях, особенно в военных, собирали там секретные сведения и передавали их разведкам Белых армий и стран Антанты. Наряду с этой деятельностью «Национальный центр» формировал отряд белогвардейских офицеров для антисоветских мятежей. 28 августа 1919 г. ВЧК произвела обыски на квартирах руководителей «Национального центра» Александра Алферова и Николая Щепкина, в ходе которых были изъяты списки членов и документы о деятельности этой организации. Затем последовали аресты ее активных участников — около 700 человек.

В ноябре 1919 г. органы ВЧК в Петрограде нанесли сокрушительный удар по шпионской организации, руководимой английским резидентом Полем Дюксом, которому удалось сбежать в Англию¹³.

В феврале 1920 г. ВЧК арестовала группу контрреволюционеров, в том числе профессоров Н.Н. Виноградова, С.А. Котляровского и других¹⁴, являвшихся членами руководящего контрреволюционного объединения под названием «Тактический центр», созданного в апреле 1919 г. В руководство «Тактического центра» входили по два представителя от организаций «Национальный центр» (Николай Щепкин, а после его расстрела — Сергей Трубецкой и Осип Герасимов), «Союз возрождения России» (тот же Щепкин и Сергей Мельгунов) и «Совет общественных деятелей» (Дмитрий Щепкин и Сергей Леонтьев). Это была идейная оппозиция, в деятельности которой новое государство видело не меньшую угрозу своему становлению, чем в существовании белых армий.

Осенью 1919 г. органы ВЧК занимались не только борьбой с контрреволюцией и шпионажем. Их усилия были направлены и на преодоление хозяйственной разрухи в стране — помогали партийным и советским органам в преодолении топливного кризиса, который грозил парализовать промышленность и транспорт. Фактически не было ни одной сложной проблемы, к решению которой не привлекались бы органы и войска ВЧК.

Таким образом, сформировавшаяся в годы Гражданской войны ВЧК представляла собой административно-политический орган, наделенный чрезвычайными полномочиями, основанными на внесудебном принуждении. ВЧК имела широкий круг задач и направлений деятельности (разведка, контрразведка, политический розыск, борьба с преступностью, ведение следствия, охрана границ и правительства), обладала обширными полномочиями, располагала разветвленной структурой в центре и на местах.

Окончание Гражданской войны создало предпосылки к реформированию ВЧК, сокращению ее широких полномочий.

2-й этап (февраль 1922 г. — июль 1934 г.)

6 февраля 1922 г. ВЧК упразднили, одни ее функции возложили на судебные органы, другие — на образованное в составе НКВД РСФСР *Государственное политическое управление (ГПУ)*¹⁵. Аналогичные преобразования в том же году провели в УССР и БССР. В ЗСФСР ЧК реорганизовали в ГПУ лишь в 1926 г.¹⁶ В отличие от ВЧК, ГПУ не являлось чрезвычайным органом. На него возлагались задачи: подавление открытых контрреволюционных выступлений, борьба со шпионажем и контрабандой, ведение разведки за границей, охрана границ, а также железнодорожных и водных путей.

¹³ Дорошенко И.А. Указ. соч. С. 119.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-206.

¹⁵ См.: Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.

¹⁶ См.: СУ ЗСФСР. 1926. № 7. Ст. 690.

После образования СССР функции обеспечения государственной безопасности были изъяты из ведения НКВД РСФСР и перешли в образованный в июле 1923 г. общесоюзный орган — *Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР*. Положение об ОГПУ было утверждено Президиумом ЦИК СССР 15 ноября 1923 г.¹⁷ ОГПУ создавалось на правах общесоюзного наркомата, имело в союзных республиках своих уполномоченных, а в армии — особые отделы. Председатель ОГПУ назначался Президиумом ЦИК СССР и входил с правом совещательного голоса в состав СНК СССР. Председателем ОГПУ СССР был назначен Дзержинский, после его смерти, с 1926 г., — В.Р. Менжинский, затем — Г.Г. Ягода.

Формирование административно-командной системы управления СССР оказало влияние и на функционирование органов государственной безопасности в 1920 — начале 1930-х гг., выразившееся в чрезмерной централизации функций ОГПУ, расширении его полномочий по применению репрессий, а также в сращивании аппарата ОГПУ с партийно-политическим аппаратом¹⁸.

Повышение роли ОГПУ в системе правоохранительных органов. Централизация функций обеспечения государственной безопасности и охраны общественного порядка в одном государственном органе

В начале 1930-х гг. в системе административно-политических органов была проведена реформа, направленная на централизацию управления, увеличение численности правоохранительных органов. Милиция, ранее находившаяся в двойном подчинении — НКВД союзных республик и местных Советов, была выведена из-под контроля местных властей и подчинена непосредственно ОГПУ СССР, в ведение которого перешла и система исправительно-трудовых учреждений. 7 апреля 1930 г. было принято новое положение об исправительно-трудовых лагерях, которые становились основным местом лишения свободы. Таким образом, ОГПУ СССР не только обеспечивало государственную безопасность, но и охраняло общественный порядок, государственную и общественную собственность, ведало исправительно-трудовыми учреждениями, вело паспортизацию населения, борьбу с детской беспризорностью и т.п.

Расширение полномочий ОГПУ по применению репрессий и внесудебного принуждения

С середины 1920-х гг. злоупотребления политической властью проявлялись во всех сферах, но в первую очередь — в уголовной юстиции и деятельности правоохранительных органов. В обществе искусственно нагнеталось ощущение зловещей угрозы, нависшей над завоеваниями революции. Эта угроза персонифицировалась сначала в кулаках, затем во «врагах народа». Их действиям приписывался всеобъемлющий, всепроникающий характер. Из этого выводилась необходимость придания чрезвычайных полномочий органам безопасности, что неизбежно вело к гипертрофии функций карательных органов.

Расширение полномочий ГПУ—ОГПУ на внесудебные репрессии происходило постепенно: 9 марта 1922 г. предоставлено право на внесудебные репрессии по отношению к уголовникам-рецидивистам, захваченным с оружием в руках; 27 апреля — к участникам вооруженных ограблений; 16 октября — к чекистам, совершившим должностные

¹⁷ См.: СУ РСФСР. 1924. № 12. Ст. 105.

¹⁸ О формировании административно-командной системы управления в СССР подробнее см.: Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1994. С. 17—27.

преступления; 2 апреля 1924 г. Президиум ЦИК СССР предоставил Коллегии ОГПУ право внесудебного рассмотрения дел и определения наказания (вплоть до высшей меры) в отношении лиц, занимавшихся изготовлением, сбытом, хранением фальшивых денежных знаков и монет. В 1927 г. Президиум ЦИК СССР принял три постановления, расширившие полномочия ОГПУ: в отношении лиц, «халатно относящихся к секретным документам»; ПП ОГПУ получили право расстрела белогвардейцев, контрреволюционеров, шпионов и бандитов. ОГПУ дали возможность рассматривать дела о диверсиях, поджогах, порче машинных установок, «вплоть до применения высшей меры наказания». Причем, Президиум ЦИК СССР предписал применять уголовное наказание к обвиняемым, действовавшим «как со злым умыслом, так и без оногo». К социально опасным элементам отнесли лиц, имевших три и более судимости.

27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о развертывании сети лагерей ОГПУ и переименовании концлагерей в исправительно-трудовые. Лагерь предназначались для колонизации отдаленных районов СССР осужденными на три года и более лет. 25 апреля 1930 г. приказом ОГПУ создано Управление лагерей ОГПУ.

Сращивание аппарата ОГПУ с партийно-политическим аппаратом

По инициативе ЦК РПК (б) в мае 1921 г. в целях активизации работы «по выявлению антисоветского элемента и тех или иных контрреволюционных явлений» в важнейших центральных, государственных учреждениях были созданы «Бюро содействия» («БС»). Организационная работа по их созданию было возложена на Секретный отдел (СО) ГПУ. Члены «БС» из числа ответственных руководителей собирали первичный материал для работы СО ГПУ, наблюдали за работой всевозможных собраний, съездов и т.п. Членами «БС» могли быть только коммунисты, партийный стаж которых составлял не меньше трех лет, причем работа в «БС» строилась в порядке партдисциплины, никакими видами вознаграждений члены «БС» не поощрялись.

Согласно Положению на ГПУ возлагались задачи по предупреждению и подавлению открытых контрреволюционных выступлений; борьбе со всякого рода бандитскими и вооруженными восстаниями; охране государственной тайны и борьбе со шпионажем; охране границы РСФСР, борьбе с контрабандой и незаконным переходом границы. ГПУ наделялось правом на проведение оперативно-розыскной деятельности. В Положении перечислялись мероприятия, которые могло осуществлять ГПУ: сбор сведений и информации государственных учреждений с точки зрения борьбы с контрреволюцией; агентурное наблюдение за преступными или подозрительными лицами и организациями в РСФСР и за рубежом; выдача разрешений на выезд за границу и въезд в страну; высылка из страны неблагонамеренных граждан; просмотр почтово-телеграфной и иной корреспонденции; производство арестов, обысков, выемок, истребование справок, сведений и выписок из деловых бумаг, отчетов и докладов; подавление вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений; производство дознаний; оперативная регистрация.

Центрами шпионажа на территории СССР были посольства, торговые представительства, миссии и общественные организации. Противник возлагал большие надежды на антибольшевистски настроенных специалистов, занимавших в ряде случаев ответственные посты в советском госаппарате, учебных заведениях, кооперативах и даже в наркоматах.

Для борьбы с иностранными разведками, белоэмигрантскими антисоветскими организациями и выявления контрреволюционных элементов внутри страны 6 мая 1922 г. Коллегия ГПУ постановила реорганизовать особые отделы. Из числа наи-

более опытных кадров был создан *Контрразведывательный отдел (КРО)*, в котором концентрировалась вся работа по борьбе с подрывной деятельностью иностранных разведок, зарубежных антисоветских центров, а также внутренних контрреволюционных партий и групп; по борьбе с белогвардейской контрреволюцией и заговорами, с бандитизмом, контрабандой и незаконным переходом границы. При этом на КРО возлагалось ведение контрразведывательной работы за рубежом и на всей территории нашей страны, в т.ч. в Красной армии и Военно-морском флоте.

В соответствии с широко развернувшейся кампанией по борьбе против великорусского шовинизма и местного буржуазного национализма и с учетом специфики ряда национальных районов по указанию ЦК РКП(б) в соответствии с решением X съезда РКП(б) 2 июня 1922 г. приказом был создан *Восточный отдел (ВО)*. На него возлагалось руководство работой местных аппаратов государственной безопасности в Средней Азии, на Кавказе, а также в Татарии, Башкирии и Крыму по борьбе со шпионажем и контрреволюцией, включая разработку и реализацию материалов, поступавших от Иностранного отдела ГПУ¹⁹. Во главе этого отдела был поставлен член Коллегии ГПУ Я.Х. Петерс. Свою работу Восточный отдел строил с учетом национальных особенностей указанных районов страны и в тесном контакте с местными партийными комитетами и органами советской власти. В сентябре 1930 г. ВО был влит во вновь создаваемый Особый отдел, подчиненный непосредственно руководству ОГПУ.

Структура ОГПУ и его органов на местах была следующей: ОГПУ СССР, ГПУ союзных и автономных республик при правительствах этих республик, Политотделов при исполкомах Советов, Особых отделов в соединениях и объединениях Красной армии, органы ОГПУ на транспорте, пограничные войска.

В 1926 г. завершилось объединение пограничных органов и войск ОГПУ: на базе Управления пограничной охраны и Главной инспекции войск ОГПУ было образовано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ. В 1929 г. в ведение ОГПУ передали часть исправительно-трудовых лагерей, началось привлечение заключенных к строительству ряда предприятий, железнодорожных и водных магистралей (каналов Беломорско-Балтийского, Волга — Москва и др.).

С начала 1920-х гг. государственно-политическим руководством и пропагандистским аппаратом в общественном мнении создавалась атмосфера роста внешних и внутренних угроз для Советского государства. Внешними угрозами были капиталистические страны, а внутренними — религиозные деятели — церковники, интеллигенция, крестьянство (коллективизация и раскулачивание), военные специалисты, а также отдельные группы населения: поляки, немцы. Утверждалось, что угрозы приобрели всеобъемлющий характер. Из этого выводилась необходимость чрезвычайного законодательства, что неизбежно вело к гипертрофии функций карательных органов.

С ликвидацией ВЧК право внесудебного рассмотрения дел органами государственной безопасности было отменено. Однако 28 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР утвердил новое положение об административных высылках, ссылках и заключении в концентрационный лагерь, в котором он предоставил ОГПУ право в отношении лиц, признаваемых ими социально опасными. В административном порядке теперь можно было не только ссылать, высылать в отдаленные районы России, но и заключать в концлагерь²⁰.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 41. Л. 366.

²⁰ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.

Вынесение постановлений об этом возлагалось на создаваемое Особое совещание, которое формировалось в составе трех членов Коллегии ОГПУ, по назначению председателя ОГПУ с обязательным участием прокурора, осуществлявшего надзор. Аналогичные Особые совещания создавались в союзных республиках. Особое совещание наделялось правом в отношении лиц, признаваемых им социально опасными, применять следующие меры наказания: высылать таковых из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в этих местностях на срок не свыше трех лет; высылать из тех же местностей с запрещением проживания, сверх того, в ряде местностей или губерний в соответствии со списком, установленным ОГПУ, на тот же срок; высылать с обязательным проживанием в определенных местностях по специальному указанию ОГПУ и обязательным в этих случаях гласным надзором местного отдела ГПУ на тот же срок; заключать в концлагерь сроком до трех лет; высылать за пределы государственной границы СССР на тот же срок²¹.

В 1928—1929 г. сфера внесудебных репрессий увеличилась: ОГПУ получило право на запрещение проживания в определенных местностях лицам, отбывшим заключение в концлагере или ссылке, отправлять в ссылку «особо злостных преступников и неисправимых рецидивистов... непосредственно по отбытии этими лицами лишения свободы».

29 октября 1929 г. все бывшие «тройки» были распущены, вместо них созданы три: первая «тройка» — для рассмотрения дел Секретного, Контрразведывательного, Транспортного, Иностранного отделов и Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ; вторая — по делам ЭКУ, третья — по остальным делам. Крупные дела политического значения оказывались в ведении Коллегии ОГПУ и Особого совещания ОГПУ.

К началу 1934 г. в состав ОГПУ входили: Коллегия ОГПУ; Особая инспекция при Коллегии ОГПУ; Особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ; управления: Секретно-оперативное, Экономическое Административно-организационное, Главное управление пограничной охраны и войск НКВД, Главное управление рабоче-крестьянской милиции; Главное управление лагерей; отделы: Секретно-политический, Оперативный, Иностранный, Контрразведывательный, Восточный, Особый, Транспортный, Учетно-статистический, Специальный, Информационный и политконтроль, Кадров, Хозяйственный, Финансовый, Мобилизационный, Инженерно-строительный, Тюремный.

Согласно циркулярам ОГПУ от 29 октября 1928 г. и 8 апреля 1931 г., работники оперативных отделов ОГПУ предварительно рассматривали законченные следственные дела для последующего доклада на коллегии ОГПУ или в Особом совещании. А 3 февраля 1930 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право на время проведения кампании по «ликвидации кулачества» передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел местным (краевым и областным) органам ОГПУ. В этом случае в состав «троек» включались представители крайкомов (обкомов) ВКП(б).

В 1927 г. ЦИК СССР предоставил ОГПУ СССР право рассматривать во внесудебном порядке дела о диверсиях, поджогах, порче оборудования и строго наказывать виновных вплоть до применения высшей меры наказания.

Особое совещание при ОГПУ решало вопросы о применении административных мер воздействия в отношении лиц, причастных к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 2. Л. 119—121.

Право высылки за границу и заключения в концентрационный лагерь принадлежало исключительно Особому совещанию при ОГПУ. Постановления Особого совещания ГПУ союзных республик о высылке за пределы республики и заключении в концлагерь вступало в силу после утверждения Особым совещанием ОГПУ.

8 августа 1931 г. Коллегия ОГПУ вынесла приговоры по т.н. Академическому делу ученых-историков (Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и др.), обвиненных в организации монархического заговора. 29 человек были отправлены в ссылку на научную работу в другие города.

Обо всех принятых мерах следовало сообщать в печати. В 1930—1932 гг. был принят целый ряд постановлений, которые обязывали ОГПУ, органы прокуратуры и местные органы власти применять за различные правонарушения заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права амнистии²². При этом забота о доказательствах отходила на задний план. На судебных процессах конца 1920-х — начала 1930-х гг., инспирированных ОГПУ, шаткость доказательств заставляла прокурорских работников называть подсудимого не просто противником правительственного курса, врагом социализма, но и обвинять его в связях с иностранной разведкой: ярлык «шпион» обеспечивал народную поддержку любому приговору.

В 1929 г. окончательно утвердился основной принцип административно-командной системы управления — использование принудительного труда заключенных для нужд экономики и освоения труднодоступных окраин страны. Было организовано Главное управление лагерей (ГУЛАГ), ставшее символом сталинской эпохи.

27 декабря 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР об установлении в стране паспортной системы и обязательной прописки для очищения общества «от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов»²³. В тот же день были изданы постановление об образовании *Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР* и положение о нем, которое обязывало милицию всемерно содействовать внедрению паспортного режима²⁴.

Основные направления деятельности ГПУ—ОГПУ:

— информирование советского партийного и государственного руководства о международном положении и внутренней обстановке в стране (деревня, город, армия, интеллигенция, госаппарат, нацменьшинства)²⁵;

— разведывательная деятельность (добывание информации о деятельности русских эмигрантских организаций и объединений, политической обстановке в зарубежных государствах и иностранных фирмах, стремящихся получить концессии в России; охрана ответственных советских товарищей за кордоном; наблюдение за сотрудниками советских учреждений за границей);

— контрразведывательная деятельность: борьба со шпионажем и антисоветской деятельностью иностранных государств, наблюдение за иностранными миссиями (в Англии, Италии, Германии, Польше, Латвии, Финляндии, Чехословакии, Эстонии, Дании, Китае, Норвегии, Литве, Австрии, Турции, Персии, Афганистане, Монголии,

²² См.: Собрание законов (СЗ) СССР. 1930. № 37. Ст. 399; 1931. № 1. Ст. 6; № 9. Ст. 104; 1932. № 9. Ст. 49; № 19. Ст. 107; № 62. Ст. 360; № 65. Ст. 375; № 78. Ст. 475.

²³ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516, 517.

²⁴ Там же. Ст. 518, 519.

²⁵ Более подробно о системе информирования ОГПУ СССР высшего партийно-государственного аппарата см.: «"Совершенно секретно": Лубянка — Сталину о положении в стране». В 12 т. Т. 1—8. М., 2001—2008.

а также за арабской миссией, неофициальным французским представительством и всеми представительствами концессионных и иных коммерческих иностранных групп), эмигрантскими центрами, выявление провокаторов царского времени (примерно 30—40 тыс. человек), а также контрразведчиков разных белых правительств;

— борьба с политическим бандитизмом, военными и контрреволюционными организациями и группировками, руководимыми из-за границы;

— борьба с оппозиционными политическими партиями (анархистами, меньшевиками, правыми и левыми эсерами, сионистами, народными социалистами, монархистами); контроль деятельности общественных организаций и научных учреждений (общества и союзы, издательства, высшие учебные заведения, съезды и форумы научных работников)²⁶;

— борьба с религиозными организациями (церковниками всех исповеданий)²⁷;

— борьба с антисоветскими националистическими партиями и группировками (Грузинские социалисты революционеры, Дашнак-Цутюн, муссависты, иттихатисты Азербайджана, узбекские иттихатисты, татарские националисты, «Соха-Омут (Якутская националистическая группировка, панисламиты);

— политическая цензура печатных изданий, цензура зрелищных мероприятий, перлюстрация корреспонденции;

— экономическая деятельность и обеспечение безопасности в сфере экономики (борьба с экономической контрреволюцией и экономическим шпионажем, борьба с фальшивомонетчиками, уклонением от уплаты налогов частными лицами и организациями — крупными объектами налогообложения);

— охрана транспорта и общественного порядка на нем, борьба с должностными преступлениями и технической контрреволюцией на транспорте, с бандитизмом и хищениями на транспорте;

— контроль за оборотом оружия и взрывчатых веществ в гражданских учреждениях; учет и выдача удостоверений на право обладания оружием;

— охрана границ и борьба с контрабандой.

В деятельности органов ГПУ—ОГПУ в 1922—1934 гг. прослеживается сращивание аппарата ОГПУ с аппаратом РКП(б) — ВКП(б), монополизм в сфере обеспечения государственной безопасности и информационного обеспечения высшего политического руководства страны, отсутствие механизмов общественного контроля, предоставления функций, не имевших отношения к обеспечению безопасности государства (руководство исправительно-трудовыми учреждениями).

3-й этап (июль 1934 г. — март 1954 г.)

В начале 1930-х гг. в системе административно-политических органов была проведена реформа, направленная на централизацию управления, увеличение численности карательных органов. Милиция, ранее находившаяся в двойном подчинении — НКВД союзных республик и местных Советов, была выведена из-под контроля местных

²⁶ См.: Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ. 1921—1923.: Документы. М., 2005; «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 гг.: Документы. М., 2008; Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921—1924 гг. М., 2010.

²⁷ См.: Православная Москва в 1917—1931 годах: Сборник документов и материалов. М., 2004; Марфо-Мариинская обитель милосердия. 1909—2009. К 100-летию создания Обители. М., 2009.

властей и подчинена непосредственно ОГПУ СССР. В ведение ОГПУ СССР перешла система исправительно-трудовых учреждений. 7 апреля 1930 г. было принято новое положение об исправительно-трудовых лагерях, которые становились основным местом лишения свободы (до 1930 г. — исправительно-трудовые колонии НКВД республик, затем — наркомюстов республик). В лагеря направлялись часть раскулаченных, нэпманские элементы из городов, лица, служившие в белой армии, члены бывших антисоветских партий, значительная часть старой интеллигенции. Направление в ИТЛ осуществлялось как по судебным приговорам, так и во внесудебном порядке по распоряжению ОГПУ²⁸. Внесудебные репрессии широко применялись в годы гражданской войны. После ее окончания внесудебные полномочия ВЧК (затем ОГПУ) резко сократились, хотя и не были отменены полностью. Широкое распространение они вновь получили в конце 1929 — начале 1930-х гг. Репрессии несколько ослабли после принятия 25 июня 1932 г. постановления ЦИК СССР «О революционной законности»²⁹, осудившего нарушения законности в ходе коллективизации.

В такой обстановке 10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР ОГПУ как самостоятельный государственный орган было упразднено, и образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР³⁰ как централизованный орган управления государственной безопасностью и общественным порядком. НКВД СССР являлся союзно-республиканским ведомством, в связи с чем, одноименные наркоматы были созданы и в союзных республиках (кроме РСФСР). Наркомом внутренних дел СССР был назначен Г.Г. Ягода.

Первоначально функции НКВД СССР были ограничены и заключались в руководстве обеспечением государственной безопасности, охраной социалистической собственности и регистрацией гражданских состояний. Но за два года существования НКВД они весьма заметно расширились.

В НКВД в полном составе вошло ОГПУ СССР, после чего оно было преобразовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В наркомат входили: Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, Главное управление пожарной охраны, отдел ЗАГС и т.п.

Вместо упразднявшейся судебной коллегии ОГПУ было создано Особое совещание при наркоме внутренних дел СССР. Положение об Особом совещании при НКВД СССР было утверждено 5 ноября 1934 г. постановлением ЦИК и СНК СССР. Особое совещание действовало под председательством наркома внутренних дел СССР в составе: заместителей наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по РСФСР, начальника ГУРКМ, наркома внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло рассматриваемое Особым совещанием дело, и Прокурора СССР.

Полномочия Особого совещания ограничивались правом применять во внесудебном порядке заключение в ИТЛ на срок до пяти лет, ссылку под надзор на пять лет и высылку за пределы СССР³¹.

В мае 1935 г. в союзных республиках, краях и областях предварительные рассмотрения дел об уголовных и деклассированных элементах, а также о лицах, злостно нарушающих паспортный режим, выполняли «тройки» в составе председателя — на-

²⁸ См.: СЗ СССР. 1930. № 9. С. 212.

²⁹ См.: Там же. 1932. № 50. С. 298.

³⁰ См.: Там же. 1934. № 36. С. 283.

³¹ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 58.

чальника УНКВД или его заместителя; членов — начальника управления милиции и начальника отдела, представляющего разбираемое «тройкой» дело. В работе «тройки» участвовал прокурор. На рассмотрение «троек» передавались дела о лицах, имеющих судимости или приводы за уголовные преступления и не порвавших связи с уголовно-преступной средой; о лицах, хотя не имеющих судимостей и приводов, но не занятых общественно полезным трудом, не имеющих определенного места жительства и связанных с уголовно-преступной средой; о нищих-профессионалах; о злостных нарушителях паспортного режима, а именно: отказавшихся добровольно выехать из местности, проживание в которой им запрещено в связи с невыдачей паспорта или непропиской, и нарушивших данную ими подписку о выезде в указанный милицией срок, а также о лицах, самовольно возвратившихся в местность, проживание в которой им было запрещено. К 1 ноября 1935 г. «тройки» и Особое совещание при НКВД рассмотрели 84 903 дела, в результате чего 65 274 человека были заключены в ИТЛ.

1 декабря 1934 г. в Смольном бывшим инструктором Ленинградского обкома ВКП(б) Леонидом Николаевым был убит секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома С.М. Киров. Убийство послужило поводом для проведения массовых репрессий и высылки из Ленинграда «бывших людей»: дворян, священников, военнослужащих царской и Белой армий и т.д. В этот день было принято постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов», по которому срок следствия сокращался до 10 дней, а обвинительное заключение обвиняемому полагалось вручать за сутки до суда. Дело рассматривалось в суде без участия сторон (т.е. без прокурора и адвоката). Обжалование и ходатайства о помиловании не допускались, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Аналогичный порядок был введен 14 сентября 1937 г. для расследования дел о вредительстве и диверсиях³². Докладывая на VII съезде Советов СССР (1935) об образовании НКВД и Особого совещания, А.С. Енукидзе предложил в качестве гарантии соблюдения законности участие в Особом совещании Прокурора СССР. Съезд единогласно утвердил это положение³³. Однако незаконным было само создание Особого совещания, означавшее образование органа внесудебной репрессии и противоречившее Конституции.

Конституция СССР 1936 г. закрепила существование созданного в 1934 г. *Наркомата внутренних дел СССР*. В союзных республиках создавались республиканские НКВД (кроме РСФСР, где эти функции выполнял общесоюзный наркомат), в автономных республиках, краях и областях — управления НКВД.

В середине 1930-х гг. в ведение НКВД СССР были переданы функции и учреждения целого ряда отраслей. В 1934 г. к НКВД СССР отошли все конвойные войска³⁴, охрана лесов местного (непромышленного) значения³⁵, все исправительно-трудовые учреждения (из ведения наркоматов юстиции республик)³⁶. В 1935—1936 гг. в составе НКВД СССР образовались новые главные управления: государственной съемки и картографии³⁷, шоссейных дорог (Гушосдор)³⁸, Центральное управление мер и

³² См.: СЗ СССР. 1937. № 61. С. 166.

³³ См.: VII съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет. Бюллетень № 16. М., 1935. С. 21.

³⁴ См.: СЗ СССР. 1934. № 18. Ст. 372.

³⁵ См.: Там же. № 49. Ст. 385.

³⁶ См.: Там же. № 56. Ст. 421.

³⁷ См.: Там же. 1935. № 62. Ст. 499.

³⁸ См.: Там же. 1936. № 14. Ст. 121.

весов³⁹. Позднее в ведение НКВД СССР перешли переселенческое и архивное дела. В 1939 г. ему были переданы из ведения Наркомздрава СССР медвытрезвители. Таким образом, был создан многоотраслевой орган административного надзора.

Аппарат НКВД СССР постоянно перестраивался⁴⁰. В марте 1937 г. вместо экономического отдела ГУГБ в составе ГУРКМ был организован отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС), на который возлагалось «оперативное обслуживание» (т.е. контроль за деятельностью) аппаратов Наркомвнуторга, Центросоюза, Наркомфина, заготовительных организаций и т.п. В сентябре 1938 г. при заместителе наркома была образована контрольно-инспекторская группа (с июня 1939 г. подчинялась непосредственно наркому). В 1938 г. было ликвидировано Главное управление мер и весов, но милиции вменялось в обязанность выявлять и разоблачать нарушителей правил торговли. В 1939 г. в аппарате наркомата и главков создавались политические отделы. В феврале 1939 г. Главное управление пограничных и внутренних войск разделилось на шесть самостоятельных главков: пограничных войск, конвойных войск, войск по охране железнодорожных сооружений, войск по охране важных промышленных предприятий, военного снабжения НКВД и Главное военно-строительное управление войск НКВД. В апреле 1941 г. в органах милиции образовались отделения по борьбе с бандитизмом, а вскоре в составе наркомата появилось Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ).

С середины 1930-х гг. репрессии охватили практически все слои населения, они велись и среди партийного и советского аппарата, командного состава Красной армии, широких слоев хозяйственных работников, а также сотрудников разведки и контрразведки⁴¹.

5—16 января 1935 г. в Москве прошел закрытый судебный процесс по сфабрикованному делу «Московского центра». Г.Е. Зиновьев, Евдокимов, Л.Б. Каменев, Федоров и др. (всего 19 человек) были обвинены в создании подпольной контрреволюционной организации с целью осуществления террористических актов, в «идеологическом пособничестве» убийцам Кирова. Все обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения.

Летом 1935 г. НКВД СССР «раскрыло» т.н. Кремлевское дело по обвинению ряда лиц в создании контрреволюционных террористических групп и подготовке покушения на Сталина. По делу были привлечены 29 человек — служащие правительственной библиотеки и комендатуры Кремля.

19—24 августа 1936 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на открытом заседании рассмотрела дело о так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре. На скамье подсудимых оказалось 16 человек, которых можно условно разделить на 2 группы. Первая состояла из известных большевиков: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Евдокимов, И.П. Бакиев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов, вторая — из молодых членов германской компартии, эмигрировавших в СССР: Е.А. Дрейцер, И.И. Рейн-

³⁹ См.: Там же. № 33. Ст. 304.

⁴⁰ Например, неоднократно переименовывался ГУЛАГ (так главк назывался лишь в 1931—1934 гг.). С 1930 по 1960 г. он менял название 9 раз (см.: *Дугин А.Н.* Неизвестные документы о репрессиях 30—50-х годов // АКСУ. Проблемы и факты. Сб. ст. М., 1992. С. 69—87).

⁴¹ Комплекс документов о политических репрессиях в СССР опубликован в: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004.

гольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман, Фриц-Давид (И.Д. Круглянский), В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. и И.Л. Лурье. Обвиняемые признали свое участие: в убийстве Кирова, в связях с Троцким, в подготовке убийств И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, С.В. Косиора, Г.К. Орджоникидзе, П.П. Постышева. Все 16 подсудимых приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Президиум ЦИК Союза ССР 24 августа 1936 г. рассмотрел и отклонил ходатайства осужденных о помиловании. Приговор приведен в исполнение 25 августа. 13 июня 1988 г. пленум Верховного Суда СССР удовлетворил протест Генерального прокурора СССР, и приговор от 24 августа 1936 г. был отменен⁴².

Начало 1937 г. ознаменовалось «очередным успехом» НКВД СССР, представившим на рассмотрение в суд материалы по делу «Параллельного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра». 23—30 января состоялся второй открытый политический процесс в Москве, на котором Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Г.Я. Сокольников, Л.П. Серебряков, Н.И. Муралов и др. (всего 17 человек) обвинялись в создании преступной организации с целью свержения советской власти, измены Родине, вредительства, организации саботажа, диверсий и шпионажа в пользу Германии и Японии. 13 обвиняемым был вынесен смертный приговор, четверых приговорили к различным срокам тюремного заключения. Двое обвиняемых впоследствии по заочно вынесенному приговору были расстреляны⁴³.

23 февраля 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) исключили из партии, а затем арестовали Бухарина и Рыкова (27 февраля). За этим последовали массовые аресты в наркоматах.

В мае 1937 г. начались массовые репрессии в Красной армии. Арестованы маршал М.Н. Тухачевский, командармы А.И. Корк, В.К. Пугна, И.П. Уборевич, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир и др. 11 июня в прессе опубликовано официальное сообщение в прессе о вынесении секретным заседанием Военного трибунала смертного приговора обвиненным в шпионаже и предательстве арестованным военачальникам и командирам Красной армии. За 1936—1939 гг. были репрессированы три Маршала Советского Союза, восемь флагманов флотов, 14 командармов, 909 командиров корпусов, 35 тыс. офицеров.

В июле 1937 г. вышел приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу репрессиям подлежали все те категории, о которых говорил Сталин еще в 1933 г. на январском пленуме ЦК ВКП(б): «Развеять в прах последние остатки умирающих классов» и перечислил категории будущих жертв: «частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы»⁴⁴.

Массовую операцию по приказу № 00447 часто называют кулацкой операцией. Всего в рамках этой «массовой операции» до ноября 1938 г. были арестованы 767 397 человек, из них 386 798 — расстреляны. Организаторами этой акции были Сталин и Политбюро. Они утвердили контрольные цифры, отражавшие количество людей, подлежащих расстрелу в данном регионе, и состав региональных «троек»⁴⁵.

Еще одна волна массовых репрессий началась в июле 1937 г. — по национальному признаку. Это немецкая, польская, «харбинская», латышская, эстонская, финская,

⁴² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33833.

⁴³ Там же. Д. Р-33835.

⁴⁴ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 385. Л. 254—255.

⁴⁵ См.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935—1939. М., 2012.

афганская, иранская и пр. «национальные операции» НКВД. Из приказов и меморандумов НКВД видно, что тень подозрения легла на политэмигрантов, выходцев из сопредельных СССР стран и советских граждан, так или иначе, с ними связанных. С точки зрения Сталина и НКВД, все эти люди могли стать потенциальной шпионской базой. «Харбинцы», конечно, — не национальность; это те, кто переехал в СССР после конфликта на КВЖД в 1929 г. и позднее с территории Китая — их подозревали в связях с японской разведкой. В рамках «национальных операций» были арестованы 350 тыс. человек, из них 250 тыс. — расстреляны. Заметим, что если по «кулацкой операции» процент расстрелов от числа приговоренных составляет примерно 50 %, то по национальным решениям были гораздо жестче: здесь 70—80 % были расстреляны.

2—13 марта 1938 г. в Москве состоялся третий показательный процесс так называемого Антисоветского правотроцкистского блока. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Г.Х. Раковский, А.И. Икрамов, Г.Г. Ягода и др. (всего 21 человек) обвинялись в убийстве Кирова, отравлении Куйбышева и Горького, заговоре против Ленина и Сталина и организации промышленного саботажа. 17 обвиняемым был вынесен смертный приговор, остальным — длительные сроки тюремного заключения⁴⁶.

Начиная с 27 февраля 1937 г., Сталиным и еще несколькими приближенными к нему лицами визировались и подписывались списки людей, чьи дела подлежали рассмотрению Военной коллегией Верховного суда. Каждый список был разбит на категории: 1-я — расстрел, 2-я — 10 лет, 3-я (довольно редкая) — 8 лет. Всего за период с февраля 1937 по октябрь 1938 гг. было утверждено 383 таких списка, в которых значилось 44,5 тыс. человек, и примерно на 39 тыс. из них была дана санкция на расстрел. После утверждения списков и предрешиения меры наказания рассмотрение дел Военной коллегией было пустой формальностью.

Конвейер репрессий затягивал и своих исполнителей. Любое сомнение по поводу законности и справедливости репрессий, выраженное сотрудниками НКВД, влекло объявление их «врагами народа и иностранными шпионами, которые действуют по заданию спецслужб и контрреволюционных организаций и стремятся саботировать развертывание борьбы против классовых врагов». Длительное пребывание на оперативной работе в органах НКВД уже само по себе давало повод для репрессий, поскольку, во-первых, долго работавший сотрудник познал механизм и частично действительные цели расправ, становясь нежелательным свидетелем злоупотребления и беззакония, и, во-вторых, заканчивая очередной этап «чистки», необходимо было найти конкретных «виновников» совершенных органами безопасности «ошибок» и «извращений политики партии». По некоторым оценкам, за период 1937—1938 гг. только из числа специалистов, работников центрального аппарата и руководства разведотделов военных округов, из 450 сотрудников ИНО (включая заграничный аппарат) были репрессированы 275 человек — свыше 60 % личного состава⁴⁷.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором осуждались ряд крупных недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры. Упразднялись внесудебные органы («тройки»), давалось указание пересмотреть не законченные следствием дела. Постановление обязывало «в точности соблюдать все требования

⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-13614.

⁴⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. I. Накануне. Кн. 1. (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.) М., 1995. С. III.

уголовно-процессуальных кодексов» и разрешило производство «массовых операций и по арестам и выселению» только по постановлению суда или с санкции прокурора⁴⁸.

В феврале 1941 г. НКВД СССР был разделен на *Наркомат внутренних дел СССР* и *Наркомат государственной безопасности СССР* (оба — союзно-республиканские)⁴⁹. Органы военной контрразведки были выделены из состава НКВД СССР и вошли в виде 3 управлений (военная контрразведка) в состав НКО и НКВМФ. После нападения Германии на СССР в целях сосредоточения руководства обеспечением государственной безопасности и общественного порядка в едином органе в июле 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР снова объединены в Наркомат внутренних дел СССР⁵⁰, в состав которого вошла и военная контрразведка в виде Управления особых отделов НКВД СССР. После того как изменилась военно-политическая обстановка, НКВД СССР в апреле 1943 г. был разделен на НКГБ СССР (куда вошли все основные разведывательные и контрразведывательные подразделения) и НКВД СССР⁵¹. Управление особых отделов (военная контрразведка) НКВД преобразовали в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО, 9-й отдел УОО — в Управление контрразведки «Смерш» НКВМФ, 6-й отдел УОО — в Отдел контрразведки «Смерш» НКВМФ⁵².

Придавая большое значение обеспечению строжайшего порядка и дисциплины в тылу, ГКО в первые дни Великой Отечественной войны принял ряд постановлений, предусматривавших чрезвычайные меры по борьбе с провокаторами, шпионами, другими агентами врага, десантами противника и диверсантами в прифронтовой полосе, об ответственности за распространение слухов, об охране предприятий и учреждений⁵³. Запрещался въезд в Москву всех граждан, не прописанных в городе, вводился комендантский час, из города удалялись лица, признанные социально опасными по своей прошлой преступной деятельности. 21 февраля 1942 г. на основании постановления ГКО была проведена перерегистрация паспортов в режимных местностях, запретных зонах и приграничной полосе. Перестраивался и аппарат НКВД СССР.

Учитывая необходимость охраны важнейших предприятий и учреждений и борьбы с вражеской агентурой, забрасывавшейся в действующую армию и ее тыл, СНК СССР на третий день войны принял постановления «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе»⁵⁴. Создавались специальные войска по охране тыла, а в составе НКВД СССР — Главное управление войск охраны тыла Действующей Красной армии. Для охраны лагерей военнопленных в НКВД СССР было образовано Главное управление по делам военнопленных и интернированных. На НКВД СССР возлагалась организация истребительных батальонов. Их задачей были борьба с агентурой противника в тылу советской армии, охрана особо важных промышленных объектов, железнодорожных сооружений, электростанций, несение патрульной службы. В конце июня 1941 г. были созданы штабы истребительных батальонов при НКВД СССР, союзных и автономных республик,

⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 433. Л. 258, 271.

⁴⁹ См.: Ведомости Верховного Совета (ВВС) СССР. 1941. № 7.

⁵⁰ См.: Там же. № 33.

⁵¹ См.: Там же. 1941. 1943. № 17.

⁵² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. II. В 2 кн. 1941 г. Т. III. 1942 г. В 2 кн. Т. IV. 1943 г. В 2 кн. Т. V. 1944 г. В 2 кн. М., 2000—2008.

⁵³ См.: ВВС СССР. 1941. № 32.

⁵⁴ См.: В дни суровых испытаний. Волгоград, 1966. С. 113; На защите Невской твердыни. Л., 1965. С. 25.

УНКВД краев и областей. К концу июля 1941 г. в прифронтовой полосе было сформировано 1 755 батальонов, объединивших более 300 тыс. человек⁵⁵. Они создавались из числа партийных и советских активистов, подготовленных в военном отношении, но не подлежавших призыву в действующую армию. Они помогали войскам и органам власти ликвидировать диверсантов, проверяли документы на контрольных пунктах, проводили облавы на уголовников, помогали эвакуировать население. Создаваемые по армейскому образцу, истребительные батальоны пополнили действующую Красную армию (1 350 батальонов общей численностью 250 тыс. человек). Всего в годы войны в состав истребительных батальонов входили 400 тыс. человек.

В военные годы НКВД СССР вел большой объем военно-строительных работ. Для строительства оборонительных рубежей 22 августа 1941 г. решением ГКО на базе Управления оборонительного строительства НКО, Главспецгидростроя и других строительных организаций Наркомстроя СССР было сформировано Главное управление оборонительных работ (ГУОБР) НКВД СССР⁵⁶. Строительные работы велись силами военных строителей и мобилизованного местного населения (к осени 1941 г. было мобилизовано около 10 млн человек). В конце 1941 г. оборонное строительство было передано из НКВД в НКО СССР. Военно-промышленное строительство осуществлял Главпромстрой НКВД СССР — мощная строительная организация с собственной производственной базой, заводами, мастерскими и т.п. Позднее эта организация строила объекты, связанные с созданием отечественного атомного оружия.

С 1940 г. в ведение НКВД СССР перешла местная противовоздушная оборона, в его составе создано Главное управление МПВО. В годы войны формирования МПВО ликвидировали большое число пожаров, предотвратили тысячи аварий на предприятиях, обезвредили 430 тыс. авиабомб и 2,5 млн снарядов и мин⁵⁷.

Однако репрессивный карательный механизм продолжал работать: выселялись на спецпоселения народы Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), Крыма, немцы Поволжья. В 1945—1949 гг. из Прибалтики выселялись литовцы, латыши, эстонцы. Всего на 1 января 1953 г. числились 2 млн 753 356 спецпоселенцев⁵⁸. Для «проверки» военнослужащих, находившихся в плену или окружении, были созданы спецлагеря НКВД. Эту проверку вели отделы контрразведки «Смерш». Всего через спецлагеря прошли 354 592 человек (в том числе 50 441 офицер⁵⁹).

В 1946 г. во время административной реформы НКГБ СССР и НКВД СССР были преобразованы соответственно в МГБ СССР и МВД СССР. ГУКР «Смерш» НКО и УКР «Смерш» НКВМФ были преобразованы в 3-е управление и вошли в состав МГБ СССР⁶⁰.

После смерти Сталина, в начале марта 1953 г., провели реорганизацию МВД СССР и МГБ СССР путем их объединения в Министерство внутренних дел СССР⁶¹. В июне 1953 г. был арестован Берия (арест носил превентивный характер), а в июле состоялся Пленум ЦК партии, который рассмотрел вопрос о преступных действиях Берия и его группы в 1930—1950-х гг. Берия был снят с должности, исключен из партии, предан суду и в декабре

⁵⁵ См.: Коммунист. 1972. № 13. С. 81.

⁵⁶ См.: Шестопалов Н.Ф. Советские военные строители // Военно-исторический журнал. 1988. № 1. С. 14.

⁵⁷ См.: Там же. 1982. № 9. С. 92.

⁵⁸ См.: ВВС СССР. 1941. № 39.

⁵⁹ См.: Там же. № 38.

⁶⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005.

⁶¹ См.: ВВС СССР. 1953. № 2.

расстрелян⁶². Началась перестройка работы органов государственной безопасности. Президиум ЦК КПСС 12 августа 1953 г. утвердил постановление о ликвидации Особого совещания при министре внутренних дел СССР, а 1 сентября 1953 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «Об упразднении Особого совещания при Министре ВД СССР» (издан без опубликования в печати). Он упразднил Особое совещание при министре внутренних дел СССР, установив при этом, что жалобы и заявления лиц, отбывающих наказание по решениям Коллегии ОГПУ, троек НКВД—УНКВД и Особого совещания об отмене решений, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и о снятии судимости, должны рассматриваться Прокуратурой СССР с предварительным заключением по этим делам, подготовленным в МВД СССР. Верховному суду СССР предоставлялось право пересматривать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших Коллегий ОГПУ, троек НКВД—УНКВД, Особого совещания при НКВД—МГБ—МВД СССР.

За 1934—1953 гг. по решению Особого совещания были репрессированы около 443 тыс. человек, в т.ч. приговорены к расстрелу около 10 тыс. человек.

В 1953 г. были ликвидированы прокуратуры и трибуналы в войсках МВД, восстановлен нормальный порядок расследования и судебного рассмотрения дел. Сменился весь состав руководства служб госбезопасности, аппарат МВД СССР сократился на 12 % и обновился. В результате деятельности Комиссии для расследования всех репрессий (начиная с 1930-х гг.) в 1954—1955 гг. были реабилитированы более 8 тыс. человек⁶³, амнистированы бывшие военнопленные.

4-й этап (март 1954 г. — декабрь 1991 г.).

Принципиальное решение о выделении органов госбезопасности из структуры МВД в самостоятельное ведомство было принято Президиумом ЦК КПСС 8 февраля 1954 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. был создан Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров (СМ) СССР⁶⁴, председателем которого стал бывший первый заместитель министра внутренних дел И.А. Серов (1954—1958).

Основные задачи органов государственной безопасности были сформулированы в постановлении ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности». Они сводились к следующему:

— в области разведывательной работы: всемерное усиление разведки против капиталистических государств, прежде всего, США и Великобритании, с целью обеспечить добывание важнейшей военной и научно-технической информации об этих странах, а также своевременное выявление, разоблачение и срыв направленных против СССР подрывных действий со стороны правящих кругов и разведывательных органов стран противника;

— в области контрразведывательной работы: борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок

⁶² См.: Правда. 1953. 24 декабря.

⁶³ В процессе пересмотра дел необоснованно репрессированных в период 1930—1950-х гг. за грубейшие нарушения законности 1342 бывших сотрудника НКВД—МГБ СССР были приговорены к различным мерам наказания, в том числе расстрелу. 2370 сотрудников наказаны в партийном и административном порядке: уволены, лишены пенсий, званий и т.п. (см.: Аргументы и факты. 1989. № 43).

⁶⁴ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 150—151.

внутри СССР, выявление и разоблачение засылаемых в СССР империалистическими разведками шпионов, диверсантов и террористов;

— в области борьбы с антисоветскими элементами внутри страны: ликвидация остатков «буржуазно-националистического» подполья в западных областях Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики, вскрытие и решительное пресечение подрывной деятельности активно проявляющих себя антисоветских элементов, выявление маскирующихся врагов советского государства, особенно лиц, вынашивающих враждебные замыслы, и предупреждение активных антисоветских проявлений с их стороны.

Кроме того, на органы КГБ возлагались задачи контрразведывательной работы в Советской армии и Военно-морском флоте; организация шифровального и дешифровального дела в стране; охрана границ, руководителей партии и правительства, производство предварительного следствия по государственным преступлениям.

КГБ при СМ СССР был союзно-республиканским государственным комитетом и действовал на правах министерства (председатель КГБ входил в состав Совета Министров СССР). В республиках образовывались комитеты госбезопасности при Советах Министров союзных и автономных республик, в краях и областях — управления или отделы Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР или при Совете Министров союзной республики⁶⁵. В городах и районах вместо бывших городских отделов или отделений МВД СССР создавались аппараты уполномоченных КГБ при СМ СССР или КГБ при СМ союзной республики.

Система органов государственной безопасности СССР включала в себя органы военной контрразведки в лице особых отделов КГБ округов, флотов и групп войск, особые отделы армий и флотилий, особые отделы/отделения дивизий и бригад; особые отделы на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, аппараты уполномоченных КГБ на железнодорожных станциях и в морских портах.

Структура КГБ при СМ СССР на март 1954 г. включала 1-е Главное управление (разведка за границей); 2-е Главное управление (контрразведка); 3-е Главное управление (военная контрразведка); 4-е Управление (борьба с антисоветским подпольем, антисоветскими формированиями и враждебными элементами); 5-е Управление (контрразведывательная работа на особо важных государственных объектах); 6-е Управление (контрразведывательная работа на транспорте); 7-е Управление (служба наружного наблюдения); 8-е Главное управление (криптография); 9-е Управление (охрана руководителей партии и правительства); 10-е Управление (Управление коменданта Московского Кремля); Управление кадров; Следственное управление; 1-й спецотдел (контрразведывательная работа на объектах атомной промышленности); 2-й спецотдел (применение опертехники); 3-й спецотдел (изготовление средств тайнописи, документов для оперативных целей, экспертиза документов и почерков); 4-й спецотдел (радиоконтрразведка); 5-й спецотдел (изготовление средств опертехники); отдел «С» (правительственная связь); учетно-архивный отдел; тюремный отдел; мобилизационный отдел; инспекция при Председателе КГБ; секретариат КГБ⁶⁶.

8 декабря 1958 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И.А. Серов был освобожден от обязанностей Председателя КГБ при СМ СССР. Два дня спустя в связи

⁶⁵ См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956), М., 1956. С. 95.

⁶⁶ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 150—151.

с необходимостью «укрепления руководства» он был назначен начальником Главного разведывательного управления и заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР по разведке. 25 декабря 1958 г. на должность Председателя КГБ при СМ СССР назначен А.Н. Шелепин, до этого возглавлявший Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. А.Н. Шелепин оставался на посту председателя КГБ до 1961 г., а с 1961 по 1967 гг. эту должность занимал В.Е. Семичастный.

В 1960—1980-х гг. органы КГБ СССР имели огромное влияние, осуществляя, по сути, всеобъемлющий контроль за деятельностью всего государственного аппарата, творческих союзов, церкви, вузов, милиции и армии. КГБ стал выполнять не свойственные ему функции, порой искусственно создавая громкие «процессы», ведя борьбу с интеллигенцией теми же средствами и методами, что и борьбу со шпионами, приравнивая, таким образом, советских граждан к действительным врагам Советского государства⁶⁷.

Во второй половине 1960-х гг. было принято решение о создании специального управления по борьбе с идеологической диверсией. В создании этого управления важная роль принадлежала новому Председателю КГБ Ю.В. Андропову (1967—1982). В записке, направленной 3 июля 1967 г. в ЦК КПСС, он, ссылаясь на наращивание подрывных действий реакционных сил, отмечал, что противники делают ставку на создание антисоветских подпольных групп, различных националистических организаций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов. Под влиянием чуждой нам идеологии, по мнению Андропова, у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формировались аполитичное настроение и нигилизм, чем могли воспользоваться не только антисоветские элементы, но также болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия. В этой связи Андропов предлагал создать как в центре, так и на местах самостоятельные управления или отделы и возложить на них задачи «организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны»⁶⁸.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июля 1967 г. приказом Председателя КГБ при СМ СССР было создано Пятое управление КГБ при СМ СССР, на которое и были возложены такого рода задачи.

Усиление негативных явлений в советской экономике в конце 1980-х гг., появление организованной преступности стали причиной постановки перед органами КГБ новой задачи — борьбы с наиболее серьезными экономическими преступлениями. Для решения этой задачи в КГБ СССР было образовано специальное Управление «ОП».

28 июля 1974 г. в связи с возрастанием угрозы терроризма, в том числе в виде захватов самолетов с заложниками, по инициативе председателя КГБ Андропова в рамках 7-го Управления КГБ при СМ СССР было создано специальное антитеррористическое подразделение — Группа «А», получившая позднее неофициальное название «Альфа». Основной задачей группы стала борьба с терроризмом и другими особо опасными экстремистскими проявлениями, связанными с захватом заложников, транспортных средств, режимных объектов. В ее структуру входило 6 региональных подразделений в Минске, Киеве, Краснодаре, Алма-Ате, Свердловске и Хабаровске.

⁶⁷ См.: Перестройка в КГБ // Известия. 1989. 26 октября.

⁶⁸ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 711—714; Прозоров Б.Л. Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри. М., 2004. С. 86—94.

На протяжении 1970—1980-х гг. постепенно создавались контрразведывательные подразделения, занимавшиеся обеспечением безопасности наиболее важных объектов промышленности и транспорта. В 1973 г. в структуре 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР было образовано Управление «Т» (по контрразведывательной работе на транспорте) и в 1980 г. — Управление «П» (контрразведывательная работа на объектах промышленности). Параллельно шло создание аналогичных подразделений в КГБ—УКГБ на местах. В 1981 г. Управление «Т» было преобразовано в самостоятельное 4-е Управление КГБ по работе на транспорте, а в 1982 г. Управление «П» стало самостоятельным 6-м Управлением КГБ.

В 1973 г. во 2-м Главном управлении КГБ при СМ СССР был образован Отдел «Р» (с 1976 г. — Служба «Р»), занимавшийся радиоконтрразведкой.

5 июля 1978 г. Комитет государственной безопасности при СМ СССР был преобразован в Комитет государственной безопасности СССР⁶⁹, система и структура органов КГБ при этом существенных изменений не претерпела.

19 августа 1981 г. по решению Политбюро ЦК КПСС было создано специальное подразделение органов государственной безопасности, получившее наименование группа «Вымпел». Ее основным предназначением стало ведение разведывательной работы в тылу противника в случае войны.

После перехода Ю.В. Андропова на работу в ЦК КПСС председателем КГБ СССР был назначен В.В. Федорчук (с мая по декабрь 1982), на этом посту его сменил В.М. Чебриков (1982—1988), а затем на этот пост был назначен В.А. Крючков (1988 — август 1991).

Развернувшиеся в стране процессы демократизации, гласности, критика деятельности органов государственной безопасности, и особенно такого ее направления, как борьба с идеологической диверсией, потребовали от органов госбезопасности принципиального обновления работы, критического осмысления прошлого опыта и повлекли за собой преобразование в августе 1989 г. 5-го Управления КГБ СССР в Управление по защите советского конституционного строя (Управление «З») КГБ СССР.

КГБ СССР вместе с Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР участвовал в реабилитации необоснованно репрессированных граждан. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов» все граждане (за исключением изменников Родины и карателей, нацистских преступников, участников бандитских формирований, фальсификаторов уголовных дел), привлекавшиеся к уголовной ответственности внесудебными органами, были реабилитированы⁷⁰. Вместе с министерствами и ведомствами КГБ провело рассекречивание многих материалов, доступ к которым был в свое время по разным причинам ограничен.

6 мая 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин и Председатель КГБ СССР В.А. Крючков подписали протокол об образовании в соответствии с решением Съезда народных депутатов России Комитета государственной безопасности РСФСР, имевшего статус союзно-республиканского государственного комитета. Руководителем комитета был назначен В.В. Иваненко.

19 августа 1991 г. члены Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) попытались отстранить М.С. Горбачева от власти. Активное участие в

⁶⁹ См.: ВВС СССР. 1978. № 28. Ст. 437.

⁷⁰ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 82.

этом приняли руководители КГБ СССР. 21 августа 1991 г., после провала выступления, за участие в подготовке создания и деятельности ГКЧП был арестован председатель КГБ В.А. Крючков, и возбуждены уголовные дела в отношении заместителей председателя КГБ СССР Г.Е. Агеева, В.А. Пономарева, начальника 2-го Главного управления В.Ф. Грушко, начальника Службы охраны КГБ СССР Ю.С. Плеханова, его заместителя В.В. Генералова, начальника УКГБ по г. Москве и Московской области В.М. Прилукова.

В августе 1991 г. председателем КГБ СССР был назначен В.В. Бакатин, остававшийся на этом посту до ноября 1991 г.

Указом президента СССР от 28 августа 1991 г. была образована Государственная комиссия для расследования деятельности органов государственной безопасности, которую возглавил депутат Верховного Совета РСФСР С.В. Степашин. Начались структурные преобразования КГБ СССР. 3 декабря 1991 г. президент СССР М.С. Горбачев подписал Закон «О реорганизации органов государственной безопасности». На основании этого закона КГБ СССР был упразднен, и на переходный период на его базе созданы Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР⁷¹. Руководителем Межреспубликанской службы безопасности с ноября по декабрь 1991 г. был В.В. Бакатин.

***

Отечественные спецслужбы на всех этапах своего развития были важной составной частью Советского государства и полностью соответствовали государственной политике, проводившейся правящим режимом: каким было государство, такими были и его спецслужбы.

В деятельности органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ в 1917—1991 гг. прослеживается сращивание их аппаратов с аппаратами РКП(б)—ВКП(б)—КПСС, монополизм в сфере обеспечения государственной безопасности и информационного обеспечения высшего политического руководства страны. Органы государственной безопасности имели огромное влияние, осуществляя, по сути, всеобъемлющий контроль за деятельностью всего государственного аппарата, творческих союзов, церкви, вузов, милиции и армии. Отсутствие механизмов общественного контроля привело к тому, что на органы государственной безопасности были возложено выполнение не свойственных им функций (борьба с интеллигенцией и инакомыслием, руководство научно-исследовательскими работами и исправительно-трудовыми учреждениями, проведение громких «процессов»).

Лишь после того, как стал возможным доступ к рассекреченным документам отечественных органов государственной безопасности, мы можем составить представление об их полномочиях, структуре и основных направлениях деятельности. На рубеже XX—XXI вв. были рассекречены, частично опубликованы и стали доступны историкам и исследователям сотни тысяч листов архивных материалов о советских спецслужбах, тайны которых некогда тщательно оберегали спецхраны.

---

⁷¹ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД... С. 180.

Российские крупные предпринимательские организации и власть в период Гражданской войны

Данная статья фокусирует внимание на проблеме отношений представительных объединений бизнеса и властных структур в кризисный период отечественной истории, когда в условиях распада Российской империи от эффективности выработки солидарной тактики предпринимателей и их способности к компромиссу в кризисной ситуации зависела будущность страны.

Историография советского времени традиционно проявляла интерес к политическим проблемам истории буржуазии, не обойден был вниманием специалистов и драматический период в жизни предпринимательства — между Февралем и Октябрем 1917 г.¹ Современные российские авторы также создали ряд работ, посвященных функционированию отдельных предпринимательских групп после 1917 г.², однако в целом история представительных организаций в послеоктябрьский период остается мало изученной.

Особенности складывания торгово-промышленного предпринимательства до 1917 г. определялись несколькими обстоятельствами. Российское предпринимательство, по сравнению со странами Европы, было относительно малочисленным, при этом его отличала большая внутренняя дифференциация по уровню материального достатка. В результате, от имени торгово-промышленного класса традиционно выступало ограниченное число лидеров, представлявших самые громкие предпринимательские династии. С другой стороны, в России так и не сложилось полноценной общероссийской организации, представлявшей интересы деловых кругов (после начала русской революции 1905 г. и либерализации политики в стране стали активно возникать отраслевые группировки, в основном — промышленные). Общее число предпринимательских организаций накануне Февральской революции достигло, по разным данным, более полутора сотен³. Однако количественный рост отнюдь не был свиде-

¹ *Лозинский З.* Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929; *Волбуев П.В.* Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964; *Его же.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.:Л., 1957; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой Мировой войны (1914—1917). Л., 1967; *Лаверычев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. Т. 70, 1961; *Его же.* По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; *Шатилова Г.И.* Петроградская крупная буржуазия между двумя революциями 1917 г. // Красная летопись. 1926. № 6(2). С. 47—67; *Рейхардт Б.Б.* Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства, февраль—октябрь 1917 г. // Там же. 1930.

² *Ананьич Б.В.* Из воспоминаний М.М. Рябушинского «Смутные годы. Хроника. Москва — Юг России. Декабрь 1917 — май 1919» // Английская набережная, 4. Вып. 4. СПб., 2004; *Беляев С.Г.* Русско-азиатский банк в эмиграции. 1918—1928 гг. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сб. статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Его же.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

³ По данным А. О. Гушки, на 1910 г. число предпринимательских организаций составляло 143 (*Гушка А.О.* Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912. С. 36). Современный историк П.А. Кюнг полагает, «что в 1910 г. в России существовала

тельством усиления социальной активности предпринимателей. Многие фирмы и объединения являлись членами сразу нескольких крупных торгово-промышленных организаций, это же касалось и отдельных представителей делового мира.

Еще одним фактором, влиявшим на отсутствие полноценного общероссийского представительства буржуазии, была конфронтация наиболее авторитетных организаций, в частности, петроградской и московской. Петербургский (петроградский) Совет съездов — исполнительный орган съездов представителей промышленности и торговли, созданный в 1906 г., формально являлся общероссийским объединением. Московский биржевой комитет, выражавший интересы текстильщиков Центрального района, также претендовал на роль лидера. Члены Московского биржевого комитета, по словам предпринимателя и общественного деятеля П.А. Бурышкина, внешне признавали главенство Петербурга, они регулярно избирались в Совет съездов, но редко присутствовали на его заседаниях, а в выборах председателя и комитета Совета съездов демонстративно ни разу не принимали участия⁴.

Роль Москвы как центра объединения предпринимательских организаций особенно возросла в период Первой мировой войны. Активная работа на оборону и по оказанию помощи больным и раненым повлияла на рост престижа организаций Первопрестольной (Московского биржевого комитета, Земского и Городского союзов), в значительной степени оппозиционно настроенных по отношению к царскому правительству. В конце 1916 г. именно из кругов, близких к Московскому биржевому комитету, раздался призыв к объединению местных организаций. 1-й Всероссийский торгово-промышленный съезд, созванный лидерами московской буржуазии в марте 1917 г., положил начало новой крупной организации — Всероссийскому союзу торговли и промышленности («Протосоюзу»), во главе с П.П. Рябушинским⁵.

Летом 1917 г. была предпринята попытка объединения трех существовавших крупнейших организаций — Совета съездов представителей промышленности и торговли, Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и «Протосоюза»⁶. Однако из-за неизжитого соперничества между московской и петроградской группами эта попытка потерпела крах. Единый действенный орган, объединяющий всех предпринимателей, так и не был создан. По иронии судьбы общероссийская организация предпринимателей, получившая название Торгпром, была создана только в эмиграции⁷.

Отношения буржуазных представительных организаций с верховной властью традиционно складывались непросто. Царизм в начале XX в. не доверял любым проявлениям «общественной» инициативы. Активизация деятельности предпринимательских организаций произошла в годы Первой мировой войны, когда на начальном этапе дело-

---

около полутора сотен предпринимательских организаций, в той или иной степени выполнявших представительские функции» (*Кюнг П.А.* Частный бизнес и государство: представительные организации российских предпринимателей в начале XX в. // *История предпринимательства в России: XIX — начало XX веков.* СПб., 2006. Вып. 2. С. 126.). По подсчетам Р.Ш. Ганелина и Л.Е. Шепелева, общее число предпринимательских организаций накануне Февральской революции составляло 175 (*Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. // *Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде.* М., Л., 1957. С. 262).

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5885. Д. 15. С. 33.

⁵ *Лаверычев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности. Т. 70. С. 35 — 37.

⁶ *Лаверычев В.Я.* Там же. С. 41—42; *Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 281, 297.

⁷ Подробнее см.: *Шацилло М.К.* Объединение Торгпром: лебединая песня российского торгово-промышленного представительства в эмиграции // *Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика.* 2008. № 5 (45). Вып. 7. С. 103—110.

вые круги выступили в поддержку правительства. Однако после ряда военных поражений России предприниматели разочаровались в эффективности проводимой властями экономической политики. Они с воодушевлением приняли Февральскую революцию, которая дала свободу и, как им казалось, была призвана освободить частную предпринимательскую инициативу, а также оздоровить народное хозяйство. В целом, торгово-промышленники поддержали Временное правительство, сменившее царский режим. Любопытно, что отношение к новой власти представителей деловых элит двух столиц слегка различалось. Так, московские лидеры, в отличие от известных крупных петроградских деятелей, не поддержали Корниловский мятеж, за что получили министерские места в третьем коалиционном правительстве: А.И. Коновалов — пост министра торговли и промышленности, С.Н. Третьяков — председателя Экономического совета.

Однако в целом социально-экономическая политика Временного правительства вызывала глухое недовольство предпринимателей. В первую очередь это касалось введения монополий. В отдельных отраслях, например, в кожевенном производстве или сахарной промышленности, члены представительных организаций по соображениям военной необходимости не возражали против монополизации. Вместе с тем принципиальное осуждение с их стороны вызвали введение хлебной монополии и налоговая политика (особенно предложение министра труда меньшевика М.И. Скобелева о введении 100% налога на прибыль).

Нараставший при Временном правительстве социально-экономический кризис не давал предпринимателям оснований для оптимизма. Поэтому Октябрьский переворот 1917 г. не сразу вызвал осуждение деловых людей. С одной стороны, противники советской власти не верили в прочность большевистского режима, с другой — торгово-промышленный мир уже в течение нескольких лет военного времени находился под бременем чрезвычайных и запретительных мер, введенных в рамках мобилизации промышленности и усиления государственного регулирования экономики. Кроме того, большевики, установившие диктатуру пролетариата, не сразу поставили точку в истории частного предпринимательства. По воспоминанию горнопромышленника В.А. Ауэрбаха, в первое время при советской власти «в общих чертах порядки оставались теми же, как и при Временном правительстве, и казалось, что произошел не переворот, а смена кабинета»⁸.

Как ни парадоксально, после Октября 1917 г. деятельность торгово-промышленных союзов не только не ослабла, напротив, заметно активизировалась. На территории бывшей империи в 1918 г. сложилось несколько центров, где действовали крупные предпринимательские организации (в Москве, Петрограде, на Украине, в Сибири).

Каковы же были особенности взаимоотношений власти и предпринимателей в различных регионах в годы Гражданской войны? Отличительной чертой деятельности предпринимательских объединений Москвы и Петрограда, просуществовавших вплоть до их ликвидации осенью 1918 г., была своеобразная двойственность. Несмотря на то, что торгово-промышленные круги в целом бойкотировали действия советской власти и были широко представлены в антисоветских подпольных организациях, предприниматели и их представительные организации до известных пределов готовы были идти на сотрудничество с Советами⁹.

⁸ Ауэрбах В.А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции (далее — АРР). Т. 16. Ч. II. М., 1991. Репринт. изд. С. 53.

⁹ Подробнее см.: Шацлло М.К. Предприниматели Москвы и Петербурга в первый год советской власти. // Вестник ТвГУ. Серия: История. № 19. 2011. С. 77—89.

Так, уже в начале 1918 г. московский «Протосоюз» принял вполне лояльное заключение по поводу налогообложения, в котором говорилось, что «в принципе... в настоящее время невозможен отказ от уплаты налогов» новой власти. Предпринимательские организации Петрограда в течение первой половины 1918 г. занимались вопросами, связанными с национализацией промышленности. Основным мотивом в пользу национализации служила идея сохранения отечественной индустрии, которую могли обеспечить, в первую очередь, централизованные поставки сырья и наведение трудовой дисциплины.

Вполне естественно, что существовавшие в России предпринимательские организации, члены которых были настроены на контакты с большевиками, не только не осудили Брестский мир, но и выступили в роли экспертов и консультантов советского правительства. Представители петроградского Совета съездов промышленности и торговли работали в Комиссии наркомата торговли и промышленности РСФСР по вопросам мирных переговоров с Германией, а также в Учетно-ссудном комитете народного банка, Центральном комитете по железнодорожным делам, Страховом совете и др.

Предпринимательские организации Москвы и Петрограда прекратили свое существование осенью 1918 г. после введения «красного террора». Однако деятельность предпринимательских объединений стала разворачиваться в регионах, не контролируемых большевиками. Была восстановлена работа старых организаций (на востоке в Сибири — Совет съездов промышленности и торговли, на юге — «Протосоюз») и налажена работа новых объединений.

Так, на самостийной Украине весной 1918 г. была образована влиятельная организация «Протофис» (Союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства). По заключению историка Н.Г. Думовой, учредительный съезд этой организации, по сути, наметил экономическую стратегию, которой следовало правительству П.П. Скоропадского¹⁰. «Протофис» активно поддерживал и прогерманскую внешнюю политику украинских властей. В области внутренней политики торгово-промышленники Юга России высказались за скорейшее избавление от завоеваний революции: свободы стачек, заводских комитетов и коллективных договоров. Революция напугала предпринимателей, но мало чему научила. Как писала в 1918 г. газета «Киевская мысль» «для гг. промышленников год революции это только год панического страха, а вовсе не год величайшего опыта»¹¹. Несмотря на общую поддержку политического курса гетмана П.П. Скоропадского, деятельность «Протофиса» отличалась прагматизмом. По воспоминаниям современника, этот союз обладал значительными денежными средствами, «но расходовать их на общегосударственные надобности проявлял мало охоты»¹². Вскоре после падения режима Скоропадского в условиях непрекращавшихся на Украине боевых столкновений между различными противоборствующими сторонами «Протофис» прекратил работу.

Начиная со второй половины 1918 г. возродилась деятельность многочисленных предпринимательских организаций на востоке страны, в Сибири, где 4 июля была провозглашена государственная самостоятельность и аннулированы декреты советской власти. Первый же сибирский торгово-промышленный съезд, состоявшийся в

¹⁰ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 158.

¹¹ Киевская мысль. 1918. № 79. 18 (5) мая.

¹² Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // АРР. Т. 15. М., 1993. С. 29.

июле в Омске, признал легитимность коалиционного Временного Сибирского правительства, так как оно действовало на основе законов, принятых до Октябрьского переворота 1917 г. В отличие от своих киевских «коллег» сибирякам было чуждо германофильство. В области внешней политики торгово-промышленники разделяли позиции Сибирского правительства и подтверждали верность союзническому долгу, резко осуждая заключение большевиками Брестского мира.

В начале осени 1918 г. в Уфе открылся Всероссийский торгово-промышленном съезд, который объявил себя преемником бывшего Всероссийского (петроградского) Совета съездов промышленности и торговли. В постановлениях съезда была сформулирована программа возрожденной организации. В ней предприниматели высказались за восстановление дореволюционного, вернее даже довоенного, экономического уклада, разрушенного в результате Первой мировой войны и революционных потрясений. Предусматривались следующие меры: немедленный возврат прежним владельцам всех предприятий и имуществ, восстановление права собственности на землю, введение свободы торговли. В области социальной политики сибирские предприниматели стремились усилить роль собственников предприятий, избавившись от опеки детища Февральской революции — выборных фабзавкомов. Кроме того, планировалось перейти к сдельной оплате труда.

Не менее консервативными стали и политические заявления предпринимателей. Сибирские торгово-промышленники высказались за установление надклассовой и надпартийной диктатуры до созыва нового Учредительного собрания. Не удивительно, что представители делового мира встретили ноябрьский (1918 г.) военный переворот в Омске и установление диктатуры Колчака в большинстве своем сочувственно. Предприниматели, как востока, так и юга России, полагали, что разрушение общероссийских экономических связей в условиях междоусобицы негативно сказывалось на состоянии торговли и промышленности. В резолюциях торгово-промышленных съездов выражалась надежда на воссоздание единого экономического организма. Именно поэтому большинству предпринимателей были близки великодержавные планы А.В. Колчака и А.И. Деникина.

Однако, несмотря на общность политических взглядов предпринимателей и вождей Белого движения, а также персональное участие торгово-промышленников в различных антисоветских правительствах, белым так и не удалось наладить партнерские отношения с деловой элитой России. Военные власти, рассчитывавшие на материальную помощь, разочаровались за время Гражданской войны в предпринимателях. По словам командующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина, «крупная буржуазия и торгово-промышленники... отказывались... нести какие-либо жертвы ради борьбы с большевизмом, предпочитая сберечь свое достояние для... советской экспроприации»¹³.

Аналогичная ситуация была в Сибири. Местный общественный и политический деятель И.И. Серебренников в конце 1918 г. поинтересовался у председателя всероссийского Совета съездов промышленности и торговли А.А. Гаврилова, почему Совет съездов не предлагает правительству обоснованных хозяйственных соображений, не приглашает к себе на службу опытных экономистов и статистиков. Гаврилов ответил, что Совет съездов не имеет такой возможности, так как у него ограниченные

¹³ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май—октябрь 1918. Мн., 2002. С. 127.

средства на содержание канцелярии. Это вызвало недоумение И.И. Серебренникова: «Как же это может быть? Торгово-промышленники всей Сибири и Урала не могут дать достаточно средств, чтобы содержать приличную канцелярию при Совете съездов торговли и промышленности. Значит, они не считают этого нужным и, следовательно, не доросли еще до понимания своих классовых интересов и сознания необходимости затрачивать некоторые средства для их защиты». В итоге И.И. Серебренников пришел к горькому выводу: «... нечего греха таить: Мининых у нас в то время не было, а одни Пожарские оказались не столь сильны, чтобы одолеть врага»¹⁴.

У предпринимателей также были претензии к властям. Их расчет на военную диктатуру не оправдался. Вынужденные поступиться частью своих интересов в период 1917 г. и Гражданской войны торгово-промышленники повсеместно выступали против социально-экономических изменений последних лет и за введение жестких мер — сокращение полномочий профессиональных союзов рабочих, ужесточение трудовой дисциплины, отмену коллективных договоров, введение сдельной оплаты. Однако они не дождались уступок со стороны антибольшевистских правительств (в частности, полной отмены государственного регулирования торговли и промышленности) и были разочарованы неспособностью белых справиться с грузом экономических проблем, отсутствием правопорядка и двойным прессом со стороны гражданских и военных властей.

Таким образом, попытки торгово-промышленников установить отношения с властями в период Гражданской войны, как в Советской России, так и на территориях, контролируемых белыми, не увенчались успехом.

---

¹⁴ *Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. I. В революции (1917—1919) // Гражданская война в Сибири: Великий отход / Сост. В.А. Майер. М., 2003. С. 476—477.*

Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения

Специфика изучения периода новой экономической политики во многом определяется отношением исследователей к ее сущности. Пример тому — затянувшийся спор между «объективистами» и «субъективистами» о причинах свертывания нэпа и, следовательно, о перспективах его развития. Именно в связи с дискуссией о путях трансформации нэпа сторонники двух научных позиций получили наименования «пессимистов» и «оптимистов» соответственно. Проходя с переменным успехом, на рубеже 1990—2000-х гг. спор все-таки завершился явной победой «объективистов». Именно усилением критического направления в изучении нэпа можно объяснить известный спад интереса к нему со второй половины 1990-х гг.

Но, как говорится, нет худа без добра. Огромный массив перестроечных публикаций о нэпе (во многом конъюнктурных) далеко не всегда представлял собой научную продукцию. Властный интерес к нэповским реформам во второй половине 1980-х и отчасти в начале 1990-х гг. вовлек в нэповедение широкий и пестрый круг авторов, среди которых доминировали экономисты и публицисты. Под влиянием «прорабов перестройки» некоторые исследователи нэпа пытались обнаружить в нем образцы для горбачевских реформ. Тогда как историки в условиях «полуоткрытости» архивов и возникшего методологического вакуума, быстро сменившегося «плюрализмом» подходов, не могли в «пожарном» порядке предложить нового, научно обоснованного видения проблемы.

Однако постепенно, на фоне сокращения количества публикаций по нэповской проблематике, начали пробивать себе дорогу новые тенденции. Экспонентный рост вводимых в широкий научный оборот архивных документов и апробация новых методологических подходов (в том числе, историко-антропологического) стимулировали процесс формирования новой научной проблематики, в большей степени связанной с переориентацией исследований с «положительных» сторон нэпа на «отрицательные». Впрочем, между двумя крайними точками зрения на проблему свертывания нэпа (насильственного свертывания последнего и его неизбежной командно-административной трансформации) образовался широкий зазор, открывающий новые исследовательские перспективы. В том числе, связанные с позиционированием периода 20-х гг. прошлого столетия как переходного этапа на пути формирования сталинского режима.

Сегодня редкая публикация (особенно это относится к диссертационным исследованиям) обходится без выводов о недостатке конкретно-исторических исследований, нерешенности многих проблем истории 1920-х гг. и о первых шагах на пути складывания новейшей историографии нэпа. Однако автор не столь категоричен в своих оценках и полагает, что определенную картину развития историографии нэпа на протяжении 1990—2000-х гг. можно составить, прежде всего, на основании анализа историографических работ и обзоров. Хотя обзоры научной литературы (пре-

жде всего, в диссертациях) чаще всего ограничены довольно узкой темой исследования. Кроме того, 2000-е гг. демонстрируют общее снижение интереса к собственно историографическим работам по рассматриваемой проблематике¹. Исходя из этого, реконструкция основных направлений исследования нэпа на современном этапе возможна только путем соединения анализа историографических и собственно исторических работ.

В большинстве своем исследователи периода новой экономической политики сходятся во мнении относительно того, что центральным звеном современной историографии стало изучение противоречий и перспектив нэпа. При этом основной вопрос предыдущего историографического этапа об альтернативности нэпа в рамках социалистической модели потерял свою актуальность.

В связи с этим внимание исследователей переключилось с изучения сферы политики (в том числе в ее институциональном разрезе) в область социальной истории. Прежде всего, активизировалось изучение процесса формирования нэповского социума (в том числе, механизмов самоорганизации), взаимоотношения власти и населения. Смещение акцентов привело к отказу от доминирующих в историографии оценок нэповского общества как пассивного объекта властных воздействий.

По вполне понятным причинам, повышенный интерес историков к аграрной проблематике привел к отказу от некоторой идеализации взаимоотношений города и деревни. Другими словами, исследовательский ракурс развернулся на 180 градусов: от изучения направлений и форм «смычки» к анализу «размычки».

Историографический анализ показывает, что при всем различии подходов к изучению новой экономической политики, подавляющее большинство исследователей главное отличие современного этапа историографии нэпа видят в отказе от его чрезмерно оптимистических оценок. В 1990-е гг. фокус зрения был смещен в сторону выявления и анализа противоречий и ограниченного характера нэповской «модели». Возобладало мнение о внесистемном характере нэпа, представлявшим собой набор средств и методов, обеспечивающих политическое выживание режима.

Отчасти этим объясняется стремление (особенно явное в 1990-е гг.) исследователей вписать период новой экономической политики в более широкий контекст советской истории вообще. В частности, ряд авторов отнесли нэп к фазе неопределенности, для которой характерны ожесточенная борьба за власть среди новой эли-

¹ Историографические исследования 2000-х гг., по большей части, посвящены отдельным аспектам нэпа. См., например: *Васько А.А.* НЭП и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2009. № 3. С. 134—138; *Кармазин А.С.* Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921—1941 гг.: На материалах Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006; *Лейкина С.А.* Развитие кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии в 1920-е годы (Историографический обзор) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. Иркутск, 2000. С. 124—130; *Хазиева М.А.* Кооперация Башкортостана в 1917—1928 гг.: историография проблемы // Культура народов Башкортостана: история и современность: Матер. регион. науч. конф. Уфа, 2003. С. 57—60; *Цыпина Е.А.* Промышленное и аграрное развитие Урала в годы нэпа: Историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Чернышова А.В.* Проблемы управления советской доколхозной деревней в современной историографии // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Сб. научных трудов. Н. Новгород, 2004. С. 259—270). Одними из немногих работ последнего десятилетия, освещающих общие тенденции в изучении нэпа стали: *Орлов И.Б.* О критериях эффективности нэпа // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. Т. 2. М., 2002. С. 101—116; *Сенявский А.С.* НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5—25.

ты, политическая нестабильность и частичная потеря управления². К этому можно добавить социальную напряженность и деформацию повседневной жизни. Однако в 2000-е гг. в связи с падением интереса к теории модернизации существенно сузилась и «мода» на «сквозные» исследования. Возможно, сработала боязнь опасности потери нэпом своей специфики по отношению к другим этапам советской истории.

Современный период историографии нэпа (как, впрочем, советской истории вообще) является примером реализации «многомерной методологии» (или методологического плюрализма) в отечественной исторической науке. Прежде всего, речь идет об активном развитии «новой социальной истории», в центре которой поставлен «человек в обществе». В свою очередь, именно в рамках социальной истории получила развитие в России история повседневности. По подсчетам А.Н. Федорова, только за 2005—2009 гг. были подготовлены более 30 диссертационных работ, объектом исследования которых стала повседневная жизнь городского населения первой трети XX столетия³. Однако, не удалось избежать методологической «ловушки», когда решение важнейших проблем нэповской историографии во многом зависело от выбора того или иного подхода.

Изменилось в конце 1990-х гг. и отношение к советской историографии. Стало, фактически, моветоном отрицать познавательную и научную ценность историографической базы советской эпохи.

Кроме того, в литературе конца 1990-х — начала 2000-х гг. отмечен, во многом связанный с расширением интереса к социальной истории, резкий рост региональных работ. Следует заметить, что вводимый в научный оборот материал местных архивов не только расширял общие представления о нэпе, но, самое главное, способствовал переходу исследований на новый (реконструктивный) уровень. Складывание ряда региональных школ «нэповедения» сделало возможным понимание процесса реализации постановлений центра на местах и реакции населения на нэповскую политику⁴.

Правда, современные исследователи полагают, что даже к середине 2000-х гг. новая экономическая политика в отдельных регионах страны оставалась практически неизученной. На повестку дня выходит задача «картографирования» региональной историографии нэпа, в целях определения проблемных полей и исследовательских лакун⁵. Кроме того, необходимо учитывать опасность за спецификой нэповских преобразований на «провинциальном» уровне потерять то общее, что определяет сущность и характерные черты периода нэпа.

В современной историографии актуализируется поиск некоего центрального проблемного поля изучения нэповского социума, лежащего на стыке политики, экономики, социальной сферы и массового сознания. Таким интегрирующим «параметром» сегодня все чаще выступают массовые настроения и бытовые практики выживания, поведенческие императивы и процессы формирования идентичностей разного уровня.

² См.: Морозов С.А., Морозова Е.В. Социальная турбулентность в контексте нэпа // НЭп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность (материалы Всероссийской научной конференции, г. Славянск-на-Кубани, 17—20 октября 2001 г.) Краснодар, 2001. С. 25—29.

³ Федоров А.Н. Социальные процессы в российском губернском городе в условиях революции и Гражданской войны: 1917—1920 гг. (На материалах Центрального промышленного района): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 8.

⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33—54.

⁵ О составлении «карты» нэповских исследований на примере диссертаций см. ниже.

Снижение интереса к политическим перипетиям и экономическим трансформациям сопровождалось одновременным расширением исследовательской проблематики, связанной со сферой трудовых отношений, социальной активности, повседневной жизни и настроений городского и сельского населения нэповской России.

Одним из объектов исследовательского интереса последних лет стал персонаж, олицетворяющий собой основные коллизии рассматриваемого этапа — нэпман. Одновременно с очевидным ростом интереса к предпринимательской деятельности 1920-х гг., исследовательский фокус смещался в сторону изучения взаимоотношений «новых капиталистов» и властных структур разных уровней, отношения к нэпманам различных слоев населения и анализа масштабов и роли коррупции в указанный период⁶.

Автор полагает, что значимым индикатором анализа нэповской проблематики являются диссертационные исследования, которые «как никакие другие жанры исторических исследований, свидетельствуют о сильных и слабых сторонах, о штампах, о старых и новых стереотипах отечественной историографии»⁷. Диссертации носят структурированный и ярко выраженный проблемный характер. В них, прежде всего, проявляются и историографические новации. Анализ диссертационных исследований позволяет уловить не только степень изученности той или иной проблематики, но и узнать о формировании новых проблемных полей. И, наконец, пик публикаторской активности авторов в большинстве случаев приходится именно на период подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

Анализ 1474 кандидатских и докторских диссертаций 1992—2010 гг., в которых, так или иначе, нашла отражение нэповская проблематика, позволяет увидеть несколько измерений современной историографии нэпа⁸.

Во-первых, по своей **тематике** они распределились следующим образом⁹. На первом месте (здесь очевидно влияние сложившейся традиции рассматривать период нэпа, прежде всего, как экономическую политику) оказались работы, посвященные экономическому развитию и финансам (263 диссертации). Наибольший интерес вызвали вопросы аграрной политики (75), промышленного производства (54), социально-экономического развития регионов (40) и кооперативного строительства (38). В наименьшей степени повезло исследованиям акционерных предприятий (1), внутренней торговли (1), лесного хозяйства (2) и планирования (2). Во многом это объясняется тем, что нэп перестал рассматриваться как экономическая модель переустройства постсоветской экономики. Наоборот, рост интереса к истории частного предпринимательства (12), финансовой сферы (11) и концессионной политики (5) отчасти был стимулирован либеральными реформами 1990-х гг. Постепенно исследования затронули историю развития транспорта и инфраструктуры (13), а также гра-

⁶ Среди работ последних лет см., например: *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84—97; «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: Монография. Уфа, 2005; *Епихин А.Ю., Мозохин О.Б.* ВЧК — ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921—1928): Монография. М., 2007; *Маркосян Г.М.* Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Пахомов С.А.* Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

⁷ *Храмкова Е.Л.* Культура России периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Историографические очерки. Самара, 2001. С. 5—6.

⁸ Для выборки использованы материалы сайта: Архив диссертаций URL: <http://diss.rulib.com/>

⁹ Критериями тематической разбивки стали сформулированные диссертантами объект и предмет исследования.

достоинства и жилищного хозяйства (9). То есть можно говорить о существенном приращении исторического знания о периоде 1920-х гг.

Вторую позицию (238 работ) занимают диссертационные исследования, посвященные проблемам государственного и национального строительства. При этом, в силу специфики СССР, доминируют работы о национально-государственном строительстве и национальных отношениях в 1920-е гг. (70). На втором месте по объекту исследования в данной группе диссертаций оказались правовая сфера и деятельность правоохранительных органов (59), а на третьем - военное строительство (30). Аутсайдерские позиции разделили административно-территориальное устройство (8), советская элита (6) и система политического и государственного контроля (9). Изучение системы государственной безопасности (14) оказалось на одном уровне с исследованием деятельности Советов разного уровня (15), а кадровая политика советской власти (27) сопоставима с числом работ, посвященных истории правящей партии (23).

Вопросы науки и образования периода нэпа утвердились на третьем месте (162) среди всех выбранных диссертаций. Причем, наибольший интерес исследователи проявили к вопросам образования (87)¹⁰. Проблематика развития научного знания (75) утвердилась на второй позиции. При этом 34 работы были посвящены именно исторической науке.

Если не принимать во внимание диссертационные исследования, посвященные истории Русского зарубежья в 1920-е гг. (111 работ) и оставить в стороне вопросы международной политики и деятельности Коминтерна (58), то дальнейшая иерархия работ по нэповской проблематике (точнее, хронологически укладывающихся в исследуемый период) выглядит следующим образом.

Четвертой по числу работ стала группа исследований культурной политики новой власти (134), а пятой — социальной и демографической политики (96). При этом диссертации последней группы демонстрируют весьма широкое предметное поле, первую позицию на котором заняли вопросы социальной структуры нэповского социума и социальной политики советской власти (58), а закрывает список изучение политики преодоления голода (3). Вторую и третью строчку внутригруппового рейтинга занимают диссертации, посвященные повседневности и быту (24) и женскому вопросу (22). Далее, по степени убывания, проблематика исследований распределяется так: демографическая (16), молодежная (16) и миграционная политика (10), политика в области спорта, физкультуры и туризма (10), история семьи (9), детства и детской беспризорности (7), алкогольная политика (4) и политика в отношении казачества (4).

В пятую группу вошли исследования, освещающие церковно-государственные и конфессиональные отношения (80), а в шестую — работы социально-политической проблематики (79). Значительная часть диссертаций шестой группы раскрывает социально-политические аспекты нэпа (28), а далее, с минимальным разрывом следуют работы, анализирующие особенности функционирования средств массовой информации (18), репрессивные практики (17) и социальные конфликты периода нэпа (16).

Восьмая группа диссертационных исследований включает в себя работы, затрагивающие те или иные элементы «гражданского общества» 20-х гг. (71), включая массовые настроения (28) и общественные организации (28), а также судьбу непролетарских партий (15).

¹⁰ 4 диссертации из них объектом своего исследования сделали не столько образовательный процесс, сколько студенчество как специфическую социальную и профессиональную группу.

Закрывают перечень диссертаций историографические работы (37), диссертации, охватывающие общие проблемы нэпа (20) и биографические исследования (15).

Как мы видим, для современного этапа нэповской историографии, при всем тематическом разнообразии, характерен довольно слабый интерес к изучению собственно нэповской «модели» и к подведению историографических итогов исследований тех или иных аспектов новой экономической политики.

Что касается **географического** распределения диссертаций, то здесь также можно отметить весьма неоднородную картину. В частности, табл. 1 показывает распределение численности диссертационных исследований по местам их защиты.

Таблица 1

Распределение диссертационных исследований по регионам

№ п/п	Место защиты	Число диссертаций
1	Абакан	4
2	Армавир	6
3	Архангельск	14
4	Астрахань	8
5	Барнаул	18
6	Белгород	1
7	Бийск	1
8	Благовещенск	7
9	Брянск	5
10	Владивосток	16
11	Владикавказ	15
12	Владимир	5
13	Волгоград	4
14	Вологда	3
15	Воронеж	24
16	Глазов	1
17	Горно-Алтайск	4
18	Грозный	1
19	Екатеринбург	37
20	Зерноград	1
21	Иваново	12
22	Ижевск	8
23	Иркутск	33
24	Йошкар-Ола	3
25	Казань	27
26	Калуга	3
27	Карачаевск	1
28	Кемерово	17
29	Киров	3
30	Кисловодск	1
31	Коломна	2
32	Комсомольск-на-Амуре	4
33	Кострома	12
34	Краснодар	29
35	Красноярск	9
36	Кропоткин	1
37	Курган	4
38	Курск	25
39	Кызыл	2
40	Майкоп	7
41	Махачкала	29
42	Москва	389
43	Мурманск	5

44	Нальчик	7
45	Нижний Новгород	19
46	Нижний Тагил	1
47	Новгород Великий	3
48	Новосибирск	34
49	Новочеркасск	1
50	Омск	25
51	Орел	11
52	Оренбург	14
53	Пенза	29
54	Пермь	7
55	Петрозаводск	8
56	Псков	6
57	Пятигорск	12
58	Ростов-на-Дону	20
59	Рязань	4
60	Самара	19
61	Санкт-Петербург	90
62	Саранск	18
63	Саратов	47
64	Смоленск	10
65	Ставрополь	19
66	Сургут	2
67	Сыктывкар	14
68	Тамбов	14
69	Тверь	5
70	Тобольск	2
71	Тольятти	4
72	Томск	17
73	Тула	1
74	Тюмень	14
75	Улан-Удэ	37
76	Ульяновск	4
77	Уфа	26
78	Хабаровск	20
79	Чебоксары	16
80	Челябинск	13
81	Черкесск	1
82	Элиста	7
83	Южно-Сахалинск	5
84	Якутск	12
85	Ярославль	19

Таким образом, с большим отрывом от Санкт-Петербурга (90) лидирует Москва (389). На третьей позиции разместился Саратов (47). В группу «лидеров» (число защищенных работ более 20-ти) вошли: Воронеж (24), Екатеринбург (37), Иркутск (33), Казань (27), Краснодар (29), Курск (25), Махачкала (29), Новосибирск (34), Омск (25), Пенза (29), Улан-Удэ (37), Уфа (26).

При этом ряд регионов, помимо столиц, представлен сразу тремя центрами: Краснодарский край (Краснодар, Армавир, Кропоткин); Ростовская область (Ростов-на-Дону, Зерноград, Новочеркасск); Ставропольский край (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск). Кроме того, двумя центрами представлены три области (Свердловская — Екатеринбург, Нижний Тагил; Тюменская — Тюмень, Тобольск; Самарская — Самара, Тольятти), две республики (Карачаево-Черкесская — Черкесск, Карачаевск; Удмуртская — Ижевск, Глазов) и два края (Алтайский — Барнаул, Бийск; Хабаровский — Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре).

С учетом проводимых конференций и публикаций иного рода (монографий, статей и пр.), можно говорить о вполне сложившихся казанской, краснодарской, саратовской, ставропольской и ростовской школах, а также о ряде формирующихся в последние годы центров исследования нэпа.

И еще один важный историографический аспект. Из 389 защищенных в Москве диссертаций почти четверть (92 работы) посвящены региональной тематике. Однако анализ географических границ диссертационных исследований показывает, что подавляющее большинство работ (66), укладываемых в рамки локальной истории, защищено на основе материалов регионов, никак не связанных со столичным. Среди работ региональной проблематики диссертаций, анализирующих процессы 1920-х гг. в московском регионе, немного (18). Даже если к этим работам прибавить исследования, в которых Москва и Московская губерния являются частью более широкого пространства (Центрально-промышленный район, Центральное Нечерноземье и т.п.), то общее число диссертаций увеличится несущественно — до 26-ти. То есть Москва остается ведущим центром подготовки диссертаций по общероссийской и союзной проблематике, тогда как весьма условно можно говорить о наличии московской школы «двадцатников».

Наименьший интерес исследователей к нэповской тематике (по 1 работе) проявился в Белгороде, Бийске, Глазове, Грозном, Зернограде, Карачаевске, Кисловодске, Кропоткине, Нижем Тагиле, Новочеркасске, Туле и Черкесске. Впрочем, ряд регионов (если не считать Калининградской области, автономных областей и округов) не представлен вообще: Камчатская, Липецкая, Магаданская и Читинская области и Ингушская республика.

Не вызывает сомнений, что сегодня исследования нэпа органично вписываются в очерченные современными исследователями ключевые проблемные области постсоветской историографии, включая советскую идентичность, опыт реформ, функционирование института собственности, реальную социальную структуру и стереотипы сознания, изменения правовых институтов и социальных отношений¹¹. Подход к революции как срыву модернизации и ретрадиционализации общества актуализировал обращение исследователей к реформам, направленным на модернизацию традиционного общества, включая опыт новой экономической политики. Отказ от прямолинейности классовой теории позволил реконструировать реальную социальную структуру нэповского социума и наиболее устойчивые стереотипы сознания. Расширение интереса к социокультурной истории вовлекло в исследовательскую сферу стереотипы и мифы, образ жизни и социальный статус основных социальных слоев, их отражение в пропаганде, литературе и искусстве. В научную повестку включены вопросы эволюции приоритетов социальной политики и форм политического участия, государственной идеологии и правовой сферы. Расширился анализ жизнедеятельности маргинальных социальных групп (лишенцев и безработных, представителей криминального сообщества и заключенных, беспризорников и люмпенизированных партийных функционеров), являющихся порождением социальных деформаций и источником социальной нестабильности.

Можно констатировать факт определенного историографического поворота последнего десятилетия в исследовании нэповской проблематики. Помимо изучения

---

¹¹ Медушевский А.Н. Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. 2009. № 1. С. 3—4.

как экономических аспектов жизнедеятельности социума 1920-х гг. (прежде всего, реформаторского потенциала нэпа), так и политических (включая внутрипартийные разногласия), начались научные изыскания в области повседневной истории (в том числе, социальных противоречий) и массового сознания различных групп населения.

В общих чертах сущность исследовательского поворота проявилась в утверждении взгляда на нэповское общество как сложную систему взаимосвязей различных «групп интересов». Как уже отмечалось, на фоне снижения интереса к нэповским реформам, напротив, расширилась проблематика отношения к ним различных слоев и локальных (в том числе региональных) сообществ. Выделилось в самостоятельное исследовательское направление изучение бытовых практик нэповского общества, нацеленных на выживание и адаптацию к непредсказуемым поворотам властной «машины». На наших глазах идет процесс формирования единого историографического поля нэповской проблематики, центральным звеном которого стало обращение к советской повседневности 1920-х гг. Приметой времени стало наличие соответствующего параграфа или раздела (на крайний случай, ряда сюжетов, пусть и иллюстративного характера) в диссертациях и работах, посвященных политическим, идеологическим и социально-экономическим аспектам нэпа.

Т.М. Смирнова

«Бывшие люди» — социальная категория
или элемент идеологической риторики:
к вопросу о социальной стигматизации
в послереволюционной России

В последние десятилетия проблема социальных отношений и социальной структуры послереволюционного российского общества получила новое освещение. На смену упрощенным представлениям о его структуре, основанным на теории социальных классов, пришло понимание сложности и противоречивости этого общества, мобильности составляющих его социальных слоев, «прозрачности» границ между ними и неоднозначности критериев их идентификации, наличия элемента случайности при «приписывании» граждан к той или иной социальной категории. Осознание этого крайне важно для адекватной реконструкции послереволюционной российской действительности во всех ее аспектах. Понимание сущности проводимой новой властью «классовой политики» и последствий проникновения принципов «классовой справедливости» во все сферы жизни общества (господство «классового правосудия», «классовой культуры», введение «классовых пайков», и т.п.) невозможно без осознания того, что представляли из себя эти «классы», как они формировались, каковы были критерии социальной идентификации.

Формирование социальной структуры послереволюционной России проходило в условиях крушения привычной социально-политической системы, разрушения традиционных социальных связей, массовой утраты правового статуса и привычной социальной ниши. Это приводило к мучительным поискам гражданами новой социальной ниши, с одной стороны, и стихийным процессам их поспешной социальной градации властью на местах — с другой. Результатом революционного творчества местных властей в этой сфере стало появление множества самых разнообразных «социальных категорий», в большинстве своем именуемых «классами». Одной из наиболее неопределенных и загадочных социальных категорий того времени, безусловно, являются так называемые бывшие люди или просто «бывшие». Данная социальная категория представляет собой чрезвычайный интерес не только в силу своей массовости и достаточно широкого бытования на уровне политической практики. Сам процесс формирования социального пространства «бывших», характер его изменений и особенности идентификационных критериев наглядно характеризуют социальные процессы того периода в целом и позволяют адекватно воссоздать принцип «классовой справедливости» в действии.

Как известно, данная социальная категория не только никогда не имела юридического оформления, но и вообще не существовала в рамках официальной социальной структуры. В то же время понятие «бывшие люди» достаточно активно использовалось в 1920—1930-е гг. для определения особой социальной группы, как в политической практике, так и на уровне повседневно-бытового общения. Границы социального пространства «бывших» складывались стихийно в процессе политиче-

ской практики, подвергаясь существенным корректировкам в течение исследуемого периода, а, следовательно, критерии идентификации их как особой социальной группы были крайне неопределенными, неоднозначными и нестабильными. Тщательно проведенное исследование бытования понятия «бывшие люди» показало, что изучать эту социальную категорию необходимо в трех взаимодополняющих системах координат, а именно:

1) путем исследования представлений о «бывших» и их восприятия на уровне официального властного дискурса;

2) через анализ отношения к «бывшим» внутри советского социума — в глазах разных общественных слоев Советской России, главным образом, на уровне повседневных практик и бытового общения;

3) сквозь призму вопросов самоидентификации и внутреннего мироощущения представителей социальных групп, относимых к категории «бывших».

К сожалению, как показывают источники, единства и четкости понимания проблемы нет не только между этими системами координат, но и внутри каждой из них. Тем не менее, опираясь на указанный метод исследования, можно выделить пять основных трактовок социального пространства «бывших»:

на уровне официального дискурса;

на уровне повседневной политической практики;

на уровне повседневно-бытового общения;

на уровне самоидентификации населения;

в современной отечественной и зарубежной историографии.

Пожалуй, проще всего охарактеризовать последнюю из указанных трактовок. В настоящее время в историографии под «бывшими» подразумевают представителей всех социальных слоев, которые в результате Октябрьской революции были лишены власти и привилегий: верхушка чиновничества, буржуазия, помещики, домовладельцы, высшее духовенство. Некоторые исследователи не разграничивают «бывших» и «лишенцев», либо «социально чуждых» и «нэпманов», объединяя тем самым не только различные социальные слои, но и совершенно разнохарактерные понятия. В целом в историографии господствует точка зрения, что «бывшие» и «лишенцы», «бывшие» и «нэпманы», «социально-чуждые» и «социально-опасные» — социальные категории пересекающиеся, но не совпадающие.

На уровне официального советского дискурса понимание социального пространства¹ «бывших» не было статичным, находилось в тесной зависимости от политической конъюнктуры. В первое время после революции понятие «бывшие люди» имело не столько социальный, сколько политический оттенок. В 1917—1920 гг. в дискурсе большевистских лидеров под «бывшими» обычно подразумевались эсеры и представители прочих партий, чье «время прошло»²; либо все группы населения, недовольные новой властью, независимо от их социального происхождения³. В дальнейшем понятие «бывшие люди» в официальном дискурсе употреблялось для обозначения так называемых «эксплуататорских классов» дореволюционного рос-

¹ В данном случае, под «социальным пространством» понимается совокупность всех социальных групп, по тем или иным причинам оказавшихся включенными в социальную категорию, именуемую в исследуемый период «бывшими людьми».

² См., например: *Луначарский А.Б.* Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М., 1922.

³ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 23—31.

сийского общества. Соответственно и социальное пространство этой социальной категории должно было опираться на марксистско-ленинскую трактовку, в соответствии с которой эксплуататорскими считались «общественные классы, присваивающие чужой труд, труд эксплуатируемых классов, на основе владения частной собственностью на средства производства»⁴. На практике же категория «эксплуататор» в понимании большевистской власти практически не имела границ, охватывая крайне пестрый конгломерат различных классов, слоев, групп населения, существенно отличавшихся и по своему отношению к власти; и по уровню доходов и способу их получения; по политическим убеждениям; культурным традициям, уровню образования и т.п. Это и духовенство, включая приходских священников; и многочисленное российское чиновничество различных рангов; и предприниматели всех уровней (от крупных капиталистов до мелких лавочников); представители всех слоев интеллигенции (от элитарных, высокооплачиваемых врачей до сельских фельдшеров; от «верхушки» профессуры до учителей провинциальных гимназий и приходских школ; трудовая инженерно-техническая интеллигенция и т.п.).

Со временем понятие «эксплуататор» практически вышло из употребления, став атрибутом дореволюционного общества. На смену ему пришли такие определения как «враждебные классы», «остатки старого умирающего мира», «осколки проклятого прошлого», «социально чуждые элементы», «чуждые», «бывшие люди» или просто «бывшие». Последнее понятие вобрало в себя представителей всех социальных слоев, по тем или иным причинам не вписывавшихся в представления представителей новой власти о создаваемом ею бесклассовом обществе. В середине 1920-х гг. к числу «бывших» нередко относили и «нэпманов», а с конца 1920-х — начала 1930-х гг. к ним стали причислять также кулацкую и троцкистскую «агентуру», «троцкистских контрабандистов», «политических штрейкбрехеров», «примиренцев с кулаками», «разложившиеся элементы», «политических двурушников», «буржуазных перерожденцев», оппортунистов и всех «правых» скопом, «паникеров и нытиков, не верящих в творческую силу пролетариата», перекупщиков-спекулянтов и т.п.⁵

Еще более широким было понимание социального пространства «бывших» на уровне повседневной политической практики. В целом представление социального пространства «бывших» на местах соответствовало официальному властному дискурсу. Однако критериями социальной идентификации на местах нередко становились личные симпатии и антипатии, а также корыстные соображения представителей местной власти. Фактически можно говорить о том, что вплоть до середины 1920-х гг. на местах практиковалось произвольное «приписывание» граждан к тем или иным «классам».

Таким образом, социальное пространство «бывших» определялось не столько теорией, сколько практикой, то расширяясь, то сужаясь, в зависимости от политической конъюнктуры, удаленности от центра и множества других причин. С конца 1920-х гг. социальное пространство «бывших» расширилось за счет всякого рода «перерожденцев», людей, «потерявших свое идеологическое (политическое, социальное) лицо» и т.п. К этим абстрактным социальным группам мог попасть любой, недовольный новой властью или в чем-либо с ней не согласный. Не составляла исключение и «элита» пролетариата.

⁴ БСЭ. Т. 48. М. 1957. С. 414.

⁵ См., например: СЗ СССР. 1931. № 17. Ст. 159; Там же. 1932. № 50. Ст. 298; Историк-марксист. 1932. № 1/2. С. 7; Большевик. 1932. № 22. С. 2; Борьба классов 1932. № 2/3. С. 29—34; Там же. № 11/12. С. 10; На трудовом посту. 1929. № 1. С. 2; и др. Подробнее см.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России... С. 153—165, 194—198.

Так, например, после того, как путиловцы в марте 1919 г. осмелились собраться на митинг с требованием хлеба, власти назвали их не иначе как «сбродом контрреволюционеров и буржуазии»⁶. К буржуям нередко причисляли и наиболее «привилегированный» слой прислуги (дворецких, личных горничных, дворников и т.п.) — так называемую «челядь буржуазии», якобы в любой момент готовую не за страх, а за совесть содействовать восстановлению священных прав своих бывших хозяев⁷.

Таким образом, определить границы пространства «бывших» в понимании представителей власти на местах не представляется возможным. Решая, кто буржуй, кто помещик, а кто их приспешник или пособник, наделенные властью лица руководствовались преимущественно собственным классовым чутьем, размахом революционного рвения, а также личными мотивами.

На уровне повседневно-бытового общения слово «бывшие», как и слова «помещик», «буржуй», «капиталист», «дезертир», «контрреволюционер» нередко имели не столько социальное, сколько эмоциональное содержание и использовались как откровенно ругательные. Как справедливо отметил еще в марте 1917 г. известный публицист А. Яблоновский, в дискурсе широких слоев населения понятие «буржуй» по своему значению «занимает как бы среднее место между подлец и скотина»⁸. Для широких слоев населения основными признаками принадлежности к «миру эксплуататоров», к «остаткам умирающего общества» были, во-первых, внешние отличия (по удачному выражению Ю. Ларина «ненависть простонародья» к «чистым господам»⁹), во-вторых, пренебрежительное, высокомерное отношение к населению, «отрыв от народа», нежелание понимать и учитывать его интересы и проблемы, в-третьих, относительное материальное благополучие. В результате, в дискурсе рядовых «обывателей» «буржуями», «барами», «капиталистами», «помещиками», «эксплуататорами» и т.д. нередко становились сами представители новой власти.

В то время как в политической практике большевиков социальная категория «эксплуататоров» и их «приспешников» трактовалась предельно широко, сами «бывшие», в подавляющем большинстве, причисляли себя к представителям «трудового» населения. Не только мелкие собственники и «средняя» интеллигенция, но и офицерство, чиновничество (в том числе и высшее), а также жандармы и полицейские стремились доказать социально-экономическую значимость своей «трудовой» деятельности и собственную непричастность к классу «эксплуатирующих чужой труд». «Клички “буржуй” и “контрреволюционер” ко мне не подходят»¹⁰, — писал, в частности, в 1918 г. в СНК РСФСР некий «курский дворянин», бывший предводитель дворянства. Проработав 48 лет в суде, он искренне считал себя трудящимся. Такого же мнения придерживались и многочисленные представители российского чиновничества всех уровней¹¹.

⁶ Подробнее о волнениях рабочих Путиловского завода в 1919 г. см.: Яров С.В. Гражданин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999, С. 36—42.

⁷ Изаксон А. Коммунальный съезд и текущая коммунальная политика // Власть Советов. 1920. № 5. С. 10; См. также: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 119. Л. 6; Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918—1923 гг. Берлин, 1923. С. 105.

⁸ Русское слово. 1917 г. 22 марта.

⁹ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М., 1924. С. 4.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 69. Л. 9.

¹¹ Подробнее см.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России... С. 40—43; Ее же. «Чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь...». Представители бывших привилегированных слоев в поисках новой социальной ниши. Октябрь 1917—1921 годы // Советская власть — народная власть? Очерки истории народного восприятия Советской власти в СССР. СПб., 2003. С. 67—87.

Подавляющая часть мелких собственников категорически отказывались признавать себя «буржуями», подчеркивая, что все, что они имеют, заработано честным трудом. В фондах СНК РСФСР и его Управления делами, НКВД РСФСР, различных комиссий ВЦИК и др. хранятся тысячи писем граждан, искренне недоумевающих, почему у них реквизировали имущество «нажитое собственным трудом», «приобретенное не посредством эксплуатации, а личным трудом», «отказывая себе в самом необходимом». В аналогичной с мелкими собственниками ситуации оказались и представители так называемой рабочей интеллигенции. Так, по утверждению врача И.К. В-ша, «интеллигентный пролетариат» (в ряды которого В-ш включает всю интеллигенцию, а не только работающую непосредственно на производстве) до 1917 г. подвергался эксплуатации ничуть не меньше, чем пролетариат, не имеющий образования¹².

В письмах В.И. Ленину и другим руководителям нового правительства в 1917—1920-х гг. работники просвещения, представители инженерно-технической или художественной интеллигенции искренне именовали себя «честными тружениками», «типичными рабочими», «абсолютными пролетариями» и т.п.¹³

Страх за свою судьбу вызывал естественное желание любым способом преуменьшить свой прежний социальный статус, скрыть истинное материальное положение до революции. В этом отношении показательны разнообразные анкеты начала 1920-х гг. Эти анкеты в обязательном порядке содержали ряд вопросов о дореволюционном имущественном и социальном положении респондентов. Тем не менее, составить по этим анкетам более или менее адекватное представление о социальном происхождении респондентов и дореволюционном социальном статусе каждого из них крайне затруднительно. В частности, из 21 вопроса анкеты, разработанной в 1919 г. Комиссией ВЦИК по обследованию наркоматов РСФСР, более половины (11 вопросов) были посвящены дореволюционному положению анкетированного и его семьи¹⁴. Однако, тщательное изучение этих анкет показывает, что подавляющее большинство анкетированных, так или иначе, уклонились от ответов на «опасные» вопросы о прошлом. Так, из 196 служащих Единой трудовой школы и дошкольного отдела Наркомпроса, заполнивших анкету в марте 1920 г., на вопрос о службе и чине отца до революции 54 человека ответили, что «отец уже умер», тем самым фактически уйдя от ответа; десятки человек дали уклончивые ответы («отец старик 75 лет», «в настоящее время отец слепой», «служил в разных коммерческих фирмах», «вследствие старости живет на помощь детей» и т.п.). Не менее любопытные ответы были даны и на вопрос о наличии у родителя правительственных наград, например: «наградами отца не интересовалась» или «медаль за освобождение крестьян». Если же верить ответам на вопросы о прежнем имущественном положении, то приходится признать, что в дореволюционной России значительная часть чиновничества, включая статских и тайных советников; представители высших офицерских чинов; руководящие работники различных торговых и промышленных обществ; а также купцы и «коммерсанты» (как они сами себя именовали) никогда не владели вообще никаким имуществом, в крайнем случае — одним «очень ветхим» домиком. Наиболее типичными ответами на вопрос о

¹² В-ш И.К. О формах борьбы интеллигентного пролетариата // Общественный врач. 1918. № 2. С. 13.

¹³ См., например: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1126. Л. 31; Д. 1235. Л. 14; Д. 1481. Л. 6—9; Д. 1498. 8; ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 1091. Л. 228 об. — 230; и др.

¹⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 80—88.

прежнем имущественном положении являются следующие: «никаким имуществом не владел», «ничем не владел», «средства на содержание себя и семьи зарабатывал всегда личным трудом» и т.п.¹⁵ Причем, судя по сделанным на полях анкет пометкам, эти ответы, несмотря на их очевидную недостоверность, обычно не подвергались проверке. Анкеты обрабатывались наспех, в массовом порядке, в результате, в наихудшем положении оказывались самые честные респонденты: на тех анкетах, авторы которых признались в наличии у них или их родителей какой-либо собственности (включая самый незначительный крестьянский надел земли), значится пометка «Вл.», что означает «владелец». На прочих же анкетах, будь их автор даже бывшим предпринимателем или сыном действительного статского советника, подобных пометок нет.

Следует отметить, что предпринимаемые в это время попытки скорректировать «неудачную» биографию нередко были довольно успешными. Кому-то помогала счастливая случайность, кому-то — личные связи и собственная предусмотрительность. Так, бывший директор Департамента общих дел МИД В.Б. Лопухин, воспользовавшись тем, что выдачей паспортов в первые послереволюционные дни по-прежнему заведовал смотритель зданий министерства, бывший с ним в хороших отношениях, еще в конце 1917 г. получил новый вид на жительство без упоминания упраздненных революцией титулов. Наиболее благоразумные представители «бывших», «обзаведясь подходящей легендой», отправлялись на Урал, в сельскую или горнозаводскую местность, где их никто не знал, и где дефицит в служащих был особенно острым¹⁶. В дальнейшем их социальная идентификация и возможность интеграции в новое общество в значительной степени зависели от представителей местных властей. На том, как на практике происходило «приписывание» граждан к той или иной социальной группе (к тому или иному «классу») следует остановиться немного подробнее.

Определяя социальный состав населения, представители различных уровней местной власти опирались не на правовые нормы (которых просто не было), а преимущественно — на собственное «классовое чутье». При этом они обычно демонстрировали полное непонимание сущности таких понятий, как «социальное происхождение», «социальное положение» и «классовая принадлежность». Практически любая группировка граждан (будь то население уезда, служащие предприятия, учащиеся школы, пациенты больницы, клиенты ломбарда и т.п.) в документах 1918—1920-х гг. неизменно преподносилась в качестве «классового» (в крайнем случае, «социального») состава¹⁷, а выделенные социальные группы (инвалиды или студенты) именовались «классами».

Так, например, власти Кинишемского уезда Иваново-Вознесенской губернии в июне 1919 г. разделили все население уезда, обязанное выплатить единовременный чрезвычайный революционный налог, на 22 «категории». Среди них, наряду с такими категориями населения, как помещики, домовладельцы, духовенство, судовладельцы, лесопромышленники, фабриканты, заводчики, содержатели публичных заведений и т.п., в качестве отдельных групп были названы также «эксплуататоры чужого труда»,

¹⁵ См.: Там же. Д. 81. Л. 2 об., 9, 54, 63, 69, 95, 100, 122, 142, 172, 178; и т.д.

¹⁶ О положении «бывших» на Урале см.: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 445—468.

¹⁷ Следует отметить, что в те годы понятия «классовый состав» и «социальная структура» обычно использовались как тождественные. См., например: *Ларин Ю.* Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения. М.; Л., 1928. С. 3.

«капиталисты», «другие промышленники» и даже «противники Советской власти»¹⁸. Остается неясным, кто входил в группу «другие промышленники» и почему от группы капиталистов были обособлены, например, лесопромышленники и фабриканты, и, в конце концов, кого относили к категории «эксплуататоров чужого труда», если и «капиталисты», и помещики, и деревенские кулаки, и владельцы разнообразных предприятий и заведений составляли самостоятельные социальные группы?

Не больше понимания в этом вопросе проявляли и власти крупных городов, в том числе представители Моссовета, а также руководство различных предприятий и учреждений. Так, определяя в 1919 г. классовый состав семей красноармейцев, Моссовет в качестве отдельных «классов»¹⁹ выделил следующие группы: 1) рабочие и низшие служащие; 2) служащие; 3) кустари, торговцы и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд; 4) ремесленники, торговцы и крестьяне, использующие наемный труд; 5) лица свободных профессий; 6) лица неопределенных занятий и безработные²⁰. Еще любопытнее оказалась предложенная Моссоветом в 1920 г. группировка по классовому составу лиц, обеспечиваемых в инвалидных домах. Здесь в качестве самостоятельных «классов» фигурируют калеки от рождения, беженцы, лица физического труда, лица нефизического труда и даже «бюрократический и нетрудовой элемент»²¹. Последний «класс» наиболее интересен, так как он фактически объединяет самих работников Моссовета и многочисленный отряд служащих различных бюрократических органов новой власти с так называемым «нетрудовым элементом», значительную долю которого составляли бывшие домовладельцы, рантье и прочие категории «бывших».

Администрация Московского городского ломбарда в отчете за 1923/24 г. разделила свою клиентуру на следующие 5 «классов»: рабочие, служащие, безработные, военнослужащие, инвалиды²². Похожее подразделение по социальному составу содержится и в отчете клинической больницы Первого МГУ за 1927 г., в котором в качестве отдельных социальных групп выделены студенты, кустари, инвалиды, нетрудовые элементы и т.д.²³ Служащие аппарата Сокольнического районного рабочего общества потребителей были разделены на 8 социальных групп: рабочие, служащие, кустари, бывшие помещики и фабриканты, бывшие торговцы и домовладельцы, бывшие белые офицеры, служители культа, бывшие охранники и полицейские и т.п.²⁴

Не останавливаясь подробно на множестве аналогичных материалов, на основе их анализа можно сделать вывод, что в отчетах середины 1920-х гг. наиболее часто упоминаются следующие «классы»: рабочие, служащие, безработные, военнослужащие, студенты и инвалиды²⁵.

Таким образом, на протяжении всего изучаемого периода мы в самых разных источниках постоянно сталкиваемся с подменой или смешением понятий «социальное происхождение» и «социальное положение». В 1920-е гг. критерием для определения со-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. Р—1240. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.

¹⁹ Здесь и далее понятие «класс» по отношению к различным социальным группам, не являющимся таковым, используется в соответствии с терминологией документов.

²⁰ Красная Москва. 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 437—438.

²¹ Там же. Ст. 450.

²² Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 11. Д. 1077. Л. 1—2.

²³ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 25—28.

²⁴ Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 1474. Оп. 2. Д. 211. Л. 10.

²⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1077. Л. 1—2.

циального статуса граждан помимо их происхождения, могли стать *профессия, занятие в настоящий момент*, в том числе и временное (студент, мелкий торговец, домохозяйка, безработный); *трудоспособность* («инвалид», «калека от рождения») и даже *место рождения* («гражданин такого-то города»). Так, по свидетельству заведующего статистическим отделом Моссовета В.Г. Михайловского, после упразднения сословий местные статистические органы при заполнении графы «происхождение» оказались в крайне затруднительном положении. После долгих раздумий было решено записывать в этой графе место рождения. В результате, среди жителей Москвы оказалось несколько «граждан гор. Варшавы» и даже один «гражданин гор. Токио»²⁶.

Отсюда и вполне очевидная неразбериха в определении социальной принадлежности граждан. В сложившихся условиях значительная часть граждан не только не знали своего собственного социального статуса, но и вообще не понимали, что это такое. Кто-то под социальным положением подразумевал уровень материального достатка, кто-то — профессию, другие — образование или партийность и т.п. На вопросы анкет о «социальном положении» можно встретить самые различные ответы. Так, например, один из студентов записал в анкете: «социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома». Социальное положение другого студента «состояло» из мельницы, которой до революции владел его отец (любопытно, что членам комиссии, проверявшей студентов, данный ответ показался вполне уместным, но неполным, и они попросили уточнить, была ли мельница «с одернухой» или без)²⁷.

Помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин в 1926—1927 гг., анализируя социальный состав тех, кто в период нэпа оказался связан с частным предпринимательством, в графе «социальное положение» среди прочих сделал следующие записи: инженер, инженер-химик, инженер-дворянин, бывший адвокат, инженер-электрик, дьякон и т.п. В то же время в графе «профессия» он записал: купец 1-й гильдии, торговец и т.п.²⁸

Таким образом, возникает достаточно широкий диапазон социальных групп, к которым тот или иной гражданин мог оказаться «приписанным» волевым решением облеченных властью лиц. Например, бывший помещик дворянского происхождения, юрист по образованию, устроившийся после революции служащим в какое-либо советское учреждение, а затем вследствие травмы или болезни получивший инвалидность и потерявший работу, по своему социальному положению в 1920-е гг. мог быть с равной степенью вероятности отнесен к «классу» дворян, помещиков, служащих, юристов, инвалидов или безработных.

Определение социального статуса, как это ни парадоксально, зависело не только (и не столько) от происхождения человека. Немаловажную роль играл целый комплекс сопутствующих факторов, таких как его собственная предусмотрительность, характер личных взаимоотношений с представителями власти, руководством, коллегами по работе и даже с соседями; характер и особенности мировоззрения конкретных представителей власти, а также наличие у них элементарной порядочности; конъюнктура момента; и, наконец — его величество случай. Нельзя забывать также и о достаточно широко распространенной в послереволюционной России практике «перевода» граждан из одного класса в другой. Такой «перевод» практиковался, на-

²⁶ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России... С. 44—52.

²⁷ Красная молодежь. 1924. № 2. С. 127.

²⁸ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.;Л., 1927. С. 232.

пример, в ходе сбора на местах налогов с эксплуататорских элементов; при мобилизации «буржуев» на трудовые работы. Известно немало случаев, когда граждане, приговоренные к смертной казни в качестве эксплуататоров, на следующий день вдруг становились ответственными советскими работниками или незаменимыми специалистами²⁹. Существенную роль могло оказать и заступничество лиц, облеченных властью. Так, управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич в августе 1918 г. в ответ на жалобное письмо бывшей владелицы кинотеатра И.А. Синяевой о тяжелом материальном положении ее семьи, чтобы как-то помочь ей, предложил «зачислить» «бывшую» в «служащие кинематографа»³⁰. Личные связи, «нужные знакомства», а также наличие финансовых средств нередко помогали их обладателям беспрепятственно менять свой социальный статус и в середине 1920-х гг., и даже в период нагнетания классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг.³¹ Можно привести множество примеров, когда в процессе «чисток» соваппарата (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) лица одинакового социального происхождения, имевшие схожую биографию, тем не менее, оказывались отнесенными к различным, порой диаметрально противоположным социальным группам³². Фактически речь идет не столько об определении социального происхождения граждан, сколько о «приписывании» их к той или иной социальной категории.

Наибольшего расцвета практика социальной стигматизации граждан достигает в конце 1920-х гг. По мере ужесточения так называемой классовой политики выражение «классовое лицо» перестает быть агитационно-пропагандистским клише и превращается в реальную социальную категорию, вошедшую в повседневную политическую практику. В частности, говоря о партийной чистке 1929 г., Е.М. Ярославский подчеркивал, что комиссии по чисткам должны *«делать упор» не на социальное происхождение коммунистов, а именно на их «классовое лицо»*. К «потерявшим свое пролетарское и партийное лицо» Ярославский отнес шкурников, пьяниц, хулиганов и прочих лиц, разложившихся в бытовом отношении и поддавшихся бытовому «загниванию». Все они, по его словам, должны быть *«приравнены к классово чуждым»*³³.

Так в числе «чуждых» нередко оказывались и представители рабочего класса, в отдельных прослойках которого была якобы «еще живуча, еще сильна старая мещанская, мелкобуржуазная закваска»; а также партийцы, потерявшие партийное лицо, выдвиненцы, разложившиеся под влиянием буржуазной среды, и прочие «перерожденцы». Так, по утверждению комиссии РКИ, обследовавшей в 1926 г. Московскую губернскую Коллегию защитников, создание при последней института стажеров не только не поможет «орабочить» коллегию, а напротив, приведет к разложению молодежи. *«Молодняк, комсомолец, попавший в адвокатскую среду, — говорилось в заключении комиссии, — скорее сам разложится и попадет под влияние буржуазного адвоката, имеющего определенную политическую физиономию»*³⁴.

²⁹ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России... С. 62—80; 145—150.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 66. Л. 230.

³¹ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* Чистки соваппарата как часть повседневности 1920—1930-х гг. // Вестник РУДН. 2009. № 3. С. 103—120.

³² Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // Россия в XX веке. Реформы и революция. Т. 2. М., 2002. С. 187—205.

³³ *Ярославский Е.М.* Доклад на XVI партийной конференции // Как проводить чистку партии: Сборник директивных статей и материалов. М.;Л., 1929. С. 8—9.

³⁴ ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1567. Л. 19.

К аналогичным выводам пришла, например, комиссия, обследовавшая в 1931 г. работу учреждений здравоохранения Сокольнического района: «*В отдельных случаях выдвигенки-работницы фабрик, попадая в мелкобуржуазную среду работников Райздравины, где слабо партийное и профессиональное руководство, быстро попадают под влияние этой среды и теряют свое рабочее чутье и даже иногда партийное лицо*»³⁵. Каждый, потерявший «рабочее чутье» и «партийное лицо», автоматически становился «чуждым» (приспешником, пособником буржуазии). Так, выдвигенка Е.И. Трепыханина (из семьи рабочих, член ВКП(б), «выдвинута» на должность завхоза 4-го Тубдиспансера) была «вычищена» за потерю партийного лица, в результате которой, она, по утверждению комиссии, часто попадала под влияние мелкобуржуазных сплетен и недовольств, а в ее работе отсутствовала активная защита интересов партии³⁶.

Таким образом, критерии определения классово-социальной сущности в конце 20-х гг. заметно расширились. Если поначалу истинное социальное лицо гражданина определялось его политическими убеждениями, идеологией, «политической физиономией», то вскоре в число определяющих факторов вошли также привычки, вкусы, поведение в быту, семейные отношения и т.п. В результате, ряды классово чуждых пополнились так называемыми мещанскими перерожденцами, разложившимися элементами и даже обывательскими элементами, к коим помимо пьяниц и хулиганов, относили и всех «ушедших в личную жизнь» и «увлекшихся бытом». В частности, М. Горький к числу «остатков человеческого хлама» причислял все «существующие еще многочисленные остатки разрушенного мещанства», притворяющиеся «социальными животными»³⁷.

Принцип определения социального статуса того или иного лица, исходя из его идеологии, классово-социальной психологии, а не происхождения, не был новым. Как уже указывалось выше, именно такой подход широко практиковался в первые послереволюционные годы в рядах «ленинской гвардии» большевиков. Однако в 1930-е гг. данный принцип получил новое толкование и применялся односторонне. Если в первые годы после революции он позволял всякому гражданину, «проникшемуся интересами пролетариата», встать в ряды его авангарда, то теперь данный подход лишь способствовал максимально расширительной трактовке понятий «классовый враг», «социально чуждый» и т.п. Слова Н.К. Крупской о том, что «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями»³⁸, приобрели новое звучание и иной смысл. Понятие «рабочий» употреблялось лишь для обозначения представителей конкретных профессий, но фактически перестало обозначать какой-то класс или определенную социальную группу. Рабочий по социальному происхождению и роду занятий мог в то же время по своей психологии («политической физиономии», «идеологической сущности» и т.п.) быть признан чуждым пролетариату. «*Пролетарий в пролетарском государстве на положении подозрительного элемента, а всякая лицемерная сволочь, волею революции пролетаризовавшаяся, может тебя в любой момент утопить в ложке воды*»³⁹, — жаловался в письме М.И. Калинину его старый друг и соратник, заведующий энергетическим бюро Трансмаштехобъединения М. Матю-

³⁵ ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 60. Л. 8 об.

³⁶ Там же. Д. 61. Л. 162—164.

³⁷ Горький М. О социалистическом реализме // Горький М. О мире толстых: Сб. ст. М., 1931. С. 349.

³⁸ Крупская Н.К. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 19.

³⁹ Цит. по: Общество и власть 1930-е гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев С.В. Журавлев, А.К. Соколов. М., 1998. С. 90.

хин. В докладах органов ОГПУ 1930-х гг. рабочий класс подразделяли на: враждебные элементы, политически отсталые и те, которые еще могли стать политически сознательными⁴⁰.

К началу 1930-х гг. границы между представителями различных в прошлом социальных слоев все больше размывались не только в силу естественного их смешения, но и в результате изменения характера социальной политики, трансформации самой сущности так называемого классового принципа. Классово-дискриминационная социальная политика на практике зачастую оказывалась дискриминационной по идеологическому признаку. Введение в политическую практику таких обвинений, как классовое (или мелкобуржуазное) перерождение, потеря социального (партийного) лица и т.п., позволяло свободно манипулировать «классовым принципом», причисляя к числу классовых врагов любого, не угодного власти. В этом отношении не лишне вспомнить, что еще в 1918 г. один из основоположников учения о диктатуре пролетариата приравнивал к капиталистам всех «тунеядцев, хранящих капиталистические привычки»⁴¹. «Вы замахиваетесь на буржуа, а бьёте рабочего»⁴², — перефразировав этот горький упрек Г.И. Мясникова В.И. Ленину, можно сказать, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг., «замахиваясь» на классовых врагов, власть попадала, прежде всего, по крестьянам и средним социальным слоям. Постепенно критерий «классовой справедливости» все больше превращался в атрибут революционной риторики; удобное объяснение тех или иных действий властей или частных лиц. Им прикрывались как центральная власть в борьбе с политически неблагонадёжными лицами, так и нечистые на руку представители местной власти и даже частные граждане в своей повседневной жизни. При этом классовая идентификация граждан фактически приобретает характер социальной стигматизации. Недооценка этого фактора неизбежно приводит к деформациям в понимании социальной политики советской власти и реконструкции социальных процессов послереволюционной России.

---

⁴⁰ Подробнее о «пристальном наблюдении» органов ГПУ за рабочим классом см.: Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 145.

⁴¹ Ленин В.И. П.С.С. Т. 37. С. 90, 91.

⁴² Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923. М., 1995. С. 176—178.

О. Великанова

Российское крестьянство и modernity. Новые элементы политического поведения и идентичности в начале XX века¹

Научное сообщество историков России едино во мнении, что хотя признаки культурной трансформации в направлении модерна (индустриальной современности) имели место в российской и советской деревне, она все же оставалась в основном традиционной и консервативной. Дискуссия между «традиционалистами» и «модернистами» о преобладании тех или иных векторов оживилась, когда в американской русистике оформилось направление, рассматривающее исторический процесс в России в самом широком транснациональном контексте модерна (modernity). В то время когда большинство ассоциируют модерн с западной моделью развития, берущей начало с Французской революции, историки этого направления настаивают на «множественности путей к модерну» (Петер Холквист, Яни Котсонис; сближаются с этим и позиции Бориса Миронова, Александра Лившина). Дэвид-Фокс считает продуктивным сменить систему координат и изучать современные процессы в России, сравнивая их не только с западными, но и с другими моделями, например, азиатскими². Так Стивен Коткин сравнивает элементы модернизации России и Японии, а Стив Смит — России и Китая³. Хотя большинство исследователей фокусируют внимание на государственных проектах и политике модернизации (видимо в силу лучшей обеспеченности источниками), но важной темой для изучения являются результаты политики «окультуривания» на уровне общества. Ведь практическое воплощение политики очень часто расходилось с проектом. Более того, заслуживают большего внимания свидетельства того, что модернизационные трансформации происходили не только односторонне сверху вниз, но и общество активно участвовало в современном процессе, нередко проявляя инициативу. В этой статье я доказываю, что крестьяне не только выступали реципиентами политики модернизации или ее оппонентами, но и активно участвовали в обговаривании терминов «социального контракта», искали свое место в политическом пространстве, проявляли новое понимание своих прав. В практиках взаимодействия между государством и обществом я предлагаю внимательнее взглянуть на свидетельства влияния на крестьянство современных процессов начала XX в., выразившихся в новом политическом поведении, основанном на новой идентичности, поведении спонтанном, и более того — иногда преодолевающим сопротивление государства (советского или царского), претендующего на монополию в модернизации. Я начну с

¹ Советы и поддержка Линн Виола и В.П. Данилова имели неоценимое значение для автора при работе над этой статьей.

² *David-Fox, Michael*. Multiple Modernities versus Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. 54. H. 4. P. 535—555.

³ *Kotkin, Stephen*. Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2. 2001. No.1. P. 118; *Smith S. A.* Revolution and the People in Russia and China. A Comparative History. Cambridge, 2008.

обзора знакомых фактов, отражающих прогресс крестьянства в направлении модерна до революции 1917 г., а затем более подробно представлю неизученный эпизод движения за Крестьянский союз в 1920-е гг., который я определяю как признак полноправных элементов модерна в деревне. Цель статьи — представить значительный модернизационный потенциал российской деревни.

О каких элементах модерна мы говорим? Исследователи включают сюда (не ограничиваясь, конечно, этим списком) индустриализацию, новые массовые политики и движения (представительство, мобилизация, национальное сплочение) в форме партий, выборов; возрастающее вмешательство государства в жизнь общества посредством проектов переустройства и регулирования; массовую культуру, индивидуализм, секуляризацию, формирование правового сознания, национальной и социальной идентичности и т.д.⁴ Двигателями модерна являются массовые армии, всеобщее избирательное право, урбанизация, просвещение, и массовые коммуникации. Западная модель включает капитализм и либерализм, хотя, если рассматривать общество современности поверх географических и политических барьеров, модерн, как считает Дэвид-Фокс, может воплощаться в нелиберальных, коммунистических, или тоталитарных моделях⁵.

И еще одно немаловажное замечание. Наряду с нарастанием в начале XX в. элементов модерна в России (и в крестьянстве в особенности) в деревне существовало множество тем и явлений, относящихся к традиционным «домодерным» практикам: среди них неукорененность и неуважение к собственности, приверженность к коллективизму, склонность к силовым решениям при дефиците культуры компромисса и т.д. Неудивительно, что из-за последствий восьмилетнего «апокалипсиса» (войн, революций, голода в 1914—1921 гг.) в непоследовательном движении к модерну наблюдался «откат». Он выражался в спонтанном возрождении крестьянской общины в ходе стихийного земельного передела 1917 г.; духовном хаосе: на место православия, загнанного большевиками в катакомбы, приходят секуляризация (в основном молодежи), язычество, сектанство, предрассудки («обновление» икон в 1924 г.), апокалипсизм и гражданские культы (Ленина, например). Традиции и новое, как и везде, находились в состоянии конфликтного сосуществования. В общем-то, странно, что в таких катастрофических обстоятельствах русская деревня в 1920-е гг. продемонстрировала выживание активных творческих сил и потенциал для модернизации.

Приспосабливаясь чтобы выжить, маленький человек прибегал ко всем возможным путям спасения, часто разнонаправленным: и к защитным механизмам общины, и к политической самоорганизации. Поэтому мы можем видеть, что параллельно с архаизацией, опыт трех революций и трех войн способствовал быстрому созреванию крестьянства — усилению стремления этого класса к самостоятельности и поисков своего места в политическом пространстве. Пробуждение крестьян в России было частью общеевропейского феномена, где в конце XIX в. традиционное аграрное население постепенно трансформировалось в современных граждан. Дэвид Мун и Роберт Блобаум, сравнивая развитие российского крестьянства и соответственно французского и польского, показали, что современные процессы (в частности, принятие Столыпинской реформы в польских территориях) шли параллельным путем, но

⁴ *Kotsonis, Yanni.* Introduction: A Modern Paradox: Subject and Citizen in Nineteenth- and Twentieth-Century Russia // *Russian Modernity*. Ed. by *David L. Hoffmann* and *Yanni Kotsonis*. N. Y. 2000. P. 5; *David-Fox, Michael.* Op. cit. P. 536—537.

⁵ *David-Fox, Michael.* Op. cit. P. 538.

различным по охвату, глубине и темпу. Франция и польские территории Российской империи имели более благоприятные социальные условия для модернизации⁶.

В результате массовых мобилизаций Первой мировой войны вся Европа наблюдала рост крестьянского самосознания. Это находило выражение в успехе во многих аграрных странах крестьянских партий и в создании их международных форумов: Международное аграрное бюро в Праге (Зеленый Интернационал, 1917 г.), Международная конфедерация при Лиге Наций (1924 г.) и Крестьянский (Красный) Интернационал, созданный как отделение Коминтерна в октябре 1923 г.⁷ Необыкновенная политическая активность миллионов крестьян, стремление к организации, осознание своих прав свидетельствовали об их постепенном превращении из подданных в граждан.

Хотя в крестьянском менталитете продолжали наличествовать двойственность и противоречивые тенденции старого и нового, тем не менее, историки, правительственные комиссии Александра II в 1872 г. и С.Ю. Витте в 1902 г., хорошо информированные наблюдатели, такие как К.Д. Кавелин, отмечали прогрессивные изменения в психологии, экономическом и политическом поведении крестьян после Освобождения. Кавелин видел «значительный сдвиг от традиционного к новому мировоззрению, признающего роль личности в определении своей судьбы»⁸. Эстер Кингстон-Ман, Стив Смит и другие историки приводят достаточно свидетельств, что рационализм, прагматизм и индивидуализм постепенно становились главным мотивом поведения крестьян после 1861 г.⁹ Бен Елков отмечал их тягу к знаниям, в школу, хотя и отмечал, что нередко главы семейств ограничивали образование детей одним — двумя годами — т.е. элементарной грамотностью, чтобы те «не отбились от рук»¹⁰ и не покинули хозяйств. Такое беспокойство было обоснованным. В начале XX в. опросы среди сельских школьников о видах на будущее отражали заметный сдвиг в мировоззрении и ценностях: 47% предпочитали свободные профессии (в основном — учителя), 20% — другие занятия и только 33% — сельскохозяйственный труд и ремесло. Материальные соображения — желание разбогатеть — преобладали среди мотивов при выборе пути, за ними следовали — любовь к знаниям, облегчение труда и альтруизм¹¹.

Грамотность населения быстро росла: в 1897 г. — 20% от его общего состава; в 1920-е гг. — до трети; в 1930-е гг. — полная грамотность. Образование расширяло горизонты, но еще не означало немедленной модернизации или освобождения сознания. К тому же, как недавно отметил С. Ловел, «массовый читатель, только что научившийся читать, особенно восприимчив к любым манипуляциям через печатное слово»¹², продолжив: «Чтение — не синоним критического мышления, но последнее невозможно без чтения». Джефри Брукс, изучавший массового читателя на рубеже

⁶ Moon, David. Peasants into Russian Citizens? A Comparative Perspective // *Revolutionary Russia*. Volume: 9 Issue: 1. 1996, P. 43. Такое сравнение привело Муна к пессимистическим выводам о гражданском потенциале российских крестьян. *Blobaum, Robert E.* «To Market! To Market!». *The Polish Peasantry in the Era of the Stolypin Reforms* // *Slavic Review*, Vol. 59. No. 2. Summer. 2000, P. 406—426.

⁷ Jackson, George D. *Comintern and Peasants in East Europe. 1919—1930*. Columbia, 1966. P. 51—77.

⁸ Mironov, Boris. *A Social History of Imperial Russia, 1700—1917*. Westview, 2000. Vol. 1. P. 489.

⁹ *Kingston-Mann, Esther and Timothy Mixer*, eds. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*. Princeton, 1991. P. 3—20; *Smith, S.A.* Op. cit. P. 72.

¹⁰ *Elkof, Ben.* *Russian Peasant Schools*. Berkeley, 1986. P. 474—482.

¹¹ *Mironov, Boris.* Op. cit. P. 497—498.

¹² *Lovell, Stephen.* *The Russian reading revolution: print culture in the Soviet and post-Soviet eras*. N.Y., 2000. P. 13.

веков, тоже обнаружил бросающиеся в глаза сдвиги в массовом сознании — в сторону секулярного, индивидуалистического и плюралистического мировоззрения. Деревенские жители демонстрировали все более рациональный взгляд на мир и желание распоряжаться своей судьбой. Брукс заключает, что русский мужик из невежественного и забитого постепенно трансформировался в гражданина и личность, открытую новым возможностям, полную энергии и амбиций¹³. Насколько значительны были эти изменения в мировоззрении — это отдельный вопрос. Ряд авторов настаивают, что крестьяне к 1917 г. так и не стали ответственными гражданами¹⁴.

Толчком к интеграции мужика с большим миром и пробуждению его интереса к политике стали Русско-японская война и революция 1905 г. В феврале 1905 г. деревня вступила в активный диалог с властью: крестьяне обсуждали земельный голод, бремя налогов, выдвигали не только экономические, но и политические требования — гражданские свободы, реформу земства, демократизацию образования, прекращение войны и произвола полиции, и даже требовали конституцию¹⁵.

Хотя традиционные системы мышления, особенно религиозная, принадлежат к явлениям «большой длительности» с их инертностью и замедленностью трансформаций, но динамика изменений в этой сфере весьма красноречива. Например, Борис Миронов убедительно продемонстрировал тенденцию к секуляризации в мышлении сельских жителей: посещение церковной службы постепенно падало, соблюдение постов становилось не таким истовым, имели место даже не церковные браки. Хотя внешне обряды соблюдались, но внутреннее благочестие имело тенденцию к упадку. Свидетельством тому было несоблюдение предписываемого церковью сексуального воздержания во время весеннего поста: его падение среди православных с 77% в 1870 г. до 11% — в 1901—1910 гг. (в соотношении с ростом уровня рождаемости в ноябре—декабре с 63% [от январского пика] в 1870 г. до 75% — в 1910 г.)¹⁶. Исследование Миронова — удачный пример, когда историк может измерить динамику и размах произошедших в ментальности изменений, что не так часто бывает в области культурных трансформаций.

Изменения в экономическом поведении, отраженные статистикой, подтверждают значительные сдвиги в массовом сознании в сторону рациональности, прагматизма, предпринимательства. Несмотря на преобладающее негативное отношение крестьян к идее частной собственности на землю и недостаток духа предпринимательства, отмеченные, по крайней мере, до 1905 г.¹⁷, реакции населения на Столыпинскую аграрную реформу 1906—1914 гг.¹⁸ уже свидетельствовали о новых характеристиках экономического поведения. Получив свободу хозяйственной деятельности, перед лицом новых возможностей — хоть и сопряженных с рисками — примерно четверть хозяйств выделились из общины и до половины хозяйств подали ходатайства о закреплении земли в частную собственность. В 1910—1914 гг. четверть насе-

¹³ *Brooks, Jeffrey*. When Russia Learned to Read. 2003. P. 166.

¹⁴ *Moon, David*. Op. cit. P. 74.

¹⁵ *Sivkov, V.* Krest'ianskie prigovory 1905 goda. Russkaiamysl', no. 4, section 2 (1907), P. 24—42; цит. по: *Seregny Scott J.* A Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review*. 47. 1. 1988. P. 56.

¹⁶ *Mironov, Boris*. Op. cit. Vol. 1. P. 499—502.

¹⁷ *Ibid.* Vol. 2. P. 124, 132.

¹⁸ *Kerans, David*. Mind and Labor on the Farm in Black-Earth Russia. Budapest, 2001; *Macey, David*. Government Actions and Peasant Reactions during the Stolypin Reforms // *New Perspectives in Modern Russian History*. Ed. R. B. Mc Kean. L., 1992.

ления деревни была вовлечена в кооперативную деятельность, и 13 млн — в 1918 г.¹⁹, тем самым демонстрируя способность самостоятельно управлять своими делами и бизнесом. Реформа вызвала бурное развитие низового сельскохозяйственного образования и резкое увеличение спроса на современное сельскохозяйственное оборудование и специальную литературу²⁰. Историки расходятся во мнениях о степени успешности Столыпинской реформы. Например, Джуди Пэллотт, сосредоточивая внимание на утопичности правительственного проекта и сопротивлении крестьян, заключает, что реформа не смогла победить общину. Автор занимает очень осторожную позицию в вопросе преодоления крестьянами общинной психологии и роста индивидуализма²¹. Роберт Маккин также считает, что реформа не смогла решить проблему политической и социальной изоляции крестьянства. Другая группа исследователей — А.В. Чайнов, Б.Д. Бруцкус, Л.Н. Литошенко, а в недавние годы В.Г. Тюкавкин, М.А. Давыдов, Дэвид Маси, — по разным параметрам, но в целом положительно оценивали результаты реформы, в частности, стремление крестьян использовать новые возможности²².

Принимая во внимание инерционность стереотипов мышления, естественную человеческую осторожность, краткий срок отпущенный реформе историей и множество несовершенств в ее практическом осуществлении, трудно было ожидать от 100% населения поворота на 180 градусов. Откликнулись самые смелые, инициативные, рискованные «мужики», которые воспользовались шансом и встали на более прогрессивный, хоть и рискованный капиталистический путь хозяйствования. На мой взгляд, охват реформой около 25% населения деревни говорит о значительной восприимчивости крестьян к модернизационной модели.

С конца XIX в. растущий активизм крестьян, их стремление к самостоятельности и поискам своего места в политическом пространстве²³ находил отражение в различных формах гражданской мобилизации — например, в электоральной практике, активных обращениях в газеты и правительство, а также в выраженном желании добиться участия во власти через представительство в уже существующих институтах —

¹⁹ *Kotsonos, Yanni*. Making Peasants Backward. Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861—1914. L., 1999; См.: *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. М., 2006. Коцонис сомневается в развитии достаточного чувства ответственности в крестьянстве. В другой работе он ставит интригующую проблему индивидуализации крестьянина как продукта превращения его в собственника в ходе Столыпинской реформы, но рассматривает вопрос только в рамках интенций власти и официального дискурса, отраженного в дебатах о реформе. *Kotsonos, Yanni*. The Problem of the Individual in the Stolypin Reforms // *Kritika*. Vol. 12. N. 1. 2011. Winter. P. 26, 52.

²⁰ http://ru.wikipedia.org/wiki/столыпинская_аграрная_реформа

²¹ *Judith Pallot*. Land Reform in Russia, 1906—1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999. P. 194.

²² *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; *Macey, David*. Reflections on Peasant Adaptation in Rural Russia at the Beginning of the Twentieth Century: The Stolypin Agrarian Reforms. *The Journal of Peasant Studies*. Volume 31. Issue 3-4. 2004.

²³ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933. М., 2001. С. 9—10; *Лавров В.М.* Крестьянский парламент России. М., 1996; *Seregny, Scott J.* A Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review* 47.1. 1988; *Seregny, Scott J.* Peasants and Politics: Peasant Unions During the 1905 Revolution // *Kings-ton-Mann, eds.*, Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. New Jersey: Princeton, 1991; *Figes Orlando, Boris Kolonitskii*. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. N. Haven, 1999; *Brovkin, Vladimir*. Russia after Lenin. Politics, Culture and Society. 1921—1929. N. Y., 1998; *Male, Donald J.* Russian Peasant Organization before Collectivization. A study of Commune and Gathering. 1925—1930. Cambridge, 1971.

Думе, Советах или Коммунистической партии — как на локальном уровне, так и на национальном.

Электоральное поведение крестьян в 1917 г. говорит в пользу растущего политического сознания. На протяжении всего года спонтанные перевыборы в земства, выборы в Советы, Крестосоюз и Учредительное собрание были школой массовой мобилизации и политического образования. Примечательна экстраординарная активность на выборах в Учредительное собрание — до 60—80% в деревне, тогда как в городах явка оставалась в пределах 50%. Некоторые характеристики электорального поведения, такие как волатильность политических настроений и склонность в некоторых случаях к насилию и угрозам, можно объяснить незрелостью крестьян, но можно интерпретировать и как дань эпохе революции и насилия. Оливер Радке подчеркивает, что спокойное течение выборов и предвыборной агитации значительно преобладало над эксцессами. Хотя практики «стадного голосования» (всей общиной за список одной партии) имели место, но доступные данные о голосовании примерно половины деревень показывают существенный разброс политических предпочтений и свидетельствуют о реализации селянами права на свободный индивидуальный выбор, о самостоятельности их суждений²⁴. Схожая динамика прослеживается в электоральном поведении в 1920-е гг. Оно характеризовалось сочетанием примитивных неполитических форм (подкуп и подпаивание избирателей, избияния, угрозы, взятки, поджоги и даже убийства²⁵) и вполне цивилизованных политических. Крестьяне настойчиво требовали изменений Конституции, пропорционального представительства в правительстве и свободных выборов с несколькими кандидатами²⁶. Низкий уровень участия крестьян в выборах в советы в 1922—1923 гг. объяснялся не столько темнотой населения, как заявляли большевики, сколько разочарованием населения в советах с их безвластием и практикой «назначенства». С 1924 г. активность растет — вместо назначенцев деревенские сообщества пытались выдвигать своих местных кандидатов и использовали вполне современные средства для их продвижения: формирование выборных блоков (1017 групп в 1926—1927 гг.²⁷, несмотря на преследования ОГПУ), бойкот и агитацию, и даже коллективные обжалования результатов голосования в центральных комиссиях²⁸. Александр Лившин, Игорь Орлов и другие историки отмечают достаточно высокий уровень гражданского и правового сознания в 1920-е гг. у значительной части крестьян. Большинство их отличало весьма рациональное мировосприятие. В целом, гражданская и конституционная зрелость общества продолжала расти и после революции²⁹, несмотря на травмы войны и революции, которые нарушили трудный путь российской модернизации.

²⁴ *Radkey, Oliver Henry*. The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge, 1950. P. 46, 70, 67—68.

²⁵ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. (далее — СД). С. 533, 542, 537, 549, 503, 496, 494, 514.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 3075. Л. 20 (1929); *Крюкова С.* Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х гг. в письмах и документах. М., 2001. С. 208—209; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927—1939. Т. 1. М., 1999. С. 577.

²⁷ *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921—1927). СПб., 2006. Т. 2. С. 193.

²⁸ СД. С. 863, 528, 545—548.

²⁹ *Лившин А., Орлов И.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; *Лившин А.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917—1932. М., 2010. С. 245, 252; *Velikanova, Olga*. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s. Disenchantment of the Dreamers. L., 2013. P. 137—143.

Среди перечисленных модернизационных элементов самым весомым доводом в пользу трансформации крестьянства была его политическая самоорганизация. Три российских революции создали политические институты, представлявшие интересы крестьянства, быстро осваивающего политическую грамоту: партии социалистов-революционеров, «трудовиков» и народных социалистов (участвовавшие в Думе), Крестьянский союз, Всероссийские съезды крестьянских депутатов и Учредительное собрание. Когда все эти органы (кроме Советов) были уничтожены большевистской диктатурой, только независимое движение крестьян за Крестьянский союз продолжалось в 1920-е гг. и явилось последней попыткой создания крестьянской политической организации.

Всероссийский Крестьянский союз (КС) возник стихийно весной 1905 г. как умеренная организация профсоюзного типа. Как показали Шанин, Елков, Сережный, Куренышев, КС отражал возросшую интеграцию крестьян в национальное сообщество и в его политические структуры, под влиянием роста грамотности и уровня коммуникаций, развития железных дорог и рынка, а также в результате земской деятельности. Во время первой русской революции КС насчитывал более 200 тыс. членов в 111 волостях (и в 359 деревнях) и провел два съезда. Его представители участвовали в Государственной думе, блокируясь с «трудовиками». КС ставил такие задачи: создание органа народовластия, проведение земельной реформы (отмена частного дворянского и церковного землевладения), предоставление гражданских прав крестьянству, доступное образование. В качестве методов борьбы им использовались забастовки и бойкоты. Несмотря на репрессии, деятельность Союза продолжалась до конца революции и роспуска Государственной думы в июне 1907 г.³⁰ Сережный подчеркивал, что это была первая попытка создания массовой крестьянской партии открытого типа.

КС возродился в марте 1917 г. в Москве, его отделения возникли на Украине, в Сибири, Южной России, и он играл даже более заметную роль, чем в 1905 г. Теперь его руководители видели Союз как всеобщую надпартийную организацию. Он полностью поддерживал Временное правительство и объединял многих народных социалистов, эсеров и земских деятелей. Как и Советы, КС являлся органом самоуправления с перспективой стать органом народовластия. Однако по мере того, как летом 1917 г. общество радикализировалось и раскалывалось по классовым признакам, объединяющая умеренная платформа Союза перестала отвечать требованиям общества, выразившимся амбициозными политическими партиями и в дрейфе Советов к экстремизму. Уже к июню 1917 г. необыкновенный взлет КС начинает идти на спад. Многие локальные отделения КС в Вятской губернии преобразовались в Советы крестьянских депутатов и наоборот. Таким образом, соревнование между Советами и КС началось в 1917 г. и продолжалось все послереволюционное десятилетие. На протяжении 1917 г. КС был движением массовой мобилизации и школой политической образования, особенно во время выборов в земства и Учредительное собрание. В последних выборах КС набрал 61% голосов в г. Кукарске Вятской губернии и 75% голосов в его волости³¹.

³⁰ *Seregny. A Different Type; Куренышев А.А.* Всероссийский Крестьянский Союз. 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М., СПб., 2004.; *Шагин Е.М.* Революция, власть и судьбы всекрестьянской организации в России // Власть и общественные организации в России в первой трети 20-го столетия. М., 1993; *Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский Союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. № 50.; *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» 1905—1917. М., 2000.

³¹ *Retish, Aaron.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War. Citizen ship, Identity and the Creation of the Soviet State, 1914—1922. Cambridge, 2008. P. 115.

Во время Гражданской войны в 1918—1920 гг. недовольство политикой большевиков привело многих крестьян к объединению в КС. В восстаниях 1918—1921 гг., как и в 1905 г., ячейки КС успешно сотрудничали с военными органами восставших в Тамбове, Воронеже, на Кубани, Волге и в Сибири (после подавления восстаний в 1921 г. они прекратили свою деятельность).

Либерализация экономики и восстановление хозяйств, и вместе с тем недовольство ущербностью нэпа (контроль рынка и аграрно-промышленных цен, усиление налогового бремени, лишавшего сельский труд всяких стимулов) стали причинами роста политической активности крестьянства. Ф.Э. Дзержинский, глава ОГПУ и ВСНХ, признавал в 1924 г.: «Получившее в минувший период ряд жестоких уроков политической грамоты крестьянство заметно поднялось в культурном отношении. Оно приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и резкой критике экономических мероприятий Соввласти»³². Осознание крестьянами своих интересов и роли в обществе особенно впечатляет на фоне параллельной дезинтеграции рабочих как политического класса³³. Наглядный пример активности — преобладание крестьянских писем в газете и во власть над рабочими откликами, несмотря на меньшую долю грамотных на селе³⁴. Размах эпистолярного творчества³⁵ — письма, жалобы, доносы — характеризовал новое качество потребности в коммуникации и свидетельствовал о возникшем чувстве принадлежности к политическому миру, которое на самом деле является атрибутом идентичности модерна. Простой люд ощущал, что революция дала им право громко заявлять свои права³⁶. Но главным двигателем всех форм крестьянской политической мобилизации в 1920-е гг. было горячее желание получить свою долю власти, самим распоряжаться своей судьбой. Преодолевая традиционный «локализм» и не забывая думский опыт, крестьяне требовали участия через Крестьянский союз в управлении на государственном уровне — в Совнарком, ВЦИК или на Съезде Советов: «Крестсоюз должен посылать своих представителей в Совнарком»; «Если бы при ВЦИК наряду с Советом национальностей и Союзным Советом, был бы Крестьянский союз, тогда бы дела разрешались в нашу пользу»³⁷. Готовность к участию в работе правительства приняла специфическую форму требования изменения названия правительства «рабочих и крестьян» на «крестьян и рабочих». За «лингвистическими» требованиями стояло понимание приоритета интересов самой большой группы населения и как следствие — желание более весомого представительства этой группы в управлении страной, будь это через большевистскую партию, Советы, Совнарком или Крестьянский союз. В конце концов, в 1927 г. сам Сталин вынужден был прокомментировать на страницах журнала «Большевик» эти требования³⁸. Он не допускал и мысли о плюрализме и многопартийности и отвечал обычной для большевиков демагогией, которая никак не разрешила вопросов крестьян³⁹: «По-

³² СД. 1924. Май. С. 205—206.

³³ Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. 33. М., 1966. С. 65.

³⁴ Грациози А. Указ. соч. С. 42; Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 201.

³⁵ Только «Крестьянская газета» в марте 1925 г. получала более 1000 писем ежедневно (Крюкова С. Указ. соч. С. 207, 221).

³⁶ Hellbeck, Jochen. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika, 1.1. 2000. Winter. P. 83.

³⁷ СД. С. 17, 201 (1924), 493, 514—519, 548 (1927).

³⁸ Сталин И.В. К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве // Большевик. № 6. 1927. С. 96—102.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 514. Л. 22, 26.

чему власть не разрешает нам организовать КС? Власть боится того, что если крестьянин организуется, то мы пошлем к черту коммунистов и разгоним их власть»⁴⁰. Вопрос о допущении организации КС по крайней мере дважды обсуждался в ЦК в 1921 г. и был отклонен. Логика руководителей отражена в заявлении Сталина, сделанном на Пленуме ЦК в июле 1928 г.: «Крестьяне, поощряемые кулаками, ... могут потребовать от нас свободу организации “крестьянского союза”... Но тогда нам пришлось бы объявить свободу политических партий и заложить основы для буржуазной демократии»⁴¹. Такое развитие событий было совершенно неприемлемо для компартии и противоречило практике диктатуры пролетариата.

Самоорганизуясь в сопротивлении большевистской политике в деревне, крестьянская «элита» сформулировала и выдвинула специфические требования представительства в форме Крестоюзов для защиты своих политических и экономических интересов на уровне правительства. На выборном собрании в Османском районе, Орловской губернии была принята резолюция: «По зову В.И. Ленина и мы, крестьяне и крестьянки, должны принять участие в деле революции, а для того [...] мы должны все организовать в одно, [...] надо через своих выборных организовать крестьянский комитет, как в деревнях, так и в уезде, и губернии, тогда мы [...] вступим в состав правительства, тогда только исчезнет угнетение и насилие над нижним классом [...]. Так как наше государство состоит из крестьян и рабочих, то и должно ими управляться через выборных, но не по назначению кого бы то ни было от партии или еще откуда»⁴². Требование пропорционального представительства всех деревенских слоев и политического равенства с рабочими⁴³ представляло апелляцию к принципу универсализма прав как основополагающего принципа любой демократии. Выдвижение лозунга КС отражало общее разочарование в других потенциальных каналах для отстаивания своих требований — Советах, кооперативах, комитетах взаимопомощи или компартии, контролирующих все сверху. Община также более не отвечала усложнившейся ситуации и не имела выхода на национальный уровень. В письме Молотову красноармеец Лесников писал в 1926 г.: «Вношу предложения: 1. Образовать крестьянскую партию. 2. Допустить полную свободу слова и свободу печати. 3. Легализовать партии. 4. Изменить пункт Конституции о выборах. 5. Отказаться от диктатуры — создавать действительно народную власть». Попытки создать локальные КС предпринимались с 1924 г. по 1927 г.: только зарегистрированных публичных выступлений было 4 670⁴⁴. Обычно это происходило на собраниях крестьян или на общинных сходах. Главной функцией КС должно было быть представительство крестьянских интересов в центральных и местных органах (т.е. крестьянско-рабочее правительство)⁴⁵. Таким образом, создание сети ячеек стало только первым шагом, главное, что КС должны были быть признаны правомочными наверху. Идея Крестьянского союза была довольно расплывчатой — выдвигались как политические, так и экономические требования. Экономические цели (56% всех требований)

⁴⁰ Письмо Ф. Морозова // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 годов. М., 1998. С. 124 (1925); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 95. Л. 3 (1927); СД. С. 511.

⁴¹ СД. С. 18, 19.

⁴² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5335. Л. 87.

⁴³ Крюкова С. Указ. соч. С. 209, 577, 578.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 2—7.

⁴⁵ СД. С. 787.

охватывали урегулирование сельскохозяйственных и промышленных цен, изменение налоговой политики, право выхода на внешний рынок. Политические цели (15%) сводились к требованиям независимой крестьянской партии; уравниванию в избирательных и других правах; равному доступу к образованию, медицине и культуре; представительства в правительстве. Создание крестьянского профсоюза (21%) стало другим популярным лозунгом. Требования КС выдвигали все слои, с преобладанием успешных и активных крестьян (36,3%) и середняков (52,5%), но и бедняки (11,2% в 1927 г.) тоже выступали «за». Крестьянский союз находил поддержку рабочих и даже некоторых членов партии и комсомола. Движение географически охватывало весь СССР, включая Дальний Восток. Самыми активными были Центр и Украина. В 1923-1927 гг. несколько крестьянских союзов со значительным членством функционировали на Украине, в Поволжье, Казахстане. Мы знаем о нескольких попытках возглавить общенациональное движение, но любые действия по созданию центрального координирующего органа КС сразу пресекались ОГПУ. Все-таки репрессии являлись самой главной причиной поражения этого движения, хотя имелись и более общие факторы, объясняющие его — различия локальных и групповых интересов, трудности коммуникации (подавление информации), традиционная организационная слабость, отсутствие (изъятие) лидеров и т.д.

Итак, крестсоюзное движение, возникнув в первую русскую революцию, стихийно развивалось в 1920-е гг. и начало затухать при коллективизации. Однако отдельные крестьяне возвращались к идее Союза при обсуждении Конституции в 1936 г. Такая настойчивость доказывает, что движение за КС было органичным выражением растущего осознания крестьянами своих специфических интересов. Модернизационные процессы в обществе, социалистическая риторика, возможности и иллюзии нэпа — все это провоцировало поиски идентичности и возникновение гражданского сознания в классе, которому власть отказывала в способности к самоорганизации. Российское крестьянство обладало значительным потенциалом трансформации в современных граждан.

История КС движения в 1920 гг., рассмотренная в более широком контексте поведенческих практик в начале XX в. — выборное и новое экономическое поведение, эпистолярное воодушевление, секуляризация сознания — обеспечивает новыми свидетельствами набирающий силу в последние десятилетия тренд в историографии, расшатывающий общепринятое восприятие крестьянства как класса политически пассивного и имеющего сравнительно низкое классовое сознание. Также как и в 1905 г., когда крестьянство продемонстрировало способности активно и гибко взаимодействовать с внешним миром, политически организоваться в класс, демонстрируя отзывчивость вместо замкнутости⁴⁶, в 1920-е гг. этот класс подтвердил свою готовность отвечать на вызовы модерна. Крестьянство не было уже пассивным объектом манипулирования, но самостоятельно выражало свои интересы посредством политических действий. Эта самостоятельность чуть позже проявилась в сопротивлении коллективизации.

Обобщая историю про постреволюционный КС, мы без труда можем различить ростки модерна в трех элементах движения за Крестьянский союз: политическом, экономическом и дискурсивном. КС как массовое *политическое* движение, основанное на идее представительства, гражданских прав и апеллирующее к принципу на-

⁴⁶ Seregny. Peasants and Politics. P. 342—343.

родовластия, принадлежало к современности, отмеченной «новым типом политики». *Экономическая* траектория КС позволяет говорить о нем как об ориентированной на рынок оппозиции части крестьян коммунальным, уравнильным принципам советского социализма. На *дискурсивном* уровне КС воплотил в себе нарождающееся чувство самоценности класса, традиционно отрицавшего самосознание.

Наличие этих элементов модерна в деревне позволяет пересмотреть устоявшуюся дихотомию — большевики-модернизаторы, конфликтующие с традиционным и отсталым крестьянством. Подоплека противостояния сельского населения и большевиков не вполне вписывается в эту формулу официального советского дискурса, до сих пор оказывающего влияние на историографию. Воплощение революционного проекта, несмотря на модернизационные амбиции большевиков, оказалось во многих отношениях по сути антимодернистским, а крестьянство, в определенной перспективе, оказалось не таким уж «домодерным».

В конце концов это движение не нашло воплощения в полномочном политическом институте, в значительной мере из-за репрессий власти. В системе диктатуры пролетариата не было места конкурирующей партии. Движение оставалось за некоторыми исключениями только дискурсом, но очень многозначительным. Полемизируя с традиционалистами, Яни Котсонис пишет: «Вместо того чтобы отмечать, что не было достигнуто и утверждать, что Россия была недостаточно современной, важно признать тот факт, что действующие лица истории говорили на языке модерна и уже по этой причине входили в категорию модерна»⁴⁷.

Эта статья, конечно, не претендует на все охватывающий анализ трансформации крестьянства в начале XX в. Она обращает внимание исследователей на некоторые факторы модерна в деревне: политическую самоорганизацию в форме Крестьянского союза, электоральные практики, изменения в экономическом поведении, эпистолярную активность, развитие правового сознания (отмеченное, например, Мироновым), рост индивидуализма. Поскольку верхушка российского крестьянства, самая социально активная и дееспособная его часть, была уничтожена во время раскулачивания, соответственно, возможности встраивания этого класса в современное общество были не реализованы. Сегодняшние методологии проявляют интерес к нереализованным историческим проектам, к таким как, например, Крестьянский союз и современные потенции крестьянства. Современные методы исторического исследования позволяют пересмотреть или уточнить устоявшиеся положения и получить более полную и сложную картину прошлого. Успехи в изучении общественного мнения и эволюции ценностей открывают возможность нового взгляда на вопрос, как реализовывалась политика на практике и как она воспринималась. Отмеченные выше процессы указывают на значительный потенциал эффективного встраивания деревни в современность. Более того, тот факт, что движение за Крестьянский союз возродилось в 1917 г., а потом еще раз в 1922-м, когда противоречивое развитие Российской цивилизации в направлении модерна было прервано катаклизмами, демонстрирует глубинные изменения, произошедшие в крестьянском самосознании.

---

⁴⁷ *Kotsonis, Yanni. Introduction...P. 3.*

О.М. Вербицкая

Преимственность и новации в российских аграрных реформах XX века

Оглядываясь на минувший, двадцатый, век, невозможно не заметить, что на всем его протяжении ни одна отрасль отечественной экономики не подвергалась столь частому реформированию, как сельское хозяйство. Государство часто пыталось по-своему модернизировать аграрную сферу. За 100 с небольшим лет Россия пережила не менее 10 аграрных реформ и реорганизаций разного масштаба, в ходе которых на селе кардинальным трансформациям подвергались отношения собственности и социально-экономические условия хозяйственной деятельности. Тем не менее, сегодня, в XXI в., мы по-прежнему констатируем неудовлетворенность состоянием сельскохозяйственной отрасли и общим уровнем ее развития.

В данном выступлении делается попытка оценить накопленный Россией в XX в. исторический опыт по аграрному реформированию и переходу к более рациональным методам ведения сельского хозяйства, с точки зрения оценки их эффективности.

К историческому рубежу XIX—XX вв. Россия сильно отстала в социально-экономическом отношении от далеко ушедших от нее европейских держав. Но она тоже нацелилась на капиталистические реформы, чем обрекла себя на долгий путь «догоняющего развития». Для России, совсем недавно отменившей крепостное право, 85% населения которой проживало в деревне, среди многих нерешенных проблем особое значение имел вопрос о земле. Малоземелье и аграрная перенаселенность в Европейской части Российской империи препятствовали продвижению вперед, буквально душили проникавшие в деревню ростки капитализма. Уже первая крупная аграрная реформа XX в., задуманная и осуществленная под руководством министра внутренних дел П.А. Столыпина, впоследствии ставшего премьер-министром России, была нацелена на ускорение развития российского капитализма.

Проект Столыпинской аграрной реформы готовился несколько лет, в его разработке кроме специалистов из Министерства земледелия участвовали и некоторые политические лидеры. Проект прошел серьезную апробацию в кругах тогдашнего «образованного» общества. Данная реформа задумывалась так, чтобы одновременно решить сразу несколько застарелых аграрных проблем. В сущности, подлинным ее предназначением было скорейшее решение задачи первоначального накопления в России, а также изменение посредством государственного вмешательства «сверху» естественного хода ее развития с целью высвобождения производительных сил деревни.

Сам П.А. Столыпин главной целью реформы считал повышение благосостояния крестьян через интенсификацию сельского хозяйства, улучшение землеустройства, организацию переселения в Сибирь для желающих это сделать безземельных и малоземельных крестьян, а также создание соответствующих рыночных механизмов для их финансово-кредитной поддержки. Важно подчеркнуть, что намечались передача земли в частную собственность и создание условий для расширения продажи земли. Но прежде, чем к этому приступить, требовалось устранить препятствия, главным из которых оставалась крестьянская поземельная община, которая и в начале XX в.

еще служила инструментом урегулирования коллективных споров и социальной помощи, хотя свою некогда главную функцию — земельно-передельную — она утратила. При этом свободное перераспределение земель ею не поощрялось, во избежание имущественного расслоения, поэтому крестьяне делали это негласно. Тем не менее, в деревне постепенно складывался слой рыночно ориентированных производителей — «крепких мужиков», занимавшихся различным предпринимательством. Они, по сути, и стали той опорой, которая нужна была реформе, из них Столыпин надеялся создать «эффективных собственников», т.е. российских фермеров западного образца.

После опубликования Указа от 9 ноября 1906 г., разрешившего домохозяевам выходить из общины, активнее всего это право было востребовано в районах высокоплатежного сельского хозяйства, а также в малоземельных губерниях, где наделы не обеспечивали семьям крестьян прожиточного минимума (Самарская, Орловская, Московская, Саратовская губернии и правобережная Украина). Всего за период с 1906 по 1911 гг. из общины вышло около четверти сельских домохозяев, организовавших 1,6 млн хуторов и отрубов общей площадью в 1 млн десятин земли¹.

Все это позволяет квалифицировать первую русскую аграрную реформу XX в. как инновационную и радикальную, нашедшую себе необходимую социальную поддержку в процессе ломки устаревших хозяйственных практик. Возможно, ее реализация принесла бы стране больше пользы, если бы в 1911 г. не был убит сам реформатор П.А. Столыпин. Аграрную реформу не довели до конца, и процесс первоначального капиталистического накопления в России прервался, а сам русский натурально-общинный крестьянский мир, по образному выражению историка В.П. Данилова, не был сломлен, хоть и сильно при этом закачался².

Трудно отрицать очевидное — за те несколько лет, пока действовала реформа Столыпина, российское сельское хозяйство пережило заметный подъем. Существенно выросли посевные площади — с 80 млн до 105 млн га (в 1913 г.). В 1909—1913 гг. быстро росло зерновое производство, в результате чего Российская империя стала одним из ведущих игроков на мировом рынке зерна, обеспечивая 28,1% всего мирового экспорта хлеба. Но сельское хозяйство России по-прежнему заметно отставало от развитых стран по урожайности, продуктивности животноводства, общему уровню энерговооруженности, особенно в крестьянских хозяйствах³.

Последующие годы были драматичными для страны — убийство Столыпина, начало Первой мировой войны, затем революция 1917 г. с ее идеалами национализации и уравнительного использования земли. Верно положение, что «реформы — суть побочный продукт революции», особенно если учесть, что революции совершаются именно там, где общество не способно решать свои проблемы с помощью реформ. В годы Гражданской войны молодая Советская республика под угрозой интервенции и краха, чтобы выстоять, была вынуждена экспериментировать в деревне, вводя свои инновации — то «военный коммунизм», то продразверстку. Но эти меры оказались слишком разорительны для крестьянства, чтобы прижиться.

В результате Октябрьской революции 1917 г. в стране начались кардинальные перемены. Советская власть перечеркнула все, что было до этого сделано в России,

¹ Петриков А.В., Галас М.Л. Сельское хозяйство России в XX в. // Россия в окружающем мире. М., 2001. С. 4.

² Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992. С. 318.

³ См.: электронный ресурс — <http://ru.wikipedia.org/wiki>

не считаясь ни с какими традициями. Большевистский декрет «О земле» отменил институт частной собственности, ликвидировал помещичье землевладение, провозгласил государственную собственность на землю и распределение ее между крестьянами по уравнительному принципу. В ходе национализации земли крестьянство получило около 150 млн десятин новых земель, ранее принадлежавших помещикам, буржуазии, царской семье, монастырям и церкви. Одновременно ему были предоставлены значительные льготы: освобождение от ежегодных арендных платежей и расходов на покупку земли⁴.

Таким образом, основой нового земельного строя стала идея национализации земли, что предопределило совершенно иной характер аграрной политики молодой Советской республики. В конце 1922 г. был принят Земельный Кодекс, который закрепил проведенную национализацию и подтвердил отмену частной собственности на землю. Но ранее принятое положение об уравнительном распределении земли заменили принципом наделения ею по трудовой норме. Поощрялись коллективные формы использования земли, ее аренда была ограничена и разрешалась лишь беднейшему крестьянству и только в крайних случаях; на определенных условиях сохранялся и наем рабочей силы⁵.

Последствия Столыпинской реформы были аннулированы, свободный выход на хутора всемерно затруднялся, а еще неокрепшие ростки рыночно ориентированного крестьянского хозяйства основательно затоптывались. Но при этом в условиях начинавшегося нэпа государство было вынуждено все же сохранить отдельные — экономические — механизмы недавнего капиталистического прошлого, хоть и в урезанном виде. Так, отчасти была возрождена крестьянская община для выполнения функций по управлению и контролю за сельской жизнью, что лишь консервировало сельскую архайку. На устранение общины П.А. Столыпин в свое время потратил много сил и целых полтора десятка лет, но советской власти община оказалась нужна, так как она поддерживала уравнительное крестьянское землепользование и «осереднячивание» села.

Эти преобразования сопровождались падением производительности аграрного труда и измельчанием крестьянского хозяйства. К концу 1927 г. в стране насчитывалось 23,7 млн бедняцко-средняцких и 1 млн кулацких хозяйств, в то время как до революции — чуть более 20 млн. Из-за резко упавшей товарности зерна в единоличных крестьянских хозяйствах сельское хозяйство произвело в 2 раза меньше товарного хлеба, чем до революции⁶. На уровне товарности отрицательно сказывались дробление и полунатуральный характер крестьянских хозяйств. Крестьянин — единоличник все больше замыкался исключительно рамками внутреннего потребления семьи. Объем зернового производства сокращался, слабела связь единоличных крестьянских хозяйств с рынком. Само мелкое хозяйство «единоличника» в условиях 1920-х гг. вновь, как и до реформы Столыпина, возвращалось к замкнутым рамкам патриархального натурального производства.

Следовательно, уже первая аграрная реформа советского времени — национализация земли — привела к возвращению устаревшей патриархальной практики ведения сельского хозяйства. До этого, благодаря Столыпинской аграрной рефор-

⁴ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М., 1954. С. 3.

⁵ Земельный Кодекс РСФСР. М., 1923. Ст. 43; История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое 10-летие Советской власти. 1917—1927. М., 1986. С. 256.

⁶ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. Стат. сб. М., 1957. С. 154; Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С. 58.

ме, крестьянское хозяйство пережило краткий период экономического подъема и упрочения связи с рынком. В целом, по оценке известного западного исследователя М. Левина, в экономическом отношении аграрные преобразования 1920-х гг. отбросили деревню на несколько десятков лет назад⁷.

Важно подчеркнуть, что опыт самостоятельного ведения хозяйства единоличным крестьянством в России оказался совсем недолгим — условно говоря, с 1906 по 1929 г., т.е. всего немногим более 20 лет. Данное обстоятельство, можно сказать, не благоприятствовало формированию устойчивой привычки у крестьянства к индивидуальной практике хозяйствования. Его многовековые общинные, коллективные традиции сохранялись, и еще долго оставались чрезвычайно сильными, вплоть до наших дней.

Важнейшей в XX в. аграрной реформой, перевернувшей естественное развитие отечественного сельского хозяйства и уклад российского крестьянства, стала проведенная в СССР сплошная коллективизация. Напомним, что она была задумана и проводилась с целью «социалистического накопления», необходимого, прежде всего, для осуществления модернизации советской индустрии. Еще во второй половине 1920-х гг. большевистское руководство разработало амбициозный проект индустриализации (технического «осовременивания» промышленной отрасли), что потребовало адекватного финансирования, в том числе и в валюте. Поскольку в эти годы советское правительство не могло получать иностранные кредиты, то оно приняло решение о максимальной мобилизации всех имеющихся в стране ресурсов, прежде всего деревни, которая была способна внести важнейший вклад в социалистическое накопление. Зерно и продовольствие — традиционные статьи российского экспорта — могли обеспечить бесперебойный приток валюты, остро необходимой для покупки импортного оборудования и новейших промышленных технологий.

Однако неудача хлебозаготовительной кампании государства в 1926 г. и последующий острый хлебозаготовительный кризис 1927—1928 гг. показали, что все гораздо сложнее, чем представлялось советским руководителям. Выяснилось, что, несмотря на устроенный в деревне подлинный заготовительный террор, крестьяне-единоличники не хотели продавать зерно по заниженным государственным ценам. Стало понятно, что получать сельскохозяйственную продукцию гораздо легче, имея дело с коллективом крестьян, нежели с каждым из них по отдельности. Поэтому с целью превращения деревни в обширный источник материальных и людских ресурсов для промышленности, который действовал бы на постоянной основе, руководство СССР поставило задачу наладить механизм неэквивалентного обмена между городом и деревней, способный обеспечивать бесперебойный приток зерна и прочей сельскохозяйственной продукции из колхозов прямо в государственные закрома. Но все эти проблемы могли быть решены на базе новых форм ведения сельского хозяйства, т.е. создания колхозного строя.

Уже с конца 1929 г. в СССР развернулась массовая коллективизация сельского хозяйства, коренным образом изменившая прежний социально-экономический строй деревни. Ее главной движущей силой являлась Коммунистическая партия, силовые структуры СССР, часть политизированных горожан, в то время как основная масса крестьян, по крайней мере, в начале 1930-х гг. ее не поддерживала. Из истории известно, что далеко не все пошли в колхоз добровольно, у коллективизации было

⁷ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 1997. М., 1997. С. 85.

очень много недоброжелателей — среди середняков и особенно кулаков. Но на стороне государства оказались сила и налоговый аппарат, посредством которого оно «дожимало» оставшихся вне колхозов единоличников. Крестьян-единоличников, упорно не вступавших в колхозы, государственные органы обложили непомерными налогами, по размерам значительно превосходившими те, которые платили члены колхозов. Единоличника обязали платить государству налоги: 30%-й — от продажи сельхозпродуктов; обязательное окладное страхование; дополнительный «единовременный» (на практике взимавшийся по несколько раз) — на единоличное хозяйство, в размере от 100 до 200% и более, и многие др.⁸ Столь разорительной налоговой политикой государство напрямую заставляло крестьянина-единоличника идти в колхоз, в противном случае ему грозило полное разорение.

Уже в 1932 г. под давлением власти значительная часть крестьянства вошла в колхозы, которые объединили 62% крестьянских хозяйств и почти 80% посевных площадей, ранее им принадлежавших. Вне колхозов, в основном, оставались одиноличные хозяйства национальных районов Северного Кавказа, Казахстана, Средней Азии и Восточной Сибири, но и они постепенно поглощались коллективизацией. На 1 июля 1936 г. в колхозах СССР уже состояло 90,5% крестьян, что фактически означало завершение сплошной коллективизации⁹.

Коллективизация сельского хозяйства создала в стране особый аграрный порядок, при котором ведущие позиции в деревне решительно заняло государство. Еще в 1922 г. Земельный Кодекс РСФСР зафиксировал, что вся земля в СССР является исключительно государственной собственностью, а победа колхозного строя основными пользователями сельскохозяйственных земель сделала колхозы, совхозы и некоторые предприятия. В 1935 г. колхозный Устав землю за колхозами закрепил «навечно», что было призвано акцентировать незыблемость колхозного строя и его прав на пользование землей. «Сталинская» Конституция СССР 1936 г. узаконила право колхозов на бесплатное и бессрочное пользование землей (ст. 8)¹⁰.

В коллективизированной советской деревне были категорически запрещены любые переделы земли, аренда земельных участков и использование наемного труда. Сфера товарно-денежных отношений в колхозах на долгие годы (1930 — середина 1980-х гг.) характеризовалась высокой степенью натуральности в отношениях государства и колхозов. Все расчеты между ними имели натуральный характер: колхозы отдавали государству свою продукцию, а взамен получали через МТС сельскохозяйственные машины, оборудование, горюче-смазочные материалы и прочие ресурсы. Даже оплата труда колхозников по трудодням производилась преимущественно в натуральном виде (зерном и др. видами продукции), а деньгами — крайне редко и не везде. Рыночные связи были свернуты до минимума и заменены командно-административными методами управления экономикой.

Столь радикальные инновации, введенные коллективизацией, буквально потрясли деревню. Насильственным образом повсеместно насаждались ранее неизвестные российскому крестьянству формы социалистического коллективного ведения сельского хозяйства. Для их беспрекословного и скорейшего утверждения в деревне

⁸ Собрание Законов рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 78; 1934. № 49.

⁹ История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927—1937 гг. М., 1986. С. 205, 310; Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 3.

¹⁰ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М., 1954. С. 7.

руководство страны широко практиковало внеэкономическое принуждение, административный нажим, психологический прессинг и судебные репрессии. Крестьянство испытало подлинный шок от этих нововведений, особенно когда последовали крайне жесткие меры советской власти по отношению к кулакам и вызванный коллективизацией страшный голод 1932 — 1933 гг.

Вступая в колхоз, согласно обязательному условию коллективизации, крестьянин сдавал туда в качестве пая все средства производства, которыми ранее располагал и за счет которых вел свое хозяйство (землю, продуктивный скот, сельскохозяйственный инвентарь). Однако в случае выхода из колхоза получение обратно внесенного имущественного и земельного пая было исключено, поскольку он уже являлся частью колхозной собственности. В довершение всего, оплата труда в только что созданных колхозах практически полностью отсутствовала, что ставило крестьян в сложнейшие условия. Во многих районах они оказались буквально на грани голода — практически ничего не получая за свой труд, даже если где-то и были какие-то натуральные выплаты на трудодни, то этого никак не хватало для пропитания¹¹. Прошло немало лет, наполненных трудностями организационного периода, ужасами раскулачивания и голода, прежде, чем заработали, наконец, соответствующие механизмы.

Подобные методы коллективизации возмущали крестьян, многие из которых в экстремальных условиях начала 1930-х гг. бросали свою землю и жилища, уезжая из деревни. Тем самым было положено начало первому этапу процесса «раскрестьянивания» советской деревни. По существу основу ему заложили тяжелейшие издержки аграрной политики советской власти со всеми ее нововведениями (игнорированием принципа добровольности при вовлечении крестьян в колхозы, чрезмерным экономическим и налоговым прессингом не только на единоличника, но и на членов колхозов, жестокими репрессивными мерами в отношении кулаков и пр.).

Массовый отъезд из деревни недовольных жителей в сочетании с уничтожением кулачества негативно отразился на всей последующей судьбе советского крестьянства. Раскулачивание стало особо знаковой «потерей» для формирования будущего состава оставшихся в деревне крестьян, поскольку из-за него село лишилось наиболее предприимчивых хозяев, умевших весьма производительно работать. Бегство крестьян из деревни дополнялось и за счет недавних членов колхозов, возмущенных колхозными порядками, а также недовольными единоличниками, задавленными налогами. Вместе с ними село окончательно покидали отходники, кустари и ремесленники, ранее занятые в сельском хозяйстве. Среди тех, кто покидал деревню, преобладали молодые, сильные и энергичные мужчины, с активной жизненной позицией, способные легче других адаптироваться в городе. Данное обстоятельство со всей неизбежностью резко понижало не только профессионально-деловой, но и демографический потенциал оставшегося сельского населения. Масштабный отток из деревни в город привел к заметному уменьшению общего числа крестьянских дворов: с 26 млн (в 1926 г.) до 19 млн (в 1937 г.) в целом по СССР¹².

Массовая миграция из села уже на этом этапе со всей убедительностью отражала неприятие значительной частью крестьянства слишком радикальных мер, введенных

¹¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939 гг. Т. 3. Конец 1930—1933 гг. М., 2001. С. 264.

¹² *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 87.

в деревне советским государством и общую неэффективность его нового курса, при котором материальные факторы практически не работали, а основной упор делался на методы внеэкономического принуждения. Крестьянство на себе осознало, что советская власть дорожит лишь собственными приоритетами, добиваясь этого беспощадной его эксплуатацией и полным игнорированием интересов развития деревни.

Для придания законного характера масштабному изъятию из деревни произведенного продукта была учреждена государственная система обязательных государственных поставок, закупок и других натуральных податей, распространявшихся на колхозы и отдельных крестьян. Характерно, что государство установило на сельскохозяйственную продукцию, приобретаемую по всем этим каналам, свои твердые цены, которые были очень низкими и не окупали даже производственных затрат.

Каждый колхозный двор был обязан сдавать государству (вплоть до отмены в 1958 г.) установленную норму сельскохозяйственных поставок¹³. Кроме того, члены колхозного двора платили и другие виды налогов (страховые, различные местные налоги, уходившие на содержание сельской инфраструктуры, а также «добровольные» взносы, т.е. вынужденное приобретение облигаций государственных займов и пр.). Налоги членов колхозов, хоть и были суммарно ниже тех, что вносили единоличники, тем не менее, тоже были весьма обременительными, особенно налог на сельскохозяйственную продукцию с приусадебных хозяйств. Основной подтекст советского налогообложения в деревне сводился ко всемерному ограничению роста личных приусадебных хозяйств колхозников.

Особенно тяжелым периодом в этом плане являлись первые послевоенные годы, когда подсобное хозяйство колхозников буквально задыхалось под чрезвычайным налогообложением. Платить приходилось не только за содержание продуктивного скота, но и за каждое фруктовое дерево и плодово-ягодный куст в саду. Поскольку это выливалось в весьма круглые суммы, колхозники предпочитали забивать скот и вырубать сады, чтобы не платить огромные налоги, что с государственной точки зрения вряд ли было разумно. В целом завышенные нормы поставок продукции с личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников и недостатки в налоговой политике государства по отношению к ним привели к сокращению поголовья скота в ЛПХ.

Дополнительно колхозное крестьянство подвергалось еще и тяжелой трудовой повинности — обязанности, распространявшейся, в основном, на молодых дееспособных членов колхозов, обязанных отработать определенную часть рабочего времени на физически тяжелых торфоразработках, лесозаготовках и пр.

В целом, учитывая высокую численность колхозного крестьянства СССР, которое в 1940 г., например, насчитывало более 75 млн человек¹⁴, и те многочисленные и высокие налоги и сборы, которыми оно облагалось, можно с уверенностью считать его основным податным сословием в СССР. На протяжении всего советского периода сельское население, и в первую очередь, его наиболее многочисленная группа — колхозники, выступало в качестве главного донора социалистического строительства.

Нельзя сказать, что государство стремилось ограничить вводимые им инновации только сферой политического и хозяйственного руководства сельским хозяйством. В начале коллективизации оно продекларировало, что основной целью социали-

¹³ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. Т. 1. 1917—1936. М., 1959. С. 428.

¹⁴ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 84.

стического преобразования деревни и крестьянского уклада является, в том числе, и техническая модернизация данной отрасли. Поэтому его нововведения касались и формирования современной материально-технической базы колхозно-совхозного производства, т.е. предусматривали поставку тракторов, комбайнов, различных сельскохозяйственных машин и других материальных ресурсов. В сельское хозяйство постоянно поступали передовая по тем временам техника и машины, горюче-смазочные материалы, удобрения, сортовые семена для растениеводства и улучшенные породы скота для животноводства и т.д. Но объективности ради, следует подчеркнуть, что колхозы не были собственниками всего этого богатства, а так же как и в случае с землей, они являлись лишь пользователями получаемой крупной сельскохозяйственной техники, которой вплоть до 1958 г. через МТС владело государство¹⁵. Оно немало делало и в плане поиска более эффективных форм организации труда, новых подходов к подготовке специалистов и повышению их квалификации.

Тем не менее, экономическая эффективность общественного колхозного производства оставалась невысокой, несмотря на серьезные капиталовложения и затраты государства. Среди основных причин низкой эффективности колхозно-совхозного производства, безусловно, следует назвать крупные просчеты в советской аграрной политике. В течение всего периода существования советской системы в сельском хозяйстве постоянно допускалось излишнее преувеличение роли государственных и партийных органов в руководстве, при одновременной недооценке и даже пренебрежении истинной значимостью «человеческого фактора», от которого, как оказалось, очень многое зависело, прежде всего, заинтересованный и эффективный труд работников.

Колхозы изначально задумывались как коллективные хозяйства, основанные на объединенной собственности крестьян (кооперативно-колхозной форме), но в процессе коллективизации были созданы условия для последующего огосударствления колхозов и полного подчинения их диктату партийных и хозяйственных органов. Так, основные средства производства были сосредоточены у государства в лице МТС, специально созданных для того, чтобы осуществлять конкретное руководство колхозами. Все основные решения по развитию сельского хозяйства принимались «наверху», партийными и государственными органами, а колхозам лишь вручались очередные директивы, которые им надлежало неукоснительно выполнять. От крестьянина в колхозе требовался лишь постоянный труд, нигде особо «не высовываться», оставаться послушным и безынициативным исполнителем воли руководства. В конце концов, это не могло не привести к фактическому отстранению рядовых колхозников от участия в принятии решений, касающихся управления собственным колхозом. Невозможность влиять на реальные процессы с неизбежностью превращала их в работников, полностью равнодушных к положению колхозных дел, за которые они не чувствовали личной ответственности.

Гораздо больше заинтересованности колхозники проявляли у себя в приусадебном хозяйстве. Если в колхозе они работали по принуждению и на государство, которое провело коллективизацию исключительно в своих интересах, то свободным крестьянский труд был лишь в их личных подсобных хозяйствах, которые крестьяне вели по собственному разумению, самостоятельно решая все производственные вопросы. Они прекрасно осознавали, что в этом хозяйстве все зависит только от их личной энергии, хозяйственных и трудовых качеств — то, каким будет урожай ово-

¹⁵ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930—1980-е гг. Вологда, 2003. С. 17.

шей и картофеля, сколько молока и мяса будет получено и т.д. Экономическая необходимость «выживания» в условиях происходивших радикальных трансформаций сельского хозяйства и фактически бесплатного труда в колхозах, заставляла крестьян интенсифицировать свое небольшое приусадебное хозяйство. Его главным предназначением являлось производство в потребительских целях свежих овощей, в меньшей мере — мяса и молока, но в количествах, необходимых для потребления лишь членами данной семьи. Иными словами, ЛПХ — это мелкое хозяйство потребительского плана. В то же время вести данный тип семейного производства можно было, опираясь на прошлый опыт, т.е. архаичную практику хозяйствования, заимствованную еще из «доколхозного» периода.

Применение унаследованных от прошлого практик способствовало консервации архаичных элементов в оснащенности инвентарем, применявшемся в подсобных хозяйствах жителей села. Как правило, оснащенность орудиями труда в них оставалась неизменной с «доколхозных» времен, как, собственно, и сама практика их ведения. Тяжелый физический труд на особо трудоемких операциях соседствовал с использованием живого тягла (лошади, быки, волы), редко — техники, которую временно предоставлял колхоз или совхоз. Следует подчеркнуть, что советское руководство в целом не приветствовало приобретения отдельными жителями села технических средств и усовершенствований, облегчавших выполнение трудоемких ручных операций. Считалось, что это может повлиять на изменение природы подсобного хозяйства, так как резко увеличит производительность труда и общую его продуктивность, т.е. может превратить его в основной источник поступления доходов (вместо колхозов).

И тем не менее, даже при том, что основным инвентарем в приусадебных хозяйствах оставались допотопные лопаты, мотыги, грабли и т.п., колхозникам, ценой невероятных трудовых затрат в своих подсобных хозяйствах удавалось производить значительные объемы сельскохозяйственной продукции. Например, в 1985 г. хозяйства населения произвели 25% от всего валового аграрного продукта страны (в фактически действовавших ценах), в 1990 г. — 26,3%, а в 1992—1999 гг. их удельный вес уже не опускался ниже уровня 39,9% (1993 г.)¹⁶.

Занятие мелким семейным хозяйством потребительского плана следует рассматривать и как прямое следствие слишком радикальных инноваций, введенных коллективизацией, в итоге не обеспечивших высокого уровня экономической эффективности колхозно-совхозного производства. Оно оказалось не в состоянии полностью обеспечивать не только потребности всего населения страны в продовольствии, но даже материальные потребности своих работников.

Таким образом, в колхозный период в сельском хозяйстве параллельно действовали два противоположных уклада — общественный (колхозы и совхозы) и частно-потребительский (ЛПХ). Правда, при этом условия функционирования каждого из них сильно различались. Колхозно-совхозному производству были доступны современная сельскохозяйственная техника, передовые технологии, качественные семена и т.п., а в личных подсобных хозяйствах жителей села господствовали архаика, изнурительный физический труд и патриархальные формы хозяйствования.

Отмечая параллельное существование этих экономических укладов в колхозной деревне, нельзя не подчеркнуть, что со временем между ними сложилось определенная кооперация, имевшая взаимовыгодный для обеих сторон характер. Дело

¹⁶ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 1998. С. 30, 31.

в том, что работая в колхозе или в совхозе и получая там сравнительно невысокие доходы, крестьянство отчасти компенсировало этот недостаток за счет предоставления колхозом (совхозом) ощутимой материальной поддержки в ведении подсобных хозяйств. Это чаще всего выражалась в оказании помощи колхозом при выполнении наиболее трудоемких работ в приусадебном хозяйстве его работников. Колхоз направлял трактор для вскапывания огородов, а в случае ремонтных или строительных работ выделял строительный материал или рабочую силу. Большим подспорьем для селян было приобретение ими у колхозов (совхозов) по льготным ценам посевного материала или кормов для скота.

Инновации, насильственно введенные коллективизацией, не были подготовлены предыдущим развитием деревни. Их появление объяснялось задачами «текущего политического момента» в стране, а продержались они так долго лишь потому, что всемерно поддерживались государственной властью не только политически, но и в значительной мере — финансово и экономически.

Созданный коллективизацией новый порядок в деревне обернулся для колхозного крестьянства социальным принижением и ущемленностью в правах по сравнению с остальным населением страны. Во многом советские колхозы унаследовали функции, ранее присущие крестьянской поземельной общине. В колхозах тоже существовало принуждение к труду и уравнительность распределения; их работники были экономически и в административном плане зависимы от колхоза; отстранены от участия в управлении его делами; частная инициатива в них не поощрялась и пр. Но при всем этом необходимо отметить, что со временем жесткие формы удержания крестьян в колхозах значительно ослабели, убедительным подтверждением чего являются следующие обстоятельства.

Со второй половины 1960-х гг. положение членов колхозов стало постепенно улучшаться. До середины 1960-х гг. престарелые колхозники не получали государственных пенсий, но ситуация изменилась, когда в 1964 г. был принят «Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов»¹⁷. В 1968 г. в этих хозяйствах ввели гарантированную денежную оплату труда, положившую конец практически 40-летнему господству натуральной формы оплаты труда.

Колхозное крестьянство, которое Советское государство в 1930—1940-е гг. стремилось надежнее закрепить в деревне, было сознательно обойдено сплошной паспортизацией населения СССР (1933 г.). Многие десятилетия представители колхозного крестьянства — наиболее многочисленного класса советского общества — не имели паспортов граждан СССР. Отсутствие паспортов позволяло госорганам регулировать перемещения колхозников по стране. Если кому-то из них требовалось выехать за пределы своей области или в город, следовало обратиться в правление за справкой о разрешении на временное выбытие из колхоза. Правда, при Хрущеве в 1950-е гг. паспорта стали выдаваться некоторым категориям колхозников. Но только в 1977 г., когда в стране проводилась всеобщая замена паспортов старого образца на новый, паспорта граждан СССР, наконец, получили все колхозники.

Но если сталинская коллективизация новыми жесткими порядками и полным подчинением колхозов государству в итоге привела к «раскрестьяниванию» российской деревни, то радикальные аграрные реформы 1990-х гг., учитывая печальный опыт колхозно-совхозного строя, поставили своей целью вновь ее «окрестьянить».

¹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР, 1964. № 29. Ст. 340.

Проведенная в Российской Федерации земельная реформа изменила не только отношения собственности, но и структуру сельскохозяйственных предприятий соответственно. Ведущей формой землевладения отныне стал не государственный, а кооперативный сектор деревни, который теперь уже представляли разного типа товарищества и ассоциации, и большая часть его земель перешла в коммерческую собственность. Новый кооперативный сектор деревни сформировался за счет предприятий разных организационно-правовых форм, в том числе и сохранившихся колхозов. К началу августа 1995 г. еще оставалось 34% колхозов, трудовые коллективы которых не пожелали менять прежний статус. Однако в новых условиях земли в пользовании колхозов стало существенно меньше (всего около 15% всех земель сельскохозяйственного пользования)¹⁸.

На базе приватизации колхозно-совхозного сектора и передачи его земель и части имущества работникам возник частный сектор деревни — фермерские хозяйства и расширявшиеся подсобные хозяйства. Собственниками частных крестьянских хозяйств стали как отдельные граждане, так и юридические лица, которые к середине 1990-х гг. владели более 14,6 млн га земельных участков, общей площадью 130 млн га¹⁹.

При этом переход значительного большинства работников из расформированных колхозов и совхозов в сферу крестьянского хозяйства (как личного подсобного, так и фермерского), имел не добровольный, а вынужденный характер. Согласно мнению социологов, он проходил под огромным прессом экономического принуждения и зачастую под угрозой голода²⁰. Под этим имеется в виду, что реорганизация колхозно-совхозной системы сопровождалась массовыми увольнениями работников, в то время как предприятия с новой формой собственности могли взять на работу лишь часть потерявших работу жителей села. Примечательно, что даже при этом крестьяне не проявили большого стремления к созданию фермерских хозяйств и в целом негативно оценивали радикальные реформы, направленные на переход к более эффективным методам развития аграрной экономики. Эта неготовность к работе в условиях свободного рынка имела многовековые традиции: слишком долго в России отсутствовал институт частной собственности на землю и продержались традиции патриархальной практики хозяйствования. К призыву реформаторов новой России о сплошной фермеризации жители села отнеслись сдержанно, главным образом, по причине отсутствия у них соответствующих навыков работы, недостатка общей информированности о рынке и т.п. Значительная часть крестьянства не желала и уже не могла вести хозяйство на собственный страх и риск, а главное — без гарантии щедрых дотаций государства, к которым все привыкли за последние десятилетия советской власти²¹.

У аграрной рыночной реформы 1990-х гг. вообще оказалось довольно много сходства с коллективизацией 1930-х гг.: обе проводились по инициативе государства, т.е. навязывались крестьянам сверху; проходили форсированными темпами; были слабо проработаны с точки зрения концепции, плана и последовательности дей-

¹⁸ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 82.

¹⁹ См.: Вехи российского землеустройства: Время, события, люди. М., 2000. С. 196.

²⁰ *Никулин А.М.* Кубанский колхоз между холдингом и арендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований в сельской России. М., 2002. С. 239.

²¹ *Калугина З.И.* Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996. С. 36

ствий; их объединяло игнорирование реальной ситуации на селе. В обоих случаях не была принята во внимание общая неготовность «низов», т.е. самих сельских жителей к подобным инновациям.

Пожелавших стать фермерами нашлось немного: на 1 января 1995 г. в стране было зарегистрировано всего 279 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, владевших почти 12 млн га земли. Это означало, что доля фермерского уклада составляла всего 5,2% общего объема сельскохозяйственных угодий и 6,1% — пашни. Земельные участки почти у половины фермеров были до 20 га, и только 7% этих хозяйств владели по-настоящему крупными земельными участками — свыше 100 га²². В то же время сравнительно небольшие земельные площади фермеров неизбежно должны были стать препятствием развитию в них товарного производства.

Другой хозяйственный уклад в сельском хозяйстве представляли личные подсобные хозяйства. По размеру приусадебной земли сельские домохозяйства были невелики и особо за годы реформ не выросли. В 1990 г. средний размер земельного участка в расчете на одно такое хозяйство равнялся 0,2 га, а к 1999 г. — хоть и удвоился (до 0,4 га), но, по-прежнему, оставался невелик. В то же время даже такое незначительное увеличение приусадебной земли у жителей села выдавало их стремление подстраховаться в период высокой инфляции и быстрого падения жизненного уровня.

К концу XX в. общее положение с технической оснащенностью сельского хозяйства стало критическим, так как предприятия из-за отсутствия денежных средств, практически перестали закупать новую технику, оборудование, качественный семенной материал и ценные породы домашнего скота. Существенно ухудшилось и состояние сельскохозяйственных земель с точки зрения плодородия и использования передовых агротехнологий. По сравнению с 1991 г. энергооснащенность аграрного производства в целом по стране снизилась наполовину, и соответственно на столько же возросла в нем доля ручных и конно-ручных работ.

Особенно тяжелое положение создалось в ЛПХ, где физический труд господствовал повсеместно и абсолютно, а само производство все больше приобретало черты натурального, т.е. продукции в нем производилось ровно столько, сколько требовалось для внутрисемейного потребления. По сути это выглядело, как возврат к доиндустриальному производству, к патриархальным практикам хозяйствования.

Кроме того, прошедшая реорганизация колхозов и совхозов, сопровождавшаяся высокими трансформационными издержками (потерей жителями села рабочих мест, началом массовой безработицы, отсутствием зарплат и прежней социальной защищенности) привела к созданию практически безальтернативной ситуации — либо полностью переключиться на развитие приусадебных хозяйств, либо умереть от голода.

В итоге, вместо обращения к предложенным инновационным методам хозяйствования (для них в деревне еще не было реальных производственных предпосылок) крестьяне вновь, как уже не раз бывало в истории XX в., вынужденно переключились на старый и проверенный метод — ведение своего подсобного хозяйства, архаичного и отсталого с технологической точки зрения.

Результат оказался неожиданным для тех, кто задумывал и осуществлял рыночные реформы. Несмотря на малые земельные площади и отсутствие механизации, доля хозяйств населения в валовом аграрном производстве была очень высока. Они производили львиную долю (от 80 до 90%) всего картофеля в стране, от 65 до 77%

²² Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 1995. С. 51.

овошей и примерно половину всей мясомолочной продукции аграрного сектора. Именно в этих хозяйствах содержалось около 30—40% общего поголовья крупного рогатого скота и от 48 до 63% свиней, овец и коз. Удельный вес продукции ЛПХ, выраженный в фактически действовавших ценах, на всем протяжении периода реформирования многократно превышал долю продукции, произведенную хозяйствами фермеров. В 1995 г. ЛПХ произвели 47,9%, а в 1997 г. — свыше половины (51,1%) общего объема сельского хозяйства по всем категориям хозяйств, против 1,9% и 2,4% соответственно — в фермерских хозяйствах²³.

Трансформационные издержки рыночных реформ в сельском хозяйстве оказались непомерно высокими. Вместо ожидавшегося быстрого подъема и повышения общей эффективности аграрного производства его объемы стали быстро уменьшаться. Уже в 1993 г. объем сельскохозяйственного производства в России снизился до 82,7% и продолжал падать далее. Но самого дна это падение достигло в 1998 г., когда составило всего чуть более половины (56%) от предреформенного уровня (1990 г.)²⁴. Таким образом, попытка внедрения инноваций в аграрную сферу, положенная в основу радикальных рыночных реформ 1990-х гг., вместо повышения эффективности аграрной экономики и трудовой мотивации крестьян закончилась тяжелейшим аграрным кризисом. И то, что реально удалось сделать, ни в коей мере не соответствовало стоявшим перед реформой задачам.

Приведенный статистический материал подтверждает фактическую неудачу радикального рыночного реформирования сельского хозяйства России в 1990-е гг. Кроме того, предложенные российской деревне по западному опыту «рыночные инновации» в конкретных ее условиях не смогли проявить свою эффективность. Очевидно, что нельзя было однозначно противопоставлять западные новшества традиционным российским нерыночным институтам — в данном случае архаичным сельским домохозяйствам. На практике оказалось, что традиция под напором внедряемых по образцу Запада рыночных инноваций своих позиций вообще не сдавала. Напротив, она адаптировалась, «порождая специфические национальные формы модернизации», в том числе и в виде унаследованных от советского периода практик взаимодействия ЛПХ и колхозов, которые в переходный период развивались уже на основе их совместной кооперации²⁵. Это — возродившееся после проведения аграрных реформ слияние подсобных хозяйств населения с бывшими колхозами, переименовавшимися в АО, что служит иллюстрацией, как под давлением насаждаемых сверху инноваций жители села сделали еще один вынужденный шаг назад к отсталым, архаичным практикам, унаследованным от прошлого.

Как отмечают исследователи современного российского села, в центре России, например, в конце XX в. постоянно формировались национальные землячества и родовые кланы из населения, прибывавшего из других республик РФ, со специфическими для него представлениями о жизни и типах хозяйствования, совсем далеких от внедрения модернизационных новаций. На самом деле все это еще больше отодвигало перспективы реального внедрения современных технологий производства и хозяйственных практик²⁶.

²³ Там же. М., 2000. С. 33.

²⁴ Там же. С. 34—35.

²⁵ Манзанова Г.В. Традиции и новации. Опыт сравнительного анализа аграрных сообществ Бурятии (Россия), России и других стран. Улан-удэ, 2011. С. 11.

²⁶ Там же.

Для сельского населения потери от непоследовательных и во многом несвоевременных аграрных реформ 1990-х гг. оказались очень серьезны. Это — утрата социальной защищенности, имевшейся в колхозах, массовая безработица и распространявшаяся и углублявшаяся бедность сельских семей, деградация сельской социальной сферы, глубокий демографический кризис.

Современные исследователи — экономисты и социологи, прежде всего, серьезно переосмысливая итоги неудавшихся рыночных преобразований в России, уже сделали свои выводы. Вкратце они сводятся к тому, что следом за инновационным рывком вперед к хозяйственной самостоятельности крестьян, за освобождением их от колхоза /или общины/ обязательно последует откат назад. Неизбежным следствием этого отката становится еще большая их экономическая и административная зависимость²⁷, т.е. положение российских крестьян ухудшается.

Итак, история XX в. показывает, что менее чем за 100 лет в России прошло довольно много аграрных преобразований. Все они преследовали общегосударственные интересы, по своему замыслу представлялись вполне целесообразными и экономически обоснованными. Однако со временем выяснялось, что полученный от них результат оказывался в лучшем случае значительно меньше ожидавшегося. Почему же все-таки происходило именно так? Возможно, дело в том, что сельское хозяйство менее других отраслей поддается вмешательству извне, государственному регулированию и централизации, гораздо больше зависит от непосредственного производителя, работающего на земле? Кроме того, очень важно, чтобы при реформировании учитывались его отличительные факторы (природно-климатические условия, отраслевая специфика и пр.), требующие дифференцированного подхода.

Не последнюю роль играл и выбор стратегии реформ, призванной прежде всего учитывать реальные свойства аграрной подсистемы, чтобы в будущем суметь придать ей большую устойчивость, надежность и основательность. Но этот выбор не всегда основывался на взвешенном и осторожном подходе, с должной опаской не упустить ценное, что следует брать из прошлого в будущее. В одних случаях стратегия планируемых преобразований опиралась на подобные идеи — преемственности и традиции в их историческом развитии, а в других — исходила из необходимости коренных перемен и решительного внедрения инноваций. Выбор стратегии будущих трансформаций во многом определял их конечный результат, т.е. приводил к успеху или неудаче.

Адаптационная стратегия реформ исходит в итоге из необходимости сохранения в преобразованиях линии исторической традиции и инерционности. Такая стратегия была положена в основу «азиатской модели» аграрных реформ в Китае, Японии и других странах Юго-Восточной Азии. В странах Западной Европы и США в свое время реформирование аграрной экономики опиралось на *эволюционную стратегию*, нацеленную на радикальные модернизационные преобразования уже сложившихся хозяйственных практик в данной агросистеме²⁸. Однако, когда чужой опыт реформирования механически переносится на российскую сельскую почву, причем бессистемно и хаотично, результат всегда оказывается откровенно негативным.

Со времени начала радикальных аграрных реформ в России прошло уже 20 лет. Российское общество давно осознало, что они отнюдь не улучшили положение. Нынешнее состояние сельскохозяйственного производства по-прежнему не внушает

²⁷ Манзанова Г.В. Указ. соч. С. 113.

²⁸ Манзанова Г.В. Традиции и новации // <http://www.isras.ru/files/File/publ/Manzanov>

оптимизма, оно и поныне не в состоянии приблизиться к своему дореформенному уровню 1990 г. Но, похоже, современное российское руководство, осознав весь провал этой реформы, потеряло интерес к дальнейшим аграрным преобразованиям, хотя их необходимость очевидна.

Выступление хотелось бы закончить очень точной и образной, на наш взгляд, цитатой из работы одного из российских исследователей рыночной реформы в сельском хозяйстве — М.А. Коробейникова: «Необходимо, чтобы в центре их [реформ] наконец оказался крестьянин — с его социальными и прочими потребностями. Ведь до этого ни одна из программ не учитывала главного — образа жизни крестьянина, его уклада, жизненных интересов и склонностей... Лишь когда мы обеспечим крестьянину режим “наибольшего благоприятствования” в собственной стране, мы убедимся, что он полностью конкурентоспособен и на мировом рынке, и по-прежнему достоин чести быть главным кормильцем страны»²⁹.

---

²⁹ *Коробейников М.А.* Земля и воля: вопросы реформирования в АПК // АПК: экономика и управление. 2000. № 4. С. 24.

Г.А. Куманев

О мобилизации экономики Советского государства
и ее военной перестройке
в первый год Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г. — июнь 1942 г.)

Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала, что исход многих крупных сражений и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их экономики. Хотя поражение или достижение победы, в той или иной операции, во многом зависело и от других факторов, но успеха, как правило, добивались армии, оснащенные и овладевшие современными средствами вооруженной борьбы и опирающиеся на достаточно мощный и надежный военно-экономический потенциал.

В этом плане представляется весьма поучительным опыт мобилизации и перестройки на военный лад планового народного хозяйства СССР. В экстремальных условиях войны оно проявило неисчерпаемые потенциальные возможности и такие высокие качества, как живучесть, эффективность, мобильность и маневренность. Если же говорить о человеческом факторе, то необходимо подчеркнуть, что уже первые месяцы войны стали временем смелых и оригинальных производственно-технических решений, небывалого подъема творческой мысли тружеников советского тыла. Смертельная угроза, нависшая над страной, и интересы защиты родного Отечества потребовали от них громадного напряжения всех физических и духовных сил, значительного роста производительности труда, повышения оперативности, организованности в работе.

Но усилия миллионов советских людей по созданию превосходства над врагом в средствах вооруженной борьбы: в металле и хлебе, топливе и сырье, в массовом выпуске высококачественной военной продукции — не имели бы желаемых результатов без достаточно компетентного руководства со стороны власти, стоявшей во главе Советского государства.

Ведь от нее требовалось с самого начала фашистской агрессии не только определить и четко сформулировать первоочередные военно-хозяйственные задачи по достойному отпору врагу, которые встали перед страной и народом. Необходимо было через государственные и партийные органы довести их до сознания каждого советского человека, а затем строго и неуклонно претворять в жизнь. От глубоко продуманных программных и конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависели как ход военных действий на полях битв и сражений, так и укрепление советского тыла и последовательный рост экономики.

И если мы зададимся вопросом, какова же была, к примеру, компетентность в военно-хозяйственной области членов советского правительства во главе с И.В. Сталиным, то многочисленные факты и документы свидетельствуют в целом о высоком уровне этой компетентности.

К началу Великой Отечественной войны в стране действовали 43 общесоюзных и союзно-республиканских народных комиссариата. К концу войны их число увеличи-

лось на один наркомат. Посты наркомов за военные годы занимали 60 человек. Сравнительно небольшой процент их сменяемости и обновления (в основном по болезни и смерти) с учетом невиданно тяжелой четырехлетней войны говорит сам за себя. Более 2/3 наркомов достойно выдержали все выпавшие на их долю невероятные тяготы, испытания и огромную ответственность.

Качественный состав народных комиссаров военных лет, занимавшихся производством (они нас интересуют в первую очередь), в целом отвечал задачам и требованиям экстремальной обстановки. Допуская отдельные (иной раз даже неизбежные в тех чрезвычайных условиях) упущения и промахи, они овладевали умением учиться на ошибках, быстро их устранять и не допускать впредь. Значительная часть из тех, кто в предвоенные годы совсем молодыми были выдвинуты на руководящие правительственные посты, как правило, прошли до этого все ступени профессионального роста — от простого рабочего или инженера до наркома. Получая при этом необходимое образование, будущие руководители формировались на благодатной производственной почве (не изучая жизнь лишь из теоретических или хозяйственно-экономических журналов, как бывает сегодня), становясь знатоками, большими специалистами своего дела.

То же можно сказать и о многих заместителях наркомов, начальников главков, железных дорог, шахт, нефтепромыслов и других руководителях промышленных предприятий, проявивших себя в то тяжелейшее время в качестве опытных и умелых командиров тыла.

В целом на высоте оказались и работники государственных плановых органов. В невероятно сложной атмосфере, не располагая достаточным временем, они сумели удивительно быстро восполнить зияющий пробел, а именно: отсутствие заблаговременно разработанных четких, конкретных и главное — реальных планов (включая и эвакуационные) перестройки на военный лад народного хозяйства СССР. Его последующее развитие и превращение в мощное военное хозяйство, несмотря на огромные потери и трудности первых военных месяцев, шли весьма планомерно и целеустремленно.

Что касается более конкретной оценки Сталина как главного организатора военной экономики СССР, то В.М. Молотов, во время моей встречи с ним (13 июня 1984 г.), так ответил на этот вопрос: «Всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством как Председателя ГКО и правительства. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу».

Можно, конечно, усомниться в убедительности этих слов, предъявив их автору претензии в пристрастии и необъективности. Но ведь подобную высокую оценку военно-хозяйственных знаний и действий вождя дали автору статьи и такие видные и авторитетные руководители советской экономики — наркомы военных лет, как А.И. Микоян, Л.М. Каганович, М.Г. Первухин, А.И. Шахурин, Д.Ф. Устинов, А.В. Хрулев, Д.Г. Жимерин, З.А. Шашков, П.Н. Горемыкин, П.Ф. Ломако, Н.К. Байбаков, Г.М. Орлов, С.З. Гинзбург, А.А. Ишков, П.П. Лобанов, И.А. Бенедктов, И.В. Ковалев и др. Причем встречи с ними происходили спустя 15—20 лет и более после кончины Сталина. И хотя некоторые из них в свое время испытали на себе сталинскую несправедливость, его оценка у всех оказалась единодушной. И, думается, потому, что она основывалась на результатах того, что смогла дать фронту под руководством Председателя ГКО и правительства советская военная экономика, с каким уровнем она встретила войну и с какими конечными итогами пришла к Великой Победе в мае срок пятого.

Основы этой, не только военной, но и экономической победы были заложены еще в годы довоенных пятилеток, когда советский народ, возглавляемый партией коммунистов, упорно трудился по воплощению в жизнь планов социалистического переустройства общества. Необходимо было в невиданно короткие сроки преодолеть унаследованную от дореволюционной России экономическую отсталость и превратить страну в современную индустриальную, экономически независимую державу.

Что же было сделано в довоенные годы? Вкратце остановимся и на этом. Процесс реализации всех грандиозных планов осуществлялся тогда в чрезвычайно трудной и противоречивой обстановке, когда в строительстве нового общества наряду с большими преобразованиями в материальной и духовной жизни народа происходили серьезные деформации, усиливалась тоталитарная система, нанеся немалый ущерб Советскому государству, идеалам социализма.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредоточивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой и оборонной индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления.

Советский Союз представлял собой огромную строительную площадку. В течение довоенных пятилеток в стране было сооружено и введено в действие 9 тыс. крупных предприятий, в том числе за первые годы третьей пятилетки — около 3 тыс.¹

Производство средств производства по сравнению с 1913 г. увеличилось в 13,4 раза². Получили развитие качественная металлургия и точное машиностроение. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1940 г. превышала уровень промышленного производства Советской России в 1920 г. в 38 раз, а продукция машиностроения и металлообработки — даже в 512 раз³. Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров.

На базе индустриализации страны удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях возраставшей угрозы гитлеровской агрессии⁴.

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. ВМФ были переданы десятки новых современных кораблей⁵.

Однако перевооружение Красной армии не было полностью завершено. По оснащению некоторыми важными видами вооружения и боевой техники советские войска отставали от германского вермахта. Серийное производство новых типов танков

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1960. Т. 1. С. 409.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 58.

³ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 26.

⁴ Коммунист, 1967, № 1. С. 23.

⁵ Там же. 1982. № 10. С. 84—85.

и самолетов только начиналось. Устранять эти недостатки пришлось уже в ходе смертельного поединка с агрессором.

Много было сделано во время пятилеток и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велись сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше⁶.

Важные изменения произошли в сельском хозяйстве. Хотя при переводе крестьянских хозяйств на коллективные рельсы были допущены серьезные отступления от ленинских идей кооперирования, все же в целом коллективизация в укреплении позиций социализма в деревне являлась поворотом принципиального значения. Сельское хозяйство СССР стало многоотраслевым, более продуктивным и механизированным. В предвоенные годы государственные заготовки увеличились в 2,5 раза по сравнению с «доколхозной» деревней⁷.

Большое оборонно-экономическое значение имело создание материальных резервов. С 1940 г. по июнь 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы были увеличены в 2 раза⁸.

Все эти факты показывают несостоятельность утверждений некоторых западных историков и ряда доморощенных фальсификаторов истории о, якобы, слабости, военно-экономической отсталости и «потрясающей» неподготовленности СССР к своей защите накануне войны.

Перед Великой Отечественной войной СССР по объему продукции машиностроения и по добыче железной руды занял второе место в мире и первое в Европе, по выплавке чугуна и стали и по производству электроэнергии — третье место в мире и второе в Европе, по добыче угля — четвертое место в мире и третье в Европе⁹.

Как свидетельствуют многочисленные документы, строительство нового мира, развернувшееся в стране в мирные довоенные годы, отличалось высоким трудовым энтузиазмом и духовным подъемом многомиллионных масс трудящихся, в основе которых лежали глубокий патриотизм, искренняя вера советских людей в реальность социалистических идеалов Октября, желание видеть свою Родину сильной и могучей, поставить надежный заслон для отражения любой агрессии.

Однако к моменту нападения на СССР Германия обладала не только огромной ударной силой своих войск, но и поставила под свой контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. Эти страны ежегодно производили более 19,3 млн т чугуна, 22,3 млн т стали, 149 млн т каменного угля, 2 215 тыс. т бокситов¹⁰. На 1 апреля 1941 г. 4 876 предприятий оккупированных стран были привлечены к выполнению заказов вермахта¹¹. В распоряжении военной экономики Германии оказались металлургическая и машиностроительная индустрия ее союзников, нефть Румынии, бокситы Венгрии, вольфрам и олово Португалии, лес Финляндии и т.д. К июню 1941 г.

⁶ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. М., 1963. С. 531.

⁷ Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. М., 1967. С. 119.

⁸ История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974. Т. 3. С. 386.

⁹ СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976. С. 256.

¹⁰ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 81.

¹¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 283.

мощности фашистского рейха по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2—2,5 раза больше, чем Советского Союза. Кроме того, в ходе войны и в оккупированных европейских странах гитлеровская Германия захватила громадные запасы металла, стратегического сырья, оборудования и весь арсенал вооружения. К ней перешли оружие, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Военная продукция одних только чехословацких предприятий «Шкода» могла снабдить многими видами вооружения около 40—45 немецких дивизий¹².

Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной, самой мощной ударной силой капиталистического мира.

Внезапно разразившаяся фашистская агрессия, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны, поставили советскую экономику уже в первые дни и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение.

В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий.

Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи — задачам борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие как ранее подготовленных мобилизационных планов (в частности, по боеприпасам), так и новых, существенного перераспределения материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и контроля в деле их распределения, нормирования и расходования.

Это был далеко не безболезненный процесс, сопровождавшийся значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усугублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушений связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах, что нашло отражение и в некоторых абсолютно нереальных решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской, Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л.М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в III квартале 1941 г. 24 июня наряду с весьма важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»¹³.

¹² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 171.

¹³ Архив Института российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 82.

Между тем и в первом, и во втором случаях указанные железные дороги и районы в эти дни войны оказались или в зоне непосредственных боевых действий, или уже были захвачены врагом.

В последующем, особенно после создания 30 июня 1941 г. высшего органа сражающейся страны — Государственного комитета обороны (ГКО), руководство СССР и в первую очередь Сталин имели, как правило, довольно полную информацию о действительном положении на фронте и в тылу.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались те, что касались экономической жизни страны: введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска населению промышленных и продовольственных товаров и др.

Однако первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам¹⁴. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для всего народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был план, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26%¹⁵. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом ударных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио И.В. Сталина 3 июля.

Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении В.М. Молотова стали находиться вопросы производства танков, Г.М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Н.А. Вознесенского — вооружения и боеприпасов, А.И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л.П. Берия — самолетов и ракетной техники, Л.М. Кагановича и А.А. Андреева — транспортные перевозки.

Факты и документы говорят о том, что почти три четверти всех членов ЦК ВКП(б) приняли непосредственное участие в организации военной экономики. На решение военно-хозяйственных задач были направлены усилия и значительная часть работников всех звеньев партийного и советского аппарата в тылу.

Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии

¹⁴ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1988. С. 85.

¹⁵ *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 38.

он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной армии летом 1941 г.

Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты.

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевных площадей под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии¹⁶. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд руб., а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд руб.¹⁷

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью.

Важнейшей функцией ГКО являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание уделялось вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР как орган общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять между предприятиями материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись права наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. (1941—1952). С. 44—48.

¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1961. Т. 2. С. 142.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспособлялось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в III квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность.

Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г.¹⁸

По отдельным промышленным наркоматам удельный вес военной продукции в июле 1941 г. по сравнению с июнем вырос в следующих размерах¹⁹:

Таблица 1

Удельный вес военной продукции в общем производстве валовой продукции (в %)

№№	Наркоматы	1941 г.		
		июнь	июль	% роста
1	2	3	4	5
1	Наркомат черной металлургии	30	40	10
2	Наркомат цветной металлургии	60	75	15
3	Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
4	Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
5	Наркомат общего машиностроения	39	58	19
6	Наркомат электропромышленности	40	50	10
7	Наркомат химической промышленности	40	60	20
8	Наркомат станкостроения	50	70	20

¹⁸ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1, 88.

¹⁹ Там же. Л. 1—2.

1	2	3	4	5
9	Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
10	Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
11	Наркомат легкой промышленности	30	50	20
12	Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А.И. Шахурин) стали давать во все возрастающих количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь-декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и юга Европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того, как был принят мобилизационный план по танкостроению, В.А. Малышев — нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазированных танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. К концу 1941 г. на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На «заводе заводов» России и всей страны — Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. К концу года завод выпустил первые 606 корпусов. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным образовали комплексную базу танкостроения в районах реки Волги. Другой волжский танкостроительный производственный комплекс во главе с заводом «Красное Сормово» сложился в Горьком в результате кооперирования этого завода с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий. Таким образом, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод — легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь». К концу 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная танко-

вая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов²⁰.

В течение второго полугодия 1941 г. танкостроители изготовили 4 649 танков, в том числе свыше 40% легких, 39% — средних. Правда, количество выпущенных тяжелых танков типа «КВ», производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе, увеличилось в IV квартале 1941 г. на 108 штук, но выпуск средних танков Т-34 за тот же период снизился почти на 500 машин²¹. В целом план производства танков удалось выполнить лишь на 61,7%²². Однако в I квартале 1942 г. определился перелом²³.

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в ноябре 1941 г. их было построено в 3,6 раза меньше, чем в сентябре, когда удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. В декабре план по самолетам выполнили только на 38,8%, а по авиадвигателям — на 23,6%. Осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов и, в частности, Центрального промышленного района РСФСР, дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находилось еще на колесах. На действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнергией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и обеспечить его неуклонный рост. И если в IV квартале 1941 г. было выпущено самолетов всех типов 3 171 шт., то в I квартале 1942 г. — 3 740, а во втором — уже 6 004²⁴.

По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»²⁵.

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14 200 батальонных минометов и только 3 800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября—декабря 1941 г. 15 500 ротных минометов (50 мм), 8 445 батальонных (82 мм), 400 горно-вьючных (107 мм) и 169 полковых (120 мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на

²⁰ История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1975. Т. 4. С. 149.

²¹ Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами Т-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.

²² Оружие победы. 1941—1945. М., 1985. С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. С. 161.

²³ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 158.

²⁴ Там же. М., Т. 5. С. 48.

²⁵ Фойхтер Г. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1956. С. 164.

утверждение правительства²⁶. 26 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с этого же дня стал один из опытных организаторов военного производства П.И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены.

В течение второго полугодия 1941 г. страна получила 42,3 тыс. минометов, или в среднем 7 тыс. в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составил только 1,7 тыс.

Ускоренно шла реализация постановления ГКО от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45-мм и 76-мм калибра²⁷.

Нарком вооружения военных лет Д.Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г. вспоминал, как производство этих пушек повседневно и строго контролировал ГКО и непосредственно Сталин. «Мне не раз приходилось докладывать И.В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции, — отмечал Д.Ф. Устинов. — На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре одни из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было.

Проекты постановлений ГКО о производстве 45- и 76-миллиметровых пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н.А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось». Обсуждение было нелицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: «ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление».

Об успешной реализации настоящего решения ГКО свидетельствуют данные табл. 2²⁸.

Таблица 2

Виды пушек	Кварталы				Всего за 1941 г.
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
76-мм (полевые всех типов)	96 шт.	8 шт.	601 шт.	3465 шт.	4170 шт.
45-мм (противотанковые)	8 шт.	4 шт.	78 шт.	1196 шт.	1286 шт.

²⁶ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 150.

²⁷ Там же. С. 150, 151, 158.

²⁸ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 119.

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П.Н. Горемыкин, а с февраля 1942 г. — Б.Л. Ванников) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного артиллерийского управления маршала Г.И. Кулика прекратили. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с толстой броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-мм бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Месячный выпуск выбывших предприятий составлял 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, 7,9 млн взрывателей, 5,4 млн средств воспламенения, 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила²⁹.

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание в двухдневный срок перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников³⁰. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами оставалось тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50—60% плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года подключили 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств³¹, а в 1942 г. — 1 108 предприятий 58 наркоматов и ведомств³².

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.³³

В судостроительной промышленности (нарком И.И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров,

²⁹ Вознесенский Н. Указ. соч. С. 42.

³⁰ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 151.

³¹ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 2. С. 123.

³² Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 69.

³³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. С. 498.

8 из 10 крейсеров, половина мониторов и др. видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства в свою очередь делало необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы и прежде всего в восточных районах, где, как уже отмечалось, развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И.Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания³⁴.

Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам и, прежде всего, коллективу Магнитогорского металлургического комбината, пришлось впервые в мировой практике и в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле—августе 1941 г. 70% плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цеха более чем на 50% давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали³⁵.

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же наладили и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станков для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг, что означало технический переворот в прокатном деле. В октябре 1941 г. магнитогорцы увеличили выпуск броневого листа по сравнению с августом в 3 раза, в декабре — уже в 7 раз. Металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

За короткое время на производство качественной стали и проката был переведен Кузнецкий металлургический комбинат³⁶.

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4% от общего количества проката, а специальный прокат 28,3% от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный

³⁴ В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г.: 124 коксовых батарей общим объемом 64 589 м³; 61 доменной печи общим объемом 42 285 м³; 204 мартеновских печей с общей площадью пода 5 809 м²; 16 больших конверторов; 150 прокатных станков; 14 трубопрокатных станков; и др. (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 191).

³⁵ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 112; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 14.

³⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 186.

прокат составил 36,9%, а специальный — 55,7%. В августе эти показатели достигли соответственно 42,7% и 54,3%, а в октябре — уже 70,7% и 58,3%³⁷.

«Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П.И. Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков».

Намеченные правительственным графиком на ноябрь 1941 г. — январь 1942 г. меры по увеличению мощностей металлургических заводов приравнивались к мерам особо важного оборонного значения.

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанций в первые месяцы войны возглавлял А.И. Летков, затем с января 1942 г. — Д.Г. Жимерин, а Наркомат электропромышленности — И.Г. Кабанов). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1 400 турбин, 11 300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. ГКО определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций в г. Новосибирске, Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередачи Кемерово — Ленинск и Мундыбаш — Таштагол. 17 ноября правительство приняло постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции»³⁸.

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С.З. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности.

Для ускорения сооружения новых электростанций изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Однако, несмотря на ускоренный ввод в эксплуатацию новых электростанций, выработка электроэнергии в системе Наркомата электростанций СССР в декабре 1941 г. составила только 52% по сравнению с июнем. Положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временного выхода из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где разворачивалась военная про-

³⁷ Там же. Л. 187; Правда. 1943. 1 октября.

³⁸ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970. С. 109, 144; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 817.

мышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия. В течение первого полугодия 1942 г. производство электроэнергии в СССР сократилось на 5,3 млрд кВт. ч. Только во второй половине 1942 г. удалось, наконец, остановить его дальнейшее падение и обеспечить рост по сравнению с первой половиной года на 6,3%.

Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По наркоматам обороны, ВМФ, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодю 128%, по Наркомату вооружения — 14%, по Наркомату боеприпасов — свыше 200%³⁹.

Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перемещенных предприятий. Если в первом полугодии удельный вес капитальных работ этих районов в общем объеме строительства по СССР составил около 57%, то во втором полугодии он уже поднялся до 80%.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П.Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех превратили в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат⁴⁰.

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горняки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья. Если в 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды составлял 8,4%, то в 1942 г., когда вступили в эксплуатацию рудники Джездинского месторождения в Казахстане, восточные районы давали 84,7% всей добычи марганцевой руды в стране.

В восточных районах СССР, и особенно в Казахстане и Узбекистане, также быстро развевталась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В.В. Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, и прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны.

³⁹ РГАЭ. Ф. Оп. 93. Д. 32. Л. 120.

⁴⁰ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 154.

В конце 1941 — начале 1942 г. в Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами.

Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14%, стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И.К. Седин, а с декабря 1944 г. — Н.К. Байбаков) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3%, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив, снизился до 11,9%⁴¹. Поэтому помимо форсированной добычи нефти в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана, ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе «Второго Баку» — в Поволжье и Прикамье. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на Бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы невывезенных нефтепродуктов и переработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл (соответственно — 1 268 тыс. т и 790 тыс. т — в конце октября и 1613 тыс. т и 573 тыс. т — в конце ноября 1941 г.)⁴².

Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти. Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении и размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в III квартале 1941 г. из-за вражеской оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в IV квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась⁴³.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 183.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 178—179.

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И.Ф. Денисов, а с февраля 1942 г. — М.Г. Первухин). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50% мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77% — серной кислоты, 83% кальцинированной соды и т.д.

Поэтому центральные и местные органы приняли энергичные меры как по восполнению понесенных потерь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азототуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство такого важного компонента военной продукции, как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготавливавших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Шелковского и Дорогомиловского химических заводов.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. (хотя и с неодинаковыми темпами в ее различных отраслях) продолжал снижаться, составив в IV квартале лишь 44% от довоенного уровня. Постепенный подъем наступил только во II квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли: С.Г. Лукин, В.П. Зотов и И.Н. Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все шейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих, значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно исключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их насчитывалось лишь 18,4 млн человек.

В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П.Г. Москатовым⁴⁴ (позднее комитет стал заниматься и учетом рабочей силы, его возглавил Н.М. Шверник).

⁴⁴ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 136.

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на одну треть повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики⁴⁵, женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система Государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями. Так, во второй половине 1941 г. в производство влились 50 тыс. домохозяйек и 360 тыс. учащихся 8—10-х классов.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе Государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны.

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны⁴⁶.

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями 26 декабря 1941 г. и 13 февраля 1942 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве⁴⁷. Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте.

⁴⁵ 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.

⁴⁶ Там же. С. 144.

⁴⁷ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 64.

В целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими, но шла война и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, ГКО, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И.А. Бенедиктов и П.П. Лобанов).

Требовалось, прежде всего, в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что были мобилизованы на нужды фронта части тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67% колосовых культур, а в совхозах — 13%⁴⁸. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то, что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. — только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно одну восьмую всех зерновых, заготовленных в тыловых районах страны⁴⁹.

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка ме-

⁴⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 81.

⁴⁹ Экономика Советской Украины. 1965. № 4. С. 17.

ханизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства — Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане.

Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров.

Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8% в 1940 г. до 36—42% в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9% в 1940 г. до 75% в 1942 г.⁵⁰

Активно вовлекались в производство подростки. Если в 1940 г. в тыловых районах работало 4,4 млн. подростков и престарелых, то в 1942 г. их число достигало 6,1 млн. человек. Дополнительную рабочую силу, особенно во время уборки урожая, деревня получала за счет временной мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей, не занятых в колхозном производстве.

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше одного миллиарда пудов зерна. В тех труднейших условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возрастающим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях. Враг сразу же сделал попытку перерезать и парализовать транспортные артерии страны, с особым ожесточением бомбардируя мосты, переправы, пристани и железнодорожные коммуникации.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л.М. Каганович, с марта 1942 г. — А.В. Хрулев, с февраля 1942 г. — Л.М. Каганович и с декабря 1944 г. — И.В. Ковалев) вновь началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 года — литер А, который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 ч 24 июня взамен имевшегося в распоряжении дорог воинского графика 1938 г. Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов⁵¹.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 79.

⁵¹ Там же. Л. 72.

Одновременно были приведены в действие и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности, открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т.п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца⁵². Всего в течение за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения Советских Вооруженных Сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений⁵³. За первые 40 дней войны по железным дорогам перевезли на фронт 2,5 млн человек. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов⁵⁴.

Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г. Перевозки же остальных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе⁵⁵.

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненных и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» — с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась, и пропускная способность увеличивалась иногда в 2—3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41%. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, во втором полугодии 1941 г. было перевезе-

⁵² Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М., 1981. С. 45.

⁵³ Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

⁵⁴ Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 122.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 8.

но народнохозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии⁵⁶. Однако железнодорожный транспорт выдержал самое большое испытание военных лет. Важную роль сыграли меры, принятые ГКО в первые месяцы 1942 г., по созданию устойчивости в работе железных дорог, в том числе учреждение 14 февраля при ГКО специального органа, координирующего все перевозки, — Транспортного комитета под председательством И.В. Сталина.

С первых месяцев войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта.

Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З.А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной армией левого берега Днепра, флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С.С. Дукельский, а с февраля 1942 г. — П.П. Ширшов) на Черном море и в Северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования. Моряки своей самоотверженной работой внесли значительный вклад в оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Мурманска.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, во время войны приобрел важнейшее значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354 200 т грузов. За это же время по той же трассе удалось вывезти в тыл 514069 человек⁵⁷.

На базе автомобильных парков городских и промышленных хозяйств в первых числах ноября 1941 г. по решению ГКО были созданы автоколонны в Москве, Ярославле, Горьком, Рязани, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Сталинграде. Эти колонны, находившиеся в распоряжении облисполкомов, перевозили эвакуированные грузы и население, подвозили сырье и материалы для промышленных предприятий, продовольствие для населения городов.

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за шесть месяцев 1941 г. и первую половину 1942 г. составил 15,9 млн тоннокилометр. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ, 572 тыс. пассажиров⁵⁸.

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

⁵⁶ Вознесенский Н. Указ. соч. С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (далее — ИВИ). Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.

⁵⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3. Л. 4—5.

⁵⁸ Архив ИВИ. Документы и материалы. Инв. № 819. Д. 406.

К числу мер, ставших важнейшей частью военной перестройки народного хозяйства, явилась начатая с самого начала войны эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов Советского Союза на Восток. О ней мы уже не раз упоминали в настоящем тексте. Это была вынужденная, но весьма необходимая производственная операция, вызванная крайне неблагоприятной обстановкой, которая сложилась на фронте с первых дней фашистской агрессии.

Из угрожаемых районов различными видами транспорта в 1941—1942 гг. удалось эвакуировать миллионные массы людей, тысячи предприятий, сотни тысяч тонн сырья, топлива, громадные ресурсы сельского хозяйства, другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист *Дж. Сульцбергер* в статье, опубликованной 20 июля 1942 г. в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, — говорилось в статье, — одна из величайших саг в истории».

Высокую оценку осуществленному в СССР перебазированию производственных сил дал в своей книге «Россия в войне 1941—1945» английский публицист *А. Верт*. «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее «расселение» на Востоке, — писал он, — следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»⁵⁹.

В дни эвакуации советская экономика переживала самые большие трудности за весь военный период. Предприятия, составлявшие более трети общей производительной мощности важнейших отраслей промышленности, вследствие вражеского нашествия и вынужденной эвакуации временно прекратили выпуск продукции. Все это привело к значительному падению общего объема промышленного производства. Валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза. При этом выпуск проката черных металлов — основы военной индустрии — к концу года против июня 1941 г. уменьшился в 3,1 раза, выпуск проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период уменьшился в 430 раз, а изготовление шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать самолеты, танки, артиллерию, сократился в 21 раз. Казалось, наступает полный паралич советской экономической системы. Однако в результате поистине героических усилий тружеников тыла, а также принятых ГКО и правительством конкретных действенных мер, в декабре 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. начался его рост.

Вопросы размещения и восстановления эвакуированных фабрик и заводов, благоустройства прибывавших рабочих, служащих и членов их семей находились в центре внимания партийных и советских органов восточных районов. Часто не было готовых фабрично-заводских корпусов, не хватало жилищ, топлива, электроэнергии. Но советские люди мужественно преодолевали эти трудности, работая нередко под дождем или в ледяную стужу по 13—14 часов. В невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5—2 месяца, эвакуированные предприятия вступали в строй и вновь давали продукцию, столь необходимую фронту.

Вот, что говорилось, например, в одном из отчетных документов по Новосибирской области: «Осень 1941 года. В нашу сторону двинулось множество эшелонов с людьми

⁵⁹ *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 / Пер. с англ. М., 1967. С. 144.

эвакуированных заводов, которые везли с собой ценнейшее заводское оборудование, чтобы спасти его от немецких захватчиков, заставить его снова работать на оборону, на победу... Нужно было немедленно разгрузить эти эшелоны, снять оборудование, установить его часто совсем на новых местах, но чаще — влить в цехи уже работавших заводов. Был мобилизован весь комсомол, вся молодежь области, чтобы как можно быстрее заставить это ценное оборудование работать на победу. После 12-часовой работы приходилось ночами трудиться на разгрузке эшелонов. Комсомольские бригады, невзирая на суровые сибирские морозы, на темные ночи, на свою усталость, шли и работали: расчищали заводские площадки, рыли котлованы там, где нужно было возводить новые заводские корпуса... Комсомольцы строили железнодорожные ветки к новостройкам, а следом уже шли составы, груженные оборудованием и материалом для работы, и через несколько недель завод выдавал готовую боевую продукцию»⁶⁰.

Благодаря преимуществам плановой системы хозяйства, умелой организаторской деятельности партийных и советских органов, самоотверженным усилиям советских людей, эта грандиозная производственная операция, равная по своей значимости, по словам маршала Г.К. Жукова, «величайшим битвам Второй мировой войны», была успешно осуществлена. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна. Для этого потребовалось только в 1941 г. 1,5 млн вагонов. Построенные в одну линию они заняли бы путь от западной части Франции до Тихого океана.

Решение столь грандиозной военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на Востоке СССР мощной военно-промышленной базы.

Уже в марте 1942 г. восточные районы дали столько военной продукции, сколько выпускали до войны предприятия всего Советского Союза⁶¹. В первой половине 1942 г. здесь было введено в действие более 1200 крупных предприятий. За это же время советская военная промышленность сумела не только восстановить потерянные в начале войны производственные мощности, но и значительно превзойти их.

Неизмеримо возросло значение Урала, ставшего становым хребтом оборонной промышленности страны. Вскоре уральская промышленность стала производить до 40% всей военной продукции, в том числе 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, делался из уральской стали⁶².

«Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазирующаяся туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов», — вынужден был отметить в своей книге бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх⁶³.

За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. производство танков в стране возросло в 2,3 раза, полевой артиллерии — в 2, противотанковой артиллерии — в 4, минометов — в 3, пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей — в 6 раз. Рост военного производства важнейших видов боевой техники продолжался в течение всего первого полугодия 1942 г. Так, по сравнению с I кварталом во II квартале 1942 г. он был в 2,8 раза выше, чем в ноябре 1941 г.⁶⁴

⁶⁰ Куманев Г.А. Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 16.

⁶¹ Вознесенский Н. Указ. соч. С. 43.

⁶² Вторая мировая война. Общие проблемы. М., 1966. С. 109; Вознесенский Н. Указ. соч. С. 50, 70.

⁶³ Типпельскирх К. История второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 256.

⁶⁴ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 158.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволило в значительной мере не только смягчить хозяйственные трудности первого года войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию военного хозяйства страны.

В мае 1942 г. по инициативе передовых предприятий во всех отраслях народного хозяйства СССР развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, направленное на усиление помощи Красной армии. В нем проявилось единое стремление тружеников тыла — сделать как можно больше для фронта.

Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т.е. выполнявших нормы на 200, 300, 1000%), комсомольско — молодежных и фронтовых бригад — таков далеко не полный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими рабочими.

Чего добивались героические труженики советского тыла, можно судить хотя бы по такому факту. Сталевар Кузнецкого металлургического завода А.Я. Чалков освоил способ варки специальной стали в обычных мартеновских печах. Только за первые два года войны он выпустил столько сверхплановой стали, сколько требовалось для изготовления 24 тяжелых танков, 36 пушек, 15 тыс. минометов, 100 тыс. гранат и 18 тыс. автоматов. У него появились тысячи последователей.

По этому поводу известный английский экономист Морис Добб в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный период», выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс».

Советская экономика, перестроенная таким образом к середине 1942 г. на военный лад, целиком подчиненная интересам фронта и задаче скорейшего разгрома врага, создавала необходимые предпосылки для обеспечения материально-технического преимущества над силами гитлеровской военной машины.

И хотя в 1942 г. соотношение экономических ресурсов было еще весьма значительным в пользу противника, опиравшегося на потенциал почти всей Европы, организованное в СССР к концу года быстро растущее военное хозяйство стало давать военной продукции больше, чем промышленность фашистского рейха.

О.В. Будницкий

К истории и типологии коллаборационизма в период Великой Отечественной войны

Безобидное французское слово «collaboration» («сотрудничество») с нелегкой руки маршала Филиппа Петена в годы Второй мировой войны приобрело негативные коннотации, ибо стало означать сотрудничество с врагом. Со временем в обиход вошел специальный термин, производный от «collaboration» — «коллаборационизм», имевший значение исключительно как сотрудничество жителей оккупированных территорий с оккупантами; в научной литературе выделяются различные формы коллаборационизма — от военно-политического до бытового. Коллаборационизм был общеевропейским явлением: с нацистами по разнообразным мотивам и в разной степени сотрудничали миллионы людей, в том числе миллионы граждан Советского Союза. Это было не удивительно: на оккупированной территории оказались около 70 млн человек. Сотрудничество происходило в разной степени и в разных формах: служба в полиции, административных органах, созданных оккупантами, вооруженных формированиях Германии, работа на предприятиях, производивших продукцию для нацистов, и т.д.

Коллаборационизму посвящена обширная литература¹; немало написано (преимущественно за последние 20 лет) и об этом явлении в СССР. Не вдаваясь в детальный историографический анализ, заметим, что отечественная литература о коллаборационизме изрядно политизирована, исследователи (что вполне объяснимо) далеки от того, чтобы писать «без гнева и пристрастия». В литературе можно встретить и апологию «освободительного движения», как квалифицируют некоторые авторы власовское движение, и некритический пересказ документов НКВД, сотрудники которого преследовали иные, нежели исторический анализ, цели².

¹ См., напр.: *Lloyd C. Collaboration and Resistance in Occupied France: Representing Treason and Sacrifice*. N. Y., 2003; *Conway M. Collaboration in Belgium: Leon Degrelle and the Rexist Movement, 1940–1944*. New Haven, 1993; *Hirschfeld G., Marsh P.*, eds. *Collaboration in France: Politics and Culture during the Nazi Occupation, 1940–1944*. Oxford; N.Y., 1989; *Bennett R. Under the Shadow of the Swastika: The Moral Dilemmas of Resistance and Collaboration in Hitler's Europe*. New York, 1999; *Hirschfeld G. Nazi Rule and Dutch Collaboration: The Netherlands under German Occupation, 1940–45*. Oxford, 1988; *Gross J.T. Polish Society under German Occupation: Generalgouvernement, 1939–44*. Princeton, 1979; *The Politics of Retribution in Europe: World War II and Its Aftermath* / Ed. by I. Deák, J. T. Gross, T. Judt. Princeton, 2000. Впечатляющую попытку создать историю коллаборационизма в Европе, включая Советский Союз, предпринял российский историк М.И. Семиряга. см.: *Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны*. М., 2000.

² См.: *Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории*. 2004. № 11. С. 153–164. Не ставя своей целью в рамках настоящей статьи делать подробный анализ историографии, заметим, что значительная часть работ по истории коллаборационизма в СССР, написанная зарубежными авторами, посвящена генералу А.А. Власову и возглавляемому им «Русскому освободительному движению». Среди этих работ выделяется, на наш взгляд, широтой привлеченных источников и относительной сбалансированностью исследование: *Andreyev S. Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories* (Cambridge, Eng., 1987). Образец крайней полити-

Нетрудно заметить, что на сотрудничество с оккупантами и в странах Европы, и в СССР люди шли в основном в силу сложившихся обстоятельств. Так, трудно вообразить, что герой Вердена маршал Петен ждал прихода гитлеровцев для реализации своих амбиций: так уж случилось, что он возглавил правительство Франции после разгрома ее армии, а его попытки спасти страну вылились в предательство ее интересов. Благополучный советский генерал Власов вполне мог закончить войну столь же славно, как он ее начал, не попади он в плен. Ничто не указывает на то, что он собирался «освободить» Россию до пленения и выбора: остаться одним из узников немецкого лагеря для военнопленных или начать делать политическую карьеру — карьеру коллаборациониста.

Миллионы людей, оказавшихся на оккупированной территории, должны были как-то добывать средства к существованию. На практике это означало, что они работали на предприятиях, продукция которых полностью или частично шла на нужды Германии и ее союзников, не говоря уже о крестьянах, плоды трудов которых в значительной степени доставались оккупантам. Это были коллаборационисты в силу сложившихся обстоятельств; собственно, мы используем этот термин в данном случае за отсутствием какого-либо другого, адекватно определяющего положение людей наемного труда в зоне оккупации. Среди продолжавших трудиться на своих рабочих местах были не только рядовые, но и администраторы, не сумевшие или не захотевшие эвакуироваться. Оккупанты далеко не всегда стремились сменить управленческий аппарат, да и где было взять опытных администраторов? Так, в Ростове-на-Дону остались на своих местах директора табачной фабрики и зоопарка³; любопытно, что они не сделали впоследствии попытки уйти вместе с отступающими немецкими войсками, видимо, полагая, что они не совершили ничего преступного.

Настоящая статья посвящена истокам и некоторым особенностям идейного коллаборационизма в СССР, который остается, на наш взгляд, недостаточно исследованным в научной литературе.

В Советском Союзе накануне войны было немало людей, мечтавших о гибели советской власти; некоторые из них ради этого могли пойти на сотрудничество с любой внешней силой, способной эту власть уничтожить. В литературе уже высказывалась мысль о том, что корни коллаборационизма, наряду с обстоятельствами военного времени, следует искать в истории советского общества 1920–1930-х гг., в

зированности — апологетическая книга Йоахима Хоффмана о власовском движении: *Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee* (Freiburg im Breisgau, 1984; рус. пер.: История власовской армии. [Paris, 1990]). Тонкий анализ различных видов коллаборационизма на Украине в период оккупации содержится в монографиях Хироаки Куромия (*Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. New York, 1998), Амира Вайнера (*Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001) и Карела Беркхоффа (*Berkhoff K. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, Mass., London, 2004). Все большее внимание исследователей привлекают такие сюжеты, как соучастие коллаборационистов в нацистских преступлениях во время Холокоста: Dean M. *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44*. New York, 2000; *Himka J.-P. Obstacles to the Integration of the Holocaust into Post-Communist East European Historical Narrative* // *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 50. No. 3–4 (Sept.–Dec. 2008). P. 359–337; о «повседневном» коллаборационизме, судебных и внесудебных преследованиях коллаборационистов в военные и послевоенные годы см.: *Jones J.W. “Every Family Has Its Freak”: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4 (Winter). P. 747–777; *Penter T. Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators* // *Ibidem*. P. 782–779; и др.

³ *Jones J.W. “Every Family Has Its Freak”*. P. 753.

политике советской власти⁴. Модернизация по-сталински привела не только к созданию тяжелой промышленности и колхозного строя, но и к гибели миллионов людей: потери населения в результате голода начала 1930-х гг. были сопоставимы с общим числом погибших в годы Первой мировой войны во всех странах-участницах вместе взятых. Объективные — демографические — результаты этой политики к началу 1940-х гг. выглядели следующим образом: в конце 1930-х гг. половина всех умерших относилась к самостоятельному населению в возрасте от 16 до 49 лет, причем доля умерших в возрасте от 16 до 29 лет составляла 20% от умерших всех возрастов. В 1940 г. ожидаемая продолжительность жизни в СССР составляла у мужчин 38,6 года, у женщин — 43,9. В РСФСР картина была еще более удручающей: ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 35,7 года, женщин — 41,9⁵.

В конце 1930-х гг. власть развернула мощную антирелигиозную кампанию, точнее, приступила к массовой ликвидации религиозных объединений и репрессиям священнослужителей. Это была реакция на результаты переписи 1937 г., согласно которым, большая часть населения страны, несмотря на интенсивную атеистическую пропаганду, оказалась верующей и не скрывала этого, откровенно отвечая на вопросы переписчиков. Если в 1936 г. в СССР еще действовало 20 тыс. церквей и мечетей, то в начале 1941 г. их оставалось менее тысячи. В 1936 г. в СССР насчитывалось свыше 24 тыс. «служителей культа»; в начале 1941 г. их число составило 5 665, причем более половины из них были зарегистрированы на территории присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. Западной Украины и Западной Белоруссии, прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины⁶.

По-видимому, антисоветские настроения, вплоть до надежд на внешнее вмешательство, которое покончит с безбожной властью (один из характерных слухов в связи с коллективизацией гласил, что дети колхозников будут отмечены печатью Сатаны), наиболее широко были распространены среди крестьян. Самым упорным «на протяжении всех 30-х гг. ... был слух о том, что скоро будет война, иностранные армии вторгнутся в Россию, и колхозы будут отменены»⁷.

Несмотря на массовые репрессии, чистки, жесткий идеологический контроль, советской власти не удалось выявить всех своих противников. Это было невозможно, отчасти потому, что большинство врагов власти никак себя не проявляли, понимая безнадежность борьбы с ней, и пытались приспособиться к существовавшим в сталинском СССР «правилам игры»; другой причиной было то, что сама власть своей политикой способствовала появлению новых противников в среде молодого поколения. В СССР существовал слой людей, не принимавших советского режима, его идеологии, обычаев, мечтавших о его крахе. Это была «внутренняя эмиграция». Термин «внутренняя эмиграция» вошел в обиход в 1922 г., после публикации в литературном приложении к берлинской сменовеховской газете «Накануне» частного письма К.И. Чуковского к А.Н. Толстому. Ни кто иной, как автор «Мойдодыра» об-

⁴ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 87–102; Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 26–47.

⁵ Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 32–33.

⁶ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии: пер. с фр. / С. Куртуа и др. М., 1999.

⁷ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 13. См. также: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

винил своих товарищей-литераторов, обитателей петроградского Дома искусств во «внутренней эмигрантшине». Термин прижился, и был подхвачен «Правдой»⁸.

Это явление, конечно, выходило за пределы узкого круга петроградских литераторов. Апология позиции «внутренних эмигрантов», равно как развернутое определение и подробное описание явления «внутренней эмиграции» было дано в статье одного из «внутренних эмигрантов», ставшего после окончания войны эмигрантом настоящим — Н.И. Осипова. В статье, так и озаглавленной — «Внутренняя эмиграция в СССР» — в частности, говорилось: «Внутренняя эмиграция — это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем не обнаруживаемое. Это понятно: малейшее проявление протеста повело бы к немедленной ликвидации протестанта; внутренняя эмиграция существует постольку, поскольку она себя не обнаруживает. Обычно внутренний эмигрант считает всякую борьбу с советской властью безнадежной и бесполезной»⁹.

Подтверждение тезиса, что «раздвоение жизни» было достаточно распространенным явлением, находим в дневнике М.М. Пришвина. Уже после начала войны он записывает: «Речь Сталина (3 июля 1941 г. — *О.Б.*) вызвала большой подъем патриотизма, но сказать, действительный ли это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому — утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания.

Бывало, скажут: “копни человека...”, но теперь его ничем не прокопнешь: загадочный двойной человек. Но, может быть, так это и надо?»¹⁰.

«Двойную жизнь» вела, к примеру, Любовь Шапорина, художница и режиссер театра марионеток, испытывавшая отвращение к советской действительности и поверявшая свои мысли дневнику и немногим друзьям.

11 марта 1938 г. она записывает под впечатлением от очередного показательного процесса и происходивших каждую ночь арестов, в том числе ее коллег и знакомых: «Морлоки... Уж никаких статей теперь не говорят, чего стесняться в своем испоганенном отечестве... жить среди этого непереносимо. Словно ходишь около бойни и воздух насыщен запахом крови и падали»¹¹.

Подписание пакта Молотова — Риббентропа было воспринято ею как капитуляция перед Германией, перед Гитлером, как «второе издание» Брестского мира: «Русский народ лежит на обеих лопатках, и “лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог”. Лежит, кто пьяный, кто трезвый, но запуганный до потери человеческого облика»¹². Запуганный не внешним противником — собственной властью.

«Рабство, германское иго — так я предпочитаю, чтобы оно было открытым, — пишет в раздражении Шапорина. — Пусть на каждом углу стоит немецкий шцман с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может, тогда они поймут, где раки зимуют»¹³.

⁸ См. подробнее: *Кукушкина Т.* О публикации письма К. Чуковского А. Толстому в газете «Накануне» // *Memento vivere.* СПб., 2009. С. 393–414.

⁹ *Осипов Н.* Внутренняя эмиграция в СССР // *Грани.* 1949. № 5. С. 80. Подробнее о «внутренней эмиграции» см.: *Будницкий О.В., Зеленина Г.С.* Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2012. С. 8–10.

¹⁰ *Пришвин М.М.* Дневники, 1940–1941. М., 2012. С. 503.

¹¹ *Шапорина Л.В.* Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 221.

¹² Там же. С. 237. Запись от 24 августа 1939 г.

¹³ Там же. С. 239. Запись от 24 августа 1939 г.

Антисоветские настроения Шапориной можно было бы объяснить тем, что она из «бывших»: дворянка, выпускница Екатерининского института, пожившая во Франции и в Италии, помнившая прошлую жизнь. В 1917-м ей исполнилось 38 лет.

Однако не меньший накал антисоветских настроений можно обнаружить и у людей другого поколения, выросших при советской власти и испытывавших к ней что угодно, кроме благодарности.

Аркадию Манькову в 1917-м исполнилось четыре года. Он вырос при советской власти, поначалу записи, которые он вел, будучи учеником 5-го и 6-го классов, по собственным словам Манькова, были полны «наивного восторга жизни, восхваления Октябрьской революции, В.И. Ленина и Майских праздников»¹⁴. Однако в начале 1930-х гг. его настроения меняются на прямо противоположные. В 1931–1934 гг. он работал статистиком на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде, зарабатывал «рабочий стаж», необходимый для поступления в высшее учебное заведение, в 1932–1935 гг. одновременно учился на вечерних курсах библиографов при Публичной библиотеке; после недолгой службы библиографом поступил на исторический факультет Ленинградского университета.

Дневник Манькова — это хроника выживания некогда благополучной семьи адвоката¹⁵, хроника жизни в нищете, безденежья, постоянного недоедания: «Изо дня в день шпарим щи, гнилую свежую (как ни странно сочетание!) капусту, огурцы». Если же «хочешь, субчик, мяса, — иронизирует над самим собой Маньков, — пососи собственный палец. Он тоже из мяса!»¹⁶...

В сущности, трудно даже передать простыми словами меру нашего нищенства. Сундук пуст. Все в закладе. У матери на руках с десяток ломбардных квитанций на сумму в 125 руб. В ломбарде лежит: мамино пальто — старинное, на меху лисы, три куска разной материи, в том числе сукно, енотовый воротник, отцовский жилет и прочее, тому подобное»¹⁷.

По отношению к советской власти Маньков настроен резко критически и никаких иллюзий в ее отношении не строит. Если бы его записи попали в руки НКВД, то в данном случае заключение о враждебности к советской власти было бы совершенно справедливым.

16 октября 1934 г. Маньков записывает по поводу опубликованного «на днях» в газетах сообщения о разоблачении контрреволюционной организации, состоявшей из инженеров и служащих, которые вели агитацию и распространяли листовки: «Значит, совесть еще не у всех куплена. Трое расстреляны. ...помянем их добрым словом. Увековечим в сердцах наших их память»¹⁸.

Он отчетливо сознает, что является врагом власти, хотя и совершенно пассивным. Четыре года спустя Маньков, уже студент исторического факультета Ленин-

¹⁴ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 9.

¹⁵ Родители Манькова вовсе не настраивали своих детей негативно по отношению к советской власти, придерживались «нейтралитета» по отношению к ее мероприятиям и никак от нее напрямую не пострадали. Его отец был практикующим адвокатом (защитником — по тогдашней советской терминологии). В период сплошной коллективизации к Манькову-старшему неоднократно обращались раскулаченные крестьяне. По воспоминаниям А.Г. Манькова, «неизменно проигрывая эти дела, отец видел беззаконие и произвол, лежащие в их основе, и не выдержал. Помню, как однажды он сказал нам, детям: “Все, что сейчас происходит, выше моего понимания. Я более не в состоянии работать”» (Маньков А.Г. Указ. соч. С. 10). Бывший адвокат стал работать счетоводом.

¹⁶ Там же. С. 158. Запись от 12 августа 1934 г.

¹⁷ Там же. С. 176. Запись от 10 ноября 1934 г.

¹⁸ Там же. С. 171.

градского университета, записывает в связи с арестом нескольких студентов, в том числе его однокурсника, «активиста до мозга костей»: «У всех тяжелое состояние растерянности и недоумения. Впрочем, начинаешь привыкать к этому и уже как-то перестаешь связывать подобного рода эксцессы с возможностью своего провала.

Впрочем, что у меня за душой? Пока только дневники»¹⁹.

Обратим внимание, во-первых, на характерное «пока» — Маньков как будто не исключает более активной вовлеченности в противодействие властям, во-вторых, на то, что он отчетливо сознает антисоветскую сущность своих дневников. Но продолжает их вести, несмотря на аресты вокруг; для него это акт сопротивления, хотя и пассивного.

Получив мобилизационное предписание, пока что на военные сборы, Маньков записывает: «Воевать мне не хочется. Да и не знаю, во имя чего»²⁰.

Два года спустя накал его антисоветских настроений скорее вырос, нежели снизился. В связи с сообщением о введении платного образования в старших классах средней школы и в вузах, Маньков записывает: «Самое мерзкое, самое подлое то, что устроили из этого сюрприз. Молодые люди держали экзамены, связывали с этим определенные надежды, наконец, проучились месяц, и вдруг.. Это показывает, как наши правители мало считаются с народом, как плюют ему в лицо, бьют его по затылку, пинают под задницу»²¹.

Маньков не строит иллюзий относительно внешней политики СССР. По поводу «добровольного присоединения» Эстонии к Советскому Союзу, он замечает: «Народ живет в достатке, покойно и тихо. Спрашивается, почему вмешались мы со своим освобождением? Не для того ли, чтобы освободить их от жителя в достатке, покое и тишине и принести свое убожество, нищету и озлобленность?»²²

26 октября 1940 г. Маньков делает выписки из «Записок» С.М. Соловьева, в том числе: «...мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война, могла произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение»²³.

В данном случае выписки Маньковым, ставшим уже аспирантом, делались вовсе не в научных целях, они вплетены в политический контекст и свидетельствуют о пораженческих настроениях молодого историка. Или, во всяком случае, размышлениях о благодетельных последствиях поражения в будущей войне для страны, подобно тому, как это случилось после неудачной Крымской войны. В том, что война не за горами, мало кто сомневался.

Преподаватель литературы В.Д. Соколов-Самарин вспоминал о том, что двое преподавателей техникума, в котором он тогда работал (дело было в Воронежской области), «понимающими улыбками» встретили вырвавшееся у него восклицание в отношении секретаря райкома партии, грубо разговаривавшего со стариком-преподавателем: «Лет через пять мы с ними посчитаемся!» По контексту разговора все понимали, что речь шла о будущей войне. Один из коллег Самарина добавил: «Раньше!»²⁴. Война началась через год.

Антисоветские настроения оказывались свойственны, подчеркнем еще раз, людям разного возраста (хотя молодым — в меньшей степени), разного социального

¹⁹ Там же. С. 197. Запись от 10 октября 1938 г.

²⁰ Там же. С. 191. Запись от 28 сентября 1938 г.

²¹ Там же. С. 279. Запись от 4 октября 1940 г.

²² Там же. С. 280. Запись от 5 октября 1940 г.

²³ Там же. С. 283. Запись от 26 октября 1940 г.

²⁴ Самарин В.Д. Советская школа в 1936–1942 гг. // «Свершилось. Пришли немцы!». С. 220.

положения, разной «успешности». Корни этих настроений были различными и далеко не всегда — «объективными» (как, скажем, в случае людей, пострадавших от репрессий), не всегда поддавались логическому объяснению. Псковитянка Вера Пирожкова родилась при советской власти, в 1921 г.; положение ее семьи считалось сравнительно благополучным: отец — доцент местного пединститута, исполняющий обязанности заведующего кафедрой математики, в 1939 г. защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию. Сама Вера поступила в 1938 г. на механико-математический факультет Ленинградского университета и, в отличие от многих соучеников, благодаря помощи из дома, особых материальных проблем не испытывала. Однако ее семья была настроена по отношению к власти резко критически, болезненно восприняла бедствия, обрушившиеся на крестьянство вследствие коллективизации; особое раздражение вызывала необходимость лицемерить, приспособляться к обстоятельствам. Впрочем, Пирожкова не была пионеркой, умудрилась не вступить в комсомол и, если верить ее позднейшим воспоминаниям, благодаря самовоспитанию выработала в себе иммунитет к коммунистической пропаганде²⁵.

Киевлянину Федору Богатырчуку в 1917 г. исполнилось 25 лет. В том году он окончил медицинский факультет Киевского университета и, получив диплом врача, добровольцем отправился на фронт, успев, таким образом, поучаствовать в Первой мировой войне. Добавим, что к этому времени он был уже довольно известным шахматистом. Карьера Богатырчука при советской власти складывалась вполне успешно, даже блестяще. Он был призером чемпионатов СССР по шахматам (однажды разделил первое место), председателем шахматной федерации Украины, одним из редких шахматистов, имевших положительный баланс с восходящей звездой советских шахмат — Михаилом Ботвинником. Состоялся он и на медицинском поприще: известный рентгенолог, в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Однако этому благополучному человеку не хватало одного — свободы.

«Если бы не опостылевший политический режим, то я мог бы брать от жизни все то, к чему я всегда стремился и, в первую очередь, право свободно мыслить и поступать так, как подсказывала мне моя совесть», — писал он впоследствии²⁶.

Богатырчук ждал прихода немцев и, опасаясь принудительной эвакуации, придумал историю о том, что его покусала бешеная собака, и проходил курс прививок у местного бактериолога. Впрочем, курс лечения был фиктивным, ибо бактериолог разделял взгляды и надежды «пострадавшего»²⁷. Впоследствии Богатырчук стал членом Власовского Комитета освобождения народов России.

Вера Пирожкова находилась летом 1941 г. в Пскове у родителей. Город был оккупирован немецкими войсками уже 9 июля 1941 г. Вскоре она начала сотрудничать с оккупантами: сначала в качестве переводчицы, затем сотрудницы нацистской газеты на русском языке «За Родину».

Антисоветские настроения и даже рассуждения о благодетельности неудачной войны, иными словами, пораженчество, совсем не обязательно означали сотрудничество с врагом, когда война на самом деле началась. Коллаборационистами нередко

²⁵ Пирожкова В. Потерянное поколение. СПб., 1998. С. 29, 32–33, 46–49.

²⁶ Богатырчук Ф. П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978. С. 124.

²⁷ Там же. С. 127.

оказывались благополучные советские граждане, и даже члены партии²⁸, в то же время люди, ненавидевшие большевиков, оказывались вполне лояльными гражданами и патриотами. Так, Любовь Шапорина, отмечая в дневнике довольно широко распространенные пораженческие настроения, сама, при всей ненависти к режиму, была и осталась русской патриоткой. Аркадий Маньков был призван в армию, служил на командных должностях в батальонах аэродромного обслуживания на Ленинградском и Волховском фронтах, после войны стал известным советским историком, доктором исторических наук.

Однако же тысячи советских, точнее, «подсоветских» людей, по терминологии коллаборационистской печати, встретили начало войны с надеждой. Надеждой на поражение своей страны. Среди них была чета Николая Николаевича и Олимпиады Георгиевны Поляковых. В первый же день войны Полякова записывает:

«Неужели же приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы — хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не смели даже надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы — сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг своему народу, своей родине. Не выродок. Но нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас все, в том числе и чувство патриотизма»²⁹.

Это цитата из «Дневника коллаборантки» Олимпиады Поляковой (сменившей в эмиграции имя и фамилию на Лидию Тимофеевну Осипову; ее муж стал Николаем Ивановичем Осиповым). Большая часть «Дневника» (с существенными лакунами) была опубликована в 1954 г.³⁰ Вызывающее название было дано самим автором. На наш взгляд, «сверхзадача» «Дневника» — апология коллаборационизма. Точнее, обоснование того, что он стал формой использования внешнего фактора, в данном случае нацистов, для борьбы за освобождение России.

О довоенной жизни автора «Дневника коллаборантки» известно немного. Родилась она как будто в 1902 г., училась в гимназии в Новочеркасске. В 1919 г. вышла замуж за Николая Николаевича Полякова. Н.Н. Поляков родился в 1889 г. в Риге; в 1912 г. окончил Петербургский университет. И до революции, и в первые послереволюционные годы, по его собственным словам, принимал «активное участие в кооперативном движении, — работал в московском Союзе потребительских обществ (позднее Центросоюз), в харьковском Союзе кредитных кооперативов, на Кубани в Союзе производственных кооперативов и в Союзе потребительских обществ. Затем перешел на преподавательскую работу»³¹. Последнюю Поляков чередовал со службой вахтером, ночным сторожем, бухгалтером. Преподавал гуманитарные дисциплины, как правило, в «незаметных техникумах». Поляковы постоянно кочевали, перебира-

²⁸ Так, в каждом районном центре Калининской, Курской, Орловской и Смоленской областей в период оккупации добровольно регистрировались в немецких комендатурах от 80 до 150 коммунистов, в большинстве своем занимавших ранее ответственные должности. Около 70% из них сотрудничали с оккупантами, нередко занимая ответственные посты в местной администрации (Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М., 2010. С. 31).

²⁹ Осипова Л. Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!». С. 65. В этом издании нами осуществлена первая полная публикация «Дневника коллаборантки».

³⁰ Грани. 1954. № 21. С. 92–131.

³¹ Старые — молодым. Мюнхен, 1960. С. 80.

ясь с места на место. Очевидно, это был способ избежать ареста, учитывая взгляды Полякова и его неумение эти взгляды долго маскировать. Как писал, видимо, хорошо знавший Полякова автор некролога в «Новом русском слове», «его безудержный полемический талант выдавал его с головой»³².

В конце 1920-х гг. Поляковы жили в станице Приморско-Ахтарской на Кубани, где Н.Н. Поляков преподавал историю в одном из станичных учебных заведений, потом перебрались в Москву, где он работал бухгалтером³³, впоследствии — под Ленинград, войну встретили в Пушкине. Здесь они дождались немцев. Как следует из «Дневника коллаборантки», ждали с нетерпением. Первую военную зиму Поляковы провели в Пушкине; в мае 1942 г. перебрались в Павловск, через год — в Тосно, в октябре 1943-го — в Гатчину, еще через месяц — в Ригу.

Поляковы в той или иной форме сотрудничали с нацистами на протяжении всего периода оккупации. Несмотря на то, что очень скоро, если верить «Дневнику», разуварились в освободительной миссии германской армии. Понося заглазно оккупантов и частенько сравнения их по тем или иным поводам с большевиками, причем в пользу последних, Поляковы, тем не менее, продолжали сотрудничать с нацистами, считая их злом преходящим, а большевизм — злом «своим» и потому более опасным.

В Риге начался наиболее активный или, во всяком случае, наиболее заметный период их сотрудничества с оккупантами. Оба печатаются в газете «За Родину», эпизодически в некоторых других оккупационных изданиях. Выходом из морального тупика для них кажется появление Русской освободительной армии (РОА), возглавляемой генералом А.А. Власовым. Совсем не юный Поляков вступает в РОА, получает чин лейтенанта. Правда, служил он не в строю, а по части пропаганды, в том числе читал лекции на курсах пропагандистов РОА в Риге. Специализацией Полякова была критика марксизма.

Олимпиада Полякова печаталась в газете «За Родину» не слишком часто. Ее работы посвящены в основном критике реалий советской жизни, советского быта. В одной из статей рассказывается о том, как комсомолка Катя не давала житья соседям по коммунальной квартире³⁴, в другой — об отношениях полов, в которых, по мнению автора, как нигде сказывалось «уродство и серость советской жизни»³⁵. В последней ее публикации говорилось о браках по расчету с целью получения жилплощади, о домогательствах сановного коммуниста к сослуживице и сходных «гримасах советского быта». Советской действительности противопоставлялась жизнь до революции, например, в ностальгическом тексте о праздновании масленицы³⁶.

Статья, которую, судя по ее дневнику, Полякова считала лучшей в своей публицистике «коллаборантского периода», была опубликована в ревельском «Северном слове» Она называлась «Дух из кувшина: Вопросы подсоветских людей»³⁷ и была посвящена критике новой линии советской власти, отказавшейся, по крайней мере, внешне, от интернационализма и обратившейся, с целью мобилизации и сплочения народа, к традиционным ценностям патриотизма, национальной культуры, даже

³² Поплюйко А. Ученый и полемист: Памяти Н.И. Осипова // Новое русское слово. 1963. 18 мая. С. 4.

³³ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца, 1914—1934 / Сост. Я.А. Трушнович. М.; Франкфурт, 2004. Прим. к с. 321.

³⁴ Кравич О. Так жили // За Родину. 1943. 1 дек. С. 4. О. Кравич — псевдоним О.Г. Поляковой-Осиповой.

³⁵ Кравич О. Скорбный путь. Гримасы советского быта // За Родину. 1943. 8 дек. С. 4.

³⁶ Кравич О. Так было... Из воспоминаний гимназистки // За Родину. 1944. 21 февр. С. 3.

³⁷ Кравич О. Дух из кувшина: Вопросы подсоветских людей // Северное слово. 1944. 1 июня. С. 4.

религии. Полякова писала: «Родина. Религия. Семья. Любовь. Героизм. Жертвенность. Подвижничество. Вот что требуется теперь от голодного, задавленного, превращенного в раба русского человека. Большевики, абсолютные циники, полагают, что принципы и лозунги можно так же легко менять, как секретарей партячеек. Им, конечно, не понять, что героем и подвижником может быть только сильный и свободный. Рабу и трусу понятие о чести недоступно»³⁸.

Далее следовала критика большевистской идеологии и практики, направленной за предшествующие четверть века на разрушение и дискредитацию традиционных ценностей и понятий, таких, как родина, семья, на пропаганду пролетарского интернационализма и классовой бдительности. По мнению Поляковой, советские (точнее, «подсоветские») люди неизбежно должны были задаться вопросами:

«Во имя чего мы, идя “спасать” соседей в Прибалтике от эксплуатации, позволяли мостить костями наших родных и близких тайгу и тундру? Во имя чего мы, спасая испанских детей, позволяли умирать от голода в лагерях и деревнях миллионам русских детей?..» А задав эти вопросы, «подсоветский» человек «неизбежно подумает о мировой солидарности, но в несколько ином смысле, чем тот, о котором твердят большевики. Подумает и сделает выводы — такие, какие уже очень многие сделали». «Нельзя не понять сейчас, если ты честный человек, где, на какой стороне правда, честь и осмысленная любовь к родине»³⁹.

Критика большевистской идеологии была вполне справедливой. Однако она была запоздалой и била мимо цели. Во-первых, большевистское руководство и в самом деле вовремя поменяло лозунги, и эта смена риторики оказалась достаточно эффективной. Во-вторых, если в июне 1941 г. кто-то еще мог сомневаться в том, «на какой стороне правда», то в июне 1944-го, после трехлетнего опыта немецкой оккупации, таковых осталось мало. Сама Полякова, судя по дневнику, давно не испытывала иллюзий в отношении нацистов. Вряд ли можно сомневаться, что, говоря о той стороне, на которой находится «осмысленная любовь к родине», она подразумевала власовское движение. Однако же «русское освободительное движение» было чересчур тесно связано с оккупантами, и даже больше — было оккупантами создано. Рассчитывать на осознание «подсоветскими» людьми «правды» идущих с немцами русских людей (какие бы теории эти люди ни строили и какими бы благими намерениями они ни руководствовались), не приходилось. Для подавляющего большинства советских людей они были изменниками — не более того.

Наконец, какими бы справедливыми сами по себе ни были соображения Поляковой (как и некоторых других публицистов, стремившихся избегать каких-либо реверансов в сторону нацистов и рассчитывавших использовать их для достижения собственных целей), они в значительной степени девальвировались тем, где они были опубликованы. Невозможно всерьез воспринимать рассуждения о любви к родине, соседствующие с ликующими сообщениями о потерях Красной армии, то есть об убийствах иноземцами тех самых русских людей, к патриотическим чувствам которых апеллирует автор, печатающийся на страницах газеты, существующей с позволения оккупантов и обслуживающей прежде всего их интересы.

В июле 1944 г. Поляковы были эвакуированы из Риги в Германию; к тому времени они сблизилась с представителями Национально-трудового союза (впоследствии

---

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

сменившего название на Народно-трудовой союз, сокращенно — НТС); в том же году они вступили в эту организацию. После окончания войны они остались в Германии, сменили имена, опасаясь преследования советских спецслужб. Лидия Осипова-Полякова печатала время от времени статьи в эмигрантской периодике, преимущественно о советской литературе. Она ушла из жизни на пять лет раньше мужа, в 1958 г. Н.И. Осипов два года спустя после смерти жены выпустил отдельной книгой сборник ее работ о советской литературе под названием «Явное рабство и тайная свобода»⁴⁰.

Однако наиболее важным текстом Осиповой (и одним из важнейших источников по истории идейного коллаборационизма и оккупационного режима) стал, несомненно «Дневник коллаборантки». Первая запись в «Дневнике» датируется 22 июня 1941 г., последняя — 5 июля 1944-го, днем отъезда Осиповых из Риги в Германию⁴¹.

«Идеологическое» содержание дневника укладывается в классическую гегелевскую триаду — тезис-антитезис-синтез — ненависть к советскому режиму, надежды на освобождение немцами — разочарование в оккупантах, ненависть к нацистам — выход из этого неразрешимого противоречия в виде «третьей силы» — русского освободительного (власовского) движения, к которому автор дневника и ее муж и примкнули с энтузиазмом.

Начав с абсолютного отрицания большевизма, Осипова по мере обретения опыта жизни с немцами (точнее, под немцами) постепенно приходит к выводу, что большевики — лучше. Точнее, что нацисты — хуже. Если 18 ноября 1941 г., после рассуждений о безобразиях, творимых немцами, она записывает: «И все же мы рады бесконечно, что с нами немцы, а не наше дорогое и любимое правительство», то месяц спустя, после дошедших до нее слухов, что нацисты уничтожают престарелых и больных, заключает: «Большевики все-таки не истребляют народ таким автоматическим образом. Не могу сейчас найти правильной формулы, но чувствую, что у большевиков это не так» (запись от 27 декабря 1941 г.)⁴².

Или, в другом месте, в связи с тем, что когда ее муж занялся сбором книг из домашних библиотек, с тем, чтобы спасти их от гибели и передать в библиотеки общественные, то комендант-немец сбор книг разрешил, но сначала заподозрил, что это предлог для грабежа пустующих квартир, а затем счел Осипова сумасшедшим:

«Немцы, каких мы здесь видим, производят впечатление совершенно неинтеллигентных людей и во многих случаях — диких. Наши военкомы, конечно, никогда не зачислили бы чудаковатого профессора в сумасшедшие только потому, что он не грабит квартир, а собирает книги для общего пользования. И обязательно помогали бы ему в этом деле, чем только могли бы»⁴³.

Здесь характерен, кроме смысла, оборот: «наши военкомы». Но все же, два года спустя, после всех ужасов и унижений, которые пришлось наблюдать и через которые пришлось отчасти пройти, Осипова пишет: «Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца»⁴⁴.

⁴⁰ *Осипова Л.Т.* Явное рабство и тайная свобода. Заметки о советской литературе. Мюнхен, 1960.

⁴¹ Текст дневника, по-видимому, подвергся существенному редактированию при подготовке к печати. См.: *Будницкий О.В., Зеленина Г.С.* Указ. соч. С. 27—31.

⁴² *Осипова Л.* Дневник коллаборантки. С. 95, 112.

⁴³ *Осипова Л.* Указ. соч. С. 121. Запись от 4 февраля 1942 г.

⁴⁴ Там же. С. 171. Запись от 26 марта 1944 г.

Нравственным оселком для идейных коллаборационистов было отношение к уничтожению нацистами евреев. Характерную запись делает Осипова в Риге, где эвакуированных сотрудников поселили в гетто, недавно «очищенном» от евреев, отправленных на смерть:

«Живем в том самом гетто, из которого только недавно вывезли евреев. И это несколько омрачает наше существование. Квартира, несомненно, еврейская. На приоткрытых дверях имеются списки Торы. Мебель мы бы должны были также получить еврейскую, но Коля, который сам ходил на склад, вышел из положения тем, что взял всю мебель из госпиталя. Кровати, столы, шкафы. Так что наша квартира носит несколько странный характер. Но зато чистая и вся белая. Квартира из трех комнат и кухни. Кухонька маленькая и очень уютная. Вот только очень плохо с одеждой. Ходим такими оборванцами, что даже в нашем форштадте привлекаем к себе внимание. Но нам предлагают одежду после евреев, и мы никак не можем себя преодолеть и пойти за ней. Ждем все ордеров на новое. Едва ли дождемся. Все окружающие ругают нас за наше «чистоплюйство». Но невозможно себе представить носить то, на чем есть еще, может быть, следы крови⁴⁵.

Носить одежду убитых нельзя, а жить в квартирах убитых — можно. Это лишь «несколько» омрачает существование. Еще более выразительная запись сделана 25 июня 1944 г. В эту ночь у Осиповой ночевала девушка, член НТС:

«Мы с нею очень много говорили на всякие самые волнующие темы. И, конечно, больше всего о большевиках и о борьбе с ними. С немцами, конечно, все уже конечно. А говорили мы под аккомпанемент выстрелов на еврейском кладбище. Мы решили, что это немцы пристреливают оставшихся еще в живых евреев. Совершенно невозможно передать наше состояние от такого предположения. Я старалась всеми силами не упустить нервов, чтобы и моя собеседница их не упустила. И, вероятно, я никогда не буду уже в состоянии так говорить о демократии, о гуманизме, о непрерывном торжестве добра, как говорила тогда. И я видела, что она уехала на работу с глазами, не такими безнадежными, какие у нее были, когда началось дьявольское действие на кладбище»⁴⁶.

Разговоры о демократии с тем, чтобы заглушить расстрельные залпы. Причем убийцы — это именно те, на кого Осипова возлагала надежды, как на освободителей, те, с кем они с мужем несмотря ни на что собирались идти до конца. Вместо аполитии «коллаборантства» у Осиповой получился редкий по силе разоблачительный текст. Ибо нельзя «немножко» сотрудничать с нацистами и при этом не замараться.

Идейный коллаборационизм, на наш взгляд, заслуживает изучения не только в контексте истории Второй мировой войны. Он был в значительной степени продуктом истории советского общества, которое к началу 1940-х гг. вовсе не было единым и далеко не полностью советским. Коллаборационизм — явление, к которому невозможно относиться «без гнева и пристрастия». Что не избавляет от необходимости научного изучения его истоков и последствий.

⁴⁵ Там же. С. 172. Запись от 27 апреля 1944 г.

⁴⁶ Там же. С. 175—176. Запись от 25 июня 1944 г.

В.А. Невежин

Представители советской элиты на больших кремлевских приемах И.В. Сталина (вторая половина 1930-х — 1940-е гг.)

Советская элита сталинской эпохи выполняла самые разнообразные ролевые функции, одной из которых являлось участие в публичных церемониалах репрезентации власти — больших кремлевских приемах второй половины 1930-х—1940-х гг. Это были грандиозные банкеты, в которых одновременно участвовало до 3 тыс. человек, своеобразные ритуалы сконструированных И.В. Сталиным «сценариев власти». Именно в таком ракурсе рассматриваются они в нашей монографии¹. Избранный автором исследовательский подход был отмечен и оценен как новый взгляд «на технологию властвования одного из самых неоднозначных советских руководителей». Признаны очевидные познавательные возможности, открывающиеся для понимания поведенческих моделей, реальных коммуникаций, имевших место в непосредственной близости от первого лица Советского государства².

Данный аспект исследования, на наш взгляд, имеет несомненную актуальность еще и потому, что находится в русле новой политической истории, позволяющей рассматривать функционирование власти в определенном социокультурном контексте³. Область политического является семантической системой, которая конструируется посредством символов, ритуалов, мифов. Система символов и мифов закрепляется в ритуалах (в нашем случае — в церемониалах) — важном средстве репрезентации власти⁴.

Большие кремлевские приемы являлись характерными политическими церемониалами сталинской эпохи. Для И.В. Сталина они были одним из основных способов прямого общения не только с узким кругом соратников по Политбюро, но и с представителями советской партийной, политической, военной, научно-технической элиты, с видными деятелями литературы и искусства.

Термин «прием» применительно к кремлевским застольям появился в постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 28 апреля 1935 г., связанных с чествованием представителей советской военной элиты. Первые приемы были проведены 2 мая (для участников праздничного первомайского парада на Красной площади) и 4 мая 1935 г. (для выпускников военных академий РККА)⁵.

¹ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлевские приемы 1930-х—1940-х гг. М., 2011.

² Голечкова О.Ю. Феномен власти: новые проблемы и подходы // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1026. См. также рецензию: Голечкова О.Ю. Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлевские приемы 1930-х—1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с. // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 78—82.

³ Кром М.М. новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история. Сб. научн. работ. СПб., 2004. С. 13.

⁴ Тихомиров А.А. Роль личности в новой политической истории // Там же. С. 43.

⁵ Невежин В.А. Указ. соч. С. 60—70.

В предвоенные и первые послевоенные годы каждый из грандиозных банкетов, которые устраивались в Большом Кремлевском дворце, был связан с каким-либо важным событием в политической жизни страны, демонстрировал ее достижения в области промышленности, транспорта, науки и культуры.

С мая 1935 г. по май 1941 г. в Кремле прошел 41 прием. Для сравнения, в указанный период имело место лишь 14 партийных форумов (12 пленумов ЦК, один съезд, одна конференция). Это само по себе свидетельствует о высоком политическом статусе кремлевских приемов. По окончании Великой Отечественной войны, с мая 1945 г. по декабрь 1949 г., в Большом Кремлевском дворце было устроено еще 6 банкетов с участием И.В. Сталина.

В исследовательской литературе был поставлен вопрос: можно ли выявить связь между интересом Сталина к той или иной элитной группе (деятели культуры, представители транспорта, оборонной промышленности и др.) в конкретный период времени и участием этой группы в банкетах, проходивших в Кремле?⁶

Для ответа на данный вопрос, прежде всего, следует отметить, что большие кремлевские приемы организовывались: для выпускников военных академий, депутатов Верховного Совета СССР первого созыва, представителей Прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины по случаю вхождения этих территорий в состав Советского Союза. На банкеты в Кремль в 1930-е—1940-е гг. также приглашались: участники праздничных военных и физкультурных парадов, совещаний руководителей и работников транспортного и ведущих промышленных ведомств; летчики, совершившие сверхдальние авиаперелеты на Дальний Восток и в Соединенные Штаты Америки; полярные исследователи; участники декад республиканского искусства, проходивших в Москве. В 1945 г. в Кремле чествовали представителей высшего, среднего командного и рядового составов Красной армии, которые внесли решающий вклад в Победу над Германией; выдающихся ученых, работавших в системе АН СССР⁷.

Таким образом, существовала прямая связь между интересом Сталина к конкретной элитной группе на том или ином отрезке времени и фактом участия ее представителей в банкетах.

В исследовательской литературе задавался еще один вопрос: могли ли кремлевские приемы являться «некими поощрениями, периодическими “подачками”» различным группам советской элиты?⁸ Этот вопрос, как представляется, выводит на сюжет, который крайне важен для понимания мотивации Сталина и его ближайшего окружения при организации больших кремлевских приемов, а также для выяснения **ролевых функций** (здесь и далее выделено мной. — *В.Н.*) их участников.

Всех присутствовавших на банкетах в Кремле можно условно разделить на три основные ролевые группы. Первая из них была самой малочисленной, однако, имела высокий социальный статус. К ней принадлежали Сталин и его ближайшие соратники, члены Политбюро — организаторы, точнее **хозяева** на банкетах⁹.

Вторая группа участников больших кремлевских приемов была наиболее многочисленной и одновременно занимала видное место в социальной структуре сталинского режима: **гости**, и особенно «виновники торжества», или «герои дня» (участники праздничных парадов, выпускники военных академий, героические летчики, поляр-

⁶ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 1026.

⁷ Невежин В.А. Указ. соч. Приложение № 4. С. 429—431.

⁸ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 1026.

⁹ Невежин В.А. Указ. соч. С. 130—195.

ные исследователи и т.д.), в честь которых, собственно, и устраивались грандиозные банкеты.

Распределение ролей среди присутствующих на торжественных кремлевских застольях не ограничивалось оппозицией «хозяева» — «гости». К третьей группе принадлежали те, кто выполняли «вспомогательную» и в то же время очень важную функцию — участия в программе праздничных концертов, которыми сопровождался приемы. В данную группу входили актеры театра и кино, артисты балета, певцы и певицы, отдельные музыканты-исполнители (скрипачи, виолончелисты, пианисты), творческие музыкальные коллективы (ансамбли под руководством А.А. Александрова, И.Г. Моисеева, Л.О. Утесова и др.).

На всех 47-ти больших кремлевских приемах почетными гостями, судя по официальным газетным отчетам, являлись представители высшего партийного и советского руководства, стоявшие рангом ниже Сталина и его ближайших соратников (члены ЦК ВКП(б), советского правительства (народные комиссары, с 1946 г. — министры; их заместители; депутаты Верховного Совета)¹⁰.

Так, на приеме в Кремле 5 мая 1939 г. гостями были не только участники праздничного первомайского парада, но и представители высшего командования РККА и ВМФ, Герои Советского Союза, виднейшие деятели советской науки и искусства, стахановцы московских предприятий¹¹. На банкет 24 мая 1945 г. вместе с командующими войсками Красной армии были приглашены «виднейшие деятели советской промышленности, науки, искусства, литературы»¹². А 3 мая 1947 г., согласно официальному газетному отчету, на прием прибыли «министры, маршалы, генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского флота, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, Герои Социалистического Труда, Герои Советского Союза, деятели в области народного хозяйства, науки, литературы и искусства»¹³.

В процессе отбора контингента гостей, приглашавшихся на банкеты в Кремль, преимущество отдавалось тем, кто был удостоен высших правительственных наград («орденоносцам»). При составлении списков участников банкетов предпочтение имели Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР, лауреаты Сталинской премии.

Приведенные сведения, в какой-то мере, свидетельствуют о масштабах политического влияния представителей элиты — участников больших кремлевских приемов и о росте их авторитета в советской обществе.

Возникают и другие вопросы, касающиеся собственно церемониала этих банкетов: каким образом кадровые перестановки отражались на порядке рассадки руководящих лиц во время больших кремлевских приемов; в чем выражался символический ostracism представителей партийно-государственной верхушки, переживших опалу, но не исторгнутых в политическое (или физическое) небытие, а лишь «отодвигаемых» от власти; отводились ли таким деятелям на банкетах «опальные» кресла; если подобные пересаживания происходили, то насколько точно они просчитывались в номенклатурной среде?¹⁴

Прежде чем ответить на данные вопросы, следует подчеркнуть, что в роли символических хозяев на больших кремлевских приемах выступала сравнительно узкая

¹⁰ Там же. С. 195—234.

¹¹ Правда. 1939. 6 мая.

¹² Там же. 1945. 25 мая.

¹³ Там же. 1947. 4 мая.

¹⁴ Голечкова О.Ю. Указ. соч. С. 1027.

группа партийных и государственных функционеров (членов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б)) во главе со Сталиным. По существу вождь и его ближайшее окружение **обеспечили себе** эту роль, что постепенно вошло в обиход и стало восприниматься как норма, составная часть традиции проведения банкетов.

Кадровые перестановки, естественно, влияли на то, какое именно место в ходе банкета занимал тот или иной функционер, принадлежащий к советской партийно-государственной номенклатуре. На основании официальных газетных отчетов о больших кремлевских приемах, можно вычленивать представителей ближнего круга Сталина, которые вместе с ним выступали в качестве хозяев на этих застольях, занимая места за почетным столом президиума, находившегося в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Именно в этом зале разворачивалось основное действие во время банкета (провозглашались здравицы, выступали участники праздничного концерта и т.д. и т.п.).

В мае 1935 — январе 1937 г., т.е. до того, как политические репрессии в СССР достигли своего пика, в официальных газетных отчетах из 21 представителя высшего партийно-государственного руководства СССР (помимо Сталина) в числе постоянно занимавших места за одним столом с вождем на больших кремлевских приемах упоминались 11 человек: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Н.И. Ежов, Л.М. Каганович, М.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, Г.И. Петровский и В.Я. Чубарь¹⁵.

В кульминационный период политических репрессий (1937—1938 гг.) были расстреляны восемь представителей высшего партийно-государственного руководства (А.В. Косарев, С.В. Косиор, А.М. Крицкий, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, А.И. Стецкий, В.Я. Чубарь, Р.И. Эйхе), а двое (Г.К. Орджоникидзе и Я.Б. Гамарник) покончили с собой. Когорту из 10-ти избежавших репрессий представителей ближнего круга, которые являлись вместе со Сталиным хозяевами на больших кремлевских приемах, в этот период составляли: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Н.И. Ежов, Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Г.И. Петровский, Н.М. Шверник¹⁶.

После XVIII съезда ВКП(б), когда политические репрессии в СССР пошли на спад, на приемах в Кремле в мае 1939 г. — мае 1941 г. почетные места за столом хозяев традиционно занимали ближайшие соратники Сталина: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, А.И. Микоян, Н.М. Шверник. Н.И. Ежов был арестован, осужден и расстрелян, а упомянутая группа пополнилась тремя новыми функционерами (Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев)¹⁷.

Что же касается ответов на остальные вопросы (о «символическом ostrакизме» попавших в опалу, существовании «опальных» кресел и т.д.), то имеющиеся в нашем распоряжении источники, к сожалению, не позволяют пока ответить на них с необходимой степенью полноты. Однако можно с уверенностью утверждать: никаких «опальных» кресел для участников кремлевских приемов не существовало, поскольку сам по себе факт приглашения на такого рода банкеты, по сути, фиксировал наличие политической благонадежности и, соответственно, принадлежности к избранному кругу советской элиты.

¹⁵ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 134—150.

¹⁶ Там же. С. 150—158.

¹⁷ Там же. С. 175—195.

Каких-то официальных, либо протокольных документов (инструкций, распоряжений, наставлений), которые бы прямо фиксировали порядок и правила поведения на приемах в Кремле, пока не выявлено. В то же время известно, что участники этих торжественных церемоний придерживались определенного стиля одежды, соблюдали «дресс-код». Английский термин «dress-code» (в переводе — буквально «код платья») употребляется в русском языке с начала XXI в., хотя возник за сто лет до этого. Он обозначает профессиональную одежду или униформу и необходим для того, чтобы было удобнее распознать социальный статус человека. Dress-code обязывает к стандартизации, он прекрасно подходит для людей, не привыкших идти наперекор общей массе.

Естественно, в сталинскую эпоху этот термин вряд ли был известен. Однако это вовсе не означает, что при Сталине не существовало каких-либо правил стандартизации одежды. Наоборот, исторические источники позволяют сделать вывод, что они были широко распространены и строго соблюдались, в частности, участниками больших кремлевских приемов.

Как уже отмечалось, наиболее многочисленный контингент гостей на этих банкетах составляли представители командного состава РККА. Различные категории командиров и начальников появлялись в Кремле в военной форме. В официальном газетном отчете о приеме участников праздничного парада (8 ноября 1939 г.) можно прочитать следующее: «На белоснежном фоне высоких мраморных стен Георгиевского зала пестреют цвета и оттенки военной формы всех родов оружия нашей армии»¹⁸.

У слушателей и профессорско-преподавательского состава элитной Военной академии Генерального штаба первоначально существовала особая форма одежды: на кителях и шинелях — черные бархатные воротнички с белой окантовкой; на брюки нашивались малиновые лампасы с белым кантом. В 1940 г. личный состав этой военной академии был переведен на ношение обычной военной формы¹⁹.

Выпускник Ленинградской Военной электротехнической академии им. С.М. Буденного Э. Муратов вспоминал, что перед тем, как его и его сослуживцев отправили в Москву для участия в приеме 5 мая 1941 г., все они получили новое обмундирование²⁰.

И.Х. Баграмян отмечал, что буквально накануне банкета 24 мая 1945 г. состоялось совещание командующих войсками Красной армии у Сталина, посвященное вопросам ее реорганизации и перевода личного состава на штаты мирного времени. Все участники совещания (главным образом, командующие фронтами) получили приглашение на прием в Кремль. Далее в мемуарах И.Х. Баграмяна можно прочитать следующее: «Парадных мундиров у большинства [участников совещания] не было, поэтому нам разрешили явиться на прием в повседневном обмундировании, но с орденами». И даже среди гражданских лиц, участников банкета 24 мая 1945 г., если верить мемуарам Баграмяна, «преобладали костюмы военного покроя»: «Каждому хотелось выглядеть по-военному подтянутым»²¹. В.В. Вишневский, наоборот, получив приглашение на этот прием, предпочел штатскую одежду²².

¹⁸ Правда. 1939. 9 нояб.

¹⁹ Академия Генерального штаба. История Военной орденов Ленина и Суворова I степени академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова. М., 1976. С. 48.

²⁰ Муратов Э. Шесть часов с И.В. Сталиным на приеме в Кремле // Нева. 1993. № 7. С. 280.

²¹ Цит. по: Баграмян И.Х. Так мы шли к Победе. М., 1988. С. 610.

²² Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1038. Оп.1. Д. 2126. Л. 6 об.

Примечательно высказывание Сталина, прозвучавшее на банкете 2 мая 1932 г. и адресованное представителям советского искусства, участникам концерта. Обращаясь к ним по окончании концертной программы, вождь заметил, что они якобы «одеты не так, **как должны быть одеты артисты великой страны**». Сталин предложил им немного потерпеть и пообещал, что «Советская страна сумеет дать советским артистам все то, чего они заслуживают»²³. Данное высказывание может свидетельствовать о том, что ему, скорее всего, было не безразлично, как были одеты артисты, выступавшие в Кремле. Судя по всему, ко времени установления традиции проведения больших кремлевских приемов ситуация изменилась, и стиль одежды участников концертов соответствовал требованиям, предъявляемым к «артистам великой страны».

Сталин ввел в обычай приглашать на кремлевские застолья известных актеров и актрис, музыкантов и исполнителей в качестве гостей, следуя в этом отношении «примеру добрых старых просвещенных монархов». Нарядно одетые, прекрасно выглядевшие внешне, остроумные и общительные представители творческой элиты делали атмосферу больших приемов непринужденной, даже веселой²⁴.

Однако случалось, что «герои торжества» оказывались в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в самых причудливых одеяниях, явно не подходивших для торжества такого типа, как банкет в присутствии высших лиц государства. Например, после встречи на Центральном московском аэродроме участников воздушной экспедиции на Северный полюс (25 июня 1937 г.), среди которых находился летчик М.И. Шевелев, посадили в машины и повезли на банкет в Кремль. «Мы, было, заикнулись, — отмечал в своих мемуарах Шевелев, — что, мол, дали бы хоть переодеться, мы же в рабочем виде, причем одеты легко. На мне вообще были трусы и комбинезон [sic!]. Слушать ничего не хотели»²⁵.

Коллективное застолье, как правило, рассматривается «как моделирующая структура, отражающая значимые черты политического сообщества». В частности, это находит выражение в «театрализации питейного ритуала»: «он строится как текст, разыгрывается как своеобразный спектакль»²⁶.

Исследователи, работающие в русле новой политической истории, специально обращали внимание на некоторые, на первый взгляд, «несущественные мелочи», которые не только образуют «сеть связанных и взаимообусловленных друг с другом значений», но играют в конечном итоге решающую роль для понимания смысла тех или иных церемониалов. Одной из таких «мелочей» является порядок расположения официальных лиц на приемах²⁷.

Существовала определенная «иерархия места», которую должны были соблюдать гости, представители сталинской элиты, «приобщенные» к публичному застолью. Каждый из них получал именное приглашение на прием в Кремль, в котором указывались: дата банкета, время его начала, помещение, где он проходил (например, Георгиевский зал), номера гостевого стола и места за ним.

²³ Встречи с товарищем Сталиным. М., 1939. С. 59.

²⁴ *Елагин Ю.Б.* Укрощение искусств. М., 2002. С. 302.

²⁵ *Шевелёв М.И.* Арктика — судьба моя. Воспоминания первого начальника полярной авиации. Воронеж, 1999. С. 86.

²⁶ *Щепанская Т.Б.* Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2007. С. 271.

²⁷ *Тихомиров А.А.* Указ. соч. С. 45.

С середины 1930-х гг. преобладала тенденция перенесения времени начала больших кремлевских приемов на позднее время. Согласно газетным отчетам, самое раннее время назначения одного из приемов — 15.00²⁸. Отдельные банкеты начинались в 16.00²⁹, 17.00³⁰, 17.30³¹ и 17.45³². Однако, во второй половине 1930-х гг. время начала приема устанавливали чаще всего в 18.00³³, 19.00³⁴ и 20.00³⁵. В послевоенный период, как правило, большие кремлевские приемы начинались в 19.00³⁶ или 20.00³⁷.

Пройдя контроль на пропускных пунктах, приглашенные входили в Большой Кремлевский Дворец и рассаживались на указанных гостевых местах. При рассадке учитывались правила, практиковавшиеся на дипломатических раутах. Первые рекомендации на сей счет, предназначавшиеся для сотрудников НКВД СССР, были разработаны еще в 1920-е гг. Они требовали, в частности, при рассадке гостей строго придерживаться их рангов. Наиболее почетными считались места, ближайшие к хозяину застолья³⁸.

Так или иначе, места для хозяев и гостей регламентировались. Вот что вспоминал С.О. Шмидт, сын академика О.Ю. Шмидта, о банкете 25 июня 1937 г.: «Сцена оставалась пустой. Перед сценой стол президиума... для членов и кандидатов Политбюро и главных гостей, которых рассаживали между ними, и тоже по рангам. В центре члены Политбюро, по бокам кандидаты... Нам указали номер стола и даже место (для семьи их места)»³⁹.

По окончании рассадки гости в течение некоторого времени ожидали появления хозяев — Сталина и представителей его ближнего круга. Но иногда ожидание слишком затягивалось. Например, 5 мая 1939 г. к 17 ч в залах Большого Кремлевского Дворца собрались участники праздничного первомайского парада — «бойцы, командиры, комиссары и политработники». И лишь в 17.45 появились хозяева — Сталин и члены Политбюро⁴⁰. Однако подобного рода ожидание лишь подогревало желание гостей поскорее увидеть вождя. Неподдельный восторг охватывал их, когда, наконец, в Георгиевском зале появлялись члены Политбюро ЦК ВКП (б) и руководители советского правительства во главе со Сталиным.

Таким образом, в Георгиевском зале с самого начала приема царил восторженная атмосфера, а гости, даже еще не притронувшись к «горячительным» напиткам, пребывали в приподнятом настроении.

Не только появление Сталина и его ближайших соратников, но и наличие «виновников торжества» воспринималось с огромным воодушевлением. Вот как описывал известный полярный исследователь И.Д. Папанин церемонию приветствия членов его экспедиции другими участниками кремлевского банкета 17 марта 1938 г.: «Я шел,

²⁸ Правда. 1936. 4 мая.

²⁹ Там же. 1938. 28 окт.

³⁰ Там же. 18 марта.

³¹ Там же. 1937. 23 авг.

³² Там же. 1939. 6 мая.

³³ Там же. 1935. 4 мая; 1937. 4 мая; 1939. 6 июня; 1940. 3 февр.

³⁴ Там же. 1937. 1 июня; 1939. 28 июня, 9 нояб.; 1940. 4 мая, 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр., 1941. 4 мая.

³⁵ Там же. 1939. 5 нояб.; 1940. 11 авг.

³⁶ Там же. 1945. 1 июля.

³⁷ Там же. 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

³⁸ *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 111.

³⁹ *Шмидт С.О.* Приемы в Кремле в честь полярников // *Шмидт С.О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 273.

⁴⁰ Правда. 1939. 6 мая.

держа в руках бамбуковое древко с нашим знаменем, привезенным с полюса. За мной шли мои братки — Ширшов, Кренкель и Федоров. Торжественная обстановка, ослепительный свет, приветственные крики — всё это было так неожиданно, что мы смутились и немного растерялись»⁴¹.

Как уже отмечалось, на большие кремлевские приемы приглашались не только представители советской политической, промышленной, военной элиты, но и известные актеры и актрисы (присутствие талантливых, красивых и нарядных киноактрис придавало банкетам определенный шарм).

И. Жеребкина, сторонница гендерного подхода к истории сталинской эпохи, высказала, на первый взгляд, оригинальные, но не подтвержденные фактами, суждения по вопросу об отношении к банкетам в Кремле звезд советского экрана Л.П. Орловой и В.В. Серовой: «Известно [...], например, что Орлова умудрялась не ходить на сталинские приемы в Кремле — туда, куда рвалась вся советская знать. Степень ее дистанционности от происходящего была столь велика, что даже Сталин, который видел ее фильм [«Волга-Волга»] 48 раз и, понятное дело, хотел бы видеть любимую актрису на приемах, перестал приглашать ее туда, уважая ее дистанционную независимость»⁴². При прочтении приведенного пассажа возникает закономерный вопрос: откуда известно, что Л.П. Орлова не посещала большие кремлевские приемы? Во всяком случае, в своей книге И. Жеребкина никаких фактов на сей счет не приводит.

По нашему мнению, такого рода фактов и не существует. Наоборот, из мемуарной литературы, личных дневников участников событий, а также из официальных газетных отчетов следует, что Л.П. Орлова вместе со своим мужем режиссером Г.В. Александровым регулярно посещала большие кремлевские приемы и лично общалась со Сталиным, как в довоенный период, так и по окончании Великой Отечественной войны⁴³.

И. Жеребкина утверждала также: «...великая сталинская актриса Валентина Серова в своей экстраординарной репрезентации, по сути, является протототалитарным лидером — по аналогии с самим Сталиным, не случайно усаживающим ее по правую руку от себя на кремлевских приемах»⁴⁴. И это свое утверждение автор не подкрепила никакими фактами. В.В. Серова действительно приглашалась на большие кремлевские приемы⁴⁵. Однако, согласно церемониалу, она не могла занимать место за столом президиума, не сидела по правую руку от Сталина (это место занимал кто-либо из соратников вождя), а находилась за одним из гостевых столов.

Что же касается приглашения кого-либо из гостей за стол президиума, то подобные случаи действительно имели место. Например, на банкетах 13 августа 1936 г. и 26 июля 1937 г. руководители большевистской партии и советского правительства сидели рядом с «виновниками торжества», Героями Советского Союза летчиками В.П. Чкаловым, Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым⁴⁶. На приеме, устроенном в Кремле по окончании декады узбекского искусства (31 мая 1937 г.) три ее участницы — Тамара Ханум, Х. Насырова и М. Тургунбаева были приглашены за стол президиума и

⁴¹ Цит. по: *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М., СПб., 2003. С. 195.

⁴² Цит. по: *Жеребкина И.* Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует. СПб., 2006. С. 47—48.

⁴³ *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина... С. 221, 222, 223.

⁴⁴ Цит. по: *Жеребкина И.* Указ. соч. С. 17.

⁴⁵ *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина... С. 408.

⁴⁶ Правда. 1936. 14 авг.; 1937. 28 июля.

оказались рядом со Сталиным и членами правительства⁴⁷. В начале банкета 25 июня 1937 г. О.Ю. Шмидт находился в президиуме «между Сталиным и Молотовым». За главный стол были приглашены также заместитель начальника Главсевморпути Н.М. Янсон, летчики М.В. Водопьянов, В.С. Молоков, А.Д. Алексеев и П.Г. Головин⁴⁸.

Согласно газетному отчету о приеме 23 мая 1939 г., вначале руководители большевистской партии и советского правительства поздоровались с «героями дня» — летчиками В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко. Затем отважный экипаж самолета «Москва» занял место за одним столом с хозяевами⁴⁹.

Вслед за рассадкой хозяев и гостей в Георгиевском зале начиналась, без сомнения, самая приятная для всех его участников часть большого кремлевского приема — собственно застолье, сопровождавшееся тостами. Тосты относятся к разряду устоявшихся, оформленных застольных жанров, «в которых сложившиеся репутации прилюдно обнаруживаются и проходят сквозь фильтр общественного мнения». Они как бы задают временную структуру застолья, которая, в свою очередь, «служит проекцией микро-социальной структуры сообщества»⁵⁰. Тост является своеобразным средством реализации ценностных доминант русского застолья. Как правило (и подтверждением этого являются церемониалы больших кремлевских приемов Сталина), русские тосты многочисленны, разнообразны, среди них особо выделяют вступительные, приглашительные, благодарственные, ответные и т.п. Одним из значимых элементов застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезнику⁵¹.

Е.С. Громов утверждал, что Сталин на правах гостеприимного хозяина якобы выступал перед участниками декад республиканского искусства с приветственными речами. «Присутствующие, — не без сарказма заявлял Громов, — немели от восторга, потом зал взрывался овациями. Кто-то из наиболее почетных гостей выступал с ответной благодарственной речью»⁵².

Следует особо подчеркнуть, что Сталин на больших кремлевских приемах не только не выступал первым, но и **никогда** не исполнял функции тамады⁵³. Это делали представители ближнего круга, но несомненными лидерами в данном случае можно считать по 11 раз вешими стол на больших кремлевских приемах В.М. Молотова⁵⁴ и К.Е. Ворошилова⁵⁵.

Как представляется, Ворошилов более успешно справлялся с ролью тамады. Чаще всего ему удавалось совмещать в своей речи импровизированные обращения к гостям с призывами поддержать очередную здравицу и рутинные, официальные тосты.

Как тамада В.М. Молотов в определенной степени качественно уступал К.Е. Ворошилову. Во многом оба различались по складу характера. По мнению А.М. Коллонтай, К.Е. Ворошилов не стал «сановником», не боялся «уронить достоинство», а

⁴⁷ Встречи с товарищем Сталиным. С. 193.

⁴⁸ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 273.

⁴⁹ Правда. 1939. 24 мая.

⁵⁰ Шепанская Т.Б. Указ. соч. С. 276.

⁵¹ Ма Янли. Застольный ритуал и концепт «Застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 10.

⁵² Громов Е.С. Сталин: Искусство и власть. М., 2003. С. 330.

⁵³ В данной связи представляется неудачным заголовок одной из глав книги В. Николаева («Кремлевский тамада»). См.: Николаев В. Водка в судьбе России. М., 2004. С. 159.

⁵⁴ Правда. 1938. 21 янв., 18 марта, 28 окт.; 1939. 24 мая, 21 июля; 1940. 3 февр., 11 авг.; 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

⁵⁵ Правда. 1935. 4, 6 мая; 1936. 4, 6 мая; 1937. 4 мая, 26 июня; 1938. 4 мая, 9 ноября; 1939. 6, 8 мая; 1940. 4 мая.

поэтому был «прост и искренен»⁵⁶. Она дала ему следующую характеристику: «Всегда жизнерадостный Ворошилов, вносящий живое веселье в любой коллектив, за столом или после собраний»⁵⁷.

Что касается В.М. Молотова, то у адмирала Н.Г. Кузнецова сложилось о нем однозначное впечатление: «По характеру сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек, он даже при просмотре какой-нибудь кинокомедии в присутствии Сталина и гостей был официален и не допускал никаких “вольностей”»⁵⁸. Аналогичным образом описывал своего «шефа» проработавший 10 лет под его началом В.И. Ерофеев: «Вообще, В.М. был по натуре человеком сухим, жестким, желчным, часто занудным. Шуток не любил и не понимал, а его редкие собственные попытки пошутить выглядели натужными, искусственными»⁵⁹. Не случайно поэтому, тосты Молотова, которые он произносил на кремлевских приемах, как правило, не отличались остроумием, были официальными и однообразно-скучными.

Когда прием устраивался в честь участников республиканских декад искусства, роль тамады брал на себя действующие либо исполнявшие обязанности председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР — П.М. Керженцев⁶⁰, А.И. Назаров⁶¹, М.Б. Храпченко⁶². Последний также являлся распорядителем стола на приеме участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда (29 мая 1940 г.)⁶³.

В одном случае (на приеме 27 октября 1937 г., когда чествовали представителей подотчетного ему Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР) Л.М. Каганович вместе с В.М. Молотовым объявлял последовательность тостов. А 30 июля 1935 г., когда В.М. Молотов находился в отпуске, Каганович самостоятельно выступал в роли тамады.

В той же роли на больших кремлевских приемах выступали: два раза — народный комиссар обороны СССР С.К. Тимошенко⁶⁴, по одному — Г.К. Орджоникидзе⁶⁵, А.А. Жданов⁶⁶, С.М. Будённый⁶⁷, С.В. Кафтанов (председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР)⁶⁸ и Н.М. Шверник⁶⁹. Порой «вести стол» приходилось кому-либо из «виновников торжества». Так, на приеме «папанинцев» вначале тосты провозглашал Молотов, а затем передал эту «роль» О.Ю. Шмидту⁷⁰.

В архиве сохранился интересный рукописный документ «Порядок выступлений в Кремле (17/VI — 40 г.)», состоящий из 4-х пунктов: «1. Открывает — М.Б. Храпченко. 2. Александровская (ст. 2)⁷¹. (Сталин). 3. Владомирский (ст. 4), нар[одный] артист

⁵⁶ Труш М.И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь А.М. Коллонтай: «Золотая ветвь дипломатии России». М., 2010. С. 297.

⁵⁷ Там же. С. 352.

⁵⁸ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 94—95.

⁵⁹ Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 116.

⁶⁰ Правда. 1936. 23 марта, 26 мая; 1937. 14 янв., 1 июня.

⁶¹ Там же. 1938. 18 апр.

⁶² Там же. 1939. 6 июня, 5 нояб.; 1940. 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр.

⁶³ Там же. 1940. 30 мая.

⁶⁴ Там же. 1941. 4, 6 мая.

⁶⁵ Там же. 1936. 14 авг.

⁶⁶ Там же. 1939. 28 июля.

⁶⁷ Там же. 9 нояб.

⁶⁸ Там же. 1938. 18 мая.

⁶⁹ Там же. 1949. 24 дек.

⁷⁰ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 279.

⁷¹ Скорее всего, в данном случае указан номер гостевого стола в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

БССР (Молотов). 3. Жданович (ст. 4). (Калинин)»⁷². При сравнении цитированного документа с официальным газетным отчетом о приеме участников декады белорусского искусства в Москве⁷³ легко установить, что в документе намечена последовательность выступлений на этом банкете. Действительно, застолье открылось выступлением М.Б. Храпченко, который предоставил слово народной артистке БССР Л.П. Александровской, провозгласившей в конце своего небольшого выступления тост «за Сталина». Затем слово было предоставлено народному артисту БССР В.И. Владимировскому, поднявшему бокал за здоровье В.М. Молотова. Наконец, еще одна участница декады белорусского искусства, заслуженная артистка БССР И.Ф. Жданович предложила тост в честь М.И. Калинина. Подобный «сценарий», предполагавший последовательность тостов на кремлевских приемах в честь участников республиканских декад искусства, с указанием фамилий Сталина, Молотова и Калинина, во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. соблюдался неукоснительно⁷⁴.

Каждый прием в Кремле сопровождался большим праздничным концертом. Со времени возникновения Комитета по делам искусств при СНК СССР (1936 г.) программы кремлевских концертов неизменно составлялись в этом Комитете, а затем шли на утверждение Председателя СНК СССР В.М. Молотова. Составление подобных программ «приняло солидный государственный размах»⁷⁵.

16 мая 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило решение о передаче в ведение Комитета по делам искусств кукольных театров. Оно было принято в ответ на просьбу председателя Комитета П.М. Керженцева⁷⁶. 2 января 1937 г. Политбюро рассмотрело вопрос об утверждении решения СНК СССР, касающегося структуры Всесоюзного комитета по делам искусств. Согласно принятому решению, в непосредственное ведение Комитета передавались: Государственный Академический Большой театр Союза ССР (с филиалом); Московский Художественный Академический театр СССР им. Горького (с филиалом); Государственный Академический Малый театр (с филиалом); Государственный театр им. Вахтангова; Московский Государственный Еврейский театр; Государственный Академический театр Оперы и Балета им. Кирова в Ленинграде; Государственный Академический театр Драмы в Ленинграде. Помимо этого, в ведение Управления по делам искусств при Моссовете (являвшегося составной частью Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР) попадали: Государственный Оперный театр им. К.С. Станиславского; Государственный Музыкальный театр им. В.И. Немировича-Данченко; Московский Государственный Камерный театр; Государственный театр имени В.Э. Мейерхольда⁷⁷.

Оба вышеупомянутых решения существенно облегчали задачу организации правительственных концертов, которые устраивались в ходе банкетов в Кремле. Руководство Комитета по делам искусств теперь могло напрямую обращаться в нижестоящую инстанцию (дирекции названных ведущих советских театров, которые поступили в его распоряжение), и «черпать» оттуда «творческие силы» для этих концертов.

В случаях, когда в Большом Кремлевском дворце были представлены участники декад республиканского искусства, существовала своя специфика подбора репертуара-

⁷² РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 18. Л. 130.

⁷³ Правда. 1940. 18 июня.

⁷⁴ Там же. 1938. 18 апр., 1939. 6 июня; 1940. 31 окт.; 1941. 23 апр.

⁷⁵ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 320.

⁷⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1106. Л. 139.

⁷⁷ Там же. Д. 1131. Л. 85.

ра, который предварительно утверждали республиканский ЦК компартии и СНК республики, а затем — Политбюро ЦК ВКП (б).

Так, в декаде киргизского искусства, согласно предварительной договоренности с Комитетом по делам искусств и с согласия Политбюро ЦК ВКП(б), должны были участвовать Киргизский государственный музыкальный театр и коллектив Киргизской государственной филармонии. Силами этого театра и Государственной филармонии, как сообщал М.Б. Храпченко Сталину и Молотову, и была подготовлена концертная программа⁷⁸.

На праздничных концертах, которыми сопровождалась кремлевские приемы, был представлен весь цвет советского исполнительского искусства. В них участвовало порой одновременно до 400—500 артистов и музыкантов⁷⁹. Здесь выступали певцы И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, М.О. Рейзен, певицы А.В. Нежданова, В.В. Барсова, В.А. Давыдова, Л.О. Утёсов, скрипач Д.Ф. Ойстрах, балерина О.В. Лепешинская, актер-кукольник С.В. Образцов, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением А.В. Александрова, танцевальный ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева, и многие др.

В целом, приемы в Кремле 1930-х — 1940-х гг. являлись одной из часто практикуемых Сталиным форм общения в советской политической среде. Эти застолья относились к разряду мероприятий государственного масштаба, сыграв решающую роль в процессе укрепления личной власти Сталина. В то же время участие в этих церемониях представителей советской элиты способствовало ее консолидации вокруг вождя.

---

⁷⁸ Там же. Д. 1224. Л. 74.

⁷⁹ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 332.

Д.В. Веденеев

Вооруженный конфликт на Западной Украине
в контексте геополитического межблокового противостояния
в послевоенном мире
(1940 — 1950-е гг.)

На фоне многочисленных научных и публицистических работ, зачастую несущих отпечаток партийно-политической конфронтации и «конфликтов памяти» в современной Украине, украинско-российского идейно-информационного противостояния, до сих пор без ответа остаются базовые вопросы, без разрешения которых невозможно составить целостную, рациональную картину военно-политического конфликта в Западной Украине в 1945 — середине 1950-х гг. между советской стороной и вооруженным подпольем Организации украинских националистов под руководством С. Бандеры (ОУН).

Не только в общественном сознании и социальной памяти различных групп населения Украины, но и в большинстве локальных научных (научно-популярных) работ господствуют поверхностные, заведомо конфронтационные, политизированные оценки причин, характера, течения данного кровопролитного и ожесточенного противоборства. Зачастую они являются механическим перепевом штампов советской и украинской антисоветской эмиграционной историографий (пропаганды), порожденных масштабным информационно-психологическим противостоянием периода холодной войны.

В условиях политической жизни современной Украины контрверсионные оценки конфликта в Западной Украине являются своего рода подрывным «механизмом неизвлекаемости» в программах и пропагандистской тактике конфликтующих политических сил, а попытки вести диалог вокруг наследия ОУН и Украинской повстанческой армии (УПА) немедленно приводят в действие сложный комплекс штампов массового сознания и пропагандистских клише, перечеркивающих сегодня рациональный поиск компромиссных векторов развития общественно-политической жизни страны.

Сказываются и масштабные усилия радикально-националистических сил, целенаправленное влияние политических центров диаспоры, реанимирующих аффективную память о том жестоком конфликте и информационные вирусы периода холодной войны. Одновременно стоит учитывать, что только в 1944—1953 гг. в западноукраинском регионе погибли или попали в плен 153 тыс. участников вооруженного подполья, вышли с повинной — 77 тыс., были осуждены — около 86 тыс., депортированы — 203 тыс. жителей, от рук вооруженного подполья ОУН погибли свыше 30 тыс. военнослужащих, представителей власти, местного населения.

Вне внимания исследователей нередко оказываются те аспекты проблемы, которые позволяют многомерно понять сущность бескомпромиссного противостояния советской власти и подполья «самостийников-державников». Среди них, например,

понимание того, что этот конфликт представлял собой сложное переплетение национально-политической и гражданской конфронтации, с заметным влиянием глубинных цивилизационных различий между Западной Украиной и ареалом православной Украины, специфики региона как гибридной модели социокультурного развития и «советско-традиционалистской модели» (оформившейся де-факто при И.В. Сталине).

Если исходить из тематики научного сообщения, то для нас представляет интерес тот факт, что враждующие стороны и те сегменты населения, которые их поддерживали, неизбежно попадали в орбиту холодной войны — обостренной формы глобального противостояния двух цивилизационных векторов тогдашнего мирового развития, осложненных скрытым военно-политическим противостоянием, нарастанием гонки ядерных вооружений, опосредованной борьбой за контроль над «мировой периферией».

Форсированное поглощение Западной Украины советской моделью развития с ее безжалостным принесением в жертву модернизации регионального социально-экономического и этноконфессионального своеобразия, подавлением движения сопротивления (правда, французы в Алжире в 1954—1962 г. уничтожили и репрессировали в 4—5 раз больше людей, при равной примерно численности населения с Западной Украиной) диктовалось, на наш взгляд, безальтернативными геополитическими соображениями: закреплением приобретений государства-победителя и удержанием стратегически важного региона — геополитического коридора к новым восточно-европейским сателлитам и Балканам. Галиция, свидетельствовали инструкции западных спецслужб для подполья ОУН, рассматривалась как важный плацдарм при ведении наступательной войны против СССР, а также служила одним из ведущих нефтегазовых районов тогдашнего СССР. Отметим, что уже в 1944 г. на восстановление Западной Украины Советское государство ассигновало 100 млн руб.

Межблоковое противостояние сказалось и на самом движении украинских националистов, распавшемся на две организационные ветви: обреченное «бункерное» диверсионно-террористическое подполье в Западной Украине, и стремящееся использовать его разведывательные и имиджевые возможности — Закардонные части ОУН (ЗЧ ОУН, «куратор» — Англия и британские спецслужбы), Закардонное представительство Украинского главного освободительного совета (ЗП УГОС, протеже США и ЦРУ)¹.

Развитие исследований по истории украинского национально-освободительного движения, к сожалению, и по сей день носит в основном экстенсивный характер. Работы ученых и публицистов слишком медленно переходят на качественно новый уровень историко-аналитических исследований движения сопротивления движения ОУН и УПА с советской властью — а ведь именно такие исследования должны составлять научно-теоретический фундамент шагов Украинского государства в направлении достижения национального примирения как одной из предпосылок консолидации украинской политической нации.

Думается, что причины этому следует искать не только в социально-психологических особенностях авторов, но и в «методологической растерянности» постсоветской исторической науки. Трудно не согласиться с профессором А. Зиновьевым,

¹ Подробнее о ходе сопротивления см.: *Веденєв Д.В., Биструхін Г.С.* Двобій без компромісів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945—1980-ті роки: Монографія. К., 2007.

который писал, что в постсоветском обществоведении нет не только приличной общесоциологической теории, но и даже теорий, которые объясняли бы особенности развития определенных типов общества².

В частности, за потоком фрагментарных публикаций остаются без ответа краевольные вопросы, без которых современники не могут составить целостной, рационально понятной картины хода конфликта в Западной Украине в 1939 — 1950-х гг. Не только в общественном сознании, но и во многих работах, которые претендуют на статус научных, преобладают поверхностные, предубежденные, политизированные оценки причин и характера упомянутого противостояния. Нередко они представляют собой механический перепев штампов советской историографии и пропаганды, или подходов определенных политических объединений украинской диаспоры, рожденных глобальным противостоянием времен холодной войны.

Так, сложный комплекс причин той масштабной исторической драмы нередко толкуют с помощью сознательно упрощенных подходов: «коммунистические агрессыры против националистов», «замена одной оккупации другой», «советские патриоты против горстки продажных людей гитлеровских спецслужб и сбитых с толку националистической пропагандой кулаческих сынков».

Без внимания (нередко — в силу нежелания отречься от психологически комфортных подходов) остаются определяющие аспекты проблемы. Среди них следует назвать не только влияние мировых геополитических, военно-политических факторов на особенности хода конфликта, но и — послевоенного межблокового противостояния в мире на ход противоборства в Западной Украине.

Земли Западной Украины в 1939—1950-х гг. стали ареной ожесточенного противоборства между советским режимом и вооруженным подпольем под политическим руководством ОУН. События в Западной Украине представляли собой сложное переплетение национально-освободительной борьбы с гражданской войной, причем глубинными причинами этой «необъявленной войны» был, в частности, радикальный, форсированный характер изменений общественно-экономического, политического, духовно-культурного устройства весьма специфического, в силу особенностей исторического развития, западного региона Украины. Лишь с начала 1950-х гг. наблюдается постепенный рост лояльности (конформизма) к новой власти по мере реализации ее привлекательных для большей части населения социально-экономических и культурно-образовательных проектов, что привело к резкому сокращению базы поддержки вооруженного подполья. Показательным признаком роста толерантности к новой власти стало то, что с 1952 г., по решению ЦК Компартии Украины и МГБ СССР, начался целевой набор местных жителей на службу в органы государственной безопасности — в этот год лишь в Ровенское Управление МГБ приняли 26 уроженцев Западной Украины³.

Справедливости ради следует признать, что трагедии и эксцессы, которыми сопровождалась «советизация» Западной Украины, принципиально ничем не отличались от аналогичных «силовых модернизаций» в истории человечества, а жестокость, с которой подавляли антиколониальное сопротивление западные государства, намного превышала «отечественные образцы».

² Зиновьев А. Русская трагедия. М., 2007. С. 203.

³ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 24. Д. 2091. Л. 88.

Несомненно, это был и конфликт на грани цивилизационных анклавов, формировавшихся столетиями, и конфликт между традиционным укладом хозяйствования, духовно-культурной жизнью и новой моделью развития, возникшей после победы советской власти и энергично насаждаемой на новых присоединенных территориях. Противостояние в Западной Украине в послевоенный период целесообразно рассматривать в контексте борьбы между двумя глобальными цивилизационными векторами — капиталистическим и коммунистическим мирами, каждый из которых имел свои недостатки и коренные преимущества, стараясь выиграть соревнование на арене истории.

Не лишним будет напомнить, что конфликтогенное влияние этноцивилизационного фактора с особой силой проявилось в послевоенном и современном мире. Этнокультурные и этноконфессиональные факторы были доминирующими причинами кровавых конфликтов (отодвигая на второй план экономические причины, гиперболизированные марксистско-ленинской общесоциологической теорией — историческим материализмом). Лишь с 1980 г. по 1995 г. в мире произошли 72 гражданские войны и конфликта на этнической, расовой, религиозной основе⁴.

Особого драматизма прибавляло и то, что вооруженный конфликт в Западной Украине попал в орбиту катаклизмов мировой истории XX ст., непосредственно охвативших территорию Украины или имеющих к ней непосредственное отношение как к субъекту Советской федерации: Второй мировой войны 1939—1945 гг. и холодной войны 1945—1991 гг. Действия советской власти в регионе целесообразно рассматривать и через призму формирования новых доктринальных основ внешней политики СССР. По словам российского историка М. Горина, с 1930-х гг. в СССР «в области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности... По всем линиям происходит... процесс реставрации, возрождение тканей русского имперского социума. Технологическая модернизация все больше осуществляется на основе не разрушения, а сохранения и развития базовых структур традиционного общества»⁵.

Доктрина геополитического возвращений к «имперским» границам у высшего руководства СССР оформилась еще до того, как СССР превратился в великую державу после победы над нацизмом. Об этом красноречиво свидетельствуют слова главы НКВД СССР В. Молотова, записанные 30 июня 1940 г. его литовским коллегой В. Кревсом-Мицкевичюсом: «Он, Молотов, должен сказать то, что завтра будет ясно всем. Если уже русские цари, начиная от Ивана Грозного, стремились к тому, чтобы выйти к Балтийскому морю, то это происходило не по их личной прихоти, а потому, что этого требовал ход развития русского государства и русской нации»⁶.

Историческим рубежом окончательного утверждения доктрины геополитической экспансии можно условно рассматривать 1943 г., когда Тегеранская конференция при участии руководителей ведущих государств Антигитлеровской коалиции начала рассмотрение проблемы послевоенных границ и размежевание сфер влияния в Европе после победы над нацизмом. Тогда же происходит роспуск Коммунистического Интернационала, что ознаменовало уже и формальный отказ от ленинско-троцкистского лозунга «мировой революции» (де-факто это произошло еще в 1930-е гг.).

⁴ Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М., 2007. С. 12.

⁵ История России. XX век. М., 1996. С. 393—394.

⁶ «Полпреды сообщают...». Сборник документов. М., 1990. С. 76.

Как заметил один из творцов теоретических основ внешней политики США и ее геополитических оснований Г. Киссинджер, «Сталин, великий идеолог, на самом деле поставил свою идеологию на службу реальной политике»⁷. Ялтинская и Потсдамская конференции закрепили прагматический великодержавный курс «собира- ния земель», входивших в состав «империи Рюриковичей» и Российской империи, шло создание геополитического щита из так называемых «стран народной демокра- тии» на Востоке Европы и Балканах, закрепление советского влияния в этом регио- не, в том числе — методами военного присутствия и тайной дипломатии. Марксист- ско-ленинская идеология и риторика в данном случае выступала лишь флером для внешней политики, присущей великой державе, которая демонстрирует готовность утверждать свои территориальные претензии или обеспечивать собственные интере- сы, не считаясь с локальными интересами местного населения (что, впрочем, и про- изошло в Западной Украине и Прибалтике).

Более того, отдельные современные русские ученые, к примеру, профессор Ди- пломатической академии МИД РФ И. Панарин, считают, что внешняя политика Сталина концептуально представляла «синтезированную историческую русскую геополитическую идею, начав процесс воспроизведения доктрины «Москва — Тре- тий Рим» в новых исторических условиях... 3 июля 1941 г. (нестандартное для ком- мунистического лидера обращение Сталина к народу с призывом к сопротивлению немецкому нашествию. — *Д.В.*), эта доктрина стала доминирующей геополитической идеей СССР»⁸.

Вместе с тем, непредубежденные зарубежные историки неоднократно отмеча- ли историческую справедливость возвращения земель Западной Украины из состава иностранных государств, в том числе, расценивая это как ликвидацию последствий агрессии Польши и других стран в условиях распада и передела земель Российской и Австро-Венгерской империй.

За критикой сталинской политики и целиком справедливым осуждением мето- дов интеграции Западной Украины в советскую систему нельзя не замечать глубин- ной исторической справедливости прекращения иностранного владычества (по- следствий агрессий) на этнических украинских землях. Как отмечал выдающийся историк А. Тойнби, в XI ст. почти вся Белоруссия и Украина были оторваны от пра- вославного христианства и присоединены к западному христианству. Изначально русские территории, завоеванные Польшей, были возвращены России лишь в по- следней фазе мировой войны 1939—1945 гг.⁹

Ускоренная инкорпорация Западной Украины Советским государством и его системой, была невозможна без жесткого подавления движения сопротивления под политическим руководством ОУН, с геополитической точки зрения диктовалось со- ображениями закрепления СССР своих достижений как государства-победителя, удержание стратегически важного региона.

Начало холодной войны и ядерный шантаж СССР, у которого пока что не было атомного оружия (США до конца 1945 г. имели до 250 атомных бомб, к 1949 г. раз- работали 8 планов массированного применения ядерного оружия против недавнего союзника), актуализировали для Сталина задачу погасить огонь вооруженного со-

⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 289.

⁸ Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006. С. 114.

⁹ Тойнби А.-Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106—107.

противления в Западной Украине как потенциальной «пятой колонны» внешних противников на случай глобальной войны с Западом. Непредубежденные западные аналитики, включая Дж. Кеннана, отмечают, что в тех условиях объективно обессиленный войной СССР выступал стороной, которая становилась в оборону, и не имела реальных возможностей для дальнейшей геополитической экспансии. Эскалация холодной войны и формирование двух мощных военно-политических блоков делали неминуемыми вооруженные санкции советской стороны — подавление антисоветского движения сопротивления в Западной Украине.

Глобальное противостояние в мире прямо отразилось и на украинском националистическом движении. Во время Великой Отечественной войны украинский народ был спасен от уничтожения или порабощения III рейхом (в Действующую армию призвали 7 млн. выходцев из Украины), став вместе с тем одним из главных творцов Победы. В 1945 г. в целом завершилось объединение этнических украинских земель в составе одного государственного образования. Советская Украина становится членом Организации Объединенных Наций с момента ее создания — 24 октября 1945 г.

Вместе с тем украинская советская государственность не избежала от формального статуса в фактически унитарном СССР. При этих условиях не потерял актуальности главный идейно-политический постулат украинского националистического движения — «Украинская Самостоятельная Соборная Держава, будучи точно определенным понятием, не может быть подменена никакими “советскими Украинами” или другого рода экспозитурами (представительствами. — *Д.В.*) чужого империализма»¹⁰. Как отмечалось в «Мемориале» Украинского главного освободительного совета к главе Парижской мирной конференции (1 сентября 1946 г.), правительство УССР не является результатом свободного волеизъявления, «навязано Украине московским центром коммунистической партии»¹¹.

Одновременно обстановка холодной войны и неминуемого (как считали лидеры ОУН) глобального вооруженного конфликта подталкивали антисоветское движение сопротивления к поиску новых союзников. Ими, по логике противостояния, стали такие прагматические, геополитически агрессивные великие державы Запада (с 1949 г. — блока НАТО), которые реальное отношение к национально-освободительным движениям в своих колониальных и зависимых территориях демонстрировали масштабными военно-полицейскими кампаниями подавления. Это стало очередным проявлением перманентной трагедии украинских «государственно-самостийницьких» сил со времен Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы, которых неблагоприятные исторические обстоятельства заставляли искать ситуативных союзников среди агрессивных государств, не заинтересованных в существовании суверенной Украины (по принципу «враг моего врага — мой друг»).

Следует отдельно остановиться на теме отношения Провода (руководства. — *Д.В.*) ОУН в Украине к перспективе открытого глобального конфликта «Запад — СССР». Если советские ученые эту проблему сводили к «прислужничеству буржуазных националистов империалистической реакции», то современные исследователи ее в основном стараются обойти.

¹⁰ Декларация Проводу Організації Українських Націоналістів після закінчення Другої світової війни в Європі [май 1945 г.]. Б.м., б.г., 1948. С. 2.

¹¹ Українська Головна Визвольна Рада. Збірка документів за 1944—1950 рр. Б.м., 1956. С. 29.

Как известно, тезис о неминуемом масштабном вооруженном конфликте Запад — СССР и его использовании для реализации программных установок ОУН был чрезвычайно распространен в инструктивных и пропагандистских документах украинских националистов. Однако, на наш взгляд, благодаря усилиям официальной советской историографии это обстоятельство и сегодня воспринимается неадекватно, с гиперболизацией значения потенциальной войны для украинских националистов.

Действительно, в тех конкретно-исторических условиях ожидать победы над СССР своими силами для ОУН было наивно. Однако в тактических установках подполья с 1945 г. превалировало критическое отношение к США и Великобритании (они нередко откровенно именовались «империалистическими»). В документе от 26 октября 1945 г., составленном Карпатским краевым проводником ОУН Я. Мельником, речь шла о том, что приход англо-американских войск является для подполья «желательным». Однако, конфликт великих держав следует рассматривать как вспомогательный фактор: ОУН выступает за государственную самостоятельность Украины без опеки иностранных государств, и при любой оккупации будет продолжать борьбу¹². Похожие оценки высказывались и в инструкции для руководящих кадров краевого провода «Одесса» (20 мая 1946 г.). Война с Западом, указывалось в документе, это исторический шанс для освобождения Украины от советского режима, однако сами по себе США и Англия не несут свободы, необходимо приложить усилия для укрепления собственных сил¹³.

С началом войны, говорилось в инструкции Центрального провода в Украине (1950 г.), подполье активизирует работу, разворачивает широкую диверсионную деятельность на коммуникациях, террор против представителей органов власти, захватывает административные центры, «разлагает» военнослужащих, склоняя их к капитуляции, создает предпосылки для того, чтобы англо-саксы считались с подпольем как с реальной военно-политической силой¹⁴.

Наряду с этим, через эмиссаров заграничных центров ОУН и ЗП УГОС подполью ОУН ставили разведывательные задачи, которые не имели ничего общего с военно-тактическими задачами самого вооруженного подполья. Это, прежде всего, сбор информации о военно-промышленном потенциале СССР, системе ПВО, промышленности Востока УССР, инфраструктуре, ядерных объектах и урановых рудниках, а также подбор площадок для десантирования. Достаточно сказать, что в бункерах подполья находили информационные отчеты о военных частях в Восточной Пруссии, Забайкалье, Порт-Артуре¹⁵.

Выявленные нами документальные материалы свидетельствуют, что лидеры ОУН и УПА в Украине Р. Шухевич, В. Кук, П. Федун, В. Галаса и др. крайне отрицательно относились к вражде между функционерами заграничных филиалов ОУН и прекрасно понимали прагматическое отношение Запада к их борьбе как к традиционному способу подрывной деятельности против основного противника в «Третьей мировой войне». Симптоматически, что руководитель ОУН и УПА в Украине в 1943—1950 гг. Р. Шухевич скептически относился к перспективе войны между Западом и СССР, равно как и к готовности США уважать суверенные права украинского народа, о чем лидер подполья откровенно высказывался перед ближайшим окружением¹⁶. Наряду с

¹² ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 26—30.

¹³ Архив Управления Службы безопасности Украины (СБУ) в Ровенской области. Д. 4245. Т. 3. Л. 7.

¹⁴ Отраслевой государственный архив (ОГА) СБУ. Ф. 13. Д. 490. Л. 140—141.

¹⁵ Там же. Ф. 6. Д. 74914. Т. 3. Л. 237.

¹⁶ См. подробнее: *Веденеев Д., Шаповал Ю.* Роман Шухевич: таємниця загибелі // *Воєнна історія.* 2002. № 2. С. 64.

этим, в пропагандистских документах тезис о глобальной войне широко применялся для поддержки боевого духа участников повстанческо-подпольного движения.

Нельзя не заметить, что отношение к западным государствам лидеров подполья в Украине и заграничных центров ОУН имело определенные отличия. Первые, находясь на острие вооруженной борьбы (и в большинстве своем — погибшие), остро воспринимали прагматическое отношение Запада, непонимание им целей, положения подполья и социально-политической ситуации в Западной Украине. Уже в 1946 г. в одном из запасных бункеров руководителя подполья Волыни и последнего командующего УПА (1950—1954 гг.) В. Кука нашли экземпляр письма на английском языке к У. Черчиллю от «группы украинских политических деятелей», в котором содержались критические замечания о позиции Запада по отношению к Украине. В августе 1950 г. член Провода ОУН и руководитель Бюро информации УГОС П. Федун подготовил критическое письмо по поводу содержательной части радиопередач «Голоса Америки», транслируемых на Украину. Фактически, это была критика политических установок администрации США, непонимания ею отрицания капитализма значительной частью населения УССР, и того, что движение ОУН и УПА выступает за плюрализм форм собственности¹⁷. По словам члена Провода ОУН В. Галасы, в 1952 г. В. Кук поручил ему написать аналогичное критическое письмо в это же средство массовой информации. Не желая жертвовать обессиленным неравной борьбой подпольем в чужих интересах, тот же В. Кук в мае 1952 г. запретил вести целенаправленную разведку в пользу иностранных спецслужб¹⁸.

Что же касается заграничных центров ОУН, то сотрудничество с ведущими государствами Запада и их специальными службами служило не только средством противоборства с СССР, но и условием существования и поддержки дееспособности самих группировок (особенно в западных зонах оккупации Германии и Австрии). Как отмечалось в одном из директивных документов ЗЧ ОУН, «есть возможность за цену соответствующих разведывательных материалов получить то, что... нужно. Разведывательные материалы становятся в руках организации таким предметом обмена, за цену которого можно получить необходимые материалы и содействие. Передача сведений и материалов политических, военных, хозяйственных... дает нам возможность быть партнерами иностранных государств»¹⁹.

Важной предпосылкой сотрудничества с Западом стали изменения программных установок ОУН. Националистическое движение под влиянием опыта работы на Востоке Украины, а также стараясь образовать адаптированную к перспективному союзничеству с западными демократиями идейно-политическую платформу, радикально пересмотрело свои программные установки, отвергнув «интегральный национализм» с его заметным тождеством с фашистскими и другими тоталитарными доктринами. В «Программных постановлениях» III Чрезвычайного великого сбора ОУН (21—23 августа 1943 г.) достаточно детально определялись краеугольные основы общественно-экономического порядка в будущей независимой и соборной Украине. Сама новая программа по характеру являлась социал-демократической или социалистической. При ведущей роли государства и коллективов в экономической сфере,

¹⁷ Полтава П. Кілька завваг щодо того, якими повинні бути радіопередачі «Голосу Америки» для Советського Союзу // Українська Головна Визвольна Рада. Збірка документів і матеріалів. Мюнхен, 1956. С. 319.

¹⁸ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 40. Л. 142—148.

¹⁹ Трощинський В. Агенти гестапо й Абверу на «новій» службі // Безчестя. К., 1983. С. 122.

гарантировался весь комплекс прав и свобод человека, гражданина, устранялись ксенофобские установки, декларировалось равенство граждан всех национальностей²⁰.

Таким образом, послевоенное глобальное противостояние в мире оказалось одним из главных факторов, побудившим СССР прибегнуть к масштабным военным и репрессивным действиям для уничтожения сопротивления националистического движения (обоснованно считавшегося союзником Запада) в интересах обеспечения форсированной инкорпорации Западной Украины — региона, важного в военно-геополитическом отношении с точки зрения возможного межблокового вооруженного противоборства.

Межблоковое противостояние, не имея возможности своими силами противостоять Кремлю, подтолкнуло ООН к поиску союзнических отношений с западными государствами (колониальными империями). Само освободительное движение оказалось в «жерновах» межблокового противостояния, содействовавшего его внутреннему расслоению — между подпольем в Украине и заграничными центрами, между самими заграничными центрами, ориентированными на разные иностранные государства и конфликтовавшими из-за влияния на «воюющую Украину».

---

²⁰ Постанови ІІІ Надзвичайного Великого Збору Організації Українських Націоналістів. Б.м., 1948.

«Еврейский вопрос» в национальной политике СССР

В XX в. советское еврейство (прежде всего интеллигенция из этой национальной среды) столкнулось в своих отношениях с властью с несколькими судьбоносными историческими вызовами. Первый из них пришелся на революцию 1917 г. и Гражданскую войну, второй — на послевоенный период 1948—1953 гг., третий — на «застойные» и «перестроечные» годы, когда вернулся массовый исход евреев из СССР, означавший, по сути, спонтанное, самопроизвольное решение в нашей стране «еврейского вопроса». С последним безуспешно пытались справиться сменявшие друг друга режимы и XIX в., и почти всего XX в., но произошел парадокс: чего не смогла сила власти, сделала ее слабостью.

Время «действия», или, лучше сказать, социально-политического доминирования каждого из этих трех вызовов обрамлялось соответствующими хронологическими вехами, которые, не поддаваясь точной датировке, приблизительно все же определяются. Конкретно вычлениются следующие основные периоды взаимоотношений Советского государства с еврейством вообще и с его интеллектуальной элитой в частности: 1. 1917—1935 гг.; 2. 1936—1953 гг.; 3. 1953—1991 гг.

Начало первому периоду было положено Октябрьской революцией. В ней еврейская интеллигенция сыграла важную историческую миссию «иноплеменного катализатора», благодаря которой во все времена (например, при Петре Великом) и у всех народов запускается механизм преодоления сковывающей инерции традиционализма, смены политических элит и ускоренной социальной модернизации. Одним из важнейших моментов этого периода стала эмансипация евреев, причем не только правовая (произошла еще при Временном правительстве), но и фактическая. Этому в немалой степени способствовало то, что разгромив подпольные «буржуазные» черносотенные организации, большевики покончили с прежней идеологией юдофобии, как со «старой», имевшей глубокие религиозные корни, так и с «модернизированной», являвшейся «слепком» заимствованного на Западе расового антисемитизма. Кроме того, были сняты все барьеры на пути вхождения евреев в политическую, управленческую, культурную и интеллектуальную элиту общества, причем это вхождение происходило в обеспечивавшемся верхами режиме наибольшего благоприятствования и в отсутствие сопротивления со стороны старой элиты, устраненной революцией. Все это дало мощный импульс процессу естественной ассимиляции еврейства, жертвовавшего своей этноидентичностью ради жизненного преуспевания в русскоязычной среде. Началось интенсивное формирование советской интеллигенции еврейского происхождения, в которой режим обрел надежную социальную опору (тогда как при царизме русско-еврейская интеллигенция являлась одним из ударных отрядов антиправительственной оппозиции!). Однако поддержка государством этого процесса осуществлялась исключительно с «классовых» позиций (еврейские интеллектуалы, тяготевшие идейно к сионизму, а культурно — к гебраизму, преследовались большевиками как «буржуазные националисты»).

Как известно, первые 15 лет своего существования советский режим придерживался во внутренней политике интернационалистской парадигмы. Столкнувшись

с мощным сепаратизмом на этнических окраинах, большевики вынуждены были вопреки собственному замешанному на ортодоксальном марксизме этническому нигилизму пересмотреть прежнюю партийную программу по национальному вопросу. В результате была выработана новая политическая доктрина, сводившаяся к тому, что, во-первых, национализм угнетенных наций (то есть нерусского населения) объективно прогрессивен, поскольку заряжен антиимпериалистически и имеет определенный народно-демократический потенциал. Поэтому национализм нацменьшинств (предварительно, разумеется, очищенный от «буржуазного налета») необходимо употребить во благо советской власти, поддержав предоставлением национально-территориальной автономии, финансированием развития национальной культуры, образования на родном языке, а также содействием в формировании культурно-управленческой элиты. И, во вторых, русский национализм, именовавшийся большевистской пропагандой контрреволюционным пережитком царского великодержавия, однозначно реакционен и потому подлежит безусловному искоренению.

Благодаря ревностному служению новой власти советские интеллигенты из числа евреев очень быстро оказались на ведущих позициях в основных сферах социальной жизнедеятельности — от государственного управления и национальной безопасности до культуры и науки. В 1920-е—1930-е гг. (да и в последующие годы) интеллигенция еврейского происхождения внесла заметный вклад в развитие многих сфер жизнедеятельности советского общества — политическую, экономическую, научную, культурную, производственно-техническую, управленческую, образовательную и др. Фокусируясь на политической сфере (приоритетной для исследования), необходимо отметить, что этническое представительство евреев (носило, по сути, формально-номинальный характер!) во власти и управленческой сфере, будучи максимальным в первые послереволюционные годы, в середине 1920-х гг. постепенно стало сокращаться, хотя и спустя десятилетие оставалось значительным.

Анализируя далее, почему с начала 1930-х гг. сталинская власть все больше стала отходить от ленинской стратегии «позитивных действий» в отношении нацменьшинств, следует иметь в виду модернизационный вызов тех лет, обусловивший принятие курса на индустриализацию и укрепление обороноспособности страны, а значит — и на возрождение лидерства русских как нации, обладавшей наибольшим производственно-техническим потенциалом в СССР. Отлично понимая, что императив подготовки к новой мировой войне обернется дальнейшим наращиванием возложенного на русских этатического бремени, Сталин, дабы морально компенсировать этот момент, прибег к кардинальной перестройке советской государственности на основе новой концепции «старшего брата», символически освященной новой «сталинской» Конституцией 1936 г. Это походило на некоторый возврат к устоям царской империи. Вновь декларировалась руководящая роль русских, провозглашавшихся самым передовым народом в строго иерархичном этнополитическом конгломерате так называемых социалистических наций, а ассимиляция нацменьшинств все больше переводилась на административные рельсы.

Произошло это на фоне смены в СССР интернационалистской идеологической парадигмы на патриотическую, что, в свою очередь, было обусловлено тем, что в тогдашнем глобальном соперничестве трех макроидеологий — либерализма, коммунизма и национализма — последний уверенно взял верх.

Поскольку подобная этнизация кремлевской внутренней политики сопрягалась с резким усилением внешней предвоенной напряженности, именно тогда, во

второй половине 1930-х гг., по стране прокатилась мощная волна репрессий по национальному признаку. Как раз одним из последствий резкого усиления «руссоцентричности» власти стало возникновение с этого времени подспудного верхушечного антисемитизма. Национальная принадлежность советских граждан, в данном случае еврейского происхождения, стала использоваться режимом как социальный маркер для скрытой дискриминации.

«Инфицирование» власти элементами антисемитизма являлось в определенной мере и следствием предвоенного советско-германского государственного сближения. Однако официальный антисемитизм в многонациональном и декларативно интернационалистском Советском Союзе никогда не носил, в отличие от мононациональной нацистской Германии, тотально-репрессивного характера, развивался медленнее и, самое главное, не имел легитимного статуса. Сталин, в отличие от Гитлера, не был идейным антисемитом. Если нацистское «окончательное решение» предусматривало полное физическое уничтожение евреев, то сталинская «еврейская политика» ставила во главу угла ассимиляцию, изначально считавшуюся марксистской теорией объективным и потому прогрессивным явлением. Официальному антисемитизму в СССР была присуща латентная, «исподтишковая» тактика, а также использовавшаяся для прикрытия риторика о «коренизации» кадров, прокламировавшая номенклатурный приоритет представителей «титულიной» национальности. Негласность и дозированность сталинского антисемитизма исключали возможность осуществления массовых репрессивных антиеврейских акций.

Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина, который использовал популистский национализм как средство раздувания «межпоколенческой» конкурентной борьбы внутри управленческой элиты и таким образом подчинял ее своей воле. Когда в результате Большого террора произошло радикальное обновление руководящего номенклатурного слоя (в том числе и вследствие репрессивного вымывания немалого количества евреев и представителей других нацменьшинств), во власти возобладала молодая генерация бюрократии. Видя в ней новую социальную опору своего режима, Сталин манипулировал ей, в том числе и посредством скрытого аппаратного антисемитизма, и как следствие — тот стал пересаживаться на номенклатурную почву, а его элементы инфильтрировались в национально-кадровую политику государства. Как системное явление антисемитизм был нацелен на постепенное, «дозированное», сокращение «еврейского влияния» в советском обществе, причем в первую очередь в политическом и идеологическом его сегментах. Сначала это осуществлялось почти исключительно посредством административного «кадрового регулирования» (увольнения с работы под различными предлогами, перевод с руководящих на менее значимые и рядовые должности и т.п.), а с конца 1940-х гг. — еще и путем репрессий.

Если до конца 1940-х гг. официальный антисемитизм использовался Сталиным преимущественно «рационально» (в интересах политического манипулирования номенклатурой), то потом (когда психика этого жестокого политика под бременем старости все более параноически деградировала) — преимущественно «эмоционально», провоцируя такие акции, как борьба с космополитами и по истине «сумасшедшее» «дело врачей». С конца 1940-х гг. жупелы «космополита» и «еврейского националиста» стали активно вытеснять из пропагандистского обихода такие обветшавшие «страшилки», как «троцкисты», «вредители» и прочие «контрреволюционеры». Обличая интеллигенцию за «раболепие» и «низкопоклонство» перед Западом (это пре-

клонение, надо признать, действительно имело место, принимая порой гротескные формы), Сталин боролся, однако, не с причиной этого «недуга» — герметичной закрытостью советского общества, порождавшей в нем идеализацию Запада, а с его следствием — внешними проявлениями этого культурного самоуничужения. По сути, официальный антисемитизм явился одной форм антизападничества власти.

Немалую провоцирующую роль в его послевоенном усилении сыграло и произошедшее в 1948 г. возрождение еврейской государственности на Ближнем Востоке. Оно вызвало в советском еврействе очевидный подъем национального самосознания (массовые стихийные демонстрации национальной солидарности в связи с тогдашним приездом Голды Меир в Москву). Вследствие этого Сталину, несомненно, пришлось пережить настоящий шок. В результате процесс ассимиляции евреев приобрел форсированный, сопряженный с репрессиями характер.

К началу 1950-х гг. престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду мерещились заговоры сионистов. Особенно наглядно это проявилось в «деле врачей» 1953 г., когда из-за политически неадекватных действий Сталина возникла реальная угроза перехода аппаратного антисемитизма в агрессивную открытую форму, что было чревато разрушением фундаментальных основ многонационального государства и наступлением социального хаоса. Резонность такого суждения, кажущегося на первый взгляд преувеличенным, подкрепляется тем, что, осознав незадолго до смерти всю серьезность спровоцированной им ситуации, Сталин вынужден был пойти на попятную, свернув агрессивную пропаганду, имевшую антисемитскую подоплеку. Тем самым парадоксальным образом он буквально на краю могилы устранил возможность осуществления сколько-нибудь крупной антиеврейской акции.

Благодаря тому, что послевоенные репрессии в СССР значительно уступали по масштабу кровавой чистке 1937—1938 гг., от политического террора властей в период «зрелого» антисемитизма пострадало относительно небольшое количество евреев. Всего в 1948—1953 гг. за «националистическую деятельность» были репрессированы около 1 тыс. евреев, в том числе расстреляны не более ста, что частично подтверждается следующими данными (табл. 1).

Из таблицы 1¹ видно, что доля евреев в общем количестве советских нерусских граждан, репрессированных в послевоенное время за «националистическую» деятельность, начинает нарастать с 1949 г., притом что в среднем за 1939—1953 гг. эта доля не превысила 3%.

Закономерным следствием послевоенного официального антисемитизма стала ментальная ревизия еврейским населением своей прежней позиции по безусловной поддержке режима и постепенное насыщение этой этнокультурной среды оппозиционными настроениями. Тому же в значительной мере способствовало и нарастание в СССР системного кризиса, инициировавшего глобальный дискурс о «закате коммунизма». Советская авторитарная модель явно проигрывала в соревновании с западным постиндустриальным либерализмом, опиравшимся на гибкую и вместе с тем стабильную демократическую государственность, а также динамичный научно-экономический прогресс.

¹ Таблица составлена по данным: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). Жуковский; М., 2006. С. 337, 341, 346, 348, 363—464.

Таблица 1

Годы	Количество советских евреев, арестованных и осужденных госбезопасностью		
	По общим политическим мотивам (% евреев от всех арестованных в СССР по тем же мотивам)	В том числе как националистов — сионистов, бундовцев (% евреев от всех арестованных за «националистическую деятельность»)	В том числе как клерикалов (членов иудейских общин)
1936	Данных нет		
1937	Данных нет	420 (сионистов) (0,8)	
1938	Данных нет	1926 (сионистов) (2,8)	
1939	2969 (6,6)	181 (сионисты и клерикалы) (7,5)	
1940-1942	Данных нет		
1943	Данных нет	55 (сионисты и клерикалы) (5,1)	
1944	Данных нет		
1945	714 (0,6)	67 (0,3)	—
1946—1947	Данных нет		
1948	956 (1,4)	42 (0,2)	8
1949	1979 (2,8)	249 (1,5)	17
1950	1232 (2,1)	201 (1,3)	39
1951	1079 (2,3)	229 (2,5)	55
1952	352 (2,1)	102 (2,8)	4
1953	405 (3,8)	128 (3,5)	2
итого	9686 (2,7)	3600 (2,6)	125

Наследовавшая Сталину правящая бюрократия, которая прикрывала номенклатурно-олигархический характер видоизменившегося режима лозунгом коллективности руководства, также пыталась разыгрывать карту антисемитизма, причем вплоть до 1988—1989 гг. Правда, тот был водворен в рамки строго регламентированной негласной политики, исключавшей повторение масштабных пропагандистских и полицейско-репрессивных акций сталинского времени. Это правление, надо признать, отказавшись от сталинской национально-государственной доктрины «старшего брата» и заменив ее суловско-брежневской концепцией советского народа как «новой исторической общности людей», сумело существенно укротить верхушечный антисемитизм. Если в последние годы правления Сталина эта политика была сопоставима с разгоравшимся репрессивным пламенем, то при Хрущеве и Брежневе, которые ее существенно «притушили», — лишь чадила и тлела подобно незримому торфяному пожару. Ради налаживания жизненно важного для советской экономики технологического сотрудничества с Западом Кремль с начала 1970-х гг. даже пошел на дарование евреям такой возможности, а по сути привилегии, как массовая эмиграция из страны. На подобное послабление власти пошли не только с тем, чтобы приобщиться к мировому техническому прогрессу и не только чтобы, как злословили на кухнях, обменять евреев на пшеницу, но и дабы выпустить из общества пар оппозиционности, поступательно усиливавшейся вследствие активизации диссидентского и сионистского движений. Однако эта и другие подобные охранительные меры все более деградировавшего режима не могли быть эффективными и тем более спасительными

для него. Проявленная СССР уступчивость в еврейском вопросе только стимулировала Запад к принятию наиболее наступательных действий. Это и поправка Джексона — Вэника 1974 г., и усиление пропагандистского давления на СССР.

На этот вызов советская система — закрытая, неповоротливая косная донельзя забюрократизированная и идеологически догматизированная — оказалась не способной адекватно ответить, поскольку не могла конкурировать на равных с политически гибким, мобильным и креативным Западом. В итоге СССР проиграл в глобальном соперничестве за интеллектуальные ресурсы. Ведь еврейская эмиграция — это помимо прочего первая массовая утечка мозгов из СССР, нанесящая, без сомнения, серьезный удар по его научно-техническому развитию. Впрочем, стагнировавшей советской экономике такие ресурсы были не очень-то и нужны. Но, как говорится, нет худа без добра. Так, благодаря развернувшейся с конца 1980-х гг. массовой эмиграции советских евреев, в стране в итоге таким парадоксальным образом как бы сам собой разрешился еврейский вопрос, с которым власти в нашей стране не могли справиться в течение предшествующих двух столетий.

СССР и холодная война: итоги и перспективы изучения

У современных специалистов нет единого определения и понимания сущности холодной войны. Академик РАН А.О. Чубарьян дал следующее общее определение этого исторического феномена: «Следствие и наиболее существенный элемент той международно-политической системы, которая сложилась в итоге II мировой войны и получила название Ялтинско-Потсдамской»¹. Эта характеристика эпохи холодной войны позволяет связать ее с ходом мировой истории, провести исторические сравнения с аналогичными прецедентами, такими как Венская система после наполеоновских войн и Версальская — после Первой мировой войны.

Можно привести немало определений холодной войны как явления международных отношений, например: «конфронтационная, но не доходящая до прямого вооруженного конфликта форма взаимоотношений государств, принадлежавших к различным политическим системам, в условиях наличия ядерного оружия и противостояния в глобальном масштабе двух блоков стран во главе с СССР и США». Холодная война велась различными средствами (идеологические кампании, подрывная деятельность), включая локальные конфликты, но не перерастала в глобальную «горячую войну» — отсюда появились альтернативные термины «холодный мир» и «длительный мир»².

Другой подход подчеркивает глобальный и всепроникающий характер холодной войны, сущность которой не сводится только к противостоянию двух систем, но пронизывает почти все аспекты жизни и деятельности человека в условиях этого противостояния.

Вот как образно говорится об этом в одной из книг последних лет по «экологической истории холодной войны» под редакцией Джона Макнейла и Корины Унгер: «Некоторые рыбаки используют изображения, полученные со спутников, чтобы те вели их в поисках косяков рыбы, чего могло бы не случиться без того мощного импульса, который холодная война дала космическим технологиям... И судьба науки и ученых, не связанных с исследованиями на пользу холодной войны, была... опосредованно связана через обмен информацией, международное сотрудничество и так далее, с учеными из Массачусетского Технологического университета, Стэнфорда, Лос-Аламоса, Московского государственного университета, Академгородка и других центров науки Холодной войны... Почти все, что происходило в период с 1945 по 1989 гг., было каким-то образом связано с холодной войной»³. Кроме того, сторонники «экологического» направления рассматривают холодную войну как «агрессивное подчинение природы нуждам человека».

Ряд ученых придерживаются расширительной трактовки холодной войны и ее хронологических рамок. По мнению сторонников идеологического направления, она началась после Октября 1917 г. как противостояние между капитализмом и социализмом, а с 1945 г. вступила в новую стадию глобального противостояния двух мировых блоков.

¹ Холодная война 1945—1963: Историческая ретроспектива: Сб. статей / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 627.

² Егорова Н.И. История холодной войны, 1945—1991 гг. Учебное пособие. Владимир, 2011. С. 37—38.

³ McNeill J.R., Unger, C.R. (eds.). Environmental Histories of the Cold War. Cambridge, 2010. P. 18.

Существуют и сторонники геополитических концепций, которые основываются на положениях о столкновении цивилизаций, геополитическом конфликте между двумя мировыми империями — Россией и США. Приведем только одну цитату о причинах этого столкновения из книги У. Лафебера, о популярности которой свидетельствует тот факт, что она выдержала в США 9 переизданий: «Этот конфликт начался не в 1945, и даже не в 1917 г. с победой коммунистов в России в 1917 году. Две державы вступили в конфликт не потому, что одна была коммунистической, а другая капиталистической... Они столкнулись на равнинах Северного Китая и Маньчжурии в конце XIX века. Эта встреча явилась итогом столетия, в котором американцы двигались на запад через целое полушарие, а русские двигались на восток через Азию. До этого противостояния обе нации были друзьями». Однако, по мнению автора, эти империи резко отличались друг от друга: «Американская империя была децентрализованной, или “федеральной”, российская империя была крайне централизованной, с армией бюрократов, работавших на царя (а впоследствии на “небольшую элиту коммунистической партии в Москве”»). «Российские бюрократы полагали, что только сильная центральная власть могла сохранить нацию», и, по мнению автора (с которым, безусловно, нельзя согласиться, имея налицо хотя бы военно-технические достижения СССР в годы холодной войны), Россия не имела потенциала «воображения и созидания» и «как до, так и после 1917 г., заимствовала технологии с Запада». Напротив, в США почитались не бюрократы, а бизнесмены, которые «пересекали океаны для получения прибыли на свободных рынках». Русские двигались не по воде, а по суше (здесь можно вспомнить известных тезис С. Хантингтона о кардинальных различиях между «континентальной» и «океанической» цивилизациями) и создавали «империю, которая была скорее политизированной, чем коммерческой»⁴.

Автор данной статьи придерживается мнения о холодной войне как определенном историческом периоде, хронологически ограниченном 1945—1991 гг., и решающей роли в нем военно-стратегического, прежде всего, ядерного фактора. Как известно ядерное оружие впервые в истории сделало возможным уничтожение населения Земли, но вместе с тем стало оружием сдерживания, определившим возможность продолжительного существования состояния холодной войны, которая в противном случае могла перерасти с войну горячую. Холодная война может быть определена как эпоха длительного военного, экономического, идеологического противостояния двух мировых военно-политических блоков, сопровождавшегося гонкой новейших вооружений, на базе достижений научно-технической революции⁵.

Следует отметить, что и в зарубежной и отечественной историографии изучалась история создания ядерного оружия и последующей ракетно-ядерной гонки как своего рода локомотива и стержня холодной войны⁶. Исследование военного измерения

⁴ *Lafeber W.* America, Russia and the Cold War, 1945—2000. 9th edition. Cornell University, 2001.

⁵ *Быстрова И.В.* Холодная война 1945—1960 гг. Токио — Москва, Вашингтон. М., 2009. С. 3.

⁶ *Herken, G.* The Winning Weapon: the Atomic Bomb in the Cold War, 1945—1950. N.Y., 1980; *Holloway, D.* Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939—1956. N.H., 1996; *Rhodes, R.* Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N. Y., 1995; *Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект»: разведка и дипломатия. М., 1995; *Malkov V.L.* Domestic Factors in Stalin's Atomic Diplomacy // *Morgan P.M., Nelson K.L. (eds.)*. Re-Viewing the Cold War: Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation. Westport, 2000. P. 25—42; *Zubok V.* Stalin and Nuclear Weapons // *Gaddis J., Gordon P.H., May E.R., Rosenberg J. (eds.)*. Cold War Statesmen Confront the Bomb. L., 1999; *Zaloga, S.J.* The Kremlin's Nuclear Sword: The Rise and Fall of Russia's Strategic Nuclear Forces, 1945—2000. Washington, 2002; *Gordin, M.D.* Red Cloud at Dawn: Truman, Stalin, and the End of the Atomic Monopoly. N. Y., 2009.

последней стало одним из наиболее перспективных направлений после открытия архивов (до 1990-х гг. данная тематика была «закрытой» по соображениям секретности).

Помимо ядерного фактора важнейшим магистральным направлением холодной войны, которое началось с военного противостояния, но затем переросло в глобальное соревнование двух систем, стала космическая гонка середины 1950-х — середины 1970-х гг. По определению одного из главных американских историков—специалистов в данной области У. Макдугалла, «космическая гонка сделала холодную войну тотальной в смысле соревнования за симпатии всех народов, которое шло на всех аренах общественного развития»⁷. Победы СССР в области завоевания космоса — запуск первого спутника в 1957 г., полет первого космонавта Ю. Гагарина в 1961 г. — явились демонстрацией превосходства советской модели развития («преимуществ социализма») перед американской, способствовали колоссальному росту престижа Советского государства на международной арене и впервые за весь послевоенный период вынудили США «догонять» СССР.

Как образно писал историк космических систем Р. Лауниус, «Советский успех со *Спутником* поднял... вопрос об американской технической «виртуозности», и поставил под сомнение американские возможности настолько во многих сферах, что неудачи именно в этой области нанесли наибольший вред американской «персоне». С другой стороны, *Спутник* пробудил чувство гордости среди граждан Советского Союза до той степени, какой не было со времен окончания Второй мировой войны, и какой больше не было за последующую историю этой империи»⁸

За два десятилетия, прошедшие со времени окончания холодной войны, сформировалась, по выражению А.О. Чубарьяна, специальная научная дисциплина — история холодной войны. Возникло такое понятие, как «новая история холодной войны», отличительными чертами которой являются междисциплинарный характер (использование многофакторного подхода к изучению событий этой эпохи, участие в разработке этой проблематики не только историков, но и политологов, журналистов, дипломатов, разведчиков); опора на обширные массивы рассекреченных документов из архивов разных стран; представление о холодной войне как о международной истории (расширение географических рамок этой войны, включение в проблематику не только противостояния между СССР и США, НАТО и Варшавским договором, но и событий в странах «третьего мира» — в Азии, Африке, на Ближнем Востоке). Важнейшим качественным сдвигом, который наступил в результате радикального изменения всей системы международных отношений, открытия архивов, стало соединение отечественной и зарубежной историографий в единый историографический поток, протекавший по сходным направлениям, при сохранении, безусловно, плюрализма мнений и дискуссионной среды.

Эта новая историческая дисциплина кардинальным образом отличалась от историографии эпохи холодной войны, когда изучение ее событий проводилось в основном с полярных идеологических позиций в обоих лагерях противостояния. Господствующие идеологические клише определили установки так называемой традиционалистской, или ортодоксальной школы в западной историографии, сформировавшейся еще в конце 1940 — начале 1950-х гг. (Т. Бейли, С. Бимес, Г. Фейс и

⁷ *McDougall, Walter A. ... The Heavens and The Earth: A Political History of the Space Age.* N.Y., 1985.

⁸ *Launius, Roger D, Logsdon, John M., Smith Robert W. Reconsidering Sputnik: Forty Years Since the Soviet Satellite.* Amsterdam, 2000. P. XI.

др.). Один из ведущих современных специалистов по историографии холодной войны Н.И. Егорова пишет, что согласно данной концепции, «именно Советский Союз развязал политическую и идеологическую войну против некоммунистического мира, используя любые средства, не доходящие до вооруженного столкновения, в том числе пропаганду, саботаж и подрывную деятельность зарубежных компартий». Историки — ортодоксы возлагали вину и на личность Сталина (его «паранойю»), и на «русский экспансионизм».

С 1960-х гг. взгляды «традиционалистов» подверглись критике со стороны «ревизионистов» и приверженцев «реалистической школы». Если сторонники первого подхода выделяли в качестве главного фактора начала холодной войны идеологическое противоборство двух систем — капитализма и социализма, то «ревизионисты» решающее значение придавали геополитическому фактору, трансформации мира из многополярного в биполярный (создание двух новых «центров силы»). Основную вину за развязывание холодной войны они возлагали на США с их политикой экспансионизма, попыткой ее проведения в «сфере влияния» СССР в Восточной Европе (в том числе с помощью «атомного шантажа»).

В последующие годы эта концепция корректировалась во взглядах «постревизионистов» (Дж. Гэддис, У. Таубмен, В. Мастны), которые считали, что каждая из сторон несет ответственность за развязывание холодной войны. Сторонники этого направления все более активно применяли многофакторный анализ (синтез геополитических факторов, задач национальной безопасности, непримиримости идеологий и природы советской (тоталитарной) и западной (демократической) политических систем)⁹.

К концу 1990-х гг. массивное накопление эмпирических знаний о событиях холодной войны привело к новому витку историографических дискуссий среди зарубежных историков: Дж. Гэддис вернулся к традиционалистской точке зрения, возлагая главную вину за развязывание конфронтации на коммунистический режим СССР и лично Сталина. По его рассуждению, «до тех пор, пока Сталин управлял Советским Союзом, холодная война была неизбежна», «чем больше мы знаем, тем меньше смысла отделять внешнюю политику Сталина от его внутренней политики или даже от его личного поведения»¹⁰. «Новые взгляд» Гэддиса подвергся критике со стороны постревизионистов за «неотрадиционализм». М. Леффлер подчеркивал, что «идеологические установки... были подчинены нуждам безопасности и на Востоке, и на Западе», что «агрессивной стороной» был Запад. А. Стефенсон считал, что холодная война отражала «американский взгляд на мир». Г. Лундестад в очередной раз подчеркивал ее международный характер и, в соответствии с этим, современная историография холодной войны представляется им «многоархивной по характеру исследования и многополярной по характеру анализа, мультикультурной по ее способности понимать различные и зачастую противоположные установки». Подвергнув анализу основные подходы к проблематике холодной войны, О.А. Вестад пришел к выводу о необходимости в перспективе научиться тому, «как наилучшим образом использовать архивные источники, чтобы понять мотивы с обеих сторон»¹¹.

М. Леффлер дал комплексный анализ влияния на внешнюю политику СССР и США идей, исторической памяти, а также конкретных изменений международной об-

⁹ Подробнее см.: *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 21—23.

¹⁰ *Gaddis J.L.* We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.

¹¹ *Westad O.A., (eds).* Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretation, Theory. L., 2000.

становки. В определении холодной войны он попытался объединить «части и целое»: «Холодная война была продуктом конкретного времени и стечения обстоятельств. В конце Второй мировой войны советская мощь слилась и с неотразимой привлекательностью коммунизма. Демократический капитализм в течение первой половины века не сумел удовлетворить нужды многих людей... Коммунисты обещали сохранить мир, обеспечить благосостояние, выполнить требования народов Третьего Мира — национальной автономии и модернизации... Триумф Кремля над нацизмом, овладение атомной бомбой и прорыв в космос вызвал доверие к его притязаниям... Холодная война закончилась, когда США и демократические капиталистические союзники смогли ответить на вызовы послевоенной эры: они смогли обуздать рынок., избежать новой великой депрессии, обеспечить экономический рост, простить своих врагов, ...покончить со своим имперским наследием, дать независимость народам Азии и Африки»¹².

В своих последующих работах 2000-х гг. зарубежные историки практиковали все более глобальные подходы к истории послевоенной эпохи. Дж. Гэддис расширил определение холодной войны, понимая под соревнованием систем соперничество в глобальном вопросе: «как лучше организовать человечество»?

Его традиционный соперник М. Леффлер в этом вопросе сближается с Гэддисом, указывая, что холодная война — это своего рода «борьба за душу человечества»¹³, за отстаивание системами лучшего образа жизни. Еще более расширительное определение сформулировал В. Зубок, определивший холодную войну как «одновременно геополитическую и идеологическую конфронтацию, столкновение двух форм модернизации двух образов жизни и двух потенциальных империй»¹⁴.

О.А. Вестад уделил особое внимание противоборству сверхдержав в «третьем мире», идее мессианизма, когда каждая из сторон считала, что именно ее модель развития обеспечит прогресс в развивающихся странах¹⁵.

Г. Лундестад в своей многократно переизданной книге «Восток, Запад, Север, Юг», переведенной и на русский язык, ярко представил послевоенную историю как комплекс взаимодействия большинства стран мира, в том числе Европы, стран «третьего мира»¹⁶.

Накопление новой западной историографией фактического материала и опыта теоретических дискуссий по различным аспектам истории холодной войны создало солидную основу для начала написания крупных коллективных обобщающих трудов по проблематике, к числу которых относится «Кэмбриджская история холодной войны» в 3-х томах (под редакцией О. Вестада и М. Леффлера). В 2010 г. вышел в свет первый том «Происхождение», в написании которого приняли участие ученые из США, Европы, Азии и России¹⁷.

В советской историографии, напротив, вина за развязывание холодной войны, за кризисы в международных отношениях возлагалась исключительно на страны Запада. В государстве, где господствовала одна партия, один вождь, одна идеология, должна

¹² Ibidem. P. 57.

¹³ *Leffler, Melvyn P.* For the Soul of Mankind: The United States, The Soviet Union, and The Cold War. N. Y., 2007.

¹⁴ *Zubok V.M.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007.

¹⁵ *Westad O.A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge, 2005. См. также: *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 34—35.

¹⁶ *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945—1996 / Пер с англ. М., 2002.

¹⁷ *Leffler M.P., Westad, O.A. (eds.)*. The Cambridge History of the Cold War. Vol. I. Origins. Cambridge, 2010.

была существовать единая историческая школа. Дискуссии шли только по частным вопросам. Так, по выражению Н.И. Егоровой, «размежевание в подходах советских историков шло по линии датировки начала холодной войны — 1917 г., конец Второй мировой войны или же первые послевоенные годы, — а также в связи с расхождениями историков в оценках взглядов Ф. Рузвельта и Г. Трумэна на послевоенное сотрудничество с СССР»¹⁸. Кроме того, серьезным препятствием к объективному изучению в СССР истории холодной войны была почти тотальная закрытость архивов.

Кардинальные перемены в исследовании холодной войны в новой постсоветской России были связаны, прежде всего, с открытием отечественных архивов («архивная революция»). Началось массовое издание рассекреченных документов из архивов: партийных, государственных и Министерства иностранных дел¹⁹

«Архивная революция» (конец 1980-х гг.) происходила как в СССР, так и в бывших «социалистических» странах — Германии, Польше, Венгрии, Чехии, Болгарии, а также в Китае и Вьетнаме. В США рассекречивание имело место еще до окончания холодной войны, а в 1990-е гг. этот процесс приобрел новые масштабы в связи со снятием грифа секретности с обширных массивов документов внешнеполитического и военного ведомств, а также спецслужб. В меньшей степени были открыты архивы Великобритании, Франции, Италии.

Рубеж 1980—1990-х гг. характеризовался также установлением первых «мостов» и началом обмена мнениями между бывшими противниками по проблемам истории холодной войны. Большое влияние на становление новой российской историографии холодной войны оказали историографические дискуссии на Западе, в обобщенном виде представленные на момент 1991 г. в книге А.М. Филитова²⁰

В 1995 г. была создана Группа по изучению истории холодной войны в Институте всеобщей истории, занимавшаяся исследованием ключевых проблем этой войны с международной точки зрения (причины и сущность, кризисы холодной войны, разрядка напряженности и др.).

Этот период характеризовался интенсивным освоением российскими историками новых пластов архивных документов и созданием монографий на базе новых источников и подходов к изучению истории холодной войны. Работы А.М. Филитова, А.А. Фурсенко²¹, Н.Е. Быстровой²², Ф.И. Новик²³, А.С. Орлова, А.С. Торкуно-

¹⁸ Егорова Н.И. Указ. соч. С. 22.

¹⁹ Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А. Фурсенко. Т. 1—3. М., 2004—2008; Россия XX век. Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999; Россия XX век. Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н. Ковалева [и др.]; отв. ред. Г.И. Резниченко. М., 1999; Россия XX век. Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953 / Сост.: Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М., 2005; Россия XX век. «Документы». «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы / Гл. ред.: Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010; Советско-американские отношения 1949—1952: сб. док. и материалов / Науч. ред. Г.Н. Севостьянов; сост. В.М. Семенов и др. М., 2006; Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969—1976. Т. 1. Кн. 1—2. М., 2007.

²⁰ Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.

²¹ Фурсенко А.А. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. / А. Фурсенко, Т. Нафтали / Пер с англ. М., 2006.

²² Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945—1955). М., 2007.

²³ Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны: Германская политика СССР в 1953—1955 гг. М., 2000.

ва, Ю.В. Ванина, И. Гайдука и А.А. Улунына затрагивали практически все основные внешнеполитические аспекты этой истории, включая основные кризисы и точки наиболее острого противостояния двух военно-политических блоков — НАТО и Варшавского Договора: война в Корее, Карибский кризис, войны в Индокитае, Берлинские кризисы и т.д.

Следует выделить такое плодотворное направление в историографии, как советская политика в Центральной и Восточной Европе. В трудах Института славяноведения, представленных капитальными сборниками документов и исследованиями, была ревизована концепция решающей роли силового фактора — «диктата Москвы» в Восточной Европе в 1944—1953 гг., показаны различные варианты и этапы «советизации»²⁴.

Постепенно в умах историков зародилась плодотворная идея о необходимости изучения истории холодной войны как комплекса взаимосвязей между внутренней и внешней политикой вовлеченных в нее стран, в частности, СССР. Во второй половине 1990-х гг. вышло в свет несколько коллективных трудов, написанных в данном ключе²⁵. Эти разработки увенчались созданием целого ряда индивидуальных монографий, внесших новаторский вклад в изучение проблематики взаимосвязи внутренней и внешней политики СССР в условиях холодной войны. Авторы этих работ исследовали следующие проблемы: функционирование власти в СССР в условиях холодной войны (Ю.Н. Жуков)²⁶, формирование и развитие военно-промышленного комплекса, роль ядерного оружия, военно-стратегического фактора (И.В. Быстрова)²⁷, формирование у населения СССР образа врага в лице стран Запада, прежде всего США (А.В. Фатеев)²⁸, влияние милитаризации на положение в деревне (В.Ф. Зима)²⁹, развитие репрессивной системы, ГУЛАГа (Г.М. Иванова)³⁰.

В 1990-е гг. отечественные историки принимали участие в международных дискуссиях о происхождении, начале, периодизации (с 1917 г. или с 1945 г.), сущности кризисов и окончании холодной войны, а также — по конкретным историческим сюжетам. В настоящее время российские исследователи активно участвуют в создании международной истории холодной войны. По их мнению, специфика современных отечественных исследований, по сравнению с зарубежными, заключается в продолжающемся неослабевающем интересе к изучению источников (на Западе же имеет место своего рода спад ожиданий сенсационных находок в архивах). По-прежнему закрыты некоторые российские ключевые архивы (Архив Президента РФ, например), затруднена работа в других архивохранилищах и перекрыт доступ к зарубежным источникам, что требует от наших исследователей более трудоемкой работы, поисков косвенных свидетельств. По сравнению с Западом, относительно мало из-

²⁴ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: очерки истории. М., 2000.

²⁵ СССР и холодная война / Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995; Сталинское десятилетие «холодной войны»: факты и гипотезы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999; Советское общество: будни «холодной войны» / Под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. М., 2000.

²⁶ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Маленков. 1936—1954 гг. М., 2000.

²⁷ Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг.). М., 2000; *Ее же*. Советский военно-промышленный комплекс в 1930—1980-е годы: проблемы становления и развития. М., 2006.

²⁸ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде: 1945—1954 гг. М., 1999.

²⁹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

³⁰ Иванова Г.М. ГУЛАГ в систему тоталитарного государства. М., 1997.

учаются теоретические вопросы (роль разрядки, холодная война с точки зрения цивилизационного подхода, основные причины ее окончания).

Историографы выделяют два основных направления в современной российской историографии:

— традиционалистское, приписывающее странам Запада главную вину за развязывание холодной войны, а также продолжающее оправдание внешней политики СССР;

— «ревизионистское», в рамках которого развивается «новая история холодной войны».

Сохраняются расхождения в определении причин, сути, датировки холодной войны, советской политики в Восточной Европе и по ряду других вопросов³¹.

Российские историки стали участниками важнейших международных дискуссий по проблематике холодной войны. Одним из ключевых дискуссионных блоков было обсуждение ее причин и истоков.

Говоря о причинах «советской экспансии», некоторые историки согласились с установками западных исследователей традиционного направления об «идеологической революционной имперской политике» СССР как источнике конфронтации (Р. Пайпс, В. Зубок, К. Плешаков).

В.Л. Мальков, В.О. Печатнов, М.М. Наринский, А.М. Филитов доказывали ограниченность геополитических интересов СССР при переходе к холодной войне. Проведенный ими анализ рассекреченных советских документов правительственных комиссий (по репарациям — Майского, по мирным переговорам — Литвинова, по условиям перемирия — Ворошилова) показал, что руководство СССР допускало «полюбовный раздел» сфер влияния.

В ходе дискуссий российские историки в основном сходились во мнении, что после окончания Второй мировой войны у СССР не было четкой концепции внешней политики. По выражению А.О. Чубарьяна, «Сталин не имел ясной долговременной концепции политики». Причиной этой неопределенности явились изменения в политике США, которые вопреки договоренностям между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции взяли курс на вытеснение СССР из стран Восточной и Центральной Европы. По образному выражению российского историка-американиста В.О. Печатнова: «СССР был слишком силен, чтобы капитулировать, и слишком слаб, чтобы победить. В этом заключался порочный круг холодной войны для Сталина»³².

Большинство российских историков также согласились, что «точкой невозврата» в холодной войне можно считать лето 1947 г., когда СССР воспротивился плану Маршалла как «плану игры», рассчитанной на изоляцию СССР и вытеснение его из Западной, и даже из Восточной Европы. Этот кризис привел также к резкому усилению политики «советизации» в странах Восточной Европы³³.

Одной из дискуссионных является проблематика кризисов холодной войны — их происхождения, сущности, последствий. Ряд историков оценили кризисы как своего рода «пробу сил» противоборствующих сторон, другие — как способ разрядки напряженности, или как — урегулирования отношений между противоборствующими ла-

³¹ См.: *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 30.

³² Подробнее см.: *Зубок В.М., Печатнов В.О.* Отечественная историография «холодной войны»: Некоторые итоги десятилетия // *Отечественная история.* 2003. № 4. С. 148.

³³ *Зубок В.М., Печатнов В.О.* Указ. соч. // Там же. № 5. С. 139.

герями. Основополагающими системными кризисами холодной войны традиционно считались Берлинские события 1945—1946 гг., 1948—1949 гг., 1958—1961 гг.; Карибский кризис 1962 г.; советские вторжения в Венгрию (1956 г.), Чехословакию (1968 г.), Афганистан (1979 г.). Однако новая историография значительно расширила этот список, включив в него затяжной конфликт в Индокитае в 1950—1970-е гг., события в горячих точках — на Ближнем и Дальнем Востоке, в Африке, а также противостояние между блоками в Скандинавии, Азии. Ареал исследований приобрел поистине глобальный размах.

Немалые дискуссии прошли по различным конкретно-историческим аспектам тематики «Холодная война в третьем мире». Большинство историков согласилось с тезисом о том, что после Карибского кризиса 1962 г. лидеры СССР и США пришли к осознанию невозможности разрешения противоречий путем глобального ядерного конфликта, поскольку в результате может погибнуть все человечество, и победителей в такой войне не будет. Высказывалась даже «радикальная» мысль о том, что в результате Карибского кризиса холодная война закончилась. Однако представляется более обоснованным тезис о том, что противостояние перешло в другую фазу и приняло иные формы, прежде всего вылившись в соперничество между лидерами двух мировых блоков за влияние на страны «третьего мира».

Идеологическая основа советской политики была подведена внешнеполитической концепцией Н.С. Хрущева. Идея использования «третьего мира» в качестве полигона холодной войны, где СССР мог почти на равных выдерживать соревнование с «капиталистическим» блоком, продолжала активно развиваться и при Л.И. Брежнев.

В докладе на XX съезде ЦК КПСС Н.С. Хрущев выдвинул новации о том, что «фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные в политические силы, располагающие серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами. Эти силы, создавшие “зону мира” в Восточной Европе, Азии и Африке — социалистические и развивающиеся страны — стали союзниками в борьбе против колониализма, неоколониализма и империализма». Эти идеи легли в основу политики помощи любому государству «третьего мира» (в советских документах тогда употреблялся также термин «слаборазвитые в экономическом отношении страны»), которое обратится за помощью к СССР.

В связи с этим историки выделяют факторы, определявшие эту политику: 1) «обращения лидеров развивающихся стран к СССР за поддержкой»; 2) «стремление противодействовать политико-идеологическому наступлению Китая в “третьем мире”» (укрепление советских контактов с Афганистаном, Индией, Индонезией, Бирмой); 3) «стремление противодействовать политике “окружения” советского блока, проводившейся США» (сближение СССР с Египтом и Сирией, создавших в 1958 г. Объединенную Арабскую Республику; особое внимание к безопасности границ СССР — отношения с Афганистаном); 4) стремление усилить свое влияние в странах-региональных лидерах (Ирак, Вьетнам, Эфиопия, Южный Йемен, Египет, Сирия, Ангола, Куба); 5) борьба за «социалистическую» ориентацию стран (в особенности ярко проявилась в Африке)³⁴.

В обсуждении этой проблематики приняли активное участие очевидцы событий, опубликовавшие свои мемуары. В частности бывший заместитель заведующего

³⁴ См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н.Нежинский. М., 1995. С. 405—406.

международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенц вспоминал о «дуэли сверхдержав» в «третьем мире» и анализировал причины, по которым СССР не смог реализовать планы сотрудничества в этой сфере в период «разрядки» 1970-х гг. Бывший первый заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко писал о том, как конфликты в «третьем мире» привели к кризису «разрядки»³⁵. Причинами кризиса советской политики стали и экономические трудности, возникшие в СССР в 1970-е гг., и эгоистическая политика союзников СССР в «третьем мире». Многие страны откровенно эксплуатировали СССР, получая огромную экономическую помощь во имя идеологических интересов, затем некоторые вступили на путь «предательства» интересов СССР и стали получать ширококомасштабную помощь от США (наиболее яркий пример — египетский президент А. Садат).

Большинство авторов отмечают и другой важный фактор — жесткую позицию США, нежелание американцев допустить присутствие СССР в странах Азии, Африки. По мнению Брутенца, США выиграли схватку в «третьем мире», как и холодную войну в целом, только благодаря запасу прочности своей системы, «но не политике, которая не была ни мудрее, ни проницательнее, ни профессиональнее, чем советская»³⁶.

Очагом наиболее острых дискуссий является проблематика окончания холодной войны (в зарубежной историографии расхождения не были столь острыми, а позиции — непримиримыми). Историки — «триумфалисты» расценивали окончание холодной войны исключительно как победу США, без учета внутренних причин кризиса советской системы. Позиция по этому вопросу известного нам Дж. Гэддиса отличалась тем, что он придавал особое значение действиям западных политиков, прежде всего жесткому курсу Президента США Р. Рейгана, а также роли таких личностей, как лидеры «бархатных революций» в Восточной Европе Лех Валенса и Вацлав Гавел, римский папа Иоанн Павел II, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Другие исследователи, как английский историк А. Браун, считают, что решающее значение имел «ветер с Востока», выделяют особую роль М.С. Горбачева и его концепции «нового политического мышления». М. Леффлер в данном вопросе использует синтезированный подход, показывая роль и Горбачева («окончил холодную войну»), и Рейгана (холодная война заключалась, по его мнению, не в устранинии СССР, а в обеспечении поддержки курса на переговоры с СССР со стороны консервативного крыла американского истеблишмента)³⁷.

Основные точки зрения на причины окончания холодной войны были выделены в историографических работах В.М. Зубока и В.О. Печатнова. К ним относятся следующие принципиальные позиции:

Сторонники «нового политического мышления» — М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев и др. — отстаивали свою «правоту в развязывании узлов холодной войны», таких как объединение Германии, «бархатные революции», сокращение вооружений. Они «разводили» во времени и по сути процессы окончания холодной войны и распада СССР», делая основной упор на мирном окончании конфронтации.

Принципиальные противники «перестройки» — В.И. Болдин, Е.К. Лигачев, В.А. Крючков и другие авторы — участники событий — разрабатывали «мотив пре-

³⁵ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998; Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М., 1994;

³⁶ Подробнее см.: Зубок В.М., Печатнов О.В. Указ. соч. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 146—147.

³⁷ См.: Егорова Н.И. Указ. соч. С. 26—27.

дательства». Согласно их воззрениям, М.С. Горбачев и его сторонники (А.Н. Яковлев и др.) выступили «пятой колонной» США в их целенаправленной политике разрушения СССР, в 1988–1991 гг. предали государственные интересы во внутренней и во внешней политике. К числу самых последних работ этого направления следует отнести книгу А.Н. Шевякина³⁸.

Очевидцы событий (С.Ф. Ахромеев, А.Ф. Добрынин, В.М. Фалин) заняли точку зрения, близкую к предыдущей (смягченную), обвиняя последних руководителей СССР в «бездумной сдаче позиций» американской дипломатии на переговорах по разоружению, Германии; они развивали тезис о возможности достойного окончания холодной войны при сохранении военно-стратегического паритета, интересов безопасности СССР.

Ряд российских историков «либерального» направления — Д.А. Волкогонов, В.В. Согрин, Р.Г. Пихоя «игнорировали» внешний фактор, расценивали распад СССР как закономерное окончание революционно-тоталитарного эксперимента в СССР. К числу причин кризиса эти авторы относили «реформаторские иллюзии Горбачева, эгоизм технократических элит, радикальную эйфорию сторонников Ельцина».

Существует точка зрения о взаимосвязи внутренних и внешних факторов. Историк А.В. Шубин относит истоки перестройки к внутреннему кризису в СССР, но при этом он, «со ссылкой на книгу апологета рейгановской администрации Питера Швейцера, приходит к выводу, что политика нажима на СССР со стороны рейгановской администрации оказала известное воздействие»³⁹.

Неоднократные обострения российско-американских отношений в 2000-е гг. вызвали дискуссии о так называемой «новой холодной войне», возродив в определенной степени прежние геополитические подходы, представления о цивилизационном противостоянии между Россией и США. Анализируя причины «возврата холодной войны», некоторые исследователи стали развивать тезис о различиях между СССР и США в социокультурном контексте (В.Л. Мальков)⁴⁰.

Основной спектр изучения российскими историками внешнеполитического аспекта холодной войны можно проследить в обобщающей коллективной монографии «Холодная война 1945—1963: Историческая ретроспектива»⁴¹.

В книге продолжилась дискуссия о причинах, сущности, датировке холодной войны. Так, Д.Г. Наджафов в своей статье отнес истоки холодной войны к 1917 г., связывая их со структурными противоречиями между двумя социально-политическими системами. Главную роль в возникновении холодной войны он отвел идеологическому противостоянию. Вторую мировую войну автор расценил как рубеж, за которым последовала новая, более активная фаза — холодной войны.

Напротив, В.О. Печатнов выступил сторонником синтеза геополитических и идеологических факторов в объяснении причин начала холодной войны, выделяя такие ее предпосылки, как формирование с 1946 г. «антисоветского консенсуса» в США, «реидеологизация американской политики в отношении СССР как антитеза курсу Рузвельта на сотрудничество, возврат тотального контроля во внутривосточной жизни СССР, геополитические притязания Сталина.

³⁸ Шевякин А.Н. Заказное убийство СССР. Подлинная история катастрофы. М., 2011.

³⁹ Зубок В.М., Печатнов О.В. Указ. соч. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 145—148.

⁴⁰ См.: Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

⁴¹ Холодная война: историческая ретроспектива: Сборник статей / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.

Л.Б. Гибианский посвятил свой раздел проблеме становления Восточного блока. Он выделил три группы стран в соответствии с тем, как создавался в них режим «народной демократии»: при поддержке Москвы, но на собственной основе; при преобладающем советском вмешательстве; при решающем воздействии СССР в сочетании с влиянием национальных общественно-политических сил.

Гибианский согласился с тем, что до рубежа 1946—1947 гг. Москва продолжала проводить дифференцированную политику в отношении стран Восточной Европы по поводу сроков советизации. Однако он подверг критике точку зрения, что до 1946 г. Сталин допускал демократический путь развития стран Восточной Европы. «Несоветский путь» он назвал «растянутой советизацией», которая имела характер камуфляжа (с целью скрыть истинные намерения Сталина).

В этом сборнике Н.И. Егорова является автором введения и двух статей. В первой из них — «Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947—1953 гг.)» — она рассмотрела планы стран Запада в отношении интеграции Западной Германии в европейскую систему безопасности и соответствующие реакции советского руководства. Автор является одним из первых исследователей, которые начали изучать военное измерение холодной войны, а именно: создание НАТО и расширение его стратегических границ.

А.М. Филитов в статье «СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941—1961 гг.)» пересмотрел ряд положений историографии по германскому вопросу. На основе архивных документов он доказал, что осенью-зимой 1946 г. и в январе 1947 г. еще существовали возможности для компромисса бывших союзников по германскому вопросу, которые были упущены. Оригинальность позиции автора заключается в том, что он рассматривает холодную войну как форму урегулирования отношений внутри двух противостоящих лагерей.

В книгу включена также статья американской исследовательницы К. Уэзерсби, которая анализирует военное измерение холодной войны на примере войны в Корее 1950—1953 гг. Она изучает документы об отношениях между СССР, Китаем и Кореей. С точки зрения теории, она отрицает утверждение, что холодная война была своего рода тестом — испытанием Запада на прочность; анализирует просчеты Сталина в оценке политики «невмешательства» США в корейский конфликт.

Влияние ядерного фактора на политику холодной войны рассмотрели в своих статьях Ю.Н. Смирнов и В.Л. Мальков. Последний исследовал внутривнутриполитические аспекты советской атомной дипломатии в 1945—1949 гг. Проанализировав проблему влияния атомного фактора на морально-психологический климат в СССР, автор пришел к выводу, что использование обстоятельства атомной монополии США способствовало укреплению позиций Сталина во внутренней и внешней политике.

Роль техногенного фактора показана также в статье Ю.Н. Смирнова «Холодная война как явление ядерного века». Автор проследил взаимодействие эскалации холодной войны и гонки ядерных вооружений; показал роль ученых в принятии советским руководством решений по ядерным проблемам, в подписании в 1963 г. в Москве Договора о запрещении испытаний ядерного оружия.

В сборнике содержатся также статьи о роли разведки в холодной войне. В.В. Поздняков проанализировал причины кризиса советской разведки во второй половине 1940-х гг., изучил конкретные просчеты СССР в ходе первого Берлинского кризиса и войны в Корее.

А. Улунян рассмотрел проблему взаимодействия великих держав с малыми странами в годы холодной войны на примере Турции и Греции.

Еще один раздел сборника посвящен периоду оттепели середины 1950-х — начала 1960-х гг. И.В. Гайдук в статье «Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю (1954 г.)» показал деятельность советской дипломатии во главе с В.М. Молотовым, процесс принятия решений советским руководством о разделе Вьетнама.

Н.И. Егорова в своей второй статье «Европейская безопасность, 1953—1955 гг.: поиск новых подходов» на базе новых архивных документов представила столкновение двух позиций в ходе встречи на высшем уровне в Женеве осенью 1955 г. — советской «формулы обеспечения безопасности в Европе» (при сохранении раскола Германии) и западного «плана Идена», а также причины, по которым возможность компромисса не реализовалась.

А.С. Стыкалин в статье «Восточная Европа в системе отношений Восток—Запад (1953 — начало 1960-х гг.)» проанализировал кризисы в Венгрии и Польше в 1956 г. и эволюцию политики Н.С. Хрущева — от оттепели к военной интервенции и подавлению сопротивления в этих странах. Автор комплексно рассмотрел внешний фактор (советские и западные планы в Восточной Европе) и внутренний фактор (нарастание протеста населения в Восточной Европе против политики просоветского руководства этих стран).

А.А. Фурсенко в статье о Кубинском кризисе рассмотрел ряд малоизученных ранее в историографии вопросов: роль разведки, принятие Н.С. Хрущевым решения о размещении советского ядерного оружия на Кубе. Автор показал также взаимосвязь событий на Кубе с Берлинскими кризисами, ситуацией на Дальнем Востоке и в других регионах, где проявлялась холодная война.

Академик А.О. Чубарьян в послесловии к сборнику выделил основные черты и направления новейшей историографии холодной войны, а также перспективы ее развития.

В настоящее время в США и ведущих странах Западной Европы существуют многочисленные центры по изучению России и стран Центральной и Восточной Европы. Наиболее известен Институт Кеннана при Центре В. Вильсона в Вашингтоне. В 1991 г. в этом Центре был создан отдельный Проект по международной истории холодной войны (Cold War International History Project) Основное направление его деятельности — содействие написанию международной истории холодной войны через рассекречивание архивных материалов (хранящихся в странах бывшего советского блока), их опубликование на страницах специального «Бюллетеня» и проведение международных конференций.

В университете Дж. Вашингтона (г. Вашингтон) работает Архив документов по национальной безопасности США (National Security Archive), где хранятся архивные копии документов по истории холодной войны и коллекции документов по «устной истории», Исследованием военного измерения холодной войны занимается международный «Проект по параллельной истории сотрудничества в области безопасности» (с 1999 г. до последних лет он назывался «Проект по параллельной истории НАТО и Организации Варшавского договора»), который также публикует рассекреченные документы из архивов Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии.

Целый ряд научных центров и групп по изучению истории холодной войны работает в разных странах мира: США — при университете в штате Огайо, в Гарвардском, Калифорнийском (Санта-Барбара), Вашингтонском университетах; Италия — центры по изучению холодной войны университетов Флоренции, Падуи, Перуджи, Рима; Восточ-

ная Европа — Центр в Институте венгерской революции 1956 г. в Будапеште и Группа по изучению холодной войны в Болгарии. Подобные центры есть и в Китае. Многие из этих центров имеют свои страницы в Интернете (например, «Проект по международной истории холодной войны», «Проект по параллельной истории сотрудничества в области безопасности», «Архив документов по национальной безопасности» и др.)⁴².

Последнее десятилетие ознаменовалось как разработкой новых конкретно-исторических аспектов проблематики холодной войны, так и поиском новых подходов и интеграцией усилий ученых разных стран. На рубеже веков исследователи обратили особое внимание на изучение феномена разрядки как важнейшей сущностной составляющей эпохи холодной войны. Российские историки приняли участие в этом процессе, организовав в 2002 г. международную конференцию в Москве. Периоды разрядки, чередовавшиеся с периодами кризисов, составляли, по мнению участников конференции, органическую часть эпохи холодной войны. Высказывались различные точки зрения на разрядку — и как на продолжение холодной войны менее опасными средствами, и как на ее альтернативу⁴³.

К числу новых направлений совместных международных исследований по данной проблематике можно отнести изучение культурного измерения холодной войны. В рамках совместного проекта РГНИ и Бохумского университета «Культура и власть от Сталина до Горбачева» выпущены два сборника документов и монографии. Объектом изучения становятся все новые аспекты внутренней и внешней политики США как инструмента пропаганды «американского образа жизни» — развития культурных обменов⁴⁴, продвижение спортивных достижений⁴⁵ и др.

Одним из новых направлений изучения и переосмысления холодной войны является исследование не только конфронтации, но и элементов сотрудничества — пусть и невольного, в виде деятельности разведслужб, взаимопроникновения технологий и культур. В этом отношении следует выделить международный междисциплинарный проект 2000-х гг. в Александровском Институте в Хельсинки. По мнению авторов проекта, прежние исследователи политической, экономической, социальной, культурной истории изучали в основном динамику изменений, развития различных аспектов истории, новые же исследования в области холодной войны «сфокусированы на взаимодействии и кооперировании; индивидуальные государства, негосударственные и “малые актеры”, включая отдельных личностей по обе стороны Железного Занавеса — с особым упором на мало изученную “восточную” точку зрения. Исследования обратились к встречам и взаимодействию обычных людей вместо конфронтации и конфликтов»⁴⁶.

Здесь можно отметить сильно выраженную «скандинавскую» составляющую новой историографии холодной войны, стремление ученых из этих регионов (неоднократно упоминавшиеся выше О.А. Вестад, Г. Лундестад и др.) привлечь внимание к той роли, которую сыграли в ней все «малые страны» Европы.

⁴² См. *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 31—32.

⁴³ Там же. С. 167—168.

⁴⁴ *Richmond Y.* Cultural Exchange and the Cold War. Raising the Iron Curtain. Pennsylvania, 2003.

⁴⁵ *Crawford R.* The Use of Sports to Promote the American Way of Life During the Cold War: Cultural Propaganda 1945—1953. Lewiston, 2008.

⁴⁶ *Autio-Sarasma S., Miklossy K.*, eds. Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered / Aleksanteri Cold War Series 1. 2010. P. 17; см. также: *Autio-Sarasma S., Miklossy K.* Reassessing Cold War Europe. L., 2011.

По мнению соавторов упомянутого выше проекта (Александровский институт, г. Хельсинки), эта роль была существенна в силу их геостратегического положения: «Подобно Вене, город Хельсинки в годы холодной войны был центром шпионажа, и был описан в ряде периодически появлявшихся романов и фильмов; по зрелому размышлению, Хельсинки был центром дипломатии и разрядки»⁴⁷. Важнейшим полигоном холодной войны являлась Арктика⁴⁸ (вспомним дискуссии о ее безъядерном статусе); инциденты и столкновения шли в «пограничных» морских районах между СССР и Норвегией и т.д.

Активно продолжается развитие на новой источниковой базе традиционных направлений изучения холодной войны в разных сферах — в океане, Арктике, космосе. Основой для этого стало опубликование рассекреченных источников — например, многотомного издания документов атомного ведомства СССР под общим названием «Атомный проект СССР»⁴⁹. Впервые стали доступны для исследователей документы закрытого архива Министерства среднего машиностроения, в том числе — Специального комитета, первого Главного Управления при Совете Министров СССР. В этих материалах отражен процесс создания атомного и водородного оружия в СССР в 1940-х — начале 1950-х гг.

К числу наиболее значительных публикаций последних лет, позволяющих расширить базу для изучения истории наращивания ракетно-ядерного потенциала СССР в условиях холодной войны, относится сборник документов, составленный В.И. Ивкиным и Г.А. Сухиной⁵⁰. Впервые увидели свет особо секретные документы из АВП РФ, ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГАНИ, РГВА, ЦАМО РФ, Центрального архива ракетных и космических войск, в которых отражен процесс создания ракетных вооружений и подготовки военных подразделений для их эксплуатации (организация, личный состав ракетных частей, создание системы управления ракетостроением, взаимоотношения между заказчиком и исполнителем, между военными и гражданскими ведомствами и т.д.), дискуссии военно-политического руководства страны по вопросу о создании Ракетных войск стратегического назначения.

К числу «прорывных» для отечественной историографии монографий необходимо отнести книгу А.А. Киличенкова⁵¹, которая детально раскрывает малоизвестные аспекты военно-стратегического соревнования между СССР и США в тот период холодной войны, когда вопреки сложившимся стереотипам западной политологии, СССР впервые стал «океанической» державой. По заключению автора, начиная с 1960-х гг., имел место настоящий прорыв советского флота в океан. Основными формами противодействия СССР военно-морским силам США, Англии, НАТО являлись: военно-морское присутствие, проведение масштабных военно-морских учений (под кодовым названием «Океан»), патрулирование военно-морских баз и побережья США, сопровождавшееся затруднением действий противника и зачастую авариями; впечатляющие военно-морские визиты, служившие пропаганде военно-морской

⁴⁷ *Autio-Saraso S., Miklossy K*, eds. *Winter Kept Us Warm...* P. 16.

⁴⁸ См., например: *Холодная война в Арктике: Сб. ст. / Сост. М.Н Супрун*. Архангельск, 2009.

⁴⁹ *Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3-х тт. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева*. М., Са- ров, 1998—2003.

⁵⁰ *Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ра- кетных войск стратегического назначения (1945—1959 гг.): Сб. док. / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Су- хина*. М., 2010.

⁵¹ *Киличенков А.А. «Холодная война» в океане Советская военно-морская деятельность 1945—1991 гг. в зеркале зарубежной историографии*. М., 2009.

моши СССР; поставки военно-морских вооружений (Египет, Индонезия, Куба, Индия — всего поставлено 450 кораблей). Автору удалось раскрыть на базе зарубежных источников и историографии одну из самых захватывающих страниц истории холодной войны.

На новой источниковой базе шло изучение и переосмысление проблемы влияния холодной войны на внутреннюю политику СССР и США⁵²

Говоря о перспективах дальнейших исследований, следует снова обратить внимание на международный характер и самой эпохи холодной войны, и ее историографии, и на возможность разработки общих тем усилиями ученых разных стран. В настоящее время накоплен огромный документальный материал, а также многолетний опыт разноплановых теоретических дискуссий по различным проблемам истории холодной войны, что создает возможность ее глобального осмысления как феномена XX ст.

К числу общих тем можно отнести, например, глобальное военно-стратегическое соревнование (международная история ядерного оружия, ракетно-космических проектов, военно-морского противостояния); идеология и формирование стереотипов холодной войны, анализ процессов принятия решений и роли лидеров разных стран. Отдельная тема — последствия, наследие и причины рецидивов холодной войны в современном мире, но она, скорее, относится к компетенции политологов и социологов.

Среди перспективных методов изучения холодной войны — сравнение аналогичных явлений в вовлеченных в нее странах, международные и междисциплинарные проекты. Не прошло, однако, время и индивидуальных исследований различных аспектов истории периода холодной войны. Новые горизонты для творчества в изучении этой самой сложной, драматичной, загадочной, «детективной» эпохе в истории XX в. предстанут по мере и в зависимости от открытия новых источников, прежде всего архивных документов.

---

⁵² См., например: *Zubok M., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War. Cambridge (Mass.), 1996; Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.*

В.Б. Жиromская

История российского населения XX века в зеркале демографии

Двадцатый век — век глобальной демографической модернизации. В орбиту этого мирового процесса втягивается все большее количество стран, в том числе и Россия. Демографическая модернизация предполагает прогрессирующее поэтапное развитие сменяющих друг друга типов воспроизводства населения. Содержание этого процесса в мировом масштабе связано с Первым демографическим переходом — от традиционного к современному типу воспроизводства населения — и началом Второго демографического перехода. В период Первого демографического перехода формируется модель репродуктивного поведения, ориентированная на малую нуклеарную семью, малодетную, с низкими показателями смертности и рождаемости, позволяющими обеспечить простое воспроизводство поколений и высокий уровень средней продолжительности предстоящей жизни населения. Индустриально-развитые страны Западной Европы вступили в стадию Первого демографического перехода в XVII—XVIII вв., и в настоящее время эти страны, по признанию западных демографов, переживают стадию Второго демографического перехода. Он развивается в постиндустриальных странах, которые западные исследователи называют государствами «социального равновесия», «всеобщего благополучия» и пр. Имеется в виду высокий уровень развития экономики, социального обеспечения населения, образования и культуры. Это достигается широким использованием новейших достижений медицинской и фармакологической наук, основанных на нанотехнологиях, позволяющих гарантировать репродуктивное здоровье населения и полное планирование семьи с тем, чтобы предоставить возможности для самореализации личности и удовлетворения ее интересов и в семье, и вне ее.

Известно, что далеко не все страны мира достигли такого высокого уровня социально-экономического развития и готовы решать такого рода демографические проблемы. Однако все пронизывающий глобализм общественного развития и широкое распространение СМИ формируют черты современной модели репродуктивного поведения даже в тех странах, которые еще не созрели для ее материального обеспечения.

Глобальный характер демографической модернизации не отрицает, а предполагает ее развитие в различных странах.

В контексте с глобальным процессом демографической модернизации развивается и население России, которая позднее, чем другие развитые страны, вступила в стадию Первого демографического перехода. Классическая схема демографического развития не исключает, а, напротив, предполагает специфику ее реализации в разных странах. Это зависит от социально-экономических, политических, культурных и национальных традиций, религиозных убеждений населения и, наконец, экологического фактора.

Демографы и историки датируют начало Первого демографического перехода в России концом XIX в. В этот период (первая фаза демографического перехода) проявляется первый признак — снижение смертности населения, а в 1900—1910 гг. — его второй признак — некоторое снижение рождаемости. Однако в первое же 20-летие

прошлого века нормальное, естественное течение демографических процессов было прервано социально-политическими катаклизмами и кровопролитными войнами, которые унесли миллионы человеческих жизней, сопровождались эпидемиями, подрывали здоровье людей.

По подсчетам Ю.А. Полякова, население России в годы Гражданской войны уменьшилось на 11—15 млн человек (включая эмиграцию)¹, в том числе из-за разных инфекционных заболеваний. Военные потери, последствия террора — «красного», «белого», «зеленого», «розового», распространение инфекционных заболеваний, ослабление здоровья истощенных людей, антисанитария, недостаток питания и отопления и прочие бедствия привели к тому, что показатель смертности населения возрос, в частности, в Европейской России — до 40,9‰² (при этом мужская смертность была в 1,5 раза выше женской).

Вследствие голода 1921 г. уровень смертности еще более увеличился, особенно в городах. Так, в пострадавших от голода зонах он составил: в Саратове — более 60‰, в Казани — 45, в Самаре — 60,3‰ и т. д. В ряде городов смертность превысила рождаемость. Так, в городах Владимирской губернии в 1920 г. на 100 родившихся было 368 умерших, в Калуге — 212, в городах Орловской губернии — 266, в Перми — 211 умерших³.

За годы Первой мировой и Гражданской войн катастрофически снизилась рождаемость. В России в конце XIX в. ее показатель был равен 50,5‰, а в 1920 г. по разным губерниям — от 23 до 35‰. В связи с последствиями голода рождаемость еще более сократилась, например: в городах Саратовской губернии — с 32,9‰ (1921 г.) до 21,4‰ (1922 г.), в сельской местности соответственно — с 33,4 до 27,4‰; в Казани — 34 и 14‰; в сельской местности Орловской губернии — с 41,4 до 30,3‰. Особенно высокими были показатели детской и младенческой смертности⁴.

После окончания Гражданской войны в 1925—1928 гг. последовал период демографической компенсации, отличавшийся высокими показателями рождаемости. Общий ее коэффициент в Европейской части страны ни разу не опустился ниже 44,7‰, а «эффективной» рождаемости (т.е. без учета мертворожденных) — ниже 30,7‰. Однако достижения довоенного уровня рождаемости так и не произошло.

В мирных условиях начали проявляться признаки демографического перехода. Во второй половине 1920-х гг. развивалось внутрисемейное регулирование, прежде всего в городах Европейской России. Уменьшался размер семьи и количество детей в ней. Процесс этот шел постепенно, довольно медленно, и рождаемость даже в городах оставалась еще высокой (например, в 1926 г. — 33,7‰), тем более — в сельской местности (45,4‰). Однако само различие в показателях рождаемости между городом и селом характерно для демографического перехода. Смертность в компенсаторный период несколько сократилась. Общий коэффициент ее понизился до 24‰⁵. Увеличилась в Центральной России средняя продолжительность жизни: мужчин — до 42 лет, а женщин — до 47.

Но даже в этот относительно благоприятный для реализации демографического перехода период не было преодолено нарушение в развитии демографических процес-

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939. М., 2000. С. 93.

² Там же. С. 150.

³ Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР: За время мировой войны и революции. М., 1926. С. 100, 103, 113; Араловец Н.А. Городская семья в России. 1897—1926. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 119.

⁴ Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 7.

⁵ Население России за 100 лет. (1897—1997). М., 1998. С. 86, 88.

сов. К тому же в возрастной структуре населения образовались две демографические «ямы» (17—28 лет и 0—4 года), появившиеся в результате гибели людей в самом репродуктивном возрасте, а также сокращения рождаемости в период войн. Тем не менее, тенденция к нормализации демографических процессов успела проявиться с достаточной очевидностью.

Репродуктивное поведение населения в 1920-е гг. в значительной степени было обусловлено деформацией половозрастной структуры. Женщин было больше, чем мужчин на 4,5 млн, а в некоторых районах Европейской России доля женщин составляла 62—64%. Особенно это касалось молодежных групп населения, которым в Гражданскую войну было 18—20 лет. В результате нарушения соотношения полов и возрастных групп упал показатель брачности, увеличилось число незамужних женщин, вдов и разведенных. Например, на каждую тысячу одиноких женщин приходилось незамужних — 781 человек, вдов — 94, разведенных — 125 человек. Повысилась разводимость населения. В 1926 г. на 1000 браков было 223 развода, а в Москве — 477⁶. Снижение брачности объяснялось еще и большим количеством безработных молодых людей. Среди всех безработных 16—29-летние составляли 56%⁷.

На репродуктивное поведение населения в 1920-е гг. большое влияние оказали законодательные акты советской власти о семье и браке. В 1918 г. был опубликован Декрет о равенстве полов, узаконивший полную эмансипацию женщин в семье и вне ее. Что касается ролевых функций в семье, то они еще долго продолжали оставаться традиционными, особенно в деревне. Но зато усилился процесс эмансипации женщин в городах, увеличилась их занятость на производстве и в общественной жизни. Большую роль в этом деле сыграл ликбез.

Новый Кодекс о браке и семье был принят в 1926 г. Он подрывал основы большой патриархальной семьи и власть общины в деревне, способствуя выходу молодых семей в самостоятельные хозяйства. Этот закон утверждал светский, а не церковный брак. К зарегистрированному браку приравнивался «фактический», что сыграло скорее негативную, чем положительную роль. С одной стороны, он уменьшал статистику разводов, а с другой — способствовал распаду семей, дестабилизации брака. Кроме того, в послевоенный период из-за дефицита женихов закон облегчал мужчине переход из одной семьи в другую, увеличивал число неполных семей и безотцовщину. Однако положительным следствием этого законодательства стало повышение рождаемости. Относительно благоприятный для развития демографического перехода период 1926—1928 гг. был прерван насильственной коллективизацией и особенно голодом 1932—1933 гг. Естественное движение демографических процессов вновь было нарушено. В 1933 г. в сельской местности Европейской России смертность составила 735‰. Ее высокие показатели наблюдались как среди людей молодого возраста, так и среди детей — из родившихся в 1933 г. в городах Европейской части РСФСР умершие в возрасте до одного года составляли 42%, в селах — 35,3; в 1934 г. — 58 и 64,7%, соответственно.

В целом, по подсчетам исследователей, потери населения от голода в СССР составили более 7 млн человек⁸. Пик голода пришелся на 1933 г., когда был зафиксирован отрицательный прирост населения в СССР.

⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 181—182.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Там же. С. 265—275.

На демографические процессы 1930-х гг. воздействовали голод, такие тяжелые по своим последствиям факторы, как переселение «раскулаченных», даже целых народов, а также шквал репрессий. И все же в этих сложных условиях в середине 1930-х гг. на фоне снижения смертности, по сравнению с голодными годами, проявляется тенденция к повышению рождаемости. По существующим оценкам, коэффициент последней колеблется в пределах 35—42‰. Даже в городах она держится на довольно высоком уровне (по имеющимся данным на конец десятилетия — 31,5‰). Вместе с тем ее относительные показатели имеют тенденцию к снижению, в том числе и в сельской местности. Так, в деревне суммарный коэффициент рождаемости составлял во второй половине 1920-х гг. 5,4 рождений на одну женщину, а во второй половине 1930-х — 4,4. Уменьшился средний размер семьи. В Центральной России в 1939 г. уже преобладали семьи из трех человек, особенно в городах. Разумеется, по мере вовлечения женщин в производственную деятельность и получения ими образования росли их интересы вне семьи — соответственно, регулировалась рождаемость. Однако нельзя преувеличивать возможности развития внутрисемейного планирования в те годы. На сокращение числа детей в семье больше всего влияли факторы экзогенного порядка: в первую очередь — голод, а также последствия насильственных переселений и репрессий. Супруги разлучались, многие из них погибали или теряли здоровье в тюрьмах, разрушались семьи. Детей репрессированных помещали в распределители и детские дома, где не все из них выживали. Немало детей погибало и при выселениях семей в необжитые местности, где условия существования оказывались тяжелыми даже для взрослых, физически крепких людей. Перепись 1939 г. фиксирует резкое увеличение неполных семей (где был только один из родителей) и бездетных пар⁹.

Следует также учесть, что и регулирование рождаемости зачастую было реакцией на внешние причины: от рождения ребенка отказывались из-за напряженной внешне- и внутрисемейной обстановки, тяжелых условий жизни и т.д. Государственная политика не поощряла внутрисемейного регулирования рождаемости. Помимо того, что средства контрацепции были тогда мало распространены, в 1935 г. еще запретили и аборт (аборт в то время являлся основным средством прерывания беременности, но нелегким и небезопасным).

Оценивая потери населения в мирные 1930-е гг., надо признать, что число жертв составило свыше 11 млн человек — это приравнялось к потерям кровопролитной войны. Разница состояла лишь в том, что в годы войны погибали преимущественно мужчины, а в мирные 1930-е гг. среди погибших было много женщин, стариков и, особенно, детей.

В условиях сложной демографической ситуации началась Великая Отечественная война, унесшая 27 млн человеческих жизней. Война повлекла за собой повышение смертности не только на фронтах, но и в тыловых районах, не говоря уже о зонах оккупации. Так, с мая 1941 г. по май 1942 г. показатели смертности выросли в 1,7 раза. И в городах, и в селах смертность поражала, прежде всего, детей от 0 до 4-х лет. Резко сократилась во время войны и рождаемость. Ее показатель в 1943 г. составил всего 9,9‰, а в 1944 гг. — 10,5‰.

В 1942—1945 гг. на территории СССР (без прифронтовых и оккупированных районов) имели место депопуляционные тенденции, фиксировался отрицательный прирост населения.

---

⁹ Там же. С. 186—187.

В тыловых районах оставалось очень мало мужчин в брачном возрасте, отсюда — и крайне низкий показатель брачности в годы войны. По сельскому учету населения на 1 января 1943 г. среди лиц 25—49 лет женщины составляли 76,5%, а мужчины — всего 23,5%.

В сложных условиях послевоенного восстановительного периода «бэби-бум», охвативший все другие воевавшие страны, в России практически не состоялся.

Отрицательную роль сыграл и голод 1947 г., нарушивший процесс демографической компенсации. Хотя отрицательный прирост населения в целом в тот год не был зафиксирован, однако он наблюдался в районах, охваченных голодом. Так, в 1947 г. отрицательный прирост населения отмечался в производящих областях — Воронежской и Ярославской: -0,8‰ и -0,2‰, соответственно. В Тамбовской области смертность превысила рождаемость в 1,2 раза. В северной Вологодской области ситуация была так же крайне неблагоприятна — смертность в 1,5 раза оказалась выше рождаемости. В ряде областей естественный прирост приблизился к нулю — в Костромской, Сталинградской, Саратовской, Астраханской, Горьковской и др.

Другим тревожным демографическим явлением, характерным для 1947 г. стало резкое возрастание младенческой смертности. В целом в РСФСР коэффициент младенческой смертности (до года) поднялся до 127,5‰, т.е. по сравнению с 1946 г. — в 1,7 раза.

В возрастной пирамиде возникла еще одна демографическая яма — пониженная численность детей, родившихся во время войны (результат не только сокращения рождаемости, но и высокой детской смертности). В итоге, эта возрастная группа имела в 1959 г. очень низкий удельный вес в возрастном составе населения — всего 7—8%. Кроме того, у этих детей фиксировалось отставание в весе и росте по сравнению с теми, кто был рожден в предвоенные годы. Поколение этих детей выросло ослабленным, среди них больше, чем у их ровесников довоенного времени, распространялись разного рода хронические заболевания, и потомство этих когорт по достижении ими детородного возраста было более слабым. Демографическое эхо войны сказывалось долго.

Таким образом, первая фаза демографического перехода, характеризующаяся устойчивым понижением смертности, оказалась очень длительной. Зато вторая фаза, связанная с сокращением рождаемости, разворачивалась очень быстро, причем на фоне значительной смертности. Это привело к тому, что у нас в стране не было «демографического выигрыша», т.е. такого состояния в развитии демографических процессов, когда смертность уже значительно понизилась, а рождаемость, снижаясь медленно и постепенно, остается еще довольно высокой.

Однако с 50-х гг. XX в. демографическая ситуация в России начала меняться под воздействием новых факторов, характерных для индустриально развитых стран — это прежде всего, модернизация экономики на основе НТР и интенсивный процесс урбанизации, сопровождавшийся резким увеличением городского населения. В период 1954—1975 гг. за каждое 5-летие его численность возрастало на 4,4—5,5%, достигнув к 1979 г. 69%. Вместе с тем повышался общий образовательный уровень населения, улучшались бытовые условия его жизни в связи с резким увеличением в 1960-е гг. жилищного строительства. В лучшую сторону изменился уровень медицинского обслуживания, население в своей массе стало приобщаться к медицинским знаниям, и, наконец, в 1960-е — 1970-е гг. получили широкое распространение средства регулирования деторождения (аборт все еще оставался одним из главных средств прерывания беременности, но отечественные и импортные средства контрацепции становились более доступными для населения).

Все это привело к тому, что во второй половине 1950-х гг. в России реализовалась вторая фаза демографического перехода — наметилась устойчивая тенденция к сни-

жению рождаемости: в 1950 г. — 26,9‰, в 1955 г. — 25,7, в 1959 г. — 23,7‰. Особенно ярко эта тенденция проявилась в следующее десятилетие. В 1965 г. рождаемость составляла 15,7‰, в 1970 г. — 14,6, затем она поднялась, но незначительно: в 1975 г. — 15,7, в 1979 г. — 15,8‰. Типичным явлением стали повсеместное снижение возраста матерей и уменьшение числа рождений детей у женщин в возрасте после 35 лет.

Эти годы отмечены также значительным понижением смертности и выравниванием ее показателей в городе и деревне. Смертность городского населения в 1960 г. составляла 6,7‰, сельского — 8,2‰, в 1970 г. — 7,9 и 10,07‰, соответственно. При этом сократилась роль экзогенных причин смерти. Если инфекционные и паразитарные болезни в 1960 г. унесли 62 тыс. жизней (52,2 на 100 тыс. населения), то в 1970 г. — 31 тыс. (24,0), а в 1979 г. — 28 тыс. (20,5). Основными причинами смерти стали болезни эндогенного характера: на первом месте — органов кровообращения, а на втором — новообразования. На фоне снижавшейся смертности среди младенцев также уменьшилось число умерших от инфекционных и паразитарных болезней. Если в 1960 г. от них погибли 11 тыс. младенцев, то в 1970 г. — только 2 тыс.¹⁰ Смерть младенцев от врожденных аномалий в 1960-е гг. оставалась еще незначительной. В целом же уровень младенческой смертности в России в этот период (23‰ — в 1970 г.) был ниже соответствующих показателей некоторых европейских стран — Италии (25,9‰), Испании (29,6‰).

В 1960-х — первой половине 1970-х гг. Россия поднялась на уровень мировых показателей продолжительности жизни населения, характерных для индустриально развитых стран. В среднем ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла в 1961—1962 гг. 68,8 лет, при этом среди мужчин — 63,8, среди женщин — 72,4; в 1970—1971 гг. — 68,9, 63,2 и 73,6, соответственно¹¹. В течение всего исследуемого периода был зафиксирован положительный естественный прирост населения в России. В 1960 г. он еще весьма высок — 15,8‰, в 1970 г. — 5,9, в 1979 г. — 5,0‰¹². Здесь проявилась присущая завершающей стадии демографического перехода тенденция к снижению естественного прироста, однако ни разу за все рассматриваемое 20-летие он не опустился до нулевого, а тем более до отрицательного уровня.

Итак, в 1970-е гг. успешно развивавшийся в России демографический переход вступил в свою завершающую фазу, когда коэффициент рождаемости приблизился к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности, испытывавший некоторое повышение, под воздействием процесса старения населения, остался низким. Низкие показатели рождаемости и смертности имеют тенденцию к стабилизации. Можно сказать, что к середине 1970-х гг. Первый демографический переход в России был, в основном, завершен. К этому времени стала преобладающей простая, нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с детьми. Семья стала не только малочисленной, но и малодетной (в среднем 1—2 ребенка).

Итак, Первый демографический переход в России как демографическая модернизация имел следующие особенности:

- характеризовался прерывностью, его признаки были неустойчивы, периодически исчезали;
- происходил при большом влиянии экзогенных факторов;

¹⁰ Население России за 100 лет... С. 161—163.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² Там же. С. 114.

— отличался несоразмерностью фаз: первая (снижение смертности) была очень длительной, а вторая (снижение рождаемости) — краткосрочной;

— многочисленные демографические ямы ускорили процесс старения населения, который происходил не только и не столько за счет увеличения средней продолжительности жизни (как это было в классической модели демографического перехода в странах Западной Европы), а — из-за преждевременной гибели значительного числа лиц молодого и среднего возраста.

По окончании Первого демографического перехода, как правило, наступает период демографической стабилизации. В России он был очень коротким. Уже в конце 1970-х и особенно в 1980-х гг. на демографической модернизации негативно сказался общесистемный кризис: застой в экономике, науке и технике, отставание в области медицины, фармакологии, дефицит медикаментов, ухудшение медицинского обслуживания населения. К концу 1970-х гг. стала сокращаться продолжительность жизни, прежде всего мужчин. В итоге, в 1979 г. соответствующие показатели составили 67,7, 61,7 и 73,1. Замедлилось и стало неровным снижение смертности детей и младенцев. В частности в 1979 г. по сравнению с началом десятилетия в 3,5 раза возросла младенческая смертность от инфекционных заболеваний¹³.

Эти негативные тенденции могли бы быть смягчены, приостановлены, если бы проводилась направленная на улучшение репродуктивного поведения населения активная демографическая политика. Однако тогда она имела характер краткосрочных кампаний, направленных на решение прагматических задач обеспечения экстенсивно развивающегося производства рабочей силы. Примером могут служить демографические меры начала 1980-х гг., которые дали к середине этого десятилетия краткосрочный эффект.

Дальнейшее формирование новейшей модели репродуктивного поведения населения было осложнено глубоким демографическим кризисом 1990-х гг. Шоковые методы перехода к рыночным отношениям в стране, массовое закрытие предприятий и учреждений привели к росту безработицы, вызвали обнищание значительных масс населения и резкое возрастание маргинальных слоев.

Все эти факторы привели к резкому повышению смертности населения и такому же резкому понижению рождаемости. Разразился глубочайший демографический кризис. Число умерших превысило количество родившихся, начались депопуляционные процессы. 1991 г. был последним годом, когда естественный прирост оказался положительным и составил 0,7‰. Начиная с 1992 г., величина отрицательного естественного прироста постоянно увеличивалась и составляла последовательно -1,5; -5,1; -6,1‰¹⁴.

Депопуляция охватила все федеральные округа России. В 1990-е гг. количество умерших превышало число родившихся (и мужчин, и женщин). В 1992 г. умерло мужчин на 94 тыс. больше, чем родилось. Своего пика отрицательный естественный прирост мужчин достиг в 1994 г., когда умерло на 502 тыс. мужчин больше, чем родилось. Таким же отрицательным был естественный прирост и у женщин: в 1992 г. число умерших превысило количество родившихся на 125,5 тыс. человек, в 1994 г. — на 391,5 тыс.¹⁵

Особенно поражали сверхвысокие показатели смертности в младенческом возрасте. Например, на 1 тыс. живорожденных младенцев умирало: в 1992 г. — 18 детей, в 1993 г. — 20, в 1994 — 18,6. То же наблюдалось и в 1995 г.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ Демографический ежегодник России 2001. М., 2001. С. 58; Ежегодник за 2008 г. С. 66.

¹⁵ Там же.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась в 1991 г. до 69 лет (среди мужчин — до 63,3, женщин — до 74,2), в 1994 г. она составила всего 64 года (мужская — только 57,4). Это были самые низкие показатели за весь период 1990-х гг.

В 1990 — 1995 гг. разница в продолжительности жизни российских мужчин и женщин составляла более 13 лет! Согласно сведениям, содержащимся в очередном ежегодном докладе ООН «О развитии человека» (2004 г.), РФ по уровню средней продолжительности жизни мужчин занимала 119 место (из 175), а женщин — 85 место (по данным 2002 г.)¹⁶.

В России ускоренными темпами шло старение населения. В 1989 г. лиц старше трудоспособного возраста было 18,5%, а в 1990 г. — уже 18,7%, к середине 1990-х гг. их доля возросла до 19,3%, а к концу десятилетия — до 20%¹⁷.

Перепись 2002 г. зафиксировала увеличение числа одиноких, не состоящих в браке мужчин и женщин, — 11,7 млн. Их насчитывалось больше в городах, чем в селах, причем значительно — в 3 раза; и мужчины, и женщины, в основном, находились в трудоспособном и репродуктивном возрасте. Среди них было много бедных людей: например, в 1998 г. — 38,8%, а в 2000 г. — 48,1%.

Резко снизилось число заключаемых браков. Не состояли в браке мужчины: русские — 25%, украинцы — 14, белорусы — 14,3, татары — 24,4%. Женщин, не состоявших в браке, было гораздо больше. Постоянно росла доля детей, родившихся вне зарегистрированных браков: в 1994 г. — 19,6 % от общего числа новорожденных, в 2003 г. — уже 29,7 %.

В 1989—2002 гг. (период между переписями населения) средний возраст вступающих в брак повысился — у мужчин — на 2 года, у женщин — на 1,5 и составил 25,8 года для женихов и 23,1 года — для невест. Отрицательную роль в демографическом развитии России продолжал играть рост числа внебрачных сожительств. По состоянию на 2002 г. из 34 млн российских семей в незарегистрированном браке состояли свыше 3 млн. По наблюдениям И.И. Белобородова, уровень рождаемости в таких союзах был как минимум в 2 раза ниже, чем в легитимных¹⁸.

Возросло количество разводов. Согласно переписи 2002 г., на каждую тысячу мужчин приходилось разведенных: у русских — 97 человек, украинцев — 85, белорусов — 88, татар — 74, карелов — 100, у остальных народов этот показатель колебался на уровне 50—69 человек (а разведенных женщин — соответственно 100, 132, 130, 114, 122 человек, у других национальностей — на уровне 70—90 человек).

Высокий уровень разводов характерен для многих современных государств. Однако именно Россия в последние годы занимает первое место в мире по расторжению браков (ранее, до 1995 г., первенство принадлежало США)¹⁹.

Основными причинами кризиса семьи являлись, безусловно, общая нестабильность экономической обстановки в стране и социально-бытовая неустроенность. Минимальный размер оплаты труда не соответствовал прожиточному минимуму. Как показали результаты социологических обследований, чаще всего причинами разводов становились

¹⁶ Доклад о развитии человека за 2004 год. Нью-Йорк, Программа развития ООН, изд-во «Весь Мир», 2004. Таблица 24. С. 239—242. http://hdr.undp.org/en/media/hdr04_ru_complete.pdf

¹⁷ Федеральная служба государственной статистики, Центральная база статистических данных ФГС ЦБСД.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Белобородов И.И. Демографическая ситуация в России в 1992—2010 гг.: Два десятилетия депопуляции // Демография.ру. 30.06.2011

невозможность прокормить семью (до 29% опрошенных), отсутствие собственного жилья (до 41%), алкоголизм или наркомания (до 51%). Следует заметить, что величина прожиточного минимума была установлена на уровне физического выживания.

Сократилось среднее число детей в семье (1,63), уменьшилось количество многодетных семей. Примерно $\frac{2}{3}$ семей имеют детей, остальные — либо молодые супруги, либо пожилые пары. По данным переписи 2002 г., на 1 тыс. женщин в возрасте от 15 лет и старше (городского и сельского населения) приходится: 0 детей на 217 женщин, один ребенок — на 305, двое детей — на 337, трое и более детей — на 141 женщину.

Стали преобладать нуклеарные семьи. В этих условиях даже незначительное падение рождаемости и увеличение детской смертности ставит под угрозу естественный процесс воспроизводства населения страны.

В 1990-е гг. наблюдалась и обратная тенденция в изменениях структуры российской семьи, вызванная длительным ухудшением экономического положения населения и недостаточностью социальной политики. Появились сложные полные семьи, где совместно проживали и вели хозяйство две брачные пары с детьми, или брачная пара с детьми и одним из родителей супругов (семья переходного типа), с прочими родственниками²⁰ (что не соответствует постпереходной модели семьи). Произошло это по причине больших материальных трудностей, заставляющих стариков-пенсионеров объединяться с детьми или другими родственниками в целях создания оптимальных условий для выживания (но это явление нельзя рассматривать как возврат к многодетной семье).

Негативным образом на рождаемости сказалось увеличение числа неполных семей. Увеличилось число семей с одним родителем, широкое распространение получила так называемая материнская семья. Особенно высокой оказалась доля семей, имеющих только одного родителя, в городах. Одна из причин всего этого — большие потери мужского населения в репродуктивном возрасте.

Но есть и еще один искусственно навязываемый населению фактор — пропаганда с экранов телевизора и со страниц прессы случайных половых связей, не ориентированных на деторождение («секс ради секса»), ранней половой жизни (в подростковом и детском возрасте).

Немалую роль в усугублении демографического кризиса играет болезнь века — бесплодие. Последнее может быть результатом откладывания рождения ребенка из-за нестабильности семьи, отсутствия законно зарегистрированного брака, недостаточности материального обеспечения семьи, дефицита жилплощади и т. д. Согласно опросам общественного мнения, среди причин, по которым появление в семье ребенка откладывают или даже отказываются от его рождения (на 1 тыс. семей — 217 бездетных), назывались: низкий уровень жизни, высокие цены (20%), маленькие детские пособия (19%), недостаточное число детских воспитательных учреждений (17%), плохое медицинское обслуживание (13%), проблема жилья (8%), платная медицина, дорогие детские сады, лечение, детское питание (7%)²¹.

Достигнув приемлемого уровня материального обеспечения к 30—35 годам своей жизни, многие женщины нуждаются в дорогостоящих медицинских процедурах и препаратах для реализации материнства. Во многих зарубежных странах с этим более или менее справляются, так как разработаны методы преодоления бесплодия,

²⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 3. С. 163.

²¹ Жиромская В. Б. Демографический кризис конца XX в России // Проблемы исторической демографии и исторической географии. Вып. 2. М., Н. Новгород, 2010. С. 11.

цены на лечение существуют средние. В России клиники, использующие процедуру «in vitro», имелись лишь в нескольких крупных городах. Однако подобная процедура из-за высокой цены, исчисляемой многими тысячами долларов, доступна только хорошо обеспеченным россиянкам. Поэтому до тех пор, пока материальная обеспеченность граждан нашей страны не поднимется на уровень, позволяющий широко пользоваться медицинскими услугами этого типа, государство обязано финансировать широкую сеть таких клиник. Только в этом случае можно рассчитывать на значительный вклад современной медицины в решение проблемы бесплодия. В итоге получается, что во Франции или Англии на 1 млн человек приходилось 700 попыток искусственного оплодотворения, а в России — всего 60—70.

Одна из причин распространения бесплодия — широкое применение аборт. Россия занимала в Европе первое место по числу абортов (до 1995 г. — второе после Румынии), однако, их количество сокращалось: так, в 1990 г. на 100 рождений их было 206, а в 2003 г. — до 126 (максимум отношения числа абортов к числу рождений наблюдался в 1993 г.).

Бесплодие порождается ростом заболеваемости мужчин и женщин разными видами передающихся половым путем инфекций (гонорея, сифилис, хламидиоз и т. д.) и ВИЧ-инфекцией: в конце 1990-х гг. среди населения в возрасте от 15 до 49 лет в стране был зарегистрирован 1,1% таких больных. Кроме того, бесплодие возникает из-за распространения среди молодежи алкоголизма (в том числе пивного), наркомании и токсикомании.

На фоне низкого естественного прироста населения вопиющим фактом является торговля детьми на вывоз, за рубеж. Конечно, если удавалось обнаружить таких торговцев, закон их жестоко карал, однако, далеко не все очаги торговли выявили. Многие из них действовали по несколько лет совершенно безнаказанно и были связаны с зарубежными, такими же подпольными, организациями. Так же торговали и молодыми девушками, и девочками-подростками начиная с 12—13 лет. Целые партии «живого товара» переправлялись за рубеж, якобы на работу, а на самом деле — для комплектации домов терпимости. Этот факт был известен, однако надлежащая борьба с данным явлением не велась.

В 1990-е гг. произошло общее ухудшение здоровья населения страны, что объяснялось низким качеством питания и недостаточностью медицинского обслуживания. Наконец, население страдало от небывалой для нашей страны и все возрастающей дороговизны квалифицированных медицинских услуг и лекарственных препаратов, в том числе детских. Развивавшаяся сеть платных медицинских центров и клиник большинству населения была просто не по карману.

Демографический кризис 1990-х развивался в России в условиях вялой и неэффективной демографической политики. Сложившееся в конце XX в. репродуктивное поведение российского населения начало меняться в период нарастания депопуляции — в первом десятилетии XXI в. Начали появляться признаки компенсаторного периода, которые проявились в демографической политике государства. Очень важно, что правительство РФ разработало основные направления семейной политики, возведенной в государственный статус, и начало осуществлять меры своей демографической политики (материнский капитал, земельные участки, увеличение пособий на детей и т.д.). Все это внушает надежду на выход нашей страны из демографического кризиса, но говорить о развертывании в России Второго демографического перехода (характеризующегося полным планированием семьи; устойчиво стабильным населением; применением новейших медицинских технологий, обеспечивающих рождение желанного и здорового потомства и т.д.) преждевременно — можно говорить только о первых его признаках.

Р.Г. Пихоя

Власть. Номенклатура. Собственность. Об одной из причин распада СССР

Исследование причин прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик остается и, убежден, будет оставаться в числе важнейших проблем истории XX в. Удивляет стремительная самоликвидация политической системы в СССР. Поражает практически полное отсутствие защитников прежней политической системы. Возникает вопрос: а где же был тот «новый класс» (если использовать определение М. Джиласа), т.е. номенклатура, управлявшая Советским Союзом?¹ Почему тот социальный слой, который обладал реальной властью в государстве, перестал защищать эту власть?

Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, следует сначала проанализировать те изменения, которые произошли в этом «новом классе». Для понимания того, что случилось на рубеже 1980—1990-х гг., коротко остановимся на его истории. Номенклатура как инструмент управления была сформирована в начале 1920-х гг., когда на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Сталин провозгласил задачу «охватить коммунистами все отрасли управления и весь промышленный комсостав, при помощи которого партия держит в руках аппарат и осуществляет свое руководство». Требования к этим работникам Сталин сформулировал с предельной ясностью: это должны быть «люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь»². Исполнительность как главная добродетель, беспрекословное следование линии партии при каждом её изменении, дополненное революционным прошлым — родовые признаки первого этапа истории номенклатуры СССР. Сделаю важное добавление. В советской политической системе существование номенклатуры исключало выборы как способ смены людей в составе управленческой элиты.

Последовательная национализация и ликвидация частной собственности обусловили право номенклатуры на владение и управление государственной (по советской терминологии, социалистической, «общенародной») собственностью. Позволю себе утверждать, что это право владения носило корпоративный характер. Фиксация его закреплялась политической системой и осуществлялась через номенклатуру, управлявшую производственными предприятиями, советскими и государственными органами путем выполнения решений партийных органов (от съездов и пленумов, решений Политбюро или бюро республиканских, областных и районных партийных комитетов)³. В ст. 4 Конституции СССР 1936 г. была зафиксирована норма, сохранявшаяся до конца истории СССР: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, ут-

¹ О номенклатуре см.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 197—209; *Восленский М.* Номенклатура. М., 1991. О составе и численности высшего слоя номенклатуры см.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 5—7.

² *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. М., 1947. С. 209.

³ Подробнее см.: *Гайдар Е.Т.* Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2011. С. 217—239.

вердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком». Как справедливо указывает Р. Пайпс, «упразднение частной собственности обеспечило прочность однопартийной системы»⁴.

В своем развитии номенклатура прошла несколько этапов. Первый — с начала 1920-х гг. до примерно 1934 г. Исполнительность, революционная решительность и следование извилистой «линии партии», которую чертил её Генеральный секретарь, не требовали профессиональной квалификации, специального образования. Красные командиры с легкостью становились «красными директорами». Однако по мере усложнения процесса управления страной выяснилось, что революционный опыт и исполнительность оказались недостаточными условиями для решения задач строительства новой промышленности, управления разросшимся государственным аппаратом. Кроме преданности власти требовались профессиональные знания. Упрощая сложные процессы, можно сказать, что начался процесс замены «красных директоров» «главными инженерами»⁵. Следует согласиться со словами М. Джиласа, что, «наряду с иллюзиями и вопреки им новый класс выступал носителем объективных тенденций индустриализации»⁶.

Новая управленческая элита, сформировавшаяся перед войной, состояла, как правило, из людей, получивших высшее техническое или военное образование уже в советских институтах, прошедших через ужас репрессий 1937—1938 гг. Им пришлось вынести на себе тяжесть управления промышленностью и государственным аппаратом в годы войны. Война со своими требованиями ослабила партийный контроль над номенклатурой. Достаточно отметить, что 10% всех генералов Красной Армии в 1944 г. не были членами ВКП(б)⁷. Поэтому закономерно, что, пытаясь восстановить контроль над управленческой элитой, Сталин как глава номенклатурной вертикали власти обрушил репрессии на верхушку военных, руководителей промышленности, части партийного аппарата, интеллигенции. Такое положение противоречило реально сложившемуся статусу номенклатуры как управленческо-бюрократического слоя, обладавшего к концу 1940 — началу 1950-х гг. необходимым образованием, квалификацией, опытом организационно-управленческой деятельности, в том числе в сложнейших условиях войны.

Корпоративность выражалась в номенклатурных связях — не только вертикальных — от назначающего к назначаемому, но и в изученных гораздо хуже горизонтальных связях и зависимостях, когда назначение на номенклатурную должность предполагало предварительное согласование с профильными министерствами, ведомствами, отраслевыми отделами ЦК и в обязательном порядке — с ОГПУ, НКВД или КГБ, как бы ни называлось это ведомство. Тот, кого утверждали вчера, завтра сам мог стать звеном в системе назначения. Система замыкалась, превращалась в неправовой, но

⁴ Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

⁵ Технология вытеснения путём репрессий «красных директоров» и замены их образованными техническими специалистами на материалах Магнитогорского металлургического комбината исследована в кн.: Кучер В.Н. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. Любопытно, что подобная тенденция действовала во всех сферах государственного регулирования. В исторической науке, в частности, это разгром так называемой «школы Покровского», Института красной профессуры и возвращение к преподаванию и научной работе еще недавно репрессированных профессиональных историков дореволюционной выучки.

⁶ Джилас М. Указ. соч. С. 198

⁷ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами». Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. № 2. С. 149.

вполне эффективный институт, имевший собственные интересы. Эти интересы могли вступать в противоречие с позицией руководителей партии и государства. Исключение из номенклатурного списка могло происходить либо из-за того, что поступки, действия, образ жизни чиновника вступали в противоречие с советскими юридическими и политическими нормами, либо вследствие политических решений, репрессий против части государственного аппарата. Репрессии были главным механизмом регулирования состава номенклатуры со стороны руководителей государства⁸.

Поэтому закономерным ответом номенклатуры стала поддержка «осуждения культа личности Сталина», прекращение и пересмотр результатов многих политических процессов конца 1930-х — начала 1950-х гг. Номенклатура поддержала Н.С. Хрущёва в его осуждении репрессий прошлого. Но та же номенклатура изгнала Хрущёва после его попыток радикально изменить ее состав, заменить министерства совнархозами, закрыть сельские райкомы партии, ограничить возможность переизбрания на должности в партийном аппарате. Л.И. Брежнев стал своего рода символом победившей номенклатуры. Её лозунгом стал призыв «заботы о кадрах», означавший практическую несменяемость людей на высших звеньях номенклатурной лестницы.

1960—1970-е гг. в номенклатуру пришло ее третье поколение. Это в большинстве своем люди с хорошим образованием, включавшим, как правило, базовое высшее и второе специализированное, которое получали в одном из высших учебных заведений КПСС. Деятельность третьего поколения номенклатуры происходила в качественно иных социально-экономических условиях. Экономика страны с начала 1970-х гг. оказалась в зависимости от всё возрастающего потока нефтяных денег, что, в свою очередь, создавало иллюзию благополучия и стабильности. Росла зависимость внутреннего потребительского рынка от экспортных поставок. Для наиболее дальновидной части чиновничества стала ясна опасность зависимости от нефтяных цен.

Уже к концу 1970-х гг. кризисные явления в экономике стали очевидны. Принято указывать на то, что к 1970-м гг. руководство СССР пропустило начавшуюся информационную революцию, те технологические вызовы, которые свидетельствовали о переходе к постиндустриальному обществу. Это верно. Но были и более ясные, очевидные для всех граждан страны признаки кризиса социалистической экономической системы. Дефицит был родовым признаком плановой экономической системы⁹. Плановая экономика с ее декларативным отказом от рыночных отношений и установкой на распределение, неэффективной колхозно-совхозной системой и ясно выраженным приоритетом на производство продукции оборонного назначения порождала недовольство населения страны. Причины и поводы для недовольства были абсолютно конкретны и понятны. Это не могло не беспокоить и власть, ту же номенклатуру. Свердловский обком КПСС сообщал в ЦК и Совмин СССР в 1977 г.: «торговля мясом в области не производится. В продаже имеются колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных промышленных городах торговля ими производится

⁸ «Чистки» в измененных формах, то ослабевая, то усиливаясь, продолжали оставаться неотъемлемой частью номенклатурного способа управления вплоть до 1980-х гг., до времени управления Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева.

⁹ Подробнее см.: *Осокина Е.* Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребления в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 205—243; *Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В.* Отмена карточной системы в СССР 1934—1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5; *Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. (1946—1953). М., 2002. С. 34—103.

с перебоями... Торговля молоком и маслом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочно-кислых продуктов. Вместе с тем, выделенные фонды на 1978 год ниже фактического расхода 1977 года...»¹⁰. В письме первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцина на имя председателя Совета Министров М.С. Соломенцева от 14 ноября 1978 г. общалось, что «за последние два года реализация кожаной обуви в области сократилась на 3,9%. Сократилась также реализация одежды и белья, бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий, мыла хозяйственного, легковых автомобилей, кондитерских изделий, рыбы... От населения области поступают справедливые нарекания на отсутствие в продаже предметов женского туалета, постельного и детского белья из хлопчатобумажной ткани и ряда других изделий массового спроса»¹¹. Подобная ситуация была характерна для всей страны.

Незаконнорожденным ребенком дефицита и «общенародной собственности» стало развитие теневой экономики в её различных формах — от перепродажи дефицита, поступавшего в магазины, не через прилавки, а на рынках, скупки товаров у морячков заграничниками, у иностранцев, посещавших СССР, с последующей реализацией по более высоким ценам. Складывалась целая нелегальная система, когда за границу уходили советский алкоголь, механические часы, фотоаппараты, а взамен везли отсутствующий в стране ширпотреб от пластиковых пакетов с фирменными эмблемами до видеоманитонов. Высшей ступенью этой теневой экономики были так называемые цеховики — организаторы производства дефицитных товаров. По сути, они обеспечивали потребность части населения в модной одежде, обуви, предметах ширпотреба, запчастей для автомобилей¹².

Цеховики — это люди, которые смогли найти сырье, организовать производство, раздобыть оборудование, наладить сбыт произведенной продукции. Это требовало незаурядных организаторских качеств. Соответственно и оценивалась их деятельность со стороны власти. Цеховиков судили, как правило, по ст. 93 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах», предусматривавшей лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, а в случае признания виновного особо опасным рецидивистом, что было связано с нарушением правил о валютных операциях (ст. 88), хищением государственного или общественного имущества в крупных размерах (ст. 89, ч. 3; ст. 90, ч. 3; ст. 92, ч. 3; ст. 93, ч. 3) или в особо крупных размерах (статья 93.1) — то и к смертной казни¹³. Однако вопреки жестоким репрессиям теневая экономика продолжала существовать, притягивая к себе внимание не только правоохранительных органов, но и преступного мира, который мог практически безнаказанно грабить цеховиков, боявшихся государственной власти едва ли не больше бандитов. Вокруг цеховиков складывалось непрочное сопровождение из государственных служащих разного ранга¹⁴.

¹⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 81.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 92. Д. 110. Л. 68.

¹² *Нилов А.* Цеховики. Рождение теневой экономики. Записки подпольного миллионера. СПб., 2006.

¹³ См. Закон РСФСР от 25.07.1962 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР».

¹⁴ Далеко не всегда эти связи объяснялись коррупционной заинтересованностью. Иногда они порождались элементарной производственной необходимостью, решение которой обычными путями было крайне затруднено, а порой и невозможно.

Новое поколение номенклатуры составляли люди, в большинстве своём с успешным производственным прошлым, поездившие и повидавшие жизнь за границей. Будучи в большинстве своём прагматиками, они исправно повторяли коммунистические лозунги, но хорошо видели реальные проблемы страны. В.И. Воротников, партийный чиновник, сделавший карьеру при Андропове и Горбачеве, писал в своих мемуарах, что «многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств, поражало равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур, видевших и молчаливо взиравших, как страна теряет темпы развития». К этому следует добавить раздражение номенклатуры на то, что привилегии, принадлежавшие ей по должности, стремительно обесценивались. Служебная машина, служебная дача — внешние символы принадлежности в высшему слою страны — исчезали вместе с утратой места в номенклатуре. Даже успешный чиновник, уходя на пенсию, терял многие из прежних привилегий. Тем более нельзя было передать эти привилегии, свой статус по наследству. Иметь же свою машину или собственную дачу «не рекомендовалось».

На заседании Политбюро 31 мая 1983 г. Ю.В. Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС поставил вопрос «о строительстве дач для руководящих работников»: «Мне хотелось бы спросить у вас, товарищи, *будем ли мы обрастать дачами?* (курсив мой — Р.П.). У меня есть данные, что, например, что Байбаков¹⁵ построил себе дачу 120 кв.м и продал ее теперь Талызину¹⁶ за 32 тыс. рублей. Одновременно сын и дочь Байбакова получили участки и, видимо, тоже собираются с помощью папы строить себе дачи. Это, товарищи, непорядок, и, с моей точки зрения, злоупотребление служебным положением». Выступавшие следом за генсеком «молодые» члены Политбюро Г.А. Алиев, В.И. Воротников, М.С. Горбачев настаивали на том, чтобы «не обрастать». «Старики» были осторожнее. Тихонов, Романов, Гришин ссылались на то, что есть нормативная база для строительства дач на кооперативных началах. Андропов настаивал: «Нет, товарищи, я считаю, что надо начинать с себя... Вопрос ставится в принципе, надо ли нам обрастать дачами?»¹⁷.

Можно было управлять экономикой страны, представлять её в мире, но нельзя было иметь **своё**, то, что можно передать детям и внукам по наследству. При Андропове была начата продолженная позже К.У. Черненко и М.С. Горбачеве кампания борьбы со злоупотреблениями и коррупцией в сфере торговли. Для этой цели 150 опытных сотрудников КГБ были направлены на работу в МВД СССР. Были выявлены крупнейшие злоупотребления в сфере торговли. Тогдашний начальник управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в московской милиции, бывший офицер контрразведки КГБ, вспоминал: «Беззаконие исходило из партийных структур... В тех подразделениях органов МВД, сотрудники которых отправляли людей в лагеря за обвес стоимостью в сорок копеек..., крупные дельцы, незаконно наживавшие сотни тысяч и даже миллионы рублей, оставались на свободе»¹⁸. А.Н. Стерлигов свидетельствует: деятельность по расследованию злоупотреблений в торговле вызвала недовольство значительной части партийной элиты. Расследования стали «контролируемыми». Острие этой операции было направлено на установление

¹⁵ Н.К. Байбаков, тогда — заместитель Председателя Совмина СССР, председатель Госплана СССР.

¹⁶ Н.В. Талызин, тогда — заместитель Председателя Совмина СССР, представитель СССР в Совете экономической взаимопомощи.

¹⁷ АП РФ, Рабочая запись заседания Политбюро. 1983. 31 мая. С. 13—14

¹⁸ Стерлигов А. Опальный генерал свидетельствует. Канцелярия предательства. М., 1992. С. 5.

связи между крупными чиновниками и руководителями торговли. Но машина следствия затягивала внутрь главным образом торговцев.

Был арестован, отдан под суд и расстрелян Н.П. Трегубов — начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома, органы КГБ заключили под стражу еще 25 ответственных работников московского Главторга и директоров крупнейших универсамов и гастрономов, включая Б.С. Тверитинова, директора гастронома при ГУМе, директора “Елисейевского гастронома” и многих других. В ходе расследования было установлено, что каждый магазин должен был выплачивать дань в районное управление торговли, районные управления платили дань в Главное управление торговли Мосгорисполкома. Оттуда деньги шли на подкуп чиновников министерств и ведомств, вплоть до МВД¹⁹. Эти процессы стали едва ли не последними в цепи репрессий против номенклатуры. Уже не политические обвинения, а обвинения уголовные, были адресованы чиновникам²⁰.

Середина 1980-х гг. стала рубежом в истории страны, судьбе номенклатуры, в возрождении института собственности. Радикальные реформы от хорошей жизни не проводят. К середине 1980-х гг. сошлись воедино крайне неблагоприятные факторы. Нефтяные цены рухнули, вместе с неудачами в проведении антиалкогольной кампании рухнул бюджет страны, за полтора года развеялись надежды на ускорение экономического развития, похоронив и программу преимущественного развития машиностроения, и государственную приёмку, и изменения в системе государственного управления²¹. В период с 1985 по 1989 гг. отрицательный баланс вырос с 7,8 до 25,1 млрд долл. Об “обвале” бюджета свидетельствовали подсчеты экономистов Аппарата Президента СССР, представленные М. Горбачеву в июне 1991 г. Росла внешняя задолженность СССР (см. табл. 1).

Табл. 1

Задолженности и платежи СССР за погашение кредитов в свободно конвертируемой валюте (в млрд долларов США)²²

Год	Задолженность	Платежи в погашение кредитов	
		Всего	В том числе по долгосрочным кредитам
1985	27,2	7,5	0,8
1986	39,4	15,9	0,9
1987	38,8	19,2	0,9
1988	40,8	20,0	0,8
1989	46,3	21,5	0,8
1990	57,6	11,8	0,7
1991	52,2	14,8	1,0

Чрезвычайная ситуация требовала принятия чрезвычайных мер. Ими стали, во-первых, радикальная реформа номенклатуры, выразившаяся в решении январского (1987) Пленума ЦК КПСС о введении альтернативных выборов в партийные и со-

¹⁹ Гуров В. Красная мафия. М., 1995. С. 60.

²⁰ В этом же ряду оказалось так называемое «хлопковое дело», ряд процессов против заместителей министров, связанных с внешней торговлей, которые велись при Черненко и Горбачеве.

²¹ Подробнее см.: Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 408—450.

²² Пихоя Р.Г. Советский Союз... С. 453.

ветские органы, а следом за этим — и создание Съезда народных депутатов на уровне Союза ССР и союзных республик. Эта реформа разрушала главное в номенклатуре — принцип назначаемости. Необходимость идти на выборы с их плохо предсказуемым результатом убивала номенклатурную стабильность. Номенклатура в её различных проявлениях теряла прежде гарантированные властью права и привилегии, сохраняя, хотя бы на некоторое время, возможности управления народным хозяйством страны.

Во-вторых, провал программы ускорения развития экономики и обострение экономических проблем страны вынуждали власть отступить к основополагающим принципам тотального планирования, заставляя допустить элементы рыночной экономики внутрь самого социалистического предприятия. Эти экономические решения отличаются несомненной логичностью и взаимосвязанностью, хотя непосредственная связь между ними никогда не декларировалась. Прежде всего, следует указать на принятие 30 июня 1987 года закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». Под густым соусом рассуждений о «достижении высшей цели общественного производства при социализме — наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей» скрывались новые, радикальные изменения в экономической жизни страны. Устанавливалось, что «предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования». Невероятным для социалистической реальности СССР звучала норма закона, согласно которой «предприятие как самостоятельный товаропроизводитель может выступать на рынке ценных бумаг и выпускать для мобилизации дополнительных финансовых ресурсов акции, осуществлять целевые займы». Замечу, что к этому времени не существовало ни одного правового акта, устанавливавшего и регулировавшего рынок ценных бумаг.

Предприятие получило право «продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности», то есть заниматься той деятельностью, которая была прежде уголовно наказуема. Предприятие получило право «использовать на собственные нужды, реализовывать другим предприятиям, организациям и населению или обменивать с другими предприятиями продукцию при условии выполнения договорных обязательств», приобретать «без лимитов (фондов) материальные ресурсы в соответствии со своими заказами на основе договоров, заключаемых с предприятиями и другими органами материально-технического снабжения или с изготовителями продукции». Прежде подобная деятельность должна была быть квалифицирована как преступление, как пособничество деятельности цеховиков. Предприятию разрешалось создавать собственную сеть реализации продукции «по прямым безлимитным заказам». Это тоже было прежде запрещено.

Закон также вводил поистине революционную норму — фактическую отмену государственной монополии внешней торговли. Предприятиям было разрешено заниматься внешнеэкономической деятельностью «на основе валютной самокупаемости и самофинансирования», вести экспортно-импортные операции, «создавая при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы или поручая ведение таких операций другим внешнеторговым организациям на договорной основе». Разрешалось иметь валютные счета, получать «кредит в иностранной валюте для создания и развития экспортных производств с условием погашения кредита за счет валютной выручки от экспорта продукции». Следует учесть, что еще 25 декабря 1986 г. на Политбюро

было принято решение о порядке создания совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления.

Но закон шел гораздо дальше. Он разрешал образовывать на предприятии структурные единицы, действующие на хозрасчетных началах. «Структурная единица может иметь отдельный баланс и счета в учреждениях банков». Обратим особое внимание на это положение. К нему я вернусь ниже. Таким образом, та деятельность, за которую прежде судили, сажали в лагеря, а то и расстреливали, теперь разрешалась. Но возникает важный вопрос — а оставалось ли это предприятие государственным? Судя по заголовку закона — да, если смотреть на его содержание — то предприятие передавалось трудовому коллективу, а на практике — его руководителям, получившим возможность уходить от государственного контроля. Директора предприятий не только выводились из номенклатуры (их утверждали не партийные органы, а собрание трудового коллектива), но и становились независимыми и богатыми людьми.

Этот закон давал возможность преобразовывать и министерства в государственные корпорации, которые получали в собственность то имущество, которым они прежде управляли. Форма государственной корпорации оказывалась лишь начальной переходной формой к преобразованию в акционерное общество. Этим путем шли крупнейшие промышленные министерства страны. Первым из них стало Министерство газовой промышленности СССР. В.С. Черномырдин, в 1989 г. — министр газовой промышленности, вспоминал: «Вошли в правительство с предложением, чтобы нам дали возможность уйти из государственной министерской структуры и перейти напрямую — в хозяйственную. *То есть такую вот мощную министерскую структуру перевести на систему работы по закону о предприятии. А в СССР как раз приняли закон о предприятии*»²³ (Курсив мой. — Р.П.). Новая структура, согласно уставу Газпрома, получила права: «осуществлять экспортно — импортные операции; участвовать в проектировании, строительстве и эксплуатации объектов газовой промышленности за рубежом на условиях генподряда и технического содействия; осуществлять научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами в целях эффективного решения проблем развития газовой промышленности страны; привлекать к сооружению объектов газовой промышленности как на территории СССР, так и за рубежом иностранные организации и фирмы; создавать на территории СССР и за рубежом совместные с иностранными партнерами предприятия и фирмы, привлекать иностранные фирмы для оказания услуг по заключению и исполнению внешнеэкономических сделок (контрактов); создавать за рубежом технические и технико-коммерческие центры (бюро), представительства, ремонтные и сервисные организации, базы и склады; командировать специалистов в социалистические, капиталистические и развивающиеся страны»²⁴.

Опыт Газпрома оказался, с точки зрения союзных министров, вполне успешным. Поэтому Верховный Совет СССР 1 апреля 1991 г. принял постановление, по которому Кабинету Министров СССР предписывалось «провести в течение 1991—1992 годов работу по организации государственных корпораций..., других структур рыноч-

²³ Цит. по: История Газпрома // http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0

²⁴ Постановление Совмина СССР от 18.11.1989 № 1011 «Об утверждении Устава Государственного газового концерна «Газпром». Цит. по: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-normy/j4a.htm>

ного типа на базе действующих государственных органов и организаций»²⁵. Диагноз сложившейся ситуации в экономике страны был поставлен на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР 25 сентября 1990 г., когда вице-премьер по промышленности Ю. Скоков объявил руководству Верховного Совета, что процесс акционирования, осуществляемый руководителями союзных ведомств, «министерская приватизация» по существу выводит промышленность из-под российского контроля. Для примера Скоков рассказал о взаимоотношениях с министром черной металлургии Колпаковым: «Мы к нему со своим суверенитетом, а он говорит: извини, но я еще в прошлом году стал владельцем этой собственности и правопреемником государственной собственности. Колпаков стал Круппом. Теперь он создает 10—15 концернов, оставляет маленькую структуру управления. Это президентское правление в сталелитейном комплексе».

Вторым шагом на пути радикальных реформ шло появление кооперативов. 5 февраля 1987 г. Совет Министров СССР издал постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления». 26 мая 1988 г. был принят Закон «О кооперации в СССР». Под лозунгами «развития ленинских идей о кооперации применительно к современному этапу строительства социализма в СССР» закон фактически восстанавливал права частной собственности, замаскированной в обличье «кооперативной формы собственности». Он гласил, что «кооперативы могут создаваться и действовать в сельском хозяйстве, в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и общественном питании, в сфере платных услуг и других отраслях производства и социально-культурной жизни».

Эта норма закона прямо сопрягалась с процитированным выше положением Закона «О государственном предприятии (объединении)», разрешавшим образовывать на предприятии структурные единицы, действующие на хозрасчетных началах. После появления Закона «О кооперации» эти отдельные структурные единицы могли преобразовываться в кооперативы со своим балансом и счетом в банках. От предприятия отпочковывались заключительные звенья производства, те, где создавалась готовая продукция. Так были сделаны первые шаги начинавшегося процесса приватизации промышленности.

Кооперативам представлялось право ведения внешнеэкономической деятельности. Закон устанавливал: «Кооперативы и их союзы (объединения) активно участвуют во внешнеэкономической деятельности, способствуют укреплению экономики страны, повышению ее международного авторитета, накоплению валютных ресурсов...» При этом кооператив может экспортировать производимую им продукцию (работы, услуги), в том числе созданную в результате совместной деятельности с другими кооперативами и предприятиями, а союзы (объединения) — также продукцию, производимую входящими в их состав кооперативами. Кооперативам разрешалось вести экспортно-импортные операции, заниматься приграничной торговлей.

Но особенно важное значение для судеб страны имело положение ст. 23, п. 5 закона «О кооперации», согласно которому «Союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки... По договору с кооперативом или союзом (объединением), выпускающим

---

²⁵ Важной вехой на пути создания новых собственников в СССР стало принятие Советом Министров СССР Постановления от 15 октября 1988 г. № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг».

ценные бумаги (акции), банк может взять на себя функции по осуществлению операций, связанных с их продажей, возвратом и выплатой доходов на эти ценные бумаги (акции)». Появление коммерческих банков стремительно изменило финансовую ситуацию в стране. Накануне перестройки в СССР было три банка — Госбанк, Стройбанк и Внешторгбанк. Затем банковская система была реформирована. Появилось 6 банков — Госбанк СССР, Внешэкономбанк, Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк. Прежние банки не вели, по крайней мере в самой стране, экономической деятельности, при которой сами деньги бы выступали как товар. Банки распределяли средства в соответствии с указанием государственных органов. При этом в каждом учреждении в СССР эти средства распределялись по статьям — устанавливался лимит на фонд заработной платы, отдельно — на капитальный ремонт и строительство (с «лимитом подряда»), отдельно — на текущие ремонты, приобретение мебели, оборудования. Существовали деньги «с валютным покрытием», с распределением по группам валют — от социалистических стран до твердых валют. Государственная банковская система и многочисленные проверяющие бдительно следили и жестоко пресекали несанкционированный переток денег с одной расходной статьи в другую.

С появлением коммерческих банков всё изменилось. Предприятия и преобразованные в концерны министерства получили возможность переводить свои деньги в коммерческие банки. Их число стремительно росло. Если на 1 января 1989 г. их было 41; а на 1 июля 1989 г. — 143, в том числе 54 кооперативных, то к середине 1991 г. банков стало более 1,5 тыс.²⁶ Первым появился банк «Союз» из казахстанского Чимкента, 12-м — Инкомбанк, 13-м — АвтоВАЗбанк, 16-м — Автобанк, 20-м — банк «Аэрофлот», 25-м — Менатеп²⁷. Все сколько-нибудь крупные предприятия и ведомства создавали свои банки. Предприятия, финансировавшиеся из государственного бюджета, переводили часть средств в новые коммерческие банки. Оттуда они уже приходили «отмытыми» от финансовой классификации. Предприятия, занимаясь самым настоящим кредитованием коммерческих банков, в ту пору меньше всего заботились о получении с этих банков процентов по вкладам. Для них важно было сохранить средства и использовать их по своему усмотрению. Зато коммерческие банки, кредитующая нарождавшиеся кооперативные коммерческие структуры, уже требовали от заемщиков проценты по займам.

«Обналичка» — превращение безналичных денег в полновесные наличные стала источником доходов для коммерческих банков. За обналичку коммерческие банки получали 10—12%, впрочем, по мере численности банков и конкуренции между ними эта маржа сократилась до 2—3%. Позже таким источником доходов стали операции по покупке и продаже валюты. Деньги превращались из средства расчета в товар. Показательна в этом смысле цена кредитов, представляемых государственными банками. В 1990 г. кредиты выдавались под 1%, в 1991 г. — до 15%. Агропромбанк довел стоимость кредитов до 20—24%, в том числе и по ранее выданным²⁸. Создание коммерческих банков стало качественно новым явлением, уничтожившим старую планово-распределительную финансовую систему. Одновременно с этим шло разрушение другой составляющей советской финансовой системы — ее централизма.

²⁶ Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011. С. 231

²⁷ Бергер М. Первые банки, или происхождение денег // Известия. 1995. 11 апреля.

²⁸ Там же. С. 14.

Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже — в автономиях, которые не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

Закон СССР «О предприятиях в СССР» 1990 г. предоставлял большие права собственникам предприятия (государству или коллективным собственникам). Втихую, без обсуждения в Верховном Совете СССР, Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. было принято «Положение об акционерных обществах». Все это имело свои социальные следствия. Прежняя номенклатурная вертикаль рушилась на глазах. Сам Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, говоря о неэффективной деятельности партийного аппарата, возмущался на заседании Политбюро отказом чиновника газифицировать станционный поселок в Сибири: «И что услышали в ответ? Пусть Политбюро и газифицирует. Слушайте, а мы такого бюрократа держим! ... Такие кадры нам не нужны. *Разрушить эту номенклатуру!* (Курсив мой. — Р.П.) Развели бездельников, которые угождают только вышестоящим и совершенно глухи к людям»²⁹.

Горбачеву было невдомек, что решением Политбюро газ не проводят, что требуются средства на большую и дорогостоящую работу, что эти деньги должны были быть заложены в бюджет, что, наконец, он, генеральный секретарь, как член Президиума Верховного Совета СССР несет ответственность за тот самый государственный бюджет, который обрек железнодорожный транспорт на такое положение, когда пристанционные поселки оказались в отчаянном положении, как, впрочем, и за принципы формирования номенклатуры.

8 сентября 1988 г. на заседании Политбюро рассматривалась записка Горбачева «К вопросу о реорганизации партийного аппарата». Обсуждение показало, что предстоящая реорганизация породит большие и сложные проблемы. По подсчетам Лигачева, «мы должны сократить где-то 700—800 тысяч человек. Только по областному, республиканскому, районному и городскому — 550 тысяч человек». Это приводило к неуверенности в аппарате, к падению дисциплины чиновников, к местническим настроениям. «Теперь относительно подбора кадров для будущего аппарата ЦК, — продолжал Горбачев. — Я прямо должен сказать, все-таки в значительной мере состав нынешнего аппарата не потянет»³⁰. Реакция партийного аппарата на новации Горбачева была вполне адекватной. Его начали тихо ненавидеть, усматривая в деятельности генсека источник той нестабильности, которая была основным завоеванием аппарата с хрущевско-брежневских времен. Должности в аппарате утрачивали свою привлекательность. Место председателя совета директоров банка оказывалась и доходнее, и спокойнее поста секретаря райкома КПСС.

В процесс номенклатурного обогащения втягивались и высшие звенья государственного аппарата, хотя официально никакой приватизации в СССР не происходило. Эти процессы лишь изредка становились предметом обсуждения общественностью (едва ли не единственный случай обсуждения в 1990 г. на III Внеочередном Съезде народных депутатов СССР скандала с продажей через кооператив «Антей» дюжины новеньких танков. По мнению ряда депутатов, эту сделку курировал лично председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков и его заместители). Но на практике шло стремительное обогащение части номенклатуры. Через кооперативы гнали за рубеж

²⁹ АП РФ. Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС. 1988 г. С. 370—371.

³⁰ Там же. С. 158-211.

сырье — нефть, алюминий, алмазы, лес. В авангарде приватизационных процессов оказался «резерв партии» — комсомол в лице его функционеров. С 1987 г. решением правительства и ЦК ВЛКСМ было разрешено создавать так называемые «научно-технические центры молодёжи». Центры могли заниматься хозяйственной, в том числе внешнеэкономической деятельностью, владеть имуществом, причем освобождались от налогов. При центрах стали создаваться свои банки. «Комсомольская экономика» росла на закупке за рубежом дефицитных видеомагнитофонов, аудиоаппаратуры, компьютеров, принтеров, ксероксов. Из «комсомольцев-предпринимателей» выросла существенная часть современной бизнес-элиты страны.

В предпринимательскую деятельность включался и ЦК КПСС, располагавший громадной партийной собственностью и финансами. Через «комсомольские банки» партийные деньги проводились и вкладывались в предприятия в нашей стране и за границей. ЦК КПСС торопился заключать коммерческие сделки, используя связи в странах Восточной Европы. Управление делами ЦК КПСС 16 февраля 1990 года обратилось в секретариат ЦК КПСС с предложением проработать вопросы об организации прибыльной производственной и хозяйственной деятельности предприятий и учреждений КПСС: «Для подготовки предложений по данному вопросу считали бы необходимым изучить также опыт, накопленный рядом коммунистических и рабочих партий. В частности, коммунистами Италии, Франции, Австрии, Греции и некоторых других стран эффективно используются разнообразные формы организации экономической деятельности. Эти партии имеют сеть собственных фирм и предприятий, доходы от которых идут на финансирование партийной работы». 20 апреля 1990 г. Управление делами запросило разрешение вложить деньги в приобретение 15% пакета акций Акционерного инновационного строительного банка в Будапеште. «Полагали бы целесообразным поручить Управлению делами и Международному отделу ЦК КПСС совместно с Внешэкономбанком СССР провести переговоры с венгерскими представителями на предмет возможного размещения в Будапештском банке средств КПСС». Шли сотни, если не тысячи запросов из обкомов партии — разрешить акционировать санатории, издательства, гаражи, здания, принадлежащие обкомам.

Отдельная увлекательная тема — создание системы, в которой были задействованы специалисты-финансисты из КГБ, сотрудники внешнеэкономических ведомств, сотрудники Управления делами ЦК КПСС, которые занимались созданием сети предприятий, банков, вложением средств в акции, финансированием «фирм друзей» по всей Европе для сохранения денег партии. Люди из номенклатуры утратили зависимость от своего хозяина — аппарата ЦК. Да и сам аппарат ЦК торопился приобрести к собственности. Прежняя идеология коммунизма с её отрицанием частной собственности рухнула, погибала внутри своей цитадели — аппарата партии. Уход из номенклатуры перестал быть трагедией, как было раньше. Наоборот.

Новая собственность манила. Она требовала защиты. Нечаянным образом эти устремления совпали с желанием большинства граждан страны иметь своё, избавиться от диктата коммунистической власти. Исторический круг замкнулся. Политический строй, отрицавший собственность, рухнул. Среди его могильщиков оказался тот «новый класс», номенклатура, которая благополучно превращалась в старый и хорошо известный — в класс капиталистов. Именно поэтому в августе 1991 г. и не нашлось защитников номенклатурных ценностей.

В.Э. Бойков
Реформы 1990-х — 2000-х гг.
в исторической памяти российского общества
(социологический анализ)

Социологическое исследование общественно значимых процессов предполагает изучение политического, правового, нравственного, религиозного и других форм общественного и индивидуального сознания, являющихся не только отражением объективных социальных изменений, но и неотъемлемой частью социальной деятельности. Осуществление радикальных реформ в российском обществе в течение последних двух десятилетий актуализировали научный интерес к трудам русских философов и историков В.О. Ключевского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, В.С. Соловьева, Н.А. Данилевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина¹, к анализу современного состояния исторического сознания и исторической памяти, в которых отчетливо фиксируются переоценки многих событий отечественной истории, а также изменения в структуре ценностного отношения россиян к власти, институтам политического устройства, гражданским правам и обязанностям и т.д.

Практический смысл социологического изучения исторического сознания и исторической памяти состоит, прежде всего, в получении обоснованных представлений об их реальном содержании, необходимых для оптимизации социального управления, имеющего целью формирование общественно значимых традиций, норм и нравственных ценностей, обеспечивающих консолидацию российского общества.

Особенность социологического подхода к изучению исторического сознания и исторической памяти выражается в их рассмотрении в качестве средства социально-культурной регуляции сознания и поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом. При этом особо пристальное внимание уделяется оценочному и нормативно-ценностному содержанию исторической памяти, которая носит конкретно-исторический характер. В эмпирических социологических исследованиях исторического сознания и памяти выявляются общие ценности, представления, идеи, верования и др. с помощью количественных и качественных методов сбора и обобщения информации — массовых опросов, опросов фокус-групп, наблюдений, изучения документов, контент-анализа публикаций СМИ и др.

При социологическом подходе к анализу сущности исторической памяти можно выделить, как минимум, три ключевых аспекта ее содержания и тесно связанных с ней функций. **Во-первых**, общую систему ценностей и символов. Эта система формирует отношение социально-демографических, социально-статусных, этнических и

¹ См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I. // Собр. соч. В 9 т. Т. 1. М., 1987; *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. В 18 кн. Кн. 1—4. М., 1988; *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России: В 2 т. М., 1989. Т. 1; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Бердяев Н.А.* Судьбы России. М., 1990; *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.

иных групп, территориальных общностей, значительной части или всего населения страны к событиям отечественной истории, выдающимся деятелям и достижениям своего народа. Исторические представления людей играют роль ценностных ориентиров и тем самым оказывают регулирующее влияние на их общественно значимое поведение, способствуют формированию гражданского самосознания и культурно-этнической самоидентификации. В историческом сознании аккумулируются также символы и представления о бесславных войнах, репрессиях, социальных невзгодах, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Эти феномены сознания являются своего рода «антиценностями», извлеченными из уроков истории. Они также имеют немаловажное регулирующее значение — предохраняют население, политическую элиту и другие субъекты исторического процесса от повторения прежних ошибок.

Во-вторых, сущность исторической памяти выражается в осознании индивидом своего «Я» в семейной и сословной родословной, в понимании нашего «Мы» в социальной среде, культурной общности родного края, страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации. Регулятивное влияние такого осознания на социально значимое поведение людей в этом плане проявляется в формировании норм и правил поведения и неформального механизма социального контроля и передачи исторического опыта.

В-третьих, сущность исторической памяти выражается в историческом опыте, знаниях, идеях, верованиях, переходящих от поколения к поколению. Они оказывают большое влияние на социальное мировоззрение и ментальные качества населения. Поэтому убеждения, стандарты семейных и других отношений, народные обычаи, обряды и многие другие элементы культуры довольно жизнестойки вопреки социально-экономическим, политическим и идеологическим изменениям.

Вместе с этим историческая память формируется и актуализируется в теснейшей связи с доминирующей в обществе социальной ситуацией. Именно в контексте происходящих событий она влияет на отношение людей к историческому прошлому народа, страны и государства; формирует их оценки по поводу минувших событий; является почвой для формирования отношения к возможному будущему.

Таким образом, с социологической точки зрения, историческое сознание — это совокупность транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, верований и обычаев, традиций, норм и правил поведения. В свою очередь историческая память представляет собой ту неотъемлемую часть исторического сознания, в которой аккумулирована наиболее актуальная и социально значимая в данный период времени совокупность исторических представлений и чувств. Именно историческая память, как представляется, обеспечивает осознание людьми того, что они представляют собой не толпу, а объединены в социальную общность, в народ ассоциируется с конкретной культурой, языком, ментальными качествами. Историческая память с этой точки зрения образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения.

В социологическом изучении исторической памяти существенное значение имеет как выявление ее реального содержания, так и конкретных условий и факторов, определяющих ее архитип. Речь идет о предметном изучении влияния на историческую память жизненного опыта людей, произведений художественной литературы и искусства, публикаций в СМИ, преподавания истории в учебных заведениях и др. Содержание исторического сознания рельефно проявляется в результатах социоло-

гических опросов российского населения, выражающих его отношение к положению, которое занимает Россия в международном сообществе, к руководителям государства прежних исторических периодов, крупным достижениям народа, а также к событиям, нанесшим урон российскому обществу.

Достаточно показательно с этой точки зрения представленное в табл. 1 соотношение положительных и отрицательных суждений опрошенных о роли некоторых радикальных социальных и политических преобразований в истории развития России, которые имели место в прошлом и осуществляются в настоящее время².

Таблица 1

Оценки российских реформ в исторической памяти населения (в %)*

Реформы	Ускорили прогресс				Задержали развитие			
	2001	2003	2007	2011	2001	2003	2007	2011
Реформы Петра I	86,3	88,9	78,8	75,4	0,8	0,3	1,2	1,5
Октябрьская революция во главе с В.И. Лениным	33,8	37,4	38,7	36,8	29,9	28,2	25,5	27,5
Перестройка во главе с М.С.Горбачевым	21,1	20,4	18,7	25,8	40,7	46,0	40,5	34,5
Реформы 1990-х гг. во главе с Б.Н.Ельциным	14,5	13,5	13,2	13,8	45,0	48,2	40,9	41,7

* Без респондентов, затруднившихся ответить и выбравших вариант ответа «не имели значения».

Добавим к табличным данным, что в сравнении с результатами аналогичного опроса в мае 1990 г. произошло некоторое увеличение количества положительных оценок петровских реформ (тогда их выразили 72% респондентов) и, напротив, уменьшилась доля позитивных суждений о роли Октябрьской революции 1917 г., которая прежде составляла 50% опрошенных. Но в последние годы доля опрашиваемого населения, лояльно оценивающего историческую роль Октябрьской революции, несколько увеличилась. Что касается массового отношения к перестройке и реформам последнего десятилетия, то в настоящее время в нем преобладает негативизм.

Как представляется, восприятие реформ прежних исторических периодов развития российского общества в значительной мере мифологизировано. Но в то же время оно обусловлено теми практическими результатами, которые они принесли стране и которыми реально пользуются нынешние поколения. Так, несмотря на множество исторических мифов, прогрессивность петровских реформ в памяти людей ассоциируется с достижениями в сфере образования и науки, в промышленности и градостроительстве, с укреплением российской государственности и военного потенциала страны и т. д.

² В докладе использованы материалы общероссийских опросов населения в возрасте 18 лет и старше, осуществленных под руководством автора Социологическим центром РАГС в 24 субъектах Российской Федерации, представляющих все экономико-географические зоны страны. Применялась многоступенчатая квотная выборка с вероятностным отбором респондентов на завершающем этапе ее формирования и реализации. Объем выборочной совокупности опрошенных в каждом из исследований составлял от 1600 до 2400 человек, репрезентирующих территориальное размещение российского населения, соотношение жителей разных типов поселений и социально-демографический состав населения.

Аналогично, в памяти о сравнительно непродолжительном периоде истории нашей страны после 1917 г., наряду с ужасами репрессий, фигурируют всеобщее и достаточно качественное образование, развитие науки и культуры, становление индустриальной мощи СССР, победа над фашизмом, зарождение и развитие космонавтики и многие другие достижения подлинно всемирного исторического масштаба.

Соотношение субъективных положительных и отрицательных оценок в восприятии исторических результатов реформ последних двух десятилетий в значительной мере определяется тем, что, фигурально выражаясь, еще отсутствует надлежащая «лупа времени», необходимая для объективного понимания масштаба преобразований. На массовое отношение к сути и перспективам реформ оказывают огромное влияние социальные тяготы переходного периода.

Следует подчеркнуть, что еще в конце 1980-х гг. в общественном сознании советского общества был поколеблен синдром восприятия социализма как «единственно верного» пути развития. В значительной мере этому способствовала горбачевская перестройка, идеологи которой демонстрировали освободительную миссию преодоления административного диктата партийно-советской бюрократии и строительства «социализма с человеческим лицом». Однако результаты перестройки оказались весьма проблематичными.

К 1990 г. обострились кризисные процессы в экономике и политические противоречия, обусловившие деградацию КПСС, представлявшей собой становой хребет политической системы СССР. Спонтанными последствиями перестройки стали обособление республик и регионов от центральных властей и друг от друга, разрыв традиционных хозяйственных связей в экономике страны, рост уровня социальной и межнациональной напряженности, ухудшение качества жизни.

Судя по данным социологических опросов, на рубеже 1980—1990-х гг. большинство населения страны устало от ощущения социальной безысходности, утратило надежду на нормализацию обстановки в ближайшем будущем. В массовом сознании назрело стремление к порядку, обеспечение которого связывалось с приходом к управлению административно-территориальными образованиями всех уровней и страной в целом новых руководителей, способных обеспечить стабилизацию экономики и социальной сферы, добиться прекращения межнациональных распри, обуздать преступность, преодолеть ряд других острых проблем.

Эти обстоятельства стали катализатором выхода многих людей из политической спячки и обращения различных политических сил к поиску новой модели общественного устройства. В стране появились народные фронты, партийные структуры, депутатские группы и другие новые центры общественно-политического влияния, требующие участия во власти. Несанкционированные митинги с критикой властей, в которых участвовали многие оппозиционно настроенные члены КПСС, политические и экономические забастовки стали нормой общественной жизни. В сложившихся условиях символом демократических преобразований в России стал Б.Н. Ельцин, а идеи перехода к рыночной экономике и политическому плюрализму были с энтузиазмом встречены общественным мнением.

В ту пору опрошенные, сознание которых формировалось в советском обществе, не имели отчетливого представления о том, что их ожидает в результате отказа от плановой экономики и уравнительного распределения материальных и социальных благ. Тогда мало кто допускал саму мысль о возможности приватизации нефтяных, металлургических, машиностроительных и ряда других базовых предприятий реаль-

ного сектора экономической деятельности. По данным опросов населения и служащих органов государственной власти, отрицательное мнение преобладало по поводу возможного перевода на рыночную основу социальной сферы — здравоохранения, физкультуры и спорта, культуры, образования. Тем не менее, неуклонно увеличивалась доля людей, выражавших положительное отношение к легализации частного предпринимательства в бытовом обслуживании, торговле, общественном питании, к созданию на селе частных фермерских хозяйств и т.д.

В опросах общественного сознания фиксировались и опасения по поводу возможных рисков, в числе которых главными были негативные ожидания неизбежности роста цен на товары и услуги (47% опрошенных)³. Эти опасения оправдались в полной мере. Однако в общественном настроении доминировали надежды, рождавшие социальный оптимизм в обществе. Основная масса опрашиваемого населения рассчитывала на преодоление бесхозяйственности, обусловленной тем, что государственная собственность оказалась в малопочтенном разряде «ничейной». Переход к рыночным экономическим отношениям воспринимался как панацея от всех бед, в особенности товарного дефицита, как средство преодоления отчуждения труда и уравниловки в его оплате.

Такой вектор настроений в обществе объясняется, прежде всего, тем, что заработная плата тогда (да и в настоящее время) является для подавляющего большинства граждан основным, подчас — единственным, источником получения средств существования. Нельзя сбрасывать со счетов и явно выраженное стремление массы трудоспособных граждан добиваться за счет собственного труда желаемого ими социального статуса и приличного уровня благосостояния.

В результате институциональных изменений в экономике в 1990-е гг. российское общество радикально изменилось. Формально (де-юре) каждый гражданин России получил право заниматься предпринимательством и участвовать в конкурентной борьбе на рынке труда и в других областях жизни. Появилось разнообразие форм собственности, в результате чего были созданы предпосылки для свободы выбора при найме на работу и повышении уровня социальной мобильности. Эти институциональные изменения вызвали в обществе определенный социально-психологический подъем, который, правда, к середине 1990-х гг. сменился глубокой депрессией.

Отмечая субъективную предрасположенность большинства российского населения к рыночной экономике, следует подчеркнуть, что реальная практика реформ оказалась весьма далекой от ожиданий не только простых обывателей, но также ученых и политиков. Фактические результаты осуществленного сценария перехода к рынку привели к результатам, нередко противоположным декларируемым.

Они выразились в резком ухудшении состояния российской экономики в целом и в еще большем, чем прежде угнетении человеческих ресурсов производства, в частности. Проблемы заключались не только в тяжелом бремени, которое вынуждено было нести российское население из-за кризисного состояния экономической и социальной сферы. В течение 1990-х гг. в стране не были преодолены многие прежние противоречия, но при этом появились новые, тормозящие переход к эффективной экономике, социальному государству и раскрепощению человеческих ресурсов производства.

³ См.: Бойков В.Э. и др. Общественное сознание и перестройка. М., 1990. С. 83. Человек и рынок: социально-политические аспекты // Информационный бюллетень. М., 1991. С. 9—13.

Это обстоятельство предопределило нарастающий негативизм в отношении большинства российских граждан к государственной социально-экономической политике и к реформаторам, которые недооценивали социально-культурный контекст радикальных преобразований. Такой вывод подтверждается материалами социологического мониторинга массового сознания. Даже среди опрошенных в феврале 2001 г. 400 предпринимателей государственного, смешанного и частного секторов экономики, которые по своему положению как бы априори составляют социальный ресурс перехода к рыночной экономике, более половины выразили отрицательное отношение к тому, по какому сценарию проводились экономические реформы.

Отрицательное отношение общества вызывали методы осуществления рыночных преобразований — приватизации собственности с помощью ваучеров и залоговых аукционов, отказ от социальной направленности экономики и от общественного контроля над крупным капиталом и др. Никто в полной мере не мог предусмотреть, какие трудности появятся в ходе реформ. Но столь резкий спад производства, многократный рост цен на товары широкого спроса, деградация здравоохранения, рост коррупции и многие другие отрицательные следствия обоснованно оценены общественным мнением не столько как неизбежные издержки перемен, сколько как пре небрежительное отношение правящих кругов к народу, к социальным правам и гарантиям рядовых граждан.

Как показывали многочисленные зондажи общественного мнения, трудности реформирования общества не породили массового желания реставрировать социализм в его прежней форме. Даже наиболее болезненные для населения страны обвал цен в 1992 г. и финансовый кризис после августа 1998 г., обнажившие изъяны экономической политики 1990-х гг., не отвратили основную массу россиян от идеи перехода к рыночной экономике.

Главный порок, обусловивший неприятие общественным мнением результатов реформаторской деятельности, выразился в том, что труд многих категорий работников, занятых по найму на производственных предприятиях и в социальной сфере, научных учреждениях и других сферах, не только не был выведен из положения «бросового товара», но и обесценился еще больше, чем в дореформенные времена. Как свидетельствуют специалисты, нацеленность российского бизнеса на извлечение максимальной прибыли в кратчайшие сроки, экономия работодателей на заработной плате наемных работников привели к тому, что доля зарплаты занятых в реальном секторе экономики составила только около трети или даже четверти стоимости производимой ими продукции. Эта доля в два-три раза меньше, чем в других индустриально развитых странах. В результате оказалась утраченной стимулирующая роль оплаты труда. Радикальные институциональные изменения на макроуровне (в отношениях собственности, распределения и потребления), произошедшие в российском обществе в 1990-е гг., практически не улучшили (а порой ухудшили) отношения в социально-трудовой сфере.

По полученным социологическим данным, за период экономических реформ система материального стимулирования труда (во всяком случае, как она воспринимается основной массой занятых производством товаров и услуг) практически не изменилась. Но при этом в целом ухудшилась социальная обеспеченность граждан, которая до реформ поддерживалась за счет благ, которые получал рядовой человек из общественных фондов потребления. А это означает, что реформы для больших масс людей (на микроуровне) обернулись не новыми стимулами и возможностями собственным трудом обеспечить нормальную жизнь, а в основном социальным бре-

менем. Если при советском политическом режиме система оплаты труда была подчинена уравнительному распределению материальных благ с целью более-менее равномерного удовлетворения потребностей населения, то главной целью перехода к рыночной экономике стало получение максимальной прибыли, к распределению которой рядовые работники не имеют никакого отношения.

Результаты реформирования российского общества в 1990-е гг. весьма существенно отразились на социальных отношениях и процессах. Имеются в виду не только проблемы большой дифференциации доходов богатых и бедных слоев населения, безработицы, обнищания значительной части россиян, на которых, как правило, концентрируется внимание политических деятелей и исследователей. С точки зрения социологии важно обратить внимание также на многочисленные социальные деформации, сопряженные с реальной практикой реформ. В их числе доминирование нисходящей социальной мобильности в обществе, долговременный стресс, который испытывает немалая часть российского населения, деградация системы ценностного и нормативного регулирования жизнедеятельности общества и ряд других проявлений социальной аномии, обуславливающих дезинтеграцию социума.

Как показала история развитых стран Запада, опыт которых пропагандировался в 1990-х гг., становление капитализма в них сопровождалось активным перемещением индивидов и социальных групп по ступенькам социальной лестницы. По оценке известного американского социолога П. Сорокина, утверждение капиталистических отношений дало толчок подъему экономики, чем было обусловлено преобладание восходящей социальной мобильности в странах Запада. Иначе говоря, большинство людей переходило с нижних социальных позиций к более высоким ступеням. В социальной структуре общества формировался средний класс с относительно высоким уровнем благосостояния. Что особенно важно, происходило сокращение имущественного интервала между беднейшими, средними по уровню доходов и богатыми слоями населения.

В российской действительности 1990—2010 гг. изменения в социальной структуре общества в целом противоположные. В социальной мобильности нисходящие перемещения преобладали над перемещениями восходящими. В итоге образовался небольшой по численности, но влиятельный слой богатых людей и сохраняется большой слой бедняков, в том числе имевших доходы ниже величины прожиточного минимума.

Возможности восходящего социального продвижения людей определяются, как известно, рядом факторов: отсутствием сословных и статусных привилегий, подъемом экономики, развитием системы общего и профессионального образования, разнородными социальными поощрениями, стимулирующими восхождение по социальной лестнице тех людей, кто прошел военную службу, исполнял какие-то другие необходимые обществу гражданские обязанности. Все эти факторы в 90-х гг. минувшего столетия проявлялись в России со знаком «минус».

Главное — произошло рассогласование между социально-профессиональными характеристиками людей и их реальным социальным статусом. Возникший в годы реформирования разрыв между трудом и его оплатой дополнился нередким рассогласованием между такими важнейшими социальными признаками людей, как образование, возраст, профессиональная квалификация, опыт трудовой деятельности, с одной стороны, и их социально-статусным положением — с другой. Например, большая масса работников науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства, военнотру-

жащих, инженерно-технических работников, обладая сравнительно высоким уровнем образовательной и профессиональной подготовки, оказалась в положении социальных аутсайдеров из-за низкого уровня заработных плат, роста цен на товары и услуги, отрицательных тенденций на рынке труда. Значительная часть специалистов была вынуждена отказаться от своей профессии, которая не приносила необходимых средств к существованию. Это отрицательно повлияло как на человеческие ресурсы развития экономики, так и на социальную базу реформирования российского общества. Система образования, призванная стимулировать вертикальную мобильность и обеспечивать на старте трудовой деятельности равенство социальных возможностей различных групп населения, в реальности начала консервировать социальное неравенство.

Не случайно в сознании людей возникает множество резонных вопросов. В их числе, не слишком ли болезненны нынешние реформы, оптимальный ли сценарий их проведения, по какому пути и к какому результату движется российское общество? К сожалению, вразумительные ответы на эти вопросы не дают ни представители политической элиты, ни экспертное сообщество. Естественно, что в неведении пребывает и массовое сознание, в котором преобладают пессимистические оценки настоящего и размытые представления о будущем. Последнее наглядно показывают данные опросов, изложенные в табл. 2.

Таблица 2

Суждения о выборе пути развития России
(в % без затруднившихся ответить)*

Варианты ответа	2003 г.	2006 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.
Следует развивать капитализм, как в США и Западной Европе	40,7	42,3	22,2	21,5	14,9
Следует искать новые пути строительства социализма	58,4	53,2	26,9	27,2	17,8
Следует искать собственный, особый путь развития России	—	—	72,3	83,9	56,4

* Смещение оценок в опросах, начиная с 2007 г., обусловлено добавлением в методику опроса альтернативы о поиске собственного, особого пути развития России.

Как видим, в настоящее время относительное большинство населения склонно к тому, чтобы Россия шла по собственному (особому) пути развития. Действительно, наша страна во многом уникальна. Но как именно должна сопрягаться эта уникальность с наработанными человечеством алгоритмами достижения социально-экономического, политического и духовного прогресса? Этот вопрос уже много столетий остается в виде «камня преткновения».

Проблемы реформирования российского общества, на мой взгляд, в существенной мере усугубляются глубоким и стойким отчуждением во взаимоотношениях народа с государственной властью.

Общеизвестно, если государство не обеспечивает защиту и реализацию конституционных прав граждан, они платят ему той же «монетой» — отказываются от участия в выборах, от исполнения гражданских обязанностей — уклоняются от военной службы, уплаты налогов и т.д. Такого рода взаимоотношения между государством и населением оборачиваются разгулом преступности, тотальной коррупцией, процветанием «теневого» (не облагаемой налогами) экономики, многими другими негатив-

ными процессами. Эти процессы набирали силу в течение двух последних десятилетий и превратились в неотъемлемую часть социально-экономических политических отношений в современном российском обществе.

Запросам общества к действиям властей противоречит то, что прежняя (советская) командно-бюрократическая модель управления в стране заменена другой — еще более бюрократической и более коррумпированной моделью. В какой-то мере общественное мнение на этот счет отражают данные табл. 3.

Таблица 3

Оценки типа политического режима в России (в %)

Варианты оценки	1998 г.	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.
Демократия	2,2	8,8	10,1	8,9	12,1	14,9	14,5
Администрирование чиновников	13,5	22,8	22,4	29,9	31,3	28,4	30,7
Единоличные решения высших руководителей	18,9	18,5	13,5	21,7	18,8	26,6	31,8
Анархия, неразбериха	54,6	38,6	31,6	20,5	12,2	12,1	9,4
Затрудились ответить	10,8	11,3	22,4	19,0	25,6	18,0	13,6

Зафиксированное в таблице распределение мнений можно толковать двояко: как реакцию людей на наведение правового порядка в стране и как усиление административного произвола, усиливающего правовой беспорядок.

В таком сочетании оценок лишь кажущееся противоречие. В действительности административный произвол, по мнению опрошенного населения, далек от законодательства, пусть несовершенно, но какого ни есть. Не случайно абсолютное большинство респондентов отметило несоблюдение декларируемых законами социальных, экономических и иных прав. Больше половины населения уже длительное время выражает недовольство неисполнением Конституции и других принятых федеральных законов.

Кроме этого, следует иметь в виду, что правовая неразбериха и правовой произвол в правоприменительной практике — явления одного и того же порядка. В повседневной жизни это находит выражение в таких крайностях, как неоправданное вмешательство власти в частную жизнь, предпринимательскую и иную деятельность, так и одновременно с этим — в ее неспособности обеспечить полноценную защиту и реализацию прав граждан и организаций.

Разумеется, власти предпринимают немало усилий, направленных на совершенствование практики администрирования в различных областях правоотношений. Речь идет, прежде всего, об улучшении качества государственных услуг, предоставляемых гражданам и организациям — по оформлению недвижимости, актов гражданского состояния и множества других документов. Однако эта форма взаимоотношений властей с людьми не изменяет их сути. Система государственного и муниципального управления (как она воспринимается общественным мнением) представляет собой преимущественно симбиоз бюрократизма и административного произвола.

Одним из существенных обстоятельств пренебрежительного отношения значительной части государственных и муниципальных служащих к правам граждан является известная в прошлом ситуация превращения чиновников в своеобразных «вин-

тиков» машины. Но не «винтиков» государственной машины в целом, работающей по единому алгоритму, а «винтиков» разрозненных аппаратов и «команд» по обслуживанию начальников. Этому соответствует реакция людей, показанная в табл. 4.

Таблица 4

Реакция граждан на действия властей в повседневной жизни (в %)

Варианты ответа	2002 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.
Обычно одобряют, поддерживают действия властей	10,7	8,7	11,4	15,0	13,5
Обычно вынуждены приспосабливаться	41,0	46,9	37,4	35,8	34,1
Стараются держаться в стороне от властей	28,9	27,2	26,3	30,5	27,1
Относятся к властям с неприязнью и/или с ненавистью	6,5	7,2	3,7	7,3	15,5
Затруднились ответить	12,9	10,0	21,2	11,4	9,8

В качестве резюме можно сказать, что главной причиной «пробуксовки» реформ и немаловажным источником дезорганизации российского общества является существенное рассогласование общенациональных, государственных, корпоративных и индивидуальных интересов, без преодоления которого трудно рассчитывать на успех реформ в обозримом будущем.

Н.Ф. Бугай

Трансформации государственного обустройства России: XX—XXI вв.¹

Российская цивилизация занимала и занимает достойное место в мировом порядке. Она сочетала в себе многие цивилизации народов и оседлую, и кочевую, и северную, и др. и на этом фоне отстраивала свою многонациональную государственность. Россия, благодаря своей политике, генетически объединяет под своим кровом многие народы. Консолидирующей силой на разных этапах истории российской государственности, несомненно, выступал русский народ, бравший на себя ответственность и заботу о развитии других этнических общностей, изъявлявших желание жить вместе, а значит, и подчиняться законам Российского государства.

Такие исторические события, как провозглашение Русского централизованного государства, реформы 60-х — 70-х гг. XIX в., Февральская революция, демократические реформы и объявление России республикой в сентябре 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., Великая Отечественная война 1941—1945 гг., несомненно, сказывались на состоянии государственной национальной политики. Они затрагивали межэтнические и федеративные отношения, проблемы формирования и совершенствования самой государственности².

Действительность была такова, что государство не могло не обращать внимания на состояние, эволюцию формировавшихся межэтнических отношений. Этим были озабочены и правительство царской России, и Временное, и советское — с октября 1917 г. Конечно, разными являлись как методы их работы, так и ее результаты.

Именно после октября 1917 г. на практике решались главные стратегические задачи: во-первых, возрождение и развитие культуры российских народов, формирование их мировоззрения, во-вторых, повышение экономического развития регионов проживания национальных анклавов до уровня развития центра России. По моему мнению, в данных предложениях было исключительно положительное начало. В 1990-е гг. по поводу этих стратегических задач большевиков шли дискуссии, в результате которых общепринятыми стали следующие точки зрения: 1) что это было

¹ Проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы: член -корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

² Опираясь на ленинское учение о федерализации, констатировалось, что в случае федерации право на самоопределение выражалось в праве внести предложение об образовании федерации, сама же федерация могла образовываться лишь на базе соответствующего договора вступающих в нее государств. Как полагал В.И. Ленин, автономия, сведя до минимума национальные трения, будет способствовать укреплению доверия и дружбы между рабочим классом — большинством и трудящимися массами национальных меньшинств. В конце 1918 г. он же уточнял, что принцип автономии применим к областям, отличающимся особым бытом и национальным составом. Предполагалось, что в советских условиях автономия исчезнет, унитарное государство превратиться в элемент федеративного устройства. Так называемый ленинский план создания федерации был принят III съездом Советов в 1918 г. (См. подробнее: Ленинское учение о диктатуре пролетариата. М., 1970).

выполнение русским народом высоко оцененного прошлыми поколениями интернационального долга; 2) ленинская концепция повышения («подтягивания к центру») уровня социально-экономического развития национальных окраин за счет перераспределения финансовых ресурсов (от русского народа к — остальным) способствовала формированию у национальных (региональных) элит паразитических и сепаратистских настроений. В ходе дискуссий, их участники, в первую очередь, пытались дать ответ на казавшийся всем ясным вопрос: какой же была эволюция российской государственности, национального строительства?

Заметный ущерб национальной политике в последующий, послевоенный период, конечно же, нанесли монопольное положение КПСС, коммунистической идеологии, отсутствие реальной демократии в государстве, полное благодушие к проблемам межэтнических отношений. Главной причиной детального рассмотрения актуального вопроса о национально-государственном обустройстве стало обращение к историографии этой непростой проблемы.

Внутренняя стабильность Российской империи обеспечивалась системой административно-территориального деления и определенной дифференциацией условий пребывания отдельных этнических общностей в ее составе (согласно и культурно-историческим традициям, и политическим обстоятельствам вхождения). Русификация в ряде случаев наблюдалась, но в целом для общества было характерно бережное отношение к национальному своеобразию.

По моему мнению, верна сложившаяся в литературе точка зрения, согласно которой в предшествующую Октябрю 1917 г. эпоху подданные русских царей не были формально «расписаны» по этническим общностям — государство интересовало, прежде всего, их сословная и религиозная принадлежность. Ю.И. Семенов по этому поводу замечает: «В центре внимания имперской власти... были вовсе не этносы и не нации... *В центре внимания центральной власти был регион, область.* Политика, которая вырабатывалась центральной властью, была не национальной в точном смысле слова и даже не этнопротестной. Она была, прежде всего, управленческой и региональной, областной»³.

Такую ситуацию применительно к России анализировал общественный и государственный деятель, депутат Государственной думы I созыва, один из основателей партии «Народной свободы», автор кадетской программы по национальному вопросу Ф.Ф. Кокошкин⁴. Его высказываниям на сей счет, на наш взгляд, умеренным, свойственен сбалансированный подход, учитывающий особенности сосуществования народов на территории Российской империи.

Вывод этого автора сводится к тому, что *в унитарном многонациональном государстве могут быть созданы благоприятные условия для удовлетворения потребностей этнических общностей.* На многих примерах он продемонстрировал возможности именно такого исхода дел и на основе этого решительно *выступил против построения федерации* и автономии по национально-территориальному признаку.

Не случайно Ф.Ф. Кокошкин *настороженно относился даже к идее создания национальной федерации в России.* Почему? Он был обеспокоен, прежде всего, положением *великороссов*⁵ в этой ситуации, исходя из того, что в территориальной федерации

³ См.: Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины / Сост. Ю.И. Семенов. М., 1997. С. 68.

⁴ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* Автономия и Федерация. Петроград, 1917.

⁵ Категория «русские» обрела узко этнический смысл именно в период строительства «социалистической нации». Начиная с переписи 1926 г. русские стали обозначать только *великороссов*.

ее составляющие имели по равному голосу, в национальной федерации великороссы будут разделены по областям, а Литва, Украина, Белоруссия составят целые этнографические образования. Одним словом, они будут строиться по национально-государственному принципу, чего не смогут сделать русские. По мнению Ф.Ф. Кокоскина, это не может не привести ни к чему другому, кроме как к ответной реакции (к конфликту) самой крупной национальности. Если анализировать с этих позиций национальное строительство в России 1990-х гг., то фактически сценарий развивался по Ф.Ф. Кокоскину.

Конечно, провести точную границу между территориальной федерацией и унитарным государством с местной автономией не всегда легко, как это отмечал и Ф.Ф. Кокоскин, но путь к федерации должен быть постепенным (интегральный союз, соглашения, союзы автономий между собой, консолидация губерний в более обширные области с учетом интересов социальных и этнических групп). Поэтому не случайно принцип построения федерации постоянно подвергался анализу, и постоянно происходил поиск наиболее эффективного следования ему в плане удовлетворения интересов населения.

Справедливо охарактеризовал национальную политику в России в 1921 г. историк С.В. Бахрушин: «Государство оказалось плохо спаянным... Народности, входившие в состав Российской империи, оказались... жили каждой своей жизнью. Все здание государства Российского рухнуло при первом ударе»⁶. Такая оценка в полной мере транслируется и на ситуацию в Союзе народов в 1990-е гг. Он выглядел таким же, как писал о нем С.В. Бахрушин.

Как в период государственного строительства 1920-х гг. партийными и государственными деятелями решалась рассматриваемая проблема, и какое место она находила, например, в воззрениях И.В. Сталина, рассмотрел Ю.Н. Жуков: «Пора признать — одна страна, одна нация и один язык. Не хотим развала России — изменим национальную политику. Решительно коренным образом. Для начала продолжим административную реформу. Ведь несколько лет назад стали включать национальные округа (название неверно. — *Н.Б.*) в состав краев. А потом вдруг остановились... Теперь настала пора отказаться от национально-территориальных образований. Заодно на этом и сэкономим»⁷.

Уже в конце 1980-х гг. становилось очевидным, что в отношениях между этническими общностями Союза ССР должны происходить некоторые изменения в плане их демократизации. Однако эти процессы, несомненно, должны были поддаваться регулированию и регламентации. Первый шаг к признанию существовавших противоречий в сфере межэтнических отношений был сделан на 19-й Всесоюзной конференции КПСС 28 июня — 1 июля 1988 г. В ее резолюции отмечалось, что в СССР «абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспрепятственности национальных отношений», что в рамках перестройки политической системы «следует осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению Советской Федерации на основе демокра-

---

Происходила постепенная смена идентичности с великороссов на русских. В категорию «русские» «перешли» и многие русифицированные малороссы (См. подробнее: *Аманжолова Д.А.* Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии // *Историография Сталинизма. Сб. статей / Ред. Н.А. Симония.* М., 2007. С. 321).

⁶ Цит. по: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 51.

⁷ *Жуков Ю.Н.* Мина под государство // *Литературная газета.* 2012. 31 октября — 6 ноября.

тических принципов. Прежде всего, речь шла о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничений компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций»⁸.

На практике был избран путь поощрения децентрализации, передачи республикам целого ряда управленческих функций, перехода на принципы хозрасчета, установления прямых хозяйственных связей. Определенные элементы демократии, внесение незначительных изменений демократизации общественно-политической жизни и гласность в годы перестройки обнажили десятилетиями накопившиеся проблемы в экономической, социальной, политической и духовной сферах, а также в области межэтнических отношений. Общество все отчетливее осознавало несоответствие между декларируемыми целями развития «социалистических наций» и реальным их состоянием. Это означало наличие этнического кризиса и кризиса прежней формы национальной государственности.

В сентябре 1989 г. созванный пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, как раз и предложил значительно расширить права союзных республик, разграничить полномочия союзного центра и республик, придать новый статус автономным образованиям⁹. Но и этот путь оказался малоэффективным для последующего преобразования общества. Концепция евразийства в качестве мировоззренческой доктрины, с указанием на особое место каждой культуры и каждого народа, которые при административно-политическом рассмотрении объединены в территориальные блоки, могла бы стать оптимальным решением для будущего мироустройства¹⁰.

Однако последовавшие в стране события внесли значительные коррективы в намеченные партией меры. Страна пошла по другому пути- строительства правового государства. И этот путь оказался нелегким. В 1990-е гг. отчетливо прослеживалась необходимость новой «модели» национального строительства в условиях России. *Требовалось создание административных единиц без республик* — в начале 1990-х гг. это можно было бы сделать, однако, в угаре демократических преобразований и отмечавшейся высокой этнической мобильности такой момент был упущен.

Надо заметить, что в 1993 г. газета «Народ» — всероссийский печатный орган репрессированных народов — опубликовала статью, в которой А. Коваленко предлагал, например, создать национальную государственность карачаевцев отдельно от черкесов и основать столицу в г. Карачаевске. Он рассматривал подобный шаг «как мощное средство решения различных вопросов, связанных как с возрождением, так и с развитием народа». Подготовили даже проект закона¹¹ о временном создании Федеральным Собранием РФ Учредительной комиссии на переходный период. Этим можно было воспользоваться и применительно к формированию из этих республик административно-территориальных областей.

К сожалению, этого не произошло, в первую очередь, по причине отсутствия политической воли у тех, кто был призван вершить государственную власть. Да и испытывали определенный испуг власти самих национальных регионов. Ю. Шанибов — председатель Конфедерации народов Кавказа в 1990 г. заявлял: «Нам говорят:

⁸ Материалы 19-й Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 134—135.

⁹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 19—20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 14—13, 205—211.

¹⁰ Савин Л. Кавказский фактор в мировой политике // Свободный Курдистан. Июль. 2012. № 7 (109). С. 10.

¹¹ Коваленко А. Не цель, а средство // Народ. Октябрь 1993. С. 13.

объединяйтесь внутри России. Мы отвечаем, нет, вместе с Россией на равных. А тем, кто опять хотят нас сделать губерниями, мы заявляем: народы этого не допустят. Мы объединились, чтобы защитить свою свободу». Эта точка зрения доминирует и в трудах ученых-представителей национальных республик. Так, Ш.С. Сулейманова выдвигает в качестве основного требования существующей федерации (и оно у нее не вызывает сомнений) «организацию отношений между федеральным Центром и регионами на основе партнерства, разграничения предметов ведения и полномочий»¹².

Отсутствие доказательности того положения автора, что укрепление мощи и территориальной целостности страны не может достигаться, например, через «губернизацию» республик или «республиканизацию» краев и областей», остается непонятным. И здесь же Ш.С. Сулейманова утверждает, что «учет национального фактора в федеративной системе государства предполагает реализацию принципа конституционного равноправия субъектов федерации»¹³. Субъекты, возможно, и будут равны, но каким остается равноправие в этих субъектах этнических общностей, в частности, русской? Ответ на этот вопрос отсутствует.

11 июля 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР рассмотрел вопрос об учреждении Карачаево-Черкесской Республики с выходом ее из состава Ставропольского края. Однако значительная часть населения была против такого суверенитета. Руководство республики не побеспокоилось спросить в этом случае мнение самих народов, населяющих республику. Тем не менее, была распространенной точка зрения, что «после 1917 г. произошло объединение территорий без учета исторического фактора, с применением силы»¹⁴. В этом не усматривалось какой-то разницы в сравнении с событиями 1990-х гг. как в стране, так и в республике. Спустя десять лет в Карачаево-Черкесии на референдуме большинством голосов было принято решение разделить одну республику на две. Но тогда и не подумали о том, кто будет защищать интересы русских и других этнических меньшинств. Конечно, ни в одном из законов не дано толкование понятия «коллективные этнические интересы».

Эти ошибочные оценки и суждения были проанализированы в статье В.В. Путина (Независимая газета. 23 января 2012). Прорекларировав 20 лет назад суверенитет, тогдашние депутаты РСФСР в запале борьбы с «союзным центром» запустили процесс строительства «национальных государств», причем даже внутри самой Российской Федерации. «Союзный центр», в свою очередь, пытаясь давить на оппонентов, начал вести закулисную игру с российскими автономиями, обещая им повышение «национально-государственного статуса». «Сейчас участники этих процессов, — пишет В.В. Путин, — перекалывают вину друг на друга. Но очевидно одно — их действия в равной степени и неизбежно вели к развалу и сепаратизму. И у них не нашлось ни мужества, ни ответственности, ни политической воли — чтобы последовательно и настойчиво отстаивать территориальную целостность Родины».

Федерация советского типа включала различные по объему прав национальные автономии и хозяйственно-территориальные единицы. Асимметрия РФ по-прежнему заключается не только в сочетании разных принципов формирования федеративного союза, но и в неравноправии ее субъектов. Распад СССР, этнические конфликты на российской периферии, необходимость реформирования государ-

¹² Сулейманова Ш.С. Трудности и противоречия стабилизации этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Кавказские научные записки. № 3 (8). 2011. С. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р—10444. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

ственности закономерно привлекли внимание политиков и ученых к исследованию национального вопроса. Сохранение единства и территориальной целостности, укрепление федеративных контактов и обеспечение этнического равновесия — актуальнейшие задачи современной России, поэтому важность изучения опыта национально-государственного строительства в РСФСР значительно возросла.

Одним словом, в современной ситуации оставшиеся наслоения национального строительства социалистической эпохи стали своеобразным тормозом планомерному формированию новой единой российской государственности, народы которой избрали путь построения правового государства. В этом случае этнический принцип должен быть исключен из практики. «В условиях захлестнувшего страну хаоса, — отмечают Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян, — звучали голоса о борьбе за автономию, но при этом не подвергалась сомнению необходимость сохранения единства государства»¹⁵.

Обращаясь в историю и касаясь вопросов формирования русской государственности, член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров констатирует о том, что этнической составляющей на Руси никогда не придавалось главенствующей роли. Не на этнической основе строилось Русское централизованное государство в XVI—XVII вв. (основа его последовавшего затем развития была универсально-государственной). В XVIII—XIX вв. многоэтничный состав объединялся понятием «подданных империи». Этот посыл отразился и в советский период истории в виде Союза ССР, как и в современной России (россияне). В связи с этим А.Н. Сахаров пишет, что создание унитарного государства, прикрытого лишь флером национальной самостоятельности советских республик, воплощало в себе все территориальные контуры старой империи, сопровождалось тяжкими репрессиями национально-ориентированных лидеров советских республик, депортациями народов как в 1930-х, так и в 1940-х гг.¹⁶

В начале 1990-х гг. была возможность в новых условиях уравнивать в правах все субъекты, уйти от нагромождения вновь республиканских образований, а в них — еще и от учреждения института президентства. А, если быть более точным, довести до завершения идею, которую выдвинул ставший генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андропов. Об этом, кстати, пишет в своих воспоминаниях А. Вольский, которому Ю.В. Андропов поручал подготовить карту СССР, чтобы в основу ее был заложен не административно-национальный принцип, а «что-то типа штатов», учитывающих экономическую, производственную целесообразность. Выполняя это поручение, А. Вольский вместе с Е. Велиховым составили карту из 41 штата, однако болезнь Ю.В. Андропова помешала реализовать данную идею. Фактически, по замечанию Ю.Н. Жукова, была повторена та же работа, которую еще в 1922 г. проделал инженер Александров, предлагавший определить границы новых экономических областей без союзных и автономных республик (по его задумке— 21). Довести проект до логического завершения также не удалось.

В связи с этим вопросом можно было спокойно возвратиться к тому периоду, когда до 1925 г., по мнению Г.С. Гуревича, «юридические формы автономных областей ничем не отличались от юридических форм любой советской губернии», когда «областям этим ... в разговорном обиходе иногда присваивается выразительное наи-

¹⁵ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Рецензия на книгу: Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе...// Голос минувшего № 1—2. С. 138.

¹⁶ См. подробнее: Сахаров А.Н. Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2010. С. 72—81.

менованние “национальных губерний”». Правда, Г.С. Гуревич в последующем заметил, что подобное утверждение «принять можно с определенными оговорками»¹⁷.

Задолго до этого против федерации по этническому признаку выступал историк С.П. Мельгунов. Он оставался сторонником принципа широкого самоуправления и федеративного устройства страны. Федерацию по национальному признаку он категорически отвергал и называл ее «всероссийская катавасия». С.П. Мельгунов, а также М.П. Драгоманов во взглядах на строительство российского государства придерживались принципа «областной федерации», желая видеть Россию исключительно единой¹⁸.

Такая оценка появилась после принятия Конституции РСФСР 1925 г. В новом формате России это отразило бы истинное историческое существование российской государственности, ее административно-территориальное устройство и сняло бы постоянно существующую острую проблему неравноправия субъектов Российской Федерации. Конечно, тут же появились научные труды, в которых опровергалась подобная акция. Против таких мер выступил А.М. Егизарян, доказывавший, что они «приведут к ослаблению дружбы народов СССР и в свою очередь оживят и подогреют пережитки местного национализма»¹⁹.

В связи с этим необходимо признать, что С.М. Шахрай был прав, утверждая в 1990-е гг., что государственно-территориальное деление России «балансирует между двумя крайностями — «республиканизацией» и «губернизацией». Проблема «как губернизации, так и республиканизации областей» поставлена и политологом, советником управленческих президентских структур М. Фадеичевой. Не случайно она акцентировала внимание именно на том, что «умалчивается отход от этнического принципа в административно-территориальных образованиях»²⁰. В конкретном случае с автором стоит солидаризироваться.

Современное состояние создает ситуацию, когда на первый план, прежде всего, выставляются интересы республиканских элит. Они до последнего будут защищать эти интересы (и, конечно, свое положение), заявляя, разумеется, что важно «не перекраивать карту», «не изменять статус существующих республик». Сложившиеся стереотипы в сознании играют свою отрицательную роль. Этнический фактор, заложенный в основу создания национальной государственности на территории, как Советского Союза, так и России, сегодня приобрел негативный оттенок в условиях консолидации последней как многонационального сообщества. Очевиден тот факт, что пока эта «модель» государственности будет существовать, россиянам не избежать межэтнических конфликтов, неприязненного отношения друг к другу, дележа общего «пирога», наличия определенной зависти и т.д. Исходя из того, что основой государственности выступает многонациональный российский народ, вряд ли следует называть такую «модель» крайне радикальной.

Данная проблема всегда оставалась самой острой на разных этапах советского национального строительства. Не случаен тот факт, что уже в середине 1920-х гг.

¹⁷ См.: Гуревич Г.С. Основы советской конституции. М.; Л., 1929. С. 187. Подробный анализ см. также: Хлынина Т.П. Советская национальная государственность... С. 33, и др. Автор дополняет анализ еще и проблемой разраставшейся компетенции автономных государственных образований со стороны центральной власти.

¹⁸ См.: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998, С. 95.

¹⁹ Цит. по: Константинов Н.Н. Советский Союз 1944—1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтнического политического сообщества. Екатеринбург, 2012. С. 95.

²⁰ Фадеичева М. // Вестник Российской нации. 2008. № 3. С. 186.

в Союзе ССР пошли по пути формирования краевых объединений, как например, Северокавказский край, который объединил под своей эгидой и национальные республики. Именно в тот момент национальное обустройство этнических общностей осуществлялось на основе административно-территориального принципа. Эти края функционировали до 1937 г., сосредоточив «кардинальный властный ресурс» (формирование региональных политических элит, ротация кадров, выработка механизмов управления и др.). Однако и в этих условиях продолжали имперскую традицию учета местных особенностей в управлении регионом, прислушивались к голосу автономий, которые рассматривали любое включение их в промежуточные объединения как прямое ущемление их прав, преувеличивая свои национальные особенности, проявляя местничество. Конечно, в этой ситуации русские выступали первопричиной, источником всех бед. Кстати, сегодня эта мысль навязывается и многими зарубежными идеологами.

Все подчиняется одному выводу — о несоответствии современных национальных республик (в составе Российской Федерации) своему назначению, противоречии их существования самой исторической эволюции российской государственности²¹. Она никогда не строилась на базе этнического принципа²². В данном случае в создании русской государственности пришлось отступить от принципа универсальности. Прав исследователь А.В. Матвеев, утверждающий, что «при установлении российской юрисдикции на окраинах, как и в других частях империи, не допускалось дробление, и реализовывался принцип открытого геополитического пространства, в пределах которого совмещались в гражданство (подданство) различные сообщества. Эта особенность распространялась на всю этническую территорию»²³.

Практика функционирования Российской Федерации, построенная на принципе договорных отношений, не продвинула общество вперед. Не появилась даже возможность привести какой-либо пример, где были бы четко отработанными и результативными новые социальные системы регулирования процессов в обществе, в том числе и в сфере межнациональных отношений. Возможно, к этому более близка Республика Татарстан. Хотя отдельные специалисты по национальной проблематике считают, что принцип договорных отношений — это благо для России. Например, Ж. Тощенко заключает, что «основным средством развития для большинства народов является создание и укрепление национально-культурной, а в ряде мест и национально-территориальной автономии. В принципе это самый прогрессивный подход для России»²⁴.

Продвижение в *институционализации* федеративного строительства с целью консолидации общества привело к созданию в 1990-е гг. федеральных территориальных

²¹ Примечательно, что такой вывод можно распространить не только на государственные образования Северо-Кавказского региона, но и Поволжья. В.Ф. Дизендорф по этому поводу замечает: «Республика на Волге (Республика немцев Поволжья. — *Н.Б.*) являлась вполне естественным продуктом большевистской национальной политики, но, в отличие от многих подобных образований, была гораздо теснее связана с внешнеполитической деятельностью советского правительства и с его надеждами на “мировую революцию”» (См.: Предисловие к книге *Чеботарева В.Г.* Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918—1941 гг. М., 1999. С. 8).

²² См. также: *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

²³ *Матвеев А.В.* Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в.—1917). Ростов н/Д, 2008. С. 81.

²⁴ *Тощенко Ж.* Потенциально опасные точки. Этническая ситуация в России в 1993 г. // Независимая газета. 1993. 1 марта. С. 5.

округов. В этой системе были и остаются Южный и Северокавказский федеральные округа. Они имеют статус неконституционных территориальных образований, слабо наделены и полномочиями власти со стороны центра. Во многом их деятельность находится в прямой зависимости от персонафицированного фактора в политике. Сложно пока обобщить опыт их работы, вклад в развитие государственности и укрепление федеративных отношений.

В условиях слабого развития экономического сектора в государстве создавалась диспропорция между субъектами Российской Федерации, что поставило не в одинаковое положение и территориальные округа. Одни из них остаются донорами (незначительное число), другие — держатся исключительно на дотациях. В таком состоянии находятся почти все субъекты (национальные республики) вновь образованного в декабре 2009 г. Северокавказского территориального округа с центром в г. Пятигорске.

На мой взгляд, сегодня отмечается особая неустойчивость в суждениях у политиков, государственных лидеров, представителей политических партий и национальных движений применительно к процессам формирования государственной национальной политики.

На первом плане в данном случае выступает *проблема национально-государственного обустройства страны*, а также совершенствования в многонациональном объединении России межэтнических отношений, наполнения их новым содержанием, базирующимся на принципах мирного сосуществования народов на едином пространстве, в условиях мира, гражданского согласия, соблюдения норм права и формирования установок толерантности.

И дело здесь заключается вовсе не в точке зрения лидеров партии ЛДПР, которые стремятся уйти от принципа национально-государственного обустройства России, а в объективной необходимости. Если, конечно, в России имеется действительная потребность в дальнейшем истинном обустройстве государства именно на принципе строительства правового государства, в котором все народы будут равны, а задачи развития самой государственности будут решаться на основе права.

Я полностью разделяю точку зрения первого заместителя главы Комитета Государственной думы РФ по бюджету и налогам, члена фракции ЛДПР М. Рохмирова о том, что «корень проблем находится в национально-территориальном делении России»²⁵, и согласен с утверждением, что в едином государстве «не должно быть никакого деления страны по национальному признаку»²⁶, но в то же время замечу, что после таких выводов следует подробно объяснить механизм дальнейших действий. Это, несомненно, должны быть серьезная разъяснительная работа среди населения, формирование единых в этом плане мировоззрения и подходов, положительные практики, а не бесконечные обсуждения того, надо ли записывать графу «русский народ является государствообразующим», при этом ничего не делая для совершенствования самой государственности. К сожалению, последнее явление и сегодня характерно для России.

Как свидетельствует существование советской государственности, выстроенной на национально-государственном принципе, «в этом случае никогда не прекратятся разговоры о том, что Чеченская Республика — только для чеченцев, Удмуртская —

²⁵ Надо ли бояться слова «национальность»? Мнения парламентариев // <http://www.regions.ru/news/2393505/> 9 февраля 2012.

²⁶ Там же.

только для удмуртов и т.д.»²⁷. Применение принципа этнизации власти будет приобретать более широкие рамки. На практике это ведет к утверждению неравноправия народов, проживающих вместе на едином территориальном пространстве, в едином многонациональном государстве.

В этой ситуации, например, казаки Юга России, как занимали принципиальную позицию по поводу чеченских событий, так же жестко определили ее и в отношении к историческим казачьим районам республики, в частности — Наурскому и Шелковскому. Становилось ясным, что возврат этих районов в состав Ставропольского края мирным путем возможен только при условии «осуществления, так сказать, более масштабной программы — ликвидации практически всех национально-территориальных образований в России». Одним словом, эта идея начала 1990-х гг. продолжает свое шествие по Российской Федерации и сейчас.

Однако казачество понимало, что этот путь утопичен и при спешной работе в этом направлении, отсутствии детальной проработки вопроса, мог бы привести «к полной дестабилизации обстановки в стране». Поэтому казаки предложили разработку специальной программы для Наурского и Шелковского районов в территориальных рамках Чеченской Республики. Программой предусматривался учет интересов казачества, ногайцев, кумыков и других этнических общностей, проживающих на территории республики. Для этих общностей требовалась политико-правовая защита.

По известным причинам военного характера по-прежнему сложным оставалось положение в республиках, в названии которых значатся две титульные национальности. В «Материалах к докладу “О политическом и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе и мерах по ее стабилизации. (1997—1998 гг.)”» читаем: «Сложные межэтнические проблемы существуют в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее. Они связаны как с землепользованием, так и переселением на свои земли репрессированных в прошлом народов, с вопросами разделения бывших двойных автономий (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская)»²⁸.

Надо напомнить, что в этот же период (вторая половина 1990-х гг.) в напряженной обстановке муссировались проблемы шапсугов²⁹ на Юге страны и других национальных меньшинств (о которых не упоминалось даже в конституциях), а также создания новых национально-территориальных образований (чеченцы, лезгины, «Великая Черкесия» и др.).

Анализ исследований, практика некоторых политических деятелей, представителей истеблишмента национальных республик на Северном Кавказе показывают, что с рассматриваемой точкой зрения согласны и сами представители этнических общностей. Так, А. Джаримов, президент Республики Адыгея, еще в 2002 г. полагал, что «в России может быть только один президент», а значит, «в России может быть только одно государство»³⁰. Это позволяет сделать следующий вывод (пусть и условный):

²⁷ Там же.

²⁸ Материалы к докладу «О политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе...» // Текущий архив Министерства по делам Федерации. 1997. С. 3.

²⁹ См.: *Бузай Н.Ф.* Этническая группа шапсуги: трансформации конца XX — начала XXI века // История и историки в контексте времени. Сочи, 2012. № 9; *Он же.* Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Национализм на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Материалы научного круглого стола. Ростов н/Д, 2012.

³⁰ См.: Мониторинг этноконфессиональных и межнациональных отношений. Обзор сообщений в средствах массовой информации. 2002. Апрель. С. 44.

в республике шел процесс возвращения в лоно российской государственности. Разумеется, с этим были не согласны многие «старожилы» титульного народа, готовые бороться за пост президента, суверенитет, свои надуманные «договорные отношения с Россией» и т.д.

Конечно, этот вопрос волновал и ученый мир, так как решение его определяло уровень взаимоотношения народов. Например, директор Кабардино-Балкарского Института гуманитарных проблем, известный ученый Б. Бгажноков, изучив «этнические потребности кабардинцев и балкарцев», делает вывод, что «особо остро встает вопрос об этнической дизъюнкции, которая должна прийти на смену этнической контаминации». Судя по всему, что это же актуально и для Карачаево-Черкесской Республики, далее он отмечает, что «ситуация на Северном Кавказе требует *относительно самостоятельного, раздельного национального развития и бытия*. Но формы этнической дизъюнкции могут различаться по степени своей радикальности. Самая радикальная — раздел на самостоятельные административно-территориальные единицы с установлением административных границ»³¹.

В целом же все это намекает на губернизацию России. Однако, например, председатель комитета Государственной думы Федерального Собрания РФ по делам национальностей Б.Б. Жамсуев утверждал: «Надо прямо принципиально заявить, что наибольший вред в деле сохранения единства России наносит теория губернизации России... Эта теория оказывает прямую поддержку шовинизму, с одной стороны, и национализму — с другой»³². Такое заявление могло последовать, судя по всему, только в условиях информационного голода знаний о тонкостях структуры, частей государства, объединении их в одну российскую государственность, принципах ее формирования, историографии этого сложного вопроса³³.

Необходимо помнить при всем этом, что реализация идеи создания русского национально-государственного образования путем объединения краев и областей в «Русскую республику» может хранить в себе определенные предпосылки для развала РФ. Отстаивание некоторыми общественными объединениями в 1990-е гг. идеи создания Русской республики (общественное объединение «Матери за выживание» и др.) верным было только лишь в своей постановке, но вряд ли реализуемо на практике в условиях сложившихся реалий³⁴.

Среди историков, политологов нет единства во взглядах на эту проблему. «Ликвидацию или радикальную реформу российских республик практически невозможно осуществить. История северокавказских этнотерриториальных образований уже породила целую систему институтов второго уровня, которые существуют в сфере правовой и хозяйственной практики, образовательно-культурного производства, местного самосознания и патриотизма. Здесь необходимы не смена института государственности, а улучшение правления по части представительности, демократизма,

³¹ См.: Бгажноков Б. Этническая напряженность и культура мира на Северном Кавказе. Доклад. С. 11.

³² См.: Стенограмма Парламентских слушаний Комитета Госдумы Федерального Собрания Российской Федерации по делам национальностей. 21 марта 1995 г. С. 15.

³³ Там же. В современной трактовке проявление на практике примордиалистского подхода — одной из составляющих идеологии в сфере нацистроительства — возводит этнический принцип в самоцель и делает его выражением критерии истинности.

³⁴ См.: Материалы Первого Общероссийского совещания общественных объединений России «Взаимодействие общественных объединений, национально-культурных автономий и органов власти в реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». М., 1999. 28—29 октября.

эффективности транспарентности. Это касается не только республик, но и краев, и области, входящих в регион Северного Кавказа»³⁵, — несомненно, подобное заключение имеет чисто вербальное свойство. Эти предложения и рекомендации известны в течение длительного времени, однако их практическая реализация принесла мало результатов. В подобном состоянии сложно говорить о равных правах республики и других субъектов России.

Необходимо провести просветительскую работу в обществе и подготовить его к проведению подобных мер. Это требование пока еще не находит поддержки в массовом сознании, однако не исключена вероятность роста числа его сторонников³⁶ (об этом факте свидетельствует и анализ переписки писем граждан 1990-х гг. о положении русской общности в регионах России с государственными структурами).

В декабре 1997 г. совет Кумыкского народного движения «Тенгелик» («Равенство»), выразив взгляды многих граждан Республики Дагестан, констатировал: «На Северном Кавказе проблему межнациональных отношений можно решить только одним непобедимым законом: *все нации, народности возвратит на свои места до 1917 г.*, а кумыкскую нацию «положить» на свои рамки до 1860 года. Вот так только можно восстановить правду и создать на Северном Кавказе мир, спокойствие. Другого пути нет»³⁷. Развитие современных процессов в сфере межэтнических отношений применительно к Северному Кавказу как раз и подтверждает правильность подобных выводов.

Судя по всему, русские будут иметь такие же права, как татары и другие титульные этнические общности, только в условиях наличия своей государственности или ликвидации всех существующих национальных государственных образований на территории России. В этом плане привлекает внимание исследование Г.Г. Какоева (Республика Южная Осетия). Он пишет, что еще академик А.Д. Сахаров предлагал «уравнять в правах все национально-административные образования СССР, упразднить, таким образом, многоступенчатое политико-национальное устройство Советского Союза». Опираясь на этот посыл, Г.Г. Какоев делает свой вывод: «Разносортность народов изначально несет в себе потенциальную опасность кровопролитных межнациональных конфликтов, и напротив: уравнивание в правах разрядило бы эти мины замедленного действия»³⁸. Только в этих условиях, вероятно, можно вести речь о равенстве прав народов в условиях единой и неделимой России.

В связи с этим возникает еще одна из важных проблем, проявившаяся в период «парада суверенитетов». Национальная государственная политика в сфере межэтнических отношений имела четко выраженную направленность, которая сводилась к решению главных приоритетных задач:

— обеспечение суверенитета и территориальной целостности РФ;

³⁵ См., например: *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе М., 2010. С. 185.

³⁶ По данным ВЦИОМ, 16% респондентов считает, что Россия должна стать государством исключительно для русских; 33% москвичей и петербуржцев выразили недовольство тем, что мигранты, в первую очередь представители народов Северного Кавказа и Закавказья, не желают принимать нормы общественных отношений, действующие в России; 22% видят в мигрантах конкурентов на рынке труда.

³⁷ Служебная записка Департамента национальностей на имя зам. министра Российской Федерации по делам национальностей и федеративных отношений В.А. Бауэра (обзор писем за 2-е полугодие 1997 г.). Копия. С. 3.

³⁸ См.: *Какоев Г.Г.* Южная Осетия — путь к свободе. Цхинвал, 2009. С. 41.

— принятие целого комплекса экономических, социально-правовых мер, основанных на органичном соединении прав и свобод человека с историческими традициями, укладом жизни, интересами каждой этнической общности многонациональной России;

— национальное возрождение и преодоление межэтнических противоречий, поддержка позитивных изменений, сочетающаяся со сдерживающимися мерами в отношении произвольных попыток решения тех или иных национальных проблем в ущерб интересами других народов России;

— самоорганизация этнических общностей, не имеющих национально-территориальных образований на пространстве РФ, или проживающих вне таких образований.

Решение этих задач в 1990-е гг. (да и в последующий период) проводилось в условиях кризиса межэтнических отношений в обществе, характеризующегося такими признаками, как растущая межэтническая рознь, наличие мощных миграционных потоков, межэтнические конфликты, чреватые войнами и гибелью невинных людей, полное игнорирование проблем русского народа; униженное положение соотечественников в ближнем зарубежье и отсутствие каких-либо серьезных мер для помощи им со стороны правительства РФ.

Несомненно, с этой проблемой будут увязан и вопрос о территориях (один из труднейших и в плане его изучения, и — формирования выводов). Известно, что значительная часть государственных образований и на пространстве Союза ССР, и РФ осуществлялась за счет ресурсных территорий последней (точнее, территорий исторического проживания русского народа и казачества).

И вряд ли это можно отрицать. Данная точка зрения обоснована в исследованиях советских, российских и зарубежных ученых. Окончание административно-территориальной реформы в СССР пришлось на середину 1920-х гг. В этот период уже сложились многие союзные республики в Средней Азии, Закавказье и завершился процесс формирования национальных государственных образований на территории РСФСР. Совершенно отсталым и в экономическом, и культурном отношении народам навязывалась эта государственность, казалось бы, на первых порах, несущая благодать, самостоятельность развития, широкие возможности. Однако опыт почти 80-летнего существования, показал в большей мере негативные стороны этого процесса (сепаратизм, русофобия, стремление к разъединению, открытая вооруженная борьба за территории, призрачные границы и т.д.). А в условиях возникшей экстремальной обстановки, например, связанной и с периодом «расказачивания», коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войны, и особенно с развалом Союза ССР, эти негативные стороны многократно усилились.

Принцип автономизации потерпел своеобразный крах. Вместо РСФСР было сформировано также федеративное государство — СССР, но с отчетливо прослеживавшимися признаками конфедерации и наличием права выхода из предложенного союза. И если в связи с этим проследить процесс формирования его территории, то он будет сопряжен с потерей земель РСФСР. Например, за Украиной были закреплены Новороссия, Криворожский бассейн и часть Донбасского. В 1920 г. под юрисдикцию Украины передавались значительные территории Донбасса (Донецкий и Таганрогский округа), а это были территории Донского казачьего войска (часть их передавалась в состав Царицынской губернии). Необходимость подобных мер объяснялась официальными кругами разного рода социально-экономическими причинами, характером связей между народами и т.д.

Можно обратиться и к другому примеру — российско-грузинским отношениям начала 1990-х гг., после развала Союза ССР. Российская сторона считала, что линия российско-грузинской границы должна проходить по линии бывшей административной границы между РСФСР и Грузией, и это зафиксировано на всех картах того периода. Что касалось настоящей границы, то она была выстроена после 1957 г., т.е. после возвращения чеченцев из спецпереселения, и зафиксирована Указом от 11 января 1957 г. «О передаче части территорий Душетского и Казбечского районов из состава Грузинской ССР в состав РСФСР». Это положение оспаривалось грузинской стороной, хотя эти участки входили в состав РСФСР до ликвидации Чечено-Ингушской АССР (март 1944 г.). Грузия требовала учитывать материалы «досоюзного» периода, в частности, российско-грузинского «Мирного договора» от 7 мая 1920 г. И это все происходило, несмотря на то, что в Конституции Грузии (принята 24 августа 1995 г.) было зафиксировано: «Территория грузинского государства определена по состоянию на 21 декабря 1991 года»³⁹.

Казачество, его территории проживания в структуре межэтнических отношений — это особая проблема государственной национальной политики. До середины 1920-х гг. большевистское руководство негативно относилось к казачеству. Советская пропаганда, особенно в послереволюционный период и после Гражданской войны, представляла его чуть ли ни главным врагом Советов. Делалось все для того, чтобы слово «казак» было исключено из лексикона и забыто. До 1980-х гг. нельзя было положительно писать об истории казачества и показывать его значение для развития Советского государства. Однако на всех этапах развития российской и советской истории казачество оставалось многонациональной составной частью населения страны и советского социума, участником «социалистического эксперимента». Свои отношения с другими народами казачество всегда выстраивало на основе главных в их жизни принципов — мирного сосуществования, добрососедства и доброжелательности.

Однако политика советского руководства в отношении этой части населения сопровождалась уничтожением казачьих войск как таковых и открытым «разбазариванием» ее территорий. Так, значительную часть земельных массивов перераспределили между надуманными государственными образованиями, возникшими в 1920-е гг., особенно жестко это было сделано на Северном Кавказе. «Клочки» территорий проживания казачества оказались встроены в структуру новых национально-территориальных образований — Кабардино-Балкарской, Чеченской, Ингушской, Карачаево-Черкесской, Северо-Осетинской автономных областей, Дагестанской АССР, Терской губернии и др. Одним словом, казачество было принудительно «распылено». По имеющимся данным, к этому времени только чеченцы получили в свое распоряжение 13 тыс. га приписанной казачьим станицам земли⁴⁰. Притеснения со стороны Советов вызывали у казаков недовольство, порождали межэтнические противоречия, обиду в отношении чеченцев, ингушей, осетин, карачаевцев.

Один пример. Постановлением СНК СССР от 20 августа 1938 г. № 942 79,9 тыс. га пастбищных земель в Кизлярском районе Орджоникидзевского края были закреплены за балкарскими колхозами и совхозами. После событий 1944 г. эти земли передали Грузинской ССР. В настоящее время они входят в состав Ногайского района Республики Дагестан. Руководство Кабардино-Балкарской Республики просило

³⁹ Аналитическая справка «Об обеспечении пограничной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе» // Текущий архив Минфедерации России. 1996. С. 5.

⁴⁰ См.: *Хмара Н., Голотвин Ж.* Истоки национальных конфликтов // Обозреватель. 2002. 2 июля. С. 66.

Москву передать эти земли в состав их республики и вернуть ей восточную часть Курпского района с населенными пунктами: Кизлярское, Виноградное, Малчокобек, Новониколаевское, х. Раздольное, Сухотское (общей площадью — 26,1 тыс. га), которые Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и административном устройстве ее территории» были переданы Северо-Осетинской АССР.

Подобные примеры можно привести и в отношении Украины, Туркменистана и Закавказья. Например, в документах начала 1920-х гг. — факты о пограничных спорах, необоснованных претензиях Грузии на районы Сочи, пограничные районы Чеченской Республики и др.

На практике казачество — главным образом русские и украинцы — исключалось из национально-государственного обустройства России. Уже начало 1920-х гг., например, было отмечено тяжбой по возвращению в РСФСР поспешно переданных Таганрогского, Каменского и Александров-Грушевского районов. И как правильно, замечает А. Марчуков, «все это сопровождалось волной антиказачьей истерии в руководстве компартии»⁴¹. Это свидетельствовало не только о том, что не учитывались интересы экономического развития РСФСР, но и то, что положение самой республики в составе СССР было каким-то аморфным, половинчатым.

Обращаясь к процессу формирования межэтнических отношений на Украине, необходимо напомнить и о волюнтаристской акции, связанной с Крымом — передачей его под юрисдикцию Украинской ССР в январе — феврале 1954 г. Этот факт объяснялся и экономической целесообразностью, и необходимостью успокоения ситуации в самой республике. На территории Крыма не было особого единства по отношению к советской власти. Сказывалось наличие мусульманского фактора, постоянно ратующего за самостоятельность и свои органы власти (Курултай, Директория, а затем и создание Крымского ханства и др.). Трудным был процесс становления и Крымской АССР в составе РСФСР (с 18 октября 1918 г.). С вхождением Крыма в УССР решалась проблема ее территориального расширения.

На каждом из этапов рассматриваемого нами периода между представителями разных этнических общностей вырабатывались свои формы и методы взаимоотношений, т.е. создавались определенные их «модели». Несомненно, на ход этих процессов существенно повлияла происходившая в России в 1990-е гг. демократизация общества.

И. Назаренко (Национально-демократический альянс), выступая на семинаре «Демократизм и национализм» (30 мая 2012 г. в НПЦ «Мемориал») по вопросу русского национализма, замечал: «Если мы предположим, что постсоветская, российская государственность будет демонтирована, причем не только на уровне психолого-политическом, но и на уровне вертикали власти, в таком случае, безусловно, русский национализм может выступить не только как демократическая, но и как модернизационная сила. Но для этого нужно очень серьезно изменить цивилизационный вектор и структуру страны. Именно поэтому мы говорим о том, что необходима реальная федерация и образование в ее составе русских республик наравне с имеющимися национальными республиками. Это позволит уравновесить федерацию, позволит решить массу проблем, связанных со статусом русского народа»⁴².

⁴¹ См.: Марчуков А. Украинское национальное движение. УССР. 1920—1930-е годы. М., 2006.

⁴² См.: Семинар «Демократия и национализм». <http://mail.yandex.ru/neo2/#message/238000000239306139>. 6 июня 2012.

О том, что проблема становится актуальной, свидетельствует и внимание, проявленное журналистами к этому вопросу во время проходившей 20 декабря 2012 г. встречи российского Президента В.В. Путина в рамках ежегодно проводимой пресс-конференции в Большом зале Центра международной торговли, в которой участвовали 1226 российских и зарубежных журналистов. На вопрос об упразднении республик в структуре государственного устройства РФ В.В. Путин заметил: «В Российской империи не было деления на национальные образования. Были губернии просто, и все функционировало неплохо. Можно ли вернуться в прошлое? Я не знаю. Надо было бы посоветоваться с республиками. Нам меньше всего нужно напряжение в этой сфере. Любые решения в этой области могут быть приняты двумя способами: либо референдум, либо решение парламента. С точки зрения социально-экономической иногда есть смысл говорить об укреплении, но здесь нельзя действовать, как слон в посудной лавке»⁴³.

Несомненно, ответ содержит несколько направлений для анализа истинного положения дел. Однозначно, возврат в прошлое возможен, если он служит на благо настоящего и будущего. Это и использование богатого опыта, накопленного предшествующими поколениями, при этом опыта позитивного. Совет с республиками будет иметь только негативные последствия, его можно предугадать сразу. Элита, получающая подкормку на республиканском уровне, имеющая доступ к политической власти и престижным секторам экономики, вряд ли поддержит такой шаг.

Одновременно предложенный президентом механизм в решении этой проблемы заслуживает внимания, как и недопустимость «действовать, как слон в посудной лавке». Отсюда следует вывод о необходимости проведения тщательно продуманной, целенаправленной разъяснительной работы и подготовки общественного мнения.

В условиях второго десятилетия XXI в., как и 20 лет тому назад, требуется изменение самой сущности российской государственности. Однако лучшим вариантом, на мой взгляд, стало бы формирование на основе административно-территориального принципа единой государственности, без каких-либо республик.

---

⁴³ См.: Об упразднении республик // Комсомольская правда. 2012. 21 декабря. С. 2.

И.Б. Дидикова

Некоторые тенденции обустройства народов Северного Кавказа в новых условиях развития федерализма

Проблема межэтнических отношений в Российской Федерации является одной из самых острых и актуальных в истории современности. Исторические перемены, переживаемые российской государственностью, обусловили новые подходы к формированию концептуальных основ национальной политики¹. Неразрывная связь национальных отношений и проблемы государственного устройства страны обуславливает то обстоятельство, что совершенствование федеративных отношений является эффективным способом стабилизации этнополитической ситуации в обустройстве народов России.

В Указе, «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», подписанном Президентом России В. Путиным отмечается, что реализация приоритетных направлений государственной национальной политики осуществляется путем достижения следующих задач:

16.4. «Задачи по обеспечению социально-экономических условий для проведения эффективной государственной национальной политики:

— формирование благоприятной экономической среды и механизмов социального развития, основанных на сочетании предпринимательской свободы и социальной справедливости, экономической и социальной инициативы;

— снижение социального и имущественного неравенства граждан за счет сбалансированного развития регионов и размещения производительных сил, формирования гибкой системы расселения, учитывающей многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения;

— содействие развитию народных промыслов и ремесел в целях увеличения трудозанятости населения, в том числе на селе, в горных условиях, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных многочисленных народов ...»².

В свою очередь, Правительству Российской Федерации поручено обеспечить разработку плана мероприятий по реализации Стратегии до 2025 года. В связи с этим, тенденции обустройства народов на Северном Кавказе необходимо рассматривать в рамках общегосударственной концепции государственной национальной политики в условиях трансформационных и модернизационных процессов.

¹ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М., 1996; Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000; Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011; Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002; Фадеечева М. Концептуальные основы политики РФ в сфере межэтнических отношений // Вестник Российской нации. 2008. № 3.

² <http://www.interfax.ru> от 19 декабря 2012 г. Указом Президент России В.В. Путин утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=281753>.

Отношения между народами, населяющих Российскую Федерацию, в том числе и народами региона Северного Кавказа, зависят как от общих закономерностей, так и от особенностей, присущих каждому отдельно взятому субъекту, поэтому в условиях развития федерализма возникла проблема выстраивания взаимодействия Центра с регионом Северного Кавказа.

Обустройство народов Северного Кавказа в условиях совершенствования федеративных отношений должно осуществляться с учетом региональных особенностей, обеспечивая социально-экономическое и национально-культурное развитие Северо-Кавказского округа, тем самым поддерживая самобытное развитие народов России.

Перспективная цель совершенствования федерализма в России — преодоление различий между регионами по уровню жизни и возможностям раскрытия их потенциала, расширение межрегионального сотрудничества, где на первый план по обустройству народов региона Северного Кавказа поставлены вопросы регулирования межэтнических отношений; социально-экономические, включающие здравоохранение, пенсионный блок, трудоустройство молодого поколения.

Несмотря на территориальную близость и общие негативные тенденции и закономерности формирования рынка труда (высокие темпы спада производства, резкое снижение уровня жизни, наличие негативных экологических, демографических, социокультурных и иных тенденций), за последние годы стали заметными отличительные признаки республик Северного Кавказа от соседних относительно благополучных регионов Юга России.

Население республик Северного Кавказа составляет около 9млн400 тыс. человек. В данном регионе фиксируется в стране самая высокая плотность населения — более 100 человек на 1 кв. км. Анализ социально-экономической картины положения населения, оценки качества жизни, а также структурные изменения экономики республик за годы экономических преобразований показывает, что социальные риски, которые генерировались структурными дисбалансами в экономике и социальной сфере, обусловили суженное воспроизводство социальных ресурсов и снижение качества человеческого капитала.

Для республик Северного Кавказа характерны следующие специфические этнодемографические *факторы*:

- высокий уровень естественного прироста населения;
- высокая плотность населения с избыточным количеством трудоспособного населения;
- нерегулируемые миграционные потоки наиболее квалифицированного и трудоспособного населения;
- преобладание сельского населения.

Состояние сельскохозяйственного пласта экономики республик региона наглядно показывают последствия системного структурного экономического кризиса, в условиях которого этноэкономические факторы ещё более повлияли на обусловленность кризисных явлений непосредственно в экономиках республик. Стагнация традиционных, профилирующих отраслей народного хозяйства, составляющих основу их хозяйственной деятельности, вызвала доминирование неформальных институтов, кризисное состояние инвестиционной сферы привело к развитию «теневой» экономики и связанное с этим увеличение вторичной и третичной занятости. В кризисном состоянии находятся некоторые отрасли экономики, где было занято наибольшее количество населения: АПК, строительный комплекс, топливно-энергетический. По

ряду параметров можно говорить даже о распаде целых отраслей экономики и обнищании широких слоев населения. Доля республик в валовом региональном продукте ЮФО (до образования Северо-Кавказского федерального округа в 2010 г.) в 2007 г. составляла около 17%, в то время как доля населения около 30%.

Разработанная социально-экономическая программа до 2025 года для Кабардино-Балкарской Республики, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Ставропольского края, Чеченской Республики, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, должна помочь вывести эти республики из группы малообеспеченных.

В регионе Северного Кавказа продолжительное время наблюдается картина наиболее низкого по стране экономического развития. Валовой региональный продукт (ВРП) в пересчете на душу населения существенно ниже, чем в целом по стране. Например, в Республике Ингушетия он достигает около 20%, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии цифра колеблется от 35—37%, в Карачаево-Черкессии — 40%. При этом, нельзя не сказать о роли теневой экономики, которая является буфером между старыми структурами (образованные за период советского союза, властными элитами) и новыми рыночными тенденциями.

Однако нельзя не отметить, что основная доля экономического прироста в субъектах Северо-Кавказского Федерального округа началась еще с 2005 года (до момента выделения ряда республик из ЮФО). За это время успели отличиться Республика Дагестан, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, но де-факто, тенденции обустройства народа в этих перечисленных республиках идут довольно медленно.

По данным, которые предоставляет сектор экономики Северо-Кавказского округа, например, в Ставропольском крае, развивается усиленно аграрный сектор, и таким темпам способствует президентская программа, рассчитанная для работников сельского хозяйства.

Основной задачей для молодых республик, образовавшихся за период 1990-х годов (Чеченская Республика и Республика Ингушетия), являются—трудоустройство молодого поколения, развитие социального сектора. Несколько лет назад подготовка квалифицированных специалистов, необходимых для поднятия экономики республик, не была задействована, т.к. отсутствовал постоянно действующий центр занятости молодого населения. В процессе модернизации кадровой политики, такие проблемы, Северо-Кавказские республики пытаются решить путем предоставления средств для получения пособия по безработице и дальнейшего трудоустройства населения. Но, пока, говорить о высоких показателях трудоустройства жителей региона не приходится.

Возвращаясь к социальному блоку, действующее Правительство Российской Федерации, прикладывает усилия для возведения курортных объектов, которые привлекли бы туристов, как с субъектов Российской Федерации, так и из-за рубежа. Такие объекты должны принести доходы в республиканские бюджеты. Вкладывание иностранными инвесторами капитала, окажет положительную роль в поднятии социально-экономического уровня региона. В этом отношении наиболее ярким примером предстают Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики, Республика Ингушетия и Республика Северная Осетия-Алания. В них преобладают ресурсы для создания курортно-лыжных комплексов всероссийского масштаба.

Постепенно, темпы развития гражданского сектора растут, в республиках Северного Кавказа наблюдается активность в обустройстве всех необходимых коммуникаций. В преодолении социально-экономического кризиса разработаны ключевые направления мероприятий в области рынка труда, такие как:

- стимулирование создания новых рабочих мест, в том числе в сфере малого и среднего бизнеса;
- создание условий, способствующих повышению качества рабочей силы (образовательные программы профессиональной подготовки и переподготовки кадров и безработных граждан, поддержка трудоустройства и обеспечение стажировок молодежи в целях переподготовки в другие регионы);
- создание условий для развития территориальной мобильности граждан (трудоустройство жителей Северо-Кавказского округа в другие регионы РФ);
- повышение эффективности функционирования специальных институтов на рынке труда (развитие центров занятости и ресурсных центров в Северо-Кавказском федеральном округе, улучшение координации с центрами занятости в других регионах РФ) должны привести к обустройству народов Северного Кавказа стабильность и мир в межнациональном пространстве.

Развитая экономика — это самый важный и обязательный фактор стабильности общества. Разработанные целевые федеральные программы являются значимыми для республик Северного Кавказа и должны привести масштабные изменения, которые непосредственно повлияют на стабильную социально-экономическую картину в СКФО.

Для решения высокого уровня безработицы, который приводит к социальному тупику, Правительством Российской Федерации были разработаны программы, по развитию различных сфер социального регулирования. Например, в ходе программы «Социально — экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010—2016 годы» выделенные средства были пущены на реализацию малого и среднего бизнеса. Республика Ингушетия располагает нужными ресурсами для агропромышленного комплекса. Выращенная сельскохозяйственная культура (картофель, подсолнух, кукуруза) является экологически чистым продуктом и легко может экспортироваться в другие населенные точки страны. Соответственно, полученные средства пойдут на развитие аграрного сектора и решение вопроса по безработице для некоторой части населения. Еще одним рычагом привлечения инвестиций в бюджет республики является туристический кластер. Для привлечения туристов не только из других регионов России, но и из-за рубежа, в высокогорном селении Джейрах в 2012 году был открыт оснащенный всеми современными модификациями горнолыжный комплекс. С археологической точки зрения селение Джейрах представляет собой комплекс-музей под открытым небом. Уникальное природное богатство и культурное наследие — основные конкурентные преимущества Республики Ингушетия в мировом общественном пространстве. В географическом плане транспортная доступность к заповеднику не усложнена, так как он расположен в 190—230 км от крупного международного аэропорта в Минеральных Водах, в 55—85 км от регионального аэропорта во Владикавказе и в 60—90 км от ближайшего железнодорожного узла. Специфика туристической индустрии заключается в том, что она представляет собой сложную систему с разнообразными экономическими связями. На данном этапе туристический кластер является неотъемлемой частью народно-хозяйственного комплекса, одной из компонентов экономической системы, привлекая к себе возрастающие

объемы материальных, финансовых и трудовых ресурсов. Перечисленные действия, направленные на развитие молодого субъекта являются лишь первыми шагами на пути к формированию развитой инфраструктуры региона.

Для привлечения инвестиций в развитие Северо-Кавказского региона местные власти пытаются возводить не только лечебно-оздоровительные, туристические комплексы, что не мало, важно, разумеется, но и развивать образовательную деятельность, путем открытия новых школ и детских садов, которых не хватает в отдаленных населенных пунктах. Такая картина наблюдается практически во всех административных единицах Кавказа. Улучшить уровень жизни в республиках Северного Кавказа реально возможно, стимулируя развитие малого и среднего бизнеса, как уже отмечалось выше. Так как крупные предприятия строить очень дорого и невыгодно, из-за сложности в дальнейшем переориентировать их на выпуск другой продукции, если, например, предыдущая стала невостребованной и малоэффективной. Как известно, в малом бизнесе можно быстро менять технологии. Особенно выгодно открывать малые предприятия на селе, где создание рабочих мест обеспечит снятие напряженной ситуации в проблеме- безработицы. Тем более что села расположены близко друг от друга.

В целях стимулирования роста занятости населения, что непосредственно скажется на положительном результате обустроенности народов Северного Кавказа, послужит формирование более благоприятного предпринимательского климата, введение в эксплуатацию бизнес — инкубаторов.

Не менее перспективным направлением рациональной загрузки трудовых ресурсов в регионе выступает интенсивное развитие животноводства. В условиях современности Северный Кавказ не обеспечивает себя животноводческой продукцией. Потребление населением мясных и молочных продуктов здесь существенно уменьшилось, и далеко не соответствует медицинским нормам.

Кабардино-Балкарская Республика в реализации программы «Юг России» наметила проектирование культурно-массовых секторов, для поддержания спортивного настроя у молодого поколения. Также правительство республики содействует в реализации 23 инвестиционных проектов по развитию туристической платформы. Еще одним значимым проектом для Кабардино-Балкарской Республики является создание современной цифровой медицинской рентгеновской техники, крайне необходимой для жителей, как самого субъекта, так и для близлежащих регионов. За последние несколько лет республиканские власти посредством введения бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ смогли открыть базу для возведения завода «Этан», ведь такая постройка привлечет определенное количество рабочих рук. Более того, деятельность завода по утверждению экспертов позволит повысить на 10 % сырьевую продукцию республики и поможет привлечь новые инвестиции, как со стороны государства, так и со стороны частных заинтересованных лиц в выпуске продукции. Помимо прочего, такое предприятие будет одним из крупнейших налогоплательщиков республики.

Если же соседние республики только открывают свои туристические комплексы, то Кабардино-Балкарская Республика уже давно славится на всю Россию своей горнолыжной базой, при этом данный спортивно-туристический комплекс является одним из существенных экономических рычагов бюджета республики.

И, пожалуй, стоит упомянуть о еще одной составляющей данной республики, это дальнейшее развитие сельского хозяйства. Для социальной инфраструктуры села ха-

рактерна более низкая удельная обеспеченность населения по сравнению с городом, непроектными фондами и обслуживающими их учреждениями, а также не очень качественный состав материально-технического потенциала³. Здесь также наблюдается тенденция безработицы среди сельского населения.

Как уже было отмечено, практически все Северокавказские республики взяли курс на поднятие экономики. И Карачаево-Черкесская Республика на практике придерживается данного направления. Однако, как и в Республике Ингушетии, основной проблемой остается безработица. Республика, в результате подготовленной Государственной программы по развитию СКФО, смогла запустить механизмы по занятости населения, развитию аграрного сектора, поднятию горнолыжного спорта и созданию курортной зоны. Все это делается для занятости молодого населения республики, привлечения средств частных лиц к развитию своего края в целом.

Власти республики смогли получить государственный грант для возведения предприятия по производству шерстяной ленты и пряжи стоимостью 1,1 млрд рублей⁴. Но это не единственное мануфактурное предприятие, были открыты и заводы другой отрасли, например обувная фабрика. Такие меры в скором времени должны повернуть русло в нужное направление по стабилизации инфраструктуры региона. Разумеется, вся продукция будет распространяться и за пределы республики. Доставка и импорт товаров, приобретают такое же важное действие, как и их создание.

Залогом дальнейшего сотрудничества выступает «договор в срок». Под сроком понимается, не только время, но и «сами средства», благодаря которым товары должны быть доставлены вовремя. Все это опирается в качество, как дорог, так и транспортных услуг. Этим вопросом занимаются регионы и федеральный Центр.

По заключению Министерства транспорта Российской Федерации, задержка в разработке и реализации соответствующих технологий на основе логистики в России привела к тому, что отечественные транспортные системы не вписываются в принятые на Западе формы управления потоками транспорта. Отсутствие интермодальных перевозок импортно-экспортных грузов с участием всех видов транспорта привело к уменьшению их объема и удорожанию на 20—30% общих транспортных расходов⁵. Но есть и положительные моменты в данном вопросе, в преддверии Олимпиады в г. Сочи 2014 г., автомагистрали, соединяющие регион с регионом, которые налажены.

В вопросе туристического кластера, помощь оказана от федерального Центра. Республика получила грант для модернизации горного курорта «Архыз». Несмотря на давность этого курортно-оздоровительного комплекса, руководство республики активно занимается строительством новых близлежащих объектов для целостной и масштабной курортной зоны.

Таким образом, проводя сравнительный анализ вышеуказанных республик, можно заметить, что каждая из них, имея свою первозданную обособленность от других регионов, несет в какой-то мере всю смысловую нагрузку. В республиках с горными массивами, развиваются горнолыжные комплексы, что в свою очередь приведет к привлечению туристов и любителей экстремального спорта со всего мира. Другие

³ Гертер И.К., Мисаков В.С. Особенности и основные факторы, влияющие на развитие сельской инфраструктуры горных регионов Северного Кавказа // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2—3. С. 123—126.

⁴ <http://www.ri-online.ru/index.php/2009-11-07-18-20-51/4021-kavkaz-kak-preodolet-dotaczionnost>.

⁵ Зацепилина В.В. Логистический подход к формированию транспортных коридоров на юге России // <http://transmap.ru/articles/view/260/>.

республики, наоборот, славятся целебными ресурсами, на основе которых выпускаются лекарственные препараты, возводятся оздоровительные объекты.

В совокупности все крупные комплексы приносящие доход в бюджет данных республик, являются налогоплательщиками, таким образом, пополняя и Федеральный бюджет, который держит материальные средства в обороте.

Интеграционный потенциал экономик республик Северного Кавказа требует и решения важнейших стратегических задач по обеспечению экономической (и не только экономической) безопасности, и объединения общих усилий республиканских администраций для формирования конкурентного цивилизованного рынка в рамках регионального обмена⁶.

Важным направлением развития экономики СКФО в дальнейшем может стать такая отрасль как строительная индустрия. В каждой республике имеется для этого минерально-сырьевая база (геологическое строение территорий республик Северного Кавказа предопределяет наличие здесь разнопланового минерально-сырьевого потенциала для промышленной базы). Все производства строительного комплекса могут ориентироваться на использование собственных местных ресурсов, например: Чеченская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Ставропольский край богаты ресурсами строительных камней представленных песчаниками, известняками-ракушечниками, доломитами, природно-облицовочными камнями, разнообразностью известняков самых разных расцветок, глиной, стеклом, мрамором и т.д.)⁷. Здесь имеются в избытке трудовые ресурсы с опытом в строительной индустрии и применением прогрессивных технологий. Все это необходимая составляющая при возведении новых объектов социальной сферы и инженерных сетей, финансирование которых, как правило, происходит из бюджета разных уровней. Это подразумевает государственную поддержку открытия новых строительных производств, эффективные механизмы кредитования и инвестирования местных строительных компаний, малых и средних предприятий строительного бизнеса, внедрение новейших технологий строительства, приоритетное инвестирование строительных проектов.

Другим важнейшим направлением экономики является жилищное строительство в вопросе обустроенности народов Северного Кавказа. Необходимо принять меры по снижению цен на жилье, путем обеспечения прозрачности механизма формирования рыночных цен. Для развития строительного комплекса каждая республика испытывает нужду в государственном заказе, который способствовал бы строительству приоритетных социальных инфраструктурных объектов: школ, медицинских учреждений, дорог, мостов, коммунально-коммуникационных сетей. Это в свою очередь, несомненно, послужит решению важных проблем социально-экономического пространства региона: обеспечение населения рабочими местами, стабильная жизнь повседневного быта.

Для проведения государственной национальной политики на Северном Кавказе недостаточно только принятия нормативно-правовых актов и концепций. Наряду с этим важно обращение к накопленному опыту самими народами. Каждая этническая общность в ходе истории выработала свой способ регулирования межэтнических от-

⁶ *Липина С.А.* Пути и методы экономической интеграции регионов Северного Кавказа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. Т. 18. № 6. С. 48.

⁷ *Она же.* Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа. Пути и методы их достижения. ЛКИ, УРСС, 2010. С. 144.

ношений, создала своего рода системы саморегуляции, развивающиеся вместе с другими общностями, направленные на стабильность и повышение социально-экономического сектора.

Как показала практика, в процессе обустройства народов региона Северного Кавказа целесообразными представляются концепции, строящиеся на синергетическом принципе — сотрудничестве Центра и регионов, совместно разрабатывающих и осуществляющих государственную национальную политику. В этом мнении сходятся и многие ученые, считая, что для решения северокавказских проблем нужны и новые импульсы⁸.

---

⁸ *Алферова Е.А.* Советская автономия и федерация — государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых-правоведов 20-х годов). М., 1989; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М., 2004; *Дидигова И.Б.* Чечня и Ингушетия: территория, границы, управление. М., 2003; *Тетиев А.И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик, 2006 и др.

Ф.В. Малхозова

Верховный Совет Российской Федерации (1990—1993 гг.) и его место в возрождении российского парламентаризма

Жизнеспособность и перспективность парламентаризма в России продолжает оставаться сегодня одной из наиболее обсуждаемых проблем — от перспективы парламентского пути развития российской демократии в значительной степени зависит и само ее будущее. И поэтому деятельность Съезда народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации в 1990—1995 гг. вызывает у исследователей политической истории современной России различные, часто диаметрально противоположные мнения.

Одни из них считают, что Советы в России были особой формой парламентаризма, другие — склонны к поиску его «национальной» модели. Известно, что первоначально в условиях новой России речь шла об оживлении Советов и превращении их в реальные органы власти, а также об активизации участия населения в общественной жизни. Парадокс ситуации состоял в том, что новая российская государственность создавалась на основе советской системы.

Исторически весь государственный аппарат Советского государства сложился на базе Советов. Советы депутатов трудящихся (от сельского до Верховного) одновременно являлись и органами государственной власти СССР и представительными органами советского народа.

После принятия Конституции 1936 г. Верховный Совет СССР, согласно ст. 31, сосредоточивал в своих руках всю полноту власти в государстве. Это, прежде всего, выражалась в том, что он принимал Основной закон страны — Конституцию СССР, а также вносил в нее дополнения и изменения (это были исключительно полномочия Верховного Совета СССР). Следовательно, Верховный Совет СССР определял компетенцию всех других государственных органов, только он определял свою компетенцию и мог ее изменить. Верховный Совет СССР являлся единственным законодательным органом Союза СССР (ст. 32); формировал ряд других высших государственных органов СССР, подотчетных ему во всей своей деятельности; избирал высший орган государственной власти — Президиум Верховного Совета СССР, подотчетный ему; образовывал правительство — Совет Министров СССР; избирал Верховный Суд СССР; назначал Генерального Прокурора СССР; имел право контроля над деятельностью любого органа государственной власти, органа государственного управления, суда и прокуратуры¹.

7 октября 1977 г. на внеочередной, седьмой, сессии Верховного Совета СССР девятого созыва была принята новая Конституция (Основной Закон) СССР. В ней заметно полнее были определены компетенция Верховного Совета СССР, ее соотношение с компетенцией подотчетных органов. Основной Закон не только провозглашал Верховный Совет СССР единственным высшим органом государственной

¹ Конституция (Основной закон) СССР. 1936 г. // http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676

власти СССР, но и предусматривал существенные гарантии его верховенства в государственном механизме при осуществлении полномочий по предметам ведения Союза ССР. О всеобъемлющем характере полномочий верховного представительного учреждения свидетельствовало, прежде всего, важнейшее конституционное положение: «**Верховный Совет СССР правомочен решать все вопросы, отнесенные настоящей Конституцией к ведению Союза ССР**» (ст. 108)². Другими словами, он был вправе рассматривать и решать любые вопросы общесоюзного значения, включая при необходимости и те, которые входили в компетенцию подотчетных ему органов.

Конституция СССР четко закрепила роль КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций³. Решения партийных съездов и ЦК КПСС представляли собой идейно-политическую основу законов и других актов, принимаемых Верховным Советом СССР. Свою политическую линию КПСС проводила через депутатов-коммунистов и Партийную группу Верховного Совета СССР, а также путем предварительного обсуждения ЦК КПСС проектов важнейших решений, вносимых на рассмотрение Верховного Совета СССР или его Президиума.

Но, вместе с тем следует отметить, что, несмотря на прописанные нормы Конституции, Верховные Советы СССР, действовавшие по Конституциям 1936 г. и 1977 г., носили отчасти декоративный характер. Депутаты приезжали только на короткие сессии Верховных Советов. Основное время — между сессиями Верховного Совета — работал его Президиум. Формально, в Конституции правовой статус Президиума не был определен. Тем не менее, в 1938 г. он получил право объявлять военное положение, принимать в гражданство СССР и разрешать выход из него, в 1948 г. — право денонсировать международные договоры. В вопросах государственного строительства он устанавливал систему и компетенцию центральных органов управления народным хозяйством и социально-культурным строительством, образовывал и ликвидировал министерства и ведомства, издавал указы законодательного характера. В результате среди законов, принимавшихся на сессиях Верховного Совета СССР, стали количественно преобладать законы об утверждении указов Президиума⁴.

28 июня 1988 г. начала работу XIX Всесоюзная партийная конференция. Главной ее темой стало обсуждение путей реформирования советской политической системы. В своем выступлении генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев призывал осуществить реформу политической системы и «восстановить полномочия Советов». На конференции была предложена реформа центральных органов власти.

В соответствии с законом от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» в системе высших органов представительной власти создается новая структура — Съезд народных депутатов.

За время существования института Съездов народных депутатов в России, до октября 1993 г., их было создано 10 (X съезд состоялся после указа президента о его роспуске). Практически с самого начала Съезды работали в чрезвычайном режиме: половина из них были либо внеочередными, либо чрезвычайными.

I Съезд народных депутатов РСФСР открылся 16 мая 1990 г. Формально его роль прежде всего заключалась в том, чтобы сформировать Верховный Совет и его рабо-

² Конституция СССР и развитие советского законодательства. М., 1983. С. 35.

³ Конституция (Основной закон) СССР. 1977. Ст.6 // http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1977/red_1977/5478732/chapter/1/#10000

⁴ *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995. С. 205—206.

чие структуры. Съезд избрал Верховный Совет, который еще во время его работы создал комитеты и комиссии. Впервые набор комиссий у палат оказался разным. Съезд утвердил в должности Председателя Совета Министров РСФСР И.С. Силаева, выступившего с программой будущей работы правительства. Ему было поручено сформировать новое правительство.

Кульминацией Съезда стали выборы Председателя Верховного Совета РСФСР.

В соответствии с законом от 27 октября 1989 г.⁵ вместо прежних двух должностей — Председателя Верховного Совета и Председателя Президиума Верховного Совета — вводилась одна. В лице Председателя Верховного Совета Россия получила высшее должностное лицо, по закону имеющее право представлять РСФСР внутри страны и в международных отношениях. Его тайным голосованием должен был избирать Съезд из числа народных депутатов сроком на пять лет не более двух раз подряд. Зависимость его от Съезда была очень велика: в любое время тайным голосованием его мог отозвать Съезд, которому он, как и Верховному Совету, был подотчетен.

На первый взгляд, компетенция председателя была не столь существенной, но история показала, что избранным на эту должность удалось сконцентрировать очень большие полномочия в своих руках.

Итак, Председатель Верховного Совета должен был осуществлять общее руководство подготовкой вопросов, выносимых на Съезд и Верховный Совет; подписывать акты Съезда, Верховного Совета, Президиума Верховного Совета; представлять Съезду и Верховному Совету доклады о положении республики и о важных вопросах ее внутренней и внешней политической деятельности.

На первый взгляд, кажется ничего особенного: может задержать или ускорить подписание нормативного акта или не представить доклад, сославшись на неготовность материалов. Но другие полномочия Председателя Верховного Совета выглядели куда значительнее. Так, по закону он должен был представлять Съезду кандидатуры для избрания на должность своих заместителей, предложения по персональному составу Комитета конституционного надзора республики; предлагать Верховному Совету кандидатуры для избрания на должности Председателя Совета Министров РСФСР, Председателя Комитета народного контроля, Председателя Верховного Суда, Главного государственного арбитра, а затем представлять этих должностных лиц Съезду на утверждение. Но при условии, что кандидатуры на эти должности должны были вноситься при наличии заключений соответствующих комиссий и комитетов палат Верховного Совета. Закон поручал Председателю Верховного Совета ведение переговоров и подписание международных договоров РСФСР.

Первые выборы Председателя Верховного Совета РСФСР проходили очень сложно. Поначалу насчитывалось 13 претендентов, затем 10 человек сняли свои кандидатуры. Остались трое — Б.Н. Ельцин, И.К. Полозков и В.И. Морокин. Политическое руководство СССР склонялось к тому, чтобы поддержать кандидатуру Полозкова, первого секретаря Краснодарского обкома КПСС⁶.

Во время первого и второго голосований ни один из кандидатов не набрал необходимого большинства голосов. После третьего тура голосования, состоявшегося 30 мая, Председателем Верховного Совета РСФСР был избран Б.Н. Ельцин.

⁵ Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» (принят одиннадцатой сессией Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва).

⁶ *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 384.

Сложная борьба развернулась и при выборах заместителей Председателя Верховного Совета, ни одна из предложенных кандидатур: Р. Абдулатипова, Т. Мухамадиева, В. Штыгашева (по советской традиции первым заместителем избирался представитель национальных автономий) или С. Шахрая не смогла набрать необходимого количества голосов. Чтобы каким-то образом выйти из тупика, пришлось создавать согласительную комиссию. После длительных дебатов была найдена новая компромиссная фигура — Р. Хасбулатов, которого все же избрали после очередного внесения его кандидатуры заместителем Председателя Верховного Совета.

Основная законодотворческая работа шла в комитетах и комиссиях Верховного Совета, именно он принял большинство нормативных актов, определяющих экономическую и политическую жизнь страны. 13 июля 1990 г. Верховный Совет принял постановление «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики»⁷. Наличие банковской системы являлось безусловным атрибутом суверенизации РСФСР.

В тот же день Верховный Совет РСФСР принял постановление о создании в республике государственного телевидения, чего в отличие от других республик, имевших либо канал, либо место в сетке теле вещания, у России практически никогда не было. Таким образом в борьбе с всесильным центром она получила собственную «четвертую власть».

16 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О референдуме РСФСР»⁸. Так, впервые был законодательно оформлен механизм волеизъявления граждан. В соответствии с законом инициировать проведение референдума могли Съезд народных депутатов, Верховный Совет, 1/3 народных депутатов РСФСР или 1 млн граждан. Закон специально оговаривал, что на референдум нельзя выносить вопросы об изменении статуса и территориальной целостности субъектов РСФСР, о налогах, бюджете, амнистии, помиловании, чрезвычайных и срочных мерах по обеспечению общественного порядка, здоровья и безопасности населения. По закону решения референдума обладают высшей юридической силой и ни в чем утверждении не нуждаются.

24 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял собственный Регламент⁹. В нем подробно определялись процедура созыва сессий, порядок ее ведения, время заседаний, перерыв на обед, время, отводимое для высказываний, обязанности председательствующего и т.д. Согласно Регламенту, в комиссии и комитеты могли входить не только члены Верховного Совета, но и любой народный депутат РСФСР, что повышало статус этих органов, делая их не только органами Верховного Совета, но и Съезда народных депутатов. Организация деятельности комиссий и комитетов тоже была детально расписана. Регламентировались и процедура формирования правительства, Верховного Суда, назначения Генерального прокурора и Главного государственного арбитра. Целым рядом статей, при отсутствии специальной, Регламент подтвердил весьма широкие полномочия Председателя Верховного Совета, что вполне устраивало Б.Н. Ельцина, занимавшего в то время эту должность.

По закону созыв Съездов осуществлялся Верховным Советом РСФСР; определялась периодичность их созыва — один раз в год. По инициативе Верховного Совета,

⁷ Постановление Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 г. № 92-1 «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики» // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 6. Ст. 92.

⁸ Там же. № 21. Ст. 230.

⁹ Там же. № 26. Ст. 320.

по предложению одной из его палат, Президиума Верховного Совета, его председателя, депутатов (не менее 1/5 их числа) высшего органа власти автономной республики, советов других административных единиц, мог быть созван внеочередной, или чрезвычайный, Съезд.

Компетенция Съезда определялась следующим образом:

- принятие Конституции, внесение в нее изменений; определение внутренней и внешней политики республики в соответствии с союзными ее направлениями;
- принятие решений по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению РСФСР;
- определение порядка решения вопросов административно — территориально-го устройства РСФСР;
- решение вопросов об изменении границ РСФСР с другими союзными республиками и внесение их на утверждение Съезда народных депутатов СССР; рассмотрение вопросов об изменении государственной границы СССР в случаях, влекущих изменения территории РСФСР;
- утверждение перспективных государственных планов и важнейших республиканских программ экономического и социального развития РСФСР.

В компетенцию Съезда входило избрание Верховного Совета республики, его председателя и заместителей, Комитета конституционного надзора — органа, который еще предстояло создать, а также утверждение Председателя Совета Министров, Председателя Комитета народного контроля, Председателя Верховного Суда, Главного государственного арбитра РСФСР.

Съезд мог принимать решение о проведении республиканского народного голосования (референдума), имел право законодательной инициативы. Срок полномочий Съезда народных депутатов РСФСР определялся в пять лет.

С созданием Съезда Верховный Совет РСФСР предстал в другом качестве. Прежде всего, этот орган стал постоянно действующим: российские власти вслед за союзными пошли на создание профессионального парламента, отказавшись от сессий-пятнадцатидневков.

По новому закону Верховный Совет РСФСР — орган Съезда народных депутатов, постоянно действующий, законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти республики.

Компетенция Верховного Совета насчитывала более двух десятков пунктов. Вот наиболее важные из этого перечня:

- назначение Председателя Совета Министров РСФСР и утверждение предложенного им состава правительства, внесение изменений в состав правительства, образование и упразднение министерств и государственных комитетов, также по предложению главы правительства;
- избрание Комитета народного контроля, Верховного Суда, судей краевых, областных, Московского и Ленинградского городских судов; назначение Государственного арбитра РСФСР и утверждение коллегии Государственного арбитража Российской Федерации;
- регулярное заслушивание отчетов образуемых или избираемых им органов, а также назначенных или избранных им должностных лиц;
- решение вопросов о доверии правительству или отдельным его членам.

Кроме того, Верховный Совет РСФСР обязан был обеспечивать выборы народных депутатов, направлять деятельность местных Советов и т.п.

Таким образом, по мысли законодателей, Верховный Совет наряду со Съездом должен был стоять во главе всей системы Советов. В этом нового ничего не было. Новое состояло в другом — вместе с прежними правами по отмене решений Совета Министров, Президиума Верховного Совета, Председателя Верховного Совета РСФСР, нижестоящих Советов у него появилось право опротестовывать и приостанавливать действия ведомств и Совета Министров СССР на территории РСФСР в случае их противоречия законам СССР и РСФСР. Ему предоставлялось право вхождения в Комитет конституционного надзора СССР с просьбой дать заключение о соответствии актов союзных органов Конституции и законам СССР.

Законы и постановления, принятые Верховным Советом РСФСР, могли быть отменены Съездом народных депутатов.

Сформированный на I Съезде Верховный Совет на последующих Съездах подвергся лишь частичной ротации. По закону народные депутаты для выполнения своих обязанностей освобождались от основной работы, обладали правом неприкосновенности, привлечь их к ответственности можно было лишь в случае получения на это согласия Верховного Совета, а в период между его сессиями — Президиума Верховного Совета¹⁰.

12 декабря 1991 г. почти единогласно Верховный Совет принял решение о ратификации Беловежского соглашения и денонсации договора об образовании СССР. 25 декабря Президент подписал принятый Верховным Советом РСФСР закон о новом названии страны. РСФСР прекратила свое существование, появилась Российская Федерация — Россия. Впоследствии он был одобрен VI Съездом народных депутатов.

Все последующие Съезды народных депутатов России ознаменовались ужесточением противостояния Парламента и Президента.

После распада СССР в 1992—1993 гг. важным фактором государственно-политического развития в России стало противостояние высших институтов государственной власти — Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, с одной стороны и Президента РФ и Правительства — с другой. Неразделенность законодательной и исполнительной функций власти, которые сохранялись до последних дней истории Советов, явились основой для конституционно-политического кризиса в России. С прекращением существования СССР не изменился характер взаимоотношений между ветвями государственной власти, и отсутствие четкого разграничения полномочий вызывало их острое противостояние. Существующий в тот момент текст Конституции, нередко являлся правовой основой политических конфликтов.

В начале 1993 г. конфликт между Президентом и Верховным Советом начал обостряться с новой силой. Ключевое значение в российском обществе приобрел референдум, ведь именно его результаты определяли, какой будет Россия — президентской или парламентской республикой, сохранится ли в стране власть Советов.

25 апреля 1993 г. состоялся референдум. За доверие Президенту высказалось 58,7%, политической сенсацией стало одобрение населением социально-экономического курса — 53%¹¹. Референдум отклонил идею досрочных выборов и президента, и законодателей.

¹⁰ Архитова Т.Г. Малышева Е.П. Современная организация государственных учреждений России. М., 2006. С. 110.

¹¹ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2011. С. 321.

Сразу после референдума президент и его сторонники приступили к активной подготовке новой российской Конституции, которая была призвана утвердить президентскую республику и создать сильную исполнительную власть.

21 сентября 1993 г. в 20.00 ч с телеэкрана прозвучало «Обращение к гражданам России» и оглашен Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Президент постановил прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольных функций Съезда народных депутатов и Верховного Совета.

Указом от 15 октября 1993 г. «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»¹² было назначено голосование по проекту на тот же день — 12 декабря, когда должны быть выборы депутатов федерального парламента. На референдуме Конституция получила требуемое большинство голосов.

Подводя итоги деятельности Съездов народных депутатов и Верховного Совета России, следует отметить, что она заключалась не только в противостоянии президентской власти, но и в активном законотворчестве. С декабря 1991 г. по сентябрь 1993 г. Съезд и Верховный Совет приняли 240 законов¹³. Около 40 законов содержали нормы конституционного права. Значительная их часть была направлена на демократизацию власти в стране.

---

¹² Российская газета. 1993. 19 октября.

¹³ *Архипова Т.Г. Мальшева Е.П.* Указ. соч. С. 122.

Европа и Россия в постсоветский период

После 1991 г. взаимоотношения между Россией и Европой представляют собой огромный комплекс различных составляющих, относящихся почти ко всем аспектам экономики и общественно-политической жизни. За относительно короткое время эти отношения стали разноплановыми, интенсивными, часто очень эффективными. Одни блоки проблем решаются на уровне взаимоотношений между Российской Федерацией (РФ) и Европейским Союзом (ЕС), другие — затрагивают вопросы тесного двустороннего сотрудничества России с подавляющим большинством европейских стран. К такому положению Россия и Европа шли довольно долго.

Рассматриваемая тема находится на стыке дисциплин: хронологически и тематически она больше относится к политологии, а с позиции историка — в полной мере может считаться современной историей. В этом плане обращение к историческим корням взаимоотношений Европы и России представляется весьма целесообразным, ибо без понимания того, чем были эти отношения не только в прежние исторические эпохи, но, по сути дела, даже вчера — в советский период — осознать заявленную проблему невозможно.

Новая Россия и Европейский Союз возникли почти в одно и то же время: РФ — в 1991 г., ЕС — в 1992 г. Близость дат говорит о некоторой взаимосвязи между процессами, происходившими в СССР и процессами интеграции в Западной Европе. Россия и Европа, практически одновременно превратились в субъекты международного права: первая отвергла советское прошлое и перешла в (относительно) новое состояние, вторая трансформировалась в Европейский Союз — невиданное доселе международное образование. Характер отношений между РФ и ЕС оказался в зависимости от нескольких обстоятельств¹. Первое заключалось именно в этой новой природе обоих партнеров. Европейский Союз, состоявший из независимых и демократиче-

¹ Имеется колоссальное количество документов и информации по теме. См, например: L'Union européenne et la Russie, par Quintin Perret, Etats voisins <http://www.rober-schuman.eu/index.php>; Европейский Союз и Россия: политические отношения eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political.../index_ru.htm; Relations UE-Russie et questions internationales à l'ordre ... — Europa eeas.europa.eu > ... > SEAE; Relations UE-Russie et questions internationales à l'ordre ... — Europa eeas.europa.eu > ... > SEAE > A la une > 2012; Défiance croissante entre la Russie et l'Union européenne www.lemonde.fr/.../defiance-croissante-entr..20 дек. 2012 г. Les relations entre l'Union européenne (UE) et la Russie patinent depuis le retour de Vladimir Poutine au Kremlin. La Russie et l'Union européenne — La Documentation française www.ladocumentationfrancaise.fr/.../russie/i..; 27 июня 2008 г. Depuis l'établissement de relations officielles entre la Communauté européenne et l'URSS, le dialogue russo-européen a largement évolué; La Russie et l'Union européenne — La Documentation française www.ladocumentationfrancaise.fr/.../russie/r.. 27 июня 2008 г. La Russie est-elle européenne? — Depuis l'établissement de relations officielles entre la Communauté européenne et l'URSS, le dialogue; La Russie-l'UE : les visas comme stratégie: La Voix de la Russie french.ruvr.ru/.../La-Russie-l-UE-les-visas; L'Union européenne et la Russie se déchirent sur la Syrie www.lefigaro.fr/.../01003-20121015ARTFI...; 15 окт. 2012 г. Un effort de dialogue s'est heurté au raidissement de Moscou. Les Vingt-Sept ont alourdi les sanctions contre Damas. Les relations UE-Russie : Moscou pose ses conditions — Notre Europe www.notre-europe.eu/.../Policypaper20-FR-...

ских государств, был конструкцией, с постоянно развивающимися полномочиями. Россия же с 1991 г., оставаясь полностью суверенной нацией, стала наследницей автократической и многонациональной империи. Еще одним важным обстоятельством, которое значительно изменило характер отношений между Россией и Европой, стала (не сразу) географическая близость между ними. Произошло сближение субъектов до непосредственной встречи на границах. Такое положение, по определению вызывающее состояние взаимозависимости, не оставили РФ и ЕС другого выбора, кроме поиска договоренностей в решении всех сложных проблем. Расширение Европейского союза в 2004 г. за счет стран бывшего советского лагеря еще раз поставило вопрос о том, каковы же подлинные границы Европы на Востоке, и в какой мере европейское пространство основано на западных ценностях.

Эта новая ситуация заметно отличалась от прошлого, т.к. на протяжении сотен лет взаимоотношения между Россией и Европой рассматривались западноевропейцами с позиций цивилизационного антагонизма между Западом и Востоком. При этом под понятием Запад имелась в виду Европа, прежде всего, запада континента. Цивилизационно иной считалась огромная территория к востоку от Центральной Европы, в том числе Россия. Европейцы уже давно определились с различиями в цивилизациях Запада и Востока. Еще знаменитый греческий врач Гиппократ, живший в конце V — начале IV вв. до н. э. представлял себе оппозицию Европа-Восток в свете конфликтов между греческими городами и Персидской империей. Вполне вероятно, что греко-персидские войны стали первым проявлением того явления, которое называют антагонизмом между двумя типами цивилизаций. Пытаясь определить отличительные черты каждого из них, Гиппократ считал, что европейцы отважны, воинственны и агрессивны, а азиаты мудры, образованны, но при этом настроены мирно, даже апатично. Европейцы дорожат свободой и готовы сражаться, а может и умереть за нее. Предпочтительный политический режим для них — демократия, в то время как азиаты с легкостью соглашались на подневольное существование, если в обмен им гарантируют сытую и спокойную жизнь².

Вряд ли можно было говорить о существовании цивилизационного антагонизма между Европой и Киевской Русью до ее завоевания монголо-татарами. Одним из самых значительных последствий долгого монголо-татарского владычества стало различие в путях исторического развития между ними. Широкие контакты между Европой (Западной) и Российской империей, приведшие к современному состоянию взаимодействия, можно отсчитывать с эпохи Петра I. Хотя справедливости ради, следует сказать, что и в допетровское время Новгород долго поддерживал активные экономические контакты с европейскими государствами, а в царствование Бориса Годунова уже можно было говорить о расширявшихся контактах с европейскими государствами. Петр I силовыми, насильственными методами пытался решить проблему включения Российской империи в семью европейских народов. Этому в немалой степени способствовал Вольтер. Именно его усилиями в эпоху Просвещения европейцы стали считать, что Петр I вырвал Россию из векового варварства и вернул ее в семью европейских народов. До Петра I вопрос о европейских границах даже не возникал, поскольку Европа считала себя таковой по факту и видела мало общего с огромной страной, находившейся далеко на востоке. По указанию Петра I В.Н. Татищев определил символические границы между Европой и Азией. Граница, что прошла от Уральских

² См.: *Жак ле Гофф*. Рождение Европы. СПб., 2008. С. 22.

гор по реке Уралу, вплоть до впадения в Каспийское море, диктовалась не столько географическими причинами, сколько стремлением Петра I сделать Москву европейским городом. Сближение между Россией и Европой во времена Петра I должно было способствовать модернизации империи. С тех пор условно прочерченная граница постепенно стала приобретать классическую географическую реальность.

На протяжении 300 лет интерес европейцев к России варьировался в зависимости от политических обстоятельств. Однако движущим лейтмотивом этого интереса к быстро набиравшему мощь восточному гиганту были связанные с этим опасения. Позже эти опасения, если не страх (явно преувеличенный) выльются в ряд кампаний Запада против России: нашествие Наполеона, Крымская война, Русско-японская война, начатая при поддержке англичанами императорской Японии. Агрессия фашистской Германии станет крайним выражением отказа европейцев видеть Россию сильным европейским государством.

Конец советской системы и географическое сближение между постсоветской Россией и Европой для европейцев вновь поставили на повестку дня вопрос о мере «европейскости» России. Этот вопрос оказался важным потому, что в советское время принадлежность России к европейской цивилизации отошла на задний план по причине ее перехода в другой, советский, мир. В позднее советское время вопрос о европейской сущности России возник в 1985 г. вместе с провозглашением М.С. Горбачевым концепции «общеевропейского дома». Строго говоря, эта концепция была не такой уж и новой. Еще во время своего визита в Москву в 1966 г. президент Франции Ш. де Голль в качестве вызова сложившемуся послевоенному устройству мира предложил выработать новую систему европейской безопасности и строить солидарную «Европу от Атлантики до Урала» без опоры на политические и идеологические разногласия. Как только исчезла политическая система, которая оправдывала раскол европейского континента на Запад и Восток, а большинство восточноевропейских стран стали разделять ценности Запада, Европа вновь оказалась перед вопросом самоидентификации.

Взаимоотношения между РФ и ЕС с самого начала осложнялись различиями во внешнеполитических концепциях. Россия в своей внешней политике опиралась на идеи военно-политического равновесия, обеспеченного ядерной мощью второй мировой державы, как залога мирного сосуществования. ЕС не обладал сравнимой с Россией военной и стратегической мощью и считал основой своей внешней политики, в основном, экономические рычаги. Интерес РФ к особым отношениям с Европой начинает замечаться после 1994 г. До этого времени Европа по причине своей относительно слабой стратегической мощи занимала в расчетах российских руководителей сравнительно небольшое место. Все их внимание было направлено на главного стратегического лидера западного мира, соперничающую сверхдержаву — США. Российских руководителей больше беспокоили возможность усиления НАТО и необходимость восстановления роли ОБСЕ в качестве основного инструмента европейской политики. После ослабления ОБСЕ началось поразительное потепление отношений России и НАТО, символом которого стало создание совместного совета Россия — НАТО 28 мая 2002 г.³

³ Совет Россия — НАТО (СРН), учрежденный 28 мая 2002 г. на Римской встрече в верхах Россия — НАТО, пришел на смену Совместному постоянному совету (СПС) — форуму для консультаций и сотрудничества, созданному в соответствии с Основополагающим актом Россия — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности 1997 г., который остается официальной основой их отношений сегодня.

Отношения России и Европейского Союза строятся на основе нескольких документов. Первым и наиболее значимым из них является «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» (СПС), заключенное 24 июня 1994 г. на о. Корфу (Греция)⁴. ФС РФ ратифицировало Соглашение в ноябре 1996 г. Оно вступило в силу с 1 декабря 1997 г. после его ратификации в Европейском Парламенте и во всех национальных парламентах. Соглашение было отнесено к категории международных договоров и заключалось сроком на 10 лет с возможностью последующей ежегодной автоматической пролонгации, если ни одна из сторон не будет заявлять о его денонсации. Соглашение содержит преамбулу, 112 статей, десять приложений, два протокола, несколько совместных и односторонних заявлений и переписку. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве были заключены Европейским Союзом с 10 бывшими республиками Советского Союза (со всеми странами СНГ, кроме Таджикистана). Содержание и сам текст таких соглашений практически полностью совпадают, поэтому Соглашение о партнерстве и сотрудничестве можно назвать своего рода «типовым соглашением».

Важнейшим доводом, объясняющим необходимость заключения Соглашения, стало изложенное в его преамбуле положение о том, что Россия более не является страной с государственной торговлей, а имеет переходную экономику, идущую по пути создания рыночной. В данном положении отразилась оценка Сообществом результатов первых лет экономических реформ в России, а также новый неформальный статус РФ в качестве торгового партнера ЕС и его государств-членов. Соглашение заложило основы интеграции российской и европейской экономик. Однако различие в уровнях экономического развития было очень большим. В 2005 г. ВВП ЕС составил 10 677 млрд евро, приблизительно 23 тыс. евро — на жителя. Несмотря на более высокий рост, ВВП России в том же году составил 616 млрд евро, т.е. 4 316 евро — на жителя⁵. Для того чтобы в какой-то мере компенсировать эту разницу, в 1991 г. была принята программа развития, названная ТАСИС — программа финансовой поддержки России. Программа должна была способствовать выравниванию уровня жизни между ЕС и РФ. За первые 15 лет ее существования Россия получила около 2,6 млрд евро, из которых 392 млн поступили в 2004—2006 гг.⁶ Два основополагающих текста партнерства между Россией и ЕС — «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» и «Соглашение о дорожных картах» видятся обеими сторонами по-разному. Для ЕС провозглашенной целью партнерства является формирование плюралистической, стабильной и открытой политической и экономической демократии. На базе развитой рыночной экономики и в широком сотрудничестве с Россией Европа стремится поддерживать европейскую стабильность, защищать международную безопасность и держать ответ на общие вызовы эпохи. Россия использует сотрудничество с Европой для защиты своих национальных интересов, формирования свободного от идеологических догм образа страны, создания общеевропейской системы коллективной безопасности и использования экономического потенциала и управленческого опыта Европейского Союза для защиты социально ориентированной рыночной экономики в России, основанной на принципах справедливой конкуренции. Большое значение отводится решению задачи о создании в России демократического правового государства. Различия в подходах России и Европы к взаимному

⁴ См.: arhiv.inpravo.ru/texts2/document2983/index и др.

⁵ *Quintin Perret*. Op. cit.

⁶ *Ibidem*.

сотрудничеству никак не девальвируют подписанные между ними соглашения, хотя и представляют для обеих сторон определенные трудности. Их количество заметно увеличилось вместе с расширением Союза с 1995 по 2004 г. на 13 новых членов вдобавок к 12 предыдущим. Перед Россией Европейский Союз предстал в виде гиганта, лишённого твердой воли, который разрывался между политикой компромисса и жесткости.

Со времени окончания Второй мировой войны и раскола континента термин «Европа» на Западе понимался как часть, отличная от зоны советского блока. Никогда прежде Европа не виделась в подобном свете. После исчезновения СССР Европа вновь стала рассматриваться как географическая общность от Атлантики до Урала. А РФ и ЕС в своих взаимоотношениях стали исходить в основном из того, что Россия является европейской страной. «Европейскость» постсоветской России провозглашалась всеми руководителями, от М.С. Горбачева до В.В. Путина, и подтверждалась их европейскими собеседниками. Сегодня Европа иногда представляется не Европой от Атлантики до Урала, а Европой от Атлантики до Тихого океана. Слово «Европа» означает не просто географическую принадлежность. Оно означает, что в соответствии со ст. 237 Римского договора 1957 г., которая была подтверждена и Маастрихтским договором 1992 г., принадлежность к Европе позволяет любому государству вступить в Европейский союз: «Любое европейское государство может стать его членом». При этом понятие «европейское» определения не имеет. Сегодня географическая принадлежность России к Европе под сомнение не ставится. Однако это не делает РФ автоматическим кандидатом на вступление в ЕС. Правда, в непринятом проекте Европейской Конституции в ст. I отмечалось, что Союз открыт для всех европейских государств, которые соблюдают его ценности и обязуется их сообща выполнять. Расширение Европейского Союза и продвижение военного блока на Восток показали, что с точки зрения Запада понятие «Европа» является не географическим, а идейно-политическим.

С начала 1990-х гг. отношения России и Европейского Союза развиваются в рамках механизма самых разных встреч на всех уровнях сотрудничества. О простоте диалога говорить не приходится, поскольку различия в позициях между двумя сторонами представляются нередко непреодолимыми. Уровень недопонимания друг друга и различное видение другого замедляют и осложняют процесс сотрудничества. Тем не менее, области сотрудничества между РФ и ЕС являются многочисленными и разнообразными. ЕС остается главным экономическим партнером России. Со своей стороны РФ представляет важное звено в экономических отношениях ЕС с внешним миром, особенно в сфере энергетики. Для того чтобы не ограничиваться только этой сферой, представители ЕС и РФ на встрече в верхах в Санкт-Петербурге в мае 2003 г. определили четыре направления сотрудничества: в сфере экономики; защиты свобод, безопасности и юстиции; внешней безопасности; науки и образования. Теоретически создание этих четырех пространств взаимодействия должно было стать основой ценностей и интересов, которые объединили бы обе стороны.

Специфической сферой сотрудничества между Россией и ЕС стала Калининградская область — своеобразный полигон, который используется то как средство оказания давления друг на друга, то как лаборатория будущих взаимоотношений. Так было не всегда. В 1991 г. в ходе распада СССР территория Калининградской области, на 80% населенная русскими, рассматривалась Западом как стратегическая угроза, хотя на протяжении всех 1990-х гг. российские власти мало интересовались

будущим региона. Более того, личный состав Балтийского флота со 100 тыс. человек к 2005 г. сократился до 10 тыс., а командование было переведено в Санкт-Петербург. Несмотря на провозглашение Калининградской области в 1993 г. зоной свободной торговли, она долгое время оставалась бедным регионом со всеми присущими такому положению бедами: торговлей наркотиками, существованием проституции, торговли оружием, трансграничной контрабандой и т.д. Область имела низкий уровень жизни, плачевное состояние медицинского обслуживания, один из самых высоких в Европе уровень больных СПИДом. Острыми были экологические проблемы, связанные с остатками советского военного присутствия. Постепенно ЕС отказался от своих стратегических страхов, связанных с безопасностью. Когда в мае 2004 г. Польша, Литва, Латвия и Эстония вошли в состав ЕС, а его границы приблизились непосредственно к России, ситуация начала быстро меняться. Регион стал предметом забот разных сторон. Диалог между Москвой, Брюсселем, Варшавой, Вильнюсом касался вопросов транзита (энергонасосители, военная техника, передвижение людей и разработка вопросов визового режима). Это требовало финансовых средств. За период с 1991 г. по 2005 г. на таможенные инфраструктуры ЕС потратил около 40 млн евро. В отношении Калининграда политика ЕС стала основываться на двух постулатах, которые плохо совмещались между собой. С одной стороны, Брюссель был заинтересован в том, чтобы Калининград успешно развивался, а это было невозможно без включения его в интеграционные процессы в регионе, с другой — укреплял границы, а это противоречило первой позиции. С мая 2004 г. РФ убеждала ЕС сделать анклав лабораторией будущих связей между Россией и ЕС, не без оснований рассчитывая, что связанное с Калининградом сотрудничество станет затем основой для развития всего комплекса отношений между субъектами международного права. Калининградская область действительно стала удобным для создания лаборатории местом: у РФ имеются природные ресурсы, которых нет у ЕС; у Союза есть технологии, в которых заинтересована Россия. Их партнерство может усилить экономики ЕС и РФ, как двух столпов континента. Сотрудничество в этом направлении способно укрепить демократические тенденции в России, а с другой стороны, побудить ЕС к дальнейшему развитию интеграционных процессов. Обеим сторонам недостает некоторой степени взаимного доверия и понимания друг друга, чтобы осуществить институциональное сближение на более солидной основе. Прежде всего, обе стороны стоят перед вопросом выработки стратегического видения того, каким будет место России в контексте европейского строительства.

На встрече в Москве 10 мая 2005 г. в основном усилиями президента РФ В.В. Путина были приняты «дорожные карты»⁷. Они были не юридическими документами, накладывающими обязательства на обе стороны, как это бывает с международными договорами, а скорее — практическими руководствами для управленцев в Москве и Брюсселе. Тем не менее, они свидетельствовали о постоянном сближении позиций сторон и способствовали осмыслению ситуации, складывавшейся в каждой из сфер сотрудничества. Европейские критики «дорожных карт» указывали на их попытку заменить обсуждение стратегии развития сотрудничества технократическими планами и уровнем сотрудничества административных аппаратов сторон. Дорожные карты способствовали продолжению сотрудничества, которое делает реформы в России все более связанными с европейским правом.

⁷ <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/05/87950/152814.shtml>

В соответствии с этими документами пространство экономического сотрудничества поставило своей главной целью создание открытого и интегрированного рынка между ЕС и РФ. Соответствующая «дорожная карта» основывалась на принципе сближения законодательных российских и европейских норм с целью создания открытого и интегрированного рынка. В то же время в ней не упоминалось о создании зоны свободной торговли между Россией и ЕС, проекте, который фигурировал в Договоре о партнерстве и сотрудничестве. Рынок предполагалось создать путем гармонизации законодательств и норм каждой из сторон. Кроме этого Россия и ЕС разработали ряд мер, направленных на ограничение барьеров в торговле и сфере инвестиций (гармонизация регламентов и облегчение торговли) и укрепление двустороннего сотрудничества в приоритетных областях (телекоммуникации, транспорт, энергетика, защита окружающей среды). Экономическое пространство сотрудничества оказалось наименее проблемным.

Стороны признали, что пространство свободы, безопасности и юстиции основывается на принципах демократии, соблюдении законов, прав человека и фундаментальных свобод, среди которых свобода и независимость средств массовой информации, а также осуществление общих ценностей, гарантированных наличием независимой юридической системы. Стороны пришли к единству в отношении общих вызовов (терроризм, незаконные миграции, трансграничная преступность, в том числе отмывание денег, притеснение человека и торговля наркотиками), а также необходимости развивать сотрудничество в сфере юрисдикции и полиции. Признавалось, что обеспечение безопасности не должно приводить к созданию новых барьеров. В этом направлении Россия и ЕС начали переговоры по облегчению визового обмена на условиях взаимности.

Дорожная карта по сотрудничеству в сфере внешней безопасности ставила своей целью достичь взаимодействия во внешней политике и политике безопасности посредством совместных усилий в предотвращении конфликтов и управления кризисами. Обе стороны исходили из необходимости создать единую Европу без разделяющих границ. Этот диалог относительно внешней безопасности начал развиваться с момента встречи в верхах в октябре 2000 г. в Париже. По его результатам была принята совместная Декларация об усилении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и безопасности в Европе. В результате саммита в Брюсселе в октябре 2001 г. были организованы встречи между Комитетом по политике и безопасности ЕС и послом РФ при ЕС. В июне 2002 г. Европейский совет в Севилье разработал условия по возможному вкладу России в будущие операции по управлению кризисами в Европе. Особое внимание РФ и ЕС уделили международной стабильности в районе горячих точек в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе в соответствии с решениями ООН и ОБСЕ. Дорожная карта по пространству внешней безопасности подчеркивала разделяемую обеими сторонами ответственность за создание многостороннего порядка, но также их решимость усилить центральную роль ООН и способствовать эффективности таких организаций, как ОБСЕ или Совет Европы.

Дорожная карта в сфере науки, образования и культуры отражала решимость России и ЕС сохранять культурное наследие, развивать гражданское общество в каждой из сторон, путем обмена идеями, взаимопонимания, включая культурные аспекты. Это пространство предполагалось сделать местом интенсификации связей и обмена в области науки и технологий, исследований, образования и культуры. В сфере научных исследований сотрудничество обеими сторонами считалось удовлетво-

рительным с принятием в 2002 г. Плана действий по научному и технологическому сотрудничеству, который позже стал Договором о научном и технологическом сотрудничестве. Обе стороны высказывались за усиление сотрудничества в университетской сфере. В ноябре 2004 г. в Гааге было принято решение о создании Института европейских исследований в Москве.

Как известно, в мире Россия является первым производителем газа (и гордится этим) и вторым — нефти. На ее долю приходится производство от 7,5 до 15% мировых запасов нефти и от 27 до 40% — газа. Для Европы в плане обеспечения энергоресурсами Россия является необходимым партнером, чтобы избавиться от зависимости от Организации стран экспортеров нефти. В 2003 г. РФ направляла в ЕС 58% объема экспорта нефти и 65% — газа⁸. С 2005 г. доля поставок нефти и газа России Европейскому союзу имеет тенденцию к повышению: к 2020 г. — до 50% нефти и до 70% газа. Следует заметить, что импорт российских энергоносителей в Европу неодинаков для различных стран. Так, Австрия импортирует 55% газа, тогда как Германия — 37, Италия — 23, а Франция — 21%. Страны бывшего лагеря социализма почти полностью зависят от поставок нефти и газа из России — более 90% Польша и почти 100% — страны Балтии. Однако так же, как страны Европейского союза зависят от России, так и Россия зависит от поставок нефти и газа в Европу, т.к. Европа является для России основным рынком сбыта энергоносителей⁹.

Такой уровень партнерства привел к необходимости совершенствования механизма сотрудничества по ряду принципиальных вопросов. ЕС начал ограничивать влияние российских энергетических монополий с целью расширения своего участия в конкурентной борьбе. Он потребовал создавать независимые и эффективные правовые механизмы, улучшать инвестиционный климат. С этой целью ЕС требует ратификации Россией Энергетической хартии, создания механизма решения спорных вопросов, признания правил международной финансовой отчетности. Со своей стороны Россия предложила решить целый ряд других задач. В частности она выступила за заключение долгосрочных контрактов на поставки энергоносителей, добивается взвешенных решений путем экспертизы в том, что касается энергетических монополий и постепенного открытия для конкуренции внутреннего рынка. Одной из главных стала задача изменить традиционную роль поставщика энергоносителей. Россия выразила заинтересованность в передаче ей технологий, которые позволили бы увеличить часть своих энергоносителей с более высокой добавочной стоимостью и развивать производство электроэнергии с использованием угля и атомных станций. Диалог в области энергетики привел к созданию Постоянного совета министров энергетики, первое собрание которого состоялось в октябре 2005 г. Сотрудничество дало результаты, которые положительно оцениваются обеими сторонами. Россия теперь является не только поставщиком энергоносителей, но и участвует в совместных проектах с европейскими партнерами. Смысл сотрудничества теперь заключается в том, чтобы предприятия стран ЕС могли войти в состав российских компаний, а Россия стала бы частью распределительных европейских компаний. Признаваемая взаимозависимость между РФ и ЕС перевешивает в пользу более тесной интеграции партнеров. В наши дни деятельность российских компаний прямо зависит от конъюнктуры европейского рынка и регулирующей деятельности Европейской комиссии.

⁸ Patricia Lecompte Le gazoduc Nord Stream ouvre ses vannes à l'Europe <http://www.rfi.fr/europe/20111109-gazoduc-nordstream-infographie-gaz-energie-allemande-russie>

⁹ Ibidem.

Относительно недавнее включение бывших стран социализма в Европейский союз оказало на сотрудничество специфическое воздействие. Газпром выразил стремление к участию наравне с западноевропейскими странами в приватизации газовой отрасли в новых странах-членах ЕС. Проект создания Североевропейского газопровода, подписанный РФ и Германией 8 сентября 2005 г., стал возможностью для России обезопасить пути экспорта и найти новые рынки сбыта. Газопровод обнажил различие во взглядах членов ЕС на взаимоотношения с РФ и подтвердил непреходящее значение двусторонних контактов. Особенностью энергетической политики России стала максимальная диверсификация экспорта, в частности, в увеличивающие свой экономический вес страны Азии.

Успех взаимоотношений между ЕС и Россией с самого начала зависел от предварительного условия, каким является признание полного равноправия между двумя партнерами и упора в их действиях на то, что их объединяет, а не разъединяет. Весной 2008 президент РФ Д.А. Медведев предложил разработать новую систему безопасности в Европе. 1 октября 2008 г. он отметил, что прежний мировой порядок не отвечает потребностям дня. На смену ему идет новый мировой порядок, более надежный и более справедливый. Речь шла не только о военной угрозе. О доверии, на котором Россия предлагала строить новые отношения с Европой, свидетельствовала закупка Мистралей. На такой же основе Россия предлагала создать сообщество с США и ЕС тройственный союз для борьбы с угрозой с Юга. Однако для подлинного климата доверия пока создать не удалось.

В том, что касается отношения к России, Европейское политическое пространство не может считаться единым. На протяжении сотен лет оно остается расколотым между теми, для кого наша страна является европейским соседом и на тех, для кого она остается варварской страной, мало изменившейся даже после распада Советского Союза. Для одних она меняется в сторону своей европеизации путем проводимых реформ, для других эти реформы не затрагивают неевропейской сути России.

Одни критикуют РФ за неэффективное руководство, которое, по их мнению, свертывает демократию, ограничивает свободу средств массовой демократии, делает послушным парламент, проводит нечестные выборы и т.д. Один из упреков заключается в том, что современное российское руководство призвало во власть работников спецслужб, которые стали определять политику страны. Критикуются нарушения прав человека, рост национализма как результат эволюции России, коррупция, национализм, ксенофобия. Критикуется экономическая политика, избегающая диверсификации промышленности и делающая упор на поддержку природных монополистов, получающих прибыли от добычи нефти и газа.

Подтекстом таких обвинений становится утверждение, что РФ якобы не является европейской страной. Однако более важным является то обстоятельство, что в европейских странах велико число тех, кто не видит динамики в развитии России и того прогресса в общественно-политическом развитии, который произошел, начиная с 1990-х гг. Специфической чертой взаимоотношений между РФ и ЕС остается фактор «стабильного состояния искаженного образа другого». «Редко, когда реальное непонимание России было таким большим как сегодня, и тяжелым в плане разрушительных последствий для Европы», — писала в феврале 2010 г. французская исследовательница Франсуаза Том¹⁰.

¹⁰ Russie Europe: les risques du «redémarrage» Par Françoise Thom. www.diploweb.com

Отношение к России является тем вопросом, который более всего разделяет членов ЕС между собой¹¹. Все участники Союза имеют различные интересы и отличное от других видение того, какими должны быть отношения между обоими субъектами международного права. Схематически можно разделить государства ЕС на два блока. В один входят государства, более или менее неприязненно относящиеся к России и блок стран, если и не дружественных в полной мере, то, по меньшей мере, видящих Россию в реалистическом ключе. «Дуга неприязни» распространяется от Соединенного королевства до новых государств-членов, проходя через Швецию. Члены этой группы стран выдвигают три блока вопросов к РФ: 1. — она отвергает европейские ценности и не извлекла уроков из своего советского прошлого; 2. — она хочет восстановить сферу своего привилегированного влияния эпохи СССР; 3. — она нарушает правила и пользуется своими энергоресурсами, как средством политического давления.

Польша и Литва стали государствами, которые откровеннее всего выражали свое негативное отношение к России. В конце 2006 г. — первом полугодии 2008 г. прошли переговоры по новому Соглашению о партнерстве Россия — ЕС, и в 2010 г. отношения между Россией и Польшей нормализовались. Чехия, Эстония, Латвия и Швеция тоже входили в первый круг недоброжелателей РФ по разным причинам (ПРО, наследие Второй мировой войны, торговые разногласия, железнодорожные перевозки, отношение к русскоговорящим меньшинствам и др.). Швеция делала упор на права человека, исходя из давнего соперничества с Россией. Не нуждаясь в российских поставках энергоресурсов, Швеция упрекала РФ в загрязнении Балтийского моря, ограничении свободы передвижения, недостатке юридической безопасности для инвестиций и т.д. В целом эти страны поддерживали концепцию Дж. Буша по недопущению возрождения российской мощи. Они представляли и группу «друзей» Грузии и в 2009 г. стали инициаторами укрепления отношений с «восточными соседями» — Украиной, Молдавией, Белоруссией, Арменией, Азербайджаном и Грузией. Однако другие новые члены ЕС — Венгрия, Словакия, Болгария, в меньшей степени Румыния демонстрировали больший прагматизм и менее жесткие позиции в газовом конфликте между Россией и Украиной в январе 2009 г.

Традиционную позицию по отношению к европейскому строительству и месту России в Европе занимает Великобритания. Она всегда благоприятно относилась к продвижению «евро-атлантического» фактора на Восток с целью сдерживания российского влияния. «Наступление на Москву» усилилось в 2006 г. в связи с «делом Литвиненко». Сложность позиции для Лондона заключалась с самого начала в том, чтобы суметь соотнести это наступление с сохранением интересов Великобритании в России. Более реалистичная политика президента США Б. Обамы по отношению к России и влиятельные позиции РФ в Совете Безопасности ООН сделали положение Великобритании более сложным, усиливая аргументы сторонников прагматизма по отношению к России. Хотя ценностные ориентации британской политики в этом вопросе остаются неизменными, Великобритания периодически вынуждена занимать более гибкие позиции, как например, в связи со строительством газопровода НАБУККО.

Существует в Европейском Союзе и группа государств, которые в некотором смысле могут быть причислены к так называемому «пророссийскому» блоку¹². В него

¹¹ L'UE face à la Russie: combien de divisions? Par Maxime Lefebvre, le 6 septembre 2010 La revue geopolitique diplomweb.com Diplomate et professeur en questions internationales à l'Institut d'études politiques de Paris. *Maxime LEFEBVRE*. Op. cit.

¹² Ibidem.

входят страны, у которых с Россией нет сложных двусторонних проблем, и которые предпочитают взаимодействовать с ней, исходя из принципа взаимовыгодной политики сотрудничества. В частности, это касается франко-германского блока, даже с учетом того, что отношение Франции и Германии к России не всегда совпадают. Так, Германия больше чем Франция была заинтересована в строительстве газопровода «Северный поток», начатом в 2005 г. В целом позиция Германии исходит из того, чтобы сделать Европейский восток зоной своей экономической экспансии. Другим странам бывшего СССР в этой германской политике отводится тоже важная роль. Что касается Франции, то она в контактах с Россией традиционно ориентируется не столько на экономические, сколько на политические отношения. В 2003 г. возникла даже трехсторонняя «ось» Париж–Берлин–Москва, чтобы противостоять американской войне в Ираке. Направления сотрудничества между ЕС и Россией (экономика, внутренняя безопасность, внешняя безопасность, образование и культура), которые были инициированы Францией и Германией в 2003 г., конкретизировались в четыре дорожные карты 2005 г. Новые главы этих государств — президент Франции Н. Саркози и канцлер Германии А. Меркель — не подвергли сомнению эти направления, хотя и не афишировали их так, как это делали их предшественники — Ж. Ширак и Г. Шредер (особенно во время своих встреч с В.В. Путиным). Н. Саркози продемонстрировал свою привязанность к «атлантической семье» путем возвращения Франции в военное командование НАТО. Это не помешало ему вскоре установить хорошие отношения с Россией. Совместно с Германией Саркози проявил осторожность в отношении расширения НАТО, предложенного Дж. Бушем, за счет Грузии и Украины, проявил себя в роли посредника в войне РФ с Грузией в 2008 г., предложил создать пространство экономической безопасности между РФ и ЕС. Как обычно, во Франции подобная политика по отношению к России оспаривается интеллектуалами, журналистами, частью политических сил, дипломатами, предлагающими занимать твердые позиции, в частности, по вопросу о правах человека.

Другие страны «старой» Европы (в отличие от «новых») тоже настроены на поиск добрососедских, выгодных экономических и политических отношений с Россией, хотя многие из них и являются членами НАТО, а поэтому обязаны ориентироваться на позицию США. Речь идет об Испании, Италии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Австрии, Греции, Кипре и Финляндии. Конечно, можно отметить их заинтересованность в энергоресурсах (газопровод, связывающий Грецию и Италию с Россией, участие Голландии в строительстве Северного потока). Но существуют также и глубокие историко-культурные связи России с Грецией и Кипром, имеющие религиозные основы. При этом есть место и расчетам на поддержку РФ во взаимоотношениях Греции и Кипра с Турцией. Финляндия показывает пример страны, которая иногда страдает от спорных экономических проблем с Россией (грузовики на границах, права на экспорт русского леса), но которая в полной мере пользуется привилегией давнего и близкого партнера РФ. Греция и Финляндия стали двумя странами, которые продвинули дальше других формы регионального сотрудничества с нашей страной. В целом, мнение различных политических сил в рамках ЕС больше склоняется к развитию стратегии взаимозависимости, которая открывает широкие перспективы сближения и сотрудничества, помогая новым членам ЕС, входившим в состав бывшего СССР, модернизировать и консолидировать свою независимость. Эта стратегия взяла верх в рамках принятой в Ростове-на-Дону концепции ЕС — Россия «Партнерство для модернизации». Не следует забывать о том, что США имеют

огромное влияние на своих европейских партнеров. При администрации Дж. Буша верх брала логика конфронтации, увеличивавшая напряженность. При администрации Б. Обамы, придерживающейся логики примирения, появилась возможность радикальных изменений политического климата во взаимоотношениях России и ЕС

В современных условиях РФ и ЕС разделило разное видение нескольких значимых международных проблем: Сирия, Иран, торговля и сотрудничество в области энергетики, вопросы виз для российских граждан. Все это проявилось и на 29 встрече Россия-ЕС — 7 мая 2012 г.¹³

Данная статья представляет собой лишь начало пути серьезного исследования истории взаимоотношений РФ и ЕС и никоим образом не претендует на какие-либо окончательные выводы. Очевидно одно — за относительно короткое время Европа и Россия добились в своих отношениях на самых различных уровнях феноменальных успехов по сравнению с тем, что было в недалеком прошлом.

---

¹³ Ibidem.

Сведения об авторах

- Анисимов Евгений Викторович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета.
- Бибиков Григорий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Бойков Владимир Эрихович — доктор философских наук, профессор, директор Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС.
- Бугай Николай Фёдорович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» ИРИ РАН.
- Будницкий Олег Витальевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН, профессор кафедры политической истории Высшей Школы Экономики.
- Булдаков Владимир Прохорович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии ИРИ РАН.
- Быстрова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России ИРИ РАН.
- Веденеев Дмитрий Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Украинского института национальной памяти, Украина.
- Великанова Ольга — профессор Университета Южного Техаса, США.
- Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, СССР в истории XX в.» ИРИ РАН.
- Гагагова Людмила Султановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.
- Голубев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.
- Горский Антон Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.
- Гросул Владислав Якимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Дидигова Изольда Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ингушского государственного университета.
- Жиромская Валентина Борисовна — доктор исторических наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник, руководитель группы Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН.

- Иванов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств.
- Кондратьева Тамара Сергеевна — профессор Университета г. Валансьенн, Франция.
- Корелин Авенир Павлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Королёва Надежда Георгиевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Костырченко Геннадий Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, СССР в истории XX в.» ИРИ РАН.
- Куманёв Георгий Александрович — академик РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН.
- Кучкин Владимир Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник руководитель Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.
- Лисейцев Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
- Лукин Павел Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.
- Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, доцент РАНХиГС.
- Минаков Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета.
- Невежин Владимир Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.
- Никитин Николай Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
- Новохатко Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
- Орлов Игорь Борисович — доктор исторических наук, профессор Высшей Школы Экономики.
- Писарькова Любовь Фёдоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Пихоя Рудольф Германович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением «Исторический факультет» РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН.
- Пушкарёва Ирина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Рогожин Николай Михайлович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
- Ружицкая Ирина Владимировна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Синицына Нина Васильевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории религии и церкви ИРИ РАН.

- Смирнова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН.
- Соболева Надежда Александровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.
- Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.
- Солдатенко Валерий Фёдорович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, директор Украинского института национальной памяти, Украина
- Сорокин Андрей Константинович — кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива социально-политической истории.
- Стефанович Петр Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.
- Третьяков Виталий Товиевич — профессор, декан Высшей школы телевидения МГУ.
- Тюменцев Игорь Олегович — доктор исторических наук, директор Волгоградского филиала РАНХиГС.
- Тютюкин Станислав Васильевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Христофоров Василий Степанович — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра публикации источников по истории России XX в. ИРИ РАН.
- Шаццло Михаил Корнельевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Швейковская Елена Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Археографической комиссии РАН.
- Шелобаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, руководитель Центра «История России в XIX — начале XX в.» ИРИ РАН.
- Шилов Вячеслав Серафимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС.

Научное издание

Российская государственность: опыт 1150-летней истории

Материалы Международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.)

Утверждено к печати

Ученым советом Института российской истории Российской академии наук

Выпускающий редактор: М.И. Бълхова

Оригинал-макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати

Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37. Уч.-изд. л. 50,1.

Тираж 500 экз. (первый завод 300 экз.)

Издательский центр Института российской истории РАН

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А

www.pareto-print.ru

Заказ № 0000/00

